

Администрация Президента Республики Башкортостан
Правительство Республики Башкортостан
Министерство образования Республики Башкортостан
ГБОУ ВПО «Башкирская академия государственной службы и управления
при Президенте Республики Башкортостан»
ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет»
ФГБУН Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева
Уфимского научного центра Российской академии наук
Евразийский центр «VIA EVRASIA» Республика Болгария

РОССИЯ И СТРАНЫ ВОСТОКА: ВЕКТОРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И СОТРУДНИЧЕСТВА

Материалы Международной научно-практической конференции,
посвященной 125-летию со дня рождения советского дипломата
и общественно-политического деятеля, уроженца Республики Башкортостан
КАРИМА АБДРАУФОВИЧА ХАКИМОВА

Уфа, 4 декабря 2014 г.



Уфа-2014

Administration of the President of the Republic of Bashkortostan
Government of the Republic of Bashkortostan
Ministry of Education of the Republic of Bashkortostan
Bashkir Academy of Public Administration and Management under the President of the Republic of Bashkortostan
Bashkir State University
R.G. Kuzeev Institute of Ethnological Studies USC RAS
Eurasian Center «VIA EVRASIA» Republic of Bulgaria

RUSSIA AND THE COUNTRIES OF THE EAST: VECTORS OF INTERACTION AND COOPERATION

The materials of the International Research and Practical Conference
dedicated to the 125th anniversary of the Soviet diplomat
and political figure, a native of the Republic of Bashkortostan
KARIM ABDRAUFOVICH KHAKIMOV

Ufa, December 4, 2014



Ufa-2014

УДК 327(1–87)
ББК 66.4
Р 76

*Печатается по решению Научного совета Башкирской академии государственной
службы и управления при Президенте Республики Башкортостан.
Протокол № 4 от 16 декабря 2014 г.*

Р 76 Россия и страны Востока: векторы взаимодействия и сотрудничества: Материалы
Международной научно-практической конференции / составители: Ю.Н. Дорожкин, И.В. Фролова,
Л.И. Газизова, А.Б. Юнусова; под общей редакцией С.Н. Лаврентьева. – Уфа: Гилем, Башк.
энцикл., 2014. – 448 с.

ISBN 978-5-88185-222-1

В сборник включены доклады участников Пленарного заседания, а также сообщения на круглых столах: «Восток в общественной мысли и культуре: история и современность», «Отечественная дипломатия на службе государственной политики взаимодействия и сотрудничества со странами Востока», «Экономическое сотрудничество России и стран Востока», «Роль исламского фактора в исторических процессах и в современном мире».

Для научных сотрудников, преподавателей, студентов, а также специалистов, интересующихся проблемами современных взаимоотношений России и стран Востока.

The information package contains materials submitted by the participants of the International research and practice conference dedicated to 125 anniversary of the birth of the Soviet diplomat and socio-political activist, native of the Republic of Bashkortostan Karim Abraufovich Khakimov (Ufa, 4th of December 2014). The materials include reports of the participants of the Plenary session as well as round table reports: «The East in public thought and culture: history and contemporaneity», «National diplomacy in the service of state policy of partnership and cooperation with the countries of the East», «Economic cooperation of Russia and the countries of the East», «The role of the Islamic factor in historical processes and present-day world».

For researchers, professors and students as well as specialists interested in the problems of present-day relations between Russia and the countries of the East.

УДК 327(1–87)
ББК 66.4

© Коллектив авторов, 2014
© БАГСУ, 2014
© Издательство «Гилем» НИК
«Башкирская энциклопедия», 2014

ISBN 978-5-88185-222-1

**ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО
ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
РУСТЭМА ЗАКИЕВИЧА ХАМИТОВА**

Дорогие друзья!

Сердечно приветствую участников и гостей Международной научно-практической конференции «Россия и страны Востока: векторы взаимодействия и сотрудничества», посвященной 125-летию со дня рождения дипломата и общественно-политического деятеля, уроженца Башкортостана Карима Абдрауфовича Хакимова.

Глубокие многовековые традиции сотрудничества России с исламским миром были во многом укреплены в 20–30-е годы XX века Каримом Хакимовым. Выдающиеся дипломатические успехи «красного паши» до сих пор являются прекрасным примером налаживания добрых отношений со странами арабской цивилизации.

Творческое осмысление в наши дни наследия Карима Хакимова – не только дань его памяти, но и продолжение линии на укрепление взаимодействия с современным исламским миром. В Башкортостане большое внимание уделяется возрождению научной школы востоковедения. Сложившийся в республике диалог языков и культур помогает нашим исследователям глубже изучать процессы развития восточной цивилизации, намечать пути дальнейшего укрепления межгосударственного соглашения и взаимопонимания.

Желаю участникам конференции здоровья и благополучия, плодотворных дискуссий. Пусть ваши творческие усилия позволят сделать еще один важный шаг на пути сближения России, её регионов со странами и народами арабского мира.



Р. Хамитов

**ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО
ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО И ПОЛНОМОЧНОГО ПОСЛА РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ В КОРОЛЕВСТВЕ САУДОВСКАЯ АРАВИЯ, ПОЛНОМОЧНОГО
ПРЕДСТАВИТЕЛЯ РОССИИ ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ ИСЛАМСКОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА ОЛЕГА БОРИСОВИЧА ОЗЕРОВА**

Для меня большая честь от имени своих коллег-дипломатов, от себя лично приветствовать участников традиционных Хакимовских чтений, проходящих в г. Уфе. Чтения посвящены личности незаурядного человека и талантливого дипломата Карима Хакимова, уроженца Башкортостана, первым установившего контакты СССР со странами арабского мира, в частности с Саудовской Аравией.

Значение роли Карима Хакимова в развитии отношений между Россией и арабо-персидским миром трудно переоценить. В течение уже четырех лет я являюсь Чрезвычайным и Полномочным Послом Российской Федерации в Королевстве Саудовская Аравия и Постоянным представителем России при Организации Исламского сотрудничества в Джидде – городе, в котором в далекие 30-е годы размещалась Советская дипмиссия. Политическое руководство и общественные деятели Саудовской Аравии знают и хорошо помнят, что Советский Союз был первым государством, которое признало Саудовскую Аравию в качестве независимого государства. И это удалось сделать благодаря выдающимся качествам К. Хакимова как дипломата.

В тех сложных условиях К. Хакимов за короткий срок деятельности советской дипломатической миссии смог добиться установления доверительных отношений с руководством только что утвердившейся монархии – Саудовской Аравии. Важнейшей предпосылкой этого было его умение расположить к себе аравийского Короля-основателя Абдельазиза. Таким образом, динамичное развитие связей столь различных по своему характеру стран было обеспечено во многом именно благодаря его таланту и упорному труду. Можно говорить о том, что он внес значительный вклад в установление добрых отношений между СССР и арабо-мусульманским миром в целом.

Желаю участникам чтений плодотворной работы и новых успехов в освещении многогранной деятельности Карима Хакимова, которого без сомнения можно отнести к когорте выдающихся дипломатов нашей страны.

С уважением



О. Озеров

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ПРЕЗИДЕНТА МЕЖДУНАРОДНОЙ ТЮРКСКОЙ АКАДЕМИИ ДАРХАНА КУАНДЫКОВИЧА КЫДЫРАЛИ

Кәзерле хезмәттәштәр!
Уважаемые коллеги!

От имени Международной Тюркской академии разрешите поприветствовать вас и выразить благодарность организаторам конференции! Мы рассматриваем свое участие в этом научном мероприятии как еще один важный шаг на пути интеграции и сближения научного сообщества евразийского пространства.

В настоящее время наша организация представляет четыре государства-участника Совета сотрудничества тюркоязычных государств (ССТГ) – Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан и Турцию.

Миссия Международной Тюркской академии – разностороннее изучение тюркского мира – широкого культурно-духовного пространства, которое, в свою очередь, является неотъемлемой частью большой и многоликой Евразии.

Одним из главных приоритетов нашей работы является возрождение и полноценное развитие тюркологии на постсоветском пространстве. Поэтому с особой радостью мы ступили на землю Башкортостана и его древней столицы – города Уфа, матур Өфө калаһы. Уфа – это один из крупнейших международных, экономических, культурных и научных центров России. В 2015 году здесь пройдут саммиты ШОС и БРИКС. Общеизвестно, что Башкортостан является одним из основных центров тюркологии, с которым связаны имена таких авторитетных ученых, как А.-З. Валиди Тоган, Абдулкадыр Инан (Фатхелкадыр Сулейманов), Э.Р. Тенишев, наша современница Ф.Г. Хисамитдинова и многие другие.

Тюркская академия имеет налаженные научные связи с Уфимским научным центром РАН, который издал коллективную монографию «История башкирского народа» в семи томах. Казахский и башкирский народы связаны общей историей и культурой. Некоторые представители казахской интеллигенции получили образование в медресе Галия в Уфе. Известно, что в начале XX века между партией «Алаш» и представителями башкирской интеллигенции были тесные связи. В 2015 году весь тюркский мир отмечает 1000-летие Юсуфа Баласагуни и 125-летие великого ученого и политического деятеля А.-З. Валиди Тогана, в честь данных юбилеев наша академия планирует провести отдельные научные мероприятия.

В то же время научные интересы Академии не ограничиваются рамками классической тюркологии. Мы смотрим не только в прошлое, но и в будущее. Так, чрезвычайно актуальным для нас сегодня является комплексное исследование социальных и экономических процессов, протекающих в тюркоязычных странах и регионах.

Идея президента Казахстана Н.А. Назарбаева о создании Евразийского экономического союза служит сближению и интеграции Казахстана и тюркоязычных республик РФ. С другой стороны, Казахстан объективно является мостом между всем тюркоязычным пространством и Россией. Мы считаем, что началом сближения стран и народов должна стать, прежде всего, **научная интеграция** – обмен знаниями, опытом исследовательской работы, соревнования и одновременно взаимопомощь в поисках научной истины, в постоянном и непрерывном процессе познания мира.

Под руководством Международной Тюркской академии выполняется около 40 научно-исследовательских проектов – касающихся таких вопросов, как формирование национальной идентичности, устойчивое развитие наших социумов и др. В этих проектах участвуют специалисты из Башкортостана, Татарстана, Тувы, Хакасии, Алтая, Якутии, а также ученые из Москвы и Новосибирска.

В настоящее время после утверждения учредительных документов нашей организации на международном уровне началось формирование президиума Международной Тюркской академии, состава академиков и членов-корреспондентов.

Мы рады будем видеть ведущих ученых Башкортостана в рядах нашего президиума, так же как и среди участников научных проектов Международной Тюркской академии. Наши международные

научные журналы «Altaistics & Turkology» и «GLOBAL-Turk» ждут статьи башкирских коллег для публикации.

В будущем мы намерены сохранять, укреплять и расширять наши научные связи. Помимо этого, Международная Тюркская академия активно сотрудничает с такими международными структурами, как ЮНЕСКО и ИСЕСКО. Это дает нам, в частности, возможность оказывать поддержку инициативам Башкортостана на уровне этих организаций.

Д. Кыдырали

Р.Г. Искужин

**ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ
И САУДОВСКОЙ АРАВИИ**

R.G. Iskuzhin

**HISTORY AND PROSPECTS OF COOPERATION BETWEEN RUSSIA
AND SAUDI ARABIA**

Аннотация: В статье представлен краткий очерк истории развития международных отношений СССР/России со странами Ближнего Востока сквозь призму собственного авторского опыта.

Ключевые слова: Башкортостан, Афганистан, СССР, Россия, Иран, Ирак, дипломатия, нефть, КГБ, Саудовская Аравия, Ближний Восток, востоковедение, США, Институт востоковедения РАН, Башкирский государственный университет.

Abstract: The article provides a brief outline of the history of international relations between USSR / Russia and the countries of the Middle East through the prism of author's own experience.

Keywords: Bashkortostan, Afghanistan, Soviet Union, Russia, Iran, Iraq, diplomacy, oil, Saudi Arabia, Middle East, Oriental Studies, The USA, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Bashkir State University.

Хакимовские чтения – это взгляд на нашу восточную политику, попытка освободиться от консервативного мышления и предаться философствованию, что весьма не просто в сложные времена, которые мы переживаем.

Можно повторять устоявшиеся суждения, а можно взглянуть на вещи через призму личного восприятия событий, которые уже стали историей.

После завершения в 1976 г. Высшей школы КГБ я работал в Башкирии, курировал этнополитические процессы, обслуживал ряд объектов, в том числе ИИЯЛ БФАН СССР, где в тот период под руководством директора Х.С. Сайранова трудились признанные эксперты. Со многими из них у меня сложились дружеские отношения в формате «учитель – ученик», где я, конечно же, выступал в роли ученика. Это было для меня своего рода ликбезом, восполнением пробелов в образовании, факультативом. До сих пор с благодарностью вспоминаю многократные, длительные беседы с языковедом З.Г. Ураксиным, археологами Б.Б. Агеевым и Н.А. Мажитовым, тюркологом И.Г. Галяутдиновым, этнополитологом Д.Д. Валеевым, хранителями запасников арабской письменности из мечетей. От них я впервые узнал о своей родословной (шэжэрэ) из 8 поколений, о наших общих с казахами ногайских корнях, идентичности с кыпчаками Киргизии, сопричастности к племенам гуннов, которые в IV в. до н.э. жили и соседствовали на разных берегах великой желтой реки Янцзы с китайцами, о культурологических сходствах с народами Кореи, о великом переселении наших народов из Азии на Урал и в Сибирь, далее через Берингов пролив и Северную и Латинскую Америки, в частности, в Перу (в столице цивилизации инков Мачу Пикчу я встречал фольклорные ансамбли жителей горных районов, удивительно похожие на татаро-башкирские), о переселении в Венгрию некогда живших на наших территориях мадьяров, о сходствах башкир и курдов, о взаимозаимствованиях в эпосах башкир и народов Казахстана, Киргизии, Индии, Афганистана, Ирана. Первое знакомство с переведенным на русский язык Кораном у меня произошло с помощью эксперта ИИЯЛ Ишмухамета Галяутдинова (более того, я тайком сделал ксерокопию Корана, и он стал для меня через год настольной книгой).

Но увы, в 1978–1979 гг. неожиданно произошли две революции: исламская в Иране и саурская (апрельская) в Афганистане. Меня досрочно отправили на учебу в Институт внешней разведки, где готовились две группы – с персидским языком и языком дари. Но вскоре персидскую группу, в которую я входил, из-за крылатых слов Тегерана о том, что шайтан №1 – США, а шайтан №2 – СССР, перевели в афганскую, и по окончании учебы я выехал на работу в Афганистан на участок, где использовался исламский фактор в интересах национальной безопасности, и, в первую очередь, для снятия международной изоляции, которую США навязали мировому сообществу. США искусно прятались за Саудовской Аравией, которая, с одной стороны, объявляла себя защитницей ислама во всем мире, в том числе и в Афганистане, а с другой, как основной добытчик нефти, по указке США об-

рушивала цены на нефть вплоть до 6 долларов за баррель. А в тот период, благодаря работе с позицией ислама, нам к 1983 г. удалось снять международную блокаду, и первые мусульманские духовники, посетившие ДРА, были из Туниса и Йемена. Позже начался парад гостей из разных стран. В 1984 г. процесс международной разрядки вокруг ДРА был закреплён Женевским соглашением по Афганистану, в котором Пакистан и Саудия были вынуждены признать, что они не ведут необъявленную войну против ДРА.

В этот период нами, наряду с исламом, активно задействовался родо-племенной фактор, и это позволило сформировать и начать реализацию политики национального примирения, что приближало начало подготовки по выводу ОКСВ из страны, намечались первые потепления в отношениях с Саудией. Шиитские бандформирования, ориентированные на Иран, отличались особой жестокостью. В условиях начала вооруженного конфликта между Ираком и Ираном наша страна держала нейтралитет и была довольна отвлечением Ирана от ДРА. Ирак, завершив победный поход на Тегеран, при отводе своих войск через устье реки Шат-аль Араб в район Басры потерпел сокрушительное поражение от Ирана. Желая продемонстрировать мировому сообществу, что это было случайностью, Ирак начинает вторжение в Кувейт, где также потерпел поражение и вынужден был не только отступить, но и признать международные санкции ООН. Саудиты внимательно наблюдали за позицией СССР в конфликтах, в которых участвовали Иран и Ирак, им были приемлемы наши подходы начиная с вывода ОКСВ из ДРА, наши симпатии к Ираку в войне с Ираном, осуждение Ирака за вторжение в Кувейт. В связи с этим Саудиты с 1988 г. вели работу по восстановлению дипотношений с нашей страной. Важным аргументом при этом Саудиты считали распад СССР и то, что это произошло при их активном военно-политическом и нефте-экономическом давлении. Саудиты стали осознавать свою особую роль привилегированного партнера США. Саудиты замахивались на геополитическое влияние, например, на продвижение идей салафизма и вахабизма в республиках Центральной Азии и России, поддержку и подготовку вооруженных сепаратистов в бандформированиях на Кавказе.

Говоря об исламском мире, мы обязаны иметь в виду вечную борьбу за власть двух исламских течений: суннизм и шиизм. На примере Афганистана это противостояние было более чем убедительным. Развал СССР, международное осуждение суннитской власти в Ираке, соглашательская проамериканская и произраильская позиция Саудитов по БВУ позволили Ирану найти союзников в мусульманском (в том числе суннитском) мире и поднять авторитет настолько, что ему удалось договориться с Россией о строительстве ядерных энергоблоков в Бушехре. Военное вторжение США в Ирак и Афганистан в 2001-2002 гг. сделали Иран незаменимой составляющей соседних театров военных действий, а в Ираке даже захватить власть. Несмотря на санкции, Иран сумел консолидировать всех своих сторонников в мире: шиитские группировки в более чем 100 странах, в том числе и в суннитских странах (Йемен, Бахрейн, Саудия, ОАЭ, Египет, Ливия, Тунис, Алжир), потребителей иранской нефти (включая Китай, Индию, Японию), страдающих от гнета США стран Латинской Америки, Азии, Африки, Европы, союзников по ОПЭК, недовольных саудовской и израильской политикой стран Ближнего Востока (Палестина, Ливан, Сирия). В период с 1996-2003 гг. я работал в таких странах, как Сирия, Иордания, ОАЭ, Ирак, Иран, Афганистан и был свидетелем этих процессов.

С 2004-2014 гг., будучи сенатором от Республики Башкортостан, активно работал на международной парламентской площадке. Был руководителем делегации Совета Федерации в АПА (центр в Тегеране объединяет более 40 стран с населением более 2/3 мира, с 60% мировых запасов углеводородов особое место в АПА занимают Иран и Саудия). Иран умело апеллировал к азиатскому сообществу и требовал осуждения Израиля и США за политику в регионе, Саудиты были вынуждены молча поддакивать до тех пор, пока Иран не продавил решение о Председательстве в АПА в 2010-2011 гг. Сирии. Заседание 2010 г. в Сирии прошло нормально, готовилось Пленарное заседание АПА в Дамаске в декабре 2011г., где планировалось принятие политического обращения и передача Председательства в АПА Российской Федерации на последующие 2 года (2012-2013 гг.).

В год подготовки к конференции в Дамаске на Севере Африки начались революции, которые в последующем называли «арабской весной».

Экспертное сообщество РФ, в том числе и Уфы, осознавало важность арабских событий и недостаток восточных кадров, и в связи с этим руководство ИИЯЛ обратилось с просьбой инициировать восстановление в Уфе системы подготовки восточных кадров путем открытия восточного факультета в БашГУ и Центра в АН РБ. Для придания веса этому обращению я с подготовленным проектом

письма в адрес Президента Республики Башкортостан обратился к директору Института Востоковедения РАН Наумкину Виталию Васильевичу. Он согласился с текстом и на бланке Института РАН отправил за своей подписью письмо за несколько дней до проведения в Уфе международной конференции в память о Кариме Хакимове в марте 2011 г. Так было принято решение об открытии в БашГУ восточного факультета.

Планировал быть на той конференции, но не попал, т.к. в марте 2011г. в составе официальной делегации Совета Федерации выехал в Эр-Рияд, где наряду с другими имел встречу с внуком короля Фейсала-Турки аль Фейсалом, на тот момент руководителем Центра исламских исследований, ранее шефом королевской внешней разведки, послом Саудии в США. В беседе на фоне других российских сенаторов хотел возвеличиться и начал с того, что я представляю Башкортостан – родину первого посла нашей страны.... Но собеседник не дал договорить и волевым голосом сказал: «О нем буду говорить я, как член королевской семьи, которая с момента появления Королевства не имела гостя почетнее, чем Хакимов, который, благодаря знанию языков, этикета, образованности, эрудированности, добротой, умением играть на скрипке, рисовать, любви к детям буквально влюбил в себя всю королевскую семью от старых до малых. Мы считали его членом королевской семьи. Мы в его лице любили страну, которую он представлял, и доверяли ей. В условиях борьбы за Королевство англичан, американцев и германцев предпочтения отдавались Советской России. Но в 1936 г. произошло чудовищное преступление. Неожиданно Хакимов был вызван в Москву на консультации и, как нам стало известно, позднее расстрелян как изменник родине за его якобы излишне теплые отношения к королевской семье. Мы посчитали это как убийство члена королевской семьи, оскорблением королевской семьи, поэтому, так же как и вы, не удосуживши даже сообщить о расстреле Хакимова, мы, не объясняя причин, в одностороннем порядке разорвали дипломатические отношения, и восстановлены они были только в 1990 гг.»

Закончив этот монолог, Турки аль Фейсал в нарушение этикета и протокола неожиданно начал призывать нас, как представителей РФ, прекратить любую помощь Ирану и его союзникам, например, Сирии, и сообщил, что Королевство будет предпринимать все меры по блокированию Ирана по опыту нефтяных санкций против СССР в 1980-х гг.; но теперь это уже не будет инициативой США, а станет инициативой Королевства (позднее, когда эти слова комментировали западные СМИ, возник вопрос о том, что подобные санкции затронут интересы и других нефтедобывающих стран, включая Россию, Турки аль Фейсал добавлял, что он не будет сожалеть об этом). На попытку перевести разговор в конструктивное русло, что мы, как члены АПА, могли бы обсудить эти вопросы на Пленарном заседании АПА в Дамаске в декабре 2011 г. Турки аль Фейсал был лаконичен, что такого диалога не будет. Действительно началась интенсификация конфликта в регионе и Пленарное заседание АПА в Сирии было сорвано, Председательство в АПА Российской Федерации не передано, да и мы особо и не старались, заявив о том, что не брали обязательств по Председательству, о чем письменно за подписью спикера ГД РФ уведомили Генерального секретаря АПА в начале 2012 г. В условиях невозможности проведения Пленарного заседания в Дамаске и отказа России от Председательства в течение 2011 и 2012 гг. заседания АПА не проводились, и только после согласия Пакистана председательствовать в АПА оно прошло в Исламабаде в 2013 г. и повторно состоится в декабре 2014 г. в пакистанском Лахоре, где произойдет передача Председательства другой стране. Из-за нашей непоследовательности мы упустили драгоценных два года и возможности реализовать в рамках АПА уже одобренные азиатским большинством важные геополитические проекты: по созданию альтернативного Европарламенту Азиатского парламента, разработке и внедрению азиатских финансово-банковских институтов, созданию азиатского виртуального парламента и его молодежного крыла, разработке азиатской системы энергобезопасности и жизненно важных инфраструктурных проектов, укреплению коллективной безопасности в Азии. К сожалению, подобная пассивность имела место с 1990-х годов, когда основной вектор нашего развития стал западным (наш бомонд прельщал Запад своим комфортом и роскошью), Азию вспоминали по остаточному принципу. Так, годовой бюджет российского парламента на международную деятельность складывался из более 90% расходов на Северную Америку и Европу и только 3% на Азию. Долгое время российско-арабским Деловым Советом руководил владелец «АФК Система» Евтушенков.

2014 год, объявленный в России Годом культуры, неожиданно и вынужденно стал годом восточной политики – и это вселяет надежду. Мы должны стать экономически мощнее, гарантировать воен-

но-политическую поддержку и оставаться при этом справедливыми – только такого партнера ждут на Востоке (в Африке, Азии, странах АТР).

Наши чтения – это возможность хоть как-то вспомнить наряду с Хакимовым и других представителей Республики Башкортостан, которые внесли и вносят неоспоримый вклад в восточную политику нашей страны:

– Генерал Шаймуратов – командир 112 башкирской кавалерийской дивизии – в трудные довоенные годы, как и Хакимов, работал в загранучреждениях Китая и Турции.

– Хорошо себя зарекомендовал в загранучреждениях Турции и Пакистана Ришат Халиков – ныне сотрудник Представительства РБ в Москве.

– Более 30 лет в наших Представительствах в Афганистане работает Аминев Ринат Тимирович.

– С 2010 г. в загранучреждениях, где в свое время начинал Хакимов, работает доктор политологических наук, профессор, вице-премьер РБ Илишев Ильдус Губайдуллович, начав с атташе по культуре в Эр-Рияде, переведен советником в Генеральное консульство в Джидде, одновременно фактически выполняет в ОИС функции Специального Представителя РФ, которые с 2013 г. возложены на посла РФ Озерова. 28 ноября с.г. эксперты СВР по Саудии охарактеризовали его как грамотного дипломата и этнополитика с великолепным знанием английского.

Надо особо отметить колоссальный труд в интересах страны Посла РФ в Сирии Кульмухаметова А.Р.

Мы, пользуясь чтениями, отдаем должное и тем, кто находится в тылу и работает на восточную политику. Хочу особо отметить руководителей Евразийского центра «Самрау», которые в 2014 году провели ряд важных мероприятий с участием представителей стран членов и наблюдателей ШОС (об этом вы можете подробно узнать на сайте):

– Галяутдинов И.Г., доктор филологических наук, профессор, член-корр. АН РБ, гл. редактор журнала «Проблемы востоковедения», в 2005–2006 гг. – президент Общества востоковедов России.

– Директор ИИЯЛ УНЦ РАН Хисамитдинова Ф.Г. В октябре 2014 г. на съезде востоковедов избрана на предстоящие 2 года президентом Общества востоковедов России.

– Сафронов К., молодой ученый, востоковед.

Жизнь продолжается. Восточная политика в надежных руках.

С.Н. Лаврентьев

РОССИЙСКАЯ «НАРОДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ» И СТРАНЫ АРАБСКОГО ВОСТОКА

S.N. Lavrentyev

RUSSIAN «PEOPLE'S DIPLOMACY» AND THE EASTERN ARAB COUNTRIES

Аннотация: В статье рассматривается роль Карима Хакимова в восточных внешнеполитических процессах в 1920-е годы и историческое влияние его достижений на успехи российской дипломатии на современном этапе. Особое внимание уделено основным векторам складывания сегодняшней российской внешней политики.

Ключевые слова: Карим Хакимов, Саудовская Аравия, СССР, США, «холодная война», Башкортостан, Йемен, «народная дипломатия», арабские страны.

Abstract: The article is devoted to the role of Karim Khakimov in the eastern foreign policy process in the 1920s, and the historical impact of his achievements on the successes of Russian diplomacy at the present stage. Particular attention is paid to the main vectors of folding of the current Russian foreign policy.

Keywords: Karim Khakimov, Saudi Arabia, USSR, The United States, The Cold War, Bashkortostan, Yemen, «people's diplomacy», arab countries.

Институты высшей школы всегда выполняли функции ведущих образовательных и научных центров государства, а также важнейшего сегмента гражданского общества – вузовской общественности. Вместе с тем потенциал высших учебных заведений простирается гораздо шире.

1 ноября 2014 года в ходе X Съезда Российского союза ректоров, на заседании которого присутствовал Президент Российской Федерации В.В.Путин, прозвучала идея о том, что, развивая между-

народное сотрудничество, университеты могут стать той «мягкой силой», которая содействует укреплению имиджа России как страны, не требующей исключительного места в мире, но позицию которой уважают.

«Жесткая» сила, или «жесткое» могущество, – это способность к принуждению, обусловленная военной и экономической мощью страны. В отличие от «дипломатии канонеров» политика и дипломатия «мягкой силы» означают способность достигать стратегических целей на добровольной основе, используя симпатию, привлекательность, а не силовое принуждение. Мягкое могущество возникает, когда страна привлекает своей культурой, политическими идеалами и программами¹. Основателями теории мягкой силы в политике выступили Антонио Грамши и Джозеф Най. В качестве инструментов «мягкой силы» на международной арене они рассматривали культуру, язык, науку и, конечно же, религию.

Политологи и историки в своих исследованиях блестяще доказали роль политических технологий «мягкой силы» в победе Соединённых Штатов над Советским Союзом в «холодной войне». Необходимо признать, что политики, спецслужбы и аналитики СССР 80-х гг. XX века оказались плохо подготовленными к таким формам политической борьбы.

Вместе с тем в Советском Союзе на тот момент имелся «хорошо забытый» опыт эффективного применения технологий «мягкой силы» в международных отношениях. Одним из наиболее успешных практиков, применявших мягкую силу в сфере дипломатии, был наш соотечественник и земляк – Карим Хакимов.

Мне неоднократно приходилось вступать в кулуарные дискуссии с молодыми учёными, которые говорили о том, что успехи Карима Хакимова на Арабском востоке были весьма скромными, что в конечном итоге Саудовская Аравия и Объединённые Арабские Эмираты оказались в сфере влияния США, переигравших СССР в дипломатической борьбе.

Однако политика – это искусство возможного. У СССР после гражданской войны не было флота, чтобы осуществлять силовое присутствие на Арабском Востоке, как Великобритания, или финансовых ресурсов, чтобы проводить «дипломатию доллара», как Соединённые Штаты Америки.

Ограниченность в традиционных политических ресурсах вынудили правительство молодой советской республики избрать «нелинейную стратегию» (по терминологии Лидел Гарта) усиливать своё влияние в странах Арабского Востока при помощи института «народной дипломатии».

В современном мире дипломатия остаётся важнейшим инструментом осуществления внешней политики государства. На уровне социальных стереотипов дипломатия воспринимается исключительно как действия государства на международной арене.

Вместе с тем не только в обществе постмодерна, но и на более ранних этапах политической истории человечества важнейшую роль играли негосударственные или внегосударственные формы международных отношений. В политическом лексиконе такая форма международного общения получила маркировку народной или общественной дипломатии.

Под народной дипломатией мы понимаем гражданские акции, совершаемые инициативной группой людей по добровольному выполнению дипломатических функций. Эти общественные лидеры и неправительственные организации не наделены дипломатическими полномочиями. Это элемент самоуправления в гражданском обществе, который преследует цель помочь государству разрешить возникшие внешнеполитические проблемы мирным путём. Общественную дипломатию ни в коем случае нельзя низводить до уровня PR акций на международной арене. Как доказывает мировая история дипломатии, «послы гражданского общества» порой могут справиться с задачами, которые не под силу профессионалам.

В арсенале политического анализа и прогнозирования есть метод «синектики». Его суть заключается в осознанном привлечении непрофессионалов в качестве экспертов для решения политических проблем. Синектический подход полагает, что профессионалы ограничены рамками своего опыта и образования, их взгляд «зашорен», а потому они не могут предложить ничего принципиально нового и прорывного. Зато это могут обеспечить непрофессионалы. Политическая биография Карима Хакимова – лучшее тому подтверждение. Не будучи профессиональным дипломатом, как князь Горчаков, или разведчиком, как Лоуренс Аравийский, он сумел целым рядом нетривиальных решений переиграть опытных британских дипломатов. Будучи мусульманином, он получает эксклюзивное право

¹ См.: Най С. Джозеф. Будущее власти. М.: АСТ, 2014.

сопровождать короля Ибн Сауда в Мекку. Глубокие познания и любовь Каримова к арабскому языку и культуре позволили ему, опираясь на этот ресурс, превратить отца-основателя государства Саудитов в стратегического партнера СССР, добиться доступа советских товаров на местный рынок, организовать пароходное сообщение с Одессой.

Как представитель советской компании «Ближневосток-госторг», Хакимов вновь сумел переиграть европейцев на дипломатическом поле в период его работы в Йемене. Руководствуясь принципами расовой сегрегации, итальянские судовладельцы отказались размещать в каютах йеменских паломников свершавших хадж в Мекку, предложив им место на палубе. Возмущённый такой дискриминацией губернатор Ходейды, родственник короля Йемена, запретил йеменцам путешествовать на пароходах западных держав. Тогда Хакимов добился отправки советского парохода, где паломникам были предоставлены места в каютах, преподав всему миру урок толерантности и интернационализма.

В формате настоящей статьи не представляется возможным исследовать институт народной дипломатии во всех его аспектах, поэтому мы проанализируем лишь две блестяще проведённые геополитические игры, осуществлённые Советским Союзом на Арабском Востоке в первой половине XX века с использованием общественной дипломатии.

В 20-е годы XX века мировая геополитическая ситуация была обусловлена борьбой Великобритании за сохранение распадающейся мировой колониальной системы. В свою очередь Советский Союз с самого своего возникновения позиционировал себя оплотом мирового антиколониального национально-освободительного движения. И советская и британская стороны геополитической игры прекрасно понимали роль ислама в политических и социальных отношениях стран Арабского Востока.

На протяжении тысячи лет осевой геополитической моделью арабской политической мысли была идея халифата – теократического государства, объединяющего всех мусульман. В эпоху нового времени титул халифа носил турецкий султан. Однако в 1924 г. в результате кемалистской революции, парламент Турции одобрил закон о ликвидации халифата, провозгласив светскую республику.

Однако далеко не все в мусульманском мире были согласны с этим решением Мустафы Кемала Ататюрка. В Индии мусульмане-халифатисты создают халифатский комитет. В Египте, Сирии, Палестине, Персии, Аравии, Турции и других странах активно обсуждалась идея международного Конгресса мусульман с целью выборов халифа и выработки новой модели халифата в условиях нового мирового порядка. Причём идея конгресса предусматривала, что в нём не принимали участия и не имели права голоса немусульманские делегации.

Появляются несколько претендентов на титул халифа правоверных, главными из которых считались изгнанный из Турции экс-султан Абдул-Хамид и король Хиджаза Хусейн.

Этот запрос на идею халифата в мусульманском мире не остался вне поля зрения британской дипломатии и спецслужб. Ещё в начале XX века британский истеблишмент осуществлял поиск модели сохранения колониального владычества Англии на Ближнем Востоке, не прибегая к прямой военной мощи. Отчасти такой опыт уже был опробован колониальными властями в Индии, где английский колониализм продолжительное время держался силами англофильски настроенных махараджей и армии сипаев, набранных из индийских мусульман.

В 1920-х годах в правящих кругах Великобритании возникла идея заполучить систему глобального контроля над Ближним Востоком с помощью общемусульманской религиозной сети в виде института халифата. Халиф посредством религиозного духовенства должен был контролировать население всего арабского востока, а также быть проводником английских экономических и политических интересов в регионе. В создании такой системы англичане получили поддержку от правящих элит Франции и Италии. Была осуществлена попытка сохранить турецкий халифат. В 1922 г. парижская конференция министров иностранных дел Великобритании, Франции и Италии постановила сохранить в Турции не только светскую, но и религиозную власть султана. Потерпев в этом неудачу, через своих партнёров в лице связанного с колониальными властями духовенства Египта, Великобритания начала лоббировать идею проведения исламского конгресса в Каире. Этот вариант был выгоден Великобритании, поскольку позволял контролировать ход конгресса и добиться принятия решений в русле английских интересов.

Иные геополитические интересы преследовала Советская Россия. В английском проекте «Британского халифата» усматривалось не только перспектива сохранения колониальной системы, но и

прямая угроза дестабилизации советского Закавказья и Средней Азии. В Кремле были хорошо информированы, что басмаческое движение активно поддерживалось финансами и оружием из Лондона. Не было никакого сомнения, что назначенный туманным Альбионом Халиф объявит джихад СССР с целью отвлечь внимание наиболее пассионарных мусульман от идеи антиколониального движения.

Однако у СССР, как отмечалось выше, не имелось военных и экономических ресурсов, чтобы повлиять на ситуацию традиционными средствами. В этих условиях на защиту национальных интересов страны была мобилизована «народная дипломатия». В 20-е гг. XX века в Кремле пришли к выводу о возможности сотрудничества с лояльно относящимися к советской власти представителями уммы. 25 октября 1926 г. состоялся съезд мусульман Татарстана, Башкирии, Казахстана, Украины, Чувашии и областей России. Руководители страны получили приветственные телеграммы, в которых говорилось о грядущем единении мусульман всего мира под знаменами советской власти во имя борьбы с империализмом.

Карим Хакимов и верховный муфтий ДУМ Ризаэтдин Фахретдин выдвинули идею о проведении альтернативного мусульманского конгресса в Мекке. Кремль получил об этом телеграмму из Уфы, подписанную Фахретдиновым, гласившую, что «конгресс должен быть созван в стране, находящейся вне сферы влияния империалистических держав», где будут обеспечены условия для свободного выявления мусульманами их истинного мнения. Конгресс, по мнению мусульманского духовенства Советской России, мог бы пройти на священной для мусульман земле, в Мекке.

Инициатива Уфы была наиболее выгодна для всего мусульманского мира. Этот сценарий был крайне удачным и для Саудовской Аравии, выигранным для советского правительства, и в то же время наиболее неподходящим для Англии, Франции и США. Мусульманский конгресс в Каире, всё-таки созданный англичанами, был сорван из-за недостаточного кворума.

Вместе с тем конгресс в Мекке имел серьёзное геополитическое значение, став прообразом объединённой исламской конференции – быстро растущей глобальной организации. По количеству представителей советская делегация, возглавляемая муфтием ЦДУМ из Уфы, уступала лишь принимающей стороне и представителям Индии. И хотя делегаты избегали прямой конфронтации с Англией и Францией, Конгресс принял целый ряд долгосрочных стратегических решений, которые в дальнейшем способствовали демонтажу мировой колониальной системы.

Политический феномен Карима Хакимова убедительно доказывает, что «народная дипломатия» может оказать даже большее влияние на развитие двусторонних отношений, чем официальный МИД. В марте 2011 года Президент Республики Башкортостан Р.З.Хамитов совершил официальный визит в Саудовскую Аравию. Этот политический шаг был очень важен, т.к. о существовании Башкортостана в арабском мире мало кто знал, что серьёзно препятствовало выстраиванию эффективной инвестиционной политики. В ходе аудиенции у губернатора провинции Эр-Рияд Салмана бен Абдель Азиза глава республики упомянул, что представляет малую родину первого посла СССР Карима Хакимова. Эта информация произвела на принца большое впечатление. «Красный паша» стал неотъемлемой частью истории саудовской династии. Таким образом, имя Карима Хакимова продолжает работать на имидж России и Республики Башкортостан уже в XXI веке.

Второй геополитической игрой, в которой СССР одержал победу, используя инструмент народной дипломатии в странах Арабского Востока, стала нейтрализация гитлеровской пропаганды на страны Ближнего Востока в годы Великой Отечественной войны. Не только Русская православная церковь, но и представители Центрального духовного управления мусульман вышли на международный уровень, чтобы отстаивать интересы страны. В этот период был разрешен хадж, выезд за границу для учебы в мусульманских учебных заведениях, муллы стали ездить по миру и вести пропагандистскую работу в целях формирования положительного образа страны, СССР начали посещать исламские авторитеты, в том числе из арабских стран.

Государством также были выделены средства на киносъёмку и издание материалов о повседневной жизни, праздниках мусульман и съездах уммы СССР для пропаганды в странах Арабского Востока. В ходе поездки проводилась пропагандистская работа с опорой на Коран.

Обязательным элементом выступлений был показ двух важных моментов: роли уммы в разгроме захватчиков и высокого уровня свободы совести в СССР. Власти быстро решали проблему обмена денег отъезжающим муллам. Непременным правилом были подробные инструктажи мулл в партий-

но-государственных органах. Такая же ситуация складывалась с выезжавшими на хадж, который был разрешен после шестнадцатилетнего запрета.

Выступления мулл из СССР транслировались через радиостанции и публиковались в газетах. Ход и итоги таких акций «народной дипломатии» находили свое отражение на страницах советских газет. Таким образом, «народная дипломатия» стала ещё одним мощным идеологическим оружием, приблизившим Великую Победу.

В заключение необходимо актуализировать проблему использования народной дипломатии в отношениях со странами Арабского Востока в XXI веке. «Лихие девяностые» нанесли серьёзный урон российскому негосударственному представительству в странах Арабского Востока. Были закрыты российские центры научного и культурного сотрудничества в Алжире, Сане и Адене. Однако их удалось сохранить в Каире, Александрии, Дамаске, Бейруте, Тунисе и Рабате.

Изменились сами формы осуществления международного сотрудничества в рамках общественной дипломатии. Сегодня даже теократические и монархические государства арабского мира уверенно встают на путь инновационного развития и включаются в процессы глобализации. В связи с этим народная дипломатия не может быть сведена лишь к уровню конфессиональных контактов. Важен научный обмен, межвузовское сотрудничество, совместные бизнес-проекты, спорт, туризм и, конечно же, гуманитарные акции взаимопомощи.

На сегодняшний день возрастает интенсивность российско-арабских научных контактов. Одной из их форм являются совместные конференции, в ходе которых осуществляется обмен мнениями по широкому кругу вопросов, в том числе – по проблематике отношений РФ со странами Ближнего Востока и Магриба.

Заметная роль в двусторонних связях принадлежит ассоциациям выпускников советских и российских вузов, которые окончили десятки тысяч арабских студентов. В настоящее время многие из выпускников занимают высокие посты в университетах и исследовательских центрах, экономике, а также в госаппарате стран Машрика и Магриба.

Была учреждена Египетская ассоциация выпускников вузов России и других стран СНГ, которые, по оценке самих египтян, продолжают рассматривать себя как представителей передовых советских научных школ.

В качестве примера можно привести лишь некоторые факты Российско-Йеменского общественного сотрудничества. Вузами СССР, а затем и России подготовлено около 50 тысяч йеменских специалистов различного профиля, включая тех, которые прошли обучение на родине. В настоящее время в российских вузах обучается более 400 йеменцев. По просьбе йеменской стороны квота на обучение за счет средств федерального бюджета по линии Министерства образования науки России с 2010 года была увеличена с 80 до 100 мест.

С 1983 года на территории Йемена проводит научные исследования Институт востоковедения РАН. ИТАР-ТАСС и российский телеканал «Русия аль-Яум» взаимодействуют с йеменским государственным информационным агентством «Саба» на основе соглашений о сотрудничестве, подписанных в 1999 и 2009 годах.

8 мая 2004 года был подписан Протокол о сотрудничестве между Обществом российско-йеменской дружбы и Ассоциацией йеменско-российской дружбы в области экономики, культуры, образования и туризма.

Важным сегментом общественной дипломатии необходимо рассматривать договорённости об экономическом сотрудничестве, заключённые бизнес-структурами. 22 апреля 2003 года Торгово-промышленная палата г. Саны подписала соглашение с Российско-арабским торгово-промышленным домом о расширении и развитии сотрудничества в области торговли, экономики и промышленности.

10 декабря 2007 года в Сане начал свою работу Российско-Йеменский деловой клуб, где был подписан Протокол о сотрудничестве между деловыми советами обоих государств.

Серьёзных успехов российская народная дипломатия сумела добиться в области развития торгово-экономического партнёрства с Объединёнными арабскими эмиратами. В мае 1994 года заключено Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Торгово-промышленной палатой России и Федерацией торгово-промышленных палат ОАЭ.

Содействовать развитию торгово-экономических связей по линии предпринимательских кругов призван Российско-эмиратский деловой совет (РЭДС), созданный в 2006 году по договорённости ТПП России с Федерацией ТПП ОАЭ.

В сентябре 2010 года под эгидой Торгово-промышленной палаты эмирата Дубай и при поддержке Посольства Российской Федерации в ОАЭ было открыто представительство «Российского Совета предпринимателей» (РСП) в Дубае, который стал 39-м деловым советом, зарегистрированным в этом эмирате. Российские организации участвуют в различных многочисленных международных выставочных мероприятиях, конференциях и симпозиумах экономической, производственно-технической, научной тематики, регулярно проводимых в выставочных центрах Абу-Даби и Дубая.

В декабре 2015 года предстоит уже третья по счёту «Неделя российского бизнеса» в Объединённых Арабских Эмиратах.

Активно функционирует российско-арабский деловой совет, на сайте которого производится мониторинг всех значимых акций народно-дипломатического обмена между Россией и странами арабского мира.

В обозримом будущем «народная дипломатия» останется эффективным инструментом реализации российских геополитических интересов в арабском мире. Особенно явно это продемонстрировали события сирийского кризиса. На сегодняшний день Сирия Башара Асада остаётся главным стратегическим союзником России в регионе. В городе Тартус сохраняется единственная российская база ВМФ на Средиземном море.

Российским ответом на военно-политическое давление Запада и попытку свержения законного правительства этой страны путём организации вооружённого мятежа стало основание 22 марта 2011 года в Москве Общества Российско-Сирийской дружбы и культурных связей. В его состав вошли видные общественные и религиозные деятели, в том числе такой признанный востоковед, как Евгений Максимович Примаков. В дипломатическую победу России, предотвратившей военную интервенцию НАТО против Дамаска, народная дипломатия также внесла свой весомый вклад.

Сегодня общемировым трендом является передача отдельных функций управления из государственного в общественный сектор, организациям гражданского общества. Важной составляющей этого процесса должно стать усиление политической роли народной дипломатии. Тем более, что открыта новая перспективная область для её развития в Интернет-пространстве. При этом, учитывая печальный опыт «арабской весны» и «твиттерной революции», необходимо чётко разделять общественную дипломатию и переворот, организованный внешними силами. Народная дипломатия уважает суверенитет и территориальную целостность государств, а также демократический выбор проживающих в них дружественных народов.

Н.Д. Морозкин

ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БАШКИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В ОБЛАСТИ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ И СОТРУДНИЧЕСТВА С ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ СТРАН ВОСТОКА

N.D. Morozkin

THE EXPERIENCE AND THE PROSPECTS OF SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL ACTIVITY OF BASHKIR STATE UNIVERSITY IN THE FIELD OF ORIENTAL STUDIES

Аннотация: В статье рассказывается о ключевых успехах и достижениях в развитии востоковедения в Башкирском государственном университете и перспективных векторах изучения данного направления в будущем.

Ключевые слова: Башкирский государственный университет, востоковедение, Уфа, Карим Хакимов.

Abstract: The article describes the key successes and achievements in the development of oriental studies at the Bashkir State University and the prospects of vectors of the study of this field in the future.

Keywords: Bashkir State University, oriental studies, Ufa, Karim Khakimov.

Карим Хакимов – один из первых полномочных представителей России в арабских странах. Он внес значительный вклад в установление добрых отношений между молодой Советской Республикой

и арабо-мусульманским миром. Жизнь и деятельность Карима Хакимова, прежде всего как дипломата, представляют большой интерес и до сих пор до конца не исследованы. В этом направлении активно работают ученые и выпускники Башкирского государственного университета. В частности, доцентом кафедры зарубежной истории Р.Ф. Хайретдиновым в 2006 г. защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Карим Хакимов – революционер, дипломат». Выпускником исторического факультета Р.Н. Кудояровым создан документальный фильм «Карим Хакимов. Аравийский визирь Кремля». На телеканале «Башкирское спутниковое телевидение» был показан еще один документальный фильм «Хакимов Аравийский», созданный другим выпускником Башкирского государственного университета Салаватом Хамидуллиным.

Геополитическое положение нашей республики обуславливает постоянный устойчивый интерес к развитию востоковедческой проблематики в научном и образовательном плане. Именно поэтому в Башкирском государственном университете в 2008 году на факультете Башкирской филологии и журналистики была создана кафедра восточных языков. К этому времени преподаватели университета совместно с учеными из Турции издали такие труды, как «Башкирский народный эпос Урал-батыр», Анкара, 1996 г. (к.ф.н. *Ибрагимов Г.Д.* и д.ф.н. *Метин Эргун*); «Башкирские народные дастаны», Анкара, 2000 г. (к.ф.н. *Ибрагимов Г.Д.* и д.ф.н. *Метин Эргун*); «Антология башкирской литературы в 2-х томах», Анкара, 2004-2005 гг. (д.ф.н. *Сулейманов А.М.*, к.ф.н. *Ибрагимов Г.Д.* и д.ф.н. *Метин Эргун*); «Национальный герой и поэт башкирского народа Салават Юлаев», Анкара, 2004 г. (к.ф.н. *Ибрагимов Г.Д.*, *Санджар Муразым Оглу*); «Мифтахетдин Акмулла», Анкара, 2007 г. (к.ф.н. *Ибрагимов Г.Д.*, к.ф.н. *Салихов А.Г.*, *Вилданов А.Х.*).

Учитывая, что в университете, кроме изучения восточных языков на историческом факультете и на факультете философии и социологии, активно изучались проблемы востоковедения в целом. В 2011 году было принято решение о начале подготовки студентов по востоковедению и о переименовании кафедры восточных языков в кафедру востоковедения. В настоящее время по этому направлению по очной форме обучаются 50 студентов. В университете созданы «Центр востоковедения», «Лаборатория компьютерной филологии факультета башкирской филологии и журналистики». Разработан пятиязычный (русско-башкирско-турецко-арабско-китайский) словарь. На кафедре востоковедения сложился серьезный коллектив преподавателей, докторов и кандидатов наук, ведущих исследования и преподавательскую деятельность в области востоковедения, в частности, в области сопоставительного и сравнительного изучения башкирского и восточных языков: турецкого, арабского, персидского, китайского.

Активно продолжают совместные научные исследования, так в 2014 году в Тегеране на персидском языке был издан сборник стихов Мустая Карима, подготовленный студентом 4 курса отделения «Востоковедение и африканистика» Рустемом Саяфутдиновым и иранским поэтом Али Риза. Подготовлена к изданию под патронатом президента Турецкой Республики монография в 4-х томах на турецком языке «Башкирские дастаны» (*составитель – профессор Сулейманов А.М.; перевод – доцент Ибрагимов Г.Д.*). Учеными Башкирского государственного университета по договору с Международным научно-исследовательским центром по изучению истории, культуры и искусств ислама Организации Исламская Конференция (ИРСИКА) подготовлена к изданию книга «История и культура башкир». В ближайшее время она будет переведена на английский и турецкий языки.

Очень важно, что в университете в соответствии с международными договорами работают приглашенные преподаватели – носители восточных языков из Китая, Кореи, Афганистана, Турции, Египта.

Ежегодно студенты кафедры востоковедения принимают активное участие в Олимпиадах по персидскому языку и литературе, по турецкому языку и литературе, которые проводятся в Институте стран Азии и Африки МГУ (г. Москва). Каждый год по приглашению института Юнус Эмре (Турция) студенты проходят летние языковые курсы в разных городах Турции, в Иране, обучаются по программе включенного обучения в Ляонинском университете в Китае.

Многие преподаватели кафедры проходят переподготовку и стажировку за рубежом, а молодые преподаватели – обучение за рубежом. Так, ассистент И.Р. Ахмадуллина обучается в аспирантуре в Китайской Народной Республике (г. Шэньян, Ляонинский университет).

Востоковедческая проблематика получила свое дальнейшее развитие в 2014 году, когда в Башкирском государственном университете была начата подготовка бакалавров по направлению «Геология» (профиль «Исламская теология»). По данному направлению подготовки в настоящее время в университете обучаются 49 студентов.

В рамках реализации учебного плана направления подготовки «Теология» и с целью развития научных исследований в области ислама Башкирский государственный университет развивает сотрудничество с Институтом этнологических исследований УНЦ РАН им. Р.Г. Кузеева (г. Уфа), с Институтом восточных рукописей Российской академии наук (г. Санкт-Петербург), с Восточным факультетом Санкт-Петербургского государственного университета, с Крымским научным центром исламоведения (г. Симферополь Республики Крым), с Институтом международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета и др. В целях установления взаимодействия с религиозными центрами Башкирский государственный университет осуществляет взаимодействие с Центральным Духовным управлением мусульман РБ.

В рамках сотрудничества со странами Востока Университет разрабатывает совместные образовательные программы и научно-исследовательские проекты с вузами 10 стран, в том числе с 4 странами из СНГ. Наиболее плодотворно идет работа с университетами Китайской народной республики, в рамках 5 договоров о научном и образовательном сотрудничестве с Ляонинским университетом, Наньчанским университетом, Восточно-Китайским университетом Цзяотун, Ляонинским нефтехимическим технологическим университетом и с Гуандунским технологическим университетом. С Ляонинским, Наньчанским и Восточно-Китайским университетами успешно реализуются программы обмена студентами: в настоящее время в Башкирском государственном университете обучается 53 человека по индивидуальной программе, предполагающей обучение современному русскому языку, истории русской литературы, русскому устному народному творчеству. Одновременно студенты Башкирского государственного университета проходят обучение в вузах-партнерах Китайской Народной Республики. Ежегодно из вузов-партнеров в университет приезжают преподаватели китайского языка. В текущем учебном году преподаванием китайского языка занимается заведующая кафедрой русского языка Наньчанского университета Чжян Мян.

Организована работа в рамках 4 договоров о сотрудничестве с вузами Турции: Стамбульский университет, Эгейский университет, Институт им. Юнуса Эмре, Ушакский университет. На факультете башкирской филологии и журналистики ведется обучение турецкому языку носителем языка Ахметом Тураном, прибывшим в рамках Договора о сотрудничестве между БашГУ и Институтом им. Юнуса Эмре.

С 2012 года в Башкирском государственном университете ведутся курсы корейского языка носителем языка О Кен Хи для студентов всех специальностей и направлений. В настоящее время около 50 студентов нашего вуза изучают корейский язык на данных курсах. Подписан Меморандум о взаимопонимании и Соглашение по обмену студентами между Башкирским государственным университетом и Университетом Пэй Дже (Республика Корея).

В ближайшее время планируется:

- открытие магистратуры по направлению «Востоковедение» и совместная подготовка магистров с вузами партнерами из стран Востока;
- участие в летних языковых курсах повышения квалификации для преподавателей Башкирского государственного университета на базе ведущих вузов зарубежных стран Востока: Стамбульского университета, Ушакского университета, Эгейского университета (Турция), Ляонинского университета (КНР), Мешхедского университета (Иран), Евразийского национального университета им. Гумилева (Казахстан) и др.;
- формирование мультимедийной электронной библиотеки, книг и научной литературы на языках народов Востока. Уже сейчас в базе библиотеки учебной литературы кафедры востоковедения БашГУ содержится около 2000 книг и учебно-методических пособий по восточным языкам;
- совместно с Ляонинским университетом реализация программы двойного диплома бакалавра по направлению «Экономика», профиль «Международный бизнес с углубленным изучением китайского/русского языка».

Россия вступает в фазу активного развития отношений со странами Востока, кроме того, в июле 2015 г. в Уфе пройдут саммиты ШОС и БРИКС. Несомненно, это мощный стимул для развития и укрепления отношений сотрудничества в сфере образования и науки Башкирского государственного университета с образовательными учреждениями и научными организациями восточных стран.

ВОСТОК И РОССИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ЕВРАЗИИ

Grigороva Darina

THE EAST AND RUSSIAN NATIONAL AND GEOPOLITICAL IDENTITY IN POST-SOVIET EURASIA

Аннотация: Статья исследует формирование постсоветской национальной идентичности в России как особого сочетания российского и восточного – составляющих национального образа. Понятие «Евразия» – как постсоветская геополитическая идентичность Российской Федерации и ее совместимость с «Большой Европой» как геополитическим проектом, с одной стороны, и с другой – «Европа» (как европейская культура и православная духовность в гармонии с остальными конфессиями в России) и ее взаимопроникновение с Востоком в постсоветской Евразии (традиционная семья и ценности, авторитарная система политической вертикали власти, сакрализация государства и т.д.). Статья фиксирует и различное понимание Евразии в России, Белоруссии и Казахстане, а также политику исторической памяти в постсоветской Евразии.

Ключевые слова: Евразия, Евразийство, Русская/Российская идентичность, Евразийская геополитическая идентичность, политика исторической памяти.

Abstract: This article is focused on Eurasian geopolitical identity of post-Soviet Russia and its Russian/Russkaya/Rossiyskaya national identity (European as culture and Christian as spirituality). The terms “Eurasia”, “Eurasianism” in Russian, Belarusian and Kazakhstan view – as geopolitical partners in post-Soviet Eurasia with common and pragmatic interests and without any ideology. Why the idea of “big Europe” from Lisbon to Vladivostok is not about “big Eurasia” as geopolitical project of partnership. The East in Russian Identity (the traditional family values, the authoritarian centralisation of power, the sacralization of state). The Historical memory policy in post-Soviet Eurasia.

Keywords: Eurasia, Eurasianism, Russian national identity (Russkaya/Rossiskaya), Eurasian geopolitical identity, the Historical memory policy.

После распада СССР в 1991 году в России возник вакуум национальной идентичности (на месте советской нации, объединявшей граждан по социальному принципу: все они были гражданами Страны Советов – родилось понятие «россиянин»). Оно отражает исключительно политическую и гражданскую общность, игнорируя общность национальную в отношении государства.

На первый взгляд, вопрос о русской нации и её переформировании в российскую остается открытым до настоящего времени, поскольку функционирование термина симптоматично для политкорректного языка. При этом важно учитывать такую специфику употребления понятия: русское национальное самосознание неуклонно пребывает в состоянии «самооткрытия»: процесс развития нации – процесс открытый, как процесс «имперский» он не может быть финализированным (быть «русским» означает вне зависимости от национальной принадлежности иметь отношение к русской культуре, которая по своей сути является европейской).

Если российские рамки – это рамки политические (они касаются всех граждан в пределах Российской Федерации), то русские означают национальную и европейскую идентичность постсоветской России. Однако, помимо европейской культуры, для России характерны ещё два измерения, а именно: евразийская (восточная) государственность и православная духовность (абсолютная гармония с остальными традиционными вероисповеданиями в её постсоветских границах). С другой стороны, после 1991 г. вакуум образовался и в отношении геополитической идентичности постсоветской России, который начал быстро преодолеваться введением понятия «Евразия», официально воскрешённым Н.А. Назарбаевым в его выступлении в МГУ им. М.В. Ломоносова (1994). Евразийская идея президента Казахстана не случайно нашла отклик в Кремле и привела к разработке на её основе нового варианта региональной интеграции для части постсоветского пространства, прежде всего на Востоке, который, однако, не чужд идеи Большой Европы, от Лиссабона до Владивостока.

Ещё в 20-е годы XX в. русская эмиграция ввела в оборот, придав им статус официального геополитического и историософского термина, понятия «евразийство» и «Россия – Евразия» в знак «реабилитации» Востока в русской истории и культуре, утвердив отказ от европоцентричной модели и новоимперский (вненациональный) проект. Так, историк, евразиец Георгий Вернадский разработал новую периодизацию русской истории, отказавшись от европоцентричной модели, включающей Киевский – Московский – Петербургский периоды, и предложил евразийскую периодизацию: скифы-гунны-мон-

голы-русская империя-СССР¹, которая, однако, отличалась недооценкой значения европейского начала в истории России. Другой известный идеолог евразийства, лингвист Николай Трубецкой в стремлении эмансипироваться от Европы отрёкся от славянской идеи как части русской национальной идентичности и попытался ввести миф о «туранском элементе»².

Подобное стремление к переформатированию понятия «европейское» в «евразийское» присутствует в новой терминологии проекта единого учебника истории России. Ощутимость евразийского следа в новом историко-культурном стандарте³ создаётся отсутствием классических определений периода правления Петра Великого, «вестернизации» и «европеизации», что представляет собой идеологическую автоцензуру (назвать это цензурой я не решаюсь, поскольку такие указания неизвестны, скорее всего, мы имеем дело с переусердствованием в духе советской рефлексии). Замалчивание «европеизации» нельзя назвать академической неточностью, т.к. именно при Петре I Россия европеизировалась в светском отношении, когда в рамках старой империи создавалось модернизированное государство. А в религиозном отношении Россия впервые была европеизирована при князе Владимире с принятием христианства. Что же касается Петра I, то авторы стандарта находят нужным использовать единственно понятие «модернизация», которое определяют как «жизненно важную задачу».

Ещё одним термином, исключённым из новой концепции, стало понятие «татаро-монгольское иго», взамен которого вводится «зависимость русских земель от ордынских ханов». Здесь прослеживается цель – устранить не только понятие «иго», но и упоминание об этнической принадлежности его носителей, «татаро-монголов», во избежание неприятностей при интерпретации в Татарстане, что само по себе представляет если не идеологический, то чисто политический подход к истории, и результат вряд ли будет ожидаемым. Татарские общественные деятели не имеют ничего против идеологического подхода в качестве государственных рамок, однако они возражают против доминирования в истории России «славянского», «русского» и «европейского» начал и предлагают ввести взамен данных понятие «евразийское»⁴. И их пожелание в большой степени исполняется. Новая концепция вводит определение «евразийский контекст», при этом «евразийское» применяется даже для истории средневековья, а «Россия» заменяется «Евразией».

Интересно следующее. Если до сих пор евразийская лексика преимущественно составляла часть геополитического словаря для характеристики векторов русской внешней политики на Востоке, то с 2013 г. это понятие было официально введено в периодизацию истории России, что означало попытку придать ему характер массового употребления, что едва ли представляется плодотворным.

Идея В.В. Путина поддержать единый «канон»⁵ преподавания истории ошибочна: канон не допускает альтернативных взглядов, а история, как и другие гуманитарные дисциплины, призвана формировать критическое мышление, а не политкорректное клакерство, скорее всего, предложение останется частью административной экзотики постсоветской России. Даже директивный патриотизм в постсоветской России, все концепции патриотического воспитания с 2001 г. до наших дней⁶ рискуют остаться только на бумаге, несмотря на стремление Владимира Путина быть последователем политической философии Александра Солженицына, направленной на «сбережение народа», но ведь народ этот – русский народ – не евразийский, а европейский.

Не случайно понятие «евразиец» естественно лишь для жителей Казахстана⁷ в отличие от России и Беларуси. Без русского культурного влияния, которое ещё с XIX в. европеизировало Восток и было

¹ Начертание русской истории // Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов. М., 1992. С. 105–106, 108.

² Верхи и низы русской культуры (этическая основа русской культуры) // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 331, 334; Общеславянский элемент в русской культуре // История. Культура. Язык. М., 1995. С. 206.

³ Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории // Коммерсант. № 175 (5206). 26 сентября 2013. <http://www.kommersant.ru/docs/2013/standart.pdf>

⁴ «Учебник истории не должен сеять вражду среди казанцев» // www.business-gazeta.ru/article/89374/

⁵ Путин поддержал идею единого «канона» преподавания истории России // РИА Новости <http://ria.ru/society/20130329/929918860.html>.

⁶ Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы» // Российская газета, http://www.rg.ru/official/doc.postan_rf/122_1.shtm. Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации <http://gospatriotprogramma.ru/the-concept-of-patriotic-education-is-the-basis-of-the-state-program-/the-concept-of-patriotic-education-of-citizens-of-the-russian-federation.php/the-concept-of-patriotic-education-is-the-basis-of-the-state-program/>

⁷ Выступление Нурсултана Назарбаева в МГУ им. М.В. Ломоносова. 1994. http://veurasia.org/nazarbaev_msu_1994/

главной миссией России, Казахстан оставался бы Азией и не был бы Евразией, в то время как Беларусь, с её славяно-балтийской культурой, служившая медиатором между Россией и Европой, разграничению «Восток-Запад» предпочитает «Север-Юг», отсюда и понятие «Северная Евразия».

Если для России и Беларуси «евразийское» начало всего лишь внешнеполитический вектор или геополитическая идентичность, то для Казахстана это одновременно как геополитическая, так и национальная идентичность. Постсоветская модель евразийской интеграции имеет, прежде всего, прагматический и геоэкономический характер, допуская различие в партнёрах, которые не только равнозначны в рамках ЕЭС (Евразийского Экономического Союза), но и проводят самостоятельную внешнюю политику. Именно поэтому было бы неправильно называть ЕЭС неосоветским образованием, это своего рода постсоветский вариант глобализации по-русски, или по-евразийски.

Модель глобализации по-английски убедительнее всего нарисовал Герберт Уэллс в своей брошюре «Новый мировой порядок», которая была написана в самом начале Второй мировой войны (1940). Выдающийся фантаст представляет новый мировой порядок как «практическую унификацию», «конец исторического периода суверенных государств», «эпоху перехода» и «фундаментальной необходимости в революционной реконструкции». «Революция» для Уэллса – явление, не столько овеянное ореолом романтической идеализации, сколько неизбежность перемен в виде «глубочайшей социальной революции, даже более глубокой, чем революция коммунистов в России» (последняя, по его мнению, провалилась из-за «нетерпения, насилия... интеллектуальной недостаточности»), «космополитической революции мирового коллективизма, как единственной альтернативы хаоса» и с «декларацией прав человека»⁸.

Но для Герберта Уэллса «коллективизм» синонимичен «глобализму», глобализму по-английски. Сквозь красивые конструкции нового мирового порядка, стоящего на страже прав человека, проступает новое перераспределение земных богатств или очередная реколонизация, которую мы наблюдаем и сейчас, в эпоху «глобализации». Сам Уэллс в книге «Россия во мгле», написанной им на основе личных впечатлений о большевицкой революции, признаёт и так объясняет причину разочарования на Западе Октябрь 1917 г.: «Крах цивилизации в России и её замена деревенским варварством на долгие годы отрезет Европу от богатых недр России, от её сырья, зерна, льна и т. д. Страны Запада вряд ли смогут обходиться без этих товаров. Их отсутствие неизбежно приведет к всеобщему обеднению Западной Европы»⁹.

Колониально-потребительское отношение Запада к Востоку (Россия-Евразия) не изменилось и после окончания холодной фазы Холодной войны (использую термин «фаза», т.к. Холодная война никогда не прекращалась, после 1991 г. она просто была трансформирована в геополитическое противопоставление и конкуренцию, это явление неизбежно для истории международных отношений, оно может делиться на фазы, но не имеет финала). Евразийский проект постсоветской России – это реакция на сохранившийся стереотип колониально-потребительского интереса к Востоку и ответ на глобализацию по-английски (по-американски), с одной стороны, а с другой – своеобразная евразийская (ЕЭС) редакция глобализации по-европейски (ЕС).

Восприятие Евразийского Экономического Союза (ЕЭС) в качестве неосоветского проекта – это, с одной стороны, плод «русского комплекса» Запада (Россия огромна, загадочна, непредсказуема), а с другой, вопрос конкуренции, экономической и геополитической, в борьбе за ресурсы богатейшего региона – Евразии. Герберт Уэллс описывал этот комплекс британцев как «хроническую русофобию, порождённую их огромными приобретениями на Востоке»¹⁰.

В России, в свою очередь, начиная с XVIII в., с периода её европеизации и модернизации при Петре I, существует зеркальный «европейский комплекс». Европа – прежде всего как понятие культурное – всегда служила ориентиром для национальной идентификации русской общественной мысли как с положительным (западники-либералы), так и с отрицательным (славянофилы, консерваторы-почвоведы, западники-социалисты) знаком. Эта своеобразная интеллектуальная шизофрения борьбы «восточного» и «европейского» в национальном самосознании русской интеллигенции составляет неотъемлемую часть и современной России.

⁸ H.G. Wells. The New World Order, 1940. <http://www.telelib.com/authors/W/WellsHerbertGeorge/prose/newworld-order.index.html>.

⁹ Россия во мгле: Собр. соч. в 15 т. Т. 15. М., 1964. С. 99. <http://lib.ru/INOFANT/UELS/russia.txt>.

¹⁰ H.G. Wells. The New World Order, 1940.

Евразийская геополитическая идентификация России связана и с реакцией на неолиберальную стихию обезличивания наций, традиционного семейного уклада как нормы поведения. В этом отношении Восток, будучи важным составляющим компонентом России и консервативным хранителем патриархальных устоев общества, даже после её модернизации за годы Советской власти в стиле «Белого солнца пустыни», не в состоянии воспринять подобную неолиберальную попытку разрушить национальную идентичность и переформатировать её в идентичность корпоративную, как и обезличивание семьи в атомизированном обществе «эльфов», «кончит» и др. подобных им персонажей, типичных в Евразии только для шоу-бизнеса и чуждых существующим общественным нормам.

Евразийский проект геополитической идентичности является также реакцией на дехристианизацию Европейского Союза в смягчённом варианте. Христианская цивилизация и культура – основа основ Европы, однако же, Европейский Союз отказался придать официальный статус этому фундаментальному принципу и перешёл к мягкой политике постепенной маргинализации христианских ценностей путём внедрения неолиберальной модели мультикультуризма и отказа от его христианской модели. Если эта тенденция не изменится, то дехристианизация Европы неизбежно приведёт к деевропеизации Старого континента, поскольку высокая европейская культура представляет собой симбиоз Античности и Христианства (об этом говорят сюжеты живописи, музыки, архитектуры и т. п.). Евразийский проект – это также и реакция на дехристианизацию Ближнего Востока (в её жёстком и, к сожалению, необратимом варианте, сопряжённом с физическим уничтожением памятников древних христианских культур).

Евразийский проект – это реакция и на исламизм в его салафитском виде, в частности, на нынешнее квазитеррористическое государство «Исламский халифат», которое составляет часть стратегии дискредитации ислама как традиционной религии, его политизации и обезличивания. Так, «интернационал» исламистов на Ближнем Востоке за несколько месяцев 2014 г. стёр с лица земли суфитские гробницы, мечети (не только шиитские, но и суннитские) – всё то, что связано с древней арабской культурой, за исключением чёрного флага; все остальные следы цивилизации, согласно официальной идеологии исламистов и политике геноцида в отношении ассирийцев и других древних народов, населявших эти земли, подвергается уничтожению.

Подобные тенденции представляет опасность, прежде всего для России и Казахстана. В России объектом салафитского интереса является молодёжь Татарстана; в последние годы совершён ряд убийств умеренных имамов с их заменой более радикальными духовными лицами; молодые люди из разных мест обучаются в Каире и других зарубежных религиозных центрах, где приобретают специфические представления об исламе, далёком от его умеренного вида, исповедуемого в Татарстане. Чтобы остановить этот наплыв неофитов, политические действия которых непредсказуемы, Россия в дальнейшем намерена создавать исламские образовательные центры, но для этого нужно время. А для Казахстана представляет угрозу исламизм его южного соседа – Узбекистана.

Представляет интерес и вопрос о месте советской идентичности в постсоветской Евразии. Для России, Беларуси и Казахстана свойственны три различных взгляда, однако с позиций постсоветской идентичности, у них общая советская история. Россия, с одной стороны, сохранила мелодию советского гимна 1943 г.: это музыка Победы. 9 мая – священный праздник для всех россиян, независимо от их национальной принадлежности, социального положения и всего спектра политических приверженностей. Но, с другой стороны, Россия относится с опаской к своему советскому прошлому – за исключением Великой Отечественной войны, и больше не празднует 7 ноября. Этот праздник неудачно заменен отмечаемым 4 ноября Днём народного единства (единство из-за Русских маршей превращалось в свою противоположность). Этот полный отказ от 7 ноября напрасен (в новой концепции учебника истории России даже отсутствует название «Великая Октябрьская революция», которой предшествовала «Февральская революция», обе они обобщённо названы «Великой Российской революцией»).

Дата 7 ноября стала началом рождения новой общности людей, которая после 9 мая 1945 г. окончательно состоялась как советская нация, сознававшая себя нацией победителей. Поэтому отношение к 7 ноября неотделимо от отношения к 9 мая. Образ Советского Союза приобрёл привлекательность для людей Запада: советская пропаганда была очень активной и грамотной. Во многом благо-

даря существованию Советского Союза Западная Европа постепенно восприняла социальную политику социального государства, но не с целью имитации, а с тем, чтобы европейцы не захотели бы иметь свой Советский Союз. Это гуманизировало Европу. Отказ, о котором идёт речь – очередной пример чаадаевского отношения к собственной истории – сверхкритического, до крайности, до самоотречения.

Что касается Беларуси, то она в целом положительно относится к советскому прошлому: память о Второй мировой войне священна, празднуется день Октябрьской революции, а день освобождения Минска от фашистских захватчиков (3 июля) – национальный праздник.

Казахстан занимает самую умеренную позицию: пиетет к СССР, свойственный Беларуси, здесь отсутствует, но праздник 9 мая отмечается, и в то же время в Казахстане не дают угасать исторической памяти о лагерях периода сталинских репрессий. Это создание замечательных музеев, но, в отличие от Украины, Казахстану чужд комплекс жертвы: Голодомор здесь не считают геноцидом казахского народа, а рассматривают его как результат политики властей, пагубной для всех народов СССР, очутившихся в горниле коллективизации. Казахстан хорошо помнит и 16 декабря 1986 г., когда по приказу Михаила Горбачева спецназ и войска МВД жестоко расправились с многолюдным митингом казахской интеллигенции в тогдашней столице Казахстана, которая выступила против назначения первым секретарём Компартии республики ставленника Москвы, Геннадия Колбина. Не случайно день 16 декабря стал в Казахстане Днём независимости. В то же время для Назарбаева СССР – «наша бывшая общая страна»¹¹.

Какое место занимает Восток в постсоветской идентичности России?

Восток входит в геополитическую идентичность России, которая является евразийской, как собственный проект региональной интеграции и даже глобализации в части постсоветского пространства (прежде всего, восточной). Но, с другой стороны, геополитический вектор России обращён и на Запад, крайняя цель которого – Большая Европа, от Лиссабона до Владивостока. Это пространство могло бы называться и «Большой Евразией», но в постсоветской геополитической лексике до сих пор фигурирует термин «Большая Европа», поскольку русская культурная принадлежность является европейской. В этом отношении понятие «европейская идентичность» является важным, т.к. после 1991 г. появился тренд, смысл которого – наличие «восточно-европейской идентичности» как вторичной по сравнению с идентичностью «центрально-европейской» или «западно-европейской».

Понятие «Восточная Европа» чисто геополитическое, связанное с советской сферой влияния в странах Восточного блока периода после Второй мировой войны вплоть до 1991 г. Не менее политизировано и понятие «Центральная Европа», которое часто транслируется в целях отрыва от «Востока» (России) белорусов и украинцев, но до настоящего времени это не прививается в отношении первых и происходит крайне болезненно для вторых. Культура – или европейская, или нет, любое другое определение с применением слов: западная, восточная, центральная и т.д. – является определением геополитическим. Что касается России, то Восток присутствует в русской культуре только в европеизированном виде (в этом отношении Восток – неиссякаемый источник обогащения русской, а через неё и европейской культуры).

Восток – консервативная составная часть русской национальной идентичности, религиозной (православная духовность в гармоничном бытовании с остальными традиционными религиями России) и традиционной (как модель семьи) и даже в большей части патриархальной, в качестве норм поведения.

Восток присутствует и в евразийской государственности России (сверхцентрализация, неизбежная по причине огромных размеров страны) и в сакрализации государства как части русской идентичности. Государство должно быть поводом для гордости: в противном случае русские могут сами его разрушить. История России XIX и XX вв. показала, что завладеть Россией, разрушить её никакой внешний враг не в состоянии (1812, 1941, 1945), но Россия может саморазрушиться, если пожелает этого сама (1917, 1991). Только соблюдение баланса между Востоком и Западом в постсоветской России способно предотвратить угрозу очередного аутоиммунного кризиса по причине недостаточного осознания национальной идентичности.

¹¹ Выступление Нурсултана Назарбаева в МГУ им. М.В. Ломоносова. 1994. http://yeurasia.org/nazarbaev_msu_1994/

RUSSIA-TURKEY EDUCATIONAL AND CULTURAL RELATIONS

ДИАЛОГ КУЛЬТУР, МИРОВОЗЗРЕНИЙ, СИСТЕМ ОБРАЗОВАНИЙ РОССИИ И ТУРЦИИ

Abstract: In my short speech, I will talk about Russian-Bashkir-Turkish educational and cultural relations generally. The brief history of these educational and cultural relations will be given and the present situation of these relations will be focused. I will present some suggestions in order for the relations to get stronger in the future.

Bashkortostan, Russia and Turkey have shared a long history. We have so many common values emerging from the deep historicities between our countries. Today's information and communication technologies give us many opportunities to understand and better know these values. Our world is evolving into one in which there will be almost no social and cultural boundaries. These connections are expected to bring cultural richness to the people.

Keywords: Russian-Bashkir-Turkish Relations, education, universities

Russian-Bashkir-Turkish Relations in the Past

Until the 1990's: A cultural relation that is competitive and based on bias and the one in which the sides hardly know each other. Unrealistic and artificial perspectives about each other. Long years dominated by fear and doubt.

In the 1990's: A reserved, controlled approach, hand-shaking.

In the 2000's: Understanding the futility of former fears and doubts as a result of knowing each other better. Contrary to the general opinion, realizing that we have a common culture. Understanding that cooperation will lead to the improvement of peace and cultural enrichment.

Russian-Bashkir-Turkish Relations at Present

In 2002, in Istanbul "Russian Educational Cultural and Cooperation Association" was founded. The activities of this center are fascinating and encouraging. The last activity of this center was a Russian Language Olympiad in connection with the 200th birthday of Russian poet M. Y. Lermotov. About 2000 students exhibit their skills in Russian language. Competitions are held in 12 cities within the context of cultural diversity.

In 2012, following the visit of President V. Putin Turkish- Russian Social Forum was founded. This is, also, an important development.

In 2014, in Ankara Russian Cultural and Educational Center was opened. It is expected that Turkey will open a similar center in Moscow.

Today, educational, cultural and artistic cooperation are organized individually or in groups.

There are Turkish students taking education in Obninsk Nuclear Energy Institute.

Since the time of noted Turcologist W. Radloff, Turcology studies have been conducted in many institutions in Russia.

Russian scientific institutions (Universities, Institutes) carry out the most important research in Turcology.

The department of Russian Language and Literature at Ankara University, Faculty of Language, History and Geography has been actively working for a long time. Other universities are also willing to open this department. For the time being, Modern Turkic Dialects and Literatures departments teach Russian. As mentioned above with the Russian Olympiads, it is that the new departments to be opened will attract a lot of students.

Today, Russian- Turkish- Bashkir educational cooperation is quite inadequate.

Turkey is engaged in Western educational system.

Today there are thousands of Turkish students in Europe and America. In Russia there are 721 Turkish students.

I and my colleagues in Turkey do not know the educational system in Russia. We are unaware of the educational developments in Russia. In my opinion, probably, our Russian colleagues do not know a lot about Turkish educational system.

Today, Bashkir language has been neglected scientifically and culturally. A few scientists (such as Dotsent Dr. Gaynislam Ibrahimov, Dr. Murat Özşahin) work on Turkish- Bashkir.

In recent years, there were more the 100 Bashkir students in Turkey. This number, however, has decreased today.

Today, we are at the beginning of a difficult road. However, this meeting is the half of this road. At our university (Uşak University) there is only 1 student. In Bashkortostan there are 21 Turkish students. Russian President Vladimir Putin's visit to Turkey on 12.01.2014 together with a crowded delegation is quite significant in terms of educational and cultural relations as well.

In the future

In recent years, there were more than 100 Bashkir students in Turkey. This number, however, has decreased today.

Today, we are at the beginning of a difficult road. However, this meeting is the half of this road.

At our university (Uşak University) there is only 1 student. In Bashkortostan there are 21 Turkish students.

There will be more people who can speak Russian- Bashkir in Turkey and more people who can speak Turkish in Bashkortostan and Russia.

Today's cooperation in trade and industry will be replaced by cooperation in education and culture.

Cultural relation will mostly depend on student mobility.

Suggestions:

- Joint educational projects should be prepared.
- Cooperation in educational technology should be initiated.
- Universities are pioneers. Therefore, importance should be given to cooperation among universities.

For example, there is an agreement between our university (Uşak University) and Bashkir State University. This should be put into practice.

- Education- Culture fairs should be organized more often.
- Bashkir- Russian- Turkish Days should be organized.
- Student and Staff Mobility programs like Erasmus should be enriched. We already have Mevlana

Program between Turkey and Bashkortostan.

- Problems in Diploma Equality should be immediately.
- Double diploma or diploma supplements could be granted.
- The practice of guest staff is already supported by Turkey. The coverage of this could be enlarged.
- Mutual support for educational materials should be given. Sharing the written materials is of vital

importance.

- Educational- Cultural cooperation institutions should be activated.
- Russian-Bashkir-Turkish educational and cultural relations should be institutionalized.
- Relations between our countries are at the peak of the history. It is inevitable that these relations be

developed. We need stronger educational and cultural bridges to share the future.

A.A. Abdalov

ПРИВЛЕЧЕНИЕ АРАБСКОГО КАПИТАЛА В РЕГИОНЫ РОССИИ ЧЕРЕЗ ИНСТРУМЕНТЫ ИСЛАМСКОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ

A.A. Abdalov

ATTRACTING ARAB CAPITAL TO THE REGIONS OF RUSSIA THROUGH INSTRUMENTS OF ISLAMIC FINANCING

Аннотация: Статья посвящена актуальным вопросам сотрудничества России с современными арабскими странами, в частности, в торгово-экономической и финансовой сферах. Анализируются проблемы привлечения арабского капитала, его специфики, а также даются рекомендации на основе практического опыта ведения бизнеса с арабскими партнерами и инвесторами. Отдельное внимание уделено исламским принципам привлечения инвестиций сукук в регионы РФ.

Ключевые слова: Арабский капитал, капитал стран Арабского Залива, исламские финансы, облигации сукук, привлечение инвестиций в Россию.

Abstract: The article is devoted to actual issues of cooperation between Russia and contemporary Arab states of the Middle East, especially in trade, economic and financial spheres. Article is providing an analysis of attracting capital from Arab states, reviewing its peculiarities and providing recommendations based on practical experience of doing business with Arab partners and investors. In addition, article is covering Islamic principles of sukuk in attracting investment to regions of Russian Federation.

Keywords: Arabic capital, Gulf capital, Gulf finance, Islamic finance, sukuk, attracting investment to Russia.

В контексте современных международных экономических отношений мы становимся свидетелями того, что сегодня России как никогда нужно диверсифицировать свою внешнеэкономическую деятельность и направить вектор на Восток. В условиях жесточайшей международной конкуренции на рынке капиталов закрепление России на Востоке – важный фактор обеспечения ее национальных интересов. Присоединение Крыма к России способствовало признанию весомого авторитета нашей страны, в частности среди политических и бизнес элит Королевства Бахрейн, а также Объединённых Арабских Эмиратов.

Санкции, наложенные на Россию, сделали действительно актуальными вопросы диверсификации нашей международной торгово-экономической и кредитно-финансовой политики. Товарооборот России с Евросоюзом за 4 месяца 2014 года составил 103,2 млрд долл.¹ По последним данным, объем российского экспорта сократился на 2,7% и составил 91,2 млрд долл. США, а российского импорта – сократился на 5,0% до уровня 38,9 млрд долл. США (по сравнению с январем-апрелем 2013 г.)². Этого можно было избежать, если бы наши торгово-экономические связи с арабскими странами Ближнего Востока компенсировали нам наши убытки, хотя бы в экспортной составляющей. Ведь наша страна обладает очень многими ресурсами, товарами и сырьем, в которых арабские страны Ближнего Востока нуждаются в огромном количестве.

Показательно, что в последние годы только товарооборот между Россией и ОАЭ имеет последовательный рост, который «за 2013 г. достиг отметки в 2,5 млрд долл. США (на 40,89% больше по сравнению с предыдущим годом). При этом российский экспорт в Эмираты составил 2,09 млрд долл. США (рост – 41,37%). В свою очередь, импорт из ОАЭ – 423,291 млн долл. США (рост – 38,12%)»³.

Безусловно, России следует диверсифицировать риски торгово-экономической деятельности сотрудничая с большим количеством контрагентов, юридических лиц и физических лиц из таких стран, как Бахрейн, ОАЭ, Саудовская Аравия, Кувейт, Оман, что в свою очередь вызовет доверие арабских стран к инвестированию в перспективные регионы России, расположения прямых портфельных инвестиций в свободные экономические зоны Российской Федерации, простимулирует открытие как можно большего количества мелких совместных предприятий в российских регионах.

Один из действенных путей привлечения инвестиций в регионы России является факт «культурного и религиозного моста» между российскими бизнесменами, исповедующими ислам, и их зарубежными арабскими партнерами. Не следует забывать, что наша страна представляет собой очень мощное мульти культурное образование, неотъемлемой частью которого являются мусульмане, насчитывающие более 20 млн человек. Для сравнения, в Великобритании, мусульман всего 2,7 млн⁴.

Конечно, часть российских мусульман является «этнической», однако другая часть – это мусульмане, действительно практикующие религию, придерживающиеся обязательного поста, ежедневной пятикратной молитвы и других норм, в том числе и исламской этики ведения бизнеса, которая очень понятна нашим потенциальным партнерам из арабских стран. Например, исламское право запрещает социально вредные виды бизнеса (алкогольный, табачный, игорный) включая инвестирование в них или иного рода содействие, что «по определению» близко и понятно потенциальным арабским партнерам. Также исламское право строго регламентирует честность в сделках, открытость с бизнес партнерами, соблюдение договорных обязательств.

Так Коран, как главный источник исламского права, указывает на запрет обмана и незаконного присвоения имущества партнёра: *«О те, которые уверовали! Не пожирайте своего имущества между собой незаконно, а только путем торговли по обоюдному вашему согласию. Не убивайте самих себя (друг друга), ведь Аллах милостив к вам»*⁵. В другой суре⁶ Корана говорится об абсолютном запрете на обвешивание в торгово-экономических сделках: *«Горе обвешивающим, которые требуют дать им сполна, когда люди отмеривают им, а когда сами меряют или взвешивают для других, то наносят им урон. Разве не думают они, что будут воскрешены в Великий*

¹ Официальный сайт Министерства Экономического Развития Российской Федерации, <http://economy.gov.ru/minrec/activity/sections/foreignEconomicActivity/201407107>.

² Там же.

³ Посольство Российской Федерации в Объединённых Арабских Эмиратах, <http://uae.mid.ru/15>.

⁴ Национальное Статистическое Агенство Великобритании, <http://www.ons.gov.uk/ons/guide-method/census/2011/census-data/2011-census-user-guide/quality-and-methods/methods/statistical-disclosure-control-methods/index.html>.

⁵ Коран / пер., комм. Э. Кулиев. 8-е изд., стереотип. М.: Издатель Эжаев, ЭКСмо, 2012. 808 с.

⁶ сура – глава Корана, Священного писания мусульман.

день – в тот день, когда люди предстанут перед Господом миров? Но нет! Книга грешников находится в Сиджжине. Откуда ты мог знать, что такое Сиджжин? Это — книга начертанная, в которой записаны все злодеяния дьяволов, неверующих и грешников...»⁷.

В свете вышеуказанного необходимо подчеркнуть, что российские бизнесмены, предприниматели, исповедующие религию ислам, являются своеобразными основообразующими «мостами» между нашим, российским капиталом, участвующим в экономиках арабских стран и, наоборот, – арабским капиталом, чувствующим в перспективных регионах и республиках нашей страны.

США ввели санкции 30 июля 2014 г., предусматривающие ограничение доступа к рынкам капитала ряда узловых и стратегически важных российских банков, а на следующий день за ним последовал ЕС. В связи с этим возник нарастающий кризис ликвидности в России в последнем квартале 2014 г.

Действительно, в ситуации ограничения кредитования таких крупнейших российских банков, как «ОАО Сбербанк», «ВТБ», «Россельхозбанк», «Банк Москвы», «Газпромбанк», «ВЭБ» со стороны западных и американских банков, мы становимся свидетелями уязвимости нашего однонаправленного вектора международной кредитно-финансовой политики, очевидно фокусирующегося на Запад и западные банки. Вполне эффективным было бы привлекать к сотрудничеству исламский капитал через известные сделки *сукук*, а также привлекать к сотрудничеству исламские банки в конкретных проектах регионов.

Сегодня потенциал мировых исламских финансов сложно переоценить, поскольку общий их объем «оценивается в 1,2 трлн долл. США и ожидается, что этот объем возрастет до 2,6 трлн долл. США к 2017»⁸ году, поскольку все больше и больше людей внутри арабских стран Ближнего Востока становятся «банкизированными» и открывают банковские счета и активно ими пользуются.

Очень знаковой явилась речь премьер Министра Великобритании Дэвида Кэмерона на Мировом Исламском экономическом форуме, состоявшемся в Лондоне 29 октября 2013 г. – «...я не просто хочу, чтобы Лондон был великой столицей исламских финансов на Западе, я хотел бы, чтобы Лондон стоял наряду с Дубаем и Куала-Лумпуром, являясь одним из мощных столиц исламских финансов где бы то ни было в мире»⁹. Если Великобритания, исторически являясь одним из самых развитых финансовых центров в Европейском Союзе, уделяет такое внимание вопросу привлечения именно исламских финансов в свою страну, то почему бы и нашей стране соответствующим образом не воспользоваться привлечением исламских финансов и капитала регионы РФ. Этот вопрос может быть решен при необходимости.

Интересно, что в свете экономических санкций со стороны США и ЕС отношения России со странами Арабского Востока за последний год заметно улучшились и сейчас находятся на пике сближения. Этому свидетельствует визит крон-принца Королевства Бахрейн Салмана Бин Хамада Аль Халифы 30 апреля 2014 г. По словам крон-принца мы «достигли успеха в подписании меморандума о взаимопонимании с Российским Фондом прямых инвестиций, а также о запуске первого прямого рейса национальной компании GulfAir из Бахрейна в Москву»¹⁰. Именно после этого визита было принято решение открыть прямой рейс Бахрейн – Москва впервые в истории, что, безусловно, должно послужить стимулом для укрепления деловых связей наших стран.

Недавний визит уже Короля Бахрейна Хамада бин Исы Аль Халифа для проведения переговоров с В.В. Путиным и присутствия на Гран-при Формулы-1 в г. Сочи 12 октября 2014 г. является еще одним подтверждением интереса в сторону России.

Интенсификация контактов видна и со стороны Объединённых Арабских Эмиратов. Этому свидетельствует состоявшийся 23 октября 2014 г. визит крон-принца ОАЭ для проведения переговоров с президентом России об усилении сотрудничества в торгово-экономической, финансовой и военной областях. Показательно, что в ходе встречи Мухаммад бин Заеда Альнахьян указал на то, что «Россия играет очень важную роль для стран Ближнего Востока»¹¹. Также планируется визит Короля Саудовской Аравии в Россию в конце 2014 и начале 2015 г.

⁷ Коран / пер., комм. Э. Кулиев. 8-е изд., стереотип. М.: Издатель Эжаев, ЭКСмо, 2012. Сура «аль-Мутаффифин» («Обвешивающие»), аяты 1–9.

⁸ Журнал «Economist», <http://www.economist.com/blogs/schumpeter/2013/11/islamic-finance>.

⁹ Официальный сайт Правительства Великобритании, <https://www.gov.uk/government/speeches/world-islamic-economic-forum-prime-ministers-speech>.

¹⁰ Официальный сайт Президента России, <http://eng.kremlin.ru/transcripts/7094#sel=>

¹¹ Официальный сайт Президента России, <http://eng.kremlin.ru/news/23135>.

Данные официальные встречи недвусмысленно подтверждают поворот политических, экономических и финансовых интересов арабских стран Ближнего Востока в сторону России. Безусловно, сейчас у нашей страны появилась реальная возможность предметно продемонстрировать Востоку свою способность быть не только сильным торгово-экономическим партнером, но и служить противовесом в непростых отношениях арабских стран Ближнего Востока с западным капиталом.

Однако одними встречами на высшем уровне не привлечь арабский капитал в РФ, в частности в такие перспективные ее регионы, как Республика Башкортостан. Арабский капитал в силу чрезмерной осторожности и боязни рисков не может решить для себя с какими компаниями, банками или структурами в России или ее регионах лучше сотрудничать. Существует определенное доверие крупным госкорпорациям, но явно нет расположенности к работе с частным капиталом.

Интересно обратиться к цитате одного из арабских деловых периодических изданий: «Иногда мы встречаемся с высокопоставленными людьми, которые приходят и думают, что в конце одночасовой встречи они уйдут с суммой в 1 млрд долл. США. Они недооценивают нашу изощренность»¹². Замечу, эта цитата исполнительного директора крупнейшего суверенного фонда ОАЭ Abu Dhabi Investment Authority (ADIA).

На этом фоне в регионе резко возобладали прагматический взгляд на международное экономическое сотрудничество. Любой контрагент, будь то банк или компания, рассматривается сквозь призму его конкурентоспособности, вычисляется степень адаптивности к реалиям местного рынка и ценового фактора в сравнении с другими местными и международными компаниями. Сейчас практически любой проект в странах Арабского Залива проходит только через тендеры, на которых зачастую выигрывают только западные компании.

Есть и другая проблема: в арабских странах Ближнего Востока российский бизнесмен или предприниматель не вызывает большого доверия как партнер, если он не работал по международным стандартам или не доказал свою эффективность на рынках арабских стран.

В связи с этим будет показателен конкретный пример электронной платежной системы SADAD Electronic Payment System B.S.C. (далее SADAD¹³) в Королевстве Бахрейн. Проект представляет собой совместное предприятие между бахрейнскими партнерами и компанией, зарегистрированной в Рас Аль Хайме, ОАЭ, контролируемой российскими частными инвесторами. Система использует эффективную для рынка Бахрейна многоканальную технологию приема платежей посредством банков партнеров, собственных платежных терминалов, электронного кошелька, интеграции с мобильными операторами, оптимизацией сбора платежей для государственных учреждений Королевства, а также разработкой комплексного программного обеспечения для государственных учреждений в Бахрейне.

Интересно, что когда компания была учреждена в середине 2010 г. и проводились первые переговоры с государственными институтами, местными мобильными операторами, банками, данный проект не вызывал особого доверия ни местных партнеров-бахрейнцев, ни государственных учреждений в Королевстве Бахрейн, ни местных компаний-провайдеров по одной простой причине – там присутствует российский частный капитал, который в понимании арабских партнеров ассоциируется со стереотипами «русской мафии», сомнительных финансовых операций, махинаций и афер.

Тем не менее в течение 4 лет успешной работы на рынке Королевства Бахрейн компания SADAD разрушила подобные стереотипы о российском бизнесмене и капитале. Сейчас компания SADAD является крупнейшей высокотехнологичной платежной системой Королевства Бахрейн с годовым оборотом более 144 млн долл. США в год. За 4 года в реальных операциях на рынке компания контролирует более 30% всего рынка платежей за мобильную связь, государственных платежей в пользу электричества и воды, дорожных штрафов, сборов кредитов, международных денежных переводов, сборов *закят*¹⁴ и *садака*¹⁵ и других услуг. Еще в октябре 2012 г. компания впервые в истории стран Арабского Залива начала собирать *закят* и *садака* через обширную сеть платежных терминалов, насчитывающую более 750 эффективных точек приема, за что компания была удостоена многочисленных наград и благодарностей от Министерства юстиций и исламских дел Королевства Бахрейн

¹² Журнал «BusinessWeek». ОАЭ. 2008 Июнь.

¹³ SADAD в переводе с арабского языка означает «платеж». – Прим. автора.

¹⁴ Закят – в соответствии с исламским правом обязательный налог в пользу бедных и неимущих, равный 2,5% от суммы удержанного имущества в год. – Прим. автора.

¹⁵ Садака – желательная милостыня в пользу бедных и неимущих. – Прим. автора.

(Ministry of Justice & Islamic Affairs). Компания SADAD в сентябре 2014 г. впервые стала Финансовым институтом и получила лицензию от Центрального банка Бахрейна (СВВ)¹⁶, что вывело компанию на качественно новый уровень.

На сегодняшний день компания позиционирует себя как платежную систему, работающую по исламским принципам, поскольку компания располагает средствами исключительно в исламском банке (Bank Al Salam Bahrain) и сотрудничает с ААОИФИ¹⁷ по линии отчетности. Среди наших партнеров: Ministry of Justice & Islamic Affairs of the Kingdom of Bahrain, крупнейший в мире исламский банк Al Baraka, банк KFH (Kuwait Finance House), Bahrain Islamic Bank, крупнейшие мобильные операторы: Viva Bahrain, Zain Bahrain, национальный оператор Batelco, 4-G провайдер Mena telecom, второй по величине банк Индии, ICICI Bank.

Сегодня платежная система SADAD у местного бахрейнского населения ассоциируется с удобной и быстрой российской технологией, которая работает точно и без сбоев, а государственные учреждения, национальные и международные мобильные операторы, местные банки за последние 4 года совместной работы твердо уяснили для себя, что российская технология – самая лучшая и эффективная, российский бизнесмен – честный, открытый и держит свое слово. И что самое главное, умеющий адаптироваться к местным потребностям рынка и четко понимающий как работать по международным стандартам.

Из приведенного выше примера можно сделать вывод о том, что мелкий и средний российский капитал, а также образ российского бизнесмена, в понимании арабских партнеров имеет определенный отрицательный стереотип, который просто необходимо постепенно упразднить, открывая как можно больше частных компаний с российским участием в странах Арабского Залива и в ходе работы показывать качество продуктов и услуг, последовательную работу и способность адаптироваться к местной специфике рынка. Деловые контакты и успешные деловые отношения позволят максимально привлекать именно средний и мелкий арабский капитал к участию в инвестиционных проектах в субъектах Российской Федерации.

Немаловажным фактором доверия арабских партнеров к инвестиционным возможностям в конкретных республиках или субъектах Российской Федерации является оформление сделок в соответствии с нормами ислама в инвестиционно-финансовых отношениях. Если мы ставим перед собой задачу привлечения инвестиций в конкретные субъекты РФ или республики, с тем чтобы они были привлекательны и понятны потенциальным арабским инвесторам, сделки обязательно должны быть оформлены в соответствии с исламскими принципами финансирования.

Это определенным образом «снимает» рискованность сделок и повышает инвестиционную привлекательность самой сделки, дает определенный «комфорт» арабскому капиталу. В настоящее время наиболее перспективным направлением привлечения капитала по исламским принципам является привлечение средств на основе исламских облигаций *сукук*.

За 2012 год в странах Организации Арабского Залива (Саудовская Аравия, ОАЭ, Кувейт, Катар, Бахрейн, Оман) облигаций *сукук* было выпущено на общую сумму около 21 млрд долл. США, что в 3 раза превышает показатели 2011 года¹⁸. По сути, это означает, что 21 млрд долл. буквально «пришел» в экономики вышеназванных государств и позволил либо реструктурировать долги у крупных корпораций, либо реализовать ряд важных инфраструктурных проектов внутри данных стран.

Чтобы лучше понять, что такое *сукук*, обратимся к его определению и позже к реально практикующимся сделкам. «*Сакк*» в переводе с арабского означает «письменный документ», «ценная бумага», а слово *сукук* является производной формой множественного числа и означает «ценные бумаги».

Важно, что *сукук* представляет собой право собственности на актив и доходами от него. *Сукук* дают право не просто на долю в потоке наличных денежных средств, они дают право собственности.

¹⁶ Официальный сайт Центрального Банка Бахрейна, <http://www.cbb.gov.bh/assets/CBB%20Register/SpL-Oct2014.pdf>.

¹⁷ ААОИФИ – организация по бухгалтерскому учету и аудиту исламских финансовых институтов, базируется в Королевстве Бахрейн. На сегодняшний день единственная в своем роде профессиональная некоммерческая организация по международной стандартизации финансовой отчетности исламских финансовых компаний, банков и других исламских финансовых организаций. Периодически публикует книги, в которых изложены форматы и стандарты финансовой отчетности, соответствующие исламским принципам. – Прим. автора.

¹⁸ Журнал «Economist», <http://www.economist.com/blogs/schumpeter/2013/11/islamic-finance>.

Это отличает *сукук* от традиционных облигаций, поскольку последние являются просто процентными ценными бумагами, тогда как *сукук* – это, по сути, инвестиционные сертификаты, подтверждающие право на долю в активе или множества активов, являющихся неким фундаментом сделки.

Показательно, что исторически *сукук* успешно использовался для финансирования конкретных инвестиционных проектов в странах Арабского Залива. Например, в 2003 г. правительство Катара выпустило облигации QatarGlobalSukuk для мобилизации ресурсов под строительство медицинского центра HamadMedicalCity в Дохе. Для этого в Катаре было создано специальное совместное предприятие с ограниченной ответственностью исключительно для данного проекта (компания специального назначения, SPV). Это предприятие приобрело право собственности на земельный участок, зарегистрированный на имя HamadMedicalCity. Этот участок был передан в доверительную собственность, были выпущены трастовые сертификаты (ТС) на основании механизма *иджара*¹⁹ на сумму 700 млн долл. США, подлежащие выплате в октябре 2010 г. Ежегодная плавающая ставка доходности была установлена на основании лондонских межбанковских ставок ЛИБОР плюс 0,45%.

В контексте привлечения инвестиций в регионы России обратимся к весьма интересному показательному примеру Германии в привлечение инвестиций через выпуск исламских облигаций *сукук*.

Первый в Германии и во всей Европе *сукук* по исламским принципам был выпущен в 2004 г. в провинции Саксония-Анхальт, Германия (Saxon Anhalt). В то время как ряд исламских облигаций *сукук* уже выпускался в странах Арабского Залива за последние годы, эта явилась первой подобной сделкой по выпуску *сукука* в Европе, который представляет достаточно инновационный подход к привлечению нового типа инвесторов, получения доступа к новым источникам проектного финансирования как раз из арабских стран.

Базовый актив, на основе которого была эмиссия *сукука*, являлся ряд зданий, принадлежащих Министерству финансов. Сертификаты *сукук* на общую сумму в 100 млн евро были выпущены специально для этого созданной компанией (SPV) в Нидерландах²⁰. По генеральному договору аренды сроком на 100 лет провинция Саксония-Анхальт, действуя от лица Министерства Финансов, сдали в аренду собственность специально созданной компании в Нидерландах (SPV) в обмен на получение суммы равной сумме выпуска *сукука* (100 млн евро) в качестве одноразового авансового платежа по генеральному договору аренды.

Нидерландская компания (SPV) затем вступает в договор субаренды, по которому компания сдает в субаренду здания снова Министерству финансов сроком на 5 лет. Сертификаты *сукук*, которые имеются у инвесторов, представляют соразмерную долю в операционных правах, полученных Нидерландской компанией (SPV) по генеральному договору аренды.

По договору субаренды государство имеет прямое обязательство осуществлять оплату арендных выплат в каждый учетный период, которые переходят держателям исламских облигаций *сукук* в качестве купонного дохода (дохода по ценной бумаге). Последний платеж по аренде будет включать сумму основного инвестированного капитала, увеличенную в рамках договора субаренды. Эти 5-летние сертификаты с купонным доходом EURIBOR (Европейская усреднённая процентная ставка по межбанковским кредитам) были проведены Citigroup совместно с банком Kuwait Finance House. Подписка на данный *сукук* была полностью завершена со следующей структурой: 60% вложили инвесторы из Бахрейна и ОАЭ, оставшиеся 40% были подписаны инвесторами из Европы, в частности Франции и самой Германии.

В результате анализа можно выделить четкие рекомендации по привлечению инвестиций в регионы РФ:

- а) диверсифицировать международную кредитно-денежную политику, направив вектор на Арабский Восток;
- б) активно привлекать инвестиции через инструменты исламского финансирования *сукук*;

¹⁹ Иджара – исламский лизинг. – Прим. автора.

²⁰ Использование компании в Нидерландах способствовало обходу пока еще полностью не готового немецкого законодательства в области секьюритизации активов, а также с точки зрения налоговой нагрузки. Дело в том, что использование компании в Нидерландах обеспечивало уход от уплаты муниципального налога с облигаций *сукук*, который, напротив, применялся к обычным облигациям. – Прим. автора.

в) в целом не фокусироваться на гигантских проектах, но максимально привлекать средний и мелкий капитал к участию в проектах субъектов Федерации, чтобы расширить зону контакта с арабским предпринимательским классом и создать условия для личного взаимодействия инвесторов на низовом уровне (SADAD в Бахрейне как пример);

г) открыть филиал (зарегистрированный как обычный коммерческий банк в соответствии с местными нормами права) авторитетного исламского банка в Уфе, Башкортостане с ощутимым и узнаваемым международным присутствием в странах Арабского Залива. Это даст реальный доступ международного игрока к перспективному развивающемуся рынку Башкортостана с 60% населения, исповедующих ислам. Это в свою очередь позволит другим исламским банкам открыть свои филиалы в Башкортостане, что привлечет внимание мелких акционеров-инвесторов налаживать деловые контакты и реализовывать мелкие бизнес-проекты в республике.

д) поддерживать и стимулировать зарубежные арабские исламские банки в инвестициях в регион, в модернизацию промышленности региона, использованию российских технологий в проектах, нахождению новых рынков сбыта российским компаниям на рынках присутствия головных офисов банков.

Soomro Manzoor Hussain

THE ROLE OF THE INQUIRY BASED ON SCIENCE EDUCATION (IBSE) IN S&T INNOVATION FOR ECONOMIC DEVELOPMENT AND REGIONAL COOPERATION

Сомро Манзор Хусейн

РОЛЬ СПРОСОРИЕНТИРОВАННОГО НАУЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ИННОВАЦИОННОМ РАЗВИТИИ ЭКОНОМИКИ И РЕГИОНАЛЬНОЙ КООПЕРАЦИИ

Abstract: Latest developments in Pakistan-Russia cooperation and trade show significantly positive moves and the major decision is the lifting of ban by Russia on sale of weapons to Pakistan. It is expected that the diplomatic and trade relationship between the Russian Federation and Pakistan will see faster growth in future. ECOSF would like to nurture such a cooperation between Russia and ECO region in the field of science, technology and education.

Keywords: IBSE, S&T, Innovation, Economic Development, ECO, Regional Cooperation

ECO and the ECO Science Foundation

Economic Cooperation Organization (ECO) with its Secretariat in Tehran-Iran, is an intergovernmental organization of 10 countries viz., Islamic Republic of Afghanistan, Republic of Azerbaijan, Islamic Republic of Iran, Republic of Kazakhstan, Kyrgyz Republic, Islamic Republic of Pakistan, Republic of Tajikistan, Turkmenistan, Republic of Turkey and Uzbekistan. ECO has a number of affiliated and designated institutions and three specialized agencies; viz., ECO Cultural Institute in Tehran- Iran, ECO Science Foundation in Islamabad- Pakistan and ECO Educational Institute in Ankara – Turkey. Overall aim, as the name indicates is; promotion of economic cooperation and trade among the 10 ECO member states.

ECO Science Foundation (ECOSF), established in Islamabad- Pakistan in December 2011, is a Specialized Agency of the ECO. It is an autonomous body with same 10 ECO countries as its members. It is governed by the Board of Trustees (BoT) comprising of the Ministers responsible for Science and Technology of member states; President ECOSF serves as Secretary of the BoT. The BoT is assisted by the Executive Committee comprising an eminent scientist from each member state and chaired by the President ECOSF. Objectives of the Foundation are to:

- promote and fund scientific and technological collaborative research among the S&T community of member states;
- promote and popularize science education at grass root level;
- serve as reservoir of highly skilled scientific human resource of the region;

– harmonize Science, Technology and Innovation policies in the region

ECOSF has a “Science and Technology Fund” to finance the activities to meet its objectives. The S&T Fund is contributed to by the member states but it can also receive funding from international agencies and donors.

Economic Development & International Cooperation

Economic development has been and remains the target and priority of each entity, community and country around the globe. Historically, each country of the world has been pursuing their individual goals and initiatives. However, the ways and means as well as the way of thinking have changed in recent decades. In the present day global ecosystem, “Cooperation and Collaboration” is the name of the game. Cooperation and collaboration can be bilateral between two entities, between two countries or it could be multilateral on the bases of some common issues/interests and objectives/goals. Cooperation and collaboration is pursued even to compete in the market; thus so many mergers of companies take place around the world! All this is based on each other’s strengths and is targeted at mutual learning & benefit for all partners.

The concept of alliances and togetherness enables communities and countries to perform better when it comes to competition in the dynamic world that we have today! There are many examples around the world of Regional and Global Economic Cooperation Organizations (G-8, G-20, ASEAN, ECO etc.), Unions, Federations etc. as well as those on political, cultural and even religious basis. Airline Alliances, Internet and other services providers are getting together to handle their affairs around the globe. Trend of franchise of various companies, schools and institutions of higher learning is taking place across the world. In all the happenings, science and technology (for good or bad) does play a major role-though S&T is never “bad”, it is always the use or abuse of a technology that causes the good or bad effects.

Nevertheless, we as global responsible citizens should be promoting science, technology and education based economic development or the knowledge economy for overall good of the people at large and for a peaceful, prosperous and better tomorrow. For economic development, S&T plays a major role and to sustain scientific and technological development leading to economic development, education plays the crucial role to maintain the feed in of thinkers and innovators. And to nurture scientific and technological innovation, critical thinking and critical observation, the concept of “inquiry”, especially among the young children is vital. It has been this feeling that thinkers and scientists around the globe have been promoting “inquiry based science education (IBSE)” which in turn inculcates innovation among the children. Thus there are programs and institutions around the world who bring in, even the Nobel Laureates, for promotion of IBSE for their future generations. IBSE in one way or the other, is being promoted by National Academies of Sciences and Engineering as well as NGOs and Government Organizations around the globe. Examples are; USA (e.g. *Smithsonian Institute, Society for Science and the Public, Intel International Science and Engineering Fairs* etc.), France (*La main a la pate* Foundation), Australia (*Primary Connections*), China (*China Association of Science and Technology- CAST*), Latin America and many more with different local names and brands.

Therefore, the global forum of Inter-Academy Panel (IAP) comprising of 107 Academies of Sciences have initiated a Science Education Programme (SEP) for promoting science education and science literacy. UNESCO has a programme of non-formal science education; however, it is also being pursued to patronize the concept of IBSE.

Activities of ECOSF

ECO Science Foundation (ECOSF) is supporting S&T collaborative research projects of applied nature among its 10 member countries viz., Afghanistan, Azerbaijan, Iran, Kazakhstan, Kyrgyz Republic, Pakistan, Tajikistan, Turkmenistan, Turkey and Uzbekistan. ECOSF is also promoting and linking IBSE with advance research and industrial development to not only provide exposure to children of different career options but also to ensure a sustainable supply of talent to feed the process of development (see Fig. 1). ECOSF focuses on UN Sustainable Development Goals or the “Post-2015 Agenda”.

The UN’s Post-2015 Agenda is a universal agenda and is to be driven by five big transformative shifts including “forging a new global partnership”. It says; “*A new partnership should be based on a common understanding of our shared humanity, underpinning mutual respect and mutual benefit in a shrinking world*”. ECOSF considers that this approach collectively and ultimately would lead to economic development on sustainable basis in the region. ECOSF is also encouraging international cooperation on the basis of two



Fig. 1. IBSE based strategy for economic development

common goals; advance S&T research and IBSE. It has partnered with International institutions such as UNESCO, ISTIC Malaysia, La main a la pate Foundation- France and would appreciate the cooperation of Russian Federation. Cooperation between Russian Federation and ECO Science Foundation has better chances of success, because six of the ECO member states are former Soviet States and enjoy an excellent socio-cultural interaction, communication and understanding with scientists and educationists as well as the people at large.

Bilateral Trade between Pakistan and Russian Federation

Pakistan attaches great importance to its trade relations with Russian Federation. However, the bilateral trade between the two nations has not shown much growth during the past many years. The bilateral trade volume of Pakistan with Russia stood at just US\$ \$419.34 million during the year 2013-14; The reasons may be many but one major hurdle has been the Russian ban on sale of defense products and equipment to Pakistan.

Nevertheless, there is huge potential of cooperation between the two nations. Major scope for Pakistan's exports exists in cotton fabrics (woven), fruits and fruits preparations, synthetic fabrics, rice, articles of apparel other than textile material, medical & surgical instruments, fruits & vegetables, and dairy products etc. Recently, the Russian Federation has imposed ban on imports of food products from European Union and USA, and this provides Pakistan a great opportunity to collaborate with the Russian Federation and business community of Pakistan to export food products to Russia.

Similarly, Russia can supply to Pakistan; Fertilizer (manufactured), vegetables and vegetables preparations, iron and steel manufactures, paper & paper board, crude rubber and manufactures of non-ferrous metals etc.

However, lately some very significant developments have taken place. Just two weeks ago (20-21 Nov 2014), Pakistan-Russia Joint Working Group met in Moscow and agreed to cooperate in oil and gas exploration and other transnational projects including TAPI- the Turkmenistan-Afghanistan-Pakistan-India pipeline, LNG Terminals construction in Pakistan and Gas pipeline from Gwader to Nawabshah in southern Pakistan.

Some prominent news published in Moscow and Islamabad read as:

1. Russia signs Landmark Military Cooperation Agreement with Pakistan [The Moscow Times, 20 Nov 2014 <http://www.themoscowtimes.com/business/article/russia-signs-landmark-military-cooperation-agreement-with-pakistan/511571.html>]

2. Boosting defence ties: Pakistan, Russia sign landmark cooperation [The Express TRIBUTE, Nov 21, 2014] <http://tribune.com.pk/story/794695/boosting-defence-ties-pakistan-russia-sign-landmark-cooperation-pact/>

· **Russia for strengthening energy ties** [DAWN Islamabad, 22 Nov 2014]

· **Helicopters to be bought from Russia** [DAWN Islamabad, 23 Nov 2014]

It is expected and hoped that these latest developments and agreements of cooperation will lead to stronger and long term cooperation and bilateral trade between Pakistan and the Russian Federation.

ФЕНОМЕН ИСЛАМСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ ЮСЕФА ВАХИДА

E.I. Zelenev

ISLAMIC EDUCATION IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL RELATIONS

Аннотация: Статья посвящена исследованию различных концепций исламского образования в контексте концепции Юсефа Вахида.

Abstract: The article investigates the different concepts of Islamic education in the context of the concept of Youssef Wahid.

Ключевые слова: Ислам, образование, религия, космополитизм, Юсеф Вахид.

Keywords: Islam, education, religion, cosmopolitanism, Youssef Wahid.

Цель данного сообщения: рассмотреть вопрос, можно ли считать систему исламского (религиозного) образования феноменом глобальной культуры, имеющим свойство самодостаточности и саморазвития¹. Вклад в понимание теории и практики исламского образования внесли многие исследователи: J.Halstead², M.Haron³, B.Haverhals⁴, G. Makdisi⁵, M.Pacaci, Y.Aktay⁶, A.Shalaby⁷, Toby E. Huff⁸, Wilna A.J.Meijer⁹ и многие другие. За истекшие 50 лет исламское образование переживало два периода ускоренного развития. Первый период – 70–80-е годы XX в., когда в исламское образование были направлены крупные средства, полученные рядом исламских стран от нефтедобычи. Второй период – десятилетие после 2001 г., особенно под влиянием бурных событий в исламском мире последних 4–5 лет. Сегодня модель исламского образования стремительно эволюционирует в направлении обособленного сегмента мировой культуры, неподконтрольного системному регулированию в глобальном масштабе.

Задачи исследования:

- изложить основополагающие принципы концепции Юсефа Вахида;
- показать связь феномена исламского образования с актуальным и перспективным политическим процессом.

1. Рассматривая исламское образование а priori с позиции феноменологии, отметим его мощное влияние на процессы изучения мусульманами опыта собственного Я и опыта познания Я абстрактного Другого. Ярким примером этого служит деятельность исламских просветителей и религиозных реформаторов XIX–XX вв., таких как Джамаль ад-Дин аль-Афгани, Мухаммад Абдо, Рашид Рида и других, внесших вклад в развитие исламского образования, расширив его возможности за счет освоения мирового педагогического опыта.

Кажущаяся «отстраненность» рассматриваемого нами предмета – концепций исламского образования – от практики жизни на деле оборачивается рождением из феномена исламского образования новой универсальной (глобальной) «смысловой единицы», позволяющей взглянуть на политические

¹ При всем многообразии значений понятия «феномен» в данном случае применима его интерпретация в феноменологической теории Эдмунда Г.А. Гуссерля (1856–1938), который выделяет главный признак феномена – единство содержаний, т.е. его целостность и обособленность в мире опытного знания. Гуссерль Э. Феноменология (Статья в Британской энциклопедии) / предисл., пер. и примеч. В.И. Молчанова // Логос. 1991. №1. С.12–21.

² Halstead J. Mark. An Islamic concept of education // Comparative Education. 2004. 40 (4). P. 517–529.

³ Haron M. Islamic education in South Africa // Muslim Education Quarterly. 1988. 5(2). P. 41–54.

⁴ Haverhals B. The normative foundations of the research-based education: Philosophical notes on the transformation of of modern university idea // Studies in Philosophy and Education. Princeton, 2007. 26(5). P. 419–432.

⁵ Makdisi G. The rise of colleges: Institutions of learning and the West. Edinburgh, 1981, Edinburgh University Press; The rise of humanism in the classical Islam and the West. Edinburgh, 1990, Edinburgh University Press.

⁶ Pacaci M., Aktay Y. 75 years of higher religious education in modern Turkey // The Muslim World. 1989. 3–4. P. 389–413.

⁷ Shalaby A. History of Muslim education. Beirut, 1954, Dar Al-Kashshaf.

⁸ Huff, Toby E. The rise of early modern science: Islam, China, and the West. Cambridge, U.K.: Cambridge University Press; New York, 2003. 425 p.

⁹ Wilna A.J.Meijer, Susan Rustidge (Trans.), Cok Bakker (Editor). Tradition and Future of Islamic Education. Germany: Waxmann Verlag, 2009. 200 p.

процессы сегодняшнего дня как на последствия исламской педагогической деятельности. Логично допустить, что политическое будущее мира опосредованно, через участников политического процесса, зависит от результатов сегодняшней педагогической работы не в меньшей степени, чем от спонтанного поведения политиков в этом самом будущем. Политическое поведение отдельных личностей оказывается тесно связано с полученным раньше образованием.

Современное образование (в том числе и исламское) – это, если так можно сказать, «подсознание» будущего политического процесса в исламском сообществе¹⁰.

2. В 2011 г. в международном издательстве «Питер Лэнг» («Peter Lang») вышла книга декана педагогического факультета Университета г. Стелленбург (ЮАР) профессора философии и педагогики Юсефа Вахида¹¹. Это исследование, посвященное концепциям исламского образования в современном мире, представляет собой попытку концептуализации феномена исламского образования. Эта работа носит знаковый характер, подводя к идее «феноменологии исламского образования» с наполнением этого понятия позитивным содержанием. Значительная часть исследования посвящена явлению космополитизма и присутствию этой идеологемы в числе тех базовых принципов, на которых строится современное исламское образование, не ограниченное ни государственными границами, ни государственными доктринами. В этом контексте исламское образование формирует себя как глобальный феномен, альтернативный так называемым «национальным» и «международным локальным» моделям образования. Обращаясь к идее космополитизма, исламская образовательная доктрина шагает в ногу со временем. Напомним, что «космополитизацию», как яркий признак наступления века глобальных перемен, рассматривает в своих работах Ульрих Бек¹². Его основные идейные конструкты: космополитическое общество, космополитизация изнутри, космополитическая социология, космополитическая перспектива, наконец, космополитический патриотизм – созвучны тому, что Юсеф Вахид вкладывает в понятие «космополитизация исламского образования».

3. Согласно концепции Юсефа Вахида, институты исламского образования повсеместно существуют в тесной связи с мечетями. Первую в исламском мире мечеть (Масджид ал-Куба, Masjid al-Quba) создал пророк Мухаммад в Медине непосредственно после исхода из Мекки (хиджры) в 622 г. христианского летосчисления¹³. Она служила одновременно и политическим, и культурно-просветительским центром, оставаясь при этом и в первую очередь молитвенным домом, в более широком смысле – священным религиозным местом, Домом Господа (Baitu-l-Lah), что придавало особый сакральный смысл всему тому, что там происходило, в том числе и обучению первых мусульман¹⁴. Первыми, если так можно выразиться, структурными единицами исламского образования были (учебные) группы (jam'ī) и (учебные) кружки (halqas) при мечети. Учитель или скорее наставник садился спиной к стене или колонне в мечети, а ученики или скорее слушатели располагались полукругом напротив (отсюда, собственно, и название «кружок»). Нередко круг слушателей приобретал постоянный характер, и тогда возникала группа более или менее постоянных учеников (jam'ī) или учебная группа. Эти группы становились учебными единицами при мечетях. Их члены во главе с наставником, порой самим имамом мечети или уполномоченным им лицом, пользовались особыми правами, могли находиться внутри мечети не только во время молитвы, но и в промежутках времени между ними, вести полноценный учебный процесс на регулярной основе, то есть имели постоянные дни и время занятий. Они изучали различные исламские науки так называемого начального цикла (арабский язык с его сложной грамматикой, письмом и каллиграфией, понимание смысла Корана, чтение вслух, заучивание его наизусть и др.). В VIII и IX веках фактически все мечети мусульманского мира представляли собой своеобразные учебные заведения, благодаря которым осуществлялась преемственность религиозных знаний. Наряду с мечетями религиозное образование получали в мактабах (maktab) или куттабах (kuttāb) – мусульманских начальных школах. Как правило, учитель (mu'allim) собирал своих учеников в возрасте от семи до десяти лет в комнате в обычном доме, где обучал детей основным (элементарным) предметам исламского образования в несколько расширенной фор-

¹⁰ Уайльке Дж. Гуманитарное воспитание и специализации в области политических наук в США // Полис. 1996. №4. С.143; Бурдые П. Социология политики. М., 1993, С.189.

¹¹ Yusef Waghid. Conception of Islamic Education . Pedagogical Framings. New York, Berlin, Peter Lang, 2011. 142 с.

¹² Бек У. Космополитическое общество и его враги // Журнал социологии и антропологии. 2003. Том VI. №1.

¹³ Yusef Waghid. Jbid. P.40.

¹⁴ Shalaby A. History of Muslim education. Beirut, 1954. Dar Al-Kashshaf. P. 48.

ме – Корану и его комментариям, доктрине (i'tiqad), каллиграфии, поэзии, основам арабского литературного языка¹⁵. Медресе/куттабы рассматривались как начальное звено исламского образования, дававшее возможность продолжить образование в медресе, где происходила углубленная специализация по базовым областям исламского образования, в том числе – праву.

В X в. регулярная образовательная деятельность выделилась из мечети, но не отделилась от нее. Возник новый исламский образовательный институт – исламская школа – медресе (madrassah)¹⁶. Считается, что широкое распространение медресе получили благодаря выдающемуся государственному деятелю XI в., везир в государстве Сельджукидов на протяжении правления Алп-Арслана (1063–1072) и Малик-шаха (1072–1092) – персу Абу Али ал-Хасан ибн Исхак ат-Туси, носившему титул Низам ал-Мульк (Порядок Царства) (1018/1019/1020-1092). Есть сведения, что Низам ал-Мульк основал школы-медресе, ставшие известными под названием Низамийа, практически в каждом городе Ирака и Хоросана.

Принципиальное отличие медресе от кружков и групп в мечетях, которые, к слову сказать, не исчезли, сохранив свое значение как просветительское, нерегулярное звено исламского образования, состоит в том, что медресе имеют профессиональный состав преподавателей (mudarris – преподаватель) специальное помещение для учебных занятий, а также жилые помещения, где проживает часть учащихся. Последнее позволяет рассматривать медресе как школу-интернат. Это весьма эффективная находка исламской образовательной модели, позволяющая решать наряду с задачами образовательного характера целый ряд воспитательных задач, причем с очень высокой степенью эффективности. Юсеф Вахид предлагает не смешивать обучение в медресе с обучением при мечети, подчеркивая их принципиально разный уровень.

Подводя итог разделу об институтах исламского образования, Юсеф Вахид соглашается с мнением Дж. Макдиси, что существует три базовых института исламского образования: мактаб/куттаб, мечеть, медресе, называя кроме них хан (khan), где осуществляется индивидуальное образование, и библиотеки (ед. ч. – maktaba), известные под многочисленными названиями: bait alhikma, khizanat al-hikma, dar al-ilm, dar al-kutub, khizanat al-kutub, bait al-kutub¹⁷.

Качество образования в различных исламских образовательных институтах всецело зависело от состава преподавателей – таково мнение Юсеф Вахида.

4. Национальному опыту исламское образование противопоставляет трансцендентальное знание, выход в сферу практически безграничного образного моделирования. Широкая свобода интерпретации в пределах «дозволенного» – вот, что Юсеф Вахид видит главным достоинством исламской образовательной модели, выгодно отличающим ее от всех прочих, которые либо не предоставляют необходимой внутренней свободы, либо лишены морально-этических ориентиров и ограничений. В исламской образовательной модели, по мнению Юсефа Вахида, присутствует и то, и другое.

Суть предлагаемой Юсефом Вахидом модели состоит в том, что современное исламское образование строится на следующем идейном фундаменте:

во-первых, на трех взаимосвязанных концепциях:

- концепции «тарбийя» (воспитание);
- концепции «таалим» (обучение);
- концепции «таадиб» (исправление, корректировка);

во-вторых, на «минималистском» и «максималистском» подходах к оценке умонастроения выпускников мусульманских учебных заведений, что в принципе допускает критический характер их мышления по отношению к окружающей социальной и политической среде;

в-третьих, на базовых понятиях исламского образования, составляющих его цель – «истина» (khakk) и «справедливость» (adlun)¹⁸.

Минималисты и максималисты, согласно Юсефу Вахиду, допускают разный масштаб применения этих базовых понятий по отношению к современному миру. Максималисты полагают, что эти понятия носят универсальный характер, то есть охватывают весь мир, тогда как минималисты допускают локальный взгляд на применение этих понятий внутри только определенных этнических, культурных, политических и, конечно, религиозных социальных групп¹⁹. Юсеф Вахид предлагает рассматри-

¹⁵ Makdisi, 1981. P.19.

¹⁶ Буквальный перевод с арабского языка – «место, где учатся».

¹⁷ Makdisi, 1981. P.24–25.

¹⁸ Yusef Waghid. Conception of Islamic Education. Pedagogical Framings. New York; Berlin, Peter Lang, 2011. С. 2–13.

¹⁹ Там же. С. 17.

вать исламский образовательный процесс в контексте «демократического объединения» – уммы, внутри которого применимы принципы таалим на основе вынесения рациональных суждений – иджитihad. Все это вместе взятое оснащает исламскую образовательную теорию и практику иммунитетом против экстремизма. Ссылаясь на работы Дж. Хабермаса (J. Habermas), Юсеф Вахид рассматривает вопрос о том, какую роль в демократическом процессе играет мнение большинства и меньшинства. Принимающее решение большинство, согласно Дж. Хабермасу, вовсе не является критерием того, что лучше или хуже. Разумность решения большинства строится на двух принципах. Первое – политическое решение должно приниматься большинством. Второе – меньшинство может добиваться того, чтобы повлиять на мнение большинства и даже его скорректировать на основе вынесения рациональных суждений. Юсеф Вахид отождествляет выработку этих рациональных суждений с исламской практикой применения принципа иджитihad. Именно демократический процесс позволяет добиться того, чтобы большинство, вырабатывая решения, принимало во внимание мнение меньшинства. Взаимное признание интересов большинства и меньшинства в процессе выработки рациональных решений представляет собой едва ли не главную ценность демократического процесса согласно мнению Хабермаса²⁰. Соглашаясь с этим, Юсеф Вахид утверждает, что для общественного развития наряду с образованием – таалим – важную роль играет корректировка – таадиб. Корректировка (таадиб) в ее исламском значении тесно связана с идеей личной ответственности человека перед Богом, перед самим собой и перед Другими в обществе, построенном на основе справедливости. Человек, использующий демократические процедуры в корыстных целях, не может считаться культурным человеком – a person of adab. Принцип «ихтиляф» – «несогласия, инакомыслия» – представляет собой важный элемент выражения альтернативных точек зрения внутри исламского сообщества. Юсеф Вахид рассматривает право на инакомыслие как законное право, которого человека нельзя лишить. В качестве исторического аргумента справедливости этой точки зрения приводится пример халифа Али, который проявлял терпение к инакомыслящим до тех пор, пока они не перешли от мирных форм выражения своего мнения к насильственным, что и поставило их вне закона²¹.

Справедливость в принятии решений внутри арабской демократической общности – уммы – может быть обеспечена применением принципа «шура» (совещательность) – коллективного принятия решений на основе консультаций (не единолично). При этом принцип «шура» означает создание группы лиц, готовых выслушивать мнение других, даже если оно расходится с их собственным мнением.

В процессе рассуждений Юсеф Вахид подтверждает вывод о необходимости выделения в исламской образовательной теории двух полюсов – максималистского и минималистского как необходимых инструментов анализа. Объединяющей категорией выступает «исламская цивилизация» («hadara islamiia»), тесно связанная с идеей «исламского государства» («daula islamiia»).

Это, в свою очередь, уже не только абстракция, но и вполне конкретное название политической организации «Исламское государство», до недавнего времени имевшее продолжение «...Ирака и Леванта» – («ИГИЛ»). Упоминание этой организации вносит определенный диссонанс в контекст вышеприведенных рассуждений, однако вводимый Юсефом Вахидом в его исследование раздел «Jihad and dichotomous understandings of Islamic education» («Джихад и дихотомия в понимании Исламского образования») оправдывает возникшую ассоциацию. Дело в том, что Юсеф Вахид допускает возможность применения концепции джихада к сфере образования. В то же время он подчеркивает, что джихад – не только вооруженная борьба против тех, кто угрожает безопасности мусульман и их интересам. Напротив, Юсеф Вахид подчеркивает, что в сфере образования может быть только «мирный джихад», т.е. усиленная работа над тем, чтобы исламское образование сохранилось как обособленный сегмент глобальной культуры – феноменальное явление.

5. Дело в том, что наряду с научными задачами автор книги ставит перед собой политическую цель – доказать беспочвенность утверждения, что среди выпускников исламских учебных заведений преобладают исламские экстремисты, и что это есть прямое следствие полученного ими образования.

Религиозное идеологическое обоснование ряда экстремистских течений в исламском политическом движении, таких, например, как ИГИЛ и производное от него Исламское государство, отрицать

²⁰ Habermas J. Three normative models of democracy // Democracy and difference: Contesting the boundaries of political. Princeton, NJ, 1996: Princeton University Press. P.29.

²¹ Там же. С. 24–25.

не приходится, но возлагать ответственность за это исключительно на мусульманское образование едва ли справедливо, полагает Юсеф Вахид. Он подчеркивает, что система исламского образования имеет гуманистическую направленность и опирается на принципы, которые могут быть определены как «космополитические», тогда как исламский экстремизм имеет преимущественно локальные формы, опирается на локальные политические интересы, стремится к политической власти в конкретной стране и потому имеет мало общего с феноменом исламского образования. Цель исламского образования – воспитание хорошего человека, то есть «культурного человека» (a person of adab), который является антиподом фанатика-экстремиста.

Данная точка зрения Юсефа Вахида заслуживает внимания, поскольку несет в себе очевидный позитивный смысл для глобального духовного климата, однако по существу она далеко не всегда подтверждается реальной политической практикой. Более того, уже около десятилетия сфера образования представляет собой пространство острой конкуренции, где разворачиваются события не менее драматичные, чем на полях войны.

Примером того, что отрицание западных образовательных стандартов, вытекающее из исламской версии формирования «compartmentalized mind» («обособленного мышления»), оказывает прямое влияние на политические процессы в современном мире, служит идеология и практика ряда современных исламских политических движений, таких как движение Талибан (Афганистан), Боко Харам или Черный Талибан (действующее в Нигерии, а также Камеруне, Нигере, Чаде), Исламское государство (Сирия и Ирак) и др.

Вышеприведенные факты позволяют сделать следующие выводы:

1. Феномен исламского образования опирается на концепцию «исламской традиции», которая связана с концепцией «исламской цивилизации», существование которой, в свою очередь, зависит от развития соответствующей модели образования.

2. В границах исламского культурного пространства все возрастающее значение приобретает исламский геокультурный универсализм, основанный на фундаменте «космополитизации исламского образования», которую пропагандирует Юсеф Вахид.

3. Политическое будущее мира зависит от результатов сегодняшней педагогической работы. Содержание исламского образования влияет на актуальные и перспективные политические процессы. Юсеф Вахид и его единомышленники настаивают на том, что исламское образование не должно и не может служить целям политического экстремизма.

Исламское образование независимо от его содержания представляет собой явление глобального характера. Игнорировать его как феномен глобального культурного процесса некорректно. По существу, речь идет о вызове «западной» модели образования на открытое соревнование (в исламской терминологии – говорят о «невоенном джихаде»). Соревноваться предлагается на всем пространстве земного шара, поскольку исламское образование существует практически повсеместно.

«Образовательный джихад», который еще недавно трудно было себе представить, сегодня, похоже, становится политической реальностью. Благодаря таким исследованиям, как работа Юсефа Вахида, угроза «священной войны» внутри образовательного пространства смягчается призывом к глобальному сотрудничеству, который разделяют все, кого действительно волнует состояние духовного климата на нашей планете.

Список использованных источников

1. Бек У. Космополитическое общество и его враги // Журнал социологии и антропологии. 2003. Том VI. №1.
2. Бурдые П. Социология политики / пер. с фр., сост., общ. ред. и предисл. Н.А.Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
3. Гуссерль Э. Феноменология (Статья в Британской энциклопедии) / предисл., пер. и примеч. В.И. Молчанова // Логос. 1991. №1. С. 12–21.
4. Уайльке Дж. Гуманитарное воспитание и специализации в области политических наук в США // Полис. 1996. №4. С. 141–157.
5. Alavi S.M. Ziauddin. Muslim Educational Thought in the Middle Ages. New Delhi-Atlantic Publishers and Distributors, 1988. 118 p.

6. Habermas J. Three normative models of democracy // *Democracy and difference: Contesting the boundaries of political.* Princeton, NJ, 1996: Princeton University Press. P. 21–30.
7. Halstead J. Mark. An Islamic concept of education // *Comparative Education.* 2004. 40 (4). 517–529.
8. Haron M. Islamic education in South Africa // *Muslim Education Quarterly.* 1988, 5(2). P. 41–54.
9. Haverhals B. The normative foundations of the research-based education: Philosophical notes on the transformation of modern university idea // *Studies in Philosophy and Education.* Princeton, 2007. 26(5). P. 419–432.
10. Huff, Toby E. *The rise of early modern science: Islam, China, and the West.* Cambridge, U.K.: Cambridge University Press; New York, 2003. 425 p.
11. Makdisi G. *The rise of colleges: Institutions of Learning in Islam and the West.* Edinburgh, 1981, Edinburgh University Press.
12. Makdisi G. *The Rise of Humanism in the Classical Islam and the Christian West, with Special Reference to Scholasticism.* Edinburgh: Edinburgh University Press, 1990.
13. Pacaci M., Aktay Y. 75 years of higher religious education in modern Turkey // *The Muslim World.* 1989. 3–4. P. 389–413.
14. Roberson B.A. *Shaping the Current Islamic Reformation.* London: Frank Cass Publishers, 2003. 262 p.
15. Shalaby A. *History of Muslim education.* Beirut: Dar Al-Kashshaf, 1954.
16. Talal Kh. *Contribution of Arabs to Education.* NY, 1926.
17. Tritton A.S. *Materials on Muslim Education in the Middle Ages.* London, 1957.
18. Waghid Y. *Conception of Islamic Education . Pedagogical Framings.* New York Berlin, Peter Lang, 2011. 142 p.
19. Wilna A.J.Meijer, Susan Rustidge (Trans.), Cok Bakker (Editor). *Tradition and Future of Islamic Education.* Germany: Waxmann Verlag, 2009. 200 p.

Ф.Г. Хисамитдинова

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ В УФИМСКОМ НАУЧНОМ ЦЕНТРЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

F.G. Khisamitdinova

ORIENTAL STUDIES IN UFA SCIENTIFIC CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Аннотация: В статье освещаются основные направления востоковедения в Уфимском научном центре Российской академии наук.

Abstract: The article is devoted the main directions of Oriental Studies at the Ufa Scientific Center of Russian Academy of Sciences.

Ключевые слова: УНЦ РАН, востоковедение, Уфа.

Keywords: USC RAS, oriental studies, Ufa.

В Уфимском научном центре РАН два гуманитарных института: Институт истории, языка и литературы (создан в 1932 г.) и Институт этнологических исследований (создан в 1999 г.). В силу своей специфики и цели создания востоковедческими проблемами в основном занимается Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, являющийся старейшим гуманитарным научным учреждением Южного Урала. Данный Институт, основанный в 1932 г., унаследовал все востоковедческие традиции региона, т.к. его предшественниками были Башкирский научно-исследовательский институт национальной культуры (1930–1932 гг.), гуманитарные подразделения Академцентра при Наркомпросе (1922–1927 гг.), Башкирский центральный археолого-этнографический музей (1920 г.), Научное общество по изучению быта, истории и культуры башкир (1922 г.), Общество по изучению Башкирии (1922 г.), Общество по изучению местного края (1908 г.) и др. [1]. Кроме указанного фактора, развитию востоковедения в Институте истории, языка и литературы УНЦ РАН оказали влияние хранящиеся в фондохранилищах Научного архива, Научной библиотеки УНЦ РАН и Фонде рукописей и старопечатных

книг ИИЯЛ УНЦ РАН редкие книги, рукописи, документы исследователей, чиновников башкирского края XVII–XVIII вв. В первую очередь это труды, материалы первого члена-корреспондента Российской Императорской Академии наук и художеств П.И. Рычкова, членов академических экспедиций XVIII в. И.Г. Георги, И.И. Лепехина, П.С. Палласа, И.П. Фалька, связанные с башкирским краем и башкирами [2]. Кроме материалов XVII–XVIII вв., в вышеупомянутых фондах Института и Уфимского научного центра представлены уникальные материалы, собранные различными учеными обществами, отдельными исследователями, краеведами, статистическими комитетами XIX – начала XX в. Этот материал, частично опубликованный в местных изданиях и посвященный истории, этнографии, фольклору башкир, археологии региона, также способствовал развитию востоковедения в Институте истории, языка и литературы УНЦ РАН с первых дней его функционирования. В этом плане особую ценность представляют опубликованные и неопубликованные материалы Р.Г. Игнатьева, Н.А. Гурвича, В.Н. Витевского, П.М. Кудряшева, С.Г. Рыбакова, из более поздних – С.И. Руденко, Н.К. Дмитриева, из башкирских исследователей М.М. Бикчурина, Р. Фахретдинова, М. Уметбаева, Г. Сокроя, Г. Киикова, М. Рамзи, З. Валиди и др. [3].

В развитии востоковедения в Институте истории, языка и литературы можно выделить два периода: советский и постсоветский. Безусловно, каждая эпоха имеет свои особенности в развитии востоковедения в ИИЯЛ УНЦ РАН. Эти особенности были связаны с задачами, которые были поставлены перед Институтом, учеными в каждую эпоху. Так, например, задачи языкового строительства, культурной революции, поставленные в первые годы советской эпохи, от исследователей Института требовали решения прикладных проблем. В постсоветскую эпоху в связи с ростом самосознания народа, возникновения проблем национально-государственного строительства сотрудники Института активизировали работу в архивах, рукописных фондах, что дало возможность ввести новые первоисточники для дальнейших исследований, разработки новых направлений в востоковедении. В целом вызовы эпохи, как и везде, обусловили особенности востоковедческих исследований в Институте истории, языка и литературы УНЦ РАН. Рассмотрим более подробно развитие востоковедения в ИИЯЛ по направлениям.

В советскую эпоху Институт, как наследник краеведческих, востоковедческих традиций и учреждений предыдущих лет, не только продолжил, но и усилил сбор полевого материала. С этой целью уже в первые годы функционирования Института было организовано множество научных экспедиций в башкироразличные регионы не только Башкортостана, но и Южного Урала и Приуралья в целом. В связи с тем, что перед сотрудниками Института были поставлены практические задачи языкового строительства, в первые годы в основном собирался языковой материал. Этот материал, собранный со всех регионов проживания башкир, был необходим, во-первых, для определения языка обучения в учебных заведениях республики, во-вторых, для разработки основ нового литературного языка, создаваемого вместо дореволюционного «тюрки», в-третьих, для установления новых правил орфографии и орфоэпии, в-четвертых, для разработки новых учебников, словарей. Безусловно, все перечисленные выше задачи возникли в связи с переводом письменности башкир с арабской графики сначала на латиницу, чуть позже – кириллицу. Научно-методическое обеспечение поставленных задач было поручено Институту истории, языка и литературы. В связи с изложенным сотрудники Института в первые годы его функционирования, кроме работы по сбору экспедиционных материалов, занимались прикладными задачами языкового строительства. Они составляли учебники, словари, методические пособия. Ими были разработаны основы башкирского литературного языка, его орфографии и орфоэпии; были созданы первые терминологические и нормативные словари; создавались двуязычные русско-башкирские и башкирско-русские словари и др. [4]. Таким образом, в первые годы советской эпохи востоковедческие исследования Института в основном носили прикладной характер, ограничивались только лингвистическими проблемами. Тем не менее следует отметить, что сотрудники Института во время экспедиций уже в первые годы собрали огромное количество диалектных, фольклорных, этнографических текстов, множество арабографических рукописей, старопечатных книг, которые в последующие годы стали базой для востоковедческих исследований Института. Именно поэтому организация научных экспедиций, выезды, сбор полевого и археографического материалов стали важнейшим направлением в востоковедении Института и в последующие годы. Не случайно за время своего функционирования Институтом было проведено более 350 различных научных экспедиций. Участниками экспедиций разных лет собран, во-первых, огромный диалектный материал, кото-

рый, как уже говорилось выше, послужил базой при создании первых учебных словарей, учебников и учебных пособий по башкирскому языку. Позднее на базе собранного языковедами Института материала были созданы 3 картотеки: диалектологическая, ономастическая и картотека толкового словаря объемом более 3 млн слов и словоформ. Материалы картотек Института позднее стали основой при разработке фундаментальных словарей всех типов башкирского языка. В частности, на базе диалектологической картотеки сотрудниками Института были подготовлены и изданы 4 словаря. Первый словарь посвящен восточному, второй – южному, третий – северо-западному диалектам, а четвертый словарь является сводным и включает языковой материал всех трех диалектов [5]. Кроме перечисленных словарей, на базе картотеки и материалов, хранящихся в архиве УНЦ, диалектологами Института во главе с Н.Х. Максютовой еще в советскую эпоху удалось подготовить «Диалектологический атлас башкирского языка», включающий, помимо 169 карт, комментарии и интерпретации, программу по сбору материалов для диалектологического атласа и справочный материал [6]. В силу объективных и субъективных причин «Диалектологический атлас...» увидел свет только в 2005 г. Кроме словарей и атласа, диалектологам удалось подготовить и издать образцы диалектной речи башкир различных территориальных групп, 6 монографий, посвященных описанию трех диалектов и говоров, функционирующих в иноязычном окружении [7].

На базе материалов ономастической картотеки и архивных материалов в Институте составлены словари по антропонимии имен, фамилий, топонимии, ойконимии, названиям гор, рек, улиц городов республики. Ономастами Института защищено 4 кандидатских и 4 докторских диссертаций, которые были опубликованы в виде монографий [8].

Создание генеральной картотеки лексической системы башкирского языка явилось поворотным моментом не только в башкирской, но и лексикографии кыпчакских тюркских языков, т.к. это дало возможность создать фундаментальные толковые, этимологические, тематические, терминологические, двуязычные словари не только башкирского, но и других тюркских языков. В частности, сотрудниками ИИЯЛ были подготовлены, позднее изданы толковый словарь башкирского языка в 2-х томах под руководством известного лексикографа, лексиколога А.Г. Бишева. Уже в постсоветскую эпоху увидел свет фундаментальный русско-башкирский словарь в 2-х томах под руководством академика АН РБ З.Г. Ураксина. Под руководством известного тюрколога Т.М. Гарипова при участии лексикологов Института была подготовлена серия этимологических словарей башкирского языка [9].

Картотечный фонд отдела языкознания в постсоветскую эпоху способствовал развитию новых направлений в востоковедении ИИЯЛ УНЦ РАН. В частности, благодаря материалам генеральной картотеки и словарей, составленных на ее базе, был создан Машинный фонд башкирского языка с общим объемом 30 Гбайт. Машинный или компьютерный фонд башкирского языка состоит из следующих подфондов:

подфонд генеральной картотеки содержит основную информацию о лексической системе языка. В базе в структурированном виде находятся более 100 000 корнеслов и производных всех пластов языка;

лексикографический подфонд состоит из 62-х структурированных словарей с общим объемом словарных статей порядка 500 000 единиц;

каталог рукописных и старопечатных книг содержит описание 3 257 единиц из фонда Института истории, языка и литературы УНЦ РАН и Национального музея РБ;

диалектологический подфонд состоит из трех самостоятельных баз данных. Это лексическая, картографическая и текстологическая базы.

В лексическом разделе представлена информация о диалектной лексике. База данных содержит более 52 120 диалектных единиц, в картографическом разделе представлены 163 карт с изоглоссами по 250 опорным пунктам республики и сопредельных районов. Текстологическая база данных включает 105 текстов по говорам башкирских диалектов;

грамматический подфонд содержит комбинаторные данные по 600 000 словоформам башкирского языка;

экспериментально-фонетический подфонд содержит фонетический словарь на 8 000 единиц [10].

В последние годы на материалах генеральной картотеки и Машинного фонда в Институте ведется работа по составлению толково-переводного четырехязычного (башкирский, русский, английский, турецкий) «Академического словаря башкирского языка» в 10 т. Шесть томов данного словаря

увидели свет в 2011–2014 гг. [11]. Кроме вышеуказанных работ, на материалах генеральной картотеки и других источников языковедами ИИЯЛ УНЦ РАН подготовлены и изданы несколько крупных монографий, в том числе «Грамматика современного башкирского языка» под редакцией А.А. Юлдашева, более 60 терминологических и других словарей, написано и защищено множество диссертаций по различным аспектам языка.

Огромный полевой материал собран разными поколениями фольклористов ИИЯЛ УНЦ РАН. На базе собранного материала, во-первых, создан Фонд звукозаписей ИИЯЛ. Фонд включает в себя фонографные записи, выполненные в 30-х годах прошлого века, и магнитофонные, которые фиксируются с 1961 г. Фонд содержит свыше 6 тыс. единиц хранения, представляющих систему жанров башкирского народного музыкального творчества. Это протяжные, плясовые, хороводные, колыбельные, рекрутские песни, свадебные причитания, песни о батырах, песенные вставки в эпических произведениях и сказках, байты, мунажаты, а также наигрыши для курая, кубыза, скрипки, гармоны, мандолины др. Сегодня ведется работа по переводу музыкальных фольклорных материалов на электронные носители [12]. Следует отметить, что часть музыкального фольклора нотирована и издана. Вместе с тем следует отметить, что часть музыкального фольклора башкир и других народов региона, записанная в 20–30-х годах прошлого века на фоновалики, остается до сих пор недоступной исследователям из-за отсутствия соответствующей техники. Кроме музыкального фольклора, исследователями Института еще с первых дней его функционирования интенсивно собирался и словесный фольклор. Данный материал перепечатан, систематизирован и каталогизирован. Это позволило фольклористам уже в 50-х годах прошлого столетия подготовить и издать с комментариями трехтомник «Башкирское народное творчество» на башкирском языке. Однако собранный фольклорный материал был очень богат, поэтому в 1972–1986 гг. готовится и издается свод башкирского фольклора в 18 т. В 90-х годах прошлого века свод башкирского фольклора был подготовлен и издан на русском языке в 12 т. [13]. С 1994 г. ведется подготовка нового издания «Башкирское народное творчество» на башкирском языке в 36 т., тринадцать томов нового свода увидели свет в последние годы. Наиболее крупные и значимые произведения башкирского фольклора в последние годы стали издаваться на трех языках – башкирском, русском, турецком или башкирском, русском, английском. В настоящее время сбор полевого материала в Институте продолжается. Собранный полевой материал систематизируется и ежегодно издается, что дает возможность фольклористам проводить диахронические исследования.

Как уже говорилось выше, экспедиции, выезды способствуют сбору арабскографических рукописей и старопечатных книг. Действительно, археографами Института собраны уникальные восточные рукописи, старопечатные книги на тюрки, арабском и персидском языках, родословные-шежере башкирских родов и племен. Собранный в экспедициях материал послужил основой Фонда рукописей и старопечатных книг ИИЯЛ. Сегодня в фонде, носящем имя своего основателя академика АН РБ Г.Б. Хусаинова, представлено более 7 200 единиц хранения, из которых 3 680 являются рукописями, 3 500 старопечатными книгами, 62 – родословными-шежере. С точки зрения языка более 5 000 рукописей и книг написаны на тюрки, 1890 – на арабском и 56 – на персидском языках. В настоящее время ведется работа по описанию, каталогизации и оцифровке материалов Фонда. На сегодня описано и каталогизировано около половины материалов (3450 единиц), оцифровано 2 160 единиц хранения Фонда [14]. Более 800 подробных описаний тюркских рукописей издано отдельной книгой. Отдельными книгами подготовлены и изданы башкирские родословные. Последняя книга родословных под названием «Башкорт шәжәрәләре» издана на башкирском и турецком языках в Анкаре [15]. Введение в оборот громадного количества рукописей, старопечатных книг позволило литературоведам и текстологам ИИЯЛ УНЦ РАН написать и издать историю башкирской литературы в 6 томах еще в советскую эпоху. Сегодня литературоведы Института готовят к изданию седьмой том, посвященный постсоветской башкирской литературе. Крупным событием не только в Институте, но и республике стало издание антологии башкирской литературы в 3-х томах, подготовленной еще в советскую эпоху.

В последние годы литературоведами готовится к изданию история башкирской литературы на русском языке в 4-х томах [16].

Кроме рукописей, полевого фольклорного и диалектного материалов, в экспедициях сотрудниками Института собраны редкие артефакты, связанные с народной культурой башкир и других народов Южного Урала. В этом плане особо следует отметить находку археологов ИИЯЛ во главе с А.Х. Пшеничником сарматских золотых изделий IV в. до н.э. Изделия сарматских курганов получили мировую известность. Они с большим успехом выставлялись в музеях Италии, США, Швеции, а

также в Москве, Санкт-Петербурге, Уфе. Выставки сопровождались изданием красочных каталогов «Золотые олени Евразии» (Нью-Йорк, 2000; Милан, 2001; СПб., 2001; М., 2003; Уфа, 2002). По справедливой оценке члена-корреспондента РАН У.М. Джемилева находки археологов ИИЯЛ УНЦ РАН по ценности превосходят Троянский клад Шлимана. Эта коллекция золотых изделий ранних кочевников Южного Урала IV в. до н.э. сегодня составляет ядро Музея археологии и этнографии УНЦ РАН [17].

С востоковедческой точки зрения большую ценность представляет краниологическая коллекция, собранная антропологами Института во главе с Р.М. Юсуповым по всему Южному Уралу и Приуралью. На базе собранной коллекции в Институте создана антропологическая лаборатория, насчитывающая более 1500 черепов обоего пола, относящихся как древнему населению Южного Урала, так и башкирам XVII – начала XX в. [18]. Данная коллекция представляет собой фундаментальную базу для изучения этно- и расогенеза не только башкир, но и народов всего Урало-Поволжского региона. Краниологическая коллекция Института пользуется широкой известностью среди ученых-антропологов России, стран ближнего и дальнего (Венгрия, Испания, Турция, Италия) зарубежья. В настоящее время в лаборатории Института, являющейся единственной в регионе, ведется работа по паспортизации и оцифровке собранного краниологического материала.

Большую собирательскую работу вели и историки Института. Они вместе с учеными центральных институтов АН СССР, работниками местных и центральных архивов еще в 30–40-х годах прошлого столетия собрали огромный материал по истории, экономике Южного Урала, Башкортостана и башкир. В этом плане особо следует отметить помощь таких историков из центра, как Н.Ф. Демидовой, А.П. Чулошниковой, Н.В. Устюгова, а также сосланного в Уфу академика М.К. Любавского. Собранный в архивах материал был систематизирован, археографически описан и издан в шести томах под названием «Материалы по истории Башкирской АССР, а шестой том – «Материалы по истории Башкортостана» [19]. Это уникальное издание, сопровождаемое профессионально написанными комментариями, указателями, стало базой для последующих востоковедческих исторических исследований не только института, но и других научных центров бывшего Советского Союза.

Работа по сбору и введению в оборот архивных материалов продолжалась и в постсоветскую эпоху. В частности, только в последние десять лет были подготовлены и изданы сборники документов «Западные башкиры по переписям 1795 – 1947 гг.» (2001 г.), «Женское движение в Башкортостане. 1941–2000 гг.» (2009) и др. А в связи с выполнением проекта «История башкирского народа» в 7 томах были введены в научный оборот документальные материалы из более чем семидесяти архивов России и зарубежных стран. Они изданы в 2012–2014 гг. под названием «Документы и материалы по истории башкирского народа» в 8 книгах тиражом по 2 тыс. каждая при поддержке Правительства Республики Башкортостан.

Подводя итоги, можно сказать, что сбор и введение в научный оборот архивных материалов по истории, экономике Башкортостана, башкирского и других народов края является важнейшим направлением в востоковедении ИИЯЛ УНЦ РАН. Данное направление, получившее начало еще в первые годы функционирования Института, активно развивается и сегодня. Развитие этого направления способствовало написанию ряда фундаментальных работ по истории Башкортостана и башкир. В частности, только в последние 20 лет были подготовлены и изданы коллективные монографии «История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в.» под руководством Х.Ф. Усманова, «История Башкортостана во второй половине XIX в. – начала XX в.», в 2-х томах под руководством М.И. Роднова и И.М. Гвоздиковой, «История Башкортостана (1917–1990-е годы)» в 2-х томах под руководством Р.Н. Сулеймановой, «История Башкирского народа» в 7 томах под руководством М.И. Кульшарипова и др. [21].

Использование новых архивных, полевых археологических, антропологических, этнографических, а также филологических источников позволило уточнить, пересмотреть отдельные моменты как в истории башкир и других народов региона, так и истории Урало-Поволжья. В частности, новые материалы археологов и антропологов Института истории, языка и литературы УНЦ РАН позволили В.В. Овсянникову сделать вывод о том, что в пределах Южного Урала культурная традиция никогда не прерывалась. Несмотря на смену эпох материальной культуры, климатические изменения, здесь всегда сохранялось этническое ядро, выступающее посредником и коммуникатором для последующих поколений. Результатом развития этой традиции является формирование современного башкирского народа, культура которого несет в себе следы всех прошедших эпох [22].

Таким образом, богатый фактический материал позволил историкам Института пересмотреть роль миграционных процессов в этногенетической истории башкир и доказать древность их культурных традиций на Южном Урале, их непосредственную связь предшествующими культурами региона.

Во-вторых, сбор и введение в оборот архивных материалов, как и полевых, обусловило появление новых направлений в востоковедении Института истории, языка и литературы.

В частности, в Институте появилось текстологическое направление. В результате только в последние годы подготовлены и издана часть трудов Р. Фахретдинова, Г. Киикова, М. Акмуллы и др. [23].

Как новое направление востоковедения можно отметить изучение башкирского диалектного материала с использованием магнитно-резонансной томографии (МРТ-метод). Методом МРТ вместе с новосибирским исследователем Н.С. Уртегешевым обследована система согласных всех трех диалектов башкирского языка. В результате подготовлены и изданы 3 диалектных атласа «Атлас артикуляторных настроек согласных восточного диалекта башкирского языка» (Уфа, 2012), «Атлас артикуляторных настроек согласных южного диалекта башкирского языка» (Уфа, 2013), «Атлас артикуляторных настроек северо-западного диалекта башкирского языка» (Уфа, 2014) [24].

В качестве нового направления в востоковедении ИИЯЛ УНЦ РАН следует отметить внедрение информационных технологий в башкирский язык, создание его Машинного фонда и работу по созданию Национального корпуса, башкирского языка. На сегодняшний день создан корпус прозаических текстов, ведется работа над корпусом диалектных текстов.

Получили развитие антропологические исследования в Институте. Кроме реконструкций по черепам, появились монографические труды Р.М. Юсупова, Н.А. Суворовой, А.И. Нечволоды и др., посвященные краниологии, дерматоглифике, палеоантропологии, антропологическому составу, расогенезу башкир [25].

В качестве нового направления в востоковедческих исследованиях ИИЯЛ следует отметить и мифологию. В этом направлении много сделано В.Г. Котовым, Ф.Г. Хисамитдиновой, чьи работы имеют выход не только в тюркологию в целом, но и иранистику, синологию, финно-угроведение [26].

Подводя итоги, можно сказать, что востоковедческие исследования в Институте имеют свои традиции. Как и везде, начав со сбора и обработки материалов экспедиций, архивов, археографических изысканий, востоковеды Института активно работают над монографическими работами, как в традиционных аспектах, так и новых направлениях.

Список использованных источников

1. 80 лет в научном поиске. Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук / М.Н. Фархшатов. Уфа, 2012. С. 9.
2. Институт истории языка и литературы: время, открытия, люди. К 75-летию юбилею // Р.И. Якупов. Уфа, 2007. С. 8.
3. 80 лет в научном поиске... С. 7–8.
4. Там же. С. 10.
5. Словарь башкирских говоров Т.1. Восточный диалект / Н.Х. Максютлова, Н.Х. Ишбулатов. Уфа, 1967. 300 с.; Словарь башкирских говоров. Южный диалект / Н.Х. Максютлова. Уфа, 1970. 326 с.; Словарь башкирских говоров. Западный диалект / Н.Х. Максютлова. Уфа, 1987. 232 с.; Диалектологический словарь башкирского языка / М.И. Дильмухаметов и др. Уфа, 2002. С. 432.
6. Диалектологический атлас башкирского языка / Ф.Г. Хисамитдинова и др. Уфа, 2005. 234 с.
7. Институт истории, языка и литературы ... С. 36–37.
8. Там же С. 36.
9. Словарь башкирского языка / А.Г. Биишев и др. В 2-х томах. М., 1993; Русско-башкирский словарь / З.Г. Ураксин. В 2-х т. Уфа, 2005; Гарипов Т.М. Историко-этимологический словарь башкирского языка. Вып. 1. Корнеслова с гласными инициалами. Уфа, 2007. Вып. 2. Двухфонемные моносиллабы с согласными инициалами. Уфа, 2009.
10. Сиразитдинов З.А. Информационная система «Машинный фонд башкирского языка» / Городские башкиры: проблемы языка и демографии. Уфа, 2010. С. 32–40.
11. Академический словарь башкирского языка / Ф.Г. Хисамитдинова. В 10 т. Т. I–II. Уфа, 2011; Т. III–IV. Уфа, 2012; Т. V. Уфа, 2013; Т. VI. Уфа, 2014.

12. 80 лет в научном поиске... С. 71.
13. Там же. С. 70.
14. Подсчеты Р.Ю. Аккубекова, хранителя фонда.
15. ВаХкurt Fecereleri. Башкорт шежерелере // М.Х. Некерголов, С.Г. Селихов. Анкара, 2009. 187 с.
16. 80 лет в научном поиске... С. 66–67.
17. Пшеничник А.Х. Филипповка. Некрополь кочевой знати IV века до н.э. на Южном Урале. Уфа, 2012. 280 с.; Джемилев У.М. Уфимскому научному центру РАН – 60 лет: история, научные школы, перспективы // Вестник АН РБ. 2011. Т. 16. № 3. С. 69.
18. Институт истории, языка и литературы... С. 67.
19. 80 лет в научном поиске... С. 4.
20. Западные башкиры по переписям 1795–1917 гг. / А.З. Асфандияров и др., Уфа, 2001; Женское движение в Башкортостане. 1941–2000 / Р.Н. Сулейманова. Уфа, 2009; Документы и материалы по истории башкирского народа: В 8 кн. Кн. 1–7 кн. Уфа, 2012; Кн. 8. Уфа, 2014 г.
21. История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. / Х.Ф. Усманов. Уфа, 1995; История Башкортостана во второй половине XIX в. – начала XX в. / М.И. Роднов, И.М. Гвоздиков. В 2 т. Уфа, 2006–2007; История Башкортостана (1917–1990-е годы) / Р.Н. Сулейманова. В 2 т. Уфа, 2004–2005; История башкирского народа / М.М. Кульшарипов. В 7 т. Уфа, 2009–2012.
22. Овсянников В.В. Предисловие к I тому // История башкирского народа / М.М. Кульшарипов. В 7 т. Т. 1. М., 2009. С. 11.
23. Институту истории, языка и литературы... С. 48.
24. Уртегешев Н.С., Хисамитдинова Ф.Г., Ишкильдина Л.К. Атлас артикуляторных настроек согласных восточного диалекта башкирского языка. Уфа, 2012. 104 с.; Уртегешев Н.С., Хисамитдинова Ф.Г. Атлас артикуляторных настроек согласных южного диалекта башкирского языка. Уфа, 2013. 108 с.; Хисамитдинова Ф.Г., Уртегешев Н.С., Ишкильдина Л.К. Атлас артикуляторных настроек согласных северо-западного диалекта башкирского языка. Уфа, 2014. 116 с.
25. Юсупов Р.М. Краниология башкир. Л., 1989. 198 с.; Курганские башкиры. Историко-этнографические очерки / Юсупов Р.М. Уфа, 2002. 216 с.; Башкиры-гайнинцы: история и современность / Юсупов Р.М. Уфа, 2012. 264 с.; Антропология башкир // Бермишева М.А., Юсупов Р.М. и др. СПб., 2011.
26. Котов В.Г. Башкирский эпос «Урал-батыр». Историко-мифологические основы. Уфа, 2006; Он же. Южноуральский пласт индоарийской мифологии // Этносы и культуры на стыке Азии и Европы. Уфа, 2000; Хисамитдинова Ф.Г. Мифологический словарь башкирского языка. М.; 2010; Она же. Словарь башкирской мифологии. Уфа, 2011.

Круглый стол 1. ВОСТОК В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ И КУЛЬТУРЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

О.В. Abdimuminov

PARTNERSHIP OF CENTRAL ASIAN COUNTRIES AND UNITED NATIONS

О.В. Абдимуминов

ПАРТНЕРСТВО СТРАН СРЕДНЕЙ АЗИИ И ООН

Аннотация: Статья посвящена взаимосвязи Центрально-азиатских республик с международными организациями ООН.

Ключевые слова: Центральная Азия, ООН, программы и агенты ООН, региональная стабильность, региональные проблемы.

Abstract: The article is devoted partnership Central Asian countries and international organization United Nations.

Key words: Central Asia, UN, programme and agencies UN, the regional stability, regional problems.

Central Asia is important region in the international affairs. Newly Independent Central Asian countries Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan are facing complex political, economic, social transformation.

From the beginning of the 1990s, the Central Asia states have sought a new model of development and integration. The countries of the region have common social, economic, environmental, and political problems and cooperation is necessary to solve these problems.

Central Asia states have developed relations and joint programs with the United Nations, European Union (EU), Asian Development Bank (ADB), and other international organizations.

The Central Asian republics became a member of the United Nations on March 1992 at the 46th Session of the General Assembly of the United Nations. For the last twenty two years close contacts are established with all main structures of the Organisation.

The United Nations Office opened in Central Asian republics the following year. Today, there are more UN programmers, funds and agencies operating in Central Asian. The UN system in Central Asian countries works as one, collaborating to support the national reform efforts.

At the same time, analysis of the UN activity in Central Asia has shown that the activity of these structures needs to be improved. It seems that international organizations need to develop a clear and long-term strategy in Central Asia, covering the issues of security and sustainable development.

Uzbekistan and UN: Uzbekistan joined the United Nations in 1992 as a new sovereign and independent state. The United Nations office opened in Tashkent October 1993 year. Today, there are 11 UN programmers, funds and agencies operating in the country. The UN system in Uzbekistan works as one, collaborating to support the national reform efforts.

During its more than decade-long experience here, UN has been committed to enhancing the development situation in the country and has worked intensively to support the Government, civil society and people in Uzbekistan to overcome the numerous challenges of transition. UN has assisted governmental and non-governmental institutions in obtaining the knowledge, experience and resources needed to successfully pursue economic and social reforms to ensure a good and promising future for the Uzbek people.

UN assistance in Uzbekistan, through its current country programme focuses on two overall, interlinked objectives: to support the Government in advancing economic and democratic reforms, and strengthening and fostering the participation of civil society in development processes at national and local levels. UNDP's work is concentrating on three thematic areas:

- economic governance and poverty reduction;
- environment and energy;
- democratic governance¹.

¹ <http://www.uz.undp.org/content/uzbekistan/en/home/ourwork/overview.html> December, 2013.

On the third leg of the five-country tour to Central Asia, the UN Secretary-General Ban Ki-moon visited Uzbekistan on April 4-5, 2010. The visit started in Nukus included the helicopter flight over the Aral Sea with the stop in Muynak. In a former port city, Secretary-General encountered local community members who had spoken of life before the rapid shrinkage of the Aral Sea and that at present. Speaking to journalists in Nukus upon return from the visit to the Aral Sea region, including the ship cemetery, Secretary-General said he was «shocked» at the sight, and termed it as «one of the worst environmental disasters of the world»².

Secretary-General Ban Ki-moon met the Uzbekistan President Islam Karimov on April 5 to discuss issues of regional security and cooperation, environment, development and human rights. The meeting was followed by the signing ceremony of the joint declaration between the United Nations and the Shanghai Cooperation Organization which Uzbekistan currently chairs.

Kazakhstan and UN: The Republic of Kazakhstan became a member of the United Nations on 2 March 1992 (GA resolution 46/224). The United Nations system started its country-based operations in Kazakhstan in early 1993 after the conclusion of an agreement between President N.Nazarbayev and then Secretary-General of the United Nations Boutros Boutros-Ghali on 5 October 1992³.

Over the past more years, the UN Agencies have provided significant support to Kazakhstan. They supported the drafting of a wide number of strategies, programmes and legislation dealing with macro-economic reform, social issues, improvement of health and environmental management. The most prominent of them is the long-term development strategy Kazakhstan 2030. The UN Agencies also carried out pilots and projects at local level⁴.

Working within the United Nations System every agency has its own area of expertise, focus and mandate. The heads of these agencies form the UN Country Team (UNCT) led by the Resident Coordinator. The UNCT, drawing on the collective strengths of all agencies, funds and programmes, aims to make a strategic contribution to the achievement of national development priorities. In 2000 in New York, together with other world leaders, the President of Kazakhstan added his signature to the Millennium Declaration.

The Millennium Development Goals, set forth in the Declaration, in many ways are harmonious to Kazakhstan national priorities and objectives, which are in the process of being realized. Political, economic and social reforms have been successively implemented. Our achievements in the areas of institution building and democracy development are considerable.

Further, Kazakhstan is now acknowledged as a state with a market economy. Our country is a full member of the international community and a recognized leader of global integration processes. Kazakhstan has entered the new millennium with confidence. The economy has been experiencing growth over the last number of years. We are fully aware that economic success must be felt by every citizen of our nation⁵.

Kazakhstan's presence in the Organization is steadily increasing. Today there are 17 missions, programs, funds and specialized agencies of the UN in the republic, half of which has a sub-regional and regional status, covering the states of Central Asia, the CIS and Eastern Europe. These structures provide significant support to the government of Kazakhstan in addressing social, environmental and other issues⁶.

UN in Kazakhstan will be further guided by the national priorities outlined in national development strategies, by the Millennium Development Goals and other international commitments undertaken by Kazakhstan. Looking into the future, the UN Country Team is committed to work towards implementation of its mission: to work in close partnership with the Government, civil society, the private sector and other actors to improve the lives of the people of Kazakhstan.

Turkmenistan and UN: Turkmenistan became a member of the United Nations in March 1992. As cooperation with Turkmenistan was initiated, different UN agencies established their offices in the country in the early 90s to provide support in a variety of areas envisaged by their respective mandates⁷.

Since 1995, after the UN General Assembly recognized and supported Turkmenistan's status of permanent neutrality through its resolution, the foreign policy of Turkmenistan has become grounded on the principle of

² UN Secretary-General visits Uzbekistan. Newsletter UN in Uzbekistan. January – April 2010. P. 1–2.

³ United Nations in the Republic of Kazakhstan. United Nations Office, Astana 2008. P.2.

⁴ <http://www.un.kz/en/pages/2.jsp> 6 January 2013 year.

⁵ Millennium development goals in Kazakhstan. Printed in Taimas Print House in 2002. p.1.; Millennium Development Goals in Kazakhstan. 2005 y; Millennium development goals in Kazakhstan. Office of the United Nations in Kazakhstan. Astana, 2007.

⁶ Natalia Valuiskaya. 20 years of Kazakhstan-UN cooperation to be marked in 2012. «Казakhstanская правда» общенациональная ежедневная газета № 3 (27277) 5.01.2013.

⁷ Turkmenistan and United Nations: partners for change. Ashgabat, 2007. P.3.

neutrality. The General Assembly resolution specifically welcomed the desire of Turkmenistan to play an active and positive role in developing peaceful, friendly and mutually beneficial relations with the countries of the region and other States of the world.

The neutrality status bestowed on Turkmenistan by the UN General Assembly obviously comes with the responsibility for the country to effectively demonstrate its commitment to the UN charter and conventions and to become proactively involved in the promotion of peace and regional security. Moreover, the country has contributed as a mediator towards the settlement of disputes. For example, Turkmenistan initiated the holding, under UN auspices, of a continuous round of inter-Tajik talks in Ashgabat which advanced the establishment of peace in Tajikistan. In 1999, Turkmenistan also laid the ground for political dialogue in Afghanistan by providing a forum in Ashgabat for the first negotiations between the Taliban and the Northern Alliance. The wars in Tajikistan and Afghanistan created an influx of refugees to Turkmenistan and the country's willingness to accept thousands of refugees and provide them with humanitarian assistance was notable.

23 September 2011 Turkmenistan's President called for the creation of new mechanisms for Central Asian countries to cooperate on energy and transportation during a speech to the General Assembly's annual general debate in New York today⁸. G.Berdimuhamedov also pointed to transport as a crucial component to the region's sustainable development and called for UN support to study and expand transit and transport opportunities among the countries in the Caspian and Black Sea basins, Central Asia, and the Middle East.

Kirgizstan and UN: In 1992, shortly after independence, Kyrgyzstan became a member of the United Nations. The Permanent Mission of the United Nations in Kyrgyzstan opened in 1993.

The goal of the United Nations in Kyrgyzstan is to assist the Government in implementing country development reforms and to support the achievement of international development goals, including the MDGs. At present, 16 UN organizations funds and programmes listed below operate in Kyrgyzstan under the coordination of the United Nation Resident Coordinator⁹.

Tajikistan and UN: The UN has been present in Tajikistan since 1992, commencing with the UN Tajikistan Office for Peace-building (UNTOP), which ended its mission in October 2007. Since 1993, the UN has increased its presence to 21 specialized agencies, funds and programmers of the UN and World Bank.

UNDP has been on the ground in Tajikistan since 1994. Today, Tajikistan is a peaceful and stable country, with a developing economy. Nonetheless, it is simultaneously facing the challenges of transition from a post-conflict state and of poverty reduction. UNDP's programme in the country consequently represents a broad spectrum of activities, within all five practice areas. UNDP's initial years in Tajikistan were focused on supporting the United Nations efforts to secure a durable peace. Since the signing of the Peace Agreement in 1997, UNDP has played an active role in social and economic recovery, building confidence at the community level and stabilizing the post conflict environment. These priorities continue to be addressed through projects implemented in partnership with the government, local and international organizations and NGOs, donors and financial institutions¹⁰.

UNDP promotes close partnerships between the government and civil society. With a balanced focus between building capacities of communities and the government, UNDP moved forward from humanitarian assistance to concentrate its energies on sustainable development and the attainment of the Millennium Development Goals¹¹.

In Central Asia the matter of safety, peace and the matter of stable development that bringing into to the world society, among the UN with peace way the President of Uzbekistan Islam Karimov stepped the n first step in 1993 on 48 session and in 1995 on 50- sessions and he spoke his ails.

The President of Uzbekistan Islam Karimov made a speech and adjust to the World the difficult matters of Central Asia. By the way, In Central Asia live nearly 100 billion people including in different ethnographic people and religious groups. The latest years this region collected nuclear weapons and ordinary weapons. That region happened manycrashes those we can't say beforehand. Except it, in the region the eighty years of twenty century appeared economic and moral tightness, the ninety years some countries for example, in

⁸ <http://www.un.org/apps/news/story.asp?NewsID=39738&Cr=Turkmenistan> 6 January 2013 year.

⁹ We are the UN pursuing development, shaping the future... UN House/ Bishkek 2010. P.7.

¹⁰ United Nations development programme in Tajikistan. Dushanbe, 2010. P.1.

¹¹ <http://www.untj.org/un-in-tajikistan/un-in-tajikistan> January 2013 year.

Tajikistan was Civil War, in Afghanistan was more active, deeply economic and public matters happened. It is important to save except this country from nuclear weapons, to stop wars in Tajikistan and Afghanistan. It can't solve without doing cooperation with large companies, including UN: religious extremism and fundamentalism, international terrorism, narcobusiness and narco traffic and ecological problems. That's why, including head matters were making between countries of Central Asia and UN.

The international terrorism is a global threat to peace and safety of people. This illness does not know limit, and terrorism is living in Central Asia. The problem of Central Asia was at that time this region was active international terrorism. That's why they needed source of people. In consequence of developing international terrorism in Central Asia depended on inside and outside matters. In 2000 a seminar took place against international terrorism. In 2000, on September The previous secretary of the UN Kofi Annan conducted this problem. The president of Uzbekistan Islam Karimov took into his consideration international terrorism and against terrorism. Islam Karimov admitted Uzbekistan was ready solve the problem¹². The international terrorism was the most difficult problem among the country of Central Asia. But the UN had many chances, organizations for settled this matter.

The initiative on creation Nuclear Free Zone in Central Asia was put forward by the President of the Republic of Uzbekistan I.Karimov from a rostrum of the United Nations at the 48-th session of the General Assembly of the United Nations in 1993.

Performance of the President of Uzbekistan I.Karimov at the 48-th session of the GA of the United Nations.

Tools of the initiative were the Almaty Declaration of the Presidents of the Central Asian (CA) states in 1997, the Tashkent Declaration of Ministers for Foreign Affairs of five Central Asian states (C-5) dated on September 17, 1997 and the Communiqué of an advisory meeting of five CA states and the countries of the Nuclear Five (P-5) in Bishkek on July 10, 1998¹³.

International Conference «Central Asia – nuclear weapon free zone» was successfully carried out in Tashkent on September 15-17, 1997. It became a «corner stone» of legal registration of the Agreement on Nuclear Free Zone in Central Asia.

The Regional Commission of experts on drafting the Agreement on Nuclear Free Zone in Central Asia, with an active assistance of the United Nations Department for Disarmament Affairs and MAGATE experts, has chaired some working meetings in Geneva, Bishkek, Tashkent, Sapporo, Ashkhabad and Samarkand within the last six years.

In order to ensure taking of obligations by the nuclear states within the framework of the Report to the Agreement on Nuclear Free Zone in Central Asia, the C-5 countries held consultations with them to discuss the draft of Agreement. After the last Samarkand meeting of the C-5 two advisory meetings were chaired in New York in C-5/P-5 format, which resulted in the nuclear countriesT presentation of the amendments and offers to the Agreement draft.

The international support to the Nuclear Free Zone in Central Asia initiative is getting stronger. Four resolutions have been adopted by the General Assembly of the United Nations. The initiative was included in final documents of three sessions of the Preparatory Committee to the Survey Conference dated 2000 on consideration of action of the Treaty on the Non-proliferation of Nuclear Weapon (TNPNW) and in its Final document, and also in final documents of 2 sessions of the Treaty on the Non-proliferation of Nuclear Weapon Subcommittee dated 2005.

The war in Afghanistan, where tensions have a tendency to deteriorate, today is one of the main sources of concern of the world community and, first of all, of security threats in Central Asia.

This problem and ways of its settling are, without any exaggeration, in the focus of attention of the world's largest powers and international community.

It is not a secret anymore that the Afghan problem, which has begun 30 years ago, has no military solution. The overwhelming majority of countries involved in settling the conflict agree with this.

It is impossible to improve and radically change situation in the country without solving such urgent issues as reconstruction of Afghanistan's economy, communications and social infrastructure destroyed by war, without involving in this process of the Afghan people, without thoroughly considered and seriously organized

¹² Karimov I. Za prosvetaniye rodini – kajdiy iz nas v otvete. Tashkent: Uzbekistan, 2001. P.109.

¹³ <http://www.un.int/wcm/content/site/uzbekistan/cache/offonce/pid/8908> January 2013.

process of negotiations and achievement of consensus between the confronting parties, without strengthening of the vertical power structure.

It is extremely important to pay full respect to the deep historical and ethno-demographic roots of the multinational people in Afghanistan, traditional values of Islam and all confessions. That should become the major condition and a guarantee for the negotiating process.

The settlement of the Afghan problem could be facilitated by creation under the auspices of the United Nations of the Contact Group «6+3» with participation of plenipotentiary representatives of the states neighboring on Afghanistan plus Russia, the United States and NATO. President of the Republic of Uzbekistan Islam Karimov has repeatedly emphasized that implementation of this initiative involving neighboring countries would allow achievement of an accord both in and around Afghanistan.

The Central Asian republics – UN cooperation also covers the issues of ecology and environmental protection. The problem of the Aral Sea is the most important issue for Uzbekistan in this sphere. Uzbekistan supports the increased participation of UN agencies in mitigating of the consequences of the Aral Sea crisis.

Taking into account the seriousness of the ecological catastrophe of the Aral Sea, Uzbekistan hosted in March 2008 an international conference «Aral Problems: impact on the gene pool of population, flora and fauna and international cooperation on mitigation», during which UN representatives took an active part.

One of the most important documents that received overwhelming support at the 63rd session of UN General Assembly was the resolution A/RES/63/133 to give the International Fund for Saving the Aral Sea an observer status in the General Assembly, which was co initiated by Uzbekistan.

On April 4-5, 2010 the UN Secretary General Ban Ki-moon personally visited the area of the Aral Sea. In the end of the visit he said about the necessity of undertaking of urgent measures to avoid the further degradation of the situation in Aral Sea area and mitigating of the consequences of Aral Sea disaster. He assured that he would inform the international community about the concern of population of the Republic and highlighted that UN was ready to assist the Uzbekistan in resolving of ecological problems: «After all I saw I undertook the commitments to assist in mitigating the Aral Sea disaster consequences».

Within the framework of the presidency in International Fund for Saving the Aral Sea (IFAS) Uzbekistan has elaborated «Program of measures on eliminating the consequences of the drying up of the Aral Sea and Averting the catastrophe of the ecological systems in the Aral Sea region», including implementation of the major projects aimed on stabilization and improvement of situation in the ecological crisis zone. This document was widespread as an official document of 68th Session of General Assembly of the Organization in September, 2013.

For all these reasons, Uzbekistan expresses its position on necessity for rational and efficient use of water resources in Central Asia on the basis of generally accepted international norms.

Central Asian republics support the UN reform, for ensuring its compliance to contemporary international realities.

Bibliography

1. Karimov I. Uzbekistan on the Threshold of the Twenty-First Century: Challenges to Stability and Progress. Tashkent: Uzbekistan, 1997. P.128.
2. Treaty on a Nuclear-Weapon-Free Zone in Central Asia. UN Office for Disarmament Affairs. 20 March 2009. P.1
3. Review of Donor Assistance in the Aral Sea Region (1995–2005) Tashkent: Published by the UN Office in Uzbekistan, 2008. P.12.
4. Rakhimov M. Mejsosudarstvenniye integratsionniye prossesi v Sentralnoy Asii // Tashkent: Public opinion. Human rights. 2008. №1 (41). P.19–24.
5. Рахимов М. Узбекистан и ООН: сотрудничество во имя мира и прогресса // Ташкент: история Узбекистана. 1999. №4. С. 55–61.
6. Рахимов М. История становления и развития сотрудничества Республики Узбекистан с международными организациями. Ташкент, 2011. С. 170.
7. Рахимов М. Международное сотрудничество Узбекистана в контексте обеспечения стабильности и устойчивого развития в центральной Азии. Ташкент, 2011. С. 230.

8. Basic Facts About the United Nations. New York: Published by the news and Media Division United Nations Department of public information, 2004. 355 p.
9. Everything You always wanted to know about the United Nations. New York: Published by the Department of public information, 2008. 63 p.
10. UNESCO in Central Asia at the dawn of the third millennium. Paris, 2008. P.4
11. List of staff of the United Nations Secretariat as of 1 July 2009. Report of the secretary-General. New York: Published by the Department of public information. 2009. 718 p.
12. Mayor F. UNESCO – un ideal action. The continuing relevance of a visionary text. Paris: UNESCO, 1997. 124 p.
13. Rakhimov M., Urazaeva G. Central Asian Nations and Border Issues. Published by Defense Academy of the United Kingdom. Conflict Studies Research Centre. 2005, March.
14. The United Nations today. New York: Published by the Department of public information, 2008. 369 p.
15. Abdimuminov O. The partnership of the Republic of Uzbekistan with UN for the problems of Central Asian regional security. Young Scientist USA. USA: Lulu, 2014.

Н.Т. Абдуллажанова

ИЗ ИСТОРИИ УЗБЕКСКО-РУССКИХ НАУЧНЫХ СВЯЗЕЙ В ОБЛАСТИ БЕРУНИЕВЕДЕНИЯ

N.T. Abdullazhanova

FROM THE HISTORY OF UZBEK-RUSSIAN SCIENTIFIC RELATIONSHIPS IN THE FIELD OF «BERUNI-STUDYING»

Аннотация: Статья посвящена узбекско-русскому научному сотрудничеству в изучении жизни и трудов Абу Райхана Беруни. Автор рассматривает основные моменты совместных работ по изучению творчества великого мыслителя.

Ключевые слова: Абу Райхан Беруни, узбекско-русские научные связи.

Abstract: The article is dedicated to the scientific cooperation of Uzbekistan and Russia to study the life and works of Abu Raykhan Beruni. The author considers the key moments of the collaborative effort to study the work of the great thinker.

Key words: Abu Raykhan Beruni, Uzbekistan and Russia scientific relations.

Великий энциклопедист Абу Райхан Беруни (973–1048 гг.) внес колоссальный вклад в развитие таких наук, как астрономия, математика, геометрия, геодезия, история, этнография, минералогия, фармакология и оставил после себя более 150 научных трактатов. После смерти ученого многие его труды были утрачены, но некоторые из них, например, по астрономии, математике, минералогии, использовались его последователями, благодаря чему сохранились до настоящего времени – это всего 27 фундаментальных работ. В XX веке, благодаря всестороннему изучению его научного наследия, появилась отдельная отрасль в востоковедении, называемая «беруниеведение».

В средневековой Европе имя Беруни (Алиборон) было сравнительно менее известно, чем имена его современников Ибн Сины (Авиценна) или Фергани (Альфраганус). Однако европейцы были знакомы с его «Фармакогнозией», «Минералогией» и «Каноном Масуда». Только во второй половине XIX века его имя стало широко известно и благодаря кропотливому труду немецкого востоковеда Э. Захау, издавшего полный арабский текст и перевод «Индии» и «Хронологии», а также опубликовавшего несколько исследований о жизни и творчестве Беруни¹.

После этих изданий имя Абу Райхана Беруни приобрело определенную известность в среде ученых-востоковедов России. В немалой степени этому способствовала рецензия известного исследова-

¹ Sachau E. Zur Geschichte und Chronologie von Kwarizm, Sitzungsberichte der Weiner Asad. D. Wiss., Philos-Hist. Klasse, Bd. 73. 1873; Sachau E. Algebraisches über schach bei Biruni, Leitschrift d-Deut. Morgenländ, Gesellschaft, Bd. 29, 1876; The chronology of ancient nations, translated and edited by E.Sachau. London, 1879; Al Biruni's India. Edited in the Arabic original by E.Sachau. London, 1887; Al Biruni's India. Volume I, II. London, 1888.

теля В.Р. Розена на книгу «Индия»². После этого события вышел в свет целый ряд новых исследований, опирающихся на данные Беруни, приведенные в его трактатах «Хронология» и «Индия»³. Таким образом, в России начали изучать жизнь и деятельность великого энциклопедиста.

Однако имя Беруни и раньше было известно русскому востоковедению. На страницах журнала «Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная и увеселительная», издававшегося в XVIII веке была опубликована статья под названием «Абуриган, астроном мусульманский в одиннадцатом столетии»⁴, но это было скорее не научное исследование, а сообщение популярного характера⁵. А краткая автобиография Абу Райхана Беруни была помещена в шестом томе «Энциклопедического лексикона» А.А. Плюшара (1836 г.)⁶.

В XX веке расширилось изучение жизни и деятельности Беруни. Именно в этом столетии имя великого ученого стало известно всему миру и появилась новая отрасль востоковедения – беруниеведение. И.Ю. Крачковский⁷ и В.В. Бартольд⁸ в своем научном творчестве широко пользовались сведениями из произведений Беруни, и внесли существенный вклад в изучение наследия великого мыслителя.

После 1917 года началось формирование узбекского востоковедения. В 1918 году был организован Туркестанский восточный институт, преобразованный в 1924 году в восточный факультет Среднеазиатского государственного университета⁹. Многие русские ученые, такие как А.Э. Шмидт, В.В. Бартольд, А.А. Семенов, воспитали целые поколения востоковедов. В 1943 году с образованием Академии наук Узбекистана возник Институт по изучению восточных рукописей. Это событие совпало с эвакуацией в Ташкент Института востоковедения Академии наук СССР. К местным ученым (А.А. Семенов – первый директор института, М.А. Салье, И. Адиллов, Д.Г. Вороновский и др.) присоединились востоковеды из Ленинградского университета – А.Н. Кононов, В.И. Беляев, О.И. Смирнова и др. В 1950 году на базе Института восточных рукописей организован Институт востоковедения

² Rozen V.R. Alberuni's India. An account of the Religion, Philosophy, Literature, Chronology, Astronomy customs, Laws and astrology of India about A.D.1030. Edited in the Arabic original by Dr. Edward Sachau. London, 1887; Записки восточного отделения императорского русского археологического общества. Том III. СПб., 1889. С.146–162.

³ Вопросы, предлагаемые Императорским Русским географическим обществом при исследовании Хивинского ханства и сопредельных с ним степей в географическом, этнографическом и культурно-историческом отношениях. СПб., 1873.; Иностранцев К.А. О домусульманской культуре Хивинского оазиса // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1911. Февраль. №8. С.284–318.; Самойлович А.Н. Об изменениях в двенадцатилетнем животном цикле у некоторых турецких племен // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Вып. 49. Симферополь, 1912. С.133–138.; Saleman C.G.H. Zur Handschriften Kunde. I. Al-Biruni's Al-Atar al-Bagiyah // Известия Императорской Академии наук. Шестая серия. Том VI. № 14. СПб., 1912. С.861–870; Melanges asiatiques, tires du Bulletin de l'Academie des sciences de St.-Peterbourg. T.XV. 1912. P.509–518.; Крачковский И.Ю. «Благодатный огонь» по рассказу Беруни и других мусульманских писателей X–XIII в. // Христианский Восток. III. (1914). 1915. С.225–242.

⁴ Абуриган, астроном мусульманский в одиннадцатом столетии // Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная и увеселительная. Часть вторая. Тобольск, 1793. С.142–143.

⁵ См.: Смирнов-Сокольский Н. Моя библиотека. Библиографическое описание. Т. I. М.: Книга, 1969. С.443.; Климович Л. Русский журнал XVIII века о Беруни // Звезда Востока. Ташкент, 1952. № 3. С.108–111.

⁶ Энциклопедический лексикон. Издатель А.А. Плюшар. Т. VI. СПб., 1836. С. 37. <http://www.knigafund.ru/books/50091>

⁷ Крачковский И.Ю. Над арабскими рукописями. Листки воспоминаний о книгах и людях. Избранные сочинения. Т. 1. М.; Л., 1955. С.63; Его же. «Благодатный огонь» по рассказу Беруни...; Его же. Бируни / Русская энциклопедия. Т. 3. СПб.: Сеятель, 1915.; Его же. Аль-Бируни и географы XI века на Востоке / Избранные сочинения. Т. 4. М., 1957. С.244–262.; Его же. Гомер и ал-Бируни // Известия АН СССР. Отделения литературы и языка. IV. Вып. 5. М., 1945. С.200–205.; Его же. Бируни и его роль в истории восточной географии // Бируни. Сборник статей. АН СССР. Отделение истории и философии. М.; Л., 1950. С.55–73.

⁸ Бартольд В.В. Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древнейших времен до XVII века // Известия Туркестанского отдела императорского русского географического общества. Т.IV. Научные результаты Аральской экспедиции, снаряженной Туркестанским отделом императорского русского географического общества. Вып. II. Ташкент.: Типография штаба Туркестанского Военного округа, 1902. С.46.; Его же. История. Мусульманский мир. Вып. 22. Петербург: Наука и школа, 1922. С.59.; Его же. Статьи из «Энциклопедии ислама». Хорезмшах / Соч. Т.2. Ч.2. М.: Наука, 1964. С.535.; Его же. Туркестан в эпоху монгольского нашествия / Соч. Т.1. М.: Наука, 1963. С.66–70.; Его же. Культура мусульманства / Соч. Т. 4. М.: Наука, 1966. С.181–183.

⁹ См. о нем: Лунин Б.В. Из истории первого высшего востоковедного учебного заведения в Средней Азии // Очерки по истории русского востоковедения. VI. М., 1963. С.328–330.; Туркестанский восточный институт (1918–1922). Ташкент, 1922. С.4–7; Присоединение Туркестанского восточного института в Среднеазиатскому университету // Бюллетень САГУ. Вып. 7. Ташкент, 1927. С.46.

АН РУз, получивший в 1957 году имя Абу Райхана Беруни¹⁰. В настоящее время этот институт является одним из мировых центров востоковедения.

Развитие востоковедческих исследований неразрывно связано с изучением наследия Беруни. Изучение жизни и трудов великого мыслителя играет большую роль в развитии русско-узбекских научных связей. Этому послужило празднование двух юбилеев Абу Райхана. Первый из них состоялся в 1948 году. Тогда всесоюзная научная общественность праздновала 900-летие со дня смерти Абу Райхана Беруни. Это послужило толчком для активизации исследований. Вышли на свет три сборника на русском и узбекском языках, которые содержали обработанные доклады, прочитанные на сессиях, посвященных памяти Беруни¹¹. В них можно увидеть статью С.П. Толстова «Бируни и его время»¹², И.Ю. Крачковского «Бируни и его роль в истории восточной географии»¹³, А.М. Беленицкого «О «Минералогии» Бируни»¹⁴, Г.Г. Леммлейна «Минералогические сведения Бируни»¹⁵ и др. В качестве приложения к двум последним статьям дан перевод главы о янтаре («Минералогия») ¹⁶, выполненный А.М. Беленицким с комментариями, составленными им совместно с Г.Г. Леммлейном. Именно А.М. Беленицкий осуществил первый русский перевод произведений Беруни, опубликовав в 1941 году часть «Геодезии»¹⁷.

После юбилея исследования наследия Беруни получают большой размах, и одним из его центров, наряду с Ленинградом, становится Ташкент. Результатом совместных работ ученых стало издание избранных произведений Абу Райхана Беруни в семи томах.

В 50-х годах XX века Институт востоковедения Академии наук Узбекистана приступил к изданию первого в мире многотомного собрания избранных произведений Беруни, которое должно было охватить все важнейшие его труды в переводе на русский и узбекский языки. В осуществлении этой программы принимали участие преимущественно ученые Ташкента, а также отдельные специалисты из Ленинграда и Москвы.

В 1957 году издан первый полный научный перевод на русский язык «Памятников минувших поколений»¹⁸. Перевод выполнен М.А. Салье, которому принадлежат и краткие примечания к нему. Переводчик пользовался текстом Э. Захау, ленинградской и частично стамбульской рукописями. Переводу предпосылаются две статьи: первая из них, написанная С.П. Толстовым, «Бируни и его «Памятники минувших поколений»»¹⁹. Она содержит общую характеристику эпохи Беруни и оценку «Хронологии» как исторического источника. По мнению автора, эта книга – прежде всего исторический труд, хотя он написан крупным естествоиспытателем и посвящен технической хронологии, основанной на данных астрономии²⁰. Однако с одной из оценок С.П. Толстова невозможно согласиться. Он пишет: «когда Беруни жил при дворе Мамуна в Ургенчской академии (1010–1017 гг.), то являлся советником шаха», считая, что в это время тот полностью был поглощен политической деятельностью. Это, вероятно, объясняется недостаточно полным знакомством автора с литературным наследием Абу Райхана Беруни. Дальнейшие исследования уточнили этот период жизни ученого и показали, что этот

¹⁰ Об увековечении памяти Абу Райхана Беруни. Указ Президиума Верховного Совета УзССР от 3 июня 1957 год. № 401 // Ведомости Верховного Совета УзССР. Ташкент, 1957. № 6. С.17.; Правда Востока. 4 июня 1957 г. (№ 142).

¹¹ Беруний – ўрта асрнинг буюк олими. (Беруний вафотининг 900 йиллигига бағишланган мақолалар тўплами). Тошкент.: ЎзССР ФА нашриёти, 1950. 248 б.; Бируни (Великий узбекский учёный средневековья. К 900-летию со дня смерти). Сборник статей / Под редакцией С.П. Толстова. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1950. 140 с.; Бируни – великий узбекский ученый средневековья. (Сборник статей) / под редакцией В.Ю. Захидова и др. Ташкент: ЎзССР ФА нашриёти, 1950. 92 с.

¹² Толстов С.П. Бируни и его время // Бируни (Великий узбекский ученый средневековья. К 900-летию со дня смерти). Сборник статей / под редакцией С.П. Толстова. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1950. С. 3–24.

¹³ Крачковский И.Ю. Бируни и его роль в истории восточной географии // Там же. С. 55–73.

¹⁴ Беленицкий А.М. О «Минералогии» Бируни // Там же. С. 88–105.

¹⁵ Леммлейн Т.Г. Минералогические сведения Бируни // Там же. С. 106–127.

¹⁶ Бируни. О янтаре (кахруба) / перевод А.М. Беленицкого // Там же. С. 135–139.

¹⁷ Бируни. Определение конечных границ мест для проверки расстояний населенных пунктов / перевод А.М. Беленицкого // Ученые записки ЛГУ. Серия востоковедческих наук. Вып. 1. Л., 1941. С. 109–210.

¹⁸ Аль-Бируни Абу-Рейхан Мухаммед ибн Ахмед. Избранные произведения. Т.1. Памятники минувших поколений. Ташкент.: Издательство АН УзССР, 1957. 487 с.

¹⁹ Толстов С.П. Бируни и его «Памятники минувших поколений» / Аль-Бируни Абу-Рейхан Мухаммед ибн Ахмед. Избранные произведения. Т.1. Памятники минувших поколений. Ташкент.: Издательство АН УзССР, 1957. С. 6–21.

²⁰ Там же. С.11.

период жизни Беруни был весьма плодотворным в творческом плане. Именно тогда, владея солидной инструментальной базой, он и написал более восьми трудов²¹.

Статья В.П. Щеглова «Астрономические теории Беруни»²² представляет краткое, но содержательное введение к астрономии эпохи Абу Райхана. По словам автора, труд Беруни («Хронология». – *Н.А.*) дает богатый фактический материал и представляет несомненный интерес для историка астрономии²³.

В 1963 году увидел свет второй том избранных произведений великого энциклопедиста, в который включена «Индия», перевод которой был выполнен по изданию Э. Захау²⁴. На значение этого трактата указывают слова В.Р. Розена: «Индия» – памятник единственный в своем роде и равного ему нет во всей древней и средневековой научной литературе Запада и Востока». Перевод на русский язык был осуществлен А.Б. Халидовым (Ленинград) и Ю.Н. Завадовским (Москва) под редакцией В.И. Беляева (Ленинград). Авторами содержательной вступительной статьи и развернутых комментариев являются А.Б. Халидов и индолог В.Г. Эрман²⁵. В предисловии к переводу была поставлена конкретная задача – раскрыть содержание и значение «Индии» и рассмотреть круг вопросов, связанных непосредственно с этим произведением²⁶. По оценкам специалистов, русский перевод «Индии» является наиболее компетентным из предпринятых в мировом востоковедении.

Третий том избранных произведений Абу Райхана Беруни называется «Геодезия»²⁷. Русский перевод этого труда, во-первых, был первым полным критическим переводом, во-вторых, он уточнил многие неизвестные и неясные страницы жизни Беруни. Переводчиком «Геодезии» является П.Г. Булгаков. В 1962 году он издал арабский критический текст «Геодезии» в Каире²⁸. Спустя четыре года вышел в свет русский комментированный перевод этого труда. К переводу предпослана статья «Беруни и его «Геодезия»²⁹. Она содержит очерки жизни Беруни догазнийского периода, анализ содержания «Геодезии» и характеристику самой рукописи. Кроме того, этот востоковед активно участвовал в работе по переводу других произведений Беруни. Можно считать, что исследования наследия Абу Райхана Беруни достигли вершины своего развития благодаря заслугам П.Г. Булгакова. Самым ярким примером этому является его книга «Жизнь и труды Беруни»³⁰ с подробной биографией и полной историографией его творчества. Перевод этой книги на различные языки мира, в том числе узбекский, способствовал широкому ознакомлению с творчеством Беруни.

В 1973 году мировое сообщество праздновало тысячелетие Абу Райхана Беруни, в качестве юбилейного подарка были подготовлены четвертый и пятый тома переводов избранных произведений.

В четвертый том вошел трактат «Фармакогнозия» («Сайдана») ³¹, переведенный У. Каримовым, им же написано предисловие. Этот труд является ценным источником по фармакологии, истории, лингвистике и терминологии.

Пятый том избранных трудов был издан в двух частях из-за большого объема. Первая часть «Канона Масуда» (1–5 книги) вышла в печати в 1973 году. Перевод и исследование П.Г. Булгакова и

²¹ Булгаков П.Г. Жизнь и труды Беруни // Великому хорезмскому ученому в связи с тысячелетием со дня рождения. 4 сентября 1973. Ташкент: Фан, 1973. С.119–131.

²² Щеглов В.П. Астрономические теории Беруни / Аль-Бируни Абу-Рейхан Мухаммед ибн Ахмед. Избранные произведения. Т.1. Памятники минувших поколений. Ташкент: Издательство АН УзССР, 1957. С. 24–31.

²³ Там же. С. 31.

²⁴ Аль-Бируни Абу-Рейхан Мухаммед ибн Ахмед. Избранные произведения. Т. 2. Индия. Ташкент: Издательство АН УзССР, 1963. 257 с.

²⁵ Халидов А.Б., Эрман В.Г. Предисловие ко второму тому «Избранных произведений Абу Райхана Беруни» / Абу Райхан Беруни. Избранные произведения. Т. 2. Ташкент: Издательство АН Уз ССР, 1963. С.7–53.

²⁶ Там же. С.8.

²⁷ Аль-Бируни Абу-Рейхан Мухаммед ибн Ахмед. Избранные произведения. Т.3. Определение конечных границ мест для проверки расстояний населенных пунктов (Геодезия). Ташкент: Издательство АН УзССР, 1966. 363 с.

²⁸ «Геодезия» Беруни. Издание арабского критического текста. Каир., 1962. Китаб тахдид ниахайат ал-амакин ли таских масафат ал-масакин ли Аби ар-Райхан ал-Бируни. Хаккакаху П. Булгакув. (Издание арабского текста, введение и указатели). 328 с.

²⁹ Булгаков П.Г. Беруни и его «Геодезия» / Аль-Бируни Абу-Рейхан Мухаммед ибн Ахмед. Избранные произведения. Т. 3. Геодезия. Ташкент: Издательство АН УзССР, 1966. С.7–78.

³⁰ Булгаков П.Г. Жизнь и труды Беруни...

³¹ Аль-Бируни Абу-Рейхан Мухаммед ибн Ахмед. Избранные произведения. Т. 4. Фармакогнозия в медицине (Китаб ас-Сайдана фит-тиб). Ташкент: Фан, 1974. 1120 с.

Б.А. Розенфельда при участии А.А. Ахмедова и М.М. Рожановской³². Вторая часть произведения (6–11 книги) вышла в свет в 1976 году, эти книги переведены Б.А. Розенфельдом и А.А. Ахмедовым³³.

«Канон Масуда» считается энциклопедией астрономии. Его полный перевод дал мировой науке новую возможность для оценки научного творчества Беруни. Работа над переводом требовала многих усилий и предполагала междисциплинарное сотрудничество в сфере различных отраслей науки. Здесь следует указать на имевшие место взаимосвязи Института востоковедения АН Узбекистана с Институтом истории естествознания и техники АН СССР. Особо следует отметить огромные заслуги Б.А. Розенфельда (который являлся сотрудником Института истории естествознания и техники) в работе над переводами и в изучении научного наследия Абу Райхана Беруни. Кроме «Канона Масуда» он перевел «Тафхима» и математические труды мыслителя, оказал бесценную помощь при переводе ряда других произведений. Об этом свидетельствуют многочисленные публикации³⁴ и переписка Б.А. Розенфельда с Институтом востоковедения Академии наук Узбекистана³⁵.

«Книга вразумления начаткам науки о звездах»³⁶ – шестой том избранных произведений Абу Райхана Беруни. По словам переводчиков (Б.А. Розенфельд и А. Ахмедов, комментарии выполнили Б.А. Розенфельд и А.А. Ахмедов, при участии М.М. Рожанской, А. Абдурахманова и Н.Д. Сергеевой), сочинение энциклопедиста является учебным пособием, предназначенным для первоначального обучения тем наукам, которыми должен владеть астроном и астролог. Оно написано в виде 530 вопросов и ответов и было весьма распространено в средние века³⁷. Может быть, поэтому до нас дошли 14 арабских и 12 персидских рукописей этого труда.

Седьмой том избранных произведений Беруни включает в себе три астрономических и математических трактата: «Об определении хорд в круге посредством свойств ломаной линии в нем», «Об анализе и определении частных значений уравнения Солнце», «Обособленные речи о проблемах теней»³⁸. Заслуга переводчиков в том, что они изучали все источники, в том числе хайдарабадское издание банкипурской рукописи «Об определении хорд», и, сверяя их, уточнили содержание трактата. В предисловии они анализируют содержание всех трех трактатов и определяют их значение в истории науки³⁹.

Между 1968–1976 гг. избранные произведения мыслителя издались на узбекском языке в пяти томах, кроме четвертого⁴⁰. Русские переводы служили основой и узбекские переводы уточнили не-

³² Аль-Бируни Абу-Рейхан Мухаммед ибн Ахмед. Избранные произведения. Т.5. Часть 1. Канон Масуда. Кн. I–V. Ташкент: Фан, 1973. 647 с.

³³ Аль-Бируни Абу-Рейхан Мухаммед ибн Ахмед. Избранные произведения. Т.5. Ч. 2. Канон Масуда. Кн. VI–XI. Ташкент: Фан, 1976. 500 с.

³⁴ См.: Розенфельд Б.А. Попытка квадратичного интерполирования у Абу Райхана ал Беруни // Историко-математические исследования. Вып. XII. М., 1959. С.421–430; Его же. Роль Беруни в расширении понятия о числе // Общественные науки в Узбекистане. Ташкент, 1973. № 7–8. С.88–91.; Его же. Примечания к «Книге об индийских рашиках» // Из истории науки и техники в странах Востока. Вып 3. М.: Издательство восточной литературы, 1963. С.163–167.; Его же. Письмо в редакцию // Историко-математические исследования. Вып. XV. М., 1963. С.473.; Его же. Математики и астрономы мусульманского средневековья и их труды (VIII–XVII вв.). Кн. 2. М.: Наука, 1983. 650 с.; Розенфельд Б.А., Краснова С.А. Примечания к «Трактату об определении хорд» // Из истории науки и техники в странах Востока. Вып 3. М.: Издательство восточной литературы, 1963. С.93–142.; Розенфельд Б.А., Абдурахманов А. Трактаты Беруни об астрологиях // Бируни. Сборник статей к тысячелетию со дня рождения. Ташкент: Фан, 1973. С.85–90.; Розенфельд Б.А., Краснова С.А., Рожанская М.М. О математических работах Абу-р-Райхана ал-Бируни // Из истории науки и техники в странах Востока. Вып 3. М.: Издательство восточной литературы, 1963. С.71–92.; Розенфельд Б.А., Юшкевич А.П. Математики стран Ближнего и среднего Востока // Советское востоковедение. М., 1958. № 3. С.101–108.; № 6. С.66–76; Рожанская М.М., Розенфельд Б.А. Абу-р-Райхан ал-Бируни. 973–1048. М., 1973.; Розенфельд Б.А., Рожанская М.М., Соколовская З.К. Абу Райхан ал-Бируни (973–1048). М.: Наука, 1973. 271 с.

³⁵ Архив АН РУз, ф. 55, оп. 1, с.б. 71. 37 листов.

³⁶ Аль-Бируни Абу-Рейхан Мухаммед ибн Ахмед. Избранные произведения. Т. 6. Книга вразумления начаткам науки о звездах. Ташкент: Фан, 1975. 328 с.

³⁷ Там же. С. 7.

³⁸ Аль-Бируни Абу-Рейхан Мухаммед ибн Ахмед. Избранные произведения. Т.7. Математические и астрономические трактаты. Ташкент: Фан, 1987. 339 с.

³⁹ Булгаков П.Г., Розенфельд Б.А. Предисловие... С.7–24.

⁴⁰ Беруний Абу Райхон. Танланган асарлар. Т.1. Қадимги халқлардан қолган ёдгорликлар. Т.: Фан, 1968. 486 б.; Беруний Абу Райхон. Танланган асарлар. Т.2. Ҳиндистон. Ташкент: Фан, 1965. 337б.; Беруний Абу Райхон. Танланган асарлар. Т.3. Турар жойлар орасидаги масофаларни аниқлаш учун манзилларнинг чегараларини белгилаш (Геодезия). Ташкент: Фан, 1982.

ясные места. Переводчиками этих книг являются узбекские ученые А. Расулев, Ю. Хакимджанов, Г. Жалолов, А. Ахмедов. К сожалению остальные три тома не издавались. Только в 2006 году узбекский востоковед А.Ахмедов перевел «Книгу вразумления начаткам науки о звездах», и эта книга издана в качестве 6-го тома⁴¹.

Издания русских переводов избранных произведений Абу Райхана Беруни являются ярким примером русско-узбекских плодотворных научных связей и служат ценными источниками для многих отраслей науки. Совместная работа российских ученых с узбекскими коллегами способствовала тому, что изучение наследия Абу Райхана Беруни приобрело поистине крупномасштабный, мировой размах. Празднование тысячелетнего юбилея Беруни и опубликование ряда сборников⁴², посвященных знаменательному событию, показывают интенсивные научные связи между Россией и Узбекистаном. Однако надо отметить, что тогда оба государства являлись частями одной страны и это не затрудняло совместных работ. После распада Советского Союза научные связи, в том числе в востоковедении, несколько ослаблены, поэтому на этот период мы не встречаем совместных фундаментальных исследований, но надеемся на их активное возобновление и плодотворное продолжение.

344 б.; Беруний Абу Райхон. Танланган асарлар. Т.5. Қонуни Масъудий. 1-китоб. Ташкент: Фан, 1973. 590 б.; Беруний Абу Райхон. Танланган асарлар. Т.5. Қонуни Масъудий. 2-китоб. 6-11-мақолалар. Т.: Фан, 1976. 680 б.;

⁴¹ Беруний Абу Райхон. Танланган асарлар. Т.6. Тафҳим (Мунажжимлик санъати (астрология) негизларини тушунтириш китоби. Тошкент-Урганч-Хива, 2006. 295 б.

⁴² Беруни. Сборник статей к 1000-летию со дня рождения / отв. ред. А.К.Арендс. Ташкент: Фан, 1973. 203 с.; Беруний тузилган кунининг 1000 йиллигига бағишланган тўплам. Ташкент: Фан, 1973. 260 б.; Беруни и гуманитарные науки: Доклады/ Научная сессия АН УзССР, посвященная 998-годовшине со дня рождения Абу Райхана Беруни / отв. ред. И.М.Муминов. Ташкент: Фан, 1972. 136 с.; Беруний ва ижтимоий фанлар. Беруний тузилган кунининг 998 йиллигига бағишланган сессия материаллари / масъул муҳаррир И.М.Мўминов. Ташкент: Фан, 1973. 145 б.

С.А. Бадретдинова

РЕСПУБЛИКА БАШКОРТОСТАН И ТУРЕЦКАЯ РЕСПУБЛИКА: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

S.A. Badretdinova

BASHKORTOSTAN AND TURKEY: MAIN VECTORS OF COOPERATION IN THE FIELD OF CULTURE

Аннотация: Статья посвящена истории сотрудничества Республики Башкортостан и Турецкой Республики с конца XX века до настоящего времени. Автором выявлены и рассмотрены основные направления данного сотрудничества. Особое место в статье уделяется роли ТЮРКСОЙ в культурном диалоге двух стран.

Abstract: The article is devoted to the history of cooperation of the Republic of Bashkortostan and the Republic of Turkey since the end of the twentieth century to the present. The author identified and discussed the main directions of this cooperation. A special place in the article on the role of TURKSOY in the cultural dialogue between the two countries.

Ключевые слова: Республика Башкортостан, Турецкая Республика, сотрудничество в сфере культуры, ТЮРКСОЙ, ЮНЕСКО.

Key words: The Republic of Bashkortostan, the Republic of Turkey, the collaboration in the sphere of culture of TURKSOY, UNESCO

Одним из важнейших направлений в сфере культуры Республики Башкортостан является развитие международного сотрудничества. Актуальность его связана с необходимостью популяризации культуры народов Башкортостана, создания положительного имиджа республики за рубежом.

Уже с начала своего существования Республика Башкортостан стала развивать активное сотрудничество с Турецкой Республикой в нефтехимии, машиностроении, сельском хозяйстве, в сфере легкой и пищевой промышленности. Турция входит в число наиболее активных стран-инвесторов Башкортостана. Этому способствовала и созданная в РБ правовая база. Заключены следующие соглашения: Соглашение между Правительством Республики Башкортостан Российской Федерации и Пра-

вительством Турецкой Республики о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве (7 июня 1996 г.), Соглашение о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве и придании статуса городов-побратимов между городом Анкара (Турецкая Республика) и городом Уфа (Республика Башкортостан) (4 марта 1997 г.); Соглашение о сотрудничестве между Правительством Республики Башкортостан Российской Федерации и губернаторством Стамбульского Вилаета Турецкой Республики от 22 апреля 2005 г. и др. [15]. Во всех этих документах регулировались не только вопросы, связанные с экономической и политической сферами общественной жизни, но и вопросы культурного сотрудничества.

С 2009 г. в Уфе стало действовать Общество дружбы «Башкортостан – Турция». В работе его Учредительного собрания приняли участие представители органов власти, общественности, деловых кругов Башкортостана и Турции, деятели науки, образования и культуры. На заседании обсуждались актуальные аспекты башкирско-турецкого сотрудничества, а также вопросы активизации двустороннего взаимодействия в сфере развития предпринимательства, культуры и образования [10]. В целях установления и развития научных контактов между вузами Турции и РБ в этом и последующих годах были подписаны протоколы о сотрудничестве и обмену стажировками для студентов.

С 1994 г. Республика Башкортостан является наблюдателем в Международной организации тюркской культуры (ТЮРКСОЙ), штаб-квартира которой находится в г. Анкаре. Данная организация была создана 12 июля 1993 г., в результате соглашения, подписанного министрами культуры Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Турции и Туркменистана. В 1996 г. было начато ее официальное сотрудничество с ЮНЕСКО, включая совместные консультации и взаимное представительство. В 2009 г. ТЮРКСОЙ вошла в состав Тюркского совета, геополитической организации тюркских стран, основанной 3 ноября 2009 г. Как сказано в официальном сайте ТЮРКСОЙ, тюркоязычное пространство на всем протяжении истории было средоточием плюроэтнозизма и многообразия культур, своеобразным мостом в культурном диалоге «Запад – Восток». В этом контексте сейчас особую значимость приобретают меры по выявлению социоидентичности тюркоязычных народов, сохранению, изучению и преумножению их культурного многообразия. Именно эти задачи являются главными слагаемыми жизнедеятельности ТЮРКСОЙ. При этом данная организация заявляет, что строит свою работу на принципах уважения суверенитета стран-участников договора и третьих стран, полного невмешательства в их политическую ориентацию [17].

Под эгидой ТЮРКСОЙ проходят большинство мероприятий, проводимых в рамках культурного сотрудничества Башкортостана и Турции. В штаб-квартире данной организации работает представитель Министерства культуры РБ кандидат исторических наук А.Г. Салихов [14]. К самым известным мероприятиям ТЮРКСОЙ, которые проходят в Башкортостане, относятся Международный музыкальный фестиваль тюркской молодежи «Урал моно», международный театральный фестиваль «Туганлык», Международная лаборатория фотохудожников ТЮРКСОЙ, Международный конкурс переводов тюркоязычной поэзии «Ак Торна», Международный конкурс-фестиваль оркестров и ансамблей народных инструментов «Зов Урала», Международный фестиваль балетного искусства имени Рудольфа Нуреева.

Первое из перечисленных мероприятий берет свое начало еще с 1992 г., и с тех пор ежегодно Уфа собирает талантливых исполнителей эстрадной песни из тюркских стран, тюркских республик России. В эти дни столица РБ становится центром единения тюркской молодежи. Цель «Урал моно» – пропаганда современного национального музыкального творчества, сохранение традиций тюркских народов, развитие культурных связей между ними, расширение досуга молодежи. С 2001 г. данный фестиваль стал проводиться под эгидой ТЮРКСОЙ [1. С. 13].

Активное сотрудничество между Башкортостаном и ТЮРКСОЙ проявляется и в театральном искусстве. Речь идет прежде всего о Международном фестивале тюркоязычных театров «Туганлык» («Родство»). Он берет свое начало с 1991 г. В 1996 г. фестиваль приобрел статус международного [16]. «Туганлык» проводится как праздник сценического искусства республик и стран, сохраняющих высокую театральную культуру, дружбу и добрососедские отношения, основанные на общности культурно-языковых корней и исторической принадлежности к тюркскому миру. Задача фестиваля заключается в том, чтобы театры разных республик, лишенные в обычной практике возможности систематического обмена творческим опытом, смогли встретиться, ощутить себя частью единого театрального мира и оценить собственную значимость в ряду «братьев по искусству» [8].

Как в вокальном, так и в театральном фестивалях принимают участие деятели культуры Турецкой Республики. В то же время мастера искусств Башкортостана также получили возможность познакомиться жителей Турции со своим творчеством. Так, например, в 2011 г. в г. Анкаре Национальный молодежный театр РБ принял участие в международном театральном фестивале, актеры БГАТД имени М. Гафури – в IV Международном фестивале тюркоязычных театров. В 2012 г. Сибайский башкирский театр «Сулпан» принял участие в V Международном фестивале тюркоязычных театров «Тысяча вдохов и один голос» в городе Конья (Турция) [14]. В 2013 г. один из ведущих творческих коллективов республики – Государственный академический ансамбль народного танца имени Файзи Гаскарова – участвовал в Международном фестивале культуры и искусства тюркоязычных стран и Международном празднике молодежи и спорта, проводимых в Турции. Концерты состоялись в рамках 20-летия Международной организации тюркской культуры с участием творческих коллективов из 25 стран мира – стран-членов ТЮРКСОЙ. Прославленный башкирский ансамбль вместе с другими коллективами выступил в крупных турецких городах Анкаре, Стамбуле, Измире, Силифке, Караман [4].

Ежегодно деятели искусств Башкортостана принимают участие в праздновании весеннего праздника в Турецкой Республике, организуемого ТЮРКСОЙ. В марте 2010 г. состоялась презентация весеннего народного праздника Навруз в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже с участием более 100 мастеров искусств из стран-членов ТЮРКСОЙ, в том числе и из регионов Российской Федерации, в частности из Республики Башкортостан [11].

В 2013 г. в рамках данного праздника Навруз состоялась церемония открытия Года ЮНЕСКО-2013 «Эскишехир – культурная столица тюркского мира». В праздничных мероприятиях принимала участие официальная делегация Башкортостана во главе с заместителем Премьер-министра Правительства РБ Лилией Гумеровой. Состоялись встречи с Президентом Турецкой Республики А. Гюлем, Председателем Парламента (Великого Национального Собрания) Турецкой Республики Д. Чичеком, Премьер-министром Турецкой Республики Р.Т. Эрдоганом и Генеральным секретарем ТЮРКСОЙ Д. Касеиновым. В сентябре этого же года в турецком городе Эскишехир делегация РБ в составе делегации Российской Федерации приняла участие в IV заседании представителей Национальных комиссий и комитетов по делам ЮНЕСКО стран-членов ТЮРКСОЙ. В заседании были обсуждены вопросы сотрудничества в области составления реестра нематериального культурного наследия, памятников культуры, природных объектов и документального наследия [6].

Начиная с 2006 г. в Стамбуле проводятся Дни культуры Республики Башкортостан. Основной целью их является представление республики в широкой палитре самобытной культуры. Согласно программе, подготовленной Министерством культуры и национальной политики РБ в 2006 г., с этой задачей должны были справиться артисты Башкирской государственной филармонии, Башкирского академического театра драмы имени Мажита Гафури и Государственного ансамбля народных танцев имени Файзи Гаскарова. Кроме деятелей сцены, искусство республики представили Национальный музей РБ, республиканский кинофотоклуб «Агидель» и детские художественные школы, которые повезли в Стамбул ряд выставок. В рамках Дней культуры проводились и переговоры делегации деловых кругов республики для поиска потенциальных партнеров на турецкой земле в самых разных сферах бизнеса. Прошла встреча заместителя Премьер-министра Правительства РБ, министра культуры и национальной политики И. Илишева с генеральным консулом РФ в Стамбуле А. Кривенко. В ходе беседы стороны обговорили широкий круг вопросов в гуманитарной сфере [14].

Ярким событием всех Дней культуры РБ в Стамбуле становится Сабантуй. Творческие коллективы Башкортостана смогли в полной мере представить жителям и гостям турецкого города традиции проведения праздника плуга. Местное население активно принимало участие в башкирских играх и состязаниях. Вот какими впечатлениями поделился о первых Днях культуры Башкортостана официальный представитель РБ в Стамбуле К. Мизиев: «Впервые такой огромный «культурный десант» был высажен на эту землю – 160 человек! Раньше даже название республики в Турции неправильно произносили... Сочетание «рт» фонетически трудное для турецкого языка... Так что в Турции постепенно привыкают и к названию, и саму республику узнают. Информация о Башкортостане теперь понемногу, но постоянно идет: с газетами работаем, с телевидением. В газетах Дни культуры республики хорошо освещались. Посмотрите, сколько разных заметок, интервью! А вот некоторые заголовки: «Привлек внимание башкирский сабантуй», «Что такое сабантуй?», «В Стамбул приехали башкиры. Кто они такие?», «В концертном зале башкирский вечер». Сабантуй теперь станет здесь традицией» [3].

Многочисленными мероприятиями в сфере культурного сотрудничества Башкортостана и Турции был отмечен 2010-й год, объявленный ТЮРКСОЙ Годом А.-З. Валиди. В университете Коджатеpe г. Афйон состоялся международный научный симпозиум «Ахмет-Заки Валиди Тоган и тюркская культура». В его работе приняли участие более 150 ученых из разных стран, в том числе представители Башкортостана. Состоялось открытие выставки картин башкирских художников, показ фильма Г. Батталовой «Долгий путь домой». В Международном фестивале поэзии, проходившем в турецком городе Елазихе, принял участие уфимец Х. Юлдашев. Администрация турецкого города Ялова, Институт исследований османской истории имени Х. Иналджика и ТЮРКСОЙ провели научно-практическую конференцию, посвященную памяти А.-З. Валиди. На конференции выступили представитель Минкультуры РБ в ТЮРКСОЙ А.Г. Салихов, дочь А.-З. Валиди, академик Турецкой академии наук И. Тоган. В районе Кечиорен г. Анкары состоялось открытие парка имени А.-З. Валиди, где присутствовали официальные представители Башкортостана. В Анталии состоялось XXVIII заседание Постоянного Совета Министров культуры ТЮРКСОЙ, в котором приняла участие делегация РБ [15].

В июне 2010 г. в Республике Башкортостан (впервые в России и в СНГ) прошла VI Международная творческая лаборатория фотохудожников стран-членов ТЮРКСОЙ. Место проведения лаборатории было выбрано не случайно. Помимо того, что данный год посвящался известному башкирскому общественному деятелю и ученому, немаловажным фактором явилось и то, что в республике сложилась сильная фотографическая школа, накоплен большой опыт по проведению подобных мероприятий. Для участия в лаборатории в республику приехали фотохудожники из Турции, Северного Кипра, Азербайджана, Ирана, Казахстана, Татарстана, Хакасии, Тывы, Чувашии, которые вместе с ведущими башкирскими фотографами в течение нескольких дней снимали людей, природу, культуру и обычаи народов нашей республики. Маршрут творческой лаборатории был проложен по 24 районам. А в восьми районах был запечатлен башкирский национальный праздник – Сабантуй [12].

В октябре 2010 г. Башкортостан принял участие в работе совещания представителей комитетов по делам ЮНЕСКО стран-членов ТЮРКСОЙ в Анкаре, на котором были обсуждены перспективные направления сотрудничества ТЮРКСОЙ и ЮНЕСКО, вопросы включения памятников культуры Республики Башкортостан в Список культурного наследия ТЮРКСОЙ [11].

В этом же году во Всемирном курултае башкир Турецкую республику представляла делегация во главе с сыном А.-З. Валиди, профессором Билькентского университета С. Тоганом. Следует отметить, что делегация Турции принимала участие в курултае трижды – в 1995, 2002 и 2010 гг. Три раза (в 2000, 2003, 2012 гг.) Уфа принимала и членов Постоянного Совета министров культуры ТЮРКСОЙ. В 2012 г. состоялось Юбилейное XXX заседание данного Совета. В нем приняли участие представители министерств культуры стран-членов организации: Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Турции, членов-наблюдателей – субъектов РФ: Башкортостана, Татарстана, Тывы, Саха (Якутии) и АТО Гагаузия (Гагауз Ери) в составе Республики Молдова, а также Министерства культуры РФ [2].

Не раз официально приезжал в Башкортостан и Генеральный секретарь ТЮРКСОЙ Д.К. Касеев. Во время его визитов обсуждались вопросы культурного сотрудничества, в частности, перспективы проведения в Башкортостане крупных фестивалей искусства тюркоязычных народов, а также вопросы литературного перевода художественных произведений [7].

Следует отметить, что благодаря сотрудничеству между Министерством культуры РБ и ТЮРКСОЙ подготовлено и издано более десяти книг на башкирском и турецком языках – башкирский народный эпос «Урал-батыр», книга о жизни и творчестве выдающегося поэта и полководца Салавата Юлаева, сборники стихов поэта Мифтахетдина Акмуллы, «Башкирские шежере» и образцы башкирского народного творчества. В 2013 г. ТЮРКСОЙ оказал содействие изданию «Биобиблиографического словаря тюркологов Евразии» (Анкара), в который включены сведения о башкирских фольклористах, историках, языковедах и этнографах. В журналах «ТЮРКСОЙ», «Кардеш Калемлер» и «Кюмбет Алтында» опубликованы статьи о культурной жизни Башкортостана, стихи башкирских поэтов [9].

Таким образом, Башкортостан и Турция имеют большой опыт сотрудничества в сфере культуры. Огромную роль в этом играет Международная организация тюркской культуры. Можно выделить

следующие направления данного сотрудничества: организация совместных праздников, концертов, фестивалей, международных творческих лабораторий, выставок, творческих встреч в области различных видов искусства, кинематографии, литературы, образования; проведение съездов, форумов, научных конференций, посвященных истории и актуальным проблемам развития тюркской культуры; издание печатной продукции; организация юбилеев, вечеров памяти и других мероприятий, посвященных значительным датам истории Турции и Башкортостана, выдающимся личностям, внесшим значительный вклад в развитие культуры тюркоязычных стран; осуществление взаимного сотрудничества с ЮНЕСКО.

Вместе с тем в процессе международного сотрудничества в сфере культуры проявляются и проблемы. Среди них можно выделить острый дефицит кадров, владеющих иностранными языками, обладающих профессиональными знаниями и навыками, необходимыми для развития контактов с гражданами Турецкой республики в целях осуществления совместных культурных проектов; низкий уровень внедрения новых информационных технологий в целях создания и реализации брендинговых программ в сфере культуры; отсутствие необходимых площадей для полноценной деятельности Дома дружбы народов Республики Башкортостан [5]. Эти и другие проблемы в области международного культурного сотрудничества решаются в рамках целевой программы «Развитие культуры, искусства и кинематографии в Республике Башкортостан» на 2013–2018 годы.

Список использованных источников

1. Бадретдинова С.А. Роль клубных учреждений в организации самодеятельного художественного творчества региона в начале XXI века (на примере Республики Башкортостан) // Тюрко-славянский диалог культур и цивилизаций: история и современность: Мат-лы Международного научного конгресса, посвящённого 40-летию Казанского государственного университета культуры и искусств (9-10 ноября 2009 г.). Часть II. Казань: Изд-во КГУКИ, 2009. С. 13–16.
2. В Уфе открылось заседание Постоянного Совета министров культуры ТЮРКСОЙ // Башкортостан. 2012. 7 сентября.
3. Зонова Т. Хорошо, когда страны так тесно сотрудничают // Республика Башкортостан. 2006. 18 июля (№160).
4. Гаскаровцы едут в Турцию // <http://minkult-rb.ru/news/5/2671/>
5. Государственная программа «Развитие культуры, искусства и кинематографии в Республике Башкортостан» (утверждена постановлением Правительства РБ от 26 июня 2013 № 279) // <http://docs.cntd.ru/document/463505210>
6. Делегация Башкортостана участвовала в Заседании представителей Национальных комиссий ЮНЕСКО // <http://minkult-rb.ru/news/5/3549/>
7. Завершился визит в Башкортостан генерального секретаря ТЮРКСОЙ Дюсена Касеинова // http://www.pravitelstvorb.ru/press_office/newsline/detail.php?ID=3271.
8. Куликова С. 7 сентября 2012 г. В Уфе проходит V международный театральный фестиваль «Туганлык» // http://proural.info/news_lenta/5521/
9. Отчет о результатах социально-экономического развития Министерства культуры Республики Башкортостан за 9 месяцев 2013 года // <http://minkult-rb.ru/activities/activity-reports/>.
10. Учредительное собрание Общества дружбы «Башкортостан – Турция» // http://www.minpromrb.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=2368.
11. Фаизов А. 65 лет ЮНЕСКО: Башкортостан в диалоге культур народов мира // <http://www.unescorb.ru/ru/news/detail.php?ID=422>.
12. Фотовыставка «Башкортостан – земля Дружбы» по итогам VI Международной творческой лаборатории фотохудожников стран-членов ТЮРКСОЙ // <http://old.rcntrb.ru/index.php?dn=news&id=203&to=art>.
13. Шакиров А. Салихов стал лауреатом премии Мифтахетдина Акмуллы // <http://www.bashinform.ru/news/595545/>
14. Юсупов Г. В Стамбуле прошли Дни культуры Республики Башкортостан // <http://www.bashinform.ru/detailno/136861/#ixzz3Hd7k4rwB>.
15. http://ufa2015.ru/sco/partners/?ELEMENT_ID=78.
16. <http://www.tuganlik.ru/index.html>.
17. http://www.turksoy.org/tr/ru/turksoy/about_us.

ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ: ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ

EURASIAN UNION: THE FAR EAST DEVELOPMENT THRUST

Аннотация: В новой геополитической обстановке («уход» Украины в ЕЭС) вопрос о расширении Евразийского союза на Восток становится актуальным. Тихоокеанская Россия может стать «стыковочным узлом» экономической кооперации Евразийского союза с Японией и Кореей.

Abstract: In the new geopolitical setting («departure» of Ukraine in the EU) the question of the expansion of the Eurasian Union to the East becomes relevant. The Russian Far East could become a «docking station» the Eurasian Union of economic cooperation with Japan and Korea.

Ключевые слова: Геополитика, Евразийский союз, Россия, Япония, Корея, Тихоокеанская Россия, глобализация, стыковочный узел.

Keywords: Geopolitics, Eurasian Union, Russia, Japan, Korea, Pacific Russia, globalisation, the docking station.

Создание Евразийского экономического союза не «каприз кремлёвской верхушки», а закономерный (промежуточный) итог мирового исторического процесса. В этой программе трансформации евразийского политического пространства, реинтеграции на пространстве бывшего СССР Тихоокеанской России будет отведена важная роль интегративной подсистемы, обеспечивающей экономическую кооперацию с Корейскими государствами и Японией. Договор о мире с Японией в ближайшие десятилетия подписан не будет. Ситуация усилиями обеих сторон превратилась в тупиковую (патовую). Правящие круги Японии, поощрённые предложением Н.С. Хрущёва о передаче ей двух островов, зашли в своих требованиях так далеко, что остановиться и отказаться от своих притязаний без «потери лица» уже не в состоянии. «Сохранить лицо» для японцев, воспитанных на самурайской этике поведения, не просто фигура речи, а один из главных постулатов в отношениях с окружающим миром.

Для России возврат «северных территорий», полученных в результате победы над Японией, равнозначен, во-первых, признанию того, что в советско-японской войне осенью 1945 г. не было победителей; и во-вторых, «потере лица» в глазах японцев, которые в своё время захватив у России пол-Сахалина посчитали бы неудачной русской шуткой требование вернуть эту часть острова назад. «Новые японские земли» на Сахалине активно заселялись и осваивались трудолюбивыми японскими колонистами вплоть до 1945 г., когда советский реванш заставил их с большой неохотой вернуться на родину предков.

Жизнь богаче шахматных ситуаций, и всё вышесказанное не означает, что отсутствие мирного договора (как бы патовая ситуация) будет мешать двум государствам активно развивать отношения и экономическое сотрудничество. 90 лет назад закончила своё политическое существование Дальневосточная республика, образованная правительством РСФСР для предупреждения столкновения коммунистической России и капиталистической агрессивной Японии. Более двух лет Тихоокеанская Россия успешно выполняла роль буфера между двумя сопредельными государствами. История (по Марксу) повторяется, и сегодня эта территория (с точностью до наоборот) может сыграть роль стыковочного узла в процессе экономической кооперации с Японией и корейскими государствами. Япония, инвестируя в дальневосточные территории России, создавая здесь промышленные производства, как бы сохранит лицо, развивая отношения не с далёкой Москвой, а с соседними территориями (Тихоокеанской Россией). Практическими «рычагами» интеграции двух экономик будут строительство моста мыс Погиби – остров Сахалин, сооружение подземного туннеля между Сахалином и Хоккайдо и соединение Транссиба с японскими железными дорогами. Аналогичная программа в отношении корейских государств уже перешла в плоскость практической реализации, Транссиб и северокорейские ж.д. состыкованы, новая магистраль доведена до порта Раджин. В перспективе – транскорейская и трансевразийская магистраль.

«Флёр» известной автономии российского Дальнего Востока будет поддерживаться деятельностью автономной некоммерческой организацией с большим объемом капитала (АНО), проект создания которой на «далёкой окраине» страны уже обсуждается в правительстве. По словам министра

экономического развития Андрея Белоусова: «Очень важно там создать единого оператора, который мог бы управлять большими объемами финансовых ресурсов. С нашей точки зрения, это должна быть крупная структура, скорее всего автономная некоммерческая организация, которая может такие проекты реализовывать. Но с большим собственным капиталом, но здесь важно все четко синхронизировать, чтобы не получилось так, что государство построит инфраструктуру, а бизнес не придет», – уточнил министр экономического развития и торговли [1].

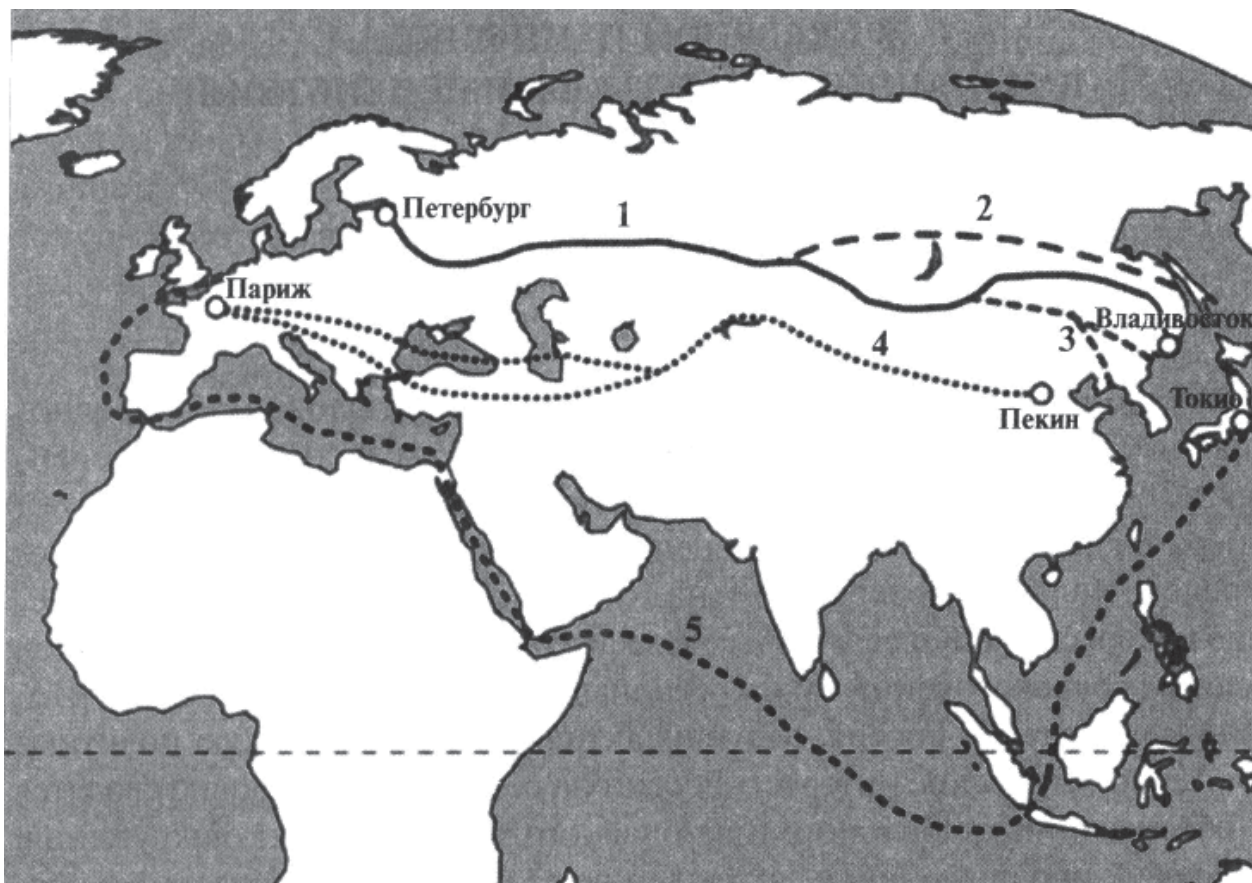
Если попытаться «прочитать» матрицу исторического процесса с помощью гегелевского закона «отрицание отрицания», то выделяются три исторических этапа (гегелевская триада): первобытное общество, классовое общество, постиндустриальное общество. Как известно, по Гегелю, третий член «триады» повторяет первый (спираль развития), но на качественно новом уровне. Тот же Гегель считал, что история человечества это поэтапное развитие свободы индивидуума. Согласно непопулярному сегодня К.Марксу, «Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства» [2]. Таким образом, достижение царства свободы (по Гегелю), как лейтмотив развития человечества, реализуется только после выхода человека из сферы материального производства (по К.Марксу).

Первобытное общество, охота и собирательство (зависимость от природы) – тезис, переход к регулярному труду (зависимость от материального производства) – антитезис. Развитие материального производства эволюционно приводит к освобождению от всякой зависимости (постиндустриальное общество) – синтез. Однако «синтез» (постиндустриальное общество), как повторение на высшем уровне «тезиса» (первобытное общество) будет означать и перенесение в постиндустриальное общество доминантного конфликта первобытного общества, коим была межрасовая конфронтация. (Первобытное общество унаследовало от животного мира внутривидовую борьбу, коя у первобытных людей приняла форму межплеменных войн и межвидовую борьбу, коей стала межрасовая конфронтация) Расовая война станет самым страшным конфликтом в истории, главной и единственной её целью будет полное уничтожение всего населения расы-антагониста.

Дать точный футурпрогноз с указанием даты реализации того или иного события нереально. Правильнее определять направления, векторы развития, намечать ориентиры и вехи, оконтуривать цели. Аксиомой стал тезис о том, что научно-технический прогресс идёт по экспоненте (с возрастающей скоростью). Попробуем вывести «алгоритм» ускорения: От каменного топора до начала использования металлических орудий труда прошли десятки тысяч лет; путь от металлического топора до применения станков человечество прошло в десять раз быстрее – за несколько тысяч лет. На порядок меньший временной отрезок понадобился чтобы изобрести компьютер – несколько сот лет. Экстраполируя эту тенденцию в будущее, можно предположить, что для завершения компьютерной революции, комплексной роботизации производства (и выхода из него человека) будет достаточно нескольких десятилетий (по максимуму столетие). Нужно сделать поправку на то, что, как отмечают эксперты, в последние десятилетия происходит замедление научно-технической революции. В окончательном варианте выход человечества из сферы производства и вступление человечества в (постиндустриальный) этап развития и, как следствие, возможность расовой войны можно ожидать в конце 21 столетия (2080–2100 гг.)

Наш прогноз-концепция о возможности возникновения в конце 21 века расовой войны получил неожиданное подтверждение. В 2003 г. была найдена ранее неизвестная 2-томная рукопись И. Ньютона. (Это событие освещалось в прессе и по ТВ [3]) Её содержание составляют математические вычисления, которые базируются на астрологической информации, библейских сюжетах, Книге пророка Даниила. Согласно гипотезе великого учёного, между восстановлением Священной Римской Империи Карлом Великим – коронация которого состоялась в рождественскую ночь 800 года – и концом света должны пройти 1260 лет. Главный вывод рукописи состоит в том, что апокалипсис следует ожидать в 2060 г.

Между нашим прогнозом даты расовой войны (2080–2100 гг.) и футурпрогнозом «конца света» И. Ньютона (2060 г.) – 20 лет разницы. Учитывая, что прогноз великого ученого был сделан почти за 400 лет до события (!), то 20 лет можно считать допустимой погрешностью в вычислениях (5%). Расовая война не неизбежна. Альтернативный (самоуничтожению) путь состоит в том, что Россия, расколов монголоидное сообщество и создав «Евразийский союз» (Россия, Узбекистан, Казахстан,



Предполагаемый маршрут Евразийского транспортного коридора в обход России (точечный пунктир)

Киргизия, Монголия, Корея, Япония), станет третьим (разнорасовым) силовым центром Евразии, снижающим до минимума расовое напряжение между монголоидным (Китай) и европеоидным (Европейский союз) полюсами планеты).

Концепция Евразийского союза появилась почти одновременно (начало 90-х гг.) с проектом «Туманган» в качестве его антипода. Если «Туманган» (и Евразийский транспортный коридор в обход России) это изоляция России, дезорганизация евразийского пространства, его геополитическая трансформация в угоду геостратегическим интересам Китая, то Евразийский союз – разнорасовое сообщество, символизирующее будущее единство Евразии, а в последствии и мира. Связанные общим экономическим интересом государства-члены Евразийского союза формируют новый мощный полюс глобализирующегося мира, в качестве промежуточного этапа на пути к унипланетному сообществу.

По мнению вице-премьера Киргызстана Джоомарт Оторбаева, большинство стран Центральной Азии, не имея выхода в мировой океан, больше других заинтересованы в развитии Евразийской инициативы. Выступая в качестве основного спикера на конференции высокого уровня «Глобальное сотрудничество в эру Евразии», прошедшей 18 октября 2013 г. в Сеуле, он предложил Японии и Корее вступить в Таможенный союз: «Грядет эра Евразии, перед континентом стоят важные цели. Этих целей можно достичь только, если страны Евразии смогут поэтапно избавиться от барьеров, которые по разным причинам нам мешают. Открыть границы, расширять рынки, развивать сотрудничество на национальном, региональном и глобальном уровнях – это тот путь, который должны избрать страны континента, чтобы добиться успехов» [4].

Аналогичный футурпрогноз предлагает Путин в своей программной статье, в газете «Известия». Её квинтэссенция – в следующем абзаце: «Создание Евразийского союза, эффективная интеграция –

это тот путь, который позволит его участникам занять достойное место в сложном мире XXI века. Мы предлагаем модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом» [5].

Список использованных источников

1. Вместо госкорпорации на Дальнем Востоке может появиться АНО. Владивосток, 4 марта, PrimaMedia.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 2. / К. Маркс, Ф. Энгельс. М., 1970. С. 386, 387.
3. Комсомольская правда. 19.06.2007.
4. Южная Корея и Япония могут вступить в Таможенный союз – Nur.kz finance.nur.kz/news/macroeconomics/286925.html.
5. Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня / В.В. Путин // Известия. 2011. №184.

Р.Ф. Гарипов

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В АРАБСКОМ МИРЕ В XX ВЕКЕ

R.F. Garipov

TRENDS FOR INTEGRATION IN THE ARAB WORLD IN THE XX CENTURY

Аннотация: Статья посвящена попыткам интеграции арабских государств во второй половине XX века, среди которых Объединенная Арабская Республика, Арабская Федерация Ирака и Иордании, Объединенные Арабские Государства, Федерация Арабских Республик, Объединенные Арабские Эмираты и другие проекты.

Abstract: The article is devoted to the Arab States integration efforts in the 2nd half of the XX century, exemplified by United Arab Republic, Arab Federation of Iraq and Jordan, Federation of Arab Republics, United Arab Emirates and other projects.

Ключевые слова: интеграция, арабский национализм, Г.А. Насер, Объединенная Арабская Республика, Федерация Арабских Республик, Объединенные Арабские Эмираты.

Key words: integration, Arabian nationalism, G.A. Naser, United Arab Republic, Federation of Arab Republics, United Arab Emirates.

Арабы до сих пор считают себя частью единой арабской нации, сложившейся еще во времена Арабского халифата. Ведь они имеют общую историческую судьбу, общие язык, религию, культуру. Безусловно, цивилизационные основы арабского общества способствуют сближению арабских народов, несмотря на все их различия. Объединительные тенденции отражаются в росте арабского национализма, а в крайних вариантах – в идеологии панарабизма и лозунгах «всемирного халифата». Однако на практике эти идеи не приводили к долговременному успеху. Наоборот, борьба за лидерство в арабском мире порождала лишь углубление противоречий и конфликты.

Как отмечает Г.Г.Косач, арабский национализм и движение арабского возрождения, выразившиеся в лозунге «единого арабского отечества», возникли в 1840-х гг. на территории так называемой «исторической Сирии» (современные Сирия, Палестина, Ливан, Иордания)¹. Первой попыткой воплотить эту идею в жизнь стала «великая арабская революция» 1916 г. Тогда арабские националисты попытались, опираясь на хашимитских правителей Хиджаза, создать объединенное арабское государство в «исторической Сирии» (включая сюда Хиджаз и часть Ирака). Однако таким планам помешали Англия и Франция, стремившиеся разделить эти территории между собой после окончания Первой мировой войны и не допуская излишней самостоятельности арабов.

¹ Косач Г.Г. Арабский национализм или арабские национализмы: доктрины, этноним, варианты дискурса // Национализм в мировой истории / под ред. В.А. Тишкова, В.А.Шнирельмана. М., 2007. С.261.

В марте 1945 г. 7 арабских стран (Сирия, Ирак, Ливан, Иордания, Египет, Саудовская Аравия, а затем и Северный Йемен) объединились в Лигу арабских государств с целью защиты интересов арабских государств и координации их политики. Однако почти сразу же выяснилась вся глубина противоречий между ними, что мешало их объединению.

Более удачной попыткой стало «органическое единство» Египта и Сирии в конце 1950-х – начале 1960-х гг. Поражение 5 арабских государств в первой арабо-израильской войне 1948–1949 гг. и образование государства Израиль стало мощным стимулом для подъема арабского национального самосознания и движения арабской солидарности.

Наиболее ярко это движение выразилось в Египте. Он всегда занимал особое положение в данном регионе, т.к. в силу своего положения являлся связующим звеном между арабами Азии и Северной Африки. Не случайно именно в Каире располагается штаб-квартира Лиги арабских государств (ЛАГ). Ее генеральным секретарем чаще всего является египтянин. В начале 50-х гг. тогдашний руководитель ЛАГ Аззам-паша прямо заявлял: «Египет – страна, избранная Аллахом... Египет находится в центре мира, это светоч мира. Наша руководящая роль не вызывает сомнений»². К тому же Каир издавна был центром мусульманского образования и науки. Здесь находится старейший и авторитетнейший мусульманский университет Аль-Азхар. Именно в Египте в 1952 г. произошел военный переворот «Свободных офицеров», положивший начало новому этапу национально-освободительной борьбы в странах «третьего мира» в целом, в т.ч. и в арабском мире. Имя президента Г.А.Насера на целую эпоху стало символом этой борьбы. Его авторитет резко вырос после национализации Суэцкого канала и успешного отражения (при мощной поддержке СССР) тройственной агрессии Англии, Франции и Израиля в 1956 г. Вполне закономерно, что Египет в это время становится политическим центром арабского мира.

Насер и создал Объединенную Арабскую Республику (ОАР), хотя инициатива исходила от Сирии, точнее от сирийской Партии арабского социалистического возрождения (БААС). Арабское общественное мнение расценивало образование ОАР как первый шаг к объединению всех арабских государств. Непосредственной причиной активности Сирии стал ее отказ от навязываемого США контроля в рамках «доктрины Эйзенхауэра». В ответ на это США резко усилили давление на Сирию, организовали ее экономический бойкот, поощряли многочисленные вооруженные провокации на границах с Израилем и Турцией. Впрочем, подобная политика проводится и сейчас. В таких условиях Сирия решила сделать ставку на укрепление арабской солидарности.

В январе 1958 г. правительство Сирии направило в Каир делегацию и предложило Египту объединение двух государств. Министр иностранных дел Сирии Салах Битар даже просил решить эти вопросы в скорейшем порядке. Насер согласился, но на условиях, которые давали преимущество Египту и лишали влияния все другие политические силы. Первые соглашения о создании ОАР были подписаны 1 февраля 1958 г. в Каире Гамалем Абдель Насером и президентом Сирии Шукри аль-Куатли. 21 февраля в Египте и Сирии прошли референдумы об объединении Египта и Сирии в рамках общего государства, а Насер был избран президентом ОАР. Акт об объединении стран был подписан их президентами 22 февраля 1958 г.

ОАР объявлялась федерацией, состоящей из двух разделенных территориально административных районов – Сирийского (Северного) и Египетского (Южного). Столицей стал Каир. 5 марта 1958 г. была принята временная конституция, установившая основные принципы государственного строя на переходный период. ОАР, по конституции, провозглашалась демократической суверенной республикой, а ее народ – частью арабской нации. Президент являлся главой исполнительной власти, он назначал и отправлял в отставку министров правительства, ответственного перед ним. Законодательную власть осуществляло однопалатное Национальное собрание, которое назначалось президентом. Общее количество его депутатов устанавливалось президентом. При этом не менее половины его состава должны быть депутатами парламентов Египта и Сирии. В административных районах ОАР (Сирийском и Египетском) власть осуществлял Исполнительный совет, председатель которого назначался президентом. Министры административных районов также назначались президентом по представлению председателя совета.

В Декларации о союзе говорилось, что «обе страны объединились в качестве предварительного шага к полному арабскому единству», что ОАР «имеет целью сплотить все арабские народы и что

² Левин З.И. Развитие арабской общественной мысли (О некоторых немарксистских течениях после Второй мировой войны). М., 1984. С.47.

открыта дверь для присоединения любого арабского государства, желающего примкнуть к ним в форме союза или федерации»³.

Вскоре последовали события, оправдывавшие, казалось бы, самые смелые ожидания в этом направлении. Образование ОАР стало мощным импульсом к интеграции арабских стран. Еще 14 февраля 1958 г. короли Ирака Фейсал II и Иордании Хусейн создали Арабскую Федерацию Ирака и Иордании. Несмотря на название, фактически это была не федерация, а конфедерация. В марте 1958 г. Северный Йемен, а в июле и Ирак заявили о своем присоединении на правах ассоциированных членов к новой конфедерации – Объединенным Арабским Государствам вместе с ОАР. Однако эти акты носили чисто декларативный характер и ни к чему не обязывали. К тому же вскоре в результате военного переворота в Ираке король Фейсал II был свергнут, а союзы с Иорданией и ОАР были разорваны новыми властями 2 августа 1958 г.

Забегая вперед, следует отметить, что конфедерация Объединенной Арабской Республики и Йеменского Мутаваккийского Королевства была крайне аморфной и, естественно, непрочной. В одном государстве объединялись вместе, хотя и формально, республика и монархия. При этом Йемен оставался вполне самостоятельным и независимым государством. Всего через 3 месяца после выхода из ОАР Сирии конфедерация с Йеменом была официально упразднена 26 декабря 1961 г. Однако всего лишь через 9 месяцев после распада этого союза 26 сентября 1962 г. в Северном Йемене произошла революция. Была свергнута монархия и провозглашена Йеменская Арабская Республика, которая, не будучи в каких-либо конфедеративных отношениях с Египтом, установила более прочные связи с правительством Насера.

Но существование Объединенной Арабской Республики не было легким и безоблачным. С самого начала резко обострились противоречия между ее составными частями. Сирия фактически потеряла независимость и попала под контроль египетских властей. Политическая система Египта была распространена и на Сирию. Равного представительства обеих стран не соблюдалось ни в правительстве, ни в парламенте. Так, из 35 министров 14 человек (40%) представляли Сирию, а в Национальное собрание входили 385 египетских и только 70 сирийских депутатов (85 и 15% соответственно)⁴. В Сирии, по примеру Египта, были распущены все политические партии.

На Сирию стали распространяться все социально-экономические преобразования, проведенные в Египте. Обе страны имели разный уровень развития. Поэтому предполагалось постепенно преодолеть эти различия в ходе выполнения единого пятилетнего плана экономического и социального развития обоих районов ОАР на 1961–1965 гг. В перспективе это могло дать положительные результаты, но возникло множество препятствий. Так, декреты о национализации вызвали недовольство у значительной части сирийской буржуазии и военных.

Даже прогрессивная аграрная реформа от 17 сентября 1958 г., при всех ее положительных сторонах, имела и ряд серьезных недостатков. Она копировала египетские аграрные законы и не учитывала специфики местоположения и плодородия земель в Сирии. Реформа предусматривала ограничение крупного землевладения и распределение выкупленных государством земель среди безземельных и малоземельных крестьян. Однако две трети их так и не получили землю. Преобразования шли очень медленно. Множество сирийских землевладельцев бойкотировало решения земельных комиссий, постоянно жаловалось в суды. В целом все это привело к сокращению обрабатываемых площадей и к общему ухудшению положения в сельском хозяйстве. Еще более усугубила положение жестокая засуха, продолжавшаяся все 3 года существования объединенного государства.

Резкое сокращение сельскохозяйственного производства отразилось и на других отраслях экономики. Египетские торговцы проводили дискриминационные меры против своих сирийских соперников. Сирийская промышленность, не выдержав конкуренции с египетскими товарами, прежде всего текстилем, разорвалась. Закрытие многих предприятий вызвало резкий рост безработицы.

Переход на плановый способ ведения хозяйства привел к усилению роли бюрократии, к росту коррупции, спекуляции, дефицита. Уровень жизни снизился. Даже в армии многие сирийские офицеры стали ощущать дискриминацию. Их чаще увольняли со службы или понижали в должности по сравнению с египетскими офицерами. Таким образом, антиегипетские настроения стали охватывать самые широкие слои сирийского общества.

³ Объединенная Арабская Республика. Справочник. М., 1968. С.128.

⁴ Пир-Будагова Э.П. Сирия в борьбе за упорочение национальной независимости. М., 1978. С.67.

Несмотря на большую личную популярность Насера и будущие вероятные выгоды от объединения, Сирия все же решила выйти из ОАР. 28 сентября 1961 г. офицеры сирийской армии захватили власть в Дамаске, арестовали и выслали из Сирии представителя Насера маршала Абдель Хаким Амера и объявили о выходе Сирии из ОАР. Была провозглашена самостоятельная Сирийская Арабская Республика (САР).

В составе ОАР (теперь уже унитарного государства) остался только Египет. При этом авторитет Насера не пострадал. Вину он возложил на новый сирийский режим как «орудие буржуазно-помещичьих кругов». СССР сохранил самые тесные отношения с ОАР и даже усилил политическое и экономическое сотрудничество с ней. Египет оставил за собой название ОАР вплоть до 1971 г. и был, по словам Насера, «опорой арабской свободы, укрепляющей дальнейшее движение арабов по пути единства и справедливости». Только после смерти Г.А. Насера его преемник А. Садат установил новое название государства – Арабская Республика Египет.

Однако планы нового объединения не были забыты. После военных переворотов в феврале – марте 1963 г. в Ираке, а затем в Сирии к власти вернулись представители левого крыла партии БААС. Они выступали за интеграцию с Египтом. 14 марта 1963 г. премьер-министр Сирии Салах Битар заявил, что главной задачей его правительства является создание союза ОАР, Сирии и Ирака, с возможным включением в него Алжира и Йемена. 15 марта Насер провел в Каире переговоры с сирийской и иракской делегациями, а 25 марта – с представителями Алжира.

17 апреля 1963 г. было распространено коммюнике Насера, руководителя Сирии генерал-лейтенанта Луэя аль-Атаси и премьер-министра Ирака Ахмеда Хасана аль-Бакра о создании Федерации в составе Египетского, Сирийского и Иракского районов со столицей в Каире. Но последовавшие вскоре политические кризисы в Сирии и Ираке прервали процесс объединения.

В связи с этим можно также упомянуть Федерацию Южной Аравии, существовавшую в 1959–1967 гг. под британским протекторатом. В нее входили Аден и южнотиморские эмираты. Федерация была упразднена после получения Южным Йеменом независимости.

Очередной попыткой объединения стала Федерация Арабских Республик (иногда в литературе – Союз Арабских Республик). Это было конфедеративное государственное образование, формально существовавшее в 1972–1977 гг. с участием Египта, Ливии и Сирии.

Основным вдохновителем идеи Федерации Арабских Республик (ФАР) стал новый руководитель Ливии Муамар Каддафи. В 1969 г. он предложил (при поддержке Г.А.Насера) образовать ФАР в составе Египта, Ливии и Судана. В 1970 г. в эту федерацию попросилась и Сирия. Тогда же лидеры Ливии, Египта и Сирии заключили Каирскую хартию, впервые продекларировавшую намерение создать Федерацию Арабских Республик. Однако Судан не пожелал вступать в нее.

17 апреля 1971 г. в ливийском городе Бенгази руководители Египта, Сирии и Ливии подписали договор о создании Федерации Арабских Республик, однако официально объявлено об этом было лишь 2 августа. 1 сентября 1971 г. одновременно прошли референдумы в Ливии, Египте и Сирии. В результате жители этих стран подавляющим большинством голосов одобрили создание федерации. 1 января 1972 г. стало днем рождения новой федерации.

Кроме того, в нее были приглашены еще Ирак и Тунис, впрочем, безрезультатно. С начала 1970-х гг. новый египетский президент Садат стал проводить антисоветскую внешнюю политику, сближая страну с Западом. Это совершенно не нравилось М.Каддафи. Отношения Египта и Ливии стали настолько натянутыми, что в 1974 г. Ливия фактически вышла из ФАР, сохранив лишь общий с ней государственный флаг. Более того, тогда же лидеры Ливии и Туниса договорились создать Арабскую Исламскую Республику в границах двух стран, но и этот союз образовать не удалось. В составе ФАР формально остались Египет и Сирия.

Федерация Арабских Республик официально прекратила своё существование 11 ноября 1977 г. после исторического визита президента А.Садата в Израиль. Там он признал за еврейским государством право на существование. Практически все арабские государства резко осудили «предательство» Египта, разорвали с ним дипломатические отношения и заморозили его членство в Лиге арабских государств. Флаг ФАР оставался государственным флагом Сирии до 1980 г., Египта – до 1984 г. Однако Ливия заменила его флагом ливийской «зеленой революции» в день официального роспуска ФАР в 1977 г.

На сегодняшний день самой успешной и жизнеспособной формой объединения арабов стали Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), созданные в 1971 г. Это федерация 7 эмиратов, каждый из

которых представляет собой абсолютную монархию (Абу-Даби, Дубай, Аджман, Рас-эль-Хайма, Умм-эль-Кайвайн, Фуджейра, Шарджа). При этом общенациональные органы формируются по республиканскому принципу. Высший совет союза, состоящий из глав всех 7 эмиратов, формально является верховным органом власти ОАЭ. Он определяет общую политику государства, устанавливает принципы государственного устройства, утверждает президента и председателя Совета министров ОАЭ. Однако эти посты фактически являются наследственными и закреплены за главами самых экономически мощных и крупных эмиратов – соответственно Абу-Даби и Дубай⁵. Каждый эмират самостоятельно распоряжается запасами нефти и газа на своей территории. А его политическое влияние прямо зависит от размеров его нефтегазового богатства. Пока лидеры 7 эмиратов имеют общие интересы, федерация ОАЭ сохраняется.

Список использованных источников

1. Косач Г.Г. Арабский национализм или арабские национализмы: доктрины, этноним, варианты дискурса // Национализм в мировой истории / под ред. В.А.Тишкова, В.А.Шнирельмана. М., 2007.
2. Левин З.И. Развитие арабской общественной мысли (О некоторых немарксистских течениях после Второй мировой войны). М., 1984.
3. Объединенная Арабская Республика. Справочник. М., 1968.
4. Пир-Будагова Э.П. Сирия в борьбе за упрочение национальной независимости. М., 1978.
5. URL: <http://www.ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 27.10.2014).

⁵ URL: <http://www.ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 27.10.2014).

Р.А. Давлетшин

ВОСТОК В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ И КУЛЬТУРЕ: МАРКИРОВКА СОЧИНЕНИЯ РАХАТ-И ДИЛ (УСЛАДА СЕРДЦА)

R.A. Davletshin

THE EAST IN SOCIAL THINKING AND CULTURE: MARKING OF THE ESSAY RAHAT-IDIL (DELIGHT OF THE HEART)

Аннотация: В статье рассматривается тюркское рифмованно-прозаическое сочинение из двух позиционных параметров востоковедческой мысли и культуры. Первая позиция объединяет описание основных параметров технических сведений и состояния книжного блока, вторая поднимает проблемы идентификации содержания кодекса и маркировки письменного памятника из хранилища Фонда рукописей ИИЯЛ УНЦ РАН.

Abstract: The article discusses the Turkic – rhymed prose work comprised by the two positional parameters of Oriental thought and culture. The first position combines description of the main parameters of the technical details and the status of the book block; the second raises the problem of identifying the content of the code and marking of the written monument of the Foundation repository of manuscripts at the Research Institute for History, Language and Literature.

Ключевые слова: Технические сведения, идентификация кодекса и текста, дескрипторная маркировка, вокабула, классификация.

Keywords: Technical information, the identification code and the text descriptor labeling, vocable, classification.

Книга *Rahat-i dil* («Услада сердец») приобретена в Мечетлинском районе Республики Башкортостан археографической экспедицией Института истории, языка и литературы УНЦ РАН в 2010 году. Это рифмованное прозаическое сочинение рассматривается из двух позиционных параметров востоковедческой мысли и культуры с камеральным описанием технической и идентификационной маркировки в рамках книжной культуры и кодикологии. Первая позиция условно объединяет основные технические сведения и состояние книжного блока с определением атрибуции, инициализации языка, объема и пагинации, дефекта, места и времени находки и краткой классификацией формы содержания на основе традиционной восточной «иерархической» системы. Вторая раскрывает кратко проблемы идентификации кодекса и текста, толкования маркировки вокабулы, аспектов структуры, содержания и характера концепта письменного памятника.

Общетехнические и технологические сведения

Технические сведения включают сжатые по мере наличия/отсутствия или «сухие» закодированные идентификационно-атрибуционные, краткие техническо-квалификационные и типовые выходные книжные данные. В Рукописном Фонде это сочинение зарегистрировано под шифром 43 а 182 сп.

Идентификация атрибуции и основные техническо-блочные сведения:

Автор: [*نظر بن غائب چمیانى*] – [*Назар ибн Гаиб Чимийани*]. Авторство установлено после исследования библиографической литературы по «Каталогу тюркских рукописей» и «Описанию тюркских рукописей Института востоковедения» [Дмитриева. С. 331–332; ОТР-III. С. 105–106].

Название: *راحت دل* – *Рахат-и дил* («Услада сердец»).

Инициализация языка: тюркский, с персидскими и арабскими лингвистическо-орфографическими элементами.

Параметры блока: объем 74 страницы. Произведение начинается с третьей страницы. Размеры кодекса 13x20 см; в странице 30 строк.

Хронотоп: издание приблизительно конца XIX или начала XX в.

Пагинация восточная (арабская) и хафизы (кустоды).

Дефект и состояние блока: издание неполное, без обложки и без титульной страницы. Отсутствуют титульные, начальные и конечные страницы с колофоном. Без выходных данных.

Место, время и последний владелец находки: Республика Башкортостан, Мечетлинский район, д. Юнусово; август 2010 г. Файзрахманов Анвар Вафиевич, 1935 г.р.

Классификационная характеристика: Sufism, (theology/ ethics). Суфизм (Теология/ Этика)

Идентификация и интерпретация маркировки вокабулы

Аутентичный перевод «*Рахат-и дил*» относительно семантики идентифицируется с несколькими вариантами вокабулы заглавия, например, как «Успокоение души» или «Радующее сердце». Конструкция словосочетания и орфография изафета персидская с комбинацией арабо-персидских слов. Первое слово отглагольное имя *рааха-тун*, производное от трехкорневого арабского глагола *раха* в значении: спокойствие, безмятежность; покой; и персидским изафетным окончанием «-и» [Баранов. С. 318–319]. Второе слово имеет персидское происхождение со значениями: сердце, душа [Рубинчик. С. 648].

В био-библиографическом обзоре «Персидская литература» упоминается персоязычный вариант под заголовком названия «*Рахат-и джан*» [Стори. С. 1711]. Это указывает на восточные корни происхождения сочинения. У Дмитриевой Л.В. в «Каталоге тюркских рукописей» «*Рахат-и дил*» описывается под лирическим названием («Услада сердца»). Инициализация языка «*Рахат-и дил*» («Услада сердца») – подтверждает сочинение как тюркская поэма религиозно-этического направления и является рифмованным текстом в двух столбцах или маснави (рифмованная форма строфы). Согласно Дмитриевой, которая она приводит в «Каталоге» на основании ташкентского списка (Собрание, II, 328, №1609, где, может быть, ошибочно нет пометы «узб.» или «тюрк.»), Х.Ф. Хофман полагает, что это персидская по языку поэма. Анализируя источники и материалы, она аргументирует, что восемь других ташкентских списков (Собрание, VII, 103–104, №5117–5124) и списки, доступные ей, свидетельствуют о том, «что это тюркская поэма» [Дмитриева. С. 331–332].

Относительно технических сведений вкратце можно добавить, что в названиях разделов и текстах используются арабско-персидский технический и терминологический аппарат. Культура использования арабско-персидского технического и терминологического аппарата согласуется с многовековыми письменными традициями Востока и общим взаимодействием арабо-персо-тюркских культур, которые постоянно присутствуют в разнообразных комбинациях во многих образцах тюркских письменных памятниках. В совокупности этот позитивный литературно-исторический аспект обусловлен долговременной практикой и высокой восприимчивостью тюркоязычной транскультурной средой Башкортостана.

Комментарий к структуре и маркировке содержания с определением тренда концепта

Структура сочинения разнообразна и подразделяется на следующие разделы с конкретной тематикой и соответствующим содержанием к ним: 1) байан (*араб.*, разъяснение; красота изложения; *произ. от глаг. третьего лица прош. вр. бана или, баййна прич. баин, мубаййн, мубаййан*), 2) дар (*перс.уст.*, глава, раздел книги), 3) хикмат *иранизированная мн.форма от хикма (араб.*, мудрость; философия; *произ. от глаг. третьего лица прош. вр. первой породы хакума; прич. хаким; мужкам*), 4) ривайат мн. от ед. ривайа (*араб.*, рассказ; легенда; версия; *произ. от глаг. третьего лица прош. вр. рауа; прич. рави, марви, марвиат*).

По виду структуры *Raxat-u dil* – это сочинение не конкретно традиционно-теологического направления, как обычно принято обозначать, скорее ее можно отнести к смешанному типу и, следовательно, содержание маркируется синергетичностью и корреляционной направленностью с открытым совмещением суфийско-этических норм и мусульманско-богословских аспектов мировоззрения. Отсюда выглядит вполне оправданным совместное и комбинированное сочетание нескольких направлений и аспектов в поэтической форме, которая охарактеризуется тем, что это сочетание явно превышает корреляционное действие, оказываемое каждым компонентом в отдельности.

Обосновывая применение технического термина и подхода дескрипторной маркировки для описания совмещенных тематик, классификации и рубрикации содержания текстов или своеобразный технологический подход конвергенции, где обобщенно дается краткая характеристика элементам схождения тюрко-мусульманской письменной традиции ее связям с арабо-персидской литературой и книжной культурой. В процессе апробации такого подхода автор допускает в практике использование такого дескрипторного маркировочного описания совмещенных тематик в содержании и структуре сочинения для облегчения классификации и исходит от следующих положений с акцентом на лексическую единицу и элементов определения параметров текста. Во-первых, на это указывает и название книги с комбинацией слов из разных языковых систем, арабского с персидским. Использование во второй части персидской лексики и первого арабского слова не согласуются с грамматикой арабского языка. Во-вторых, сюда можно отнести и смысловую сторону заглавия и текста с явным превалированием духовно-мистического начала и лирических элементов. В-третьих, сам основной текст написан и структурирован в двух столбцах близкого по форме маснави. Как известно, жанр маснави основан на нормативной поэтике. В-четвертых, само применение поэтической формы маснави широко распространено в суфийских произведениях (для толкования канонических постулатов и предписаний теологического учения мусульманские ученые в своих богословско-юридических трактатах обычно используют прозаические тексты), при этом на свободно-выборочной манере пропедевтики религиозно-этических норм показывает на тарикатский вектор влияния и направления сочинения. В-пятых само содержание этого тюркского сочинения, как и другие аналогичные сочинения, отличается универсальностью и «тематической и жанровой разнообразностью» [Прозоров, С.362]. Кратко рассматриваются в ней кодифицированные религиозно-исторические предписания и богословско-нравственные нормы и философско-этические изречения (хикмат) с кратким концептуальным изложением суфийской этики и мысли.

В заключении нужно подчеркнуть известную аксиому, что связи тюркской мусульманской книжной культуры и литературы Урало-Поволжья исторически уходят в глубь веков тысячелетней давности еще во времена караханидов (XI–XII вв.), хорезмско-тюркской (золотоордынской; XIII–XIV вв.) и чагатайской (XV–XVIII вв.) [Галяутдинов. С. 25]. В этой исторической глубине, однако, надо учесть две фундаментальные факторы основания этих культурных связей. Фактически на самом раннем этапе возникновения тюркская мусульманская книжная культура проявила себя как самостоятельная конфигурация на мировом уровне на основе подлинно тюркских караханидско-уйгурской литератур. Другим фундаментальным фактором в основании тюркской книжной культуры оказался сам процесс формирования под интенсивным влиянием и доминированием мусульманской мистической конвергенции в те же годы, «когда при дворах Караханидов развивалась литература на дари, причем тесная связь между этими двумя литературами несомненна» [Бертельс. С. 458].

Это утверждение вполне будет уместным, если учитывать колоссальное и постоянное влияние суфийского мировоззрения и тарикатов разного толка в лице конкретных персонифицированных авторитетов-шайхов персидского происхождения, особенно в начальном этапе в тюркской среде. Следовательно, вполне вероятно, что это сочинение может быть результатом перевода с дарийско-персидского или вообще многоэтапным вариантом переработки и трансформации восточного памятника на тюрки адептами суфизма. Но это уже требует дополнительного обращения к разным источникам и отдельного компаративистского исследования изменений интерполяции текстов и трансформации первоисточника.

Таким образом, вышеприведенные общие элементы маркировки структуры содержания и конъюнктуры расшифровки текстов *Raxat-u dil* («Услада сердец») подтверждают, что это сочинение указывает на компендий и синкретичную форму инсталляции с суфийской концептуальностью тренда кодекса. В течение многих веков транскультурная тюркоязычная среда Башкортостана с многовековым вхождением в арабо-персоязычный цивилизационно-культурный ареал естественно на основе превалирования общетюркской книжной культуры в Урало-Поволжском регионе переписала и синтезировала очень большое количество интеллектуально-духовных письменных памятников Востока.

Важно заметить главной особенностью формы этих переработанных письменных памятников является трансформация в компендий или преобразование в сторону краткости и лаконичности. И в результате этого до наших дней дошло широкий спектр ценнейших компендий текстов и транскультурных образцов Востока. Изучение первоисточников и образцовых эталонов письменной культуры региона с апробациями разных подходов, относящихся к развитию общественной мысли и культуры Востока, остается актуальным и жизненно необходимым для сохранения преемственности поколений тюрко-мусульманской культуры Башкортостана. А также для улучшения векторов взаимодействия и сотрудничества разных конфессий и культур в современной России в условиях нарастания процессов глобализации и интенсификации межцивилизационного взаимодействия.



Raxat-u dil («Услада сердца») С. 32–33.

Список использованных источников

1. Баранов Х.К. Арабо-русский словарь. М.: Русский язык, 1985. 942 с.
2. Бертельс Е.Э. Избранные труды. История персидско-таджикской литературы. М.: Издательство восточной литературы, 1960. – 556 с.
3. Галяутдинов И.Г. Два века башкирского литературного языка. Уфа: Гилем, 2000. 448 с.
4. Дмитриева Л.В. Каталог тюркских рукописей Института востоковедения РАН. М.: Восточная литература, 2002. 616 с.
5. ОТР-III. Описание тюркских рукописей Института востоковедения. Дмитриева Л.В. III том. Поэзия и комментарии к поэтическим сочинениям, поэтика. М.: Наука, главная редакция восточной литературы, 1980. 262 с.
6. Персидско-русский словарь. Руководитель Рубинчик Ю.А. Том 1. М.: Советская энциклопедия, 1970. 782 с.
7. Прозоров С.М. Ислам как идеологическая система. М.: Восточная литература, 2004. 471 с.
8. *Raxat-u dil («Услада сердца»)*. Фонд рукописи и старопечатных книг ИИЯЛ УНЦ РАН. №43 а 182 сп. (Год изд. не уст.; на тюрки). 74 с.
9. Стори С.А. Персидская литература. Библиографический обзор в трех частях. III часть. М.: Наука, главная редакция восточной литературы, 1972. 1884 с.

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ КАК ОСНОВАНИЕ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ ЭТНОСОВ

G.D. Ibragimov

THE SPIRITUAL HERITAGE OF THE TURKIC PEOPLES AS THE BASIS OF MUTUAL UNDERSTANDING OF THE ETHNIC GROUPS

Аннотация: В статье автор пытается дать оценку развитию культурных связей тюркоязычных стран как одному из определяющих интеграционных факторов.

Abstract: The article presents an attempt to assess the development of cultural ties of Turkic-speaking countries as one of the determining factors of integration.

Ключевые слова: Тюрки, глобализация, этнос, фольклор.

Keywords: Turks, globalization, ethnicity, folklore.

Стремительные изменения, происходящие в мире, приводят к тому, что многие представления и концепции о путях развития общества, о роли и месте технических, естественно-научных и гуманитарных знаний, разработанные в предшествующие периоды, не то чтобы перестают работать, но требуют существенной корректировки применительно к каждому конкретному случаю использования их в практике международных отношений. Процессы глобализации в области экономических связей и отношений приводят к резкому увеличению контактов между представителями различных регионов Земли, что, с одной стороны, не может не способствовать лучшему пониманию людей, представляющих разные культуры.

В то же самое время, с другой стороны, не может не вызывать опасения, ввиду того что векторы социального, экономического, культурно-исторического развития представителей разных регионов стран, культур порой не только не совпадают, но и зачастую ориентированы на разные модели социальной и культурной эволюции своих народов. Непонимание или игнорирование этого ведет к разрастанию самых разнообразных конфликтов: от бытовых до локальных, региональных.

В периоды изменения социально-экономических, политических основ жизни народов обращение к их духовному наследию является одним из способов сохранения национальной идентичности, а такие включения его в орбиту общемировой культуры на основе многовекового опыта существования, зафиксированного в фольклорных памятниках.

Таким образом, перед учеными, представителями гуманитарного знания стоит очень сложная задача внесения существенного вклада в дело диалога различных культур, регионов, цивилизаций с целью минимизации негативных последствий взаимодействия и взаимовлияния различных идеологий, мировоззрений, точек зрения на сущность человека, его место и роль в этом мире. Неприятие иной точки зрения, иного стиля жизни, иного мировидения и мировоззрения, иного отношения к происходящему, к жизни в целом чаще всего имеет своим источником либо непонимание чужого (что не так уж и страшно), либо (что гораздо серьезнее) недопонимание реальных основ чужой культуры, которая в таком случае из просто чужой превращается в чуждую, а следовательно, – враждебную.

Исторически сложилось так, что мир кочевой цивилизации тюркских народов, их идеология, мировоззрение, образ жизни, отношение к окружающему миру, способы хозяйствования, отношения с окружающими воспринимались другими народами как враждебные, несмотря на то, что в реальной истории эти отношения никогда не носили характера постоянного военного противодействия. Исторический опыт тюркских народов, зафиксированный в памятниках тюркской словесности, может оказать неоценимую помощь в деле гармонизации отношений представителей различных культур и цивилизаций, особенно в настоящее время, когда количество контактов растет чрезвычайно быстро и возникает необходимость тонкого учета возможностей и ограничений, накладываемых различиями в культурах, типах организации исторически сложившихся сообществ.

В рамках развития и укрепления культурного сотрудничества между различными народами огромную роль играет знакомство взаимодействующих культур и народов с наиболее весомыми достижениями своих партнеров в области духовного развития. Так, многолетнее сотрудничество Республики Башкортостан с Турецкой Республикой уже приносит свои результаты, предоставив представителям башкирской культуры (ученым, писателям, артистам) возможность выйти на мировой уровень, благодаря всемерной поддержке, оказываемой общественной организацией ТЮРКСОЙ, а также Министерством культуры и туризма Турецкой Республики.

Деятельность в рамках программы культурного сотрудничества, разрабатываемых и поддерживаемых общественными и государственными организациями Турецкой Республики, дают возможность представителям тюркских народов не только лучше узнать друг о друге и своих достижениях, но и совместно решать многие вопросы самого различного уровня и направления: культурные, историко-филологические, экономические и другие.

Значительное место в этом сотрудничестве занимает пропаганда духовного наследия тюркских народов, которое занимает достойное место среди культурного наследия всех других народов нашей планеты. На сегодняшний день в рамках деятельности Министерства культуры и туризма Турецкой Республики издана многотомная антология тюркских литератур, два тома которой (XXIX, XXX) посвящены истории башкирского фольклора и литературы с древнейших времен и до наших дней. В указанных томах содержатся фольклорные произведения и лучшие образцы башкирской прозы, поэзии, драматургии. Реализация данного проекта дает тюркским народам возможность оценить масштабность и значимость истории своих народов, их культуры, их общего духовного наследия. Научная ценность данного проекта в том, что тексты произведений даны как в оригинале, так и в транскрипции и переводе на турецкий язык, что дает возможность знакомиться с текстами как напрямую, так и с помощью перевода и соответственно сопоставительного изучения.

Однако данная работа требует своего продолжения. Благодаря активной поддержке со стороны общественных и государственных организаций Турецкой Республики, тюркские народы в последние пятнадцать лет получили возможность начать широкую пропаганду своего культурного и духовного наследия благодаря переводам на турецкий язык. Это дает возможность любому человеку, желающему изучать культуру, историю, литературу тюркских народов, знакомиться с лучшими образцами духовного наследия с помощью турецкого языка, изучение которого широко распространено в современном мире. Так, в настоящее время подготовлены к изданию 4 тома фольклорных произведений башкирского народа, куда вошли все самые значимые эпические сказания, легенды, предания, содержащие бесценный материал по мифологии, древнейшей и средневековой истории, быту, особенностям хозяйственно-экономической жизни башкирского народа.

Характерная особенность фольклорного наследия башкир заключается в том, что наряду с общетюркскими произведениями, сюжетами, мотивами, которые встречаются либо почти что у всех тюркских народов, либо у какой-то части их, здесь много таких образцов фольклора, которые есть только у башкир. Сопоставительный анализ всех этих текстов позволяет выявить как общее, так и специфичное для каждого из народов, позволяет определить на основе анализа различных вариантов этапы формирования этих народов. Так, говоря о собственно башкирских эпических сказаниях, следует сказать об эпосе «Урал-батыр», который не имеет аналогов в фольклоре других тюркских народов, но при этом ряд сюжетных линий этого эпоса (например, поиск источника бессмертия и проблема бессмертия, проблема соотношения добра и зла) имеет параллели с шумеро-аккадским эпосом о Гильгамеше. И здесь требуется проведение дальнейших изысканий по сравнительно-сопоставительному изучению этих двух эпических произведений, отстоящих друг от друга по времени своего появления не менее чем на три тысячи лет, поскольку чисто типологическое сходство вряд ли можно признать правомерным. Все это позволит несколько по-иному представить историю формирования как самих тюркских народов, так и их культуры, рассмотреть историю формирования тюркских культур на широком историческом фоне.

Значительная часть фольклорных произведений является общим достоянием многих тюркских народов, однако каждый народ обладает своим вариантом того или иного эпического сказания, отражающим реалии жизни именно этого народа. Здесь можно указать на такие произведения, как «Чингиз-наме», «Едигей и Мурадым» и ряд других. Сравнительно-сопоставительное изучение таких произведений позволит уточнить хронологию появления этих памятников тюркской словесности, выя-

вить особенности художественного мировидения народов, в среде которых эти памятники сложились, проанализировать специфику художественных приемов, которые использовали сказители, с тем, чтобы полнее представить особенности национального менталитета и его отражение в памятниках тюркской словесности.

К.Р. Ишбулдина

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ ИЗ ТАДЖИКИСТАНА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

K.R. Ishbuldina

PECULIARITIES OF SOCIAL ADAPTATION OF MIGRANTS FROM TAJIKISTAN IN ST. PETERSBURG

Аннотация: Статья посвящена вопросам социальной адаптации и интеграции мигрантов из Таджикистана в российское общество на примере Санкт-Петербурга. Представлены материалы, собранные в результате полевого исследования, проведенного в 2012–2013 гг.

Abstract: The article is devoted to social adaptation and integration of migrants from Tajikistan to Russian society as in case of St. Petersburg. The article presents the material accumulated in the course of the research carried out in 2012–2013.

Ключевые слова: Диалог культур, миграция, социальная адаптация, интеграция, толерантность.

Key words: The dialogue of cultures, migration, social adaptation, integration, tolerance.

Миграционные процессы в Таджикистане тесно связаны с историей. Миграционные течения начала 1990-х годов – отъезд русскоязычного населения и вынужденная миграция, вызванная трагическими событиями гражданской войны, с начала 1994 года трудовая эмиграция, которая за последние годы стала одной из основных особенностей экономики и социальной жизни Таджикистана.

Занимаясь проблемой миграции населения из Таджикистана, я провела практическое исследование, основанное на эмпирических материалах, полученных мною в результате опроса. Опрос был проведен в городе Санкт-Петербурге среди проживающих там таджиков с октября 2012 по март 2013 года. Я акцентировала внимание на социально-культурной адаптации мигрантов и постаралась понять, как миграционные процессы повлияли на сознание и повседневную реальность этих людей, как в процессе адаптации происходил диалог культур, произошла ли интеграция, которая предполагает освоение новых норм, ценностей, образцов русской культуры и сохранение культуры традиционной.

В ходе исследования были использованы различные методы сбора материала: интервью, анкетный опрос, неформальная беседа. Анкета включала 40 вопросов, сгруппированных в три блока: социально-демографический, миграционный, адаптационный. Следует отметить, что организация полноценной выборки временных трудовых мигрантов при исследовании была затруднена некоторыми причинами, а именно сезонностью работы и сложностями контакта.

Приступив к работе, я поняла, что нарисовать социокультурный портрет мигранта в «целом» задача очень проблематичная. Слишком разные люди и разные стратегии. Как любое общество состоит из множества групп и противоречивых взаимосвязей, так и приезжие разделяются на самые различные категории. Вряд ли можно рассматривать в качестве мигрантов кинорежиссеров Бахтияра Худоназарова или Фархота Абдуллаева, футбольного тренера Рашида Рахимова, музыканта и продюсера Табриза Шахиди. Хотя все они являются выходцами из Таджикистана. Это привело меня к мысли выстроить исследование как логическое исключение и нарисовать образ таджикского мигранта, непривычный для восприятия российского обывателя, написать историю успеха, складывающуюся из судеб выходцев из Таджикистана, которые в молодом возрасте приехали в другую местность, в иную среду обитания и сумели не только выжить в новых для них условиях, но и состояться как личность, приобрести уважение друзей и коллег, стать авторитетными в профессиональной сфере людьми, добиться получения интересной и хорошо оплачиваемой работы.

В результате исследования были опрошены 20 респондентов. Из них – 90% мужчин, 10% – женщин. Из 20 опрошенных 12 человек являются гражданами РФ, причем у четверых – двойное гражданство, один респондент имеет разрешение на временное проживание, 7 – временную регистрацию (из них трое студенты).

Таблица 1

Регион проживания в Таджикистане		
Регион	Количество респондентов	Доля от общего количества респондентов, %
Душанбе и РРП		
1. Душанбе	8	40
2. Рудаки	2	10
Согдийская область		
Пенджикент	2	10
Ходжент	1	5
Айни	1	5
Исфаринский район село Чопкух	1	5
ГБАО		
Гарм	1	5
Харог	1	5
Хатлонская область		
Шахритусский район	3	15

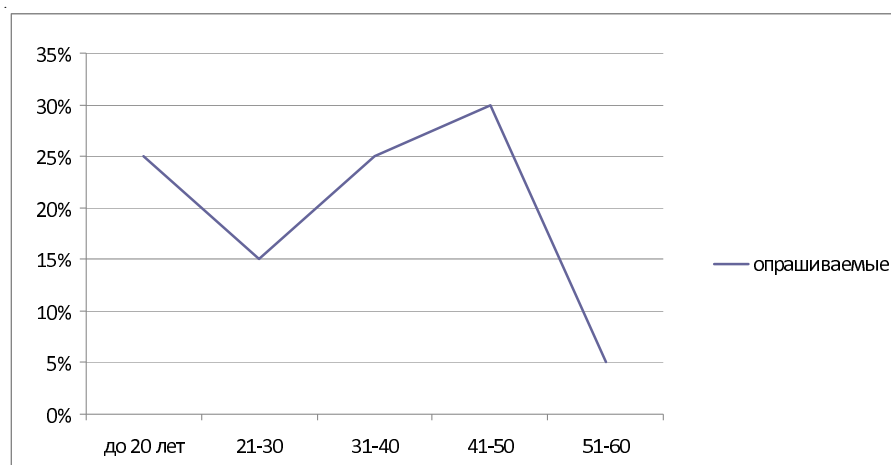


Диаграмма 1. Возрастной состав респондентов

Преобладающей является группа в возрасте 40–50 лет. Это объясняется тем, что среди опрошенных было достаточно много людей, приехавших на учебу из Таджикистана еще во время Советского Союза и оставшихся в городе работать. Достаточно большая часть интервьюированных (25%) – это молодые люди в возрасте до 20 лет, приехавшие на учебу или работу сразу после окончания школы. Состав респондентов по семейному положению показывает, что у 70% есть семья (состоят в браке). Средний размер семьи – 4,78 человека. У большинства респондентов супруга с детьми проживает вместе с мужем в России (87%). Все опрошенные семейные мигранты имеют детей. Среднее количество детей в семьях респондентов составило 2,78 человека. У всех остались родственники, проживающие в Таджикистане. Все из опрошиваемых посылают на родину часть своих доходов на содержание оставшихся в Таджикистане родителей, реже братьев, сестер. Некоторые отмечают, что родственники сами способны содержать себя и свои семьи в Таджикистане. Нередко упоминание и о родственниках, работающих в России, чаще всего о братьях.

Цели прибытия

Основная причина отъезда из Таджикистана среди опрошиваемых – учеба. Только 4 человека из 20 могут соответствовать определению «трудовой мигрант». Целью их приезда в Россию является работа, для троих из опрошенных она носит сезонный характер.

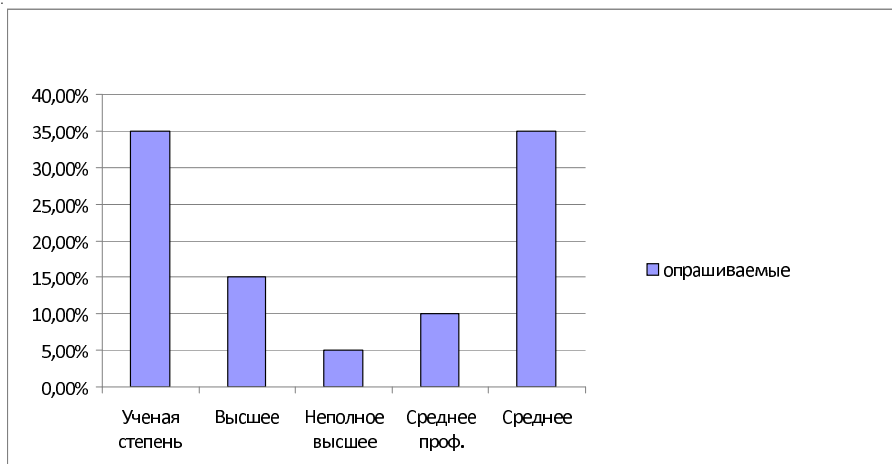


Диаграмма 2. Уровень образования респондентов

Исследование показало, что 50 % респондентов имеет высшее образование, из них 35 % имеют научную степень.

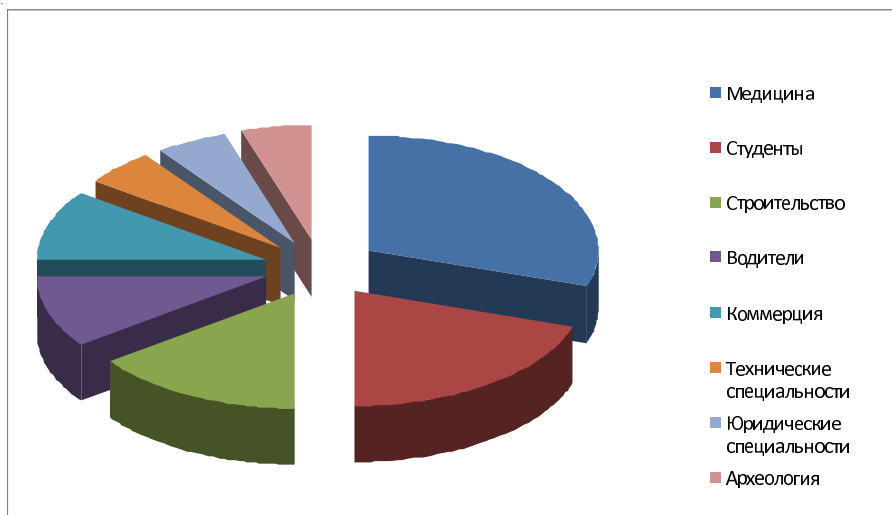


Диаграмма 3. Профессии респондентов

Как видно из диаграммы, большая часть мигрантов (30%) работают в области медицины. Один из моих собеседников отметил, что выходцы из Таджикистана есть практически во всех больницах города. Все опрошенные, занятые в области здравоохранения, окончили вузы в Таджикистане и приехали в Россию продолжать образование в ординатуре.

Один из респондентов, врач, закончивший медицинский вуз в Таджикистане, а ординатуру в г. Санкт-Петербурге, отметил, что в Таджикистане еще с советских времен была сильная медицина. Основу высшей медицинской школы заложили медики, прибывавшие в республику из разных частей СССР. После Гражданской войны 1992–1997 гг. республика лишилась высококвалифицированных медицинских кадров, была разрушена учебно-материальная база. По мнению респондента, постепенно профессия врача приобретает утерянный высокий статус. Сейчас выпускники Таджикского государственного медицинского университета им. Абу Али Ибн Сино трудятся в Таджикистане, России, США, Канаде, Германии, Сирии, Пакистане, Иране и других странах. Выходцы из Таджикистана, работающие в России в области медицины, летом 2012 года приняли решение создать ассоциацию врачей «Варисони Сино» (Наследники Сино), которая будет бесплатно оказывать помощь трудовым мигрантам из Таджикистана.

Что касается адаптации к условиям жизни в России, все из респондентов отмечали, что не чувствуют изолированности в обществе, общаются как со своими соотечественниками, так и с местными знакомыми. Естественно, при приезде в другую страну возникают трудности в адаптации. Помимо психологических, а иногда и языковых проблем, возникают затруднения в освоении норм, правил функционирования общества.

Адаптивность – не просто способность к выживанию в новых условиях, это умение приспособиться к новым условиям и сохранить целостность мировосприятия.

Социальная адаптация может протекать в активной или пассивной форме. Активная форма социальной адаптации характеризуется тем, что субъект, воздействуя на социальную среду, стремится ее приспособить к уже сложившимся у него представлениям о нормах и правилах социального поведения. Другая форма социальной адаптации – пассивное восприятие всех норм и правил поведения той социальной группы, в которой индивид оказался. Для этого нужно полностью пересмотреть свои взгляды и убеждения, что довольно сложно, и начать жить по нормам и правилам, установленным в данном обществе, ближайшем социальном окружении. С социальной адаптацией тесно связана адаптация психологическая. Социальная адаптация является связующим звеном между сущностью человека и окружающей действительностью.

Одинаковые изменения среды могут по-разному восприниматься человеком. Здесь многое зависит от субъективных факторов: пола, возраста, социального статуса человека, его образовательного и имущественного уровня, психологических особенностей. Основываясь на результатах исследования, обобщая образ мигранта, которому легче адаптироваться в другой культурной среде, могу отметить, что это профессионально компетентный, имеющий высокую самооценку общительный человек, в системе ценностей которого большое место занимают ценности общечеловеческие, открытый для самых разных взглядов, интересующийся окружающими, а при урегулировании конфликтов выбирающий стратегию сотрудничества.

Опрошенные респонденты говорили о том, что практически не сталкиваются с какими-либо формами дискриминации, связанными с устройством на работу, не выплатой зарплаты и т.д. И лишь в неформальной беседе, с оговоркой на то, что в работе не будет даваться ссылка на данные информатора, некоторые говорили, что порой испытывали определенную форму дискриминации по национальному признаку. Некоторые из опрошенных (15%) отметили наличие дискриминации при поиске или смене работы. Некоторые ссылались на знакомых, которым периодически задерживают или не выплачивают заработную плату. В целях совершенствования системы толерантного сознания и поведения, обеспечения атмосферы межнационального мира и согласия в Санкт-Петербурге была принята программа «Толерантность» на 2011–2015 гг.

Мне удалось встретиться и побеседовать с председателем региональной общественной организации «Молодежное общество студентов Таджикистана в г. Санкт-Петербурге» Фарухом Сатторовым. Основной проблемой адаптации таджикских мигрантов в России он назвал слабое знание мигрантами русского языка. «Портрет таджикского мигранта, преподносимый на страницах печати и в средствах массовой информации, не всегда совпадает с действительным», – заметил Фарух. Он также отметил, что в том числе благодаря обучению в России начинает формироваться прослойка таджикской интеллигенции, которая фактически была уничтожена во время войны, когда большая ее часть выехала из страны. Молодые люди по правительственной программе приезжают на обучение в наш город. По его словам в Петербурге на данный момент обучается порядка 500 молодых людей из Таджикистана. После беседы с таджикскими студентами, проходящими обучение в институте точной механики и оптики (ИТМО), я отметила, что уровень владения русским языком у них достаточно высок.

Миграция в целом способствует взаимовлиянию и обогащению, диалогу духовной и материальной культур, несмотря на наличие проблем, обусловленных трудностями адаптации, взаимодействием разных систем духовно-нравственных и эстетических ценностей.

Я полагаю, что в условиях России важной составляющей адаптации мигрантов является их этнокультурная адаптация. Она представляет собой усвоение богатой культуры России: языка, обычаев, обрядов, традиций, религии. Что касается опрошенных респондентов, то практически все высказывали глубокое уважение к русскому языку, литературе и культуре. Многие из респондентов (30%) регулярно посещают театры, изучают русскую литературу. Один из опрашиваемых перефразировал реплику из фильма: «В Мариинском театре раз в жизни должен побывать каждый человек».

Адаптация мигрантов будет проходить успешнее тогда, когда принимающая сторона дает возможность реализоваться национально-культурному самоопределению мигрантов. Речь идет о том, чтобы

мигранты могли создавать национально-культурные объединения, как-то: землячества, клубы. Решение этой задачи способствует сохранению характерных для определенного этноса черт. В Санкт-Петербурге функционирует общество дружбы российского и таджикского народов «Сомониён».

Значительная часть мигрантов пытается соблюдать традиционные обряды: 60% опрошенных празднуют Новруз. Мне выпала возможность присутствовать на этом празднике, проходившем 17 марта 2013 года в городе Пушкин. Такие праздники позволяют сохранять народные традиции в еде, одежде, танцах, что особенно важно для большого мегаполиса.

Все опрошиваемые проявили осведомленность о христианстве, религиозных праздниках и обычаях. Те из собеседников, кто длительное время проживает в городе, присоединяются к некоторым празднованиям вместе с коллегами по работе, русскими друзьями.

Показательным выглядит и другой результат исследования: никто из опрошенных не выразил желания вернуться жить обратно в Таджикистан. Многие высказывали мысль, что в будущем, если в республике будет наведен порядок, измениться экономическая ситуация, они подумают над вопросом возвращения на родину. Это обстоятельство красноречивым образом говорит об однонаправленном движении мигрантов, во всяком случае, принадлежащих к условно называемой страте интеллигентов.

«Я горжусь тем, что я в чужой стране достиг многого. Горжусь своими родителями, своей семьей. Не надо бояться трудностей, они укрепляют человека», – сказал один из опрошенных. Эти слова завершают историю успеха выходцев из Таджикистана, живущих в г. Санкт-Петербурге.

Данное исследование подтверждает существование различных групп мигрантов, интегрирующихся в российское общество. Изучение диалога культур в контексте особенностей процесса адаптации мигрантов важно для проведения сбалансированной национальной политики, формирования лояльного образа мигранта, достижение межэтнического согласия в национально-культурной сфере жизнедеятельности.

Список использованных источников

1. Абашин С.Н., Бушков В.И. Таджикистан: некоторые последствия трагических лет. М., 1998. 24 с.
2. Бушков В.И., Микульский Д.В. Анатомия гражданской войны в Таджикистане (этносоциальные процессы и политическая борьба 1992–1995). М., 1996. 170 с.
3. Бушков В.И., Микульский Д.В. Таджикское общество на рубеже тысячелетий (этнологическая ситуация в начале 1990-х годов). М., 1992. С.40–45.
4. Зайончковская Ж.А. Исторические корни миграционной ситуации в Средней Азии // Витковская Г.С. Миграция русскоязычного населения из Ц.А.: причины, последствия, перспективы. М., 1996. С. 41–64
5. Ионцев В., Хореев Б. Миграциология. М., 1989. 324 с.
6. Олимова С. Таджикистан: от вынужденной к трудовой миграции / Ж.А. Зайончковская // Постсоветские трансформации: отражение в миграциях. М., 2009. С. 350–377.

Е.А. Круглов

АРАБЫ В ТРУДАХ ПРОКОПИЯ КЕСАРИЙСКОГО

Е.А. Kruglov

ARABS IN THE WORKS BY PROCOPIUS OF CAESAREA

Аннотация: Статья посвящена как личности Прокопия Кесарийского, так и описанным в его работах арабским племенам. Византийский автор, как подчеркнуто в статье, показал не только гражданскую историю VI века, но и эпоху христианских миссий Византии по отношению к арабским соседям.

Abstract: The article is devoted both to the personality of Procopius of Caesarea and the description of Arab tribes in his works. The Byzantine author, as is emphasized in this article, described not only the civic history of the VI century A.D., but also the epoch of Byzantine Christian missions on their Arab neighbors.

Ключевые слова: РOMEи, «варвары», христианская миссия, монофизиты, арабы-химьяриты.

Key words: Romeans, «barbarians», Christian mission, monophysites, Arabs – Himyarites.

Давно уже отмечено византиеведами, что жители Ромейской державы, окруженные миром «варваров» и имея с ними контакты широкого спектра, в силу претензий на преемственность Византией традиций античного Рима, долгое время старались не замечать объективно шедших этнополитических изменений в Европе и на Ближнем Востоке в первой половине I тыс.н.э. Выражалось это в том числе и в попытках ромеев именовать этот мир в терминах античного наследия, хотя целый ряд некогда действительно варварских этносов в начале новой эры стал стремительно выходить на авансцену истории и играть в ней роль далеко не статистов. А установка на архаизацию в восприятии Византией окружения продолжала действовать, что видно и в ее политике по отношению к соседям, и в хрониках Византии IV–VI вв., где у Евагрия и Агафия, Симокатты и Феофана Исповедника тождественно фиксировались гунны и масагеты, славяне и сарматы, турки и скифы¹. И если для VI–VII вв. это еще было отчасти объяснимо перипетиями эпохи с интенсивными миграциями кочевников Евразии², то для Лаоника Халкокондила (XV в.)³ подобные архаизмы были отнюдь не проявлением путаницы от незнания, а проявлением очевидного стереотипа восприятия ромеем окружающих Византию этносов в качестве пост-античных «варваров», не смотря на наличие таблиц – метономасий⁴ для перевода прежних (античных) этнонимов на их византийские соответствия современности.

В VI в. до подобных таблиц – переводов времен Константина Багрянородного было, естественно, еще очень далеко, а именно в это время жил и творил едва ли не крупнейший историк Византии Прокопий Кесарийский. Для Европы это было время несомненной оппозиции «ромей – варвары», «варвар – не ромей», чему способствовали сами рейды и расселение по Дунаю алан и хуннов, а по Рейну – готов, каковых массовое сознание местных жителей не собиралось включать в понятие «ромей (жители Римской державы)». Не случайно военный деятель и историк IV в. Аммиан Марцеллин для оппонентов Европы постоянно употребляет понятие «смертельный враг», подчеркивая чуждость «варваров» Риму и Европе в целом.

Эти настроения Марцеллина вскоре после 400 г. отразил в своей речи «О царстве» и античный оратор Синесий⁵, подчеркнув чуждость готов народам романизированной Европы и ставя под сомнение легитимность готов-федератов в Римской державе. Заметим попутно, что ряд церковных авторов V века не поддержали «радикализм» Синесия и призвали к большей терпимости по отношению к «варварам», особенно если часть последних в это время начала принимать христианство, переходя таким образом из «смертельных врагов» в более нейтральное – *ignotus*, т.е. «чужие». По этому поводу Иоанн Златоуст прямо писал: «И варвара от не варвара мы отличаем не по языку ..., а по мыслям и душе»⁶, имея в виду, несомненно, фактор веры.

Вышеуказанный фактор, как показывают источники, был одним из тех важных обстоятельств, которые способствовали формированию нового концепта в дихотомии «Запад-Восток», особенно когда приходилось жить на самом рубеже этих социокультурных миров – в Византии. Здесь, в наследнице позднего Рима – державе ромеев, как показывает просопографический материал IV–VI вв.,⁷ гораздо раньше и интенсивнее, чем в Риме, пошел процесс миксизации византийцев с «варварами», способствуя формированию значительного количества «варваров» в верхнем слое Византийской аристократии и получению их миксовыми потомками высокого звания патрикиев (сенаторов).

К этой среде относился и автор ряда сочинений, сделавших его знаменитым историком, греко-язычный сириец Прокопий Кесарийский. Уроженец сирийской Кесарии получил блестящее юридическое

¹ Удальцова З.М. Византийская культура. М., 1988. С. 49; Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. М., 1980. С.15, 28–29, 49; Красиков С.В. Скифы в «Истории» Никифора Григоры (XIV в.) // Иностранцы в Византии. М., 1997. С. 26; Круглов Е.А. Этнокультурные контакты античной Анатолии и Урало-Камского региона Евразии. Уфа, 2005. С. 142–145.

² Подробнее об этом см.: Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1990; Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Огузы и печенеги в евразийских степях. Уфа, 2001; Вольфрам Х. Готы: от истоков до сер.VI в. СПб., 2003.

³ Диттен Г. Известия Лаоника Халкокондила о России // Византийский Временник. 1962. № 21. С. 51–57; Медведев И.П. Византийский гуманизм (XIV–XV вв.). Л., 1976. С. 171–173; Удальцова З.М. Дипломатия // Культура Византии 2 пол. VII–XII вв. М., 1989. С. 249 сл; Круглов Е.А. «Сарматская» Россия VI–XV вв. и «Земля пермиев»: взгляд из Византии // Образы России. Петрозаводск, 2001. С. 243–247.

⁴ Diller A. Byzantine Lists of Old and New geographical Names // Byzantinische Zeitschrift. 1970. Bd.63. S. 27–42. Круглов Е.А. К предыстории византийских метономасий в VIII–XV вв. // Вестник Башкирского университета. 2005. № 1. С. 20–24.

⁵ Козлов А.С. Федераты Империи IV–V вв.: свои – чужие // Иностранцы в Византии. М., 1997. С.20.

⁶ Буданова В.П. Трансформация образа варвара: от переселения – к расселению // Иностранцы в Византии. С. 13–14.

⁷ Чекалова А.А. Варвары в среде господствующего класса в Византии в IV–VI вв. // Иностранцы в Византии. С. 51.

кое и риторическое образование, что позволило ему в 527 г. получить на длительное время назначение в секретари к выдающемуся полководцу византийского монарха-василевса Юстиниана – Велитарю. Пройдя с ним сражения на востоке против персов, а на Западе (Италия и Северная Африка) – против вандалов и готов, обладая наблюдательностью и литературным даром, он после ухода в отставку посвятил себя обобщению пережитого, дабы передать четкие по этнографической точности описания этносов – оппонентов и соратников державы ромеев. Так из-под пера автора VI века вышли схожие по стилю и непохожие по оценке властей Византии 3 труда Прокопия: «О постройках» (*De aedificiis*) – панегирик архитектурно-строительной деятельности Юстиниана; «Тайная история» (*Historia arcana*) – откровенный памфлет на деятельность этого византийского владыки и «История войн» с готами, персами и вандалами (*B.G., B.P. и B.V., Opera Omnia*), где при формальной лести в адрес правителя и его «западной политики» на практике читатель без труда мог наблюдать восхищение автора «восточной политикой» полководца Велитария. Получив у ближайших преемников оценку «двухличного византийца», меняющего свои взгляды от сочинения к сочинению, «придворного льстеца и тайного памфлетиста»⁸, Прокопий тем не менее в силу исключительной эрудиции, яркого стиля и тщательности в фиксации этнографических деталей заслужил у авторов Нового времени репутацию ведущего византийского историка. Так, один из титанов XX в. – А. Тойнби, говоря об авторах – классиках античного прошлого, отметил: «два первых места по праву занимают Фукидид и Геродот. Полибию эллинисты отводят 3-е место, а 4-е автор этих строк отдал бы не Ксенофону, а Прокопию»⁹.

Представляется, что эта оценка выдающегося культуролога и историософа нашего времени по части Прокопия совершенно правильная: как бы ни относиться к «скачкам» византийца в характеристике его героев, собранный им материал дает панорамную картину эпохи Юстиниана и в сфере градостроительства, и в области военных действий времени, и – наконец – в мире византийской дипломатии, чьи изоощренные методы веками были сфокусированы на поиске своих врагов ради блага державы ромеев. Ради ослабления главного соперника Константинополя в IV–VII вв. – Ирана. А в этом противостоянии, что показывают труды Прокопия, весьма заметную роль – как на ромейской, так и на персидской стороне – играли арабы. В силу объективных исторических причин и обстоятельств VI век, время жизнедеятельности Прокопия, совпал с эпохой начала пассивного подъема арабов. Суперэтносом они станут веком спустя, когда с Ближнего Востока начнется арабо-исламская «конкиста» вплоть до Испании на Западе и северной Индии на Востоке, что завершится спустя 3–4 века. А пока, в VI веке, ударную мощь конницы и остроту клинка араба, пока еще в массе своей язычника, испытали на прочность и Иран, и Византия. Держава ромеев в тот же век вела непростые бои на западе с вандалами и готами, что нашло самое подробное освещение в трудах Прокопия. На востоке же главным оппонентом Византии был сасанидский Иран, которому наш автор и уделил столь достойное внимание в «Войнах с персами».

А арабы? Их казалось бы, обширный уже в те времена ареал обитания мог (потенциально) рассчитывать на внимание кесарийца, сравнимое с тем, что получили вандалы и персы. На практике же специальных трудов по арабам у Прокопия не оказалось – и не случайно, т.к. отдельной самостоятельной силы в качестве оппонента Византии на уровне Готии или Ирана арабы тогда еще не представляли. Будучи на стадии поздне-родового социума, арабы возглавлялись локальными племенными владыками, а кланово-племенная их структура в ряде мест приближалась к уровню ранне-государственных образований вождистского типа, которые ориентировались, естественно, на более могущественных своих соседей – Византию либо Иран.

Поэтому на страницах своих сочинений Прокопий чаще всего их именуется обобщенно «сарацины» (ВР. I, 17,1; 18,7; 19.7-9; II, 1,5; Н.а. II, 28; XVIII, 22, 25; XXIII, 12) и дает подчас весьма нелестные оценки их боевым и нравственным качествам. К примеру, когда после 546 г. возобновились межарабские столкновения и одна часть их племен поддержала ромеев, а другая – персов, Велитарий в ходе штурма одной из персидских крепостей не рискнул взять с собой вроде бы верных ему и Византии сарацинов, т.к. – по словам Прокопия – «сарацины от природы не способны штурмовать стены, а для грабежа и опустошения нет народа более пригодного, чем они» (В.Р. II, 19, 12). Чуть позднее, описы-

⁸ Пигулевская Н.В. Арабы у границ Византии и Ирана в IV–VI вв. М.; Л., 1964. С. 12, 197.

⁹ Тойнби А.И. Постигание истории. М., 1991. С. 422.

вая уже арабов – сторонников персидского царя Хосрова, византийский автор вновь постулирует, что при штурме Эдессы Хосров ряд своих сарацин не взял в бой, а поставил возле города, чтобы они «когда город будет взят, ловили и брали в плен тех, кто будет убежать» (В.Р. II, 27, 30).

Проявилась в ходе этих сражений и еще одна черта традиционного быта арабов, не ускользнувшая от взора Прокопия. Речь идет об очередном ирано-византийском конфликте, имевшем место в сер. VI в. В который с неизбежностью оказались втянуты находившиеся в этом же пограничье («между молотом и наковальней») два арабских племени. Одно из них, гассанидов, возглавлял провизантиец Арефа, получивший указом Юстиниана почетнейший титул патрикия (В.Р. I, 17, 47). Оппонентом его был Аламундар – вождь второго племени, арабов – лахмидов, который в 505–554 гг. твердо занимал проиранскую позицию и в одной из битв, взяв в плен сына Арефы, «принес его, по обычаю своего племени, в жертву Афродите», как отметил Прокопий (В.Р. II, 28,13). Была ли это действительно древнеэллинская богиня любви и красоты или же, как полагают византиеведы¹⁰, речь должна идти об общесемитской языческой Астарте, суть явления от этого не меняется – очевидный факт традиционного человеческого жертвоприношения, бытовавший в среде арабов VI века, еще не попавших в сферу деятельности миссионеров Византии.

Между тем, это миссионерство ромеев было на Ближнем Востоке в VI веке весьма активным, что нашло свое отражение как на части территорий Ирана, так и арабов. И сопровождалось христианизация сарацин примерно теми же явлениями и последствиями, что и в среде европейских готов. Упомянув последних, напомним, что в течение 7 лет никто не препятствовал миссионерской деятельности Ульфиллы, пока по итогам его проповедей христианами становились римские пленные готы. Но как только в 348 г. объектом проповедей Ульфиллы стали земляки-готы, отношение к епископу кардинально изменилось и, как известно, ему пришлось от последствий спасаться бегством¹¹.

Сходным образом и в Персии первые свидетельства христианства связаны с римскими пленными. Захваченные в сирийской Антиохи, они волею Шапура в 256 г. были расселены на юго-западе Ирана, в Хузестане, где над ними был даже поставлен епископ грек Димитриан¹². Вполне терпимое это отношение продолжалось около 80 лет. Пока в Римской державе не произошел, по мнению Т. Бёрнеса¹³, «религиозный переворот», волею Никейского Собора 325 г. объявившего государственной (и истинной) верой только христианство, в силу чего все прочие вероучения объявлялись ложными и подлежали преследованию, в т.ч. и иранский митраизм. Ответ Ирана не заставил себя долго ждать: с 337 г. начались преследования христиан на его землях, а также на землях проирански ориентированных арабов.

Информация по этой проблеме у Прокопия в компактном виде отсутствует, будучи рассеянный по страницам трех его сочинений, ни одно из которых не было, по понятным причинам, посвящено арабам специально. Но у византийца нет и труда по истории церкви на Ближнем Востоке, хотя он в «Войнах с готами» (II, 25,13) сообщал о своих планах написать труд на эту тему как-нибудь позднее. Не написал. И лишь через его описания строительной деятельности Юстиниана по возведению крепостей и храмов на землях провизантийских соседей и отдельным фактам «Войн» можно проследить процесс миссионерства ромеев, в т.ч. и в среде арабов.

В ранний период спектр этой деятельности был невелик территориально и методически скромнен. Последовательно проводя антииранскую линию, на отдаленных рубежах своей державы василевсы Константинополя возводили крепости, не вмешиваясь активным образом в сферу мировоззрения местных этносов. К примеру, у кушитов 1-го порога Нила, на о. Филе, крепости строил еще Диоклетиан, чью политику продолжил через 3 века Юстиниан (В.Р. I, 10). Первый, преследуя в свое время христиан, естественно, не мешал кушитами Нила почитать Исиду и Осириса, второй же в новых условиях на первых порах не форсировал решение вопроса. В это время более эффективной была методика фиссации крестов на действовавших языческих храмах и переосмысление в публичных проповедях ранних епископов языческой (в т.ч. антично-греческой) символики в новом, христианском духе: гроздь

¹⁰ Чекалова А.А. Прокопий Кесарийский. Жизнь и творчество. Комментарии к сочинениям // Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. СПб., 2001. С. 421 (прим. № 176).

¹¹ Russel I.C. The Germanisation of Early Medieval Christianity. Oxf., 1994. P. 135–137.

¹² Historie nestorienne / ed A. Scher. // Patrologia Orientalis. Paris, 1907. V. IV. P. 221 f; Иванов С.А. Византийское миссионерство. М., 2003. С.32.

¹³ Barnes T.D. Constantine and the Christians of Persia // JRS.1985. V.75. P. 135–136.

винограда – райский сад, рыбы и хлеб – иллюстрация притчи Христа об умножении хлебов для страждущих, овца – Агнец (Спаситель) и т.д.¹⁴

Вскоре, однако, методика медленного миссионерства сменяется на форсирование христианизации провинциальных соседей. При этом строительство новых крепостей и храмов сопровождалось, как у лазов Северного Кавказа, вырубкой деревьев – тотемов старой, языческой религии (De aed. III, 6, 6-8; BG. VIII, 4,9). У верных Константинополю кушитов верхнего Нила храм Исиды и Осириса, функционировавший еще при Диоклетиане и раннем Юстиниане, по приказу последнего в сер. VI в. был вначале закрыт, а затем и вовсе разрушен полководцем Нарсесом ради замены его на новый, христианский. Однако план возведения нового, как свидетельствует Прокопий (ВР. I, 11), так и остался мечтой...

Лучше обстояли в этом плане дела Юстиниана у арабов-химьяритов Южной Аравии, Йемена. Лимитрофная (букв. «слабосильная, худосочная» с греч.) государственность химьяритов восходит, судя по всему, ко II в. до н.э., когда их важнейшими партнерами были иудеи Израиля, что сказалось не только в сфере торговых контактов ... Первые же визиты в среду химьяритов Йемена миссионеров-христиан датируется серединой IV в. н.э., когда волею Констанция II в южную Аравию были отправлены миссионеры во главе с Феофилом Индийцем. Успешная миссия тогда осела в Йемене, где были построены 3 христианские церкви, а главное – существенно укреплен правый фланг Византии в противостоянии с Персией¹⁵. В начале VI в. эту территорию взяли было под контроль иудеи Эфиопии проперсидской ориентации, но после свержения химьярита-иудея в 539–542 гг. в Санае, столице Йемена, был заключен с Византией антиперсидский договор и возведен новый большой храм в византийском стиле¹⁶. Договору и храму было обеспечено, казалось бы, долгое будущее, если бы не вспыхнувшие в Константинополе теологические споры между ортодоксами-никейцами и еретиками-монофиситами, что ослабило позиции Византии и привело в 70-х гг. того же века к усилению в этом арабском регионе влияния Сасанидов.

Сходную картину являл для Византии и пограничный буфер на востоке, где между ромеями и персами медленно создавали свою государственность арабы – лахмиды и гассаниды. Первых из указанных пытались обратить в христианство между 500 и 513 гг. монофиситы, имея поддержку при дворе Константинополя у царицы Феодоры. Но лахмиды, будучи традиционно дружны с Ираном, отвергли монофиситство и предпочли ему гонимое в Византии несторианство, находившиеся потому в милости у шахов Персии. Пользуясь союзом с Персией, почти полвека вождь лахмидов Аламундар (Аль-Мундир III) грозно противостоял Византии, и ее арабским союзникам из племени гассанидов.

Жившие западнее лахмидов гассаниды (или ассаниды) были исторически ближе к державе ромеев, ряд их вождей получили из рук василевса Константинополя почетные титулы и звания иллюстриев (сенаторы) и Патрикоев (высшие сенаторы Византии). В их числе – Арефа, сын Гавалы (Харит ибн – Габал), который был пожалован в патрикии самим Юстинианом, как отмечал Прокопий Кесарийский (ВР. I, 17, 47), а затем во владения ассанидов для постоянного служения были посланы 2 епископа, Яков Барадай и Феодор, монофиситского течения в христианстве¹⁷. И пока был в силах Арефа, его ассаниды-христиане успешно противостояли вместе с Византией лахмидам и Ирану (ВР. I, 18, 7; II, 1,3–7; 19, 15–17; 28, 12–14; Н.А. II, 28).

Уход с политической арены ассанидского вождя, а затем и Юстиниана, несомненно, серьезно (и негативно) повлияли на степень позитивной контактности ромеев и арабов. Не только ушли харизматические личности – лидеры исторических соседей на Ближнем Востоке. Уходила «школа поведения». Пришедшие на смену Юстиниана честолюбивые преемники не отличались былой гибкостью по отношению к христианизуемым соседям, что не замедлило сказаться. Если Хосров II еще сумел удержать своего византийского спасителя (Маврикия) от крайностей, построив для его патриарха Афанасия на территории Ирана 2 храма¹⁸, то сменивший Маврикия Ираклий стал столь рьяно насаждать в завоеванных ромеями землях иранцев и арабов ортодоксальный (никейский) вариант христи-

¹⁴ Talbot R.D. The beginnings of Christian Art. L., 1957. P. 43–47; Weitzmann K. The Survival of Mythological Representations in Early Christian and Byzantine Art // *Dumbarton Oaks Papers*. 1960. V.14. P. 45 f.

¹⁵ Shahid I. *Byzantium and the Arabs in the Fourth Century*. Washington, 1984. P. 86–94.

¹⁶ Kitchen K.A. *Documentation for Ancient Arabia*. Part I. Liverpool, 1994. P.8–9.

¹⁷ Shahid I. *Op.cit.* P. 595–597; Иванов С.А. Указ. соч. С. 94–95.

¹⁸ Пигулевская Н.В. Византия и Иран на рубеже IV–VI вв. М.; Л., 1946. С. 256.

анства, преследуя при этом и местные (языческие) традиции веры, и «еретиков»-монофиситов,¹⁹ что это крайне негативно сказалось в арабской среде – по принципу бумеранга здесь стало набирать силу новое вероучение, ранний ислам. Но это уже тема отдельного анализа.

¹⁹ Пигулевская Н.В. Арабы ... С. 267.

S.A. Lee

ОСОБЕННОСТИ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПРИЯТИЯ В КУЛЬТУРЕ ВОСТОЧНОГО ТРАДИЦИОННОГО ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ ИСЛАМА И ДЗЕН-БУДДИЗМА)

S.A. Lee

FEATURES OF AESTHETIC PERCEPTION IN THE CULTURES OF TRADITIONAL EASTERN SOCIETY (IN THE CONTEXT OF ISLAM AND ZEN BUDDHISM)

Аннотация: Статья посвящена специфике эстетического восприятия в культуре восточного традиционного общества на примере ислама и дзен-буддизма. Отражена важность понимания данного аспекта в процессе межкультурного взаимодействия России и стран Востока.

Abstract: The article is devoted to the specifics of the aesthetic perception of the eastern culture of traditional society exemplified by Islam and Zen Buddhism. The importance of understanding this aspect is reflected in the process of intercultural interaction between Russia and the countries of the East.

Ключевые слова: Ислам, дзен-буддизм, сатори, медитация, духовность, нравственный идеал.

Key Words: Islam, Zen Buddhism, satori, meditation, spirituality, moral ideal

Исследование различных аспектов взаимодействия и сотрудничества России и Востока имеет давнюю историю. Так, в трехтомной монографии известного востоковеда М. Батунского указывается, что «...с XI–XII вв. на Руси не только переводились и читались, но и перерабатывались, использовались при составлении русских летописных памятников те византийские хроники, где более или менее подробно затрагивались различные аспекты истории ислама» [1, с. 148]. Подобный интерес к изучению арабоязычной культуры в России был связан, по мнению ряда специалистов, с традиционными торговыми связями Руси и арабских стран при посредничестве половецких ханов [2, с. 87].

Столь же явный и неугасающий интерес проявляла Россия и к странам Дальнего Востока – Китаю и Японии, вот уже несколько столетий граничащих с нашей страной.

В современном глобальном мире интеграция и культурное сотрудничество России со странами ближнего и дальнего Востока тем более важно, что они выступают естественными союзниками нашей страны в международной конкуренции за мировое лидерство. При этом в процессе формирования тесных и эффективных связей в различных областях сотрудничества необходимо помнить о важности не только экономических и политических, но и культурных, духовных традиций наших регионов.

Как известно, доминирующей чертой традиционного общества является его устойчивость и холистичность (целостность). На это указывает утверждение крупнейшего отечественного демографа и социолога Анатолия Вишневского, который полагает, что в традиционном обществе «...все взаимосвязано и очень трудно изъять или изменить какой-либо один элемент» [3, с. 87]. Отмеченное качественное своеобразие традиционного общества оказывает существенное влияние на его культуру. Данное влияние наиболее характерно проявляется в искусстве традиционного общества и его взаимосвязи с религией, которая выступает смысловым стержнем мировоззрения подобного общества. Ярким примером такой взаимосвязи и влияния религии на искусство и эстетическое восприятие является восточное общество, особенно в странах Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии. В частности, внимание многих исследователей привлекает специфика эстетического восприятия и отношение народов указанных регионов к искусству. Причиной подобного отношения является признание искусства как пути духовного индивидуального самосовершенствования наряду с чтением Корана, сутр и медитацией. На первый взгляд, такая трактовка искусства мало чем отличается от общепринятой

европейской. Однако более внимательное исследование особенностей эстетического восприятия и интерпретации в исламе и дзен-буддизме позволяет выделить в отношении к искусству неповторимые черты, свойственные только представителям религиозно-философских учений Востока.

Исследование причин специфики эстетического восприятия в дзен-буддизме уместно начать с анализа совпадений в отношении к искусству в Европе и на Востоке. Мощный подъем европейского искусства в эпоху Возрождения был тесно связан с христианской религиозной идеологией. Художники, создававшие произведения искусства, использовали религиозные сюжеты, а некоторые рассматривали свою деятельность не просто как ремесло, а как религиозное послушание, служение Богу. Да и заказчиками многих произведений искусства выступали религиозные деятели. В результате подобного подхода главной целью создания произведения искусства и творчества художника являлась реализация духовного послания религиозного содержания. Эстетическая направленность любого подобного произведения отходила на второй план, подчиняясь строгим канонам религиозной морали. Между тем на преобладании духовного содержательного начала в восточном искусстве настаивают как последователи ислама, так и дзен-буддизма. В частности, известный исследователь Д. Судзуки прямо указывает на единство подходов к трактовке искусства в различных конфессиях: «Пренебрежение формой вообще свойственно мистике: и христианской, и буддийской, и исламской. Когда подчеркивается значение духа, все его внешние проявления приобретают второстепенное значение. Форму далеко не всегда презирают, но внимание к ней сводится к минимуму...» [4, с. 399]. А современный исламский культуролог Апшерони Али настаивает, что «...ислам последовательно утверждает необходимость подчинения красоты нравственному идеалу и создания такой эстетики, которая бы строилась на прочной моральной платформе, где были бы исчерпывающе отражены представления верующих о духовной и художественной красоте, о возвышенном, героическом, и предусмотрена возможность для прекрасного быть одним из способов познания всеобъемлющих истин духа...» [7].

Однако европейский подход к искусству, начиная с эпохи Возрождения, все более стал приобретать ярко выраженный светский характер. Уже в произведениях Микеланджело, Леонардо да Винчи и Рафаэля огромное значение придавалось внешней морфологической стороне их произведений. При этом в качестве образца для подражания использовались произведения античного искусства, авторы которых прекрасно воплощали красоту человеческого тела с учетом всех анатомических деталей. Следуя традициям античного искусства Древней Греции и Рима, художники эпохи Возрождения получали упреки от церковных клерикалов в том, что, стремясь к совершенству внешней формы, они (художники) забывали о главном – духовно-религиозном содержании своих произведений. В дальнейшем с развитием светской направленности европейского искусства гедонистический подход стал доминировать. Созданию и совершенствованию внешней формы произведений искусства придается все большее значение. На это ориентировано большинство методик обучения и практики. Умение придать произведению оригинальную, совершенную, изощренную форму становится самоцелью многих художников в различных областях искусства, что дало мощный толчок бурному развитию техники, методики, материалов и инструментария во многих сферах искусства. В результате потребитель (особенно массовый) современного европейского искусства, прежде всего, воспринимает его внешнюю морфологическую сторону и мало задумывается об интерпретации его содержания, смысла. Конечно, это не значит, что современные ценители искусства «любят только глазами и ушами», а не «умом и сердцем». Но доминирующий интерес современных потребителей к форме произведения искусства несомненен. На это указывает высокая эффективность рекламы, использующей наглядность и зрелищность внешней формы любого объекта, в том числе и произведения искусства.

Между тем на Востоке эстетические представления ценителей искусства по-прежнему сохраняют приверженность к содержанию, а не к форме произведения искусства. Особенно это заметно в таких традиционных для Японии, Китая и соседних стран южно-азиатского региона, видах искусства как живопись тушью, каллиграфия и фехтование. По мнению многих исследователей, причина подобного отношения к искусству кроется в эстетических представлениях религии, которую исповедуют в этих странах. Например, каллиграфия считается особым видом искусства и нравственного самосовершенствования не только в буддизме, но и в исламе. В частности, тот же Апшерони Али свидетельствует о том, что каллиграфия и украшения мусульманских рукописей «...превращает их в настоящие драгоценности...» [7].

Жорж Дютюи – поэт и автор книги «Китайский мистицизм и современная живопись», наиболее точно выразил дух буддийского мистицизма в таких словах: «Рисуй бамбук десять лет, стань бамбуком, затем забудь все о бамбуках, когда ты рисуешь» [4, с. 398]. Точность этих стихотворных строк так поразила Д. Судзуки, что он включил их в качестве эпиграфа к главе о влиянии буддизма на японскую культуру и искусство. И не зря, т.к. парадоксальный характер сущности и откровений буддизма и его ответвления – дзен-буддизма, наиболее полно и ярко проявляются именно в традиционных видах искусства Японии и Китая. Одним из краеугольных принципов творческого созидания адепты дзен-буддизма считают непосредственность и интуитивность. Указанные состояния не адекватны состоянию вдохновения, которое считается локомотивом творчества в европейском искусстве. Скорее напротив, если вдохновение, как правило, предполагает собой сильнейшее эмоциональное возбуждение, то непосредственное, интуитивное восприятие окружающего мира в дзен-буддизме сопровождается абсолютным эмоциональным спокойствием и умиротворенностью. Д. Судзуки объясняет такое состояние тем, что «факты и опыт в Дзэне ценятся больше, чем образы» [4, с. 400]. Подобный радикальный эмпиризм, по выражению того же Судзуки, позволяет творцу сразу же обратиться к сути явления или предмета, который является объектом его творчества. Но такой подход не имеет ничего общего с попыткой «алгеброй гармонию развязать». Именно в этом и кроется коренное различие европейского и восточного восприятия искусства. В основе европейской культуры лежит парадигма антропоцентризма, согласно которой человек – «есть мера всех вещей». Культура, согласно мнению большинства европейских философских школ, противоположна природе. Она выступает как исключительная родовая черта человеческого бытия и является результатом его разумной преобразующей деятельности. Иная точка на культуру в дзен-буддизме. В ее основе лежит природный космизм, декларирующий слияние человека и природы. Для последователей дзен-буддизма человек – часть окружающей природы, а культура не противоположность, но способ слияния с ней. Поэтому реализация творческого потенциала человека должна осуществляться через рациональное и эмоциональное постижение природы. Одним из эффективных методов достижения данного результата, предлагаемых дзен-буддизмом, является достижение состояния *Мусин* (яп.) или *У-синь* (кит.), что в переводе означает «отсутствие разума». Для европейца, привыкшего считать нормой постоянный контроль рассудка над телом и действиями человека, указанный термин не совсем понятен. Он вовсе не равнозначен действиям человека в состоянии аффекта или, как говорят в народе, в состоянии «беспамятства». Скорее, это состояние экзистенциальной свободы, когда действия человека не скованы предрассудками и стереотипами восприятия. При этом человек остается в здравом уме и твердой памяти, и не нарушает фундаментальных общепринятых норм морали, т.е. его действия хоть и парадоксальны, но не безнравственны. Только в таком состоянии человек, по мнению адептов дзэна, способен воспринять истинную сущность окружающего мира, а, постигнув ее, адекватно отразить в своем творчестве. Д. Судзуки называет это «духом Дзен-буддистской эстетики», которая «...проявляется в простоте, непосредственности, смелости, возвышенности, отрешенности от внешнего мира, углубленности внутрь, равнодушии к форме, свободных движениях духа и мистическом дыхании творческого гения во всем мире – как в живописи, так и в каллиграфии, садоводстве, чайной церемонии, фехтовании, танцах и поэзии» [4, с. 400].

Достижение состояния, включающего столь обширный перечень качественных характеристик при кажущейся внешней простоте, представляет непростую задачу даже для восточного человека. Для европейца она кажется просто непонятной и бессмысленной. Прежде чем приступить к созданию произведения европейец, разрабатывает его идеальный проект в своем сознании. Причем данная стадия предполагает собой несколько этапов, в процессе которых идеальный проект становится все более детальным. Так, художник перед написанием картины создает ее идеальный образ, который частично реализуется в процессе подготовки в различных набросках. Архитектор разрабатывает проект здания в чертежах или на макете. Композитор разрабатывает музыкальную тему в набросках различных фрагментов и т.д. Без данной стадии подготовки осуществление непосредственного творческого акта созидания конечного продукта в европейском искусстве невозможно. Создание идеального проекта позволяет творцу создавать произведения в соответствии с задуманным образом. И хотя в ходе творческого процесса постоянно происходит коррекция, основной принцип «вначале придумай, а затем сделай» соблюдается непреложно.

Так возможна ли реализация принципа «отсутствие разума» в творчестве или это мистификация? Как достичь этого состояния? Увы, точной методики достижения состояния «у-синь» дзен-буддизм

не дает. Как и не предлагает точного критерия оценки этого состояния. Адепты дзэнской мудрости предлагают лишь избавиться от предвзятости и ангажированности во взгляде на окружающий мир, характерных для большинства обычных людей. Причем сделать это можно, не применяя особые методы, а просто занимаясь обычными повседневными делами. Главное – полностью мысленно погрузиться в любое действие, и этим достичь слияния с окружающим миром. Другой стороной описываемого состояния сознания творца при создании произведения искусства является диаметрально противоположность чувственного и рационального восприятия. Восточная традиция предполагает «додумывание» зрителем предложенного образа, музыки или иного произведения искусства. Поэтому порой средства создания художественного образа так скудны. Такая ситуация абсолютна соответствует эстетическим представлениям и ислама, и дзэн-буддизма, т.к. «бедность и простота сочетаются в дзэне» [4, с. 401]. В свою очередь, религиозные традиции ислама запрещают изображение живых существ. Именно такой подход, как пишет Апшерони Али, «...заставляет мусульман искать все новые, нетрадиционные формы и средства художественного выражения своих идей, прибегать к символическому-аллегорическому толкованию сюжетов. Поэтому им, как правило, присущи высочайшее техническое мастерство и глубокий психологизм, позволяющие показать характер того или иного человека во всей его сложности и многоплановости даже без непосредственного изображения на полотне» [7].

Безусловно, в технике и традиции европейского искусства художник (творец), создавая произведение искусства также учитывает как оно будет выглядеть в глазах зрителей (потребителей). Поэтому художник (творец) стремится облегчить эту задачу, используя максимально широкий набор технических средств. В живописи данную роль выполняют цветовые комбинации и перспектива, в музыке – полифония и прочие звуковые эффекты. Эстетические традиции восточного искусства не предполагают подобных уступок потребительскому вкусу. Напротив, используя минимум средств выражения идеи произведения искусства, его представители затрудняют непосредственное эстетическое восприятие большинства потребителей, тем самым сознательно ограничивая число тех, кто способен постичь истинный смысл данного произведения и получить от его восприятия эстетическое удовольствие. Наиболее ярко различия восточного, в частности дзэн-буддистского, и европейского эстетического восприятия наблюдаются в технике живописи. Так, в традиционной европейской классической живописи динамика и многоплановость изображения отражены в богатстве художественных деталей и цветов. В традиционной японской живописи тушью, которая называется *сумие*, черно-белое изображение выглядит очень скромным, даже примитивным. Причина подобного схематизма в том, что используемые материалы (тушь из сажи на клеевой основе и тонкая рисовая бумага) требуют, чтобы вдохновение художника было передано по возможности в кратчайшее время. «Если кисть задержится слишком долго, бумага порвется. Линии должны наноситься как можно быстрее, и количество их должно быть минимальным, наносятся только самые необходимые линии. Недопустимы никакая медлительность, никакое стирание, никакое повторение, ретуширование, никакая переделка, никакое «лечение», никакой монтаж... Художник должен постоянно, всецело и произвольно следовать за своим вдохновением. Он просто позволяет ему управлять его руками, пальцами и кистью, будто они вместе со всем его существом являются всего лишь инструментом в руках кого-то другого, кто временно вселился в него. Можно сказать, что кисть выполняет работу сама, независимо от художника, который просто позволяет ей двигаться, не прилагая никаких сознательных усилий. Если между кистью и бумагой появится какая-либо логическая связь или размышление, весь эффект пропадает. Так рождается *сумие*. Нетрудно догадаться, что линии в *сумие* должны проявлять бесконечное разнообразие. Здесь нет никакого распределения светотени и никакой перспективы. Они фактически не нужны в *сумие*: здесь нет никакой претензии на реализм» [4, с. 402]. Приведенный отрывок блестяще иллюстрирует сущность и главное отличие дзэнского эстетического восприятия от европейского. Основной труд постижения замысла, идеи и художественной ценности изображения в *сумие* ложится на плечи зрителя. Но и мастерство художника также должно быть высоким. Ведь он (художник) должен уловить тончайшую, трудноуловимую грань между доступным и избыточным числом деталей для понимания зрителем его замысла. На первый взгляд, сходных принципов придерживаются сторонники авангардизма, кубизма и примитивизма в европейской живописи. Однако сходство это чисто внешнее. Разница заключается в том, что одной из важнейших целей указанных направлений европейской живописи является эстетический и социальный протест против догм классического искусства. Поэтому восприятие подобных произведений, например знаменитого «Черного квадрата»

Казимира Малевича, вызывает у большинства зрителей сильные эмоции – от категорического неприятия до крайнего восхищения. Иное дело упомянутая японская живопись *сумие*, которая в большинстве своем нацелена на формирование у зрителя умиротворенных, определенным образом ориентированных эмоций. Таким образом, оказывается, что пользующийся весьма скромными техническими средствами японский художник в большей степени управляет эмоциями и мыслями своих зрителей, чем европейские художники авангардистского направления.

Было бы откровенным лукавством, говоря о специфике эстетического восприятия ислама и буддизма, не уделить внимания соответствующей духовной и эстетической подготовке как художников (создателей), так и зрителей (потребителей) их произведений искусства. По мнению большинства исследователей, наиболее глубоко постулаты дзэн-буддизма реализованы в таких традиционных восточных видах искусства как каллиграфия и фехтование. Несмотря на многовековую историю развития этих видов искусства в Китае, наибольший вклад в дидактику создания и восприятия каллиграфии и фехтования был сделан все же в Японии.

Именно в Японии прикладное искусство фехтования воинской самурайской элиты было приравнено к каллиграфии и изящному стихосложению. Так, один из лучших мастеров фехтования на мече Японии в XIX веке, секретарь императора Мэйдзи Тэссю Ямаскэ слыл одним из лучших японских каллиграфов. Наряду с фехтованием, он рассматривал каллиграфию как дисциплину тела и сознания, считал эффективным методом духовного развития. В соответствии с канонами дзэн-буддизма, в обоих указанных искусствах внешние факторы должны быть «трансцендированы». А добиться этого можно было только в результате многолетней упорной тренировки. Например, для освоения базового удара мечом в фехтовании «утикоми» отводилось минимум 3 года. В каллиграфии на правильное написание базового иероглифа «ити» отводилось примерно такое же время при условии ежедневного исписывания от 400 до 600 листов [5, с. 98–99]. Все приведенное свидетельствует о том, что дзэн-буддизм, провозглашая непосредственность и интуитивизм в искусстве, уделяет большое внимание технической подготовке созидательного процесса. Однако и в этом традиции Востока существенно отличаются от европейской методики обучения в искусстве. Если европейская методика начинает обучение с простых технических приемов, то на Востоке, будь то Китай или Япония, новичка прежде всего обучают правильному дыханию. Один из известных исследователей дзэн-буддизма Сэкида Кэцуки в своем труде «Практика Дзэна» дает поэтапное детальное описание физиологической подготовки адепта к восприятию дзэнской мудрости [4, с. 469–470]. Подобная методика до сих пор используется для обучения восточным искусствам большинством мастеров в Японии и Китае. Кроме дыхания, происходит обучение новичка умению принять правильную позу и концентрации внимания. Причем С. Кэцуки в своем труде очень точно называет этот процесс «физиологией внимания» [4, с. 497]. Именно в данном процессе происходит столь парадоксальное превращение из сосредоточенной концентрации внимания художника на каком-либо аспекте творческой деятельности или его объекте в состояние *мусин*, т.е. «отсутствие разума». Одним из важнейших исторических документов, проливающих свет на данный подход дзэн-буддизма к фехтованию и к любому искусству, является знаменитое послание Такуана, наставника храма Тодайдзи, знаменитому мастеру меча, наставнику фехтования Ягю Тадзима-но. В этом послании говорится, что упорство в достижении техники отдельных приемов должно сочетаться с достижением «пустого разума». Только тогда можно достичь высот мастерства, будь то фехтование, живопись, каллиграфия или стихосложение [6, с. 217].

Разнообразные рациональные объяснения необходимости состояния «пустого разума» в фехтовании и прочих боевых искусствах можно найти в работах исследователей, а его аллегорические описания часто встречаются в трактатах патриархов дзэн-буддизма. Смысл их сводится к тому, что только текучесть сознания, отсутствие в нем четкого плана действий позволяет достичь непредсказуемости действия для противника. Именно данная непредсказуемость и обеспечивает победу в поединке даже с искусным соперником. Логика данного суждения вполне оправдана: ведь для хорошего мастера поведение противника предсказуемо, т.к. любое мастерство – это комплекс определенных приемов. Привязанность сознания бойца к определенной схеме поединка или ее элементам неизбежно должно выдать его план действий через определенные движения тела, рук, ног и глаз. Для опытного соперника это ключ к победе. Интересно, что подобный подход практиковался в отношении живописи *сумие* и каллиграфии. Каждый творческий акт напоминал уникальный поединок художника и бумаги, где в результате непредсказуемых действий мастера рождается уникальный рисунок. Это отражение не только индивидуального мастерства художника, но и его умение отразить в данной

работе всю неповторимую совокупность побочных факторов, воздействовавших на тело и сознание творца.

Именно такой интегральный фактор, органически соединяющий в себе диалектические принципы взаимосвязи и постоянной изменчивости с жестко структурированным техническим арсеналом, лежит в основе своеобразия эстетического восприятия культуры восточного традиционного общества. Благодаря этому, мастерам восточных искусств удается передать всё разнообразие и многогранность окружающего мира предельно простыми техническими средствами. Точно так же внешняя кажущаяся простота служит источником бесконечно сложных интерпретаций ее смысла и значения.

Список использованных источников

1. Батунский М. Россия и ислам. Цифровая книга. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
2. Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М.: Наука, 1968. 474 с.
3. Прусс И. Демографические странности // Знание – сила. 2005. №9. С. 86–91
4. Дзэн-буддизм. Судзуки Д. Основы Дзэн-Буддизма. Кацуки С. Практика Дзэн. Бишкек: МП «Одиссей», 1993. 672 с.
5. Фомин В.П., Линдер И. Б. Диалог о боевых искусствах Востока. 2-е изд. М.: Мол.гвардия, 1991. 367 с.
6. Долин А.А., Попов Г.В. Кэмпо – традиции воинских искусств. М.: Наука, 1990. 429 с.
7. http://www.e-reading.me/chapter.php/2727/1/Apsheeroni_-_Islam_i_kultura.html

Т.В. Мармонтова

«ВОСТОК-ЗАПАД»: К ВОПРОСУ ПОИСКА ПУТЕЙ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

T.V. Marmontova

«EAST-WEST»: TO THE PROBLEM OF SEARCH OF COOPERATION WAYS

Аннотация: Статья посвящена одному из актуальных вопросов современной глобалистики. Автор рассматривает особенности взаимодействия «Восток – Запад» в контексте базовых категорий регионоведения. Основной вывод автора базируется на тезисе о необходимости развития диалога между двумя полюсами. Как удачный пример создания подобных систем взаимодействия приводится пример региона Центральной Азии.

Abstract: The article is devoted to one of the pressing problems of modern Globalization Studies. The author analyzes the features of interaction «East – West» in the context of basic categories of regional studies. The main conclusion of the author is based on the idea of importance to develop the dialog between the two poles. The Central Asia region is the case of such scheme of interaction.

Ключевые слова: Восток, Запад, взаимодействие, цивилизация, региона, диалог, идентичность.

Key words: East, West, Interaction, Civilization, Dialog, Identity.

Становление глобального мира, год от года все более актуализирует проблему сближения и «взаимного узнавания» Запада и Востока. Имеющее место формирование контуров единой цивилизации, несколько не отменяет культурного многообразия и специфических особенностей цивилизационного развития Запада и Востока. Решающее значение в этой ситуации приобретает нахождение соответствия состояний, качеств и областей деятельности той и другой цивилизации, а также, порождение новых форм культурной активности и духовных ориентиров.

Вопрос того, как найти компромисс, каким образом наладить поступательное и результативное взаимодействие привлекают сейчас внимание специалистов различных областей знания. В данной статье, будет сделана попытка анализа дихотомии «Восток – Запад», с использованием базовых методов регионоведения. Регионоведение будучи наукой молодой, только формирующей собственный теоретический и методологический аппарат исследования, позволяет несколько в другом ключе решать поставленную выше дилемму. Начинать регионоведческий анализ данной проблемы можно, опираясь на базовый тезис о том, что решающим фактором возрастания интереса к взаимодействию «Восток – Запад» являются процессы интеграции и регионализации. В исследованиях межкультурного взаимодействия до последнего времени преобладал дискретный подход, в котором цивили-

зации Запада и Востока рассматриваются как самостоятельные изолированные сферы социального бытия, как различные по своему строению и культуре общественные системы. Аспекты их комплиментарности недооцениваются, поэтому сравнительный анализ оказывается поверхностным и неполным. Использование методологии регионального исследования позволяет решать вопросы, связанные с анализом взаимодействия «Восток – Запад», преодолевать имеющую место дискретность, четче выявлять особенности социального бытия, культуры, общественного развития.

Одно из первых, близких к современному, определений Востока можно обнаружить в истории философии Гегеля, где под именем «Восток» были объединены территории Китая, Индии и Персии, Ассирии, Вавилонии, Мидии, Ирана, Сирии, Финикии, Иудеи и Египета. Восток выступает у Гегеля в виде трех культурно-исторических миров: китайского, индийского и ближневосточного. В гегелевской трактовке есть два понятия Запада: расширительное, соединяющее античность и христианскую культуру западноевропейских народов и более узкое, подразумевающее лишь последнюю.

Компромиссная точка зрения представлена К. Ясперсом в его «Духовной ситуации времени». Ясперс, как и О. Шпенглеру, помещает западную культуру среди прочих локальных цивилизаций, но выделяет ее, указав на мировой характер истории, приданный ею в эпоху Нового времени, и на собственные исторические корни Запада, связанные с наследием иудеев, греков и римлян.

Современные представители компаративистики, начиная с ее классика Ф. Нортропа, в 1947 г. выдвинувшего идею «встречи Востока и Запада», все более склонны говорить о необходимости инъекций в немощное тело дряхлеющей в духовном отношении западной цивилизации жизненных соков культуры Востока. Это мнение, разумеется, можно оспаривать, но безусловной является потребность в углублении диалога культур, без которого сегодня вряд ли возможно дальнейшее развитие и выживание человечества. «Полюса» – Восток и Запад – представляют собой две во многом противоположные традиции, два типа культуры. Это различные «системы координат», миропонимания, две «мировоззренческие матрицы», два «языка», на которых могут мыслить и изъясняться люди в процессе постижения окружающего их мира [2].

Одним из самых нашумевших, и в то же время противоречивых мнений, о том, как следует трактовать перспективы взаимодействия Запада и Востока стала работа С. Хантингтона, который однозначно утверждает, что несмотря ни на что, Запад «останется номером один в плане могущества и влияния также и в XXI веке. Однако постепенные, неотвратимые и фундаментальные перемены также имеют место в балансе власти между цивилизациями, и могущество Запада по сравнению с мощью других цивилизаций будет и дальше снижаться... Наиболее значительное усиление могущества придется на долю азиатских цивилизаций, и Китай постепенно прорисовывается как общество, которое, скорее всего, бросит вызов Западу в борьбе за глобальное господство. Эти сдвиги в соотношении власти между цивилизациями ведут, и будут вести к возрождению и росту культурной уверенности в себе не западных обществ, а также к возрастающему отторжению западной культуры» [4, с. 117].

Однако жизнь несколько скорректировала выводы американского политолога, в начале XXI в. мы, находясь географически в территории пограничной, ментально будучи людьми Востока, имеем право говорить о том, что Восток сегодня – это равновеликая Западу регионообразующая конструкция мирового сообщества, и эта его роль будет усиливаться. Однако очень важно понимать то, что Восток не является монолитным и представляет собой конгломерат цивилизационных, религиозных, экономических и политических центров влияния.

На протяжении всего XX в. отношения стран Запада и Востока носили как бы одномерный характер. Любыми средствами активно внедрялся и всячески пропагандировался стереотип о том, что всегда «бедные и отсталые» народы Востока смотрели в сторону Запада, в поисках идей, моделей развития и руководства. В результате на Западе четко сформировалось мнение о том, что его миссия в Азии, т.е. на Востоке, состоит в том, чтобы учить, руководить, повелевать. Для выявления сущности рассматриваемой проблемы необходимо, прежде всего, разобраться в устоявшихся представлениях о Востоке и факторах его традиционной отсталости. Здесь нельзя не отметить и то, что Запад имел о Востоке в основном мифологические и легендарные представления. Такой подход органически сочетался с формированием негативного отношения к Востоку и Азии [1].

И здесь, кстати, приходит на ум история колониализма, потому что, по сути, в двадцатом столетии закончился макроисторический цикл, связанный с историей колониализма. Именно существование колониальных империй, на наш взгляд, и определило складывание такой межцивилизационной

дилеммы, которой Восток становился ведомым, а Запад ведущим, несущим все самое просвещенное и передовое на Восток.

Однако с началом постколониальной эпохи по-новому переозвучивается тезис о том, что Восток и Запад, взаимодействуют между собой как «ведомый» и «ведущий». Следует оспорить довольно активно муссируемое в мировой политике утверждение, что колониальные империи ушли в прошлое и мир вступил в новый постколониальный период, мир свободных наций и государств. Несмотря на то, что колоний как таковых больше нет, не исчерпала себя система отношений, базирующаяся на отношениях «сильный – слабый», «зона влияния – агент влияния». История развивается по спирали, и на новом витке, неокOLONИализм в отличие от классического колониализма перестал быть движением однонаправленным «колония – метрополия», теперь ответом независимых государств на неокOLONИализм со стороны бывших метрополий стал постколониализм. Это движение сформировалось как интеллектуальный ответ на претензию бывших метрополий на культурное, экономическое и политическое господство в бывших своих колониях. Одним из самых ярких ответов постколониальных восточных дискурсов на вызов западных идей стал ориентализм. Из идеи, витавшей в воздухе, некоего конгломерата воззрений он стал весьма строгой и логичной концепцией благодаря перу американского профессора арабского происхождения Эдварда Саида, издавшего в 1978 г. очень влиятельную и одновременно спорную книгу «Ориентализм» [3]. В данном труде он подробно описал традицию доминирования Запада при интерпретации Востока. Ожесточенные споры вокруг ориентализма не прекращаются до сегодняшнего дня. Для Востока это своеобразный ответ на традицию доминирования времен классического колониализма.

Современный процесс неокOLONИализма гораздо тоньше, изящнее, предоставляет возможности доминирования одних над другими. Раз за разом по каналам телевидения, Интернет, прессы направляется массивный информационный поток, идеологическое давление на страны Востока, заключающееся в том, что западная либерально-ориентированная мораль пытается навязать свою, западно-ориентированную модель демократии, общества, экономики странам Востока. И это, не что иное, как попытка в очередной раз доказать вторичность, зависимость Востока от Запада.

Последние политические события достаточно четко раз от раза демонстрируют, что Запад всячески способствует установлению одного либерального стандарта демократии как на своей территории, так и на Востоке. Безусловно, как и Запад, Восток не представляет собой единства. Буддийско-конфуцианский и мусульманский мир – это разные цивилизации, отличные культурно, этнически, политически. Но с Восточной Азией, культурно-цивилизационный конфликт Запада проявляется не столь явно. Из-за своей особой ментальности народы этого региона умеют мягко реагировать на вызовы глобализации, смотря, слушая, принимая и в итоге растворяя в себе новации в политике, экономике, культуре.

Исламский мир другой, для него стремление стран Запада к навязыванию собственного «старшинства» не более чем вызов, на который следует дать адекватный ответ. Думается, что именно этот факт способствует наличию большого количества конфликтов в исламском мире.

Манипулируя сознанием мусульманских народов, западная пропаганда старательно вкладывает в их сознание представление, что все передовое и полезное для человечества сейчас имеется только на Западе, что только западные ценности, западные технологии могут спасти мусульманский мир от мракобесия и нищеты. При эффективности такой пропаганды восточные народы добровольно становятся придатком западного мира, поэтому во имя провозглашённых ценностей уже легче осуществлять военные вторжения (как это делалось и делается на Ближнем Востоке) и давить на руководства мусульманских стран (Иран, Сирия).

Только факторы «мягкой силы» не являются главными проводниками идей колониализма и неокOLONИализма. Главная причина – в явлениях другого порядка. Большая часть месторождений нефти и газа находятся на Ближнем Востоке. В современной системе интересов именно нефть является кровью экономики, те, кто имеет доступ к ней, имеет преимущество над конкурентами. И в этом есть явная историческая перекличка с классической эпохой колониальных империй. Сегодня идет битва за нефть, а лет 300–400 назад зарождавшиеся империи нуждались в новых территориях и рынках сбыта, для того чтобы укрепить свое положение.

Представляется возможным утверждать, что непрекращающийся конфликт Запада и Востока, в частности модернизированного ислама, один из проявлений системных противоречий. Современный

ислам обладает не только культурным и цивилизованным потенциалом, но и экономическими инструментами, позволяющими бросить вызов Западу.

Современный исламский фундаментализм – реакция мусульман Востока на вторжение культурных и моральных ценностей Запада, на насильственную модернизацию и «европеизацию» быта, общества и жизненного уклада, на экономическое и социальное неравенство, которое тоже считается результатом вторжения на Восток западного колониализма, а сегодня – глобализма.

Сложно как-то однозначно решить проблему цивилизационного взаимодействия между исламским миром и Западом однозначно. Можно высказать лишь общие рекомендации, направленные на стремление к компромиссу, развитие взаимопонимания и взаимоуважения. Исламскому миру крайне сложно не воспринимать западный мир как абсолютно чуждый. Западу важно оставить позади свои ориенталистские привычки и с уважением и пониманием относиться к специфике ислама как религии.

В истории каждого народа, каждой культуры или цивилизации существуют изменчивое и постоянное, временное и вневременное. Одно растет, достигает расцвета, стареет и умирает, а другое в той или иной форме становится достоянием общечеловеческой культуры. Цивилизации и культуры, исторические для нынешнего Запада и Востока, не просто исчезли, а, уходя в историю, сохранились в инфраструктурах и онтологических основаниях нынешних живых культур и цивилизаций Запада и Востока. И эта реальность является перед нами как вечное становление. Оно создается и разрушается, но никогда не является чем-то законченным [1].

Представляется оправданным говорить о том, что многое из сказанного в отношении стран исламского мира, будет актуально и для обширного центральноазиатского региона, где на протяжении уже многих столетий Восток и Запад не просто встречаются, но и мирно и вполне успешно взаимодействуют.

Только в начале 90-х гг. XX в. государства Центральной Азии стали субъектами международных отношений. И вынуждены были практически с нуля утверждаться как самостоятельные, независимые субъекты международных отношений. Стать объектом игры «больших держав» – это по-прежнему один из серьезных региональных рисков, потому что Центральная Азия является еще очень и очень молодым регионом, в процессе формирования находятся многие категории, определяющие его развитие и функционирование региона в макро- и микрорегиональном контексте. США, ЕС, Российская Федерация, Китай – вот ключевые международные игроки в регионе. Огромный интерес и заинтересованность к усилению своего геополитического и экономического влияния в регионе проявляют страны арабского мира, Иран, Индия. Нивелирование трендов доминирования иностранных агентов в регионе, это способ сохранить свое идентичность, перед угрозой унификации, которая является одной из сторон глобализации. Способ избежать такой угрозы и не оказаться втянутым в глобальное противостояние на его новом витке видится в том, чтобы активно содействовать формированию собственной идентичности. Кто сказал, что западно-ориентированный стандарт либеральной демократии и ценности протестантской этики, базовые для цивилизации Запада, так же ценны и для Востока? Чем они более «демократичны», чем принятые в регионе формы и методы управления, собственные ориентиры для построения отношений? Центральная Азия сегодня может стать мишенью для политических и социальных экспериментов по «демократизации», технологии которых уже не раз опробовались, и которые приводили к конфликтам, войнам и революциям. Думается, что ответ на этот вызов следует искать именно в многообразии. Всегда регион был зоной культурного и политического транзита. И вместо того, чтобы старательно переносить на нашу почву механизмы, которые предлагает нам Запад, только потому, что на взгляд Запада это более современно, следует сосредоточиться на том, чтобы использовать свои исторические преимущества как средство «мягкой силы» в неокOLONиальных амбициях «больших игроков».

Список использованных источников

1. Байдаров Е.У. Проблемы дихотомии «Запад – Восток», «Восток – Запад» в глобалистике //Журнальный клуб Интелрос «Credo New». 2007. №4. Доступ по http://www.intelros.ru/2007/11/26/problemy_dikhotomii_zapadvostok_vostokzapad_v_globalistike.html.
2. Ильина Е.А., Буров М.Е.. Культурология: Конспект лекций. М.: МИЭМП, 2005. 104 с., Доступ по <http://sci-book.com/kulturologiya/zapad-vostok-kak-ponyatiya.html>.
3. Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский Мир, 2006. 637 с.
4. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 603, [5] с.

К.Г. Муратшина

**РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ КНИГОИЗДАНИЯ
(КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI В.)**

K.G. Muratshina

**COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND CHINA IN THE FIELD OF BOOK
INDUSTRY (END OF XX – BEGINNING OF XXI CENTURY)**

Аннотация: В статье рассматривается одно из важных направлений культурного сотрудничества РФ и КНР – партнерство в сфере книгоиздания. Проанализированы истоки и ход сотрудничества, особенности на современном этапе, конкретные инициативы сторон, перспективы взаимодействия.

Abstract: The article presents the analysis of the book-industry cooperation as an important aspect in terms of Russian-Chinese cultural interaction, outlining the roots and recent development in this field, as well as special features, joint initiatives and the prospects of the cooperation.

Ключевые слова: РФ, КНР, партнерство, гуманитарные связи, сотрудничество в сфере книгоиздания.

Key words: Russian Federation, People's Republic of China, partnership, humanitarian cooperation, book-industry cooperation.

Российско-китайское сотрудничество в области книгоиздания – одно из важных направлений культурного сотрудничества стран, дающее возможность широкому кругу россиян и китайцев познакомиться или углубить свои знания о жизни соседнего народа, его духовных исканиях, заботах и проблемах.

Мы рассмотрим лишь узкий сегмент сотрудничества в сфере книгоиздания – издания переводов художественной литературы и классической философии.

Сотрудничество в этом сегменте нам представляется важным, поскольку философские произведения, художественная классика, книги современных писателей издавались в СССР и Китае, почти не прерываясь из-за политической конфронтации и идеологических разногласий. Начало сотрудничества РФ и КНР в 1990-е гг. послужило лишь расширением этих непрерывавшихся связей российских и китайских переводчиков и тех «безмолвных нитей», которые «связывали души китайского и русского народов», как поэтично выразился китайский писатель Пань Кайсюн¹.

Межправительственное соглашение о восстановлении в полном объеме культурного сотрудничества между нашими странами было одним из первых совместных документов, формирующих отношения дружбы и добрососедства, переросших со временем в отношения партнерства и стратегического взаимодействия. Рассматривая культурные связи как «важный канал углубления взаимопонимания и дружбы между народами двух стран», документ декларировал «обмен изданиями и публикациями», «взаимное ознакомление народов своих стран с произведениями литературы и искусства другой Стороны» (I, ст. 1); предусматривались прямые связи «между издательскими организациями и организациями книготорговли», обмен специалистами, а также «поощрение перевода и изданий литературы другой Стороны» (III, ст. 5)².

Директор издательства «Шэхуэй кэсюэ вэньсянь» при АОН КНР Се Шоугуан составил историю китайско-русского сотрудничества в издательском деле, отметив, что «издательское дело КНР было создано по образцу Советского Союза»³. Он назвал первым русским литературным произведением, опубликованным в Китае в 1872 г. в газете «Чжунси вэньцзяньлу» («Услышанное и увиденное в Китае и на Западе»), басни. Затем в 1903 г. в Шанхае издали «Капитанскую дочку» А.С. Пушкина под заголовком «Русская история любви». До 1917 г. на китайский язык было переведено более 20 произведений русской литературы⁴.

Изучение Китая в России началось много раньше. Начиная с XVII в., первопроходцы в установлении русско-китайских связей представляли в Посольский приказ отчеты, «статейные списки» с

¹ Пань Кайсюн. Предисловие к сборнику «Китайские метаморфозы». М., 2007. С. 5.

² Соглашение между правительством РФ и правительством КНР о культурном сотрудничестве // Сборник российско-китайских договоров. 1949–1999. М., 1999. С. 184–187.

³ Се Шоугуан. Прошлое, настоящее и будущее китайско-русского сотрудничества в издательском деле // Развитие и углубление стратегического взаимодействия России с Китаем. М., 2009. С. 284.

⁴ Там же. С. 285.

впечатлениями от увиденного в далекой восточной стране, факты и цифры. Отчет о первом появлении русских во главе с сибирским казаком Иваном Петлиным в 1618 г. в Китае был опубликован на шести европейских языках уже через несколько лет после возвращения миссии⁵. На русском языке он был опубликован в «Сибирском вестнике» в 1818 г. В 1675–1678 гг. стали доступны для чтения документы посольства в Китае Н.Г. Спафария – путевой дневник и статейный список. Это были первые подробные описания «китайского царства» – его городов, людей, их занятий, богатства природы, устройства жизни.

В XVIII в. в России вышло 120 книг и статей по Китаю⁶. В XIX в. в России, а затем и в Европе начинают выходить переводы с китайского, а также собственные труды, исследующие различные стороны жизни Китайской империи, выдающегося российского ученого, одного из основателей отечественного китаеведения Н.Я. Бичурина (о. Иакинфа). Сведениями из его трудов с анализом Китая, основанным на собственных изысканиях и использовании китайских источников, долго руководствовались в Азиатском департаменте МИДа России, зачитывались А.С. Пушкин, В.Г. Белинский, русские историки.

Отдельного исследования заслуживает период советско-китайского сотрудничества, когда тысячи произведений русской классической литературы и литературы народов СССР, произведения классиков марксизма-ленинизма были переведены на китайский язык. А синологи СССР представили читателям новые переводы классиков китайской духовной культуры, переводы историко-философских трудов и художественной литературы.

С начала 1990-х гг. в России было переиздано много китайской философской классики, появились новые переводы классических фундаментальных трудов по истории и философии Китая начиная с XII в., вышли книги по истории российско-китайских отношений начиная с XVII в. Особая роль в переводах как классической философии, так и изданий современных исследований принадлежит китаистам ИДВ РАН, ИВ РАН, ИНИОН РАН, Санкт-Петербургского университета. В Санкт-Петербурге в 1999 г. был переиздан перевод В.С. Колоколова трудов Мэн-цзы; А.С. Мартынов в 2002 г. выпустил двухтомник «Конфуцианство. “Лунь юй”»; Чжуан-цзы был издан в переводе Л.Д. Поздеевой, известный петербургский синолог Е.А. Торчинов написал предисловие. Он также выступил редактором-составителем сборника «Религии Китая» и «Книги о великой белизне. Ли Бо: поэзия и жизнь». В переводе и с комментариями Ю.К. Шуцкого в 2007 г. вышла «И-цзин: Книга перемен». В 2004 г. опубликовал свои переводы «Дао-дэ-цзин», Чжуан-цзы, трактатов по искусству управления, ведения войны В.В. Малявин. Интересным было издание в 2005 г. «Дао-дэ-цзин. Книга пути и благодати», которую на русский язык перевел Ян Хин-шун. Из художественной литературы мы упомянем переиздание романа-эпопеи У Чэн-эня «Путешествие на Запад» и средневекового романа «Цветы сливы в золотой вазе, или Цзинь Пин Мэй». ИДВ РАН выпустил уникальную 6-томную энциклопедию «Духовная культура Китая». По словам директора Института М.Л. Титаренко, к выходу готовится 10-томная история Китая с древнейших времен до наших дней⁷.

В период российско-китайского сотрудничества событием огромного значения в культурной жизни обеих стран стало 200-летие со дня рождения А.С. Пушкина. В КНР это событие вызвало широкие дискуссии о значении литературы в жизни, необходимости защиты национальных духовных ценностей. Пушкин, как идеал русской литературы, пробудил в китайском обществе потребность в национальных писателях – властителях дум. В 1990-е гг. Гао Ман познакомил соотечественников с переводами Б. Пастернака, Бэй Дао в 2004 г. представил О. Мандельштама и И. Эренбурга. Огромную популярность завоевал В. Распутин. Специалисты даже отмечали его влияние на некоторых китайских писателей.

Сегодня ежегодно в Китае появляется на прилавках книжных магазинов до 30 наименований книг, впервые переведенных с русского, а общее количество издаваемой русской литературы – 100 наименований в год. Как отметил директор Центра по изучению русской литературы АОН, переводчик Лю Вэньфэй, чаще всего переиздают А.П. Чехова, Д. Гранина, популярны С. Носов, В. Аксенов⁸. Сегод-

⁵ Мясников В.С. «Разбойный» корабль на Амуре // Квадратура китайского круга. М., 2006. Кн. 1. С. 248.

⁶ Скачков П.Е. История изучения Китая в России в XVII и XVIII вв. // Международные связи России в XVII и XVIII вв. М., 1966. С. 163.

⁷ Титаренко М.Л. Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире. М., 2012. С. 310 – 313.

⁸ Об издании российских книг в КНР // Вестник Азия ИТАР-ТАСС. 2013. 6 июня.

ня почти во всех книжных магазинах Китая, признается председатель Союза китайских писателей Те Нин, можно найти книги российских писателей⁹.

Проведение в 2006 и 2007 гг. национальных годов России в Китае и Китая в России книгоиздатели обеих стран отметили выпуском литературы разных жанров, в том числе новых художественных произведений современных авторов. Так, в Китае в 2006 г. вышло несколько сборников современной российской прозы, «что стало драгоценным даром российских писателей и китайских переводчиков», – написала в приветствии по случаю выхода в России Антологии современной китайской прозы Те Нин. Союз писателей РФ учредил медаль А.М. Горького. Вместе со специальным почетным дипломом эта медаль была вручена послом РФ в КНР С.С. Разовым ряду современных китайских писателей, в том числе Гао Ману, за вклад в изучение, перевод и популяризацию русской литературы в Китае. В 2006 г. в России был переиздан двухтомник «Шедевры китайской классической прозы в переводах академика В.М. Алексеева». Работа была отмечена в национальном конкурсе «Книга года», организованном «Роспечатью», и признана победителем в номинации «Лучший перевод на русский язык произведений классической и современной китайской литературы».

В Год Китая в России на Московской международной книжной выставке-ярмарке Союз писателей КНР представил трехтомную Антологию современной китайской прозы. Ее перевели и издали в Санкт-Петербурге. Российские переводчики выбрали более 30 работ самых известных современных китайских прозаиков. Антология была преподнесена Союзом писателей КНР в дар российским читателям. Году Китая в РФ была посвящена и антология поэзии «Азиатская медь», изданная Центром Петербургского востоковедения, а также сборник китайской художественной прозы и эссеистики, подготовленный совместно китайским издательством «Народная литература» и российским «Восточная литература» – «Китайские метаморфозы». При отборе произведений, говорит в предисловии Пань Кайсюн, ставилась задача «воспроизвести целостную картину китайской жизни» времени реформ и модернизации. На наш взгляд, проведение национальных годов – одна из новых форм культурного сотрудничества – способствует постижению культуры соседних стран и значительно расширяет социальную базу партнерства.

За годы сотрудничества стали традиционными встречи писателей, поэтов, журналистов, они проходили в рамках больших проектов, при проведении важных государственных мероприятий, например, Всемирной выставки «ЭКСПО» в Шанхае. Очень точным было название двухдневного писательского симпозиума – «Литература – мост, соединяющий сердца китайского и русского народов», который прошел в Тяньцзине в рамках празднования 60-летия дипломатических отношений между РФ и КНР и Года русского языка в Китае. «В самые сложные времена, несмотря на потрясения, которые испытывали наши страны и народы, мы в Китае ощущали глубокую связь с русской литературой, черпая в ней духовные силы. Практически все китайские писатели-классики прошлого века занимались переводами произведений российских писателей», – сказал в интервью китайский писатель Ван Мэн¹⁰.

Годы партнерства, несмотря на мощное влияние Интернета, вносят новые формы взаимодействия двух стран в данном направлении. Китай и Россия проводят книжные ярмарки, покупают и продают авторские права на новые произведения, согласовывают обмены различными информационными изданиями, образуют авторские коллективы для создания работ по актуальным проблемам общества, культуры, политики, экономики России и Китая, готовят учебники русского и китайского языков для разных уровней обучения.

В 2012 г. Китайская ассоциация издателей и Ассоциация книгоиздателей России подписали в Пекине рамочное соглашение о сотрудничестве, согласно которому будут ежегодно проводиться регулярные рабочие совещания, мероприятия по обмену в области издательского бизнеса¹¹. В мае 2013 г. был подписан двусторонний Меморандум о взаимопонимании по Программе перевода и издания произведений российской и китайской классической и современной литературы, согласно которому запланированы масштабные проекты в сфере перевода и выпуска литературы обеих стран, как класси-

⁹ Те Нин. Приветствие по случаю выхода в России Антологии современной китайской прозы // Современная китайская проза. М., СПб, 2007. С. 3.

¹⁰ Открылся российско-китайский симпозиум // Вестник Азия ИТАР-ТАСС. 2009. 18 ноября.

¹¹ Китай и Россия активизируют обмены в литературной и издательской области // Жэньминь Жибао онлайн. 2.09.2013. URL: <http://russian1.people.com.cn/31519/8385711.html> (дата обращения: 8.10.2013).

ческой, так и современной, причем и в бумажном, и в электронном варианте¹². В августе 2013 г. на 20-й Пекинской международной книжной ярмарке Москва получила статус города-почетного гостя, а на российском стенде было представлено более 600 экземпляров различных изданий. Сторонами было также достигнуто соглашение о формировании базы переводов литературы двух стран на языки друг друга. Двусторонняя координационная группа начала работу над проектами библиотек (по 50 наименований с каждой стороны) литературы двух стран¹³.

В 2014 г. в 27-й Московской международной книжной ярмарке приняли участие 20 китайских издателей. Была достигнута договоренность о передаче России авторских прав на издание в общей сложности 84 китайских литературных трудов, в том числе литературы по изучению китайского языка, туризму, искусству, классических, фольклорных, современных литературных произведений¹⁴.

Таким образом, мы можем отметить, что сотрудничество между Россией и КНР в сфере книгоиздания органично вписывается во все расширяющийся спектр гуманитарных связей двух стран. В то же время и в этой сфере есть свои проблемы, связанные прежде всего с острой нехваткой специалистов по литературному переводу. Обе стороны сейчас ведут работу по развитию возможностей русского языка в Китае и китайского в России. Однако в целом можно без преувеличения сказать, что сфера книгоиздания – это один из успешных примеров гармоничного развития сотрудничества, способствующий укреплению связей между народами и формирования положительного имиджа как России в Китае и Китая в России, так и отчасти самого партнерства как формы взаимоотношений государств.

¹² Россия и Китай подписали Меморандум о взаимопонимании по Программе перевода и издания произведений российской и китайской классической и современной литературы // Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям (Роспечать). 20.05.2013. URL: <http://fapmc.ru/rospechat/newsandevents/newsagency/2013/05/item7.html> (дата обращения: 3.10.2014).

¹³ Китай и Россия активизируют обмены в литературной и издательской области // Жэньминь Жибао онлайн. 2.09.2013. URL: <http://russian1.people.com.cn/31519/8385711.html> (дата обращения: 8.10.2013).

¹⁴ Китайские издательства принимают участие в Московской международной книжной выставке-ярмарке // Жэньминь Жибао онлайн. 5.09.2014. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/0905/c31519-8779328.html> (дата обращения: 19.09.2014).

Е.И. Нестерова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Я.Я. ЛЮТША В ТУРКЕСТАНЕ И КАШГАРЕ (1878–1894)

E.I. Nesterova

WORK OF YA.YA. LYUTSH IN TURKESTAN AND KASHGAR (1878–1894)

Аннотация: Статья посвящена начальному этапу деятельности выпускника Петербургского университета, российского дипломата Я.Я. Лютша. Особое внимание уделено описанию тех условий, в которых пришлось действовать первому составу консульства в Кашгаре.

Abstract: This article describes the initial phase of the career of the graduate of St. Petersburg University, Russian diplomat Y.Y. Lutsch. Particular attention is paid to the description of the conditions in which first Russians diplomats had to work in Kashgar.

Ключевые слова: Кашгар, консульство, Лютш, Петровский, Туркестан.

Key words: Kashgar, consulate, Lyutsh, Petrovsky, Turkestan.

В 1878 г. Яков Яковлевич Лютш¹, кандидат Санкт-Петербургского университета, недавно окончивший восточный факультет, ученик известного арабиста В.Р. Розена, прибыл в Ташкент, в распоряжение Туркестанского генерал-губернатора. Степень кандидата университета давала право претендовать на чин 10 класса, т.е. коллежского секретаря. В администрации была вакансия – младший помощник делопроизводителя канцелярии Туркестанского генерал-губернатора – в этой должности коллежский секретарь Я. Лютш и начал свою трудовую деятельность. Сложно сказать насколько он

¹ В отечественной литературе и документах делопроизводства встречаются разные варианты написания фамилии – Лютт, Лютич, Лютше, Лютше. В личном деле АВПРИ фамилия записана как Лютш, это написание используется в статье.

был доволен бумажной работой по переводу многочисленных бумаг, приходивших в канцелярию. Однако в следующем, 1879 г., Лютш становится педагогом, резко меняя траекторию своей карьеры и возвращаясь к тому, что изучал в университете – к восточным языкам.

30 августа 1879 г. в Ташкенте была открыта учительская семинария, которую возглавил Николай Петрович Остроумов. Вроде обычная семинария, действовавшая на основе типовых учредительных документов, но, тем не менее, ташкентская была уникальна. Она обладала двумя особенностями – первая – «наряду с русскими воспитанниками» в нее принимались «дети инородцев, как крещенные, так и некрещенные»; вторая – «в число предметов семинарского курса было введено преподавание киргизского языка»².

Целью семинарии, как и других подобных учреждений, была подготовка учителей для народных школ. Чтобы решить проблему текучки кадров, ставка делалась на уроженцев Туркестана как русских, так и узбеков, казахов, киргизов. Однако за этой прагматической утилитарной целью скрывалась другая – более глобальная. Начальник края писал министру просвещения: «...в политических интересах нашего господства в Средней Азии, вызвать кочевое население к самостоятельной жизни и к возможному ассимилированию с Россией, я считаю, безусловно, нужным содействовать освобождению киргиз от мусульманского влияния, к чему не мало способствовало бы введение между ними русской письменности. Этим задач можно достигнуть только путем распространения между киргизами русского народного образования посредством наших школ, в которых обучение киргизских детей русской грамоте должно вестись с помощью родного их языка»³.

Согласно первоначальному плану, предполагалось изучение узбекского и персидского языков, однако по просьбе высшей краевой администрации в курс обучения ввели не два восточных языка, а один – киргизский, причем была поставлена задача не теоретического, а практического обучения. Причина такой корректировки учебного плана лежала вне рамок учебного процесса. «Главный Начальник края считал, что киргизское племя, по интеллектуальным способностям, имеет более задатков к сближению с русскими и что киргизы отдают своих детей в наши школы довольно охотно»⁴.

Таким образом, на коллектив семинарии в целом и на Лютша в частности, как преподавателя киргизского языка, ложилось выполнение очень и очень ответственной задачи – «способствовать скорейшему разрешению вопроса об инородцах, в смысле слияния их с русскими в один цельный политическо-государственный организм»⁵.

В первый год работы семинарии учениками Лютша стали 20 человек, в следующем к ним добавилось еще 19. За первые 25 лет существования в нее поступило 415 человек. По национальному составу учащиеся распределялись так: 83,9% русские, 13% киргизы, 2,2% сарты, 0,7% татары, 0,2% туркмены⁶.

Общий уровень подготовки учеников первого набора был очень низкий, преподавание киргизского языка осложнялось отсутствием методической литературы и учебников. Чтобы исправить ситуацию, Лютш совместно с Н.П. Остроумовым составили и издали «Пособие при изучении киргизского языка», содержащее грамматический раздел, киргизские тексты, словарь. Пока пособие не вышло, Лютш был вынужден диктовать как грамматические правила, так и упражнения. На уроках изучали грамматику киргизского языка, занимались чтением, переводом, изучали киргизские пословицы, отгадывали загадки и составляли легкие рассказы. На втором году обучения программа усложнялась – делался упор на письменный и устный перевод с русского на киргизский и с киргизского на русский. По всей видимости, Лютш был строгим учителем: в 1879–1880 учебном году только два ученика в итоговой аттестации получили «отлично» – Баймуратов и Кусубаев.

Для того чтобы преподавание языка поставить на должный уровень, Лютш специально поехал в командировку на три месяца (с 15 мая по 15 августа 1880 г.) в аулы Туркестанского уезда для «ознакомления с живым говором киргизов».

Помимо преподавания, будни Лютша были наполнены самой разнообразной деятельностью. В июне 1879 г. он назначен в комиссию под предводительством Н.П. Остроумова «для представления соображений о положении Ташкентской публичной библиотеки новыми сочинениями и составле-

² Отчет о состоянии Туркестанской учительской семинарии с 1-го августа 1879 года по 1-е августа 1881 года, прочитанный на годичном собрании семинарии 30 августа 1881 года. Ташкент: Типография арендуемая В.Ф. Базилевским, 1881. С. 4.

³ Там же. С. 6.

⁴ Там же. С. 5.

⁵ Там же. С. 6.

⁶ Добромывлов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем. Ташкент: Электро-типолитография О.А. Порша, 1912. С. 231.

ния отчета о ее состоянии»⁷. В 1881 г. Лютш являлся членом нескольких комиссий и обществ, таких как комиссия по устройству Ташкентского музея, комиссия по установлению правильной транскрипции географических терминов местности Туркестанского края, комиссия по вопросу о введении обязательного обучения в Туркестанском крае, Туркестанский отдел Императорского общества любителей естествознания, этнографии и антропологии⁸.

7 августа 1881 г. работы прибавилось, Лютш стал совмещать работу преподавателя с работой библиотекаря семинарии. Вскоре собрание, насчитывавшее чуть меньше 3000 экземпляров книг, было приведено в должный порядок его «старанием и аккуратностью»⁹.

В 1883 г. происходит резкий поворот карьеры – от учительской стези к дипломатическому поприщу: назначение на должность секретаря консульства в Кашгаре. Вопрос о том, как состоялось это назначение, остается открытым. Наиболее вероятным представляется личная протекция Н.Ф. Петровского, первого российского консула в Кашгаре. Агент министерства финансов в Туркестанском генерал-губернаторстве Н.Ф. Петровский приехал в Ташкент в 1870 г. Именно Петровский стоял у истоков Туркестанского отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, членом которого был Лютш¹⁰. 25 февраля 1883 г. именно Петровский направил в Азиатский департамент прошение Лютша о предоставлении ему должности секретаря консульства¹¹.

Право на открытие консульства в Кашгаре Россия получила по Петербургскому договору (1881 г.), а 1 июня 1882 г. не без помощи директора департамента внутренних сношений министерства иностранных дел барона Ф.Р. Остен-Сакена был назначен его первый глава – Петровский. В конце 1883 г. должность секретаря консульства получил Лютш. Заметим, что для поступления на работу в МИД требовалось сдать дипломатический экзамен, однако, согласно циркуляру от 15 марта 1876 г., «лица, окончившие курс в учебном отделении восточных языков, состоящем при Азиатском Департаменте или Санкт-Петербургском университете» могли быть от него освобождены, если соглашались занять должность драгомана, с возложением обязанностей секретаря¹².

Условия службы в Западном Китае были сложнейшие. Чтобы добраться до Кашгара, нужно было преодолеть пять перевалов, самый маленький из которых располагался на высоте более 3000 м. По пути следования практически отсутствовало жилье, ощущался дефицит топлива, часто случались бураны. До ближайшего русского населенного пункта было пятнадцать дней езды, так что в случае осложнений своевременной помощи ждать было неоткуда. Петровский так описывал свое путешествие к месту службы, совершенное осенью 1882 г.: «... Был четыре дня на высоте 11 тыс. ф(утов), огибая Чатыр-Куль, перешел при сильном буране Тянь-Шань через Туругартский перевал (12 т.ф), а в декабре перевалил через тот же Тянь-Шань в другом месте, на Терек-Даване (13 тыс.ф). Сделал я, таким образом, более 1000 верст верхом, на первом перевале чуть-чуть не погиб со всеми своими конвойными казаками, а на втором, не взяв темных очков, испортил глаза»¹³.

Здание консульства не имело ничего общего с европейскими представлениями о комфорте. «Живем в сартовском здании, – писал в 1884 г. Петровский, – почти не имеющем вида человеческого жилья. Две комнаты я приспособил для себя и секретаря к жилью, т.е. поставил в них две железные печи, из которых одна страшно дымит, и заклеил окна бумагой. Третья комната, приемная, осталась сараем, в которую во время посещения нас китайскими властями ставят жаровню с углями»¹⁴. Земляной пол в здании прикрыли циновками. «Грязно, дымно, холодно, а подчас и голодно, потому, что кухня (очаг) во дворе, на открытом воздухе»¹⁵. «Вода горько-солёная, пища – баранина, да палау, чай вследствие дурной воды, почти нельзя пить и пр[очее]». Распорядок дня в консульстве был такой: подъем в шесть утра, обед в 11–12 часов, как у «мастеровых», с сарказмом замечал Петровский, в 10 вечера отходили ко сну¹⁶. Прислуга помещалась в юртах, а конвойные казаки – в конюшнях, точнее под навесом для лошадей¹⁷.

⁷ Отчет о состоянии Туркестанской ... С. 9.

⁸ Там же. С. 10.

⁹ Там же. С.29, 31.

¹⁰ Туркестанские письма С. 21.

¹¹ АВПРИ. Ф. № 159. Оп. №749/1. Л. 82.

¹² Кузнецов А.И. Подготовка и воспитание дипломата в Российской империи (вторая половина 19 – начало 20 в.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 63.

¹³ Петровский Н.Ф. Туркестанские письма. М.: Памятники исторической мысли, 2010. С. 123, 125–126.

¹⁴ Там же. С. 137.

¹⁵ Там же. С. 141.

¹⁶ Там же. С. 149.

¹⁷ Там же. С. 137, 141.

Работы было много. На момент открытия консульства в Кашгаре проживало 400 русских подданных, в основном «русские мусульмане», торговавшие здесь. Поэтому с утра в консульстве начиналась «толкотня»: выдача ярлыков, билетов, свидетельств, разбор жалоб, просьб и даже драк¹⁸. «Перед обедом (12 ч. дня) дела приостанавливаются, а там опять до вечера, до закрытия городских ворот»¹⁹.

Кроме защиты интересов русских подданных, приходилось решать вопросы и политического характера. Одним из важнейших был сарыкольский, как часть общего «памирского вопроса», включавшего и проблему разграничения России с Афганистаном²⁰.

Когда Петровский уезжал в отпуск, консульство оставалось на попечении Лютша, и ему приходилось брать ответственность принятия сложных решений на себя. Так, когда в сентябре 1885 г. чиновник особых поручений при губернаторе Ферганской области Б.Л. Громбчевский, бывший в это время в Кашгаре, подвергся нападению двух китайских солдат, Я.Я. Лютш смог использовать эту ситуацию для того, чтобы добиться от китайских властей разрешения на поездку Громбчевского в Хотан²¹.

Благодаря талантам Петровского и Лютша авторитет консульства вырос. В 1888 г. Петровский отмечал: «Делами консульства я, могу сказать, доволен: китайцы значительно смирились, и положение наших подданных стало далеко лучше прежнего»²². В письме к Остен-Сакену (28 ноября 1888 г.) Петровский так отзывался о человеческих и деловых качествах Лютша: «Со времени открытия консульства, в течение пяти лет, я прожил с Яковом Яковлевичем душа в душу; мы вынесли с ним вместе все невзгоды нашего нового положения, боролись с китайцами, скорбели о забвении нас Петербургом и делили те малые радости, которые изредка выпадали нам на долю. Если в Кашгарском консульстве было сделано что-либо заслуживающее похвалы, то таковая – говорю это совершенно искренно, должна быть приписана в равной степени, как мне, так и секретарю консульства»²³.

Несмотря на хорошие отношения с начальством, Лютшу в Кашгаре приходилось несладко. Как он отмечал в докладной записке 11 июля 1894 г., поначалу часто болел лихорадкой, «которая за неимением в Кашгаре врача только залечивалась домашними средствами» и сильно изнуряла. В конце осени 1888 г., по прошествии пяти лет службы, Лютш отправился в свой первый отпуск. За пять месяцев отпуска, который он провел в Санкт-Петербурге и за границей, здоровье заметно улучшилось²⁴.

После возвращения из отпуска закрутилась все та же круговерть. В 1891 г. Петровский так описывал работу консульства: «мы визируем и проверяем более 3 т[ысяч] в год билетов китайских подданных, около 1 т[ысячи] билетов русских подданных (надо заметить, притом, что билеты эти не паспорта, а накладные: надо проверить лиц и товар, в билетах прописанный), получаем до 1 т[ысячи] входящих и выпускаем до 1 т[ысячи] исходящих бумаг. К этому следует прибавить ещё, что мы имеем дело с китайцами; по самым, иногда, ничтожным делам приходится прибегать к личным объяснениям с даотаем, уездным начальником, караульными чиновниками. Бумаги наши и почти половина нашего делопроизводства (напр[имер], судебные, наследственные дела) ведутся на двух языках. Я сомневаюсь, сравняется ли с нами по одним паспортным делам, Мемельское, например, или Константинопольское консульство? Наконец, персонал наш: я, секретарь, писец, не знай мы по-тюркски, вся наша фабрика непременно бы остановилась»²⁵. Не изменилась ситуация и год спустя. «Кашгарское консульство далеко не похоже на все другие консульства: это нечто вроде и полицейского участка с почтовой конторой и камерой судьи, и места, где нередко занимают делами серьёзного политического характера, а работников, кроме меня и Лютша, нет»²⁶.

Несмотря на плотный график и Петровский, и Лютш находили время на научную работу – покупали неизвестные еще европейской науке восточные рукописи и памятники древности. Часть из них

¹⁸ Петровский Н.Ф. Туркестанские письма. С. 138, 140.

¹⁹ Там же. С. 140.

²⁰ Там же. С. 26.

²¹ Громбчевский Б.Л. Отчет о поездке в Кашгар и южную Кашгарию в 1885 году. Новый Маргелан, б/г. С. 20.

²² Петровский Н.Ф. Туркестанские письма. С. 212.

²³ Там же. С.213.

²⁴ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 1895. Л. 87.

²⁵ Петровский Н.Ф. Туркестанские письма. С. 221.

²⁶ Там же. С.223.

позже оказалась в Музее антропологии и этнографии в Петербурге. Коллекцию Лютша изучал С.Ф. Ольденбург, сумевший объединить в один документ ряд фрагментов текстов из собрания Петровского и Лютша. В коллекции Лютша была «удивительно сохранившаяся ваза и несколько гемм», которые в 1904 г. оказались в Эрмитаже²⁷.

Летом 1893 г. произошел неприятный инцидент. В июле, на народном гулянье за городом, около местной святыни мазара Саид-Арслан-хана на Лютша и его спутников (слугу секретаря «татарина Ахмета», подхорунжего Путинцева и торгового старшину) напали шесть китайских солдат, избili до крови всех (кроме секретаря, которого защищал старшина). Лютшу попали кирпичами в спину. Помощник китайского командующего войсками, который сидел на крыше дома, и солдаты которого чинили это безобразие, арестовал солдат и скрыл их²⁸. Китайцы подучили, как писал Петровский, «трех каких-то негодяев (бывших солдат) принять на себя вину, и эти негодяи показали, что они действительно бросали землю в русских, но лицо у Путинцева было разбито стремением лошади, на которую он садился (лошади были оставлены в саду одного купца и секретарь и его спутники пришли, версты за две от сада, на гулянье пешком); бросали в русских землю за то, что они приставали к какой-то публичной женщине, которая была в саду и показала то же, что и солдаты». Как говорили нападавшие: «я, последовав русского, бросал маленький кусочек земли на тело этого русского лица, этот кусок земли попадался на около глаза русского человека. Затем мой знакомый по имени Худайбердом, прибыв ко мне, бросал также кусок земли на тело этого русского и попал в цель на правую руку русского человека»²⁹.

Началось долгое, но бесплодное разбирательство. Петровский был в ярости и даже предлагал передвинуть поближе к границе войска, но в МИДе сочли, что «прибегать к военной демонстрации в видах понуждения китайцев дать удовлетворения за оскорбление чинов консульства признаем преждевременным»³⁰.

На фоне увеличивавшегося объема работы здоровье Лютша ухудшалось. Свиристествовавшая в Кашгаре в 1890 г. инфлюэнция не обошла Якова Яковлевича, в результате чего он «серьезно хворал» каждой зимой. Из-за этого в 1894 г. он попросил разрешения на отпуск с выездом в Россию и ходатайствовал о другой должности. 11 июля 1894 г. Я.Я. Лютш обратился к Н.Ф. Петровскому с заявлением о намерении оставить службу в Кашгаре³¹.

Петровский, надеясь помочь Лютшу с новым местом службы, написал письмо Остен-Сакену: «Как мне ни жаль расстаться с Я.Я. Лютшем, с которым я прожил здесь более десяти лет, в полном согласии и единомыслии, но просьбу его я нахожу своим нравственным долгом исполнить. Десять лет жизни в некотором роде за пределами цивилизации, в общении с китайцами, и притом китайцами здешними, при сношении с которыми нужно иметь не нервы, а канаты, имеют право, думаю я, заявить о себе и напомнить, что за все эти десять лет труда во вновь открытом консульстве секретарь его получил одну награду и по классу должности, ниже своего чина, лишён возможности получить следующие. Я думал, что о Лютше вспомнят при открытии вакансии в Чугучаке, но о нём не вспомнили. Может быть, вспомнят теперь, когда я послал в Аз[иатский] д[епартамент] докладную его мне записку о желании его, по болезни, оставить Кашгар. Во всяком случае, я усердно прошу Вас, глубокоуважаемый Фёдор Романович, помогите, чем можете моему здешнему со-страдальцу, не пожелавшему дожидаться, когда я сам сойду со сцены»³². 1 августа 1894 года Лютш после десятилетней службы покинул Кашгар – отправился в отпуск, чтобы уже не вернуться.

В дальнейшем у Я.Я. Лютша будет долгая и успешная профессиональная жизнь, служить он будет в двух регионах: в Туркестане и на Дальнем Востоке. После работы на должности чиновника по дипломатической части сначала при Приамурском генерал-губернаторе, а потом при Туркестанском, он получит назначение на пост политического агента в Бухаре. Заметим, что этот пост был достаточно важным и ответственным. Именно политический агент представлял интересы «монархии Романовых в эмирате». Как отмечает Д.Ю. Арапов, эту должность «как правило, занимали знающие и ода-

²⁷ Тункина И.В. Н.Ф. Петровский как собиратель древних памятников письменности в Восточном Туркестане // Восток – Запад. М.: Наука, 2013. С. 115.

²⁸ Петровский Н.Ф. Туркестанские письма. С. 239.

²⁹ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 1895. Л. 67.

³⁰ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 1895. Л. 12.

³¹ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 1895. Л. 87 – 87 об.

³² Петровский Н.Ф. Туркестанские письма. С. 246.

ренные дипломаты». Формально агент был подчинен МИДу, но был обязан согласовывать все свои действия с администрацией Туркестанского генерал-губернаторства. В круг его обязанностей входил контроль за ситуацией на афгано-бухарской границе, регулирование взаимных платежей российских и бухарских торговцев, участие в работе арбитражной комиссии, решавшей по взаимному соглашению сторон уголовные и гражданские дела, возникавшие между российскими и бухарскими подданными³³.

Я.Я. Лютш успешно справлялся с возложенными на него обязанностями, но кровавые события в январе 1910 г. в Старой Бухаре – положили конец его деятельности в Туркестане. Несмотря на то, что в момент резни Лютш находился в отпуске в России, под давлением туркестанского генерал-губернатора Самсонова он был снят с должности. Лютш вновь вернулся на Дальний Восток, на сей раз он получил назначение в Корею. С 1911 по 1921 год он выполнял обязанности генерального консула в Сеуле. Даже две революции 1917 года, знаменитый приказ № 63 от 26 ноября 1917 г. комиссара по иностранным делам Л. Троцкого, отстранявший царских дипломатов от работы, не помешали ему выполнять свое дело. Консульство в Корее подчинялось посольству Российской империи в Токио, которое действовало вплоть до 1925 г., что и дало возможность Лютшу оставаться генеральным консулом несуществующего государства много лет.

Логика развития карьеры Лютша и ряда других дипломатов дает нам возможность сделать ряд выводов. Во-первых, если А.В. Ремнев отметил формирование на азиатских окраинах особого типа российского чиновника, носителя имперских порядков³⁴, который проходил службу на различных окраинах; то мы можем предположить, что подобная когорта появляется и среди дипломатов. Их место службы отличается от традиционного – оно не «вне» империи, и не в центре (в аппарате МИД), а на окраинах. Учреждение должностей чиновников по дипломатической части в Ташкенте, Хабаровске, Тифлисе, Ашхабаде, Порт-Артуре и Иркутске рождает уникального дипломата, знающего специфику и логику «окраинной жизни», использующего управленческие технологии, приобретенные в различных культурных и политических условиях. Часто дипломаты этой группы, получая назначения вне границ империи, попадали в сопредельные их бывшему месту службы страны. Понимание процессов, происходящих внутри империи, трезвая оценка внутреннего состояния России, личные знакомства среди высших региональных чиновников позволяли им более эффективно решать возникающие вопросы.

³³ Центральная Азия в составе Российской империи. М.:НЛЮ, 2008. С. 294.

³⁴ Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти 19 – начала 20 века. Омск: Издание ОмГУ, 2004. С. 20.

Güncel Önkal

THE «OUTSIDERS»: TURKEY BETWEEN RUSSIA AND EU (NEW STRATEGIES FOR OLD CULTURAL ISSUES)

Гюнжел Онкал

«АУТСАЙДЕРЫ»: ТУРЦИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЕС (НОВЫЕ СТРАТЕГИ ДАВНИХ КУЛЬТУРНЫХ СОГЛАШЕНИЙ)

Abstract: This paper aims to analyse the interactions of Turkish and Russian diplomacy which are based on the common perspective considering old cultural issues and shared same historical aspects. However, while the Turkish foreign diplomacy has shifted according to new-liberal conservative ideology of post-Republican governments; Russians diplomatic steps have been characterized by aggressive and ambitious new paradigms such as “leadership”, “administrative goal direction” and “economical focus”.

According to this paradigm, it is appropriate to remark that Turkey and Russia are following an “outsider” diplomacy in order to negate each other. The philosophy of “negation diplomacy” is not to negate the other indeed; it is rather to exaggerate the other side’s position in dialectical way of understanding.

In this respect, my analysis is going to enlighten the cultural and dialectical issues of this interaction between Turkey and Russia diplomatic movements against EU. The main question will be as: “Does EU symbolize a common ground to reproduce the foreign diplomacy or is it just a platform or interface to criticize other as looser?”

Keywords: aggressive diplomacy, cultural borders, EU, outsider diplomacy.

I. Definitions between Traditions

Turkey's market-oriented strategy has been developing since 1990s and the emergence of independent states in former Soviet Union gives many opportunities to Turkish foreign policymakers. The leading advantages of the political shift in Northern geography results in migration and human traffic between different countries. This movement is shaped between continents by the pre-defined traditional and historical roots and; on the other hand it is realized according to economic benefits. To illustrate, if you want to change your home address you firstly try to move somewhere that you believe to be able to live safely. Additionally the safety is not sufficient and the new house should be in an economical advantageous/ better condition in many aspects. Turkey which has a secular, modern and wealth and welcoming country image is still holding this image for the foreigners.

Further, Turkey's strategy for becoming a full member of EU brings many high standards and long term goals to political discourse. As called "strategy", daily political discourse has been influenced so much under this "abnormal" and "temporary" conditions. It was abnormal because Turkish foreign policy should be revised ignoring the local and national priorities; it was temporary condition because the main goal of European process is to check own policy and being prepared for the future. However, this abnormal and temporary situation after EU dream never goes away. Turkish foreign policy has changed very permanently considering the neighbours' outer perception.

Turkey's embrace of the "Turkic Republics" also embodied an important phase for the relation between Turkey and Russia (Onis, 2001:67). This idea opens a new dimension between Turkey and its diplomatic collocutors. Turkey, sociologically, positioned itself as a "bridge" country where the different continental cultures meet. This slogan also officially used for international Olympiad applications and European Capital Culture selection assignments. According to some foreign policy commentators this cultural discourse of Turkish diplomacy indirectly served to transpose the dialectic (Sakwa, 2010).

The term dialectic is not a new term it has been using since the beginning of the thought. However, the dialectic in foreign affairs is different than the one that we use in daily language. In daily language the dialect is equal to words and the questions that are asked by the other functions as the tool of understanding. In foreign affairs, the interrelation between countries the dialect itself serves to a particular intention and strategy. Thus, the dialectical existence of the sides require each other and "enemy" can be a "good neighbour" or vice versa.

II. The Outsider vs. Insider:

Two centuries after the death of Kant, John E. Smith noted about three most pressing problems confronting Western civilization:

(1) How to prevent the reduction of man to the status of a thing or object beside other objects in a mechanized world;

(2) How to preserve a sense of individual moral and social responsibility at a time when skepticism and relativism control a great deal of ethical thinking;

(3) And how to bring the steady advances in scientific knowledge within the scope and direction of moral and religious purposes (Hendel, 1957: 6).

We cannot claim Western idea has come off those three for 50 years. On the other hand Eastern civilization has not succeeded to rectify its inaccurate image of thought since Eastern civilization could not achieve to bring the steady advances in scientific knowledge within the scope and direction of moral and religious purposes. In addition to Smith, Arkoun also states that as follows:

"In the nineteenth century, Muslim countries encountered only fragments of the philosophical values of the Enlightenment. A very small number of intellectuals, scholars, journalists, politicians, and travelers had access to the schools, universities, and literatures of the West" (Arkoun, 1995:456).

The scientific rationalist methodology of Western world picture is a part of secularization and it is thought that the basic assumptions should become standards among the educated people in order to ridicule the backwardness and superstition of traditional arguments. Inevitably, such a dictum gave way to the idea of conflict between cultures and worldviews:

"Absolute principles of order and justice were irrelevant to the concrete situation of social existence. Power and cunning, not values and principles, decided the fate of individuals and groups. The same law determined relations among nations. Nations face one another in enmity and hatred...and fight one another

more mercilessly than wolves. The decisive factor in political existence is not the common bond of humanity but the will of the strong and their ability to impose it" (Sharabi, 1970: 77)¹.

With the ideas of conflict, Sharabi asks "[w]as the West really civilized? Should we expect peace and security at the hands of Europe?" (p.99). I would also ask whether the notion of 'just distribution' of material and non-material advantages realized or the balance has shifted. The term "civilization" replaced with the notion of "globalization" and standardization. Moreover, globalization means the increasing dominance of some languages, nations, and business-classes. We globe some technologies, inventions; but do we globe rights? While we globe the interconnectedness, we are not able to globe mutual-recognition of identities as a primary condition of eternal peace (Appiah, 2003:195-197). Under the light of Sharabi's and Appiah's arguments, the preventing reduction of men –as Smith declared above- can be made possible by disregarding absolutism of ideas and technology politics that were collected in one hand. In relation to this idea, a fundamental linkage between the use of knowledge and ethics can be directly seen. The senses of moral and social responsibility are no longer valid in West different from Eastern societies where those issues may exist. Pragmatism and individualism are becoming the dominant social principle day by day. It may be an unexpected and unwelcome consequence of Kant's Enlightenment. At this point we should not disregard the local cultures. It is not wrong to say that, remembering our moral traditions can be a solution for establishing such a balance. If we manage to give a positive response to the values that are served by traditions, thereby humanitarian situations will be realized.

There is also a cross-cultural disagreement highlighting local cultures, even on what rights are to be considered as human rights. However we should not allow traditions to become particular absolutisms (radicals). If all localities take the way of being particular truths, we will not be able to reach variety of humanity. So that, we come close to an ideal situation of agreement between politics and morals that Kant described in *Perpetual Peace*. An ethically and juridically agreement of cultures is the ground of peace. From this perspective, just the ideas cannot be sufficient. Ignoring or doing little about conditions that promote disease, hunger and high mortality rates are being understood as human rights violations of greater consequence than violations of more abstract legal and political rights concerning liberty or property (Viotti & Kauppi, 1997:313).

Conclusions

Cosmopolitanism becomes a risk for the Western and consequently for the Eastern civilizations.

At that point, instead of a crash of civilization we need a consensus of humanitarian civilization under the umbrella of tolerance. This tolerance, as I have tried to justify through the paper, cannot be constructed with transcendental ideas but practical and understandable principles since cosmopolitan recognition is the main pre-condition of cosmopolitan rights and hospitality. Deeply-rooted cultural values or prejudices are, of course, not easily changed. Russia and Turkey are at the same time both partners and rivals. They negate each other but, against global power they – have to- include each other as well. There will be no new strategy of those two "outsiders" in the region other than the dialectical concern of the common problems.

Bibliography

1. Appian A. K., (2003) «Citizens of the World», Globalizing Rights: The Oxford Amnesty Lectures 1999, Ed. M. J. Gibney, Oxford Uni. Press, Oxford.
2. Arkoun M., (1995) «The State, The Individual, and Human Rights: A Contemporary View of Muslims in a Global Context», The Muslim Almanac: The Reference Work on History, Faith and Culture, and Peoples of Islam, Detroit, Gale Inc.
3. Hendel C. W. (ed.), (1957) The Philosophy of Kant and Our Modern World, The Liberal Arts Press, New York.
4. Onis Z. (2001) «Turkey and the Post-Soviet States: Potential and Limits of Regional Power», *MERIA* (Middle East Review of International Affairs). Vol.5. No:2. P. 66–74.
5. Sakwa R. (2010) Russia and Turkey: Rethinking Europe to Contest Outsider Status, IFRI, Paris.
6. Sharabi H., (1970) Arab Intellectuals and The West, The Johns Hopkins Press, Baltimore and London.
7. Viotti P. R., Kauppi M. V. (1997) International Relations and World Politics: Security, Economy, Identity, Prentice Hall, New Jersey.

¹ Here, Sharabi exploits some of Antun's thoughts from *Muqtafatat*.

КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ РОССИИ И ИРАНА (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА МАРКОВА)

L.M. Ravandi-Fadai

A CASE OF RUSSO-IRANIAN CULTURAL SYNCRETISM IN ARCHITECTURE

Аннотация: Статья посвящена Николаю Львовичу Маркову, русскому подданному, избравшему Персию своей второй родиной, где он дослужился до звания капитана иранской армии, а затем с успехом занимался архитектурой. Марковым создано множество архитектурных сооружений по всей стране, которые стали национальным достоянием Исламской Республики Иран.

Abstract: This article recounts the life and analyzes the works of Nikolai Markov, a Russian officer in the Cossack Brigade who after the Bolshevik Revolution chose to live in Iran, where he rose to the rank of captain in the Iranian Armed Forces. Upon retiring from the military, he returned to his first calling – architecture. Markov's impressive buildings can be found across the Islamic Republic of Iran, with the majority in the capital, and have become part of the cultural legacy of both Iran and Russia.

Ключевые слова: Н.Л. Марков, архитектура, Казачья бригада, Персия, Иран, Россия.

Key words: Nikolai Markov (Markoff), architecture, Cossack Brigade, Persia, Iran, Russia.

Дорога на русское православное кладбище Тегерана¹, где покоится Н.Л. Марков, довольно долгая и утомительная. Раньше это кладбище располагалось далеко за городом, но сейчас это уже столичный район.

В моем воображении кладбище представлялось мне заросшим и неухоженным, с плотными рядами могил, но все оказалось совсем не так. Я ощутила там настоящее умиротворение. Видимо, недаром Русское кладбище примирило и представителей русской эмиграции (казаков и белогвардейцев), и граждан страны Советов, когда-то боровшихся друг с другом².

Н.Л. Марков родился 27(28)³ декабря (9 января) 1882 г. в Тифлисе, в старинной русской семье потомственных дворян Курской губернии⁴. Его отец, Лев Львович Марков (1837–1911), служил тайным советником и был кандидатом естественных наук. Он был также директором Тифлисской мужской гимназии, которую его сын с отличием окончил в 1901 г. Затем Н.Л. Марков поступил на архитектурное отделение Императорской Академии Художеств (ИАХ) – в мастерскую Л.Н. Бенуа.

С ранних лет Марков проявлял большой интерес к искусству и архитектуре народов, проживающих на Кавказе и в Закавказье. Но особенно его привлекала Персия – возможно потому, что, по преданию, один из предков семьи – Марк Волошенин (или Марк Росс-Толмач) – был послом царя Ивана III при дворе персидского шаха Узун-Хассана.

Еще будучи студентом ИАХ, Н.Л. Марков 9 февраля 1905 г. обратился к руководству Академии с прошением разрешить ему выехать за границу⁵. Его старший брат, Б.Л. Марков (1879 г.р.), работал тогда помощником в техническом бюро в должности инженера путей сообщений на строительстве железной дороги Тебриз–Джюльфа в иранском Тебризе, а также строил здание, в котором размещался муниципалитет города Тебриза. По словам сына Маркова, «отец искренне полюбил Персию и решил посвятить себя изучению ее культуры».

24 августа 1907 г. Н.Л. Марков повенчался в Екатерининской церкви при Императорской Академии Художеств с дочерью почетного гражданина города, домашней учительницей Людмилой Димитриевной Горловской (1881–1973)⁶. У них родились две дочери – Тамара (1911) и Наталья (1914). Закончив архитектурное отделение ИАХ, 22 мая 1910 г. Николай Львович получил звание архитектора-художника. Вслед за тем, пройдя военную службу, он поступил на Персидское отделение Академии восточных языков в Петербурге, которое окончил в 1914 г.

¹ Там покоятся представители нескольких поколений русской общины в Тегеране, а кроме того есть ассирийские, греческие, грузинские, болгарские, армянские и сербские могилы.

² Всего на кладбище захоронено около 1400 человек.

³ По данным архива, 28 декабря, по данным семьи – 27-го.

⁴ РГИА л. 2–3.

⁵ РГИА. Ф. 789. Оп. 12 (1901). Д. 92-И. Л. 44.

⁶ РГИА. Ф. 789. Оп. 12 (1901). Д. 92-И. Л.

Первая мировая война нарушила все его планы: сначала пришлось отбывать воинскую повинность в должности инженерного кондуктора (вел наблюдение за постройкой военно-автомобильной школы на Семеновском плацу), а с 1917 г. Николай Львович служил в Кавказской Армии в звании капитана инженерных войск (был призван в чине прапорщика), был адъютантом командующего Кавказским кавалерийским корпусом, генерала Н.Н. Баратова, с которым и уехал в Персию. В 1919 г. поступил инструктором в Персидскую казачью дивизию, созданную русскими еще в 1880 г., и год спустя уже был начальником штаба дивизии и получил звание капитана иранской армии (по другим источникам – генерала). Эту должность он занимал до окончания боев с большевистскими отрядами, вторгшимися в Персию.

В 1921 г. Н.Л. Марков демобилизовался и поселился в Тегеране, где активно принялся за архитектурную практику. Там он вновь женился – на Вере Дмитриевне Буйновой (1902–1929), уроженке Баку, от брака с которой родились два сына и дочь: Лев (1922), Татьяна (1924) и Алексей (1927). До конца жизни Николай Львович уже не прекращал заниматься архитектурой.

Персия – любовь его юности – стала для Маркова второй родиной. Вначале он сражался за эту страну, а затем под энергичным руководством Реза-Шаха принял деятельное участие в возведении наиболее важных для страны объектов – в годы, когда строился современный Иран. Реза-Шах оказывал всемерную поддержку Маркову, ведь в свое время они вместе служили в Казачьей дивизии и испытывали глубочайшее уважение друг к другу.

Н.Л. Марков построил в Тегеране несколько десятков зданий, среди которых здание Министерства финансов, Военного министерства, Министерства юстиции, Медицинская школа при Тегеранском университете, Педагогический колледж, Сельскохозяйственная школа, Главпочтамт, Итальянское посольство, Ассирийская Церковь (на улице Форсат), представительство фирмы «Зингер» и многие др. Он возвел семь мусульманских мечетей в традиционном восточном стиле, но в котором заметны архитектурные традиции как Ирана, так и России (Фахрэт Доулах, Амин Доулах и др.). Н.Л. Марков возвел также ряд христианских церквей, главной из которых стала церковь святого Николая в Тегеране, где он сам долгие годы был старостой.

Соединяя в своем творчестве стилистику исламской архитектуры с ранними классическими формами, Марков был приверженцем исламской архитектуры и традиционных персидских методов строительства. Он отдавал предпочтение местным материалам – кирпичу, камню, черепице, штукатурке. Кирпич размером 20х20 см, который он особенно часто использовал в своих постройках, в иранской архитектуре впоследствии получил название «Аджоре Маркови», т.е. «кирпич Маркова».

По словам его сына, Николай Львович хорошо освоил школу раннеклассической архитектуры, и это привело к созданию собственного стиля. Этот стиль, созданный Марковым, абсолютно гармонировал с традиционной персидской архитектурой. Примером тому могут служить здания старого Муниципалитета, престижной школы Жанны д'Арк, или Альборз-колледжа, сахарорафинадные заводы Варамин и Карадж.

Но далеко не все из ранних построек Маркова выполнены в восточном стиле, поскольку он нередко по требованию заказчиков обращался к канонам классической европейской архитектуры. В качестве примера можно привести Певческую капеллу на улице Саади, первый выставочный зал в Тегеране с большими зеркальными окнами, здание итальянского посольства, дом Гарагозла в конце улицы Арбаб-Джамшид, дом Набави в Поле Руми.

В конце 1930-х годов Н.Л. Марков стал отдавать предпочтение современному функционализму и активно применять стальные конструкции (например, вилла Алексис, вилла Жувел в Махмудийе и др.).

Одна из уникальных построек Маркова – тюрьма Гаср. Когда планировали ее постройку, то в первую очередь собрали проекты прежних тюрем и тщательно изучили их недостатки. В качестве инженера-архитектора пригласили Н.Л. Маркова, который внимательно изучил имеющиеся проекты, исправил их и взял на себя ответственность за строительство.

Начали строительство в 1928 году. В 1929 уже открыли, хотя строительство продолжалось до 1931 года. Для этой же тюрьмы он также использовал методы, которые использовал и в предыдущих своих сооружениях – это аркообразные окна с острым концом наверху, башни как в спортивном комплексе Амджадийе, а также планировку, с помощью которой он построил сахарный завод в Варамине (все элементы, которые ему нравились). Там было 192 комнаты на 800 заключенных, 96 комнат на 5 человек, а остальные одиночные. Был госпиталь на 6 человек и поликлиника, баня, садик двор, спортивный зал и мн. др.

Перед тем как строить здание он обращал внимание на его специфику (месторасположение). Например, оно находится в Иране, поэтому важно, чтобы оно отражало исламскую архитектуру, во вторую очередь он уделял вниманию на тот стиль, который был распространен, то есть современный стиль, который распространен во всей Европе. Например, когда он строил спортивный комплекс Амджидийе в 1313 г., он хотел показывать и величество и торжество древнего Ирана, а также использовал арт-деко, который был распространен в других точках мира.

Идея об учреждении в Персии храма Русской православной церкви принадлежит Императору Всероссийскому Петру Великому (1682–1725). В 1864 г. по ходатайству 3-го Азиатского Департамента МИДа Император Александр II (1855–1881 гг.) своим указом повелел назначить в Тегеран постоянного посольского священника в Российскую императорскую миссию. Первый типовой православный храм в Тегеране был построен в 1886 г. при посланнике А.А. Мельникове в загородной резиденции российского посольства в Зарганде и был посвящен Святому благоверному князю Александру Невскому. Материал, из которого строилась церковь, был доставлен из Российской Империи до Тегерана. Церковные кирпичи были такого качества, что когда в 60-х годах советский посол Зайцев приказал снести здание храма, иранские рабочие вручную разбирали церковь, а затем выгодно продавали эти кирпичи⁷. После персидско-иранского договора 1921 г. все имущество Российской Империи вместе с церквями отходило Советскому правительству. Прихожане стали собирать деньги на возведение нового храма и обратились к Маркову построить Русскую православную церковь (располагается недалеко от станции метро Талегани) и армянский храм на улице Кавама Солтане (позднее улица Сталина), недалеко от центральных ворот Советского посольства⁸. Необходимо отметить, что Марков долгие годы был старостой православной церкви (построенной в Тегеране по его проекту), основал на свои средства приют для беженцев из СССР. По словам его сына Марков при строительстве Храма Николая Чудотворца, взял за образец церковь, которая находилась в Кремле. Автору удалось найти в Архиве истории Москвы копию того храма. Это был Храм Благовещения на Житном дворе, разрушенный большевиками в 1938 г.

Самое удивительное, на мой взгляд, что православному человеку поручили строить мечети в исламской стране.

Мечеть Амин-о-Доуле. К Маркову обратилась дочь Мозаферрид-дин шаха Каджара (при строительстве мечети Марков выделил ей место в этой мечети). Мечеть Амин-о-Доуле построена в зеркальном виде (симметрии). Посередине построен очень низкий и необычный для Ирана купол, и низкие минареты. Именно в этой мечети Марков использовал архитектуру иранской мечети и сочетал ее с византийской архитектурой. Всегда в традиционных иранских мечетях строили высокий купол, чтобы привлекало внимание народа, а в этой застройке было наоборот. Низкий купол и минареты не были видны людям вне территории, поэтому мечеть пришлось перестраивать, т.к. она не соответствовала традиционным мечетям.

В 1940-е был вынужден зарабатывать подрядными работами. Марков был идеалистом и вкладывал в свои работы больше, вскоре его фирма просто разорилась. В состоянии депрессии, вызванной банкротством собственного предприятия, уничтожил большую часть своего архива. Возможно потому, что зодчий в отличие от художника или поэта – тысячью нитей связан с экономическими и социальными особенностями той страны, где воплощаются его замыслы.

Часто западные историки, изучающие те или иные личности, например Антона Севрюгина, каджарского фотографа, похороненного рядом с Марковым, приписывают их разным нациям, но не России. Они оба родились в Тифлисе, в многонациональной культуре Российской Империи. Оба были православными и их отпевали в Свято-Троицкой церкви перед тем как похоронить.

Марков скончался 19 июля 1957 г. Сын, Алексей Николаевич Марков (р. 1927), также жил в Тегеране и вслед за отцом избрал профессию архитектора. Но после исламской революции он с семьей переехал в Лондон. В связи с тем, что основную часть архива Марков уничтожил, то к сожалению, мало что осталось из рисунков Маркова его детям (несколько акварелей с изображением персидских казаков, небольшая перспектива Альборз-колледжа и т.д.). Но в их воспоминаниях отчетливо сохранились прекрасные чертежи Маркова, некогда висевших на стенах его кабинета, которые свидетельствовали каким талантливым архитектором и художником он был.

⁷ Игумен Александр (Заркешев) “Русская православная Церковь в Персии-Иране (1597–2001 гг.). СПб., 2002. С. 75

⁸ Там же. С. 138

1. Российский Государственный исторический архив. Ф.789. О. 12 (1901). Д. 92-И.
2. Краткая биография Маркова, составленная его младшим сыном, переданная его дочерью Натальей Николаевной Пороховской (урожд. Мрковой) в Санкт-Петербургский Фонд Культуры.
3. Марков А.Н. Архитектор Марков – строитель Тегерана / предисл. А.В. Кобака; пер. с англ. А.И. Андреева // Невский архив: Историко-краеведческий сб. Вып. II. М.; СПб., 1995. С. 453–456.
4. Игумен Александр (Заркешев). Русская православная Церковь в Персии-Иране (1597–2001 гг). СПб., 2002.
5. Rastin Shadmehr, Darvazehaye gharn-e bistom (barrasi-ye Asar-e me'mari-ye Nikolay Markof ba negahi be ketab-e "Me'mari-ye Nikolay Markof", Ayine-ye Khiyal, khordad 1387, shomare-ye 7, pages 120–127. Растин Шадмехр «Врата в 20 век (исследование архитектурных произведений, взгляд на книгу «Архитектура Николая Маркова») // Зеркало воображения. 2009. № 7. С. 120–127.
6. Viktor Daniel, Bijan Shafei, Sohrab Soroushiani/ Nikolai Markov Architecture. Architecture of changing times in Iran, DID Publications, 2004.

А.Б. Столь

ИДЕИ БУДДИЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

А.В. Стол

IDEAS OF BUDDHIST PHILOSOPHY IN MODERN RUSSIAN CULTURE

Аннотация: Статья посвящена осмыслению того, как понятия буддийской философии проникают в российскую культуру. Эти понятия способны серьезно повлиять на современное мировоззрение. Они могут стать частью современной картины мира, а также привести к формированию новых этических идеалов.

Abstract: The article is devoted to the comprehension of Buddhist philosophy concepts pervading the Russian culture. These concepts can seriously affect the modern world outlook. They can become part of the modern picture of the world, as well as lead to the formation of new ethical ideals.

Ключевые слова: Буддизм, философия, мировоззрение, этика, культура, бодхичитта.

Key words: Buddhism, philosophy, world outlook, ethics, culture, Bodhicitta.

Еще каких-то два-три десятилетия назад буддизм представлялся нашим соотечественникам как крайне экзотическое учение Востока. Первый опыт понимания буддийской культуры на повседневном уровне в восьмидесятые годы прошлого столетия был связан с образами загадочных индийских гуру-отшельников, живущих на склонах Гималаев, либо с образами монахов Шао-линя, практикующих медитацию вкупе с боевыми искусствами. Все эти образы были таинственны, романтичны и малопонятны, порождали много теоретических спекуляций, создавали почву для разных мистификаций. На этой волне появились такие авторы, как Лобсанг Рампа, Эрнест Мулдашев и другие «шамбаловеды», создатели «эзотерических» интерпретаций буддийской культуры.

Затем на смену сомнительным образам и книгам обществу стали доступны переводы основных древних текстов как с аутентичными, так и научными комментариями. Сформировалась традиция перевода наиболее важных понятий тибетского буддизма, появилась возможность читать и даже слушать выступления самих представителей тибетского буддизма, большинство из которых стали регулярно посещать Запад и Россию. Научные школы востоковедения, в частности буддологии, существовали в нашей стране, так же как и сами переводы классических текстов, уже многие десятилетия, но они были ограничены рамками узкоспециализированной научной среды и только в конце восьмидесятых – начале девяностых годов тема «востока» стала, выражаясь современным языком, своего рода мировоззренческим трендом. На Западе и в России широкую известность приобрели такие понятия, как «сансара», «нирвана», «карма» и др. Йога и медитация уже стали неотъемлемой частью российской культуры. Интересен тот факт, что понятия и символы буддийской культуры, как оказалось, легко встраиваются в контекст западного мышления и миропонимания. Они неожиданно

адекватно отразили какие-то новые реалии в общественной жизни, в сознании современного человека. Вероятно, этот процесс находится в самом начале своего развития. Многие понятия еще только «приживаются» в европейской и российской культурах, они еще не стали полностью созвучны ее времени и пространству, но, возможно, они окажут свое влияние в недалеком будущем. Какие понятия буддизма, в частности тибетского, имеют особенно большой потенциал?

В первую очередь, это одно из важнейших духовно-нравственных понятий буддийской традиции, лежащее в основе Махаяны и всей тибетской культуры, – бодхичитта (в переводе с санскрита «пробужденное сознание»). Практически каждая книга по буддийской теории или практике содержит в себе это понятие. Оно, это понятие многослойно, имеет онтологические, нравственные гносеологические и экзистенциальные аспекты. За этим понятием кроется идея, согласно которой высшее духовное состояние человека представляет собой и проявляется в форме безусловной любви и сострадания ко всем живым существам. Это естественное базисное духовное состояние, согласно источникам, необходимо обнаружить в себе, раскрыть его в полной мере и научиться пребывать в нем, объединить со своим повседневным существованием. Интересно, что это не просто некий общий мировоззренческий посыл, а конкретная духовная практика, содержащая в себе реальную работу человека по наблюдению за своими эмпирическими состояниями, а также конкретную деятельность по преобразению этих состояний. Буддизм за свою многовековую историю накопил колоссальный опыт психологических и ментальных трансформаций, и на этой основе была сформирована методология личностного развития и духовной трансформации человека. Эта методология основана на самостоятельной активной последовательной внутренней работе человека над своими переживаниями, эмоционально-психологическими и ментальными состояниями. Бодхичитта в этой методологии занимает важнейшее место, в качестве конкретного принципа действия. Этот принцип имеет разные уровни применения. Например, в западной культуре большой резонанс имеет понятие, которое Далай-лама XIV удачно ввел в некоторых своих книгах и выступлениях. Это понятие «внутреннего разоружения», которое представляет собой целую стратегию существования, основа которой состоит в том, что необходимо полностью исключить, или точнее преобразовать агрессию, гнев и ненависть в потоке нашего сознания и психики в целом. Эта идея вызвала интерес у западного человека, который живет в культуре, где на первый план выдвинута социальная конкуренция и культивация эгоистических устремлений. Человек в такой культуре испытывает колоссальное внутреннее напряжение, он вынужден все время находиться в состоянии борьбы, в противостоянии с миром. Это состояние становится привычным и естественным, редко осознаваемым фоном всей жизни. В этом состоянии самопроизвольно возникают негативные ментально-психологические проявления, такие как страх, озлобленность, подозрительность, ревность, зависть, соперничество, неискренность, лицемерие и так далее. Идея «внутреннего разоружения» предполагает осознание своего состояния, его разрушительных для самого индивида последствий, а затем кардинальное изменение этого состояния.

Практическое применение этого принципа выходит далеко за пределы простой психологии. Это не просто элиминация сильных аффектов и стрессов, а другой образ мысли и формы социальной активности, другой тип сознания. Никакая релаксация, множество разновидностей которой наводнили Запад и Россию, не будет по-настоящему действенной, без серьезной внутренней перестройки на уровне ментальности и основных установок сознания. Тибетский буддизм, вполне возможно, предложил полноценный метод для индивидуального и социального ментально-психологического оздоровления, пригодный для нашего времени.

Идеалы открытости, любви и сострадания, в которых так нуждается современное общество, дополняются идеалами мудрого спокойствия, безмятежности и душевного равновесия. Эти качества, транслируемые тибетскими духовными наставниками, являются чем-то очень важным для нашей ситуации. Западная цивилизация – общество стремительное, беспокойное, деловитое. В нем все вовлечены в бесчисленные социальные процессы и проекты, водовороты личной и социальной жизни. Покой и безмятежность в наше время кажутся сказкой, анахронизмом, утерянным состоянием древних времен, когда люди жили на лоне природы. Буддийская культура, являясь в своей основе созерцательной, демонстрирует в некоторых своих формах, что покой и безмятежность могут совмещаться с активной деятельностью, что они не являются лишь элементом чисто созерцательной жизни горных отшельников.

Значительный интерес в западной культуре очевиден и в отношении других фундаментальных идей буддизма, которые были сформулированы некогда в рамках индийской культуры, а затем развиты и переосмыслены в тибетском буддизме. Среди этих идей наиболее актуальными стали учение о пустоте («Шуньята») как основе всех материальных проявлений во вселенной, учение о многомерности реальности, выходящей за пределы возможностей наших органов чувств, о глубочайшей бытийной связи между воспринимающим субъектом, его внутренними состояниями и открывающейся ему реальностью. Многие из этих идей удивительным образом коррелируют с мировоззренческими выводами квантово-механической картины мира, физическими теориями, такими как теория «суперструн» или теория голографической Вселенной Д. Бома и т.д. К этому же комплексу метафизических представлений относится принцип тотальной взаимозависимости, который имеет очень большое мировоззренческое значение. Этот принцип имеет много аспектов, каждый из которых заслуживает внимательного рассмотрения. Среди наиболее важных аспектов этого принципа можно выделить идею о том, что все природные, ментально-психологические, экзистенциальные и социальные события связаны между собой, что мир не состоит из онтологически обособленных процессов или событий, а представляет собой единый многоуровневый и многомерный процесс, в котором каждый элемент проявляется как отражение всей системы связей и событий. Одно из философских следствий такого воззрения – осознание единства и взаимосвязи всех живых существ, осознание своего, человеческого места и ответственности перед живой природой.

Таким образом, многие понятия и концепты буддийской философии являются адекватными нашему времени и, проникая в европейскую и российскую культуры, способны повлиять на мировоззренческие установки современного человека. В частности, буддийские идеи имеют возможность оказать большое влияние на морально-этическую сферу мировоззрения, восстановить гармонию во внутренней духовно-психической жизни человека, деформированной под давлением новых форм социальной жизни, а также утилитарно-потребительской, нигилистической идеологии западной цивилизации.

Н.В. Сухов

ГУМАНИТАРНЫЕ СВЯЗИ РОССИИ И АРАБСКИХ СТРАН: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

N. V. Sukhov

THE HUMANITARIAN TIES BETWEEN RUSSIA AND THE ARAB COUNTRIES: THE PAST AND THE PRESENT

Аннотация: Прошлое и настоящее российско-арабского гуманитарного взаимодействия на протяжении XX – начала XXI в. рассматривается через призму их значения для формирования положительного образа России на Ближнем Востоке.

Abstract: The past and the present of the Russian-Arabian humanitarian relations during XX and the beginnings of XXI centuries are considered as a factor of a positive image of Russia in the Middle East region.

Ключевые слова: Соотечественники, выпускники, гуманитарные связи, миграция, русский язык, культура, имидж.

Key words: Compatriots, graduates, humanitarian relations, migration, Russian language, culture, image.

Под гуманитарными связями мы понимаем индивидуальные, личностные связи, которые возникают в процессе неформального общения представителей различных народов¹. В современном мире в силу динамичного развития миграционных процессов гуманитарные связи оказывают всё большее влияние на отношения между государствами и народами. Развитие гуманитарных связей России с другими странами можно рассматривать как часть процесса укрепления международного сотрудничества.

¹ Концепция и понятийный аппарат гуманитарных связей в качестве инструмента для анализа межкультурного взаимодействия разработаны д.и.н. В.В. Беляковым в диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук: Беляков В.В. Роль гуманитарных связей в межкультурном взаимодействии России и Египта (конец XIX – середина XX века). М., 2007. С. 19–47.

Разнообразные и объемные гуманитарные связи между разными народами устанавливаются в результате временной и постоянной миграции (эмиграции). Временная миграция бывает двух видов – добровольная и вынужденная. Добровольная временная миграция – это поездки в страну на ограниченный срок, во всем их многообразии: религиозное паломничество, знакомство с достопримечательностями, отдых, лечение, встречи с родными, друзьями и так далее. Межкультурное взаимодействие на этом уровне гуманитарных связей достигает существенных масштабов. Вынужденная временная миграция россиян в арабские страны была обычно результатом вооруженных конфликтов на территории нашей страны и состояла преимущественно из беженцев и военнопленных. Масштабы межкультурного взаимодействия вынужденных временных мигрантов и местного населения оцениваются примерно так же, как и добровольных мигрантов. Наиболее высокий уровень гуманитарных связей достигается в процессе эмиграции, то есть постоянного проживания в стране в течение длительного срока, интеграции в ее социально-экономическую жизнь. Иммигранты не только знакомят местное население с культурой своей страны, но и зачастую сами вносят заметный вклад в развитие местной культуры. Формы межкультурного взаимодействия народов настолько же разнообразны, насколько разнообразны гуманитарные связи и, в первую очередь, их создатели – сами люди.

Побудительными мотивами установления гуманитарных связей обычно являются личные потребности индивида. История гуманитарных связей между Россией и арабскими странами показывает, что такие потребности могут быть весьма многообразными. На протяжении веков православные из Московского царства, а затем Российской империи совершали паломничества к святым местам в Палестину (первые документальные свидетельства этого относятся к XII в.). Здесь мы не затрагиваем хадж российских мусульман в Мекку и Медину, поскольку они воспринимались в арабских странах как члены уммы. В XIX в. интерес образованных слоев российского общества к древнему Египту, желание лично познакомиться с историческими памятниками, о которых столько писали и говорили в то время, вызвал массовые поездки из России в эту страну. Возможность отдыха и лечения в том же Египте как стране с благоприятным для больных туберкулезом климатом обусловила длительное проживание в нем россиян. В приведенных примерах гуманитарные связи возникали как результат личных контактов между представителями различных народов России и Ближнего Востока, они происходили в процессе добровольной индивидуальной миграции.

Следует оговориться, что российско-арабские гуманитарные связи возникали в XX в. и возникают сегодня в результате временной или постоянной эмиграции россиян и представляют собой продукт интереса именно жителей России к той или иной арабской стране. Только во второй половине XX в. был сформирован совместными усилиями обратный довольно узкий вектор: поездки арабов на учебу в советских/российских вузах.

XX в. дает нам достаточно примеров гуманитарных связей, которые являются не следствием личного интереса жителей России к арабским странам, а результатом вынужденной миграции. Речь идет о различных категориях перемещенных лиц, главным образом – о беженцах и военнопленных. Но и они, как и добровольные мигранты, устанавливали контакты с местными жителями, обменивались с ними информацией, каждый о своей картине мира.

Эмиграция наших соотечественников в арабские страны в течение XX в. была представлена несколькими достаточно многочисленными группами. К первой относятся беженцы, покинувшие пределы России в период после 1917 года и осевшие достаточно массово в Египте, Ливане, Марокко и Тунисе. История жизни этих людей, проблемы аккультурации, совмещения в их персональном и общественном сознании ценностей исходной и новой культур, получившие преломление в судьбах их детей и внуков, стали предметом нескольких относительно недавних исследований, одно из которых выполнено и автором доклада².

Не меньший интерес представляют исторические и гражданские судьбы другой достаточно многочисленной группы русских, попавших в страны Ближнего Востока и Северной Африки после второй мировой войны. Это – выходцы из императорской России и СССР, военные и военнопленные, сра-

² Сухов Н.В. История гуманитарных связей и межкультурного взаимодействия Марокко и России в XX – начале XXI в. / ИАФР РАН. М., 2014.

жавшиеся против Красной армии в составе РОА, Русского корпуса и других соединений³, а также гражданские лица, как угнанные фашистами с территории СССР⁴, так и добровольно покинувшие её вместе с отступающими частями вермахта.

Независимость, обретенная арабскими странами в 1950–1960-е гг., положила начало не только новым политико-экономическим отношениям между нашими странами, но и дала толчок формированию новых типов гуманитарных и межкультурных связей. Речь идет прежде всего о подготовке национальных кадров в советских вузах. С начала 1960-х гг. и вплоть до распада СССР в советских вузах, а также в средних специальных учебных заведениях, на различных курсах подготовки, повышения квалификации обучались десятки тысяч арабов. Примерно такое же число арабских студентов получило высшее образование в России и странах СНГ в 1992–2014 гг.

Вернувшись на родину с дипломом о высшем образовании, многие выпускники приехали с уже сложившимися семьями, не только с женами, но зачастую уже с детьми, родившимися в годы учебы. Эта специфическая группа соотечественников (преимущественно – соотечественниц) стала главным источником пополнения русскоязычных сообществ в арабских странах⁵.

Как отметила в середине 1990-х гг. исследователь гендерной миграции из России в Африку Н.Л. Крылова, «...смешанный брак, ... будучи одним из проявлений межэтнического, межрасового сближения народов, все больше стал заявлять о себе примерно с начала 60-х годов, когда в вузы и средние специальные учебные заведения СССР начали прибывать первые контингенты студентов из развивающихся стран»⁶.

В настоящее время в странах арабского мира постоянно проживает, по оценке автора, от сорока до пятидесяти тысяч уроженков территорий бывшего СССР⁷, вышедших в разное время замуж за арабских студентов, а также их дети. Например, в Ливане их около 10 000, в Сирии до войны было около 30 000, в Египте и Тунисе – более 3000, а в Марокко, по разным оценкам, их число достигает 5000⁸. Причем, несмотря на общее сокращение числа студентов из арабских стран, получающих ныне высшее образование в Российской Федерации, процесс создания смешанных браков продолжается⁹. Этому явлению есть свои объяснения¹⁰. Рост масштабов миграционных процессов, расширение коммерческих связей между Россией и арабскими странами, гуманитарные проблемы мирового сообщества, с которыми соприкоснулось наше государство, объективно способствуют увеличению

³ Русский охранный корпус (с 12 сентября 1941 г. Отдельный русский корпус, с 2 октября 1941 г. Русский охранный корпус, с 18 ноября 1941 г. Русская охранная группа, с 30 ноября 1942 г. Русский охранный корпус в составе Вермахта, с 10 октября 1944 г. Русский корпус в Сербии, с 31 декабря 1944 г. Русский корпус (официально использовалось написание в русской дореформенной орфографии: *Русский Корпус*) – воинское соединение, сформированное из русских эмигрантов, воевавших против коммунистических партизан Тито в Югославии во время Второй мировой войны. Всего через службу в корпусе прошло 17090 человек, из которых около 11,5 тысячи составляли эмигранты, а остальные были советскими гражданами // Тюремная одиссея Василия Шульгина: Материалы следственного дела и дела заключённого. М., 2010. С. 446–480; Дробязко С.И. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941–1945 гг. М., 2004. С. 97.

⁴ «Остарбайтеры» по окончании Второй мировой войны получили статус «перемещенных лиц». Перемещенные лица – лица, насильственно вывезенные в ходе Второй мировой войны гитлеровцами и их пособниками с оккупированных ими территорий для использования в различного рода работах. После окончания войны СССР заключил с рядом государств соглашения о репатриации П.Л. из числа советских граждан // Большой юридический словарь. М., 2006.

⁵ Хронологические рамки современной волны эмиграции: середина 1960-х – настоящий момент.

⁶ Крылова Н.Л. Русские женщины в Африке. Проблемы адаптации. М.: РОССПЭН, 1996. С. 6.

⁷ Оценка произведена на основании информации Консульского управления МИД России, а также интервью автора с лидерами организаций соотечественников в Египте, Иордании, Ливане, Марокко, ОАЭ, Сирии, Тунисе // Полевые материалы автора, 2007–2011 гг.

⁸ Оценка произведена на основании данных картотеки консульского отдела посольства России в Рабате, справки о численности соотечественников Генерального консульства России в Касабланке, полевых наблюдений и подсчетов автора в 2005–2012 гг.

⁹ Об этом свидетельствуют данные консульской службы МИД России и полевые наблюдения автора.

¹⁰ Президент Института национальной модели экономики В.А.Найшуль так описывает современную ситуацию: «Бурное развитие транспорта удешевило доставку товаров и людей в любую точку земного шара, а развитие информационных технологий быстро формирует единое информационное пространство. В этих условиях международная торговля подобно ураганному ветрам несет по всему миру гигантские потоки товаров и людей, знаний и опыта» (Каплан В.: Сии грозные бури обратятся к славе России // Фома. № 5 (61), май 2008).

числа этно- и расово-смешанных браков¹¹. Русско-арабские браки и, как их результат, метисация¹² во втором и даже в третьем поколении служат фактором, стимулирующим гуманитарные контакты и закладывающий новую базу российско-арабского межкультурного взаимодействия. Благодаря этому ещё одним побудительным мотивом личного интереса россиян к арабским странам стало проживание там родственников и друзей.

Следует добавить, что практическое исследование русскоязычных сообществ в арабских странах сегодня заставляет расширять традиционные рамки тематики гуманитарных связей, т.к. понятие «соотечественники» охватывает и другие категории: профессионалов (врачей, преподавателей, инженеров, музыкантов и других специалистов), работающих в стране по долгосрочным контрактам, детей от смешанных браков, а в некоторых случаях – самих арабов, имеющих российское гражданство. Заметим, что последняя из упомянутых групп лиц, продолжающая увеличиваться в последние десятилетия, представляет не меньший научный и практический интерес.

Экономический интерес как стимул эмиграции россиян в некоторые арабские страны также стал фактором роста гуманитарных связей. Поездки на заработки и учебу за границу приняли в последние годы массовый характер. Во время пребывания за границей предприниматели, наемные работники и студенты устанавливают интенсивные контакты с местными жителями, получают от них информацию о стране, знакомятся с ее природой, культурой, общественной жизнью. В свою очередь местные жители получают информацию о России и населяющих ее народах. Экономическая миграция из России и стран СНГ стала основой для формирования в 1990–2000-х гг. многочисленных русскоязычных сообществ в ОАЭ (около 100 000), Египте (более 10 000) и Катаре (5–6 тыс.).

Приведенные факты позволяют отнести к гуманитарным связям постоянные контакты, основанные на торгово-экономических отношениях, что ранее отрицалось некоторыми российскими исследователями. В этом же ключе можно рассматривать и отношения между различными общественными организациями. На мой взгляд, гуманитарные связи становятся результатом добровольной миграции, вызванной профессиональным интересом предпринимателя или ученого-страноведа. Даже пребывание официальных лиц в другой стране порождает специфический вид гуманитарных связей, поскольку в свободное от выполнения своих профессиональных обязанностей время они вступают в неформальные контакты с местными жителями.

Значение гуманитарных связей многогранно. По сути дела, они являются первичным и стабильным каналом ознакомления народов друг с другом, культурного обмена между ними. Гуманитарные связи имеют чрезвычайно важное имагологическое значение, поскольку в значительной степени содействуют формированию образа страны и ее народа. Это, по сути дела, «народная дипломатия», играющая возрастающую роль в международных отношениях.

Взаимосвязь фактора продолжительных гуманитарных контактов между народами с формированием позитивного образа представителей иной культуры, цивилизации очевидна. При этом приходится констатировать, что не в полной мере используется потенциал русскоязычных сообществ, сложившихся в арабских странах, для формирования позитивного образа нашей страны. В первую очередь речь идет о сотрудничестве с ассоциациями соотечественников и выпускников советских/российских вузов в регионе Ближнего Востока и Северной Африки.

В настоящее время о положении, которое занимают соотечественники в арабских странах, об их семейных, общественных, профессиональных связях в принимающих обществах известно довольно узкому кругу лиц, преимущественно сотрудникам МИД России и немногим заинтересованным исследователям. Показательным в этом отношении документом является доклад «Вклад российских соотечественников в культуру и науку зарубежных стран», подготовленный к заседанию Всемирного координационного совета в сентябре 2013 г. Из его содержания можно сделать вывод, что составители владели весьма скудной информацией о жизни и деятельности россиян в арабских странах в наши

¹¹ Смешанный брак – брак между людьми разных национальностей или представителями разных рас. Энциклопедия социологии, 2009. В Марокко проживают представители не только разных этносов, но и разных рас. Все они вступали в брак с россиянками, начиная с 1960-х гг.

¹² Метисация (от латинского *mixticius* – смешение; также французского *metis* – помесь, смесь) – физическое смешение (половые контакты с последующим появлением генетически смешанного потомства) разных популяций людей, принадлежащих как к близким, так и к разным, особенно удаленным друг от друга этносам и расам. Потомки от межрасовых браков называются метисами. Метисация – постоянное и естественное явление в истории человечества // Биологический энциклопедический словарь / гл. ред. М. С. Гиляров; 2-е изд., исправл. М.: Сов. энциклопедия, 1986.

дни. В то время как русскоязычное сообщество в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, включающее своей неотъемлемой частью и выпускников советских/российских вузов, достигает по численности 100 тысяч человек. Эти люди играют заметную роль в странах проживания, являются проводниками позитивного образа России, а также потенциальными экономическими агентами нашей страны.

Все выходцы из СССР и России, которых мы и относим к категории «соотечественники», в той или иной степени интегрировались в принимающие общества. В ряде арабских стран (Египет, Ливан, Марокко, Тунис) исторически сложились несколько категорий соотечественников: потомки эмигрантов первой (после революции 1917 г.) и второй (после Второй мировой войны) волн, жены арабов, учившихся в СССР, и их дети, жены арабов, приехавшие из России после распада СССР. Нашими соотечественниками здесь по праву себя считают и те, кто в силу обстоятельств стали русскоязычными гражданами Украины, Белоруссии, Грузии и других бывших союзных республик. В Иордании, Ливане и Сирии, например, «самосознание российского соотечественника» возникло в последние годы на фоне кризисных процессов на Ближнем Востоке у членов многочисленных черкесской и дагестанской диаспор, являющихся на самом деле потомками горцев, эмигрировавших с Кавказа в XIX в.

Недавно автором доклада был сделан обзор общественной и организационной деятельности русскоязычных сообществ в тех арабских странах, где они сложились на сегодняшний день¹³. Информация была собрана из личных бесед и переписки с лидерами таких сообществ, форумов и блогов соотечественников в сети интернет, а также материалов Россотрудничества, к которым автор имел доступ по роду своей предыдущей работы. Вкупе с многолетними полевыми наблюдениями автора эта информация дает основание утверждать, что соотечественники в целом «прижились» в изначально чуждом им арабском мире, в той или иной степени адаптировались в принимающих обществах во всей совокупности их социокультурных и политико-экономических особенностей и характеристик. При этом укрепились и стали более разнообразными их связи с исторической родиной, в том числе благодаря поддержке со стороны российских дипломатических представительств.

На протяжении короткого периода (2011–2014 гг.) взаимное восприятие «русских» и арабов, сосуществующих в рамках одного общества, претерпело определенные изменения в результате событий «арабской весны» и в гораздо большей степени – антироссийской пропаганды в связи с событиями в Сирии, развернувшейся в ближневосточных СМИ. Представляется, что благодаря культурной, общественной и информационной деятельности организаций соотечественников, в том числе молодежных и православных, русскоязычному сообществу удалось сохранить позитивный характер взаимодействия с принимающими обществами в арабских странах

Несмотря на то, что доля русскоязычной общины относительно численности населения арабских стран незначительна, её общественный вес существенно вырос за последние несколько лет. Роль, которую играют наши соотечественники в общественной и культурной жизни этих стран (регулярные концерты, выставки, благотворительные акции) получают широкое освещение в местных СМИ¹⁴.

Сегодня можно с уверенностью говорить, что наши соотечественники «встали на ноги» в организационном плане, заслужили положительную репутацию, внося свой вклад в практику российско-арабских отношений.

Цель ассоциаций соотечественников – объединить всех говорящих по-русски и любящих русскую культуру людей независимо от их национальности, половой принадлежности и гражданства. Приехавшим в арабские страны русскоязычным девушкам члены таких организаций оказывают неоценимую помощь в адаптации, вводя в курс дела буквально по всем аспектам – от особенностей местного законодательства до бытовых вопросов.

Общественная и профессиональная активность российских соотечественниц высока и проявляется в разных направлениях. В том числе это – передача культурных и духовных ценностей детям из семей иммигрантов и приобщение местных жителей к российскому культурному наследию. Их гуманитарная миссия многообразна и чрезвычайно сложна, ибо в подобном культурно-цивилизационном диалоге участвуют не государственные и политические системы, а конкретные люди и группы людей –

¹³ Сухов Н.В. Институционализация русскоязычных сообществ в арабских странах // Ученые записки ЦАИИ ИВ РАН. М., 2014 (готовится к публикации).

¹⁴ Репортажи об историческом вкладе россиян в развитие Ливана, Марокко, Туниса и о месте наших соотечественников в современной жизни этих стран появлялись на местных телеканалах. В местной прессе постоянно публикуются статьи о русской культуре и образовании, интервью с соотечественниками и арабами-выпускниками советских/российских вузов.

носителей разных культур, конфессий, имеющих разные, порой несхожие ценности и мировоззренческие установки.

Важно отметить возрождение в последние годы православных общин в ряде стран, которые, выполняя организационную и компенсаторно-психологическую функции для прихожан, повышают одновременно самим фактом активной религиозной жизни авторитет «русских» в мусульманских обществах.

Важным аспектом российско-арабского межкультурного взаимодействия были и остаются русский язык и культура. В смешанных семьях русский язык является преобладающим средством общения. Дети, выросшие в таких семьях, как правило, наследуют традиции и черты обоих народов, которые представляют их отец и мать. Именно сохранение русского языка на фоне билингвизма у своих детей стало стимулом для возникновения в 2000-е гг. общественных организаций, в которых арабские мужья поддерживают русскую культуру и русский язык не менее энергично, чем их русскоговорящие жены.

Россию в арабских странах не только любят, верят в нее, но и ждут от нее помощи, реального сотрудничества в новых формах и масштабах, диктуемых временем. Однако, чтобы эта работа приносила максимальный эффект, она должна быть тщательно проанализированной, профессионально выверенной, нравственно и этически скорректированной. Всё это требует высокой степени координации и оптимизации государственных, общественных и академических усилий.

В свете сказанного полагаю необходимым детальное изучение современного положения и тенденций развития русскоязычных сообществ в арабских странах с целью подготовки практических рекомендаций по применению имеющейся здесь российской «мягкой силы».

А.Т. Тохметов

ИСТОРИОГРАФИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 1990-е ГОДЫ

A. T. Tokhmetov

HISTORIOGRAPHY OF RUSSIAN-CHINESE RELATIONS IN THE 1990S

Аннотация: Рассматриваются некоторые вопросы историографии российско-китайских отношений в 1990-е годы. Особое внимание обращается на некоторые тенденции в развитии китайской историографии изучаемой проблемы. Анализируется интересный материал в работах российских авторов.

Abstract: The article discusses some of the issues of historiography of Russian-Chinese relations in the 1990s. Particular attention is drawn to some of the trends in the development of Chinese historiography of the investigated problem. The article analyzes interesting material in the works of Russian authors.

Ключевые слова: Историография, Россия, Китай, международные отношения.

Key words: Historiography, Russia, China, international relations.

Распад СССР положил начало принципиально новому этапу в истории народов, населяющих 1/6 часть нашей планеты. Значение развала Советского Союза выходит далеко за рамки обычных представлений об изменениях и преобразованиях в международных отношениях. Существенный сдвиг в мировом и региональном балансе сил есть первый и наиболее важный результат происходящих геополитических изменений, затронувший многие государства, в том числе Россию и Китай.

Многовековой опыт позволил Китаю намного раньше Запада понять, что «влияние важнее власти». Это не стремление к прямому и силовому политическому контролю, а желание к организованному, естественному, точно дозированному и направленному воздействию на ключевые точки регионов и стран, государств и общественных систем. Его суть – не диктат, а дипломатическая направляющая подсказка, сделанная к месту и вовремя. Древнейший принцип китайской стратегии – «побеждать, не сражаясь», гибко действовать приемами сотрудничества и борьбы всеми мыслимыми методами.

История российско-китайских отношений всегда привлекала самое пристальное внимание учёных. Обилие научной и популярной литературы по многим аспектам этих отношений, опубликованной

в разных странах мира за последние годы, обязано своим появлением целому ряду причин. Не последнее место среди них занимает попытка политического осмысления продолжительного и сложного процесса взаимоотношений России с Китаем.

Стремление понять динамику и преемственность российско-китайского взаимодействия при помощи концепции многофакторного равновесия стимулирует комплексный подход. Комплексный подход даёт возможность объяснять и анализировать двусторонние отношения между теми странами, которые придают важное значение историческому прошлому и различиям в культурном наследии, как например, Россия и Китай.

Внешнеполитические стратегии и поведение Китая и России на международной арене обусловлены не только экономическим и военно-политическим факторами, но и социокультурными особенностями обеих стран. Американский учёный Э.Холл разделяет культуры разных стран в зависимости от их отношения к контексту на высоко- и низкоконтекстуальные [1]. Китай, как и многие восточные культуры, относится к высококонтекстуальным культурам. Именно поэтому китайцев отличает невыраженная, скрытая манера речи, многозначительные и многочисленные паузы. Конфликт считается в Китае разрушительным и под любыми предлогами избегается, открытое выражение недовольства неприемлемо ни при каких условиях. Россия занимает промежуточное положение между низко- и высококонтекстуальными культурами. Это приводит к тому, что у русских невербальное общение менее значимо. Русские испытывают недоверие к молчанию. В отдельных случаях у них возможно открытое выражение недовольства.

Теория английского культуролога Р.Льюиса [2] делит культуры разных стран по отношению ко времени на моноактивные, полиактивные и реактивные. В моноактивных культурах принято делать одно дело в единицу времени. Поэтому представители моноактивных культур планируют свою жизнь в определённой последовательности и составляют расписания. Раз назначенное событие уже не может быть отменено. К моноактивным культурам относятся, прежде всего, немецкая и швейцарская. Россия ближе к полиактивным культурам, которые допускают выполнение нескольких дел в одно время. Поэтому график русских непредсказуем, они не очень пунктуальны. Китай – типичный и наиболее яркий представитель реактивных культур, время которых движется циклично. Китайцы реагируют по ситуации, а вся история Китая развивается циклами.

Успехи экономической реформы в Китае, а также политико-экономический хаос в Советском Союзе, приведший к распаду СССР и образованию пятнадцати государств на его территории, позволяют по-новому взглянуть на отношения между Россией и Китаем. Новый этап международных отношений позволяет отказаться от идеи соперничества государств и говорить о партнёрских отношениях нового типа – отношениях конструктивного сотрудничества.

Однако система социально-экономических связей России и Китая в 90-е годы XX века ещё недостаточно изучена. Между тем правильное понимание процессов, происходивших в исследуемый период, является не только чисто академической задачей. В основе государственной политики новых независимых государств бывшего Советского Союза должны лежать принципы, отображающие с достаточной чёткостью и ёмкостью реалии международной жизни с учётом истории и традиций.

Если отечественная и русскоязычная зарубежная литература более или менее доступна исследователям, то этого нельзя сказать в отношении литературы на других языках: во-первых, она не всегда попадает в поле зрения исследователей, во-вторых, недостаточное владение языком ограничивает использование иностранных источников.

Поскольку настоящая работа посвящена истории российско-китайских отношений, вполне естественно, что большой интерес вызывает освещение проблемы в китайской историографии. Работы, появившиеся в Китае в конце XX в., доступны ограниченному числу исследователей, владеющих китайским языком. Поэтому одна из главных задач нашей работы состоит в том, чтобы познакомить всех интересующихся историей этих отношений с публикациями современных китайских авторов, через призму их работ посмотреть на эту проблему изнутри страны, проследить степень изученности темы, выделить, на наш взгляд, наиболее интересные и спорные моменты в китайской историографии. Не считая небольших обзоров, рецензий и аннотаций российских ученых на некоторые работы китайских авторов, специальных публикаций о современной китайской историографии российско-китайских отношений в отечественной науке пока нет.

Огромный интерес китайских исследователей к проблеме российско-китайских отношений в 1990-х годах проявился почти одновременно с разработкой этой темы в российской исторической

науке в постсоветский период. Это стало возможным благодаря открытости двух стран мировому сообществу, исчезнувшему барьерам идеологического плана, существовавшим в исторической науке Китая и России. В Китае к изучению истории России и Китая приступили в конце 1980-х годов XX в., когда страна вступила на путь реформ и открытости миру.

Как отмечают сами китайские ученые (Чэнь Дунлинь, Ху Чэн, У Цзяньцзе и др.), в 80-е годы XX в. в исторической науке КНР произошел настоящий прорыв. Расширился круг научных исследований, в развитии исторической науки произошел переход от абстрактного к конкретному изучению отдельных событий и явлений. Перед китайскими учеными была поставлена задача новыми исследованиями обогатить содержание истории Китая, вернуть утраченные страницы истории страны. Необходимость обобщения уроков прошлого вызвала повышенный интерес к изучению истории КНР не только со стороны историков, но и политиков, и экономистов. Начало было положено III пленумом ЦК КПК 11-го созыва, провозгласившим принцип раскрепощения сознания, поиска истины в фактах. Китайские исследователи получили возможность заниматься самостоятельными темами, которые были белыми пятнами в истории страны.

Первоначально указанная тема стала разрабатываться в русле подготовки серии работ под названием «История регионов КНР». Одновременно с углублением и расширением политики реформ и открытости достоянием научной общественности стали как новые, так и некогда закрытые архивные источники. Позитивное развитие российско-китайских отношений последних лет благоприятно способствует взаимному интересу ученых двух стран к темам, являющимся как общими объектами исследования, так и самостоятельными для каждой стороны в отдельности. Опыт изучения истории российского зарубежья китайскими авторами полезен тем, что он дает возможность сравнивать научные подходы, концепции, методы и выводы российских и китайских исследователей.

Китайская историческая наука накопила большой объем литературы, в которой отражена история российско-китайских отношений. Наибольший интерес у китайских историков вызывали такие вопросы, как политика царской России в Китае в конце XIX – начале XX в.; присутствие иностранного, в том числе и русского, капитала в Китае; строительство КВЖД и ее роль в хозяйственно-экономическом развитии Маньчжурии и др. Следует отметить, что почти все работы были написаны в русле исторической концепции раздела Китая на сферы влияния империалистическими державами с участием России как государства, проводившего агрессивную политику по отношению к Китаю. Такой подход был присущ и традиционной феодальной историографии, и гоминьдановской (с 1927 г.), а затем его унаследовала и историография КНР (с 1949 г.).

Однако труды китайских авторов содержат немало сведений, помогающих раскрыть интересующую нас тему. К ним можно отнести монографические издания «История Южно-Маньчжурской железной дороги», «История освоения провинции Хэйлуцзянь», «История царской агрессии России в Китае» и др. В этих работах показан процесс проникновения царской России в Китай, рассматривается роль русских людей в освоении Маньчжурии. Например, в работах Го Юньшэня и Чжао Дэцзю содержатся интересные сведения о становлении и развитии русско-китайской торговли и первых русских торговых людей в Китае, а также анализируется экономическое положение других стран в русском Харбине и пр. Такие авторы, как Лан Вэйчэн, Ли Аньци, Дуань Гуанда, заострили свое внимание на сферах влияния царской России и других иностранных держав в Китае.

Начиная с 80-х годов, в китайской исторической науке прочное место заняло самостоятельное научное направление история русской (российской) иммиграции в Китае. Изучение этой темы началось одновременно в крупных научно-исследовательских учреждениях страны, для чего были созданы научные центры по изучению истории иммиграции в Китае. Впервые китайские ученые попытались отойти от прежнего стереотипа, рассматривавшего иностранное присутствие на территории Китая как результат агрессивной политики империалистических держав по отношению к Китаю, как унижение национального достоинства китайского народа, а иностранные подданные назывались варварами, угнетателями китайского народа. Они обратились к человеческому фактору, объектом изучения стали переселенец, иммигрант, беженец, их место и роль в политическом, социально-экономическом и культурном отношении в стране проживания. Их работы, бесспорно, представляют огромный научный и познавательный интерес.

Заметным явлением в мировой исторической науке был выход Шанхае книги известного китайского ученого Ван Чжичэна, заведующего Отделом России и руководителя центра славяноведения Института Европы и Азии Шанхайской Академии общественных наук. Его труд вышел в 1993 г. под

названием «История российской эмиграции в Шанхае». Автор отмечает, что работал над книгой десять лет, для ее написания изучил большой объем литературы и прессы на китайском, английском и русском языках. Материалы собирал не только в Китае, а ещё в США и России, поэтому в его работе встречается много ссылок на иностранные издания. Ван Чжичэн поставил перед собой цель стереть «белые пятна» в истории страны и заполнить их новыми знаниями, которые так необходимы студентам и всем, кто интересуется историей.

В последние годы вышло немало публикаций в России, Америке, Австралии и других странах, написанных преимущественно русскими людьми, жившими в Китае и сохранившими о нем добрую память. Историкам хорошо известны работы Г.В. Мелихова, Е. Таскиной, Ю. Мельникова, В. Петрова, П. Балакшина, Е. Рачинской, Г. Хоткевич и др.

Большое внимание в их книгах уделено разносторонней жизни русских людей в дальневосточном зарубежье, раскрыта хозяйственно-экономическая, культурная, образовательная, научно-исследовательская и издательская деятельность эмигрантов.

В 1998 г. китайская историография истории российской эмиграции пополнилась новой книгой «История русской эмиграции в Харбине». Ее подготовили научные сотрудники Академии общественных наук Ши Фан, Гао Лин и Лю Шуан. Авторы поставили перед собой задачу проследить исторический процесс переселения русскоподданных в Северо-Восточный Китай на примере Харбина. Рассматриваемый труд вышеназванных авторов по структуре, задачам, изложению не отличается от монографии шанхайского ученого Ван Чжичэна, разница лишь в том, что Ван Чжичэн исследовал историю русской эмиграции в Шанхае, а Ши Фан, Гао Лин и Лю Шуан харбинскую ветвь российской эмиграции. Комплексный подход к рассмотрению истории русской эмиграции в отдельно взятом городе Китая позволил авторам создать живую историю русской эмиграции, не лишенную драматизма и горестных страниц.

Обращение к указанной теме продиктовано также необходимостью оценить новые тенденции в современной историографии Китая. В последние два десятилетия эта отрасль науки пережила настоящий исследовательский бум, показавший значительный рост интереса историков и в самом Китае, и в других странах к различным сторонам жизни Китайской Народной Республики. Внимание к событиям китайской истории в немалой степени определяется новой ситуацией, сложившейся в Китае после 1978 г., резким ускорением китайского народного хозяйства, заметной активизацией трудящихся масс. Попытки понять особенности происходящих событий в Китае, определить перспективы дальнейшего развития двусторонних отношений неизбежно стимулирует интерес к исследуемому периоду.

В Китае проблемами международного сотрудничества занимаются исследователи Китайского института международных проблем МИД КНР, институтов Академии Общественных Наук КНР, Шанхайского института международных исследований. Насколько серьёзное внимание этой проблеме уделяют в Китае, можно судить по тому, что для организации, руководства и координации исследований в этой области в системе Академии Общественных Наук создан специализированный Научно-исследовательский Центр, функционируют различные общества, например, «Общество по изучению русско-китайских отношений в Северо-Западном районе», «Китайское общество по изучению Центральной Азии», «Историческое общество Синьцзяна» и другие, которые издают журналы, проводят конференции, выпускают статьи и книги. Методологической базой и основой конкретных исследований остаётся разработанная китайскими историками теория «единого многонационального Китая» и «единой китайской нации». У этой концепции есть две тенденции. Одна – это стремление построить научную модель формирования нынешнего «единого многонационального Китая», признающая, что современный Китай образовался в результате длительного и сложного процесса исторического развития. Из этого положения вытекает вывод об эволюции границ Китая на протяжении его истории, то есть осознание процесса становления государства как длительного и противоречивого исторического процесса. Вторая тенденция питается спорными представлениями о том, будто Китай всегда существовал как единое многонациональное государство. Она отрицает признание эволюции границ страны на протяжении её истории. В соответствии с этой тенденцией, поскольку Китай с древности был «единым и многонациональным», то и территория обитания любого народа, связанного с ханьцами, понимаются как территории Китая.

Проблемами сотрудничества Китая и России занимается ряд исследовательских центров: в России они сосредоточены в Институте Дальнего Востока РАН, МГИМО, Институте международной экономики и международных отношений, Институте востоковедения РАН. Среди известных можно

указать на исследования М.В. Александровой, А.Д. Воскресенского, Е.Д. Степанова, М.Л. Титаренко, С.Г. Лузянина и других. Так, в книге «Российско-китайские отношения. Состояние и перспективы»[3] даётся оценка состояния и перспектив углубления российско-китайского стратегического партнёрства. Авторы рассматривают основные тенденции развития Китая, главные факторы, влияющие на российско-китайские отношения в условиях глобализации. Монография М.В. Александровой[4] посвящена проблеме двусторонних межрегиональных торгово-экономических взаимосвязей России и Китая. Даётся сравнительный анализ стратегий и программ развития смежных территорий двух стран, а именно российского Дальнего Востока и Сибири и китайских Северо-Востока, Внутренней Монголии и Синьцзяна.

Значительное место в историографии занимают коллективные фундаментальные работы исследователей. Особо следует выделить труды специалистов Института Дальнего Востока[5], среди которых необходимо обратить особое внимание на сборник «Россия и Китай в Шанхайской организации сотрудничества», т.к. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) начинает играть всё большую роль в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). С одной стороны, она способствует упрочению КНР на Дальнем Востоке и является каналом проникновения Китая в Центральную Азию, с другой стороны, сотрудничество с Россией рассматривается как противодействие влиянию США в регионе.

Системный анализ развития Китайской Народной Республики в конце XX – начале XXI в. и потенциал развития Китая до 2050 г. представлен в монографии Б.Н. Кузика и М.Л. Титаренко [6]. Исключительно важным аспектом указанной монографии является стремление авторов дать различные варианты долговременных прогнозов развития Китая, в соответствии с которыми представляются и прогнозы развития Китая с Россией и другими странами. Проблема российско-китайских отношений получила освещение в работах таких специалистов как И.А. Рогачёв и М.Ю. Панченко [7].

При всём различии подходов российские исследователи единодушны в том, что практическая реализация геополитических интересов России невозможна без аналитических исследований по различным аспектам международного сотрудничества. Характерной чертой исследований современных российских востоковедов по истории взаимоотношений России и Китая является критический подход к оценке политики обоих государств. Особое место занимает капитальный труд российского китаеведа А.Д. Воскресенского «Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений» [8]. На примере взаимоотношений двух крупнейших стран автор разработал и достаточно убедительно обосновал теорию «многофакторного равновесия» в межгосударственных отношениях.

Важность исследования взаимоотношений Китая со своими соседями подчёркивают и казахстанские учёные [9].

Большое внимание проблемам международного сотрудничества Китая и России уделяют исследователи США, Великобритании и Франции. По их мнению, со времени развала СССР Китай занимает особое положение для России, благодаря своему размеру и экономическим успехам. Из работ американских специалистов можно выделить исследования З. Бжезинского, Г. Киссинджера, А. Ромберга, которые анализируют и дают оценки как международным отношениям в целом, так и ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе [10].

Главной особенностью китайско-российских отношений является их стратегический характер. Они являются примером решения вопросов безопасности, мирного сотрудничества между двумя крупными государствами. Отношения между КНР и РФ не отягощены взаимными претензиями, они основаны на доверии, интересах взаимного развития, сотрудничества в сфере обороны. К тому же они не направлены против интересов третьих стран. Наоборот, имеют цель усилить международное и региональное мирное сотрудничество. Основываясь на пяти принципах мирного сосуществования, продолжительного добрососедства, они являются образцом в международной сфере.

Список использованных источников

1. Hall E.T. Hidden Differences: Studies in International Communication. Hamburg: Grunder and Jahr, 1985.
2. Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе. М.: Дело, 1999.
3. Российско-китайские отношения. Состояние и перспективы / рук.проекта М.Л.Титаренко. М., 2005.
4. Александрова М.В. Экономическое взаимодействие регионов России и Китая в период реформ. М., 2005.
5. См.: Китай в мировой и региональной политике (история и современность). М., 2000; КНР 55 лет: Политика, экономика, культура. М., 2004; Россия и Китай в Шанхайской организации сотрудничества. М., 2006; Россия и Китай: сотрудничество в условиях глобализации / рук. авторского коллектива М.Л.Титаренко. М., 2005.

6. Кузык Б. Н., Титаренко М.Л. Китай – Россия 2050: стратегия развития. М., 2006.
7. Рогачёв И.А. Российско-китайские отношения в конце XX – начале XXI века. М., 2005; Панченко М.Ю. Российско-китайские отношения и обеспечение безопасности в АТР. М., 2004.
8. Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М., 2004.
9. См., например, Касымбаев Ж. Казахстан – Китай: караванная торговля в XIX – начале XX века. Алматы, 1996; Кожирова С.Б. Российско-китайская торговля в Центральной Азии. Астана, 2000.; Муканова Г.К. Центральная Азия через призму отношений: Россия – Казахстан – Китай. Петропавловск, 2002.
10. См.: Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М., 2003; Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? (К дипломатии для XXI века). М., 2002; Romberg A. Reign in at the Brink of the Precipice. American Policy toward Taiwan and U.S. – PRC Relations. Washington D.C. 2003.

T.P. Shaykhislamov

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ И ОТНОШЕНИЯ МАМЛЮКОВ ЕГИПТА С ЗОЛОТОЙ ОРДОЙ

T.R. Shaikhislamov

EXTERNAT POLITICAL TIES AND RELATIONS OF MAMELUKES OF EGYPT AND THE GOLDEN HORDE

Аннотация: В статье рассматривается история оживленных дипломатических отношений мамлюкского Египта с Золотой Ордой в XIII–XV вв., анализируются факторы, вызвавшие длительный и тесный альянс между двумя странами. Показано, как дипломатические взаимоотношения обусловили не только военные, но и политические, экономические, культурные связи Египта и Золотой Орды, которые оставались стратегическими союзниками на международной арене вплоть до конца XV века.

Abstract: The article describes the history of vivid diplomatic relations of mamelukes of Egypt and the Golden Horde in the XIII–XV th cc. Analysed are the facts giving rise to a long and close alliance between the two countries. The authors show the way the diplomatic relations stipulated not only military but also political, economic and cultural ties of Egypt and the Golden Horde both remaining strategic allies in the international arena up to the late XV th c.

Ключевые слова: Египет, Золотая Орда, мамлюки, монголы, ислам.

Key words: Egypt, The Golden Horde, mamelukes, mongols, Islam.

В середине XIII в. власть в Египте захватили мамлюки. При них Египет существенно окреп и упрочил свое международное положение, превратившись в центр ислама и арабо-мусульманской культуры. Мамлюки со времени правления одного из первых султанов Бейбарса завязали оживленные дипломатические связи с Золотой Ордой. Конфликт, частые военные столкновения между джучидами и хулагуидами обусловили в значительной мере союз Золотой Орды с Египтом. Притязания хулагуидов на Сирию, в свою очередь, явились немаловажным фактором в поддержании Египтом дружбы с Золотой Ордой. Иначе говоря, в дружбе и союзе были заинтересованы обе стороны – и Египет, и Золотая Орда. Дальнейшее укрепление и развитие Хулагуидского государства было опасно обоим государствам. Но для Египта эта опасность была еще более высокой, ибо хулагуиды явно предполагали расширить свои земли, в первую очередь, за счет Сирии и Египта. Да и египетские султаны рассчитывали с помощью Золотой Орды расширить свои владения в Азии.

Дипломатические отношения между золотоордынскими ханами и султанами мамлюкского Египта устанавливаются в начале 60-х годов XIII в.¹ Некоторые арабские писатели (Ибн Абд аз-Захир и Рукн ад-Дин Байбарс) приписывают инициативу сближения Берке с Египтом султану Бейбарсу, подстрекавшему хана Берке против Хулагу, с целью вызвать раздоры среди монголов. Другие арабские историки (Ибн Василь и ал-Муфаддал и др.) считают организатором этого союза Берке. Берке послал к ал-Малик аз-Захиру, властителю Египта (послов), сказать ему следующее: «Мы с востока, а ты с запада, (сообща) захватим в плен войско Хулагуна и из них не оставим ни одного человека. Эльмелик эз-Захер одобрил это, и дело между обоими царями уладилось...»². Важное значение для внешнеполитических

¹ Амин аль-Холи. Связи между Нилом и Волгой в XIII–XIV вв. М., 1962. С. 10.

² Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды: Т.1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. С. 53–98. (Далее – СМИЗО).

связей имело принятие правителем Берке ислама³. Потому самый активный период взаимоотношений между мамлюкским султаном и Золотой Ордой приходится именно на время правления Берке.

Согласно сохранившимся источникам, египетский султан ал-Малик аз-Захир Бейбарс первое письмо к золотоордынскому правителю Берке выслал с одним доверенным лицом из аланских торговцев. Это письмо, относящееся к 1261/62 гг. (по другим источникам к 1260/61 г.), принято считать началом дипломатической переписки между Египтом и Золотой Ордой. В 1261/62 г. «султан (ал-Малик аз-Захир), – пишет Рукн ад-Дин Байбарс, – написал к Берке, сыну Саинкана, письмо, возбуждая его против Хулагу, уведомляя его (Берке), что вследствие непрерывно получаемых известий о принятии им ислама, для него (Берке) обязательна религиозная война (с Хулагу), т.к. он, вступив в религию ислама, должен воевать с неверными... Отправил он к нему это (послание) с одним из аланских торговцев. Получен был впоследствии ответ его»⁴. Вероятнее всего этим первым шагом Бейбарса объясняется доверие Берке, приказавшего золотоордынским отрядам двинуться в Египет. Дело в том, что при покорении Ирана и Ирака монголами отряды золотоордынцев сражались в составе войск Хулагу. Однако скоро между Берке и Хулагу начались распри из-за распределения добычи и спорных территорий. После возникшего конфликта Берке счел необходимым отозвать свои войска. Берке предписал своим полководцам: если окажется невозможным увести войска назад в Золотую Орду, то перебраться в Египет, с которым в то время уже устанавливались дружественные отношения и на неплохой прием со стороны которого он мог рассчитывать. Первые золотоордынские войска, покинувшие территорию Хулагуидов, прибыли в Египет в 1262–1263 гг. Золотоордынские отряды продолжали приходить в Египет и в последующие годы. Руки ад-Дин Байбарс пишет, что в 1263 г. «прибыл (в Египет) большой отряд татар, искавших убежища и пожелавших принять ислам. То была толпа более чем в 1000 душ»⁵. Об этом же сообщает Гальперин Дж.: «При Бейбарсе в 1262 г. прибыло 200 конных монголов, в 1263 г. – более 1300 и еще больше в 1264 г. В правление Бейбарса в Египет прибыли, в общей сложности, 3000 монголов. После этого приток монголов существенно замедлился»⁶. Египетский султан и вправду оказал прибывшим золотоордынским войскам самый радушный прием: он отдал приказ собственным заместителям снабдить их всем необходимым и привести в Каир, куда отправился и сам для их встречи. Золотоордынцы были поселены в домах, специально выделенных для них; султан одарил их почтенными одеждами, лошадьми и деньгами, отвел для содержания прибывших земельные владения; военачальников сделал эмирами, а всех иных включил в «бахриев». Султан тщательно расспросил прибывших о положении дел в Золотой Орде и пришел к заключению, что настало время выслать к правителю Берке официальное посольство. Сопровождать собственных послов он отправил двух золотоордынцев, которые, будучи знакомы с местностью, могли бы служить проводниками. При этом султан Бейбарс преследовал еще одну цель: как свидетели они обязаны были поведать Берке о состоянии египетских войск, их силе и как гостеприимно приняты были в Египте золотоордынские отряды.

В 1262 г. султан Бейбарс отправил к правителю Золотой Орды Берке посольство, которое тепло было принято в столице Золотой Орды. Со слов личного секретаря мамлюкского правителя Ибн Абд аз-Захира Бейбарс подстрекал Берке против Халагу, возбуждая между ними вражду и ненависть. Бейбарс дал понять Берке, что он считает ильхана Хулагу врагом ислама и готов совместными силами разгромить его наголову⁷. А уже в 1263 г. в Египет прибыли послы Берке. При них было письмо от Берке, где сообщалось о принятии лично им ислама и перечислялись имена татарских домов, принявших ислам. Берке сообщал также о своей борьбе с мятежником Хулагу, не верующего в Аллаха⁸. Словом, на этом этапе переговоров султан Бейбарс и Берке нашли общий язык. Между Египтом и Дешт-и Кипчаком со времени султана Бейбарса в течение всего периода правления бахритских мамлюков и позднее, до середины XV в., поддерживались дружественные отношения. В течение двух столетий Каир и Сарай обменялись примерно пятьюдесятью посольствами: сорок из

³ См.: СМИЗО. Т. I. С. 379, 506–507; СМИЗО. Т. II. С. 16.

⁴ СМИЗО. Т. I. С. 98.

⁵ Там же. С. 100–101.

⁶ Гальперин Дж. Кыпчакский фактор: Ильхана, мамлюки и Айн-Джалут // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.6. Золотоордынское время: Сборник научных трудов. Донецк, 2008. С. 396; см. также: Семенова Л.А. Салах ад- Дин и мамлюки в Египте. М., 1966. С. 54.

⁷ СМИЗО. Т. I. С. 46–64.

⁸ Там же. С. 98–99.

них приходилось на сто лет владычества бахритских мамлюков, в том числе восемь – на время правления султана Руки ад-Дина Бейбарса (1260–1277 гг.) и десять – на время правления султана ал-Мелик ан-Насира в Египте и хана Узбека (1313–1340 гг.) в Золотой Орде⁹. И это не случайно. В период правления султана Бейбарса Египет вел активные военные действия против хулагуидов и крестоносцев. Египетский султан в сложившихся условиях, развивая активную дипломатическую деятельность, стремился скоординировать свои действия с Золотоордынским правителем. Военные потери требовали постоянного пополнения рядов мамлюков рабами, поставляемыми в Египет с территории Золотой Орды. В период же правления египетского султана аль-Мелик ан-Насира в Золотой Орде ханом был Узбек (1313–1340 гг.), который крутыми мерами вводил ислам в своем государстве. Узбек-хан и его мусульманское окружение видели в египетском султана высшего представителя правоверия. Так, например, Шихабуддин ан-Нувайри сообщает, что Узбек-хан прислал в 1314 г. посольство к ал-Мелик ан-Насиру с поздравлением его с распространением ислама от Китая до крайних пределов западных стран. Узбек-хан извещал султана о распространении в своем владении ислама, об избиении и пленении отказавшихся от принятия ислама¹⁰. Весьма важным событием в этих сношениях было стремление и египетского султана, и Узбек-хана породниться между собой, что и закончилось браком ан-Насира с племянницей Узбек-хана в 1320 г.¹¹ Правда, султан очень скоро развелся с нею.

Следует остановиться на факторах, вызвавших столь длительный и тесный альянс между двумя странами. Предлогов для такого союза было более чем достаточно.

Вражда к общему врагу – Ирану хулагуидов, вот что было одной из главных обстоятельств и стимулов данных государств к дружбе. Оживленные дипломатические отношения между Египтом и Золотой Ордой совпали с активизацией боевых действий Берке против Хулагу и большой победой золотоордынских войск. Победа Берке послужила подтверждением того, какого могущественного союзника мамлюки могут иметь в лице золотоордынского правителя и стимулировала, таким образом, тесное сближение Египта с Золотой Ордой. В сложившейся обстановке вполне понятны стремления правителей Египта, постоянно сталкивавшихся с хулагуидами в Сирии, поддерживать дружеские отношения и военный союз с Золотой Ордой против хулагуидского Ирана. Учитывая, что золотоордынские войска сковывали значительную часть войск ильхана, египетские султаны, с одной стороны, стремились координировать свои действия с Золотой Ордой против хулагуидского Ирана. С другой стороны – рассчитывали взаимно ослабить оба эти государства, натравливая их друг на друга, ибо чрезмерное усиление нового союзника за счет окончательного разгрома хулагуидов не отвечало бы интересам Египта. Египетские султаны опасались усиления Золотой Орды в случае присоединения к ее владениям хулагуидских территорий, т.к. пограничить с таким соседом было бы очень опасно для Египта. В свою очередь, правители Золотой Орды были заинтересованы в том, чтобы мамлюкские войска сковывали часть хулагуидских войск в Сирии и Палестине, отвлекая их от боевых действий на севере. Поэтому практически во всех посланиях, как правило, содержались подстрекательства к «священной войне». Египетские султаны, для разжигания войны Золотой Орды с хулагуидским Ираном подстрекали золотоордынских правителей к походу против хулагуидов с конкретной целью отвлечения ильханских войск от Сирии. Золотоордынские ханы же в своих посланиях уверяли в приверженности исламу и готовности сражаться против хулагуидов. В некоторых посланиях золотоордынских ханов звучали не только призывы, но даже просьбы конкретного участия мамлюков в походе против хулагуидов¹².

Как отмечают исследователи, языковая общность и общность культурных традиций тюркского населения Золотой Орды и мамлюков Египта, выходцев из Дешт-и Кипчака, еще сохранялась. Поэтому мамлюки хотели иметь тесные связи со своей прежней родиной, откуда продолжал бы прибывать в Египет как свободные их сородичи, так и купленные там пленные рабы для пополнения мамлюкских войск. В свою очередь работорговля для Золотой Орды оставалась выгодной статьей дохода. Для Золотой Орды в становлении мамлюкско-золотоордынских связей немаловажное значение имел фактор международного признания и значения. Мамлюкский Египет к рассматриваемому времени существенно окреп и упрочил свое международное положение. Золотая Орда еще лишь выходила на международную арену как самостоятельное от Большого хана Монголии государство. При правлении Берке улус Джучи так окреп как независимое от хана Монголии государство, что мог уже вести

⁹ Амин аль-Холи. Указ.соч. С. 15; СМАЗО. Т. I. С. 265–268.

¹⁰ СМАЗО. Т. I. С. 163.

¹¹ Там же. С. 167–170.

¹² Там же. С. 98–105, 152–154.

практически полностью самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику. В этих условиях дипломатические шаги демонстрировали самостоятельность государства Золотой Орды в проведении собственной, в собственных же интересах внешней политики. Итогом упомянутых процессов и явилось установление дружбы с Египтом.

Подходящим обстоятельством, облегчившим первые шаги к сближению Египта с Золотой Ордой, было принятие ислама золотоордынским правителем Берке. Принятие Берке ислама имело принципиальное значение для внутри- и внешнеполитической деятельности Золотой Орды. Берке стремился укрепить собственный престиж в только что организованном большом государстве, значительная часть народонаселения которого уже были мусульманами. Но его следует объяснять не только с суждениями внутренней политики. Если взять во внимание роль религии в жизни средневековых стран (особенно мусульманских стран Ближнего и Среднего Востока) становится ясной стремление правителя Золотой Орды утвердиться в исламском мире. С этой же целью связана грамогласная декларация Берке о принятии ислама, которую он осуществлял методом посылки посольств с соответствующей информацией. Здесь уместно вспомнить, что в период правления Берке и первых его преемников ислам еще не стал официальной религией Золотой Орды. Ей только предстояло превратиться в мусульманское государство и стать одной из ведущих сил в исламском мире. Учитывая, что мамлюкский Египет к рассматриваемому времени превратился в центр исламского мира, где к тому же находился халиф, вполне возможно предположить, что в складывании дружественных отношений с Египтом религиозные соображения для Золотой Орды все-таки не были последними. Ибо в союзе с Египтом Золотая Орда могла рассчитывать на поддержку мусульман и положение в исламском мире. Поэтому в дипломатических посланиях Золотой Орды с Египтом далеко не случайно идеологическое обоснование союза двух стран, одинаковым образом выдвигавшееся с обеих сторон. Обе договаривающиеся стороны постоянно подчеркивали в собственных посланиях свою верность идеям ислама, произносили слова о «священной войне» против неверных, т.е. в данном случае против хулагуидов. Может даже создаться впечатление, будто вся внешняя политика мамлюков Египта и ханов Золотой Орды определялась только религиозными соображениями. Однако в действительности союз двух государств диктовался не одними лишь религиозными побуждениями, но и мотивами, весьма далекими от религии. В сложившейся к тому времени геополитической ситуации и мамлюкский Египет, и Золотая Орда нуждались друг в друге в качестве стратегического союзника. У них были общие враги и недруги: вступив в противоборство с государством Хулагу, оба государства тем самым выступили одновременно и противниками православной Византии, католических стран Запада, их крестоносных владений на Ближнем Востоке. Религиозные же соображения служили идеологическим обоснованием союза Египта и Золотой Орды. Именно обоснованием, а не прикрытием, ибо нельзя не учитывать, что в ту эпоху политическая жизнь тесно переплеталась с вопросами религиозной идеологии и рассматривать их раздельно невозможно.

Дипломатические взаимоотношения между Египтом и Золотой Ордой, вызванные внешнеполитическими задачами, стоявшими перед обоими государствами, обусловили тесные торгово-экономические и культурные связи двух стран.

Большое значение в отношениях между Золотой Ордой и Мамлюкским султанатом имели активные торгово-экономические связи. Следует отметить, что торговля Золотой Орды с Египтом велась уже в ходе переговоров Бейбарса и Берке, судя по тому, что одно из своих писем египетский султан отправил Берке из Каира с одним из находившихся там аланских купцов¹³. Установление дипломатических связей Золотой Орды с Египтом, несмотря на некоторые противодействия Византии, стимулировало торговлю Золотой Орды со Средиземноморьем. Известны тесные связи обоих Сараев и других городов Поволжья с Крымом, Азаком и через них с Причерноморьем и Средиземноморьем — через эти города вывозили, в частности, рабов¹⁴. При вторжении монголов в Дешт-и Кыпчаке было захвачено в плен много тюрок, которые были проданы в рабство купцам, поспешившим за живым товаром из Сирии и Египта. О работорговле между Золотой Ордой и Мамлюкским султанатом подробно сообщает множество восточных и западных источников¹⁵. Источники подчеркивают, что египетские султаны из мамлюков «чувствовали склонность к своим родичам»¹⁶. Поэтому они стреми-

¹³ СМИЗО. Т. I. С. 55.

¹⁴ Карпов С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XIV вв. М., 1990. С. 166–167; Амин аль-Холи. Связи между Нилом и Волгой в XIII–XIV вв. С. 11, 35.

¹⁵ СМИЗО. Т. I. С. 232, 234, 513.

¹⁶ Там же. С. 232.

лись как можно больше закупить рабов кипчакского происхождения и заселить ими Египет, чтобы включить их в мамлюкское войско.

Султаны Египта, заботясь о процветании работорговли, гарантировали купцам неприкосновенность имущества. Когда все же складывалась тревожная политическая ситуация, купцов отправляли в безопасное место. Свидетельством прочных торговых связей между Золотой Ордой и Мамлюкским султанатом может служить тот факт, что грамоты с тугрой султана, освобождавшие отправлявшихся в Золотую Орду купцов от пошлин на товары, сохраняли силу и в дружественной стране – Улусе-Джучи¹⁷.

В период правления Джанибека ханская власть стала препятствовать развитию давних торговых связей Золотой Орды с Египтом, ранее активно поддерживавшихся золотоордынскими ханами. Так называемая «Биография султана ал-Мелик ан-Насира» сообщает, что Джанибек сразу по вступлении на престол наряду с другими распоряжениями «приказал не возить (более) рабов в Египет»¹⁸. Естественно, такая политика ханской администрации способствовала, если не полному прекращению торговых связей Золотой Орды с Мамлюкским султанатом, то значительному их сокращению. Торговля рабами была весьма прибыльной, она приносила гораздо больший доход, чем торговля иными товарами.

Из источников видно, что египетские послы, приезжавшие в Золотую Орду, при отъезде покупали множество рабов для продажи у себя. Этой торговлей занимались также золотоордынские послы, отправлявшиеся к египетскому султану для ведения дипломатических переговоров. Они отвозили с собой в Египет большое количество рабов и там их продавали. Из материалов видно, что в период господства золотоордынских ханов, купля-продажа рабов имела широкое распространение на подвластной им территории. Это объясняется затруднительным материальным положением населения, которое в трудные для него моменты, в особенности, во время уплаты налогов, было вынуждено продавать своих детей. Бывали случаи, когда золотоордынские ханы, подозревая в чем-либо «ненадежного» человека, конфисковывали его имущество, а детей его продавали. Многие из этих рабов доставлялись в Египет, с которым золотоордынские ханы держали постоянную связь по морю¹⁹.

Наиболее сильная и крепкая молодежь из числа рабов направлялась в войска египетских государей. В Египте особо ценили молодых тюрок из Дешт-и Кыпчака. «Тюрки этих стран... [один] из лучших родов Тюркских по своей добросовестности, храбрости, избеганию обмана, совершенству своих станов, красоте фигур и благородству своих характеров, – пишет ал-Омари. – Из них [состоит] большая часть войска египетского, ибо от них [происходят] султаны и эмиры его [Египта]»²⁰. При правлении мамлюкских султанов гвардия мамлюков в Египте превратилась в привилегированную военную корпорацию, пополнявшуюся в основном путем покупки кыпчаков, а также черкесов, грузин, греков из золотоордынских провинций. Иноземное происхождение мамлюков делало их совершенно чуждыми населению Египта, а потому особенно преданными интересам мамлюкских военачальников. У египетских султанов были тысячи мамлюков. Султан Калаун имел их в количестве 12 тысяч. Его сын ан-Насир, судя по рассказам, приведенным в хрониках, тоже купил 12 тысяч мамлюков. В исторических хрониках сохранилось много свидетельств того, как горячо жаждали в Египте получить в дар от ордынских ханов невольников и невольниц. Во время встречи ан-Насира с послами северных татар, прибывшими для переговоров о войне с хулагуидами, ан-Насир обратился к послу со словами: «Приветствуй моего двоюродного брата и скажи ему: пришли мне красивых невольниц и невольников кипчаков»²¹.

Связи мамлюков Египта и Золотой Орды не ограничивались одними лишь официальными посольствами и торгово-экономическими отношениями. Исследователи, описывая связи мамлюков Египта с Золотой Ордой наряду с политическими и экономическими отмечают культурное, духовное сближение двух стран, увеличение контингента прибывающих по разным причинам из Золотой Орды в Египет и наоборот²². С расширением связи Золотой Орды с богатыми рынками мусульманского Востока оттуда прибывали купцы, разные ремесленники. Связи между Египтом и Золотой Ордой создали

¹⁷ Амин аль-Холи. Связи между Нилом и Волгой в XIII–XIV вв. С. 18.

¹⁸ СМИЗО. Т. I. С. 263.

¹⁹ Али-заде А.А. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана в XIII–XIV вв. Баку: Изд-во АН Азербайджанской ССР, 1956. С. 316.

²⁰ СМИЗО. Т. I. С. 231.

²¹ Амин аль-Холи. Связи между Нилом и волгой в XIII–XIV вв. С. 17.

²² См.: Амин аль-Холи. Указ. соч.; Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.). М., 1966; Гальперин Дж. Указ. соч.; Будаев Н.М. Западные тюрки в странах Востока. М., 2006; Сайфетдинова Э.Г. Между Волгой и Нилом: диалог цивилизаций // История России и Татарстана: итоги и перспективы энциклопедических исследований: Сборник статей итоговой научно-практической конференции (г. Казань, 24–25 марта 2011 г.). Вып. 3. Казань, 2011. С. 8–11.

благоприятные условия для проникновения духовного наследия мусульманского Востока не территорию Улуса Джучи. В Золотую Орду приезжали художники, литераторы, ученые и другие представители мусульманской интеллигенции. Из Золотой Орды в Египет также направлялись люди по разным делам, в частности связанным с торгово-экономической деятельностью. Многие представители тюркской литературы золотоордынского периода по тем или иным причинам переехали в Египет и там продолжали свою творческую и общественную деятельность. Многие поэты и писатели того времени в этом регионе были выходцами из южнорусских степей, и на этом фундаменте в Египте, Сирии развивалась половецкая (тюркская) культура. Связывают это не только тем, что в Египте правили мамлюки, но и с тесными дипломатическими, политическими и культурными связями с далекой родиной, где располагалась тогда Золотая Орда. Численность мамлюков в Египте непрерывно пополнялась рабами, по преимуществу кипчакского происхождения, вывезенными из территории подвластных Золотой Орде. Преуспевающие мамлюки вызывали к себе родных и близких, по мере сил выдвигали их, помогали получить высокие посты²³. Ф.И. Успенский, отмечая отношение правящей в Египте династии к родственным по языку и происхождению тюркским племенам, занимавшим обширные пространства в тогдашней Золотой Орде пишет, что те находили «радужный прием среди своих влиятельных родичей... Цари из мамлюков чувствовали расположение к своим родичам и заботились об увеличении их числа» в Египте²⁴. Таким образом, в Египет прибывали как рабы, так и свободные люди из территории, попавших под власть Золотой Орды. Последних было так много, что их пребывание в стране оставило заметный след в истории Египта. Некоторые следы их пребывания и относительной самостоятельности сохранились, в частности, в наименовании одного из каирских кварталов под названием «Орду» – татарский лагерь²⁵.

Итак, благодаря установлению дипломатических отношений между Египтом и Золотой Ордой складываются дружественные отношения. Союз двух государств, обусловленный многими факторами, выдержал проверку временем: и та, и другая сторона своими внешнеполитическими успехами во многом обязаны этому альянсу. Помимо военных действий, Египет, выполняя союзнический долг, защищал интересы Золотой Орды и в отношениях с державами Средиземноморья, включая Францию, итальянские торговые республики и государства крестоносцев. Дипломатические взаимоотношения обусловили не только военные, но и тесные политические, экономические и культурные связи Египта и Золотой Орды, которые оставались стратегическими союзниками на международной арене вплоть до конца XV в.

²³ Амин аль-Холи. Указ.соч. С. 11.

²⁴ Успенский Ф.И. Византийские историки о монголах и египетских мамлюках // Византийский Временник. Т. XXIV. 1926. С. 15.

²⁵ Амин аль-Холи. Указ.соч. С. 11–12.

Р.Б. Шайхисламов, Т.Р. Шайхисламов

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА МАМЛЮКСКОГО ЕГИПТА: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

R.B. Shaikhislamov, T.R. Shaikhislamov

RESEARCH ON HISTORY OF CULTURE AND ART IN MAMELUKE EGYPT: HISTORIOGRAPHIC REVIEW

Аннотация: Статья посвящена анализу научных работ по истории культуры и искусства Египта XIII – XIV вв. Показывается вклад отечественных и зарубежных исследователей нескольких поколений в изучение названной проблемы. Раскрываются наиболее и наименее исследованные аспекты историографии развития культуры и искусства Египта периода правления мамлюков.

Abstract: The article is devoted to the analysis of scientific papers on history of culture and art in Egypt in the XIII–XIV th cc. Shown is the contribution of Russian and foreign researchers of several generations into the study of the problem above. Revealed are the most and the least investigated aspects of historiography of the culture and art development in Egypt in the period of Mamelukes rule.

Ключевые слова: Египет, мамлюки, культура, искусство, арабы, ислам.

Key words: Egypt, Mamelukes, culture, art, Arabs, Islam.

В истории мировой культуры Египту принадлежит особое, выдающееся место. В художественном творчестве мамлюкский Египет дал средневековому миру высокие образы литературы и искусства, которые отличались благородным изяществом форм, образным видением мысли, утонченностью эстетического мышления, глубиной философской мысли. По силе выразительности и глубокой одухотворенности мамлюкский Египет во многом опережал культурное развитие многих стран Востока и Западной Европы. Прямой наследник арабо-мусульманской культуры классического периода, мамлюкский Египет XIII–XV вв., оставался центром этой своеобразной и воистину блестящей культуры, воздействуя на многие соседние страны и народы. Поэтому история развития культуры и искусства мамлюкского Египта остается одним из объектов пристального внимания исторической науки.

В период бурного развития востоковедения во второй половине XIX – начале XX в. появились публикации, положившие начало изучению средневековой исламской культуры. Среди этих первых публикаций выделяются работы А. Мюллера, И. Гаури, Вейс Герман, В. Андреевского, К. Вёрман, А.Е. Крымского и др.¹ Для изучения истории культуры средневекового Египта особенно большое значение имеют «краткие очерки орнаментных стилей по Овен-Джонсу, Расине, Де Комону, Перро и Шенье и пр. Перевод Г.Г. Павелко. С приложением краткого объяснения архитектурных стилей, составленного С.У. Соловьевым, содержащие описания арабских орнаментов каирских мечетей.

Авторы отмечают, что «мечети Каира считаются в числе самых красивых зданий в мире. Они замечательны как по величию и простоте своих общих форм, так и по изяществу и утонченности, проглядывающим в украшении этих форм» – это изящество орнаментации². Очерк Х.А. Гибб «Арабская литература» хронологически охватывает всю историю арабской литературы с древнейших времен. Главное внимание Х.А. Гибб уделяет истории поэзии и художественной прозы. В другой работе – «Мусульманская историография», Х.А. Гибб знакомит с богатейшей исторической литературой на арабском языке. Истории поэзии художественной прозы эпохи мамлюков в Египте автор выделил в своем очерке целую главу (Гл. VII) . Работа Х.А. Гибб, вышедшая на английском языке в 1926 г. в Лондоне, была издана в нашей стране в 1960 г. и 1980 г.³

Замечательный востоковед В.В. Бартольд подверг исследованию историю важнейших сторон культуры мусульманского мира⁴. В первом десятилетии XX в. наиболее плодотворными для изучения истории культуры и искусства средневекового Востока оказались исследования В.Н. Белявского, Ф. Банистер, П.П. Гнедич⁵. Так, профессор Ф. Банистер будучи профессиональным архитектором детально проанализировал образцы и детали мусульманского зодчества в Египте⁶.

До 1950-х годов крупных работ по истории культуры и искусства стран Ближнего Востока в отечественной историографии практически нет. Значимыми работами за этот период являются труды трех авторов: Н.П. Кондакова (очерки по истории средневекового искусства и культуры), Кази-Ахмеда (трактат о каллиграфиях и художниках), Кверфельта (о керамике Ближнего Востока)⁷ и Всеобщая история искусств» М.В. Алпатова, состоящая из трех томов⁸. Самым значительным вкладом в обла-

¹ Мюллер А. История ислама с основания до новейших времен. СПб., 1895; Гаури И. Ислам в его влиянии на жизнь его последователей. Ташкент, 1893; Герман Вейс . История материальной культуры. М., 2012. С. 234–365, 391–444, 1661–1676, 1703–1757, 1749; Андреевский В. Египет. Александрия, Каир, его окрестности, Саккара и берега Нила до первых порогов. – СПб., 1902. С.46–66; Вёрман К. История искусства всех времен и народов. М., 2012. Т.1; Крымский А.Е. История арабов. Их халифат, их дальнейшие судьбы и краткий очерк арабской литературы. М., 1903.

² Краткие очерки орнаментных стилей по Овен-Джонсу, Расине, Де-Комону, Перро и Шенье и пр. / пер. Г.Г. Павелко. С приложением краткого объяснения архитектурных стилей, составленного С.У. Соловьевым / под ред. Ф.Ф. Львова. М., 1889. С.41.

³ Гибб Х.А. Арабская литература. Классический период. М., 2012. С. 99–104.

⁴ Бартольд В.В. Ислам. П., 1918; Соч. М.: Наука, 1966. Т.IV. С.81–138; Бартольд В.В. Культура мусульманства. П., 1918; Соч. М.: Наука, 1966. Т. VI. С. 143–204; Бартольд В.В. Мусульманский мир. П., 1922. Соч. М.: Наука, 1966. Т. VI. С.207–297; Бартольд В.В. Ориентировка первых мусульманских мечетей. Соч. М.: Наука, 1966. Т. VI. С.537–542.

⁵ Гнедич П.П. История искусств. Живопись. Скульптура. Архитектур. М., 2012.

⁶ Банистер Ф. История архитектуры, составленная по сравнительному методу. Выпуск III. Архитектура Возрождения в Западной Европе и архитектурные стили Востока. СПб., 1914. С. 653–655.

⁷ Кондаков Н.П. Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага, 1929; Кази-Ахмед. Трактат о каллиграфиях и художниках. М.; Л., 1947; Кверфельт Э.К. Керамика Ближнего Востока. Л., 1947.

⁸ Алпатов М.В. Всеобщая история искусств. М., 1948–1949. Т. 1–3.

сти исследований исламской культуры (в том числе и Египетской) в 1950–1960-х годах был выход в свет монументальных многотомных трудов «Всемирная история», «Всеобщая история архитектуры», «Всеобщая история искусств» и «Истории искусства зарубежных стран», в которых есть главы по истории и культуре мамлюкского Египта XIII–XIV вв.⁹ С 1962 года продолжался выпуск пятитомной энциклопедии «Искусство стран народов и мира...». Энциклопедия представляет собой универсальный по типу справочник, который комплексно освещает вопросы архитектуры, градостроительства, живописи, скульптуры, графики, декоративно-прикладного искусства. Средневековому Египту в этой энциклопедии посвящен 1-й том¹⁰. Последующие обобщающие работы подобного рода и содержания появились в 2001, 2003 гг.¹¹ Появление обобщающих исследований способствовало изучению различных аспектов и сторон этой сложной проблемы. В последующие десятилетия отечественными исследователями Б.В. Веймарн, Т.П. Каптерева, А. Подольской, Э. Гомбрих и др. были плодотворно исследованы многие сферы развития культуры и искусства изучаемого арабского региона¹². Достаточно полное описание нашли в исследованиях вопросы развития городов арабских стран, городской жизни и культуры¹³. Так, Л.В. Ворониной дана всесторонняя характеристика арабских городов в границах VII–XVI вв., особое внимание уделено фортификации и водоснабжению, обрисована типология жилых, культовых и общественных зданий арабского города. Проблемы арабской рукописной традиции нашли освещение в исследовании А.Б. Халидова и коллективной работе, опубликованной в 1978 г.¹⁴

Последние десятилетия классического искусства и сокровища культурного наследия стран ислама изучены Б.В. Веймарн, Т.Х. Стародуб; описания художественных памятников, представленные Е.П. Борзовой и А.В. Никоновым и др. Архитектура, изобразительное искусство, развитие орнамента и каллиграфии в арабском искусстве подробно представлено в книге Т.Х. Стародуб. Её книга посвящена развитию средневекового искусства исламского мира. Автор показывает своеобразие эстетических представлений и достижений исламского мира, раскрывает их гуманистический характер, знакомит с историей возникновения и развития искусства, определяемого в целом как исламское в его различных проявлениях¹⁵.

История развития культуры и искусства с различной степенью представлена в общих работах по истории стран Ближнего Востока и мамлюков Египта¹⁶.

⁹ Всемирная история в десяти томах. М., 1957. Т.3.; Всеобщая история архитектуры / ред. Б.П. Михайлов. М., 1958. Т.1. Гл. XI. Всеобщая история искусств: В 6 т. М., 1961. Т.2. Кн.2. С.9–53; История искусства зарубежных стран / ред. В. Раздольская, Ц. Нессельштраус, А. Чубова. М., 1962. Т. II.

¹⁰ Искусство стран и народов мира. Краткая художественная энциклопедия / ред. Б. Виппер, Б.В. Иогансон. М., 1962. Т.1.

¹¹ История искусства: К 250-летию Академии художеств. В 2-х т. М., 2001. Т.1; История искусства зарубежных стран. Средние века, Возрождение / ред. С. Нессельштраус. М., 2003.

¹² Подольская А. Искусство арабских народов (средневековый период). М., 1960; Веймарн Б.В. Искусство арабских стран и Ирана VII–XVII веков. М., 1974; Гомбрих Э. История искусства / пер. с англ. В. Крючкова, М. Майская. М., 1998. Каптерева Т.П., Виноградова Н.А. Искусство средневекового Востока. М., 1989; Красная книга культуры / под ред. В. Рабиновича. М., 1989.

¹³ Олдридж Дж. Каир. Биография. М., 1979; Воронина В.Л. Средневековый город арабских стран. М., 1991.

¹⁴ Халидов А.Б. Арабские рукописи и арабская рукописная традиция. М., 1985. Каир: тысячелетие города, 1969–1969 гг. Каир, 1969.

¹⁵ Веймарн Б.В. Классическое искусство стран Ислама. М., 2002; Стародуб Т.Х. Исламский мир. Художественная культура VII–XVII веков. Архитектура. Изображение. Орнамент. Каллиграфия. М., 2010; Борзова Е.П., Никонов А.В. История мировой культуры в художественных комментариях. СПб., 2010. С. 119–129; Стародуб Т. Х. Сокровища исламской архитектуры. М., 2004.

¹⁶ Зеленов Е.И. Египет. Средние века. Новое время. СПб., 1999. С. 125–158; Он же. Египет. СПб., 2004; Он же. Мусульманский Египет. СПб., 2007. С. 126–166; Он же. Египет. Средние века. Новое время. С. 128; Там же. С. 163. Всемирная история. Энциклопедия. М., 1957. Т. 3. Ч. III. Гл. XXII.; Ч. IV. Гл. XLVI.; История Востока. М., 1974. Т. 2. Гл. V., Т. 2. М., 1995.; История Востока: В 6 т. Т. 2: Восток в средние века (5-е издание). М., 2009. Гл. 5.; История стран Азии и Африки в средние века. М., 1968, 1987; Луцкий В.Б. Новая история арабских стран. М., 1965.; Коренчук Е.Г. История арабских народов Ближнего Востока. М., 1988.; Васильев Л.С. История Востока. М., 1993. Т. 1. Гл. 3. С. 146–150.; Он же. История Востока. М., 2001. Т. 1; Коновалова И.Г. Средневековый Восток. М., 2008.; Хааг М. История Египта. М., 2009; Ерасов Б.С. Культура, религия и цивилизация на Востоке. М., 1990.; Большаков О.Г. Средневековый арабский город // Очерки истории арабской культуры V–XV вв. М., 1982. С. 156–214.; Он же. Средневековый город Ближнего Востока. М., 1984.; Фильштинский И.Ю. История арабской литературы (X–XVIII вв.). М., 1991.

Историография развития культуры и искусства Египта в XIII–XIV вв. представлена зарубежными исследованиями: о знаменитых мамлюкских медресе и исламской архитектуре Каира; о покровительстве мамлюков наукам, литературе и искусству и т.д.¹⁷ Вопросы египетской средневековой культуры нашли достойное место в арабской историографии¹⁸.

Таким образом, изучение сложной и многогранной проблемы истории культуры мамлюкского Египта осуществлено многими отечественными и зарубежными исследователями нескольких поколений. Но необходимо отметить, до сих пор нет в историографии специальных работ, раскрывающих целиком и полностью все аспекты культуры средневекового Египта, что значительно затрудняет исследование многих вопросов данной проблемы.

¹⁷Andrew Beattie. Cairo: a culture history-New York:Oxford University -Press, 2004;Doris Behrens-Abouseihr. Islamic architecture in Cairo: an introduction- heiden; New York: E.J. Brill, 1992,1989;Andre Raymond. Cairo. Cambridge, mass: Harward University. Press,2000; Richard Geomans. The art and architecture of islamic Cairo- American University in Cairo, Press, 2006. 274 с.; Doris Behrens-Abouseihr. The minarets of Cairo. Cairo, 1985. 203 p.;Gaston Wiet. The mosques of Cairo. Paris:Hachette, 1966. 111 p.;.Abdallah Kahil. The sultan Hasan complex in Cairo, 1357-1364: a case study in the formation of Mamluk style. Wuzburg:Ergon in commission; Beirut Orient- institut, Beirut, 2008. 403 p.;Caroline williams. Islamic monuments in Cairo:the practical guide- American university in Cairo Press, 2008. 289 p.;Salah Ahmed el-banasi. L'art mamelouk:splendeur et magie des sultans- Museum with no frontiers, Egypt, 2001. 235 p.;Tariq Wali. Madrasat al- Sultan Hasan:al-Qahira al-mahrusah. al-Qahirah:markaz tariq Wali-al Imarah wa-al-Turah, 1996. 63 p.;Doris Behrens-Abouseihr. Cairo of the mamluks: London, IB touris, 2007: a history of architecture.;Hayat Nasir Hajji. The internal Abbarc in Egypt during the reign Sultan Al-nasir Muhammad B.Qalaraun, 709-741/ 1309-1341. Kuwait university, 2000. 339 p.;Robert Irrein. The middle East in the Middle ages: The early mamluk sultanat, 1250-1382. Croom Helm, 1986. 180 p.; Doris Behrens-Abouseihr. The Cairo heritage: essays in honor of Haila Abi Ibrahim-American university in Cairo press, 200. 340 p.; Caroline Williams. Cairo:1001 years of art and architecture. American university in Cairo press,1999; Abdallah Kahil. The sultan complex in Cairo 1357-1364: a case study in the formation of mamluk style- Ergon in Commission, 2008. 403 p.; Jim Antoniou. Historic Cairo: a walk through the islamic city. The American university in Cairo press, 1998. 112 p.; Doris Behrens-Abouseihr. Cairo of the Mamluks: a history of the architecture anol its culture- I.B. Touris,2007. 359 p.; Doris Behrens-Abouseihr The minarets of Cairo: Islamic architecture from the Arab conquest to the end of the Ottoman period. I.B. Touris, 2010. 352 p.; DorisBehrens-Abouseihr. The art of the Mamluks in Egypt and Syria: Evolution and impact. V&R unipress, Gmbh, 2012. 315 p.; Robert Hillenbranol. Islamic Architecture: Form, Function, and Meaning- Columbia University Press, 2004. 645 p.; Galila El Kadi. Architecture for the Dead: Cairo's Medieval Necropolis. American university in Cairo, Press, 2007. 302 p.; Jonatan Bloom. Mamluk art and architectural history: A review article/ Mamluk studies review. Vol.3. 1999. P. 31–58; Leonor Fernandes. Mamluk architecture and the question of patronage/ Mamluk studies review. Vol.1. 1997 P.107–120; Donald P. Little. Notes of Mamluk Madrasahs/ Mamluk studies review. Vol. 6. 2002 P.9–20; Howayda al-Harithy. The four Madrasahs in the complex of sultan Hasan (1356-61) Mamluk studies review. Vol. 11. № 2. P.49–76);Philipp Spenser. The sultan Al-Nasir Muhammad Madrasah in Cairo: Restoration and Archaeological investigation/ Mamluk studies review. Vol. 12. № 2. 2008. P.197–28. Vlad Atanasiu. Le phenomene calligraphique a l'epoque sultanan mamluk. Mogen-Orient, XIII-XVI siecle. Paris, 2003.

¹⁸ Абдел Вахаб Хасан. История старинных мечетей. Каир, 1949; Альфи Абу Салех. Мусульманское искусство, источники, философия, школа. Каир: Дар аль-маареф, 1967; Бахнаси Афиф. История искусства и архитектуры. Дамаск: аль-Матбаа аль -джадида,1971; Бахнаси Афиф.Эстетичность арабского искусства. Кувейт: Национальный комитет культуры, 1979; Джума Ибрагим. Очерки развития куфического письма. Багдад: Дар аль-факир,1969; Марзук Мухаммед Абдель Азиз. Мусульманское искусство. Каир,1959; Марзук М. А. Аль-фанн аль-ислами. Каир, 1963; Абд ал-Ваххаб Х. Джами ас-султан Хасан. Каир, 1962.

А.Г. Шайхулов, З.Ф. Шайхисламова, В.Н. Асмондьяров
**КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА КАК БАЗА ДЛЯ РАСКРЫТИЯ
ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ УРАЛО-
ПОВОЛЖЬЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ДИАЛЕКТНЫХ ЕДИНИЦ)**

A.G. Shaihulov, Z.F. Shaihislamova, V.N. Asmondyyarov
**CULTUROLOGICAL VOCABULARY AS THE BASIS FOR DISCLOSURE OF
ETHNIC AND LINGUISTIC CONTACTS TURKIC PEOPLES OF THE URAL-
VOLGA REGION (BASED ON THE DIALECT UNITS)**

Аннотация: Статья посвящена культурологической лексике, которая, по мнению авторов, является основой для раскрытия этнолингвистических контактов тюрков Урало-Поволжья. Следует также отметить, что на современном этапе развития тюркологии, по сравнению с разработкой проблем фонетики, морфологии, заметно отставание разработки методологии

ческих аспектов тюркской лексикологии вообще, культурологической, сравнительной и исторической лексикологии отдельных регионов в особенности. Недостаточно разработаны и сами методы исследования лексических единиц их семантики в плане идеографической когнитивной характеристики – наиболее сложного раздела языка.

Abstract: The article is devoted to culturological vocabulary, which, according to the authors, could be the basis for the disclosure of ethnolinguistic contacts of Turkic peoples of Volga-Ural region. It should also be noted, that at the present stage of development of Turkic studies, in comparison with the problems of phonetics, morphology, the development of methodological aspects of Turkic lexicology in general, the cultural, comparative and historical lexicology of certain regions goes much more slower. The research methods of lexical units, their semantics in ideographic cognitive characteristics (the most difficult sections of the language) is also insufficiently developed.

Ключевые слова: Культурологическая лексика, этнолингвистические контакты, диалектные единицы, когнитивные сферы, идеография.

Key words: Cultural studies vocabulary, ethno-linguistic contacts, dialectal units, cognitive spheres, ideography.

Тюркское сравнительно-историческое языкознание может гордиться тем, что оно способно воссоздать в общих чертах праязыковое состояние лексики, отдаленное несколькими тысячелетиями от наших дней. Благодаря изысканиям многих поколений отечественных и зарубежных тюркологов, современная тюркская лексикология в состоянии достаточно адекватно выявить генинный пласт словарного состава и корректно сепарировать его от разновременных субстратных и контактных (прямых и опосредованных) приобретений, реконструировать фонетическое звучание и семантику слова на разных диахронических срезах изучаемого языка и т.д. Архисложной, но увлекательной первоочередной задачей лексикологов-компаративистов является выявление генинного (исконно тюркского) пласта лексики изучаемого языка, восстановление фонетического облика и семантики на праязыковом диахроническом уровне. На следующем этапе работы следует классифицировать выявленные праязыковые слова по лексико-тематическим группам. Результаты такой работы дают в руки исследователя чрезвычайно интересные факты, которые могут быть положены в основу для создания атласа диалектов и диалектных словарей как отдельного региона, так и отдельных языков Российской Федерации в евразийском контексте.

Чрезвычайно интересны не только в сугубо лингвистическом, но и в историко-культурологическом аспекте лексические заимствования из объекта исследования в исторически контактировавшие иносистемные языки. Внешние связи языка для компаративиста не менее ценны, чем издательства письменных памятников.

Хронотопологическая стратификация заимствованной лексики, аспекты идеографической, когнитологической характеристики, этнолингвокультурологической интерпретации раскрывает панорамную картину исторических фактов предков башкир, татар и чувашей со многими народами Евразийского континента, что, в свою очередь, может указать на пути исторических миграций.

Как известно, начиная с 60–70-х годов XX века, отечественные тюркологи уделяют внимание изучению диалектов тюркских (алтайских) языков Урало-Поволжья.

В современной тюркологической науке выявлено и накоплено значительное количество материалов по лексике ряда конкретных тюркских языков того или иного региона, а также их памятников. Эти материалы могут служить основой для следующего этапа исследований и обобщений. Например, выполнен ряд исследований по животноводческой, земледельческой лексике, о табу и эвфемизмах, о терминах родства, флоре и фауне, и других отраслей ряда тюркских и алтайских языков, которые ждут своего теоретического осмысления и лингвокультурологического, идеографического, тезаурусного, корпусного и когнитологического обобщения в теоретическом плане.

Однако остается еще много неисследованных тематических и лексико-семантических групп, терминов, относящихся к различным сторонам жизни тюркских народов в прошлом и настоящем в методологическом осмыслении с позиции достижения теоретических проблем современной тюркологии и алтаистики. Сравнительно мало трудов, посвященных исследованию общих вопросов контентивной, когнитивной, идеографической и типологической тюркской, алтайской лексикологии. Современная лексикология, как и тюркологическая наука в целом, больше развивается вширь, но ей в значительной мере недостает глубины исследования. Большие задачи стоят перед тюркской и алтайской лексикологией в исследовании лексических структур как в синхронном, так и в диахроническом плане, каждый из которых, как известно, имеет свои специфические проблемы, требующие изучения лексических, а также семантических единиц в общетюркском, межтюркском и ареальном масштабах в евразийском контексте, а также в рамках каждого конкретного языка того или иного региона.

Методология как этнолингвистической, так и когнитивной характеристики апеллятивных единиц тюркских и алтайских языков требует от тюркологов широкого развертывания теоретических ис-

следований как в общетюркском, алтайском, финно-угорском плане, так и на материале конкретных тюркских языков изучаемого региона. Это имеет, как указывает известный лексиколог К.М. Мусаев, важное методологическое значение, поскольку дальнейшее планомерное описание, классификация и исследование когнитивных сфер в рамках идеографического осмысления, что определяется, на наш взгляд, методологической базой исследования и теоретическими предпосылками.

Первичные исследования семантических, когнитивных и идеографических групп слов конкретных языков послужат основой для дальнейших типологических, этнолингвокультурологических исследований при условии, что они будут проведены по единой структуре и на единой методологической основе. При исследовании, в частности, диалектных систем конкретного языка отдельно взятого региона лексических групп или семантических полей выбор семантического поля или группы зависит от цели исследования. В том случае, если поставлена задача выяснить исторические взаимоотношения данного языка с языком соседних народов в обозримом историческом прошлом, выбор падет естественно на «подвижные поля» лексики – группы слов, относящихся к миграционным терминам (названия домашней утвари, одежды, принадлежности быта, культурные термины и др.). Более древние контакты языков могут быть засвидетельствованы в названиях частей тела животных или человека (сравн. напр. использование методов Э.Р. Тенишев, Ю.Н. Караулов, В.В. Морковкин, К.М. Мусаев, Л.С. Левитская, Т.В. Гамкрелидзе, Вяч.В. Иванов, Н.Ю. Шведова, А.М. Щербак, А.В. Дыбо, О.А. Мудрак, Н. Шаймердинова, А.Г. Шайхулов, Ю.В. Нормановская, О.А. Корнилов и др.).

В частности, для разработки идеографического и когнитологического аспектов составления диалектологического атласа тюркских языков Урало-Поволжья, в данном случае башкирского языка, проблемы выделения исконно тюркского слоя лексики, в первую очередь, целесообразно.

Этнолингвокультурологические контакты между вышеуказанными тюркскими (resp. алтайскими) и другими языками с древнейших времен и до наших дней, на наш взгляд, проявляются более полно в рамках когнитивных сфер (здесь подразумевается идеографическая характеристика в рамках когнитивных сфер: **I. Природа** (Неживая, Живая); **II. Человек** (как физико-биологическое существо); **III. Общество** (человек как общественное существо); **IV. Познание** (*априори*) – сравн. В.В. Морковкин, Ю.Н. Караулов, Т.В. Гамкрелидзе, Вяч. В. Иванов, Н.Ю. Шведова, Э.Р. Тенишев, Н. Шаймердинова, О.А. Корнилов, А.Г. Шайхулов и др.). Данное явление характеризуется в виде конкретных заимствованных лексем, что подтверждается материалами, выполненными на основе многоаспектных интерпретаций языков того или иного региона.

В отношении общей лексики при фонетических и грамматических общностях в каждом конкретном случае возможны, как известно, по крайней мере, четыре предположения или гипотезы, доказательство каждой из которых почти всегда сопряжено с определенными трудностями не только чисто лингвистического порядка, но и политического, идеологического и мировоззренческого характеров. Общая лексика в языках А и В может свидетельствовать при всех фонетических и семантических сходжениях о том, что: 1) языки А и В (или группа А и В) генетически родственны, общие слова являются исконными для этих языков и унаследованы от праязыка; 2) язык А заимствовал эти слова полностью или частично у языка В; 3) язык В заимствовал эти слова полностью или частично у языка А; 4) в языки А и В эти слова вошли из языка С [Мусаев, 1984].

Теоретически все четыре гипотезы равновероятны. Трудности заключаются в доказательстве каждой из этих гипотез. Насколько трудно отличить исконные или генетически родственные слова от заимствований было отмечено А.М. Щербаком на материале общих слов алтайской семьи языков [Щербак, 1963; 1997; 2005]. Таким образом, одной из проблем, которую надо решить в процессе изучения отмеченных групп лексики тюркских языков, является проблема разграничения древних заимствованных слов от исконно родственных, а также слов, вошедших в языки из третьего источника. Особенно остро стоит эта проблема в отношениях тюркско-монгольских общностей и алтайских, урало-алтайских и евразийских ностратических языков.

Достаточно интересных сведений о древнейшем состоянии тюркских языков может дать сравнительное исследование глосс, общих для тюркских языков и их древних соседей: индоевропейско-тюркских, афразийско-тюркских, китайско-тюркских (они сильно видоизменены как в тюркских, так и в китайских и других языках), уральско-тюркских, алтайско-тюркских (включая монгольские, тунгусо-маньчжурские, палеоазиатские, корейские, японские). Исследования этих глосс относятся к разряду поисковых, где и отрицательный результат может служить научным достижением. Для решения проблем контактов языков необходимо использовать последние данные исторической и археологической науки.

Наиболее верным и испытанным методом исследования истории лексики конкретного языка представляется изучение лексики по тематическим группам и когнитивным сферам. При этом можно поставить своей целью установить природные условия, в которых проходила жизнь народа, его основные занятия, особенности хозяйства, жилища, общественно-политическое устройство, особенности древнейших верований народа. Все это проявляется в названиях предметов, понятий и явлений, относящихся к перечисленным сторонам жизни народа. Исследуя на богатом материале языка те или иные тематические группы слов следует реконструировать различные слои лексики, характеризующие его исторические взаимоотношения с другими языками, главные из них (СИГТЯ: Книга 4, 1997. С. 724–734 и др.).

Таким образом, при составлении словарей диалектных систем и их говоров, а также исторической лексики Урало-Поволжья в евразийском контексте, который составляется на базе исследования идеографической, когнитивной интерпретации языков данных народов целесообразно широко использовать не только чисто лингвистические данные исследований по другим языкам, но и, как отмечалось выше, фактологические материалы по их истории, этнографии и археологии, литературе и фольклору данного народа и других тюркских и соседних нетюркских народов исследуемого региона, т.е. по этнолингвокультурологии. Подобный труд должен носить, на наш взгляд, комплексный историко-филологический характер, в нем языковые данные должны рассматриваться в непосредственной связи с историей народа – его носителя, что позволит обосновать много интересных и ценных выводов и предложений не только лингвистического, но и исторического характера. В конечном итоге, всё выше обозначенное даст основания установить методологические аспекты составления диалектных словарей языков Урало-Поволжья (на материале башкирского, татарского, чувашского, удмуртского, марийского и мордовского языков), их исторической лексики в евразийском контексте. Это, в свою очередь, даст основу для их этнолингвокультурологической интерпретации на современном этапе.

Список использованных источников

1. Миржанова С.Ф. Южный диалект башкирского языка. М.: Наука, 1979. Серебренников Б.А. К вопросу о связи башкирского языка с венгерским. Уфа: изд-во БФ АН СССР, 1963.
2. Мусаев К.М. Лексикология тюркских языков. М.: Наука, 1984.
3. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика / отв. ред. член-корреспондент РАН Э.Р. Тенишев. М.: Наука, 1997. 799 с. (СИГТЯ: Л., 1997).
4. Шайхулов А.Г. Лексические взаимосвязи кыпчакских языков Урало-Поволжья в свете их историко-культурной общности (аспекты системно-идеографической характеристики на общетюркском фоне. Уфа: Изд-во БашГУ и Института языкознания РАН, 1999. 225 с. Шайхулов А.Г. Структура и идеографическая парадигматика односложных корневых основ в кыпчакских языках Урало-Поволжья в континууме ареальной, межтюркской и общетюркской лексики (синописис и таксономия когнитивной сферы «Природа» (неживая живая)) Уфа: Изд-во БашГУ, 2000. 490 с.
5. Щербак А.М. О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков // ВЯ. 1963. №3; Щербак А.М. Об алтайской гипотезе в языкознании // ВЯ. 1959. №6; Щербак А.М. Проблемы ротацизма и перспективы дальнейшего изучения монгольских языковых связей // СТ. 1987. №3.
6. Щербак А.М. Введение в сравнительное изучение тюркских языков. СПб.: Наука, 1994. С. 191.

А.Р. Шшккина, Ю.В. Зинькина, Л.М. Исаев

РОССИЯ И АРАБСКИЙ МИР В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ЕГИПТА, ЙЕМЕНА И СИРИИ)

A.R. Shishkina, Yu.V. Zinkina, L.M. Isaev

RUSSIA AND THE ARAB WORLD IN THE RUSSIAN LITERATURE OF THE LATE XX – EARLY XXI CENTURY (EXEMPLIFIED BY EGYPT, YEMEN AND SYRIA)

Аннотация: В докладе рассматривается освещение в современной отечественной востоковедной литературе ближневосточной политики СССР и России, на примере трех стран, игравших ключевую роль для советских, а затем и российских интересов в регионе – Египта, Сирии и Йемена. Выявляются направления, получившие наибольшее освещение в историографии, а также некоторые лакуны, дальнейшее исследование которых позволит существенно дополнить представление об образе России в регионе, новых перспективных направлениях сотрудничества, а также потенциальных рисках взаимодействия и способах их снижения.

Abstract: The paper views the way Russian historiography reflects the Middle Eastern policy of the USSR and modern Russia. Three countries, Egypt, Yemen, and Syria are taken as examples due to their crucial role for the Soviet and – later on – Russian interests in the region. The article reveals the spheres of Russian interaction with these countries which received the greatest attention of the scholars, as well as a number of lacunae, which require further research to improve our understanding on the image of Russia in the regions, the most promising directions of cooperation, as well as the potential risks and means of their prevention.

Ключевые слова: Ближний Восток, внешняя политика России, Египет, Йемен, Сирия, историография.

Key words: Middle East, Russian foreign policy, Egypt, Yemen, Syria, historiography.

Ближневосточное направление являлось одним из ключевых во внешней политике СССР и не утратило своей значимости для современной России. Изучению ближневосточной политики СССР и России в целом, взаимоотношений с отдельными странами региона, масштабов и приоритетных направлений сотрудничества посвящены многочисленные работы отечественных востоковедов – от небольших аналитических статей «на злобу дня» до фундаментальных монографий, вводящих в научный оборот сотни (а в общей сложности и тысячи) источников и документов. Накопленный объем знаний по этой проблематике заслуживает стать предметом отдельного серьезного историографического исследования; в настоящей работе сделана попытка обозначить некоторые подходы к такому исследованию. В частности, рассмотрены некоторые наиболее масштабные (как по охвату материала, так и по глубине аналитики) работы, посвященные трем ближневосточным государствам, представлявшим первостепенный стратегический интерес для СССР и продолжающих играть важнейшие роли в ближневосточной политике современной России – речь идет о Египте, Йемене и Сирии. Наше исследование направлено на то, чтобы выявить направления сотрудничества и взаимодействия – политического, экономического, культурного – СССР и России с этими странами, получившие наибольшее освещение в отечественной востоковедной историографии, а также показать некоторые лакуны, дальнейшее исследование которых позволит существенно дополнить представление об образе России в регионе, новых перспективных направлениях сотрудничества, а также потенциальных рисках взаимодействия и способах их снижения.

ЕГИПЕТ

Среди арабских стран, с которыми на протяжении своей многовековой истории Россия имела культурные, экономические, дипломатические и другие отношения, выделяется ряд государств, связи с которыми имели особое значение для нашей страны. Одна из таких стран, конечно же, Египет. В рассматриваемый период – после распада Советского Союза и до начала «арабской весны» – взаимоотношениям Москвы и Каира посвящено немало произведений – как художественной литературы, так и научных исследований.

В книге А.Б. Борисова «Арабский мир: прошлое и настоящее» [10] ключевому государству арабского мира – Египту – посвящена отдельная глава, в которой содержатся общие сведения об этой стране, рассматривается политическая и экономическая эволюция Египта, а также анализируются процессы адаптации египетской политической элиты к современным условиям. Борисов также уделяет внимание культурным связям между двумя странами.

М.Л. Богданов, экс-посол РФ в Каире, в статье «Российско-египетские отношения на рубеже веков» [9], приуроченной к 70-летию установления дипломатических отношений между Москвой и Каиром, указывает на факторы (прежде всего политические), приведшие к кризису и спаду в двусторонних отношениях – «холодная война», конкуренция с динамично развивавшимися странами Запада, распад СССР и т.п. Тем не менее Россия и Египет сохранили общий потенциал соразвития.

М.Ф. Видясова и М.Ш. Умеров подчеркивают, что поворот Египта на рельсы нелиберальных экономических реформ произошел на фоне такого излома истории, как распад Организации Варшавского договора, который заставил экономистов и политиков стран «третьего мира» переосмыслить свои взгляды и отдать предпочтение прозападной ориентации [13].

Период XIX – начала XX века стал «незабываемым» в истории российско-египетских отношений, поскольку в то время Египет посетили все без исключения послы России, аккредитованные тогда в Османской империи, что свидетельствует об обширности дипломатических связей.

Статья «Российско-египетские отношения: история и современность» [20] П.Н. Мамед-заде посвящена динамике развития отношений между Египтом и Россией в период второй половины XX – начала XXI века в различных аспектах двустороннего сотрудничества: взаимодействие в политичес-

кой, экономической, культурной сферах, а также совместные усилия по поддержанию мира и безопасности на международной арене.

А.О. Филоник в статье «Египет: в тисках экополитики» [27] рассматривает вопрос о слиянии торговой и экологической политики на глобальном уровне как характерной черте современного глобализованного мира. Египет в этом контексте становится примером, показывающим, что экологическая проблематика важна не только сама по себе, она становится своего рода системообразующим элементом современной общественно-политической жизни.

Культурному взаимодействию России и Египта посвящена также и диссертация В.В. Белякова [7]. В частности, он отмечает, что гуманитарные связи (под которыми понимаются индивидуальные, личностные связи, возникающие в процессе неформального общения представителей различных народов) доминировали в российско-египетских отношениях в конце XIX – середине XX века, поскольку межгосударственные отношения в тот период были ограничены. В современном мире такого рода связи играют все более важную роль и становятся частью процесса укрепления международного сотрудничества. В другой своей работе – статье «Почти родная страна. Египет в русской культуре постсоветского периода» [5] – В.В. Беляков акцентирует внимание читателей, в частности, на вопросах туризма: так, он отмечает, что после реформ начала 1990-х гг. россияне получили возможность выезжать за границу. Египет постепенно стал одним из наиболее популярных туристических мест в силу целого ряда причин.

Также интересны книги Белякова «Приютила Африка Жар-птицу» [5] и «Эль-Аламейн, или Русские солдаты в Северной Африке» [4]. Первая из них посвящена судьбам русских эмигрантов в Египте после революции 1952 г. Автор констатирует довольно сильное увлечение Египтом в русской культуре начала XX века: русская община в этой стране активно росла и развивалась – строились храмы, открывались школы, Египет посещали известные писатели, музыканты и т.д., однако после 1952 г. русская колония стала постепенно рассеиваться, а к началу 1980-х гг. и вовсе прекратила свое существование. Тем не менее автору удалось собрать ценные свидетельства о египетском периоде жизни таких известных людей как художник Иван Билибин, мастер фирмы «Фаберже» скульптор Борис Фредман-Клюзель, семья Голенищевых-Кутузовых и др.

Вторая из указанных книг Белякова посвящена наименее освещенным страницам Второй мировой войны – а именно, судьбам советских военнопленных, которые были переправлены в Африку для вспомогательных работ. Ситуация того периода истории в Северной Африке описывается с точки зрения наших соотечественников, а также рассказывается о роли русских солдат и эмигрантов в борьбе против фашизма. Книга демонстрирует, что Северная Африка также была активно вовлечена во Вторую мировую войну, и значительная часть русских воевали на территории Египта.

Заслуживает внимания доклад Межфракционного депутатского объединения «Россия и Исламский мир: стратегический диалог» [25], в котором отмечается, что отношения России и Исламского мира исторически складывались достаточно противоречиво. Тем не менее СССР внес решающий вклад в становление и развитие во многих мусульманских, в том числе арабских, странах таких отраслей экономики, как энергетика, металлургия, нефтегазовая промышленность и др. И одним из наиболее ярких примеров здесь, конечно, выступает Египет.

Мусульманский мир, по мнению авторов доклада, как никакой другой близок христианскому наследию в своих теологических основаниях (монотеизм, трактовка религии как авраамической традиции Откровения, религиозное обоснование этических норм, почитания Иисуса). И в этом контексте чрезвычайно важно развитие стратегического взаимодействия России с Исламским миром, которое может стать важнейшим элементом справедливого и безопасного мира. Причем одной из основных проблем в данном случае является преодоление негативного образа Исламского мира и предрассудков, связанных с ним – в частности, ярлыков «ваххабизма» или терроризма.

Огромный вклад Советского Союза в развитие Египта во время экономической блокады страны западными державами и дальнейшую помощь со стороны Москвы, продиктованную стремлением превратить Египет в своего союзника в годы «холодной войны», отмечает академик РАН А.М. Васильев [11]. Говоря об «инфитахе» (политике «открытых дверей»), проводимой А. Садатом, автор проводит параллели между Египтом 1970–80-х гг. и Россией 1990-х гг., хотя в целом признает, что, несмотря на все негативные проявления «инфитаха», экономический либерализм во многом доказал свою эффективность. Ориентация А. Садата на установление связей с США и ослабление взаимодействия с Советским Союзом в тот период была вполне оправдана, поскольку было понимание

ведущей роли этой державы в будущем Ближнего Востока. Х. Мубараку впоследствии удалось восстановить отношения с СССР и наладить пусть и ограниченное сотрудничество, сохраняя при этом ориентацию на Соединенные Штаты.

Среди работ академика Васильева стоит особенно выделить книгу «Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму», где говорится о том, что «у России есть капитал опыта сотрудничества и связей, сложившихся за века со своими непосредственными южными соседями или за десятилетия – с арабским миром» [12]. При этом А.М. Васильев отмечает, что отношения России со странами региона с течением времени «деидеологизируются» – это означает, что мессианская идея «коммунистического завтра» оказывается отброшенной. Несмотря на минувшие и грядущие испытания, новой базой понимания и сотрудничества России со странами Ближнего и Среднего Востока может стать отказ от любого вида интервенции, равно как и отказ от официального атеизма – Россия может сыграть роль своеобразного моста между миром ислама и христианства.

ЙЕМЕН

Еще одной арабской страной, с которой у Советского Союза, а позднее у Российской Федерации, установились тесные и дружественные отношения, является Йемен. Историк К.И. Поляков начинает свою статью «Йеменские экстремисты и Россия. Вести из ближнего зарубежья» [24] с описания некоторых проповедей хатыбов на севере Йемена, в которых довольно часто звучит тема России. Слушателям – выходцам из разных арабских стран, «объединенных разве что принадлежностью к “воинству Аллаха”», рассказывают о притеснении мусульман и политике их насильственного обращения в атеистов и христиан и т.п. Впрочем, резюмирует автор, сами йеменцы неоднозначно относятся к тому, что на их территории обосновались некоторые радикально настроенные исламисты.

Довольно широкое освещение в российской научной литературе получила история развития российско-йеменских (советско-йеменских) отношений. М.А. аль-Саяги [2] отмечает важную роль экономики в отношениях Советского Союза и Северного Йемена. Истории выстраивания отношений СССР с Северным и Южным Йеменом посвящена диссертация Н.С. Мирошниченко [21].

Так же как и многие другие авторы, П.В. Густерин (чьему авторству принадлежит детальная хронология российско-йеменских отношений с 1883 по 2008 год) подчеркивает, что на протяжении всей истории взаимодействия России и Йемена между этими двумя странами были только дружественные отношения [14]. Взаимосвязь между Россией и Йеменом находит свое отражение даже в таких нетипичных исследованиях, как, например, диссертация З. Али Рашид, посвященная кросс-культурному изучению агрессивного поведения у подростков России и Йемена [1].

Академик А.М. Васильев в книге «Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму» [12] пишет, что еще в 1926 г. СССР признал независимость Йемена, который в то время испытывал серьезные противоречия и столкновения с Великобританией и Италией.

СИРИЯ

Сирия также является примером страны, отношения России с которой традиционно носят дружественный характер. Дипломатические отношения между СССР и Сирией были установлены в 1944 г., и с этого момента поддерживалось и развивалось торгово-экономическое, стратегическое (что было особенно актуально в свете углубления сирийско-израильских противоречий) и культурное сотрудничество между этими странами. Так, основываясь на интервью с атташе по культуре посольства Сирийской Арабской Республики в Российской Федерации Разан Махфуз, Т. Соловьева отмечает многовековой опыт взаимоотношений между Россией и Сирией в различных сферах, в том числе в области просвещения и высшего образования, культуры и искусства, науки и религии [26]. Однако наиболее динамично развивающимся аспектом российско-сирийского взаимодействия было военнотехническое сотрудничество [16].

Активно обсуждаема, например, проблема экстремизма в контексте российско-сирийских отношений. Особенно болезненным вопросом для России является религиозный экстремизм и связанный с ним сепаратизм на Северном Кавказе. Так, М. Назир убежден, что Сирия сыграла важную для России роль в борьбе с экстремизмом, срывая с помощью своих служб безопасности попытки представителей чеченской диаспоры поддержать вооруженную борьбу на Северном Кавказе, а также препятствуя установлению сотрудничества между руководством ХАМАС и кавказскими повстанцами [23].

В связи с сирийским кризисом обострился также и курдский вопрос: в частности, турецкое руководство стало уделять этой проблеме повышенное внимание, чтобы, во-первых, смягчить отношения с курдской оппозицией, а, во-вторых, не допустить подъема курдского национализма в этническом Курдистане в свете сирийских событий [18]. О.И. Жигалина подчеркивает, что «курдская» политика Турции основана на идеологии неосманализма, что провоцирует интерес этой страны к близлежащим регионам, включая Кавказ, Каспийский и Черноморский бассейны, Балканы, Восточное Средиземноморье и Ближний Восток. А это, в свою очередь, может затронуть интересы связанной с ними исторически и географически России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно видеть, что, хотя взаимоотношения России с Египтом, Йеменом и Сирией становились объектом внимания многочисленных исследователей, практически все работы находятся в достаточно близком русле – будучи насыщены эмпирическими данными и уделяя значительное внимание освещению событийного ряда, они зачастую используют лишь «классический» набор исторических и политологических методов и подходов к исследованию имеющихся материалов. В то же время, как нам представляется, при всем достоинстве этих устоявшихся в науке подходов изучение ближневосточной политики России могло бы существенно обогатиться путем применения некоторых количественных методов. В качестве перспективных направлений, которые, на наш взгляд, все еще «ждут своего исследователя», можно обозначить, к примеру, следующие:

систематический анализ всех заключенных договоров и количественный анализ на предмет установленных количественных показателей и исследование степени практической реализации заявленных показателей;

исследование всех сообщений масс-медиа соответствующих стран, где упоминается Россия, анализ формируемого в ближневосточных СМИ образа России (с применением методов контент-анализа, анализа частотности и др.);

анализ торговых потоков (с дифференциацией по различным классам товаров), финансовых потоков (прямые инвестиции, портфельные инвестиции, займы и др.); особенно интересно исследовать данный вопрос в динамике, проанализировав произошедшие изменения в структуре торговых и финансовых взаимодействий со времен СССР по настоящее время (в том числе с применением методов сетевого анализа);

исследование потенциала миграционного взаимодействия, выявление способов привлечения необходимых категорий мигрантов с Ближнего Востока (в первую очередь, студентов) (с применением гравитационных моделей);

исследование ценностного строя ближневосточных обществ (в том числе с учетом различий между поколениями) и видения России в частности; особый интерес представляет образ России, сложившийся среди представителей молодых поколений ближневосточных обществ; его понимание необходимо для выстраивания системной российской культурной политики в регионе, для формирования позитивного и актуального образа России, равно как и для корректной оценки потенциала взаимодействия России со странами региона в ближайшей, среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Список использованных источников

1. Али Рашид З. Кросс-культурное изучение агрессивного поведения у подростков России и Йемена: дисс. ... канд. псих. наук. СПб., 1999.
2. Аль-Саяги М.А. Отношения между ЙАР и Советским Союзом в контексте внутривосточной ситуации в Йемене (1962–1990 годы) // Образ жизни в России: история и современность: Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Москва, 20 апреля 2007 г. М.: РУДН, 2007.
3. Беляков В.В. Эль-Аламейн, или Русские солдаты в Северной Африке (1940–1945). М.: Русский путь, 2010.
4. Беляков В.В. Почти родная страна. Египет в русской культуре постсоветского периода // Азия и Африка сегодня. 2013. № 12.
5. Беляков В.В. Приютила Африка Жар-птицу. М.: Классика плюс, 2000.
6. Беляков В.В. Роль гуманитарных связей в межкультурном взаимодействии России и Египта (конец XIX – середина XX века): дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2007.
7. Бен Ламлас А.С. История культурного сотрудничества между Йеменом и Советским Союзом: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2002.
8. Богданов М.Л. Российско-египетские отношения на рубеже веков: тенденции, закономерности, перспективы // Азия и Африка сегодня. 2013. № 12.

9. Борисов А.Б. Арабский мир: прошлое и настоящее. М.: Институт востоковедения РАН, 2002.
10. Васильев А.М. Египет и египтяне. М.: Восточная литература, 2008.
11. Васильев А.М. Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму. М.: Восточная литература, 1993.
12. Видясова М.Ф., Умеров М.Ш. Египет после арабского социализма: в поиске экономических решений. М.: Изд. центр ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова, 1999.
13. Густерин П.В. Россия – Йемен: из истории взаимоотношений. Перепись населения в Йеменской республике в 2004 г. // Азия и Африка сегодня. 2005. № 11.
14. Долгов Б.В. Кризис в Сирии: внутренние и внешние факторы // Восточная аналитика. 2011. №2.
15. Евсеев В.В. Некоторые аспекты российско-сирийского сотрудничества. М.: Институт Ближнего Востока, 2008.
16. Егорин А.З. Египет нашего времени. М.: Институт востоковедения РАН, 1998.
17. Жигалина О.И. Этнический Курдистан как перекресток геополитических и экономических интересов // Восточная аналитика. 2011. № 2.
18. Мамед-заде П.Н. Российско-египетские отношения: история и современность // Вестник Российского университета Дружбы народов. Серия Международные отношения. 2006. № 1.
19. Мирошниченко Н.С. Российско-йеменские отношения и международная политика на Ближнем Востоке, 1926–2004 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2004.
20. Назир М.И. Развитие российско-сирийских военно-политических отношений в современных условиях // Вестник Екатеринбургского института. 2014. №1.
21. Поляков К.И. Йеменские экстремисты и Россия. Вести из ближнего зарубежья // Россия и мусульманский мир. Бюллетень реферативно-аналитической информации. М.: ИНИОН РАН, 1999.
22. Россия и Исламский мир: проблемы, предпосылки и перспективы долгосрочного взаимодействия // Азия и Африка сегодня. 2005. № 2.
23. Соловьева Т. Сирия и Россия: корни взаимоотношений в глубине веков // Клуб. 2004. № 8.
24. Филоник А.О. Египет: в тисках экполитики // Азия и Африка сегодня. 2009. № 8.

Круглый стол 2. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ДИПЛОМАТИЯ НА СЛУЖБЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И СОТРУДНИЧЕСТВА СО СТРАНАМИ ВОСТОКА

Alamyar Khan Mohammad

AFGHANISTAN AS A FUTURE STRATEGIC PLAYER FOR THE SOUTH AND CENTRALASIAN COUNTRIES: THREAT AND OPPORTUNITIES

Аламыяр Хан Мохаммад

АФГАНИСТАН КАК БУДУЩИЙ СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ИГРОК ДЛЯ СТРАН ЮЖНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: УГРОЗЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Abstract: This research article highlights the potential role Afghanistan can play between Central and South Asian Countries. The purpose of this paper is to show how Afghanistan as a Strategic partner remains both as Opportunity for Economic cooperation and Threat for the two regions in the future: Afghanistan's role as a Corridor connects south and Central Asian countries through cross-border Trade agreements. On the other hand, Opium and insurgency remain a major challenge not only to Afghanistan but to the whole region. These shared challenges (Conflicts, Opium, and Poverty) could be decipher by cooperative multilateral response. Regional cooperation efforts to extend economic cooperation, peace building and sharing best practices among the two regions would lead to Sustainable economic growth and Peace.

Аннотация: Эта статья отмечает потенциальную роль Афганистана, способного вести свою игру между Центральной и Южной Азией. Целью данной работы является демонстрация возможностей Афганистана выступать в качестве стратегического партнера для экономического сотрудничества и угрозы для двух регионов в будущем: Афганистан играет роль коридора, связывающего Южную и Центральную Азию торговыми путями. С другой стороны, опиум и нестабильность остаются серьезной проблемой не только для Афганистана, но и всего региона. Региональные усилия по расширению экономического сотрудничества, укреплению мира и обмену передовым опытом между двумя регионами приведут к устойчивому экономическому росту и миру.

Keywords: Афганистан, торговля, культурный диалог, Индия, Казахстан.

Ключевые слова: Afghanistan, trade, cultural dialogue, India, Kazakhstan.

Regional Economic Integration: The Strategic role of Afghanistan; Threat and Opportunities.

Regionalism became a dominant trend in the world economy after the formation of the single European Market in 1992 and the Implementation of North American Free Trade Agreement in 1994. These regional trade agreements (RTAs) were followed by many others. Currently, some 300 RTAs, including bilateral free trade agreements (FTAs), are in force worldwide, and a significant part of the world trade is conducted on a preferential basis rather than on a most – favored- nation basis.

The reconstruction of Afghanistan, has opened up new opportunities for economic cooperation and for reestablishing historical ties and potential economic links both within and beyond the region. Afghanistan's Strategic position between the Central and south Asian countries reflected to act both as a strategic partners in the Economic Integration for an inclusive and Sustainable development in the two regions, while on the other aspect could remain a threat for the future regional Integration. Being the largest producer of opium in the world and serving as corridor for the economic connectivity are the two ground realities addressing the importance of Afghanistan role in the future of two regions. There are some common challenges both in the south and central Asian countries which requires a long term vision of building an economic community as well as collectively working for peace building supported by the necessary frameworks and institutions. Low level of infrastructure, financial cooperation, and absence of integrated market between south and central Asian countries as well as shared vulnerability and risks are the common challenges lagging the overall economic activities in the two regions. Irrespective, of other aspects, the conflict in the region is said to be one of the key reason not allowing the two regions to be close. By deepening mutual interdependency and opening up spaces, formal and informal, for cross – country dialogue, regional economic integration can promote greater mutual understanding, help in resolving conflicts and usher peace and stability in the region. Peace and stability in Afghanistan should lead eventually to new export possibilities for the region's oil and gas reserves,

and new market opportunities involving trade with the Middle East are expected to increase demand for transport.

In the two regions there exist a large potential for trading opportunities. The south Asian countries for instance, India, Pakistan, Afghanistan are suffering from energy deficiency for taking their industries one step forward and providing electricity to the Public, while on the other hand the presence of surplus energy in Central Asian countries need for building a sustainable partnership between the two regions to address energy security. Apart from energy, there are huge potential for trading opportunities in infrastructure, financial cooperation, technological advancement and agricultural practices. The most significant forms of economic integration in Asia have been through trade, investment and migration. Many of these activities have benefited from various preferential arrangements, each of which covers a limited number of countries. To take fuller advantage of the two region's enormous opportunities, regional integration could be better pursued by broader arrangements that cover the whole region.

“Trade between Afghanistan and central Asian (and other) countries continues to be hampered by corruption, inefficient formal institutions, product of labelling language, and unfamiliarity of Afghan traders with Central Asian and Russian Produces”.

The form of future role Afghanistan can perform in the region could take two shapes: Threat and Opportunities for the region- a two ground reality which has its root directly or indirectly to the region itself. This require, to take a collective action by all countries at two sides of the regions, fighting against insurgency and opium trafficking. The conflict between India – Pakistan and Pakistan-Afghanistan has direct influence on the future role of Afghanistan in the region. On the other hand the role of china and Russia, and Iran are also significant in counter narcotic efforts.

Stability in Afghanistan will led to cross- border trade agreements and foreign direct investment. Nevertheless, despite less stability inside Afghanistan, China, India, Tajikistan and other countries invested billion US dollar investment in mine and other sectors, and the foreign direct investment since 2001 is dignified to be approximately \$7 billion.

During the past ten years, Afghan minerals have become the most important economic asset. In 2011, the government of Afghanistan announced that 30% of the country had undergone surveys and that at least \$3 trillion worth of natural resources were found. Exploitation of coal and gemstones has accelerated in recent years. In 2009 the Afghan government leased exploitation rights of the Ainak Copper mine to MCC, a Chinese company. This was the largest contract of its kind in the past ten years and, there has been some progress in other fields, such as oil, gas and iron ore exploration and extraction as well. Yet, Afghanistan remain one of the world's least developed country, with a per capita gross domestic product (GDP) of only \$US 528 in 2010/11. More than one third of the population lives below the poverty line, more than half are vulnerable and at serious risk of falling into poverty, and three- quarters are illiterate.

At a large regional level, the central Afghan government, spurred on by the International community, has been struggling to galvanize regional- wide cooperation on security and development in Afghanistan and its neighborhood under what is called the ‘heart of Asia’ or Istanbul process since November 2011. However, a key shortcoming of the ‘heart of Asia’ process is that it continues to lack organizational and funding mechanism – due to lack of political will – for the six adopted implementation plan (on counter – terrorism ; counter – narcotics ; disaster management ; trade, commercial and investment opportunities ; regional infrastructure and education). The participant have failed to overcome this problem since this process was lunched in late 2011 because there seems to be no serious determination to create another regional organization in an area where several already existing regional south Asian, central Asian and Eurasian organization, south Asian association for regional economic cooperation, central Asian regional economic cooperation, shanghai co – operation organization, collective security treaty organization, etc.)To benefit from this opportunity, there is a need for an efficient and well developed regional and international transit transport. However, the regional transport networks are inadequate, a large proportion of regional transport infrastructure and facilities are in poor condition, funding for maintenance is insufficient, and nonphysical barriers are becoming major impediments to cross-border and transit traffic.

The Government of Afghanistan and its near extended neighbors’ in central and south Asia have revitalized long – standing trilateral and multilateral negotiation on three major regional energy and infrastructure project after 2001. These include the oft- discussed Turkmenistan – Afghanistan- Pakistan – India (TAPI) natural gas pipeline project; the newly proposed Central Asian – south Asian regional electricity Market

(CASAREM) project , particularly its sole existing CASA-1000 element ; and the recently planned Turkmenistan- Afghanistan – Tajikistan railway construction project. However, given the deteriorating security situation along the pipeline’s route in Afghanistan (along the ring road through Herat down Kandahar) and in Pakistan (Through the restive Baluchistan province), it is unlikely that the project’s construction will begin by 2014 and , if so , that it will see smooth implementation through 2017.

The CASA – 1000 regional electricity export project (From Tajikistan and Kyrgyzstan to Pakistan and Afghanistan), as part of the bigger planned CASAREM, has been in negotiations for around eight years. The CASAREM central office was initially to be based in Kabul because almost half of the transmission lines pass through Afghanistan (562 of 1200 KM), but it was moved to Almaty, Kazakhstan, probably due to lack of capacity on the Afghan side. At least from the Afghan side, the entire regional process has been disorganized that the country is, about eight years since the project’s initial conceptualization, yet to appoint its representative to the central office.

On the Threat side, based on the recent report Published by joint work of united nation office for Drug and Crime and Minister of Counter Narcotic, Afghanistan faces serious challenges related to drugs that require effective responses by the country with support from the international community; particularly the region. Although most of the world’s opium today comes from Afghanistan (74%), only a small proportion is seized either in country or by regional partners. Along the borders of Afghanistan, illicit drug trafficking is proliferating together with the movement of insurgents, money, people and weapons and precursor chemicals imported into the country.

The drug trade funds accrued annually by insurgents and warlords have been estimated to net between 200 and 400 million USD. Additionally, the country has to deal with close to one million adult drug users with limited capacity for treatment. The illicit economy is thus a key factor shaping Afghanistan’s current and longer term national development and by implication also related programs and investment. The counter narcotics challenge also significantly shapes regional dynamics and stability which requires more collaboration by concerned neighboring countries.

The studies shows that the neighboring countries have a significant role in fighting narcotics. It’s not only the world suffering from Opium but, Afghanistan as the largest producer is the first victim of Opium. The research also shows that opium production has direct link with insecurity; injustice and lack of regional cooperation. The South and West Regions of Afghanistan account for the majority of opium production in the country – in 2012, 72% of Afghanistan’s opium was cultivated in the South alone with Hilmand, Uruzgan, Farah and Kandahar having the highest levels of cultivation. In 2012, the total farm-gate value of the opium produced from poppy cultivation in Afghanistan was US\$ 717 million corresponding to four percent of the country’s GDP. This represents a significant share for an illicit economy – in Colombia, the 2011 value of the coca crop expressed as a proportion of the licit GDP was just 0.2 per cent. In terms of the export value of opiates as a proportion of the overall Afghan GDP, this was 13.5 per cent in 2011 having declined from 50 percent in 2003. This is not due to a reduction in the scale of the opium economy, but is rather a reflection of the increase of Afghanistan’s GDP from US\$ 4.59 billion in 2003 to US\$19.18 billion in 2011.

References

1. Afghanistan in Transition looking beyond 2014(Richard Hogg, Claudia Nassif, Camilo Gomez Osorio, William Byrd, and Andrew Beath), World Bank.
2. Connecting Central Asia, a road map for regional cooperation, Manmhan Parkash, 2006 (Asian Development Bank).
3. World development Indicator 2013.
4. The labor Market, Education and Armed conflict in Tajikistan (Olga. N. Shimyakina).
5. The new silk road, ten years of the Central Asia regional Economic Cooperation program.
6. Central Asia south Asia power transmission program CASA-1000 IBRD, 38525.
7. Between cooperation and Insulation By christain Bleuer and Sayed Reza Kazami, Afghanistan Analyst network.
8. Afghanistan drug report 2012, Ministry of Counter Narcotics.
9. ACCI report 2012, ANDS final evaluation report , MOEC.
10. Trend of Investment, Afghanistan Investment Supporting agency Growing together, United Nations, ESCAP May 2012.

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В КАР И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ВОПРОСЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

А.К. Alexeev

POLITICAL SITUATION IN KURDISTAN AUTONOMOUS REGION AND ITS IMPACT ON REGIONAL SECURITY

Аннотация: В статье рассказывается о нестабильной военно-политической ситуации в Ираке и Сирии и влиянии этого кризиса на региональную безопасность.

Abstract: The article describes the unstable military and political situation in Iraq and Syria, and the impact of the crisis on regional security.

Ключевые слова: ИГИЛ, КАР, Ирак, Сирия, курды, нефть, геополитика, безопасность, ислам.

Keywords: LIH, KAR, Iraq, Syria, Kurds, oil, geopolitics, security, Islam.

В последнее время в связи с событиями в Ираке и Сирии, вызванными борьбой против т.н. Исламского государства (ИС, ранее Исламское государство Ирака и Леванта, ИГИЛ), Курдский Автономный район (КАР) привлекает к себе все больше внимания мировой общественности. Данное обстоятельство вызвано тем, что КАР представляет собой, пожалуй, единственный островок стабильности и относительной безопасности в раздираемом религиозными и политическими конфликтами Ираке, одной из богатейших нефтью стран Ближнего Востока¹.

КАР занимает крайне выгодное геополитическое положение и представляет собой важный элемент ближневосточной транзитной системы. В зависимости от того, какие политические и экономические процессы будут происходить в этом важном регионе, будет формироваться вся политическая картина этой части мусульманского мира. Политическая ситуация в КАР имеет большое значение и для геополитики нефти, поскольку развитие данного сектора экономики КАР способно серьезным образом повлиять на уже сложившуюся систему отношений как в Ираке, так и в регионе в целом. Временное соглашение между Эрбилем и Багдадом по вопросу поставок нефти в обмен на получение федерального финансирования на время остановило конфликт между сторонами по вопросу о праве КАР независимо от Багдада заниматься продажей нефти².

Активное развитие нефтегазового сектора экономики может серьезно подкрепить стремления руководства КАР к преобразованию автономии в полноценное государство, что изменит политическую карту региона. Если 2 месяца назад казалось, что возникновение курдской государственности неизбежно, то сейчас ситуация уже не выглядит столь однозначным образом. Помимо внешнеполитических факторов, в первую очередь, наличия серьезных противников возникновения курдского государства в какой бы то ни было форме (Исламской Республики Иран, в частности), не последнюю роль в том, что южные курды не смогли сделать последние шаги к обретению независимости, стала внутривнутриполитическая ситуация, вызванная отсутствием политического единства.

По данному вопросу имеются различные позиции. Одна из них указывает на то, что самостоятельное государство курдов может стать одним из конкурентов для соседей, которым раздробленные и слабый, но единый Ирак представляется как более выгодная ситуация. Еще год назад точка зрения о том, что курдам выгоднее находиться в составе единого Ирака и вопрос об их государстве не стоит, рассматривалась весьма серьезно³.

¹ В настоящее время по различным оценкам Ирак входит в пятерку стран с наибольшим запасами нефти. По показателям разведанных запасов, Ирак занимает второе после Саудовской Аравии место в мире. Оценки разведанные запасы этой страны оцениваются в пределах 112 млрд – 143 млрд баррелей, а возможные запасы – ок. 264, 1 млрд баррелей. См.: http://forexaw.com/TERMs/Exchange_Economy/Macroeconomic_indicators/Other_macroecomic_indicators; <http://www.ekportal.ru/page-id-1573.html>. Большое значение в связи с этим имеют проводимые в настоящее время операции геологоразведки как на территории самого Ирака, так и на территории КАР, способные серьезным образом уточнить имеющиеся показатели.

² <http://kdp.info/a/d.aspx?l=13&a=71978>.

³ См., например: Stanislav Ivanov: «The problem of establishing of Kurdish state is not relevant today» // <http://vestnikkavkaza.net/interviews/politics/44333.html>.

В связи с этим быстрое наступление ИГ призвано показать неспособность курдов преодолеть внутривластные и внутриклановые разногласия с одной стороны, и воевать с ИГ, опираясь исключительно на свои силы – с другой. Иная точка зрения говорит о том, что курды должны выйти из данного конфликта с единой армией, значительно превышающей необходимость защиты только территории КАР⁴.

КАР негласным образом разделен на сферы влияния между 2 крупными политическими партиями, имеющими ряд схожих подходов к вопросам внешней и внутренней политики, но и обладающими несоизмеримо большим количеством противоречий, имеющих глубокие исторические корни. Между партиями заключено соглашение о разделе сфер влияния, возникшее в ходе мирных переговоров, завершивших войну между курдскими формированиями в 1998 г.

Провинции Дахук и Эрбиль контролируются возглавляемой нынешним Президентом КАР Масудом Барзани Демократической партией Курдистана (ДПК), а провинции Сулеймания и Гармийан до недавнего времени находились под практически полным контролем Патриотического Союза Курдистана (ПСК), возглавляемого бывшим Президентом Федерального Ирака Джалалем Талабани. В следствие ряда причин в ходе выборов 2014 г. ПСК утратил единоличный контроль над Сулейманией, где победу одержало оппозиционное движение Горран (Движение за перемены), объединяющее широкий спектр оппозиционных сил, от движений в защиту окружающей среды до Курдской Коммунистической Партии. Это обстоятельство оказывает серьезное влияние на расстановку сил в КАР и выработку единого политического курса. Достаточно сказать, что уже на протяжении 5 месяцев со времени объявления итогов выборов, партии, получившие места в провинциальном совете провинции (*мухафаза*) Сулеймания не могут договориться о кандидатуре председателя совета и выбрать губернатора⁵. Такое положение никоим образом не способствует эффективной борьбе против внешних противников, в частности против сил Исламского государства (ИГ).

Поскольку движение Горран является новым актором на внутривластной арене Ирака, нам представляется, что необходимо посвятить ему несколько строк. Движение возглавляет д-р Нуширван Мустафа (род. 1944). Свою карьеру он начал в ДПК, позднее выступил в роли сооснователя ПСК и до 2006 г. выполнял обязанности заместителя Генерального секретаря ПСК.

Нуширван Мустафа контролирует медиа-холдинг в провинции Сулеймания, важнейшими элементами которого являются круглосуточный телевизионный канал *KNN*, еженедельник *Рожнама* (Газета), радиостанция *Dangi Gorran* (Голос перемен). Движение обладает и собственным сайтом, на котором приведены основные положения политической программы, результаты выборов и т.д.⁶

Впервые Горран заявил о себе на парламентских выборах в КАР в 2009 г., где он выступал на правах общественного объединения, однако тогда ему не удалось серьезным образом повлиять на расклад сил. Статус политической партии движение получило 31 мая 2010 г. в соответствии с решением МВД КАР⁷.

Нам представляется, что появление Горрана призвано ослабить позиции ориентированного преимущественно на Иран ПСК. Последние события в КАР показывают, что за территорию, подвластную ПСК, идет ожесточенное противостояние. При этом ПСК не в состоянии оказывать действенного сопротивления своим внутренним и внешним оппонентам по целому ряду обстоятельств. В первую очередь, в партии нарушен принцип единоначалия: Джалал Талабани (Мам Джалал) тяжело болен, а его преемники ведут активную борьбу за наследство. Это сопровождается активным давлением ДПК, которая в своей политике во многих аспектах опирается на Турцию, США и их союзников по НАТО. В связи с этим появление партии либерального толка, каковой себя позиционирует Горран, весьма закономерно.

Сулеймания – традиционная зона влияния ИРИ, на которую в значительной мере ориентировался ПСК. Поскольку США всячески пытаются ослабить позиции ИРИ в Ираке в целом и в КАР в частности, и в то же время усилить положение лояльных им ДПК, Горран призван оттянуть часть электората в зоне влияния ПСК.

⁴ Шакарянц С. Зачем автономии курдов армия в 190 тысяч человек // <http://forum.vardanank.org/index.php?showtopic=68779&st=20&start=20>.

⁵ <http://knnc.net/Ar/Detail-57131-20-False#.VGfdbcuKDIU>.

⁶ www.gorran.net.

⁷ Там же.

Необходимо отметить, что органы исполнительной власти, силы правопорядка, государственной безопасности Асаиш, военные формирования Пешмарга подчиняются принципу партийного формирования и партийной дисциплины, что имеет непосредственное отношение к реализации ими их прав и полномочий.

Помимо ДПК, ПСК и Горрана, в автономии имеют некоторое влияние исламские партии *Комалл* и *Йекгрту* (Исламский союз)⁸. Как отдельные акторы политического процесса на локальном уровне могут рассматриваться и религиозные меньшинства, также имеющие свои политические и военные объединения (*езиды, какаи (ахл-и хаки), христиане* и др.).

Военно-политические группировки иракских *туркоманов*⁹ (по преимуществу шиитов), с которыми у курдов давний и серьезный конфликт в связи с разделом сфер влияния в Керкуке, препятствуют упрочнению позиций курдов в их притязаниях на присоединение этого важного в политическом и экономическом отношении района к автономии. Значительная община туркоманов присутствует и в самом КАР: и в Эрбиле, и в Сулеймании имеются представительства их главного политического объединения Фронта туркоманов Ирака (*Iraq Türkmén Cephesi*, ФТИ). В начале 2000-х гг. туркоманы, так же как и курды, активно добивались автономии для регионов, где они компактно проживали. Однако в силу того, что они раздроблены не менее, чем курды и в конфессиональном и в политическом отношении, их попытки не имели никакого успеха. Во внешней политике туркоманы-сунниты ориентируются на Турцию, а туркоманам-шиитам значительно ближе арабские шиитские группировки и Иран, что вписывает их в такую же парадигму региональных внешнеполитических отношений, как и курдов¹⁰. В рамках борьбы с ИГ туркоманы вынужденно поддерживали курдские силы пешмарга, поскольку армия федерального Ирака была не в состоянии их защитить.

В связи с активным участием в борьбе против ИГ в Сирии и Ираке, увеличивается влияние Курдской Рабочей Партии и ее военных формирований, частью находящихся в Иракском Курдистане. Определенные позиции в регионе имеет и Демократическая партия Иранского Курдистана.

Политические партии курдов, пожалуй, частично объединяет одна общая идея – идея о независимом экономически развитом государстве курдов в пределах территории их компактного проживания.

Однако реализация этой идеи даже в рамках территории Ирака наталкивается на целый ряд препятствий. Первое из них, как уже отмечалось выше, разобщенность и широкая полярность самих политических сил курдов¹¹. Второе – ограниченная самостоятельность курдских политических сил в реализации своих программ и устремлений. В силу целого ряда обстоятельств, являющихся как результатом исторического развития Курдистана, так и возникших в последнее время, политические силы курдов подвержены серьезному влиянию извне, представляющему собой отражение борьбы мировых держав за контроль над этим узловым регионом, который уже на протяжении нескольких столетий был одной из важнейших арен т.н. Большой Игры (*The Great Game*)¹². Не последнюю роль играет и географический фактор.

КДП во многом ориентируется на Турцию, которая является одним из главных политических и экономических партнеров автономии.

Именно с КДП турки готовы сотрудничать даже в таком чувствительном вопросе как сирийский кризис. Последние события, связанные с противостоянием у г. Кобани только подтверждают эту ситуацию. Из всех политических группировок курдов только КДП получила разрешение от турецких властей на переброску своих пешмарга в Кобани через турецкую территорию¹³. При этом турецкие

⁸ См. результаты выборов 2104 г. в провинциальные органы власти: <http://rudaw.net/english/kurdistan/elections/results>.

⁹ Мы сознательно не называем данную этническую группу туркменами, поскольку они имеют к последним очень косвенное отношение, а по языку и культуре значительно ближе азербайджанцам. Иракские туркоманы появились в этой области в результате перемещений тюркских и тюркизированных монгольских племен в XIV – нач. XV в. При баасистском режиме в Ираке, туркоманы подвергались арабизации, которая привела к тому, что часть из них стала фактически двуязычным народом.

¹⁰ Jenkins G. (2008). Turkey and Northern Iraq: An Overview, Jamestown Foundation. P.6.

¹¹ Roy S. The Kurdish Issue: the impact on the Politics of Iran and Turkey and Their Bilateral Relations Regarding Kurds Post-Saddam Hussein Regime//<http://www.foreignpolicyjournal.com/2011/04/22/the-kurdish-issue>.

¹² Термин, введенный в научный оборот капитаном Британской армии А.Конолли (A.Conolly, 1807–1842), одним из непосредственных участников российско-британского военно-политического и экономического соперничества за преобладание на Ближнем и Среднем Востоке и в Центральной Азии.

¹³ Нухустин гурух-и пешмарга варид-и Кубани шуд //<http://www.hamshahronline.ir/details/276108/world/westasia>.

власти не признают государственности сирийских курдов и не спешат оказывать им помощь. Официальная позиция строится на том основании, что главная сирийская группировка Партия демократического союза является союзной организацией КРП, с которой у Турции давний конфликт. На самом деле, как считают местные аналитики, суть проблемы в нефтяном коридоре, который при помощи ИГ Турция пытается пробить через Ирак и Сирию¹⁴.

ПСК, в свою очередь, поддерживает тесные отношения с Ираном. Уже это обстоятельство предполагает наличие определенных политических трений как по вопросам внешней, так и по вопросам внутренней политики. Одним из примеров может служить активность данных партий в противодействии ИГ. ДПК, находящаяся под влиянием Турции, не может в полном объеме задействовать весь свой потенциал для достижения решительной победы над ИГ, оказания действенной помощи сирийским курдам в Кобани, и т.д. Кроме того, у ДПК сложились достаточно сложные отношения с иракским федеральным правительством в Багдаде, что не способствует координации усилий в данном направлении. ПСК, напротив, вынуждены соотносить свою политику в соответствии с позицией ИРИ, которая активно принимает участие в иракском конфликте и борьбе с ИГ, поддерживает силы как иракской регулярной армии, так и ополчения¹⁵. В свою очередь, отношения курдов с ИРИ осложняет присутствие на территории КАР представителей Курдской демократической партии Ирана (КДПИ), которая борется с исламским режимом в ИРИ вооруженным путем.

Отдельным дестабилизирующим фактором в автономии является присутствие в большом числе членов и боевиков запрещенной в Турции Курдской рабочей партии (КРП, РКК). В настоящее время члены КРП являются важными союзниками и для ДПК и ПСК в борьбе с ИГ, однако, уже сейчас существуют определенные трения. Подразделения КРП отличаются высокой боеспособностью и наличием опыта ведения боевых действий.

Таким образом, наличие разнородных военно-политических группировок курдов, с одной стороны, не позволяет в полной мере самим курдам добиться решения их политических задач, а с другой – ограничивает возможности региональных держав единоличным образом поставить под свой контроль ситуацию в КАР.

Не менее активно за влияние на КАР борются мировые лидеры. США и их союзники по НАТО имеют довольно прочные позиции в автономии, крупные американские и европейские компании (*ExxonMobile, Chevron, Total, UE, Genel Energy* и др.) до недавнего времени вели активную работу в нефтегазовой сфере. В связи с этим они заинтересованы как в лояльности власти, что достижимо при условии ее слабости, так и в ее отсутствии. Наиболее реализуем первый вариант, связанный с постоянным давлением на «старые» партии при помощи новой силы, которая представлена разношерстным по своему составу, но крайне привлекательным для всех недовольных существующим положением внутри автономии. Иностранная поддержка, помноженная на усталость населения от нерешенных социальных вопросов, помогла Горрану занять общее 2 место на выборах 2014 г.

Автономия должна стать важным элементом нефтегазового транзита через Турцию в Европу, строительство которого идет, чтобы любыми способами создать альтернативу или максимально усложнить российский проект «Южный поток», с одной стороны, и способствовать альтернативе полного рисков транзита через Персидский залив – с другой. В последнем весьма заинтересованы страны Залива, которые уже признают свою финансово-экономическую и логистическую помощь ИГ¹⁶. И в этом отношении лояльность власти в автономии в русле прозападной и протурецкой политики весьма желательна.

В связи с вышеизложенным можно сделать несколько предварительных замечаний:

- усиление противоречий между находящимися у власти партиями в свете конкуренции мировых и региональных лидеров;
- попытки вывода новой политической силы в автономии (Горран);
- продолжение политики двойных стандартов со стороны мировых держав по отношению к курдам в целом и к Автономии в частности;
- использование иракского и сирийского конфликтов с их возможным приближением к границам СНГ и РФ для препятствования реализации российских проектов и российского присутствия в данной части БВ;

¹⁴ Бар-хурд-и дугана-йи Амрика ва Туркийя ба курдха <http://www.hamshahrionline.ir/details/276014/world/westasia>.

¹⁵ Агар Иран намибуд мухасира-йи Амирли шикаста намишуд// <http://www.hamshahrionline.ir/details/274324/world/persianguulf>.

¹⁶ Итираф-и шахзада-йи сауди ба таймин-и мали-йи тирпуристи // www.hamshahrionline.ir/details.

- использование фундаменталистских группировок в качестве мощного рычага давления на позицию руководства КАР.

Иными словами, КАР представляет собой узловую регион, контроль над которым, равно как и обеспечение его стабильного развития, имеет прямое отношение к вопросам политической и экономической безопасности соседних стран и субрегионов. Любые политические и экономические изменения в КАР будут иметь непосредственное влияние на экономическое и политическое развитие соседних территорий, в том числе прилегающих к непосредственной близости к российским границам. Речь идет о возможном переносе проблем безопасности на весь т.н. Транскавказ, их осложнение в пограничных с РФ государствах Южного Кавказа, а также российских субъектах Федерации на Северном Кавказе, предпосылки чему уже имеют место¹⁷.

¹⁷ Боевики Исламского государства начали напрямую угрожать России// http://kurdistan.ru/2014/10/13/news-22567_Boieviki_Islamskogo_gosudarstva_nachali_napryamuyu_ugrozhat_Rossii.html; ИГ пытается завербовать в свои ряды мусульман из РФ, считают в умме // http://kurdistan.ru/2014/11/01/news-22738_IG_pytaetsya_zaverbo.html. Несмотря на ликвидацию Умара аш-Шашини (уроженца Грузии, настоящее имя – Тархан Батирашвили), подобная угроза сохраняется. В отрядах ИГ по различным оценкам не менее 800 активно действующих боевиков из числа выходцев из Чечни и Дагестана, большинство из которых по горским законам являются «изгоями» и которым, по-большому счету, терять уже нечего. В связи с этим они представляют собой удобный контингент для дестабилизации обстановки не только в регионах российского Северного Кавказа, но и в сопредельных государствах.

Н.К. Амиров

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

N.K. Amirov

CURRENT AND FUTURE RELATIONS OF RUSSIA AND THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Аннотация: Статья посвящена вопросам истории, современного состояния и перспектив развития отношений между Российской Федерацией и Республикой Казахстан. В статье исследуются основные направления взаимоотношений России и Казахстана.

Abstract: The article is devoted to the history, current state and prospects of the development of relations between the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. The article explores the main directions of relations between Russia and Kazakhstan.

Ключевые слова: Евразийский союз, Россия, Казахстан, СНГ, ОДКБ, сотрудничество.

Key words: Eurasian Union, Russia, Kazakhstan, CIS, OCST, cooperation.

На постсоветском пространстве, пожалуй, нет таких стран, кроме России и Казахстана, которые находились бы в теплых дружеских отношениях. Со времен распада СССР многое изменилось. Прибалтийские республики даже не стали входить в Содружество Независимых Государств. Молдова и Украина, скорее всего, выбрали путь интеграции с Европейским союзом. Узбекистан дважды выходил из ОДКБ. Грузия вступила с Россией в конфликт в 2008 году. Союзное государство России и Белоруссии до сих пор остается политическим проектом. И только одно направление – отношения России и Казахстана – показывают пример динамично развивающегося плодотворного сотрудничества. Такие дружеские, добрососедские отношения возникли не на пустом месте. Дружба России и Казахстана, русского и казахского народов имеет глубокие корни. Россия во все времена оказывала большую помощь Казахстану.

Россия является одним из государств, сделавших решительный шаг в деле распада советской империи. После подписания 8 декабря 1991 г. тремя государствами Беловежского соглашения о создании Содружества Независимых Государств началось реальное приобретение суверенитета всеми союзными республиками. 12 декабря 1991 г. Россия ратифицировала Беловежское соглашение и денонсировала договор 1922 года об образовании СССР. Тем самым наиболее крупная из республик СССР высказалась за свою независимость и независимость иных республик. 21 декабря 1991 г. в Алма-Ате была принята декларация, в которой определялся ряд основных положений об СНГ, объявлялось о прекращении существования СССР.

Официально принято считать, что независимость РК первой признала Турция буквально через полчаса после ее объявления 16 декабря 1991 г. Однако признание независимости Казахстана заложено в самом тексте Беловежского соглашения о создании СНГ: «Настоящее Соглашение открыто для присоединения всех государств членов бывшего Союза ССР, а также для иных государств, разделяющих цели и принципы настоящего Соглашения» [1]. Таким образом, можно сказать, что первыми независимость Казахстана признали Россия, Беларусь и Украина.

15 мая 1992 г. Россия, Казахстан и несколько других государств организовали ОДКБ. 25 мая 1992 г. главами России и Казахстана был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между РФ и РК, Соглашение об использовании космодрома Байконур. Чуть позже 22 октября 1992 г. наши страны установили дипломатические отношения. Россия и Казахстан были участниками Договора стран СНГ от 24 сентября 1993 г. «О создании Экономического союза».

В марте 1994 г. выступая в МГУ им. М. В. Ломоносова Президент РК Н.А. Назарбаев предложил идею Евразийского союза. Это была очень смелая инициатива. Казалось бы, распад СССР приведет к дальнейшей потере связей между бывшими союзными республиками. В тот момент в эту идею верили немногие. Однако спустя двадцать лет идея становится реальностью. Она означает укрепление мира и добрососедства, взаимовыгодных связей. Евразийство необходимо рассматривать как историческую, геополитическую и культурную систему. Воплощение евразийской интеграции может привести к дальнейшему расцвету России, Казахстана и других стран, участвующих в ней. Россия может выступить в роли нового объединяющего цивилизационного полюса. Только многополярность может гарантировать существование и мирное развитие малых государств. По мнению Президента РФ В.В. Путина, «создание Евразийского союза, эффективная интеграция – это тот путь, который позволит его участникам занять достойное место в сложном мире XXI века. Только вместе наши страны способны войти в число лидеров глобального роста и цивилизационного прогресса, добиться успеха и процветания» [2].

В 1998 г. Россия и Казахстан подписали Декларацию о вечной дружбе и союзничестве. В октябре 2000 г. Белоруссия, Казахстан, Россия, Таджикистан, Узбекистан подписали Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества. В 2006 г. было принято решение о создании Таможенного союза в составе Белоруссии, России и Казахстана. В том же 2006 г. парламент РК ратифицировал протокол к соглашению о взаимных безвизовых поездках граждан. С 1 января 2010 г. начал действовать Таможенный союз трех стран. С 1 января 2015 г. начинает функционировать Евразийский экономический союз. Недавно Парламент Казахстана ратифицировал договор 2013 г. между РК и РФ «О добрососедстве и союзничестве в XXI веке». Как заявил министр иностранных дел республики Е. Идрисов: «Казахстан рассматривает Россию в качестве ключевого политического и экономического партнера на Евразийском пространстве».

Сотрудничество России и Казахстана динамично развивается, становится многоплановым. Это политические, экономические, культурные связи, научно-техническое сотрудничество, оборона, безопасность, правопорядок и многое другое.

В последние годы в мире происходят события, нарушающие суверенитет многих государств. «Право сильного» становится международным законом. В результате действий западных стран Сербия потеряла Косово – часть своей исторической территории. Оранжевые революции, имевшие место в ряде стран большой исламской дуги, во многом были срежиссированы извне. После смены власти в Ираке, Египте и Ливии, в этих странах наступила опасная дестабилизация, способная перекинуться на Кавказ и Среднюю Азию. Дело дошло до того, что радикалы создали свое государство ИГИЛ-ИГ. Мы, конечно, не против, если в каких-то странах происходят подлинно народные, демократические революции, поддержанные большинством народа. А также, если эти революционные события не перекидываются на территорию других стран, не происходит экспорт революции. Экспорт революции угрожает соседним государствам и часто наносит удар по своим режиссерам. Некогда, после прихода к власти в Афганистане, талибы угрожали государствам Средней Азии. Дело закончилось тем, что талибы нанесли удар по бывшим своим хозяевам. В тех условиях, когда одна из супердержав, расположенная в западном полушарии, не понимает всей угрозы исходящей от подобных радикальных группировок, Россия поступает достаточно мудро, не допуская переноса проблемы на свою территорию и территорию своих союзников. Российская 201-я мотострелковая дивизия, расположенная в Таджикистане, защищает южные рубежи СНГ и стран-участниц ОДКБ, тем самым обеспечивается определенное спокойствие в среднеазиатских республиках. Наличие российских военных

баз в центрально-азиатском регионе можно считать одним из аргументов, гарантирующих мир и спокойствие в регионе, суверенитет республик, защищающих южные рубежи РФ. Ведь не секрет, что есть планы ряда зарубежных стран, направленные на расшатывание существующих политических режимов в постсоветских республиках. Можно вспомнить попытки дестабилизировать ситуацию в среднеазиатских республиках, на Кавказе и ряде республик России. В 2010 г. Россия и Казахстан, совместно с США, помогли Кыргызстану избежать гражданской войны. Россия больше всех должна быть заинтересована в сохранении стабильности в центрально-азиатских республиках, в том числе и в Казахстане. Если наступит дестабилизация обстановки в Казахстане или иной среднеазиатской республике, то это серьезным образом может затронуть Россию.

Большое значение для обеих сторон имеет партнерство в военной сфере. Казахстан и Россия осуществляют сотрудничество в рамках Организации Договора Коллективной Безопасности. Россия оказывает огромное содействие становлению казахстанских вооруженных сил, оснащению казахстанской армии вооружением, подготовке казахстанских офицеров в военных учебных заведениях России.

Военное сотрудничество носит многоаспектный характер. По одним сведениям, на территории Казахстана остались самые крупные в ближнем зарубежье военные объекты бывшего СССР, которые продолжают иметь важное значение для обеспечения обороноспособности России. На основе двусторонних соглашений Россия сохранила за собой (в качестве арендатора) и в настоящее время продолжает эксплуатировать в Казахстане семь крупных военных объектов. Общая площадь арендуемых Россией на казахстанской территории объектов превышает 11 миллионов гектаров. Это – 5-й Государственный испытательный полигон МО России (космодром «Байконур»), объекты 4-го Государственного межвидового испытательного полигона МО России: полигон «Капустин Яр» (расположен большей частью в России, но занимает также земли в пределах Атырауской и Западно-Казахстанской областей Казахстана), 20-я отдельная испытательная станция и два измерительных пункта (ИП-8 и ИП-16) (Западно-Казахстанская область). Предназначены для обеспечения проведения испытаний ракетной техники и боеприпасов 10-й Государственный испытательный полигон МО России (полигон «Сары-Шаган»), 5580-я база обеспечения испытательных работ (бывший 11-й Государственный испытательный полигон МО России – полигон «Эмба»), отдельный радиотехнический узел 3-й отдельной армии ракетно-космической обороны Космических войск ВС России (объект «Балхаш-9»), отдельный полк транспортной авиации ВВС России. Базируется на аэродроме в городе Костанай [3].

В связи с этим хотелось бы отметить одну интересную деталь. В международных делах, особенно в военных компаниях, Великобритания выступает в качестве союзника США. К сожалению, Россия в подобных ситуациях практически одна. Китай и Индия не являются союзниками России. Думается, Казахстан мог бы играть роль подобного союзника России на международной арене. Ведь у Казахстана есть огромный потенциал. Казахстан занимает девятое место в мире по размеру территории, занимает выгодное геополитическое и военно-стратегическое положение, географически глубоко вдаваясь в Центральную Азию. Также Казахстан имеет достаточно сильную экономику, вооруженные силы, большой международный авторитет. При оказании Россией еще большей помощи становлению казахстанской армии и развитию экономики Казахстан также мог бы выступать в роли государства, обеспечивающего стабильность и защиту в центрально-азиатском регионе.

Казахстан является многонациональной страной, где доля русских по переписи 2009 г. составляет 23,7%. Согласно Конституции РК, в государственных организациях и органах местного самоуправления официально употребляются русский и казахский языки. Через использование русского языка, который сильно распространен в Казахстане, расширяется возможность знакомиться с культурными, научными и техническими достижениями мира. Как отметил Президент РК Н.А. Назарбаев, «русский язык нам всем надо знать... казахи через русский язык вышли на мировую культуру. Нельзя терять богатство, которое ты имеешь. А чем больше человек языков знает, тем культурнее он становится. К тому же, русский язык – это великий язык, язык великих писателей»[4]. Есть еще одно высказывание главы Казахстана: «Вся мировая наука переводится на английский язык и на русский. Если бы мы не знали русский язык, где бы мы брали знания?» [5].

Между нашими странами всегда были тесные культурные связи. 2003 год был объявлен Годом Казахстана в России, а 2004 г. – Годом России в Казахстане. В Год Казахстана в России было проведено около 150 культурных и научных мероприятий. Это и встречи, концерты, конференции, и многие другие культурные мероприятия, проведенные почти в трех десятках регионах России. На официаль-

ном открытии Года Казахстана в России Президент Казахстана Н.А. Назарбаев сказал: «Мы обязаны сделать все от нас зависящее для дальнейшего развития и углубления связей между двумя нашими странами и народами. Россия и Казахстан всегда были вместе, делили все горести и радости поровну, а сейчас сообща противостоят угрозам современного мира – терроризму, организованной преступности, распространению наркотиков, незаконной миграции. Развитие подлинно дружественных партнерских отношений с Россией имеет приоритетное значение для Казахстана». Президент России В.В. Путин в своей речи отметил, что для перспективного сотрудничества с Казахстаном уже есть и прочный фундамент, и объективные экономические и геополитические предпосылки... Есть гарантии и уверенность, что все это будет работать на интеграционные процессы в СНГ и ЕвразЭС [6].

Для Казахстана важное значение имеет научно-техническое сотрудничество с Россией. Еще со времен СССР многие индустриальные, промышленные предприятия были сосредоточены в России. Техническое переоснащение Казахстана, реализация индустриально-инновационной политики могут быть более успешными при тесном взаимодействии с Россией. Сейчас при помощи РФ в Казахстане происходит освоение космических технологий. В ходе встречи в 2012 г. президенты двух стран заявили о важности дальнейшего использования и развития научно-технического потенциала «Байконура» в интересах обеих стран. Казахстан и Россия заявили, что будут и дальше развивать научно-техническое сотрудничество в приоритетных направлениях науки и техники.

Экономическому сотрудничеству с Россией нет и не может быть альтернативы. Единое экономическое пространство, зона свободной торговли, Таможенный союз, Евразийский союз – это важные вехи экономического сотрудничества наших государств. Политики и журналисты наших стран обсуждают возможное появление единого банковского регулятора, общей валюты. В свое время Президент РК Н.А. Назарбаев предложил идею о единой валюте (алтын) на территории государств-участников единого экономического пространства.

Надо отметить еще одну особенность важности экономического сотрудничества с Россией. Казахстан является внутриконтинентальным государством. Возможные кратчайшие торговые пути в Европу лежат через Россию. Казахстан экспортирует нефть, газ и иное сырье в Европу через территорию России. Пути через южные регионы нежелательны, исходя из их нестабильности в ряде стран. Недавно было заявлено, что Казахстан будет иметь выход к морю через один из морских портов Китая – порт Ляньюньган. Однако это не является какой-то альтернативой европейским морским портам России. Казахстану надо шире сотрудничать с Россией в плане развития морской торговли.

Наши государства во многом похожи. Между нашими странами нет особых культурных и иных различий. И Россия, и Казахстан являются президентскими республиками. В обеих из них развивается демократия, парламентаризм. В целом становление государственности на современном этапе в РФ и РК имеет много общего. Наши народы многие годы живут в дружбе и добрососедстве. О тесных взаимоотношениях наших стран и народов можно судить и по количеству открытых посольств и консульств. В Казахстане свободно вещают российские телеканалы и радиостанции, свободно распространяются российские газеты и журналы. Это доказывает просторы свободы информации в Казахстане. Наши страны урегулировали в международном договоре вопросы государственной границы. В целом нашими странами сделано немало для укрепления дружбы, добрососедства и партнерства. Думается, что союз наших стран будет и дальше развиваться на взаимовыгодной основе.

Список использованных источников

1. Ст. 13 Соглашения о создании Содружества Независимых Государств от 8 декабря 1991 г. // <http://www.rusarchives.ru/statehood/10-12-soglashenie-sng.shtml>.
2. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // <http://izvestia.ru/news/502761>
3. Российские военные базы за рубежом // <http://ria.ru/spravka/20140326/1001038148.html#14145954799373&message=resize&relto=register&action=addClass&value=registration>.
4. Назарбаев высказался относительно развития казахского и русского языков в Казахстане // <http://meta.kz/novosti/kazakhstan/756797-nazarbaev-vyskazalsya-otnositelno-razvitiya-kazahskogo-i-russkogo-yazykov-v-kazahstane.html>.
5. Русский язык в суверенном Казахстане. Мнение Нурсултана Назарбаева // <http://uknews.kz/news/russkii-yazyk-v-suverennom-kazahstane-mnenie-nursultana-nazarbaeva>.
6. Год Казахстана в России стартовал успешно // <http://www.info-tses.kz/red/article.php?article=7508>.

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И ИРАНА

I.V. Bazilenko

HISTORY OF DIPLOMATIC RELATIONS ESTABLISHMENT BETWEEN RUSSIA AND IRAN

Аннотация: Статья посвящена истории становления регулярных дипломатических отношений между Россией и Ираном (Персией) начиная с XVII в., в эпоху правления новой династии Романовых и династии Сафавидов.

Abstract: The article focuses on the history of the establishment of the regular diplomatic relations between Russia and Iran (Persia) in the epoch of the new Romanov's dynasty and the Safavids beginning from XVII c.

Ключевые слова: История, Россия, Иран (Персия), дипломатические отношения, Романовы, Сафавиды, посольства.

Key words: History, Russia, Iran (Persia), diplomatic relations, the Romanovs, the Safavids, envoys.

Регулярные дипломатические и торговые связи между Российским и Иранским государствами в эпоху достоверной истории были установлены с приходом к власти в Иране династии Сафавидов (1502–1736), сделавшая шиизм государственным вероисповеданием. Самый известный монарх новой династии – Аббас I (1587–1629), прозванный «Бозорг» («Великий»), активно выдвигал на административные должности представителей ираноязычной бюрократии и оседлых землевладельцев. Не последнюю роль в «иранизации» внутривосточного курса Сафавидов сыграло то обстоятельство, что основным внешним врагом Ирана в это время выступала Османская империя, войны с которой велись за стратегические территории и торговые пути под оболочкой борьбы шиизма и суннизма. В борьбе с Турцией Аббас I стремился опереться не только на внутренние силы, но и заручиться поддержкой иностранных государств.

К этому времени Россия, обретя своего первого царя в лице Ивана IV Грозного (1547–1584), завоевав Казань (1552) и покорив Астрахань (1556), увеличила славу своего оружия настолько, что многие правители искали её благорасположения вплоть до добровольного перехода под власть, подобно князьям пятигорских черкесов (1554). Помимо политических мотивов, у иранского шаха были и экономические интересы после открытия английскими купцами морского пути в Россию через Белое море (1553). Последнее событие открыло новый этап в отношениях Ирана с Европой, заинтересованной в установлении торговых отношений с Ираном, минуя Османскую империю. После успешных действий России против крымских татар в 1559 г. в Москву среди прочих отправились послы удельных иранских правителей с дарами и просьбами разрешить торговлю.

Приоритетной в русско-иранских отношениях оставалась «турецкая» проблема. В 1589 г. ко двору царя Фёдора (1584–1598) прибыло иранское посольство, отправленное ещё отцом Аббаса I шахом Мухаммадом Ходабанде (1578–1587), с обещаниями передать России Баку и Дербент, если русские отобьют их у турок. Очевидно, что власть «неверного» русского царя над этими территориями рассматривалась иранскими монархами в качестве меньшего зла, нежели турецкое правление.

Безусловно, каждая из действовавших в международной политике сторон преследовала свои цели и стремилась достичь их различными средствами. Иран, терпя тяжёлые поражения от Турции и оставя свою территорию, был крайне заинтересован в союзе с могущественной Россией. Россия, желая помочь православным грузинам, притесняемым турками, подавала надежды на создание антитурецкой коалиции европейским державам и Ирану; рассчитывала при помощи папы Римского и австрийского двора заключить мир с Польшей на выгодных условиях. Европейцы надеялись, что Россия, вступив в войну с Турцией, отвлечёт последнюю от Венгрии, где император Рудольф II (1552–1612) с трудом сопротивлялся турецкой армии. Царь Кахетии Александр II (1574–1605), подданный иранского шаха, присягнувший ему на верность и отдавший в залог своего сына Константина, после того, как турки прервали сообщение между Ираном и Грузией, в 1587 г. присягнул царю Фёдору, рассчитывая, что Россия удержит турок скорее, чем нерегулярное иранское войско.

Принимая во внимание необходимый прагматизм дружественных связей между Ираном и Россией, обусловленных фоном происходивших политических событий, всё же хотелось бы отметить интенсивность русско-иранских дипломатических контактов и подчеркнутое уважение, которое обе стороны оказывали друг другу. Отправленный в 1588 г. в Иран посланник Г.Б. Васильчиков вёз с собою

царские грамоты на имя шаха Мухаммада Ходабанде, поскольку в России ещё не было известно о приходе к власти Аббаса I. Только в Гиляне посольство узнало о смене иранского монарха. Посольство было срочным, сопровождал его от Москвы персидский посланник Хади-бек (Андибек, Андиди-бей), так что возвращаться за новыми грамотами не было возможности. Посоветовавшись с астраханскими воеводами, Васильчиков решился на смелый поступок: переписал основную грамоту на имя Аббаса I и привесил к ней печать от запасной грамоты. Задача посольства заключалась в том, чтобы закрепить российские владения на Кавказе до Грузии и Шемахи и получить подтверждение намерения иранцев уступить Дербент и Баку в случае освобождения их от турецких войск.

Названный в грамоте «брат наш, Аббасово величество»¹, Аббас I не только «не заметил» переписанной грамоты, но и принял посольство настолько торжественно и тепло, что вызвал удивление у своих подданных и у русского посла, который впоследствии свидетельствовал царю:

«А шах Аббас меня, холопа твоего, принял с великой любовью и хочет с тобою государем в бротцкой (здесь и далее орфография и синтаксис автора. – *И.Б.*) любви и дружбе и в соединенье, и городов Баки и Дербени тебе государю поступаетца, и на всех недругов твоих государевых и своих хочет с тобою государем стояти заодин»².

В нарушение придворного этикета и общепринятых иранских традиций Аббас I пошел навстречу требованию Васильчикова и, отменив положенное для всех послов по протоколу целование туфли шаха, согласился соблюсти обычай русского царя возлагать руку на голову посла по завершении его речи.

В это же время при персидском дворе находились турецкие послы с предложениями султана о мире и обещаниями вернуть все завоеванные территории за исключением Ширвана, Шемахи, Баку и Дербента при условии заключения брака между султаном и сестрой шаха. К чести Аббаса I стоит отметить, что он не отказался от обещаний России, которые давал свергнутый им отец – болезненный и безвольный Мухаммад Ходабанде. Шах подтвердил все обещания и отправил вместе с Васильчиковым ответное посольство в Москву.

С 1589 г. Москва и Казвин регулярно обменивались посланниками и гонцами. Иранцы чаще отправляли своих официальных и полуофициальных представителей, многие из которых совмещали дипломатическую деятельность с собственными торговыми интересами; ввозили персидские товары в Россию, а российские – в Иран. Вышеупомянутый Хади-бек в 1589–1595 гг. успел трижды побывать в Москве с иранскими купцами.

Следующие русские послы были также радушно приняты при персидском дворе. Вслед за посольством князя А. Д. Звенигородского (1594), которое должно было обсудить с шахом совместные действия против турок и, освободив из-под залога грузинского князя Константина, отправить его к отцу, в Иран было отправлено посольство князя В.Тюфякина и дьяка С.Емельянова. История этого посольства представляет собой пример степени уважения Ирана к России как великой державе, уважения, стоящего в прямой зависимости от силы и могущества основ российской государственности на рубеже XVI–XVII вв. К несчастью, посол Тюфякин умер во время плавания через Каспий, поскольку уже сел на корабль больным. На персидской земле скончался дьяк Емельянов, на месте смерти которого шах впоследствии распорядился поставить большую каменную гробницу. Оставшиеся члены посольской миссии намеревались вернуться на родину, но по приказу шаха было решено доставить их ко двору. В результате эпидемии неизвестной болезни по дороге скончалось ещё 38 чел. Уцелевшие были людьми незнатными и не облечёнными никакими полномочиями. Однако Аббас I усадил их на места более почётные, чем те, на которых сидели грузинский царевич, грузинские и бухарские послы, и разразился всем на удивление пространной речью в адрес собравшихся, в которой всячески расхваливал русского царя и, по словам россиян, говорил:

«А нынеча мне Бог дал брата государя царя и великого князя Фёдора Ивановича всея России, на него ся и надеюмся и хвалю, им и живу, его великим именем язъ во всех землях грозен. ... Бог мне его дал, и токо бы не море, а сухим путём не опщей наш зъ братом недруг турский розлучил, и язъ бы по трожды на всякой год к брату своему ездил сам на поклонение»³.

¹ Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / под. ред. Н.И. Веселовского. Т. I. СПб., 1890. С.6.

² Там же.

³ Там же.

Серьёзный конфликт едва не произошёл, когда россияне, не имевшие в отсутствие посла и его заместителей права вручать царские грамоты шаху, стали утверждать, что посол перед смертью сжёг их. Иранцы были обижены отказом предъявить грамоты, потребовали их под угрозой вернуть все царские подарки и выслать остатки злополучного посольства из Ирана. Стремясь избежать гнева царя и шаха одновременно, русские дали персам возможность обыскать их жилище и «найти» часть грамот, заблаговременно спрятав другие. После этого шах с почётом отпустил посольство в Москву.

По мере укрепления на престоле, проведения реформ по созданию регулярной армии, оживления торговли и ремёсел шах Аббас I усиливал своё влияние в регионе и менял свою внешнюю политику соответственно росту значения Ирана. Из своей новой столицы Исфахана (с 1598 г.), расположенного подальше от границ с Турцией и Россией, шах с большей настороженностью относился к российскому влиянию на Кавказе и подстрекал кавказских вассалов на агрессивные действия по отношению к посланцам русского «брата» (задержание и ограбление П. Неелова шавкальским ханом в 1600 г.). Прибывший ко двору царя Бориса Годунова (1598–1605) в 1600 г. персидский посол Пергули-бек требовал от России снести военный городок на р. Койсу, простить шавкальского хана и не пытаться переманить его в российское подданство. Очевидно, что до шаха дошли слухи о непрочности власти нового царя, поскольку отправленным вместе с Пергули-беком князю А.Ф. Жировому-Засекину, Т.В. Засецкому и дьяку И.Шарапову было дано поручение объявить, что царь Борис Фёдорович взошёл на престол по завещанию царя Фёдора Ивановича.

Увеличению числа недоразумений и охлаждению русско-иранских отношений в немалой степени способствовала переменчивая политика грузинских царей. Царь Кахетии Александр II, который искал покровительства России, хотел сохранить расположение турецкого султана и персидского шаха, и отправил каждому в залог верности своих сыновей. Его преемник царь Давид, «готовый присягать каждому»⁴, в 1602 г. без колебаний целовал крест на верность русскому царю в присутствии российских послов И. Нащокина и И.Леонтьева.

Аббас I продолжал надеяться на заключение русско-иранского военного союза, направленного против Турции, и в 1600 г. отправил в Москву посольство во главе с Хусайн-Али-беком и англичанином Антонием Шерли, которое затем проследовало в империю Габсбургов, Германию, Испанию и Ватикан.

В области торговли основной темой русско-иранских отношений являлся проект транзита через Россию европейских и иранских товаров, что сулило чрезвычайные преимущества и выгоды не только европейцам и иранцам, но и России. Освоение торгового пути по Волго-Каспию старались осуществить англичане. Ещё при Иване Грозном агент английской «Московской» купеческой компании Антоний Дженкинсон, сопровождавший британского посла Ченслера, отправился из Москвы в Бухару (1558–1559), а затем по Волго-Каспийскому пути – в Иран (1561–1563), после чего на некоторое время был налажен вывоз шелка в Европу через Россию. В дальнейшем главным образом из-за незаинтересованности Сафавидов и отсутствия должной организованности русского торгового капитала северный транзитный путь практически прекратил своё существование.

Со вступлением России в период Смутного времени всякие отношения с Ираном прекратились. Иранское посольство амира Али-бека, отправленное Аббасом I из Исфахана в феврале 1608 г., было задержано под Москвой и ограблено войсками Лжедмитрия II. После того, как войско самозванца отогнали от столицы, по приказу В.Шуйского посольство отправили в Нижний Новгород, где иранцы находились до весны 1613 г. С установлением власти династии Романовых посольский приказ пригласил иранцев в Москву, где их принял царь Михаил Фёдорович (1613–1629). Перед посольством амира Али-бека первоначально стояли следующие задачи: разведать состояние дел в России, возобновить прерванные московскими неурядицами дипломатические связи и торговлю, просить русских помочь в войне с Турцией обеспечением безопасности тылов иранской армии по рекам Терек, Сунжа и Койсу. Внешним предлогом посольства была передача русских солдат и офицеров, освобождённых шахскими войсками из турецкого плена. Однако по прошествии пяти лет с момента отправки иранцев в Московию международная обстановка и внутривосточное положение в обеих странах изменились так, что задачи, стоявшие перед амиром Али-беком, пере-

⁴ [Броневский С.М.] Исторические Выписки о сношениях России с Персиею, Грузией и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими, со времен царя Иоанна Васильевича доныне / изд., пред., указ. И.К.Павловой. СПб., 1996. С.41.

стали быть актуальными. В 1612 г. Иран победоносно завершил войну с Османской Турцией и заключил удачный мирный договор в то время, когда Россия находилась в состоянии разрухи после десятилетия внутренних потрясений и иностранной интервенции. В результате посольство ограничилось восстановлением прежних дружественных отношений, признало законность восшествия на престол династии Романовых и повезло Аббасу I доклад о плачевном состоянии российских дел. Вместе с ним было отправлено из Москвы ответное посольство нового царя во главе с М.Н.Тихоновым (Тихоновым).

Историки неоднозначно оценивают российскую политику Аббаса I в период Смутного времени. Одни считают, что шах не замедлил воспользоваться временной слабостью северного соседа для укрепления за его счет своих позиций. В качестве примеров приводят поход Аббаса в Восточную Грузию в 1614 г., приём при дворе послов атамана И.Заруцкого и М.Мнишек с предложениями передать захваченную их войском Астрахань в иранское владение, унижение достоинства представителей законной русской власти, которых на аудиенции поставили вровень с посланцами мятежников, неискреннее расположение иранского монарха к новому российскому государю, продиктованное лишь необходимостью быть уверенным в безопасности тылов иранской армии в преддверии новой войны с Турцией, и т.п.⁵ Другие историки утверждают, что шах «во время междоусобий, раздиравших Россию, оказал многие опыты чистосердечной дружбы его к российскому двору»⁶. Приводят следующие контраргументы: когда Заруцкий через послов отдавал себя, М.Мнишек с «царевичем» и Астрахань в руки иранцев, то Аббас I не только отверг заманчивое предложение и отказал мятежникам в возможности укрыться в Иране, но и передал посланцев бунтовщика И. Хохлова и Я.Гладкова в руки М.Н.Тиханова (хотя и просил Михаила Федоровича простить их). Грузинский поход шаха был во многом вызван политикой самих грузинских князей, которые часто изменяли данной тому или иному монарху клятве верности и корректировали направление своей внешней политики в зависимости от военных успехов или неудач России, Ирана и Турции.

Истина в данном вопросе, как представляется, находится ближе к «золотой середине» и заключается в том, что ослабевшее Московское государство все еще было велико и людно. Шах, понимая это, старался поддерживать традиционные дружественные связи с русскими. При этом, будучи естественным образом более всего заинтересованным в выгодах для своей страны (как и полагается хорошему правителю), Аббас I всячески пытался увеличить мощь Ирана с учётом изменившейся международной обстановки. Помимо объективных факторов, повлиявших на временное охлаждение русско-иранских отношений в первой половине XVII в., были и субъективные. Посол Булат-бек, который в 1615–1621 гг. трижды побывал в России, заметно испортил отношения между двумя странами своими интригами и лживыми рассказами о плохом приёме в Москве, о том, что персидское посольство морило голодом и т.п. В свою очередь Аббас I в 1628 г. жаловался царю на князя Г. Тюфякина, Г. Феофилаьева и дьяка Панова, оскорбивших шаха. В частности, иранский монарх утверждал, что русские послы не доставили ему достаточное количество кречетов (почти все подошли в пути), не прислали вовремя оконных мастеров, не представились шаху вместе с другими послами, не участвовали по приглашению шаха в смотре лошадей, не явились к нему на прием в одежде, которую он им подарил. Кроме того, послы не допили до конца своего бокала за царское здоровье, за что на родине их должны были (по мнению шаха) казнить (впоследствии по приказу Михаила Федоровича были посажены на некоторое время в тюрьму и лишены вотчин).

Торговые отношения в этот период развивались очень медленно. Русские купцы редко отправлялись в Иран, посредниками чаще выступали закавказские торговцы. Московское государство, узаконившее статус шахских купчин с различными льготами и привилегиями с 1616 г., чувствовало себя уязвлённым тем, что шахский двор всячески уклонялся от аналогичных обязательств по отношению к русским и предоставлял в то же время торговые льготы другим иностранцам (шахский указ от октября 1616 г. о льготах Ост-Индской компании). Некоторое оживление торговли по Волго-Каспийскому пути наметилось лишь в 20-е гг. XVII в. Самым заметным

⁵ Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1613–1621 гг. (по русским архивам). М., 1987.

⁶ [Броневский С.М.] Исторические Выписки о сношениях России с Персией, Грузией и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими, со времен царя Иоанна Васильевича донныне. С.51.

событием со времени знаменитого путешествия в 1471–1474 гг. Афанасия Никитина стала поездка в 1623–1624 гг. по царскому указу купчины Ф. А. Котова с 8 товарищами, которые ходили за море в персидскую землю с государевой казною. По возвращении они сообщили множество сведений о состоянии ремёсел, сельского хозяйства, торговли, религии и нравах иранского народонаселения.

Питая искреннее расположение к царю Михаилу Федоровичу, Аббас I часто отправлял к нему послов с дарами. Когда в 1616–1617 гг. Аббас I завоевал Грузию, царь Михаил Фёдорович в ответ на просьбу царя Кахетии Теймураза I (1589–1663) взял единоверца под защиту. В 1622 г. во время переговоров о дальнейшей судьбе Грузии и царя Теймураза шах заявил русским посланникам, что он взял в Грузии в качестве трофея в соборе Светицховели Ризу Господню, и намерен послать её в Москву в дар царю Михаилу Фёдоровичу и патриарху Филарету (1554–1633).

Шах сдержал слово: в марте 1625 г. персидский посол привёз в Москву честную Ризу в золотом ковчеге, украшенном драгоценными камнями. Вместе с ним посол вручил патриарху письмо, в котором шах извещал, что, покорив Грузию, он обрёл эту святыню в ризнице митрополита, сокрытую в кресте.

Особенно интенсивной и взаимовыгодной стала торговля между Ираном и Россией в царствование Алексея Михайловича (1629–1676), у которого сложились дружеские отношения с Аббасом II (1642–1666). В это время Россия, заключив необходимые соглашения с колонией торговцев-армян, насильно переселённых Аббасом I в окрестности Исфахана, вывозила в больших количествах из Ирана шелк-сырец и шелковые ткани, извлекая хорошую прибыль из налаженной торговли по Волго-Каспию. Благодаря шахскому указу (1664), освобождавшему россиян от пошлин за постой и наём помещений, в Шемахе у русских купцов был свой караван-сарай, где постоянно торговали оловом, медью, кожей и соболями. Главными препятствиями для дальнейшего развития торговли являлись попытки иранских производителей отправлять в Россию шелковую материю худшего качества и частые разбои казаков на море и суше. Серьёзный конфликт между странами возник в 1650 г. после ограбления каравана ширванских торговцев, виновниками которого иранцы называли гребенских казаков. В ответ кавказские вассалы шаха разорили пограничную русскую крепость Сунжу, иранские купцы были задержаны в России, а русские – в Иране. Едва удалось к 1662 г. ликвидировать этот конфликт, как в 1667 г. прикаспийские области подверглись нападению донских казаков С.Т. Разина, который захватывал и жёг персидские и российские торговые суда, грабил и разорял торговые центры (Астрахань, Решт и др.). Окончательно нападения разинцев прекратились только к 1671 г., когда главарь был разбит и казнён в Москве. В данном случае иранцы понимали, что вторжение казаков-разбойников произошло не по вине русского царя, и воздержались от ответных враждебных действий и претензий русской стороне.

Последовавший период ознаменовал новый этап в русско-иранских отношениях, связанный с активизацией европейской внешней политики на Востоке, что было обусловлено не только изменением международной обстановки и обострением «восточного вопроса», но и сложной внутривосточной ситуацией, в которой оказался Иран в первой четверти XVIII в.

Список использованных источников

1. Базиленко И.В. Россия – Иран: история отношений и эволюция религиозных идей (конец XVI в. – нач. XX в.). Saarbrücken, 2012. 316 с.
2. Белокуров С.А. Дело о присылке шахом Аббасом Ризы Господней царю Михаилу Федоровичу в 1625 году. М.: Типография Э. Лиснера и Ю. Романа, 1891.
3. [Броневский С.М.] Исторические Выписки о сношениях России с Персией, Грузией и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими, со времен царя Иоанна Васильевича донныне / изд., пред., указ. И.К. Павловой. СПб., 1996.
4. Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1613 – 1621 гг. (по русским архивам). М., 1987.
5. [Котов Ф.А.] Хожение купца Федота Котова в Персию / публ. и предисл. Н.А. Кузнецовой. М., 1958.
6. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / под. ред. Н.И. Веселовского. Т. I. СПб., 1890.

**ПРОБЛЕМА КИПРА В ТУРЕЦКО-РОССИЙСКИХ
ОТНОШЕНИЯХ (1964–2005 ГГ.). ОТНОШЕНИЯ РОССИИ
С РЕСПУБЛИКОЙ КИПР В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ**

A.V. Barysheva

**THE CYPRUS PROBLEM IN THE CONTEXT OF TURKEY AND RUSSIA
RELATIONS (1964–2005). THE RELATIONS OF RUSSIA
AND CYPRUS IN ECONOMIC SPHERE**

Аннотация: Статья посвящена роли России в конфликте на о. Кипр. В статье отражены основные аспекты отношений России с Турцией и общинами греков- и турок-киприотов, особенно экономический аспект отношений РФ и Республики Кипр.

Abstract: The article is devoted to the role of Russia in Cyprus conflict. The article is demonstrating the main aspects of Russia-Turkey relations and relations with Turkish Cypriots and Greek Cypriots, especially economic aspect in the Cyprus-Russia relations.

Ключевые слова: Кипр, НАТО, ООН, план Аннана, региональная безопасность, экономика.

Key words: Cyprus, NATO, the UN, Annan's plan, regional safety, economics.

Начиная с XVI века, т.е. с поселения турок на Кипре, эта проблема существует и по XXI век. Позже остров был аннексирован Великобританией. С 1960 г. общины турок- и греков-киприотов были объединены в единое государство-член ООН со своей конституцией. Но в 1974 г. идеи эносиса греков, существовавшие еще с поселения турок на Кипре, достигли критической отметки, поэтому Турция высадил свои войска на Кипре, и остров окончательно разделился на две части, границы которых проходили по «зеленой линии» ООН. После 1974 г. на юге греки-киприоты образовали Республику Кипр, которая в мае 2004 г. вступила в ЕС. В 1983 г. образовалась Турецкая Республика Северного Кипра, которая до сих пор остается непризнанной. ООН предпринимала много попыток объединения разделенного острова, например, «Комплекс идей» (1992 г.) и общеизвестный план Аннана. В апреле 2004 г. на Кипре состоялся референдум о принятии плана Аннана, но греки-киприоты проголосовали против.

Интересы СССР в Восточном Средиземноморье обуславливались необходимостью обеспечения прохода Черноморского флота через проливы, близостью региона к Ближнему Востоку и идеологическими соображениями. СССР, разумеется, был заинтересован в сохранении напряженности между странами НАТО по поводу Кипра, но при этом не стремился чрезмерно активно вмешиваться в ситуацию, т.к. это могло вызвать негативную реакцию США на других направлениях. Еще одним мотивом было осознание важности Турции, чья военная мощь и роль в НАТО делали ее более ценным союзником в сравнении с Грецией. С одной стороны, она стремилась не допустить доминирования на острове ни одной из стран НАТО и потому поддерживала независимую политику Кипра. Практическим воплощением этой линии стали поставки оружия на остров (1964–1965 гг.) и заявление о том, что в случае турецкой агрессии СССР «не останется в стороне». С другой стороны, в Кремле делали ставку на укрепление советско-турецких отношений и ослабления юго-восточного крыла НАТО. СССР сдержанно осудил турецкую оккупацию Кипра (1974 г.), ограничиваясь в дальнейшем формальной поддержкой усилий ООН. Развитие ситуации устраивало СССР: Турция и Греция находились на пороге войны, последняя вышла из военной структуры НАТО, антиамериканизм достиг своего предела в Греции, а введенное Конгрессом США эмбарго на поставки вооружений Анкаре (1975 г.) серьезно осложнило американо-турецкие отношения, давая стимул быстрому развитию советско-турецких связей. Но этот период был недолгим. Эмбарго было вскоре смягчено, а в 1978 г. окончательно снято; в 1980 г. Греция вернулась в военную структуру НАТО. Годы перестройки привели к постепенному и все более глубокому погружению СССР во внутренние проблемы, поэтому кипрский вопрос не интересовал Москву. После распада Советского Союза во второй половине 90-х гг. Россия, с трудом выстраивающая отношения с Западом, опять начала осознавать геополитическую ценность Греции, Турции и Кипра. Россия поддерживала посреднические усилия ООН и выступала за независимость Кипра, где российские интересы были бы защищены. Заметны шаги по развитию сотрудничества с

Грецией и Кипром в военной сфере. Таким образом, Россия стремилась к использованию данного фактора в своих интересах на Балканах и в Европе в целом¹. В конце XX века Россия сыграла значимую роль в обострении греко-турецких отношений. 5 января 1997 г. правительство Кипра и «Росвооружение» подписали контракт на поставку российских установок С-300 на Кипр и объявили, что С-300 будут размещены в греческой части Кипра. Как только правительство Кипра заявило о своем решении, ЕС и США выступили против, считая Кипр исключительно зоной своего влияния. Но самой резкой была реакция Турции. МИД Турции заявил, что Турция не может проигнорировать тот факт, что турецкая община Кипра окажется в опасности и возникнет угроза ее территории, будет нарушен турецко-греческий баланс в Восточном Средиземноморье. Т.к. С-300 были в состоянии поражать удаленные территории Турции, то Анкара воспринимала их как посягательство на свои жизненно важные интересы. В заявлении турецкого МИДа был высказан протест в адрес России, продавшей Кипру ракетные комплексы. В Анкаре заявили, что если ракеты будут действительно размещены, это станет «поводом к войне». Россия же считала, что договором о продаже этих комплексов она расширяет свои возможности на европейском рынке вооружений. Анкара, заявляя, что, изменив расстановку сил в регионе, может открыть путь опасному развитию обстановки, пытаясь предотвратить поставку ракет. Москва же утверждала, что это исключительно коммерческая операция и отмечала, что в течение будущего года поставки будут осуществляться. В то же время российская и греческая стороны заявили, что ракеты типа С-300 с радиусом 150 км представляют собой исключительно оборонительную систему. Турция же делала акцент на том, что ракеты обладают потенциалом, способным достичь Внутренней Анатолии и, давая понять, что в случае доставки на Кипр ракеты будут уничтожаться, задержала в Проливах направляющиеся из России на Средний Восток суда с военными грузами с подозрением, что эти грузы и есть С-300. Опасения Турции были вызваны также тем, что база близ Пафоса, защищаемая ракетами С-300, могла подвести военно-воздушные силы Греции значительно ближе к Турции и решающим образом продлить время возможных полетов над континентальной Турцией. Тем самым С-300 с турецкой точки зрения имели наступательную функцию, направленную против Турции. Иными словами Греция получила возможность оказывать с Кипра силовое воздействие на Турцию и контролировать южную часть Турции. Поставкам зенитных установок на Кипр способствовала бы контролю морских путей к Анатолийскому полуострову. Т.к. 88 % всего внешнего товарооборота Турции зависят от морских путей, подобная ситуация для Турции была неприемлема. Кроме того, запланированное проведение нефтепровода с Кавказа и Средней Азии на юге Турции дало бы Греции контроль над стратегически важным для Турции источником дохода. Это решение Греции было вызвано не только кипрской проблемой, но и действиями Турции. В начале 90-х гг. XX века вспыхнули конфликты в Юго-Восточной Европе и на карту были поставлены границы и существование целых государств, в Греции сложилось впечатление, что Турция в этой ситуации хочет выстроить «исламскую дугу» вокруг Греции: от Албании через страны, возникшие на месте Югославии, до восточного побережья Средиземного моря. В ответ на это Министерство обороны Греции разработало собственную стратегию по отношению к Турции. С одной стороны, предстояло вовлечь традиционных противников Турции в альянс с Грецией. При этом имелись в виду Россия, Армения, Иран и Сирия, а с другой – в рамках совместной оборонной доктрины, греческий военный потенциал, сосредоточенный на Кипре, мог бы оказывать давление на Турцию с юга. Для этого была расширена военно-воздушная база, расположенная неподалеку от южно-кипрского г. Пафос. Греческие военно-воздушные силы могли бы тогда – под прикрытием системы ПВО, оснащенной ракетами С-300, – беспрепятственно летать на Кипр и получать там необходимое обслуживание. В итоге Греция приняла решение привлечь на свою сторону Россию для уравнивания сил с Турцией и достижения компромисса США в регионе Восточного Средиземноморья². Не выдержав давления США и ЕС, правительство Кипра изменило свое решение. И проблема была решена тем, что дислокация ракет была изменена: в марте и апреле 1999 г. на о. Крит были смонтированы пусковые установки С-300. Как комментировала турецкая печать, решение президента Кипра Клиридиса «временно разместить установки на греческом острове Крит связана с выполнением ряда условий: во-

¹ Бредихин О.Н. Кипрский конфликт в системе международных отношений//Мировая экономика и международные отношения. 2003. №4. С. 57–58.

² Уйсал Г. Проблема Кипра в турецко-российских отношениях//Обозреватель- Observer. 2006. №10. С.86–89.

первых, постепенное разоружение острова, что означало бы сокращение присутствия в турецком секторе турецких военных и оружия, во-вторых, начало переговоров по Кипру. Будучи «над» кипрской ситуацией и преследуя свои макроинтересы, выходящие далеко за пределы кипрского вопроса, «вне-региональные» державы (Лондон, Вашингтон и Москва) взяли на себя важную роль внешних регуляторов отношений. В результате кризиса Турция и Россия подошли к формированию новых представлений друг о друге. Кризис дал ключ к пониманию особенностей развития их дальнейших отношений. В их взаимодействии наблюдалось не только различие интересов и конкуренция, но и взаимовыгодное сотрудничество. С тех пор, как в 1999 г. Владимир Путин стал президентом Российской Федерации, Россия вновь пыталась брать на себя ведущие роли во многих международных и региональных вопросах, а также обратила внимание на свое ближайшее окружение и регионы. В круг подобных проблем входил и Кипр, который очень интересовал Турцию. Несмотря на то, что Москва является региональной силой и постоянным членом Совета Безопасности ООН, она не была активна в кипрском вопросе и постоянно придерживалась политики поддержки греческой стороны. В это время динамично развивающиеся торговые и экономические отношения между Россией и Турцией начали диктовать свои условия политическим деятелям обеих стран. Первый сигнал об изменениях в политике России в отношении Кипра дал министр иностранных дел России Сергей Лавров, который находился в Стамбуле в связи с 31-м совещанием министров иностранных дел Организации исламской конференции, и сделал письменное заявление: «Мы действуем на основании того, что поиск компромисса должен происходить на добровольной основе, и учитывая законодательные выгоды и сомнения как турецкой, так и греческой стороны. Россия поддерживает шаги, предпринимаемые для оказания материальной экономической помощи кипрским туркам. Эта помощь должна оказываться при условии создания международных механизмов, которые не будут пренебрегать решениями ООН в отношении Кипра». Во время совещания состоялись переговоры С. Лаврова с премьер-министром ТРСК Мехметом Али Талатом и с министром иностранных дел республики Сердаром Денкташем, которые явились довольно важным шагом с точки зрения отношения России к проблеме Кипра. В XXI веке проблема Кипра стала играть важную роль в отношениях между Россией и Турцией. Это стало очевидным в связи с заявлениями турецкого премьер-министра Эрдогана во время его визита в Москву (10–12 января 2005 г.)³.

Хотя Россия несколько смягчила свои взгляды в пользу Турции в связи с кипрским вопросом, в основе своей политика России не изменилась. Наряду с развивающимися дружественными отношениями между Россией и Турцией, пересмотр существующей классической позиции России – сторонницы греков – включал то, что Россия стала в некоторых вопросах наблюдать и за Турецкой Республикой Северного Кипра. В силу исторических факторов и своей привязанности к православным ценностям, а также благодаря экономическим отношениям, Россия не склонна положительно относиться к политике, направленной против Греции. Кроме того, Москва считает, что план Аннана (план об объединении острова, предусматривавший создание конфедерации) был разработан слишком поспешно. Также после провала референдума по принятию плана Аннана, на котором Республика Кипр проголосовала против плана, российское правительство утверждало, что решение этой проблемы должно быть справедливым, жизнеспособным и устойчивым, и поэтому оно должно сформироваться не под влиянием внешних условий, а посредством договоренности между двумя сторонами.

Республика Кипр, в свою очередь, активно сотрудничает с Россией в финансовой и инвестиционной сферах. Также организовываются встречи и пресс-конференции между лидерами России и Республики Кипр. С Россией киприоты связывают прочные экономические связи. Но это сотрудничество было разрушено разразившимся в 2013 г. кризисом в Республике Кипр. Следует заметить, что предпосылки кризиса появились уже за несколько лет.

С 20 по 24 января 2006 г. Россию посетил президент Республики Кипр Тасос Пападопулос. Во время этой встречи он дал оценку российско-кипрским отношениям и отношениям между двумя общинами на Кипре. Дав характеристику отношениям Российской Федерации и Республики Кипр, президент сказал: «Наши народы связывают давние дружественные связи, зародившиеся задолго до установления дипломатических отношений в августе 1960 года. Сегодня Россия для нас не просто постоянный член Совета Безопасности ООН и председатель «Большой восьмерки». Ваша страна

³ Уйсал Г. Проблема Кипра в турецко-российских отношениях. С. 89–92.

играет важную роль в мировой политике, и мы надеемся, что она сможет активно участвовать вместе с другими государствами в процессе кипрского урегулирования. Содействие России в этом вопросе, который мы пытаемся решить более 40 лет, для нас исключительно важно. С вашей страной у Кипра имеется налаженное сотрудничество в области экономики, бизнеса, торговли, финансов»⁴.

Кроме того, Президент Республики Кипр дал следующую оценку отношениям греков- и турок-киприотов: «Должен сказать, что мы хотим скорее решить эту проблему на любой приемлемой основе. Последние десятилетия на нашем острове не было мира, а в 1974 г. турецкие войска оккупировали 37 процентов территории, и с тех пор наш народ, как греки-киприоты, так и турки-киприоты, живет в разделенной на две части стране. Я согласен на любой план, как бы он ни назывался. Главное, чтобы он был продуманным и не подталкивал нас к решению по принципу: «Это ваш последний шанс, берите, что предлагают, потом и этого не будет». Недавно мы направили наши новые предложения в ООН и готовы к участию в переговорах. Многие, включая США, признали, что отвергнутый нами «план Аннана» был несправедлив по отношению к грекам-киприотам. Там даже не было прописано, когда будут выведены с острова оккупационные турецкие войска, как будет решаться ситуация с возвращением беженцев и ряд других вопросов, важнейших для нас. Разумеется, начиная в перспективе новый раунд переговоров по урегулированию, нам важно знать позицию России».

Важные документы экономического и внешнеполитического характера между Россией и Республикой Кипр были подписаны в ходе визита Президента РФ Дмитрия Медведева в Республику Кипр в октябре 2010 г. Значительная часть деятельности двух сторон сосредоточена, безусловно, на решении актуальных международных проблем в политической плоскости, поскольку оба народа выступают за «углубление конструктивного взаимодействия между Российской Федерацией и Республикой Кипр на международной арене». Многие греки-киприоты с сожалением констатируют, что с каждым годом становится все труднее рассчитывать на успех в переговорах, что «ключи к урегулированию» находятся в руках Турции, занимающей несговорчивую позицию, которая состоит не только в отказе вывести оккупационные войска с территории острова.

Россия готова способствовать достижению всеобъемлющего, справедливого и жизнеспособного урегулирования на Кипре. Москва поддерживала преобразование унитарного государства Республика Кипр в двухобщинную, двухзональную федерацию с единым суверенитетом, гражданством и международным представительством, что явилось бы воплощением политического равенства на основе соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН. При этом ведущая роль в процессе достижения согласованного решения, без какого-либо арбитража или искусственных графиков, должна отводиться самим киприотам.

Со своей стороны Республика Кипр, по-видимому, продолжит в предстоящем десятилетии поддержку поступательного развития отношений России с Европейским союзом, будет стремиться к упрощению или снятию визового режима для россиян. Ведь отношения двух стран строятся отнюдь не на конъюнктурной основе. Ставшая полноправным членом ЕС в 2004 г. Республика Кипр и РФ будут выступать за укрепление всеобъемлющей европейской архитектуры, за создание единого европейского пространства с учетом взаимных интересов, приверженности общим ценностям, обязательствам, принципам открытости, доверия, прозрачности, взаимоуважения и предсказуемости. Обе страны договорились противодействовать международному терроризму, распространению оружия массового уничтожения, выступают за координацию действий в сфере информационного обмена.

Не секрет, что Республика Кипр занимает первое место в мире по инвестициям в российскую экономику. Их объем превысил 53 млрд долл. Подписанный в ходе визита Д. Медведева в Никосию дополнительный Протокол направлен на дальнейшее совершенствование этой области сотрудничества в финансовой сфере. В ходе совместных конференций и семинаров специалисты двух стран отмечают необходимость расширения практики создания совместных предприятий и компаний в различных областях в соответствии с новыми экономическими реалиями и международными стандартами. Отмечают также необходимость работы для дальнейшего привлечения взаимных инвестиций, более эффективного использования потенциала сотрудничества в туристической индустрии. Сегодня киприоты активно интересуются российским бизнесом. Целый ряд кипрских банков открыл свои представительства в Москве. Кроме того, строительные компании, туристические фирмы, коммерческие

⁴ Асланьян Э. Проблема Кипра: апрель с осенним настроением. URL: www.vestnikkipra.com/?mod=iss&id=532 (дата обращения: 21.03.2011).

организации Кипра успешно развивают двустороннее сотрудничество. Что касается сотрудничества в гуманитарных областях – стороны заявили о намерении продолжать руководствоваться действующими соглашениями и договорами. В частности, подписана и действует Программа сотрудничества в области науки, образования и культуры. Главное в том, что народы России и Кипра выражают желание активно содействовать всем этим направлениям, заявляют о существующих прочных отношениях дружбы и сотрудничества. Это и будет основным в развитии российско-кипрского диалога в новом десятилетии XXI в.

В согласованной двумя президентами Программе сотрудничества на ближайшие три года говорится о взаимодействии двух стран в экономике и финансовой сфере, развитии туризма и гуманитарных связей. Почти полтора десятка документов, подписанных в октябре 2010 г., предполагают также сотрудничество в области энергоэффективности и возобновляемых источников энергии, в совместных разработках в целях модернизации экономики, в предотвращении хищений, незаконных раскопок и незаконного вывоза и ввоза культурных ценностей, в сфере инвестиций и налогообложения⁵.

В июле 2012 года Москву посетил министр иностранных дел Республики Кипр Э. Козаку-Маркули. На пресс-конференции по итогам переговоров обсудили практически весь спектр вопросов двусторонней повестки дня, прежде всего, в контексте хода реализации Совместной программы действий на 2010-2013 гг., принятой на высшем уровне, подписали очередной План политических консультаций между внешнеполитическими ведомствами Российской Федерации и Республики Кипр на 2012-2013 гг. Кроме того планировалось подписание и целого ряда других договоренностей. Уже готовы документы о сотрудничестве в сфере воздушного сообщения, борьбе с преступностью, терроризмом, наркотрафиком. На тот момент находилась в процессе завершения подготовка и многих других документов в рамках переговорного процесса по линии ряда ведомств, включая министерства образования и науки, культуры, сельского хозяйства, юстиции, а также по линии генеральных прокуратур.

Также министр иностранных дел С.В. Лавров выступил с речью и охарактеризовал кипрско-российские отношения так в отношении экономического сотрудничества Кипра и России и урегулирования на Кипре: «Отметили сегодня позитивную динамику торгово-экономического сотрудничества. За первые пять месяцев нынешнего года товарооборот вырос на четверть – это очень хорошая тенденция. Традиционно позитивно у нас развивается двустороннее инвестиционное сотрудничество... Обменялись мнениями в отношении положения дел в кипрском урегулировании. Москва последовательно выступает за продолжение межобщинного переговорного процесса под эгидой ООН с целью достижения всеобъемлющего справедливого и жизнеспособного урегулирования на основе резолюций Совета Безопасности. Убеждены, что решения проблемы достижимы в рамках миссии «добрых услуг» по Кипру Генерального секретаря ООН, совместных усилий обеих кипрских общин без давления извне, без навязывания какого-то внешнего арбитража или временных графиков переговоров и рецептов урегулирования. Договариваться должны сами стороны на международно-правовой основе, закрепленной в решениях Совета Безопасности ООН»⁶.

Из всего этого видно, что Россию и Кипр связывают очень тесные экономические связи, поэтому, когда случился кризис на Кипре, то российские инвесторы получили очень большой урон. Нужно, прежде всего, обратиться к истокам кризиса в Республике Кипр.

Если посмотреть на макроэкономические изменения, то можно увидеть, что локомотив кипрской экономики, туризм, показывает самые высокие темпы падения. По данным от февраля 2012 г., по сравнению с этим периодом в 2011 г. число туристов упало на 11 %, а доходы от туризма упали на 12 %. По данным сентября 2012 г., в июле 2012 г. доходы от туризма составили 301,5 млн евро. По сравнению с предыдущими периодами это свидетельствует о значительном падении дохода: в 2009 г. эта цифра составила 493 млн, в 2010 г. – 1 млрд 549,8 млн, в 2011 г. – 1 млрд 749,3 млн. Если посмотреть на строительный сектор, то можно сказать, что в январе – феврале 2012 г. наблюдается падение строительного сектора на 27,8 %, в июле 2012 г. эта цифра уже составила 31,7 %⁷. Если смотреть на

⁵ Асланьян Э. Россия-Кипр: перспективы десятилетия. [Электронный ресурс]. URL: www.eursa.eu/node/1998 (дата обращения: 15.03.2011).

⁶ Выступление С.В.Лаврова на пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел Республики Кипр Э.Козаку-Маркули, Москва, 25 июля 2012 года. URL: <http://www.interaffairs.ru/print.php?item=8638> (дата обращения: 15.03.2013).

⁷ Yunanistan'daki Kıbrıslı Rumlar zor durumda. URL: http://www.kibrispostasi.com/index.php/cat/58/news/91155/PageName/RUM_BASINI (дата обращения: 23.03.2012).

число занятых в южной части острова, то видно, что в 2008 г. число безработных составило 9253, в 2009 г. – 15158, в первые 5 месяцев 2010 г. – 20585. В сентябре 2012 г. количество безработных увеличилось на 33866. Объем внешней торговли в январе-марте 2011 г. составил 1 млрд 228 млн евро, январе-июле – 2 млрд 859 млн евро, январе – июле 2012 г. эта цифра составила 2 млрд 574 млн евро. Теперь обратимся к государственным доходам и расходам: в январе – декабре 2011 г. доходы составили 7 млрд 282 млн евро, расходы – 8 млрд 401 млн евро. Государственный долг Республики Кипр в 2009 г. составил 16 млрд 907 млн евро. Эта цифра выросла в 2011 г.: долг составил 82 млрд 519 млн евро. В 2012 г. эта цифра продолжила расти⁸.

Таким образом, кризис в экономике Кипра начал нарастать еще за 2 года и экономика в 2013 г. окончательно потерпела крах и привела к потере инвестиций российских вкладчиков на Кипре.

Список использованных источников

1. Асланьян Э. Проблема Кипра: апрель с осенним настроением. URL: <http://www.vestnikkipra.com/?mod=iss&id=532> (дата обращения: 21.03.2011).
2. Асланьян Э. Россия-Кипр: перспективы десятилетия. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eursa.eu/node/1998> (дата обращения: 15.03.2011).
3. Бредихин О.Н. Кипрский конфликт в системе международных отношений//Мировая экономика и международные отношения. 2003. №4. С. 57–58.
4. Выступление С.В.Лаврова на пресс-конференции по итогам переговоров с министром иностранных дел Республики Кипр Э.Козаку-Маркули, Москва, 25 июля 2012 года. URL: <http://www.interaffairs.ru/print.php?item=8638> (дата обращения: 15.03.2013).
5. Уйсал Г. Проблема Кипра в турецко-российских отношениях//Обозреватель- Observer. 2006. №10. С.86–89.
6. Atun A. Kıbrıs Rum KesimindeEkonomikveSiyasiDurum . URL: <http://www.politikadergisi.com/makale/kibris-rum-kesiminde-ekonomik-ve-siyasi-durum> (дата обращения: 23.03.2012).
7. Yunanistan'daki Kıbrıslı Rumlar zor durumda. URL: http://www.kibrispostasi.com/index.php/cat/58/news/91155/FileName/RUM_BASINI (дата обращения: 23.03.2012).

⁸ Atun A. Kıbrıs Rum KesimindeEkonomikveSiyasiDurum . URL: <http://www.politikadergisi.com/makale/kibris-rum-kesiminde-ekonomik-ve-siyasi-durum> (дата обращения: 23.03.2012).

Г.Н. Валиахметова

ПРОБЛЕМА НЕФТЕГАЗОВОГО ТРАНЗИТА КАК ФАКТОР КОНФЛИКТНОСТИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

G.N. Valiakmetova

PROBLEM OF OIL AND GAS TRANSIT AS A CONFLICT-GENERATING FACTOR IN THE MIDDLE EAST

Аннотация: В статье рассматривается международный конфликтный потенциал проблемы транзита нефти и газа на Ближнем Востоке. Геополитические и экономические интересы стран Запада и Востока в совокупности с транснациональной политикой ведущих нефтегазовых корпораций свидетельствуют о разнообразии факторов, задействованных в решении этого вопроса.

Abstract: The paper analyses the problem of oil and gas transit as a trigger for international conflicts in the Middle East. The geopolitical and economic interest of western and eastern powers in combination with transnational policy of leading oil and gas companies demonstrate the diversity of factors involved in the present problem solving.

Ключевые слова: нефть, газ, транзит, трубопровод, Ближний Восток, США, Россия.

Key words: oil, gas, transit, pipeline, Middle East, the USA, Russia.

В условиях глобализации роль энергетического фактора в международных отношениях и мировой политике устойчиво повышается и тема энергетической безопасности выходит на первый план. На фоне возрастающего дефицита энергоносителей и масштабных сдвигов в структуре мирового энер-

гетического рынка усиливается конкуренция за доступ к энергоресурсам. Нарастание конфликтности на международной арене вынуждает экспортеров и импортеров углеводородного сырья, а также транзитные страны, перейти к поиску взаимоприемлемых форм и методов сотрудничества на долговременной основе. Пока этот процесс остается весьма напряженным и противоречивым.

Глобализация и интеграционные процессы в различных регионах мира, а также размывание экономических и идеологических барьеров меняют субъектное поле мировой энергетической политики XXI в. В числе новых энергетических акторов – динамично развивающиеся страны Азии и Латинской Америки, новые независимые государства Центральной Азии и Закавказья, экспортирующие энергоресурсы, азиатские национальные и транснациональные корпорации энергетического профиля. Возрастающее влияние стран и регионов Азии на мировую энергетическую политику обусловлено тем, что на азиатском геополитическом пространстве расположены ключевые ресурсные зоны мира – традиционные (Ближний и Средний Восток) и новые (Центральная Азия и Каспийский регион), а также главные энергоемкие регионы (Северо-Восточная, Юго-Восточная и Южная Азия). По мнению экспертов, в долгосрочной перспективе потребление углеводородов во многих промышленно развитых и особенно динамично развивающихся странах будет возрастать и значительно превышать собственный потенциал по добыче [3, 6]. Это означает, что глобальная энергетическая гонка и в дальнейшем будет провоцировать целый комплекс международных противоречий и вести к росту конфликтности в современном мировом политическом процессе.

Проблема состоит в неравномерном распределении запасов углеводородов на планете (преимущественно они сосредоточены в странах Азии – на Ближнем Востоке и в Центральной Азии) и дисбалансом в их производстве и потреблении между развитыми и развивающимися странами. Так, мировые достоверные запасы нефти к концу 2013 г. составили 1,688 трлн баррелей, из которых на страны Ближнего Востока пришлось 47,9 % (в том числе Саудовская Аравия – 15,8 %; Иран – 9,3 %; Ирак – 8,9 %; Кувейт – 6 %); Западное полушарие – 33,1 % (в том числе США – 2,6 %); Россию и другие страны СНГ – 13,3 %; Африку – 7,7 %; Восточную и Южную Азию – 2,3 % (в том числе Китай – 1,1 %; Индия, Вьетнам, Индонезия и Малайзия – по 0,2 %); Европейский союз – 0,4 %. В целом доля стран ОЭСР (Организации экономического сотрудничества и развития, состоящей в основном из западных государств) по запасам нефти составила 14,7 %, а стран, не входящие в данную международную структуру, – 85,3 %, в том числе стран ОПЕК – 71,9 %. Главные центры нефтяного производства также расположены в развивающихся странах Азии, в частности на Ближнем Востоке (32 % мировой нефтедобычи в 2013 г.) и азиатском постсоветском пространстве (16,4 %) [4].

Основными нефтяными потребителями стабильно являются промышленно развитые и динамично развивающиеся страны, но, в отличие от предыдущего столетия, доля азиатских государств существенно увеличилась. Абсолютное лидерство в этом отношении уже второе столетие сохраняют США (19,9 % от мировых показателей), но теперь за ними следуют Китай (12,1 %), Япония (5 %), Индия (4,2 %), Россия (3,7 %), Саудовская Аравия и Бразилия (по 3,2 %), Германия (2,7 %), Южная Корея (2,6 %), Канада (2,5 %) и Иран (2,2 %). За последнюю четверть века существенно вырос уровень потребления нефти в Восточной и Южной Азии (33,8 %), а страны Ближнего Востока, оставаясь ключевыми мировыми нефтеэкспортерами, продолжают занимать среди потребителей довольно скромное место (9,2 %). В 2013 г. страны, не входящие в ОЭСР, впервые в истории обошли западный мир по объемам нефтяного потребления (50,8 %). Будучи крупнейшим потребителем нефти, США также лидируют в области нефтяного импорта. Немного уступают им стремительно развивающиеся Китай и Индия. В список крупнейших импортеров нефти также входят страны Западной Европы (Германия, Франция, Италия, Испания) и Северо-Восточной Азии (Япония, Южная Корея и Тайвань) [4].

Значительные диспропорции обнаруживаются и в отношении природного газа. Большая часть его мировых запасов (57,7 %), по показателям 2013 г., сосредоточена всего в четырех странах: в Иране (18,2 %), России (16,8 %), Катаре (13,3 %) и Туркменистане (9,4 %). При этом на долю стран ОЭСР приходится 10,3 % мировых запасов газа при уровне производства в 35,8 % и потребления в 47,7 %. С 2008 г. по объемам потребления газа лидируют страны Азии, Африки и Латинской Америки [4].

Помимо неравномерности в географическом размещении мировых запасов углеводородов и главных центров их производства и потребления, важной причиной энергетической гонки XXI в. являются опасения по поводу истощения углеводородных ресурсов, которые соответственно уже никогда не станут дешевыми, а значит, общедоступными. Важной причиной удорожания углеводородов на мировых рынках также является политическая нестабильность в главных центрах их производства – на Ближнем Востоке [7].

Высокий конфликтный потенциал заключен в проблеме контроля над маршрутами транспортировки углеводородов. Транзитные страны стремятся к получению максимальной прибыли за предоставление услуг по транзиту энергоресурсов через их территорию. На практике интересы государств-транзитеров сталкиваются с интересами энергетических экспортеров в основном по вопросам размера оплаты за транзитные услуги; с интересами импортеров – в сфере обеспечения свободы и безопасности транзита, в частности, в случае физической блокады или сокращения поставок энергоресурсов. В отношениях между потенциальными транзитными странами наблюдается конкурентная борьба за то, чтобы транзитные потоки углеводородов направлялись через их территории [1, с. 453]. Стремление транзитных стран «замкнуть» трубопроводные проекты на свою территорию значительно повышает уровень конфликтности в соответствующем регионе.

При решении проблем транспортировки углеводородов на мировые рынки заинтересованные игроки (местные правительства и внерегиональные державы, национальные и транснациональные ТНК) руководствуются не только экономическими, но и геополитическими интересами. Особенно наглядно это проявляется в вопросах транспортировки нефтегазовых ресурсов из зоны Персидского залива.

Сложная многоходовая дипломатическая борьба сопровождала процесс строительства и ввода в эксплуатацию в 1934 г. первого на Ближнем Востоке трансграничного нефтепровода, по которому ближневосточная (иракская) нефть впервые вышла на мировые рынки, минуя Персидский залив. Иракский нефтепровод состоял из двух веток и был проложен из Киркука в Сирию к морскому терминалу в Триполи и через территорию Иордании к порту Хайфа в Палестине. Однако в 1941 г., в связи с угрозой германского вторжения в Сирию и Ирак, он был впервые перекрыт. Дальнейшие события на Ближнем Востоке внесли серьезные коррективы в грандиозные планы Ирака по увеличению объемов нефтяного экспорта. Терминал в Хайфе был окончательно отрезан с провозглашением государства Израиль, и Триполи стал единственным выходом иракской нефти к Средиземному морю до прокладки нефтепровода Киркук – Банияс (Сирия) в 1952 г. Радикализация сирийской политики и обострение противоречий между Дамаском и Багдадом сделали этот выход весьма проблематичным. В 1965 г. сирийский баасистский режим перекрыл нефтепровод с целью увеличить свои доходы от транзита иракской нефти. Десятилетие спустя Хафез Асад перекрыл трубу в целях давления на баасистские власти в Багдаде. Иракское правительство ответило сооружением альтернативной линии к Средиземному морю через Турцию и расширением сети нефтепроводов и терминалов в южной части страны. Но вооруженный конфликт с Ираном (1980–1988 гг.) создал серьезную проблему с вывозом нефти через Персидский залив. Коллапс государства в 2003 г. в связи с военной операцией США в Ираке и тектонические сдвиги в политическом ландшафте Ближнего Востока не позволяют Багдаду окончательно решить проблему беспрепятственной транспортировки иракской нефти к мировым рынкам сбыта.

В целом каждый из 8 построенных к настоящему времени международных региональных нефтепроводов на Ближнем Востоке был перекрыт, по меньшей мере, один раз преимущественно по военно-политическим причинам. Ввиду высокого уровня конфликтности в регионе основной транзитной артерией для стран Персидского залива остается обходной маршрут через Аравийское и Красное моря, где танкеры вынуждены проходить через узкие и весьма уязвимые со стратегической точки зрения морские транспортные артерии – Ормузский и Баб-эль-Мандебский проливы, а также Суэцкий канал. Как свидетельствует история, любая дестабилизация обстановки в прибрежных странах чревата перебоями нефтяных поставок.

Наиболее напряженная ситуация сложилась вокруг Ормузского пролива, контролируемого Ираном. Многие аналитики затрудняются предсказывать масштаб последствий перекрытия пролива для мировой экономики и энергетики. Проблема Ормузского пролива неоднократно приводила к вооруженным конфликтам, последним из которых является война в Сирии. Тем не менее для транспортировки нефти из стран-экспортеров на мировые рынки в основном используются морские перевозки, на которые приходится свыше 90 % всех внешнеэкономических операций с этим видом энергоресурсов [1, с. 460]. Это объясняется относительно низкими политическими и экономическими рисками, в частности, более низкими издержками морской транспортировки нефти (по сравнению с трубопроводной). По маршрутам следования танкеры могут пересекать территориальные и международные воды, международные морские проливы, где режим судоходства регулируется международным морским правом.

Основные газодобывающие регионы расположены также достаточно далеко от потребляющих регионов, но в отличие от нефти трубопроводные системы для транзита газа используются более

широко. Технология сжижения природного газа позволила транспортировать его танкерами по морю на большие расстояния (порядка 30 % поставок газа на мировые рынки), однако основным способом транспортировки газа остаются трубопроводы, а борьба за контроль над их маршрутами набирает обороты.

Наглядным примером битвы за транзит углеводородов является газовая составляющая геополитического конфликта в Сирии. Дестабилизация политической обстановки в Сирии по времени совпала с подписанием 25 июня 2011 г. в Бушере меморандума о строительстве нового газопровода Иран (Ассалуэх) – Ирак – Сирия протяженностью 1500 км, мощностью 40 млрд куб. м в год и стоимостью 10 млрд долларов. Рассматривались также перспективы его продления по дну Средиземного моря в Грецию и варианты поставок сжиженного газа из Ирана (с месторождения Северный купол, входящего в состав морского месторождения Южный Парс) в Европу через сирийские средиземноморские порты. Этот трубопровод, получивший название «Исламская магистраль», должен был войти в строй в 2014–2016 гг. и обеспечить энергетические потребности Ирака, Сирии, Ливана и Иордании.

«Исламская магистраль» оказалась в центре крупной геополитической игры, в основе которой лежит геополитическое противостояние между США и Россией. Начало этой «игре» положил в 2002 г. турецко-австрийский проект газопровода Набукко мощностью 30 млрд куб. м газа в год, который первоначально планировали проложить из Ирана, Ирака, Азербайджана и Туркменистана через Турцию в Европу. Набукко должен был уравновесить российские газовые поставки в Евросоюз. Однако ввиду недостаточной сырьевой базы проект забуксовал: в настоящее время он обеспечен запасами одного Азербайджана, поскольку остальные страны-поставщики были исключены по политическим соображениям, в частности Иран – в связи с международным кризисом вокруг его ядерных программ.

Соответственно Запад стал рассматривать в качестве ресурсной базы страны Персидского залива, а именно Саудовскую Аравию и Катар, которые предложили меридиальное направление поставок своего газа в Европу в обход Ирака через Иорданию, Сирию, Турцию и Ливан. В районе г. Хомс (Сирия) трубопровод должен разветвляться в трех направлениях к побережью Средиземного моря – в Латакию на севере Сирии, Триполи на севере Ливана и Турцию. Геополитическая значимость катарского проекта возросла в связи с открытием значительных запасов природного газа на средиземноморском шельфе Израиля (2010 г.) и Сирии (2011 г.) – в районе г. Хомс и рядом с ливанской границей близ арендуемого Россией порта Тартус. С учетом ресурсов Персидского залива и Восточного Средиземноморья мощность катарского газопровода может превысить и «Исламскую магистраль», и Набукко, бросая прямой вызов «Южному потоку» – совместному проекту России, Италии, Франции и Германии. Он позволяет диверсифицировать поставки российского природного газа в Европу и снизить зависимость поставщиков и покупателей от стран-транзитеров, в частности от Украины и Турции. Очевидно, что в случае сооружения «Исламской магистрали» и «Южного потока» не у дел остаются заинтересованные в катарском газе ряд западных держав, монархии Персидского залива, Израиль и Турция, претендующая на роль главного мирового транзитера. Катар и его союзников на Западе, кроме того, не устраивают перспективы экспорта сирийского или иранского газа в Европу через связанный с Россией порт Тартус [2, 5].

«Исламская магистраль» рассматривается арабскими монархиями и Турцией не только в качестве серьезного экономического конкурента, но и в контексте межконфессиональных (суннито-шиитских) противоречий – как шиитский газопровод из шиитского Ирана через территорию Ирака с шиитским большинством и по территории дружественной шиитам алавитской Сирии во главе с Башаром Асадом. Эта с геополитической точки зрения сложная проблема усугубляется тем, что крупнейшее в мире газовое месторождение Южный Парс в Персидском заливе поделено между шиитским Ираном и суннитским Катаром. По мнению экспертов, Катар имеет иные планы в отношении своей доли в этом месторождении, поэтому не намерен объединять усилия с Ираном в деле газового экспорта и не заинтересован в успехе «Исламской магистрали», которая будет полностью независима от транзитных маршрутов Катара или Турции, ведущих в страны Евросоюза [2, 5].

Катарский газопроводный проект, помимо прочего, позволяет преодолеть критическую зависимость арабских нефтедобывающих монархий от ситуации вокруг контролируемого Ираном Ормузского пролива – узкого «бутылочного горлышка» на выходе из Персидского залива в Аравийское море и Индийский океан. В ответ на угрозы применения международных санкций в отношении Ирана, отказывающегося свернуть свои ядерные программы, бывший президент М. Ахмадинежад неоднок-

ратно заявлял о готовности страны перекрыть Ормузский пролив. Подобный сценарий чреват мировым энергетическим кризисом, поскольку через данную артерию осуществляются нефтяные поставки на мировые рынки из всех стран Персидского залива – главной нефтяной «кладовой» планеты. Под ударом также оказываются военно-стратегические позиции США на Ближнем Востоке: американский пятый флот, базирующийся в Катаре, Дубае и на Бахрейне, может выйти в Индийский океан только через Ормузский пролив. Катар, по сути, пробивает новый коридор для экспорта газа, и важнейшим элементом в решении этой задачи стала Сирия с ее значением географического перекрестка на Ближнем Востоке.

Вполне естественно, что катарский проект активно продвигается Вашингтоном, поскольку позволяет разрушить российскую газовую монополию в Европе и иранскую транзитную – в Персидском заливе; освободить Турцию от зависимости от иранского газа; предоставить Израилю возможность экспортировать свой газ в Европу по наземному маршруту и по меньшей стоимости [5].

Очевидно, что Сирия оказалась ключевым звеном в вопросе об источниках и маршрутах экспорта газа с Ближнего Востока в Европу, и Дамаск стал склоняться в пользу Ирана и России. В ответ США и их союзников на Западе при активной поддержке монархических режимов Катара и Саудовской Аравии развернули в Сирии «газопроводную игру на выбывание» под лозунгом «защиты демократических ценностей». Сравнение карты боевых действий в Сирии с картой маршрута катарского трубопровода приводит экспертов к выводу о наличии тесной связи между вооруженной активностью и желанием сирийской «оппозиции» контролировать именно район Дамаска и Хомса, который является главным перекрестком катарского газового проекта [2, 5]. При этом Катар, несопоставимый по мощи с Ираном, использует довольно широкий спектр инструментов давления на Дамаск – финансовое и информационное превосходство; военное присутствие США и НАТО в Персидском заливе; вооружение сирийской «оппозиции» (на практике – транснациональных бандформирований); поддержку исламистских сил, способных изменить в свою пользу политические режимы в странах Ближнего Востока.

Таким образом, война против Сирии нацелена на срыв газового соглашения по «Исламской магистрали» и продвижение катарского газового проекта, что нанесет сокрушительный удар по газовым интересам Ирана, Ирака и Сирии. Успешное решение этих задач позволит реализовать более глобальные геополитические цели США – выдвинуть Россию с европейского газового рынка, открыть новые транспортные коридоры из зоны Персидского залива в Европу, ослабить тем самым транзитные позиции Ирана в Ормузском проливе, а также существенно ограничить возможности Китая получить доступ к газовым ресурсам Ближнего Востока. Однако гражданская война в Сирии превратилась в миф ввиду очевидного несирийского происхождения сирийской «оппозиции», и перевести ее в ливийский формат не удалось. В условиях роста непредсказуемости очередных зигзагов мировой и региональной политики аналитики воздерживаются от прогнозов в отношении сирийского кризиса даже на краткосрочную перспективу.

В целом можно резюмировать, что в вопросах обеспечения стран углеводородным сырьем можно говорить о разделении международного сообщества на «мир производителей» и «мир потребителей». При этом первый, при сохранении доминирующего положения стран ОПЕК довольно быстро расширяется за счет государств Центральной Азии и Африки, а второй, в отличие от предыдущего столетия представлен не только США и ведущими странами Запада, но и динамично развивающимися экономиками стран Восточной и Южной Азии и Латинской Америки. Следует ожидать, что конфликтность как между этими лагерями, так и внутри них, в будущем будет возрастать, напряженная борьба за углеводороды сохранится, а энергетический фактор с его высоким конфликтным потенциалом останется одним из ключевых в мировом политическом процессе XXI в. Сегодня уже очевидна однотипность энергетических проблем традиционного Ближнего Востока и обновленной Центральной Азии, а также преемственность энергетических стратегий США, России и ряда стран Евросоюза в энергоресурсных регионах, что в совокупности со стремлением местных правительств балансировать на противоречивых интересах последних существенно повышает там уровень конкурентного противостояния.

Список использованных источников

1. *Жизнин С.* Энергетическая дипломатия России. М.: Ист Брук, 2005. 640 с.
2. *Минин Г.* Геополитика газа и сирийский кризис [Электронный ресурс] // Фонд стратегической культуры. 25.05.2013 URL: <http://www.fondsk.ru/news/2013/05/29/geopolitika-gaza-i-sirijskij-krizis-20759.html> (дата обращения: 3.10.2014).

3. BP Energy Outlook to 2035 [Electronic resource] // British Petroleum Official Site. URL: <http://www.bp.com/en/global/corporate/about-bp/energy-economics/energy-outlook/outlook-to-2035.html> (date of access: 12.09.2014).
4. BP Statistical Review of World Energy June 2014 [Electronic resource] // British Petroleum Official Site. URL: <http://www.bp.com/statisticalreview> (date of access: 20.09.2014).
5. *Engdahl W.* Syria, Turkey, Israel and the Greater Middle East Energy War [Electronic resource] // Global Research. Centre for Research on Globalization. 11.10.2012. URL: <http://www.globalresearch.ca/syria-turkey-israel-and-the-greater-middle-east-energy-war/5307902> (date of access: 10.10.2014).
6. ExxonMobil Outlook for Energy: A View to 2040 [Electronic resource] // ExxonMobil Official Site. URL: <http://corporate.exxonmobil.com/en/energy/energy-outlook> (date of access: 12.09.2014).
7. Resource Nationalism Index 2014 [Electronic resource] // Maplecroft. Global Risk Analytics. URL: <http://maplecroft.com/portfolio/new-analysis/2013/12/12/instability-and-conflict-mena-and-east-africa-drive-global-rise-political-risk-maplecroft-bpolitical-risk-atlas-2014b/> (date of access: 10.10.2014).

О.А. Воднева

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-АФГАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ (СОГЛАСНО ПЛАНУ Е.П. КОВАЛЕВА ОТ 1908 Г.)

О.А. Воднева

PROSPECTS FOR RUSSIAN-AFGHAN RELATIONS (ACCORDING TO THE PLAN OF 1908 BY KOVALEV E.P.)

Аннотация: Статья посвящена истории русско-афганских отношений в начале XX в.

Abstract: The article focuses on the history of relationship between Russia and Afghanistan in XX c.

Ключевые слова: История, Афганистан, Россия, Ковалев Е.П., дипломатические отношения.

Key words: History, Afghanistan, Russia, Kovalev, diplomatic relations.

Действительный член Общества востоковедения, чиновник таможенной службы Российской империи, посвятивший более 14 лет изучению особенностей торговли России с южными странами, Евгений Петрович Ковалев изложил свои мысли относительно будущего русско-афганского сотрудничества и сформулировал предложения для улучшения торгово-экономических отношений между нашими странами в своем обширном отчете «Афганистан. Его промышленность и торговля. Отчет управляющего Бухарскою таможеню Ковалева по командировке 1907 года», хранящемся в Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург). По наблюдениям Е.П. Ковалева, Афганистан разделяется в торговом и политическом отношении на две части: северо-западную и юго-восточную. Первая часть в силу исторических причин находится в большей зависимости от России (Бухары) и Ирана, а вторая — от Великобритании (Индии). По мнению автора, главная заслуга в том, что Афганистан стал объединенным и сплоченным государством, принадлежит Великобритании, которая для защиты своих индийских владений создала между Россией и Индией сильное буферное государство. При этом Е.П. Ковалев считал создание Афганистана недалевидным шагом английской дипломатии, поскольку при продолжении выбранного политического курса с течением времени Великобритании придется «не только считаться, но даже бояться Афганистана» (*Отчет*, с. 480). По предположению Е.К., если Афганистан под влиянием панисламистских идей или «под науськиванием» японцев начнет применять силу, то опасность будет угрожать в большей степени Великобритании (Индии), а не России. С точки зрения Е.К., было бы целесообразным заключить прочный союз между Россией и Великобританией с тем, чтобы Великобритания прекратила экономическую и политическую деятельность в Афганистане, направленную против России. Россия, в свою очередь, взяла бы обязательство не оказывать политического давления на Афганистан. В случае агрессивной афганской политики против Ирана Россия и Великобритания могли бы выступить гарантом мирного решения вопросов. Е.К. пишет: «Я глубоко убежден в том, что после такого соглашения, предоставленный сам себе Афганистан не только не будет представлять какой-либо силы и угрозы для Англии и России, но, разъедаемый внутренними междуусобицами и неурядицами, обратится в первобытное свое состояние и перестанет»

нет быть целым государством» (*Отчет*, с. 481). Автор Отчета высказал предположение, что при согласованных действиях британской и русской дипломатии за несколько лет можно было добиться раздела Афганистана между двумя государствами, при этом Великобритании досталась бы территория на юг от Гиндукушского хребта, а северная часть стала бы принадлежать России.

Суммировав свои выводы о препятствиях для установления добрососедских отношений между Россией и Афганистаном, неблагоприятно влияющих на развитии торговли в обеих странах, Е.К. свел их к ряду ценных нижеприведённых предложений.

Российское правительство, «не прибегая к недостойным величия и престижа России мелочным давлениям» (например, непомерного увеличения пошлин на афганские товары) должно объявить, что будет придерживаться следующих принципов внешней политики:

- Россия не преследует агрессивных целей по отношению к Афганистану;
- до тех пор, пока Афганистан не предпримет враждебных действий по отношению к России, он может быть спокоен за свое существование как самостоятельного государства;
- Россия будет стремиться путем мирных переговоров улучшить торговые отношения;
- Россия не добивается проведения железной дороги через территорию Афганистана, но при согласии эмира может провести по этому поводу переговоры;
- Россия предлагает афганскому эмиру к определенному сроку назначить уполномоченных представителей для ведения переговоров о заключении торгового договора и обсуждения возникающих вопросов;

- местом встречи уполномоченных лиц могут стать города Санкт-Петербург, Бухара или Кабул.

Е.К. считал, что главная цель русско-афганских переговоров по вопросам торговли состоит в том, чтобы выработать постоянные и точно зафиксированные таможенные тарифные ставки на товары, как вывозимые из Российской империи (Бухары) в Афганистан, так и привозимые из Афганистана, с учетом всех сборов, кроме таможенных. Для наблюдения за правильностью взимания сборов и решения возникающих недоразумений должны быть назначены торговые агенты, которые выполняют функции торговых консулов: со стороны Афганистана главный агент должен находиться в Ташкенте или Бухаре, второстепенные – в Керки, Бухаре, Сарае и Тахтабазаре. Со стороны России главный агент будет находиться в Кабуле или Мазар-и-Шарифе, а второстепенные – в Герате, Мазар-и-Шарифе, Меймене и Рустаке. Оба государства должны дать гарантию безопасности агентов и их семей, а также служащих. Российским торговцам вне зависимости от национальности должно быть предоставлено право свободного перехода границы, организации в главных городах Афганистана товарных складов и магазинов для свободной торговли товарами отечественного происхождения (*Отчет*, с. 524–525). Е.К. высказал твердую уверенность в том, что под давлением Великобритании, не заинтересованной в развитии русско-афганской торговли, и вследствие предвзятых взглядов местного населения на европейцев, большинство предложенных им пунктов, особенно назначение русских торговых агентов и свободный доступ русского купечества в Афганистан, хотя и крайне необходимы, все же не будут приняты афганской стороной. В случае, если Россия будет настаивать на этом предложении, возможен серьезный конфликт интересов.

В случае неприемлемости вышеупомянутых условий для развития и урегулирования русско-афганских торговых отношений по убеждению Е.П. Ковалева необходимо:

- установить определенный, неизменяемый в течение десяти лет специальный таможенный тариф для торговли с Афганистаном, при котором сумма обложения товара не превышала бы 10 или в крайнем случае 20 % стоимости товара;
- установить точно определенные пункты для перехода через русско-афганскую границу товаров и пассажиров и воспретить переход пассажиров и товаров (даже беспошлинных) помимо установленных пунктов;
- увеличить охрану русско (бухарско)-афганской границы и вменить в ответственность бухарским властям выдворять контрабандные товары;
- пассажиров, а также караван-башей, перешедших границу в неопределенных для этого пунктах, подвергать установленному штрафу;
- отменить распоряжение об отстранении таможен от наблюдения за рогатками и переправами и расположить посты пограничной стражи и таможенные учреждения не вдали от границы, а вблизи переправ и рогаток;
- улучшить материальное и служебное положение начальствующих чинов пограничной стражи и таможенных учреждений для привлечения «интеллигентного» состава на русско-афганскую границу;

- улучшить подъездные к границе пути сообщения и установить по всей границе почтовое и телеграфное сношение;
- прекратить выдачу премий с хлопчатобумажных вывозимых тканей и возврата акциза с сахара, керосина и спичек или разрешить досмотр их и выдачу на этот предмет зачетных квитанций в наиболее важных для торговли этими товарами пунктах (Бухара, Керка, Келиф, Тахта-базар, Патта-Хиссар и Сарай)
- выработать специальную инструкцию по конфискационному делопроизводству по задержаниям на афганской границе;
- урегулировать вопрос о кранах;
- учредить по афганским и бухарским торговым делам специального коммерческого агента от Министерства торговли и промышленности, с правом совещательного по афганской и бухарской торговле голоса в совете при туркестанском генерал-губернаторе;
- предложить афганскому правительству назначить в Ташкенте своего официального коммерческого агента;
- объявить афганскому правительству тариф и срок, с которого он вступит в действие, а также правила по применению его на практике;
- устроить при таможнях в Келифе, Керке, Патта-Хиссаре и Сарае за счет купечества особые оптовые склады русских товаров, предназначенных к продаже в Афганистан, и освободить их от бухарского закята и прочих сборов.

Е.К. считал, что, если после этих мер России по улучшению добрососедских отношений с Афганистаном, афганское правительство со своей стороны не выработает соответствующих мер к урегулированию торговых сношений с Россией и в течение года не представит своего тарифа и правил, а также не прекратит произвольные поборы с русских товаров, прибывающих в Афганистан, то это будет признано как проявление враждебного отношения Афганистана по отношению к России. По данным Е.К., выше-названные меры в достаточной степени, даже без назначения от России правительственного агента в Афганистан, способствовали бы урегулированию русско-афганских торговых сношений.

В доказательство целесообразности своих предложений Е.К. обстоятельно пояснил все предложенные им меры, описал случаи из практики. В частности, он считал, что необходимо провести предварительное межведомственное совещание с участием компетентных в среднеазиатской торговле купцов. Е.К. привел примеры несоответствия русских таможенных тарифов с ценовой стоимостью афганских товаров. По его мнению, развитие русско-афганской торговли тормозило также применение к Афганистану протекционного общего тарифа и персидского тарифа.

Е.К. выразил твердую уверенность, что «изменение тарифа в смысле облегчения его ставок, не только не уменьшило бы доходность таможен, а наоборот, увеличило бы ее» (*Отчет*, с. 529). Для выработки тарифа он предлагал принять за норму представленные официально бухарским правительством цены последнего года перед выработкой тарифа на бухарской бирже на афганские товары или соответствующие им бухарские, после тщательной проверки данных определить соответствующую тарифную ставку. Поясняя пункты относительно запрета некогда существовавшего разрешения свободного перехода русско-афганской границы для провоза беспошлинных вывозных товаров, а также свободного перехода во всех пунктах границы пассажиров и местных жителей, Е.К. сослался на опыт европейских стран и практику западных границ Российской империи. По его мнению, подобное разрешение значительно облегчает сношения с соседними государствами, но нигде не практикуется. По отношению к Афганистану и Ирану оно является исключительной льготой, которая не только не вызвана насущной необходимостью, но явно поощряет контрабанду товаров. Разрешение пропускать пассажиров и товары лишь через определенные на границе пункты и установление штрафов за нарушение, приучит местное население по обе стороны границы к порядку, упорядочит и урегулирует торговлю и «благоприятно будет встречено афганским правительством» (*Отчет*, с. 530). При этом Е.П. Ковалев привел в пример введение этого порядка персидскими (бельгийскими) таможнями на афгано-иранской границе.

Такой пропуск должен быть установлен через пункты совместного расположения таможенных учреждений и постов пограничной стражи. Е.К. предлагал следующие пункты на афганской границе, начиная с запада на восток: Пуль-и Хатум, Караул-хана, промежуточный пункт между Караул-ханой и постом Зеид или Аликадым, Бассагинская таможня 3 класса, Келифская таможня 2 класса, Чушка-Гузарский переходный пункт, Патта-Хиссарская таможня 3 класса, Айваджская застава, Тахта-Куватский переходный пункт, Сарайская таможня 3 класса, Кокульский переходный пункт, Чубекская застава, Богоракский

переходный пункт и одна 3 классная таможня в Кала-и Хумбе, одна застава и два переходных пункта по верхнему течению Пянджа до соединения афганской и русско-китайской границ на Памирах. Для увеличения объемов экспорта в Афганистан русской мануфактуры Е.К. предлагал увеличить состав пограничной стражи, а также штат чиновников в Пендинской, Патта-Хиссарской и Сарайской таможнях.

Комментируя пункт о конфискационном делопроизводстве, Е.К. предлагал переработать вопрос о задержаниях и конфискационном производстве в пределах Бухарского ханства и указал, что таможенные службы на русско-афганской границе должны были выполнять многочисленные инструкции и циркуляры (например, инструкцию от 27.03.1896 г. по задержанию тайно провозимых товаров и конфискационного по ним делопроизводства, а также § 23 инструкции 1894 г.), которые вызывали некоторую путаницу.

Особый интерес представляет предложение Е.К. ввести в обиход русскую монету в 75 коп (равную 4 персидским кранам и 2 афганским рупиям). При этом он предлагал, чтобы серебра в них содержалось столько, чтобы придать лишь вид серебряной монеты и избежать вывоза монет в другие страны для перечеканки на новую монету, потому что «нет надобности в чеканке полновесной серебряной монеты в эту цену, т.к. её постигла бы та же участь, что и краны и прежние полноценные афганские рупии, т.е. их стали бы скупать в Индию, Персию и Афганистан для переливки в англо-индийские рупии, краны и афганские рупии» (*Отчет*, с. 531–532). Такая монета была бы наиболее удобна в обращении среди местного населения в регионе. В качестве доказательства рациональности этого предложения Е.К. приводит примеры потребности населения в разменной монете: распространение в Бухаре русской монеты в 15 коп, а также тот факт, что недостатком разменной в Афганистане монеты воспользовались армяне, проживающие в Закаспийской области и Бухарском ханстве, которые в довольно широких объемах стали изготавливать фальшивые персидские двукранники. По данным Е.К., «несмотря на грубость бросающейся в глаза подделки, фальшивые двукранники имеют широкое распространение в Закаспийской области и в Афганистане и не принимаются лишь в платежи казначейством, в народном же обиходе обращаются одинаково с настоящим двукранником» (*Отчет*, с. 532).

Объясняя свое предложение о необходимости учредить должность специального коммерческого агента по афганским и бухарским торговым делам от Министерства торговли и промышленности, Е.К. уточнил, что неоднократно, во время своих путешествий по нашим среднеазиатским владениям, Бухаре, Китаю и Персии встречал немецких, английских, бельгийских и других стран торговых агентов, которые «под видом туристов, охотников, ученых исследователей, коммивояжеров или даже миссионеров, разъезжают по порученным их исследованию участкам страны» (*Отчет*, с. 533). Е.К. пишет: «С завистью и в то же время с болью в сердце, наблюдал я за каким-нибудь переодетым в статский костюм лейтенантом германской службы и восторгался тою энергией, любовью к делу и предприимчивостью такого лейтенанта, которому даже в голову не придет, что рыская по грязным и вонючим базарам, собирая образчики разных местных производств, вступая в разговоры с простыми туземцами, просиживая часами в вонючих мастерских туземцев для изучения того или другого кустарного производства, одним словом, не оставляя без внимания ничего, что могло бы хотя бы в мелочах быть полезным для его ... что этим он уронит свой мундир, и что эти работы не относятся к его специальности, или что действия его будут признаны начальством вмешательством не в свою специальность и повлекут за собою большие, до угрозы увольнения, неприятности по службе» (*Отчет*, с. 533–534).

Вспоминая поездки по европейским странам и встречи с торговыми агентами и коммивояжерами, Е.К. подчеркнул, что «ни разу за границей ... не видел русского коммивояжера или русского торгового агента» и только однажды на набережной в Константинополе наткнулся на русского кустаря резных деревянных изделий из карельской березы, предлагавшего свой товар «скромно и застенчиво, с какой-то боязливой неуверенностью» (*Отчет*, с. 534). Между тем, по данным Е.К., «масса русских кустарных производств через предприимчивые еврейские руки попадает за границу и продается там по таким ценам, о которых русским кустарям и во сне не снилось» (*Отчет*, с. 534). Е.К. считал, что государство должно оказывать поддержку кустарному производству, и для этого необходимо провести ряд мер. В частности, чтобы «были бы настоящие, близко принимающие к сердцу интересы отечества русские торговые агенты, которые, живя за границей в русских подворьях, устраивали бы там музей и выставки русских кустарных производств, рекламировали бы наши товары, оказывали бы содействие и покровительство русским приезжим кустарям и т.д.» (*Отчет*, с. 534).

Е.К. считал, что русская Консульская служба и «пресловутые секреты Полишинеля» составляют такое больное место в нашем государстве, так сильно тормозят развитие нашей торговли, что «об этом можно было бы исписать целые тома» (*Там же*).

Автор Отчета обращался устно и письменно за содействием и консультацией по вопросам изучения торговли к русским представителям за границей, однако только советник русского посольства в Лондоне П.М. Лессар (1851–1905) откликнулся и нашёл время, чтобы сообщить необходимые сведения или прислать вырезки по афганской тематике из газет. Остальные представители отказывали в информации, ссылаясь на секретность, или игнорировали просьбы. Е.К. вспоминал курьезные случаи из своей службы о «пресловутых секретах». Например, для выполнения служебного задания во время командировки со специальной целью, ему понадобились подробные карты района, по которому предстояло проехать. На получение этих географических карт, которые продаются открыто в любом большом лондонском или парижском книжном магазине, понадобилось получить особое разрешение, потратить три дня и, «не говоря о расходах на извозчиков для неоднократных разъездов по этому поводу с одного конца города на другой, заплатить за эти карты, издаваемые за счет казны, и которые нужны были мне для служебной цели, около 20 рублей» (*Отчет*, с. 535–536).

Негативным фактором для развития русской торговли являлось отсутствие в Туркестанском генерал-губернаторстве с вассальными Бухарским и Хивинским ханствами, граничащем с тремя смежными государствами (Ираном, Афганистаном и Китаем), представителя от Министерства торговли и промышленности. При этом торговые агенты разных иностранных государств, под видом «аптекарей, служащих в частных коммерческих банках, или доверенных и приказчиков разных иностранных фирм, лишь номинально слывающих под названием русских, преспокойно проживают в крае и сообщают своим правительствам самые подробные отчеты о торговле и промышленности как Туркестанского края, так и смежных государств, наше Министерство торговли остается совершенно неосведомленным о положении торговли на наших окраинах» (*Отчет*, с. 536–537).

В 1904 г. представители афганского, бухарского и русского купечества обратились к генерал-губернатору и политическому агенту в Бухаре с жалобами на слишком высокий таможенный тариф, примененный к афганским товарам. Материалы по этому вопросу отсутствовали у русских властей, и чиновники оказались совершенно неосведомленными о положении дел. Для выяснения взаимных интересов русского товарообмена с Афганистаном Е.К. «был удостоен чести получить эту командировку», которую считал очень важной, «понимая, какое серьезное значение для будущих политико-экономических сношений наших с Афганистаном могут иметь собранные ... материалы» (*Отчет*, с. 501). Е.К., привыкшему к верховой езде и к путешествиям по Азии, пришлось объезжать верхом до 80 верст в день по горным тропинкам и, рискуя жизнью, совершать ночные переправы на бухарских каюках по таким опасным рекам как Пяндж и Аму-Дарья, останавливаться в главных торговых пунктах для трудной работы обхода базаров и расспроса «боязливых, тугоумных и лживых местных купцов и администраторов», а затем мчаться без отдыха дальше в дождливое и ураганное время года, чтобы за короткий срок (3,5 месяца) получить и представить необходимые сведения, имеющие ценность. Без предварительной научной подготовки, без многолетнего кропотливого труда по собиранию сведений об Афганистане Е.К. не смог бы выполнить данное задание, для выполнения которого ему «пришлось разными способами передвижения, начиная с пешего, верхового, почтового и на долгих, лодочного, пароходного и кончая железнодорожным, в общем, с поездкою в Петербург, проехать с лишком 16.500 верст» (*Отчет*, с. 538).

Е.К. писал: «Я не хочу этим бросить тень на наших дипломатических чиновников» (*Отчет*, с. 539). Он посчитал своим долгом засвидетельствовать, что во время путешествий по Азии везде у русских консулов встречал радушный прием и искреннее желание оказать содействие в работе. По его мнению, одновременное выполнение обязанностей представителя великой державы и торгового агента в одном лице консула невозможно. Несмотря на желание помочь, консул не в состоянии проводить серьезную работу по исследованию торговли своих районов, он посылает отчеты со случайными сведениями о торговле, переводы на русский язык донесений и статистических данных других иностранных консулов с добавлением небольших комментариев, подчас доказывающими полное незнание настоящего положения дел. О торговой деятельности наших консулов на Востоке нагляднее всего можно судить по информации сборника консульских донесений, издаваемого Министерством иностранных дел (*Отчет*, с. 540).

По мнению Е.К., работа торгового агента черная и трудная, необходимо постоянно разъезжать по стране, общаться с лицами, с которыми консулу как представителю великой державы иметь дело по сложившимся традициям не подобает. Дипломатический представитель за границей, особенно на Востоке, не только не может объехать страну, в которую он аккредитован, но даже выйти из дома без

соблюдения известных формальностей. При таких условиях не представляется возможным для дипломатов, как представителей держав, непосредственно знакомиться со страной, ее населением, торговлею, пойти на базар, расспросить о ценах на товары, лично проверить, какие русские товары в ходу и т. п. Кроме того, по свойству характера каждый русскоподданный за границей считает своим долгом обращаться к нашему консулу, в то время как иностранный подданный не станет без важной причины беспокоить своего консула. По убеждению Е.К., затраты правительства на учреждение должности торгового агента несомненно окупились бы.

Давая пояснения о предложении афганскому правительству назначить торгового агента в Ташкент, Е.К. сообщает, что по всем происходящим на русско-афганской границе недоразумениям, русской администрации приходилось общаться с афганской стороной через посредника (например, Керкинского бека, относящегося явно враждебно к русским и сообщавшего заведомо ложную информацию). Для развития русско-афганских отношений необходимо, чтобы в г. Ташкенте, центре управления Туркестанским краем, пребывал официальный представитель Афганистана, через которого, без участия вассальной Бухары, представители России и Афганистана улаживали все вопросы коммерческого значения. По мнению Е.К., этому будет противодействовать Англия, но русскому правительству необходимо твердо настоять на этом, поскольку это является вопросом национального достоинства России.

Согласно Е.К., осуществление почти всех пунктов высказанных им предположений сопряжено со значительными ассигнованиями, но при желании улучшить положение дел в регионе возможно без особого обременения коренного населения России. Е.К. считал, что туземное население среднеазиатских владений находится «в исключительном, по сравнению с коренным населением России, привилегированном положении» (*Отчет*, с. 544), поскольку оно освобождено от воинской повинности, платит государству гораздо меньшие поземельные и другие налоги и т.п. В конце своего обстоятельного труда Е.П. Ковалев приходит к выводу о том, что «благодаря таким льготам туземцы, под защитой России, богатеют, русское же население на своих плечах выносит также и тягость расходов на содержание этих окраин» (*Отчет*, с. 544).

Список использованных источников

1. [Ковалев Е.П.] Афганистан. Его промышленность и торговля. Отчет управляющего Бухарскою таможнею Ковалева по командировке 1907 года. РНБ. Ф. 1000.
2. Письмо министра торговли и промышленности министру иностранных дел о выяснении взаимных интересов русского товарообмена с Афганистаном и о командировании на русско-афганскую таможенную границу Ковалева. 17.01.1907. ГА РФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 31.

Н.М. Галиакбарова

ВОПРОС О ТУРЦИИ НА ТЕГЕРАНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ (28 НОЯБРЯ – 1 ДЕКАБРЯ 1943 Г.)

N.M. Galiakbarova

TURKEY ISSUE AT TEHRAN CONFERENCE (NOVEMBER 28 – DECEMBER 1, 1943)

Аннотация: Статья посвящена месту Турции в планах СССР, США и Великобритании по открытию второго фронта во время Второй мировой войны, обсуждавшихся в ходе Тегеранской конференции лидеров трех стран.

Abstract: The article is devoted to the role of Turkey in the plans to develop a second front during the World War II being discussed by the leaders of the Soviet Union, the United Kingdom and the United States at the Tehran Conference.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Тегеранская конференция, внешняя политика Турции.

Key words: World War II, Tehran Conference, foreign policy of Turkey.

В комплексе взаимоотношений союзников по антигитлеровской коалиции во время Второй мировой войны одной из самых сложных проблем был вопрос об открытии второго фронта, по которому у Советского Союза, Великобритании и США возникали серьезные разногласия. Как известно, Сталин настаивал на скорейшем осуществлении союзниками операции в Европе еще с первых месяцев Вели-

кой Отечественной войны. Американское руководство выступало за план высадки англо-американских войск на севере Франции (операция «Оверлорд»). Британский премьер-министр У. Черчилль считал, что лучшим вариантом открытия второго фронта является наступление из Италии на Балканы. Реализация этого варианта предполагала вступление в войну Турции, которая на тот момент придерживалась политики нейтралитета.

Летом 1943 г. Советский Союз, в принципе, был против открытия союзниками второго фронта на Балканах, но был заинтересован во вступлении Турции в войну, т.к. считал, что именно этот шаг предотвратит осуществление идеи проникновения конкурентов на Балканы¹. Нейтралитет Турции, в свою очередь, был выгоден для Германии. В результате такой политики был вне опасности южный фланг германских и союзных с ними сил, сохранялась в немалой степени важная для Германии торговля, в Турции действовала резидентура разведок стран «оси»². Нейтралитет Турции способствовал сохранению военного господства Германии в Восточном Средиземноморье и на Балканах. Взаимопонимание с Германией основывалось на недоверии к советской политике, сохранению которого активно способствовали немцы³. На Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, состоявшейся 19–30 октября 1943 г., советская сторона настаивала на отказе Анкары от политики нейтралитета и скорейшем вступлении в войну.

Вскоре после встречи «малой тройки» в Москве состоялся исторический саммит Большой тройки в Тегеране. Одним из основных вопросов, обсуждавшихся на Тегеранской конференции, стала проблема открытия второго фронта и планирование операции «Оверлорд». Обсуждение вопроса об участии Турции в войне было начато по инициативе премьер-министра Великобритании Черчилля на первом пленарном заседании Тегеранской конференции 28 ноября. Премьер-министр, не отрицая необходимости высадки десанта во Францию, предлагал балканское направление наступления на немцев, для чего необходимо было вступление Турции в войну. Но для того, чтобы эта идея выглядела более привлекательной для советского руководства, в первую очередь Черчилль привел другие аргументы. Так, он заявил, что вступление Турции в войну дало бы возможность открыть коммуникации через Дарданеллы и Босфор и регулярно направлять снабжение в Советский Союз через Чёрное море. Кроме того, по мнению Черчилля, можно было бы использовать турецкие аэродромы для борьбы против врага. Затем глава английского правительства поставил ряд вопросов о возможных способах привлечения Турции к участию в войне, конкретных формах этого участия, а также о влиянии, которое это окажет на Венгрию и Румынию⁴.

В свою очередь Сталин поинтересовался, что предполагается предпринять в случае, если Турция вступит в войну. Черчилль предположил, что силами 2–3 дивизий удастся занять острова вдоль западного побережья Турции, что позволит судам с поставками идти в Турцию и в Чёрное море. Но первое, что он предлагал сделать, – отправить туркам 20 эскадрилий и несколько полков противовоздушной обороны. По утверждению Черчилля, это не принесло бы ущерба другим операциям. Однако Сталин выразил сомнение относительно возможности вовлечения Турции в военные действия: «Она не вступит в войну, какое бы давление мы на неё ни оказывали». Кроме того, он выступил против выделения туркам 20 авиаэскадрилий, считая это слишком большим отвлечением сил. Сталин подчеркнул, что вопрос о Турции является и политическим, и военным. Напомнив, что Турция является союзницей Великобритании и находится в дружественных отношениях с Советским Союзом и Соединёнными Штатами, Сталин категорично заявил: «Надо чтобы Турция больше не играла между нами и Германией»⁵. Таким образом, очевидно, что Сталин отказался от идеи вовлечения Турции в войну, на чем еще недавно настаивали советские представители на Московской конференции.

После этого свое мнение по вопросу о Турции высказал президент США Рузвельт: «Конечно, я за то, чтобы заставить Турцию вступить в войну, но будь я на месте турецкого президента, я запросил бы за это такую цену, что её можно было бы оплатить, лишь нанеся ущерб операции «Оверлорд»⁶.

¹ Гасанлы Дж. П. СССР-Турция: от нейтралитета к холодной войне (1939–1953). М., 2008. С. 125.

² О масштабах деятельности германской разведки свидетельствует известная история с передачей немцам секретных данных агентом под кодовым именем «Цицерон», который служил камердинером британского посла в Анкаре Нэтчбулл-Хьюджессена.

³ Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М., 1999. С. 461.

⁴ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сб. документов. Т. 1. Тегеранская конференция руководителей трех держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943 г.). М., 1978. С. 98.

⁵ Там же. С. 100–102.

⁶ Советский Союз на международных конференциях... С. 102.

По предложению Черчилля вопрос о Турции был вынесен на обсуждение военными специалистами. На заседании, состоявшемся 29 ноября, начальник имперского генерального штаба Великобритании генерал Брук, говоря о преимуществах, которые даст вступление Турции в войну, отметил, что «это открыло бы морские коммуникации через Дарданеллы и имело бы большое значение в смысле возможного выхода из войны Румынии и Болгарии». Помимо уже упомянутого Черчиллем вопроса о поставках в СССР через Черное море, Брук утверждал, что «создание в Турции авиабаз союзников дало бы возможность осуществлять налёты на важные объекты немцев, в частности на необходимые немцам нефтяные источники Румынии». При этом британский генерал признал, что для осуществления соответствующей операции в Средиземном море понадобится отложить операцию «Оверлорд». В ходе дальнейшего обсуждения маршал Ворошилов подчеркнул, что Советский Союз рассматривает операции в районе Средиземного моря как второстепенные по отношению к операции «Оверлорд»⁷.

На втором пленарном заседании 29 ноября участники конференции вновь вернулись к вопросу о Турции. Черчилль сказал, что Англия, являясь союзницей Турции, берет на себя ответственность за то, чтобы убедить или заставить Анкару вступить в войну. При этом британский премьер-министр подчеркнул, что для этого необходима помощь со стороны Сталина. Заявив, что «объявление Турцией войны Германии будет сильным ударом для немецкого народа», Черчилль высказал убеждение, что это также приведет к выходу из войны Болгарии, Румынии и Венгрии.

Однако Сталин, не прислушавшись к этим доводам, еще раз выступил против того, чтобы внимание от главного вопроса (операции «Оверлорд») отвлекалось на такие второстепенные вопросы, как вступление Турции в войну⁸. Рузвельт также возражал против отсрочки операции «Оверлорд» и предложил, чтобы вопрос о проведении операций в Восточном Средиземноморье был передан на рассмотрение в военную комиссию конференции. Сталин возразил: «Мы можем решить эти вопросы сами, ибо мы больше имеем прав, чем военная комиссия» и задал Черчиллю прямой вопрос: «Верят ли англичане в операцию «Оверлорд» или просто говорят о ней, чтобы успокоить русских?»⁹. Не получив от Черчилля удовлетворительного ответа, Сталин резко поднялся с места и, обращаясь к Молотову, сказал: «Идем, нам здесь делать нечего. У нас много дел на фронте». Рузвельт примирительным тоном со словами: «Мы уже голодны», – пригласил всех на обед, что помогло разрядить обстановку¹⁰. Продолжая оказывать давление на партнеров по переговорам, Сталин 30 ноября заявил Черчиллю, что если высадка десанта в Северной Франции не состоится в мае, «это вызовет большие разочарования», и наступление Красной Армии на восточном фронте, возможно, не состоится. Практически сразу после этого предупреждения, в ходе беседы глав государств во время завтрака, Рузвельт сообщил Сталину, что Объединенный комитет начальников штабов и лидеры Великобритании и США приняли решение о проведении операции «Оверлорд» в мае 1944 г. при поддержке десанта в Южной Франции¹¹. Таким образом, Сталину удалось добиться от союзников принятия необходимого ему решения.

Пытаясь получить от советского руководства согласие на вовлечение Турции в войну, Черчилль решил использовать значимую для Москвы проблему черноморских проливов, поскольку представители СССР неоднократно высказывали свое недовольство тем, как вопрос прохода судов через проливы Босфор и Дарданеллы был решен на конференции в Монтре 1936 г. На заседании 29 ноября Черчилль заявил, что Англия готова «предупредить Турцию о том, что, если она не примет предложения о вступлении в войну, это может иметь серьезные последствия для Турции и отразиться на её правах в отношении Босфора и Дарданелл»¹². В ходе беседы глав государств во время завтрака 30 ноября Черчилль высказался за то, чтобы Советский Союз имел выход «к теплым морям». Сталин в связи с этим заявил, что необходимо пересмотреть вопрос о режиме турецких проливов, т. к. «Россия оказалась запертой в Черном море и не имеет из него выхода». Стороны договорились обсудить вопрос о проливах позже¹³ и вернулись к нему в ходе заседания 1 декабря, когда Молотов напом-

⁷ Советский Союз на международных конференциях... С. 105–110.

⁸ Там же. С. 128.

⁹ Там же. С. 133.

¹⁰ Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004. С. 409.

¹¹ Советский Союз на международных конференциях... С. 139–140.

¹² Там же. С. 127.

¹³ Там же. С. 141.

нил о сделанном ранее Черчиллем заявлении о проливах. Черчилль подтвердил свое мнение о том, что режим проливов следует подвергнуть пересмотру, «хотя бы по той причине, что участниками конвенции в Монтре являются японцы». Рузвельт предложил, чтобы, независимо от того, вступит Турция в войну или нет, Дарданеллы были свободны для прохода военных и торговых судов всех государств, при условии установления над ними контроля держав, осуществляющих полицейские функции. Черчилль сообщил, что, если Турция откажется выполнять требования союзников, Англия заявит туркам, что не будет защищать их при решении вопроса о проливах и что «они должны урегулировать свои дела с Советским Союзом»¹⁴. На этом взаимный зондаж позиций сторон по вопросу о Проливах на конференции был завершен, на последующих же конференциях этот вопрос станет одним из ключевых предметов обсуждения союзников.

На переговорах министров иностранных дел 30 ноября нарком иностранных дел СССР Молотов объяснил изменение мнения советского правительства по поводу участия Турции в войну тем, что на переговорах с английским министром иностранных дел Иденом, состоявшихся в Каире 4–8 ноября 1943 г., глава турецкого МИД Менеменджюглу не дал положительного ответа на требования союзников относительно предоставления им воздушных баз и вступления страны в войну. Специальный помощник президента США Гопкинс подчеркнул, что «вовлечение Турции в войну – это вопрос, непосредственно связанный с общей стратегией», и операция по захвату островов в Эгейском море вызовет задержку «Оверлорда». Молотов тут же отреагировал, заявив, что это нежелательно и «не будет соответствовать точке зрения советской армии». Гопкинс сообщил, что США хотят вовлечь Турцию в войну, но таким образом, чтобы это не отразилось на сроках осуществления «Оверлорда»¹⁵.

Еще раз турецкий вопрос был затронут в последний день конференции, 1 декабря, во время завтрака, в котором приняли участие главы делегаций и их ближайшие помощники. Американскими представителями был поднят вопрос о поддержке, которую окажут Турции союзники в случае ее вступления в войну. Сталин напомнил, что Черчилль обещал предоставить для помощи Турции 20–30 эскадрилий и 2–3 дивизии. Английский премьер-министр пояснил, что он имел в виду находящиеся в Египте 17 эскадрилий, которые не используются в настоящее время англо-американским командованием и «в случае вступления Турции в войну послужили бы целям её обороны». Черчилль подчеркнул: «Англичане не обещали Турции войск». В отношении 2–3 дивизий, о которых говорил Сталин, глава британского правительства уточнил, что они выделены «для овладения Эгейскими островами в случае вступления Турции в войну, а не для помощи Турции».

Рузвельт высказал опасение, что военная помощь, которую союзники предоставят Турции, помешает выполнению достигнутого накануне соглашения о сроках высадки в Северной и Южной Франции; поэтому прежде чем давать туркам какие-либо обещания, необходимо проконсультироваться с военными¹⁶.

Как отмечает в своей книге переводчик Сталина В.М. Бережков, «видя, что дальнейшее обсуждение проблемы Турции может привести к новым нежелательным спорам вокруг «Оверлорда», а возможно, и к попыткам снова пересмотреть дату его осуществления, Сталин предложил прекратить дискуссию.

– Я думаю, что с этим вопросом покончено, – сказал он.

Однако Черчилль то ли не расслышал, то ли не захотел расслышать это предложение и вновь пустился в рассуждения насчёт британских обещаний Турции. Он заявил, что Англия не предлагала ничего такого, чего она не могла бы дать»¹⁷.

Черчилль сообщил, что он встретится с президентом Турции Иненю в Каире. Однако тут же оговорился, что не уверен, приедет ли Иненю в Каир. Сталин иронически спросил: «Не захворает ли Иненю?» Черчилль ответил: «Легко может захворать. Если Иненю не согласится поехать в Каир для встречи со мной и президентом, то я готов поехать к нему на крейсере в Адану. Иненю приедет туда, и я нарисую ему неприятную картину, которая предстанет перед турками, если они не согласятся вступить в войну, и приятную картину в противоположном случае»¹⁸. Черчилль подчеркнул, что главная выгода от вступления в войну для Турции будет заключаться в том, что ей будет предложена

¹⁴ Советский Союз на международных конференциях... С. 157.

¹⁵ Там же. С. 147–148.

¹⁶ Там же. С. 153.

¹⁷ Бережков В.М. Тегеран, 1943: На конференции Большой тройки и в кулуарах. М., 1968. С. 90.

¹⁸ Советский Союз на международных конференциях... С. 154.

«неоценимую возможность принять приглашение советского правительства участвовать в мирной конференции»¹⁹. В связи с тем, что турки неоднократно говорили о том, что страна не готова к войне, Сталин спросил, какого вооружения не хватает Турции. Английский премьер ответил, что у турок имеются винтовки, неплохая артиллерия, но у них нет противотанковой артиллерии, авиации и танков. В связи с этим турецкий историк С. Дерингиль отмечает, что если бы Иненю узнал, что Черчилль поделился со Сталиным подобной информацией, то «пришел бы в ужас»²⁰, имея в виду, что эти сведения демонстрировали неготовность турок противостоять «советской угрозе», с которой они опасались столкнуться после войны.

В ходе дальнейшего обсуждения и Сталин, и Рузвельт поддержали предложение Черчилля о предоставлении для целей обороны Турции 20 эскадрилий и некоторого количества бомбардировщиков, сочтя убедительными доводы британского премьер-министра о том, что после получения от турок авиабазы в районе Измира при помощи этих соединений удастся изгнать германские военно-воздушные силы с островов в Эгейском море²¹.

Сталин предположил, что в случае предоставления Турцией союзникам аэродромов и портов «Болгария не нападет на Турцию, а немцы будут ждать нападения Турции. Турция не нападет на немцев, а будет с ними находиться просто в состоянии войны». Однако Иден, предлагавший туркам на переговорах в Каире именно такой вариант, напомнил, что его турецкий коллега Менеменджиоглу не согласился с его точкой зрения.

Тогда Черчилль поставил вопрос о санкциях, которые будут применены к Турции, если она отклонит предложения союзников. Он предложил следующее: «Мы должны им сказать, что они не будут в этом случае участвовать в мирной конференции. Что касается Англии, то мы скажем, что нас не интересуют дела турок. Кроме того, мы прекратим снабжение Турции вооружением».

Сталин выдвинул еще один вариант развития событий: «Турция объявит войну Германии. Германия будет требовать от Болгарии нападения на Турцию. Может случиться, что Болгария воспротивится этому требованию и не нападет на Турцию. Тогда Германия может оккупировать Болгарию, а Болгария обратится к советскому правительству с просьбой о помощи»²². Черчилль выразил мнение, что «этого не случится, т.к. немцы должны были бы в этом случае заменить своими войсками болгарские дивизии на Балканах».

После этого был согласован текст телеграммы, в котором Черчилль и Рузвельт приглашали Иненю для переговоров в Каир²³.

Среди военных решений, принятых по итогам тегеранской конференции, значилось, что конференция: «2. Согласилась, что с военной точки зрения крайне желательно, чтобы Турция вступила в войну на стороне союзников до конца года;

3. Приняла к сведению заявление маршала Сталина о том, что, если Турция окажется в войне с Германией и если в результате этого Болгария объявит войну Турции или нападет на нее, Советский Союз немедленно окажется в состоянии войны с Болгарией. Конференция далее приняла к сведению то, что об этом факте может быть сообщено во время предстоящих переговоров о вовлечении Турции в войну»²⁴.

В рамках выполнения решений Тегеранской конференции Рузвельт и Черчилль отправились в Каир, куда прибыл президент Турции Иненю. Их переговоры состоялись 4–6 декабря 1943 г. Турецкие историки подчеркивают, что Иненю принял приглашение в Каир с условием: он едет не для того, чтобы ему огласили принятые в Тегеране решения, а для проведения переговоров с руководителями Великобритании и США на равных²⁵. Рузвельт гарантировал ему это и заверил, что их встреча пройдет в атмосфере свободной дискуссии равных партнеров.

Черчилль заявил Иненю о необходимости Турции участвовать в войне и просил принять 15 февраля 1944 г. американские и английские воздушные силы. Пытаясь оказать давление на турецкого президента, Черчилль использовал «советский фактор». По его словам, если Турция вступит в войну, это

¹⁹ Советский Союз на международных конференциях... С. 156.

²⁰ Deringil S. Denge Oyunu. İkinci Dünya Savaşında Türkiye'nin Dış Politikası. İstanbul, 2003. S. 217.

²¹ Советский Союз на международных конференциях... С. 155.

²² Там же. С. 157.

²³ Там же. С. 186.

²⁴ Там же. С. 173.

²⁵ Deringil S. Denge Oyunu. S. 220; Gürün K. Savaşın Dünya ve Türkiye. Cilt 3: Savaş 1939–1945. İstanbul, 2000. S. 431.

положительно отразится на ее отношениях с Москвой; она окажется в одном строю с Объединенными нациями, в том числе и с Советским Союзом²⁶. В ответ Иненю напомнил о слабости Турции, нуждающейся в широкомасштабной помощи вооружениями. Пытаясь выиграть время, президент предложил продолжить обсуждение этой проблемы на встрече начальников генштабов.

Турецкий исследователь К. Гюрюн, опираясь на воспоминания министра иностранных дел Н. Менеменджиоглу, отмечает, что турецкой стороне не было известно об изменении советской позиции, проявившемся на Тегеранской конференции. Поэтому одной из причин нежелания турок принимать требования о вступлении в войну было опасение, что эти требования выдвигаются, прежде всего, по настоянию Москвы, которая после военного поражения и оккупации Турции хотела бы выступить в качестве ее освободителя²⁷. Подобные подозрения турецкой делегации были усилены отсутствием в Каире советского представителя. Дело в том, что в конференции должен был участвовать заместитель наркома иностранных дел А. Вышинский, но он не успел прибыть в Каир. Поэтому от Советского Союза в Каире присутствовал только посол в Анкаре С. Виноградов.

В итоге в Каире было принято решение, что через 2–3 дня после окончания конференции турецкая сторона заявит свою окончательную позицию. В соответствии с этим 12 декабря Менеменджиоглу встретился с английским послом Нэтчбулл-Хьюджессеном и сообщил, что кабинет министров одобрил действия Иненю на конференции и определил количество военных материалов и оборудования, необходимых для обороны Турции. Требования Анкары намного превышали то, что предполагала поставить Великобритания. Англичане восприняли такую позицию Анкары как способ уклониться от участия в войне. За этим последовало охлаждение отношений.

Добиваясь вступления Турции в войну в рассматриваемый период, англичане, прежде всего, стремились оказаться на Балканах раньше советских войск и помешать установлению там советского контроля. Кроме того, благодаря отсрочке начала операции «Оверлорд» на 2–3 месяца, которая понадобилась бы для высадки десанта в Эгейском море и на Балканах, английские войска вступили бы в Западную Европу в августе-сентябре 1944 г., когда вермахт был бы значительно ослаблен ударами советской армии²⁸. Такое развитие событий, естественно, не устраивало Сталина, поэтому он высказывался против вовлечения Турции в войну. По мнению турецкого дипломата Ф. Дж. Эркина, Москва стремилась отдалить Турцию от западных союзников, чтобы после войны было проще поставить ее под свой контроль²⁹. Турецкий исследователь Ш.С. Айдемир также утверждает, что если бы Турция вышла из войны сильной, это препятствовало бы установлению советского влияния в регионе³⁰. Однако в итоге он дал согласие на включение соответствующего пункта в текст решений конференции, что объяснялось, по предположению Б.М. Поцхверии, «уверенностью в безнадежности этого мероприятия»³¹.

Особую важность для Турции приобрела позиция руководства США. Рузвельт высказался против вовлечения Турции в войну, т. к. это помешало бы сосредоточить все силы на высадке в Нормандии. Еще до начала конференции, 28 ноября на заседании в Тегеране, Рузвельт, Гопкинс и представители военного руководства США сошлись во мнении, что участие Турции в войне и проведение операции в Эгейском море не является необходимым³². В определенной степени, позиция американского президента была обусловлена и желанием путем разумных компромиссов обеспечить улучшение отношений со Сталиным.

Позиции участников Тегеранской конференции по вопросу о Турции были отражены на встрече в Каире. Дерингиль пишет, что на Каирской конференции давление на Турцию достигло своего максимума³³. Однако фактически на тот момент во вступлении Турции в войну была заинтересована лишь одна из стран-союзниц – Великобритания. Американские представители же достаточно ясно давали понять туркам, что относятся с пониманием к их доводам о необходимости достаточно длительной подготовки страны к войне. Используя расхождение позиций США и Англии, Турция смогла в очередной раз отложить момент вступления в войну.

²⁶ Foreign relations of the United States. Diplomatic Papers. 1943. The Conferences at Cairo and Tehran. Wash.: US Government Printing Office, 1961. P. 691.

²⁷ Gürün K. Savaşın Dünya ve Türkiye. S. 432–434.

²⁸ Чевтаев А.Г. Сталин, Рузвельт, Черчилль: создание, борьба и победа антифашистской коалиции (1940–1945). Екатеринбург, 2009. С. 160–161.

²⁹ Цит. по: Deringil S. Denge Oyunu. S. 215.

³⁰ Aydemir Ş.S. İkinci Adam. Cilt 2. İstanbul, 1976. S. 266.

³¹ Россия и Черноморские проливы. С. 463.

³² Foreign relations of the United States. Diplomatic Papers. 1943. The Conferences at Cairo and Tehran. P. 477–480.

³³ Deringil S. Denge Oyunu. S. 221.

Список использованных источников

1. Бережков В. М. Тегеран, 1943: На конференции Большой тройки и в кулуарах. М.: Издательство Агентства печати Новости, 1968. 128 с.
2. Гасанлы Дж. П. СССР – Турция: от нейтралитета к холодной войне (1939–1953). М.: Центр Пропаганды, 2008. 664 с.
3. Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941–1945. М.: Наука, 2004. 564 с.
4. Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М.: Международные отношения, 1999. 560 с.
5. Чевтаев А. Г. Сталин, Рузвельт, Черчилль: создание, борьба и победа антифашистской коалиции (1940–1945). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. 320 с.
6. Aydemir Ş. S. İkinci Adam. Cilt 2. İstanbul: Remzi Kitabevi, 1976. 495 s.
7. Deringil S. Denge Oyunu. İkinci Dünya Savaşında Türkiye'nin Dış Politikası. İstanbul: Tarih Vakfı Yurt Yayınları, 2003. 286 s.
8. Foreign relations of the United States. Diplomatic Papers. 1943. The Conferences at Cairo and Tehran. Wash.: US Government Printing Office, 1961. 932 p.
9. Gürün K. Savaşın Dünya ve Türkiye. Cilt 3: Savaş 1939–1945. İstanbul: Tekinevi Yayın, 2000. 676 s.

М.А. Герман

**КИТАЙСКО-ИРАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
РАЗВИТИЯ**

М.А. German

**RELATIONS BETWEEN CHINA AND IRAN: ISSUES AND PROSPECTS OF
DEVELOPMENT**

Аннотация: В статье рассматриваются основные этапы формирования китайско-иранского диалога, исследуются и раскрываются проблемные аспекты развития двусторонних связей. Проанализировав динамику эволюции, автор дает оценку и прогноз перспективам развития взаимоотношений.

Abstract: The article is devoted to consideration of the fundamental steps of forming partnership between China and Iran. It researches problem aspects of bilateral relations development. Having analyzed the evolution dynamics the author appraises and forecasts the prospects of the development of those relations.

Ключевые слова: Китай, Иран, США, сотрудничество, ядерная программа.

Key words: China, Iran, the USA, cooperation, nuclear program.

В условиях глобализации мирополитические процессы приобретают новые очертания. Китай, уверенно выдвигающийся на лидирующие позиции на мировой арене, постепенно распространяет свое влияние в стратегически важных регионах, в число которых входит Ближний Восток. Возрастание энергетических потребностей интенсивно развивающейся экономики КНР вынуждает Пекин активизировать свою политику в данном регионе. Иран занимает ключевое место в ближневосточной политике КНР. Китайское руководство расценивает Исламскую Республику как одного из наиболее сильных и влиятельных региональных игроков. Действительно, в геополитическом плане Иран занимает важное стратегическое положение, что вовлекает его в международные отношения в нескольких регионах – Персидского залива, Ближнего Востока, Центральной и Южной Азии [7]. Осуществление амбициозных планов Китая по возрождению Великого шелкового пути невозможно без Ирана. В этом контексте академическую и политическую актуальность приобретает вопрос о перспективах развития связей между Китаем и Ираном.

С. Хантингтон в своем труде «Столкновение цивилизаций» говорил о высокой вероятности сближения китайской и исламской цивилизаций и в качестве примера приводил китайско-иранское взаимодействие. «Причины китайско-иранского сближения заложены в некой схожести развития двух обществ, столкнувшихся с проблемами модернизации, – считают российские эксперты. – Наличие небольшого исламского населения в Китае способствует в какой-то степени притягиванию сторон посредством исламского фактора. Плюс географически страны не соприкасаются друг с другом, что помогает избежать трений, обычно возникающих между пограничными государствами» [4, 50].

Ввиду изменения внешнеполитической стратегии КНР в начале 1970-х гг. Пекин взял курс на развитие взаимовыгодных связей со странами Ближнего Востока. Так, в 1971 г. между КНР и Ираном были установлены дипломатические отношения. Более активное взаимодействие между двумя странами наблюдалось в период 1980–1990-х гг. После Исламской революции 1979 г., свергнувшей прозападный монархический режим в Иране, новые власти страны в рамках антиамериканской направленности стали ограничивать присутствие иностранного капитала. Действия Тегерана серьезно подрывали стратегические и экономические позиции США и Великобритании на Ближнем Востоке, что стало причиной инициированного этими державами международного бойкота Ирана. Образовавшийся в экономическом пространстве Ирана вакуум попытался заполнить Китай.

Примечательно, что Иран был важен для Китая не столько как потенциальный союзник на мировой арене, сколько как рынок сбыта военной продукции. Ирано-иракская война открыла путь к военно-техническому сотрудничеству между Ираном и КНР, в годы войны Китай стал основным поставщиком оружия в ИРИ. Со второй половины 1990-х гг. объем военных поставок из Китая в Иран значительно возрос. При этом также был передан ряд военных технологий и оказано практическое содействие в создании производств по выпуску тактических и оперативно-тактических ракетных комплексов, артиллерийских систем [3, 106]. В китайско-иранском взаимодействии торговля оружием стала тем инструментом, с помощью которого Китай смог не только войти на иранский рынок, но и заложить основу для будущего успешного развития двусторонних связей [4, 57]. Как отмечает российский исследователь В. В. Евсеев, «одно из условий продвижения КНР на энергетическом рынке Ирана состояло в осуществлении военно-технического сотрудничества, которое продолжалось до конца 1990-х годов. По данным американской стороны, достаточно часто проданное ИРИ китайское оружие затем контрабандным путем доставлялось различным радикальным группировкам на Ближнем и Среднем Востоке» [1]. Рост китайского экспорта вооружений в Иран служит одной из основных причин диссонанса в американо-китайских отношениях. Для Тегерана Китай стал надежным и выгодным партнером, поскольку никогда не имел экспансионистских амбиций в отношении ИРИ, не поддерживал антииранские кампании и в условиях международной изоляции был готов оказывать масштабную военно-техническую помощь [5].

На данном этапе развития партнерского диалога между Китаем и Ираном стоит отметить существенный момент, касающийся успеха экономического развития обоих государств. Если в 1995 г. Иран позволял только инвестировать в свой энергетический сектор, то с западным курсом ведения санкций в отношении Ирана политика Исламской Республики претерпела изменения. Сейчас иранское правительство предоставляет иностранным компаниям право разрабатывать свои нефтегазовые ресурсы. Так, в условиях усиливающейся международной изоляции Тегерана, Китай является источником крупных инвестиций и современных технологий. В Пекине это отчетливо осознают и, невзирая на возможность экономических санкций со стороны США, расширяют свое присутствие на перспективном иранском рынке [1].

Мировые потребности в углеводородном сырье неуклонно возрастают. Это означает, что в дальнейшем зависимость международного сообщества, особенно динамично развивающихся стран от энергоресурсов Ближнего Востока будет увеличиваться. Поэтому для Китая укрепление отношений с Ираном, одним из главных мировых продуцентов нефти и газа, является не только гарантией интенсивного развития экономики в будущем, но и экономической, в частности энергетической безопасности страны [7]. На сегодняшний день сферы экономического сотрудничества между Китаем и Ираном охватывают нефте- и газопромышленный комплекс, отрасли автомобилестроения, а также поставки новейших вооружений.

Развитие взаимовыгодного экономического партнерства непосредственно влияет на характер внешнеполитического взаимодействия. Стоит отметить, что оба государства имеют во многом схожую позицию по некоторым международным вопросам. Существенным элементом в развитии двусторонних связей послужило вступление Ирана в ШОС в качестве наблюдателя в 2005 г. В данном случае Китай не проявлял особой активности во избежание очередной напряженности в отношениях с США, которые на данном этапе Пекину выгодно развивать в русле конструктивного диалога [1]. Ирано-китайские отношения в определенной степени охлаждает оглядка КНР не только на США, но и на соперника Ирана в исламском мире – Саудовскую Аравию, которая является очевидным проводником политики США в регионе [3, 106]. В целом связи КНР и Ирана следует рассматривать не только в рамках двустороннего диалога, но и через призму взаимоотношений этих держав с США – мировой сверхдержавой и ключевым внерегиональным игроком на Ближнем Востоке.

Ввиду усиления давления со стороны европейских государств и США Китай активизировал свою позицию в отношении ядерного оружия Ирана. КНР является ядерной державой и постоянным членом СБ ООН. Китайское руководство поддерживает иранский атомный проект, считая, что Тегеран проводит ядерные разработки исключительно в мирных целях. Поэтому КНР последовательно выступает в Совете безопасности ООН против антииранских санкций. Позиция КНР заключается в том, что не следует давить на Иран в ядерном вопросе. «Мы верны своему мнению о том, что давление – это не способ решения возникающих проблем», – заявила официальный представитель МИД КНР Цзян Юй в 2009 г. [2]. Очевидно, что Китай стремится стать посредником в мирном урегулировании международного кризиса вокруг ядерных программ Ирана, чтобы упрочить свои позиции в данном регионе.

Таким образом, Китай и Исламская Республика Иран являются важными геополитическими акторами на мировой и ближневосточной арене, и их отношения строятся на взаимном интересе: Иран поставляет необходимые КНР энергоресурсы, взамен Китай поддерживает инвестициями в экономику Ирана, которая обременена международными санкциями. Укрепление связей между Ираном и Китаем является важным фактором в противостоянии данных держав давлению США и их союзников на Западе. Вместе с тем китайское руководство осознает важность поддержания дружественных отношений с США. Поэтому присущий Китаю прагматизм ограничивает перспективы расширения экономического партнерства КНР и ИРИ на политическую сферу.

Список использованных источников

1. Евсеев В. В. Китайско-иранские отношения на современном этапе // Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/14-03-10.htm> (дата обращения: 08.10.2014).
2. Китай не хочет давить на Иран в решении его ядерной проблемы. URL: <http://izvestia.ru/news/458883> (дата обращения: 08.10.2014).
3. Неронова А.В. Ирано-китайские отношения, как фактор сохранения суверенитета Ирана: современность и перспектива // Вестник КРСУ. 2013. Том 13. №6, С. 105–108.
4. Пастухова Г. Сотрудничество Китая и Ирана: взаимные интересы, тактические и стратегические // Индекс безопасности. №2 (89). Том 15. С. 49–63.
5. Harold S. China and Iran. Economic, Political and Military Relation // Center for Middle East public policy. URL: http://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&cad=rja&uact=8&ved=0CB8QFjAA&url=http%3A%2F%2Fwww.rand.org%2Fcontent%2Fdam%2Frand%2Fpubs%2Foccasional_papers%2F2012%2FRAND_OP351.pdf&ei=EUI2VLv8N6K_ygPRloGoBA&usq=AFQjCNEWekmc_GERLK_AogV7x4ZtGbMntA&bvm=bv.76943099,d.bGQ (дата обращения: 08.10.2014).
6. U_. -NVNOgvsQ|. -NVNOgvsQ|. (Тан Чжичао. Китайско-иранские отношения). URL: http://wenku.baidu.com/link?url=rGOiffI3zes7_6BxEa_Tk0JMWDxOeMXxdRdhhRW0Q4WyPRkOm
7. P1hEПsXWxRBZOIYuDtm0nRUARiTEUq_9Nf4qbnLYGEZqAT2hG0mx4KnWq. (дата обращения: 08.10.2014).

З.Х. Гиндуллина

ПЕРВЫЙ АВТОР КНИГ О КАРИМЕ ХАКИМОВЕ. ГРАЖДАНСКИЙ ПОДВИГ ЖУРНАЛИСТА ЛУТФИ ГАДИЛОВА

Z.H. Gindullina

THE FIRST AUTHOR OF BOOKS ABOUT KARIM KHAKIMOV. CIVIL EXPLOIT OF THE JOURNALIST LUTFY GADILOV

Аннотация: Статья посвящена журналисту Л.З.Гадилову, первому автору книг о Кариме Хакимове. Л.З. Гадилов стоял у истоков создания музея на родине Карима Хакимова в дер. Дюсяново Бижбулякского района.

Abstract: The article is devoted to journalist L.Z. Gadilov, the first author of books about Karim Khakimov. L.Z. Gadilov stood at the origins of the museum in a homeland of Karim Khakimov in village Dyusyanovo in Bishbulyaksky region. The authors of the article bring forward rare photos from the family archives of the revolutionary and diplomat's relatives.

Ключевые слова: Карим Хакимов, Лутфи Гадилов, семейный архив, музей в Дюсяново, Бижбулякский район.

Keywords: Karim Khakimov, Lutfi Gatilov, family archive, Museum Dusanova, Bizhbulyaksky district.

Первые Хакимовские чтения «Россия и исламский мир: история и перспектива цивилизационного взаимодействия», посвященные выдающемуся дипломату Кариму Хакимову, состоялись в ноябре 2011 года и вызвали большой интерес научного сообщества России и стран ближнего зарубежья. А в 2012 году в Хакимовских чтениях приняли участие известные востоковеды, арабисты из Москвы, Санкт-Петербурга, многих российских регионов. Ректор Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте РБ Сергей Лаврентьев тогда очень точно сказал, что личность Карима Хакимова и сама тема «Россия и Арабский Восток» весьма актуальны. Арабский Восток сегодня бурлит. Мы видим, что там меняется формат общества, идут сложные процессы. Это не может не затрагивать Россию. Советский Союз был первым государством, признавшим молодое арабское государство. Сергей Лаврентьев отметил, что в этой стране у нас был мощный потенциал для продвижения, к сожалению, во многом утерянный после распада Советского Союза. Пришло время восстанавливать эти позиции, а это происходит, в том числе и проведением таких научных чтений. Карим Хакимов пользуется огромным авторитетом на Арабском Востоке. Карим Хакимов – это имя, которое позволяет нам выстраивать новые мосты гуманитарного сотрудничества.

Отрадно, что Хакимовские чтения стали традиционными в Башкортостане. И я почти за честь принять участие в этой Международной научно-практической конференции, но не на правах историка, ученого (моя профессия – врач), а как родственница Карима Хакимова, его внучатая племянница. В моем домашнем архиве сохранились редкие фотографии, а это выступление посвящаю моему родному деду, Лутфи Закировичу Гадилову, который стоял у истоков создания музея Карима Хакимова в его родной деревне Дюсяново Бижбулякского района.

Так сложилось, что я воспитывалась в семье дедушки и бабушки и с детства была погружена в «хакимовскую» тему. Мой дед, Лутфи Закирович Гадилов, обучался в том же уфимском медресе «Галия», что и будущий дипломат. Родился Лутфи Закирович в 1893 году в Самарской губернии в семье муллы. После учебы в сельской школе поступил в медресе «Хусаиния» в Оренбурге, а потом переехал в Уфу и продолжил обучение в медресе «Галия», где и познакомился с Каримом Хакимовым. Не доучившись, пошел работать мальчиком-приказчиком, затем приказчиком. До революции служил в царской армии, в составе которой воевал на Австрийском фронте. После революции работал учителем, директором школы, заведующим волостной библиотекой. В 1938 году без отрыва от производства окончил социально-экономический факультет педагогического института. Л.З. Гадилов связал свою судьбу с моей бабушкой – родной сестрой Карима Хакимова – Магнией Габдрауфовой.

В семье Хакимовых родилось пятнадцать детей, «но вследствие недоедания и отсутствия медицинской помощи выжили только четыре сына и две дочери». (прим. авт.: Л.З. Гадилов, Ф.З. Гумеров «Революционер-дипломат», Башкирское книжное издательство, Уфа, 1977). Из рассказов я знаю, что бабушка была последышем. Родилась слабенькой, ее положили в сенях: «Выживет, так выживет». Она выжила и выросла боевитой, сильной, с независимым характером.

В период репрессий был арестован Карим Хакимов. После этого события была исключена из рядов коммунистической партии моя бабушка, Магния Габдрауфова, имевшая прямые родственные связи с Каримом Хакимовым. Впоследствии, была восстановлена в КПСС.

С марта 1937 года дед начал работать переводчиком-редактором, а затем завсектором Башкирской книжной издательства по изданию трудов классиков марксизма-ленинизма. С 1942 по 1950 год Л.З. Гадилов был председателем Башкирского Радиокomiteта.

Несмотря на арест дипломата, в семье свято хранили память о Кариме Хакимове. И дед тайно встречался и беседовал с теми, кто лично знал дипломата. А когда появилась возможность – Карима Хакимова реабилитировали в 1956 году – Лутфи Закирович Гадилов начал активно собирать материалы о жизни и деятельности своего родственника. Он ездил и переписывался с архивами разных городов, таких как: Оренбург, Бухара, Ташкент, Казань, Москва и др. На основе собранных материалов в 1960 году вышла первая книга о Кариме Хакимове на русском языке «Карим Хакимов» под авторством Гадилова Л.З. и Гумерова Ф.З. Вторая книга «Карим Хакимов (историко-биографический очерк)» вышла в 1966 году на башкирском языке. Всего было выпущено четыре книги.

Лутфи Закирович являлся главным идейным организатором по открытию музея в честь Карима Хакимова. Не раз обращался с этим вопросом в правительство, где и было получено одобрение его инициативы. В дальнейшем курировал деятельность по организации музея. Большую часть собран-

ных материалов Л.З. Гадилов передал музею Карима Хакимова, который был открыт на родине дипломата в д. Дюсяново Бижбулякского района в 1969 году на средства колхоза «Марс». С 1962 года материалы о дипломате размещались в уголке сельской библиотеки. Частично собранные материалы были переданы в Государственный Архив г. Уфы на хранение. В общей сложности Л.З. Гадилов занимался восстановлением памяти Карима Хакимова большую часть своей жизни: с 1937 года до конца своих дней (умер в 1985 году).

С детства помню рассказы о пламенном революционере и дипломате Кариме Хакимове. Мы часто рассматривали семейный альбом. Бережно хранится открытка, присланная из Марселя в 1936 году, где он был проездом с родины на дальнейшую службу за границу. На обороте открытки Хакимов написал послание своей племяннице (моей маме), что садится на пароход и 6 дней не увидит земли, заканчивалось послание «Привет тебе из Марселя. К. Хакимов». На другой фотографии запечатлена его дочь Флора в 1933 году, на которой надпись: «Дорогой Гиффет (так звали мою маму – авт.) от Флоры. Москва, 1933 год».

От бабушки с дедушкой я, будучи уже взрослой, услышала историю спасения Флоры.

После того, как Карима Хакимова арестовали, его супругу Хадичу сослали на восемь лет в ссылку. Она отбывала срок и даже не знала о том, что Родина пережила Великую Отечественную войну. Дочь Флору определили в детский дом, и неизвестно, как сложилась бы ее судьба, если бы ее не усилия родственников. Они заплатили немалые деньги, чтобы в журнале детского учреждения появилась запись о смерти воспитанницы от болезни, а сами увезли девочку и опекали ее по очереди.

Есть в моем архиве еще несколько фотографий, где запечатлены Карим Хакимов с родственниками. Дипломат с 1932 по 1935 годы обучался в Институте Красной профессуры в Москве, а бабушка и дедушка гостили у него. По возвращению в Уфу они получили несколько фотографий: на первой – Магния вместе с братом Каримом; на второй – совместное фото семьи Карима Хакимова, а также мои дедушка и бабушка (Лутфи Закирович и Магния Габдрауфовна); на третьей – фотография моей бабушки, на обороте которой было небольшое письмо от брата: «Получение подтвердите. Особых новостей у меня нет. Все живы, здоровы. Как вы доехали, как идут занятия, как нашли детей и что нового? Надеюсь, что нас известите о своем благополучном возвращении. Привет и лучшие пожелания. 1/1. 1934 год» и подпись.

В годы учебы в Институте красной профессуры Карим Габдрауфович приезжал в Уфу и жил в доме дедушки и бабушки на ул. Аксакова, 33. Этот дом, к сожалению, снесли, на его месте теперь здание, в котором сегодня размещается музей археологии и этнографии. Дедушка, чтобы достойно проводить на вокзал уезжавшего в Москву именитого родственника, вызвал единственную редакционную машину. Легковушка была старая и сломалась, шофер долго пытался ее завести, поэтому на вокзале Карим Хакимов увидел лишь хвост уходящего поезда. И тогда он сказал родне, что «в наказание проживет еще месяц у них», но прожил две недели. Он в шутку просил те гостинцы, которые ему собрали в дорогу (чак-чак и копченого гуся) сохранить до отъезда.

В доме бабушки и дедушки всегда было много гостей, интересных людей. Долгими вечерами мой дед беседовал с режиссером Амиром Абдразаковым, который снял первый документальный фильм о дипломате. Не раз к нам приходил драматург Нажиб Асанбаев, по пьесе которого в 1982 году в Башкирском государственном академическом театре драмы имени Мажита Гафури состоялась премьера спектакля «Красный паша». Роль Карима Хакимова в нём исполнил заслуженный артист России, народный артист Республики Башкортостан Ахтям Абушахманов. Спектакль имел большой успех и общественный резонанс в БАССР и за её пределами. Я тоже присутствовала на той премьере. Это было необычное ощущение: видеть на сцене образы родных людей, воплощенные талантливыми артистами. К сожалению, в 1990-е годы показ «Красного паши» был прекращён.

Что касается музея в Дюсяново, его посещают в среднем около 2 тысяч человек в год. Его открыли при поддержке Министерства культуры БАССР, который возглавляла в те годы Тухватуллина Клара Габдрахмановна; большой вклад в становление музея оказал бывший «Краеведческий музей», ныне «Национальный музей РБ». В музее были вдова Карима Хакимова – Хадича Гайнетдинова и ее дочь Флора Хакимова. Его сестра Магния Гадилова (Хакимова), представители республики Йемен и многие представители стран дальнего зарубежья. Сами жители деревни Дюсяново считают, что второе рождение Кариму Хакимову дал Гадилов Лутфи Закирович, увековечив имя знаменитого земляка.

В этом году в музее побывал мой новый знакомый, японский историк из Саппоро Норихиро Нагана, который прочитал книгу моего дела о Кариме Хакимове на башкирском языке. Эту книгу он нашел в библиотеке Колумбийского университета в Соединенных Штатах. К сожалению, ученый не может в этом году участвовать в Хакимовских чтениях, однако, он сообщил, что нашел интересные, до сегодняшнего времени неизвестные страницы жизни и деятельности Карима Хакимова в Иране. Он намерен продолжить свои поиски в лондонском архиве.

Мне не довелось видеть своего знаменитого родственника Карима Хакимова в силу известных обстоятельств. Но его яркая короткая жизнь не могла не повлиять на мою судьбу. Ведь мы, обращаясь к своим истокам, пытаемся почерпнуть самое хорошее, значимое.

Мы возвращаемся к истокам
Сегодня, завтра, и потом
Понять хотим глубин из жизни
И вспомнить тех, кому принадлежим.
Мы ищем след, уже затерянный,
Но не потерянный в душе.
Пытаемся найти хоть маленькую схожесть
С тех старых фото в раме на стене.
И мы находим след, черту, характер,
И радуемся схожести всегда.
Мы очень крепко связаны корнями рода,
Как дерево с землею навсегда.

Завершая статью, хочу еще раз подчеркнуть, что научный и гражданский подвиг моего деда заключается в том, что он всю жизнь собирал документы, свидетельства очевидцев о жизни и деятельности Карима Хакимова, даже в те годы, когда этим было опасно заниматься, поскольку дипломата реабилитировали лишь в 1956 году.

Список использованных источников

1. Гадилов Л.З., Гумеров Ф.З. Карим Хакимов. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1960. 82 с.
2. Гадилов Л.З., Гумеров Ф.З. Карим Хакимов (историко-биографический очерк. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1966. 148 с.
3. Гадилов Л.З., Гумеров Ф.З. Революционер-дипломат. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1977. 125 с.
4. Гадилов Л.З., Г.Г. Амири Воспоминания о Кариме Хакимове. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1982. 71 с.
5. Сукбаев С.Х., Аюпова А.М., Аиткулова Э.Р. Говорит Уфа. Радио Башкортостана 75 лет. Уфа: Издательство Лето, 2004. 200 с.
6. Каюмов М.Г., Сафарьянова Г.М. Дюсян. Уфа: Гилем, 2005. 175 с.

С.Б. Горбачев

ДЕЙСТВИЯ ЗАПАДА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ «ДВОЙНЫХ СТАНДАРТОВ»

S.B. Gorbachev

ACTIONS OF THE WEST IN THE MIDDLE EAST AS THE MANIFESTATIONS OF THE POLICY OF «DOUBLE STANDARDS»

Аннотация: Статья посвящена анализу политики Запада на Ближнем Востоке. На конкретных примерах автор показывает, что действия Запада можно квалифицировать как политику «двойных стандартов».

Abstract: This article analyzes the policy of the West in the Middle East. On concrete examples, the author shows that the actions of the West can be qualified as a policy of “double standards”.

Ключевые слова: политика, двойные стандарты, Запад, Ближний Восток, Россия.

Keywords: politics, double standards, the Middle East, the West, Russia.

Действия Запада, прежде всего США, на Ближнем Востоке неоднократно подвергались критике со стороны Министерства иностранных дел России за наличие в них элементов политики «двойных стандартов». В данном случае под политикой «двойных стандартов» мы понимаем неоднократное, систематическое оценивание ряда аналогичных явлений в сфере международных отношений диаметрально противоположно, в зависимости от интересов и конъюнктурных соображений оценивающего субъекта, а также его действия, обусловленные этим обстоятельством.

Действительно, отношение Запада к происходящему в странах Ближнего Востока можно охарактеризовать именно как последовательную политику «двойных стандартов». Отметим случаи, в которых это проявилось наиболее наглядным образом.

Проблема курдов. Курды – один из наиболее многочисленных этносов, не имеющих собственной, признанной международным сообществом государственности. Десятилетиями курды ведут борьбу за создание своего государства, и наиболее активно она проходила и проходит на территории Ирака и Турции. Запад вполне сочувственно относился к этой борьбе в одном случае и отрицательно – в другом. Подавление курдских выступлений со стороны режима Саддама Хусейна решительно осуждалось, но когда аналогичные меры применялись со стороны союзника Запада по НАТО (Турции), особой критики в его адрес не было слышно.

Отношение к режиму нераспространения ядерного оружия. Как известно, официальным поводом к вторжению западных войск в Ирак в 2003 г. стало обвинение в попытке создания им оружия массового поражения, в т.ч. ядерного. Обвинение не было подтверждено никакими достоверными фактами. По сути, США создали миф о наличии в Ираке оружия массового поражения и попытались с помощью СМИ внедрить его в общественное сознание. Дело дошло до анекдотической ситуации, когда государственный секретарь США К.Пауэлл принес на заседание Совета Безопасности ООН пробирку с неким порошком, и, демонстрируя ее всем собравшимся, а также телевизионной аудитории, утверждал, что это оружейный плутоний, доставленный спецслужбами США непосредственно из Ирака. В это поверило большинство американцев, но за пределами США в данном факте усомнились. Каждый здравомыслящий человек, наблюдающий эту телевизионную картинку, пришел к логичным выводам: а) если это действительно плутоний, то К.Пауэлл человек либо невежественный, либо не заботящийся о своем здоровье, поскольку носить при себе такое количество радиоактивного материала опасно; б) если это действительно плутоний, то К.Пауэлл – террорист, поскольку пронес его на заседание Совета Безопасности ООН; в) К.Пауэлл, исходя из всей его биографии, явно человек неглупый и не террорист. Следовательно, это не плутоний, и в Ираке нет ядерного оружия. Дальнейший ход событий полностью подтвердил эту логику – в Ираке ядерное оружие так и не нашли (правда, к тому времени американцы уже забыли об официальном поводе к вторжению).

Таким образом, крайне сомнительное обвинение Ирака в попытке создания ядерного оружия стало для США и ряда других западных стран поводом для военного вторжения. Но в аналогичном случае они делают вид, что никакой проблемы не существует. Речь идет об Израиле, который уже давно, пусть и неофициально, обладает ядерным оружием. И доказательств тому гораздо больше, чем в случае с Ираком. Если Саддам Хусейн решительно отрицал факт наличия у Ирака ядерного оружия, то израильские лидеры это особо не скрывают – достаточно вспомнить заявление премьер-министра Эхуда Ольмерта, сделанное им в ходе интервью немецкому телеканалу SAT1: «Иран открыто, недвусмысленно и публично угрожает стереть Израиль с карты мира. Можете ли вы сравнить Иран с другими странами, обладающими ядерным оружием, как США, Франция, Израиль и Россия?».

В настоящий момент действуют западные санкции против Ирана, который также обвиняется в попытках создать ядерное оружие, при этом нет никаких доказательств того, что ядерная программа этой страны не носит исключительно мирный характер. Но в планы ни США, ни ЕС не входит введение санкций против Израиля – он не только стратегический союзник в Ближневосточном регионе, но имеет сильное лобби как в Вашингтоне, так и в Брюсселе.

Отдельно стоит упомянуть, почему большинство американцев верили в наличие у Ирака ядерной программы и верят, что Иран тоже пытается ее реализовать. Главный критерий истины для американцев – прагматизм (истина то, что полезно). Утверждение о реализации данными странами ядерной программы в существующих политических реалиях полезно для США, поскольку дает повод свергнуть или хотя бы ослабить неугодные им режимы – значит, это утверждение истинно. Когда в ходе оккупации ядерное оружие в Ираке так и не было найдено, те, кто действительно в это верил, по-

видимому, испытали некоторый шок, ведь их критерий истины дал сбой. Но этот шок быстро прошел благодаря другому свойству сознания западного человека – убежденности в реальности лишь настоящего. Если реально лишь настоящее, прошлое и будущее не существуют, то зачем помнить прошлое и думать о будущем? Поэтому сейчас рядовые американцы и даже ряд действующих политиков искренне забыли о «юридическом» поводе к вторжению в Ирак. Кстати, когда на заседании Совета Безопасности ООН был поднят вопрос о снятии экономических санкций с Ирака по причине падения режима С.Хуссейна, представители России и Китая напомнили то, что США (инициаторы снятия санкций) уже «забыли»: они были введены вовсе не по причине тиранического характера иракского режима, а по причине подозрения в наличии у Ирака ядерной программы, а значит, могут быть сняты при доказательстве обратного. Как заявил 17 апреля 2003 г. министр иностранных дел РФ И.Иванов, «для того, чтобы СБ принял такое решение, необходимо убедиться в том, что касается наличия или отсутствия у Ирака оружия массового уничтожения». Если бы в той ситуации Россия и Китай заняли позицию, аналогичную американской до 2003 г., вполне возможно, санкции против Ирака действовали бы по сей день.

Защита прав человека и борьба с «недемократическими режимами». Запад считает защиту прав человека во всем мире важнейшей составляющей своей исторической миссии. Ради этого можно свергать «недемократические режимы», как это регулярно происходило и происходит. Но свергаются только те диктатуры, которые неуютны самому Западу. Так, в ходе «арабской весны» при одобрении, а в некоторых случаях при прямой поддержке западных стран были свергнуты режимы в Ливии, Египте, Йемене; продолжается давление на Сирию. Их объединяет то, что они не были прозападными и были светскими. Кстати, начало «арабской весны» застало Запад врасплох: «события в Тунисе в декабре 2010 г. выглядели как совершенно неожиданные для Запада... До этого президент Зин аль-Абидин Бен Али был вполне лоялен Западу, а потому диктатором не считался». Однако США и их европейские и ближневосточные союзники быстро захватили инициативу в проведении «революций» на Ближнем Востоке.

Особую неприязнь у Запада вызывал режим М.Каддафи. Ливии удалось продемонстрировать, что незападный, некапиталистический путь развития может быть весьма эффективным: была создана стабильная система социального обеспечения, достигнут высокий (для Африки) уровень жизни. Это обеспечивалось использованием нефтяных богатств в интересах самой страны, а не в интересах западных корпораций, которые при М.Каддафи практически потеряли контроль над экономикой Ливии. Для сравнения, – нефтяные ресурсы Нигерии контролируются западными корпорациями, и они работают не на благополучие страны, а на процветание «концессионеров» – в результате уровень жизни в Нигерии в десять раз ниже, чем был в Ливии при М.Каддафи. При этом Нигерию Запад упрекал в «недемократичности» гораздо реже, чем Ливию. Кроме того, М.Каддафи призывал африканские страны отказаться от использования доллара во взаиморасчетах и перейти на золотой динар, и простить такое США не могли.

На Ближнем Востоке есть страны, явно не отвечающие западным стандартам демократии и постоянно нарушающие права человека (опять-таки, в их западном понимании) – Саудовская Аравия, Катар, Объединенные Арабские Эмираты. Даже по форме правления они априори менее демократичны, чем свергнутые при поддержке Запада светские режимы (Саудовская Аравия, Катар – абсолютные монархии). Т.к. они в настоящий момент являются геополитическими союзниками Запада, им прощаются все нарушения прав человека. Так, в этих странах широко используется рабский труд, на что Запад фактически закрывает глаза и что стало достоянием гласности в Европе только из-за уязвленного самолюбия англичан, проигравших Катару конкурс на проведение чемпионата мира по футболу 2022 г.: «согласно существующей в Катаре системе «кафала», у каждого неквалифицированного рабочего должен быть поручитель. В результате мигранты оказываются в двойной зависимости – от посредников, которые за них поручились, и от подрядчиков, которые отбирают у них паспорта и не платят зарплату по несколько месяцев. Все это является показателями рабства, как его в настоящий момент трактует Международная организация труда». Но почему-то раньше журналистов The Guardian, инициировавших данное расследование, эта информация не интересовала, и она перестала их интересовать после окончательного решения ФИФА. Официальные власти Великобритании вообще предпочитают все это не замечать.

В свою очередь, Запад тоже может обвинить Россию в использовании «двойных стандартов», хотя применительно именно к Ближнему Востоку, где российская дипломатия проводит вполне после-

довательную политику, это было бы затруднительно. Разница между Россией и Западом в том, что РФ прибегает к использованию «двойных стандартов» в исключительных случаях, когда речь идет об угрозе самому бытию народа, как это было в случае признания независимости Южной Осетии и Абхазии («двойные стандарты» здесь имеют место быть вследствие непризнания независимости Косово). Запад же применяет «двойные стандарты» неоднократно, систематически и по всему миру, что и позволяет назвать его действия политикой «двойных стандартов».

Список использованных источников

1. Азар И. Ольмерт Полишинеля // Газета.ru. 12.12.2006. http://www.gazeta.ru/2006/12/12/oa_226296.shtml (Дата обращения 11.11.2014).
2. Горбачев С.Б. «Арабская весна»: сравнительная характеристика позиций Запада и России // Хакимовские чтения «Россия и арабский мир: история и современность»: Материалы Всерос. Науч.-практ. конф. 29 ноября 2012 г. Уфа: Информреклама, 2012. С. 104–106.
3. Страны и народы мира. Статистический справочник Всемирного банка. М.: Весь мир, 2007. 241 с.
4. Мухаметшина Е. Чемпионат мира по рабскому труду // Газета.ru. 26.09.2013. <http://www.gazeta.ru/social/2013/09/26/5670361.shtml> (Дата обращения 11.11.2014).

Д.Е. Грибкова

ЗАРОЖДЕНИЕ РОССИЙСКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

D.E. Gribkova

THE ORIGIN OF RUSSIAN-JAPANESE RELATIONS THE ORIGIN OF RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND JAPAN

Аннотация: Статья посвящена описанию того, как зародились, какие особенности имели, с какими трудностями столкнулись и влиянию каких факторов были подвержены российско-японские отношения, а также ключевому моменту их становления – подписанию Симодского трактата 1855 г.

Abstract: The article describes the relations of Russia and Japan at the initial stage of their development. The author reveals difficulties and factors that are supposed to influence the relations. The article also characterizes the key event in developing of the relations that is the signing of the Treaty of Shimoda.

Ключевые слова: Россия, Япония, первые контакты, дипломатические отношения, Симодский трактат.

Key words: Russia, Japan, first contacts, diplomatic relations, Treaty of Shimoda.

Взаимоотношения между Россией и Японией по меркам историческим насчитывают не так уж и много времени (немногим более трехсот лет), но являются очень специфическими по своему характеру и сильно отличаются от отношений России с другими странами. Это связано с географическим положением двух стран относительно друг друга, проблемой спорных территорий, отсутствием мирного договора, особенностями двух культур и другими факторами. Межгосударственные отношения России с дальневосточным соседом во многом определяли и определяют обстановку в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Тем более что, центр мирового политического и экономического развития перемещается в эту часть мира. Поэтому взаимоотношения между Россией и Японией, двух лидеров в регионе, вне зависимости от того, какой исторический отрезок рассматривать, являются очень актуальными и чрезвычайно интересными. Сегодня российско-японские взаимоотношения испытывают некоторые трудности, связанные с претензиями обеих стран на одни и те же территории, и это несмотря на кардинальную смену геополитической ситуации в мире в целом, по сравнению с XIX и XX вв., и установление добрососедских отношений между двумя государствами в частности. Чтобы решить какую-либо задачу, необходимо вернуться к самому началу, поэтому вопрос об установлении двусторонних отношений так важен.

Каждая из стран прошла свой особенный путь завоевания и удержания позиций на Дальнем Востоке. Установление дипломатических отношений между ними весьма не похоже на то, как оно реализовывалось между Россией и европейскими государствами. И тому есть причины.

Границы Российской империи в XVII в. в результате ряда экспедиций русских землепроходцев (И. Москвитина 1639–1640 гг.; В. Пояркова 1643–1646 гг.; С. Дежнева и Ф. Попова 1648 г.; Е. Хабарова 1649–1653 г.г.) отодвинулись далеко на восток: она вышла к берегам Тихого океана, от северо-восточной оконечности до устья р. Амур, став крупнейшим государством мира. Это был закономерный процесс экономического развития России, обусловленный усложнением товарно-денежных отношений, необходимостью обезопасить восточные и юго-восточные рубежи, создать защищенный тыл для решения военно-политических задач на западе. Таким образом, с середины XVII в. Российское государство начало вовлекаться в сферу взаимоотношений с Кореей, Монголией, Китаем. Движимые желанием наладить выгодный товарообмен, русские путешественники начинают прокладывать пути и в Японию. Но их попытки наталкиваются на весьма существенное препятствие.

В XVII в., а именно в 1639 г., японское правительство объявляет о «закрытии» страны, руководствуясь идеей обезопасить внутренний порядок, государственную структуру и суверенитет государства от европейцев (португальцев, испанцев, англичан, голландцев), развернувших активную торговую, финансовую и миссионерскую деятельность. В итоге, внешнеполитическая активность Японии сводится на нет из-за ограниченной возможности вести дела с иностранцами через голландских посредников в бухте Дэсима, и то под строгим контролем властей. В открытые американцами в 1854 г. с помощью силы двери в Японию хлынули европейцы, навязывавшие ей договоры по типу того, что был заключен с США. Японское правительство не в состоянии было им противостоять – за годы изоляции страна очень сильно отстала от мирового уровня развития экономики, науки и техники. Вынужденное открытие Японии в 1868 г. и ее дальнейшее продвижение на север, направляемое правящими кругами уверенными в необходимости расширения «жизненного пространства», а также движение России на Восток, способствовали столкновению интересов двух государств на о. Сахалин, Курильских островах, в Китае и Корее. Естественно возникшие потребности расширения сферы своих интересов вызвали к жизни необходимость установления дипломатических отношений.

Итак, «в орбиту интересов России Япония наиболее прочно попадает во второй половине XVIII в., когда возрастает интерес западных держав к «открытию Японии», о чем свидетельствуют экспедиции Кука, Лаперуза, Ванкувера и Броутона. Попытка установить русско-японские отношения была предпринята в связи с экспедицией Э. Лаксмана (1792–93 гг.), которая фактически явилась первым русским посольством в Японию» [4, с. 63]. В конце XVIII в. японцы появились в южной части Сахалина и Курил, где уничтожили столбы с надписями о принадлежности этих территорий России.

В середине XVIII в. в дальневосточном регионе активизируются Великобритания, США, Франция, и, несмотря на некоторые противоречия между ними, цель у них одна: ослабить влияние России и упрочить свое собственное, что противоречило жизненным интересам Российской империи. Эти обстоятельства заставляют Петербург искать способ налаживания добрососедских отношений со своим островным соседом. Активизация русско-японских отношений происходит в XIX в., а вопрос о спорных территориях со всей остротой заявляет о себе сейчас, ведь чтобы решить какую-либо проблему нужно вернуться к ее истокам. В связи с этим, отношения между двумя государствами как не когда актуальны в наше время, и, что немало важно, находят широкий отклик общественности, выражаются во взаимном интересе двух наций, двух культур друг к другу.

Начало походам русских землепроходцев было положено еще в XVI в., когда в результате походов Ермака (Оленина В.Т.) 1581–1585 гг. были значительно расширены пределы Русского государства, с этого времени начинается колонизация Сибири. Ее присоединение было естественным процессом расширения территории государства. Время конца XVI – начала XVII в., вошедшее в историю России под названием «Смутного», не остановило освоение новых земель на юге страны, в Поволжье, Сибири.

В основном XVI, XVII, XVIII века были временем, когда внимание России было приковано к западным и юго-западным границам. Это было обусловлено процессами, происходившими внутри государства: экономическое развитие требовало налаживания внешних контактов по крайней мере с ближайшими соседями, выхода к Балтийскому и Черному морям, отвоение жизненно важных территорий и сохранение достигнутого. Но при этом, Россия сумела выйти к берегам Тихого океана в результате походов, возглавляемых Москвитиным И., Дежневым С., Поярковым В., Хабаровым Е., и стала евразийским государством. Гораздо меньше внимания уделялось Дальнему Востоку, где в конце XVII в. обострились отношения с Китаем.

О существовании Курильской гряды и Сахалина русским стало известно ещё в середине XVII века. «Изучение Курильских островов землепроходцами, начавшееся в XVII столетии, вызвало неуклонное

движение русских на юг, от одного острова к другому. Первые официальные вести о Курилах подал Москве казачий пятидесятник Владимир Атласов – «Камчатский Ермак» [5]. Петр I своей целью считал освоение морских путей в Индию, Китай и Японию. Поэтому в 1711 г. началось исследование Курильских островов Д. Анциферовым и И.П. Козыревским. «Чертежи» Камчатки и Курил, составленные последним использовались вплоть до 40-х гг. XVIII столетия. В 1721 г. геодезисты И. Евреинов и Ф. Лужин произвели первую картографическую съемку четырнадцати северных и центральных Курильских островов до Симушира включительно. В 1733–1742 гг. Вторая Камчатская экспедиция Беринга-Чирикова обследовала берега северной Японии и Курилы, которые были нанесены на карту. С.П. Крашенинников создал первое историко-этнографическое описание Курил. Экспедиция М. Шпанберга в 1738–1739 гг. обследовала и нанесла на карту всю Курильскую гряду. 16 июня 1739 г. русские впервые увидели северо-восточное побережье острова Хонсю. К концу XVIII в. на Курилах уже имелись русские поселения. Если же говорить о первых непосредственных контактах русских и японцев, то нельзя не упомянуть о кораблекрушении японских судов у берегов Камчатки. Русские оказали помощь японским морякам, один из которых, Дэмбэй, был доставлен в Москву и в 1702 г. принят императором.

Островное положение Японии, своеобразие экономического и политического развития объясняют ее слабую вовлеченность в региональную систему международных отношений, особенно в первый тысячелетний период ее внешней политики. Относительно регулярные обмены дипломатическими миссиями с Китаем и Кореей отражали скорее заинтересованность в культурном общении. Нет фактов, которые позволили бы говорить о стремлении Японии до XV в. к установлению внерегиональных связей. После того как первые португальские корабли достигли японских берегов в 1542 г., Японию стали посещать испанские и португальские купцы, выполнявшие роль посредников в восточноазиатской торговле. Внутри страны это было то время, когда не утихали междоусобицы между враждующими кланами, и католические миссионеры, торговцы, моряки старались вмешиваться во внутренние дела государства, проявляя при этом изрядную энергичность и не принимая во внимание специфику культуры, религиозных традиций и обычаев. Вызванная этим напряженность привела к тому, что в 1639 г. сёгуном Токугава Иэмицу было принято решение о закрытии Японии, которое продлилось более двухсот лет. Контакты с европейцами были ограничены во времени и были возможны только через порт Дэсима через голландских посредников.

В середине XIX в. под давлением японское правительство вынуждено было подписать неравноправные договоры (Ансэйские договоры 1854–1858 гг.), условия которых сделали возможным хозяйничанье европейцев и американцев в портах Кобэ, Нагасаки, Иокогама.

Реставрация Мэйдзи привела к преобразованиям в государственной структуре Японии, к обновлению внешнеполитического курса. Но к этому времени все еще отсутствовали договорные границы между русскими и японскими владениями на островах. Японцы постепенно проникали в южную часть Курил, ловили рыбу у берегов Сахалина, представление о естественных богатствах которого уже сложилось в сознании японцев.

«Освоение тихоокеанского побережья вплоть до устья Амура, открытие и присоединение Курильских островов и Сахалина утвердили Россию как тихоокеанскую державу. Границы России соприкасались с японскими владениями. Рост потребностей населения русских дальневосточных окраин и тихоокеанских владений, развитие товарно-денежных отношений в России и северных районах о. Хонсю создали объективные условия для товарообмена» [7]. Россия добивалась установления торговых отношений с Японией, руководствуясь тем, что русские суда нуждались в стоянках в японских портах, где могли бы восполнить необходимые запасы и закупить продовольствие для русских территорий на Дальнем Востоке. Но попытки оказались безрезультатными ввиду уже упоминавшейся политики самоизоляции.

Первая попытка России установить дипломатические и торговые отношения со своим соседом датируется 1792 г. – это была миссия А.Э. Лаксмана, снаряженная по указу Екатерины II иркутским генерал-губернатором И. Пилем. 13 сентября 1792 г. из Охотска в Японию была отправлена экспедиция с целью установления торговых связей. В июле 1793 г. было получено разрешение русскому галеону «Екатерина» войти в порт Хакодате, но только под конвоем японских кораблей. Японцами посольство Лаксмана было принято любезно, но предпринимались все возможные меры, чтобы не допустить сношений с местными жителями. Переговоры ни к чему не привели. Но все же первая российская экспедиция в Страну восходящего солнца увезла с собой письменное разрешение на приход одного русского корабля в Нагасаки, на случай если Россия захочет продолжить с Японией переговоры.

Вторая попытка была осуществлена при Александре I и тоже потерпела фиаско. Первым российским посланником и руководителем первой русской кругосветной экспедиции стал Н.П. Резанов. В конце сентября 1804 г. корабли «Надежда» и «Нева» прибыли в порт Нагасаки. Но русские дары не были приняты, миссия продержана почти полгода, и, получив известие от японского правительства с отказом от каких-либо отношений с Россией, отправлена восвояси. «Одни объясняют неудачу посольства горячностью и высокомерием посланника; другие видят его причину в происках Деффа, директора голландской фактории, который из боязни русской конкуренции употреблял втайне все усилия, чтобы помешать русским завязать дипломатические и торговые сношения с Японией» [6].

События, последовавшие за этим, имеют характер весьма неблагоприятный. Лейтенант Хвостов, человек предприимчивый и знающий морское дело, в 1806 г. на фрегате «Юнона» подошел к Сахалину и сжег японские хлебные магазины. В следующем году он же, на том же судне, сопровождаемый кораблем «Авось» под командованием мичмана Давыдова, сжег два японских селения на острове Итуруп (Сяна и Найбо), отобрал грузовые суда около острова Хоккайдо. Царское правительство, желавшее поддержания мира на Дальнем Востоке, признало действия Хвостова и Давыдова самовольными. Вернувшись в Охотск, они были арестованы, доставлены в Петербург и переданы военному суду. Эта экспедиция может считаться единственным примером насильственных действий русской стороны, осужденных самим русским правительством. Не трудно догадаться, какой отпечаток эти события оставили на русско-японских отношениях.

11 июля 1811 г. японским гарнизоном Кунашира был захвачен в плен мореплаватель В.М. Головнин, целью которого было обследовать Курилы, Сахалин и Камчатку. С ним находились еще 7 человек. Видимо в них усмотрели очередную угрозу после 1806–1807 гг. Захваченные были заключены под стражу в городе Мацумаэ, где пробыли в течение двух лет. Мирное разрешение конфликта стало возможным благодаря усилиям русского морского офицера П.И. Рикорда, организовавшего три спасательные экспедиции к берегам Японии, и японского бизнесмена Такада Кахэя, который пробыл в России около года и повлиял на позицию своего правительства в решении этого вопроса. В 1814 г. Головнин и Рикорд вернулись в Петербург, совершив кругосветное плавание. Их экспедицией были собраны новые сведения о северо-западной части Тихого океана, островах Эдзо, Сахалин, южной части Курил. Было уточнено число и географическое положение Курильских островов и проливов между ними. После этой экспедиции почти на сорок лет контакты с Японией были прерваны.

Внешняя политика Российской империи в дальневосточном регионе к середине 50-х гг. XIX в. определялась рядом факторов, носивших экономический, стратегический и политический характер. Необходимо было укрепить безопасность российских дальневосточных земель. США в 1852 г. отправили к берегам Японии военную эскадру, на что русское правительство не могло не среагировать. В мае 1852 г. был созван Особый комитет для обсуждения дальнейших шагов России. Было принято решение активизировать дружественные меры по отношению к Японии.

Для достижения этой цели в Страну восходящего солнца 7 октября 1852 г. из Кронштадта на трех кораблях, в числе которых был фрегат «Паллада», была отправлена миссия во главе с вице-адмиралом Е.В. Путягиным. В инструкции Путягину были даны следующие наставления: на переговорах подчеркнуть отсутствие у России завоевательных намерений и добиться таких же прав в торговле, которые получили другие европейские страны. Главная же цель виделась в подписании торгового договора, который бы предусматривал получение Россией прав наибольшего благоприятствования и экстерриториальности. Экспедиция зашла в гавань Нагасаки 10 августа 1853 г. К русским отнеслись очень подозрительно, была усилена охрана о. Кюсю, расставлены посты. Японские власти старательно уклонялись от переговоров, не допуская русскую миссию в Эдо, и приступили к ним только в январе 1854 г. Видимо, по их мнению, переговоры одновременно с Россией и США могли истолковаться как конец политики самоизоляции.

Как только речь зашла об установлении границ, переговоры зашли в тупик, ни одна из сторон не желала отказаться от своих притязаний. Возобновились они только в декабре 1854 г., к этому времени американцы, возглавляемые коммодором М. Перри, угрожая силой оружия, уже сумели навязать Японии договор. В этот раз японцы более благожелательно отнеслись к русским, державшимся учтиво и благожелательно, чем к американцам, оскорбленные их военным нажимом при заключении договора 1854 г. Правительство Японии, учитывая изменившуюся обстановку, не решалось давать категорический отказ. После длительных и изнурительных споров Путягин отказался от претензий на Итуруп.

Так, 7 февраля 1855 г. был подписан Симодский трактат, предусматривавший проведение границы между островами Уруп и Итуруп, закрепление Курильских островов за Россией, Сахалин же ос-

тавался неразделенным, хотя к этому времени японцы не имели еще полных представлений о его географическом положении (Такое решение по поводу Сахалина в дальнейшем очень осложняло российско-японские отношения). Для русских кораблей были открыты порты Хакодате, Симода, Нагасаки. Японское правительство дало согласие с 1856 г. на пребывание русского консула в одном из открытых портов и предоставило русским право экстерриториальности. Главная цель миссии – заключение трактата о дружбе и добрососедстве – была достигнута. Начало постоянным русско-японским отношениям было положено.

Симодский договор после столетия неудачных действий России, стал настоящим прорывом в отношениях с Японией, история которых в дальнейшем знала периоды вражды и конфронтации, дружбы и сотрудничества.

Список использованных источников

1.1. Русско-японский договор 1855 г. // Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем востоке: 1842–1925 гг. Э.Д. Гримм. Москва: Институт востоковедения, 1927 г. 804 с.

II.1. История дипломатии, т. 2. / Под ред. А.А. Громыко, И.Н. Земскова, В.А. Зорина, В.С. Семенова, С.Д. Сказкина, В.М. Хвостова. М.: Государственное издательство политической литературы, 1963 г. 820 с.

2. История международных отношений и внешней политики России (1648–2000). Учебник для вузов / Под ред профессора А.С. Протопопова. А.С. Протопопов, В.М. Козьменко, Н.С. Елманова. М.: Аспект Пресс, 2001 г. 344 с.

3. История Японии, 1868–1998 гг., т. 2. / Отв.ред. Жуков А.Е. М.: 1998 г. 703 с.

4. Кутаков Л.Н. Россия и Япония. Москва: Главная редакция восточной литературы, 1988 г. 382 стр.

5. Русско-китайские и русско-японские отношения в XVII – начале XX в. / Тихоокеанский государственный университет. Информационно-образовательный портал [электронный ресурс]: http://pnu.edu.ru/faculties/full_time/uf/iogip/.

6. Эпоха командора. Знаменательная встреча Василия Головнина и Такада Кахэй: Давняя страница русско-японских отношений. / Командор Резанов [электронный ресурс]: <http://rezanov.krasu.ru/>.

7. Япония и Россия. История контактов / Япония и Россия [электронный ресурс]: <http://www.today-japan.ru/contact.html>.

А.С. Евстифеев

БАШКИРСКИЙ ВКЛАД В ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ СССР И СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

A.S. Evstifeev

THE BASHKIR CONTRIBUTION IN DIPLOMATIC RELATIONS OF SOVIET UNION AND THE MIDDLE EAST COUNTRIES

Аннотация: Статья посвящена известному Советскому дипломату Хакимову Кариму Абдрафовичу. Роль и значения Карима Абдрафовича в дипломатической деятельности. Вклад Карима Абдрафовича в развитие отношений со странами Ближнего Востока.

Abstract: The article is devoted to the well-known Soviet diplomat Hakimova Karim Androphobic. The role and value of Karim Androphobia in diplomatic activity. The contribution of Karim Androphobia in the development of relations with countries in the Middle East.

Ключевые слова: Дипломат, деятельность, отношения.

Key words: The diplomat, activities, relationships.

Земля славится хлебами, а люди делами, – гласит народная мудрость. В данной статье хотелось бы, раскрыть деятельность такого известного всем дипломата как Хакимов Карим Абдрафович. Цель данной статьи состоит в том, чтобы обозначить роль и вклад Хакимова Карима Абдрафовича в дипломатические отношения между СССР и странами Ближнего Востока. Республика Башкортостан

стан взрастила немало славных сынов и дочерей, сделавших огромный вклад в развитие государства и общества. Одним таким героем является Карим Абдрауфович Хакимов. Родился он в Илькуминской волости, Белебеевского уезда, Уфимской губернии Российской империи (ныне д. Дюсяново Бижбулякского района Республики Башкортостан). По своей национальности Карим Хакимов был татарин и воспитывался в традиционных мусульманских обычаях, что в дальнейшем стало благоприятным условием в его карьере дипломата [1].

Карим Абдрауфович с детства тяготел к знаниям. Начальное образование он получил в медресе села Каргалы (ныне расположенного на территории Сакмарского района Оренбургской области) в 1910–1911 г. дальнейшее образование продолжил в медресе «Галия» города Уфа. Будучи уже юношей в 1917 г. – экстерном окончил гимназию в городе Томске.

Детство Карима закончилось рано. В 12 лет вслед за старшими братьями пошел батрачить. В 1906 году Карим Хакимов в возрасте неполных 15 лет покидает родную деревню. Работает в Оренбурге дворником, помощником в лавке мясника, в Ташкенте – ремонтным рабочим, учительствовал в Казахском ауле.

Судьба у Карима Абдрауфовича сложилась не однозначная, в тяжёлое время его забросила судьба. Во время революции был её участником, в 1918–1919 – член Оренбургского мусульманского военно-революционного комитета, губернский комиссар народного просвещения, командир 2-го батальона интернационального полка на Актюбинском участке Оренбургского фронта, начальник политотдела 1-й Отдельной Приволжской татарской стрелковой бригады (1-ая Татбригада). Такие ответственные должности, которые занимал Карим Абдрауфович, доставались далеко не каждому человеку, они требовали таких качеств как харизматичность, преданность, смелость, упорство и конечно образованность. Этими качествами обладал Карим Абдрауфович что в дальнейшем и будет проявляться в его работе дипломата.

В 1920 г. по рекомендации В.В. Куйбышева приглашён в Народный комиссариат по иностранным делам РСФСР (далее НКВД) на дипломатическую работу. В.В. Куйбышев известный политический деятель заметил молодого и преуспевающего Карима Абдрауфовича, за его трудолюбие и стремление служить во благо народа, рекомендовал его НКВД, от такого подарка судьбы он отказаться не мог. Руководство СССР зная о том, что Карим Абдрауфович крепко связан с мусульманскими традициями ставят его полномочным представителем в страны ближнего Востока. 9 августа 1924 – К. Хакимов вручил верительные грамоты королю Хиджаза из династии Хашимитов и стал Генеральным консулом и дипломатическим агентом СССР в королевстве. Именно с этого момента и начинается его дипломатическая карьера на Востоке, а в 1925 – К.Хакимов совершил паломничество уммра – так называемый «малый хадж» в Мекку, чем завоевал расположение арабской элиты.

Профессия дипломата – деятельность для избранных. Они хорошо разбираются во всех сферах деятельности, эрудированны, должны знать все о своей стране (от географии до музыки и спорта), совершенны в знании этикета. Дипломат – это полиглот, это психолог, и Карим Абдрауфович в совершенстве владел всем этими качествами. Но в тоже время, эксперты считают профессию дипломата одной из самых опасных. Вероятно то, что Карим Хакимов являлся мусульманином, а не только представителем Советской России намного увеличил авторитет Хакимова в странах Востока.

Кроме политических связей Кариму Хакимову удалось наладить и экономические связи. В 1927 г. он организовал поставку в Джидду морским транспортом первых трёх партий товаров первой необходимости из Одессы – сахара, муки (местное население с тех пор называет муку высокого качества «москобим» – «московской»), керосина, оказание медицинской помощи населению в чём очень нуждалось население новой страны.

Карим Абдрауфович принимал непосредственное участие в формировании нового государства Саудитов. Его харизматичность, понимание мусульманских традиций позволили в дальнейшем стать личным другом основателя правящей ныне династии в Саудовской Аравии Абдель Азиза ибн Сауда. Кроме этого Карим Хакимов завоевал доверие жителей Аравийского полуострова, что в конечном итоге способствовало мирному сотрудничеству двух стран. Поэтому не лишним будет вспомнить, как отзывались о нашем земляке его коллеги и современники.

Из рекомендации члена ЦК ВКП(б) В. Куйбышева при направлении К.Хакимова на дипломатическую работу:

«Гов. Хакимова знаю по 19–20 гг. в Туркестане. Из работников мусульман он был наиболее коммунистически выдержан и чужд националистических уклонов. Работал сначала в политотделе фрон-

та, потом был секретарем ЦК КПТ, затем моим заместителем в Бухаре, как полномочный представитель РСФСР. Считаю т. Хакимова добросовестным членом партии. По происхождению он пролетарий. В.Куйбышев».

В своем письме Хакимову от 19 июля 1925 г. наркоминдел СССР Г.В. Чичерин так оценил поездку полпреда в Мекку для знакомства с ибн Саудом:

«Столь удачно организованная и проведенная Вами поездка в Мекку, – писал Чичерин, – значительно обогатила нашу информацию о действительном положении Ибн Сауда и его намерениях...»

Из письма короля Хиджаза, Неджда и присоединенных областей Абдель Азиза ибн Сауда Председателю Президиума ЦИК СССР М.И. Калинину от 26 дня шестого месяца 1347 года хиджры: [2]

Мы пользуемся этим случаем для того, чтобы выразить нашу радость в связи с теми стараниями, которые прилагались его превосходительством агентом к укреплению добрых отношений и дружбы между двумя странами. Эти старания оставили прекрасное впечатление.

Карим Хакимов еще долго мог трудиться на дипломатическом поприще, но в реалии той эпохи были совершенно другие. 11 ноября 1937 – он был арестован по ложному доносу, а 10 января 1938 – расстрелян. После того как убили Карима Абдрауфовича, Абдель Азиз ибн Сауд отказался принимать любого другого Полномочного представителя СССР, а в 1938 году Саудовская Аравия прекратила дипломатические отношения с СССР.

Человек действительно достоин был уважения, и целое государство почтило его память, и за его смерть оборвала все связи с СССР.

После отзыва Карима Хакимова и прекращения дипломатических отношений с СССР, Саудиты обратили свои взоры на Великобританию, а их страна попала под культурное, экономическое и политическое влияние стран Запада. А мы знаем, что Западные ценности особенно в странах Востока не только не приносят пользу, но ещё и разъедают их традиции и ценности. Дипломатические отношения с Саудовской Аравией восстановила уже Россия в 1990 году 17 января.

Считаю, что для современной истории дипломатии очень ценен опыт Карима Хакимова в области отношений с Восточными государствами. Так в 1990 г. посол СССР в Йеменской Арабской Республике В.В. Попов, характеризуя работу К.А. Хакимова в Аравии, писал:

«То, что сделал этот человек как дипломат, как представитель нашей страны, трудно переоценить. Именно в результате значительной степени его личного вклада был заложен фундамент отношений молодого советского государства с арабским миром. Благодаря глубокому знанию истории, традиций, обычаев арабов, необычайному такту, умению расположить к себе людей, Хакимов пользовался у йеменцев и саудовцев огромным уважением. Арабским он владел превосходно, даже арабы поражались его умению столь глубоко, витиевато и чисто „по-арабски” излагать мысли. Читать написанные его рукой документы – одно наслаждение: так грамотно, так профессионально они написаны и такой сочный, выразительный язык. Он был вхож во дворцы, и его с радостью встречали бедняки в своих лачугах, его дом всегда был полон гостей – приходили и купцы, и приближенные королевской семьи, и простой люд».

Согласно указу Президента Республики Башкортостан, в 2015 году в республике будут организованы торжества, посвящённые юбилею Карима Хакимова: исполнится 125 лет со дня рождения дипломата[3]. Всей республике предоставят возможность познакомиться с деятельностью такого прекрасного дипломата как Карим Хакимов.

Я очень горд за то, что в нашей стране жили и живут такие прекрасные люди, которые готовы на большие дела ради страны! Я рад тому, что Карим Абдрауфович Хакимов является моим земляком, благодаря ему и, конечно, другим Героям наша республика навсегда вписана в мировую историю.

Список использованных источников

1. Р. Валеев. Миссия в Джидде. История односельчанина и духовного наставника // Татары у себя дома. Казань: Магариф, 2005.

2. Calendarium: Мусульманский календарь (<http://calendarium.narod.ru/lib/history/arab.html>).

3. 1 апреля 2013 года Президент Башкортостана Рустэм Хамитов подписал Указ «О праздновании 125-летия со дня рождения советского дипломата и общественно-политического деятеля, уроженца Республики Башкортостан Хакимова Карима Абдрауфовича». (http://www.presidentrb.ru/rus/press_serv/novosti/50694.html).

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И КИТАЯ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЫ

N.V. Enchenkova

FOREIGN POLICY OF RUSSIA AND CHINA IN THE CONTEXT OF TRANSFORMATION OF INTERNATIONAL RELATIONS

Аннотация: Статья посвящена анализу внешнеполитических отношений России и КНР и их значение для современной системы международных отношений. Проанализирована роль данных двусторонних отношений на международной политической арене.

Abstract: The article is focused on the analysis of the relations between Russia and China in terms of foreign policy and their importance for the current system of international relation. The role of the bilateral relations in the international arena is analyzed.

Ключевые слова: Российско-китайские отношения, трансформация системы международных отношений, сверхдержавы, стратегическое партнерство России и КНР.

Key words: Relations between Russia and China, transformation of international relations system, superpowers, strategic partnership of Russia and China.

Конфликт на Украине вызвал острые споры и широкий резонанс не только внутри страны, но и далеко за ее пределами. Именно украинский конфликт стал отправной точкой возрастания напряженности в отношениях между Западом и Россией. В этих условиях выбор вектора развития международного сотрудничества со стороны России в пользу Китая, укрепил отношения, которые, и без того, по оценке лидеров двух стран имели характер стратегического партнерства. Указанные события не просто описывают новую конфигурацию сотрудничества в рамках мировой политики, но знаменуют собой трансформацию международной системы. В данной статье мы рассмотрим внешнеполитические отношения между Россией и КНР, обозначим влияние данных двусторонних отношений на трансформацию международной системы, значения. Кроме того, мы попытаемся охарактеризовать взгляд России и КНР на новое устройство мирового порядка.

Россия и Китай – два крупнейших государства, обладающих общей границей, протяженностью более 4300 километров. Сам факт географической близости уже способствует налаживанию отношений между странами. Неслучайно в Китае и в России есть общая поговорка: «Ближний сосед лучше дальнего родственника». В прошлом веке оба государства были составными частями коммунистического блока, противостоящего коалиции западных держав в биполярной системе международных отношений. На сегодняшний день сопредельность государств, а также общие черты их истории, в некотором смысле, роднят обе великие державы. Именно СССР первым признал образовавшуюся в 1949 году Китайскую Народную Республику с пришедшей к власти в ней КПК. С того момента главным приоритетом во внешней политике КНР стало выстраивание тесных отношений с СССР. Советско-китайские отношения в начале 50-х годов, отличавшиеся высочайшей степенью интеграции и доверия, стали причиной беспокойства в блоке западных стран. Именно тогда там и родился миф о «советско-китайском монолите». Однако эпоха после смерти Сталина характеризовалась похолоданием в отношениях двух стран и включала в себя пограничный вооруженный конфликт на острове Даманский на реке Уссури. Тем не менее, отношения не были разорваны, страны продолжают взаимодействовать по сей день.

Что касается нынешней ситуации нужно отметить возможное сотрудничество России и Китая в противостоянии политике вмешательства во внутренние дела, которую практикуют западные державы, как то было в Югославии, Ливии, Египте, Ираке, Афганистане, Сирии и теперь уже в Украине. Говоря о Китае, в этом вопросе КНР осуществляет политику, диктуемую ей прагматическим интересом. Китайцы стараются не брать на себя слишком много обязательств, в том случае если страна не располагает соответствующими возможностями для реализации, либо же если реализация данных обязательств потребует слишком больших жертв, которые будут приноситься за счет ущемления собственных интересов. Опять же, на сегодняшний день китайская внешняя политика по-прежнему строится с учетом изучавшегося ими на протяжении последней четверти века опыта, который был извлечен из гибели Советского Союза.

Ввиду сложившейся кризисной ситуации на Украине, произошел поворот России в сторону Востока, Россия видит в Китае партнера, сотрудничество с которым на данный момент будет выгодным для нашей страны во внешнеполитическом плане. Союз Москвы и Пекина в силах отстаивать свою позицию, противопоставленную интересам западных коллег на заседаниях международных организаций, различного рода саммитах и встречах. Кроме того, партнерство между двумя странами является фактором, который способствует укреплению мирового порядка, поддержание стабильности на мировой арене, содействие мирному политическому решению международных конфликтов.

При рассмотрении любого рода связей между государствами важно учитывать международную обстановку. Распад СССР ознаменовал собой конец Холодной войны, развал биполярной системы международных отношений. Встает вопрос, какая конфигурация у нынешней системы? Специалисты не могут прийти к единому мнению об этом. Существует мнение о том, что мир стал монополярным, во главе с США. Но сейчас становится все более распространенным обратное мнение, что США постепенно теряет свой статус сверхдержавы, следовательно, и мир уже не назвать таковым¹. Более того, этот факт все чаще связывают с укреплением позиций КНР на политическом поприще и в сфере экономики и финансов, а так же с неспособностью Штатов поддержать стабильность в мире. По словам Министра иностранных дел России Сергея Лаврова, сегодняшняя ситуация в мире характеризуется изменчивостью, при этом одним из главных факторов стало рассредоточение глобального баланса сил. Возникает принципиально иная картина мира, которая не укладывается в устоявшиеся за несколько столетий представления о доминировании Запада в мировой экономике, финансах и политике. Ряд «цветных революций», в которые активно вмешивался Запад, привела не к установлению демократий, а к обострению ситуации на всем Ближнем Востоке, более того и рост исламского фундаментализма и его объединение под эгидой ИГИЛ вызывают серьезную тревогу².

Отметим и то, что даже после окончания Холодной войны отношения между США и преемницей СССР Российской Федерацией не наблюдается взаимного доверия, несмотря на ряд подписанных договоров о сотрудничестве в различных сферах. Более того, анализируя последние события на Украине, можно заметить, что США явно резко негативно настроены в отношении России на данный момент. Однако их доводы о том, что причиной этому является агрессивное поведение нашего государства по отношению к Украине, звучат малоубедительно. Тем не менее в данной ситуации в поддержку России выступил как раз Китай. Казалось бы, можно говорить о своеобразном союзном блоке Москвы и Пекина, служащем оппонентом Западу. Тем не менее мы уже упоминали ранее о том, что Поднебесная проводит довольно настороженную, аккуратную внешнюю политику в отношении всех государств, с Россией в том числе, даже несмотря на то, что отношения довольно теплые.

Как уже было сказано нами ранее, похолодание в отношениях между Россией и США привело к тому, что Россия совершила поворот от Запада в сторону Востока. При текущем положении дел нет такой силы: сверхдержавы или организации, способной разрешить ряд существующих на данный момент конфликтов. ООН дискредитировала себя, как мировая организация, что можно стало очевидным и во время нынешнего кризиса на Украине. Политика Запада на Ближнем Востоке, развязывание цепочки «цветных революций», прямое участие в военных действиях в регионе говорит также не в пользу Запада. При сложившейся ситуации на данный момент миру необходимы иные субъекты, способные повлиять на разрешение конфликтов и предотвращение дальнейшего возникновения кризисных ситуаций. Мы считаем что, роль таких субъектов в скором времени может сыграть союз КНР и России.

Несмотря на то, что Россия в прошлом потеряла статус сверхдержавы, на данный момент мы можем говорить о постепенном укреплении международно-политических позиций государства и усилении влияния в мире по сравнению с девяностыми годами. Так, в сирийском кризисе Россия выступила в роли «миротворца». Москва сделала все возможное, чтобы не допустить внешней экспансии в Сирии и повторения ливийского сценария свержения режима. Россия неоднократно выступала за скорейшую нормализацию обстановки в стране на основе общенационального диалога и без иностранно-

¹ Ситников Т. (2014): Мир больше не монополярный // Сайт: tverlife.ru 22.10.2014 (<http://www.tverlife.ru/news/82751.html>)
Дата обращения 23.10.2014

² Там же.

го вмешательства. Сирийская проблема вызвала разногласия в Совете Безопасности ООН. Россия и Китай, входя в пятерку постоянных членов, стремились к мирному урегулированию конфликта. 4 октября 2011 Россия и Китай наложили вето на проект резолюции СБ ООН, угрожающей Сирии санкциями в случае, если власти не прекратят подавление выступлений оппозиции. 4 февраля 2012 года на заседании СБ ООН Россия и Китай вновь заблокировали принятие резолюции по Сирии. Россия не была согласна с тем, что документ предусматривал отстранение от власти Башара Асада и возлагал всю ответственность за кровопролитие на сирийские власти. Стороны пришли к консенсусу на заседании СБ ООН 21 марта 2012 года, когда Россия поддержала принятие заявления по Сирии, в котором выражалась поддержка миссии спецпредставителя ООН и ЛАГ по сирийскому урегулированию Кофи Аннана. Таким образом, Россия в тандеме с Китаем не допустили повторения Сирией судьбы Ливии, предотвратив тем самым вероятный хаос, коим характеризуется сейчас большая часть Ближнего Востока, в дела которого активно вмешивается Запад³. Мы видим, что даже при явном противодействии Запада, Москва с Пекином способны на активные шаги, способные изменить ход событий и расстановку сил на мировой арене. На сегодняшний день можно говорить о том, что теперь КНР не столько исторически главный партнер России, сколько стратегический. Эти отношения развиваются как никогда интенсивно и в позитивном ключе.

Имеет место и мощное укрепление экономических связей двух стран. Так, 21 мая 2014 года «Газпром» и китайская национальная нефтегазовая корпорация CNPC подписали контракт на поставку российского газа в Китай по восточному маршруту. На международном экономическом форуме в Санкт-Петербурге представители китайской стороны предложили создать на Дальнем Востоке единую экономическую зону⁴. Россией совместно с Китаем принято решение о создании собственного банка развития. Европейские СМИ сегодня пишут о том, что партнерство Китая и России является «наказанием» для Европы. Речь идет о ситуации, когда Европа, подчинившись требованиям США, вводит санкции против России. А Россия, в свою очередь, смещает свой центр интересов в сторону Востока и Азии, находя в этом регионе множество экономических перспектив. Тем не менее, нельзя забывать о том, что все вышеописанные соглашения и оглашенные на международных встречах предложения и проекты носят не столько экономический, сколько политический характер. По всей вероятности, при осуществлении всех совместных проектов, КНР и Россия смогу кардинально изменить расстановку сил в мире, как в экономической сфере, так и в политической.

Таким образом, на сегодняшний день мы наблюдаем укрепление стратегического партнерства России и КНР. При нынешней неоднозначности системы международных отношений, характеризующейся отсутствием единого субъекта, способного на разрешение ряда кризисных ситуаций в регионах, сотрудничество Москвы и Пекина в состоянии повлиять на ситуацию в мире, на урегулирование споров и напряженности в регионах. Укрепление экономических отношений, будучи фактором, оказывающим колоссальное влияние на политическую сферу, так же имеет место. Россия заинтересована в кооперации с Поднебесной, которая в свою очередь, так же нуждается в сотрудничестве с нашим государством. Остается только надеяться на плодотворность данного союза в разрешении кризисных ситуаций, а также в урегулировании международных споров.

Список используемых источников

1. Роль России в урегулировании вооруженного конфликта в Сирии. Досье// Сайт itar-tass.com 16.01.2014 (<http://itar-tass.com/info/889036>) Дата обращения 23.10.2014
2. Сазонов В. (2014) Изменение отношений Россия-Китай: «стратегическое партнерство» или новый этап «братской дружбы»? // Сайт echo.msk.ru 11.06.2014 (http://www.echo.msk.ru/blog/advokat_sazonov/1338300-echo/) Дата обращения 15.10.2014.
3. Ситников Т. (2014) Мир больше не монополярный // Сайт: tverlife.ru 22.10.2014 (<http://www.tverlife.ru/news/82751.html>) Дата обращения 23.10.2014.

³ Роль России в урегулировании вооруженного конфликта в Сирии. Досье// Сайт itar-tass.com 16.01.2014 (<http://itar-tass.com/info/889036>) Дата обращения 23.10.2014

⁴ Сазонов В. (2014) Изменение отношений Россия-Китай: «стратегическое партнерство» или новый этап «братской дружбы»? // Сайт echo.msk.ru 11.06.2014 (http://www.echo.msk.ru/blog/advokat_sazonov/1338300-echo/) Дата обращения 15.10.2014.

ИНОСТРАННЫЕ КОНЦЕССИИ В ИРАНЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

R.I. Kantimirova

FOREIGN CONCESSIONS IN IRAN IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY

Аннотация: Статья посвящена созданию русских и английских концессий в Иране в конце XIX – начале XX века. Русские и английские концессии закрепили влияние России и Англии в экономике Ирана. Иран, превращался в рынок сбыта товаров и поставщика сельскохозяйственного сырья для промышленно развитых капиталистических государств.

Abstract: The article is devoted to the creation of Russian and British concessions in Iran in the late XIX – early XX century. Russian and British concession consolidated the influence of Russia and England in the economy of Iran. Iran turned into a market for the goods and the supplier of agricultural raw materials for the industrialized capitalist states.

Ключевые слова: Россия, Иран, Англия, концессии, персидская казачья бригада, железные дороги.

Key words: Russia, Iran, England, concession, the Persian Cossack Brigade, railroads.

Во второй половине XIX в. продолжался процесс «мирного» проникновения иностранного капитала в Иран и превращения этой страны в полуколонию. Наиболее острая борьба за Иран развернулась во второй половине XIX века между Англией и Россией, завоевавшими уже достаточно прочные позиции в этой стране в результате военных приобретений и торговой экспансии [7, с. 70]. В конце XIX – начале XX в. у иранского правительства были получены важные монополии и концессии: телеграфные, банковские, дорожные и другие. Первое место среди иностранных держав во ввозе капитала в Иран занимала Англия [2, с. 246]. Одними из первых английских концессий в Иране были телеграфные. Телеграфные линии, проведенные через территорию Ирана, обеспечивали не только связь метрополии с Индией, но и, при помощи проводных кабелей в Персидском заливе, присоединенных к индийским кабелям, связь Великобритании с более отдаленными колониями, в частности с Австралией.

Первая концессия на строительство телеграфа в Иране была подписана в 1862 г. Английский департамент индо-европейского телеграфа получил концессию на строительство и эксплуатацию телеграфной линии от Ханекина до Тегерана и от Тегерана до порта Бушир. В 1868 г. фирма братьев Сименс арендовала у Великобритании и Германии телеграфные линии между Лондоном и Россией до Александровска. Отсюда по соглашениям с иранским правительством фирма протянула двойной кабель через Одессу, Тифлис к Тегерану, где он соединяется уже с существовавшими телеграфными линиями. Соглашения о прокладке телеграфных линий подписывались в 1862, 1865, 1872 и 1901 гг. В результате линии связи пересекли почти всю страну. Телеграф обеспечил связь центрального правительства с провинциями, способствовал развитию торговли, давал небольшую денежную выручку. Иранскому правительству предоставлялась треть доходов от эксплуатации линий, проходивших по иранской территории, и льготный тариф для подачи телеграмм [4, с. 22–23].

Вместе с тем, телеграфными линиями управляли англичане, которые пользовались правами экстерриториальности. Строились телеграфные линии в значительной мере за счет Ирана, который в связи с этим уже в конце 1869 г. задолжал Англии свыше 47 тыс. ф. ст. Керзон Дж. отмечал, что телеграф был проведен не со специальной целью соединить Иран с прочим миром, а просто потому, что он лежал на дороге между Англией и Индией, он способствовал налаживанию контактов английских агентов с местными жителями и тем облегчал их работу [3, с. 226].

В 1872 г. английскому подданному барону Ю. Рейтеру удалось добиться от Наср эд-Дин-шаха подписания соглашения. Оно включало монопольное право на строительство железных дорог и трамвайных линий, на эксплуатацию нефтяных источников и других полезных ископаемых, на лесоразработку, проведение ирригационных работ, управление иранскими таможенными. Концессионеру разрешались создание банка и различных предприятий, мощения улиц, благоустройство Тегерана, строительство заводов, мануфактур, мельниц. Рейтеру передавалось управление таможенными на 20 лет за 20 тыс. ф. ст. [1, с.27].

Концессия вызвала резкий протест Российского правительства. Во время пребывания Наср эд-Дин-шаха в Петербурге осенью 1873 г. был решен вопрос об отмене концессии Рейтера. Осуществление концессии требовало больших капиталов, которые Рейтер не мог представить лично.

В результате Рейтер не смог начать работы в Иране до истечения 15 месячного срока, как было указано в концессии, это и явилось формальным поводом отмены концессии 5 декабря 1873 г. [8, с. 127–130].

В 1888 г. английская фирма «Братья Линч» получила концессию на организацию судоходства по р. Карун, а затем на строительство и эксплуатацию шоссейной дороги на юге Ирана. В фермане министра иностранных дел Ирана Хосейн-хана Мошир од-Дуоле от 24 сафара г.х. (23 января 1888) описывалось: «В целях расширения торговли, заселения края, а так же развития хлебопашества в Хузестане и Авхазе персидское правительство разрешило всем иностранным торговым пароходам, без различия наций, равно как и плаваний ранее по р. Карун парусным судам, заниматься перевозкой товаров по этой реке на протяжении от Мохамеры до плотины Ахваз» [5, с. 129–130].

Судоходство по Каруну формально было открыто для всех иностранных судов, но воспользоваться этим могла только Англия, благодаря своему монопольному положению в Персидском заливе. Англичане хотели установить судоходство по всему Каруну, построить телеграфную линию вдоль реки с ответвлениями к главным торговым центрам Ирана и учредить британские торговые представительства. Компания «Братья Линч» подарила шаху английский пароход для плавания по верхнему Каруну и взяла на себя плату жалования капитану, механику и части команды этого парохода. В 1889–1890 гг. вдоль Каруна была создана английская телеграфная служба с башнями для защиты от нападений [6, с. 11].

Компания «Братья Линч» для развития торговли и судоходства по Каруну арендовала самую крупную пристань в Мохаммере. Английское правительство предприняло попытку углубить старое русло Каруна, чтобы иметь выход в Персидский залив. Для исследования реки, вопреки всем международным правилам, зимой 1888–1889 гг. посылается одно военное судно, а в 1890–1891 гг. целая флотилия. Кампания «Братья Линч» осуществляла регулярное пароходное сообщение по Каруну. Закрепившись на Каруне, Англия получила возможность распространять свое влияние не только на юго-западные районы, но и на весь центральный Иран. В английской литературе концессия рассматривалась как большая победа английской дипломатии, а судоходство по р. Карун и создание различных предприятий явилось «краеугольным камнем для господства Британии на юге Ирана» [4, с. 40–44].

В 1898 г. англичане добились концессии на постройку лесной дороги Тегеран–Кум–Султанабад–Шуштер. Эта концессия была выдана министру иностранных дел Ирана Мошир од-Дуоле. Дорога была построена до Султанабада, дальше проходила по местам, населенными воинственными племенами луров. Все попытки англичан договориться с вождями племен оказались безрезультатными. В 1897 г. компания «Братья Линч» добились получения концессии на строительство колесной дороги от Ахваза до Исфа-хана. На строительство дороги было набрано около 2500 рабочих. Вдоль дороги были построены станции для отдыха и смены лошадей. Весь путь по новой дороге занимал 11–15 дней.

8 марта 1890 г. шах предоставил английскому майору Г.Ф. Табальту на 50 лет монополию на производство, продажу и экспорт табака. Согласно договору о концессии, всем земледельцам, производившим табак, предписывалось регистрироваться у агентов компании под угрозой штрафа и тюремного заключения, утаивание или самовольная продажа произведенного табака запрещались. Концессионеру предоставлялось право единоличного и произвольного установления цен на табачные изделия. Английская компания немедленно разослала агентов по стране, они вели учет производившегося табака и изымали его, вызывая недовольство населения. Концессия задевала интересы широких слоев индийского общества, начиная с производителей табака и кончая купечеством и потребителями [11, с. 80–81].

Англия стала проявлять и интерес к иранским нефтяным месторождениям. В 1872 г. англичане получили право разработки полезных ископаемых Ирана, в том числе и нефти. В 1889 г. Великобритания добилась концессии на создание английского Шахиншахского банка в Иране. Этот банк получил право эксплуатации природных богатств страны. С этой целью банк образовал английскую компанию с капиталом в 1 млн ф. ст. Она занималась разведением нефти в районе г. Бушир. 29 мая 1901 г. была подписана концессия на «поиск, добычу, эксплуатацию нефти, создание благоприятных условий для ее транспортировки вывоза, продажу натурального газа, асфальта и озокерита на всей территории Персидской империи сроком на 60 лет» [9, с. 134–136]. Концессионное соглашение предоставляло право продолжения одного или нескольких нефтепроводов, необходимых для транспортировки нефти от источника к Персидскому заливу, а также нужных для этого дополнительных ответвлений. Персидское правительство безвозмездно предоставляло концессионеру земли, необходимые для проведения работ. Все земли и все ввозимы материалы освобождались от пошлины и налогов на срок действия концессии. Все оборудование, необходимое для разведки, эксплуатации и разработки мес-

торождений, а также для строительства нефтепровода, ввозимое в страну, освободилось от налогов и таможенных пошлин.

В 1902 г. Уильям Нокс Д'Арси, английский поданный, накопивший свое состояние на добыче золота в Австралии, приступил в широких масштабах к поискам нефти. Буровые работы начались под руководством бывшего сотрудника Индийского департамента общественных работ Дж. Рейнолса. В январе 1904 г. удалось найти нефть, но радость была преждевременной: в мае скважина уже истощилась. Весной 1903 г. в Лондоне Д'Арси образовал компанию для изыскания нефти с капиталом в 1 млн ф. ст. В первые годы изыскательные работы не дали положительных результатов, но Уильям Нокс Д'Арси через Шахиншахский банк перевел иранскому правительству 20 тыс. ф. ст., тем самым закрепив концессию за Англией. В 1905 г. было создано совместное предприятие с представителями «Бирша Ойл». Англичане получили у бахтиярских ханов разрешение на поиск нефти в районах их кочевок. Однако поиски были безуспешными. Но 26 мая 1908 г. забил фонтан нефти, который положил начало нефтяной промышленности Ирана. Для разработки открытого месторождения была образована «Англо-персидская нефтяная компания». Английское правительство интересовалось. «Англо-персидской нефтяной компанией», в связи с переходом военно-морского флота на нефтяное топливо [4, с. 72].

«Англо-персидская нефтяная компания» овладела ведущими нефтяными рынками и стала играть важную политическую роль в колониальной политике Великобритании в Иране и на всем Среднем Востоке.

Великобритания начала проникать и в зону Персидского залива. В конце XVIII в. Англия утвердила свое могущество на южном берегу Персидского залива. В 1861 г. она объявила протекторат над Бахрейнскими островами. В 1895 г. эти острова были оккупированы Англией. Англичане основали свои консульства как военные наблюдательные посты в прибрежных иранских городах Бендер-Бушире, Бендер-Аббасе, Мохаммере. Анализируя британскую политику в Персидском заливе, Керзон отмечал, что «стратегические интересы Великобритании в Персии диктуются рядом обстоятельств, которые близко касаются Индии. В настоящее время, когда границы Афганистана, были установлены и гарантируются Великобританией, простираются на многие сотни миль с Персией и когда персидская территория соприкасается на сотни миль с Белуджистаном, государством, находящимся под британским протекторатом и фактически управляющимся офицерами индийского правительства, и когда море, которое омывает южные берега Персии, расположено вблизи Индийского океана, где в результате усилий, предпринятых в прошлом столетии, индийские интересы и влияние сделались главными, становится ясным, что Персия приобретает все более важное стратегическое значение в политике Британской Индии. Мы придерживаемся той точки зрения, что Персия имеет важное стратегическое и политическое значение не только для Индии, но и империи в целом» [10, с. 219–233]. Англичане вступили в договорные отношения с местными правителями, которых они субсидировали и которым оказывали разные услуги.

Хозяйственно-экономическая жизнь Персидского залива, судоходство, торговля, также были монополизированы Англией. Губернаторы и все местные власти Бендер-Бушира и его окрестностей назначались иранским правительством только после согласования с англичанами. Таким образом, к началу XX века Великобритания завоевала прочные позиции в Иране. Посредством различных концессий, монополий, денежных ссуд, дипломатических ухищрений она устанавливала свое господство в южных и юго-восточных районах Ирана, монопольное положение в Персидском заливе [4, с. 79–80]. Повышение активности в борьбе за экономическую и политическое преобладание в Иране привело к резкому обострению англо-русского соперничества, которое развивалось по линии торговой конкуренции, борьбы за концессию, соперничества английского и русского банков, дипломатического соперничества в Тегеране. Концессии и монополии, которые были получены Англией в Иране в конце XIX – начале XX в., на долгие годы закрепили за ней господствующее положение в экономической и политической жизни страны.

Вслед за английскими концессиями и займами появились в Иране русские концессии, займы и советники. В 1879 г. по просьбе шаха русские офицеры организовали и обучили персидскую казачью бригаду. В тегеранском дневнике полковника В.А. Косооговского утверждается, что шахская казачья бригада предназначалась не только для охраны резиденции шаха, но и для подавления народных волнений и обеспечения «порядка». Бригада должна была стать практической школой подготовки офицерских кадров иранской армии в духе русских военных уставов [3, с.4–5]. Персидская казачья бригада была единственной в Иране боеспособной воинской силой.

В 1879 г. русская компания получила концессию на строительство телеграфной линии между Чикишляром и Астрабадом.

В 1873 г. русскому купцу Степану Яковлеву было предоставлено персидским правительством на 20 лет право ловли рыбы в южной части Каспийского моря – в пределах вод от р. Атрек до р. Астара. По истечении этого срока, в 1893 г., был подписан новый контракт первым министром шаха и русско-подданным астраханским 1-й гильдии купцом С.М. Лионозовым сроком до 1925 г. [4, с. 144–145].

В 1890 г. русский капиталист Я.С. Поляков основал в Тегеране Учетно-ссудный банк Персии, который выдавал ссуды под товары, движимое имущество, ценные бумаги, а также производил учет ценностей. В 1891 г. тот же Я.С. Поляков получил от иранского правительства концессию на организацию страхового и транспортного дела, на основе которого было создано общество под названием «Персидское Страховое и Транспортное Общество». Это общество организовало пароходное сообщение на Каспийское море, получило права на строительство и эксплуатацию порта Энзели, выстроило Энзели-Тегеранскую, Казвино-Хамаданскую, Энзели-Рештскую дороги.

Правительства царской России и Англии договорились не строить самим и, в целом, препятствовать строительству железных дорог в Иране. В 1890 г. первый министр шаха Амин ос-Солтан и посланник России в Иране Е. К. Бюцов в Тегеране подписали соглашение о запрете на десять лет железнодорожного строительства в Иране [7, с. 144–145]. Таким образом, Иран был лишен права строить железные дороги на своей территории.

17 января 1900 г. Иран получил у России заем в сумме 22,5 млн рублей под залог доходов с северных иранских таможен, а в 1902 г. – 10 млн рублей. Срок займа был определен в 75 лет. [7, с. 144–145].

Кроме англичан и русских, концессии в Иране получили также бельгийцы, французы. В 1898 г. организация таможенного, а впоследствии и почтового дела была передана бельгийцам. Но концессии и предприятия других держав в Иране имели второстепенное значение по сравнению с английскими и русскими.

В конце XIX в. значительно возросла внешняя торговля Ирана с европейскими государствами. Конкуренция европейских промышленных товаров разоряла иранское ремесло и домашнюю промышленность, препятствовала развитию национальной иранской фабрично-заводской промышленности. Иран все больше превращался в рынок сбыта товаров и поставщика сельскохозяйственного сырья для промышленно развитых капиталистических государств.

Список использованных источников

1. Агаев С.Л. Иран в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1981. 300 с.
2. Кантимирова Р.И. Русские концессии в Иране в конце XIX – начале XX вв. // Россия и общества Востока: динамика социального развития, политические отношения, межкультурная коммуникация: Материалы межвузовского научного семинара. Уфа: Гилем, 2005. 350 с.
3. Косооговский В.А. Тегеранский дневник. М., Наука. 1960. 140 с.
4. Концессия С.М. Лионозову на эксплуатацию рыбных промыслов в южной части Каспийского моря // Новая история Ирана. М.: Наука. 1988. 200 с.
5. Керзон Дж. Персия и персидский вопрос // Сборник географических и статистических материалов по Азии. Вып. 52. СПб., 1893. 400 с.
6. Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1981. 430 с.
7. Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях. М., 1946. 200 с.
8. Справка о задолженности персидского правительства России // Новая история Ирана. М., 1984. 200 с.
9. Ферман министра иностранных дел Ирана Хосейнхана Мошир од-Доуле от 24 сафара 1306 г.х. об открытии судоходства по р. Карундия иностранных судов // Новая история Ирана. М.: Наука, 1988. 130 с.
10. Blue Books. Persia. Report by Major – General F.E. Gordon on Journey from Tehran to Isfahan. L., 1891. 300 с.
11. История Востока: в 6 т./Гл. ред. кол.: Р.Б. Рыбаков; Институт востоковедения. М.: Вост. лит., 1995. 300 с.
12. Из договора о концессии, представленной для Ирана Наср эд-Дин-Шахом барону Ю. Рейтеру // Новая история Ирана. М.: Наука, 1988. 340 с.
13. Из концессионного соглашения между персидским правительством и У. Ноксом д'Арси от 29 мая 1901 г. // Новая история Ирана. М.: Наука, 1988. 400 с.
14. Diplomacy in the Near and Middle East. A Documenta ru Record, 1535–1914 / Ed. by J.C. Hurrellitz. T.I. N.Y., 1972. 200 с.

ВОСТОЧНЫЕ ЭЛИТЫ РОССИИ: ВЕКТОРЫ МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННОГО И МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (РУБЕЖ XIX–XX ВВ.)

T.Y. Krasovitsky

EAST ELITE OF RUSSIA: VECTORS OF INTER-CIVILIZATIONAL AND INTERCULTURAL INTERACTION (THE XIX–XX CENTURIES)

Аннотация: В докладе впервые выделены различные аспекты дифференциации восточных элит в борьбе за содержательный вектор национальной политики и российской модернизации рубежа XIX–XX вв. Особое внимание обращено на «состыковку» реальных проблем с умозрительными идеалами о модернизации в атмосфере нестабильности и недоверия этнических элит при переходе от имперского устройства жизни к демократическому, соревновательность с центральными властными структурами за владение рычагами власти. Впервые устанавливается дифференциация элит по возрастному, образовательному и политическому критериям.

Abstract: The report is the first to highlight various aspects of differentiation between Eastern elites in the struggle for a meaningful national policy vector. Particular attention is drawn to the «joined-up» real problems with speculative ideals of modernization in an atmosphere of instability and mistrust of ethnic elites in the transition from imperial system to democratic life, competition with central administrations for power. The article is the first to differentiate between elites by age, educational and political criteria.

Ключевые слова: Восточные элиты, генезис элит, современная ментальность, дифференциация элит, 1917 год – судьбоносный профессиональный и политический выбор, советская модернизация.

Key words: Eastern elite, the genesis of the elites in the modern mentality, elite differentiation, 1917 – fateful professional and political choices, the Soviet modernization.

Изучение проблем элит имеет отношение и биографическому жанру – одному из самых сложных в историописании. Речь идет не просто о внимательном исследовании личности. Политическая биография предполагает изучение взаимного влияния лидера и системы, государства и общества. Применительно к авторитарным режимам это взаимодействие имеет особый, исключительно важный смысл. «Субъективный фактор» – опыт, знания, пристрастия элит, запечатленные в политических решениях, оказывали существенное, а в некоторые периоды решающее воздействие на развитие общества. В истории российской модернизации, многие важные и важнейшие события рубежа XIX–XX в. остаются непонятыми и плохо объяснимыми в силу их ярко выраженного субъективного характера. В судьбе тех или иных руководителей национальных республик немало подобных связей и отношений. Особенно показателен 1917 год.

Процесс участия этнических элит в событиях 1917 г., как заметил А.Я. Гуревич, «не складом фактов, а творческим процессом» [1]. А. Байтурсынов писал: «Первая революция была правильно понята и с радостью встречена казахами потому, что ... подкрепила у них надежду осуществить свою заветную мечту – управлять самостоятельно» [2].

Полезны некоторые представления о «генезисе» этнических элит и их ресурсах. Весной 1917 г. на авансцену вышло поколение, рожденное в демографическом всплеске 1860–1890-х годов. Опытные активисты национальных движений уже в сознательном возрасте пережили атмосферу контрреформ 1880-х годов. Их мотивация отражена в данных Всероссийской переписи населения 1896 г.

Среди них немало тех, кто уверенно чувствовал себя в столичной среде и в зарубежных поездках, в контактах с общероссийскими и зарубежными институциями (образовательными, в первую очередь). У тех, кто был озабочен поиском знаний, новых профессий, новаторство состояло в той функции, которую они выполняли в культурном движении. Технические новшества, множество новых возможностей воспринимались ими уже не как нечто экзотическое.

Молодые люди вступили во взрослую жизнь, когда уходило в прошлое доверие к тактике общественного либерализма в целом. Набирал силу профессиональный активизм как средство переустройства общества. Молодые люди сумели использовать в своих интересах правительственный курс Александра III на интеграцию национальных окраин в состав Российской империи: они интенсивно обучались в университетах (отечественных и зарубежных), отдав предпочтение одному из двух путей приобретения общественного признания.

Первый путь предполагал длительную и кропотливую работу над собой, приобретение профессии в естественнонаучном и техническом направлениях – со строгими критериями профессиональной пригодности. Эти критерии определяли для самого индивида его место в общественной иерархии.

Большинство предпочло второй путь – участие в политической жизни страны. Выбираются гуманитарные направления деятельности, не имеющие жесткой профессиональной иерархии – в основном, юриспруденция, история, филология, чуть менее – экономика. Очевиден в этом выборе интерес элит к восприятию в отечественных и зарубежных университетах ответов на вопрос о власти. В разных странах на этот вопрос давались разные ответы с твердым намерением навязать свой всему свету. Отметим, что многие по традиции предпочли обучение в Аль-Азхаре или Стамбульском университете, с этим багажом они занимали позже ответственные посты в советской системе власти [3]. По возвращении они вызвали подозрение из-за своих идеологических связей, пока больше надуманных ими самими, чем реальных [4]. Они проявляли активность в студенческих движениях, за что бывало, наказывались ссылками и заключением в тюрьму.

Важным итогом обучения была включенность в одно из самых глубоких изменений в истории – в изменение сознания, которое отразилось в том, как они стали смотреть на себя и на окружающий мир. Они активно участвовали в избирательных кампаниях в Государственную Думу, в земские структуры, в создании собственных культурно-просветительных и подобных им обществ. Это обостряло их интерес к проблемам функционирования империи и взаимоотношениям имперского аппарата с их родными окраинами. В рамках новой оптики виделись угрозы ассимиляторских проектов имперского центра, прежде всего, когда дело касалось русско-православного проекта Н. Ильминского для Поволжья, затрагивавшего и башкир.

Вчерашних студентов притягивали административные центры России с определенным уровнем конкуренции, хотя и с повышенной для них степенью дискомфорта инокультурной среды. Борьба за должности бывала одним из факторов конфликтов. Однако при подобном алгоритме действий появлялось и больше шансов на карьерный успех. Такая цель не постулировалась специально, но без труда выявлялась в высказываниях и свидетельствах по другим поводам. Достаточно заглянуть в дневники или школьно-студенческие записи, в круг чтения представителей элит, чтобы оценить их интересы. В 1913 г. туркестанский генерал-губернатор А. Самсонов специально выделял «страсть к европейскому образованию» местной элиты. «В высокой степени честолюбивые от природы, с необычайной жадностью возвыситься до положения русского чиновника, офицера или человека свободной профессии (вроде врача, адвоката и пр.), киргизы стремятся всеми фибрами своей души выйти из своей веками сложившейся патриархальной среды и приобщиться, хотя бы наружно, к среде своих господ – русских». Но, подчеркнул он, образованная часть «противится» «введению русского языка в школах, и здесь же культивируется противодействие всем начинаниям правительства, клонящимся к ассимиляции ... обособленного мусульманского мира» [5].

Сохранились и данные о той цене, которую платили за такую «страсть» представители элит. Приведем письмо к Н. Усуббекову его отца: «Дорогой сыночек, я долго терпел, но наконец-то выскажусь. Нуждаясь, залезая в долги, я смог дать тебе хорошее образование. Завершив учебу, ты вернулся домой и стал начальником городского управления по провианту. Опять я заботился о тебе. От меня ты требовал только денег. Потом ты стал министром просвещения Сейма в Тифлисе. Твоей зарплаты снова не хватало. Несколько раз просил денег, и я отправлял. Затем вы провозгласили независимость Азербайджана, и ты стал министром просвещения нашей республики. Работал в столице – Баку. Снова твоя зарплата не покрывала твои расходы. Просил денег, и я всегда отправлял. Продав часть принадлежавшей мне земли. Сегодня ты премьер-министр, руководитель государства. Неужели и сейчас камыш для забора твоей дачи я должен купить?» [6].

Важной особенностью элит было то, что вокруг множились энтузиасты, собиратели старых документов, рукописных книг, коллекционеры раритетов, исследователи-любители. Они поднимали проблему этнических ментальностей, их отображения в местном историописании. Эти занятия становились перспективным направлением историков и очередной интеллектуальной победой в борьбе за гражданские права.

Особенно важными становились региональные истории в многослойных контактных зонах, не смешивающихся, а скорее сколачивающихся из разных социокультурных кусков империи, где культурные столкновения высекали искры и создавали высокую температуру. Академические публикации об этих процессах имели не слишком широкие научные притязания, но ярко выраженную практическую направленность. В них отражался набор правил возможного политического поведения и максимум, помогающих сделать благоразумный политический выбор. Любители интеллектуальных занятий были весьма озабочены общественно-политическим звучанием своих работ, значения и послед-

ствий для будущих культурно-духовных процессов. Они, набираясь опыта публичных выступлений, развивали понятия «государство», «закон», «конституция», «гражданин», «гражданские права», «свобода», «рабство», «собственность», «революция», «просвещение» для выражения своей позиции по актуальным политическим проблемам, для обоснования практических действий. Уточнялась концептуальная нагруженность понятий при осмыслении принципов свободы личности, верховенства закона, конституционного правления. Возрастала общеизвестность и многократность употребления понятий для описания окружающей социально-политической реальности и решения наиболее актуальных экономических и социально-политических проблем. Социально-политический контекст позволял основные социально-политические понятия использовать как при описании исторического опыта, так и осмыслении возможных перспектив развития обществ в будущем. Сюжет «Сорок басен» А. Байтурсынова (это творческий перевод басен И.А. Крылова) автор связал с конкретными явлениями из казахской жизни, в основном посвятив вопросам культуры, науки, просвещения, прогресса. Литературная публицистика Ю. Акчуры, Г. Исхаки и др. вызвала у читателей и критиков много откликов, споров, противоречивых оценок. Г. Исхаки в «Исчезновении через двести лет» в форме фантастического повествования предупреждал о возможности национальной катастрофы, если не будут преодолены отрицательные тенденции развития татарского общества [7]. Стержневым становился эсхатологический миф, в котором художественная идея раскрывалась через столкновение различных мифологических кодов.

Но стереотипы восприятия инструментов власти формировались сквозь призму русификации, имперства и т.п. В итоге множились планы создания современных институтов культуры. Нарбатывались эффективные практики попыток социального конструирования реальности, в основу кладущие разные философские традиции о взаимодействии с миром, человеком и вообще любым партнером по диалогу. Ситуация рассматривалась как подготовительный этап вызревания управленческих конструкций, базирующихся на почве, отвергающей имперскую унификацию [8]. Группы нерусских элит характеризовались высоким уровнем интеграции и жестким противостоянием имперским структурам.

Выделим два очевидных поколения этнических элит, лидирующих на разных этапах исследуемого периода.

Первую группу 40–60-летних политиков назовем людьми, сложившимися в XIX веке. В конце XIX в. прошла их молодость, определились политические интересы. Многие прошли школу легальной культурно-просветительной работы. Эти политики к 1917 г. являлись если не либералами, то сторонниками парламентаризма, выступали за осторожные социальные реформы и ограниченную автономию. Из общероссийских партий поначалу ближе им были кадеты и народные социалисты. Наиболее известные фигуры этой группы у мусульман – С. Максуди, Г. Исхаки, А. Цаликов, А. Букейханов, А. Байтурсынов, М. Тынышпаев, Ф. Хан-Хойский и др. Ряд историков относит их к «поколению Гаспринского». Их занятия наукой, первые литературные опыты отразили основные проблемы национального движения. У казахов предполагалось даже создать партию казахских кадетов (или отделение общероссийской партии).

Выходцы из семей национальной элиты, особенно духовенства, имевшие, как правило, высшее светское образование доминировали в органах национально-культурной автономии в правительстве Алаш-орды, Миллет Меджлисе, Милли Идарэ, в местных Милли Шуро до лета 1917 г., но уступали постепенно позиции второй группе.

Вторая группа – 30-летних политиков – объединена экстремальными переживаниями революционной борьбы. Лидерами второй группы у башкир – А.-З. Валидов, С. Мрясов, А. Ягафаров, А. Адигамов и др. В отличие от группы «людей XIX века», эти деятели пережили влияние марксизма. Это «люди революции 1917 года», *готовые* видеть мир в процессе перемен, они надеялись получить от этих перемен «все и немедленно».

И первая, и вторая группы несли в себе качество, полностью соответствующее вызовам времени – *готовность* видеть мир в процессе перемен. Они принесли с собой понимание возможности распада социального порядка, когда-то казавшегося стабильным. И одними из первых были втянуты в одно из самых глубоких изменений в истории – в изменение сознания, которое отразилось в том, как они стали смотреть на себя и на окружающий мир.

Но позднее определение «буржуазные националисты», применяют к ним самим. Конечно, данная дифференциация достаточно условна, все «поколенческие» группы этнических элит в феврале – октябре металась между разными партийными лагерями, и каждая по-своему становилась все более радикальной. Эти противоречия выразились в обращении А. Букейханова к крестьянам, рабочим и

солдатам («Памятка крестьянам, рабочим и солдатам») 1 декабря 1917 г. Лидер казахов обличает «черносотенную сущность» новой власти, а Ленина сравнил со свергнутым самодержцем Николаем II: «Ульянов-Ленин, Председатель Народных Комиссаров, распоряжается единолично, как царь Николай, не желает давать отчета ни перед кем, контроль народа над распоряжениями правителей называет «буржуазным предрассудком». ... Большевистский председатель Ульянов-Ленин, как Николай, распоряжается самодержавно. Ульянов-Ленин, как Николай, считает народ за бессловесное животное». Но «идейная гегемония стала чаще переходить не к национал-народникам, а к национал-марксистам» [9].

В каждом национальном движении имелись представители и первой, и второй из выделенных нами групп. Члены Икомуса, Милли идарэ, Алаш-орды сильно отличались уровнем и наличием политического опыта. В. Зеньковский их отнес к «среднему типу ... учителя, журналиста, адвоката. Но разве можно сравнивать их по технике, по образованности, по выдержке и революционной настойчивости деятелей русской революции (Ленин, Троцкий и др.), которые в Западной Европе прошли превосходную школу государственного мышления – с теми мечтателями, литераторами» которых в свой исторический час могли выставить в качестве своих вождей [10]. Но и те, и другие, *во-первых*, стремились попасть в центральные структуры власти. Многих в политической сфере не удовлетворяли отложенные обещания. 12 сентября 1920 г. А.-З. Валидов написал письмо в ЦК РКП (б) и отправил его Ленину, Сталину, Троцкому и Рыкову. В нем говорилось: «Из политики, которую начал осуществлять ЦК РКП, явствует, что в отношении народов Востока вы... приняли за основу идею русских националистов-шовинистов. Товарищ Троцкий, когда изучал эти вопросы в Уфе, понял, что деятельность представителей центра состоит из ряда провокаций. Нет сомнений, что он доложил это в ЦК, но политика русского империализма осталась неизменной... Мы не станем объектами этой вашей политики, поищите себе других. Съезд народов Востока в Баку с очевидностью показал, что наступления на права туркестанцев – не инициатива русских коммунистов на местах, а собственная политика ЦК. Участвующие в съезде от ЦК Зиновьев и Радек обращались с представителями Востока, как комиссары с темной массой на крестьянских съездах в начале революции... С помощью красногвардейцев они затыкали рты и вынудили делегатов съезда принять только те решения, которые продиктовала Москва» [11].

Во-первых, многие умело перемещались в центр событий, усиливая пафос идеологических лозунгов для продвижения собственного политического, символического, информационного продукта.

Во-вторых, важно, что они «облучали» друг друга с разных аспектов, и в региональном, и в общероссийском масштабе.

В-третьих, во многих тюркских элитах сформировалось разделение, напрямую зависящее от политического самосознания поколений элит. По убеждениям большинство были *автономистами-федералистами*, сторонниками автономии в составе России. Гораздо меньшая часть были *самостийники* – сторонники немедленного провозглашения независимости. С образованием советских автономий они укреплялись в роли локальных лидеров, что усиливало их харизму. Значимость и сущность идеологических конструктов, их действенность они определяли и насыщали символически. Из различных версий: «технологического модернизма» и «модернизма свободы» (по Ю. Хабермасу), они избрали последнюю. Подчеркивалась необходимость сознательно активизировать внутренние потенции народов. Ценность такого личного исторического опыта в особо сложной реализации национальных интересов в имперском и советском проектах модернизации. Этнические элиты, наращивая современные практики, начинали ценить их потенциал выше широких имперских или советских целей. В ответ советские идеологи и политтехнологи окрестили эти практики «пантюркизмом», «панисламизмом», особенно всерьез опасаясь «тюркского культурного реванша». Придание проблеме геополитического измерения стимулировало мобилизацию этничности. Обращение к родным языковым ресурсам (разработка учебников и учебных программ) создало «рынок языков». В кризисном контексте искались адекватные ответы на социокультурные аспекты взаимосвязи социального служения с меняющимися социальными отношениями, проектированием властью нового общества. В декабре 1926 г. А.-З. Валидов так суммировал результаты: «Тюркская жизнь столкнулась с техникой и культурой Европы. Место мечтаний и воображений заняла действительность, религия уступила место статистике, науке, ученики и софисты бросили религиозные школы, ушли в советские школы, техникумы и сельскохозяйственные институты. И, как через рентгеновские лучи обнаружили все болезни и недостатки Востока» [12]. Традиция осваивалась как механизм, устанавливающий целостность этнического единства. Внимание к этничности делало их конкурентами и центру, и автономным властям.

Прилагались серьезные усилия в создании современных институтов и форм культурной деятельности. В первую очередь, введение современного образования, разработка систем письма на родных языках.

В целом советская власть, не возражая против привнесения в советский континуум национальных характеристик, оценивала их как второстепенные. В этом контексте как мешающие модернизации оценивались институты и инструменты, которые складывались у народов на базе собственных культурных традиций. То, что сохранялось и отстаивалось как механизм, устанавливающий целостность этнического единства, воспринималось как отсталость. В упрощенном смысле процессы рассматривались двояко: с одной стороны, как борьба с «излишествами» самопознания различных этнических сообществ, в том числе с «академическим эгоизмом», с другой – как этап введения народов в более широкое и, как считалось, более культурное пространство. Социальная инженерия способна защитить общество от эксцессов национализма, выступит «внешней рамкой» реализации субъективной воли личностей, действующих от имени партии, ее идеологии, ее политических целей. Она подавалась как деятельность, направленная на включение нерусских этносов в строительство социализма (процесс модернизации). Общие цели, таким образом, достигались: идеологическое содержание политики «центра» определяло содержание исторического процесса. Этнические отличия учитывались при осуществлении тех или иных преобразований, хотя вопрос об этнокультурной автономности постепенно элиминировался ссылкой на то, что Страна Советов строилась как сверхнациональное государство. Она считала себя преемницей Просвещения и лидером Прогресса. Все, годившееся для советского строительства, вовлекалось в его сферу и приветствовалось. Все, что сопротивлялось – клеймилось «буржуазными», «феодально-байскими» пережитками, отвергалось, позже – репрессировалось. Остается открытым вопрос: в какую сторону будет двигаться национальная культура в условиях, когда существует разновекторная направленность в ней? Оценка процесса модернизации нерусских этносов, все еще находящихся на стыке традиции и современности, носит преимущественно негативный смысл. Культурные утраты заслоняют ее положительные стороны, обесценивают цели, ценности и достижения. Критики говорят о гипотетической возможности более мягкой, гуманной и терпимой стратегии модернизации. В такой оценке присутствует и неизбежный мотив межэтнического и межкультурного конфликта модернизаторов с модернизируемыми. Нередки обвинения в сознательной их денационализации. В концептуализации этого подхода насилие приобрело гораздо более значимый смысл, чем смысл самой модернизации.

Список использованных источников

1. Гуревич А.Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. № 2/3.
2. Аманжолова Д. Казахский автономизм и Россия. История движения «Алаш». М., 1994; Нурпеисов К. «Алаш» и «Алаш-Орда». Алматы, 1995.
3. См.: Красовицкая Т.Ю. Модернизация российского образовательного пространства, От Столыпина к Сталину. Конец XIX – 1920-е годы. М.: Новый хронограф, 2012.
4. Красовицкая Т.Ю. Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности. Октябрь 1917–1924. М., ИРИРАН. 2005.
5. Шейхзаманлы Н. Воспоминания о борьбе за независимость Азербайджана. Баку, 1997. (на азерб. яз.).
6. Зарипов М., Амирханов Р. Гаяз Исхаки (1878–1954) / Татарские интеллектуалы: исторические портреты / Сост. Р. Мухаметшин. – 2-е изд., Казань: Магариф, 2005.
7. См.: Ибрагимов М.И. «Исчезновение через двести лет» Гаяза Исхаки и «неомифологические» тексты русской прозы начала XX века / Литературоведение. Межкультурная коммуникация // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4 (2).
8. Булдаков В.П. Кризис империи и революционный национализм начала XX в. в России // Вопросы истории. 2000. № 1.
9. Цит. по: Мухамметдинов Р.Ф. Нация и революция. (Трансформация национальной идеи в татарском обществе первой трети XX века). Казань: Иман, 2002.
10. Василий Зеньковский. Указ. соч.
11. Исхаков С.М. А.-З. Валидов: пребывание у власти // Отечественная история / 1997. № 6. С. 223.
12. Цит. по: Мухамметдинов Р.Ф. Нация и революция. (Трансформация национальной идеи в татарском обществе первой трети XX века). Казань: Иман, 2002.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ СССР В САУДОВСКОЙ АРАВИИ НАЗИР ТЮРЯКУЛОВ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БРИТАНСКОГО АГЕНТА ДЖОНА ФИЛБИ

V.A. Kuzmin

SOVIET REPRESENTATIVE IN SAUDI ARABIA NAZIR TURIKULOV ON THE ACTIONS OF THE BRITISH AGENT JOHN PHILBY

Аннотация: На основе анализа советских архивных дипломатических документов освещается деятельность британского агента Джона Филби в Саудовской Аравии на рубеже 20-х – 30-х гг. XX в.

Abstract: On the basis of Soviet archival diplomatic documents the author highlights the work of British agent John Philby in Saudi Arabia at the turn of the 20s – 30s. of the twentieth century.

Ключевые слова: Дипломат, агент, король, информатор, Саудовская Аравия, отношения между государствами.

Keywords: Diplomat, agent, King, Information, Saudi Arabia, relations between states.

К.А.Хакимов занимал пост представителя СССР в Саудовской Аравии дважды. Первый раз в 1924–1928 гг. как представитель СССР в королевстве Хиджаз, султанате Неджд и присоединенных областях (до 1932 г. так называлась Саудовская Аравия) и второй раз в 1936–1937 гг. В промежутке между этими двумя посольствами Хакимова главой представительства СССР в Саудовской Аравии в 1928–1935 гг. был Назир Тюрякулович Тюрякулов, первый советский дипломат-казах. До своего назначения на дипломатическую работу, Н.Т. Тюрякулов был и наркомом просвещения Туркестанской Республики, и председателем ЦИК Туркестана, и членом Среднеазиатского бюро РКП(б), а после перевода в Москву он был председателем правления Центрального издательства народов СССР.

Как и К.Хакимов, Н. Тюрякулов тоже стал жертвой сталинских репрессий и был расстрелян 3 ноября 1937 г. Несмотря на реабилитацию, последовавшую в 1958 г., имя Назира Тюрякулова и его дипломатическая деятельность долгое время были известны узкому кругу специалистов. Только благодаря стараниям его соотечественников, которые не забывали имени и заслуг своего земляка, дипломатическая деятельность Н. Тюрякулова теперь стала хорошо известна.

Ведущая роль в широком освещении биографии и всей дипломатической деятельности Н. Тюрякулова принадлежит доктору политических наук Т.А. Мансурову, который в 1994–2002 гг. занимал пост Чрезвычайного и Полномочного Посла Республики Казахстан в Российской Федерации. За годы работы в Москве, Т. Мансуров выявил в Архиве внешней политики и других архивах РФ большое количество дипломатических документов, характеризующих многогранную деятельность Назира Тюрякулова на его посту. На основе выявленных архивных документов и материалов Т. Мансуров опубликовал целую серию книг и статей о пребывании и деятельности Н. Тюрякулова в Саудовской Аравии. Важнейшими среди этих публикаций, по нашему мнению, являются две книги Т. Мансурова: первая – «Назир Тюрякулов – полпред СССР в Королевстве Саудовская Аравия (1928–1935 гг.)», издана в Москве издательством «Русский Раритет» в 2000 г., и вторая – «Полпред Назир Тюрякулов», издана в Москве издательством «Молодая гвардия» в 2004 г. в серии «Жизнь замечательных людей». Обе книги содержат большое количество фактически впервые публикуемых архивных дипломатических документов и материалов, автором которых был Назир Тюрякулов. Настоящее краткое сообщение подготовлено на основе именно этих архивных документов.

По прибытии в Саудовскую Аравию, в г. Джидду, где традиционно располагались все дипломатические представительства иностранных государств в этой исламской стране, Н. Тюрякулов сумел быстро освоиться в новой роли, установив доверительные связи в местном дипломатическом корпусе, политическом истеблишменте и среди деловых кругов. Поскольку Тюрякулов представлял «большевистский режим», это вызывало повышенный интерес к нему со стороны иностранных дипломатов и представителей разного рода спецслужб. Одним из них был Джон Филби – отец будущего советского разведчика Кима Филби.

Дж. Филби был исследователем Аравии, принял ислам (а с ним и имя Абдулла) и стал советником короля Ибн Сауда. Выступавший в роли крупного коммерсанта, проживший на Востоке не один десяток лет, хорошо знакомый с местными традициями и обычаями, он умело применял полученные знания в разведывательной деятельности. Использовал он в интересах Англии и свое влияние на короля,

особенно на его сына, наследного принца Фейсала. Описывая в одном из первых донесений в Москву визит к нему этого англичанина, Тюрязулов характеризует того, как «интересную и хитрую» личность, у которого, однако, «некоторые вещи сшиты белыми нитками»: «Торговли у него почти нет, и он не может покрывать свои расходы. Между тем продолжает работать как торговец». Еще резче он характеризует Филби в одном из последующих донесений в наркомат иностранных дел СССР, в котором, ссылаясь на слова своего информатора, корреспондента газеты «Кельнише Цайтунг» Асадуллы-эфенди (Леопольда Вейса), пишет: «Филби является агентом Committee of National Defense и сорит деньгами. Фактическая его деятельность идет вразрез с его словами. Имеются документы, доказывающие это. Сейчас собираются документы, показывающие подлинное лицо Филби, для представления королю».

О том же, в подтверждение своих ранних донесений, Назир сообщает 12 января 1930 г. в Москву после выхода в свет одного из основных трудов Дж. Филби. «Вы, по всей вероятности, уже знаете о книге шейха Абдуллы Филби «Аравия», в которой он довольно откровенно раскрывает свои карты». Между тем сам объект столь пристального интереса со стороны советского полпреда продолжал «обрабатывать» саудовских лидеров, Тюрязулов сообщал о нем: «беспрерывно сидит в Мекке, при короле. Слухи: он добивается у короля концессии на постройку электростанции и, якобы, в Лондоне устраивает для короля заем в 800 тыс. фунтов».

В справке о советско-саудовских отношениях, подготовленной для НКВД СССР в сентябре 1930 г., Тюрязулов отмечал: «В правительственном аппарате (Хиджаза. – В.К.) на командных позициях продолжает доминировать англофильская клика Фуада Хамзы, руководимая и поддерживаемая шейхом Абдуллой Филби и сэром Рианом (британским посланником в Джидде. – В.К.). Эта клика, которая обкрадывает страну, и политически, и буквально продолжает контролировать все внешние дела государства».

21 декабря 1930 г. в письме К. Хакимову, который тогда был представителем СССР в Йемене, Тюрязулов, ссылаясь на слова своего информированного источника, отмечал: «Нужно ожидать назревания конфликта между Санаа (столица Йемена. – В.К.) и Меккой (Хиджазом. – В.К.)... События идут к конфликту... Все это дело рук Филби». Развивая эту тему в письме в Москву, Назир отмечал: «О наличии попыток направить энергию Сауда на юг, в сторону Йемена, сигнализирует книга Филби об Аравии».

В письме заведующему Первым восточным отделом НКВД СССР С.К.Пастухову 12 января 1931 г. Тюрязулов снова обращает внимание на «доминирующую сейчас в Мекке группу Фуада-Филби». Поясняя эту мысль, он пишет: «Управление иностранными делами геджаспра (хиджаского правительства. – В.К.) ... переформировано в Министерство иностранных дел с назначением на пост мининдела Фейсала (за ним сохранено генеральное наместничество) и Фуада Хамзы уполномоченным мининдела... Этот акт короля закрепляет контроль Филби-Фуада над деятельностью бездельного Фейсала». В этом же письме, со ссылкой на одного из своих информаторов, Тюрязулов отмечает, что ряд влиятельных лиц из числа арабов в Джидде знают «об угрожающей стране опасности со стороны иностранцев и в частности о роли Филби».

Турецкий поверенный в делах Сени-бей в беседе с Н. Тюрязуловым 22 марта 1931 г. заявил последнему: «Англичане всеми силами и способами стараются столкнуть Мекку с Санаа, имея в виду одним зарядом убить двух зайцев. Прямо говорить об этом они не могут. Они вынуждены через Филби провести (эту цель. – В.К.) в форме «дружеского совета»».

Подводя итог развитию советско-саудовских отношений в течение 1931 г. Назир Тюрязулов в своей «Записке» в НКВД отмечал: «Группа Фуада-Филби по-прежнему сохраняет за собой положение доминирующей силы при дворе (в связи с принятием Филби ислама, эта группа закрепились на своих позициях) и продолжает ставить рогатки геджаско (саудовско. – В.К.) – советским отношениям. Король же «ссориться» из-за нас с Филби сейчас не хочет... Король продолжает придерживаться старой своей тактики сталкивания нас с Филби».

Вместе с тем были и обнадеживающие моменты для продолжения работы по налаживанию контактов советского представителя с королем Ибн Саудом. По словам одного из информаторов Н. Тюрязулова, Халида Каркани (в одном из своих сообщений в Москву Назир писал о нем: «триполитанец, турецкоподданный, боролся против итальянцев, энергичный и мужественный человек»), к лету 1931 г. «положение Филби при короле значительно пошатнулось. Король прекрасно понимает ту роль, которая возложена на Филби Лондоном, которую он пытается осуществлять в Геджасе (Хиджазе. –

В.К.). Король властолюбив, Филби же пытается влиять на политику короля, чем приводит последнего в бешенство. В результате этого в последнее время наблюдается стремление короля держаться по-дальше и держать Филби в стороне. Наряду с этим, появление Филби при короле вызвало опасения среди приближенных о возможности потери ими прежнего положения. Последнее обстоятельство также имеет свое значение в отношении ухудшения положения Филби».

В заключение следует сказать, что, как свидетельствуют документы, опубликованные Т.Мансуровым, несмотря на английские интриги, олицетворением которых была деятельность Филби при короле Ибн Сауде, Назир Тюрякулов был настроен весьма оптимистично в отношении перспектив позитивного развития советско-саудовских отношений. Его оптимизм нашел свое практическое отражение в форме заключенного в августе 1931 г. соглашения о поставках в Саудовскую Аравию советских нефтепродуктов и состоявшемся в 1932 г. официальном визите в СССР наследного принца Фейсала.

В.П. Литвинов

РОССИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ НА ВОСТОКЕ И ЕЕ РОЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ НУЖД ПАЛОМНИКОВ-МУСУЛЬМАН (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)

V.P. Litvinov

RUSSIAN DIPLOMACY IN THE EAST AND ITS ROLE IN ENSURING NEEDS OF MUSLIM IHRAMS (LATE XIX – EARLY XX CENTURIES)

Аннотация: Статья посвящена анализу практической деятельности российских дипломатических служб за границей по регулированию паломничества мусульман как в Мекку (и Медину), так и к шиитским святыням в Персии и «Турецкой Аравии».

Abstract: The article is devoted to the analysis of the practical activities of the Russian diplomatic services abroad to regulate the hadj of Muslims to Mecca (and Medina), as well as to Shiite shrines in Persia and «the Turkish Arabia».

Ключевые слова: Хадж, мусульмане, Мекка, Турецкая Аравия, Российская империя, дипломатические службы.

Key words: Hajj, Muslims, Mecca, Turkish Arabia, the Russian Empire, the diplomatic service.

Проблема взаимосвязи паломничества мусульман и российской дипломатии рассматриваемого периода, к сожалению, не получила должной научной рефлексии ни в отечественной, ни, тем более, в зарубежной историографии. Исключение составляет, пожалуй, только статья видного российского востоковеда, академика В.В. Наумкина, которая, однако, не имеет прямого отношения к паломничеству мусульман, а рассматривает более геополитические и торгово-экономические проблемы присутствия Российской империи на арабском Востоке¹.

Однако кроме всего прочего дипломатические службы на мусульманском Востоке выполняли важную миссию по обеспечению прав российских паломников мусульман, которые, как свидетельствуют источники, не раз грубо нарушались.

Особенно положение усугублялось в период обострения русско-турецких отношений. Так, перед войной 1877–1878 гг. (а тем более во время войны) власти Османской империи ужесточили свое отношение к российским «хаджиям». О том, что османские власти относились крайне негативно к российским паломникам писал известный отечественный востоковед Р.Г. Ланда. Об этом же свидетельствуют и документы Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), из которых, явствует, что турецкие власти, вопреки нормам международного права, часто сознательно отбирали у российских подданных мусульман-паломников их национальные заграничные паспорта, выдавая им взамен свои, называвшиеся: «тезкире» или «хамидие». Российским дипломатическим службам, осо-

¹ Наумкин В.В. Российская дипломатия в Хиджазе (конец XIX – начало XX в.) // Ислам и мусульмане: культура и политика. Статьи, очерки и доклады разных лет. М., 2009.

бенно Генеральному консульству в Константинополе (Стамбуле), приходилось вести долгую и упорную борьбу с османскими властями практически из-за каждого паломника-мусульманина².

Считаем нелишним отметить, что турецкие власти постоянно нагнетали антирусские настроения в среде российских паломников, что приносило в страну опасные идеи панисламизма, пантюркизма, пантуранизма и проч. Турки превратили в центр антирусской пропаганды даже саму Мекку. Дореволюционный исламовед М. Машанов писал в 1910 г.: «Хадж мусульман есть как бы религиозный съезд мусульман со всего мира, которые напитавшись здесь нетерпимым фанатизмом, разъезжаются обратно домой, и развозят с собой идеи панисламизма, всеобщего единения мусульман не только на религиозной почве, но и на политической»³.

Еще один немаловажный фактор определял деятельность российских дипломатических служб – фактор санитарно-эпидемиологической неблагонадежности регионов зарубежного паломничества мусульман. В рассматриваемый нами период Мекка, в силу своей запущенности, приобрела явно «трусобный» вид. Это подтверждается мнением специалистов и людей, посетивших Аравию в то время. Так, туркестанский медик В. Волков писал в 1899 г. в статье «Заразные болезни, способы распространения и меры борьбы с ними» о том, что Мекка как город грязный и скученный, переполненный паломниками и лишенный должных санитарно-гигиенических служб, стал постоянным источником инфекционных и эпидемических заболеваний. Он указывал, что в июле 1893 г. в Мекке около 3 тыс. паломников умерли от инфекционных заболеваний ввиду отсутствия элементарной медицинской помощи⁴. Российский офицер – мусульманин, штабс-капитан Абдельазиз Давлетшин, побывавший в Мекке по заданию российского правительства в 1898–1899 гг. с целью изучения того, как относятся там к паломникам-мусульманам из России, писал, что Мекка – грязна, переполнена народом, опасна в санитарно-эпидемиологическом отношении и т.п. Кроме всего прочего, он указывал на главный источник распространения заразы – трупы жертвенных животных, которые тысячами лежали в долине Мина, источая зловонье и гниль на значительные расстояния⁵. Можно считать поразительным тот факт, что столь ужасающее положение дел в «сердце» ислама абсолютно не беспокоило турецкие власти, они даже не делали попыток выправить санитарно-эпидемиологическую в Мекке. Они объясняли его установлениями шариата, согласно которому любая смерть во время хаджа является мечтой паломника, который в этом случае попадает сразу к «престолу Аллаха».

Естественно, что санитарно-гигиеническая ситуация в Хиджазе беспокоила царскую дипломатию. И не только ее. Внешнеполитические ведомства колониальных держав Европы, в лимитрофах которых проживали миллионы адептов религии Пророка, часть которых тоже совершала хадж, были обеспокоены опасным эпидемическим положением в Мекке и прилегающих к ней районов. По инициативе держав в Константинополе (Стамбуле) был образован т.н. «Высший Международный санитарный совет», решения которого носили фактически обязательный характер для стран – членов этой организации. При всех тех противоречиях, которые существовали между державами в рассматриваемый период, они были едины в одном – ни одно из правительств не хотело заноса эпидемических и иных опасных заболеваний из Хиджаза. Поэтому, учитывая вышеуказанные обстоятельства, с целью быстрого реагирования на первые признаки появления в паломнических потоках эпидемических заболеваний, российское посольство в Стамбуле и его консульства в Османской империи поддерживали постоянные контакты с Высшим Международным Санитарным советом, державшим под контролем санитарно-гигиеническую ситуацию как в Мекке, Медине и во всей Аравии, так и в «святых местах» мусульман-шиитов в «Турецкой Аравии» (Ирак).

Значительную роль в дипломатическом регулировании хаджа мусульман сыграло учреждение в 1890 г. российского консульства в Хиджазе, в г. Джидда. Ему было подведомственно и Янбо (Ямбо). Заметим, что Янбо – это был порт и последнее место в Хиджазе («запретной территории» для немусульман), где могли находиться «неверные». Первым российским консулом в Джидде стал известный туркестанский чиновник, переводчик, этнограф, действительный статский советник Шахимардан Мирясович Ибрагимов, более известный в Русском Туркестане как «Иван Иванович»⁶. Выслужив-

² См. напр.: АВПР, ф. 249, оп. 616, д. 752. Дело о паломниках ходжах (прошения, заявления и проч.), л. 64.

³ Машанов М. Современное состояние татар-мухаммеддан и их отношения с другими инородцами. Казань, 1910 – С. 92

⁴ Закаспийской обозрение. 1899. № 214.

⁵ РГВИА, ф. И-400 (Азиатская часть Главного штаба), оп. 1, д. 2239. По вопросу об изучении мусульманского паломничества и командировании штабс-капитана Давлетшина, л. 139.

⁶ Туркестанские ведомости. 1890. № 128, 10 июля. Кстати, газета сообщая о назначении Ш.М. Ибрагимова консулом в Джидду, так и называла его: «Иван Иванович» – прим. авт.

шийся чиновник-мусульманин, Ибрагимов хорошо знал паломнические проблемы – он не один год проработал «дипломатическим» чиновником при туркестанском генерал-губернаторе, и, наверное, смог бы сразу наладить должным образом работу консульства. Однако, вскоре после приезда в Джидду, летом 1891 г., он умер от холеры и его преемнику – дипломату Левицкому, не имевшему такого опыта работы, пришлось не без труда налаживать «призрение» российских паломников в самом «сердце» ислама – Мекке (а также и в Медине). Проблем у нового российского консульства сразу же обнаружилось много. Прежде всего, необходимо было защищать российских «хаджиев» от произвола турецких властей в Аравии. Основные направления деятельности нового дипломатического представительства России были оговорены в «доверительной инструкции» консулу Ибрагимову, в которой указывалось, что главная цель его деятельности заключалась «преимущественно в покровительстве нашим паломникам»⁷. Консульским работникам рекомендовалось «понимать и разделять их (паломников – В.Л.) нужды, состоя с ними в наиболее близких сношениях»⁸.

Много хлопот доставляли российскому консульству в Джидде мекканские «далили» – своего рода маклеры, старавшиеся мошенническим образом «обработать» российских паломников. Последние также часто жаловались в консульство на нападения со стороны аравийских бедуинов. Много времени у консульства уходило на обеспечение нужд голодных, больных и умерших паломников в Хиджазе, либо по пути в него (или обратно). В 1893 г. Левицкий с большим трудом вернул на родину, в Коканд, 10-летнего мальчика, отец которого Дост Мухаммед умер во время хаджа в Мекку. Для того чтобы решить судьбу сироты российскому консульству в Джидде пришлось вести долгую переписку с российским послом в Турции, Министерством иностранных дел, Военным министерством, Канцелярией туркестанского генерал-губернатора, ферганским областным правлением и управлением начальника Кокандского уезда⁹. Со временем российскому консульству в Джидде удалось решить многие проблемы, связанные дипломатическим обеспечением паломничества (хаджа) российских мусульман. Но многие проблемы оставались неразрешимыми, поскольку их решение зависело от общего состояния «паломнического вопроса» в стране в целом.

В связи с этим, в конце XIX в. российский консул в Джидде, которому из Аравии были ясней видны все проблемы паломничества (хаджа) мусульман, выступил с широкомасштабной программой улучшения дипломатического регулирования мусульманского паломничества в России. Консул в Джидде детально разработал комплекс мер по упорядочению деятельности всех служб, связанных с паломничеством российских мусульман в Мекку и Медину. По многим позициям программа, предложенная российским консулом в Джидде, была продуманной и жизненной. Недаром ее достаточно высоко оценил российский посол в Турции А.И. Нелидов. Однако он усомнился в том, что российская бюрократия сможет добросовестно и полностью выполнить все пункты этой программы¹⁰. Были свои сомнения на сей счет и в царском МИДе. Но главным препятствием в осуществлении указанной программы, на наш взгляд, был перманентно нарастающий дефицит средств в государственной казне. Поэтому до 1917 г. дипломатическое регулирование зарубежного паломничества мусульман Туркестана как в Мекку (и Медину), так и к шиитским святыням Персии и в «Турецкой Аравии» оставалось на том же уровне, на котором оно сложилось в пореформенной России.

Несмотря на то, что вышеуказанная программа консула в Джидде не получила позитивного разрешения, что существовали известные издержки в работе дипломатических представительств России по регулированию зарубежного паломничества отечественных мусульман, судя по документам, деятельность российских посольств, миссий и консульств на этом направлении следует признать многогранной и эффективной. Во-первых, они были обязаны регулярно уведомлять Министерство иностранных дел России обо всем, особенно по части своевременного предупреждения о появлении первых признаков надвигающихся эпидемий или иных опасных заболеваний. Во-вторых, они должны были наблюдать за неблагонадежными элементами из числа мусульманских фанатиков (в том числе, русскоподданных), проживающих в Мекке за счет паломников, ограждая последних от их «дурного» (панисламистского) влияния. В-третьих, им вменялось в обязанность ознакомление с путями паломничества, сбор статистических данных, касающихся паломнического движения. На основе собранных данных предполагалось выработать в дальнейшем общее положение законодательного характера, которое регулировало бы паломническое движение российских мусульман.

⁷ Цит. по: Наумкин В.В. Указ соч. С. 545

⁸ Там же.

⁹ ЦГА Узб., ф. И-1, оп. 29, л. 1067, 1-8 об.

¹⁰ ЦГА Узб., ф. И-1, оп. 29, л. 1067, л. 7.

Так, в практике деятельности российских дипломатических служб за границей по регулированию паломничества мусульман как в Мекку (и Медину), так и к шиитским святыням в Персии и «Турецкой Аравии», значительное место занимали разного рода регистрационные мероприятия. Прежде всего, российские консульства регистрировали заграничные паспорта паломников. Существовал порядок, в соответствии с которым государственные учреждения, выдававшие разрешительные документы на совершение хаджа в Мекку или паломничество шиитов в их зарубежные «святые места», сообщали все необходимые сведения о таковых в Министерство внутренних дел. Последнее направляло соответствующий их анализ в МИД России, которое, в свою очередь, ставило в известность о числе предполагаемых паломников в Мекку и Медину (а также и к шиитским святыням) в свои представительства за рубежом. Это позволяло российским консульствам за границей следить за реальной динамикой паломнического процесса, вести учет паломников (и суннитов, и шиитов), знать, кто из них (и по каким причинам) в последующем не вернулся домой. Такая деятельность имела сугубо практический смысл. Так, например, российские консульства регулярно информировали о численности паломников-мусульман (в Мекку, Медину, к шиитским святыням Персии и «Турецкой Аравии») Главное управление торгового мореплавания и портов, осуществлявшее контроль за перевозкой паломников, с тем, чтобы указанное ведомство могло более эффективно планировать свою деятельность¹¹. Российские консульства следили за своевременной регистрацией прохождения каждым паломником карантинных мероприятий в установленных международным правом пунктах. Поскольку при прохождении карантина паломники иногда (по разным причинам) теряли свой багаж, то консульства делали все возможное для того, чтобы найти этот багаж и переправить его владельцу. Так, в 1903 г. группа российских паломников оставила в карантинном пункте «Эль-Торо» 8 багажных «мест» (кладей) и уехала. Российскому консульству не без труда удалось найти этот багаж и переправить его в Константинополь, где он были получен владельцами, отчаявшимися вернуть его когда-либо¹². Достаточно часто российские паломники теряли и свои заграничные паспорта. Поскольку в таком случае их дальнейшее продвижение к «святым местам» становилось весьма затруднительным (тем более, при вышеуказанной политике турецких властей), то российские консульства выдавали паломникам новые документы, для чего проводилась специальная процедура опознания утратившего свои документы паломника в присутствии 2-х человек, лично его знавших. При этом составлялся специальный протокол секретарем консульства. И заполнялся специальный бланк установленного образца¹³. Хуже обстояло дело с теми, кто утратил деньги. В виду того, что российские консульства не получали специальных средств для такого рода случаев, то им приходилось проявлять немалую изобретательность с тем, чтобы хоть как-нибудь помочь паломникам- мусульманам, оказавшимся в бедственном положении вдали от отечества и своего дома. В связи с этим, министр внутренних дел В.Л. Горемыкин в 1896 г. представил в правительство специальную записку о мусульманском паломничестве, в которой, в частности, рекомендовал выделять российским консульствам за границей особые средства для предоставления денег в долг нуждающимся паломникам-мусульманам, чтобы они могли вернуться домой¹⁴. Однако таких средств выделено не было, т.к. государственная казна испытывала постоянный дефицит средств, на что мы уже указывали выше. В 1912 г. депутаты Мусульманской фракции Государственной Думы обвинили министра иностранных дел С.Д. Сазонова в том, что подведомственный ему российский консул в Смирне не оказал помощи паломникам, терпевшим острую нужду в деньгах¹⁵. Обвинение вряд ли было справедливым, т.к. ни консул, ни даже само Министерство иностранных дел России не имело специальных бюджетных ассигнований для оказания финансовой помощи остро нуждающимся в ней паломникам-мусульманам из Мекки, Медины или шиитских «святых мест» в Персии и в «Турецкой Аравии» (Ираке).

Мусульманские паломники нередко использовали консульство в Джидде в качестве депозитария – они сдавали имевшиеся у них на руках деньги и имущество ему на хранение. Академик востоковедения В.В. Наумкин указывает, что во время хаджа 1905–1906 гг. депозитный счет консульства в Джидде составлял 30 208 рублей. А в период следующего хаджа 1907 г. объем таких средств в нем вырос до 49 859 рублей, из которых 39 001 рублей – деньгами и на 10 858 рублей – имуществом¹⁶. Вряд ли кто

¹¹ АВПР, ф. И-249, оп. 616, д. 808 – Дело о паспортах для паломников в Мекку, л. 42.

¹² Там же, л. 10 об.

¹³ См. образец документа: АВПР, ф. И-249, оп. 616, д. 1176. Переписка по вопросу о паломниках, л. 8-9.

¹⁴ ЦГА Узб., ф. И-18, оп. 1, л. 4370 – По вопросу о паломничестве наших мусульман, значении его и мерах к упорядочению, л. 8–8 об.

¹⁵ Туркестанский курьер. 1912. №№116,125.

¹⁶ Наумкин В.В. Указ. соч. С. 567.

станет серьезно оспаривать то обстоятельство, что это факт свидетельствовал о росте доверия российских паломников-мусульман к отечественному консульству в Джидде, а равно и возросшем его авторитете в их среде.

Иначе и быть не могло, если учесть тот факт, что российские дипломаты за рубежом проявляли похвальную щепетильность при решении финансовых проблем паломников. Деньги, сданные паломниками-мусульманами на хранение в консульства, неизменно возвращались паломникам в полном объеме. В случае смерти паломника консульство составляло подробную опись имущества и денег умершего¹⁷. В последующем деньги обязательно возвращались наследникам покойного «хаджия», где бы они не проживали. Этим занимался Первый (бывший Азиатский) департамент Министерства иностранных дел России, куда деньги паломников направлялись дипломатическими представительствами России за рубежом. Так, в декабре 1904 г., Первый департамент МИД переслал военному губернатору Семиреченской области, генерал-майору М.А. Фольбауму 17 руб 52 коп для передачи их наследникам умерших во время хаджа «киргизов»¹⁸ Карабая Адылова и Джатыка Бермешева¹⁹. В 1910 г. власти Закаспийской области получили из Первого департамента МИДа России 50 руб. для передачи наследникам умершего «хаджия» Мамеда-Турды-Клыч-оглы²⁰. И такого рода свидетельств финансовой честности российских дипломатов перед памятью мусульманских паломников в архивохранилищах можно найти немало.

Как известно, в мире нет ничего абсолютно однозначного. Поэтому и проблема дипломатического регулирования паломничества российских мусульман не была некоей отдельной данностью. Она была частью общей внешнеполитической деятельности Российского государства на Востоке вообще, и на Ближнем и Среднем Востоке, в частности. Известно, что в последней трети XIX – начале XX вв. Россия значительно активизировала свою деятельность на мусульманском Востоке, что объяснялось необходимостью сдерживать натиск своих главных внешнеполитических противников в этом регионе Турции, Великобритании, а затем и Германии. Указывая на это обстоятельство, академик В.В. Наумкин пишет: «В конце XIX в. – начале XX в. на Аравийском полуострове и в Персидском заливе одно за другим открываются российские консульства, сначала в Басре и Джидде, а затем в Бушире. Кроме того, в 1903 г. было открыто прямое пассажирское сообщение по морю – от черноморского порта Одесса до Персидского залива»²¹. Мы убеждены в том, что превалирующими интересами в этом были торгово-экономические. Примечательно, что в такую системную деятельность российской дипломатии на Востоке была включено и «паломническое» российское консульство в Джидде. В «доверительной инструкции», выданной Российским посольством в Турции первому консулу в Джидде Ибрагимому содержалось такое требование: «обратить зоркое внимание на условия торговли вообще и русской в особенности, а затем представить Императорскому правительству свои соображения насчет возможностей сбыта российских товаров»²². И мы убеждены в том, что исполнение российским консульством в Джидде такого требования не только не мешало его «паломническим» обязанностям, но и способствовало ей, т.к. среди мусульман-паломников в Мекку и Медину из России было немало людей торгового сословия, то есть тех, кто кроме хаджа, был заинтересован и в изучении потенциальных возможностей Хиджаза (а равно и мест на пути к нему) для развития с ним торговых, экономических и прочих связей.

Вышеизложенное позволяет прийти к заключению о том, что царская дипломатия рассматриваемого периода была тесно связана с проблемами паломничества мусульман. Несмотря на все его издержки, оно имело положительное значение не только для развития хаджа в Мекку (или «зиярата» шиитов), но и для укрепления международных связей мусульман России со своими иностранными единоверцами, расширения их житейского кругозора, междивизиационного сотрудничества и т.д. Дипломатические службы России за границей способствовали упорядочению паломничества мусульман, «помогая решить множество связанных с этим непростым в те времена делом юридических, экономических, транспортных и медицинских проблем»²³. Это замечание видного российского востоковеда Р.Г. Ланды, на наш взгляд, весьма ясно и точно отражает роль и значение дипломатического аспекта в системе принятого нами исследования о мусульманском паломничестве в дореволюционной России.

¹⁷ См. образец такой описи: АВПРИ, ф. И-249, оп. 616, д. 186, л. 19-21.

¹⁸ Так тогда называли всех кочевников Туркестана, кроме туркмен – прим. авт.

¹⁹ ЦГА Каз., ф. И-44, оп. 1, д. 2237. О выдаче наследникам денег, оставшихся после паломников, умерших в Джидде, л. 8.

²⁰ ЦГА Тур., ф. И-1, оп. 2, д. 2789. О паломниках, л.11 об. 16.

²¹ Наумкин.В.В. Указ. соч. С. 540–541

²² Цит. по: Наумкин В.В. Указ соч. С. 545

²³ Ланда Р.Г. Указ. соч. с. 139.

КИТАЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И «ПАМИРСКИЙ ВОПРОС» В КОНЦЕ XIX ВЕКА

P.P. Litvinov

CHINESE DIPLOMACY AND «PAMIR ISSUE» AT THE END OF THE XIX CENTURY

Аннотация: Статья посвящена участию китайской дипломатии в решении одного из важнейших вопросов международной политики конца XIX в., приведшего к сильному обострению отношений между Россией и Англией в Азии.

Abstract: The article is devoted to participation of the Chinese diplomacy in the decision of one of the major issues of the world policy of the end of the XIX century, which led to strong strain of relations between Russia and England in Asia.

Ключевые слова: Памирский вопрос, Кашгар, Русский Туркестан, английская дипломатия, китайская дипломатия, памирские киргизы.

Key words: Pamir, Kashgar, Russian Turkestan, English diplomacy, Chinese diplomacy, Pamir Kirghiz.

Четверть века назад автор подготовил монографию, в которой весьма подробно рассматривались проблемы дипломатического противоборства держав на «Крыше мира» в конце XIX в.¹ В ней использовались оригинальные (по тем временам) документы, в связи с чем, видимо, Министерство иностранных дел СССР, в лице советника отдела КНР Управления социалистических стран Азии Н.Титова, просматривавшего текст книги, рекомендовало опубликовать её, однако под грифом: «Для служебного пользования». Поэтому монография была опубликована ограниченным тиражом и оказалась в фондах специального хранения тех библиотек, в которые она была разослана. О том, в какие соответствующие ведомства ее отослали, автор и по сей день может только догадываться. Однако главное заключается в том, что подобным образом книга была выведена из активного научно-исследовательского оборота. А жаль. Мы не исключаем, что она и по сей день находится в «специальном хранении», хотя границы нынешней России находятся на значительном отдалении от «Крыши мира», а многие проблемы, составлявшие некогда суть «Памирского вопроса», на наш взгляд, утратили свою актуальность.

Известно, что в решении «Памирского вопроса» на исходе XIX столетия принимали участие четыре политических «игрока» – Россия, Великобритания, Китай и Афганистан. Естественно, что главными из них были Российская и Британская империи. Именно их противоборство придавало соответствующий дипломатический флёр указанному вопросу. В упомянутой монографии мы очень подробно описывали все перипетии русско-английских отношений по поводу «Крыши мира», причем строго на документальной основе². Учитывая то, что по рассматриваемому здесь «Памирскому вопросу», до и после нашей «скрытной» книги, имелись публикации, основным содержанием которых, безусловно, были опять-таки англо-русские отношения,³ мы не станем их касаться, тем более по причине ограниченности статейного пространства. Представляется более любопытным поведение китайской дипломатии вокруг «Памирского вопроса» – проблема, над которой, на наш взгляд, пока не существует объективной, подлинно научной и исчерпывающей рефлексии.

Документы свидетельствуют о том, что Лондон, не желая допустить опасного приближения границ Российской империи к рубежам Британской Индии, планировал разделить Памир между Цинским Китаем и Афганистаном. Правитель последнего Абдурахман-хан, в свое время выкормленный властями Русского Туркестана, «сбежав», не без их ведома, на родину, надежд России не оправдал, а, захватив власть в стране, «побратался» с англичанами. По мнению авторитетных специалистов, «в результате второй англо-афганской войны 1878–1880 гг. был установлен английский контроль над внешними сношениями Афганистана»⁴. Понятно, что эмир Абдурахман-хан с воодушевлением отнесся

¹ См.: Литвинов П.П. Внешнеполитические аспекты истории киргизов Памиро-Алая конца XIX – начала XX вв. Фрунзе: Наука, 1989.

² См.: там же. С.11–45, 63–71 и др.

³ См. напр.: Постников А.В. Схватка на «Крыше мира». Политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XX веке. – М., 2001.

⁴ Губер А.А., Хейфец А.Н. Новая история стран зарубежного Востока. М., 1961. С.342.

к указанным планам англичан, надеясь отхватить самые «лакомые куски» припамирских территорий. В 1890 г. в планы «туманного Альбиона» был посвящен «Цзунли-ямьнь» – министерство иностранных дел Китая. И ему тоже понравились политические «фантазии» британцев. Пекин дал указание кашгарским властям принять английскую миссию и оказывать ей всемерное содействие во всех мероприятиях. Но Цины не ограничились только этим. Прибегнув к древнекитайской тактике: «когда в долине дерутся два тигра, то побеждает обезьяна, сидящая на горе», маньчжурская дипломатия, рассчитывая, что Россия и Англия вступили в длительный спор из-за Памира, решила не терять времени и заняться «освоением» тех территорий, которые, как она полагала, рано или поздно, но станут китайскими. Цины выдвинули свои «летучие» отряды на Восточный Памир, объявляя местным кыргызам, что они отныне являются подданными «Поднебесной империи». Они надеялись «под шумок» переиграть всех в политической суতোлке у «Крыши мира». Но не имели успеха.

Российская военная разведка донесла в «центр» о политическом сговоре Лондона и «Цзунли-ямьня» относительно Памира достаточно быстро. Российскому консулу в Кашгаре Н.Ф. Петровскому было дано указание разузнать обо всем у местных властей и внимательно отслеживать ситуацию. В беседе с русским консулом дипломатический чиновник при кашгарском даотае (губернаторе) Вань категорически отрицал факт получения из Пекина каких-либо инструкций по поводу английской миссии и планов раздела Памира. Но у лжи, как говорят, короткие ноги. Вскоре, после встречи Ваня с Петровским в Кашгар прибыла английская миссия во главе с капитаном англо-индийских спецслужб Ф.Янгхазбендом. О том, что он имел при себе карту предполагаемого раздела «Крыши мира» между Цинами и Абдуррахман-ханом, было известно еще из донесений российского разведчика Б.Л. Громбчевского. Петровский доложил обо всем случившемся в Министерство иностранных дел. В ответ ему было приказано совершить дипломатический демарш. В ноябре 1890 г. российским консул заявил кашгарскому даотаю о том, что «не только разграничение Памира, но даже всякие предварительные переговоры и предложения по этой границе не могут быть ведены без извещения и участия русского правительства»⁵. Демарш возымел ограниченное действие – в Пекине призадумались, однако от планов раздела «Крыши мира» не отказались. Более того, китайские власти сделали все для того, чтобы члены английской миссии весной 1891 г. благополучно оказались на месте разграничения со своими картами, геодезическими и прочими приспособлениями. Все они были обеспечены конными курьерами для скорейшей связи между собой и Кашгаром.

Как известно, летом 1891 г. Россия выдвинула на Восточный Памир отряд под командованием полковника М.Е. Ионова. Кашгарский даотай тут же встретился с Петровским, интересуясь целями прибытия русского воинского контингента. Но никакого прямого ответа он не получил. В «Цзунли-ямьнь» было послано соответствующее сообщение. Оттуда поступило указание китайским отрядам на «Крыше мира» подчеркнута вести себя как «хозяевам», а русских принимать доброжелательно, но как «гостей», пребывающих на чужой территории. 19 июля 1891 г. командир китайского отряда Чжан-дорин встретился с Ионовым и пригласил его отведать специально приготовленного для «дорогих гостей» угощения. Однако полковник (кстати, лучший охотник (стрелок) Туркестана), неплохо разбиравшийся в азиатских хитростях, заявил, что негоже русским как хозяевам оставлять без угощения «дорогих гостей» – китайцев и предложил им отведать «хлеба-соли». Чжан-дорин вызывающе улыбнулся и отказался. Но за сим последовало другое предложение – убраться с законной территории России и более тут не появляться во избежание нежелательных последствий. Китаец все понял и тут же ретировался вместе со своим отрядом. Он-то прекрасно знал, со слов местных жителей, что ранее они всегда считали себя подданными Кокандского ханства, правопреемником которого Россия стала после его развала в результате всенародного восстания 1873–1875 гг. И, согласно всем нормам тогдашнего международного права, никто, кроме нее, не мог претендовать на земли Восточного Памира. Однако, как и теперь, для некоторых западных держав и тогда никакие законы не были писаны, в связи с чем, они предпочитали поступать так, как им хочется и заблагорассудится. Так было и с планами англичан по Памиру.

Следует заметить, что «штабе» цинской дипломатии предусмотрели возможность решительных действий России на «Крыше мира», поэтому «Цзунли-ямьнь» приказывал китайским войскам не вступать в открытый конфликт с русскими военными, но постоянно следовать за ними, возбуждая местное кыргызское население против «незваных» пришельцев. Чжан-дорин так и поступил. Однако памирские кыргызы, еще до этого натерпевшиеся от набегов китайцев, повсеместно встречали от-

⁵ Архив внешней политики Российской империи. (АВПРИ). Ф.147 (Среднеазиатский стол). Оп. 485. Д. 864. Л.3.

ряд Ионова радушно и при этом изъявляли желание принять подданство «Белого царя». В ответ Чжан-дорин приступил к карательным мерам против тех, кто принимал русских. 19 августа 1891 г. кыргызский старшина Курумчи-бек писал Ионову о том, что китайский «генерал» угрожает памирцам «репрессалиями за беспрекословное подчинение русским»⁶. Полковник уведомил об этом российского консула в Кашгаре. 25 августа 1891 г. Петровский заявил решительный протест цинскому наместнику – даотаю по поводу бесчинств китайских войск по отношению к памирским кыргызам – российским подданным. Одновременно Ионов обратился в штаб Туркестанского военного округа с предложением силами его отряда дать серьезную «взбучку» силам Чжан-дорина, но получил отказ⁷. На это следует обратить особое внимание, поскольку он носил не только тактический характер, применительно к одному случаю, но и стратегический, т.к. на всем протяжении разрешения «Памирского вопроса», в своем отношении к «зигзагам» китайской дипломатии российское правительство всегда придерживалось принципов миролюбивой сдержанности, поиска взаимовыгодных решений и компромиссов.

Иначе вел себя «Цзунли-ямынь». Отказ России от нанесения решительных ударов на Памире он расценил как ее страх перед возможным англо-китайским союзом в деле расчленения «Крыши мира» по взаимоприемлемым внешнеполитическим «лекалам». Особенно осмелел цинский «МИД», после ухода русских войск с высот Памира на зимние квартиры. Он отдал распоряжение своим войскам «вплотную» заняться местным кыргызским населением, чтобы выбить из них «русский дух» как в прямом, так и в переносном смысле. Англичане приветствовали такую линию поведения, давая понять, что они не отказываются от своих планов «дробления» Памира между Цинским Китаем и Афганистаном. Более того, в 1891 г. в «столице» Британской Индии – Симле побывал китайский генерал Чанг, который позже открыто похвалялся, что летом 1892 г. на Памир будет направлена огромная армия, которая окончательно решит, кто будет его настоящим хозяином⁸. Как отмечалось, в ответ от России звучали вполне миролюбивые заявления. В докладной записке по Главному штабу «О необходимости командирования отряда на Памир в 1892 году» подчеркивалось: «Особенно желательно было бы избежать *до последней возможности* употребления оружия или каких-либо столкновений и усложнений с китайцами»⁹. (Курс. наш – П.Л.) Из этого следует, что российская политика по отношению к Китаю на Памире была не агрессивной, а предельно миролюбивой. Иначе относился к китайской дипломатии в регионе афганский эмир Абдурахман-хан. Весной 1892 г. он приказал изгнать цинский гарнизон из Сома-таша на озере Яшиль-куль, полагая, что Пекин претендует на его долю «Крыши мира». Чуть позже афганцы выдворили за её пределы чиновника Хей-яна, прибывшего для осмотра строящихся китайских укреплений. В это же время Абдурахман-хан начал сооружение укреплений по линии Шугнан-Сарыкол. Афганские агенты вели широкую пропаганду среди мусульман Кашгарии, призывая их к новому восстанию против маньчжурского ига. В Петербурге обо всем этом знали, а потому не очень верили в возможность китайско-афганского союза (при поддержке Англии) против российских позиций на Памире.

Не вдаваясь в подробности, скажем, что в апреле 1892 г. российское правительство решило провести с Пекином отдельные переговоры по «искомому» вопросу, без участия Англии и Афганистана, но потребовав от него предварительно вывести все свои воинские формирования с территории Восточного Памира, где, как отмечалось в документе, «китайцы притесняют население, которое просит нашей защиты»¹⁰. Основываясь на принципах разграничения, заложенных в Пекинском дополнительном договоре 1860 г. и Чугучакском протоколе 1864 г., Россия предложила Цинам провести границу по гребню Сарыкольского хребта, служащего водоразделом рек Аму-дарьи и Тарима. Однако китайская дипломатия отвергла это предложение. 22 мая 1892 г. китайский посланник в Петербурге передал в российский МИД ноту, в которой утверждалось, что все цинские военные посты к западу от Сарыкольского хребта находятся там на законном основании, то есть на границах бывшего государства Якуб-бека. Это вызвало удивление в российском правительстве, т.к. Цины никогда не признавали такого государства, выросшего на волне мощного антикитайского восстания мусульман Восточного

⁶ Архив внешней политики Российской империи. (АВПРИ). Ф.147 (Среднеазиатский стол). Оп. 485. Д. 864. Л.226

⁷ Центральный государственный архив Узбекистана. (ЦГА Узб.). Ф.19 (Ферганское областное правление). Оп.1. Д.3269. Л.5

⁸ Новое время. 1891. № 5635

⁹ АВПРИ. Ф.147. Оп.485. Д.864. Л.294

¹⁰ АВПРИ. Ф. Главный архив. 1–9. Оп. 8. Д.21. Л.72

Туркестана 1860–1870-х гг. Соответственно, они не должны были признавать какие-либо его границы. Конечно, на это можно было бы сразу указать Пекину, но русское правительство проявило похвальное терпение, решив собрать факты, опровергающие его доводы. Летом 1892 г. на Памир выехал Громбчевский, совершивший объезд кыргызский кочевий на Памиро-Алае, собирая так называемые «расспросные» сведения. Выяснилось, что кочевники «Крыши мира» никогда не признавали «государства Якуб-бека», считали себя подданными Кокандского ханства и управлялись особыми чиновниками, прибывавшими к ним с ярлыками, удостоверенными печатью хана. Данные, собранные Громбчевским, были представлены «Цзунли-ямыню», который никак на них не отреагировал, а китайские войска продолжали обирать кыргызские кочевья на Памире. Становилась очевидной необходимость защиты новых российских подданных.

Летом 1892 г. последовала вторая экспедиция отряда под командованием полковника Ионов. Памирские кыргызы встретили его с надеждой и, опасаясь мести со стороны китайцев, стали кочевать вслед за русскими военными. Те из них, кто не сделал этого, подверглись карательным акциям за пророссийские настроения. Офицер отряда Скерский докладывал Ионову о том, что войска Чжан-дорина поджигали юрты, угоняли скот в Сарыкол, а родовые старейшины кыргызов «были наказаны каждый 200–300 палочными ударами и взяты китайцами под арест»¹¹. Ионов написал письмо цинскому «генералу», в котором сдержанно, но твердо упрекал того за подобные действия и приглашал его для личного разговора. Чжан-дорин прислал в ответ письмо оскорбительного содержания, а своим солдатам приказал усилить карательные меры. Кыргызов Памира стали насильно сгонять в пределы Синьцзяна (Кашгарии). Полковник Ионов доложил в штаб Туркестанского военного округа о том, что надо ходатайствовать перед военным министерством с тем, чтобы оставить на Памире российский пограничный отряд на зиму, который бы охранял местное население и защищал его от грабительских набегов не только китайцев, но и афганцев. Правительство, понимая размеры угрозы, решило проблему положительно. На зиму 1892–1893 гг. на «Крыше мира», в местности Шаджан был оставлен русский отряд под командованием 32-летнего капитана П.А.Кузнецова с присвоением ему также должности «начальника туземного населения на Памирах»¹². Отряд был небольшим по численности, однако, действовал эффективно – он быстро изгнал китайцев, после чего кыргызы стали возвращаться на территорию Восточного Памира.

Действия России на «Крыше мира» в 1892 г. вызвали тревогу китайской дипломатии. «Министр» иностранных дел Китая Ли Хун-чжан 10 августа 1892 г. встретился с исполняющим должность российского генерального консула в Тяньцзине Ваховичем и выразил обеспокоенность по поводу возможного нападения России на Кашгарию. Консул доложил об этой беседе русскому послу в Пекине Кассини, который направил в Цзунли-ямынь депешу, опровергающую такую возможность. Но это никак не повлияло на решимость Пекина по-прежнему отстаивать свои права на «Крышу мира». 31 августа 1892 г., во время очередной встречи с Ваховичем, Ли Хун-чжан заявил о том, что Памир принадлежит «Поднебесной», сославшись при этом на карту, на которой территории «треугольника»: Канджут – Ранкуль – Сарыкол были включены в состав Китая. Вахович резонно заметил, что карта изготовлена в Англии, а потому не может выступать серьезным аргументом в переговорах. Но Ли Хун-чжан остался при своем мнении. Он надеялся на силовое решение вопроса при помощи англичан, для чего в Кашгарии в 1892 г. был сформирован ударный отряд для похода на «Крышу мира» из 250 кавалеристов, 750 пехотинцев и 10 артиллерийских орудий. Для перевозки оружия, боеприпасов и фуража было подготовлено 400 лошадей. Осенью 1892 г. в Кашгарию были направлены 4 тыс. солдат, которые прибыли в Сарыкол в январе 1893 г. Началось строительство укреплений. За всем этим, естественно, наблюдала разведка Шаджанского отряда и ее агенты в Сарыколе. 19 февраля 1893 г. капитан Кузнецов докладывал в штаб ТуркВО о том, что ожидается китайское нашествие на Памир силами не менее 5 тыс. человек. В последующем численность цинских войск у «Крыши мира» только нарастала, о чем начальник Шаджанского отряда своевременно уведомлял руководство округа. 4 марта 1893 г. о прибытии новых воинских контингентов, артиллерийских орудий и прочих вооружений в Кашгар туркестанскому генерал-губернатору А.Б.Вревскому сообщал российский консул Н.Ф. Петровский. Одновременно о том же он сообщал, разумеется, и в МИД. Русский посланник в Пекине Кассини сделал запрос относительно военных приготовлений в Кашгарии, на что Цзунли-ямынь ответил, что войска собираются в виду имеющихся слухов о подготовке местными мусульманами нового восста-

¹¹ АВПРИ. Ф.147. Оп.485. Д.864. Л.402

¹² В дореволюционный период было принято называть Памир во множественном числе: Памиры. – П.Л.

ния против «богдыхана». Петровский писал 31 марта 1893 г. в МИД о том, что цинская дипломатия лжет, поскольку если бы восстание действительно предполагалось, то «войска следовало бы держать на месте, а не посылать их в Сарыкол»¹³. В Петербурге было создано «Особое совещание по Памирскому вопросу», которое приняло решение о принятии соответствующих превентивных мер, но при этом указало, что добиваться разграничения по Сарыкольскому хребту следует, прежде всего, путем мирных переговоров с Пекином. Российское правительство было уверено в таком исходе, поскольку в том же марте в его отношениях с Лондоном по «Памирскому вопросу» был достигнут существенный прогресс, в результате которого Англия, как обычно, «сдала» своих союзников во имя собственных интересов. В «Цзунли-ямыне» это вскоре почувствовали и Ли Хун-чжан вынужден был признать, что «англичане ведут двойную игру и верить им крайне трудно»¹⁴. В Пекине опасались, что две европейские державы, исходя из своих интересов, найдут общий язык в «Памирском вопросе» и оставят «с носом» своего незадачливого азиатского конкурента. Поэтому уже летом 1893 г. военные приготовления Китая в Кашгарии стали заметно ослабевать, а к концу года во многом сошли на нет. О войне с Россией, без участия (или поддержки) Англии, в Пекине даже не помышляли.

Вместе с тем, цинская дипломатия не пошла на заключение договора с Россией о границе по Сарыкольскому хребту. «Цзунли-ямынь» избрал тактику лавирования между Россией и Великобританией в «Памирском вопросе». Американский исследователь Лэттимор Оуэн справедливо замечал, что «Пекин по-прежнему старался сохранить открытым ряд своих традиционных претензий в этой части Азии»¹⁵. Ограниченность рамок данной статьи не позволяет нам подробно описать то, что имело место в российско-китайских отношениях по рассматриваемому вопросу в последующем. Впрочем, это и не очень нужно, т.к. шла «обыденная» дипломатическая переписка, в ходе которой каждая сторона отстаивала свои позиции. «Цзунли-ямынь» выдвигал заведомо неприемлемые претензии, ускользая от конкретного решения вопроса. Российский МИД не шел ни на какие уступки. Перед японо-китайской войной 1890-х гг. Ли Хун-чжан советовал императору сделать небольшие уступки России, которая могла поддержать Китай, тогда как было очевидно, что Англия стоит на стороне Токио. 26 февраля 1894 г. китайский посланник Чин Чанг в вербальной ноте российскому МИДу предложил заключить договор о границе, однако с тем, чтобы территории Акташа, Ранкуля и всей долины р. Аксу отошли к Цинской империи. Понятно, что такую «уступку» (лучших пастбищ на Восточном Памире) Россия принять не могла. Но вопрос все же надо было как-то решать. 31 марта 1894 г. министр иностранных дел России Н.К.Гирс вручил китайскому посланнику ноту, в которой указывалось, что основной русско-китайского разграничения на Памире должно стать «то положение вещей, которое установилось и существует в настоящее время»¹⁶. В ноте указывалось, что правительства обеих стран должны признать существующее статус-кво границ в регионе и не нарушать его в дальнейшем. Чин Чанг снесся с «Цзунли-ямынем» по данному поводу и 5 апреля 1894 г. заявил о согласии своего правительства с предложением России, заметив однако при этом, что цинские власти оставляют за собой право снова поднять этот вопрос в будущем. И они его не раз поднимали, например, при Мао Цзэ-дуне. На китайских картах «Крыша мира» всегда обозначалась другой краской с надписью: «Особый Памирский район Китая». Может показаться, что сегодня, после распада СССР, когда границы Российской Федерации отодвинулись далеко от «Крыши мира», рассматриваемый вопрос перестал быть для нее актуальным, т.к. его решением должен теперь заниматься Таджикистан, который и граничит теперь с Китаем вдоль территории Памира. Отчасти это и так. Но, во-первых, земли бывших советских союзных республик Средней Азии, в том числе, естественно, и Таджикистана составляют сферу стратегических интересов современной России, которые нельзя оставлять без внимания. Во-вторых, они входят в состав ОДКБ (Организации Договора о коллективной безопасности). В-третьих, территориальные (в том числе, пограничные) проблемы в регионе так называемой ныне «Центральной Азии» окончательно не решены. В-четвертых, у власти в коммунистическом Китае находятся теперь новые люди, с широким и стратегически выверенным взглядом как на общемировые, так и региональные проблемы. Наконец, в-пятых, политический интерес к «Крыше мира» не угас и у старых политических «игроков» – Англии, Франции, США и проч. Так что о «Памирском вопросе» конца XIX века время от времени надо все же вспоминать, но желательно на действительно серьезном, профессиональном научном уровне.

¹³ АВПРИ. Ф.147. Оп.485. Д.862. Л.333

¹⁴ Фань Вэнь-лань. Новая история Китая. М., 1955. С.367

¹⁵ Lattimore O. Pivot of Asia. Sinkiang and Inner Asia frontiers of China and Russia. Boston, 1950. P.263

¹⁶ Соглашения между Россией и Китаем о проведении и исправлении границ и о пограничных делах. СПб., 1913. С.58

РОЛЬ ТУРЦИИ В УСИЛИЯХ СОВЕТСКОЙ ДИПЛОМАТИИ ПО УКРЕПЛЕНИЮ ПОЗИЦИЙ СССР НА БАЛКАНАХ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Ph.M. Loginov

THE ROLE OF TURKEY IN THE ATTEMPTS OF SOVIET DIPLOMACY TO STRENGTHEN THE POSITION OF THE USSR ON THE BALKANS ON THE EVE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению деятельности советской дипломатии на Балканском полуострове в преддверии Великой Отечественной войны, когда Турция стала местом пересечения интересов СССР и Германии, и велась борьба за влияние в этом регионе.

Abstract: This article is dedicated to the actions of soviet diplomacy on the Balkan Peninsula just before the Great Patriotic War. At that time Turkey became the point of intersection of German and Soviet interests. And there was struggle for supremacy in this region.

Ключевые слова: Советская дипломатия, Турция, Балканы, Великая Отечественная война.

Key words: Soviet diplomacy, Turkey, the Balkan Peninsula, the Great Patriotic War.

Великая Отечественная война до сих пор остается не до конца изученным и очень неоднозначным периодом в истории России. Это также один из самых напряженных периодов в истории отечественной дипломатии. Одним из центров политического напряжения и, как следствие, дипломатического фронта был Балканский полуостров.

Турция на протяжении многих веков являлась важным международным актором для России. Из-за своего выгодного геополитического положения, Турция всегда была либо противником, либо партнером России, которая, стремясь обезопасить свое черноморское побережье и торговые пути, всегда хотела контролировать Черноморские проливы Босфор и Дарданеллы. В период же военных действий стратегическое значение Турции возрастало еще больше. Безопасность южных границ и закавказской нефти (в XX в.) напрямую зависела от режима контроля за Черноморскими проливами и турецкой лояльности России.

Так, во время Второй мировой войны, Турция стала местом пересечения интересов и СССР, и Германии, и Англии.

Германия, еще до реализации плана «Барбаросса», стремилась стратегически подчинить себе страны Балканского полуострова, заняв крайне выгодную позицию для дальнейших военных действий на южном фронте, так и экономически – Балканы представляли собой источник руды, цветных металлов, нефти, сельскохозяйственной продукции.

Советский Союз, прекрасно понимая всю значимость Балканского полуострова в военном плане, стремился установить выгодные для себя отношения с Болгарией и с Турцией. Кроме того, режим проливов зависел от международного положения Турецкой Республики. По Конвенции Монтре 1936 г., в случае участия Турции в войне, ей предоставлялось право разрешать или запрещать проход через проливы любых военных судов (ст. 19), а во время войны, в которой Турция не участвует, проливы должны быть закрыты для прохода военных судов любой воюющей державы (ст. 20)¹. Таким образом, перед советской дипломатией встала задача сохранения дружественного нейтралитета Турции к СССР и недопущения Германии к Черноморским проливам.

Первым шагом в этом направлении стало продление в 1935 г. на 10 лет договора СССР и Турции о дружбе и нейтралитете.

25 ноября 1940 г. генеральный секретарь Дунайской комиссии А.А. Соболев вручил министру иностранных дел Болгарии предложения СССР поддержать притязания Болгарии в Западной Фракии и оказать ей помощь в случае нападения на нее третьей стороны. Взамен советское правительство предполагало заручиться поддержкой Болгарии при реальной угрозе интересам СССР в Черном море и Проливах. Но болгарское правительство отклонило предложение Советского Союза заключить пакт

¹ Текст Конвенции Монтре 1936 г.

взаимопомощи, сославшись на то, что отстаивать национальные интересы в Западной Фракии силой оружия не входит в намерения Болгарии².

Турция знала о миссии А.А. Соболева. Официальную реакцию турецкого правительства озвучил 6 декабря 1940 г. посол Турции в СССР А.Г. Актай заместителю наркома иностранных дел А.Я. Вышинскому: «под влиянием советского правительства, Болгария, еще недавно призывавшая к войне, успокоилась и сохраняет нейтралитет»³. Также А.Г. Актай заявил, что турецкое правительство стремится развивать торговые отношения между двумя странами. 10 декабря 1940 г. А.Г. Актай в беседе с наркомом иностранных дел В.М. Молотовым подчеркнул, что напряжение в турецко-болгарских отношениях разрядилось, и что, в любом случае, турецкое правительство не предпримет никаких действий в районе Балкан и Черного моря без согласования с Советским Союзом⁴.

По всей видимости, советская дипломатия искала наиболее реальный способ контроля над Проливами – либо заключить пакт о взаимопомощи с Болгарией, тем самым подтолкнув ее к нападению на Турцию, либо установление и поддержание партнерских отношений с Турцией.

19 декабря 1940 г. полномочный представитель СССР в Турции С.А. Виноградов запросил у турецкого министра иностранных дел Ш. Сараджоглу официальное подтверждение заявления посла Актая. После консультаций с премьер-министром Ш. Сараджоглу дал ответ, что турецкое правительство расценивает интерес к заявлению А.Г. Актая как желание расширить отношения с Турцией, и что турецкое правительство «готово изучить все предложения, если они основаны на взаимовыгодных условиях»⁵. Но С.А. Виноградов считал, что «Турция не проявляет действительного желания изменить отношения с северным соседом»⁶.

Вероятно, именно советское предложение Болгарии подтолкнуло турецкое правительство подчеркнуть, что расценивает настоящий уровень взаимодействия между странами как хороший, но считает возможным при взаимной заинтересованности делать шаги к его улучшению.

Советские исследователи склонны считать, что турецкое правительство действительно рассматривало Советский Союз как потенциального партнера в противоборстве усилению немецких позиций на Балканах. Так Ш. Сараджоглу 15 января 1941 г. заявил американскому дипломату, что «Турция имеет полное основание рассчитывать на помощь России»⁷. Такая точка зрения основывалась на продленном в 1935 г. договоре о дружбе и нейтралитете. Однако этот договор не подразумевал оказания военной или другой помощи, из чего можно сделать вывод, что турецкое правительство также избегало одностороннего вектора на сотрудничество с одним из международных партнеров. Так 17 февраля 1941 г. Турция и Болгария подписали договор о дружбе, по которому Турция и Болгария обязались не нападать друг на друга.

Как отмечает советский историк И.Н. Чемпалов, заключая декларацию с Болгарией, Турецкая республика хотела гарантировать свое неучастие в военных действиях на Балканском полуострове⁸.

1 марта 1941 г. Германия ввела войска в Болгарию, присоединившуюся к Тройственному пакту. Советский Союз не смог воспрепятствовать присоединению Болгарии и Югославии к пакту фашистских стран. И в сложившейся ситуации позиция Турции приобрела исключительное значение для СССР.

В марте 1941 г. СССР и Турция обменялись декларациями, чем подчеркнули свою благонамеренность. А в апреле 1941 г. Германия заняла Югославию и Грецию, в мае оккупировала все греческие острова в Эгейском море, контролирующие вход в Проливы.

Как отмечает С.М. Штеменко, осенью 1940 г. и зимой 1941 г. был тщательно изучен Ближневосточный театр на предмет стратегических позиций⁹. Тесное же сближение с Турецкой Республикой и возможное оказание ей помощи в противодействии Германии в планы советского командования не входило.

Так подписание 18 июня 1941 г. договора о дружбе и ненападении между Турцией и Германией было единственным способом для турецкого правительства отвести от себя хоть и на время вектор немецкой агрессии.

² Документы внешней политики: В 23 т. Т23. Кн. 2. 1 ноября 1940 г. 22 июня 1941 г. М.: Международные отношения, 1998. С. 159.

³ Там же. С. 172.

⁴ ДВП. Т. 23. Кн. 2, ч. 1. С. 177.

⁵ Там же. С. 215.

⁶ Там же. С. 258–259.

⁷ СССР и Турция, 1917–1979. М.: Наука, 1981. С. 166.

⁸ Чемпалов И. Н. Подготовка фашистской Германии к нападению на Югославию // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. Свердловск, 1982. С. 55.

⁹ Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 1. М., 1985. С. 18–19.

В беседе с турецким послом А.Г. Актаем В.М. Молотов согласился с тем, что данный турецко-германский договор должен быть встречен положительно, поскольку он обеспечивает мир в Турции¹⁰.

Таким образом, в результате сложной политической игры в преддверии Войны советской дипломатии частично удалось решить вопрос урегулирования зоны Проливов. Однако говорить о том, что СССР полностью обезопасил свои южные границы и укрепил свое стратегическое положение на Ближнем Востоке, не приходится.

Список использованных источников

1. Документы внешней политики: В 23 т. Т23. Кн. 2. 1 ноября 1940 г. 22 июня 1941 г. М.: Международные отношения, 1998. 896 с.
2. Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 1. М., 1985. 471 с.
3. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф.И. Чуева. М.ТЕРРА, 1991. 623 с.
4. Еремеев Д.Е. Турция в годы Второй мировой и «холодной» войн (1939-1990). М.: ИСАА, 2005. 220 с.
5. Галиакбарова Н.М. Советско-турецкие отношения в 1939-1941 гг. Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. Екатеринбург, 2006.
6. СССР и Турция, 1917–1979. М.: Наука, 1981. 320 с.
7. Чемпалов И. Н. Подготовка фашистской Германии к нападению на Югославию // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. Свердловск, 1982. С. 48–78.

¹⁰ ДВП. Т. 23. Кн. 2, ч. 2. С. 748.

С.Д. Махнёв

ОСОБЕННОСТИ СИРИЙСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ 2011–2014 гг.

S.D. Makhnyev

PECULIARITIES OF THE RELATIONS BETWEEN SYRIA AND TURKEY IN 2011–2014.

Аннотация: Статья посвящена особенностям сирийско-турецких отношений во втором десятилетии XXI века.

Abstract: Article is devoted to the peculiarities of the Syrian-Turkish relations in the second decade of the XXI century.

Ключевые слова: Сирия, Ливия, Турция, НАТО, ближний Восток, Аль-Каида, США.

Key words: Syria, Libya, Turkey, NATO, the Middle East, Al Qaeda, The USA.

В качестве наиболее демократического и светского мусульманского государства в регионе, Турция не могла упустить возможность повлиять на демократические перемены в Египте и, после некоторых колебаний, дала свое благословение на военные усилия НАТО в Ливии. Даже в Сирии, где у Турции были значительные стратегические и дипломатические интересы в восстановлении отношений с режимом Асада, которые начали налаживаться в последнее десятилетие, позиция Анкары, в конечном счете совпала с западной [1].

Западные аналитики рассуждали об ослаблении интереса Турции к Европе и к западному миру в целом, утверждая, что Турция начала иначе себя позиционировать в системе координат международной политики, чтобы переориентировать свои приоритеты в сторону восточных стран. И если Соединенные Штаты и Европа «отдадут Турцию» ее арабскими соседями, то «Западная мост» на Ближний Восток может быть закрыт. В самом деле, Турция обладает ключевой позицией, чтобы стать региональной державой, которая может повлиять на доступ Запада в этот регион и оказать существенное влияние на вновь меняющиеся арабские государства.

Тем не менее, Турция поддерживала тщательный баланс между Востоком и Западом до недавнего времени. Всё изменилось только тогда, когда революция прибыла на «задний двор» Турции, в Сирию, что оказало сильное давление на Турцию и привело к непосредственному вмешательству блистательной Порты в этот конфликт. Западные страны в настоящее время не могут активно вмеша-

ваться в этот конфликт из-за жесткой позиции России и Китая в Совбезе ООН. Это предоставляет Турции прекрасную возможность повлиять на развитие внутреннего конфликта в соседнем государстве, пытаясь свергнуть существующий режим и, таким образом, оказаться в состоянии влиять на государственное строительство своего соседа [2]. Турция имеет непосредственный стимул к участию в арабской весне, т.к. может остаться единственным влиятельным западным союзником на Ближнем Востоке, наравне с другими ключевыми игроками – Ираном и Саудовской Аравией, которые имеют свои интересы в регионе[3]. Кроме того, растущий изоляционизм Израиля и ухудшение израильско-турецких отношений позволяют Турции получить еще больше влияния на Ближнем Востоке. Ускоренный хаос в Сирии дает возможность антагонистическим государствам, таким как Иран, возможность поддерживать террористические действия на границах страны, особенно в рамках РПК, что является дополнительным стимулом для вмешательства и скорейшего прекращения конфликта.

Положение Сирии, в свою очередь, было четко отображено в интервью Башара Асада газете Wall Street Journal. Асад заявил, что протесты в Египте, Тунисе и Йемене обозначили «новую эру» на Ближнем Востоке, и что арабские правители должны сделать больше, чтобы удовлетворить политические и экономические устремления своих народов.

«Если вы не видели необходимость реформ до того, что произошло в Египте и Тунисе, то уже слишком поздно, чтобы что-либо сделать» – сказал Асад в Дамаске, когда египетские протестующие вышли на улицы Каира, требуя отставки президента Хосни Мубарака[4].

Между тем, правительство Башара Асада не смогло предотвратить развитие протестов в стране, которые, несмотря на все либеральные реформы, проведенные президентом, включая изменение конституции, захватили большую часть страны. Ожесточенная борьба проходила вокруг главных городов Хомс, Латакия, Алеппо и Дамаск.

Различные группировки и страны, как уже подчеркивалось ранее, разделились на два лагеря. С одной стороны, Иран, Хезболла, Армия Махди, военизированные группы из Ирака (АсаибАхли-Хак) поддерживает сирийских правительственных сил[5][6][7][8]. С другой стороны, Катар, Саудовская Аравия, Турция, военные отряды Аль-Каиды (Фронт ан-Нусра) поддерживают сирийских повстанцев[9–11].

Переходя непосредственно к вопросу отношений между Турцией и Сирией, следует отметить, что развитие событий в Сирии оказалось самым проблематичным в Турции, относительно других процессов на Ближнем Востоке. Сирия была ярким примером политики «ноль проблем с соседями», которую Турция пыталась проводить по отношению к своим соседям в последние годы. Тем не менее, с началом беспорядков, Эрдоган каждый день связывался по телефону с Башаром Асадом и только призвал к реализации крупных реформ. Далее имело место существенное изменение в худшую сторону в отношениях, и Турция была одним из ярых игроков антиасадовской коалиции, настаивая на непременной отставке президента. Министр иностранных дел Турецкой республики Давутоглу сказал относительно этого изменения политики: «Мы хотели, чтобы он [Асад] стал Горбачевым для Сирии, но он предпочел стать Милошевичем» [12]. В то время, как события в Сирии начались в марте, в ноябре Эрдоган впервые публично призвал Асада уйти в отставку ради мира в регионе и заявил, что Анкара не может повернуться спиной к сирийскому народу. «Воевать со своим собственным народом до смерти – это не героизм, а трусость. Если ты хочешь найти кого-то, кто боролся до смерти против своего народа, взгляни на нацистскую Германию, посмотри на Гитлера, Муссолини, Николае Чаушеску в Румынии. Если ты не можешь извлечь урок из их ошибок, посмотри на убитого ливийского лидера, кто направил оружие против своего народа и 32 дня назад использовал такие же выражения как ты. Не проливая больше крови, не вызывая еще большей несправедливости, во благо мира людей, страны и религии, настало время уйти», – заявил Эрдоган в своей речи, адресованной непосредственно Б. Асаду. «У нас нет видов на чью-либо территорию, мы не хотим вмешиваться во внутренние дела никакой страны, но, когда преследуют народ, особенно наш родственный народ, наших братьев, с которыми мы делим границу протяженностью в 910 км, мы просто не может притвориться, что ничего не происходит и повернуться к ним спиной», – добавил он[13]. Не смотря на заявление о недопустимости вмешательства, время от времени Турция заявляла, что вариант военной интервенции в Сирию возможен и прорабатывается военными специалистами и что она готова к любому сценарию, вне зависимости от того факта, что Анкара не в восторге от подобного развития событий. И все же, озвучивая угрозы в адрес действующего режима, Турция не спешила предпринимать какие-то решительные шаги в адрес Дамаска. Только после того, как Лига арабских государств приняла

решение о введении санкций против Сирии, они последовали от Турции в сокращенном варианте. Она подчеркнула, что ее санкции не направлены против сирийского народа и что жизненно важные поставки, как вода и электричество, не будут в них включены [14].

Что является причиной ухудшения отношений между двумя странами? С исторической точки зрения, это имеет ряд предпосылок:

1) агрессивная политика Турции, которая в 1939 году оккупировала санджак Александретты в Сирии. Впоследствии Турция выдвинула новые территориальные претензии в отношении Сирии (район Алеппо). 60-я годовщина аннексии санджак Александретты может превратиться в новую фазу развития осложненных сирийско-турецких отношений, т.к. официальный Дамаск не откажется от своих прав в этой области;

2) политика Турции в отношении водных ресурсов Сирии (Тигр и Евфрат), истоки которого находятся под контролем Анкары. Турция пытается реализовать «Восточный Анатолийский проект», предполагающий строительство на юго-востоке страны (на Евфрате) широкой сети электростанций, гидротехнических сооружений, плотин. Реальное действие поможет уменьшить поток воды в Сирии и Ираке, что бросается в энергетических запасов Дамаском и Багдадом.

На современном этапе, отношения между Сирией и Турцией ухудшились после создания военных баз при поддержке турецкого правительства и армии, на которых сирийские повстанцы были обучены и вербовали новых наемников. Также Турция выступает в качестве одного из основных транзитных коридоров для боевиков из других стран [15,16].

Отношения между двумя странами накалились после аварии от 22 июня 2012 года, когда Сирия сбивла турецкий ВВС самолет-разведчик RF-4E. Потом 3 октября 2012 года снаряд, выпущенный с территории Сирии попал дом в центральном районе Акчакала [17]. В тот же день, пять F-16 истребители провели разведку вдоль границы, для выявления сирийских военных объектов и ретрансляции их координат турецкому командованию вооруженных сил в Анкаре. Затем турецкая артиллерия провела мощный обстрел этих целей из гаубиц. Целью была область Айн аль-АрусТаля города Абыяд в Ракке.

Ответный ход Турции в эскалации конфликта с – инцидент с сирийским самолетом Air Airbus, который был перехвачен турецкими истребителями F-16 11 октября 2012 года. Тогда турецкие СМИ сообщили, что груз был конфискован из самолета, после чего было дано разрешение покинуть территорию Турции. По заявлению официальных властей груз был военного характера и содержал части для систем ПВО, в частности, элементы для РЛС и запчасти для ракет. Сирия немедленно осудила турецкие действие как пиратство [18].

Последний важный вооруженный конфликт на сирийско-турецкой границе был 11 мая 2013 года, когда два заминированных автомобиля взорвались в городе Рейханлы провинции Хатай, Турция. По крайней мере, 51 человек были убиты и 140 ранены в результате нападения. Тем не менее, несмотря на заявления официальных лиц правительства Турции, не было никакой заметной реакции. 30 сентября 2013 года, некоторые веб-сайты утверждают, что Исламское государство Ирак и Левант (ISIL), группа Аль-Каида взяли на себя ответственность за нападение, угрожая дальнейшими нападениями на Турцию [19].

Учитывая успех сирийской армии, дипломатические усилия России и Китая, а также отказ от поддержки сирийских повстанцев со стороны Катара и Саудовской Аравии, отказ Турции выступать в роли коридора для оружия было только вопросом времени. По информации некоторых сайтов, премьер-министр Турции Эрдоганлично позвонил президенту Бараку Обаме, чтобы сообщить свое решение о закрытии турецкого коридора для передачи США и НАТО оружия в Сирию повстанцам.

По ситуации на 2014 год, учитывая усиление ИГИЛ и осознание реальной опасности боевиков, воюющих в Сирии, для западного мира наблюдается тенденция для сближения позиций Анкары и Дамаска в разрешении этого конфликта. Т.к. Турция всегда выступала с поддержкой только умеренной оппозиции, через которую она хотела продвигать свою идеологию в Сирию, то прозвучали предложения о продолжении работы тренировочных баз на территории Турции для отправки боевиков сражаться не против Асада, а против ИГИЛ.

Размышляя о будущем отношений между Сирией и Турцией, мы можем сделать два разных прогноза: в случае победы Асада и в случае победы боевиков.

В случае победы Асада мы можем предсказать продолжительное дальнейшее ухудшение отношений, из-за длительной и последовательной поддержки оппозиции правительства Асада, поставки оружия для боевиков и многочисленных провокационных действий, направленных против лояльной

режиму армии. С высокой степенью вероятности можно предположить, дальнейшее агрессивное выступление с обеих сторон во время правления Эрдогана, как это было с Саакашвили в Грузии после конфликта в 2008 году в Южной Осетии. Тем не менее, из-за общей границы, глубоких экономических отношений, общих коммерческих интересов, через некоторое время начнется процесс нормализации отношений.

Второй вариант, с победой оппозиции, более противоречивый, чем первый. С одной стороны, в случае победы умеренной оппозиции, например, Национального совета Сирии (НСС), отношения между двумя странами будут динамично развиваться. 15 ноября 2011 года, Эрдоган выразил поддержку сирийскому национальному совету, заявив, что «Турция потеряла доверие к руководству Башара Асада», а «сирийский лидер заплатит свою цену, рано или поздно». 14 декабря 2011 года, НСС открыла свой первый офис в Стамбуле. Кроме того, эта организация признана 7 членами ООН, в том числе тремя постоянными членами Совета Безопасности, Республикой Косово и Европейским Союзом в качестве законного представителя сирийского народа.

С другой стороны, в случае победы исламистов, например, «Джахабат ан-Нусра», отделения Аль-Каиды в Сирии или ИГИЛ отношения конфликт будет продолжен, не смотря на свержение изначального противника. Во-первых, следует отметить, что победа исламского экстремизма в Сирии может сильно влиять на исламистов в Турции, несомненно, дестабилизирующих ситуацию в этой светской стране. Во-вторых, трафик оружия из Сирии может быть направлен в сторону Курдской рабочей партии, что также негативно повлияет на безопасность в стране.

Список использованных источников

1. Ömer T. The Turkish Model and its Applicability // Mediterranean Paper Series. 2011. Режим доступа: http://mercury.ethz.ch/serviceengine/Files/ISN/134202/ipublicationdocument_singledocument/99f55545-141b-428f-a9f3-6a22c34e03ce/en/TocciEtAl_TurkishModel_Nov11_final.pdf (дата обращения 15.10.2014).
2. Nicole V. J. Turkish Reactions to the Arab Spring: Implications for United States Foreign Policy // Global Security Studies. 2012. Режим доступа: <http://globalsecuritystudies.com/Johnson%20Turkey.pdf> (дата обращения 15.10.2014).
3. Öniş Z. Turkey and the Arab Spring: Between Ethics and Self-Interest // Insight Turkey. 2012. №3 (14), с. 45–63.
4. Solomon J, Bill S. Syria Strongman: Time for 'Reform' // The Wall Street Journal. 2011. 31 янв. Режим доступа: <http://online.wsj.com/news/articles/SB10001424052748704832704576114340735033236> (дата обращения 15.10.2014).
5. Geneive A. How Iran Keeps Assad in Power in Syria // Foreign Affairs. 2011. 25 авг. Режим доступа: <http://www.foreignaffairs.com/articles/68230/geneive-abdo/how-iran-keeps-assad-in-power-in-syria> (дата обращения 15.10.2014).
6. How Will Hezbollah Respond to a Western Strike on Syria? // Almonitor. 2013. 31 авг. Режим доступа: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2013/08/hezbollah-react-us-strike-syria-iran.html> (дата обращения 15.10.2014).
7. Sadrists Sources: Mahdi Army allowed to fight in Syria // Shafaq news. 2013. 15 мар. Режим доступа: <http://www.shafaq.com/en/politics/6599-sadrists-sources-mahdi-army-allowed-to-fight-in-syria-.html> (дата обращения 15.10.2014).
8. Omar al-Jaffal Iraqi Shiites join Syria war // Almonitor. 2013. 25 мая. Режим доступа: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2013/10/iraqi-shiites-join-syrian-war.html> (дата обращения 15.10.2014).
9. Mariam K. Saudi edges Qatar to control Syrian rebel support // Reuters. 2013. 31 мая. Режим доступа: <http://www.reuters.com/article/2013/05/31/us-syria-crisis-saudi-insight-idUSBRE94U0ZV20130531> (дата обращения 15.10.2014).
10. Turkey will pay for supporting Syrian rebels, says Assad // TheNational. 2013. 4 окт. Режим доступа: <http://www.thenational.ae/world/middle-east/turkey-will-pay-for-supporting-syrian-rebels-says-assad> (дата обращения 15.10.2014).
11. Al-Qaeda leader orders main branch in Syria disbanded // Russia Today. 2013. 9 ноя. Режим доступа: <http://rt.com/news/al-qaeda-syria-disbanded-480/> (дата обращения 15.10.2014).
12. We wanted al-Assad to be Gorbachev, he turned into Milosevic: Davutoplü // Hürriyet Daily News. 2012. 10 ноя. Режим доступа: <http://www.hurriyetdailynews.com/we-wanted-al-assad-to-be-gorbachev-he-turned-into-milosevic-davutoglu.aspx?pageID=238&nid=13467> (дата обращения 15.10.2014).
13. Сравнив Асада с Гитлером, Эрдоган призвал уйти его в отставку // РусОриент. Режим доступа: <http://www.rusorient.ru/page.php?vrub=rm&vparid=14&vid=3605&lang=rus> (дата обращения 15.10.2014).
14. Gallia L. Turkey and the Arab Spring: Embracing «People's Power» // European Institute of the Mediterranean – 2012. – Режим доступа: http://www.iemed.org/publicacions-en/historic-de-publicacions/papersiemed-euromesco/14.-turkey-and-the-arab-spring-embracing-peoples-power/at_download/arxiu_relacionat (дата обращения 15.10.2014).

15. Turkey sets up secret anti-Assad rebel base with Saudi Arabia and Qatar – reports // Russia Today. 28 июля 2012. Режим доступа: <http://rt.com/news/syria-rebel-base-turkey-qatar-230/> (дата обращения: 15.10.2014).

16. Maya S. U.S CIA Operatives Training Syrian Rebels On Secret Bases In Jordan, Turkey: LATimes // International Business Time. 21 июня 2013. Режим доступа: <http://www.ibtimes.com/us-cia-operatives-training-syrian-rebels-secret-bases-jordan-turkey-latimes-1318563> (дата обращения 15.10.2014).

17. Dorian de Wind Questions Raised Over Syria's Downing of Turkish Reconnaissance Aircraft // TheWorldPost. 28 июня 2012. Режим доступа: http://www.huffingtonpost.com/dorian-de-wind/questions-raised-over-syria_b_1630836.html (дата обращения 15.10.2014).

18. Ian B. Turkey accuses Russia of supplying Syria with munitions // TheGuardian. 11 окт. 2012. Режим доступа: <http://www.theguardian.com/world/2012/oct/11/turkey-accuses-russia-syria-munitions> (дата обращения 15.10.2014).

19. «Reyhanlı'yı El Kaideüstlendi... Erdopan'ı da tehdittiler// Gazeteciler. 30 июля 2013. Режим доступа: <http://www.gazetecileronline.com/newsdetails/11380-/GazetecilerOnline/reyhanli39yi-el-kaide-ustlendi-erdogan39i-da-tehdi> (дата обращения: 15.10.2014).

Ж.Б. Момынкулов

СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ СТРАН В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСТВА

Zh.B. Momynkulov

COOPERATION OF RUSSIA AND TURKIC SPEAKING COUNTRIES IN THE CONTEXT OF EURASIANISM

Аннотация: В статье рассматриваются возможности интеграции и сотрудничества между Россией и тюркоязычными республиками в контексте теории евразийства. Автор теоретизирует на тему о возможности существования или формирования славяно-тюркского симбиоза в форме экономической, научно-образовательной и культурной интеграции на евразийском пространстве.

Annotation: In this article the possibilities of integration and cooperation between Russia and Turkic speaking republics in the context of the Eurasianism theory are examined. The author theorizes on the subject of possible existing and formation of Slavic-Turkic symbiosis in the forms of economic, academic and cultural integration in the Eurasian space.

Ключевые слова: Россия, Тюркский мир, евразийство, сотрудничество, союз.

Key words: Russia, Turkic world, Eurasianism, cooperation, union.

Структурные изменения, произошедшие в международной жизни за последнюю четверть века, завершились инерционными и эволюционными изменениями и усилением интеграционных тенденций на евразийском пространстве. Важнейшим фактором, усиливающим взаимозависимость и взаимодействие государств на постсоветском пространстве, становится регионализация. В этом контексте важно выработать позитивный подход при анализе прошлого и настоящего интеграционного взаимодействия и сосуществования России и тюркоязычных стран, начиная с советского периода до евразийского настоящего. Евразийство как доминирующий интеграционный проект несет в себе положительный потенциал для будущего как России, так и всего тюркского мира. В этой связи с уверенностью можно констатировать, что более приемлемой альтернативы евразийству, как добровольной и созидательной региональной интеграции, на ближайшую перспективу не предвидится.

Известным является тот факт, что Россия была и остается географическим и историческим ареалом обитания многих тюркоязычных народов. В ряде субъектов РФ тюркские народы являются государствообразующими или значительно представлены: Татарстан, Башкортостан, Чувашия, Алтай, Хакасия, Тыва, Якутия, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, Дагестан. Эти народы составляют почти одну десятую часть многонационального населения Российской Федерации.

В более широком понимании географическая среда обитания народов тюркского происхождения простирается от Якутии до Европы, от Китая до стран Ближнего Востока. Следует отметить, что пять из пятнадцати республик бывшего СССР были тюркоязычными. Если учесть еще и некоторые

автономные тюркские республики, находящиеся в составе РСФСР, становятся очевидными вклад и вес тюркских народов в истории СССР.

Необходимо подчеркнуть, что главным инициатором и автором идеи создания Евразийского экономического союза выступает преимущественно тюркоязычный Казахстан. В настоящее время идея евразийства обсуждается на высоком экспертном уровне в таких тюркоязычных странах, как Кыргызстан, Азербайджан и даже Турция. То есть тюркские страны тоже заинтересованы в осуществлении идеи евразийства, а именно разносторонней, равной и взаимовыгодной интеграции государств евразийского пространства. Если Советский Союз был в некоторой степени жесткой формой региональной интеграции, то в случае с Евразийским союзом необходимо системно продумать возможность реализации гибкой формы интеграции.

Трудно переоценить ту положительную роль, которую сыграла Россия в сфере изучения и систематизации культурно-исторического наследия тюркских народов. Благодаря научным усилиям и достижениям советских и российских ученых в изучении истории и лингвистики тюркских народов, Россию до сих пор по праву считают одним из сильнейших и признанных тюркологических центров в мире. Российские тюркологи В.Радлов, В.Бартольд, К.Насыри, С.Малов, Г.Ахатов, Н.Баскаков, А.Конов, Н.Дмитриев, Э.Тенишев, А.Щербак и др. внесли большой вклад в развитие тюркологической науки. Ими была проведена огромная и кропотливая научная работа по изучению многих аспектов жизни тюркоязычных народов: изучены говоры и наречия, лексикография, грамматика, фразеология, фонетика и морфология, синтаксис тюркских языков; составлены и изданы тюрко-русские и русско-тюркские словари; исследованы древние памятники письменности, литературные и исторические памятники, этнография и фольклор тюркоязычных народов. Российские тюркологи также приложили немало усилий и внесли существенный вклад в изучение истории тюркских народов. Важнейшие научные открытия, сделанные в сфере тюркологии, принадлежат именно советским и российским ученым. Тюркология по сей день изучается и развивается во многих ведущих университетах и научных центрах России. Вышесказанное еще раз подтверждает интерес России и российских ученых к истории тюркских народов.

Средневековая и поздняя история Евразии была, по сути, историей взаимодействия славянских и тюркских этнических групп, в особенности, естественного взаимосближения русских и кипчакской ветви тюркских народов. Существует мнение, что Российская империя в плане государственных, военно-политических традиций, культурно-ментальных особенностей и этнического состава имеет определенную схожесть и связь с тюрко-монгольскими государственными объединениями, в первую очередь с Золотой Ордой. Более того, экспертами высказывается мысль о том, что тюрки оставили неизгладимый отпечаток в развитии евразийской культуры и цивилизации, внесли свой вклад в формирование исторической идентичности российской государственности.

Наличие огромного словарного запаса тюркского происхождения в русском языке не отрицается российской филологией. Многие из русских исторических и современных фамилий являются тюркскими по происхождению. Имеется достаточное количество тюркизмов в русском языке, чтобы сделать вывод о тесном переплетении русской и тюркской культур. Также хотелось бы обратить внимание на общие исторические факты и комплиментарность культур у славян и тюрков, предопределяющие возможность обнаружения точек соприкосновения.

История тюрко-славянских отношений в течение веков определялась не только межсоседскими коллизиями, но и исполненными жизненной силой симбиотическими и интеграционными процессами. История показывает, что русский и тюркоязычные народы гармонично сосуществовали и культурно взаимообогащались во время Советского Союза, а затем и Российской Федерации. Например, центральноазиатские народы, несмотря на некоторые потери, связанные с перегибами тоталитаризма, в целом, получили немало выгод и преимуществ от советского интеграционного опыта (развитие отечественной науки, культуры, индустрии, экономики и частичное решение инфраструктурных вопросов).

С большой долей уверенности можно сказать, что создаваемый по инициативе президента Казахстана Н.А.Назарбаева Евразийский экономический союз также поспособствует качественному развитию экономической, научно-культурной и гуманитарной интеграции между Россией и тюркоязычными народами и странами, т.к. тюрки и славяне – это, если использовать гумилевскую терминологию, два больших суперэтнуса, являющиеся обитателями огромного центральноевразийского пространства, и они должны сотрудничать во имя сохранения этого общего дома. Россия и тюркоязычные страны вместе занимают громадную территорию, охватывающую около 25 млн квадратных

километров, населенную свыше 300 млн человек и обладают большим количеством энергетических, природных, земельных, продовольственных и человеческих ресурсов. Тюркский мир в географическом и культурном отношении соединяет Россию с Ближним Востоком и Южной Азией. В культурно-гуманитарном отношении тюркоязычные республики гармонично сближают две крупные страны евразийского континента – Россию и Турцию. Новая суть российско-турецких отношений проявляется в углублении экономических и дипломатических связей, обусловленных схожими чертами культурно-цивилизационного развития. Растет влияние евразийских настроений и в современной Турции. Во время IV саммита глав государств-членов Совета сотрудничества тюркоязычных государств Елбасы Н.А. Назарбаев предложил Турции присоединиться к ЕАЭС.

Вышеуказанную точку зрения подтверждают многие мыслители и представители евразийской школы (Н.Трубецкой, Л.Гумилев). Россия и Евразия осознавались многими основоположниками евразийской идеи как ареал славяно-тюркского взаимодействия. Российские ученые (П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, Л.Н. Гумилев и др.) отмечали историческую общность судьбы славянских и тюркских народов, их открытость, взаимопроницаемость друг для друга. Географический пояс, простирающийся от юга Центральной Азии до востока Балканского полуострова, составляет пространство, заселенное огузскими народами тюркского мира. Между кипчакским и огузским ветвями тюркоязычного сообщества Евразийского континента исторически существовали и поныне существуют естественные культурно-исторические связи, взаимодополняемые ментальной и языковой близостью. Об этих неразрывно связанных гуманитарных контактах между северными и южными тюркскими народами писал известный русский востоковед В.Бартольд. Сегодня тюркоязычные страны осознают необходимость более тесной координации своих усилий и действий. Российско-тюркское сотрудничество, с одной стороны, является межтюркским сотрудничеством, с другой, – составной частью интеграционного процесса евразийского масштаба.

Идейной основой реинтеграционных процессов и евразийской регионализации является теория евразийства, которая была сначала развита славянофилами К.Леонтевым, Н.Данилевским, затем евразийцами П.Савицким, Н.Трубецким, Г.Вернадским и Л.Гумилевым. Исторически евразийство сформировалось как реакция на доминирование европоцентризма и европейской модернизации, падение царской России и усиление большевизма. Отделившись от славянофилов, евразийцы разработали сложный понятийный аппарат, целую теорию, даже философию, которая основана на идее историко-географической близости русских и туранцев, объединенных общим ощущением континента. По этой теории, Россия не является ни Западом, ни Востоком, а расположена между ними, образовав, таким образом, особое геокультурное пространство. Можно сказать, что евразийство рассматривается как идеология восстановления целостности евразийского пространства на основе славяно-тюркской интеграции. Н.Трубецкой писал, что между русским народом и степными народами существуют много общих характерных черт. Основываясь на интеграторской роли России, Н.Трубецкой писал о возможности создания евразийского геополитического пространства, в котором бы разные народы мирно и гармонично сосуществовали. П.Савицкий считал, что синтез европейского леса и азиатской степи является географической и геополитической основой евразийской мысли.

Тюркские мыслители XX в. также высказывали положительные мнения по поводу объединения евразийских стран. Например, Ю.Акчура в 1908 г. поднимал вопрос о необходимости объединения русских и тюркских народов против общих внешних вызовов. Этот вопрос был обсужден на высоком уровне, с председателем тогдашней Думы и лидерами партии мусульман России. Выдающийся мыслитель тюркского мира И.Гаспринский писал, что русский народ по складу своего характера и традициям гораздо ближе к Востоку, чем к Западу. Его призыв «Единство в языке, делах и мыслях» следует понимать гораздо шире и глобально.

Особенно ценны для России и тюркского мира исследования выдающегося мыслителя-евразийца, тюрколога Л.Гумилева по истории и цивилизации степных и кочевых народов, этнической карте древней Евразии. В трудах Л.Гумилева тюркский мир продемонстрирован в качестве своеобразного и динамичного центра развития этногенеза, политической истории и государственности. Он указал на историческую близость тюрков и славян, которая с географической точки зрения формирует альянс Леса и Степи. Гумилев также указывает на наличие культурно-исторических связей славян с финно-угорскими, монгольскими и другими народами. По моему мнению, мысли Л.Гумилева отвечают на многие важные вопросы, стоящие перед современной евразийской интеграцией. Евразийские идеи Л.Гумилева пользуются большой поддержкой в тюркском мире. Сегодня Евразийский национальный университет им. Л.Гумилева называют одним из центров евразийской мысли.

Трудно переоценить историческую роль президента Казахстана Н.А.Назарбаева в развитии и воплощении евразийской идеи в реальность. Казахстан в лице президента Н.Назарбаева стал локомотивом евразийской интеграции. Глава казахстанского государства, выступая в 1994 г. в МГУ имени Ломоносова, предложил идею создания нового интеграционного объединения – Евразийского экономического союза. Его концепция базировалась на принципах общей истории, экономического притяжения, тесной взаимосвязи культур. С тех пор идея Назарбаева о евразийской интеграции стала пользоваться большим спросом и поддержкой академических, политических и общественно-гуманитарных сообществ стран СНГ. Не менее важен и вклад президента России В.В.Путина в дальнейшую реализацию идеи евразийства. Евразийство сегодня не однонаправленный монолог, а широкий многосторонний дискурс и диалог. Современное евразийство существенно расширило свой контекст. Своим проектом, своей инициативой Н.А. Назарбаев объективно открыл дорогу к евразийскому диалогу всем странам евразийского пространства, включая и тюркоязычный мир. Эту идею также активно обсуждают во всех без исключения тюркоязычных республиках.

Евразийская доктрина Н.Назарбаева показывает, что будущее евразийства заключается в поиске оптимального сочетания национальных, региональных и глобальных аспектов. В современных условиях идея евразийства наиболее актуализируется. Она является потенциальной альтернативой тем тенденциям, которые представляют собой развитие мира в сторону однополярности. Реальность показывает, что евразийская интеграция успешно вписывается в концепцию многовекторности Казахстана, а не перечеркивает ее. Благодаря стратегической дальновидности Н.Назарбаева, современное евразийство не отождествляется с отдалением от Европы, а наоборот, развивает экономически выгодное взаимодействие с Европой на новом межрегиональном уровне.

Теоретически Евразийский союз – это экономическое объединение ряда постсоветских стран на основе общих интересов. Подписание договора об учреждении Евразийского экономического союза в 2000 г., создание Таможенного союза в 2010 г. и его успешное функционирование в 2010–2012 гг., переход на третий этап интеграционного строительства – создание Единого экономического пространства в 2012 г., подписание договора о создании Евразийского экономического союза 29 мая 2014 г. свидетельствуют о поэтапном и продуманном плане реализации данного интеграционного проекта. Интеграция – это единая таможенная территория, свободное передвижение товаров, услуг, трудовых и финансовых ресурсов, доступ к многомиллионному рынку потребителей, упрощение таможенных процедур и т.д.

Безусловно, суть интеграционных процессов, основанных на идее создания Евразийского экономического союза, заключается в экономических интересах России и Казахстана, а также других его участников. Для Казахстана Евразийский экономический союз является близкой и понятной выгодной нишей, где страна может торговать, экспортировать, продавать свои товары несырьевого назначения, создавать совместные производственные предприятия. Также для России и Беларуси Казахстан является знакомым рынком с хорошо налаженными клиентскими и деловыми связями, торгово-промышленными контактами. Что касается экономической выгоды для стран-членов Евразийского союза, главным мотивом участия в данной экономической интеграции является уникальная возможность активизировать бизнес-процессы и экспортно-ориентированное производство, реализовать технологический обмен, конкурировать и диверсифицировать экономику путем отхода от сырьевой зависимости и развития реального сектора. Также союз дает возможность местным производителям конкурировать с поставщиками из третьих стран, повышает транзитно-транспортный потенциал стран, не имеющих выхода в открытый океан.

Россия и тюркские страны могут создать достаточно гармоничный и динамичный союз, сформировав костяк нового евразийства. Россия и тюркские страны должны, опираясь на такие общие ценности как идея социальной справедливости, сотрудничать для того, чтобы совместно отвечать вызовам сегодняшнего дня и дополнять друг друга в нынешних условиях глобальной конкуренции. Фундаментальной основой такого сотрудничества могут служить экономические интересы и политическая воля стран-участников, тысячелетняя история комплиментарного сосуществования славянских и тюркских народов. Идея Евразийского экономического союза без преувеличений способствует еще более тесному сближению России и тюркского мира.

Что касается культурно-гуманитарной составляющей евразийской интеграции, это направление составляет основу научно продуманного сотрудничества всех интеграционных объединений. Кроме экономического компонента, стоит также обратить внимание на академическую интеграцию стран-

участниц евразийского проекта. На первый план выдвигается задача формирования научно-интеллектуального пространства. В этом процессе академическое сообщество России и тюркских стран должно играть более активную роль. Потому что мировая практика показывает, что позитивные изменения в академической жизни изменяют общества к лучшему. В этой связи активизация культурно-гуманитарного и научного сотрудничества, формирование новых евразийских интеллектуальных элит, развитие академических связей между разными научными институтами и центрами евразийского пространства представляются наиболее актуальными на современном этапе.

Тюркская академия, получившая в этом году статус международной организации, призвана развивать научно-интеллектуальное сотрудничество на тюркском и евразийском пространстве. Международная Тюркская академия (ИТА) устанавливает тесные связи с известными организациями, занимающимися проблемами тюркологии, и работает со знаменитыми тюркологами России, Азербайджана и др. стран. Хорошим примером для научной интеграции между академическими учреждениями евразийских и тюркских стран можно назвать научно-исследовательское сотрудничество Международной Тюркской академии со следующими научными центрами: Национальная академия наук Азербайджана, Национальная академия наук Кыргызской Республики, Уфимский научный центр Российской академии наук, Национальная академия наук Венгрии, Национальная академия наук Республики Татарстан, Национальная академия наук Монголии и т.д. В конце 2014 г. Международная Тюркская академия и Академия наук Туркменистана подписали меморандум о научном сотрудничестве.

В 2014 г. академией реализовано 36 научных проектов, в рамках которых с нами вели научно-исследовательскую работу ученые со всего мира. Самый большой контингент составляют ученые из России, которые участвовали в десяти проектах. 25 ноября 2014 г. в Москве состоялось подписание меморандума о сотрудничестве между Международной Тюркской академией и Институтом востоковедения РАН, а также Российским государственным гуманитарным университетом (РГГУ). Ученые договорились осуществлять долгосрочное и конструктивное сотрудничество в таких приоритетных сферах как история и культура тюркских народов, тюркские языки и литературы, экономика и социально-политическое развитие тюркоязычных государств. Международная Тюркская академия в рамках своих научных проектов имеет тесные контакты со многими мировыми исследовательскими центрами по тюркологии на основе заключенных ранее аналогичных соглашений. Основной миссией Международной Тюркской академии является координация научного и интеллектуального сотрудничества в тюркском мире.

Р.С. Мухаметов

ШОС КАК ИНСТРУМЕНТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

R.S. Muhametov

SCO AS AN INSTRUMENT RUSSIA'S FOREIGN POLICY

Аннотация: В статье говорится об участии России в деятельности ШОС. Автор полагает, что ШОС является форумом для обсуждения актуальных проблем мировой политики, экономики и евразийской безопасности. Много внимания уделено основным направлениям сотрудничества в рамках организации. Автор приходит к выводу, что ШОС помогает сближать позиции стран-участников для принятия ими согласованных решений в политической и экономической сферах.

Abstract: The article deals with Russia's participation in the activities of the SCO. The article states that the SCO is a forum for discussion of current issues in the world politics, economy and Eurasian security. Much attention is paid to the key areas of cooperation within the organization. The conclusion is made that the SCO helps conciliate positions of states, which enables them to take coordinated decisions in political and economic spheres.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества, внешняя политика России, Центральная Азия, внешняя политика КНР.

Key words: Shanghai Cooperation Organization, Russia's foreign policy, Central Asia, China's foreign policy.

Перед российской дипломатией стоят задачи по защите национальных интересов и продвижению внешнеполитических приоритетов, а также обеспечению адекватной роли страны на международной арене. Участие России в деятельности международных правительственных организаций на основе установок, определенных в Концепции внешней политики России, обеспечивает реализацию ее ин-

тересов по широкому спектру геополитических и экономических задач. Продвижение внешнеполитических приоритетов России требует эффективного использования потенциала как глобальных, так и региональных структур. Одной из таких является Шанхайская организация сотрудничества (ШОС).

ШОС, как нам представляется, занимает важное место среди средств внешней политики России и выполняет инструментальные функции. В чем это выражается?

Во-первых, ШОС является форумом для обсуждения актуальных проблем мировой политики, экономики и евразийской безопасности. Это клуб лидеров стран, где они «сверяют часы», обмениваются мнениями, проводят консультации по наиболее актуальным вопросам международных отношений.

Одной из важнейших проблем международной политики в целом и для России в частности является ситуация в Афганистане. Это обусловлено тем, что Москва заинтересована в урегулировании имеющихся и предотвращении возникновения новых очагов напряженности и конфликтов в прилегающих к Российской Федерации регионах. Россия не может позволить себе отстраниться от конфликта и участия в его урегулировании по причине прямого воздействия нестабильности на обстановку в центрально-азиатском регионе. Кроме того, сопряженные с конфликтом разрушения, нарушения прав человека и насилие рожают потоки беженцев и вынужденных переселенцев, значительная часть которых направляется в сторону России. Таким образом, по вышеуказанным обстоятельствам, Россия заинтересована в обеспечении стабильности в регионе, минимизации рисков и угроз на своих границах, в снижении там уровня напряженности.

Последствия вывода войск международной коалиции из Афганистана, который должен быть осуществлен до конца 2014 г., вызывают большую озабоченность всего международного сообщества. Экспертные прогнозы ситуации в Афганистане в частности и Центральной Азии в целом больше склоняются к пессимизму. Главные прогнозируемые проблемы – возврат к власти движения «Талибан», проникновение экстремистских элементов в страны Центрально-Азиатского региона, рост наркотрафика из Афганистана. В Москве «заинтересованы, чтобы мрачные прогнозы, касающиеся афганской ситуации, не реализовались»¹.

Во-вторых, ШОС выступает выразителем международного общественного мнения по актуальным международным проблемам. Россия придает важное значение ШОС в дипломатическом плане, поскольку заявления организации обладают большим политическим весом, чем односторонние или двусторонние. Показательным примером является саммит ШОС, на котором была принята декларация, где высказалось одобрение действий России в Закавказье в ходе «пятидневной войны» на Кавказе (8–12 августа 2008 г.). В частности, там говорится, что «государства-члены ШОС приветствуют одобрение 12 августа 2008 г. в Москве шести принципов урегулирования конфликта в Южной Осетии и поддерживают активную роль России в содействии миру и сотрудничеству в данном регионе»². Последним примером служит саммит Шанхайской организации сотрудничества в Бишкеке, на котором первые лица стран-членов ШОС единодушно поддержали российскую инициативу о передаче химоружия в Сирии под международный контроль. Так, в декларации говорится, что «государства-члены выступают за скорейшее преодоление кризиса в Сирии самими сирийцами при соблюдении суверенитета Сирийской Арабской Республики, прекращение насилия в этой стране, запуск широкого политического диалога между властями и оппозицией без предварительных условий на основе Женевского коммюнике от 30 июня 2012 г.»³.

Таким образом, ШОС для Москвы – это возможность показать всем, что у нее на мировой арене есть многочисленные и влиятельные союзники.

В-третьих, ШОС играет роль морального ограничителя в международной сфере. В международных отношениях ШОС отстаивает базовый принцип невмешательства во внутренние дела и не одобряет позицию Запада о том, что пренебрежение этим принципом оправдывается гуманитарными целями. Как Россия и Китай, ШОС выражает критику применения Западом «двойного стандарта» и осуждает «экспорт» его модели развития⁴. Это признание суверенного права каждой из стран устанавливать порядок на собственной территории в соответствии со своими традициями, признание пра-

¹ Выступление заместителя министра иностранных дел России И.В. Моргулова на 12-й Европейской конференции по безопасности и обороне по теме «Афганистан после 2014 года – взгляд из России», Берлин, 26 нояб. 2013 г. URL: <http://www.fskn.gov.ru> (Дата обращения: 06.10.2014).

² Душанбинская декларация от 28.08.2008. URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?id=39> (Дата обращения: 06.09.2014).

³ ШОС поддержала мирное решение сирийского вопроса. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2277933?isSearch=True> (Дата обращения: 12.09.2014).

⁴ См.: Арис С. Российско-китайские отношения через призму ШОС. *Russie.Nei.Visions.* – № 34. – 2008.

ва на особый путь развития, независимо от принятых в мире догм, правил, шаблонов. Иными словами, ШОС отрицательно относится к советам извне относительно их внутривластного устройства, называя это «вмешательством во внутренние дела»⁵. Государства-члены ШОС выступают за многополярность, укрепление центральной роли ООН и Совета Безопасности в международных делах, укрепление правовых начал в мировой политике⁶.

В-четвертых, значение ШОС для России заключается и в том, что она помогает налаживать тесное сотрудничество по важнейшим международным и региональным вопросам. Сегодня основными направлениями гуманитарного сотрудничества ШОС можно назвать культуру, науку и образование. Примером последнего является Университет ШОС (УШОС). Предложение о создании УШОС было выдвинуто российской стороной. Оно было озвучено Владимиром Путиным на саммите в Бишкеке в августе 2007 г., а уже в феврале 2008 г. была изложена Концепция Университета ШОС. 20 мая 2009 г. решением конкурсной комиссии были определены 16 российских вузов для участия в создании Университета ШОС, одним из которых стал Уральский федеральный университет. УШОС – сетевой университет. В нем не предусмотрен вуз-лидер, все участники проекта действуют на равных правах. Особенность университета состоит в том, что студент имеет возможность в течение периода обучения постигать избранную специальность в нескольких вузах, входящих в систему УШОС и представляющих разные страны пространства ШОС. Официальные языки обучения в университете ШОС – русский и китайский. По окончании обучения в Университете ШОС студент получит два диплома – своего вуза и зарубежного университета (если он провел в нем не менее 30% времени обучения)⁷.

Наконец, Шанхайская организация сотрудничества служит консолидирующим фактором в российско-китайских межгосударственных отношениях. ШОС предоставляет государствам возможность контактов между их правительствами на различных уровнях, предлагая новые формы сотрудничества для преодоления расхождения интересов. ШОС является тем форумом, на котором Россия и Китай могут достичь успехов в разрешении острых проблем.

В отношениях России и Китая все сильнее ощущаются проблемы, малозначительные на первый взгляд. Первый и наиболее очевидный на данный момент блок проблем в отношениях с Пекином сконцентрирован сегодня в области торгово-экономического сотрудничества. В частности, структура товарооборота с КНР все более фиксирует статус России в качестве сырьевого придатка КНР. В российско-китайском экономическом сотрудничестве за Россией закрепился статус поставщика природных ресурсов. Так, за 2012 г. товарооборот вырос до \$88,16 млрд, российский экспорт составил \$44,15 млрд. Но доля в нем машин и оборудования составила всего 0,7%, а остальное – минеральное сырье (углеводороды – почти 69%)⁸. По данным Министерства экономического развития Российской Федерации, по итогам 2008 г. российско-китайский товарооборот составил 55,9 млрд долларов. В товарной структуре российского экспорта в Китай в 2008 г. более 70% стоимости экспорта пришлось на минеральные продукты (11,9 млрд долларов, из них сырая нефть и нефтепродукты составили 11 млрд долларов), а также древесину и целлюлозно-бумажные изделия (3,3 млрд долларов, из них необработанные лесоматериалы – 2,1 млрд долларов). Доля машин и оборудования составила 4,4% (0,9 млрд долларов). В импорте России из Китая более половины объема – 53,9% – пришлось на машинно-техническую продукцию, закупки которой достигли 18,7 млрд долларов. При этом основная часть импорта машин и оборудования пришла на продукцию общего машиностроения – 23,1% и электротехническую продукцию – 22,9%⁹. Иными словами, из Китая поступают в Россию промышленные товары с высокой добавленной стоимостью.

Одной из самых главных проблем российско-китайского военно-технического сотрудничества является традиционное для Китая незаконное копирование технологий. Значительная часть китайской военной техники создается с использованием зарубежных технологий, зачастую – с прямым участием зарубежных конструкторских бюро, работающих по китайскому заказу. Так, достоверно известно об участии российских специалистов в создании истребителей J-10, JF-17, учебного самолета L-15. Копирование истребителя Су-27СК и превращение его в китайский J-11 стало возможным, благодаря полученной из России конструкторской документации на эту машину¹⁰.

⁵ См.: Лукин А. Актуальные проблемы взаимодействия России и Китая и пути углубления двустороннего сотрудничества. Аналитические записки. 2008. Вып. 4. С. 5.

⁶ См.: Разов С.С. Прагматизм вместо претензий и недоверия // Международная жизнь. 2009. № 11. С. 54.

⁷ См.: Щербатюк Д. Роль Университета ШОС в интеграционных образовательных процессах. URL: <http://www.infoshos.ru/?idn=11862> (дата обращения: 02.10.2014).

⁸ См.: Сырьевой задаток. URL: <http://www.kommersant.md/node/21761> (дата обращения: 06.10.2014).

Особое раздражение России вызывает тот факт, что Поднебесная превращается в крупного экспортера вооружений и военной техники, созданных на основе российских образцов и лицензий. Так, Китай впервые за последние 20 лет вошел в пятерку крупнейших в мире экспортеров оружия. Об этом говорится в опубликованном докладе Стокгольмского международного института исследования мировых проблем (SIPRI). Как и прежде, в 2008–2012 гг. первое место по объемам поставок основных видов обычных вооружений и военного оборудования за рубеж заняли США (30% в доле глобального экспорта оружия). Далее следуют Россия (26%), Германия (7%), Франция (6%) и Китай (5%)¹¹.

Другими словами, ШОС помогает сближать позиции стран «шанхайской шестерки» для того, чтобы принимались согласованные решения в политической и экономической сферах.

Таким образом, Шанхайская организация сотрудничества занимает важное место среди средств внешней политики России и выполняет инструментальные функции.

Список использованных источников

1. Арис С. Российско-китайские отношения через призму ШОС. *Russie.Nei.Visions*. № 34. 2008.
2. Выступление заместителя министра иностранных дел России И.В. Моргулова на 12-й Европейской Конференции по безопасности и обороне по теме «Афганистан после 2014 года – взгляд из России», Берлин, 26 нояб. 2013 г. URL: <http://www.fskn.gov.ru> (дата обращения: 06.10.2014).
3. Душанбинская декларация от 28.08.2008. URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?id=39> (дата обращения: 06.09.2014).
4. Китай ворвался в пятерку экспортеров оружия. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2149466> (дата обращения: 06.11.2014).
5. Крамник И. Россия и Китай: риски военно-технического сотрудничества. URL: http://rus.ruvr.ru/2013_03_25/Rossija-i-Kitaj-riski-voenno-tehnicheskogo-sotrudnichestva (дата обращения: 06.11.2014).
6. Лукин А. Актуальные проблемы взаимодействия России и Китая и пути углубления двустороннего сотрудничества. Аналитические записки. 2008. Вып. 4.
7. Разов С.С. Прагматизм вместо претензий и недоверия // *Международная жизнь*. 2009. № 11.
8. Российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество. Справка от 17.06.2009. URL: <http://ria.ru/economy/20090617/174604542.html#ixzz2oHwjZ>. АК4 (дата обращения: 09.09.2014).
9. Сырьевой задаток. URL: <http://www.kommersant.md/node/21761> (дата обращения: 06.10.2014).
10. ШОС поддержала мирное решение сирийского вопроса. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2277933?isSearch=True> (дата обращения: 12.09.2014).
11. Щербатюк Д. Роль Университета ШОС в интеграционных образовательных процессах. URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=11862> (дата обращения: 02.10.2014).

¹⁰ См.: Крамник И. Россия и Китай: риски военно-технического сотрудничества. URL: http://rus.ruvr.ru/2013_03_25/Rossija-i-Kitaj-riski-voenno-tehnicheskogo-sotrudnichestva (дата обращения: 06.11.2014).

¹¹ См.: Китай ворвался в пятерку экспортеров оружия. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2149466> (дата обращения: 06.11.2014).

О.Б. Озеров

ГИБЕЛЬ «КРАСНОГО ПАШИ»

О.В. Ozerov

DEATH OF THE «RED PASHA»

Аннотация: Статья посвящена трагической судьбе Карима Хакимова.

Abstract: This article is devoted to the tragic fate of Karim Khakimov.

Ключевые слова: Карим Хакимов, Ближний Восток, СССР.

Keywords: Karim Khakimov, the Middle East, Soviet Union.

В данном кратком исследовании речь пойдет о Кариме Хакимове – трагической и выдающейся фигуре российской дипломатии периода СССР, в судьбе которого отразились и преломились все противоречия советского внешнеполитического курса периода 20–30-х годов прошлого века и его непро-

стных взаимоотношений как с народами и правителями Ближнего Востока, так и западноевропейских держав.

Цель этой работы – понять, почему в развернувшейся после Первой мировой войны борьбе за Ближний Восток, наиболее яркими фигурами в которой являлись английский авантюрист и разведчик Томас Эдвард Лоуренс¹ (Лоуренс Аравийский), британский аристократ и друг короля-основателя Саудовской Аравии Джон Филби² и советский дипломат Карим Хакимов, в конечном итоге к 1945 г. победил... Рузвельт. Почему Советская Россия и Британия, боровшиеся за умы и сердца народов и правителей обширного региона, которому предстояло стать одним из ключевых «призов» в геополитической борьбе 20-го века, эту борьбу на том этапе (т.е. в период до Второй мировой войны) проиграли? Британцы – отчасти, поскольку упустили нефть в Саудовской Аравии, а Советская Россия – вчистую (если не считать установления отношений с КСА и заключения пары торговых договоров с ней и Йеменом) и смогла вернуться в регион только в пятидесятые-шестидесятые годы двадцатого столетия на волне национально-освободительных движений, хотя и опираясь на заделы, созданные в двадцатые-тридцатые годы.

Чтобы понять истоки происходивших тогда событий и диспозицию основных игроков, обратимся к общеизвестным договоренностям мировых держав, которые стали основой мировой политики на Ближнем Востоке после окончания Первой мировой войны и во многом остаются ей до настоящего времени. Речь идет о тайных соглашениях между Великобританией и Францией от 16 мая 1916 г., в соответствии с которыми были разграничены сферы влияния между ними, а также Россией, которая должна была стать державой-победительницей и поучаствовать в колониальном разделе региона, если бы в ней не произошла революция Октября 1917 г.

Напомним, что, согласно соглашению, Великобритания получала территорию, соответствующую современным Иордании и Ираку, а также район вокруг города Хайфа. Франция получала юго-восточную часть Турции, северный Ирак, Сирию и Ливан. Впоследствии Франция отказалась от обещанного ей Мосульского вилайета и от участия в управлении Палестиной, удовлетворившись частью исторического Леванта. Оставшаяся территория между Средиземным морем и р. Иордан должна была находиться под международным контролем. Каждая из держав имела право определить государственные границы в своей зоне влияния.

Россия должна была получить кусок территории современной Турции по линии Трапезунд – Эрзурум – Ван. Главным же призом должен был стать контроль над Босфором и Дарданеллами и, соответственно, над Константинополем, но, поскольку Российская империя после октября 1917 г. развалилась, то не получила ничего и была исключена победителями из их расчетов, да и новый руководитель страны Владимир Ленин сделал ставку на развитие отношений с новой светской Турцией Ататюрка.

Из зон влияния, обозначенных в соглашениях Сайкс-Пико³, на тот период выпали очень важные куски арабских территорий, показавшиеся тогда победителям в войне не особенно важными. Речь шла, прежде всего, об обширных пустынных просторах сердцевины Аравийского полуострова, где на тот момент еще не была обнаружена нефть, и стратегическая ценность которой влиятельным игрокам казалась весьма и весьма сомнительной. Важным казалось только побережье. На ней располагались немногочисленные, но воинственные племена, которые вели собственную игру. Их Великобритания желала лишь использовать как подсобный строительный материал для обеспече-

¹ Томас Эдвард Лоуренс (Лоуренс Аравийский) (1888–1935) – английский военный разведчик, получивший известность во время первой мировой войны как руководитель восстания арабов против турок. Также знаменит своей негласной политической деятельностью на Среднем Востоке после окончания первой мировой войны. (Liddel Hart V.H. & Storrs R. (1936) *Lawrence of Arabia*. L.: Corvinus).

² Гарри Сент-Джон Бриджер Филби (1885–1960) – английский востоковед, писатель, разведчик. Оказал содействие восшествию на престол первого короля Саудовской Аравии Ибн Сауда, а также сыграл значительную роль в получении американской нефтяной компанией АРАМКО концессии в Саудовской Аравии. (Mongro E. (1998.) *Philby of Arabia*. N. Y.).

³ Соглашение Сайкса – Пико от 16 мая 1916 года – соглашение, заключенное между правительствами Великобритании и Франции о разделе сфер влияния в Азиатской Турции. Получило название по именам дипломатов, подготовивших проект этого соглашения, – англичанина Марка Сайкса и француза Франсуа Жорж-Пико. (*Дипломатический словарь*. – М.: Государственное издательство политической литературы. А. Я. Вышинский, С. А. Лозовский. 1948.).

Марк Сайкс (1879–1919) – британский дипломат, писатель и политик.

Франсуа Жорж-Пико (1870–1951) – французский дипломат в Бейруте.

ния собственных интересов в этом районе мира. Она не рассматривала их как самостоятельных игроков, а скорее как инструмент выстраивания ими системы сдержек и противовесов в рамках своих зон влияния.

Причем опирались британцы на Аравийском полуострове на тот период (во время Первой мировой войны и до 1924 г.) в основном на Великого Шерифа Мекки Хусейна из хашимитской династии, контролировавшего святыне места ислама – Мекку и Медину, чтобы расставлять его людей, с которыми были установлены прочные отношения, на правление в отошедших к ним зонах по соглашению Сайкс-Пико.

В Аравии с десятого века Великим шерифом титуловался правитель Хиджаза и Мекки, управлявший святынями местами. В мусульманском мире первоначально право на этот титул имели лишь потомки Хасана – внука Мухаммеда, однако позднее «шерифами» называли всех потомков пророка Мухаммеда.

Шериф Мекки Хусейн был назначен на свой пост турками-османами в 1908 г., а в 1916 г. принял титул короля. Во-первых, это было сделано потому, что Османская империя, контролировавшая Святыне места ислама, разваливалась, а во-вторых, он рассчитывал на щедрые обещания англичан, что восстание арабов против османов будет вознаграждено созданием единого арабского государства под его руководством. В современной Саудовской Аравии подают дело так, что Хусейном двигали «личные амбиции» и именно поэтому он отправил в июле 1915 г. письмо Верховному комиссару Великобритании в Египте сэру Генри Макмагону⁴, в котором высказал идею англо-арабского альянса для борьбы с Османской империей (John S.Nabib 2003: 30-1).

Однако Лондон, действовавший через своего агента и авантюриста Лоуренса Аравийского, мягко говоря, делал туманные и двусмысленные обещания (о создании единого арабского государства), которые он не собирался выполнять или выполнять лишь отчасти и таким образом, чтобы это отвечало в большей степени его интересам. Истинными его планами было выполнение соглашения Сайкс-Пико, о котором говорилось выше, руками шерифа Хусейна, и Декларации Бальфура⁵ от 2 ноября 1917 г. о создании на территории Палестины еврейского национального очага (она была оформлена в виде письма мининдел Великобритании представителю мощного финансового клана Ротшильдов лорду Уолтеру Ротшильду).

Хусейн, поднявший 10 июня 1916 г. антиосманское восстание, эти реалии полностью осознал уже к двадцатому году, когда победителями в Первой мировой войне был сверстан Версальский договор и места единому арабскому государству в нем не нашлось – регион оказался поделен между англичанами и французами по линиям Сайкс-Пико. Хусейн такой договор отказался подписать. В 1921 г. Лондон предложил Хусейну новый большой договор, предполагавший военное сотрудничество с Великобританией, получение от нее значительных субсидий, а также признание «особых интересов» Лондона в Хиджазе. Но Хусейн уже англичанам не верил и иронично попросил их прояснить, зачем создается еврейский очаг в Палестине, на что ответа, естественно, не получил. Его надежды стать королем всех арабов рушились на глазах. Лондон предложил довольствоваться тем, что есть и кинул его семье несколько жирных, на его взгляд, кусков.

Как писал известный российский ученый-востоковед А.М.Васильев в своем фундаментальном труде «История Саудовской Аравии: 1745–1973» про период послевоенного обустройства Ближнего Востока, «...У.Черчилль на совещании в Каире (1921 года. – *Прим. автора*) определил послевоенную структуру Ближнего Востока. Англичане решили сделать Фейсала, сына шерифа Хусейна, королем Ирака, и вскоре состоялась его коронация, а Абдаллаха – эмиром Трансиордании» (его внук до сих пор правит современной Иорданией. – *Прим. автора*) (Vasiliev A.M. 1982: 283).

В эти расчеты и планы вознамерились вмешаться две новые силы: Советская Россия и борющийся за создание или, точнее, воссоздание своего государства будущий король Саудовской Аравии Абдельазиз бен Сауд, на тот период являвшийся эмиром Неджда.

⁴ Артур Генри Макмагон (1862–1949) – британский дипломат, в период 1915–1917 гг. занимал пост Верховного комиссара Египта. Кроме того, дважды занимал пост главного комиссара Белуджистана (Британская Индия). Наиболее известен по переписке Макмагона-Хусейна и по линии Макмагона между Индией и Тибетом.

⁵ Артур Джеймс Бальфур (1848 – 1930) – английский государственный деятель, лорд с 1922, один из лидеров Консервативной партии. В 1887–91 министр по делам Ирландии, В 1891–92 и в 1895–1902 министр финансов. В 1902–05 премьер-министр. В 1915–16 Б. морской министр, в 1916–19 министр иностранных дел. Явился автором т. н. «декларации Б.» (ноябрь 1917) о создании еврейского «национального очага» в Палестине (Большая советская энциклопедия: В 30 т. – М.: «Советская энциклопедия», 1969–1978).

Советская Россия сразу же после Октябрьской революции заявила о себе как новая пассионарная сила, предложившая миру мессианскую, или, как теперь сказали бы, глобалистскую идею коммунизма – идею братства и равенства угнетенных трудящихся масс всего мира.

Уже 20 декабря 1917 г., то есть всего через два месяца после победы восстания в Петрограде, лидер большевиков В.И. Ленин обратился с воззванием «Ко всем трудящимся мусульманам Востока». В документе говорилось, что арабы, как и все мусульмане, имеют право быть хозяевами своей страны, «устроить свою жизнь по образу своему и подобию» (Vasiliev A.M 1993: 11).

В Москве на тот момент исходили из того, что ислам наиболее близок к коммунистической доктрине – он провозглашает идеалы равенства, объявляет всех мусульман братьями, призывает к принципам справедливости, предлагает делиться с бедными. Кроме того, на ислам, в отличие от христианства, в Москве смотрели как на религию эксплуатируемых масс, как на форму протеста против угнетения и колониализма, рассчитывали, что на каком-то этапе эту идеологию, соединенную с антиколониальными лозунгами самоопределения народов, коммунистическая идея окажется способной трансформировать или поглотить. Ближний Восток в этом контексте рассматривался как огромный резервуар свежей энергии, которым можно было бы подогревать огромный котел мировой революции.

Эти воззрения вроде бы подпитывались опытом борьбы с басмачеством в Средней Азии, где часть населения, особенно наиболее обездоленного и люмпенизированного, пошла за большевиками, тогда как правящие круги потеряли свои богатства и власть. Исходя из накопленного и, как казалось тогда, позитивного опыта, а еще больше из грандиозных планов, в июне 1918 г. в Казани на I Конференции мусульманских коммунистов, организованной Центральным мусульманским комиссариатом, была учреждена Российская мусульманская коммунистическая партия – РМПК. Новая партия входила на федеративных началах в состав РКП(б). По решению I Съезда коммунистов-мусульман в ноябре 1918 г. партия была преобразована в мусульманские комитеты РКП(б), которые просуществовали до начала тридцатых годов...

Чтобы максимально быстро привлечь на свою сторону не только арабские массы, но и арабских вождей того времени, начавших восстание против Османской империи, советские власти по прямому указанию В.И. Ленина в ноябре 1917 г. опубликовали соглашения Сайкс-Пико, что вскрыло обман, на который пошли англичане, чтобы заманить доверчивых и слепо веривших им арабов на сторону Лондона в его извечной борьбе против материковых держав.

С целью обеспечить свое проникновение на Ближний Восток Москва также воспользовалась разочарованием короля Хиджаза Хусейна в Великобритании, вероломно нарушившей все обещания Томаса Эдварда Лоуренса. Москва стала активно налаживать контакты с Хиджазом (в скобках надо заметить, что заслуги Лоуренса сильно преувеличены в мировой историографии. Истинными авторами соглашения Хусейна с англичанами были представители Великобритании в Египте – Китченер⁶ и, как указано выше, Макмагон, которые вели с ним переговоры еще с 1914 г. через его сына Абдаллаха и выстроили договоренности на основе предложений тайных сирийских панарабских обществ «Молодая Аравия» и «Аль-Ахд», к которым примкнул Хусейн (Тоома 1977: 141-2). Причем инициатором этих контактов, как ни парадоксально, выступил Хиджаз, или, как его тогда называли в Советской России, Геджаз⁷.

Отправным моментом в истории советско-арабских и, в частности, советско-саудовских отношений, стала Лозаннская конференция 1922–1923 гг., на которую съехались не только делегации стран, официально приглашенных в ней участвовать (среди них — делегация СССР во главе с Г.В. Чичериным⁸), но и многие представители национальных организаций и движений Ближнего Востока. В кулу-

⁶ Горацій Герберт Китченер (1850 – 1916) – британский фельдмаршал, граф. В 1886–88 генерал-губернатор Восточного Судана. В 1895 – 98 командовал британскими войсками в Египте, руководил подавлением восстания махдистов. 1899–1900 начальник штаба, в 1900–02 командующий британскими войсками во время англо-бурской войны. В 1911–14 британский агент и генеральный консул в Египте и фактический правитель страны. С 1914 военный министр Великобритании. Погиб на крейсере «Хэмпшир», следовавшем с визитом в Россию и подорвавшимся на mine (БСЭ).

⁷ Геджаз. В русской транслитерации название провинции Хиджаз традиционно записывалось как Геджаз, но после Второй мировой войны из-за отсутствия прямых связей с Саудовской Аравией в употреблении вошла транслитерация на основе английского написания Hejaz. В частности, словарь Брокгауза и Ефрона (1904 г.) дает написание Геджаз, в то время как написание Хиджаз появляется уже в Большой советской энциклопедии (1969–1978 гг.).

⁸ Георгий Васильевич Чичерин (1872–1936) – советский дипломат, в 1918–1930 г. Нарком иностранных дел РСФСР и СССР. За время своей работы на посту руководителя НКВД Ч. состоял членом ВЦИК и ЦИК СССР. На XIV и XV Съездах партии Ч. избирался в состав ЦК ВКП(б) (Большая биографическая энциклопедия 2009).

арах конференции делегаты Сирии, Палестины, Египта, Хиджаза, Ирака вели активную работу с тем, чтобы западные державы выполнили данные ими во время Первой мировой войны обещания о предоставлении арабским странам независимости.

Российскую делегацию возглавлял глава внешнеполитического ведомства Советской России Г.В.Чичерин. В записке М. М. Литвинову⁹ по поводу своих бесед в Лозанне от 17 декабря 1922 г. он писал:

«У меня был сирийский князь Хабиб Лотфаллах (христианин), советник короля Геджаса по иностранным делам и в настоящее время полпред Геджаса в Риме и в Вашингтоне. Гуссейн Первый, король Геджаса, вполне самостоятелен, никакого мандата Лиги Наций на его королевство нет. Он участвовал в нескольких больших европейских договорах; не знаю, есть ли это двурушничество, но он во всяком случае между прочим ведет политику создания большой независимой Аравии и фрондирует против Англии. Лотфаллах изложил мне весь план создания Великой Федеративной Аравии, в которой Гуссейн Первый был бы Верховным Союзным Правителем. Он излагал мне самые фантастические планы участия России в создании этого союза... Под строжайшим секретом он сообщил мне, что Муссолини обещал ему полную поддержку против Англии и что ожидается присоединение Америки к его проекту. Когда он пришел ко мне во второй раз, весьма секретно представил текст секретного договора, который он мне предложил подписать. Этот текст я себе оставил и пересылаю его Вам. Речь идет о создании тоже Великой Федеративной Аравии. Я сказал ему одно: что желательно остаться с ним в контакте, а для этого ему надо познакомиться с тов. Воровским, ибо он будет Полпредом в Риме и там будет встречаться с тов. Воровским; это я и сделал. Кроме того, я говорил о желательности создания снова Российского Консульства в Джедде.»

«Я действительно нахожу, что нам крайне важно иметь в Джедде консула. Джедда находится рядом с Меккой; наш консул в Джедде будет в самом центре мусульманского мира, и, таким образом, очень многие совершающиеся в мусульманстве политические движения, которые теперь от нас ускользают, будут происходить перед глазами нашего консула. При нашей мусульманской политике нам, по-моему, необходимо иметь человека в самом центре мусульманского мира» (Vestnik MID SSSR 21(79) p.37).

Следует принимать во внимание, подходы СССР к мировым делам быстро эволюционировали. К 1924 г., то есть к моменту установления дипломатических отношений с Хиджазом, они уже претерпели серьезные изменения. Во-первых, верх, вместо поборников мировой революции, в СССР шаг за шагом стали брать жесткие государственники, такие как И.Сталин, Г.В.Чичерин, несмотря на свои коммунистические воззрения, эволюционировал вместе с новым главой государства от ленинских идей мировой революции (от которых и сам Ленин стал отказываться в последние годы своей жизни) в сторону большего учета национальных интересов советского государства. Советская Россия вроде бы по-прежнему была оплотом коммунистического движения, а в то же время шло ее становление как крупного самостоятельного государства со своими национальными интересами. Но, как и царская Россия, СССР долго еще был в этом смысле «двуголовым» – практически до 1943 г, когда Сталин, нуждавшийся в помощи союзников для победы над Гитлером, упразднил Коминтерн.

Квинтэссенция этих дуалистических подходов, в том числе и в отношении роли ислама, была выражена в письме Г.В. Чичерина полпреду СССР в Италии К.К. Юреневу¹⁰ 3 апреля 1924 г.: «Вступление в сношения с королем Гуссейном однако вовсе не означает готовность с нашей стороны признать его халифом. Наше правительство не имеет отношения к церковным организациям и игнорирует существование таких институтов, как халифат. Что же касается мусульманской церкви на территории СССР, она, по всей вероятности, будет стоять на точке зрения полного упразднения института халифата и будет в этом смысле пытаться влиять на мусульман других стран. Это действительно есть для нас самое лучшее» (Vestnik MID SSSR 21(79) p.38).

⁹ Максим Максимович Литвинов (1876–1951) (настоящая фамилия и имя Баллах Макс) – советский государственный и партийный деятель, дипломат. В 1930–39 нарком иностранных дел СССР. В 1941–46 заместитель наркома иностранных дел СССР. В 1941–43 посол СССР в США и в 1942–43 посланник СССР на Кубе. В 1934–41 член ЦК ВКП(б) (Большая биографическая энциклопедия 2009).

¹⁰ Константин Константинович Юренев (1888–1938) – видный советский деятель, коммунист. В 1921 г. был послан полпредом в Бухару. В начале 1922 г. был назначен полпредом в Латвию; в начале 1923 г. – полпредом в Чехословакию, в начале 1924 г. – полпредом в Италию, 1925 г. – в Персию и в 1927 г. – полпредом в Австрию (Большая биографическая энциклопедия 2009).

Иными словами, Советская Россия была за единое светское арабское независимое государство, с которым можно было бы установить дружественные отношения для того, чтобы противостоять Великобритании и Франции, наносить ущерб их интересам на Ближнем Востоке, делая их сговорчивее по другим проблемам, которые волновали тогда молодой СССР. Таким образом, речь шла о вполне понятной геополитической игре государств, а первоначальные замыслы превращения ислама в восточную версию коммунизма постепенно сдавались в архив, хотя еще в 1925 г. (17 марта) Г.В. Чичерин говорил: «Нас интересует вопрос о панисламизме, как особой форме национального движения, как идеологической маске последнего» *Vestnik MID SSSR* 21(79) p.41). Впоследствии развеялись надежды даже на такое использование ислама...

Таким образом, используя обиды Хусейна на Великобританию и его неудовлетворенные амбиции в части создания великого арабского государства, а также фантазии его сирийского представителя, Россия решила играть по-крупному. Однако те люди, которых она направила в Хиджаз, еще не осознавали этого, продолжали курс на объединение исламских и коммунистических идей и их продвижение в массы. Во главе приехавшей в Хиджаз в 1924 г. группы коммунистов Москвой был поставлен Карим Хакимов, который, кроме поручений Москвы, имел и собственное видение стоящих перед ним задач. Возможно, что именно это его и сгубило.

Фигура К. Хакимова достаточно неординарная и загадочная, во многом еще не изученная. В своем опросном листе, как в тридцатые годы называлась анкета (копия имеется у автора), он сообщает, что родился в 1892 году в селе Дюсян (сейчас – Дюсяново) Иль-Кульминской волости Белебеевского уезда нынешней Башкирии. В том же опросном листе он сообщает: «происхожу из крестьян...они занимались земледелием. У родителей было малоземельное хозяйство, которое распалось в 1918 году...» (цит. по первоисточнику).

Впоследствии станет известно, и об этом напишет в своей диссертации исследователь его биографии Руслан Хайретдинов (*Khairtdinov Ruslan F.* 2006), что на самом деле в соответствии с ревизскими сказками (метрическими книгами) он родился в 1890 г. и в далеко не бедной семье, обладавшей десятью десятинами земли... Возможно, эти расхождения послужили впоследствии основанием для доноса, по которому был репрессирован Карим Хакимов в 1938 г. К этому моменту мы еще вернемся.

Но зачем было Хакимову скрывать свое происхождение? Почему он изменил год своего рождения? До сих пор это остается тайной.

Одно из самых простых объяснений – религиозному мусульманину Хакимову было бы трудно сделать карьеру в Советской России, если бы он раскрыл свое истинное происхождение. Однако заменивший его впоследствии на посту полпреда Назир Тюрякулов¹¹ раскрыл свое «мелкобуржуазное» происхождение. Впрочем, с тем же результатом.

В любом случае, фактом является то, что Хакимов получил блестящее образование в одной из элитных медресе Уфы «Галия», что также говорит в пользу его непростой родословной. Правда, как пишут одни из первых исследователей его жизни Л.Гадилов и Ф.Х. Гумеров (*Gadilov Gumerov* 1960: 8-9), учебой там, как и в двух предыдущих медресе, где он проучился по году, непоседливый и любознательный Хакимов остался недоволен. По некоторым данным, которые приводят другие авторы, его преследовали и дразнили более богатые и удачливые ученики, считая его ниже себя. Это оскорбляло честолюбивого юношу, его самолюбие было уязвлено и он, пережив душевный надлом, покинул медресе, уехав в Ташкент.

Остроумный и веселый, отличный певец, хорошо игравший также на мандолине и скрипке, он обладал личным обаянием, которое ему позволяло входить в самые разные круги общества. Но, поскитавшись по Средней Азии, он понял, что вход в высшее общество при сложившейся системе общественных отношений ему, несмотря на его блестящий ум, закрыт. Он там был чужой.

Будучи человеком авантюрного склада, он мог приспособиться к любой жизни. Оставшись без средств к существованию и не желая вернуться домой, что означало бы признаться родителям в

¹¹ Назир Тюрякулович Тюрякулов (1893–1937) – советский государственный и партийный деятель, языковед. В 1928–32 генеральный консул в Хиджазе, в 1932–36 постпред СССР в Саудовской Аравии. С 1936 в ленинградском институте народов Востока, в московском институте языка и письменности народов Востока. Делегат 10, 12-го съездов РКП (б). Был член ВЦИК. 3 нояб. 1937 по обвинению в пантюркистской агитации и призывах к террору по отношению к руководителям сов. власти приговорен ВК ВС СССР к высшей мере наказания. В тот же день расстрелян. Реабилитирован в 1958 (<http://memory.pvost.org/pages/tiuriakulov.html>, БСЭ).

своей несостоятельности (домой Хакимов попадет только в 1914 г.), он поступил простым шахтером на шахту Канибадам (ныне Таджикистан), которая и предопределила перелом в его судьбе. Впоследствии, отталкиваясь от этого эпизода, он называл себя пролетарием, на что ссылался видный деятель российской революции В.В.Куйбышев¹², который дал ему лестную характеристику. Эту «неправильность», судя по всему, тоже отметили в тридцатые годы въедливые следователи, занимавшиеся его делом.

Однако, скорее всего, Хаким Каримов просто гордился этим «пролетарским» эпизодом своей биографии и рассказал об этом В.В.Куйбышеву. Ведь там, на шахте, на которой он проработал около трех лет, он познакомился с политическим ссыльным, поляком Ковалевским (Gadilov Gumerov 1960:10), который дал ему первоначальные знания о марксистском учении.

И вот тут-то в голове молодого и горячего человека с хорошим мусульманским образованием соединились исламские принципы «адаля» (справедливости) и марксистские постулаты братства и равенства всех пролетариев. Произошла магическая химическая реакция, которая на долгие годы, практически на всю жизнь определила убеждения Карима Хакимова, как и многих мусульман Российской империи, поддержавших революционное движение, которое возглавили большевики.

Отныне его путь был предопределен – с Аллахом в душе и с Марксом в котомке он пошел по новой дороге, которая, в конечном счете, привела его на расстрельный полигон «Коммунарка» в московском пригороде Бутово 10 января 1938 г.

Но тогда о таких мрачных перспективах никто не задумывался, поскольку, с точки зрения многих молодых энтузиастов в России, разгорелся мировой пожар коммунистической революции, который зажег сердца миллионов. В его огне должен был сгореть старый мир. Карим Хакимов хотел во всем этом участвовать, искал свое место в революционном движении и уже после февральской революции энергично окунулся в бурную политическую деятельность. Революция стала тем социальным лифтом, который быстро вознес одаренного юношу на головокружительные карьерные высоты.

Уже в 1918–1919 гг. он становится членом Оренбургского мусульманского военно-революционного комитета, губернским комиссаром народного просвещения, командиром 2-го батальона интернационального полка на Актюбинском участке Оренбургского фронта, затем начальником политотдела 1-й Отдельной Приволжской татарской стрелковой бригады. В 1920–21 гг. он уже заместитель начальника политуправления Туркестанского фронта, одновременно секретарь временного ЦК компартии Туркестана, полномочный представитель РСФСР в Бухарской народной республике, секретарь ЦК Бухарской коммунистической партии.

И вот тут в его судьбе происходит очередной крутой поворот: К. Хакимова после его участия в III Конгрессе Коминтерна В.В.Куйбышев рекомендует для работы в Народный комиссариат иностранных дел, откуда его посылают генконсулом Мешхед и Решт в Персии, где в 1921–1924 гг. и закладываются его профессиональные качества как дипломата. Там же он вступает в первый контакт с советской разведкой, которой начинает активно помогать.

А в декабре 1923 г. в Москве принимают решение о переводе К. Хакимова на работу в Хиджаз, где он 9 августа вручает верительные грамоты королю этого нового государства Хусейну аль-Хашими.

Однако прибывает он в Хиджаз, где у России еще до Октябрьской революции было свое генеральное консульство для обслуживания мусульманских паломников, не один. В состав возглавляемой им т.н. «арабской пятерки», официально приехавшей для работы в генконсульстве, входят: Юсуф Гульметов – 1-й секретарь, правая рука Хакимова (знаток персидского и турецкого языков), Наум Белкин¹³ – 2-й секретарь со знанием немецкого, французского и арабского языков (любопытно, что у

¹² Валериан Владимирович Куйбышев (1888–1935) – советский партийный деятель. С 1926 председатель ВСНХ СССР. В 20–30-х годах член Главной редакции 1-го издания Большой Советской Энциклопедии. С 1930 председатель Госплана СССР, заместитель председателя СНК СССР и СТО. С 1934 председатель Комиссии советского контроля при СНК СССР, 1-й заместитель председателя СНК СССР и СТО. С 1927 член ЦК и член Политбюро ЦК ВКП(б) (Большая биографическая энциклопедия 2009).

¹³ Наум Маркович Белкин (1893–1942) – деятель советских спецслужб, старший лейтенант госбезопасности. В 1925 г. работал представителем Наркомторга в Хиджазе и Йемене, затем под прикрытием сотрудника генконсульства находился в Джидде и представлял в Ближневосточной торговле в Холейде. В 1931 г. зачислен в кадры Иностранного (разведывательно-го) отдела (ИНО) ОГПУ-НКВД. В 1933–1934 гг. выполнял нелегально задания внешней разведки в Болгарии и Югославии, затем некоторое время находился в Уругвае, там завербовал ценного агента, который стал работать в Берлине с А. Харнаком. С 1936 г. – заместитель резидента в республиканской Испании. <http://rusrazvedka.narod.ru/base/htm/belkinn.html>.

него была своя «легенда» – будто бы ранее он работал на Хиджазской железной дороге), И.Амирханов – переводчик, который ранее жил в Сирии и М.Аксельрод¹⁴ – юрист, изучал арабский язык в Москве, писал материалы о Востоке под псевдонимом Рафит Муса. Эта группа больше похожа не на дипломатов, а на «панчяты» законспирированных спецагентов...

В начале работы пятерки в ее задачи входило создание союза Хиджаза и России против Англии и Франции, что соответствует указаниям Г.В.Чичерина.

А виделась ситуация главе советской дипломатической службы следующим образом, о чем он написал К. Хакимову 14 ноября 1924 г., через несколько месяцев после его приезда в Джидду:

«Уважаемый товарищ,

В этом письме мы хотим сообщить Вам в каком виде, по имеющимся у нас данным, представляются нам последние события в Аравии... Мы просим Вас подробно сообщить нам о возможных неточностях нашей схемы, которую в общем и целом считаем правильной.

Нападение ИБН-САУДА на Геджаз было спровоцировано Англией, которая этим путем хотела поставить на колени ГУССЕЙНА, начавшего выходить из повиновения и пытавшегося добиться от Англии выполнения ею обещаний 1915 г. Особенно одиозными и опасными для Англии были несомненно палестинские вождения ГУССЕЙНА. В связи с продолжающимся антианглийским движением в Египте, перспектива образования в Палестине арабского правительства, к тому же зависимого от Геджаза, стала пугать Англию. Крушение сионизма в Палестине в конечном счете привело бы к тому, что арабские националисты Египта и Палестины подали бы друг другу руку. Этот политический мост через Суэцкий канал мог поставить Англию в чрезвычайно затруднительное положение.

Сознание такой перспективы, видимо, и предопределяло отношение Англии к панарабскому движению и заставляло ее упорно преследовать политику балканизации арабских территорий, недопущения объединения Аравии под властью единого правителя. Одно время Англия, нуждаясь в арабах, пыталась удовлетворить их панарабские стремления путем удовлетворения династических интересов семьи ГУССЕЙНА. Этим создавалась видимость панарабской политики со стороны Англии, но на деле это давало противоположный результат: сыновья ГУССЕЙНА /ФЕЙСАЛ и АБДУЛЛА/ превратились в британских чиновников, которые силой обстоятельств теряли свою связь с панарабской политикой ГУССЕЙНА. Таким образом, обширные арабские территории, объединенные под властью династии ГУССЕЙНА, на деле представляли из себя ряд отдельных государств, а не единое государство» (Vestnik MID SSSR 21(79) p.38-9).

Надо сказать, что видение в Кремле ситуации было в целом правильным (если не считать того, что в глазах Абдельазиза Хусейн заслуживал того, чтобы быть низложенным) и К. Хакимов стал действовать, отталкиваясь от этой схемы. Получалось так, что теперь уже Советская Россия, а не Лондон, в пику разоблачившим себя англичанам, добивалась создания единого арабского государства и искала, на кого из арабов она могла бы опереться.

На первом этапе дела у Хакимова шли прекрасно. Шериф (теперь уже король) Мекки Хусейн (или Гуссейн, как его обозначает Г.В.Чичерин) лично нанес визит Хакимову и полтора часа разговаривал с ним. Он уже понимал свою крайнюю слабость и хватался за любую внешнюю поддержку. Дипкорпус был в восхищении от блестящего и обладающего светскими манерами Хакимова, который к тому же хорошо говорил по-арабски, знал Коран и неоднократно появлялся на приемах в национальной арабской одежде. Он смог завоевать доверие, как местных властей, так и многих дипломатов.

Английские дипломаты однако не верили в то, что Хакимов приехал только для налаживания отношений с Хиджазом. Англичане полагали, что «арабская пятерка» занята коммунистической пропагандой через паломников. Работа якобы строилась на основе антиколониальных лозунгов, причем группа работала только с паломниками, то есть не против Шерифа Хусейна или Аль-Сауда. Активные оперативные мероприятия также, с их точки зрения, проводились с Генконсульствами других стран, в том числе с Генконсульством Индии. Иначе говоря, группа решала двоякую задачу: открытую политическую и скрытую – по формированию в арабском мире ячеек компартий.

¹⁴ Моисей Маркович Аксельрод (1898/99 – 1939) – арабист, историк и политолог; революционер, дипломат, разведчик. В 1924 участник миссии К. А. Хакимова в Джедду. До 1927 сотрудник генконсульства в Саудовской Аравии. В 1928 участник советской делегации для установления торговых и дипл. отношений с Йеменом. В 1929 провел 6 месяцев в Турции. Вернулся в Москву, преп. в МГУ и МИВ (1929–30). 16 окт. 1938 арестован по личному распоряжению Л. П. Берия. 20 февр. 1939 приговорен ВК ВС СССР к высшей мере наказания (ст. не указана). В тот же день расстрелян. Реабилитирован в 1955. <http://memory.pvost.org/pages/akselrod.html>.

Однако политическая ситуация в Хиджазе быстро менялась. Хусейн утрачивал авторитет и власть, его «халифат» был поражен коррупцией, англичане постепенно от его поддержки уходили, тем более, что он отказался подписать не только Версальский договор, но и по той же причине (несогласие с созданием еврейского очага в Палестине), привезенные ему Лоуренсом предложения об англо-хиджаском договоре, в соответствии с которым правитель Мекки должен был получить английские субсидии и заключить военный договор с Великобританией, а в обмен признать ее особые интересы в Хиджазе.

Вскоре все это стало терять смысл. В середине октября 1924 г. Абдельазиз ибн Сауд триумфально занял Хиджаз (Мекку), причем сделав это элегантно, руками своих сыновей, так что анализ Г.В. Чичерина, даже будучи в целом правильным, несколько запоздал. Шериф Мекки Хусейн бежал, доверив остатки королевства своему сыну Али. К. Хакимов, как истинный дипломат, попытался примирить врагов и поехал в Мекку (его привилегия заключалась в том, что, будучи мусульманином, он мог это делать свободно в отличие от западных дипломатов), где уже с декабря 1924 г. находился новый властитель Аравии.

Об этом выдающемся политическом деятеле следует сказать особо. Абдельазиз ибн Абдель Рахман ибн Фейсал аль Сауд из древнего рода Саудов с 15 января 1902 г., то есть с момента завоевания им Эр-Рияда, возвысился над другими вождями племен полуострова и чрезвычайно эффективно проводил политику объединения аравийских земель. Будучи от природы одаренным полководцем и политиком, он, опираясь на твердую исламскую веру, неукротимую энергию, целеустремленность и осознание правоты своего дела, быстро добился выдающихся результатов. Это были вынуждены признать англичане, для которых его возвышение оказалось неожиданным. Уже 26 декабря 1916 г. они подписали с новым арабским вождем договор, которым признавали «Нежд, Аль-Хаса, Катиф, Джубейль и зависящие от них территории...», а также их порты на берегу Персидского залива странами (т.е. владениями. – *Прим. авт.*) ибн Сауда и его предков, и настоящим подтверждается, что указанный Ибн Сауд является их независимым правителем и абсолютным руководителем этих племен...» (Jonh S.Habib 2003: 33).

К концу 1924 г. Абдельазиз уже оказался близок к своей цели – поставить под свой контроль практически весь Аравийский полуостров. Теперь уже он, а не Хусейн, виделся проницательному К. Хакимову той фигурой, с которой Кремль мог бы выстроить отношения на базе поддержки идеи единого арабского государства и противостояния Великобритании, поскольку этот плечистый, почти двухметровый великан из пустыни выглядел как человек более решительный и принципиальный, чем Хусейн.

Но задача выхода на этого нового энергичного и удачливого правителя казалась сложной. Решить ее помогли личностные качества К. Хакимова, который сумел подружиться с «Джеком» Филби (Гарри Сент-Джон Бриджер Филби (*Harry St John Bridger Philby*), который был отцом советского разведчика Кима Филби).

«Джек» Филби был большим оригиналом. Он бросил свою колониальную службу (ранее работал в Индии, Ираке и Трансиордании) и перебрался в двадцатые годы в Аравию. Первый раз он заехал в официальную командировку туда, будучи еще на государственной службе в Ираке в 1917–1918 гг. в качестве главы официальной британской миссии для переговоров с Абдельазизом. Позднее он там осел, женился на арабке, носил арабскую одежду и жил как араб, принявший ислам (официально он его принял в 1930 г.), хотя был выпускником Кембриджа, просвещенным и знающим востоковедом. По характеру человек абсолютно независимый, он не считал себя связанным обязательствами перед британской короной (во всяком случае, он это не афишировал) и занимался в жизни тем, что ему было интересно. А интересен ему был как раз король Абдельазиз, которого он считал, и думается, не без оснований, величайшим арабом после пророка Мухаммеда. Эти слова вслед за ним повторяли потом многие западные дипломаты.

Филби искренне восхищался королем, стал его личным другом («открыл», правда, Абдельазиза ибн Сауда для Британии не он, а британский агент в Кувейте капитан со звучной фамилией Шекспир, который в 1913 г. познакомился там с эмиром Неджда, а затем доложил о нём Лондону как о перспективной фигуре). «Джек» помогал молодому монарху во многих делах, в т.ч. коммерческих, и не без выгоды для себя. Он сумел сохранить хорошие отношения с метрополией, помогал ей, когда мог; ездил в Лондон, где купался в лучах славы, выступая с лекциями о малоизвестной тогда Саудовской Аравии, ставшей знаменитой благодаря его книгам о пустыне Руб аль-Хали. Он продолжал выпол-

нять деликатные поручения британской короны, но почему-то каждый раз в выигрыше оказывался саудовский монарх. Позднее именно Филби сыграл ключевую роль в том, что аравийская нефть перешла под американский контроль (точнее, контроль клана Рокфеллеров)..., а сама Саудовская Аравия оказалась в отношениях special partnership с США... К этой теме мы еще вернемся.

Как конкретно Хакимов вышел на Филби, история умалчивает. Думается, что они просто приглянулись друг другу – оба интересно и независимо мыслящие, питающие симпатии к арабскому и исламскому миру. Факт состоит в том, что Филби убедил ибн Сауда принять Хакимова в качестве человека, который хочет помочь отстаивать право на паломничество мусульман из СССР (15 тыс. человек). Проблема на тот момент состояла в том, что англичане их не пускали через проливы, опасаясь усиления русского присутствия и проникновения «коммунистической заразы». При личной встрече Хакимов попросил Абдельазиза ибн Сауда помочь в организации хаджа. Но, возможно, речь шла и о каких-то других, политических вопросах.

В любом случае, после этой беседы Хакимов рекомендовал Москве не вмешиваться в противостояние хашимитов и саудов, что тогда работало на эмира Неджда. Ибн Сауд этого доброго совета не забудет. Хакимов действительно, благодаря своей тонкой интуиции, врожденным дипломатическим талантам, правильно сориентировался в ситуации и понял, кто на самом деле является самой сильной фигурой на Аравийском полуострове.

22 декабря 1925 г. войска ибн Сауда, уже «переварившего» Мекку, захватили Джидду. Сын Хусейна Али бросил все (кроме казны в 800 тыс. золотых соверенов) и уехал в эмиграцию. Колеблющиеся англичане, выстроившие планы на сыновей Хусейна, в этот момент заняли нерешительные позиции, чем и воспользовался Хакимов. В результате Москва «на последней миле» обскакала Лондон и первой в мире признала власть ибн Сауда над объединенными землями Неджда и Хиджаза. 16 февраля 1926 г. Хакимов направил ибн Сауду ноту с признанием его власти со стороны Кремля.

Более того, Россия, которая тогда к ваххабитам относилась очень позитивно, активно помогла признанию новой страны другими государствами.

В этих целях по просьбе Абдельазиза Ибн Сауда 26 сентября 1926 г. в Мекку прибывает советско-мусульманская делегация для участия во Всемирном мусульманском конгрессе в Мекке, организованном новым правителем для обеспечения признания себя не только новым королем, но и хранителем двух благородных святынь ислама – Мекки и Медины, что автоматически давало ему приоритет и большую легитимность (ООН еще не существовала) по сравнению со всеми другими правителями региона. Возглавил российскую делегацию, возможно, тоже по предложению К. Хакимова, председатель Центрального духовного объединения мусульман СССР муфтий Ризаитдин Фахретдинов¹⁵.

Фахретдинов так объяснил участие советской делегации в конгрессе: «Во-первых, отрицательное отношение ко всем попыткам империалистических держав использовать в своих целях религию мусульманства и стремление к единству мусульманского народа. В силу этого соображения мы не участвовали в катарском конгрессе, созданном и работавшем по заданным Англией условиям и занимавшимся вопросами халифата. Во-вторых, желание всячески содействовать укреплению возродившейся под руководством ибн Сауда самостоятельности и независимости арабского государства и, следовательно, противодействовать всем попыткам дискредитировать в глазах мусульман главу этого государства, а также сорвать созданный по его инициативе первый мусульманский конгресс» [Izvestiya 224 (2855)].

Всего в этом судьбоносном форуме приняли участие 68 человек. Советская делегация была весьма активна в обеспечении признания не только Королевства, но и лично короля в качестве Хранителя двух благородных святынь (родословная которого, в отличие от Хусейна аль-Хашими, не восходила к пророку Мухаммеду), и поэтому пользовалась всеобщим уважением. Конечно, эти услуги Москвы не были забыты королем, и он всегда был благодарен Хакимову (причем гораздо больше ему perso-

¹⁵ Ризаитдин Фахретдинов (1859–1936) – деятель мусульманской культуры в России, историк, публицист, педагог. Составил учебники татарского языка и математики (изданы в 1886–87). Открыл новометодную школу и преподавал в ней. В 1908–17 редактор литературного и педагогического журнала «Шура» в Оренбурге. Одновременно директор медресе «Хусаиния», одного из самых известных новометодных учебных заведений России. В 1922 назначен муфтием в Уфе. Был известен как историк, мастер биографического жанра. Опубликовал 170 очерков-портретов: Аристотеля, Платона, Ф. Бэкона и др. Главное историческое произведение Фахретдинова – многотомный историко-биографический труд «Сочинения» (*Бим-Бад Б.М. Педагогический энциклопедический словарь. – М., 2002. – С. 415*).

нально, чем самой стране, чьи инструкции он выполнял) за них и даже во время общемусульманского конгресса пригласил Хакимова вместе совершить хадж, что было высшим знаком уважения к нему.

В Лондоне же считали, что благодаря этим усилиям, король слишком уж усилился и стал выходить из-под зависимости британской короны, претендуя на самостоятельные роли.

Но вскоре после этого в политике Москвы происходят заметные теперь уже невооруженному взгляду перемены. Поддержав новое государство, она делает крутой разворот от масштабной политики проникновения на Ближний Восток, всемерной поддержки всех подряд антизападных революций и борьбы с Великобританией к политике выстраивания торговых отношений со всеми странами, в т.ч. и с Саудовской Аравией. Советы теперь больше волнуют начавшаяся в СССР индустриализация и потребности ее обеспечения. На первый план выходит достижение торгового соглашения с Эр-Риядом. Об этом говорят практически все указания Центра К. Хакимову.

Но этим уже займется другой советский дипломат Назир Тюрякулов, который заменит К. Хакимова в 1927 г. В 1929 г. он получит из Центра секретные указания подписать с Абдельазизом общий договор. «Основным вопросом, который нам необходимо урегулировать, является осуществление нашей торговой деятельности в Геджазе», пишет ему 21 мая 1929 г. руководитель ближневосточного направления, заместитель наркома иностранных дел Л.М. Карахан¹⁶ (Mansurov Tair 2001:193).

Такой разворот, обозначившийся еще в период пребывания К. Хакимова в Хиджазе, вызывает внутренний протест у этого пламенного революционера, романтика и искреннего мусульманина, и он просит в 1927 г., чтобы его вернули в СССР, о чем мы узнаём из записки И. Сталину того же Л.М. Карахана от 16 ноября 1927 г. (Mansurov Tair 2001:149). До этого К. Хакимов неоднократно отказывал своей жене Хадиче в возвращении на Родину, хотя она находилась в крайне тяжелом положении после смерти их сына Шамиля от дизентерии в 1925 г. А тут неожиданно он сам просится домой. Не потому ли, что вместо поддержки идей мировой революции он получает в 1927 г. новое задание – организовать прозаическую поставку в Джидду морским транспортом первых трех партий товаров первой необходимости из Одессы – сахара, муки (местное население с тех пор называет муку высокого качества «москоби» – «московской»), керосина, что он и делает.

Но большевикам он пока нужен, хотя с самого начала они довольно цинично говорили о нем как о человеке с «дефектами», но который «уже привык к нашей политике». Вскоре после этого, в 1929 г. Хакимова назначают представителем Экспортно-импортной конторы Госторгов по торговле с Турцией и Ближним Востоком «Ближвостгосторг» в Йемене. На заседании Политбюро от 9 мая 1929 г. (Протокол № 79) «было принято предложение НКВД утвердить генеральным представителем СССР (генеральным уполномоченным Ближвосторга) в Йемене т.Хакимова (РГАСПИ. Ф. 17, оп. 163, д. 784, л. 62), где он проработал около двух с половиной лет, с июня 1929 г. по декабрь 1931 г. Там его деятельность также носит двойкий характер. Являясь полпредом, он одновременно возглавил координационную работу местного отдела Коминтерна. В 1929 г. в результате именно его усилий СССР подписал торговые соглашения с Йеменом (с Имамом Яхъей¹⁷). Любопытно, что не распадается и «аравийская пятерка». Один из ее членов Наум Павлович Белкин становится коммерсантом и заключает соглашение о поставке товаров в Йемен из Советской России. Создается сеть компаний под разными флагами, но торгующих советскими товарами.

В записке на имя Л.М. Карахана от 10 марта 1930 г. Н. Тюрякулов вновь подчеркивает, что в отношениях с Саудовской Аравией «торговый вопрос для нас является одной из основных задач, удовлетворению которой придается прежде всего большое политическое значение» (цит. по Т. Мансуров «Аравийская эпопея полпреда Назира Тюрякулова», стр. 229). Примечательно, что он при этом не забывал о своем предшественнике. В совершенно секретной записке на имя того же Л.М. Карахана

¹⁶ Лев Михайлович Карахан (1889–1937) – советский государственный деятель, дипломат. С июня 1917 г. – член ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов. С августа 1917 г. – член Президиума и секретарь Петроградского совета. В октябре входил в Петроградский ВРК. С ноября 1917 г. – секретарь советской делегации на мирных переговорах с Германией в Брест-Литовске. В 1918–1920 гг. – зам. наркома иностранных дел РСФСР. С 1921 г. – полпред РСФСР в Польше, в сент. 1923 – авг. 1926 г. – в Китае. В 1927–1934 гг. – зам. наркома иностранных дел СССР. В 1934 г. переведен на должность полпреда СССР в Турции. 3 мая 1937 г. отозван в Москву и арестован. Расстрелян 20 сент. 1937 г. Посмертно реабилитирован.

¹⁷ Яхья бен Мухаммед Хамид-ад-дин (1867–1948) – государственный деятель Йемена. В 1904 г. возглавил восстание йеменских зейдитских племён против господства Османской империи. В 1911 добился признания турецким султаном внутренней автономии Йемена. После распада Османской империи в 1918 принял титул короля Йемена. Объединил племена Северного Йемена в рамках единого государства. В 1928 заключил с СССР договор о дружбе и торговле (БСЭ 1969–1978).

от 25 марта 1930 г. он требует от Москвы прислать ему на какое-то время Хакимова, чтобы тот мог «совершить хадж»(!) и «проработать с нами как вопросы торгового договора, если это окажется возможным, так и вопросы торговли» (цит. по Т. Мансуров «Аравийская эпопея полпреда Назира Тюрякулова», стр. 228).

В 1932 г. Хакимов уже находится в Москве, где учится на курсах красной профессуры, но параллельно готовит визит сына Абдельазиза, принца Фейсала, лично участвует в его встрече на Белорусском вокзале.

Поездка Фейсала в Москву во многом была сформирована под впечатлением от трудов незаурядного дипломата К. Хакимова. Советская Россия во многом воспринималась в Саудовской Аравии через его призму как весьма дружественное государство. В Эр-Рияде решили, что надо поискать, кто мог бы помочь молодой стране и в список перспективных союзников и партнеров, наряду с США и Великобританией, внесли СССР.

Когда 29 мая 1932 г., принц Фейсал прибыл на Белорусский вокзал, то его там пышно встречал весь второй эшелон тогдашнего политического, военного и дипломатического руководства СССР, но знакомых лиц было всего два – Н. Тюрякулов и К. Хакимов. Эта поездка была последним пунктом в турне Фейсала по странам Европы. Главной целью визита, наряду с решением ряда торговых вопросов, было получение займа в СССР для испытывавшего тогда серьезные финансовые затруднения Саудовского Королевства.

Фейсал посетил в Москве заводы и воинские части, музеи, парки и театры, провёл переговоры почти со всеми руководителями СССР, кроме лично И. Сталина. 31 мая 1932 г. в его честь был проведен прием в Кремле от имени Председателя СНК СССР В.М. Молотова¹⁸.

Однако, несмотря на пышность приема, разочарование от визита было обоюдным. Большевики увидели в принце не главу национально-освободительного движения, как они ожидали по рассказам Карима Хакимова, а набожного сына абсолютного монарха, стремившегося к получению денег из любых источников. Москва отказала Фейсалу в кредите, а сам Фейсал был крайне обижен не только этим, но и тем, что ему не дали встретиться с Фахретдиновым по непонятным ему причинам. Однако можно догадаться, что ему было отказано в этой встрече потому, что с конца 20-х годов, в России была развернута широкая антиисламская пропаганда, а с декабря 1929 г. из 12 тыс. мечетей 10 тыс. закрылись. В начале 1931 г. прекращается богослужение в главной мечети Ленинграда. Иными словами, власти опасались, что Фейсал от Фахретдинова узнает о притеснениях мусульман в Советской России. В результате же Фейсал убедился, что СССР – атеистическая страна, к тому же не столь развитая, как Великобритания или США.

Вскоре после завершения визита на аравийском полуострове объявляется о создании Саудовской Аравии (23 сентября 1926 г.) и королем на основании доклада от любимого сына, которому он полностью доверял, делается выбор в пользу сорудничества с западными партнерами, а не с СССР.

Совершенно очевидно, что это становится крупнейшим поражением лично Карима Хакимова, который страстно ратовал за развитие отношений с Саудовской Аравией. Но в изменившейся атмосфере Москвы, где уже не до мировой революции, а ислам превращается на глазах в преследуемого идейного конкурента коммунизма, ему уже ничто не может помочь, ничто не может спасти его карьеру, а, как потом оказалось, и жизнь. Из прагматических соображений Хакимова для развития торговых отношений с Саудовской Аравией в 1936 г. вновь посылают туда на замену Назиру Тюрякулову, который чрезвычайно устал от малопродуктивных торговых переговоров с неуступчивыми саудами и попросился домой. В июле 1937 г. Н. Тюрякулова арестуют, а 3 ноября расстреляют.

О том, что тучи над ним сгущаются, К. Хакимов, видимо, знал. Косвенным признаком этого служит письмо Н. Тюрякулова из Берлина неизвестному т.Цукерману от 26 января 1936 г., в котором безо всякой связи с основным текстом (Н. Тюрякулов жалуется на трудности работы в Саудовской Аравии) в конце приписана странная фраза: «Тов. Хакимов уехал из Парижа в очень удрученном состоянии» (цит. по Т. Мансуров «Аравийская эпопея полпреда Назира Тюрякулова», стр. 299). Зачем Хакимов находился в Париже – остается загадкой.

Известно лишь, что «красный паша» не избежит участи Н. Тюрякулова. Его 6 сентября 1937 г. отзывают в Москву. Он отважно возвращается, уже предчувствуя свою судьбу, но еще надеясь доказать свою невиновность. В ноябре его арестовывают и 10 января 1938 г. расстреливают.

¹⁸ Вячеслав Михайлович Молотов (Скрябин) (1890–1986) – советский государственный деятель. С дек. 1930 – председатель Совнаркома (до мая 1941, когда этот пост занял Сталин). В мае 1939 назначен наркомом иностранных дел. С марта 1946 – министр иностранных дел, зам. пред. Совета Министров.

В 1937–1938 гг. практически вся аравийская пятерка подвергается репрессиям. В живых почему-то (об этом оставляем догадываться читателям) остается И.П. Белкин, которого уволили, но с началом войны он вернулся в строй. Он умирает в Иране в 1942 г. естественной смертью во время очередной командировки.

Ставший известным востоковедом М.М. Аксельрод расстрелян 27 февраля в Москве, И. Амирханов – в Казани 3 ноября 1938 г., Ю.Г. Гульметов – 19 февраля 1938 г. на полигоне «Коммунарка» – там же, где Хакимов. Жена Хакимова Хадича получила 8 лет колонии в Казахстане.

Любопытный штрих: король узнал о смерти своего друга от Джона Филби. «Джек», как утверждают некоторые историки, даже специально ездил в Москву, чтобы прояснить судьбу выдающегося дипломата (по другим данным, он под псевдонимом «советник Абдулла» приезжал в 1943 г. в Каир, где в только что открывшемся посольстве СССР интересовался судьбой Хакимова). Известие о его гибели произвело на монарха эффект разорвавшейся бомбы, и он принял решение заморозить отношения с Советским Союзом. Эта ситуация продлится 60 лет...

А что же Джон Филби? Вот уж кто не прогадал, так это он. Он увидел то, что талантливый, но сосредоточенный на вопросах мировой революции Карим Хакимов не увидел: нефть. Англичане были первыми на Ближнем Востоке, кто вплотную занялся нефтью. Однако их интересы были сфокусированы в основном на Иране и Ираке и в меньшей степени – на Персидском заливе. В Саудовской Аравии они решили действовать через Д.Филби, который стал представителем «Ирак петролеум».

Но независимый англичанин смотрел на вещи широко: он принял также в 1933 г. предложение работать на американскую «Стандарт ойл оф Калифорния» – одну из ведущих нефтяных компаний семьи Рокфеллеров. Действовал он так, исходя из установки короля Абдельазиза – отдать концессию на добычу нефти той компании и той стране, которая предложит больше денег. И сентиментальные чувства к британской короне не помешали ему сделать рациональный выбор (Vasiliev A.M. 2010: 120-8).

Англичане не верили в нефть в Саудовской Аравии и не платили больших денег Филби. Зато это сделали американцы, которые сразу мощно вложились в поддержку Абдельазиза и успешно подписали с ним 8 мая 1933 г. соглашение, в соответствии с которым они за 35 тыс. фунтов наличными и 5 тыс. фунтов в год получили право на добычу нефти. За тонну нефти они обещали саудам платить всего 4 шиллинга. Так началась новая эра на Ближнем Востоке, приведшая к 1945 г. установлению отношений особого партнерства Саудовской Аравии с США и вытеснению СССР и, частично, Великобритании с Ближнего Востока.

Англичане пытались получить все: от арабов – за поддержку единого государства и от клана Ротшильдов – за сионистский проект. В конечном счете они потеряли доверие арабов, в т.ч. короля Абдельазиза, вступили в конфликт с сионистским движением и получили то, что получили: владения в пределах линий Сайкс-Пико и иракскую нефть. Но после Второй мировой войны поддержанные СССР национально-освободительные движения сильно сократили их сферу влияния, а появившийся в 1948 г. не без их помощи Израиль быстро переориентировался на США.

При этом надо отдать им должное: англичане, вслед за СССР, разглядели мощный потенциал исламского фактора. Но если Советский Союз, поглощенный модернизацией, отказался от затеи соединить социалистические идеи с исламскими, то Лондон своего не упустил. Поддержав, а в чем-то и сформировав проект появившихся благодаря Хасану аль-Банне¹⁹ в 1928 г. «братьев-мусульман», он сумел дать старт политическому исламу, который стал к началу XXI в. немалой, хотя и распадающейся на разные потоки (шииты и сунниты), силой на Ближнем Востоке. Попечение над ним также впоследствии перешло к США, но свой след в истории подъема этого феномена англичане оставили.

И все же Вашингтон переиграл стареющую имерию. Стратегия Рокфеллеров победила. Запах нефти и денег оказался важнее идеологии ислама и коммунизма, важнее мировой революции. Нельзя исключать, что, если бы Карим Хакимов в этот период больше интересовался экономическими вопросами, то со своими талантами и благодаря дружбе с королем он мог бы теоретически переиграть англичан, да и американцев в нефтяных вопросах, как он это сделал в случае с признанием Королевства. Но Советская Россия не нуждалась в нефти и сама продавала Саудовской Аравии керосин, а суровые предвоенные чистки в СССР дипломатов, заподозренных в излишне «интернациональных» настроениях, довершили дело...

¹⁹ Хасан аль-Банна (1906–1949) – египетский политический деятель, исламский проповедник, основатель религиозно-политической ассоциации «Братья-мусульмане» (Ражбадинов М. З. Египетское движение «Братьев-мусульман». – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2003).

Список использованных источников

1. Gadilov L. Gumerov Ph. Kh. (1960) *Karim Khakimov* Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izdatelstvo, 83 p.
2. Jonh S.Habib (2003) *Saudi Arabia and the American National Interest an Interpretive Study of special relationship*, 284 p.
3. Izvestiya 224 (2855) 29.09.1926, p.1
4. Khairetdinov Ruslan F. (2006) 'Karim Khakimov – revolutionary, diplomat' PhD dissertation, Ufa, 225 p.
5. Mansurov Tair (2001) *Araviyskaya epopeya polpreda Nazira Tiuriakuliva* [Arabian epic of plenipotentiary Nazir Tiuriakulov] Moskva: Real-Press, 368 p.
6. РГАСПИ. Ф. 17, оп. 163, д. 784, л. 62
7. Tooma Emil (1977) *Nacionalno-osvoboditelnoe dvizhenie i problema arabskogo edinstva* [National liberation movement and problem of Arabian unity] Moskva: Izdatelstvo «Nauka», 431 p.
8. Vasiliev A.M. (1982) *Istoriya Saudovskoy Aravii (1745–1973)* [History of Saudi Arabia 1745-1973] Moskva: Izdatelstvo «Nauka», Glavnoye izdatelstvo vostochnoy literatury, 611 p.
9. Vasiliev A.M. (2010) *korol Faisal: lichnost, epokha, vera* [King Faisal: personality, epoch, faith] Moskva: Izdatelstvo «Vostochnaya literatura», 519 p.
10. Vasiliev A.M (1993) *Rossia na Blizhnem i Srednem Vostoke: ot messianstva k pragmatizmu* [Russia on the Near and the Middle East: from messianism to pragmatism] Moskva: Izdatelstvo «Nauka», 397 p.
11. Vestnik MID SSSR [Bulletin of Ministry of Foreign affairs USSR] 21(79) p. 37.

О.С. Павлова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В КИТАЕ: ОПЫТ ПОЛИТИЧЕСКИХ И МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.

O.S. Pavlova

THE WORK OF RUSSIAN SPIRITUAL MISSION IN CHINA: EXPERIENCE OF POLITICAL AND INTERCULTURAL CONTACTS IN THE XIX – EARLY XX CENTURIES

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению основных направлений деятельности Российской Духовной Миссии в Китае в XIX – начале XX в. В XVIII – первой половине XIX в. Миссия выполняла функцию дипломатического представительства в Китае. После официального учреждения дипломатического представительства Российская Духовная Миссия развернула широкую религиозно-проповедническую, миссионерскую и культурно-просветительскую деятельность.

Abstract: The article considers the main directions of activities of the Russian Spiritual Mission in China in the nineteenth and early twentieth centuries. In XVIII – first half XIX centuries, the Mission worked as a diplomatic representative office in China. After the official establishment of diplomatic representative offices the Russian Spiritual Mission launched an extensive religious preaching, missionary and educational activity.

Ключевые слова: Российская Духовная Миссия, китаеведение, миссионерская деятельность.

Key words: The Russian Spiritual Mission, Sinology, missionary activities.

Одной из примечательных страниц истории взаимоотношений России и Китая в XIX – начале XX в. стала деятельность Российской Духовной Миссии, которая сыграла заметную роль в деле сближения народов двух стран, в формировании их политических и культурных контактов. Исследование основных направлений деятельности Российской Духовной Миссии, эволюции ее статуса в Китае на разных исторических этапах позволяет понять не только сущность многих политических событий, определивших ход межгосударственных контактов России и Китая, но и особенности взаимодействия двух моделей культур с различными цивилизационными фундаментами [7, с. 337].

Пекинская Миссия была одной из самых ранних по времени основания из зарубежных миссий Русской Православной церкви. Вместе с тем Российская Духовная Миссия в Пекине была уникальным российским учреждением за рубежом, которое не только представляло Православную церковь, но и на протяжении 150 лет (с 1715 по 1864 гг.) выступала в качестве неофициального дипломатичес-

кого представительства России в Китае [2, с. 41–65]. В тот период, особенно в XIX в., дипломатические функции составляли главное содержание ее деятельности. Миссия в тот период, следуя инструкциям Петербурга, крайне мало уделяла внимания распространению православия среди китайцев, как правило, ограничиваясь лишь паствой из албазинцев и их потомков [3, с. 67–68].

Также в задачи членов Пекинской Духовной Миссии входило изучение маньчжурского, китайского и монгольского языков, а также истории, культуры и религии Китая. В число светских членов миссии назначались молодые люди из числа студентов высших учебных заведений и Духовной академии. Занятия между студентами распределялись согласно с их предварительными знаниями, желанием и способностями; они изучали медицину, математику, литературу и философию, систему Конфуция, историю, географию, статистику и юриспруденцию китайского государства. Пекинская Миссия дала России таких видных ученых-китаистов, как Рассохин И.К. (1707–1761 гг.), Леонтьев А.Л. (1716–1786 гг.), Бичурин И.Я. (1785–1853 гг.), Ковалевский О.М. (1800–1878 гг.), Захаров И.И. (1814–1885 гг.), Кафаров П.И. (1817–1878 гг.), Васильев В.П. (1818–1900 гг.). Научное наследие этих подвижников и ныне представляет собой настоящую сокровищницу российского китаеведения. Так, например, описание Пекина, составленное начальником девятой миссии архимандритом Иакинфом (Бичуриным), по существу легло в основу всех последующих европейских путеводителей по столице Китая [1; 10].

Иакинф Бичурин был главой девятой Духовной Миссии с 1808 по 1820 г. Она была одной из самых блестящих во всей истории миссии. В миссионерской области ее деятельность была довольно слабой, но ее ученики и сам Бичурин оставили заметный след в синологии. Бичурин быстро изучил язык, завел многочисленные знакомства, что дало ему бесценное знание обычаев и нравов страны. Четырнадцать лет жизни в Пекине стали этапом подготовки к его научной и литературной деятельности. Бичурин создал множество трудов по географии, истории, литературе Китая, составил несколько словарей. Его труды были признаны Российской академией наук и Парижским азиатским обществом [10].

Однако положение Пекинской Духовной Миссии кардинальным образом изменилось после подписания в 1858 г. серии Тяньцзиньских договоров Китая с западными странами, согласно которым в Пекине открывались дипломатические представительства различных государств, в т.ч. и России [11, с. 30–34]. С учреждением в столице Китая Российской Дипломатической Миссии от Духовной Миссии отошла ее важнейшая функция – дипломатическая. Однако полное разграничение сфер деятельности состоялось лишь в 1864 г., когда произошла очередная смена состава Пекинской Миссии. Вопросы разграничения сфер деятельности Духовной и Дипломатической миссий, равно как и реорганизации первой из них, обсуждались и решались на самом высоком государственном уровне: Министерством иностранных дел и Министерством юстиции России, Синодом, Государственным Советом, императором. В основу были положены Предположения, разработанные Азиатским департаментом МИД от 24 июля 1863 г. «О преобразовании Пекинской Духовной Миссии и назначении в состав Миссии Дипломатической врача и трех студентов (*jeunes de langues*)». Кратко осветив историю Российской Духовной Миссии в Пекине, ее деятельность на протяжении 150 лет, Азиатский департамент сосредоточился на детальной разработке ее нового статуса, функций, состава, финансов. Этот документ, составленный по предварительному согласованию с Синодом, был представлен на рассмотрение в Государственный Совет. В 16 пунктах Предположений было подробно расписано все, что касалось организации жизнедеятельности этих двух миссий [4].

Особого внимания заслуживает пункт 11, определявший взаимоотношения и субординацию двух Российских Миссий в Китае – Духовной и Дипломатической: «11. Духовная Миссия во всех тех случаях, где действия и распоряжения Начальника оной будут соприкасаться с Государственными постановлениями страны или политическими отношениями России и Китая, должна обращаться к Министру Резиденту, как единственному представителю русских интересов, имеющему ближайшие сношения с Китайским Правительством. Отношения Начальника Миссии к Министру-Резиденту будут в подробности определены инструкцией от Святейшего Синода». 1 января 1864 г. последовал указ Государя Александра II, завершивший официальное закрепление нового статуса Пекинской Миссии [11, с. 40–43].

В 1875 г. по представлению российского посланника в Китае штат Духовной Миссии был увеличен, увеличены и ассигнования на ее деятельность. В конце 1876 г. Государственный Совет утвердил сумму ежегодного содержания Миссии в размере 15000 руб., выделив также единовременное ассигнование на ремонт зданий в сумме 16500 руб.[7; 8, с. 337].

В столь ответственный момент реорганизации Духовной Миссии в высшей степени было важно сделать правильный выбор при назначении Начальника новой, 15-й Миссии. Выбор пал на архимандрита Палладия (Кафарова), который был вызван из Рима, где служил настоятелем церкви Российского посольства. Это был представитель православного духовенства, за плечами которого 15 лет, проведенных в Пекине в составе 12-й и Начальником 13-й миссий, признанный в мировой науке ученый-китаевед, дипломат-практик. За 14 лет пребывания в Пекине в качестве главы 15-й Миссии архим. Палладию удалось усилиями малочисленного штата сохранить старейшую школу русского китаеведения [7, с. 376–377]. Именно в это время в стенах Пекинской Миссии создавался его «Китайско-русский словарь». Не менее полезным был и дипломатический опыт архим. Палладия, накопленный им в бытность начальника 13-й Миссии (1850–1858 гг.), его блестящее знание восточных языков и самого Китая. Все это было особенно важно в самом начале деятельности официального дипломатического представительства России в Китае. За этими делами начальник 15-й Миссии не забывал о новом главном направлении ее деятельности – миссионерстве. Первоочередное внимание было обращено на перевод богословских сочинений и богослужебных текстов на китайский язык, т.к. церковная служба, по-прежнему, совершалась только на старославянском языке, почти непонятном для потомков албазинцев и тем более для китайцев. Члены Миссии занялись уточнением и редактированием переводов, которые были сделаны их предшественниками, начиная с первых миссий. Им помогали китайцы, в числе которых – учитель-конфуцианец, имевший ученую степень «цзюйжэнь» (эта степень давалась в цинском Китае лицам, выдержавшим экзамен в провинциальном центре) Лун Юань, который уже в течение многих лет занимался вместе с членами Миссии сверкой переводов [3].

Наибольшего размаха миссионерская деятельность достигла во время 18-й Миссии и связана с именем ее начальника – архимандрита, а затем епископа и митрополита Иннокентия (Фигуровского). С его именем связана целая эпоха в истории Пекинской Миссии: он возглавлял ее на протяжении 35-и предельно насыщенных бурными событиями лет в истории России и Китая (с окт. 1896 по июнь 1931 гг.). Человек деятельный, о. Иннокентий сразу приступил к преобразованиям и расширению сферы деятельности. Выгодно обменяв в Русско-китайском банке русские серебряные рубли на местную валюту, он открыл типографию с наборным шрифтом. В школах Миссии ввел преподавание русского языка. Сам в это время успешно освоил китайский и английский языки. Значительное время о. Иннокентий уделял миссионерству, обозначив два направления в этой деятельности. Так, его усилиями в конце XIX в. в Китае сложились центры компактного проживания российских подданных, занятых, в частности, на строительстве железных дорог. Улучшение их жизни и духовная защита их стали важнейшими задачами Миссии на этом этапе. Наряду с этим расширилась проповедь православия среди китайцев. По данным отчета Начальника Миссии за 1898 г., к концу этого года она имела 5 церквей (и 5 священнослужителей), ее паства состояла из 120 русских, живших в Пекине, Тяньцзине и Калгане, и 458 китайцев. Таким образом, православие вышло за пределы городских стен Пекина [2].

Одной из трагических страниц в жизни Пекинской Духовной Миссии стали события, связанные с восстанием ихэтуаней («боксерское восстание»). Когда в начале июня 1900 г. отряды повстанцев стали приближаться к Пекину, китайские власти, заверив членов Миссии, что им нечего опасаться, взяли охрану Бэйгуаня на себя. Однако по настоянию российского посланника М.Н. Гирса все члены Миссии 9 июня (27 мая) покинули Северное подворье и переехали в Посольский квартал, взяв с собой только самое ценное. Вступив в Пекин, повстанцы накопившееся недовольство выплеснули против всего иностранного и, в первую очередь, против иностранных духовных миссий, миссионеров и китайцев-христиан. В результате были сожжены 8 христианских храмов, в пламени пожара погибла уникальнейшая библиотека, терпеливо и целенаправленно собиравшаяся стараниями и энтузиазмом членов 18 миссий. Сгорел ценнейший архив, хранивший свидетельства почти 200-летней деятельности Миссии. Погибла новая типография с уже готовыми к напечатанию книгами, среди которых было немало трудов архим. Палладия [3, с. 199–206]. Ущерб, понесенный Миссией, был настолько велик, что под вопросом было ее дальнейшее существование. Однако в 1902 г. Синод принял постановление об учреждении для Китая самостоятельной епископии, возложив на нее задачу активизации миссионерской деятельности. На средства, полученные из России, а также за счет компенсации китайских властей за ущерб, причиненный Миссии в 1900 г., ему удалось существенно расширить территорию Северного подворья и построить заново либо отремонтировать пострадавшие здания. В 1915 г. на территории Миссии было выстроено новое здание библиотеки. Были заложены, восстановлены или построены православные храмы, церкви и часовни в других городах Китая, в т.ч. в Шанхае, Порт-

Артуре, Тяньцзине, Юнпинфу, дер. Дундинъань. Подлинным украшением Харбина стал Свято-Николаевский собор, отстроенный вместо деревянной церкви Св. Николая – первой православной церкви в Харбине и во всем северо-восточном Китае. Местные жители называли ее «жемчужиной Харбина» и считали самой дорогой достопримечательностью города [4].

За первые десять лет возрождения Миссии удалось многого достичь, чему способствовал как новый статус ее Начальника, так и его несомненный талант организатора и руководителя. По данным «Отчета о состоянии Пекинской Духовной Миссии за 1914 год», в ее ведении состояли: Первоклассный Успенский мужской монастырь в Пекине; Крестовоздвиженский скит близ Пекина в горах Сишань (Западные горы); женский монастырь в Пекине; 5 подворий (в Петербурге, Москве, Харбине, Дальнем, на станции Маньчжурия КВЖД); 19 церквей (в Пекине, Шанхае, Ханькоу, Тяньцзине, Юнпинфу, Бэйдайхэ, Лувэйшане, Дундинъане, Харбине, Дальнем, станции Маньчжурия, а также в Петербурге, в пос. Отрадное под Петербургом и в Москве; 3 часовни и 5 кладбищ; миссионерские станы в провинции Чжили – 14, в Хубэе – 12, в Хэнани – 4, Цзянсу – 1, в Монголии – 1, а всего в 32 пунктах, 1 семинария в Пекине, 17 мужских и 3 женские школы; богадельня близ Пекина за воротами Аньдинмэнь, где жили постоянно 16 человек и выдавалась еда для 67 человек [6].

Продолжала расширяться просветительская деятельность Миссии. В 1914 г. общая численность учащихся в школах Миссии (учеников и учениц) превышало 500 человек. Школы – мужские и женские, средние и начальные – функционировали в Пекине (несколько школ), Тяньцзине, в городах и сельской местности провинций Чжили, Хубэй, Хэнань. Только в 1913 г. были открыты 4 новые школы. Большинство преподавателей составляли китайцы, прошедшие курс обучения в школах Миссии и семинарии. Из 24 преподавателей только трое были русскими. 72 ученика и 22 ученицы полностью находились на иждивении Миссии и еще 11 учениц получали питание от Миссии. Среди учащихся немалый процент составляли взрослые рабочие и работницы [6].

Возобновилось издание научных трудов прежних членов Миссии, прежде всего о. Иакинфа (Бичурина), а также иеромонахов Исаяи (Поликина) и Александра, занимавшихся изучением религиозных вероучений в Китае и др. Были вновь напечатаны 4 тома «Трудов членов Российской Духовной Миссии в Пекине». В 1909 г. в типографии Успенского монастыря был отпечатан «Полный китайско-русский словарь» под редакцией епископа Иннокентия в 2-х томах очень большого формата. Словарь содержит 16845 иероглифов и 150 тыс. их сочетаний из произведений китайских классиков и разговорной речи. Однако размах хозяйственной и миссионерской работы не заслонял собою не только научно-издательскую, но и благотворительно-патриотическую деятельность, особенно в трудные, драматические для России периоды.

Так было во время русско-японской войны 1904–1905 гг. В Харбине 23 февраля 1904 г. по инициативе Начальника Миссии епископа Иннокентия состоялось совещание, на котором обсуждался вопрос о тяжелом положении раненых и их семей, оставшихся без поддержки. Для организации такой помощи было решено учредить «Братство Православной Церкви в Китае», при нем Комитет «для попечения о больных и раненых и нуждающихся воинах и их семей». Возглавил «Братство» сам Начальник Миссии, был избран строительный комитет для строительства барака для больницы, утвержден устав «Братства». Помимо благотворительной деятельности, которая не ограничивалась лишь помощью русским воинам, а распространялась и на местное население, особенно православных китайцев, в задачи «Братства» входили: организация жизнедеятельности православной общины в Китае, объединение всех православных христиан, живущих в пределах этой страны, и борьба с нравственными пороками [4].

Одновременно было решено издавать печатный орган «Братства» – журнал «Известия Братства Православной Церкви в Китае». Это был самый ранний по времени основания русский журнал, издававшийся в Китае. Первый номер вышел 25 марта 1904 г. Журнал открывался «Воззванием епископа Иннокентия», в котором были сформулированы задачи «Братства». В 1907 г. в связи с переходом православных церквей, расположенных на территории Маньчжурии, в ведение Владивостокской епархии (в ведении Пекинской Миссии остались лишь подворья в Харбине, Дальнем и на ст. Маньчжурия на КВЖД), указом Синода Миссия получила разрешение выпускать журнал в Пекине, переименовав его в «Китайский благовестник». Помимо текущей информации в журнале публиковались и серьезные научные статьи по миссионерству в Китае, по истории страны, истории ее религий и философии и т. п. [6].

Узнав о вступлении России в первую мировую войну, члены Миссии приняли решение отчислять с 1 сентября 1914 г. на больных и раненых российских воинов и сирот погибших воинов по 5% своего содержания, а из содержания китайцев – по 3%.

Это был период наивысшего расцвета Миссии, ее благополучия. Годовой бюджет ее вырос до 100 тыс. рублей золотом. К 1917 г. капитал Миссии приближался к 1 млн рублей и весь был помещен в русские военные займы. К этому времени Миссия имела 2 монастыря (мужской и женский), 22 стана, 21 школу, 1 семинарию и богадельню, а также храмы и церкви в разных городах Китая. Открытые в России подворья приносили Миссии ощутимый доход [9, с. 139–153].

Однако в ходе революционных событий 1917 года в России кардинальные перемены коснулись судьбы Российской Духовной Миссии в Пекине, радикально изменив статус, направление, задачи и цели ее деятельности. Были потеряны связи с Россией, с падением курса рубля и аннулированием военных займов Миссия лишилась значительной части своих доходов. В 1919–1921 гг. новым испытанием стал мощный поток беженцев и эмигрантов из Советской России. Начальник Российской Духовной Миссии в Пекине не принял Октябрьской революции. Он, а вместе с ним и другие церковные иерархи, волею судьбы оказавшиеся в Китае (преимущественно на территории Маньчжурии), в начале 1921 г. признали себя подчиненными незадолго до этого образованному Церковному Управлению Заграницей. Пекинская Миссия вошла в состав Русской Зарубежной Церкви.

Таким образом, Российскую Духовную Миссию можно назвать уникальным институтом, представлявшим в Китае не только православную церковь, но и российское государство. Деятельность Миссии была организована в соответствии с внутри- и внешнеполитическими интересами и задачами России. Она играла важную роль в установлении и поддержании российско-китайских отношений, на протяжении многих лет являлась центром научного изучения Китая и подготовки первых русских синологов.

Список использованных источников

1. Авраамий (Часовников), архимандрит. Краткая история Духовной Миссии в Китае. 1916 [Электронный ресурс]: Режим доступа: URL: <http://www.orthodox.cn> (Дата обращения: 12.10.2014).
2. Дацьшен В.Г. Христианство в Китае: история и современность. М.: Имидж-Контакт, 2007.
3. Иванов П.М. Из истории христианства в Китае. М.: ИВ РАН, 2005. 224 с.
4. Ипатова А.С. Российская Духовная Миссия в Китае: век двадцатый [Электронный ресурс]: Режим доступа. – URL: <http://www.orthedu.ru> (Дата обращения: 12.10.2014).
5. Каложная Н.М. Восстание ихэтуаней (1898–1901). – М.: Наука, 1978. – 363 с.
6. Китайский благовестник [Орган Российской Духовной Миссии в Китае]. Г.1-15. Пекин: 1904–1918 [Электронный ресурс]: Режим доступа: URL: <http://www.orthodox.cn> (Дата обращения: 12.10.2014).
7. Ломанов А.В. Христианство и китайская культура. – М.: Восточная литература, 2002. – 446 с.
8. Обзор деятельности ведомства православного исповедания за время царствования императора Александра III. – СПб., 1901.
9. Православие на Дальнем Востоке. 275-летие Российской Духовной Миссии в Китае: Сб. ст. / Под ред. М.Н. Боголюбова и архим. Августина (Никитина). Вып. 1. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1993. – 160 с.
10. Русская духовная миссия в Китае (XVIII–XX вв.) [Электронный ресурс]: Режим доступа: URL: <http://www.russia.org.cn/rus> (Дата обращения: 12.10.2014).
11. Русско-китайские отношения. 1689–1916. Официальные документы. М.: Изд-во Восточной литературы, 1958. 142 с.

Э.И. Рахматуллин

НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И ИРАНА

E.I. Rakhmatullin

NEW TRENDS OF COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND IRAN

Аннотация: В данной статье рассмотрены уже существующие направления сотрудничества между Россией и Ираном. Также рассмотрены перспективные направления сотрудничества, которые можно активно развивать. В статье предлагается направления развития взаимоотношений между Ираном и одним из субъектов России – Республикой Башкортостан.

Abstract: This article describes the existing directions for cooperation between Russia and Iran and discusses promising areas of cooperation that can be actively developed. The article suggests directions of the development of relations between Iran and the Russian Federation entity the Republic of Bashkortostan.

Ключевые слова: ИРИ, РФ, РБ, экономика, сотрудничество, санкции, технологии, АЭС.

Key words: Iran, Russia, Bashkortostan, economy, cooperation, sanctions, technology, nuclear power plants.

Иран уделяет особое внимание торгово-экономическим отношениям с Россией, несмотря на санкции, введенные мировым сообществом в связи с ядерной программой Тегерана, и мировой финансовый кризис.

По мнению ИРИ, важными направлениями сотрудничества являются атомная энергетика и нефтегазовая отрасль. Это объясняется тем, что Тегеран, испытывая негативное влияние экономических санкций западных стран, стремится развивать эти отрасли с помощью России. Кроме того, достаточно высокий уровень сотрудничества в этих сферах рассматривается Ираном в качестве определенного фактора, сдерживающего введение новых антииранских санкций.

Так, в области энергетики можно привести пример со строительством АЭС «Бушер» российской компанией «Атомстройэкспорт». Строительство было завершено в 2010 г. Тегеран и дальше рассчитывает на сотрудничество с Россией в этой области. Так, было создано совместное предприятие по эксплуатации первого энергоблока АЭС. Планируется также строительство еще двух энергоблоков на площадке «Бушер». Еще Иран должен будет закупать топливо для АЭС у России.

С учетом планов ИРИ на строительство новых АЭС есть перспективы участия российских предприятий в их строительстве.

На сегодняшний день одним из приоритетов Ирана являются получение и освоение иранскими специалистами современных технологий прежде всего в энергетической сфере. Несмотря на то, что с рядом европейских компаний, являющихся мировыми лидерами в данной отрасли, сложились деловые отношения, министерство энергетики Ирана, а также руководство страны рассматривают сотрудничество с российскими предприятиями в качестве альтернативного и способного составить значительную конкуренцию западным компаниям.

Таким образом, в электроэнергетике имеются перспективы сотрудничества между иранскими и российскими компаниями по передаче технологий по производству турбин, электрогенераторов, турбокомпрессоров и другого оборудования для генерирования электроэнергии на базе иранских промышленных предприятий для нужд энергетической отрасли страны.

Руководство страны заинтересовано в освоении крупных запасов углеводородов с привлечением иностранного капитала. Многие месторождения нуждаются в технической модернизации. Учитывая, что многие российские нефтегазовые компании имеют значительный опыт в разработке технологий для освоения месторождений со сложным залеганием запасов нефти и газа, Иранское министерство нефти проявляет заинтересованность в установлении рабочих контактов с российскими компаниями.

В нефтегазовой отрасли Иран активно развивает сотрудничество с такими крупнейшими российскими компаниями, как ОАО «Газпром», ОАО «Газпромнефть», ОАО «Сибур», ОАО «Татнефть», «Стройтрансгаз» в области совместной добычи, переработки и транспортировки энергоресурсов.

В настоящее время Иран начинает реализацию проектов по строительству двух крупных магистральных трубопроводов: газопровода «Мир» (Иран – Пакистан – Индия) и нефтепровода «Нека – Джаск». Имея значительный опыт в строительстве таких объектов российскими предприятиями, руководство страны предложило ОАО «Газпром» и «Газпромнефть» рассмотреть возможность участия в данных проектах.

Не менее важными направлениями сотрудничества являются расширения в транспортной сфере. На данный момент около 80% грузоперевозок внутри страны происходит на автотранспортах. В такой ситуации Иран значительно потребляет моторное топливо и около 30% вынужден импортировать. Для решения данной проблемы руководство страны предпринимает активные шаги по строительству сети железных дорог. В данной сфере отметим сотрудничество российских (в первую очередь, РЖД) и иранских компаний. Так, РЖД в настоящее время реализует проект электрификации ж/д Тебриз – Азаршахр, осуществляет поставки рельсов и оборудования, также планирует дальнейшее участие в проектах развития железнодорожной сети Ирана.

Идут переговоры по организации лицензионного производства самолетов «ТУ-204-100Е» и «ТУ-204 СМ» на заводе в Исфахане. Иранская сторона планирует на первом этапе покупку двух самолетов, объем сделки может составить 70 млн долл. В перспективе Иран может закупить до 50 самолетов «ТУ-204» на сумму 1,5 млрд долл., а также создать в Иране сервисный центр в форме ирано-российского СП по обслуживанию самолетов этой марки.

Активно ведется сотрудничество иранской «IranMobin» с российской компанией «Ростелеком» по реализации телекоммуникационного проекта «Каспийское кольцо».

В сфере высоких технологий также наметилась активизация сотрудничества. Бюро по технологическому сотрудничеству при администрации президента ИРИ выразило заинтересованность в развитии сотрудничества в области высоких технологий с Государственными корпорациями «Ростехнологии» и «Роснано». Планируется проведение совместных исследований в генетике, нанотехнологии, биотехнологии, тканевой инженерии и биоинформатике в той части, которая касается здравоохранения.

Также одним из важных направлений сотрудничества является металлургия. Руководство страны реализует обширные мероприятия по модернизации металлургического производства. Руководство министерства промышленности и рудников Ирана неоднократно выражало свою заинтересованность в привлечении российских машиностроительных предприятий и научно-исследовательских центров к участию в переоснащении имеющихся производственных мощностей и передачи современных технологий в области металлургии.

В связи с вышесказанным можно выделить следующие направления сотрудничества России с Ираном:

- атомная энергетика;
- нефтегазовая отрасль;
- строительство железных дорог;
- промышленность;
- машиностроение;
- нанотехнологии.

Немаловажно сотрудничество и в области военных технологий.

Безусловно, каждое из этих направлений является перспективным для российских предприятий, т.к. в настоящий момент ИРИ считает Россию одним из наиболее важных своих партнеров, способным принять действенное участие в процессе модернизации страны. Таким образом, российские компании в настоящее время могут более активно работать на иранском рынке, в особенности в сфере передачи технологий и кооперационного производства.

Что же касается экономических отношений Ирана и Республики Башкортостан, то наиболее практичным и простым направлением является нефтегазовая отрасль. С учетом обширного опыта в разработке месторождений со сложным залеганием сырья, чего не имеется у иранских специалистов, можно создать СП для разработки таких месторождений в ИРИ. Также можно привлекать иранских туристов в санатории Башкортостана в рамках «халял туризм». Немаловажно и сотрудничество в области образования и здравоохранения: в образовании – обмен преподавателями и студентами, в здравоохранении – совместное развитие биоинженерии. Также, учитывая преимущественное использование Ираном автотранспорта, что является пагубным для экологии и имеет большие затраты на энергоресурсы, то РБ может поставлять троллейбусы и даже построить в ИРИ завод по сборке троллейбусов и сервисный центр для них. Продолжая предложения о сотрудничестве в области машиностроения, можно продавать вертолеты, собирающиеся в Кумертау, и также организовать строительство вертолетов на территории Ирана.

Исходя из этого, у РБ есть перспективные направления для сотрудничества с Ираном. Если две стороны начнут сотрудничать хотя бы в одном из этих направлений, это уже для Башкортостана будет большим успехом, потому что у предпринимателей с нашей стороны будет накапливаться бесценный опыт ведения деловых отношений с учетом исламского фактора. На этой основе появятся преимущества перед другими предпринимателями и компаниями, не познавшими специфику исламской экономики. И в дальнейшем можно будет развивать экономические отношения со многими странами Ближнего Востока и Северной Африки.

Список использованных источников

1. Абдулнасир Ф.И. Российско-иранские экономические отношения: основные тенденции развития // Вектор науки ТГУ. Серия «Экономика и управление». №3(3). 2010. С. 9–13.
2. Российско-иранские экономические отношения. <http://www.webeconomy.ru/index.php?page=cat&newsid=980&type=news>.
3. Торговые отношения России и Ирана // Портал внешнеэкономической информации / Министерство экономического развития Российской Федерации. http://www.ved.gov.ru/exportcountries/ir/ir_ru_rels\ations/ir_ru_trade.

ГЕНЕЗИС СОВЕТСКОЙ ДИПЛОМАТИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

S.Yu. Romanov, L.K. Mullagalieva

THE GENESIS OF SOVIET DIPLOMACY IN THE MIDDLE EAST

Аннотация: Статья посвящена генезису дипломатических отношений Советской России и Ближнего Востока. Авторы анализировали первые дипломатические мероприятия Карима Хакимова в качестве руководителя дипломатической миссии в Хиджазе.

Abstract: The Article is devoted to the Genesis of the diplomatic relations of Soviet Russia and the Middle East. The authors analyzed the first diplomatic activities of Karim Khakimov as head of a diplomatic mission in the Hijaz.

Ключевые слова: колониализм, дипломат, национальное движение, менталитет, иностранные дела, государство.

Keywords: colonialism, diplomat, national movement, mentality, foreign affairs, state.

В досоветский период влияние России на процессы, происходившие на Ближнем Востоке, было опосредованным и ограниченным геополитическим влиянием и колониальной политикой Великобритании, являвшейся союзницей по военно-политическому блоку. Торгово-экономические отношения с Арабским Востоком носили региональный и сезонный характер, не достигали объемов, необходимых для полномасштабной активизации интереса государства к данному региону. Регулярное пароходное сообщение, организованное для нужд хаджа верующих, в советский период было прервано по идеологическим мотивам. Этно-территориальные образования Аравийского полуострова были аморфными и неустойчивыми, входили в состав Османской империи. Ее распад, начавшийся с Младотурецкой революции 1908 г. при активном участии европейских держав, активизировал национально-освободительное движение арабских племен и привел к началу генезиса арабской государственности. Уже к середине 20-х гг. XX в. в России и на Аравийском полуострове начался процесс относительной стабилизации. Укрепление государственности Саудовской Аравии как форпоста британского влияния в регионе создало перспективу для начала дипломатической работы в регионе. Советское государство этот период начало процесс выхода из политической изоляции. В связи с этим необходимо было устанавливать дипломатические отношения со всеми хотя бы относительно стабильными государственными образованиями в разных регионах мира.

Ближний Восток был сложным и нестабильным регионом, ведение дипломатической работы в котором было осложнено геополитическим влиянием Великобритании и ее враждебной политикой по отношению к Советской России. Хотя специалистов по Востоку, свободно владеющих арабским языком, в этот период было достаточно много (наша страна являлась более чем на одну треть исламской), главой дипломатической миссии в Хиджазе¹ был избран Карим Хакимов, который «еле говорил по-арабски»². Возможно он просто умело скрывал перед европейскими дипломатами своё свободное владение арабским, который изучался всеми, кто в тот период «называл себя мусульманином»³. Однако лингвистические знания не являлись определяющими в тот момент. Выбор Наркома иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерина обуславливался тем, что к этому моменту К. Хакимов имел успешный опыт участия в партийном строительстве компартии Туркестана и консульской работы в Персии.

С момента своего прибытия в Хиджаз К. Хакимов развернул идеологическую работу, направленную на формирование общественного мнения в пользу Советской России и социалистического выбора развития общества. Именно с этой целью планировалось восстановить пароходное сообщение, но уже по новому маршруту «Одесса – Шанхай – Владивосток»⁴. Ее смысл состоял в том, чтобы арабские и советские мусульмане – пассажиры рейса ощутили культурный шок от мирового разнообразия культур и народов, масштабов РСФСР и одесского гостеприимства. Длительность рейса и ограниченность пространства

¹ В декабре 1922 г. в ходе Лозаннской конференции Нарком иностранных дел Г.В. Чичерин достиг предварительной договоренности с представителем короля Хиджаза Х. Лutfаллой об установлении дипломатических отношений.

² Британский Архив Министерства Иностранных Дел. Ф. Россия и Хиджаз. Л. 45.

³ Хайретдинов Р.Ф. Первая дипломатическая миссия в Аравии на основе зарубежных источников // Хакимовские чтения «Россия и арабский мир: история и современность»: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Уфа: Информреклама, 2012. С. 3.

⁴ Хайретдинов Р.Ф. Первая дипломатическая миссия в Аравии на основе зарубежных источников // Хакимовские чтения «Россия и арабский мир: история и современность»: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Уфа: Информреклама, 2012. С. 3–5.

корабля являлись необходимым контекстом, в котором активная агитационная работа должна была приносить необходимые результаты. Множество тактических проектов, анонсированных и запущенных в Хиджазе К. Хакимовым, были направлены на достижение главной стратегической цели: создание Советской России – образа нового надежного и сильного геополитического центра, на который можно было опереться при освобождении аравийских государств от колониального влияния капиталистических европейских стран. Очевидно, советскому дипломату отчасти удалось достигнуть поставленной задачи. Именно по этой причине, вопреки сложившейся арабской дипломатической практике, король Хусейн «посетил советское консульство»⁵, проигнорировав дипломатические представительства европейских держав.

Политика тесного взаимодействия с арабскими правителями открывала широкие возможности для расширения идеологической работы среди арабского населения, которое от враждебности и настороженности настраивалось на позитивное взаимодействие. Совершив малый хадж (умра) в Мекку, К. Хакимов доказал, что в светском РСФСР существует религиозная веротерпимость по отношению к мусульманам. Более того, исповедующий ислам может находиться на высоком государственном посту и являться членом ВКП(б). Это не укладывалось в принципы европейской дипломатии, которая по всему миру стремилась демонстрировать свою принадлежность к западным ценностям, насаждавшая везде свои порядки. Признание К. Хакимова было связано с трансэтничностью исламского мира, в котором этническая принадлежность снимается «религиозной самоидентификацией»⁶. Однако далеко не все успехи К. Хакимова объяснялись трансэтничностью мировоззрения арабских правителей.

Государственная власть в арабском мире начала XX в. не была единой и единомыслящей. Продолжалось внутреннее военное противостояние между членами семьи Саудов, войны с Кувейтом и пограничные столкновения с другими противниками объединения. В ситуации политического «пата» была заинтересована британская дипломатия, которая в случае намечающейся победы одной из сторон направляла к побережью корабли и грозила «вмешаться в конфликт»⁷ на стороне одной из участников конфликта. Возможности Великобритании в регионе были настолько велики, что она могла в любой момент изменить ситуацию в нужную ей сторону. В таких условиях «Ибн Сауд не рассматривал в качестве противовеса британскому влиянию Советскую Россию и в Лондоне не опасались советского проникновения в Саудовскую Аравию»⁸. Управление политическими процессами на Арабском Востоке полностью находилось под контролем европейских держав, дипломатические миссии которых определяли геополитические границы арабских государств, осуществляли их защиту, контролировали систему государственного управления. В этих условиях попытки отечественных дипломатов повлиять на политическую ситуацию в регионе требовали огромных человеческих ресурсов, военных и экономических затрат, которые Советская Россия не могла себе позволить. Иллюзии, которые испытывало советское руководство относительно национально-освободительного движения в арабском мире после оценки ситуации на месте были утрачены. Оно также было управляемым. Клановое противостояние между арабскими племенами резко ограничивало возможности дипломатических игр и налаживания отношений со всеми сторонами политического процесса в условиях отсутствия военно-политической и экономической поддержки в регионе. В данных обстоятельствах стратегическая миссия Карима Хакимова – поднять арабские народы на национально-освободительную борьбу с колонизаторами, буржуазией и феодалами не могла быть исполнена в силу общественно-исторических условий. Несмотря на это, его деятельность по установлению дипломатических отношений и личных отношений с представителями местных политических элит была вполне успешной.

Однако знания и опыт, полученные советской дипломатией в период миссии К. Хакимова на Арабском Востоке, имели очень большую ценность. Это было связано с тем, что британские и французские дипломаты раскрыли советской разведке все свои знания, навыки и умения, безвозмездно и без всякого принуждения ознакомили наших специалистов с новейшими для того времени методами работы и технологиями дипломатической деятельности.

⁵ Хайретдинов Р.Ф. Первая дипломатическая миссия в Аравии на основе зарубежных источников // Хакимовские чтения «Россия и арабский мир: история и современность»: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Уфа: Информреклама, 2012. С. 3–5.

⁶ Зеленев Е.И. К вопросу о формировании современной арабо-исламской политической доктрины // Хакимовские чтения «Россия и арабский мир: история и современность»: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Уфа: Информреклама, 2012. С. 15.

⁷ Васильев А.М. История Саудовской Аравии (1745 г. – конец XX в.). Изд. второе. М.: «Классика плюс», 1999. С.288.

⁸ Валиахметова Г.Н. «Советская угроза» Ближнему Востоку и проблема арабского единства (1939–1940 гг.) // Хакимовские чтения «Россия и арабский мир: история и современность»: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Уфа: Информреклама, 2012. – С. 93.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКО-АРАБСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

I.V. Ryzhov, M.Yu. Borodina

MAIN TRENDS OF THE ECONOMIC COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND ARAB COUNTRIES NOWADAYS

Аннотация: В статье освещаются различные направления российско-арабского экономического сотрудничества. Авторы затрагивают проблемы, которые препятствуют интенсификации российско-арабских экономических отношений на современном этапе.

Abstract: The article is devoted to the various directions of economic cooperation between Russia and Arab countries. The article addresses problems that prevent the intensification of Russian-Arab economic relations nowadays.

Ключевые слова: Россия, арабский мир, Ближний Восток, экономическое сотрудничество, ТЭК, военно-техническое сотрудничество, инвестиции.

Key words: Russia, Arab world, The Middle East, economic cooperation, energy, military-technical cooperation, investment.

Регион Ближнего Востока занимает важное место в системе современных международных отношений, что предопределяется рядом экономических, географических, геополитических и других факторов. В силу этого ближневосточный регион является своего рода средоточием множества интересов крупнейших мировых держав. Не исключением стала и Россия, которую с арабским миром связывают отношения традиционной дружбы и взаимного уважения. Однако высокий конфликтогенный потенциал региона вследствие неурегулированности ближневосточного конфликта, ситуации в Ираке, Сирии, Ливии и ряде других арабских государств ставят Россию перед необходимостью выбора своей собственной обновленной стратегии в отношении арабских стран не просто как стороннего наблюдателя, но и как активного игрока в регионе Ближнего Востока. Тем более что РФ традиционно имела свои интересы в ближневосточном регионе, а политическая ситуация 2014 года, при которой Россия вынуждена искать не только новые рынки сбыта, но и новых экономических партнеров, только способствует более глубокой экономической интеграции в ближневосточный регион. Более того, для России необходимость сохранения своих позиций в ближневосточном регионе обусловлена важностью выдержать конкуренцию с Соединенными Штатами Америки как в глобальном, так и в региональном масштабе.

Как уже отмечалось выше, история взаимоотношений России и арабских стран насчитывает не один век. Царскую Россию и СССР неизменно отличал немалый интерес к Ближнему Востоку, который вписывался в рамки политики выхода к «теплым морям»¹. Благодаря советским кредитам и технической помощи арабские страны имели возможность возводить крупные объекты инфраструктуры, энергетики, металлургии, оборонной промышленности, содержать хорошо вооруженные и обученные национальные армии².

Однако с распадом СССР Россия выбрала основой своего нового внешнеполитического курса интенсификацию связей с европейскими государствами, что не могло не отразиться на арабо-российском сотрудничестве в различных областях. Ситуацию усугубил чеченский конфликт, который был воспринят как агрессия России против ислама. Новый виток российско-арабских отношений начался с приходом к власти в России В.В. Путина, который заявил, что будет придерживаться курса сближения с исламским миром. В доказательство своих слов В.В. Путин принял множество арабских гостей в России, а также сам неоднократно отправлялся в турне по Ближнему Востоку.

Интенсификацию арабо-российских отношений осложняет присутствие в регионе еще одной сверхдержавы – США. Такая ситуация будет сохраняться до тех пор, пока США не уступит свое политическое (и глобальное, и региональное) лидерство, что вряд ли возможно в ближайшей перспективе, даже несмотря на растущие амбиции в этой части планеты КНР, Индии и некоторых европейских государств.

Но, несмотря на некоторые политические разногласия и трудности, Россия и арабский мир достаточно тесно сотрудничают в экономических вопросах. По информации Российско-арабского делового

¹ Malbrunot G. La Russie au Moyen-Orient // <http://blog.lefigaro.fr/malbrunot/2012/10/la-russie-au-moyen-orient-par.html>.

² Евтушенков В. После загибья: Россия и арабский мир на новом этапе // http://www.globalaffairs.ru/number/n_5079.

совета, в 2013 г. торговый оборот между Россией и арабскими странами без учета военно-технического сотрудничества достиг 14 млрд долларов США.

Поскольку Россия исходит из понимания, что энергосырьевая отрасль является для нее наиболее значимой, то одним из основных направлений сотрудничества РФ с арабскими странами является топливно-энергетический комплекс. Основными партнерами России в этой сфере можно назвать Египет, Сирию, Алжир, а также в перспективе Саудовскую Аравию, ОАЭ и Ирак. Основными направлениями российско-арабского энергетического сотрудничества являются совместная разработка углеводородов и развитие соответствующей инфраструктуры, а перспективными могут считаться обмен технологиями, совместная реализация проектов в третьих странах, участие в программах приватизации энергетических госпредприятий.

Крупнейшие российские компании Лукойл, Газпром, Роснефть, Стройтрансгаз и другие стремятся укоренить свое присутствие в арабском регионе, внедряясь в экономику арабских стран. В 2004 г. Лукойлом заключено с Саудовской Аравией соглашение сроком на 40 лет о разработке месторождений газа на севере Руб эль-Хали, а также достигнута договоренность о строительстве нефте- и газопровода в Иордании. В 2005 г. Стройтрансгаз подписал контракты на сооружение в Сирии завода по сжижению газа (на сумму 200 млн долл.) и газопровода (на сумму 160 млн долл.). В 2006 г. в Ливии Газпром получил 3 блока нефтяных месторождений, а также договорился с ливийской Национальной нефтяной корпорацией об учреждении совместного предприятия, которое «будет работать по всем направлениям нефтяной отрасли». Кроме того, Газпром получил вместе с итальянской ЭНИ принципиальное согласие ливийской стороны на строительство газопровода из СНЛАД в Южную Европу³.

К ТЭК тесно примыкает и ядерная тематика, которая находит отражение в документах о сотрудничестве России и ряда арабских стран. Пожалуй, наиболее значимым является участие России в строительстве и проектировании атомной станции Бушер на берегу Персидского залива, которая стала первой АЭС на Ближнем Востоке.

Одновременно арабские страны представляют интерес для России в качестве рынков сбыта отечественной продукции, прежде всего промышленной, поскольку свыше 90% товарооборота составляет российский экспорт. Его страновая структура дифференцирована. Например, экспорт России в ОАЭ состоит преимущественно из драгоценных металлов и камней, металлопродукции, машин, оборудования, транспортных средств и т.д., в то время как основная часть российского экспорта в Марокко приходится на нефть и нефтепродукты, каменный уголь, серу, продукцию металлургической и химической промышленности⁴.

Россия также является крупным поставщиком вооружения в арабские страны и имеет многомиллиардные контракты на поставку вооружений и продукции двойного назначения с Алжиром, Кувейтом, Сирией. России удалось также прочно закрепиться на рынке Египта и Иордании. В 2012 г. Россия подписала с Ираком несколько крупных контрактов на покупку российских комплексов ПВО и боевых вертолетов⁵.

В последние несколько лет в экономические отношения России и арабских стран добавилась еще и инвестиционная составляющая. В 2013 г. Qatar Holding – суверенный фонд государства Катар – стал акционером российского банка ВТБ, инвестировав свыше 500 млрд долларов. Кроме того, ВТБ капитал заключил крупное соглашение с суверенным фондом Омана General reserve fund of Sultanate Oman примерно на 300 млн долларов. Очень активен на арабском направлении Российский фонд прямых инвестиций (РФПИ). Он заключил соглашение с суверенным фондом государства Кувейт Kuwait investment authority на 500 млн долларов, с суверенным фондом правительства Абу-Даби Mubadala Development Company на 1 млрд долларов, с финансовым департаментом правительства Абу-Даби на 5 млрд долларов⁶. Оптимизма добавляет и подписание между Россией и ОАЭ Соглаше-

³ Подцероб А.Б. Россия и арабский мир: торгово-экономические связи // <http://www.iimes.ru/?p=7803>.

⁴ Сенькович В. Почему арабские страны потенциально важны для экономики России? // http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1465#top.

⁵ Малышко И. Россия возвращается на Ближний Восток // <http://vpoanalytics.com/2013/11/19/rossiya-vozvrashhaetsya-na-blizhnij-vostok>.

⁶ Россия – арабский мир: широкие перспективы развития сотрудничества // http://www.tpp-inform.ru/analytic_journal/4038.html.

ния «О налогообложении дохода от инвестиций договаривающихся государств и их финансовых и инвестиционных учреждений». Соглашение предусматривает освобождение от налогов на доходы от инвестиций. В интервью телеканалу Russia Today генеральный директор Российского фонда прямых инвестиций (РФПИ) Кирилл Дмитриев, комментируя эту новость, отметил, что можно рассчитывать на инвестиции со стороны ОАЭ в российскую экономику на уровне нескольких миллиардов долларов. Речь идет о серьезных значимых проектах как в логистической сфере, так и в сфере добычи полезных ископаемых, и даже в медицине и фармацевтике⁷. Сейчас, когда западные и американские инвесторы отказываются от кредитования некоторых наших компаний, в т.ч. Роснефти, Газпрома, Сбербанка, это особенно актуально для модернизации российской экономики.

Важным достижением экономического сотрудничества России с арабским миром можно считать создание Российско-арабского делового совета (РАДС) в 2002 г. Эта организация призвана содействовать бизнес-структурам России и арабских стран и оказывать эффективную помощь в установлении деловых контактов между предпринимателями. К числу основных задач РАДСа относятся: создание совместно с каждой из арабских стран двусторонних комитетов, ответственных за реализацию конкретных проектов сотрудничества; установление прямых контактов между российскими и арабскими предпринимательскими структурами; стимулирование инновационной деятельности. За время своего существования РАДС способствовал решению многих экономических проблем в отношениях России с рядом арабских стран. В рамках РАДС успешно развивается сотрудничество в области энергетики, связи, транспорта, строительства, банковского дела, туризма⁸.

В качестве аргумента против развития активного партнерства со странами ближневосточного региона может служить задолженность ряда ближневосточных государств Российской Федерации. Так, например, задолженность Сирии перед Россией на 1 января 2004 г. составила 10,5 млрд долл. США, Ирака – 6,5 млрд, Ливии – 2,5 млрд, Йемена – 1,5 млрд⁹ долл. США. Возвращение долгов арабскими странами действительно является довольно сложной темой на переговорах, однако само по себе наличие таких сложностей не может служить поводом для отказа России от взаимовыгодных отношений со странами арабского мира. Тем более была разработана достаточно гибкая схема возврата долгов (если сравнивать с нашей достаточно твердолобой позицией в 1990-е годы), которая реально позволила сторонам продолжать сотрудничество. Более того, многим арабским странам эти долги были попросту списаны. Так, например, после того как Ливия признала свой долг перед Россией на сумму 4,6 млрд долларов США, Россия списала этот долг в обмен на новые контракты с российскими компаниями. Одним из таких контрактов стал контракт с «Российскими железными дорогами» на прокладку в Ливии железнодорожного пути между Сиртом и Бенгази протяженностью 550 км при стоимости контракта 2,2 млрд евро. Однако из-за сложной политической ситуации в Ливии реализацию контракта пришлось отложить до стабилизации обстановки. Россия также простила часть долгов советского периода Иордании, Сирии, Ираку в расчете на режим благоприятствования своей внешнеэкономической деятельности.

Совершенно очевидно, что национальным интересам России и интересам «арабской улицы» отвечает активное участие нашей страны в ближневосточном мирном процессе, а интересам безопасности региона – урегулирование в рамках этого процесса ближневосточного конфликта, стабилизация в контексте нормализации обстановки в этом регионе и становление в нем системы безопасности.

Нельзя отрицать наличие факторов, которые препятствуют реализации арабо-российских отношений. Среди них и расхождения оценок ситуации в Сирии с некоторыми арабскими странами, и сохраняющаяся нестабильная обстановка в ряде ближневосточных стран, и участие арабских стран в различных региональных интеграционных объединениях, а также активное присутствие США в регионе. Однако все эти факторы не мешают обеим сторонам продолжать активное экономическое сотрудничество в различных областях. А руководство РФ все больше понимает, что отстраненность от ближневосточных дел, от регулярного политического и дипломатического участия в них и общения как с государствами этого региона, так и с теми, кто в эти дела вовлечен совершенно не в интересах России.

⁷ Ю. Джабер Россия и арабский мир: перспективы экономического сотрудничества <http://muslimeco.ru/opubl/198>.

⁸ Российско-арабский деловой совет // <http://www.russarabbc.ru/about/>.

⁹ Задолженность иностранных государств перед Россией и управление сбалансированного федерального бюджета // <http://www.macro-econom.ru/econom-413-1.html>.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ (СРЕДНЯЯ) АЗИЯ В СТРАТЕГИЯХ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И США

CENTRAL ASIA IN THE NATIONAL SECURITY STRATEGIES OF THE RUSSIAN FEDERATION AND USA

Аннотация: В статье рассматриваются место и роль центрально-азиатского региона в Стратегии национальной безопасности РФ и США в начале XXI в., направления внешнеполитического курса государств и угрозы их безопасности, связанные с данным регионом.

Abstract: This article examines the place and role of the Central Asian region in the National Security Strategy of the Russian Federation and the United States at the beginning of the XXI century, direction of the foreign policy of these countries and threats to their security associated with this region.

Ключевые слова: Стратегия национальной безопасности, Российская Федерация, Соединенные Штаты Америки, Центральная Азия, Афганистан, энергетическая безопасность.

Keywords: National Security Strategy, the Russian Federation, the United States of America, Central Asia, Afghanistan, energy security.

В современном мире осуществление внешнеполитического курса государства требует глубокого системного анализа международных процессов. С этим связаны разработка и принятие концептуальных документов, в которых в обобщенной форме излагаются официальные воззрения на место и роль государства в мире, определяются его национальные интересы и цели, способы реагирования на угрозы безопасности. На этой основе формируется и реализуется политика государства по защите национальных интересов, разрабатываются конкретные планы их адаптации к меняющимся международным условиям.

В Российской Федерации складывается практика принятия политико-юридических документов, которые отражают совокупность официально постулируемых взглядов на цели и государственную стратегию в области обеспечения безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз различного характера.

Концепция национальной безопасности РФ (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 10 января 2000 г.), определяя национальные интересы России в международной сфере, в качестве одного из приоритетов называет развитие «равноправных и взаимовыгодных отношений со всеми странами и интеграционными объединениями, прежде всего с государствами – участниками Содружества Независимых Государств»¹. Среди основных угроз национальной безопасности в международной сфере Концепция выделяет ослабление интеграционных процессов в СНГ, возникновение и эскалацию конфликтов вблизи государственной границы Российской Федерации и внешних границ государств – участников Содружества. Наконец, в документе подчеркивается, что подобные угрозы проявляются в попытках других (не названных конкретно) государств помешать укреплению влияния России и стремлению ослабить ее позиции в различных регионах, в т.ч. в Центральной Азии (Раздел III «Угрозы национальной безопасности Российской Федерации»). По сути, авторы Концепции намекали, что на постсоветском пространстве активизировались, прежде всего, США, и стратегическое соперничество в регионе Центральной (Средней) Азии усиливается.

В Концепции назывались и иные угрозы национальной безопасности, связанные с постсоветским пространством: трансграничная преступность, международный терроризм, что, в свою очередь, усиливало значимость региона Центральной Азии для России.

Говоря о задачах в деле обеспечения национальной безопасности РФ, авторы Концепции подчеркнули, в частности, необходимость сотрудничества в военной сфере, развития «отвечающих интересам России интеграционных процессов в рамках Содружества Независимых Государств» и формирования «единого экономического пространства с государствами-участниками Содружества Незави-

¹ Концепция национальной безопасности Российской Федерации (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 10 января 2000 г. № 24). URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/1.html>.

симых Государств»². Другими словами, речь шла о сохранении влияния России и в регионе Центральной Азии.

В последующие годы руководство России стремилось с разной долей успеха реализовать указанные идеи. В мае 2001 г. вступил в силу договор о создании учреждения Евразийского экономического сообщества³, нацеленного на создание Таможенного союза и Единого экономического пространства, в которое вошли помимо России и Белоруссии Казахстан, Таджикистан и Киргизия. В октябре 2002 г. подписаны Устав⁴ и Соглашение о правовом статусе Организации Договора о коллективной безопасности, куда наряду с Россией, Белоруссией и Арменией вошли Казахстан, Киргизия и Таджикистан (в 2006 г. к организации присоединился Узбекистан). Это соглашение позволило России сохранять свое военное присутствие в Центрально-азиатском регионе.

В мае 2009 г. Указом Президента РФ утверждена «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года»⁵. В документе подчеркивается как наличие уже известных, так и появление новых вызовов и угроз для всех членов международного сообщества. В Стратегии указываются факторы, способные негативно повлиять на обеспечение национальных интересов Российской Федерации: «несостоятельность существующей глобальной и региональной архитектуры, ориентированной, особенно в Евро-Атлантическом регионе, только на Организацию Североатлантического договора» (п. 8), «рецидивы односторонних силовых подходов в международных отношениях» (п. 10), угрозы, связанные с развертыванием «в Европе элементов глобальной системы противоракетной обороны Соединенных Штатов Америки» (п. 12), «политика ряда ведущих зарубежных стран, направленная на достижение преобладающего превосходства в военной сфере» (п. 30) и т.д.⁶

Среди подобных факторов – незаконная миграция и наркоторговля, деятельность транснациональных преступных организаций и группировок, борьба за обладание источниками энергоресурсов, в т.ч. в бассейне Каспийского моря и в Центральной Азии, и ситуация в Афганистане.

В Стратегии сохраняется признание приоритетности развития «отношений двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами - участниками Содружества Независимых Государств». Особо акцентируется значимость Организации Договора о коллективной безопасности, как инструмента, призванного противостоять региональным вызовам и угрозам военно-политического и военно-стратегического характера, и Евразийского экономического сообщества, как ядра экономической интеграции (п. 13, 14). Наряду с этим в документе отмечено особое значение политического потенциала Шанхайской организации сотрудничества с точки зрения укрепления взаимного доверия и партнерства в Центрально-Азиатском регионе (п.15). Указанные структуры должны стать средством поддержания регионального порядка.

Таким образом, важность Центрально-азиатского региона с точки зрения обеспечения национальной безопасности выделена в Стратегии особо. Но в СНБ РФ признается в свойственном таким документам стиле и усиление соперничества в борьбе за влияние в регионе с США и Китаем.

В начале XXI в. в США трижды принимались Стратегии национальной безопасности, в которых явно и не явно характеризовались основные аспекты политики американского государства в Центральной Азии.

В Стратегии национальной безопасности (далее – Стратегия-2002), принятой через год после террористической атаки на США, в качестве первоочередных целей в области национальной безопасности назывались «поиск возможностей для расширения пространства свободы», нанесение поражения глобальному терроризму, необходимость быть готовыми к тому, чтобы «остановить государства-изгои и их террористических клиентов» и, соответственно, принять упреждающие меры⁷.

² Концепция национальной безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/1.html>.

³ Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества от 10 октября 2000 г. URL: <http://www.evrases.com/docs/view/3>.

⁴ Устав Организации Договора о коллективной безопасности. URL: http://www.odkb-csto.org/documents/detail.php?ELEMENT_ID=124.

⁵ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. Утверждена указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537. URL: http://www.kremlin.ru/ref_notes/424.

⁶ Там же.

⁷ Стратегия национальной безопасности Соединенных Штатов Америки. URL: <http://constitutions.ru/?p=5292>.

The National Security Strategy of the United States of America. September 2002. P. 4-7, 13-15. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/2002.pdf>.

В этом контексте особое внимание в Стратегии-2002 уделялось антитеррористической операции в Афганистане и восстановлению этой страны. Понятна и вполне логична потребность США в базах и местах дислокации на большом удалении от территории страны и необходимость стабильных маршрутов снабжения и доставки. Один из таких маршрутов – северная сеть снабжения – проходил по территории некоторых стран Центральной Азии.

Помимо этого, в Стратегии-2002 среди задач по поощрению свободной торговли в мире отмечалась необходимость усиления энергетической безопасности, что подразумевало расширение источников и видов энергоресурсов, поставляемых на мировой рынок, в частности в Центральной Азии и Каспийском регионе⁸. Таким образом, данная Стратегия фиксировала рост значимости для США центрально-азиатского региона в начале XXI в.

США предприняли усилия по развитию военно-политического и экономического сотрудничества со странами региона. Вместе с тем, как отметил А.А. Казанцев, американский подход к политике в Центральной Азии был на практике противоречивым. С одной стороны, США должны с максимальной активностью защищать свои интересы в регионе, поскольку именно США представляют собой воплощение идей свободы и демократии. Но защита американских интересов будет более эффективной, результаты антитеррористической операции – более стабильными в случае смены политических ориентаций региональных режимов, т.е. их демократизации⁹. Это в итоге порождало напряжение в отношениях США и режимами региона, явно не готовыми к «расширению пространства свободы». Данное обстоятельство вызвало в т.ч. усиление соперничества с Россией в рассматриваемом регионе. Хотя сохранялась и основа для сотрудничества, связанная с заинтересованностью в стабильном неисламистском Афганистане¹⁰.

В 2006 г. администрация Д.У. Буша принимает несколько видоизмененный вариант Стратегии национальной безопасности¹¹ (далее – Стратегия-2006). Документ, в целом, сохранил преемственность со Стратегией-2002. В качестве главных угроз названы терроризм, вдохновляемый агрессивной идеологией ненависти и насилия, а также распространение опасных видов вооружений. Много внимания уделяется позитивным переменам в Афганистане и, вообще, успехам в деле распространения демократии в Евразии (Раздел II «Поддержка стремления людей к обеспечению уважения своего достоинства»; Раздел III «Укрепление союзов с целью нанесения поражения глобальному терроризму и меры по предотвращению агрессии против нас и наших друзей»)¹².

В разделе VIII Стратегии-2006 «Разрабатывать планы совместных действий с другими главными центрами глобального влияния» отмечается, что Южная и Центральная Азия – регион, который имеет большое стратегическое значение, и где как никогда прежде затрагиваются интересы и ценности Америки. Цель же США в том, чтобы весь регион был бы демократичным, преуспевающим и мирным. Касательно Центральной Азии подчеркивается, что пять стран региона различны, их отношения с США будут также различаться. Но США должны добиваться здесь эффективной демократии, расширения рыночных реформ, диверсификации глобальных источников энергии, повышения безопасности и победы в войне с террором.

Одновременно признается, что Россия в силу географического положения и мощи оказывает большое влияние на многие регионы, входящие в сферу жизненно важных интересов США, в т.ч. на Южную и Центральную Азию. Задача США в этой связи – поощрять Россию «уважать ценности свободы и демократии у себя дома и не препятствовать делу свободы и демократии в этих регионах»¹³.

Таким образом, Стратегия-2006, зафиксировав стратегическое значение региона Центральной Азии для США, отметила и рост напряжения в российско-американских отношениях, и обострение соперничества в регионе.

⁸ The National Security Strategy of the United States of America. P. 19–20.

⁹ Казанцев А.А. Политика США в постсоветской Центральной Азии: характер и перспективы // Вестник МГИМО-Университета, 2012. №4. С. 159.

¹⁰ Манкофф Дж. Политика США в Центральной Азии после 2014 года. URL: http://carnegiendowment.org/files/ProEtContra_58-41.pdf.

¹¹ The National Security Strategy of the United States of America. March 2006. URL: http://nssarchive.us/?page_id=29.

¹² Ibidem. P. 2–3; 8–9.

¹³ Ibidem. P. 39.

Президент Б.Обама пришел к власти с лозунгом пересмотра некоторых направлений внешней политики США. Администрация обещала вывести войска из Ирака, сосредоточить усилия на Афганистане и Пакистане. Была объявлена «перезагрузка» отношений с Россией. В 2010 г. принимается очередная Стратегия национальной безопасности США (далее – Стратегия-2010). В данном документе не установлена специфическая система региональных приоритетов США за исключением так называемого «Большого Среднего Востока»¹⁴.

Одной из приоритетных задач в сфере безопасности в Стратегии-2010 называется нанесение «поражения аль-Каиде и ее филиалам в Афганистане, Пакистане, и по всему миру»¹⁵. Соответственно, продолжение военных действий в Афганистане и необходимость обеспечить устойчивое функционирование северной сети снабжения недвусмысленно привязывает интересы США к Центральной Азии. В документе подчеркнута значимость борьбы с наркотрафиком¹⁶, что в условиях растущей «наркотизации» экономики Афганистана стало существенной проблемой для всех стран региона и потенциальным источником усиления нестабильности.

В данной стратегии руководство США заявило о стремлении построить стабильные, состоятельные, многомерные отношения с Россией, основанные на взаимных интересах, выражалась надежда на более значительное сотрудничество в противодействии насильственному экстремизму в Афганистане, что означало намерение изменить американо-российские отношения и применительно к Центральной Азии. Все это должно было приглушить американо-российскую конкуренцию в регионе. По мнению А.А. Казанцева, Америка де-факто пыталась «вернуться к образцам политики на постсоветском пространстве, характерным для второй половины 1990-х гг., когда противостояние между Россией и США еще не превратилось в идеологическую конфронтацию»¹⁷. Хотя и здесь были пассажи в адрес России о необходимости соблюдать международные нормы и поддержке Соединенными Штатами суверенитета и территориальной целостности ее соседей.

Среди ключевых национальных интересов Стратегия-2010 выделяет создание условий для экономического процветания США, что связывается с ростом интегрированной глобальной экономики, открытостью рынков, обеспечением энергетической безопасности, осуществлением долгосрочных инвестиционных проектов и т.д.¹⁸, что отмечалось и в предыдущих Стратегиях, но несколько в иной форме.

В Стратегии-2010 постулируется необходимость уважения универсальных демократических ценностей и распространения их во всем мире, что увязывается с долгосрочной безопасностью и процветанием страны¹⁹. В данном аспекте нельзя не заметить преемственность стратегий Д.У. Буша и Б. Обамы, а также то, что в Центральной Азии стремление распространить универсальные ценности вызывало настороженность.

Показателен интерес, который США проявили к возможности повторения в Центральной Азии событий «арабской весны». Так в мае 2011 г. в Конгрессе США состоялись слушания, на которых рассматривалась проблема влияния ближневосточных революций на страны постсоветской Азии. Участники слушаний разошлись во мнениях относительно вероятности революций в странах региона, но некоторая схожесть положения и процессов в двух регионах не отрицалась²⁰.

Помощник государственного секретаря по вопросам Южной и Центральной Азии Роберт Блейк-младший, выступая в Школе продвинутых международных исследований в январе 2012 г., отметил: «Мы не рассматриваем наше взаимодействие со странами Центральной Азии как неизбежный выбор между развитием отношений безопасности и основными ценностями, такими как пра-

¹⁴ National security strategy of the United States. May 2010. Washington, DC, 2010. P. 24. URL: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf.

¹⁵ Ibidem. P. 1. 19–20.

¹⁶ Ibidem. P. 33.

¹⁷ National security strategy of the United States. May 2010. P. 44. Казанцев А.А. Политика США в постсоветской Центральной Азии: характер и перспективы. С. 161.

¹⁸ National security strategy of the United States. May 2010. P. 33–34.

¹⁹ Ibidem. P. 37.

²⁰ «Арабская весна» в Центральной Азии? URL: <http://www.golos-ameriki.ru/content/hearing-arab-spring-2011-05-11-121674639/234469.html>.

ва человека. Прогресс в одном вопросе может помочь укрепить или создать стимулы или прогресс по другим вопросам»²¹.

В целом, в рассмотренных вариантах Стратегии Соединенных Штатов Центральная Азия рассматривается как регион, в котором сплелись разнообразные угрозы национальной безопасности страны, где США имеют разнообразные интересы и сталкиваются с конкуренцией со стороны региональных держав.

Таким образом, в Стратегиях национальной безопасности Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки подчеркивается особая роль Центральной Азии с точки зрения обеспечения национальной безопасности государств. Война в Афганистане, транснациональные угрозы, конфликтный потенциал самого региона в этой связи выделяются особо. Это, в свою очередь, может объективно способствовать сотрудничеству России и США, но может обернуться усилением противоречий и соперничества. Очевиден различный подход держав к ряду проблем: соблюдение прав человека, развитие интеграционных процессов в Центральной Азии. В качестве примера можно привести инициативу администрации Обамы, разрабатывавшуюся с 2009 г. и выдвинутую в 2011 г. госсекретарем Х. Клинтон, «Новый Шелковый путь»²². Этот путь – трансконтинентальный коридор, который должен связать страны Южной и Центральной Азии, Афганистан и Европу, но в связи с реализацией политических и экономических интересов США.

Наконец, следует отметить, что для подобных документов, очерчивающих взгляды руководства государств на проблему обеспечения национальной безопасности, характерны завуалированность и маскировка высокопарной риторикой конкретных целей и задач.

Список использованных источников

1. «Арабская весна» в Центральной Азии? URL: <http://www.golos-ameriki.ru/content/hearing-arab-spring-2011-05-11-121674639/234469.html>.
2. Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества от 10 октября 2000 года. URL: <http://www.evrages.com/docs/view/3>.
3. Казанцев А.А. Политика США в постсоветской Центральной Азии: характер и перспективы // Вестник МГИМО-Университета, 2012 – №4.
4. Концепция национальной безопасности Российской Федерации (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 10 января 2000 г. № 24). URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/1.html>.
5. Манкофф Дж. Политика США в Центральной Азии после 2014 года. URL: http://carnegiendowment.org/files/ProEtContra_58-41.pdf.
6. Помощник госсекретаря Блейк о политике США в Центральной Азии. URL: <http://russian.ashgabat.usembassy.gov/policy20120127.html>.
7. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537. URL: http://www.kremlin.ru/ref_notes/424.
8. Стратегия национальной безопасности Соединенных Штатов Америки. URL: <http://constitutions.ru/?p=5292>.
9. США выводят страны Центральной Азии на Новый Шелковый путь. URL: <http://www.uznews.net/ru/politics/18207-ssha-vyvodat-strany-centralnoj-azii-na-novuj-shelkovyj-put>.
10. Устав Организации Договора о коллективной безопасности. URL: http://www.odkb-csto.org/documents/detail.php?ELEMENT_ID=124.
11. The National Security Strategy of the United States of America. September 2002. P. 4–7, 13–15. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/2002.pdf>.
12. The National Security Strategy of the United States of America. March 2006. URL: http://nssarchive.us/?page_id=29.
13. National security strategy of the United States. May 2010. Washington, DC, 2010. P. 24. URL: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf.

²¹ Помощник госсекретаря Блейк о политике США в Центральной Азии. URL: <http://russian.ashgabat.usembassy.gov/policy20120127.html>.

²² США выводят страны Центральной Азии на Новый Шелковый путь. URL: <http://www.uznews.net/ru/politics/18207-ssha-vyvodat-strany-centralnoj-azii-na-novuj-shelkovyj-put>. Помощник госсекретаря Блейк о политике США в Центральной Азии. URL: <http://russian.ashgabat.usembassy.gov/policy20120127.html>.

УЧАСТИЕ РОССИИ В БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

I.V. Ulyanova

PARTICIPATION OF RUSSIA IN THE FIGHT AGAINST TERRORISM IN SOUTHEAST ASIA

Аннотация: В статье рассматриваются роль и место России в вопросах обеспечения региональной безопасности в Юго-Восточной Азии в контексте борьбы с международным терроризмом. Автор приходит к выводу о том, что активное участие в данной сфере способствует укреплению позиций РФ в ЮВА.

Abstract: The article discusses the role and place of Russia in terms of regional security in Southeast Asia in the context of the fight against international terrorism. The author comes to the conclusion that the active participation of the Russian Federation in this area contributes to the spread of Russian influence in Southeast Asia.

Ключевые слова: Россия, АСЕАН, региональная безопасность, международный терроризм, сотрудничество.

Key words: Russia, ASEAN, regional security, international terrorism, cooperation.

Юго-Восточная Азия является вторым после Ближнего и Среднего Востока регионом, где развернулась активная борьба с международным терроризмом. Данная проблема для Юго-Восточной Азии сегодня приобретает новый ракурс: если раньше крупнейшая террористическая сеть в лице «Аль-Каиды» рассматривала данный регион скорее как вспомогательный (отмывание денег, подготовка фальшивых документов, нелегальная торговля оружием), то теперь он может считаться самостоятельным объектом для деятельности радикальных группировок.

Для региона также характерен морской терроризм. В первую очередь следует отметить разнообразие возможных объектов для морских террористических атак в прибрежных водах стран ЮВА. Их следствием, как правило, являются большое количество жертв, подрыв международной экономической деятельности и международного транспортного сообщения, захват морских специалистов в целях практического использования (например, обучение террористов управлению кораблями), создание условий для экологической катастрофы [3]. Атаки пиратов на этих крупнейших транзитных морских путях вполне способны надолго парализовать и международную торговлю. К примеру, если в Малаккском проливе на фарватере затопить либо подорвать захваченный один или несколько танкеров с нефтью или нефтепродуктами (или танкер-химовоз), то пролив надолго будет блокирован – на недели или даже месяцы, а возможно, и намного больше, если будет использоваться «грязная бомба», подобная той, которая, по сообщению «Вашингтон Таймс» со ссылкой на секретные доклады американской разведки, имеется у боевиков «Аль-Каиды», действующих в Ираке под руководством Абу Мусаба аль-Заркави [2].

Основной базой для террористических группировок в регионе является Индонезия, где в 1970-х гг. сформировалась исламская община «ДжемааИсламия» (ДИ). В планах у лидеров «ДжемааИсламии» – создание исламского государства. Цели группировки – дестабилизация обстановки в регионе путем террористических актов и установление исламистских режимов в Брунее, Индонезии, Малайзии, Сингапуре и на Филиппинах.

Среди громких террористических актов ДИ наибольший резонанс имели взрывы на Бали в 2002 г., унесшие жизни 202 человек, в т.ч. иностранцев. Примечательно, что остров и до этого привлекал взоры террористов, видевших в этом регионе не только оплот индуизма в Индонезии, но и средоточие разврата, который, по мнению лидеров ДИ, приносили и распространяли среди местного населения иностранные туристы [9]. «ДжемааИсламия» также ответственна за взрывы у отеля «Маритотт» в Джакарте в августе 2003 г., несколько терактов в христианских храмах Индонезии в 2000 г., унесших жизни 19 человек, и множество взрывов на Филиппинах, взрыва у австралийского посольства в Джакарте 9 сентября 2004 г., жертвами которого стали 9 человек и свыше 180 получили ранения [9].

Наряду с «ДжемааИсламия» в регионе орудует много других террористических групп. В большинстве случаев свои действия они прикрывают лозунгами создания исламистских государств. Эксперты отмечают сращивание мелких местных террористических группировок с «Аль-Каидой»; многие

из них, в т.ч. и «ДжемааИсламия», фактически являются ее филиалами [1]. В 2002 г. в Индонезии возникла новая террористическая группировка «Нусантара» («Архипелаг»). Организация поддерживает тесные связи с другими террористическими группировками и весьма активно действует на территории Малайзии, Сингапура, Филиппин и Индонезии. Финансовую помощь новой группе оказывает «ДжемааИсламия» [5].

«ДжемааИсламия» заключила союз и с местной филиппинской террористической организацией «Абу-Сайяф», которая базируется на населенном мусульманами острове Минданао (Южные Филиппины). Ее цель – создание исламского государства иранского типа. «Абу-Сайяф» насчитывает от 200 до 2000 активных боевиков, имеет базы в соседней Малайзии, печально известна также похищениями людей, чтобы за счет полученных выкупов финансировать собственную деятельность. На счету боевиков организации взрыв в начале 2004 г. парома «Суперферри-14», выполнявшего внутренний рейс в город Баколод. Жертвами теракта стали 187 человек, многие из которых до сих пор официально числятся пропавшими без вести [9].

Среди причин подъема транснационального религиозного экстремизма в Юго-Восточной Азии в первую очередь следует отметить процессы глобализации с их весьма неоднозначными последствиями. Ускоренная модернизация, с одной стороны, привела к стремительному экономическому подъему большинства стран ЮВА, но с другой – к дифференциации общества, коррупции и обнищанию значительных слоев населения. Усугубил ситуацию Азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг.: безработица достигла 25% от общего числа населения, инфляция превысила 20% за год, упали показатели экспорта и внешних инвестиций [1]. Это ослабило институты власти в странах Юго-Восточной Азии, серьезно осложнив там политическую ситуацию. Радикалы и экстремисты сыграли именно на переживаемых странами региона трудностях, выступив с жесткой критикой правящих режимов. Все это способствовало расширению социальной базы протестных движений, включая их радикально-экстремистский компонент.

Другим не менее важным фактором подъема радикальных настроений в Юго-Восточной Азии стала активизация политики США в регионе, усиление американского давления на страны АСЕАН, прежде всего по линии финансово-экономического взаимодействия. Ответной реакцией стал рост антизападных, а именно антиамериканских настроений, которые создавали благоприятную почву для распространения радикальных идей. Не случайно террористическим атакам в Юго-Восточной Азии, как правило, подвергаются объекты экономической инфраструктуры. Так, теракты на острове Бали в октябре 2005 г. нанесли серьезный урон туристическому бизнесу в государствах региона, а следовательно, их экономике [1].

Россия в последнее десятилетие стремится к налаживанию взаимовыгодных связей с динамично развивающимися государствами Юго-Восточной Азии. Углубление сотрудничества с АСЕАН неизменно остается в числе приоритетных направлений азиатской политики РФ. «Россия видит в Ассоциации один из полюсов влияния в АТР, ядро региональных интеграционных процессов, своеобразное поле притяжения как для азиатских, так и для внерегиональных государств», – отметил официальный представитель Министерства иностранных дел России А. Яковенко [6]. И Россия, и АСЕАН нуждаются в диверсификации экономических и торговых партнеров, в создании в регионе новой системы политических и экономических отношений.

В этом процессе исключительно важную роль играет сотрудничество сторон в рамках международной антитеррористической коалиции и организации совместной борьбы с транснациональной преступностью. Заинтересованность России в искоренении терроризма и других очагов напряженности в Юго-Восточной Азии, прежде всего, объясняется необходимостью создания безопасных условий для реализации совместных бизнес-проектов, экономической деятельности российских граждан, а также для многочисленных российских туристов. К примеру, в настоящее время Росатом осуществляет проект по строительству плавучих АЭС (ПАЭС) с целью продажи их на условиях лизинга (без последующей передачи новому владельцу) в страны Юго-Восточной Азии. По мнению экспертов, ПАЭС в первую очередь могут стать объектами террористических атак. Обеспечить защиту подводной части ПАЭС от торпедного удара или диверсантов, а надводной – от ракетно-бомбового удара или падения воздушного судна очень сложно [4].

Среди приоритетных задач борьбы с терроризмом в ЮВА авторитетный российский востоковед Л.Е. Васильев выделяет такие, как усечение жизненного пространства терроризма, пресечение финансовых потоков, питающих терроризм, ликвидация подпольных террористических сетей [1].

Первым шагом в организации антитеррористической коалиции в ЮВА стала Декларация о сотрудничестве в борьбе с международным терроризмом, подписанная представителями РФ и всех членом АСЕАН 2 июля 2004 г. в Джакарте. В Декларации был отмечен важный вклад России в борьбу с терроризмом через участие в таких международных организациях, как ШОС и ОДКБ. В документе также подчеркивалось, что со своей стороны страны АСЕАН через организацию АСЕАНПОЛ имеют опыт многостороннего взаимодействия в контртеррористической борьбе. В рамках подписанного соглашения предусматривались совместные разработки и семинары, обучение кадров, подготовка и, при необходимости, осуществление специальных операций. Иными словами, данный документ создает широкие возможности для взаимодействия между Россией и партнерами из Юго-Восточной Азии для эффективной борьбы с террористическими угрозами в ЮВА [8].

Важное измерение российско-асеановского партнерства – это взаимодействие в рамках Регионального форума АСЕАН (АРФ) по безопасности. Россия является одной из его основателей, а в прошлом была сопредседателем Межсессионных встреч АРФ по сотрудничеству в области ликвидации последствий стихийных бедствий (1998–2000 гг.) и Межсессионных встреч АРФ по противодействию терроризму и транснациональной преступности (2003–2004 гг.), принимает активное участие в ежегодных министерских сессиях и межсессионной деятельности Форума. Также 8–9 апреля 2010 г. в Ханое было принято решение 16-го саммита АСЕАН в поддержку подключения России к механизму Восточноазиатских саммитов, что отражает новые политические и экономические реалии АТР и созвучно стремлению России активно участвовать в создании современной архитектуры безопасности и сотрудничества в регионе.

Что касается перспектив дальнейшего совместного противодействия РФ и АСЕАН международному терроризму, то планируется расширение сотрудничества между правоохранительными органами, исследовательскими учреждениями и научными центрами, а также укрепление связей с Интерполом, Европолом, АСЕАНполом, Антитеррористическим центром СНГ и Региональной антитеррористической структурой Шанхайской организации сотрудничества. Кроме того, стороны будут обмениваться разведанными и информацией о финансировании террористов, мерах по борьбе с терроризмом, сотрудничать в разработке более эффективной контртеррористической политики.

Россия и АСЕАН также договорились сотрудничать в противодействии терроризму на транспорте и вопросах пограничного и иммиграционного контроля, в пресечении потока материалов и денежных средств и перемещения лиц, связанных с террористами. Предполагается, что в России и странах Ассоциации будут созданы специальные органы для координации действий правоохранительных структур и ведомств, занимающихся противодействием финансированию терроризма [7].

В настоящее время Россия еще не выстроила систему развитых и разветвленных связей с большинством стран ЮВА, поэтому пока она не воспринимается АСЕАН в качестве партнера такого же уровня, как, скажем, США или Китай. Однако наметившиеся в последние годы положительные тенденции в этом вопросе свидетельствуют о том, что в обозримом будущем у России появляется реальный шанс существенно усилить свое влияние в данном регионе. Происходящие в Юго-Восточной Азии процессы непосредственно затрагивают российские интересы, связанные, прежде всего, с обеспечением безопасности и стабильности национальных дальневосточных рубежей, поэтому Россия выступает за углубление регионального диалога по всему спектру сотрудничества: от вопросов экономического взаимодействия до военно-политической проблематики.

Список использованных источников

1. Васильев Л.Е. Проблемы безопасности в восточной Евразии. Борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. М.: ИДВ РАН, 2009.
2. Заркави спрятал в Афганистане «грязную бомбу». URL: <http://lenta.ru/news/2005/04/20/zarqawi/>.
3. Колдунова Е.В. Нетрадиционные аспекты безопасности в Юго-Восточной Азии: характерные черты и тенденции эволюции // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. М: ИДВ РАН, 2006.
4. Кузнецов В.М., Яблоков А.В., Десятов В.М., Форофонов И.В., Никитин А.К. Плавучие АЭС России: угроза Арктике, мировому океану и режиму нераспространения. Рязань: «Сервис», 2000.
5. Новая группировка исламистов. URL: http://www.rosconcert.com/common/arc/story.php?id_cr=42&id=4405.

6. Ответы официального представителя МИД РФ А. Яковенко на вопросы российских СМИ в связи с предстоящими в Джакарте мероприятиями по линии АСЕАН // Материалы МИД №1496 от 30.06.2004. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/sitemap.nsf>.

7. Россия и АСЕАН планируют создать совместную рабочую группу по борьбе с терроризмом. URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=709201>.

8. Совместная Декларация Российской Федерации и АСЕАН о сотрудничестве в борьбе с международным терроризмом от 02.07.2004 г. Джакарта. URL: <http://asean.mgimo.ru/ru/partnerstvo>.

9. Сучков Г.В. Исламский экстремизм в Индонезии на стыке XX и XXI столетий: структура, цели, идеологическая подоплека деятельности «ДжемааИсламия» // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. М: ИДВ РАН, 2012.

Б.Г. Фаткулин

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ЭКСПЕРТНЫМИ СООБЩЕСТВАМИ СТРАН СРЕДНЕГО ВОСТОКА (НА ПРИМЕРЕ РОССИЕВЕДЧЕСКОГО ЭКСПЕРТНОГО СООБЩЕСТВА ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН)

B.G. Fatkulin

THE WAYS OF INTERACTION ENHANCEMENT BETWEEN THE EXPERT COMMUNITIES OF RUSSIA AND THE MIDDLE EAST STATES (THE ISLAMIC REPUBLIC OF IRAN AS AN EXAMPLE)

Аннотация: В статье рассматриваются особенности взаимодействия российского и иранского экспертных сообществ. Раскрываются проблемы, препятствующие результативному сотрудничеству и предлагаются пути интенсификации контактов между экспертными сообществами РФ и Ирана.

Annotation: The article discusses the key features of the interaction between the Russian and the Iranian expert communities. The challenges for the effective bilateral cooperation are revealed and the ways of intensifying cooperation between expert communities of Russia and Iran are proposed.

Ключевые слова: Иран, Россия, экспертное сообщество, зарубежное руссиеведение, российское ирановедение.

Key words: Iran, Russia, the expert community, foreign Russian studies, Russian Iranistics.

Циничная политика США и ЕС на пространстве «советского наследия», попытки оказывать давление на Россию в вопросах ее стратегических интересов привели к тому, что идея о безальтернативности так называемого «западного пути» для России, усиленно культивировавшаяся в 90-х годах прошлого века, все больше теряет сторонников среди населения нашей страны. В связи с этим все большую актуальность приобретает задача поиска новых стратегических партнеров для России в разных регионах мира, в т.ч. и на Среднем Востоке. Россия все больше обращает свои взоры на Иран, как на партнера, обладающего большим потенциалом для взаимовыгодного взаимодействия.

Основным залогом крепких партнерских отношений между странами является взаимное доверие между элитами этих стран и умение добиваться коллективных целей консолидированными усилиями. Хорошее знание особенностей элиты того или иного государства является необходимым для выработки стратегии двусторонних отношений. В свете этого тезиса экспертное сообщество как особая категория элиты требует к себе пристального внимания исследователей.

В Иране, претендующем на роль региональной державы и проводящем активную внешнюю политику, налицо множество экспертов по различным регионам мира, есть свои американисты, китаисты, латиноамериканисты, африканисты и т.д. Однако на стыке двух государств – Ирана и России работают именно «россиеведческое экспертное сообщество Ирана» и «ирановедческое экспертное сообщество России». В данной статье мы коснемся особенностей этих двух групп.

Институты экспертного сообщества формируют общественное мнение, занимаются международной деятельностью и таким образом влияют на внешнюю политику страны. В ИРИ существует

немало специализированных исследовательско-аналитических центров, занятых разработкой внешнеполитических проблем. Некоторые из них связаны напрямую с государственными структурами, как, например, Центр стратегических международных исследований МИДа ИРИ, Центр стратегических исследований Совета по целесообразности, исследовательские центры при парламенте и Совете экспертов. Такое специализированное учреждение как ИРАС – Центр евразийских исследований, вносит значительный вклад в разработку подходов к развитию отношений Ирана с Россией, Центральной Азией и Кавказом. Безусловно, в каждой из вышеперечисленных структур есть и эксперты по России.

Взаимоотношения экспертных сообществ разных стран зависят от предыстории их отношений и других факторов. В частности, водораздел актуальности России в глазах иранских экспертов проходит по границам деления Ирана на российскую и британскую зоны влияния, сложившимся еще в ходе «Большой Игры». Российское присутствие от этой черты было сравнительно незначительным. Кроме того, южная часть Ирана, выходящая к Индийскому океану, географически более удалена от России. Не случайно, что житель Исфахана знает о России гораздо меньше, чем житель Анзали, Решта, Тегерана, Казвина, Джульфы или Астары.

В определенной степени на взаимоотношения иранского и российского экспертных сообществ до сих пор падает тень негатива 90-х годов, когда отношения между экспертными сообществами двух стран были серьезно подорваны. В «лихие» 90-е годы политические решения в России принимались в основном представителями т.н. «западнического крыла» в российской элите. Это приводило к утере взаимопонимания между Россией и Ираном. Стоит процитировать высказывание одиозного министра иностранных дел России Козырева, в своих рассуждениях зачем-то упомянувшего Иран «всуе»: «Я считаю, – говорил он, – что никакого другого интереса человеческого, кроме того, чтобы жить хорошо, не существует. А хорошо живут на Западе. И потому вектор нашего национального и государственного интереса не на Востоке, а на Западе. Возьмите почвенника, язвенника, трезвенника, олигарха, челнока – все они, как только заработают копейку, стремятся почему-то во Францию, в Швейцарию, в Австрию, а не в Иран и Ирак». Подобные примитивные высказывания прозападных российских функционеров в то время стали в глазах иранцев аргументом для переоценки роли России в мире, привели к восприятию России в мире как страны, утратившей былую мощь и самостоятельность при решении мировых проблем.

Да и некоторые россияне, на короткое время поверив, что «Россия – це Европа», сами некоторое время пытались играть роль «западных культуртрегеров» в отношении этого древнего государства. На фоне «железобетонной» иранской идентичности и превосходства тысячелетней иранской культуры над «культурой малиновых пиджаков» их жалкие попытки выглядели довольно комично. В то же время иранские либералы-неформалы, слыша фразы о демократии и «невидимой руке рынка», искренне поверили в либерализм в России и даже искали сочувствия у российских либералов. Дальнейшее доброжелательное отношение России нулевых и десятых годов к руководству Ирана и поддержка Россией легитимности иранского руководства перед лицом антииранской истерии вызвало у небольшого числа иранских либералов разочарование и даже переход на сторону западных критиков РФ.

Время доказало бесперспективность слепого копирования западных стандартов для России. За нулевые и десятые годы многое изменилось. Появилось множество новых идей: «суверенной демократии», евразийство, ШОС, БРИКС, ОДКБ и т. д. Иран вошел в ШОС в качестве наблюдателя, активно отстаивает общие с Россией интересы в Организации прикаспийских государств.

Для изучения экспертного сообщества Ирана недостаточно устоявшихся политологических шаблонов. Традиционное деление экспертного сообщества на реформаторов и консерваторов не отражает истинной сущности иранского экспертного сообщества. Дискуссии в иранском экспертном сообществе отражают мнения различных течений исламских глобалистов, регионалистов, прагматиков, делающих акцент на экономические и культурные факторы, националистов и даже «прозападников» и нуждаются в дальнейшем мониторинге со стороны российских ирановедов.

Однако у иранских экспертов при всем спектре их политических взглядов есть и общие черты. При общении с иранскими россияедами надо быть готовым к аргументированному ответу на множество отрицательных стереотипов, о которых не догадываются обычные россияне. Среди них русско-персидские войны и завоевания России на Кавказе, присутствие российских и британских войск на территории Ирана в годы второй мировой войны, пребывание советского ограниченного контингента в Афганистане, военная помощь Советского Союза Ираку в годы ирано-иракской войны и т.д.

В нулевые и десятые годы XXI в. в иранском руссиеведческом сообществе произошли некоторые изменения:

- Значительно возросло число молодых иранцев, владеющих русским языком. Определенное количество иранцев теперь постоянно находится не только «в обеих столицах», но и в центрах российских субъектов федерации. Хотя иранских землячеств такого масштаба, как в Европе, Канаде и США, в России нет и не предвидится, тем не менее в крупных городах начали появляться группы иранцев, общающихся на постоянной основе.

- От «руссиеведческого» экспертного сообщества Ирана отпочковались направления «кавказоведов», «специалистов по Казахстану и Средней Азии».

- Требования к иранским руссиеведам существенно возросли. Разумеется, при оценке компетентности иранского исследователя, претендующего на статус «руссиеведа», обязательным условием является хорошее знание им русского языка, естественно, вкупе со знанием других языков. Стремление выдвинуть на первый план свое знание английского языка и нежелание учить трудный русский язык может сослужить плохую службу иранскому руссиеведу, т.к. информацию о России он будет вынужден получать исключительно из глобальных англоязычных информационных сетей, что будет делать его точку зрения о России предвзятой и однобокой.

При выработке отношения к иранским руссиеведам следует учитывать и вероятную их принадлежность к так называемой контрэлите, то есть потенциальной элите, ставящей своей целью осуществление смены действующих элит и предлагающей себя в этом качестве. Часть иранского экспертного сообщества, в т.ч. и либеральных руссиеведов, можно причислить к контрэлите.

Как и во всем мире, в Иране, конечно, имеется и определенная часть исследователей, получающих гранты от западных университетов. Среди них есть и те, которые занимаются российской тематикой. Нельзя недооценивать значение английского языка в научном мире, нарочитое же его употребление вместо фарси в дискуссиях даже с ираноязычными российскими экспертами является отличительной чертой иранского либерала. Бросается в глаза, что иранская либеральная контрэлита, из-за недостатка слов переходя автоматически на английский язык, неосознанно повторяет идеи о России, вычитанные из западных околополитических таблоидов.

Среди иранских экспертов есть и такие, которые ориентированы на Запад. Они в свое время получили образование в Европе и США, и идеи либерального рынка и монетаризма им более близки и понятны, чем «экономика сопротивления», провозглашенная духовным лидером Ирана. Западные же компании, насчитывающие полувековую, а то и вековую историю своего присутствия в Иране, имеют с ними больше точек соприкосновения, чем российский или китайский бизнес. При этом иностранные представители не скупятся на обещания подарков и «приятных финансовых бонусов» тем, кто не только способствует продвижению западных компаний на иранские рынки, но и одновременно создает препоны для российского и китайского бизнеса.

К счастью для России и Ирана, прозападное лобби пока не имеет серьезного влияния на основные политические и экономические решения Тегерана. За противостоящими им консерваторами стоит Корпус стражей исламской революции, ставший за тридцать пять лет существования Исламской республики, помимо прочего, и могущественной финансово-промышленной корпорацией.

За консерваторами стоят иранские промышленники, для которых санкции – совсем даже не катастрофа, поскольку существенно сократили приток в страну дешевого импорта, стимулировали собственное производство и развитие собственных технологий. И для КСИР, и для «производственников» предлагаемый т. н. «технократами и прагматиками» путь интеграции иранской экономики в экономику глобальную, прямая зависимость от доллара, ВТО и прочие атрибуты западной экономической модели означают утрату командных позиций и превращение страны в очередной «сырьевой придаток». И, главное, утрату в значительной степени суверенитета и независимости.

Альтернативную точку зрения о России иранские эксперты получают разными путями. Разумеется, это их право решать, откуда брать информацию. Часть иранских экспертов сочувственно относилась к «Зеленому движению» иранского «креативного класса».

В настоящее время открытое сотрудничество иранских руссиеведов с американскими исследовательскими центрами является для иранцев «моветоном». Однако у многих иранских экспертов есть право и возможность работать «на нейтральной территории» с европейскими странами, например, с Германией.

Многие иранские эксперты работают по российской тематике в связи с проблемами Кавказа совместно с европейскими экспертами. Поскольку Закавказье, Кавказ и Прикаспийский регион находятся в приоритете у иранских экспертов в связи с географической близостью и общим культурным

наследием, то некоторые закавказские государства, в частности Грузия, могут рассматриваться как своего рода культурный мостик между Ираном и Западом, площадка для неформальных контактов иранских и европейских экспертов.

Прямые контакты между иранскими и российскими либералами затруднены, поскольку либералам России Иран неинтересен, а Запад и США не заинтересованы в проникновении посторонних (хотя бы и российских) сил на иранское либеральное поле.

Тесные связи иранских ученых с закавказскими государствами приводят к тому, что некоторые иранские эксперты-кавказоведы иногда глядят на Россию глазами русскоязычных грузин, азербайджанцев или армян. В ряду «советчиков» особняком стоят грузины, которые разрабатывают российскую тематику на европейские научные гранты. Представители иранского экспертного сообщества – этнические азербайджанцы, среди которых есть и приверженцы пантюркизма, могут переносить на себя отношение азербайджанцев к России. На иранских экспертов этнических азербайджанцев, свободно понимающих научную литературу на турецком языке, влияют и турецкие взгляды на Россию. В этой связи закономерным выглядит интерес этих экспертов к проблемам тюркоязычных народов в России и СНГ.

Отдельного изучения требуют иранские эксперты по России, находящиеся в эмиграции. Расстояние уже больше не является помехой, т.к. новые технологии и социальные сети укрепили отношения между иранской диаспорой и страной. Эксперты иранского происхождения могут транслировать в иранское общество идеологию страны своего проживания (Швеции, Норвегии, Германии и т.п.)

За последние годы изменения произошли и в российско-иранской элите Ирана:

1. От советской иранистики отделились иранистические центры, находящиеся в СНГ. Теперь они изучают Иран исходя из своих национальных интересов.

2. Иранистика сделала шаг в российские регионы (субъекты федерации). Российско-иранские связи в Уральско-Приволжском регионе действительно активно развиваются в различных направлениях. Например, в области образования. Количество иранских студентов и аспирантов, обучающихся в Приволжском Федеральном университете, возросло с 3 человек до 51. Есть иранские студенты в вузах Екатеринбурга, Уфы, Челябинска, Саратова.

Представляется возможным вывести некоторые рекомендации для иранского экспертного сообщества для их эффективной работы в России и посоветовать им:

- В своих исследованиях не ограничиваться районами проживания этнических мусульман. В России 84 субъекта федерации, поэтому иранцам надо осваивать Урал, Сибирь и Дальний Восток. Положительным примером для иранцев может стать политика КНР, которая открывает институты Конфуция «и в Рязани, и в Казани». Иранцам необходимо готовить специалистов-россиеведов не просто по России, а по российским федеральным округам.

- Увеличить количество инженерных кадров – специалистов по России. Количество иранских инженерных кадров, которые готовятся в России очень незначительно. Иранским инженерам, собирающимся работать на поприще ирано-российских отношений, необходимо отучиться в российских технических вузах. Двухступенчатая система «бакалавриат – магистратура» вполне позволяет всем желающим менять страны обучения.

Конечно, данная статья не исчерпывает всех особенностей иранского российско-иранского сообщества. Многие ее положения нуждаются в более детальном изучении. Надеемся, что приведенные соображения помогут экспертам наших дружественных государств легче найти общий язык.

Список использованных источников

1. Большакова О.В. Russian Studies: о терминах и не только // Российская история. 2013. № 1. С. 147–151.
2. Дунаева Е. Иран: Противостояние элит как фактор политического кризиса // «Ближний Восток и современность», М., 2012 г. № 45. С. 31–46.
3. Мехди Санаи Равабет-е иран ва Асйа-йе маркази: равандха ва чешмандазха. Техран, Марказе чап ва энтешарате вазарате омура харедже, 1390 (2011/2012). 352 с.
4. Abrahamian Ervand. A History of Modern Iran Cambridge University Press, 2008. – 264 p.
5. И снова о «пятой колонне» в Иране // http://www.iran.ru/news/analytics/94390/I_snova_o_pyatoy_kolonne_v_Irane.

Г.Р. Хамид, Д.Д. Хатамова

РОО РУДН «ДОМ ДРУЖБЫ И КУЛЬТУРЫ КОРОЛЕВСТВА МАРОККО И РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН – ДАР АЛЬ МАГРИБ» В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН, КАК УЧАСТНИК ГРАЖДАНСКОЙ (НАРОДНОЙ) ДИПЛОМАТИИ В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ БАШКИРСКО-МАРОККАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

G.R. Khamid, D.D. Khatamova

RPO PFUR «HOUSE OF CULTURE AND FRIENDSHIP OF KINGDOM OF MOROCCO AND THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN – DAR AL MAGHRIB» IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN AS A PARTICIPANT OF CIVIL NATIONAL DIPLOMACY IN RISE OF THE RELATIONS BETWEEN BASHKORTOSTAN AND MOROCCO

Аннотация: Статья посвящена народной дипломатии, одному из основных факторов международных отношений, взаимодействия и сотрудничества со странами Востока, в частности, дружбе и сотрудничеству Республики Башкортостан и Королевства Марокко.

Abstract: The article is devoted to people diplomacy, one of the main factors of international relations, interaction and cooperation with the countries of the East, in particular the to the friendship and cooperation of the Republic of Bashkortostan and the Kingdom of Morocco.

Ключевые слова: НПО – неправительственные организации, РОО РУДН – региональная общественная организация развития и укрепления дружбы народов, Королевство Марокко, народная дипломатия, диалог культур, международное сотрудничество.

Key words: NGO – non-governmental organizations, RPO PFUR – regional public organization development and strengthening of friendship among peoples, the Kingdom of Morocco, public diplomacy, dialogue of cultures, international cooperation.

Сегодня народная дипломатия становится одним из основных факторов международных отношений. Народная дипломатия включает в себя такие элементы, как общественные организации и объединения, контакты на уровне городов-побратимов, общественно-политические акции, международные неправительственные организации, дома культуры и дружбы. В связи с этим можно утверждать, что народная дипломатия становится сегодня важным внешнеполитическим ресурсом. Неправительственные организации (НПО) во многих странах, в т.ч. и в Российской Федерации, – это реальная сила формирования общественного мнения. По сути, народная дипломатия – это политика малых добрых дел. Это деятельность общественных международных организаций и обществ культуры и дружбы в Российской Федерации и за рубежом. С 1925 г., начала отсчета истории российской народной дипломатии, народная дипломатия сегодня обретает все более значимую роль в решении международных проблем, в т.ч. и в гуманитарном сотрудничестве, соответственно, в 2015 г. народной дипломатии в России исполнится 90 лет. Основной целью российских общественных организаций, которые занимаются зарубежными связями, являются продвижение и формирование положительного информационного поля для внешнеполитических инициатив нашей страны. Для народной дипломатии сегодня нет ни закрытых дверей, ни дефицита каналов коммуникаций. Ее главные направления развития и цели – это налаживание дружественных отношений между странами и народами, взаимопроникновение и взаимное уважение культур разных народов, желание жить в мире и добрососедстве с другими народами, стремление к всеобщему благосостоянию. Именно народная дипломатия привносит в международные отношения нравственную основу, снимает барьеры в диалоге культур. Международная деятельность в рамках общественных организаций помогает также современной молодежи вырабатывать свою гражданскую позицию, воспитывает их вдумчивое отношение к международным вопросам, стоящим сегодня перед ними и перед обществом в целом. Народная дипломатия помогает решать вопросы в областях культуры, образования, коммуникации.

Исторический опыт Королевства Марокко по развитию народной дипломатии существует благодаря многолетнему сотрудничеству между нашими странами. Российско-марокканские отношения носят традиционно дружественный характер. Впервые российский читатель узнал о Марокко в де-

кабре 1732 г. из сообщения «О гишпанской крепости Циете (Сеуте – П. Г.), войском короля марокканского осажденной». Начало двусторонним отношениям было положено в конце 1777 г. Их инициатором выступил султан Марокко Мухаммед III бин Абдаллах (1757–1790), предложивший российской императрице Екатерине II (1762–1796) наладить торговлю. Между правителями двух государств последовал обмен грамотами с выражением взаимного пожелания наладить отношения мира и дружбы.

В июле 1778 г. Мухаммед III выразил готовность принять в Марокко представителя России. Генеральное консульство Российской империи в Танжере было учреждено в ноябре 1897 г. Первым дипломатическим представителем России в Марокко в ранге министра-резидента стал опытный дипломат В.Р. Бахерахт, который прибыл в Танжер в мае 1898 г. 14 мая 1898 г. Марокко стало первой арабской страной, с которой Россия установила дипломатические отношения, и единственным арабским государством, с которым дипломатические отношения были установлены до Октябрьской революции.

СССР признал независимость Марокко 11 июля 1956 г., а 1 сентября 1958 г. между Советским Союзом и Королевством Марокко были установлены дипломатические отношения. С апреля 1958 г., то есть еще до установления дипломатических отношений, между СССР и Марокко стали заключаться двусторонние торгово-экономические соглашения, в т.ч. в таких областях, как рыболовство и фосфориты (СССР и арабские страны: 1917–1960 гг. М., 1961, с. 477–478). С помощью Советского Союза и России в Марокко сооружен ряд промышленных объектов (плотина и ГЭС «Нурбаз», ТЭС «Джерада», гидроузел «Мансур эд-Дахби», ГЭС «Мулай Юсеф»).

В настоящее время двусторонние российско-марокканские контакты заметно активизировались. Важным шагом по развитию российско-марокканских отношений стало решение марокканского правительства о переходе в одностороннем порядке с 13 июня 2005 г. на безвизовый режим с Россией. Россия рассматривает Марокко как надежного партнера в международных делах, в частности, учитывая немалый политический вес и авторитет Рабата в арабском и исламском мире.

Марокко является одним из основных партнеров России на Африканском континенте (по товарообороту с Россией Марокко занимает 2-е место среди стран Африки). Между нашими странами развивается сотрудничество в сферах культуры и образования.

Так, в октябре 2007 г. в Москве и Владимире были организованы Дни культуры Королевства Марокко в Российской Федерации. В рамках мероприятия прошли выступления марокканских творческих коллективов, выставка работ художников, показ работ кинематографистов страны. В ноябре 2007 г. впервые за постсоветский период в Марракеше была организована Неделя российского кино.

В декабре 2011 г. в Казани прошли Дни Культуры Марокко. Налаживаются культурно-экономические связи. Развиваются отношения в сфере туризма, торговли и образования.

Но такое сотрудничество не может и не должно осуществляться только силами государственных органов. Важнейшая роль здесь принадлежит самому народу и наиболее активным его представителям.

Народная дипломатия имеет ряд преимуществ по сравнению с дипломатией государственной. Эти преимущества хорошо выразил Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Куба в России г-н Хуан Вальдес Фигероа, охарактеризовав народную дипломатию как такую форму общения, посредством которой народы проявляют свои чувства намного шире и глубже, чем позволяет регламентированный язык дипломатов, когда нельзя говорить больше, чем надо. Народная дипломатия говорит без всяких преград, искренне. А именно искренность больше всего скрепляет народы.

Понятие народной дипломатии вмещает в себя международные связи и контакты посредством реализации культурных, научных, образовательных программ (обмены делегациями, художественные выставки, музыкальные фестивали, праздники искусств и т.п.) – всю многообразную деятельность по взаимодействию с гражданским обществом и аудиториями зарубежных стран.

2014 год был объявлен годом культуры в России, и тем более символично, что в этом году была открыта региональная общественная организация РОО РУДН «Дом культуры и дружбы Королевства Марокко и Республики Башкортостан – Дар Аль Магриб», которая подхватила палочку эстафеты народной дипломатии и провела Дни культуры Королевства Марокко в г. Уфа с 14 по 16 апреля 2014 г. На это мероприятие был приглашен посол Королевства Марокко в Российской Федерации Абделькадер Лешехеб (Mr. Abdelkader Lecheheb) и другие почетные гости со стороны представителей Королевства Марокко на территории Российской Федерации. Мероприятие было проведено при совместном участии Посольства Марокко, Администрации Президента, Министерства культуры

РБ, ЦДУМ, РИУ. В рамках официального открытия РОО РУДН «Дом культуры и дружбы Королевства Марокко и Республики Башкортостан – Дар Аль Магриб» была организована культурная программа с выступлением башкирских творческих коллективов и марокканских музыкантов-гнауа и марокканского танца; организована выставка-экспозиция предметов марокканского быта «Марокканская ярмарка»; проведена марокканская чайная церемония и дегустация марокканских сладостей и организован показ мод национальных марокканских костюмов. Способствовать активизации делового сотрудничества был призван «круглый стол» с участием бизнесменов Марокко и Башкортостана.

По итогам проведенного мероприятия «Дни культуры Королевства Марокко в Республике Башкортостан» состоялась встреча на высшем уровне между Президентом Республики Башкортостан Хамитовым Рустэмом Закиевичем и послом Королевства Марокко в Российской Федерации Абделькадером Лешехеб по вопросам активизации сотрудничества нашего региона и Королевства Марокко по ряду направлений, представляющих взаимный интерес.

Таким образом, РОО РУДН «Дом Дружбы и Культуры Королевства Марокко и РБ – Дар аль Магриб», отвечая своей главной цели – развитию и укреплению дружбы и сотрудничества между народами Республики Башкортостан и Королевства Марокко, явилась ярким примером высокой роли народной дипломатии в современном политическом процессе на различных ее уровнях. Продолжая свою деятельность по данному направлению, общественная организация РОО РУДН «Дом Дружбы и Культуры Королевства Марокко и РБ – Дар аль Магриб» развивается и ставит перед собой задачи выполнения важных вопросов, таких как:

- содействие в организации городов-партнеров, городов-побратимов между Королевством Марокко и Республикой Башкортостан и, как следствие, открытие прямых авиасообщений между г. Уфой и Марокко;
- развитие деловых, экономических, культурных, духовных, спортивных, научно-образовательных, экологических, этнических связей между Республикой Башкортостан и Королевством Марокко;
- организация культурно-зрелищных и рекламно-информационных мероприятий, а также творческих конкурсов, фестивалей, выставок, просмотров и иных мероприятий;
- ознакомление общественности Республики Башкортостан и Королевства Марокко с жизнью, историей и культурой дружественных стран;
- популяризация языковых культур в Республике Башкортостан и Королевстве Марокко;
- работа с соотечественниками, проживающими на территории Королевства Марокко;
- содействие к выполнению принятых международным сообществом программ в области международного сотрудничества;
- содействие предприятиям Республики Башкортостан, отечественному бизнесу в развитии экономических, научно-технических связей и сотрудничеству с деловыми кругами Королевства Марокко;
- содействие созданию и развитию инвестиционной базы для сотрудничества между Королевством Марокко и РБ;
- содействие взаимным экспортно-импортным отношениям между Республикой Башкортостан и Королевством Марокко;
- содействие в организации туристического сотрудничества, организации поездок и экскурсий (в том числе на платной основе);
- содействие установлению и развитию контактов с марокканскими общественными, культурными, профессиональными, молодежными, спортивными и другими организациями, выступающими за развитие сотрудничества и взаимопонимания между народами;
- содействие развитию международного образования, обмена школьниками, студентами по образовательным программам, обмен специалистами, повышение квалификации специалистов за пределами Республики Башкортостан и Российской Федерации;
- содействие программам решения экологических проблем, защите животных и охране окружающей среды, исторических, культурных объектов и территорий, оказание бесплатной или льготной юридической помощи, благотворительной деятельности и т.п.

Таким образом, отвечая этим задачам, общественная деятельность, проводимая РОО РУДН «Дом культуры и дружбы Королевства Марокко и Республики Башкортостан – Дар Аль Магриб», необходима для развития гражданского общества и является частью демократического механизма в стране. Эффективное осуществление народной дипломатии призвано гуманизировать международные отно-

шения, быть инструментом «мягкой силы» государства и народа в продвижении интересов, укреплении своего образа и авторитета за рубежом.

Список использованных источников

1. Общественная дипломатия – это политика малых добрых дел / Министр иностранных дел России С.В. Лавров, 16.12.2010 – 17.12.2010/ Москва: Международный общественный форум «Роль народной дипломатии в развитии международного гуманитарного сотрудничества».
2. Народная дипломатия: взаимопонимание во имя развития / Фарит Мухаметшин, руководитель Россотрудничества. М.: Литературные известия. № 37 (67) / <http://www.reading-hall.ru/publication.php?id=2520>, 2010.
3. Современная модель дипломатии: истоки становления и перспективы развития / Зонова Т.В. – М.: РОС-СПЭН, 2003.
4. What is Public Diplomacy? // <http://fletcher.tufts.edu/Murrow/Diplomacy>.
5. Общественная дипломатия: стратегический ресурс геополитики России / Шершнева И.Л. М.: Мир и политика, 2011. №10 (61) // <http://mir-politika.ru/148-obschestvennaya-diplomatiya-strategicheskiy-resurs-geopolitiki-rossii.html>
6. www.dommorocco.ru.

Л.П. Черникова

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И КИТАЯ (СОВЕТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ)

L.P. Chernikova

FROM THE HISTORY OF THE ESTABLISHMENT OF DIPLOMATIC RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND CHINA (SOVIET DIPLOMACY)

Аннотация: Статья посвящена истории становления советско-китайских связей в отношении российской эмиграции, находящейся на территории Китая в период с 1920–1950-х гг., с оценкой советскими дипломатами потенциала белогвардейской колонии во время и после Второй мировой войны.

Abstract: The article is devoted to the history of formation of Sino-Soviet relations in respect of the Russian emigration, located on the territory of China in the period from 1920–1950-ies., With an estimate of Soviet diplomats potential whiteguard colonies during and after World War II.

Ключевые слова: Россия, Китай, советско-китайские отношения, русская эмиграция, стабильность в послевоенном Китае.

Key words: Russia, China, Sino-Soviet relations, Russian emigration, stability in post-war China.

Российско-китайские отношения за все годы своего существования переживали разные периоды, самые разные проблемы влияли на «потепление» и «похолодание» межгосударственных связей. Одной из таких проблем на протяжении всего времени становления и укрепления советско-китайских отношений (1917–1949 гг.) стал вопрос контроля за деятельностью русской эмиграции в Китае. Советская сторона и советские дипломаты всегда воспринимали эмиграцию и белогвардейских беженцев как врагов режима в СССР и всеми мерами стремились как можно более оперативно реагировать на процессы, происходящие внутри эмигрантских кругов в разных городах и регионах китайского соседа. Конечно, ситуацию усугубляла развязанная с 1932 г. агрессия Японии в северо-восточных регионах Китая, тем более непонятно вполне сочувственное отношение советских дипломатов к условиям существования белоэмигрантов в режиме Маньчжоу-Го.

В архиве внешней политики Российской Федерации при МИДе¹ сохранились документы, относящиеся не только к фактам существования и деятельности русской эмиграции, но и серьезные аналитические разработки, дающие «срез» политической и конфессиональной жизни беженцев-россиян, с

¹ АВП РФ, см. сайт МИДа: Режим доступа: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-arch.nsf/e7ef353cc1b1406043256b06004bbbe2/e56f278e3983211e442579ca003ed1eb!OpenDocument>.

перспективой направления их дальнейшего использования. Таких аналитических отчетов в папках «Референтура по Китаю» АВП РФ² автором было найдено шесть. На протяжении 25–30 лет советско-китайских дипломатических отношений этот вопрос пережил большие трансформации и даже эволюцию, когда на службу в дипорганы СССР пришли молодые, прошедшие войну и репрессии дипломаты-аналитики, понимавшие роль русской эмиграции, а также изменение отношения к ней в процессе сотрудничества между странами.

Хотелось бы обратить внимание на один из аналитических отчетов, сохраненный как «справочные материалы по русской эмиграции», любопытный документ, изменяющий мнение, что советские дипломаты считали эмиграцию лишь сугубо враждебной группой бывших соотечественников, готовых в любой момент вступить в военные организации для нападения на Советскую Россию, на СССР. Документ был написан 23 ноября 1944 г., и основан на полицейских отчетах, переписке с эмигрантами, а также на донесениях совконсулов с мест, т.е. географии существования различных групп российской эмиграции в китайских регионах³.

Весь текст разбит на неравные разделы, озаглавленные следующим образом:

- I. Возникновение белой эмиграции в Маньчжоу-Го.
- II. Места расселения белой эмиграции в Маньчжоу-Го.
- III. Руководство белой эмиграцией в Маньчжоу-Го.
- IV. Использование белой эмиграции в Маньчжоу-Го японским империализмом в своих интересах.
- V. Положение белой эмиграции в Маньчжоу-Го.
- VI. Настроения белой эмиграции в Маньчжоу-Го.
- VII. Заключение.

В частности, в документе писалось о том, что белая эмиграция состоит из пяти резко отличающихся друг от друга групп:

- 1) бывших служащих КВЖД и вообще живших до революции в Китае граждан;
- 2) родившихся в Маньчжурии граждан из российских семей;
- 3) граждан, бежавших от революции и гражданской войны;
- 4) военнослужащих из остатков разгромленных белогвардейских армий;
- 5) перебежчиков из СССР в разное время и по разным причинам, а также лишенных гражданства СССР.

«Мотивы их появления на китайской земле столь различны, – писалось в документе, – а их социальное и имущественное происхождение и положение так различаются между собой, что можно смело говорить о совершенно различных, часто не пересекающихся друг с другом групп бывших российских граждан в Китае».

Официально белоэмигранты в Маньчжоу-Го именуется пятой равноправной народностью, наряду с японцами, маньчжурами, корейцами и монголами. «...Белоэмигранты, – повествует документ, – платят все налоги, «жертвенно» участвуют во всех мероприятиях властей и начиная с 1943 г. несут обязательную воинскую повинность». Однако, добавлял аналитик, вопреки декларациям правительства, равными правами с другими народами, в частности, с японцами, белоэмигранты никогда не пользовались и не пользуются. Точнее будет сказать, что белоэмигранты в Маньчжоу-Го вообще не имеют никаких прав и в отношении их со стороны японцев существует полнейший произвол. Судьбой каждого белоэмигранта в Маньчжоу-Го целиком и полностью распоряжается японская военная миссия, не считающаяся ни с какими законами.

Японская военная миссия, жандармерия и полиция могут в любой момент арестовать и без всякого суда и следствия физически уничтожить каждого белоэмигранта и конфисковать его имущество. Так, белоэмигранты, имея установленный паспорт и декларацию правительства о равноправии, никогда не имели и тем более не имеют права без визы выехать дальше ближайшей железнодорожной станции. К тому же нет никакого подобия равенства в отношении снабжения продуктами питания и предметами первой необходимости с японцами.

Существует большое неравенство в получаемой зарплате. Белоэмигрант-служащий предприятия и учреждения, выполняющий одинаковую работу с японцами, получает зарплату значительно меньшую, чем японец; зарплата рядовых служащих-белых эмигрантов колеблется в пределах 90–160 гоби

² АВП РФ. Ф. 100, Ф. 0100 и др. См. Путеводитель по АВП РФ. – М., МИД, 2006, а также: Режим доступа: <http://www.mid.ru/bdcomp/Nsite-sv.nsf/f52f8031a8e7330d4325696c00322313/dfc3c8c6a1ff537c4325698800401d5a!OpenDocument>.

³ АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 336. Пап. 319. Д. № 9. Лл. 1–30.

в месяц, что значительно меньше прожиточного минимума. Так, значительная часть белоэмиграции совершенно не получила топлива на зиму в то время, как все японцы топливом обеспечены. Благодаря хищнической политике японских колонизаторов в Маньчжоу-Го, некогда рентабельные и высокопроизводительные белоэмигрантские сельское хозяйство, торговля и промышленность, дававшие средства существования большинству эмиграции, сейчас идут к полному развалу и упадку.

То же можно сказать и о свободе слова. Из трех японских газет на русском языке все является органом японской военной миссии и, конечно, дают только то, что выгодно японскому империализму.

Всякая культурная работа среди белой эмиграции фактически прекращена, а если что и делается, то находится под строгим контролем японской военной миссии. Сфабрикованные по заказу японцев белоэмигрантские пьесы, идущие на театральном подмостках, возмущают белых эмигрантов неправдоподобностью положения, рисуя в светлых и лживых тонах мрачную белоэмигрантскую действительность. Белоэмигрантские школы существуют исключительно по японской указке и целиком строятся по японскому образцу, не считаясь с национальными особенностями белых эмигрантов. Так, в школах большинство часов отводится изучению японского языка в ущерб изучению русского языка, много уделяется времени т.н. «жертвенным работам» и военной подготовке за счет сокращения времени на общеобразовательные предметы...

Бесперспективность существования белой эмиграции, ее полная бесправность, тяжелое экономическое и моральное положение, грубый произвол и ярко выраженное недоверие японцев, различные полицейские и жандармские мероприятия японцев против русской эмиграции, увольнение белоэмигрантов из некоторых учреждений и предприятий, принудительное переселение на землю, нисколько не считаясь с желанием самих белоэмигрантов, свертывание белоэмигрантской торговли и развал белоэмигрантского сельского хозяйства и промышленности, вмешательство японцев в различные вопросы внутренней жизни белоэмигрантов, японизация школьного воспитания, принудительное изучение японского языка всеми служащими государственных учреждений и т.д. и т.п. вызвали в широких слоях белой эмиграции резкие антияпонские настроения, переходящие в прямую ненависть...

Вторая мировая война и Великая Отечественная война оказали огромное влияние на политические настроения самых широких слоев белой эмиграции, вызвали в ее среде патриотические чувства к Родине. Особо сильное влияние Великая Отечественная война оказала на белоэмигрантскую молодежь. Несмотря на уже выросших два поколения белоэмигрантской молодежи, которая никогда не видела своей родины, и на то, что эта молодежь воспитывалась в самых антипатриотических и антисоветских условиях..., белоэмигрантская молодежь в основной своей массе оказалась здоровой и охвачена горячими патриотическими чувствами к нашей великой Родине и ярко выраженными антияпонскими и антинемецкими настроениями. Конечно, подобными настроениями охвачена не вся белая эмиграция и в т.ч. не вся белоэмигрантская молодежь. Тем не менее, они бессознательно охватили достаточно большую часть эмиграции.

Чувства эти проявляются в самых разнообразных формах. Например, стали малолюдными т.н. «антикоминтерновские» демонстрации, антисоветские собрания, митинги и специальные «антисоветские» службы в церкви, организуемые по японским директивам. Во всех этих японских мероприятиях добровольного участия белой эмиграции, как это было еще недавно, уже нет.

Показателем внешнего проявления чувств белой эмиграции можно также назвать внесение ими через местных советских сограждан весьма значительных сумм в фонд Красной Армии, причем это часто делается инкогнито. Стремление получить высокое звание советского гражданина и в какой-то степени быть полезным нашей Родине среди широких слоев белоэмиграции очень велико, и если бы не полицейские и жандармские преследования эмигрантов, возбуждающих ходатайства о согражданстве и посещающих Генконсульство, увольнения их с работы и лишение их продуктовых распределительных карточек, то, по имеющимся у нас данным, значительная часть белоэмиграции возбудила бы ходатайство о советском гражданстве и о возвращении на Родину.

У большинства белоэмиграции Маньчжоу-Го существует твердое убеждение о скором и неизбежном приходе сюда Красной Армии и установлении здесь советской власти. Убеждение это складывалось постепенно и крепло с ходом международных событий. Значительное влияние на это убеждение оказало тяжелое положение белой эмиграции под японским игмом, и в данном случае желаемое выдается за действительное.

Подводя итоги, аналитик-референт Генконсульства СССР в Харбине Савченко Н.П. писал, что «белая эмиграция в Маньчжоу-Го настроена в нашу пользу. Следует не только эти настроения поддерживать, но и полностью оторвать значительную часть белой эмиграции от японцев, для чего необходимо разрешить ряд вопросов, не входящих в компетенцию Генконсульства. Это: 1) добиться от японцев прекращения преследования белоэмигрантов, возбуждающих ходатайства о советском гражданстве; 2) потребовать от японцев выдачи продуктовых карточек для тех белоэмигрантов, кто уже заявил о желании принять советгражданство; 3) принять в советгражданство некоторых наиболее видных белоэмигрантов, уже возбуждивших ходатайство о советгражданстве, а некоторым, может быть, и разрешить въезд в СССР.

Эти мероприятия немедленно вызовут массовое обращение белоэмигрантов в наши консульства с ходатайствами о советском гражданстве».

Таким образом, в последний период Великой Отечественной и Второй мировой войн, советские сотрудники генконсульства уже предвидели необходимость позаботиться о будущем русской эмиграции в Китае, учитывая их патриотические чувства, тяжелое положение под гнетом японской оккупации, сочувствие к ней с китайской стороны. Дальнейшая фаза развития отношений показала, что примерно половина белой эмиграции перешла на советскую сторону, прося возможности вернуться на родину. Как это было реализовано и почему советская и китайская дипломатия вынуждены были пропускать эмигрантов сквозь «двойное сито» проверочных документов – было связано с новой геополитической обстановкой конца 1945 г. и развязавшейся гражданской войной в Китае. Но это уже другая история.

Список использованных источников

1. АВП РФ, см. сайт МИДа: Режим доступа: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-arch.nsf/e7ef353cc1b1406043256b06004bbbe2/e56f278e3983211e442579ca003ed1eb!OpenDocument>.
2. АВП РФ. Ф. 100, Ф. 0100 и др. См. Путеводитель по АВП РФ. М., МИД, 2006, а также: Режим доступа: <http://www.mid.ru/bdomp/Nsite-sv.nsf/f52f8031a8e7330d4325696c00322313/dfc3c8c6a1ff537c4325698800401d5a!OpenDocument>.
3. АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 336. Пап. 319. Д. № 9. Лл. 1–30.

А.Р. Шакирова

РОССИЯ И КОРОЛЕВСТВО МАРОККО: АСПЕКТЫ СОТРУДНИЧЕСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

A.R. Shakirova

RUSSIA AND THE KINGDOM OF MOROCCO: ASPECTS OF PRESENT-DAY COOPERATION

Аннотация: Статья посвящена развитию отношений между Россией и Королевством Марокко, которое происходит на современном этапе. В статье рассмотрены данные по состоянию взаимоотношений между странами.

Abstract: The article is devoted to the development of relations between Russia and the Kingdom of Morocco which are taking place at the present stage. The article examines the data on the state of relations between the countries.

Ключевые слова: Россия, Королевство Марокко, глобализация, интеграция, экономическое развитие, культура, туризм, образование, межправительственная комиссия.

Key words: Russia, the Kingdom of Morocco, globalization, integration, economic development, culture, tourism, education, intergovernmental commission.

На сегодняшний день одним из важнейших процессов развития мирового сообщества и мировой экономической системы является глобализация. К одному из ее проявлений можно отнести и процесс интеграции между государствами. Российская Федерация и Королевство Марокко не являются исключением.

Начало российско-марокканских отношений было положено еще в конце 1777 г. Инициатором выступил султан Марокко Мухаммед III бен Абдаллах, предложивший российской императрице Екатерине II установить контакты и наладить торговый обмен между двумя империями.

В свете происходящих в 2014 г. событий, связанных с введением санкций в отношении России, с инициативой выступают марокканские экспортеры, которые ищут возможность прочно обосноваться на российском рынке. Россия, в свою очередь, нуждается в таких партнерах.

Несмотря на такие устремления, на развитие сотрудничества между Россией и Марокко, следует отметить уже существующий достаточно высокий уровень товарооборота между странами. По итогам периода с января по июнь 2014 г. Королевство Марокко стало 2-м по объемам товарооборота торговым партнером Российской Федерации среди стран Африканского континента.

Согласно статистике ФТС России, объем двусторонней российско-марокканской торговли за период с января по март 2014 г. составил 831,5 млн долл. США, в т.ч. российский экспорт в Марокко – 467,5 млн долл., российский импорт из Марокко – 364,0 млн долл. Таким образом, объем товарооборота между Россией и Марокко за первое полугодие 2014 г. вырос на 56% по сравнению с аналогичным периодом 2013 г.; динамика роста российского экспорта в Марокко составила 86% по сравнению с первым полугодием 2013 г., динамика роста марокканского импорта в Россию – 29%.

Объем товарооборота между Россией и Марокко в первом полугодии 2014 г. сравним или превышает объем торговли России с такими традиционными торговыми партнерами, как некоторые страны ЕвразЭС и СНГ.

Характерной особенностью динамики и структуры объемов двусторонней российско-марокканской торговли за указанный период является тот факт, что традиционно в период с января по апрель реализуются наиболее значительные сезонные поставки марокканских фруктов и овощей в Россию (176,7 млн долл. и 74,4 млн долл. США соответственно по итогам отчетного периода). Кроме того, за указанный период в Марокко были осуществлены крупные поставки российской зерновой продукции – пшеницы мягких сортов и ячменя (на сумму в 55,9 млн долл.). Объем поставок российской сырой нефти в Королевство вырос на 81% по сравнению с первым полугодием 2013 г. и составил 257,5 млн долл. США в денежном выражении.

Существующая динамика роста объемов двусторонней российско-марокканской торговли позволяет прогнозировать объем товарооборота между странами на уровне 2 млрд долл. США по итогам 2014 г.

Большая часть российского экспорта в Марокко в первом полугодии 2014 г. приходится на нефть и нефтепродукты (55%), злаки (12%), серу (11%), жиры и масла растительного и животного происхождения (11%), минеральные удобрения (6%) и черные металлы (3%). Сохраняется тенденция на диверсификацию товарной структуры российского экспорта.

В российском импорте из Марокко преобладают цитрусовые (49%), свежие овощи (20%), швейные и трикотажные изделия (15%), обувь (5%), рыбная мука (4%) и рыба (3%).

Также следует отметить успехи в развитии сотрудничества в таких областях, как:

1. СМИ – одно из важных направлений сотрудничества между государствами, а взаимодействие России и Марокко имеет положительную динамику и характеризуется заинтересованностью с обеих сторон. Королевство Марокко нацелено на укрепление сотрудничества в области СМИ с учетом современных реалий: появления новых медиа, технологических вызовов, развития цифровых технологий. Также рассматривается возможность совместного производства телевизионных сериалов и фильмов, а также их совместного распространения;

2. Образование. В Российских университетах обучаются сотни марокканских студентов. Выпускники российских вузов успешно работают в различных отраслях государственного управления, экономики, образования;

3. Культура. Вопросы культуры имеют очень большое значение в отношениях с Марокко. Культурное и научное сотрудничество России и Марокко способствует укреплению исторических связей двух стран. Кроме того, нельзя не отметить активное взаимодействие в художественной сфере. Одним из достижений в развитии сотрудничества является открытие в Республике Башкортостан в апреле 2014 г. Дома культуры и дружбы Королевства Марокко, которое поспособствовало переходу отношений между государствами на новый уровень;

4. Туризм. Поток туристов из России каждый год нарастает, что связано с тем, что Марокко является одной из самых политически стабильных стран Северной Африки. Развитию туризма в Марокко способствуют географическое положение страны, развитая инфраструктура и сравнительно невысокие цены из-за девальвации марокканского дирхама. Марокко имеет развитую сеть автодорог и железных дорог, которая связывает крупные города с портами и международными аэропортами.

В области развития сотрудничества успешно работает Смешанная межправительственная комиссия, заседания которой проходят раз в два года в Рабате и Москве, зарекомендовала себя как полезный инструмент в экономическом и торговом сотрудничестве двух стран. Таким образом, нужно отметить с каждым годом нарастающие связи между Россией и Королевством Марокко, что благосклонно влияет на развитие экономики и культурных связей обеих государств.

Таблица 1

Товарооборот между Россией и Марокко в 2010–2014 гг.*
(по данным ФТС России) (млн долл. США)

	2010	2011	2012	2013	2014 январь – июнь
Оборот	932,3	1810,1	1848,2	1425,5	831,5
Динамика в %	121,4	194,2	102,1	77,1	155,7
Экспорт	558,2	1302,1	1307,2	859,9	467,5
Динамика в %	136,1	233,3	100,4	65,8	186,1
Импорт	374,0	508,0	541,1	565,5	364,0
Динамика в %	104,6	135,8	106,5	104,5	128,6

* http://www.ved.gov.ru/exportcountries/ma/ma_ru_relations/ma_ru_trade/

Список использованных источников

1. Ахмед Нажи. Новый российский горизонт для экспортеров сельскохозяйственных товаров Марокко. «Л'Опиньон», 2014.
2. Мохаммед Жуахри, Эль-Махжуб Руан, Хамид Семмуни. Посол России в Марокко: Мы отстаиваем международную законность. *Le Matin.ma*, Марокко, 2012.
3. Обзор состояния и итогов развития торгово-экономических отношений Королевства Марокко и Российской Федерации [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/ma/ma_ru_relations/ma_ru_trade/.
4. Российско-марокканские отношения. Электронный ресурс: Режим доступа: http://www.marocco.mid.ru/Ross_Marocc.html.
5. Россия и Марокко обсудили сотрудничество в области массовых коммуникаций [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://minsvyaz.ru/ru/news/index.php?id_4=44559.

А. М. Шаяхметов

**РАЗВИТИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ МЕЖДУ
ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИЕЙ И СТРАНАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В 1990-е ГОДЫ В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ СПЕЦИФИЧЕСКИХ
СИСТЕМ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА**

A. M. Shayakhmetov

**THE DEVELOPMENT OF INTEGRATION PROCESSES BETWEEN POST-
SOVIET RUSSIA AND CENTRAL ASIA IN 1990S IN THE CONTEXT OF
FORMATION OF DIFFERENT POLITICAL LEADERSHIP**

Аннотация: В статье представлена специфика политического лидерства в России и странах Центральной Азии после распада СССР, а также дается краткий анализ успехам и неудачам интеграционных процессов на постсоветском пространстве в 1990-е годы.

Abstract: The article presents the specifics of political leadership in Russia and the Central Asian countries after the collapse of the Soviet Union, as well as a brief analysis of the successes and failures of integration processes in the former Soviet Union area in the 1990s.

Ключевые слова: постсоветская интеграция, СССР, Россия, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан, Кыргызстан, политическое лидерство, 1990-е.

Keywords: post-Soviet integration, Soviet Union, Russia, Kazakhstan, Uzbekistan, Tajikistan, Turkmenistan, Kyrgyzstan, political leadership, 1990s.

Беловежские соглашения и последовавшее за ними выступление Президента М.С. Горбачева в самом конце 1991 г. окончательно оформили распад Союза Советских Социалистических Республик на 15 независимых государств. Подобный дезинтеграционный процесс всегда происходит на фоне целого комплекса сложностей и противоречий. Не стал исключением и данный конкретный постсоветский опыт. Тысячелетний противоречивый процесс, включавший в себя поглощение масштабных территорий и значительного количества народов и культур, формирование различного рода социальных, экономических и политических институциональных образований на базе русской этнической общности, начал свое обратное движение. Значительное количество неразрешенных этнических конфликтов, территориальных споров и претензий мгновенно вырвались наружу, начав неизбежный процесс размежевания и столкновения вновь образованных независимых государств, все дальше отдалявший их друг от друга.

Вместе с тем столь масштабная социально-экономическая общность, столетиями существовавшая как единый политический и экономический организм, не способна в один миг нарушить все сложившиеся партнерские связи и сосуществовать изолированно друг от друга. В этой связи не случайны различного рода интеграционные проекты и процессы периодически то активизирующиеся, то затухающие на постсоветском политическом поле. Стоит отметить, что в каждом из них Россия стремится играть ключевую, основополагающую роль, выступать базисом формирования такого рода объединений. Тем более что недавняя историческая память ещё жива, а веками формировавшееся великодержавное военно-патриотическое сознание россиян не может смириться с отторжением столь долго принадлежавших России территорий, «одномоментно» взявших курс на проведение собственной политической жизни. Желание России доминировать в каждом из постсоветских интеграционных формирований объясняется не только геополитическими позициями, исторической памятью, экономическими и военными позициями, но и собственными амбициями российских политических лидеров, направленных на возрождение единой политико-экономической общности на территории бывшего СССР.

Все три российских президента – Борис Николаевич Ельцин, Владимир Владимирович Путин и Дмитрий Анатольевич Медведев – весьма отлично относились как к идеям интеграции, так и к способам ее реализации. Второе десятилетие XXI в. ознаменовалось значительным усилением интеграционных процессов на постсоветском пространстве, создание новых институциональных форм экономического и военно-политического объединения стран бывшего СССР на базе трех государств – России, Белоруссии и Казахстана. Активными сторонниками данных процессов стали многолетние лидеры перечисленных стран – Владимир Путин, Нурсултан Назарбаев и Александр Лукашенко.

Однако современные интеграционные процессы не несут в себе качественно новые идеи межнациональных и надгосударственных формирований. Истоки объединительных процессов исходят еще из Соглашения о создании Содружества Независимых Государств (СНГ), объявлявшего не только о ликвидации Союза ССР как «субъекта международного права и геополитической реальности»¹, но и об образовании нового неопределенного и аморфного территориального объединения, которому так и не удалось стать ни единой государственной федеративной (либо конфедеративной) структурой, ни стабильной и значимой межгосударственной организацией. Тем не менее, консервативно настроенные парламентарии советских республик Центральной Азии достаточно осторожно отнеслись к подписанию Договора о создании СНГ и не спешили ратифицировать заключенное соглашение, утвердив его лишь тогда, когда окончательно стало очевидным неминуемость распада СССР. Так, Верховный Совет Казахстана ратифицировал договор 23 декабря 1991 г., Таджикистана – 25 декабря (в день официального объявления М.С. Горбачевым о роспуске СССР), Туркменистана – 26 декабря, законодательные органы Узбекистана и Кыргызстана – 4 января и 6 марта 1992 г. соответственно.

Демонтаж советского государства стал возможен благодаря приходу к власти нового типа лидеров – демократов и социал-демократов, ориентированных на рыночное развитие экономики и увеличение прав и свобод граждан в рамках независимых государств (бывших союзных республик). Именно такие лидеры пришли к власти в начале 90-х годов в России, Украине и Белоруссии. История показала

¹ Соглашение о создании Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс] // Постоянное представительство Российской Федерации при СНГ [Официальный сайт]. URL: http://www.cismission.mid.ru/ii1_1.html (дата обращения: 23.11.2014).

ла, что в этих странах сложилась скорее не демократическая, а олигархическая система. Данная политическая формация, зародившаяся в условиях перехода от тоталитарной системы к элементам демократической на территории постсоветского пространства, может быть названа «евразийской», поскольку она включила в себя одновременно элементы западных демократических систем и азиатских авторитарно-патриархальных. Стоит отметить, что в перечисленных трех странах в течение менее чем 10 лет сменились политические режимы. На место позднесоветских национальных лидеров пришли другие руководители и элиты. В России и Белоруссии впоследствии возобладал авторитарный тип политического управления, а на Украине этому помешал ряд революционных выступлений против кланово-коррупционной системы.

В постсоветских странах Центральной Азии наблюдалась несколько иная картина. Здесь мы стали свидетелем полного доминирования классического азиатского авторитаризма. Республиканскую модель государственного устройства с преобладающей ролью президентской власти в этих странах можно смело назвать наследницей советской политической системы². К тому же, во всех центрально-азиатских государствах, кроме Таджикистана, первыми лицами остались номенклатурные руководители, возглавлявшие еще ЦК коммунистических партий своих республик. Так, Сапармурад Ниязов находился у власти в Туркменистане в течение ровно 21 года до самой своей смерти (с 1985 по 2006 г.), Ислам Каримов и Нурсултан Назарбаев уже более 25 лет (с 1989 г. по настоящее время) возглавляют Узбекистан и Казахстан соответственно, Аскар Акаев был лидером Киргизии почти 15 лет (с 1990 по 2005 г.). И лишь Президент Таджикистана Эмомали Рахмон пришел к власти в 1992 г. (сначала в качестве исполняющего обязанности главы государства) уже после провозглашения республикой своей независимости, но, тем не менее, продолжает бесценно руководить страной. Президентские республики в Центральной Азии характеризуются высоким уровнем персонализации власти. Широко используются такие политические ходы, как продление президентских полномочий без проведения (Каримов, Назарбаев), увеличение количества возможных президентских сроков выборов либо полная отмена их ограничения (Рахмон, Ниязов, Назарбаев), наделение дополнительными властными полномочиями, выходящими за пределы президентской власти и пр.

Аскар Акаев, как и свергнувший его в 2005 г. Курманбек Бакиев, проводил жесткий авторитарный курс, нацеленный на подавление недовольства противоборствующих клановых группировок (Акаева поддерживал «юг», а Бакаева – «север»). Усилиями диктатора Сапармурада Ниязова в Туркменистане была создана тоталитарная однопартийная система, формально реформированная лишь в 2013 г., когда было разрешено создание и других партий. Таким образом, туркменская модель стала напоминать узбекскую: несмотря на официальную многопартийность, президент полностью контролирует партийную систему.

Политические системы, порожденные перечисленными лидерами в новообразованных государствах, унаследовали и негативные черты, характерные для советского авторитаризма: несменяемость власти (при формальной республиканской модели с выборностью президента на альтернативной основе), культ личности правителя, массовая коррупция, политические репрессии (в т.ч. с применением пыток)³. Подобный консерватизм в социально-политическом устройстве поддерживал в обществе ностальгию по бывшему советскому прошлому, а слабое экономическое развитие и энергетическая зависимость от России подталкивали центрально-азиатские страны к развитию экономических интеграционных связей. Российский и центрально-азиатский рынки представляли друг для друга большой интерес: низкая конкурентная способность готовых изделий не позволяла им выйти за пределы СНГ, а рынки стран Содружества имели большой потенциал для освоения. Помимо этого, со-

² Четыре из пяти центрально-азиатских республик (Казахстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан) являются президентскими. Лишь Киргизская республика де-юре является парламентско-президентской, но де-факто также представляет собой политическую формацию с определяющей ролью Президента.

³ Центральная Азия: массовые нарушения прав человека, репрессии [Электронный ресурс] // Human Rights Watch [Офиц. сайт]. URL: <http://www.hrw.org/ru/news/2013/01/31/tsentralnaya-aziya-massovye-narusheniya-prav-cheloveka-repressii> (Дата обращения: 23.11.2014). Проблемы государств Центральной Азии – наследие советского прошлого [Электронный ресурс] // Радио ООН [Офиц. сайт]. URL: <http://www.unmultimedia.org/radio/russian/archives/144812/> (Дата обращения: 23.11.2014). Европа и Центральная Азия: правозащитники подвергаются гонениям, пыткам и преследованию [Электронный ресурс] // Amnesty International Россия [Офиц. сайт]. URL: <http://amnesty.org.ru/node/896/> (Дата обращения: 23.11.2014). Кыргызстан: запятнанная правозащитная репутация [Электронный ресурс] // Amnesty International Россия [Офиц. сайт]. URL: <http://www.amnesty.org/fr/library/asset/EUR58/001/1996/en/730de8d0-eb08-11dd-aad1-ed57e7e5470b/eur580011996ru.pdf> (дата обращения: 23.11.2014).

ветская материально-техническая база, общие стандарты производства и квалификации персонала, специализация каждой из стран в определенной сфере, знакомство с продукцией друг друга позволили создать благоприятные условия для развития взаимных экономических связей.

К тому же, по мере становления государственности в постсоветских странах, у лидеров постепенно снижались опасения потери собственного национального суверенитета. Уверенности также добавляла аморфность Содружества Независимых Государств. Отсутствие надгосударственных органов внутри СНГ, а также неготовность и нежелание стран искать пути к диалогу и компромиссам, эффективно решать существующие проблемы и достигать поставленные цели, а также опасения в реинкарнации СССР в обновленном облике с доминирующей ролью России – все это не создавало благоприятных условий для внутриорганизационной интеграции. Еще в апреле 1993 г. президентом Узбекистана Исламом Каримовым были озвучены первые предложения по интеграции. Лидер Туркменистана Сапармурад Ниязов высказывал идеи о создании конфедеративного союза пяти центрально-азиатских постсоветских государств. Впервые же концептуально сформулировал и предложил интеграционный проект Евразийского союза Нурсултан Назарбаев на открытой лекции в Московском государственном университете 29 марта 1994 г. Собственно говоря, руководители этих стран делали заявления с нескрываемым намерением стать лидерами подобных региональных объединений⁴. Вместе с тем был взят курс и на внутреннее сближение двух стран, которое вылилось в 1994 г. в создание Единого экономического пространства, к которому через несколько месяцев присоединился и Кыргызстан, после чего были предприняты попытки создать руководящие институциональные органы внутри объединения. Однако, как уже было сказано выше, постоянные претензии на региональное лидерство, а также напряженные отношения между высшей политической властью обеих стран делали подобный проект трудно осуществимым.

Руководство Российской Федерации во главе с Борисом Ельциным, в свою очередь, не уделяло большое внимание интеграции в зоне СНГ. Ельцин, будучи лидером революционной волны, одним из тех, кто подписал Советскому Союзу «смертный приговор», не рассматривал постсоветское пространство как одно из первостепенных звеньев выстраивания эффективной внешней политики. В первые (1992–1993) годы своего существования СНГ, несмотря на формальные попытки сохранения целостности постсоветского пространства, рассматривалось не как инструмент объединения, сотрудничества и диалога, а как необходимость решать целый ряд экономических, политических, социальных и этно-территориальных проблем, возникших по линиям раскола СССР. Популярная в те годы формулировка «цивилизованный развод» как нельзя лучше отражает содержание данного процесса. Раздел собственности и геополитического влияния, смена элит, перемещение большого количества капитала, рынков, населения, значительное количество столкновений и конфликтов (в т.ч. военных) не только не способствовали сближению, но и значительно отдаляли друг от друга страны еще совсем недавно единой страны.

К 1993 г. экономическая дезинтеграция достигла своего пика: страны бывшего СССР перестали быть рублевой зоной в связи со значительным понижением товарооборота между странами. Следствием этого стала необходимость выработки нового политического курса, работа над которым с переменным успехом длилась в течение 1993 – начала 1995 гг. Нарастание экономического и военно-политического потенциалов, недопущение присутствия третьих стран на постсоветском пространстве были объявлены ключевой целью российской внешней политики.

Определяющую роль сыграла первая Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная Распоряжением Президента России от 23 апреля 1993 г. В ней особенно прослеживалась приоритетная роль выстраивания равноправных «полномасштабных межгосударственных отношений, обеспечивающих полнокровное сотрудничество во всех областях на основе взаимности» со странами бывшего СССР⁵. Помимо этого, среди важных задач выделялись: выстраивание общего экономического пространства, укрепление военно-стратегического партнерства (при централизованном контроле российской стороны над ядерным оружием), обеспечение и защита прав граждан России за пределами РФ, развитие научно-технических и культурных связей, сотрудничество в области борьбы с наркотрафиком, преступностью и др.

⁴ Выступление Н.А. Назарбаева 29 марта 1994 г. в Московском государственном университете [Электронный ресурс] // История Казахстана [Официальный сайт]. URL: <http://e-history.kz/ru/publications/view/567> (дата обращения: 23.11.2014).

⁵ Основные положения концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденные Распоряжением Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина от 23 апреля 1993 года [Электронный ресурс] // Центр правовой информации Российской национальной библиотеки [Официальный сайт]. URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/prof/h1.htm> (дата обращения: 23.11.2014).

Указ Бориса Ельцина от 14 сентября 1995 г. («Доктрина Ельцина») обозначил российское стратегическое направление развития интеграционных процессов со странами Содружества. В нем, в частности, провозглашались следующие задачи, стоящие перед Россией в интеграционном процессе со странами Содружества:

- обеспечение надежной стабильности во всех ее измерениях: политическом, военном, экономическом, гуманитарном и правовом;
- содействие становлению государств СНГ в качестве политически и экономически устойчивых государств, проводящих дружественную политику в отношении России;
- укрепление России в качестве ведущей силы формирования новой системы межгосударственных, политических и экономических отношений на территории постсоюзного пространства;
- наращивание интеграционных процессов в СНГ⁶.

Базисом формирования декларировалось тесное разностороннее интеграционное всестороннее взаимодействие. Подобные процессы основывались на образовании единого экономического пространства, начиная от создания бесположенного таможенного союза, совместных научных и технических проектов, рынка общего капитала и заканчивая созданием единых законодательных и нормативно-правовых актов, общих вооруженных сил. При этом Россия должна была стать центром интеграции, его «ведущей силой», что, безусловно, вызывало значительное недовольство со стороны других республик, которые видели в этом угрозу потери суверенитета и реинкарнации советской системы межреспубликанских отношений в том или ином виде. Значительный акцент был сделан на создание общих вооруженных сил (на основе российских военных ресурсов) и разработки общих позиций по глобальным вопросам геополитики.

Подобный внешнеполитический курс Б.Н. Ельцина можно рассматривать как компромисс с его стороны с целью сгладить раскол в обществе: с одной стороны, тех, кто считал, что постсоветское пространство все еще является частью российской государственности, а образованные в результате распада Союза государства (в первую очередь центрально-азиатские республики) неспособными к самостоятельному функционированию, а с другой – тех, кто признавал Россию в действующих на тот момент границах и призывал к равноправному диалогу со странами Содружества. Несмотря на компромиссный характер концепции, реальной консолидации российского общества Ельцину достичь не удалось. Несмотря на то, что большая часть российской политической элиты все еще мыслила масштабами СССР и стремилась сохранить цельность постсоветского пространства во главе с Россией, другая значительная часть элиты вкупе с нежеланием стран бывшего СССР ставить под угрозу собственный суверенитет, значительно углубляя интеграционные процессы, делало подобный политический курс малоэффективным и деструктивным. В ходе реализации данного курса в 1992 г. был подписан Договор о коллективной безопасности, в 1993 г. был подписан Договор о создании Экономического союза, а в 1997 – Договор о Таможенном союзе между Россией, Казахстаном, Белоруссией, Киргизией и Таджикистаном и многие другие.

Однако все они не приблизили к достижению изначальной цели – созданию надгосударственной федеративной либо конфедеративной структуры равноправных государств. Основной причиной провала этого проекта стал очевидный дисбаланс в темпах экономического и социально-политического развития стран, а также стойкое нежелание частичной или полной потери национального суверенитета. Российская Федерация в лице президента Ельцина не делала значительных шагов к поиску оптимальных форм сотрудничества, поскольку это было невозможно в условиях демонтажа советской системы, нестабильности социальных, экономических и политических взаимоотношений. В течение 1990-х годов странам удалось решить основные вопросы национального строительства и межгосударственных отношений, возникающие в процессе «развода», однако системных шагов к выстраиванию единого политического и экономического пространства сделать не удалось. Тем не менее удалось выработать концептуальные подходы к интеграционному процессу и сформировать стратегическое видение дальнейшей консолидации.

К моменту прихода к власти в России нового президента Владимира Владимировича Путина пришло осознание необходимости нового подхода к интеграционным процессам. Сам В.В. Путин был

⁶ Стратегический курс России с государствами-участниками Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел [Официальный сайт]. URL: <http://www.mid.ru/ns-osndoc.nsf/0e9272befa34209743256c630042d1aa/4e3d23b880479224c325707a00310fad> (дата обращения: 23.11.2014).

куда больше ориентирован на сближение со странами бывшего СССР, нежели его предшественник. К тому же он был сторонником иного подхода, заключавшего в себе приоритетное место РФ в системе интеграционных постсоветских взаимоотношений. Это получило отражение в новой Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Путиным 28 июня 2000 г. Отныне российская позиция сводилась к реализации принципа «разноскоростной и разноуровневой интеграции»⁷. Более диалог со странами экс-СССР (особенно с центрально-азиатскими государствами) не носил паритетный характер.

⁷ Концепция внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел [Официальный сайт]. URL: <http://www.mid.ru/ns-osndoc.nsf/0e9272befa34209743256c630042d1aa/4e3d23b880479224c325707a00310fad> (дата обращения: 23.11.2014).

Ф.Ф. Шаяхметов

ВОСТОЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОЙ РОССИИ / СССР

F.F. Shayakhmetov

EASTERLY DIRECTION OF FOREIGN POLICY OF SOVIET RUSSIA / THE USSR

Аннотация: Статья посвящена формированию и развитию внешней политики Советской России / СССР на Востоке. Основными принципами советской внешней политики стали признание равенства государств, антиимпериализм, антиколониализм, поддержка концепции права наций на самоопределение и свободное развитие.

Abstract: The article is devoted to the formation and development of the foreign policy of the Soviet Russia/USSR in the East. The basic principles of Soviet foreign policy was the recognition of the equality of States, anti-imperialism, anti-colonialism, support for the concept of the right of Nations to self-determination and free development.

Ключевые слова: восточная политика, дипломатические отношения, право наций на самоопределение, холодная война.
Key words: the Eastern policy, diplomatic relations, the right of Nations to self-determination, the Cold war.

Внешняя политика большевиков, пришедших к власти в России в результате октябрьского переворота 1917 г., вначале носила преимущественно идеологический характер, преследуя цели развертывания вслед за всероссийской мировой пролетарской революцией. Большевики выдвинули несколько важнейших принципов в системе международных отношений, ранее не применявшихся ни одним из существовавших государств. Один из важных принципов – подлинное равноправие всех стран и народов, борьба за свободу народов, за мир и прогресс, честность и правдивость, открытая внешняя политика без «тайной дипломатии» и раскрытие содержания «тайных договоров» [5, С. 12–16].

Хотя преимущественно эти декларации были обращены к странам Запада, в последующем они сыграли важную роль в формировании советской внешней политики на Востоке. Одними из важнейших ее направлений в данном регионе стали антиимпериализм, поддержка антиколониальной борьбы за свободу и независимость, декларация и поддержка права наций на самоопределение. Странам и народам Востока большевики адресовали специальные декларации, призванные привлечь внимание к внешнеполитическому курсу Советской России. В «Декларации прав народов России» от 2 (15) ноября 1917 г. [4] и в обращении Совнаркома «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» от 20 ноября (3 декабря) 1917 г. [14] правительство РСФСР провозгласило отказ от империалистической политики, проводившейся царским и Временным правительствами, заявив о стремлении строить отношения с колониальными и зависимыми народами на началах равноправия и взаимного уважения [14, с. 113–115].

Декларации и акции Советской России, обращенные к странам Востока (в частности, предание большевиками гласности тайного соглашения Сайкса-Пико 1916 г., в котором территория Ближнего Востока разделялась на сферы влияния Англии, Франции, России и Италии), стали мощным фактором для подъема национально-освободительного движения во всем регионе. Конечно, вскоре большевики вернулись к практике тайной дипломатии, во многом преуспев в этом искусстве, однако доктрина

самоопределения последовательно использовалась советской дипломатией для привлечения на свою сторону колониальных и зависимых стран и народов Востока.

Несмотря на трудности первых лет Советской власти, РСФСР стала вести активную политику на Востоке, стремясь не только к установлению равных межгосударственных отношений, но и к развертыванию в регионе антиколониальной и антиимпериалистической борьбы. В условиях провала концепции «мировой революции» на Западе, большевики стали рассматривать страны Востока в качестве полигона для экспорта революции. Большую роль в продвижении советской внешней политики в колониальных и зависимых странах Востока имела большевистская концепция единого антиимпериалистического фронта всех патриотических и прогрессивных сил в борьбе за свободу и независимость. Данная концепция наиболее успешно была реализована в Китае во время революции 1925–1927 гг., в Индии в 1920–1930-е годы и в ряде других стран региона.

Страны Востока ранее, чем Запада, стали на путь признания Советской России. В начале 1921 г. произошел прорыв в восточном направлении внешней политики Советского государства, приведя к подписанию ряда соглашений с восточными соседями. Историк А.М. Васильев следующим образом объясняет причины политико-дипломатического успеха Советской России на Востоке: «В.И. Ленин и его последователи до поры до времени шли в ногу с историческим процессом на Востоке, в том числе на Ближнем и Среднем Востоке. Их лозунги полностью или частично отвечали политическим устремлениям руководителей национально-освободительных движений, особенно наиболее радикального их крыла, чаяниям народов» [2, с. 13–14].

Первым крупным соглашением Советской России со странами Востока стал договор с Персией, подписанный 26 февраля 1921 г. в Москве [8, с. 536–544]. С одной стороны, советское руководство провозглашало, что «Договор о разделе Персии порван и уничтожен. Как только прекратятся боевые действия, войска будут выведены из Персии и персы обеспечат себе право свободно определять свою собственную судьбу...» [15, с. 114]. С другой стороны, большевики оказали военную помощь Гилянской республике, провозглашенной на севере страны в 1920 г. иранскими коммунистами и выступавшей против Тегерана. В мае 1920 г. на север Ирана были введены части Красной Армии, способствовавшие созданию Персидской красной армии. Однако внутривосточные противоречия в Гилянской республике, отказ ее лидера Кучек-хана от советской помощи вынудили большевиков вывести свои войска из Ирана [1, с. 101].

В этих условиях появилась возможность для заключения советско-иранского договора, в котором советское правительство отказалось от неравноправных договоров в отношении Персии, вернуло ей все концессии и имущества, полученные царским правительством на ее территории, аннулировало персидские долги перед Россией. Обе стороны отказались от вмешательства во внутренние дела друг друга, обязались не допускать образования или пребывания на своей территории сил, имеющих целью борьбу против России или Персии.

Следующим соглашением стал Договор между Россией и Афганистаном от 28 февраля 1921 г. [6, с. 550–553]. Советская Россия устанавливала равные отношения с южным соседом, отказавшись от каких-либо преференций в свою пользу. Стороны установили дипломатические отношения, обязались «не вступать с третьей державой в военное или политическое соглашение, которое доставило бы ущерб одной из договаривающихся сторон». РСФСР предоставила Афганистану право свободного и беспешинного транзита грузов через свою территорию, а также выразила готовность оказать финансовую и материальную помощь. Данный договор стал одним из первых международных равноправных соглашений Афганистана, новый лидер которого эмир Аманулла-хан 28 февраля 1919 г. провозгласил политическую независимость своей страны.

16 марта 1921 г. в Москве был подписан Договор о дружбе и братстве между РСФСР и революционной Турцией [8, с. 597–604]. Советская Россия уступала Турции районы Карса, Ардагана и Артина, а Турция отказалась в пользу Грузии от суверенитета над Батуми. Данный договор был подписан в период, когда руководство Советской России всячески поддерживало кемалистскую Турцию в ее антиимпериалистической борьбе со странами Запада. Накануне подписания договора посол правительства Великого национального собрания Турции в Москве Али Фуад в письме на имя наркома иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерина от 13 марта 1921 г. убеждал его в необходимости «подписания в наикратчайший срок договора, который окончательно соединит нас в борьбе против западного капитализма и империализма» [13, с. 590]. Московский договор практически позволил национально-революционным силам Турции одержать победу в национально-освободительной революции 1919–

1923 г. После Второй мировой войны руководство СССР пыталось оспорить некоторые положения договора в части территориальных уступок Турции, однако было уже поздно.

После образования в 1922 г. СССР пошел на перезаключение ранее подписанных договоров со странами Востока с большей детализацией и расширением их содержания: Договор о дружбе и нейтралитете от 17 декабря 1925 г. с Турцией, Договор о нейтралитете и взаимном ненападении от 31 августа 1926 г. с Афганистаном (Пагманский пакт) и Договор о гарантии и нейтралитете от 1 октября 1927 г. с Персией.

Одним из первых государств на Дальнем Востоке, с которым Советская Россия установила дипломатические отношения, стала Монголия. Находившаяся в вассальной зависимости от Китая, Монголия 1 декабря 1911 г. провозгласила независимость страны. Однако слабое монгольское государство фактически оказалось под контролем Российской империи и Китая. Под влиянием российской революции 1917 г. в Монголии в 1921 г. началась народная революция. Монгольские революционеры во главе с Сухэ-Батором обратились к Советской России за помощью. 5 ноября 1921 г. между РСФСР и Монголией было подписано соглашение об установлении дипломатических и консульских отношений [16, с. 476–480]. В 1934 и 1936 годах СССР заключил с Монголией два соглашения об оказании ей военной помощи в случае нападения Японии на ее территорию, на основе которых в 1939 г. во время конфликта на р. Халхин-Гол (Монголия) советско-монгольские войска разгромили японцев.

Долгое время Советской России не удавалось добиться установления межгосударственных отношений с Китаем, в котором после смерти первого президента Юань Шикая в 1916 г. практически началась анархия. Центральное правительство фактически лишилось власти, которую сконцентрировали в своих руках региональные милитаристские группировки. Дипломатические отношения СССР с Китаем были установлены лишь 31 мая 1924 г. в результате подписания «Соглашения об общих принципах урегулирования» [17, с. 331–335]. Несмотря на достигнутое соглашение, СССР стал оказывать поддержку одному из региональных группировок – Гуанчжоускому правительству во главе с Сунь Ятсеном. На юг Китая прибыла группа советников Коминтерна, включая военных специалистов во главе с комкором В.К. Блюхером, оказавшая большую помощь Гоминдану во время Национальной революции 1925–1927 гг.

После революции в Китае была установлена власть Гоминдана, однако отношения с СССР стали резко ухудшаться на почве поддержки СССР действий Компартии Китая в условиях начавшейся гражданской войны 1927–1937 гг. Эскалация советско-китайских отношений привела к военному конфликту в 1929 г. между двумя странами из-за Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), находившейся под совместным ведением. Хотя силами Особой Дальневосточной армии во главе с В.К. Блюхером удалось восстановить статус-кво на КВЖД, конфликт привел к резкому ухудшению двусторонних отношений. Они были нормализованы лишь в условиях нарастания военной угрозы Китаю со стороны милитаристской Японии. После начала японо-китайской войны 1937–1945 гг. 21 августа 1937 г. был заключен советско-китайский договор о ненападении сроком на пять лет [9, с. 466–468]. На его основе СССР оказал существенную экономическую, финансовую и военную помощь Китаю, сыграв важную роль в предотвращении его полного разгрома в войне с милитаристской Японией.

Советско-японские отношения в первые годы Советской власти не могли развиваться из-за участия Японии в 1918–1922 гг. в интервенции против советского Дальнего Востока. После нескольких лет переговоров СССР и Япония 20 января 1925 г. подписали «Конвенцию об основных принципах взаимоотношений» [11, с. 70–77]. Обе страны согласились, что Портсмутский договор остается в силе до тех пор, пока не будут пересмотрены другие соглашения и договоры между этими странами. Соглашение, ставшее фактом признания Японией СССР, на короткий срок позволило развивать двусторонние, прежде всего, торговые и экономические отношения.

Однако в 1930-е годы двусторонние отношения стали охладевать в результате аннексии Японией Маньчжурии и выхода к границам СССР. Они резко ухудшились после заключения 25 ноября 1936 г. Антикоминтерновского пакта между Японией и Германией, направленного формально против угрозы распространения международного коммунизма, фактически – против СССР, и начала войны против Китая. В 1938 и 1939 годах между СССР и Японией произошли военные конфликты на оз. Хасан (советско-китайская граница) и р. Халхин-Гол. Военные поражения Японии в этих конфликтах не только привели к политическому кризису и смене правительства Японии, но и стимулировали Страну восходящего солнца к подписанию 13 апреля 1941 г. Пакта о нейтралитете с СССР, предотвратив участие Японии во Второй мировой войне против СССР на стороне фашистской Германии.

В 1920–1930 гг. восточная политика Москвы формировалась на основе разумного сочетания идеологического и прагматического подходов. В отношении стран, с которыми у СССР были установлены дипломатические отношения, развивались экономические, торговые и иные связи, преобладал прагматический подход. Были казусные ситуации противоречий во внешней политике СССР. Напр., во время антиправительственного восстания в Афганистане 1928–1929 гг. во главе с народным лидером Хабибуллой Бачаи Сакао СССР встал на сторону Амануллы-хана, как представителя «единственного прогрессивного течения Афганистана, борющегося за независимость страны», направив против войск самопровозглашенного эмира отряды спецназа Красной Армии [12, с. 82].

В 1920-е годы в ряде стран арабского Востока, Индии и других странах региона, с которыми дипломатические отношения не могли быть установлены по причине их колониальной зависимости от метрополий, Москва предпринимала попытки формирования единого антиимпериалистического фронта, создания коммунистических и левых партий и движений. Их целью была организация общенациональных революций с последующим их переводом в русло пролетарской, социалистической революции. Однако эти партии, представлявшие небольшие группы из среды творческой интеллигенции, патриотически настроенной части компрадорской бюрократии и буржуазии, не могли играть заметной роли в политической жизни восточных стран. В 1930-е годы руководства СССР и Коминтерна вовсе отказались от попыток экспорта революции в страны Востока.

После окончания Второй мировой войны наступил новый этап в развитии восточного направления внешней политики СССР. На мировое общественное мнение, в т.ч. и на народы и страны Востока, оказывали громадное влияние итоги и результаты завершившейся войны, после которой международный авторитет СССР достиг небывалого уровня, его влияние на мировую политику многократно возросло. Колониальные и зависимые страны и народы стали рассматривать СССР в качестве защитника их национальных интересов, свободы и независимости. Возникли благоприятные условия для активизации внешней политики СССР на Востоке, использовавшего исторический шанс для расширения своего влияния вместо ослабевших в период войны Франции, Великобритании и других колониальных держав.

В Южной Азии была близка к победе упорная национально-освободительная борьба крупнейшей страны не только региона, но и всего мира, – Индии. Незадолго до объявления ее независимости СССР и Индия установили дипломатические отношения. 15 апреля 1947 г. газета «Известия» сообщила, что «стремясь к сохранению и дальнейшему укреплению дружественных отношений, существующих между СССР и Индией, Правительство СССР и Правительство Индии решили обменяться дипломатическими представительствами в ранге Посольств» [10]. В последующем, благодаря активным дружественным взаимоотношениям, независимая Индия превратилась в основного экономического и стратегического союзника СССР в Южной Азии.

Советский Союз развивал интенсивные отношения с Афганистаном – ключевым государством в Центральной Азии. После Апрельской революции 1978 г., прихода к власти Народно-демократической партии Афганистана и начала там гражданской войны СССР оказал правительству страны всестороннюю помощь. На территорию страны были введены советские войска, в период 1979–1989 гг. принявшие участие в гражданской войне на стороне правительства. Такое решение советского руководства стало одним из важнейших факторов нарастания напряженности в конце «холодной войны», резкого падения международного авторитета СССР, отторжения от нашей страны многих стран и народов мусульманского мира. Главную роль не только в формировании негативного образа СССР в мировом общественном мнении, но и в противодействии его политике сыграли США и их союзники.

После завершения Второй мировой войны в Восточной и Юго-Восточной Азии произошли крупнейшие военные конфликты, ставшие трагическим олицетворением «холодной войны». СССР неизменно выступал на стороне стран региона, стремившихся к свободе и независимости, против политики стран Запада сохранить там свое господство. Советское правительство оказало поддержку Компартии Китая, одержавшей победу над Гоминданом в гражданской войне 1946–1949 гг., выступило на стороне КНДР и Китая в Корейской войне 1950–1953 гг., разносторонне поддерживало народы Вьетнама и Индонезии в их борьбе за независимость с Францией в 1946–1954 гг. и Голландией в 1947–1949 гг. соответственно. Большая помощь Вьетнаму была оказана во время Вьетнамской войны 1965–1973 гг. с участием США, ставшей крупнейшим военным конфликтом после Второй мировой войны.

В послевоенное время многократно возросло значение Ближнего Востока, превратившегося в одного из важнейших эпицентров военно-стратегического противоборства периода «холодной вой-

ны». В регионе столкнулись интересы глобальных игроков того времени – США и их союзников, стремившихся установить контроль над странами арабского мира, воспрепятствовать активизации политики СССР в регионе, с одной стороны, и СССР с блоком социалистических и просоветских государств – с другой. Одним из важнейших факторов возрастания геостратегической роли региона стал многократно увеличившийся спрос на нефть, охвативший мир после войны, в ходе которой «черное золото» стало соответствовать своему эпитету, превратившись в энергетический ресурс глобального значения.

Ситуация в регионе существенно изменилась после создания государства Израиль, приведя к резкому обострению арабо-израильских противоречий. В самом начале существования Израиль получил моральную, дипломатическую и даже военную поддержку СССР. На сессии Генеральной ассамблеи ООН в ноябре 1947 г. СССР выступил в поддержку планов создания государств Израиля и арабской Палестины. «Если эти два народа, населяющие Палестину, оба имеющие глубокие исторические корни в этой стране, не могут жить вместе в пределах единого государства, то ничего иного не остается, как образовать вместо одного два государства – арабское и еврейское», – заявил в своем выступлении первый постоянный представитель СССР при ООН А.А. Громыко [3, с. 9].

Поддерживая планы создания Израиля, СССР надеялся получить верного союзника на Ближнем Востоке. Однако в условиях начавшейся «холодной войны» Израиль в качестве основного союзника выбрал США, обрекая советско-израильские отношения на ухудшение на долгие годы. Военная, экономическая и политическая помощь США и их союзников Израилю в борьбе с арабским миром кардинально изменила военно-политический баланс в регионе в пользу еврейского государства.

В условиях противостояния арабов и израильтян СССР стал оказывать помощь арабам, поддерживая революционно-националистические режимы в Египте, Сирии, Ираке, Судане, Алжире, Тунисе, Ливии и Южном Йемене. СССР умело использовал агрессивную настроенность арабов против Израиля, его союзников – США и других стран Запада, стремясь ориентировать их на курс некапиталистического и даже социалистического развития. Несмотря на все политические и идеологические сложности взаимодействия с революционно-националистическими правительствами этих стран, СССР оказывал им материальную, финансовую и военную помощь. Египет, Сирия, Южный Йемен и ряд других стран региона стали получать советское вооружение, использовали военных специалистов для обучения своих военных управлять сложной техникой и оружием. «Политика Советского правительства в деле ликвидации Суэцкого кризиса способствовала не только скорейшему и полному прекращению агрессии и установлению мира, но и повышению авторитета СССР в странах «третьего мира», – утверждает в одном из современных исследований [15, с. 454]. СССР последовательно поддерживал арабов и в ходе следующих войн и конфликтов.

Однако, в отличие от США и других стран Запада, СССР не стремился к вовлечению своих арабских союзников в военно-политические блоки, старался уменьшить военно-политическую напряженность в регионе. Несмотря на разрыв дипломатических отношений с Израилем после начала Шестидневной войны 1967 г., СССР ни до, ни после не ставил под сомнение само существование государства Израиль. СССР не добивался также и построения в дружественных странах советской модели экономики и политики.

Внешняя политика СССР в регионе Востока в послевоенный период стала активной, поступательной и во многом последовательной. Конечно, были крупные промахи и ошибки, вытекавшие из неправильной оценки перспектив развития тех или иных стран, ставшие следствием объективных и субъективных факторов. В частности, несмотря на значительные финансовые затраты, предоставление экономической и военной помощи, не увенчались успехом советские попытки превращения основной части региона в стратегического союзника в период «холодной войны». Следует отметить провал советской политики в Китае в период 1960–1970-х годов, когда отношения между двумя коммунистическими странами перешли в фазу военно-политического и идеологического противостояния. Есть серьезные основания для сомнений в правомерности советского вмешательства во внутриафганский политический конфликт, сыгравший видную роль в дискредитации СССР в глазах мирового общественного мнения и резком ухудшении отношений с рядом стран арабо-мусульманского мира. Однако в целом восточное направление внешней политики Советской России/СССР с самого начала его существования и до распада в 1991 г. было во многом конструктивной, последовательной и адекватной национальным интересам СССР и самих стран Востока.

Список использованных источников

1. Алиев С.М. История Ирана. XX век [Текст] / С.М. Алиев. М.: Крафт+; Институт востоковедения РАН, 2004. 648 с.
2. Васильев А.М. Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму [Текст] / А.М. Васильев. М.: Наука, Изд. фирма «Восточная литература», 1993. – 399 с.
3. Выступление постоянного представителя СССР при ООН А.А. Громько на Пленарном заседании второй сессии Генеральной Ассамблеи ООН 26 ноября 1947 года [Текст] // Ближневосточный конфликт: из документов архива внешней политики РФ. 1947–1967. В 2 т. Т.: 1947–1956 / Отв. ред. В.В. Наумкин. М.: МФД, 2003. С. 8–13.
4. Декларация прав народов России от 2 (15) ноября 1917 г. [Текст] // Декреты Советской власти. Т. I. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957. С. 39–41.
5. Декрет II Всероссийского съезда Советов о мире от 26 октября (8 ноября) 1917 г. [Текст] // Декреты Советской власти. Т. I. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957. С. 12–16.
6. Договор между Россией и Афганистаном от 28 февраля 1921 г. [Текст] // Документы внешней политики СССР. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1959. С. 550–553.
7. Договор между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Персией от 26 февраля 1921 г. [Текст] // Документы внешней политики СССР. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1959. С. 536–544.
8. Договор между Россией и Турцией от 16 марта 1921 г. [Текст] // Документы внешней политики СССР. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1959. С. 597–604.
9. Договор о ненападении между СССР и Китайской Республикой от 21 августа 1937 г. [Текст] // Документы внешней политики СССР. Т. 20. М.: Политиздат, 1976. С. 466–468.
10. К установлению дипломатических отношений между Советским Союзом и Индией [Текст]: [Электронный ресурс] // Посольство Российской Федерации в Индии. URL: <http://rusembassy.in/index.php/rus/2013-12-27-21-03-48/2013-12-27-21-07-29.html>.
11. Конвенция об основных принципах взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией от 20 января 1925 г. [Текст] // Документы внешней политики СССР. Т. 8. М.: Госполитиздат, 1963. С. 70–77.
12. Коргун В.Г. История Афганистана. XX век [Текст] / В.Г. Коргун. М.: Крафт+; Институт востоковедения РАН, 2004. 528 с.
13. Нота Народного Комиссара Иностранных Дел РСФСР Послу Правительства Великого Национального Собрания Турции в Москве Али Фуаду, 12 марта 1921 г. № 111360 [Текст] // Документы внешней политики СССР. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1959. С. 589–590.
14. Обращение Совнаркома РСФСР «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» от 20 ноября (3 декабря) 1917 г. [Текст] // Декреты Советской власти. Т. 1. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957. С. 113–115.
15. Россия и СССР в войнах XX века. Потери Вооруженных Сил: Статистическое исследование [Текст] / Под общей ред. Г.Ф. Кривошеева. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 608 с.
16. Соглашение между Правительством Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и Народным Правительством Монголии об установлении дружественных отношений между Россией и Монголией от 5 ноября 1921 г. [Текст] // Документы внешней политики СССР. Т. 7. М.: Госполитиздат, 1963. С. 476–480.
17. Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Республикой от 31 мая 1924 г. [Текст] // Документы внешней политики СССР. Т. 7. М.: Госполитиздат, 1963. С. 331–335.

Круглый стол 3. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО
РОССИИ И СТРАН ВОСТОКА

ECONOMIC COOPERATION BETWEEN RUSSIA
AND COUNTRIES OF THE EAST

Оксана Абреу Бастос

**ВКЛАД ЖЕНЩИН-ИММИГРАНТОК ИЗ СТРАН БЫВШЕГО
СОВЕТСКОГО СОЮЗА В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
ВОСТОЧНЫХ СТРАН (НА ПРИМЕРЕ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ)**

Oksana Abreu Bastos

**THE CONTRIBUTION OF WOMEN-IMMIGRANTS FROM FORMER SOVIET
UNION COUNTRIES TO THE SOCIAL-ECONOMIC DEVELOPMENT OF
EASTERN COUNTRIES (ON THE EXAMPLE OF TURKEY)**

Аннотация: Автор исследует причины и следствия иммиграции женщин из постсоветских стран в Турецкую Республику.

Abstract: The author explores the causes and consequences of immigration women from post-soviet countries to the Turkish Republic.

Ключевые слова: СССР, Турция, постсоветское пространство, иммиграция, женщины, Турция.

Keywords: USSR, Turkey, the post-Soviet space, immigration, women, Turkey.

На данный момент в университете Малтепе (Maltepe University) Стамбула при поддержке TUBITAK выполняется научно-исследовательский проект «Миграция женщин из стран бывшего Советского Союза в Турецкую Республику: сходства, различия, результаты» (“The migration of women from Ukraine and countries of the former Soviet Union to Turkey: differences, similarities, and outcomes”).

Целью этого проекта является исследование проблем, сложностей, перспектив женщин-иммигранток из стран бывшего Советского Союза в Турецкой Республике. Странами бывшего Советского Союза были:

1. Армения (Armenia);
2. Азербайджан (Azerbaijan);
3. Беларусь (Belarus);
4. Эстония (Estonia);
5. Грузия (Georgia);
6. Казахстан (Kazakhstan);
7. Киргизстан (Kyrgyzstan);
8. Латвия (Latvia);
9. Литва (Lithuania);
10. Молдавия (Moldova);
11. Россия (Russia);
12. Таджикистан (Tajikistan);
13. Туркменистан (Turkmenistan);
14. Украина (Ukraine);
15. Узбекистан (Uzbekistan).

Иммиграция женщин из стран бывшего Советского Союза в Турецкую Республику имеет свои причины и особенности. Одной из главнейших причин является социально-экономическая ситуация в странах происхождения женщин-иммигранток. Одним из показателей, дающих представление о со-

циально-экономической ситуации этих стран, является минимальная заработная плата, анализ которой осуществлен в табл. 1. В этой таблице минимальная заработная плата указана в национальных валютах вышеуказанных стран, но для осуществления анализа эти валюты были переведены в единую валюту – доллар США (USD).

Таблица 1

Анализ минимальной заработной платы в странах бывшего Советского Союза

Страна	Анализ минимальной заработной платы
Армения (Armenia)	45,000 Armenian dram per month 45000 AMD = 110.41 USD
Азербайджан (Azerbaijan)	105 Azerbaijani manat per month 105 AZN = 133.86 USD
Беларусь (Belarus)	1,660,000 Belarusian rubles per month 1660000 BYR = 156.75165 USD
Эстония (Estonia)	€355 per month 355 EUR = 448.45882 USD
Грузия (Georgia)	115 Georgian lari (\$68) per month for public employees 115.00 GEL = 65.61 USD
Казахстан (Kazakhstan)	19,966 Kazakhstani tenge per month 19 966 Kazakh tenge = 109.753102 USD
Киргизстан (Kyrgyzstan)	840 Kyrgyzstani som per month 840 KGS = 15.44 USD
Латвия (Latvia)	€320 per month € 320 = 404.25600 USD
Литва (Lithuania)	1000 Lithuanian litas (\$399) per month 1000 Lithuanian litai = 365.82500 USD
Молдавия (Moldova)	1400 Moldovan lei in the private sector; 900 Moldovan lei per month in the public sector 1400 Moldovan lei = 95.66200 U.S. dollars 900 Moldovan lei = 61.49700 USD
Россия (Russia)	5,554 rubles per month 5554 Russian rubles = 140.371796 USD
Таджикистан (Tajikistan)	250 Tajikistani somoni per month 250 TJS = 50.02 USD
Турецкая Республика (Turkey)	1134 Turkish lira (€300) per month 1134 Turkish liras = 497.86002 USD
Туркменистан (Turkmenistan)	440 Turkmenistani manat per month 440 TMT = 154.37 USD
Украина (Ukraine)	1218 Ukrainian hryven' per month 1218 UAH = 93.98 USD
Узбекистан (Uzbekistan)	96,105 Uzbekistani som per month 96 105 Uzbekistani sum = 40.55631 USD

Таким образом, если принять за единую валюту доллар США (USD), то минимальная заработная плата в Турецкой Республике (Turkey) составила в 2014 г. 497.8 USD, в то время когда минимальная заработная плата Беларуси составляет 156.75 USD, Туркменистана 154.37 USD, и эта сумма составляет 31% от минимальной заработной платы Турецкой Республики; минимальная зарплата в России составляет 140.37 USD – это 28% от турецкой, в Азербайджане – 133.86 USD – 27%, в Армении 110.41 USD и Казахстане 109.75 USD – это 22% от минимальной заработной платы Турецкой Республики.

В то же время минимальная заработная плата Турецкой Республики превышает минимальную плату в Украине (93.98 USD) в 5.3 раза, плату Грузии – в 7.6 раз (65.61 USD), Молдовы – в 8.1 раз (61.49 USD), Таджикистана – почти в 10 раз (50.02 USD), Узбекистана – в 12.29 раз (40.5 USD) и Киргизстана – в 32.24 раза (15.44 USD).

Благодаря осуществленному анализу можно сделать выводы, что причиной приезда женщин из стран бывшего Советского Союза в Турецкую Республику являются низкий уровень жизни в странах их происхождения, бедность, долги вследствие низких заработных плат, пенсий, пособий, а также неустроенность в личной жизни этих женщин, их желание перемен и поиска лучших перспектив для них и для их детей.

Каким образом женщины из стран бывшего Советского Союза могут остаться на временное или постоянное проживание в Турецкой Республике? Чаще всего это может быть брачная либо трудовая миграция. Как и в любой стране, поначалу женщинам трудно адаптироваться в Турецкой Республике из-за различий в одежде, культурных традициях, языке, религии, а также семейных традициях. Если это брачная миграция, то женщины получают вид на жительство, но могут полностью зависеть от воли и решений своего мужа.

С трудовой миграцией все сложнее. Если женщины работают в Турецкой Республике официально, это лучший из вариантов для них. Но тысячи и тысячи женщин работают в этой стране нелегально, полулегально или являются жертвами торговли людьми, и в связи с этим трудно оценить их вклад в социально-экономическое развитие, если они находятся в таком положении.

Но все же, если говорить о качественной миграции, т.е. о женщинах-иммигрантках без каких-либо проблем с визами или законом, их вклад в социально-экономическое развитие Турецкой Республики в целом существенен. Там существуют эффективные и активно действующие украинские, армянские, русские диаспоры, открываются школы и курсы развития детей при турецких детских садах на языках их стран происхождения или с элементами культурных традиций. В Стамбуле выходит в свет журнал «Роксолана» для русскоговорящих жителей Турецкой Республики. Постоянно устраиваются праздники для детей женщин-иммигранток в культурных обществах стран бывшего Советского Союза, осуществляются культурные и образовательные мероприятия в сотрудничестве и при поддержке посольств этих стран и т.д.

Кроме того, образованные женщины-иммигрантки из стран бывшего Советского Союза со знанием нескольких языков способствуют не только культурному, но и экономическому развитию Турецкой Республики, в частности, развитию международных компаний, туристических фирм, частного бизнеса.

Таким образом, женщины-иммигрантки из стран бывшего Советского Союза оказывают сильное влияние на социально-экономическое развитие Турецкой Республики, а также вносят существенный вклад в развитие культурных взаимоотношений между Турецкой Республикой и этими странами.

А.А. Асфандиярова

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ СО СТРАНАМИ СРЕДНЕЙ АЗИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

A.A. Asphandiyarova

ECONOMIC COOPERATION OF ORENBURG PROVINCE WITH CENTRAL ASIA COUNTRIES IN THE FIRST HALF OF THE NINETEENTH CENTURY

Аннотация: В первой половине XIX в. власти Российской империи осознали необходимость мирного проникновения в страны Востока. Одним из губерний империи, перспективной в этом отношении, была окраинная Оренбургская губерния, соседствующая со странами Средней Азии. Поэтому власти осуществляли целенаправленную политику экономического присутствия в регионе.

Abstract: In the first half of the nineteenth century the authorities of the Russian Empire realized the necessity of peaceful penetration to Eastern countries. One of the provinces of the Empire, being promising in this respect, was marginal Orenburg province, neighbouring with the countries of Central Asia. Therefore, the authorities followed deliberate policy of economic presence in the region.

Ключевые слова: Оренбургская губерния, льготы, привилегии, торговля.

Key words: Orenburg province, benefits, privileges, trade.

Оренбургская губерния в первой половине была окраиной Российской империи, граничащей со странами Средней Азии, чем приобретала «важность государственную – рождала надежды на блистательную будущность»¹. Непосредственная близость со Средней Азией, а через них с Индией и Китаем придавала региону важное экономическое и политическое значение, он должен был стать важнейшим связующим звеном между империей и странами Азии. В восточной политике России преобладали торгово-экономические интересы, государство прилагало усилия, чтобы наладить и развивать торговлю со странами Востока². На Западе Россия граничила со странами, опередившими ее в торгово-промышленном отношении, поэтому она могла сбывать продукты своей промышленности только на Востоке. Оренбург же в среднеазиатской торговле являлся главным рынком, играл роль посредника. Кроме того, государство через экономическое проникновение в Азию укрепляло и свои политические позиции. При этом осознание необходимости стимулировать региональное развитие возникло только в первой половине XIX в. в связи с мировой внешнеполитической ситуацией.

Для занятий торговой деятельностью за границей нужно было обзаводиться заграничными паспортами. «Дополнительными правилами на выдачу заграничных паспортов» купцы и «лица торгового состояния» освобождались от пошлины в отличие от лиц, которые были не записаны в гильдии – помещиков, дворян³. Оренбургская пограничная линия получила в 1810 г. от императора разрешение самостоятельно выдавать паспорта купцам, отправляющимся торговать с Хивой, Бухарой и другими азиатскими странами⁴. Таким образом, с этого времени для получения паспортов купцам не нужно было ездить в столицу, что, безусловно, облегчало их выезд за границу.

Также западно-сибирским торговцам предоставили некоторые льготы в торговле с Азией: с 1829 г. купцам третьей гильдии было разрешено право заграничной азиатской торговли⁵.

Льготы, предоставленные оренбургским купцам, были направлены, в первую очередь, на поощрение торговой деятельности, на расширение торговых связей со Средней Азией, а льготы сибирскому населению были несколько иного характера. В первую очередь, государство хотело стимулировать заселение территории Сибири и бесплатно раздавало земли под устройство заводов. Даже винокуренные заводы разрешалось устраивать всем частным лицам без ограничения.

Для Оренбургской губернии особый интерес представляла торговля с жителями Азии, т.к. государство стремилось усилить свое влияние на эти территории. Одним из способов мирного проникновения в Среднюю Азию была торговля. В силу этого для ведения торговли с азиатами были предусмотрены специальные законодательные акты. Так, 11 октября 1825 г. Оренбургская казенная палата получила указ императора, согласно которому с 1 января 1826 г. устанавливались особые правила торговли с азиатами, которые до этого могли торговать без записи в гильдии.⁶ В соответствии с выписками из журнала комитета азиатских дел от 27 июня и 30 июля 1825 г., жители стран Азии имели право торговать на территории Российской империи, но при торге в розницу они были обязаны брать свидетельства с платежом пошлины. Казенные палаты в двухнедельный срок должны были подготовить ведомость о числе розданных свидетельств⁷. Торговать без свидетельств эти купцы имели право только в таможенной черте, на меновых дворах и на трех главных ярмарках страны. Азиатские народы могли торговать и в Оренбургском меновом дворе, но как право эта торговля принадлежала только пограничным жителям и войскам Оренбургскому и Уральскому⁸. Отныне же азиаты в торговой деятельности подчинялись установленным гильдейским правилам⁹. В 1843 г. евреи из Средней Азии получили право приезжать на Оренбургскую линию для торговли на тех же основаниях, что и хивинцы с бухарцами¹⁰. Торговцам-азиатам было предписано иметь паспорта. Уезд-

¹ Герн К., Васильев С. Оренбургская губерния // Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 14. Ч.2. СПб, 1848. С. 1.

² Зобов Ю.С. Значение Оренбургского края в развитии международных связей России с Казахстаном и Средней Азией в XVIII–XX в. // Регионы в системе внешнеполитических связей РФ. Оренбург, 1998. С. 102.

³ ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XIX. № 17899.

⁴ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXXI. № 24106.

⁵ ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. IV. № 3212.

⁶ ЦГИА РБ. Ф. И-138. Оп. 1. Д. 1662. Л. 38.

⁷ ЦГИА РБ. Ф. И-138. Оп. 1. Д. 1662. Л. 62.

⁸ ЦГИА РБ. Ф. И-138. Оп. 1. Д. 1662. Л. 133.

⁹ ЦГИА РБ. Ф. И-138. Оп. 1. Д. 1662. Л. 40.

¹⁰ ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XVII. № 16385.

ные казначейства должны были в выдаваемых паспортах отмечать «незаписанных в гильдии азиатов»¹¹. Тем из них, которые имели и свидетельства, выдавались российские паспорта с предоставлением всех прав российских купцов¹².

Для торговли со странами Средней Азии 30 мая 1817 г. были утверждены Азиатский таможенный устав и тариф. Задача тарифа состояла в том, чтобы «всемерно поощрять азиатскую торговлю»¹³. При подготовке этого тарифа обращалось особое внимание на значение для России торга с Азией. Продукция российских заводов и фабрик, как правило, могла найти сбыт только на Востоке. Политическое значение этой торговли рассматривалось «как одна из мер к сближению с нами и умиротворению диких азиатских племен»¹⁴. Именно торговля способствовала продвижению и укреплению позиций Российской империи в Средней Азии. Согласно Азиатскому тарифу, многочисленные таможенные сборы с товаров, пересекающих границу, были отменены. Со всех вывозимых товаров устанавливалась 1 %-ная пошлина. В отношении ввозимых товаров действовал принцип эскалации пошлин: чем выше качество, тем выше была пошлина на него. Сырье, золотые и серебряные монеты, аптекарские припасы пропускались в страну беспошлинно. С полуфабрикатов взыскивалось 2 % их стоимости, со средней цены товаров – от 10 до 20 % и с предметов роскоши – 25 %. Всем приезжающим разрешено было беспошлинно привозить предметы, предназначенные для собственного употребления. К привозу были запрещены азиатские ткани, набивные золотом и серебром, государственные кредитные билеты, ассигнации и все товары, запрещенные по европейской границе¹⁵. Тариф должен был покровительствовать отечественной промышленности. Он создавал выгодные условия для экспорта готовой российской продукции и для ввоза необработанного сырья для производства.

Действие тарифа 1817 г. распространялось на Астраханскую, Оренбургскую, Тобольскую, Томскую губернии до Бухтармы, на Грузию, по Кавказской линии и на провинции, приобретенные от Персии, т.е. на всю российско-азиатскую границу, за исключением Китая, в торговле с которым по-прежнему действовали особые правила¹⁶.

Сталь, для поддержания торговли с азиатскими народами, разрешено было выпускать из Российской империи беспошлинно¹⁷. С 5 июля 1834 г. с Оренбургской таможни отпуск за границу железа, стали и изделий из них производился беспошлинно¹⁸.

Для всех азиатских таможен и застав Департаментом внешней торговли были изданы «Руководства к ведению книг и к составлению ведомостей по новым формам в 1818 г.»¹⁹. В соответствии с ними, при прибытии каравана таможня была обязана сделать запись в реестре о пришедших и отошедших товарах. По прошествии месяца должна была составляться месячная ведомость обо всех пришедших и отошедших товарах, а по истечении года – годовая²⁰. «Руководства» состояли из 96 пунктов форм отчетности, которые таможни обязаны были заполнять. Отдельной строкой шла отчетность о транзитных сукнах; книга для расписок в получении возврата денег за отправленное за границу железо; ежемесячные донесения о возврате средств за отправленные в зарубежье железо и сталь²¹. Таким образом, такая строгая регламентация препятствовала утаиванию товаров и выручаемых за них денежных сумм. Власти требовали от торговцев выполнения данных процедур, прежде всего, в фискальных целях. При приближении каравана усиливались таможенные разъезды, чтобы избежать утаивания товара от уплаты пошлины, на товар сразу же накладывались пломбы. От имени хозяина каравана составлялись описи количества верблюдов, тюков и товаров²².

¹¹ ЦГИА РБ. Ф. И-138. Оп. 1. Д. 1662. Л. 59.

¹² ЦГИА РБ. Ф. И-138. Оп. 1. Д. 1662. Л. 60.

¹³ Покровский С.А. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947. С. 240.

¹⁴ Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века). М.: Наука, 1974. С. 127

¹⁵ Никольский С.О. О внешних таможенных пошлинах. М., 1865. С. 96.

¹⁶ Солонченко Е.А. Таможенная политика на юго-востоке России и ее реализация в Оренбургском крае в 1752–1868 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2004. С. 70.

¹⁷ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXX. № 23021.

¹⁸ ГАОО. Ф. 339. Оп. 1. Д. 25. Л. 4.

¹⁹ ГАОО. Ф. 339. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.

²⁰ ГАОО. Ф. 339. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.

²¹ ГАОО. Ф. 339. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.

²² ГАОО. Ф. 339. Оп. 1. Д. 24. Л. 2.

В некоторых случаях указывалась точная сумма взимаемых при пересечении границы пошлин. К примеру, с отпускаемой за море смолы взималось 12 копеек, а сверх положенного по тарифу – 18 копеек с пуда²³. 13 апреля 1805 г. последовал Указ Сената о взыскании пошлин с промышленных и продовольственных товаров²⁴. Так, с иностранных товаров, привозимых на территорию Российской империи, взималось: с бархатов шелковых 4 рубля 74 копейки; с атласа одноцветного 2 рубля 43 копейки; с тафты и саржи 1 рубль 80 копеек; с платков шелковых толстых 24 рубля 21 копейки; с платков шелковых тонких 12 рублей 69 копеек²⁵.

Оренбургская губерния в 1809 г. была освобождена от освидетельствования и осмотра товаров на таможенных постах²⁶. В 1816 г. было еще раз предписано собирать пошлины во всех портах и пограничных таможенных империи, кроме Астраханской, Оренбургской, Тобольской и Иркутской губерний, Грузии и Кавказской линии²⁷. При таможенных действовали браковщики товаров. Они должны были осматривать и «подвергать браку» выпускаемый за границу товар²⁸. Для них законодатель разработал специальные инструкции по каждому виду товаров. Так, были инструкции для браковщиков пеньки и льна,²⁹ пакли,³⁰ сала³¹. Такие инструкции впервые появились в 1828 г., затем, в последний раз, в 1829 г.

Итак, в первой половине XIX в. губернии Российской империи сотрудничали со странами Средней Азии. Власти на законодательном уровне предоставляли разнообразные льготы и привилегии. Это вызывалось необходимостью проникновения и присутствия России в среднеазиатском регионе.

Список использованных источников

1. ГАОО (Государственный архив Оренбургской области). Ф. 339. Оп. 1. Д. 25. Л. 4.
2. ГАОО. Ф. 339. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.
3. ГАОО. Ф. 339. Оп. 1. Д. 24. Л. 2.
4. Герн К., Васильев С. Оренбургская губерния // Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 14. Ч. 2. СПб, 1848. С. 1.
5. Зобов Ю.С. Значение Оренбургского края в развитии международных связей России с Казахстаном и Средней Азией в XVIII–XX в. // Регионы в системе внешнеполитических связей РФ. Оренбург, 1998. С. 102.
6. Никольский С.О. О внешних таможенных пошлинах. М., 1865. С. 96.
7. ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XIX. № 17899.
8. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXXI. № 24106.
9. ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. IV. № 3212.
10. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXX. № 23021.
11. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXVI. № 19303.
12. ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XVII. № 16385.
13. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXX. № 23931.
14. Покровский С.А. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947. С. 240.
15. Солонченко Е.А. Таможенная политика на юго-востоке России и ее реализация в Оренбургском крае в 1752–1868 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2004. С. 70.
16. Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века). М.: Наука, 1974. С. 127
17. ЦГИА РБ (Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан). Ф. И-1. Оп. 1. Д. 178. Л. 1.
18. ЦГИА РБ. Ф. И-138. Оп. 1. Д. 1662. Л. 38.

²³ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXVI. № 19303.

²⁴ ЦГИА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 178. Л. 1.

²⁵ ЦГИА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 178. Л. 4.

²⁶ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXX. № 23931.

²⁷ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXXIII. № 26218.

²⁸ ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. III. № 2076.

²⁹ ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. III. № 2193.

³⁰ ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. III. № 2194.

³¹ ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. III. № 2399.

ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И ТУРЦИИ В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

I.N. Vedeneev

THE PROSPECTS OF COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND TURKEY IN THE ENERGY SECTOR

Аннотация: Статья посвящена анализу энергетического сотрудничества между Россией и Турцией в нефтегазовой сфере (на примере газопровода «Голубой поток») и в сфере атомной энергетики (на примере проекта АЭС «Аккую»). Российско-турецкое сотрудничество рассматривается как фактор, влияющий на национальную безопасность; также затрагивается проблема энергетической безопасности России и Турции. Определяется геостратегическая, экономическая и политическая значимость этого сотрудничества для обеих стран.

Abstract: The article is devoted to the analysis of energy cooperation between Russia and Turkey in the oil and gas industry (for example, a gas pipeline «Blue Stream») and in the field of nuclear energy (for example, a project of nuclear power plant «Akkuyu»). Russian-Turkish cooperation is seen as a factor of national security. The article also addresses the issue of energy security of Russia and Turkey. It determines geostrategic, economic and political significance of this cooperation for Russia and Turkey.

Ключевые слова: Россия, Турция, международные отношения, мировая экономика, сотрудничество, национальные интересы, национальная безопасность, атомная энергетика, энергетическая безопасность.

Keyword: Russia, Turkey, international relations, the global economy, cooperation, national interests, national security, nuclear energy, energy security.

В настоящее время между Россией и Турцией налажено активное торгово-экономическое сотрудничество. Сегодня годовой объем товарооборота между странами составляет 35 млрд долларов¹. Россия занимает второе место во внешней торговле Турции, а Турция в России – седьмое место (около 4% внешнеторгового оборота)². При этом следует отдельно отметить, что львиная доля этого сотрудничества (порядка 76% или 2/3 всего объема российско-турецкой торговли) приходится на энергетическую сферу³. Турция является вторым по величине покупателем российского газа (примерно 60% от общего объема потребления)⁴.

Сотрудничество с Россией в энергетической сфере имеет для Турецкой Республики стратегическое значение, прежде всего потому, что на ее территории нет никаких крупных месторождений энергоресурсов, к которым следует отнести, в первую очередь, газ и нефть, являющиеся главными двигателями всех отраслей экономики любой страны. Не имея месторождений газа и нефти на своей территории, Турция вынуждена закупать эти ресурсы за рубежом у своих ближайших соседей и прежде всего – в России.

В данной статье мы рассмотрим особенности российско-турецкого сотрудничества в сфере энергетики с целью определения геостратегической, политической и экономической значимости этого сотрудничества для России и Турции.

Необходимо отметить, что экономика Турецкой Республики на данный момент продолжает свое быстрое развитие. Вместе с ростом экономики возрастают ее энергетические потребности. Согласно прогнозам экспертов, эти потребности удвоятся уже к 2023 г.⁵. Поэтому закономерным выглядит стремление турецкого руководства поддерживать дружеские отношения с Россией. Визит Владимира Путина (в декабре 2012 г.) в Турцию показал, что, несмотря на глубокие разногласия в отношении к сирийской проблеме, сотрудничество между странами не будет прервано или приостановлено.

Наиболее точную оценку состояния этого аспекта российско-турецких отношений дал Эрман Ыльджак в интервью турецкой газете «Milliyet», охарактеризовав его как «католический брак»: партнеры могут ссориться, но развода не будет⁶.

¹ Торгово-экономическое сотрудничество между Российской Федерацией и Турецкой Республикой // Единый портал внешнеэкономической информации (ВЭИ) Минэкономразвития РФ // [Электронный ресурс].

² Реми Буржо. Россия – Турция: энергетика как основа отношений // Французский центр международных отношений (ИФРИ) // [Электронный ресурс].

³ Российско-турецкие отношения: 2002–2012 годы / Под ред. В.А. Аваткова. М: МГИМО – Университет, 2013 // [Электронный ресурс].

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

В настоящий момент в российско-турецком сотрудничестве в сфере энергетики (и как следствие этого в энергетической безопасности) намечилось новое направление. На фоне возрастающих энергетических потребностей Турции выглядит закономерной инициатива турецкого руководства заключить с российским правительством (помимо уже заключенных договоров в нефтегазовой отрасли) договора в сфере сотрудничества в атомной энергетике. Именно атомной энергетике и предстоит, как минимум до конца этого десятилетия, оставаться совершенно новым и весьма перспективным направлением взаимовыгодного сотрудничества между Российской Федерацией и Турецкой Республикой.

Геостратегическая и политическая значимость данного взаимодействия и сотрудничества заключена в том, что Турция планирует стать поставщиком электроэнергии в арабские страны, насчитывающие огромное количество потребителей. Энергетическое сотрудничество с Россией в атомной сфере позволит Турции уже в ближайшем будущем значительно усилить свое геополитическое положение в регионе, и она, не имея крупных запасов и месторождений своих собственных энергоресурсов, сможет стать исключительно важным игроком не только на региональном, но также и на всемирном энергетическом рынке⁷.

Специалисты справедливо сравнивают реализацию запланированного в ходе совместных российско-турецких переговоров атомного проекта с воплощением предыдущего уникального российско-турецкого проекта «Голубой поток». «Голубой поток» – это газопровод, который был проведен для осуществления поставок природного газа из России в Турцию через акваторию Черного моря, в обход других стран. Помимо «Голубого потока» между Россией и Турцией также существует другой газотранспортный коридор, проходящий не по морю, а по суше, по территориям Украины, Молдавии, Румынии и Болгарии. «Голубой поток» является совершенно самостоятельным газопроводом, по сути, дополняющим вышеописанный газотранспортный коридор и именно эта его особенность позволяет ему быть полноценным гарантом энергетической безопасности между Турцией и Россией. Этот газопровод сегодня стабильно снабжает турецкую экономику российским природным газом, значимость которого трудно недооценить, и, как следствие этого, его стратегическую важность для обеих стран-партнеров, переходящую из области энергетики в область региональной геополитики.

Сотрудничество между Россией и Турцией насчитывает уже не одно десятилетие, однако никогда прежде оно не распространялось на взаимодействие в сфере атомной энергетики, будучи всегда ограниченным традиционными видами энергоресурсов и, в первую очередь, – нефтью и газом.

Проектом, в котором нашли свое воплощение переговоры о налаживании сотрудничества между Турцией и Россией в сфере атомной энергетики, стал проект турецкой АЭС «Аккую». В мае 2010 г. было подписано соглашение о строительстве «Росатомом» четырехреакторной АЭС «Аккую», создание которой запланировано на побережье Средиземного моря неподалеку от города Мерсин⁸. Общая стоимость проекта составляет 20 млрд долларов. Строительство данной АЭС началось уже в прошлом году, а введение в эксплуатацию первого энергоблока станции запланировано на 2018 г.⁹ В рамках этого соглашения также осуществляется проект по подготовке специалистов для дальнейшей эксплуатации данной атомной электростанции. Таким образом, можно утверждать, что сотрудничество между Россией и Турцией в сфере энергетики, по сути, вышло на новый уровень, свидетельством чего и является начало нового совместного масштабного проекта по строительству в Турции российскими специалистами АЭС «Аккую», которой предстоит стать первой турецкой АЭС вообще. Российские инвесторы высоко оценивают перспективы развития этого проекта.

В ходе своего предыдущего визита в Турцию Президент РФ В.В. Путин отметил, что: «речь идет не только о строительстве самой станции, речь идет о создании целой высокотехнологической отрасли в Турции, в т.ч. связанной с подготовкой национальных кадров»¹⁰.

Крупнейшая турецкая газета «Zaman», общеизвестная своей близостью к правительству и правящей ПСР (Партии Справедливости и Развития), прибавляет к перечисленным «плюсам» и такой немаловажный фактор, как создание большого количества новых рабочих мест, на которых будут заня-

⁷ Сотрудничество РФ и Турции в атомной энергетике – важный элемент региональной и глобальной безопасности // РусОриент // [Электронный ресурс].

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Владимир Путин: Сотрудничество между Россией и Турцией в области энергетики успешно развивается // Информационно-аналитическая служба «Русская линия» [Электронный ресурс].

ты подготовленные Россией турецкие квалифицированные кадры¹¹. Турецкий премьер-министр Р.Т. Эрдоган объявил, что атомная энергетика жизненно важна для энергетической безопасности Турции и развития ее энерготехнологий¹².

Эксперт Международной организации стратегических исследований (Турция) Хасан Салим Озертем утверждает, что перспективы сотрудничества между Турцией и Россией в отрасли атомной энергетики благоприятны для обеих сторон¹³. Турция рассматривает Россию как партнера не только в области атомной энергии, но и во многих других сферах. Взаимодействие в ядерной энергетике будет способствовать укреплению русско-турецких двусторонних связей и во многих других областях. Поэтому достигнутые уже сейчас соглашения (в данном случае – по строительству АЭС «Аккую») – это шаги, которые направлены на усиление экономического взаимодействия между странами в целом. Еще более важно то, что этот проект атомной электростанции – один из немногих, обеспечивающих реальные перспективы развития двустороннего энергетического сотрудничества, с которыми можно связывать не только их состоявшееся прошлое и настоящее, но и будущее. Такую точку зрения разделяют и многие турецкие эксперты¹⁴.

Также следует обратить внимание на некоторые направления сотрудничества сторон при воплощении данного проекта. Это в первую очередь проектирование и строительство, управление реализацией проекта, ввод объекта в эксплуатацию, покупка и продажа электроэнергии, выработанной АЭС, обучение и переподготовка эксплуатационного персонала станции и другое. Простое перечисление этих направлений уже говорит о реальных перспективах тесного взаимодействия России и Турции в сфере атомной энергетики на десятилетия вперед¹⁵.

В настоящее время порядка 47% всей электроэнергии производится Турцией за счет природного газа¹⁶. Именно поэтому для турок важным приоритетом является сбалансирование этого показателя, которое становится возможным в рамках развития атомной энергетики в их стране, поскольку именно этот фактор наличия в Турции АЭС позволяет уменьшить зависимость национальной турецкой экономики от поставок зарубежных энергоносителей. Постройка АЭС позволяет Турции снизить свою зависимость от иностранного сырья (прежде всего газа), необходимого для производства энергии в самой Турции.

Заместитель министра энергетики Турции Илькер Серт подчеркнул важность строительства атомной электростанции, заявив: «Мы избавимся от угольной, нефтяной и газовой зависимости»¹⁷.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что сотрудничество, что в настоящий момент осуществляется между Турцией и Россией в энергетической сфере, имеет серьезные перспективы для дальнейшего развития. К ним, прежде всего, относится строительство российскими специалистами АЭС «Аккую» с поэтапным возведением всех четырех энергоблоков, а также ввод АЭС в эксплуатацию и обучение кадров, способных поддерживать ее функционирование. АЭС «Аккую» предстоит стать первой турецкой атомной электростанцией. Из этого следует, что уже в ближайшем будущем приоритет экономического сотрудничества между Россией и Турцией в энергетической сфере сместится с нефтегазовой отрасли на отрасль атомной энергетики. По большому счету, российским специалистам предстоит с чистого листа создать в Турции целую энергетическую отрасль, и это представляет собой обширную площадку для дальнейшего развития взаимовыгодного сотрудничества в данном направлении. И хотя нефтегазовая отрасль, вне всяких сомнений, несколько не утратит своей важности и актуальности в российско-турецких отношениях, тем не менее, развитие атомной энергетики в Турции содержит в себе большие перспективы для дальнейшего успешного сотрудничества и взаимодействия.

¹¹ Сотрудничество РФ и Турции в атомной энергетике – важный элемент региональной и глобальной безопасности // РусОриент // [Электронный ресурс].

¹² Сотрудничество с Россией благоприятно для Турции в отношении развития атомных технологий // <http://www.turtsia.ru> // [Электронный ресурс].

¹³ Там же.

¹⁴ Сотрудничество РФ и Турции в атомной энергетике – важный элемент региональной и глобальной безопасности // РусОриент // [Электронный ресурс].

¹⁵ Там же.

¹⁶ Российско-турецкие отношения: 2002–2012 годы / Под ред. В.А. Аваткова. М: МГИМО–Университет, 2013 // [Электронный ресурс].

¹⁷ Сотрудничество РФ и Турции в атомной энергетике – важный элемент региональной и глобальной безопасности // РусОриент // [Электронный ресурс].

Список использованных источников

1. Российско-турецкие отношения: 2002–2012 годы / под ред. В.А. Аваткова – М: МГИМО – Университет, 2013. – 151 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mgimo.ru/files2/2013_11/up37/file_ad1cb41341a8bffe5aa4610f107a195.pdf.
2. Россия – Турция: энергетика как основа отношений // Реми Буржо [Электронный ресурс]. – Французский центр международных отношений (ИФРИ). – Март 2013. – Режим доступа: <http://www.ifri.org/downloads/ifriremibourgeotrussieturquierusmars2013.pdf>.
3. Торгово-экономическое сотрудничество между Российской Федерацией и Турецкой Республикой [Электронный ресурс]. 2014. Режим доступа: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/tr/tr_ru_relations/tr_ru_trade/.
4. Россия – Турция: успехи сотрудничества [Электронный ресурс] – 18.12.12. – Режим доступа: http://www.tribuna.ru/other_sections/coal/rossiya_turtsiya_uspekhi_sotrudnichestva/.
5. Сотрудничество с Россией благоприятно для Турции в отношении развития атомных технологий [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: http://www.turtsia.ru/Content/14949-Сотрудничество+Россией+благоприятно+для+Турции+v+отношении+развития+атомных+технологий+_+_эксперт.
6. Будущее отношений между Турцией и Россией: стратегический взгляд // Адам Балчер [Электронный ресурс]. – 14.08.09. – Режим доступа: <http://neftegaz.ru/press/view/7671>.
7. Владимир Путин: Сотрудничество между Россией и Турцией в области энергетики успешно развивается [Электронный ресурс]. – 29.12.11. – Режим доступа: http://ruskline.ru/news_rl/2011/12/29/vladimir_putin_sotrudnichestvo_mezhdu_rossiej_i_turciej_v_oblasti_energetiki_ushpeshno_razvivaetsya.
8. «Голубой поток» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gazprom.ru/about/production/projects/pipelines/blue-stream/>.
9. Сотрудничество РФ и Турции в атомной энергетике – важный элемент региональной и глобальной безопасности [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <http://www.rusorient.ru/page.php?vrub=tm&vparid=2077&vid=2310>.
10. РФ и Турция подписали совместное заявление по сооружению АЭС [Электронный ресурс]. – 13.01.2010. – Режим доступа: <http://ria.ru/economy/20100113/204297378.html>.

Н.Х. Кашаев, Э.М. Галлямова

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И КИТАЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

N.Kh. Kashaev, E.M. Gallyamova

ISSUES OF TRADE AND ECONOMIC COOPERATION DEVELOPMENT BETWEEN PRESENT-DAY RUSSIA AND CHINA

Аннотация: В данной статье рассмотрены проблемы развития сотрудничества России и Китая на современном этапе. Анализ проводится в сфере экономических и торговых отношений двух стран.

Abstract: This article is devoted to the problems of cooperation development between Russia and China at the present stage. The analysis is performed in the field of economic and trade relations between these two countries.

Ключевые слова: экспорт, импорт, Россия, Китай, торгово-экономические отношения.

Key words: Import, Export, Russia, China, the trade-economic relations.

Сегодня мы можем наблюдать, как благополучно развивается сотрудничество между Россией и Китаем в торгово-экономической сфере. Однако существуют барьеры, которые снижают качественные и количественные показатели отношений в этой области.

Данные барьеры и проблемы берут свое начало как на уровне государства, так и на уровне хозяйствующих субъектов. И кроются или в самой структуре экономики, на уровне законодательства, или в сфере внешнеэкономических отношений, а также они могут быть результатом несовершенства во взаимодействующих организационных структурах.

При рассмотрении совместной торговли как основы сотрудничества в торгово-экономической сфере мы можем наблюдать ряд проблемных вопросов в ее развитии. Наиболее ощутимой проблемой является ее несовершенная структура в области экспорта из России в Китай.

Несовершенство структуры выражается, в частности, в том, что для российского экспорта свойственны монокультурность, сырьевая и минеральная направленность и сравнительно небольшое количество готовых к использованию товаров. Это порождает высокий уровень зависимости от специфики рынка мировой торговли, в особенности для энергоносителей, и, следовательно, непредсказуемые ценовые колебания на нем делают его уязвимым. Отечественный экспорт экстенсивен и для него характерна сырьевая направленность. Подобная модель внешней экономики, пусть и получает одобрение зарубежных партнеров, однако способствует развитию российской экономики лишь как сырьевого придатка остальных стран-партнеров¹.

Не может не волновать и то, что в высоких деловых и политических кругах Китая склонны рассматривать партнерство с Россией только лишь как со страной, обладающей большим потенциалом энергии, которая может играть роль поставщика энергии и сырья. За прошедшее десятилетие уровень российского экспорта в Китай постоянно падает. Тем временем конкуренты, воспользовавшись моментом, быстро заполняют своими товарами рынок (объемы российского экспорта и тенденции его развития можно увидеть на примере диаграмм 1 и 2)².

Диаграмма 1

Структура российских экспортных поставок в Китай в январе – апреле 2014 г. (в %-ах от общей суммы экспорта 494,07 млрд долл.)

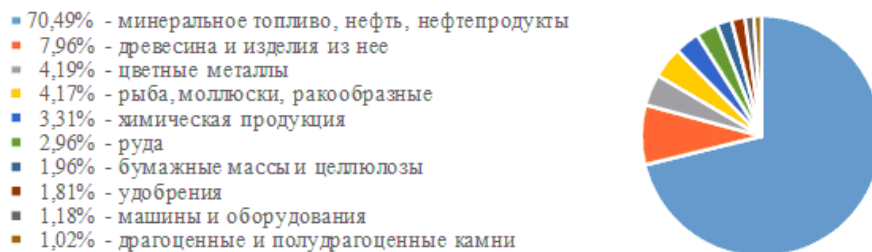
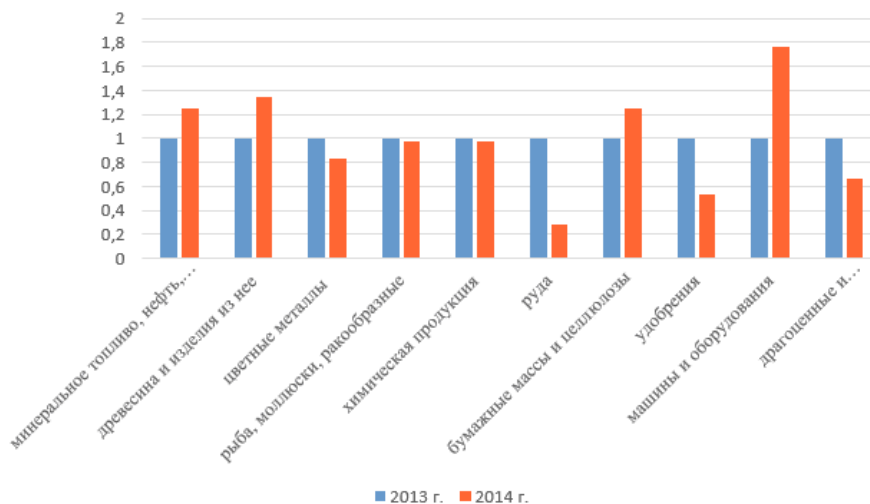


Диаграмма 2

Динамика изменения российских экспортных поставок в Китай в январе – апреле 2014 г. по сравнению с тем же периодом 2013 г. (для представленных выше категорий)



Есть и иная отличительная черта экспорта российских товаров в Китай: это поставки сырья и полуфабрикатов, но не готовой продукции, а также поставка продукции с легкой степенью исполнения. Китайские импортеры признаются, что поставка технически сложных в изготовлении продук-

¹ по данным Министерства внешнеэкономического развития РФ <http://www.ved.gov.ru/exportcountries/cn/>

² по данным таможенной статистики КНР http://www.ved.gov.ru/exportcountries/cn/cn_ru_relations/cn_ru_trade/

тов вызывает дальнейшие проблемы, связанные с осуществлением ремонта и технического обслуживания.

Одной из проблем в отношениях двух стран в сфере торговли и экономики по-прежнему является вопрос об антидемпинговых процедурах. Кроме того, наличие иных барьеров двусторонних отношений в данной сфере, которые напрямую затрагивают конкурентные преимущества российских производителей и их защиту, вызывает опасения³.

Даже с учетом того, что китайский рынок можно характеризовать как сравнительно высококонкурентный со стороны качества представляемых на нем товаров, предпочтение отдается новым легким и прогрессивным материалам. Кроме того, очень высокие требования предъявляются к срокам контрактных поставок. При этом те требования, которые предъявляются в отношении российской наукоемкой продукции (санитарно-экологические, сертификационные и др.), оказываются трудными для выполнения.

Все перечисленные выше обстоятельства являются основным барьером на пути поставки из России в Китай готовых изделий, которые имеют высокую степень обработки. Приведем ряд других факторов, которые так же препятствуют развитию экспорта российской промышленной продукции:

- низкое качество изделий из России и, как следствие, их невысокая конкурентоспособность;
- пренебрежение применением актуальных коммуникативных средств для обеспечения информацией зарубежных партнеров о представляемой российской конкурентоспособной продукции, а также данными об экспортере и производителе;
- малое количество финансов у поставщиков не позволяет экспортерам постоянно присутствовать на рынке;
- плохое обеспечение экспорта продуктов из России с высокой степенью обработки в сфере инфраструктуры;
- недостаток опыта в проведении сертификации у большого количества российских товаропроизводителей и недостаток финансов становятся серьезным препятствием для российского экспорта;
- плохая система координации среди отечественных поставщиков однородной продукции при осуществлении выхода на зарубежные рынки;
- малое влияние российских производителей экспортеров в качестве регуляторов отечественного экспорта, несмотря на их способность организовывать взаимодействие и направлять товарные потоки на более привлекательные в плане цены рынки.

Все перечисленное в совокупности отрицательно влияет на российский экспорт и создает неблагоприятные условия для иностранных инвесторов.

При проведении поставок из Китая возникает ряд трудностей. В основном это связано с потенциалом заказчиков из России. Как известно, возможности в последние несколько лет были снижены в силу разных причин, возникших из-за противоречия экономических реформ, дефолта 1998 г. и мирового финансово-экономического кризиса 2008–2010 гг. со всеми вытекающими последствиями. Импорт потерял динамику, и это особенно ярко отразилось на поставках высокотехнологичных товаров.

Кроме того, между Россией и Китаем есть ряд нерешенных проблем в сфере инвестиционного сотрудничества, научно-технической и производственной кооперации. Недостаточная проработанность договорно-правовой основы регулирования данного направления сотрудничества не отвечает требованиям инвесторов⁴. В то же время китайские партнеры не торопятся вкладывать средства в российскую экономику и продолжают выжидать, а если и вкладывают, то только в те области, которые принесут быстрый доход.

Таким образом, торгово-экономическое сотрудничество России с Китаем на сегодняшний день является одним из важных и приоритетных направлений внешнеэкономической политики, и создание благоприятных правовых и инфраструктурных условий для привлечения инвесторов, повышение конкурентоспособности отечественных товаров и решение ряда других проблем будут способствовать более интенсивному и плодотворному сотрудничеству стран.

³ Федеральный Закон «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» от 8 декабря 2003 г. №164-ФЗ. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003 г. №21. Ст. 2168.

⁴ Федеральный Закон «О соглашениях о разделе продукции» от 30 декабря 1995 г. №225-ФЗ. Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. №1 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996 г. №18 Ст. 1123.

Список использованных источников

1. Федеральный Закон «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» от 8 декабря 2003 г. №164-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003 г. №21. С. 2168.
2. Федеральный Закон «О соглашениях о разделе продукции» от 30 декабря 1995 г. №225-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. №1 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996 г. №18. С. 1123.
3. Бобо Ло. Хрупкое равновесие российско-китайских отношений // *Russie.Cei.Visions*, программа исследований по России и СНГ. 2005. № 1. 10 с.
4. Галенович Ю.М. Россия – Китай: старт двух «танDEMов» // *Свободная мысль*. 2009. № 2. С. 73–82.
5. Гельбрас В.Г. Российско-китайские отношения и проблемы глобализации // Альманах «Восток». 2007. № 1(42).
6. Портал внешнеэкономической информации <http://www.ved.gov.ru/>.

Д.Д. Еникеева

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ КОНКУРЕНЦИИ МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И РЕСПУБЛИКОЙ КАЗАХСТАН

D.D. Enikeeva

ECONOMIC COOPERATION IN THE PROTECTION OF COMPETITION BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Аннотация: Статья посвящена анализу созданной системы нормативно-правовых актов в области защиты конкуренции на трансграничных рынках Российской Федерации и Республики Казахстан.

Abstract: This article analyzes the established system of legal acts in the field of protection of competition as to the cross boarder trade of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan.

Ключевые слова: конкуренция, трансграничные рынки, ошибки правоприменения, Модельный закон «О конкуренции», правило «взвешенного подхода».

Keywords: competition, interstate markets, errors of law enforcement, the Model Law «On Competition», «rule of reason».

Экономическое сотрудничество между Российской Федерацией (РФ) и Республикой Казахстан (РК) реализуется в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства (ЕЭП). Кроме РФ и Казахстана в данную интеграционную группировку входит Республика Беларусь. Экономические возможности данного объединения обуславливаются в первую очередь масштабом: ЕЭП объединяет 170 млн чел., более 20 млн кв², 15% суши.

Внешнеэкономический оборот РФ и Казахстан имеет постоянную тенденцию к увеличению, что демонстрирует табл. 1.

Таблица 1

Взаимный оборот внешней торговли Российской Федерации и Республики Казахстан за 2011–2013 гг., млн долл. [1]

	2011	2012	2013
Взаимный оборот внешней торговли РФ и РК, млн долл.	22 330,9	23 860,1	23 847,0

Для обеспечения дальнейшего позитивного тренда в динамике взаимной торговли, а также качества экономического сотрудничества необходимо обеспечить равные условия конкуренции на трансграничных рынках РФ и РК.

Для обеспечения равных условий конкуренции на трансграничных товарных рынках РК и РФ с момента создания Таможенного союза и Единого экономического пространства сделано достаточно

много. Итогом проделанной работы хочется отметить созданную систему защиты конкуренции на трансграничных рынках РФ и РК, которая в настоящий момент состоит из направлений реализации конкурентной политики и совокупности применяемых инструментов. В рамках направлений конкурентной политики нами выделены активная конкурентная политика, подразумевающая комплекс мер, направленных на создание новых рынков и усиление конкуренции на уже существующих трансграничных рынках, а также формирование убеждений в общественном сознании о необходимости конкуренции и недопустимости ее ограничения. Создание новых рынков в данном контексте подразумевает процесс оптимизации сложившейся экономической структуры – реформирование естественно-монопольных отраслей и сфер, где продавцом или покупателем является государство. Защитная конкурентная политика имеет в своем составе антимонопольное регулирование, ценовое регулирование и контроль за государственными и муниципальными закупками. В рамках антимонопольного регулирования можно выделить так называемое жесткое ядро антитраста (пресечение и предупреждение злоупотребления хозяйствующим субъектом доминирующим положением, пресечение и предупреждение соглашений и согласованных действий, ограничивающих конкуренцию), а также запрет на недобросовестную конкуренцию. Институты, осуществляющие политику по обеспечению равных условий конкуренции и контроль за соблюдением нормативных актов конкурентного блока на трансграничных рынках, главным образом, представлены Евразийской экономической комиссией и Судом ЕврАзЭС (в части Составов по рассмотрению антимонопольных дел). Евразийская экономическая комиссия наделена функциями контроля за соблюдением единых правил конкуренции, пресечение нарушений хозяйствующими субъектами, оказывающих негативное влияние на конкуренцию на трансграничных рынках. За Судом ЕврАзЭС закреплена функция вынесения процессуального решения по нарушениям, ограничивающим конкуренцию в рамках Единого экономического пространства. Хочется обратить внимание, что имеющееся распределение функций между институтами, обеспечивающими равные условия конкуренции на трансграничных рынках, характерно для системы кодифицированного права и является традиционным для РФ и РК, что облегчает задачу формирования равных условий конкуренции на трансграничных рынках РФ и РК.

Учитывая, что имеющаяся на сегодняшний момент совокупность нормативных актов конкурентного блока в рамках регулирования конкурентных отношений между Россией и Казахстаном не является окончательной и до конца сформированной, тем не менее, в ней четко выделяются методический, договорной и законодательный блоки. Методический блок представлен решениями Совета Евразийской экономической комиссии и решениями Коллегии Евразийской экономической комиссии, в частности «Методикой определения монопольно высоких (низких) цен», «Методикой оценки состояния конкуренции», «Критерием отнесения рынка к трансграничному», «Методикой расчета и порядком наложения штрафов», «Порядком рассмотрения заявлений (материалов) о нарушении правил конкуренции», «Порядком проведения расследования нарушения правил конкуренции», «Порядком рассмотрения дел о нарушении правил конкуренции» и т.д.

Договорной блок представлен совокупностью международных договоров, в первую очередь речь идет о «Соглашении о единых принципах и правилах конкуренции» от 09.12.2010, «Соглашении о единых принципах и правилах регулирования деятельности субъектов естественных монополий» от 09.12.2010, «Соглашении о единых правилах предоставления промышленных субсидий» от 09.12.2010, «Соглашении о правилах государственной поддержки сельского хозяйства», «Соглашении о государственных (муниципальных) закупках» и т.д.

Законодательный блок представлен Модельным законом «О конкуренции», имеющим рекомендательный характер. Тем не менее, являясь своеобразным ориентиром в законотворческой деятельности стран-участниц, способствует единообразию подходов к обеспечению условий конкуренции на территории трансграничных рынков Единого экономического пространства, в т.ч. и трансграничных рынков РФ и РК.

Эффективность любой экономической политики, в т.ч. и конкурентной, заключается в адекватности используемых инструментов и их способности реализовывать поставленные цели. В силу кратковременности опыта применения такого инструмента конкурентной политики как совокупности нормативно-правовых актов, не всегда имеется возможность в полной мере сделать адекватный вывод об ее эффективности. Однако предоставляется возможность провести некоторый экономический анализ норм с целью выявления потенциальных источников неэффективности.

Формулировка и содержание норм наталкивают на вывод, что общий принцип, которому подчинена вся совокупность нормативно-правовых актов, можно сформулировать как «защита конкуренции и

участников рынка – контрагентов» на трансграничных рынках РФ и РК. К примеру, статья 12 «Запрет на злоупотребление хозяйствующими субъектами доминирующим положением» в «Соглашении» [2] сформулирована: «Запрещаются действия (бездействия) ..., результатом которых являются или могут являться недопущение, ограничение, устранение конкуренции и (или) ущемление интересов других лиц...» Другими словами, в одном перечне запрещенных практик объединены два разнородных типа действий: связанных с ограничением конкуренции (так называемые исключаяющие практики) и связанных с ущемлением интересов одной из сторон соглашений (эксплуатирующие практики). Безусловно, ущемление интересов контрагента может являться качественным проявлением ограничения конкуренции, но и таит в себе потенциальную опасность злоупотребления «ущемленным» контрагентом данной нормой, упрощая основание для обращения с жалобой с его стороны. Встает вопрос о необходимости прописывания отдельно в норме частных проявлений нарушения условий конкуренции. Эффективность любой экономической политики, в т.ч. и конкурентной, заключается в адекватности используемых инструментов и их способности реализовывать гармонизации законодательств стран-участниц, необходимо регуляционное воздействие на формирование условий конкуренции и защиты отдельных субъектов хозяйствования. В дальнейшем, по мере укрепления хозяйственных связей и установления нормальных бизнес-практик между РФ и РК, на наш взгляд, необходимо отойти от принципа «защиты конкуренции и контрагентов» и придерживаться принципа «защиты конкуренции, а не отдельных участников рынка» в системе нормативно-правовых актов.

Следующий потенциальный источник неэффективности нами видится в правоприменении нормативных актов: когда правоприменение может создавать ошибки I и II рода. Ошибки I рода возникают, когда органом, наделенным правом обеспечивать защиту конкуренции, принимается неправильная гипотеза и практика, которая реально не ограничивает конкуренцию, признается незаконной. Ошибки II рода возникают, когда правильная гипотеза отвергается, и действия, которые влекут за собой ограничение конкуренции, признаются законными. Оба типа ошибок оказывают негативное влияние на эффективность конкурентной политики. Основопологающим источником ошибок I рода является непосредственно содержание норм, когда описание действий, нарушающих конкуренцию, невозможно отделить от нормальной бизнес-практики, преследующей цель максимизации прибыли. Источником ошибок II рода в первую очередь является неглубокий экономический анализ практики, вызванный объективными и субъективными ограничениями.

К примеру, рассмотрим норму, запрещающую установление монопольно высокой цены, как возможность появления ошибок правоприменения I и II рода. Установление, поддержание монопольно высокой цены хозяйствующим субъектом, занимающим доминирующее положение, является запретительной практикой. Тем не менее, на рынке, где присутствует не одна только доминирующая фирма, но и конкуренты, монопольно высокая цена является стимулом для расширения объема производства и вхождения новых игроков на рынок. Таким образом, монопольно высокая цена – нормальная бизнес-практика, нормальное стремление хозяйствующего субъекта к максимизации прибыли, более того – стимул для расширения мощностей и усиление конкуренции. Здесь важно понимать, что водораздел между запретительной практикой и нормальной бизнес-практикой заключается именно в правильной квалификации доминирования хозяйствующего субъекта. Согласно «Методике оценки состояния конкуренции», количественным критерием доминирования является показатели концентрации, качественным показателем – высота барьеров входа на рынок, которая как раз и выражает экономический смысл доминирования – способность в одностороннем порядке влиять на общие условия обращения товара. И здесь главная проблема кроется именно в глубине экономического анализа и обосновании барьеров входа на рынок, что требует значительных временных затрат и высококвалифицированного трудового ресурса. Учитывая принцип «защиты, в том числе и контрагентов», стимулирующий большое число обращений с жалобами, имеется потенциальная возможность совершения ошибки правоприменения I рода. Помимо данного обстоятельства, практика квалификации цен как монопольно высоких способна создавать ошибки II рода. Согласно «Методике определения монопольно высоких (низких) цен», имеется два равноправных критерия монопольно высокой цены: превышение цены над ценой сопоставимого конкурентного рынка и превышение цены над экономически обоснованными издержками и прибылью. Первый критерий имеет серьезное ограничение применения, поскольку мы не можем одновременно наблюдать два рынка с одинаковыми характеристиками спроса, количеством участников, издержек. Второй критерий, с одной стороны, создает проблему калькуляции экономических затрат, для разрешения которой требуется проведение глубокого эконо-

мического анализа. С другой стороны, подталкивает участников рынка к необоснованному раздуванию затрат – налицо вероятность возникновения ошибок правоприменения II рода. Таким образом, хорошая правовая норма, отвечающая современным реалиям, – результат решения задачи минимизации издержек правоприменения при достижении заданного стандарта результата, включая потери от ошибок I и II рода.

Итак, каковы источники ошибок правоприменения I и II рода?

Одну группу источников ошибок создает формулировка норм. С одной стороны, сложность, многозначность, попытка представить полный исчерпывающий перечень нарушений создают ошибки II рода. Многовариантность смысла норм, усложненные стилистические обороты создают возможность злоупотребления и «подгона» последствий действий под нужный результат. Так, к примеру, если нарушение не входит в указанный перечень правонарушений, то данное действие не может быть признано как правонарушение, тем самым создается возможность безнаказанности, действительно нарушающие принципы конкуренции. К добавлению к данному факту, формулировка типа «могут привести...», что встречается в ст. 10, 11, 12 «Соглашении» [2], очень опасна, поскольку ориентировка на гипотетическую оценку эффектов дает основание для весьма многообразных последствий и запрета практически любой хозяйственной практики. Данная формулировка ведет к возможности возникновения ошибок I рода. Таким образом, для повышения эффективности условий конкуренции и снижения риска появления ошибок I и II рода, нами предлагается, как минимум, полностью убрать из всей совокупности нормативных актов в области защиты конкуренции формулировку «могут привести...», как максимум – более четко сформулировать нормы, исключить двусмысленность, придать нормам однозначность толкования.

Вторая группа источников ошибок правоприменения связана с разнонаправленностью эффектов практик: одни и те же действия хозяйствующих субъектов могут ограничивать конкуренцию и одновременно повышать эффективность. В принципе, практически всем действиям хозяйствующих субъектов на рынке, за исключением, пожалуй, действий в рамках жесткого ядра антитраста, можно дать двоякую оценку. Примером таких действий может быть запрещенная нормами практика ценовой дискриминации. С точки зрения законодателя, данная политика формирует неравные условия доступа товара, тем самым нарушаются принципы конкуренции. Но экономическая теория говорит нам об увеличении благосостояния потребителя в результате использования ценовой дискриминации. Другими словами, данная практика демонстрирует противоположно направленные эффекты. Для разрешения данного противоречия в практике антимонопольной политики принято разделять действия, незаконные *per se* (незаконные «по букве закона» или «незаконные по существу»), и действия в рамках *rule of reason* (правило «взвешенного подхода»). Следуя правилу практик, «незаконных по существу», определенные действия хозяйствующих субъектов однозначно прописываются в правовой норме как незаконные и в обязательном порядке попадают под антимонопольные санкции. Другими словами, действие, «незаконное по существу» подразумевает непризнание смягчающих обстоятельств и автоматическое осуждение поведения, приведшего к ограничению конкуренции. Этот принцип применяется там, где поведение никаким образом не уравнивает потери общества от ограничения конкуренции, четко квалифицирована его несовместимость с экономическими и социальными целями, а также имеется возможность предупредить его с помощью репрессивных мер. В то же время ряд действий хозяйствующих субъектов может рассматриваться с точки зрения «взвешенного подхода», т.е. оцениваться положительные и отрицательные эффекты. Стоит особо еще раз отметить, что практика *per se* не означает, что действия только ограничивают конкуренцию, не вызывая некоторого увеличения благосостояния. Любое действие имеет разнонаправленные эффекты, но здесь важно понимать, что издержки с точки зрения правоприменения и с точки зрения правильных сигналов для участников рынка будут ниже.

Практика «взвешенного подхода» снижает ошибки I рода, но может повысить число ошибок II рода. Другими словами, данная практика имеет еще негативные проявления: вызывает рост издержек правоприменения и дезориентирует участников рынка. Многое зависит от доказательной базы сторон. Поэтому, несмотря на возможность снижения ошибок I рода посредством «взвешенного подхода», не стоит значительно расширять практику ее применения. Принимая во внимание, что в ведущих международных юрисдикциях идет планомерный процесс сокращения запретов *per se* и перевод их в оценку конкурентных и антиконкурентных эффектов, Евразийской Экономической Комиссии сначала необходимо определиться с реальной целью антимонопольной деятельности. Если в дальнейшем будет реализовываться принцип «защита не только конкуренции, но и контрагента», то расшире-

ние практики rule of reason вызовет злоупотребление нормами закона со стороны контрагентов. Если же следовать принципу «защита конкуренции, а не контрагентов», то практика сокращения запретов per se видится только положительная. Поэтому важно правильно разделить данные практики с точки зрения целей конкурентной политики, проводимой на трансграничных рынках РФ и РК.

Таким образом, в статье были сформулированы только некоторые потенциальные угрозы обеспечения равных условий конкуренции на трансграничных рынках РФ и РК, заложенные в формулировке норм созданной совокупности нормативно-правовых актов. Принимая во внимание, что прежде чем принять решение, институты, реализующие конкурентную политику, проводят глубокий экономический и юридический анализ практики, тем не менее, для эффективного использования временных и трудовых ресурсов было бы целесообразно скорректировать нормы с точки зрения снижения ошибок правоприменения. В противном случае в споре хозяйствующих субъектов становится выгодно использовать институты, реализующие конкурентную политику, для достижения своих интересов, которые вообще могут не сопрягаться с условиями защиты конкуренции.

В связи с этим дальнейшая реализация конкурентной политики на трансграничных рынках РФ и РК нами видится как: совершенствование нормативно-правовых актов конкурентного блока ЕЭП с обязательным проведением экономического анализа норм еще на стадии институционального проектирования; смещение приоритетов в область проведения активной конкурентной политики, политики снижения барьеров входа на рынок.

Список использованных источников

1. Официальный сайт Евразийской Экономической Комиссии http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/Pages/default.aspx.
2. Соглашение о единых принципах и правилах конкуренции от 09.12.2010. Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru>.

Г.В. Зайцева

РОЛЬ МАЛОГО БИЗНЕСА В РАЗВИТИИ ЭКОНОМИКИ КИТАЯ И РОССИИ

G.V. Zaytseva

THE ROLE OF THE SMALL BUSINESS IN THE DEVELOPMENT OF THE ECONOMIES OF CHINA AND RUSSIA

Аннотация: Статья посвящена взаимодействию России и Китая в историческом аспекте, дана сравнительная характеристика развития малого бизнеса в Китае и в России. Выявлены особенности национального менталитета, которые повлияли на более успешное развитие китайской экономики за счет развития малого бизнеса в том числе.

Abstract: The article is devoted to relationships between Russia and China in the historical aspect, the comparative characteristics of small business development in Russia and China is given. The author displays the mentality peculiarities that influenced more successful economy development in China due to small business development as well.

Ключевые слова: экономика, малый бизнес, историческое взаимодействие России и Китая, применение традиций для развития малого предпринимательства.

Key words: economy, small business, historical relationships between Russia and China, the use of traditions for small business development.

Пограничное соседство России и Китая постепенно расширяет границы сотрудничества наших стран. Если рассматривать исторические факты развития двух стран, то особенно во второй половине XX столетия существует некая схожесть развития политического строя в виде авторитарной власти и экономики. И современное экономическое развитие наших стран имеет некоторые общие черты. Современная наука развития экономики оценила вклад малого бизнеса в экономику государства. Нужно сказать, что развитие малого бизнеса сыграло свою существенную роль в развитии экономики и России, и Китая. Однако Китай оказался более успешен в развитии новой экономики со времени организации реформ. Очевидно, на это были свои собственные причины.

Взаимодействие России и Китая имеет давнюю историю взаимоотношений, которая активно изучается разными учеными. Россия и Китай – это отражение двух соседствующих цивилизаций, олицетворяющих различные культуры: славянско-православную и конфуцианско-китайскую. Но местоположение России издавна было определено как форпост между Востоком и Западом.

Исторические факты формирования взаимоотношений между нашими странами отмечаются историей от XV столетия, а продолжают по сей день, как и положено отношениям между соседями. Ближайшее соседство столь разных по менталитету стран предопределило и их взаимодействие на века. Однако между нашими странами, столь разными по культурным традициям, развитию, менталитету, в различные периоды времени имели место быть различные формы взаимодействия: от незримых войн до военного противостояния, от холодного взаимодействия до сотрудничества.

Первые факты исследования китайской территории относятся к началу XVII в. В 1615–1617 гг. тобольский воевода И.С. Куракин направил два посла – Т. Петрова к калмыкам и В. Тюменца в Западную Монголию. Сведения, привезенные ими, показали, что пределы Китая вполне достижимы для казачьих экспедиций [5, с. 29]. Однако лишь к началу второй половины XVII в. создаются необходимые политические и экономические предпосылки для установления официальных и регулярных взаимоотношений между Москвой и Пекином. Главную роль в этом играли рост могущества, а также расширение пределов Русского государства в Восточной Сибири, где в 1619 г. был основан Енисейск [5, с. 29].

В 1698 г. торговля с Китаем уже получает такое развитие, что Петр Первый 12 ноября 1698 г. повелел, чтобы караваны отправлялись из Москвы в Нерчинск не ежегодно, как прежде, а через год, чтобы не было наплыва русских товаров и не падала цена на русские товары. В 1719 г. с Китаем был заключен договор, который положил начало дипломатическим отношениям: предполагалось присутствие в Пектине консула, а в других городах вице-консулов. Торговая часть договора гласила, что русские имеют право возить свои товары по всей территории Китая [6, с. 61].

Торговля с Китаем в середине XVIII в. была организована в том числе как приграничная, которая осуществлялась беспошлинно, на основании формируемых договоренностей между приграничными властями, в частности, в 1727 г. был подписан трактат Буринской, о котором упоминается в трактате полковника Ивана Кропотова от 18 октября 1768 г. [1, с. 282]. В трактате Кропотков закрепляет положение: «...обоим государствам вечно жить в дружбе и согласии и по-прежнему не заводить спор...» [1, с. 288]. Естественное развитие приграничной беспошлинной торговли завершилось различными разрешениями на торговлю, предоставленными Екатериной II, которая внесла свою лепту в развитие отношений с Китаем в конце XVIII в.

Достигнутые за сто лет договоренности привели к тому, что в 1853 г. торговые взаимоотношения России и Китая на азиатском пространстве занимали первое место как по вывозу российских товаров – экспорту – 60%, так и по ввозу – импорту – 43,8% [6, с. 71].

В 1858 г. с Китаем заключен Айгунский договор, по которому для русских были открыты все те китайские порты, где вообще допускалась иностранная торговля. И, нужно сказать, что и китайцы торговали на активно осваиваемых забайкальских и дальневосточных территориях, чем часто спасали переселенцев, поток которых двинулся на освоение свободных территорий Алтая, Забайкалья, Дальнего Востока в 80-е годы XIX в.: «... торговля с Маньчжурией представляет важное значение, т.к. здесь почти всегда испытывается недостаток в хлебе, а главным образом, в рабочем и убойном скоте. Торговля Южно-Уссурийского края с Маньчжурией по ввозу почти равна вывозу. За пятилетие 1891–1895 гг. через Полтавскую, Верхне-Монгугайскую и Хуньчунскую заставы вывезено товаров на 5944 тыс., т.е. на 1200 тыс. руб. в год, а ввезено за это же время 5271 тыс. руб., т.е. ежегодно около 1050 тыс. руб.» [6, с.67].

Организованная приграничная торговля с Китаем в XVIII в., продолжалась вплоть до тридцатых годов уже XX в., когда на Дальнем Востоке вступила в свои права Советская власть, о чем автору свидетельствовали очевидцы города Спасска-Дальнего Приморского края. Возобновление торговли на территориях Забайкалья и Дальнего Востока силами мелких предпринимателей Китая состоялось в начале 90-х годов XX в., после подписания исторических документов об определении границы между двумя странами, что положило конец пограничным притязаниям Китая, приведшим к военному противостоянию в 60–70-х годах XX в.

В 1992 г. в Россию впервые начали приезжать китайские мелкие торговцы, представители малого предпринимательства Поднебесной. Мелкие российские предприниматели, «мешочники» 90-х поеха-

ли в Китай, в приграничные районы для приобретения китайских дешевых товаров и дальнейшей их перепродажи на российской территории. К середине, к концу 90-х, российские предприниматели уже приобретали специальные туры для закупа китайских товаров на территориях крупных городов, где специально для русских была организована оптовая торговля дешевыми товарами. Таким образом, предприниматели двух стран открыли взаимовыгодную торговлю.

Однако современный анализ развития двух стран, безусловно, отражает первенство развития китайской экономики, которая на первых этапах принятия нового направления развития в конце 70-х годов прошлого века достигла небывалых высот. Отсталый Китай, каким он был в течение XX в., в веке XXI смог перегнать экономики развитых стран. Как же это произошло?

Китай привлекал внимание европейских и российских исследователей на рубеже конца XIX – начала XX в. Исследующие китайский образ жизни западные экономисты рассматривают возможности Китая как некоей колонии для сбыта европейских товаров, поэтому исследование китайского образа жизни проводится с позиции будущих возможностей Европы: «...главная масса китайского народа совсем еще незнакома с производством европейских стран, если не считать некоторых мелких, легко транспортируемых товаров. Познакомься же весь народ с произведениями европейской промышленности, для этих произведений откроется в Китае огромный сбыт, т.к. китайцы слишком практичные люди, слишком практичные дельцы, чтобы не оценить практичной пользы какого-либо предмета.» [2, с. 71].

Несколько иное отношение к Китаю и китайцам демонстрируют русские авторы. «Китай представляет интерес вообще для всех образованных и интеллигентных людей. Нас, русских, соединяют с китайцами исторические и этнографические узы, соприкосновение границ, наконец, наши политические и торговые интересы, тесно связанные с интересами китайскими, между тем мы меньше знаем нашего великого соседа, чем некоторые совсем чуждые ему народы Западной Европы.» [6, с. 3].

Для понимания современного успеха китайцев в развитии экономики стоит рассмотреть характеристику китайского предпринимателя конца XIX в. Несмотря на ужасающую бедность, каждый китаец характеризуется как представитель торгового сообщества: «Торговый инстинкт китайской расы, резвившийся в очень древнюю эпоху, послужил важным фактором ассимиляции и сплочения китайского народа. Китайская раса одарена в высокой степени способностью к торговле. Китаец – купец по природе. Он пропитан духом оборотливости, наживы и гешефтмахерства. Китайские купцы предприимчивы, трудолюбивы, расчетливы, аккуратны и сметливы. Мелкие торгаши довольно беззастенчивы, часто руководствуются правилом: не надуешь – не продашь», но крупные коммерсанты придерживаются более благородных принципов и высказывают большую солидность.» [3, с. 218].

И западные эксперты изменили свое отношение к китайцам: «Давая характеристику китайцам как участникам мирового бизнеса во всех его проявлениях, западные наблюдатели и эксперты обычно подчеркивали такие качества китайцев, как их трудолюбие, неприхотливость, а также способность к организации и дисциплину. Большой неожиданностью для западных предпринимателей оказалась, однако, предприимчивость их китайских партнеров, которые во многих случаях превзошли в своих начинаниях и в деловой хватке как европейских, так и американских и даже японских бизнесменов. Сама жизнь китайского народа, полная невзгод, вынуждала китайцев быть изобретательными и предприимчивыми.» [3, с. 17]. Одним из немаловажных качеств китайцев является бережливость, которая также отмечается всеми, кто попадает в Китай. В периоды лишений выжить может только бережливая семья. Бережливость китайцев дает возможность не только больше делать сбережений, которые формируют внутренние инвестиции государства. По данным китайской статистики, частные вклады китайцев в китайских же банках составляли на конец 2007 г. 28 трлн юаней, т.е. более 3 трлн долларов. Для государства и банков – это самый важный источник капиталовложений. Западные экономисты не раз с некоторым удивлением отмечали, что сбережения китайского населения играют более существенную роль, чем иностранные инвестиции, хотя и роль последних также весьма велика. [7, с. 21]. Нужно сказать, что китайцы всегда занимались мелкими промыслами: у них процветала уличная торговля, в т.ч. торговля обеденной продукцией; у каждого торговца, в зависимости от вида продаж, было свое снаряжение, которое и привлекало покупателей. Уличная торговля давала возможность обеспечения семьи, которая была значимой ячейкой общества с позиций древнейшей культуры и религии.

Можно сказать, что сама по себе китайская нация, которая основана на семейном объединении граждан, способных вести бизнес за счет тех качеств, которыми обладает каждый индивидуум, в

период реформирования в 70–80-е годы смогла легко организовать и вести бизнес именно исходя из стремления к лучшему существованию на основе терпения и трудолюбия.

Необходимость выжить в лихие 90-е конца XX в. и российских предпринимателей заставила искать способы заработать и обеспечить достойное существование. Поэтому многие начинали с малого торгового бизнеса, основанного на тотальном дефиците уже в конце 80-х, в условиях развития кооперативного движения начинали с мелких предприятий торговли, общественного питания, мелких кустарных производств. В России уже в 1991 г. говорят о необходимости поддержки малого бизнеса, постановление Правительства появляется в 1993 г., но узаконили поддержку в 1994 г.

Новый подход к развитию экономики Китая в 90-е годы был сформирован на базе развития малого предпринимательства. Китайцам за несколько лет удалось переориентировать страну на инновационные рельсы малого предпринимательства, силами которого были созданы новые небольшие предприятия, которые кормят и обеспечивают страну дешевыми товарами.

Одновременно в Китае были созданы льготные условия для инвестирования иностранными инвесторами: Китай привлекал инвестиции в особые экономические зоны, которые были созданы в крупных городах, например, в Шанхае. Причем это были инвестиции китайцев-эмигрантов, которые смогли когда-то вырваться из страны и разбогатеть в других странах: китайцы-иностранцы помогали своей стране. Здесь сработал китайский менталитет. Каждый из китайцев стремится на Родину, в Поднебесную, поэтому обиды у тех, кого изгнали коммунисты, просто нет. Они вновь и вновь возвращаются в свою страну и вкладывают инвестиции в виде собственных сбережений.

Россия также активно помогала китайским реформам: открытием границ на Дальнем Востоке; в Забайкалье были открыты и до сих пор действуют китайские рынки, которые насыщаются дешевой продукцией, а китайский малый бизнес черпает прибыль. В 90-е годы система была несколько иной: русские предприниматели ехали в Китай за продукцией, а здесь на территории России организовывали продажи, в связи с чем и росло предпринимательство. Подкосил систему ввоза продукции из Китая кризис 1997 г., когда доллар вырос от стоимости 6000 руб. до 22000 руб. В дальнейшем деятельность таможенных органов РФ завершила развал налаженного рынка.

Практически одновременное введение реформирования экономики в России и в Китае показало, что в Китае реформы состоялись, а в России – нет. Естественно, всех стал волновать вопрос «почему?» Один из ответов российских коммунистов был направлен на призыв изучать китайский опыт реформирования для применения у нас в стране. Но сами китайцы не поддерживали такого устремления. Они считали, что каждое государство должно самостоятельно найти путь реформирования, учитывая собственные особенности многовекового развития. Поэтому копирование китайского опыта не могло дать положительных результатов: «автоматический перенос китайского опыта на чужую почву плодов не принесет, потому как этот опыт уникален, реформы в КНР осуществлялись не по чужим рецептам, а с учетом местных особенностей. Действительно, реформы в России и Китае шли по-разному. В России «чикагские мальчишки» упрямо, если не сказать тупо, пытались внедрить наработки американских экономистов либеральной школы, а в Китае фактически с нуля разрабатывали собственную концепцию перестройки страны. Экономисты работали, руководствуясь формулой «переходить реку, нащупывая камни». Таким образом, медленно, но верно была сформирована система китайского предпринимательства с учетом исторических, традиционных факторов экономического развития общества и применением новейших достижений в области бизнеса и управления.

В настоящее время малые предприятия составляют абсолютное большинство зарегистрированных предприятий страны – свыше 95% от общего числа. Малый и средний бизнес дает одну треть ВВП Китая и создает большое количество рабочих мест. Именно поэтому его поддержка была и остается одной из приоритетных задач государства. В рамках реализации соответствующей государственной программы работают многие министерства и ведомства. При этом средний и малый бизнес составляют, в основном, частные компании. Для нас вид собственности не играет особой роли. Мы помогаем всем [8, с. 24].

В России с начала 90-х годов XX в. в качестве поддержки малого предпринимательства делается немало. Жаль только, что одной рукой осуществляется помощь, а другая рука эту помощь аннулирует.

Сформированное законодательство, безусловно, направлено на поддержку малого предпринимательства: созданы программы поддержки и развития в регионах, федеральный государственный бюджет щедро раздает денежные средства на осуществление поддержки малого предпринимательства. Кроме

того, поддержка осуществляется через упрощенные системы ведения бухгалтерского учета и налогообложения. Предприятия обязаны вести бухгалтерский учет, но в упрощенном варианте. Организации малого бизнеса обязаны платить различные налоги, но существуют упрощенные специальные режимы, которые дают возможность микропредприятиям упростить деятельность в части налогового учета и налогообложения, заменив систему налогов единым налогом. Для микробизнеса применяется упрощенная система налогообложения, единый сельскохозяйственный налог для сельхозпроизводителей, единый налог на вмененный доход, патентная система налогообложения для индивидуальных предпринимателей. Общая система налогообложения для малых предприятий также имеет некоторые упрощенные формы: предоставление отчетности по налогу на добавленную стоимость только на бумажных носителях, хотя такой же налог крупными и крупнейшими предприятиями предоставляется только на электронных носителях, что требует дополнительных затрат. Расчет бухгалтерской прибыли может производиться по кассовому методу, как и расчет налогооблагаемой прибыли, поэтому ведение учета и формирование отчетности бухгалтерской и налоговой весомо упрощаются. Уплата налога на прибыль может быть осуществлена по выбору налогоплательщика: либо авансовыми ежемесячными платежами, что более затратно, либо фактическими платежами за каждый отчетный период (квартал) с окончательным расчетом за отчетный период (год).

Развитие предпринимательского права в федеральном и региональном аспектах осуществляет поддержку малого бизнеса. Но одновременно реформируемая пенсионная система заявляет о своих правах на более высокие взносы от индивидуальных предпринимателей в системе социального права. Взносы вырастают от суммы 18000 руб. по уплате в 2012 г. до 36000 в 2013 г., в связи с чем в тень уходит огромное количество индивидуальных предпринимателей. С 2014 г. представители власти одумались, систему вернули в прежнее состояние, но индивидуальные предприниматели не вернулись на реальный рынок, а остались работать в тени, что ударяет по карману по бюджетам различных уровней: федеральному, региональному, местному.

Поддержка малого бизнеса осуществляется в России на разных уровнях с применением разных направлений. В Челябинской области создан крупный бизнес-инкубатор, который осуществляет поддержку малого бизнеса в Челябинске. Одним из видов поддержки является предоставление субсидий на возмещение затрат СМП по договорам аутсорсинга. Субсидии по аутсорсингу предоставляются из расчета пятидесяти процентов произведенных СМП затрат на оплату услуг по договорам аутсорсинга, размер субсидий не может превышать 100 тыс. руб., субсидии предоставляются предприятиям малого бизнеса, по договорам, обязательства по которым исполнены и оплачены в текущем финансовом году.

Предприятия, которые предоставляют услуги аутсорсинга, часто являются малыми, но они выполняют основную функцию – оказание услуг по ведению учета, налогообложению, предоставлению бухгалтерской и налоговой отчетности, что способствует их развитию. Поддержка осуществляется даже для предприятий, которые используют аутсорсинг.

В целях упрощения системы отчетности для индивидуальных предпринимателей была предложена патентная система налогообложения, которая предполагает уплату за выкуп патента и дальнейшее самостоятельное ведение бизнеса до момента получения ограниченного дохода. Расчет стоимости патента осуществляется от ограниченной суммы вмененного дохода, умноженной на 6 %. Кроме того, предприниматель, наряду с патентом, должен оплатить и социальный взнос в размере 18000 руб. Таким образом, сумма стоимости патента примерно 20 тыс. руб. и 18 тыс. руб. составят общую оплату за патент на один из видов деятельности в сумме дохода, ограниченного примерной суммой в 320 тыс. руб., без учета понесенных на бизнес расходов. Причем на каждый вид предприниматель должен приобрести патент. Поэтому более выгодной к применению будет упрощенная система налогообложения (УСНО) по объекту налогообложения «Доходы», которая учитывает и исчислению, учитывая оплаченную сумму социальных выплат, на которую можно сократить предназначенный к уплате единый налог по УСНО. Можно сказать, что в России в целом законодательство нацелено на поддержку малого бизнеса. Однако такого развития, как в Китае, малый бизнес не получил, и если нельзя копировать методы какого-либо государства, то необходимо, используя опыт Китая, медленно, но верно, учитывая менталитет граждан своей страны, создавать систему взаимодействия власти и потенциальных предпринимателей с целью привлечения инвестиций и развития экономики государства в целом.

Исторически предопределено соседство и сотрудничество России и Китая. Две страны в последние десятилетия активно развивают экономику. Но при этом применяют разные методы к развитию

бизнеса в целом. И в России, и в Китае существуют программы поддержки малого бизнеса, однако уровень развития предпринимательства в Китае намного выше, нежели уровень развития малого предпринимательства в России. Здесь играют роль разные факторы. Первый отражает личные качества китайцев, которые, прежде всего, связаны со взаимоотношениями между людьми, основанными на предпринимательстве: каждый должен что-то кушать, зарабатывая. Трудолюбие, желание служить семье, умение откладывать на будущее и копить денежные средства – это качества, которые характеризуют китайский народ как нацию, устремленную к предпринимательской деятельности. Здесь же можно рассматривать и национальный менталитет иностранцев китайского происхождения, включающий их бесконечное желание помочь своей стране любыми способами, основной из которых – инвестиции. Коренным китайцам, умеющим копить, и китайцам-иностранцам предоставляются возможности инвестирования, которые служат развитию бизнеса и экономики в целом, что достигается непосредственно открытостью Китая для инвестирования с начала реформ путем привлечения передовых технологий. Безусловно, немаловажную роль сыграли соответствующие решения руководства страны в отношении развития именно малого предпринимательства.

Очевидно, российским чиновникам, отвечающим за развитие экономики, нужно, во-первых, учиться развитию малого предпринимательства на опыте разных стран. Одновременно нужно искать пути собственного продвижения малого бизнеса в экономике государства на базе тех исторических факторов, которые характерны для нашей страны, для нашего народа и его менталитета.

Список использованных источников

1. Баснин В.Н. Историческая записка о китайской границе, составленная советником Троицко-Савского пограничного правления Сычевским. М.: Университетская типография «Катков и К», 1875. 293 с.
2. Гессе-Вартег Э. Китай и китайцы: жизнь, нравы и обычаи современного Китая // перевод А.и П. Гензен. СПб: Изд-во А.Ф. Дивриен, 1900 г. 379 с.
3. Коростовец И.Я. Китайцы и их цивилизация. С приложением карты Китая, Японии и Кореи. СПб., 1896.
4. История торговли и промышленности в России / под ред. П.Х Спасского. Том 1. СПб., 1910. с. 285.
5. Попов И.М. Россия и Китай: 300 лет на грани войны. М. : ООО «Изд-во Астрель», ООО «Изд-во АСТ», ЗАО НПП «Ермак», 2004. 511 с.
6. Романов В.Ф. Торговля в Китае. Томск, 1899. 72 с.
7. Медведев Р.А. Подъем Китая. М.: Астрель, 2012 : URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5670209.
8. Лин Цзы. Поддержка малого бизнеса в Китае – государственный приоритет // Экспо Ведомости. № 5-6. 2012. с. 24–25: URL: www.informexpo.ru.

Р.М. Зиннатуллин, О.В. Евсютина

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ НЕФТЕГАЗОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: ПРИЗНАКИ НОВОГО УРОВНЯ

R.M. Zinnatullin, O.V. Evsutina

RUSSIAN-CHINESE OIL AND GAS COOPERATION: SIGNS OF A NEW LEVEL

Аннотация: В статье рассматриваются основные направления взаимодействия РФ и КНР в нефтегазовой сфере. Показано, что в последнее время здесь достигнут ряд масштабных и долгосрочных договоренностей. Это позволяет говорить о выходе энергодIALOGA двух стран на качественно новый уровень и об обретении им стратегического характера.

Abstract: The article considers the main areas of cooperation of Russia and China in the oil and gas sector. It shows that in recent years there have been reached a number of large-scale and long-term arrangements. This leads to shifting the energy dialogue between the two countries to a new level, the cooperation obtaining a strategic nature.

Ключевые слова: Россия, Китай, нефть, газ, сотрудничество, соглашения, новый уровень.

Key words: Russia, China, oil, gas, cooperation, agreements, new level.

Cooperation between Russia and China in the energy sector has been the subject of much attention for many years in both countries and beyond. It is no coincidence that the Russian Foreign Minister Sergey Lavrov once aptly named energy as «the main supporting structure» of Russian-Chinese cooperation.

Such assessment is justified by two factors.

Firstly, energetic in terms of projects and the number of signed bilateral documents is indeed the most important link in the whole complex of relations between the two neighboring countries. Moreover, it is often and correctly called the area where the strategic partnership of Russia and China is most prominent and highly reinforced with concrete practical content.

Secondly, we are talking about the intrinsic value of importance that energy and energy cooperation has for each of the two countries. For China, as one of the world's largest energy consumer, these are the most important spheres of energy security and, eventually, the solution of the further dynamic development in order to reach the level of the leading countries of the world. For Russia, which is an important source of energy, energy cooperation has not just an opportunity to diversify energy exports which is so significant to its economy, but is also a serious infrastructural chance. It means that due to the «eastern vector of Russia's energy policy» The Russian Federation can make an important contribution to the solution of the urgent problem of developing the East of the country. In this context, we can remember the words of the President of the Russian Federation Vladimir Putin who stated that «full-access to the Asia-Pacific region should be considered as the most important key to a successful future of Russia, the development of the Siberian and Far Eastern regions».

Let's not forget that Moscow considers China to be «one of the most serious and economically promising partners». That is why the issue of energy cooperation is traditionally given a central place in the broad agenda of the Russian-Chinese dialogue, including one at the highest level. It is also important that the cooperation is based on regular interaction mechanisms, including the structure of the Energy Dialogue created during the Russian-Chinese summit in 2008.

On 22–23 March 2013 the state visit to Moscow of Xi Jinping, the newly elected President of China, has caused widespread public interest in contemporary Russian-Chinese relations and the possible options for their further development. As the new head of China stated in the Russian capital, «Sino-Russian cooperation in the energy sector is comprehensive, full-scale and high-grade».

Speaking about the oil and gas industry, which today is among the most saturated areas of cooperation, we must first note the obvious complementarity between corresponding energy sectors of the two countries, which in the future may increase. In respect of crude oil, we note that China is not the least oil producer (in 2011 – 203 million tons, i.e. 5.1% of world production). However, taking into account the fact that China is the 2nd largest oil consumer of the world (11.4% of world's consumption), its own resources are not enough for the country. In this regard, China is increasing oil imports. From 2005 to 2011, purchases of oil rose more than a third – from 181 to 252.9 million tons. In 2012, China already imported 269 million tons of crude oil, which accounted for about 57% of its total volume consumed per year (475 million tons). China's own production is about 170 million tons per year. China does not have the resource base, which would allow expecting an increase in oil production, which leads to a gradual increase in import dependence. Considering continued economic growth and according to estimates of Chinese experts, by 2020 the country's demand for imported oil will reach 450 million tons. By 2025, the projected volume of oil consumption in China will amount to 710 million tons per year.

Now Russia (8th in the world in terms of proven oil reserves, 12.8% of world production in 2011), shares with Saudi Arabia the world leadership in the production and export of crude oil in recent years (in 2011 – 511.4 and 244.5 million tones, respectively). And Russia has been keeping the amount of oil exports at 230-260 million tones for the past decade (239.9 million tons in 2012).

A similar pattern (in terms of production of import needs of one side and export possibilities of the other) is observed not only in the oil sector, but also in the sphere of natural gas. Russia is the undisputed world leader in proven reserves and volumes of pipeline natural gas exports (in 2011 it amounted to 207 billion cubic meters.). About 14-15 billion cubic meters are additionally exported as liquefied natural gas (LNG). Russia is at the head of the rating of countries-producers of hydrocarbon – 655 billion cubic meters in 2012 (by 2.2% less than in 2011). China produces gas in relatively modest volumes yet (102.5 billion cubic meters in 2011) and with the growing domestic consumption (130 billion cubic meters – 21.5% more than in 2010) needs to buy gas, and, along with LNG, the country is seriously considering the prospect of pipeline transport.

No coincidence that when talking about the two countries' cooperation in the hydrocarbon sector, its core appears to be joint projects of pipeline deliveries of hydrocarbons from Russia to China. In the oil industry it is

a long-standing cooperation, which has resulted in the commissioning of the pipeline branch «Skovorodino-Mohe-Datsin», which is a branch of the Russian oil pipeline «Eastern Siberia – Pacific Ocean» (ESPO). It is known that during the summit in China in September 2010, the leaders of Russia and China took part in the official opening of the Russian-Chinese oil pipeline. Hu Jintao and Dmitry Medvedev praised the event. In particular, according to the president of the Russian Federation, «it's a big project, which will actually unite our countries much closer and will allow solving a variety of economic and social problems».

In addition, the parties have repeatedly emphasized that in the oil industry besides traditional Russian oil supplies to China, there are good prospects for deepening and diversifying cooperation in the joint development of Russian oil fields in Eastern Siberia and the Far East, construction of oil refineries in China, construction and operation of network of filling stations at the regions mentioned.

As for the gas sphere, we note that the cooperation on the Russian side is being built here, in particular, according to the document, which name is fairly complex, but largely explains the subject matter – «Program of establishment in Eastern Siberia and the Far East an integrated gas production, transportation and supply system, taking into account possible gas exports to China and other Asia-Pacific countries».

In May 2014 Russia and China signed a grand contract for natural gas supply. It is expected that the gas pipeline to China will allow «Gazprom» to diversify exports, and will contribute to the future success of cooperation between the two countries. Contract amount is \$ 400 billion, its duration is 30 years. Each year, the volume of deliveries will be equal to 38 billion cubic meters of gas. In order to perform the contract there will be built the new gas pipeline from Russia to China called «The power of Siberia».

There is a chance that recent signing the contract is promising not only in terms of financial benefits to «Gazprom», but also in terms of finding resources for the development of other sectors of the economies of both countries.

Russian-Chinese cooperation can go deeper in the regions, especially those where there will be built crucial elements of the gas pipeline.

Some experts believe that signing the contract between China and Russia on gas supplies and pipeline construction is an event of the greatest significance for the entire planet. According to analysts, it will link the economies of both countries and will bring many benefits to each.

List of references

1. China in the international and regional politics. History and present time. 18th edition: annual edition / executive compiling editor E.I. Safronova. – Moscow: IFE RAS, 2013 – 292 p.
2. URL: <http://www.mid.ru/bdcomp/ns-asia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/c32577ca00174586c32578ce0022e15a!Open Document>.
3. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/16390>.
4. См.: Стенографический отчет о совещании «О приграничном сотрудничестве с Китаем и Монголией и задачах развития восточных регионов Российской Федерации». 21 мая 2009 года, 10:10 Хабаровск. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/4160>.
5. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/17728>.
6. URL: <http://www.oilru.com/news/225441/>; URL: http://www.bp.com/liveassets/bp_internet/globalbp/globalbp_uk_english/reports_and_publications/statistical_energy_review_2011/STAGING/local_assets/pdf/oil_section_2012.pdf.
7. URL: <http://www.oilru.com/news/355189/>.
8. URL: http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=credit_statistics/crude_oil.htm.
9. URL: http://www.bp.com/liveassets/bp_internet/globalbp/globalbp_uk_english/reports_and_publications/statistical_energy_review_2011/STAGING/local_assets/pdf/statistical_review_of_world_energy_full_report_2012.pdf
10. URL: <http://ekportal.ru/page-id-2753.html>
11. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/9038>
12. URL: <http://www.parlcom.ru/index.php?p=MC83&id=18525>
13. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%EE%F1%F1%E8%E9%F1%EA%EE-%EA%E8%F2%E0%E9%F1%EA%E8%E5_%EE%F2%ED%EE%F8%E5%ED%E8%FF
14. URL: <http://fb.ru/article/145635/gazoprovod-v-kitay-proekt-i-shema-gazoprovoda-v-kitay>

РОЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В РАЗВИТИИ ИСЛАМСКИХ ФИНАНСОВЫХ УСЛУГ

THE ROLE OF HUMAN POTENTIAL IN THE DEVELOPMENT OF ISLAMIC FINANCIAL SERVICES

Аннотация: В статье раскрывается расширенный подход к анализу взаимосвязи человеческого капитала и человеческого потенциала с учетом потребительского потенциала, а также проблемы повышения финансовой грамотности, обучения основам финансовых услуг на принципах ислама.

Abstract: The article deals with an expanded approach to the analysis of interrelation of human capital and human potential, taking into account consumers' potential as well as the problem of increasing financial literacy, learning the basics of financial services on the principles of Islam.

Ключевые слова: человеческий капитал, человеческий потенциал, воспроизводство, исламские финансы, финансовая грамотность, потребители.

Key words: human capital, human potential, reproduction, Islamic Finance, financial literacy, consumers.

Большинство отечественных исследователей человеческого капитала и человеческого потенциала трактует данные понятия как совокупность составных компонентов: образования, здоровья, мобильности, информации. Исходя из выделяемых компонентов, специалисты также ведут речь об инвестициях в человеческий капитал, которые классифицируют по объектам вложений.

На наш взгляд, определяющим критерием для анализа структуры человеческого капитала и человеческого потенциала является совокупность способностей человека, их разделение по видам, основанное на том положении, что современный человек обладает рядом многообразных способностей, которые могут использоваться в целях производства и/или потребления.

При изучении феномена человеческого капитала нельзя игнорировать важнейший современный компонент его развития – потенциал способностей индивида как потребителя. Можно сказать, что в развитии человеческого капитала органично переплетается накопление производительного и потребительного потенциала индивида.

По вопросу соотношения понятий «потенциал» и «капитал» необходимо отметить, что любой вид капитала (будь то физический или человеческий) становится таковым по мере включения в процесс общественного воспроизводства. Первоосновой существования, функционирования и воспроизводства капитала является соответствующий ему потенциал. Другими словами, человеческий потенциал в процессе реализации проявляется как человеческий капитал. Важно увеличивать (сохранять и преумножать) человеческий потенциал, но еще более важно увеличивать (расширять) возможности его реализации.

Как известно, в экономической теории простейшая аналитическая схема воспроизводства выглядит как непрерывный, повторяющийся процесс: производство → распределение → обмен → потребление. Традиционно в этой схеме на стадии потребления домашним хозяйствам, как субъектам воспроизводственного процесса, отводится пассивная роль. Более реалистичный подход подразумевает анализ домохозяйства как субъектов экономики, которые производят определенные блага, «внутри себя и для себя», используя приобретаемые на рынке товары, собственное время, свои навыки, профессиональную подготовку и прочий человеческий капитал. Другими словами, домохозяйство есть активный, а не пассивный максимизатор полезности, участвующий также в воспроизводственной деятельности.

Взаимосвязь человеческого потенциала и человеческого капитала можно показать графически, соотнося и совмещая их измерения: «ширину» и «длину» человеческого потенциала и человеческого капитала, «время полезной деятельности» как характеристику человеческого капитала [2, с. 55]. Ширина показывает, прежде всего, уровень образования, а также накопленный опыт всевозможных видов полезной деятельности. Длина человеческого капитала отражает запас здоровья, во многом определяющий продолжительность и интенсивность его функционирования.

По своей сути человеческий капитал есть часть нематериальных активов (ресурсов) индивида, находящихся в его собственности. Индивид может быть собственником как материальных, так и

нематериальных ресурсов, быть заинтересованным в увеличении как тех, так и других. При этом нематериальные активы индивида помимо человеческого капитала могут включать интеллектуальную собственность, представляющую собой права на результаты интеллектуальной деятельности (собственной либо сторонних лиц).

Касательно роли человеческого капитала в развитии исламских финансов, следует заметить, что данная роль заключается в обеспечении знаниями, компетенциями не только специалистов, стоящих на стороне предложения финансовых услуг на принципах ислама, но и потребителей данных услуг, находящихся на стороне спроса.

Следует заметить, что опыт отечественных исследований воспроизводственного потенциала региональной экономики свидетельствует о недостаточном внимании ученых к анализу взаимосвязи и взаимовлияния регионального рынка труда и человеческого капитала региона, а также их динамического характера: как рынок труда, так и человеческий капитал «не стоят на месте», они находятся в состоянии перманентного развития. В отечественных исследованиях почти не учитывается такой взгляд на субъектов воспроизводственного процесса, который предполагает наличие у них совокупных способностей, выражающих не только производительную, но и потребительскую силу субъекта воспроизводства.

Воспроизводственный потенциал региона – это более широкая категория по сравнению с экономическим потенциалом. Последний больше соотносится с процессом производства (а точнее его ростом). Воспроизводственный же потенциал объединяет в себе все виды ресурсов и возможностей, служит основой всего воспроизводственного процесса, т.е. охватывает не только процесс производства, но и фазы распределения, обмена и потребления. Причем эта основа опирается как на имеющиеся ресурсы (природные, капитальные и трудовые), так и на достигнутые результаты региональной экономики (ключевым из которых является валовой региональный продукт). Воспроизводственный потенциал тесно связан с отраслевой (видовой) структурой региональной экономики, ролью домашних хозяйств, а также характером участия региона в межрегиональном и международном обмене [4–12].

Общая формула формирования воспроизводственного потенциала (и его элементов) может иметь следующий вид:

$$Q_{pt_1} = Q_{pt_0} + (V_{pt} + I_{pt}) - (P_{pt} + EX_{pt}),$$

где Q_{pt_1} – совокупный воспроизводственный потенциал региона на конец текущего года; Q_{pt_0} – совокупный воспроизводственный потенциал региона на начало текущего года; V_{pt} – вклад региона в увеличение своего воспроизводственного потенциала; I_{pt} – передача региону элементов (носителей) воспроизводственного потенциала от внешних по отношению к нему источников (других регионов, национальной и мировой экономики) за год; P_{pt} – потребление воспроизводственного потенциала в регионе за год; EX_{pt} – перемещение носителей воспроизводственного потенциала из региона во внешнюю по отношению к нему среду за год.

Может быть так, что для отдельных элементов воспроизводственного потенциала региона отдельные компоненты приведенной формулы отсутствуют или проявляются несколько по-иному. Например, для полезных ископаемых элемент V_{pt} (вклад региона в увеличение своего воспроизводственного потенциала) будет или отсутствовать, т.к. этот вид ресурса невозможно произвести, или в него войдут новые разведанные запасы; для основных фондов в части зданий и сооружений величины I_{pt} и EX_{pt} будут отсутствовать, т.к. они обладают недвижимым характером. В случае экологического потенциала можно отметить, что с экспортом продуктов, произведенных в регионе путем сильного загрязнения природы, регион фактически будет экспортировать (EX_{pt}) свой экологический потенциал.

На наш взгляд, в контексте рассматриваемой темы развитие исламских финансовых услуг окажет первоочередное влияние на элементы I_{pt} (в результате усиленного притока исламских финансов и сопряженных с ними иных носителей потенциала) и P_{pt} (за счет изменения структуры и объема потребления элементов воспроизводственного потенциала под влиянием положений ислама).

В докладе Председателя Национального Банка Республики Казахстан Келимбетова К.Н. [3] отмечается, что для развития исламских финансов ключевыми следует признать три направления, которые необходимо совершенствовать и улучшать:

- 1) человеческий капитал;
- 2) совершенствование законодательства и создание инфраструктуры исламских финансовых услуг;
- 3) маркетинг и привлечение участников рынка исламского финансирования.

Определяющая роль человеческого капитала для развития исламских финансов осознана не только в среде ученых, но и политиков. Важность этого капитала рассматривается как с точки зрения подготовки специалистов международного уровня по вопросам исламских финансов, так и в аспекте обучения населения основам исламского финансирования.

По нашему мнению, ликвидация финансовой безграмотности, обучение населения основам исламского финансирования являются в некотором отношении более важными, чем подготовка специалистов-сотрудников соответствующих финансовых компаний. Физическим лицам можно предлагать множество финансовых услуг на принципах ислама, но они останутся без особого внимания со стороны населения, если перед этим не будет проведена кропотливая и очень важная работа по повышению финансовой грамотности.

Финансовая грамотность может быть определена как совокупность знаний о финансовых рынках, особенностях их функционирования и регулирования, профессиональных участниках и предлагаемых ими финансовых инструментах, продуктах и услугах, умение их использовать с полным осознанием последствий своих действий и готовностью принять на себя ответственность за принимаемые решения. Другими словами, финансовая грамотность есть достаточный уровень знаний и навыков в области финансов, который позволяет верно оценивать ситуацию на рынке и принимать взвешенные решения.

В случае с исламскими финансами финансовая грамотность дает возможность понимать, как устроена финансовая сторона жизни мусульман, в чем ее особенности в сравнении с жизнью по «традиционной» финансовой модели.

Финансовая грамотность также необходима для получения знаний об основах «личной экономики», чтобы избежать многих ошибок и финансовых потерь, но при этом увидеть и новые возможности. Однако просто знаний об основах финансовой грамотности недостаточно. Для реализации полученных знаний на практике требуется соответствующее финансовое поведение, как деятельность по мобилизации и использованию денежных ресурсов. Финансовое поведение человека по сути является частью потребительского поведения, поскольку на рынке финансовых услуг индивид всегда выступает в качестве клиента-потребителя.

На наш взгляд, с теоретической точки зрения потребности индивида формируют целевые установки для их удовлетворения. Это есть первый этап, когда потребности актуализируются. Далее (осознанно либо неосознанно) осуществляется поиск возможных путей (способов) удовлетворения актуальной потребности. Затем следует этап удовлетворения потребности, на котором можно наблюдать прирост «потребительского знания» в виде способностей, формирующих человека-потребителя, компетентного в определенных видах потребительной деятельности. Эти способности индивид может совершенствовать как «на практике» (в процессе потребительной деятельности), так и «в теории» (обучаясь этому в процессе образовательной деятельности и самообразования).

Вопросы развития человека как финансово грамотной личности, как потребителя имеют, по нашему мнению, четкую взаимосвязь с проблемами развития человеческого капитала, сохранения нравственного капитала. По большому счету от того, насколько развиты рациональные морально-этические потребности и потребительные способности человека, во многом зависит его вклад в формирование общественной морали, потенциала нравственности. В современной экономике важная роль отводится социальной ответственности граждан за результаты экономического развития. Формирование подобной ответственности в обществе как накопление нравственного капитала есть проблема долгосрочного характера, «кропотливой работы» всего социума на протяжении десятилетий. В эту работу красной нитью вплетено функционирование образования.

Отметим, что в решении проблем финансовой грамотности особое место занимает молодежный контингент, как своеобразная социально-демографическая группа населения. В Институте экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета, как и в ряде других крупных вузов страны, были успешно проведены занятия со студентами в рамках проекта «Финансовая грамотность для студентов», который был реализован совместно с Российской экономической школой и Центром экономических и финансовых исследований и разработок [1].

Список использованных источников

1. Ишмухаметов Н.С., Арсланова А.К. Проблема финансовой грамотности населения // Экономика и социум (электронное научно-практическое периодическое издание). – 2014. – № 3 (12). URL: [http://iupr.ru/domains_data/files/zurnal_12_2014/Arslanova%20Aygul%20Kabirovna\(Sovremennye%20nauki%20i%20obrazovanie\).doc.pdf](http://iupr.ru/domains_data/files/zurnal_12_2014/Arslanova%20Aygul%20Kabirovna(Sovremennye%20nauki%20i%20obrazovanie).doc.pdf).

2. Ишмухаметов Н.С. Условия реализации человеческого капитала в хозяйственной системе региона (на примере Республики Башкортостан): монография / Н.С. Ишмухаметов. Уфа: Гилем, Башкирская энциклопедия, 2013. 224 с.
3. Доклад Председателя Национального Банка Республики Казахстан. URL: <http://www.muslimeco.ru/opubl/391/>.
4. Юсупов К.Н. Национальная экономика: учебное пособие / К.Н. Юсупов, А.В. Янгиров, А.Р. Таймасов ; под общ. ред. К. Н. Юсупова. М.: КНОРУС, 2008. 288 с.
5. Юсупов К.Н. Оценка взаимосвязи индикаторов экономического роста, инфляции, безработицы, внешней торговли, инноваций и инвестиций в Российской Федерации на современном этапе / К.Н. Юсупов, А.В. Янгиров, Ю.С. Токтамышева // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. № 42. С. 23–28.
6. Юсупов К.Н. Региональный риск в системе производственного потенциала региона / К.Н. Юсупов, А.В. Янгиров, А.Ф. Давлетбаева // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 20. С. 2–8.
7. Юсупов К.Н., Янгиров А.В. «Воспроизводственный потенциал региона – региональный продукт – региональный риск» в макроэкономическом анализе / К.Н. Юсупов, А.В. Янгиров // Управление риском. 2008. № 1. С. 12–17.
8. Юсупов К.Н., Янгиров А.В. Концепция анализа воспроизводственного потенциала региона / К.Н. Юсупов, А.В. Янгиров // Региональная экономика: теория и практика. 2007. № 16. С. 6–15.
9. Юсупов К.Н., Янгиров А.В. Стратегия модернизации и повышение потенциала регионов / К.Н. Юсупов, А.В. Янгиров // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2010. № 5. С. 17–24.
10. Янгиров А., Юсупов К. Межпотенциальные взаимосвязи в анализе воспроизводственного потенциала регионов Российской Федерации / К. Юсупов, А. Янгиров // Федерализм. 2007. № 3 (47). С. 1–17.
11. Янгиров А.В. Исследование функциональных и структурных особенностей воспроизводственного потенциала региона / А.В. Янгиров // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2008. № 5. С. 53–57.
12. Янгиров А.В. Экономический потенциал Республики Башкортостан: монография / [Янгиров А.В. и др.]; под ред. А. В. Янгирова; Федеральное агентство по образованию, Гос. учреждение высш. проф. образования «Башкирский гос. ун-т», Нефтекам. фил. Нефтекамск, 2008. 179 с.

В.П. Карпов

РОССИЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: НЕФТЕГАЗОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

V.P. Karpov

RUSSIA AND CENTRAL ASIA: OIL AND GAS COOPERATION IN THE POST-SOVIET SPACE

Аннотация: Статья рассматривает роль нефтегазового фактора в развитии сотрудничества между Россией и странами постсоветской Центральной Азии. Проанализировано взаимовлияние экономического сотрудничества и политических процессов в регионе.

Abstract: The article reviews the role of oil and gas factor in the development of cooperation between Russia and the countries of post-Soviet Central Asia. It analyses the mutual influence of the economic cooperation and political processes in the region.

Ключевые слова: Россия, Центральная Азия, сотрудничество, нефть, газ.

Key words: Russia, Central Asia, cooperation, oil, gas.

Политическая стабильность в Центрально-Азиатском регионе (ЦАР) во многом определяется сотрудничеством бывших советских республик. Важную роль здесь играет нефтегазовый фактор, что во многом обусловлено инфраструктурой единого в прошлом нефтегазового комплекса (НГК). В СССР была создана крупнейшая в мире единая система нефте- и газоснабжения страны, в которую вошли нефтяные, газовые месторождения, магистральные трубопроводы, нефте- и газоперерабатывающие заводы (НПЗ и ГПЗ). Видное место в едином советском комплексе занимали Казахстан, Туркменистан и Узбекистан – сегодня самостоятельные игроки на мировом нефтегазовом рынке. Все нефте- и газопроводы Центрально-Азиатского региона, построенные в СССР, были направлены

на север. Нефть и газ, транспортируемые по ним, предназначались либо для экспорта транзитом через территорию России, либо для собственного потребления.

Прежде всего, Москва заинтересована в развитии сотрудничества с Республикой Казахстан (РК), т.к. с ней граничат 12 российских регионов. Наибольшей степенью контактности отличаются южно-уральский и западно-сибирский участки, примыкающие к западным и северным районам РК, где расположены наиболее богатые месторождения углеводородов (УВ), большинство предприятий по их переработки. Наиболее высокий потенциал для приграничного взаимодействия с Казахстаном, в сопоставлении по валовому региональному продукту, у Тюменской и Челябинской областей [1, с. 8].

За 20 с небольшим лет самостоятельного развития производство нефти в РК выросло с 25 до 81,8 млн тонн в год (1991–2013 гг.) и, по мнению специалистов, пик добычи еще не пройден – к 2020 г. из недр будет извлекаться не менее 130 млн тонн нефти в год [2, с. 86, 87]. В сентябре 2013 г. начата промышленная добыча на супергигантском нефтегазовом месторождении Кашаган с балансовыми запасами почти в 5 млрд тонн нефти. Эксперты считают, что с началом его эксплуатации РК войдет в ведущую пятерку мировых нефтедобытчиков. Достичь столь высоких показателей планируется с помощью иностранных компаний, в т.ч. российских – Газпром, ЛУКОЙЛ, Роснефть и Транснефть. В 2014 г. в РК планируется добыть 83 млн тонн нефти и 41 млрд кубических метров газа. Другая бывшая советская республика – Туркменистан, по мнению экспертов, занимает 3-е место в мире по запасам природного газа после России и Ирана.

Процесс определения стратегического подхода новой России к странам СНГ в ЦА проходил достаточно сложно, потому что, во-первых, большую часть 1990-х годов внешняя политика РФ ориентировалась на Запад, а во-вторых, представления о возможностях добычи УВ после слома плановой экономики и обвального падения нефтедобычи были весьма туманными. Главные надежды РФ, потерявшей за годы либеральных реформ почти половину своего промышленного потенциала, возлагались на экономическую помощь Запада, а Центральная Азия считалась в этом плане бесперспективной. Однако развитие мировой геополитической ситуации показало, что Россия не может «ходить на одной, западной, ноге» [3, с. 5].

Восточное направление приобрело еще более важное значение в связи с украинским кризисом 2014 г., вызвавшим охлаждение отношений Россия – Запад. Хотя, перефразируя Е. Примакова, «ходить на одной, теперь уже восточной, ноге так же плохо, как на одной западной». Нельзя совсем уходить из Европы и Северной Америки, иначе восточные партнеры РФ (КНР в первую очередь) будут использовать новую геополитическую ситуацию в своих интересах, навязывая России невыгодные условия партнерства [4, с. 18].

Трудности переходного периода в 1990-е годы испытывали как РФ, так и постсоветские центрально-азиатские республики, что подталкивало их к сближению. К сожалению, концепция внешней политики России 1992 г., разработанная МИДом и объявлявшая в числе приоритетов налаживание устойчивых взаимоотношений со странами СНГ, оказалась не более чем декларацией. Нефтегазовое сотрудничество между бывшими советскими республиками тоже заметно ослабло. Если в 1990 г. взаимопоставки нефти между РФ и РК превысили 33 млн тонн, то к 2009 г. они уменьшились в 3,3 раза [5, с. 102]. Построенные в советское время на территории РК НПЗ проектировались под переработку углеводородов с низким содержанием серы и парафинов. Но, поскольку добываемое в республике сырье не отвечало этим стандартам, то перерабатывающим предприятиям приходилось использовать в основном западносибирскую нефть. В свою очередь, казахстанская нефть транспортировалась в РФ.

Ситуация с газовым сотрудничеством на протяжении 1990-х годов выглядела не лучше. Сложившаяся за десятилетия система транзита газа (из Туркменистана и Узбекистана через Казахстан в Россию) была почти полностью разрушена, поставки из Узбекистана практически прекратились, а туркменский газовый экспорт сократился в несколько раз и осуществлялся не на системной основе, а с использованием бартерных схем расчетов.

Наблюдая за нарастающим кризисом в России и отсутствием последовательной политики последней в Центральной Азии, все больше внимания стратегическому региону стали уделять США, Китай и другие страны. В 1993–1994 гг. крупные контракты с правительством Казахстана заключили американские нефтяные компании. В августе 1995 г. представители международного консорциума в составе американской компании «Эксон», японской «Мицубиси» и Китайской национальной нефтяной корпорации (КННК) подписали в Пекине соглашение об изучении проекта строительства газопровода

Туркменистан – Узбекистан – Казахстан – Китай – Япония. Следует отметить особую заинтересованность в регионе Китайской Народной Республики, рассматривающей его как сферу своего влияния. Особый интерес для Поднебесной представляют государства, имеющие с ней общую границу – Казахстан, Таджикистан и Киргизия.

В связи с диверсификацией внешних связей центрально-азиатских государств наметилась перспектива ликвидации их зависимости от трубопроводной инфраструктуры России, что ослабляло влияние РФ в регионе. Политика экономического и политического вытеснения РФ из ЦАР не могла не беспокоить российское руководство и во второй половине 1990-х Правительство РФ начало пересмотр приоритетов во внешней политике. С назначением в 1996 г. на пост министра иностранных дел Е. Примакова, сторонника концепции многополярного мира, наметился сдвиг в азиатском направлении. В октябре 1998 г. РФ и РК заключили Договор «Об экономическом сотрудничестве на 1998–2007 гг.», предусматривающий координацию действий в области ТЭК. РФ, заинтересованная в закреплении основных потоков центрально-азиатских УВ по своей территории, шла на определенные жертвы: из-за увеличения квоты транзита казахстанской нефти на экспорт через российские трубопроводы отечественный бюджет недосчитался в 1998 г. 175 млн долл. в виде недополученных налоговых поступлений, в 1999 г. – 375 млн долл. [6, с. 199, 200].

В целом 1990-е годы показали, что Россия оказалась плохо подготовленной к масштабным политическим изменениям в ЦАР и не смогла в полной мере использовать свои возможности влияния. В свою очередь, российские партнеры не были удовлетворены зависимостью от нефтегазовых транспортных систем РФ, приступили к реализации самостоятельных проектов для обеспечения доступа своих УВ на европейские рынки. Стремление вполне объяснимое, т.к. постсоветские республики являются конкурентами на мировом рынке. В конце 1990-х РФ экспортировала более половины, а РК – 4/5 добываемой нефти [7, с. 42]. При этом оба государства поставляли ее на одни и те же рынки, по одним и тем же нефтепроводам. Основная часть казахстанской нефти шла на мировой рынок транзитом через Россию, а сравнительно меньший экспортер заинтересован в ослаблении своей зависимости от более крупного и вынужден искать альтернативные варианты транзита своей продукции на экспорт.

Темпы роста добычи и экспорта УВ из стран ЦАР в 2000-е гг. превысили темпы развития их транспортных систем. В конце 2003 г. в Ташкенте прошло совещание представителей РФ, РК и Узбекистана по вопросу реконструкции газотранспортных систем Бухара – Урал (ок. 4 500 км, введен в 1965 г.) и Средняя Азия – Центр (ок. 4 000 км, 1966 г.). В постсоветский период из-за физического износа пропускная способность первого (первоначально предназначался для поставок природного газа с Газлинского месторождения (Бухарская область в Узбекистане) в промышленные центры Южно-Уральского региона России) снизилась с 19 до 7 млрд м³ в год, второго (предназначался для переброски туркменского и узбекского газа в европейскую часть СССР) – с 68 млрд м³ (мощность всех 5 ниток) до 50 млрд м³ в год. В 2000-е годы система транспорта центрально-азиатского газа в российском направлении восстанавливалась и в 2008 г. суммарный экспорт из Туркменистана и Узбекистана через территорию Казахстана практически достиг советского уровня – 62 млрд м³ против 65 млрд м³ в 1990 г. [5, с. 102, 106].

Изучалась также возможность строительства большего числа трубопроводов в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС включает РФ, КНР, РК, Киргизию, Таджикистан и Узбекистан), созданной в 2001 г. Для всех ее участников, включая КНР, приоритетным является сотрудничество в сфере топливно-энергетического комплекса (ТЭК). В конце 2005 г. был открыт 1000-километровый трубопровод Атасу (РК) – Алашанкоу (КНР), ставший первым центрально-азиатским экспортным маршрутом, который не проходит по территории РФ.

Благодаря объединению политических ресурсов России, Китая и Казахстана, ШОС играет в ЦАР все более заметную роль, и при дальнейшем наращивании сотрудничества способна значительно потеснить интересы США. Однако нельзя забывать о соперничестве внутри самой организации. Активность центрально-азиатских республик может обернуться для России потерей китайского рынка. Так, в ноябре 2011 г. между КНР и Туркменистаном был подписан договор, по которому туркмены увеличат поставки газа в Поднебесную на 25 млрд куб. м. То есть в ближайшем будущем туда будет направляться в общей сложности 65 млрд кубов в год.

Газ из Туркменистана экспортируется в Китай по Центрально-Азиатскому газопроводу, ожидаемая пропускная способность которого к 2015 г. должна достигнуть 55 млрд куб. м. Но к 2020 г., когда

будут достроены все четыре линии газопровода, мощность достигнет 80 млрд куб. м в год. Таким образом, важность поставок туркменского газа в Китай будет только возрастать, именно с этим и связаны активные инвестиции CNPC в разработку добычи в Туркменистане. Таким образом, Ашхабад:

- 1) снижает свою зависимость от российского рынка;
- 2) составляет серьезную конкуренцию Газпрому на китайском направлении;
- 3) прокладывает дорогу газу из Казахстана и Узбекистана, также готовым подпитывать туркменскую трубу в КНР (8 700 км) соответственно 12-15 млрд и 10 млрд кубометров [8, с. 93].

Казахстан, укрепляя партнерство с РФ, тоже ищет возможности маневра. К этому подталкивала и сама Россия, предлагавшая в 2000-е годы условия экспорта УВ, не всегда отвечавшие интересам стран ЦАР. Так, Газпром экспортировал газ в Европу по мировым ценам, а Туркменистан и Узбекистан вынуждены были продавать его Газпрому по цене существенно ниже мировой. Для казахстанских экспортеров нефти транзитные тарифы были вдвое выше, чем для российских нефтяных компаний (НК).

По мере стабилизации социально-экономической и политической ситуации в стране в 2000-е годы, Москва добивалась более тесного сотрудничества с РК в области ТЭК, о чем свидетельствовали межправительственные соглашения РФ и РК о сотрудничестве в газовой отрасли (ноябрь 2001 г.), о транзите нефти (июнь 2002 г.), контракты между казахстанскими и российскими компаниями. И все же, по мнению экспертов, Запад оказался расторопнее РФ и быстрее включился в освоение казахстанских нефтегазовых ресурсов. Об этом можно судить по реализации в Казахстане 3 основных нефтегазовых проектов. Первый – «Карачаганак». Гигантское нефтегазоконденсатное месторождение РК на условиях соглашения о разделе продукции (СРП) разрабатывает международный консорциум (Karachaganak Petroleum Operating (КРО). В нем компании Eni (Италия) и British Gas (BG Group, Великобритания) имеют по 32,5% акций, Chevron Texasco (США) – 20% и российский ЛУКОЙЛ до недавнего времени имел 15%. Однако 14 декабря 2011 г. КРО и Министерство нефти и газа РК заключили новое соглашение, по которому у российской компании остается 13,5-процентная доля участия [2, с. 88]. Консорциум будет управлять проектом до 2038 г.

Второй проект – разработка месторождения «Кашаган». За 2001–2010 гг. в него вложено 17 млрд долл. (для сравнения: в Карачаганак – 6 млрд долл.) итальянцами, англичанами, американцами и «КазМунайГазом». Российские компании не участвуют.

Третий проект – строительство и эксплуатация магистральной трубопроводной системы (КТК), проложенного по маршруту Тенгиз – Новороссийск. В его реализации участвуют Россия, представленная Транснефтью (24%) и КТК Компанией (7%), Казахстан (КазМунайГаз – 19%), а также ряд крупных компаний из других стран. Ранее в число акционеров входил Султанат Оман, но его долю выкупила Россия. Пуск нефтепровода состоялся в 2001 г. В 2011 г. по нему перекачано 34,2 млн т сырья. В 2012 г. начата активная работа по увеличению мощности трубопровода КТК до 67 млн т, а завершить расширение планируется в 2015 г. [2, с. 88].

Трудно прогнозировать масштабы присутствия России на нефтегазовом рынке ЦАР, поскольку он становится все более привлекательным для многих стран и компаний. При этом следует учитывать, что, во-первых, российским нефтяным компаниям приходится конкурировать там с крупнейшими иностранными фирмами; во-вторых, в самой России сталкиваются интересы государства и влиятельных финансово-промышленных групп (ФПГ) в вопросе о международном нефтегазовом сотрудничестве. Для государства страны ЦАР – важный политический партнер, а для ФПГ – потенциальный конкурент. Хотя для усиления энергетического сотрудничества есть не только политические, но и экономические стимулы: добывать энергоресурсы в Центральной Азии дешевле, чем в РФ, поэтому Москва использует их для внутреннего потребления, а за рубеж поставляет нефть и газ Западной Сибири.

Существуют разные точки зрения на перспективы транспорта УВ из Центрально-Азиатского региона. Одни эксперты указывают на геополитические барьеры, другие отмечают, что эти препятствия не будут существовать вечно: вопросы делимитации секторов Каспия будут решены, санкции США в отношении Ирана – сняты, наступит мир в Афганистане. Однако в среднесрочной перспективе, когда государствам ЦАР придется принимать решения в пользу того или иного варианта трубопровода, политические проблемы сохранятся. Поэтому углеводороды из ЦАР в ближайшей перспективе будут поставляться только в Китай и Россию, а не в Европу. Но дальнейшая переориентация центрально-азиатских потоков нефти и газа на Китай и Азербайджан может нанести удар не только по экспортным возможностям, но и политическому влиянию РФ в регионе.

Неумолимо развивающаяся глобализация, сближая страны, в то же время на участке энерго- и ресурсоснабжения все больше разъединяет их, превращая в игроков разных команд на мировом рынке. Россия остается единственным евразийским государством, географическое положение и экономика которого позволяет выстраивать трансзиатские схемы транзита углеводородов. Однако со временем взаимодействие государств в Центральной Азии, как и их сотрудничество в нефтегазовой сфере, будут определяться не столько структурой постсоветской экономики, сколько геополитическими факторами глобального порядка. Их необходимо учитывать России, чтобы сохранить своих традиционных партнеров и позиции в регионе.

Список использованных источников

1. Кокшаров В.А., Тиханова Е.В. Юго-Восточная граница России: исторический путь к согласию. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. 259 с.
2. Терещенко В. После «нефтяного бунта» // Нефть России (НР). 2012. № 2. С. 86–89.
3. Примаков Е.М. Международные отношения накануне XXI века: проблемы, перспективы // Международная жизнь. 1996. № 10. С. 3–5.
4. Карпов В.П. Нефтегазовый ресурс страны: история, экономика и политика // Налоги, инвестиции, капитал. 2014. С. 13–23.
5. Парамонов В., Строчков А., Столповский О. Всадник по имени нефть // НР. 2009. № 12. С. 102–106.
6. Жуков С.В., Резникова О.Б. Центральная Азия в социально-экономических структурах современного мира. М.: РОССПЭН, 2006. 360 с.
7. Галаджий И. Поле нефтяной битвы // НР. 2001. № 8. С. 40–43.
8. Мишин В. На переломе // НР. 2012. № 1. С. 90–93.

Е.С. Косых

«БРИКСОНОМИКА»: СТАРТ В БУДУЩЕЕ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ?

E.S. Kosykh

BRICSONOMICS – START TO THE FUTURE OF THE GLOBAL ECONOMY?

Аннотация: Статья посвящена роли стран БРИКС в мировой экономике и перспективам их экономического сотрудничества; анализируется их заинтересованность в международном партнерстве и конфликт интересов.

Abstract: This article is devoted to the BRICS countries' role in the global economy and the prospects of their economic cooperation; it analyses their interest in international partnership and conflict of interest.

Ключевые слова: БРИКС, Банк развития БРИКС, «бриксономика», экономическое сотрудничество, полицентричный мир, двусторонние связи.

Keywords: BRICS, BRICS Development Bank, BRICS economies, economic cooperation, polycentric world, bilateral relationship.

Одним из ключевых направлений внешней политики России становится проблематика БРИКС. Стратегический курс России в формате БРИКС направлен на всемерное укрепление этой группы как важного элемента формирующегося нового миропорядка и как инструмента развития стратегического партнерства государств-участников. Термин – акроним БРИК – предложил в 2001 г. Дж. О' Нил, эксперт компании «Голдман Сакс». В 2006 г. началось практическое взаимодействие этих стран.

Эта уникальная структура наглядно символизирует переход от однополярности к более справедливому мироустройству. С присоединением в 2011 г. Южной Африки БРИКС приобрел глобальный формат. Идея БРИК, а затем БРИКС, родилась не на пустом месте, а была призвана отстаивать геэкономические и геополитические интересы «стран полупериферии» и противостоять гегемонии Запада.

Группировка БРИКС представляет собой с точки зрения международных отношений модель полицентричного мира, а с цивилизационной точки зрения – мультицивилизационную модель. Отличительные характеристики БРИКС – кооперация, стабилизирующая роль на фоне растущей нестабиль-

ности мировой экономики, рост взаимного доверия между странами-членами на фоне кризиса доверия в Европе. Каждая из стран «пятерки» прошла собственный путь, каждая из них имеет богатейшую культуру. Аналитики считают, что количество стран, входящих в БРИКС, будет больше нынешних пяти: они «объединятся вокруг реформы глобального управления, глобальной финансово-экономической системы и трансформации новой мировой реальности» [2].

Сотрудничество стран БРИКС по финансово-экономическим вопросам ярко проявилось в ходе заседания G-20 в Каннах (ноябрь 2011 г.). В 2011 г. страны БРИКС выступили за более строгие правила регулирования рынков, представили план общего оздоровления международной финансовой системы, заключающийся в наращивании резервного капитала банков и в отклонении неприемлемых налогов на банки, приведших к краху главных банков США.

В июле 2014 г. на VI саммите представители стран БРИКС подписали соглашение о создании банка БРИКС. Новая финансовая организация должна стать альтернативой Всемирному банку и Международному валютному фонду [6]. Структура будет состоять из двух частей: 1) Новый банк развития (New Development Bank) – аналог Всемирного банка. Его капитал составит 100 млрд долл. НБР будет финансировать инфраструктурные проекты и проекты «устойчивого развития»; 2) Пул условных валютных резервов – мини-МВФ. Из этого фонда объемом 200 млрд долл. страны БРИКС смогут получать помощь в случае необходимости [5]. По словам китайского эксперта Ши Цзяньсюня, новая структура БРИКС также будет помогать развивающимся странам, т.к. МВФ и Всемирный банк предлагают жесткие условия помощи и кредитования [7].

Есть серьезные аргументы «за» создание группировок, подобных БРИКС: востребованность существования группы крупных стран мира, не входящих в зону «золотого миллиарда», в условиях глобализации, с одной стороны, и претензий США на создание однополярного мира – с другой; стремление стран группы превратиться в аналог стран «большой семерки» для развивающегося мира. Несмотря на глубокую разницу экономических структур, все страны БРИКС объединяют политические амбиции, стремление преобразовать растущую экономическую мощь в геополитическое влияние [3].

Эксперты дают как высокие оценки прогресса этих стран в разных областях, так и принижают экономический потенциал БРИКС. Они указывают на такие факторы, как слабая защита собственности, нарушение авторских прав, проблемы в области демократии и прав человека (особенно в Индии и Китае), отсутствие независимой судебной системы и гласности, крайне высокий уровень коррупции, различия в целях и интересах, борьба за лидерство внутри блока. Речь идет также о том, что высокие темпы развития стран с восходящей экономикой не устранили социальной поляризации, существенных региональных различий, довольно низким остается и уровень жизни.

Важной позитивной чертой группы БРИКС является ее конструктивный характер, деидеологизация, ненаправленность против других государств.

БРИКС – это не новый блок держав, не политический альянс, а новая модель глобальной экономической кооперации и важная практика мультилатерализма. Механизм БРИКС способен активизировать контакты и обмены между развитыми и развивающимися странами на основе солидарности, сотрудничества, взаимной выгоды и обоюдного выигрыша, без присоединения к каким-то блокам, без конфронтации и направленности против каких-либо третьих стран. В формате БРИКС возможно решать и такие сложные проблемы, как массовая бедность, большой разрыв в уровнях жизни между богатыми и малообеспеченными слоями населения, несбалансированность в развитии регионов, недостаточный уровень модернизации индустриального сектора, несовершенство системы социального обеспечения и высокий уровень инфляции. Цели и задачи России были сформулированы в Концепции участия России в БРИКС [1]. Роль России в БРИКС весьма важна: она могла бы стать своеобразным «мостом» между развитыми странами и «нарастающими рынками».

Одной из важных тенденций развивающегося сотрудничества является растущее взаимодействие Бразилии и Китая с другими «восходящими гигантами» в рамках группы БРИКС. Основой конструкции бразильско-китайского стратегического партнерства и двусторонних отношений является торгово-экономическое сотрудничество, построенное на базе экономической дополняемости и близости моделей развития двух стран (бразильского курса на демократизацию и модернизацию при опоре на частно-государственное партнерство и «Пекинского консенсуса», ориентированного на инновации, устойчивое развитие, социальную справедливость и национальное самоопределение) и позволившее партнерам выстраивать свои отношения в духе концепции «win-win» [«выигрыш-выигрыш»]. Заметную роль в развитии двусторонних связей Бразилии и Индии способно сыграть сотрудничество в

сфере науки, высшего образования и высоких технологий: информатика, био- и нанотехнологии, освоение космического пространства. Бразилию и Индию как крупнейшие мировые демократии сближает необходимость обеспечить социальный прогресс своего населения, решить все еще актуальную проблему массовой бедности, покончить с голодом. Международно-политическая составляющая – стремление обеих стран стать постоянными членами СБ ООН. ЮАР играет немалую роль в деле сотрудничества по линии «Юг – Юг» и является важным «мостом» в сотрудничестве «Север – Юг». Крупную роль во внешнеполитических приоритетах ЮАР играет Китай. Основопологающим элементом внешней политики ЮАР, детерминирующим отношения с Бразилией и Индией, является трехстороннее партнерство ЮАР, Индии и Бразилии в рамках «Форума диалога Индии, Бразилии и ЮАР» (ИБСА) [4].

Страны БРИКС имеют одинаковые позиции по многим вопросам. Важна ресурсная взаимодополняемость экономик БРИКС. Однако существует ряд различий в подходах и понимании, в частности, по таким вопросам, как реформа Совета Безопасности ООН, изменение климата, международная монетарная политика. С одной стороны, страны БРИКС не имеют общей истории, принадлежат к разным цивилизациям, их не связывают общие долгосрочные интересы, а объединяет только критерий ускоренного экономического роста; разница в уровнях экономического, социального и научно-образовательного развития стран БРИКС слишком велика; между ними существуют противоречия. Россия и Бразилия – поставщики сырья и материалов и хотели бы продать свою сырьевую продукцию как можно дороже. Китай и Индия, напротив, заинтересованы в том, чтобы энергоносители и сельскохозяйственное сырье стоили как можно дешевле. Таким образом, налицо конфликт интересов. Есть и другие разногласия, например, между азиатскими гигантами – Индией и Китаем. Еще один пример реальных и потенциальных разногласий: стремление Индии, Бразилии и ЮАР получить место постоянных членов СБ ООН и различие мнений на этот счет постоянных членов Совбеза России и Китая [2].

Россия и Китай являются главными инициаторами создания и продвижения БРИКС. Как постоянные члены СБ ООН, Россия и Китай осторожно относятся к попыткам других членов группы использовать БРИКС как средство реформы СБ и «мост» для вступления в него, полагая, что страны БРИКС должны заниматься другими вопросами, а вопрос реформы СБ – обсуждаться в рамках соответствующих процедур в самой ООН. Вместе с тем, в российском и китайском подходе к БРИКС имеются и некоторые различия. Китай является экономическим локомотивом БРИКС и стремится направить деятельность группы в основном в экономическое русло, т.к. резервы расширения взаимодействия государств БРИКС на международной арене Китай усматривает прежде всего в координации позиций в области мировой экономики и расширении экономического сотрудничества между государствами-членами. Россия же, придавая большое значение взаимодействию в области реформирования системы мировой экономики, не возражает против расширения повестки дня с целью обсуждения широкого спектра глобальных проблем, в т.ч. и вопросов безопасности.

Несмотря на различную повестку дня каждой из стран, акцент должен быть сделан на том, что их сближает. Многие спорные проблемы (например, территориальные проблемы между Китаем и Индией) могут быть урегулированы в общем формате БРИКС. Что же касается различных позиций, противоречий, то уместно вспомнить китайскую максиму «гармония при различиях». БРИКС должна и может взаимодействовать со всеми другими международными организациями; в частности, на евразийском пространстве у нее есть поле деятельности и в СНГ, и в ШОС [8].

Страны БРИКС подчас могут дать ответы на многие вопросы экономической политики, такие как реиндустриализация и ее последствия, быстрый экономический рост, влекущий за собой новый уровень накоплений, обеспечение доступа к знаниям и интеллектуальной собственности, контроль государства над финансовыми структурами и в целом роль государства в принятии экономических решений и недопущении их «политизации». БРИКС является одной из площадок сетевой дипломатии для обсуждения мировых проблем, диалоговым форумом, имеющим ряд преимуществ: свободу действий и одновременно возможность сотрудничества в случае заинтересованности его участников. Нарращивание экономических «мускулов» позволит БРИКС повести конкретный разговор о своей роли в глобальном управлении, тем более что три из пяти стран-членов БРИКС обладают ядерным оружием [8].

Можно выделить основные направления возможного взаимодействия стран-участниц БРИКС. Так, бразильские эксперты определяют основные вызовы БРИКС следующим образом: развитие

территорий, демография, преодоление социальных различий и социального неравенства. КНР рассматривает БРИКС как площадку для совместного сотрудничества по созданию более рационального мирового экономического порядка в целях благополучия и процветания, построения гармоничного мира. Индия готова предложить свой опыт проведения реформ на основе приватизации и либерализации экономики. БРИКС для Индии – это площадка для обмена мнениями по глобальным и региональным вызовам. Позиция Индии в БРИКС будет определяться, исходя из концепции «устойчивого развития» и сотрудничества в области ядерной энергетики и ядерной безопасности, включая сотрудничество в управлении катастрофами. Для ЮАР БРИКС – это прежде всего сотрудничество по решению ключевых для стран-участниц проблем: бедность, устойчивое развитие, энергообеспеченность, поиск форм межгосударственного взаимодействия в рамках БРИКС, в т.ч. через формирование Международного консорциума по стратегии развития БРИКС.

Россия стремится занять в БРИКС позицию одного из важных элементов системы глобального управления. Для России приоритетами сотрудничества являются развитие ресурсного потенциала и торговли в странах БРИКС на основе реализации масштабных инфраструктурных проектов и использования инновационных технологий, выработка инновационных антикризисных мер, включая финансовый, экономический, социальный и экологический сектора, разработка и внедрение совместных программ для государства и бизнеса в сфере торговли и экономики с учетом возможности их гуманитарной и экономической экспертизы, совместный поиск новых форматов и механизмов бескризисного развития современного городского хозяйства и др. [3]

Китай и Индия, как наиболее быстро развивающиеся страны, нуждаются в таком кладезе природных ресурсов, каковым является Африка. Последняя же крайне заинтересована во внешней помощи и инвестициях. Наиболее активен в Африке Китай, стремящийся использовать потенциал БРИКС для наращивания своего влияния. Отсюда – стратегическое партнерство Китая и ЮАР. С помощью Китая в Африке были реализованы свыше 1 тыс. проектов. В числе причин успехов Китая в Африке – принцип невмешательства во внутренние дела африканских стран: Китай готов сотрудничать с любыми государствами, независимо от того, какие режимы находятся у власти.

Индия активно проникает в агросектор африканских стран. Это критически важная область для африканских стран с точки зрения достижения ими продовольственной безопасности, создания условий для человеческого и технологического развития. Среди неафриканских государств именно Индия обладает наибольшими объективными возможностями для успешного сотрудничества с африканцами в данной области. Ценность индийского опыта для развития сельского хозяйства африканских стран состоит не только в схожих климатических условиях и привычке индийских фермеров к особенностям тропического земледелия, но и в способности Индии наряду с Китаем предложить весь комплекс услуг в области сельского хозяйства. Вложение индийских инвестиций в африканское сельское хозяйство трактуется по-разному: как «инвестиционный бум» либо как «захват земель». Если европейскими и американскими компаниями земля в Африке приобретает преимущественно для выращивания культур, предназначенных для производства биотоплива, то китайские, индийские и арабские инвестиции в африканское сельское хозяйство нацелены в основном на приобретение плодородных земель для выращивания продовольственных культур и их вывоза в собственные страны [4].

БРИКС является хорошим инструментом содействия российско-африканскому сотрудничеству. Стратегическим направлением для России должны стать проблемы энергетического сотрудничества и энергообеспечения. Крупнейшие российские нефтегазовые компании (Газпром, Лукойл) работают в африканских странах, обладающих богатыми запасами углеводородов, что особенно важно на фоне обостряющейся конкуренции на мировых рынках, откуда Россию зачастую вытесняют сами африканцы. Немалые планы связаны и с сотрудничеством в области продовольственной безопасности: африканская почва в меньшей степени заражена и способна давать экологически чистую сельскохозяйственную продукцию.

России также важно постоянно иметь в виду необходимость закрепления своего политического и интеллектуального лидерства в БРИКС. А несомненная важность этой организации для российской внешней политики и прогнозируемое возрастание ее влияния в мировых делах диктуют необходимость разработки на новых современных основах российского стратегического подхода к участию в этом нестандартном, но весьма многообещающем формате.

Список использованных источников

1. Концепция участия Российской Федерации в объединении БРИКС // Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ // URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newslines/D23D45D62C00F78E44257B35002ACD50.
2. Кохановская Л. БРИКС в современном мире: особенности и перспективы стратегического партнерства. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.mgimo.ru/news/faculty/document236334.phtml>.
3. Кубышкина Е. Страны БРИКС как восходящие страны-гиганты. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.mgimo.ru/news/university/document212758.phtml>.
4. Окунева Л. Понятие «БРИКС» отражает объективную и достаточно мощно проявляемую реальность современного мира. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document213222.phtml>.
5. Неяскин Г. FAQ: зачем нужен банк БРИКС // http://slon.ru/economics/chego_smozhet_dobitsya_bank_briks-1136796.xhtml.
6. Страны БРИКС договорились о создании Нового банка развития // <http://top.rbc.ru/economics/16/07/2014/936727.shtml>.
7. Ши Цзяньсюнь. Почему миру нужен Банк БРИКС? // <http://russian.people.com.cn/95181/8188376.html>.
8. Эксперты Института международных исследований обсудили роль ЮАР в БРИКС. [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://www.mgimo.ru/news/faculty/document233769.phtml>.

Р.А. Миянов

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЙ ВЕКТОР РОССИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

R.A. Miyanov

FOREIGN ECONOMIC VECTOR OF RUSSIA UNDER THE SANCTIONS

Аннотация: Статья посвящена участию России в глобальной экономике на фоне санкций, проходящих под политическими лозунгами и преследующими экономические цели. В этих условиях Россия не утратила, а даже повысила свой внешнеэкономический интерес.

Abstract: The article is devoted to the participation of Russia in the global economy against the backdrop of the sanctions, passing under political slogans and pursuing economic goals. In these conditions, Russia has not lost, and even increased its economic interest.

Ключевые слова: Внешнеэкономическая деятельность, инвестиционная привлекательность, санкции, поддержка экспорта, АТЭС, АСЕАН, ШОС, БРИКС.

Keywords: Trade, investment attraction, sanction, export support, APEC, ASEAN, SCO, BRICS.

2014 год для Российской Федерации выдался непростым как в экономическом, так и политическом плане. Ухудшение отношений России с другими странами (прежде всего, США, Японией и странами Евросоюза), которое произошло по причине смены власти на Украине и последующих событий, в худшую сторону повлияло и на внешнеэкономические показатели страны. Прежде всего, на это повлияли рост числа санкций как с одной, так и с другой стороны, взаимные колебания курсов доллара, евро и рубля, а также ухудшение деловой репутации многих участников внешнеэкономической деятельности.

По данным Федеральной таможенной службы, в январе – июне 2014 г. внешнеторговый оборот России составил 396,3 млрд долл. США и снизился по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 2%.

При этом снижение произошло за счет спада импорта – он уменьшился на 5,4% по сравнению с январем – июнем 2013 г. и составил 141,6 млрд долл. США. Общий объем экспорта остался на уровне прошлого года – почти 255 млрд долл. США. В структуре внешней торговли кардинальных изменений не произошло – по-прежнему экспорт существенно выше импорта.

По итогам рассматриваемого периода внешнеторговый оборот со странами СНГ составил 51,3 млрд долл. США, а со странами дальнего зарубежья – 344,9 млрд долл. США, что в структуре составляет 13% и 87% соответственно.

В структуре торговли со странами СНГ выросла доля экспорта на 3,1%, при этом доля импорта снизилась более чем на 17%. Это связано с общими тенденциями, связанными с ростом экспортных

и спадом импортных цен, а также за счет сильного сокращения торговли России с Беларусью, Туркменией и Украиной. В структуре внешней торговли со странами СНГ наибольшая доля приходилась на Украину (36%), на Беларусь – около 30%, на Казахстан – 13%.

В товарной структуре экспорта в страны СНГ в январе – июне 2014 г. доля топливно-энергетических товаров составила 51,6% (в январе – июне 2013 г. – 46,3%). Возросли физические объемы экспорта газа на 16,0%, нефтепродуктов – на 20,0%, в т.ч.: дизельного топлива – на 19,7%, керосина – на 7,4%, топлив жидких – на 62,9%. Вместе с тем физические объемы экспорта угля каменного снизились на 2,4%, нефти сырой – на 18,9%.

В товарной структуре импорта из стран СНГ в январе-июне 2014 г. доля машин и оборудования составила 27,5% (в январе – июне 2013 г. – 33,0%). Стоимостной объем импорта данной товарной группы по сравнению с январем – июнем 2013 г. сократился на 31,5%. Стоимостные объемы ввоза железнодорожного оборудования сократились на 54,2%, электрического оборудования – на 28,7%. Физические объемы ввоза легковых и грузовых автомобилей снизились на 36,4% и 4,8% соответственно.

На внешнюю торговлю со странами дальнего зарубежья приходится 87% от общего товарооборота страны. На показателях торговли с данной группой стран уже прослеживается влияние санкций, а также общее осложнение экономической и политической обстановки.

Как отмечает американская газета Wall Street Journal, падение европейского экспорта в Россию в значительной степени связано с резким замедлением российской экономики в 2013 г. и начале 2014-го. В свою очередь, снижение импорта российских товаров объясняется тем, что зима в этом году была необычно мягкой. В результате спрос на природный газ и другие энергоносители сократился. Введение санкций против России также стало одним из факторов падения товарооборота.

При этом увеличился экспорт в страны АТЭС на 11%. Рост экспорта связан с увеличением экспорта нефти из России в Азию. Несмотря на то, что нефть из России уступает нефти Ближнего Востока в цене, ее транспортировка обходится дешевле. Кроме того, конфликты на Ближнем Востоке отрицательно сказываются на экспорте нефти этими странами, а Россия – альтернативный поставщик. В структуре товарооборота наибольшую долю занимает Китай, и внешняя торговля с ним в 2014 г. увеличилась на 3%.

Основу российского экспорта в январе – июне 2014 г. в страны дальнего зарубежья составили топливно-энергетические товары, удельный вес которых в товарной структуре экспорта в эти страны составил 75,1% (в январе – июне 2013 г. – 75,0%). В товарной структуре импорта из стран дальнего зарубежья на долю машин и оборудования в январе – июне 2014 г. приходилось 51,1% (в январе – июне 2013 г. – 50,8%).

Таким образом, среди основных тенденций, которые повлияли на внешнюю торговлю России в первой половине 2014 г., можно выделить следующие: в целом, экспорт превышает показатели прошлого года, импорт же значительно ниже – на это повлияли темпы развития российской экономики, санкции Евросоюза, а отчасти сложившаяся рыночная конъюнктура. Существенно снизилась торговля в рамках СНГ, в частности, с Белоруссией и Казахстаном. Произошли изменения и в товарной структуре – так, стало больше экспортироваться нефтепродуктов, а не сырой нефти, зерна, мяса, целлюлозы, калийных удобрений. Среди стран дальнего зарубежья увеличилась торговля со странами АТЭС, увеличился экспорт и снизился импорт многих товарных групп.

Введение политических и экономических санкций против России отрицательно сказалось и на инвестиционной привлекательности страны. В результате этого влияния инвестиционная привлекательность России существенно снизилась, об этом свидетельствуют данные международных консалтинговых компаний.

Так, международная консалтинговая компания А.Т. Kearney ежегодно публикует рейтинг самых привлекательных для инвестиций стран мира. Рейтинг составляется на основе экономических и политических факторов. Кроме того, учитываются функционирующие в государствах системы регулирования. По оценкам А.Т., Россия не вошла в 25 самых привлекательных для инвесторов стран мира в 2014 г., несмотря на то, что в 2013 г. занимала 11 место.

При этом Россия играет немаловажную роль в международных инвестиционных процессах. Так, в соответствии с отчетом, опубликованном ЮНКТАД (конференции Организации Объединенных Наций по торговле и развитию) «World Investment Report» 2014, Россия находится на третьем месте в мире по объему поступивших иностранных инвестиций по итогам 2012 и 2013 гг. Объем иностранных инвестиций, поступивших в Россию, составил 79 и 51 млрд долл. США в 2012 и 2013 гг. соответственно.

На этом фоне долговременной целью внешнеэкономической политики России продолжает оставаться обеспечение глобальных лидирующих позиций страны, как одной из ведущих мировых экономических держав XXI в. Она базируется на ключевых положениях КДР-2020, в т.ч. раздела 6 «Внешнеэкономическая политика», где зафиксированы цели, принципы, приоритетные направления и географическая диверсификация внешнеэкономических связей России.

Для ее решения разработан ряд документов: принята уже Внешнеэкономическая стратегия до 2020 года, Дорожная карта по поддержке экспорта, Дорожная карта торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества Россия – АСЕАН, разрабатывается Национальная экспортная стратегия до 2030 года. В них обозначены ориентиры для движения к амбициозной цели – достижению Россией лидирующих позиций в мировом экспорте. Предполагается, что наша страна имеет все шансы войти к 2030 году в пятерку ведущих экспортеров наряду с Китаем, США, Германией и Японией. В рамках реализации Национальной экспортной стратегии предполагается обеспечить рост объемов несырьевого экспорта на 6% в год.

В октябре 2008 г. Правительство Российской Федерации одобрило Внешнеэкономическую стратегию страны до 2020 года, подготовленную Минэкономразвития России при активном участии других министерств и ведомств, а также бизнеса. В Стратегии впервые за последние годы зафиксированы отраслевые и географические приоритеты внешнеэкономической политики России в увязке с долгосрочными целями внутренней политики страны.

Необходимость разработки этого документа была обусловлена как наличием проблем в развитии внешнеэкономического комплекса России, так и тем, что в настоящее время складывается качественно новая ситуация в мировом хозяйстве, обусловленная как внутренними, так и внешними факторами.

Внутренние причины связаны, в первую очередь, с необходимостью перехода страны к инновационной модели социально-экономического развития.

К числу внешних факторов, прежде всего, относится усиление торгово-политического воздействия зарубежных государств на сферу международной торговли, требующего адекватного комплексного применения в России всего спектра внешнеэкономических инструментов.

Наиболее продуктивные отношения в настоящее время складываются со странами СНГ, Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и Латинской Америки.

Сотрудничество со странами АТР является одним из ключевых приоритетов во внешнеэкономической деятельности России: в долгосрочной перспективе доля стран АТР во внешнеэкономических связях России может превысить 40%. Торговля России со странами региона в 2013 г. составила 222,1 млрд долл. США, прирост по сравнению с предыдущим годом 4,1%.

Страны АТР занимали 26,3% в товарообороте российской внешней торговли в 2013 г. За последние пять лет эта доля увеличилась почти на 5 процентных пунктов (с 21,6% в 2008 г.).

Объемы торговли России со странами АСЕАН увеличились с 2005 г. более чем в четыре раза и превысили 17 млрд долл. США в 2013 г. Рост товарооборота по сравнению с 2012 г. составил 12%, экспорт увеличился на 16%, а импорт – на 8%. При этом рост российского экспорта в страны АСЕАН достигнут в т.ч. за счет наращивания российских поставок инновационных товаров (41,7%), машинно-технической продукции (39,7%) и высокотехнологичных товаров (33%).

Перспективным партнером для России является каждая из стран БРИКС. По итогам 2013 г. объем торговли России со всеми странами БРИКС составил 105,4 млрд долл. США.

Комплекс мер, предусмотренных в проекте Стратегии, направлен на:

1. повышение конкурентоспособности и экспортного потенциала ключевых отраслей и секторов российской экономики;
2. увеличение пропускной способности экспортной транспортно-логистической инфраструктуры;
3. устранение внутренних институциональных, регуляторных, административных и иных барьеров для развития экспортной деятельности;
4. использование возможностей международного экономического сотрудничества для поддержки и продвижения несырьевого экспорта и др.

При реализации базисного сценария среднегодовые темпы прироста экспорта в период действия Стратегии должны составлять 6,3% для всего несырьевого экспорта и, в частности, 6,1% для несырьевых товаров, а в случае оптимистического сценария – 8,0% для всего несырьевого экспорта и 7,6% для несырьевых товаров.

Поддержка внешнеэкономической (экспортной) деятельности предприятий России, содействие в повышении конкурентоспособности российской инновационной продукции и технологий, встраивание в глобальные производственно-сбытовые цепочки, привлечение инвестиций, совершенствование профильной инфраструктуры – все это является одним из важнейших приоритетов государственной программы поддержки экспорта, особенно в условиях присоединения России к ВТО и открытости рынков.

Нефинансовое содействие российским компаниям, осуществляющим экспорт, традиционно реализуется через:

1. торговые представительства Российской Федерации в иностранных государствах (на данный момент институтом торгпредств реализуется более 370 проектов общей стоимостью более 30 млрд долл. США);

2. организацию и проведение бизнес-миссий (в 2014 г. было проведено более 200 бизнес-миссий, между российскими и зарубежными компаниями подписаны 62 соглашения о сотрудничестве, заключено 6 контрактов, получено 16 лицензий, инициирован ряд паспортов проектов по продвижению торгпредствами российской продукции на зарубежные рынки);

3. Центры поддержки экспорта (в настоящее время функционирует 36 региональных центров координации поддержки экспортно-ориентированных малых и средних предприятий и 47 Евро Инфо Консультационных Центров).

Финансовая поддержка экспорта реализуется через Внешэкономбанк и Экспортное страховое агентство России (ЭКСаР), которые предлагают решения по формированию таких кредитных и страховых инструментов, которые упростят доступ бизнеса к финансовым ресурсам. Перед Внешэкономбанком стоит задача увеличить объем выданных экспортных кредитов с 0,4 млрд долл. США в 2013 г. до 18,2 млрд долл. США в 2018 г. Для совершенствования страхового инструментария ЭКСАРа подготовлены проекты федерального закона и постановления Правительства, которые предусматривают наделение ЭКСАРа правоспособностью предоставлять страховые гарантии и 100-процентное страховое покрытие экспортных кредитов в отношении приоритетных внешнеэкономических проектов.

В марте 2014 г. Минэкономразвития совместно с ЭКСАР разработан и внедрен алгоритм взаимодействия при формировании и реализации паспортов внешнеэкономических проектов, который предусматривает порядок и условия вовлечения ЭКСАР в проекты, формируемые при участии торгпредств для предоставления российским компаниям возможностей структурирования проектов на ранних стадиях с комплексной поддержкой Агентства. Одним из знаменательных событий 2014 г. станет появление Единого центра кредитно-страховой поддержки экспорта на базе ЭКСАРа и Росэксимбанка, которое запланировано до конца этого года. Центр объединит страховую и кредитную поддержку, создаст удобную платформу для решения всех финансовых задач, стоящих перед экспортерами.

Проводимые в настоящее время мероприятия, направленные на качественное изменение системы государственной поддержки внешнеэкономической деятельности и, в первую очередь, финансовых инструментов, позволяют увеличить объемы российского несырьевого экспорта.

Вместе с тем можно с уверенностью констатировать, что последние изменения на геополитической карте мира предопределяют ряд системных изменений, в первую очередь, в области внешнеэкономических связей России. Объявленные санкции западных стран способствуют смещению акцентов в направлении стран Азии, Ближнего и Дальнего Востока.

Сегодня страны АТР, АСЕАН являются экономическими тиграми, которые задают основные тренды на рынках. И вектор торгово-инвестиционного взаимодействия России, безусловно, должен быть направлен на эти страны.

Но Россия, как перекресток Европы и Азии, должна использовать не только свое географическое положение, но и уже освоенные пространства. А это – и Транссиб, и Северный морской путь, как конкурентное преимущество в связующих торговых путях между Азией и Старым Светом.

Усиление азиатского и восточного вектора развития крайне важно для России, что продиктовано не только санкционными вызовами, но и особой значимостью этого направления для развития экономического потенциала российского Дальнего Востока и Байкальского региона. И, конечно, роль бизнеса в развитии экономики регионов Дальнего Востока и реализации тихоокеанской политики России выходит на первый план.

Важно выстроить правильный диалог и продуманную долгосрочную стратегию, которая предполагает усиление роли России в разворачивающихся на азиатском пространстве процессах интеграции.

Ключевым фактором в процессе интеграции становится весомое участие России в рамках межгосударственных организаций и форматов международных диалогов, таких как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и форум стран БРИКС. Так, в июле в Форталезе (Бразилия) на полях

очередного саммита БРИКС прошли мероприятия Делового совета, интерес к которым увеличивается с каждым годом. Ключевые решения саммита о создании Банка развития и пула валютных резервов БРИКС, несомненно, будут способствовать выходу в самой ближайшей перспективе торгово-экономического и делового сотрудничества между этими странами на новый качественный уровень.

Одним из наиболее перспективных для российского бизнес-сообщества диалоговых пространств является Азиатский форум Боао (ВAF) в г. Боао (о. Хайнань, КНР), так называемый «Азиатский Давос». На нем прошла презентация инвестиционных проектов в Азиатско-Тихоокеанском регионе, именно в рамках Азиатского форума Боао (ВAF).

Официально форум ВAF был учрежден в 2001 г. по инициативе китайского руководства, как неформальный механизм для обсуждения экономических проблем Азии. Сегодня форум – это мощная дискуссионная площадка, конкурирующая с международным экономическим форумом в Давосе. Именно на «Азиатском Давосе» в Боао обсуждаются проблемы развития мировой экономической системы.

Не менее интересен формат – Конфедерация ТПП стран АТР (САССИ). САССИ – это авторитетная неправительственная организация, объединяющая предпринимателей из 27 экономик Азии. Деятельность САССИ направлена на выстраивание диалога между предпринимателями, организацию взаимодействия с властями стран региона, а также на оказание содействия развитию предпринимательства и подъему экономической активности в регионе.

В мае этого года состоялся очередной «прорыв» – впервые с визитом в Россию прибыла представительная делегация из стран АТР во главе с президентом Конфедерации ТПП стран АТР (САССИ) господином Бенедикто Ювико. Визит вызвал большой интерес со стороны российского бизнеса, и в рамках этого визита был дан старт целому ряду совместных проектов.

Президент РФ на заседании Госсовета призвал совершить в ближайшие 1,5-2 года рывок по повышению конкурентоспособности реального сектора российской экономики, на что ранее потребовалось бы больше времени. «Хочу подчеркнуть, за предстоящие полтора-два года необходимо совершить настоящий рывок в повышении конкурентоспособности российского реального сектора, сделать то, на что раньше потребовались бы, может быть, даже годы», – сказал В. Путин.

Список использованных источников

1. Вести Экономика, <http://www.vestifinance.ru/>
2. Информационно-аналитическое издание, <http://провэд.рф/>
3. Министерство экономического развития Российской Федерации, <http://economy.gov.ru/minec/main>
4. Федеральная таможенная служба России, <http://www.customs.ru/>
5. Экспортное страховое агентство России, <http://www.exiar.ru/>

Н.Т. Мурзагильдин

ИНВЕСТИЦИОННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ С АРАБСКИМИ СТРАНАМИ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ

N.T. Murzagildin

INVESTMENT COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND THE ARAB COUNTRIES: PROSPECTS AND PROBLEMS

Аннотация: Статья посвящена анализу инвестиционного сотрудничества России с арабскими странами, существующими между ними объективными и субъективными проблемами. Также рассмотрены дальнейшие перспективы инвестиционного сотрудничества между государствами.

Abstract: The article is devoted to the analysis of investment cooperation between Russia and the Arab countries, as well as their objective and subjective problems. It also discusses further prospects of investment cooperation between the states.

Ключевые слова: инвестиции, торгово-экономическое сотрудничество, экспорт, импорт, рынок, капитал, внешнеторговый оборот.

Key words: investment, trade and economic cooperation, export, import, market, capital, foreign trade turnover.

С монархиями арабского мира отношения сегодня не складываются в основном по идеологическим соображениям как с той, так и с другой стороны. С момента распада СССР во взаимоотношениях России с арабскими государствами произошло смещение акцентов в сторону установления взаимовыгодных контактов преимущественно на коммерческой основе. В конце 1990-х в качестве приоритетного для экспорта российских товаров рассматривался западный рынок.

В 90-е годы прошлого века практически прекратились взаимоотношения с такими государствами, как Иордания, Бахрейн, Ирак, Йемен, Катар, Кувейт, Оман, Ливия, Судан. В свое время СССР оказал существенную помощь арабским государствам в создании крупных инфраструктурных объектов: энергетики, металлургии, машиностроения, а также в перевооружении армии. Еще одним важным сдерживающим фактором торгово-экономических, в т.ч. инвестиционных, отношений между Россией и арабскими государствами, особенно с Королевством Саудовская Аравия, является антироссийская политика США в арабском регионе и ухудшение политических отношений с некоторыми арабскими странами из-за расхождения позиции по ситуации в Сирии.

В 2000-е годы Россия начала возобновлять торгово-экономические связи с арабскими государствами после длительного упадка в 1990-х. Владимир Путин во время визита в Малайзию сообщил, что Россия будет придерживаться курса на сближение с исламским миром. Несмотря на это, к сожалению, в настоящее время развитие экономических, в т.ч. инвестиционных, отношений между Россией и арабскими странами все еще находится на достаточно примитивном уровне.

Следует отметить, что к объективным причинам свертывания российско-арабского взаимодействия можно отнести ухудшение мировой конъюнктуры торговли товарами традиционного российского экспорта готовой продукции, однотипностью экспорта сырьевых товаров и военно-политической нестабильности в ряде стран региона. При этом, конечно, между разными странами существуют национальные, экономические и политические различия. Принято считать, что инвестиционная привлекательность той или иной страны включает в себя следующие факторы: макроэкономические, правовой режим регулирования инвестиционной деятельности и общий предпринимательский климат в стране.

Наиболее существенным и выигрышным моментом является то, что около 30% всего российско-го экспорта приходится на товары машиностроительной группы (а с вооружениями почти 50%). Основными сферами сотрудничества являются поставка российской стороной вооружений, сотрудничество в нефтегазовой сфере, сотрудничество в электроэнергетике, строительство гидротехнических сооружений. В обратном направлении поступают продукты традиционного арабского экспорта за исключением топлива¹.

Для России арабские страны представляют интерес, с одной стороны, как потребители отечественной промышленной продукции, технологий, металлопродукции и некоторых видов сырья, а с другой стороны – как источник инвестиций. Доля арабских государств во внешнеторговом обороте России составляет около 2–3%.

По данным египетских экономистов (например, д-ра Хамди Абд аль-Азим) в последнее время наблюдается очевидное сокращение объема российских инвестиций в египетский рынок. Дело в том, что российские инвестиции в основном направляются в такие секторы, как туризм, строительство и сфера услуг. Представляется, что эти отрасли не имеют стратегического значения и дальнейших перспектив, как, например, сельское хозяйство и промышленное производство.

Согласно последним данным Главного управления по инвестициям и свободным зонам Египта, в туристическую сферу приходится наибольший объем российских инвестиций, в этой стране были зарегистрированы 98 компаний, на втором месте – строительный сектор, здесь было инвестировано 20,49 млн долл. США в 75 компаний. Сфера услуг занимает третье место: в 138 компаний было инвестировано 10,39 млн долл. США.

Россия занимает 45-е место по объему инвестиций в Египет, согласно последним опубликованным данным Главного управления по инвестициям и свободным зонам. При этом в отчете, опубликованном Центральным банком Египта, Россия вообще не фигурирует среди 13 крупнейших торговых партнеров Египта².

¹ Жданов С.В. Арабские страны в мировой экономике. М.: Изд-й дом «Панорама». С. 53.

² Самр ас-Сейид. За 44 года Москва инвестировала в Египет US\$107,23 млн.

В 2010 г. товарооборот между Российской Федерацией и Королевством Саудовская Аравия увеличился на 1,3% по сравнению с 2008–2009 гг. и составил 366,4 млн долл. США, а в первом полугодии 2011 г. товарооборот вырос на 10,3% и составил 192,4 млн долл. США. В январе 2011 г. полностью урегулированы российско-саудовские разногласия по вопросу присоединения нашей страны к Всемирной торговой организации.

Основные статьи российского экспорта в первом полугодии 2011 г. – недорогие металлы и изделия из них, машины, оборудование, транспортные средства и инструменты, а также сельскохозяйственная продукция.

Основные статьи импорта – продукция химической промышленности, продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье.

Перспективное направление сотрудничества – сельское хозяйство. В 2008 г. Правительство Королевства Саудовская Аравия приняло решение о сокращении собственного производства пшеницы, а к 2016 г. – полностью отказаться от ее производства. Министерство сельского хозяйства Российской Федерации и крупные российские сельскохозяйственные предприятия разрабатывают возможности увеличения поставок российского зерна в Саудовскую Аравию и привлечения саудовских инвестиций в российский агропромышленный комплекс.

На Санкт-Петербургском экономическом форуме в июне 2011 г. было заявлено, что к концу года объем товарооборота со всеми странами арабского региона может составить 12 млрд долл. США, но он не превысил и 8 млрд долл. Например, товарооборот между Россией и США в 2011 г. составил 42,9 млрд долл., с Европейским Союзом – более 200 млрд долл.

Крупнейшими торговыми партнерами России на Ближнем Востоке на сегодняшний день являются Турция, Израиль и Иран. Что касается только арабских стран, то это – Сирия. Товарооборот с Турцией в 2011 г. составил 30 млрд долл. США³. Торговый оборот между Россией и Израилем (без учета поставок нефти, газа и алмазов) в 2011 г. составил 2,8 млрд долл. США. Если учесть, что Израиль импортирует в первую очередь именно алмазы, металлы и минеральное сырье, то объем товарооборота значительно больше. А товарооборот с Ираном (без учета поставок вооружения и военной техники) колеблется в районе 3 млрд долл., в перспективе планируется рост до 10 млрд долл. США.

Главной сферой экономического сотрудничества России с арабскими странами является топливно-энергетический комплекс. Основными партнерами по сотрудничеству для российских предприятий ТЭК являются Египет, Сирия и Алжир, перспективы выхода на новые рынки связаны с Саудовской Аравией, Объединенными Арабскими Эмиратами и Ираком.

Также известно, что Россия в числе основных поставщиков вооружения в арабские страны. Россия имеет многомиллиардные контракты на поставку вооружений и продукции двойного назначения с Алжиром, Кувейтом и Сирией.

С Сирией Россию связывают не только контракты в военной сфере, но еще и проекты по развитию инфраструктуры, энергетики и туризма. Товарооборот между двумя странами составляет около 20 млрд долл. США.

С новой силой возобновились экономические отношения между Россией и Ираком. Россия снова участвует в тендерах на разработку месторождений нефти, а также начинает присматриваться и к другим экономическим сферам.

В сфере торговли основными партнерами России являются Египет, Марокко, Алжир и ОАЭ. Однако товарооборот с этими странами достаточно низок.

Общий объем товарооборота России со странами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), по сведениям МИД РФ, достиг 1,2 млрд долл. Более тесные экономические связи – российско-саудовские связи. «В Саудовскую Аравию активно внедряются российские компании, прежде всего, в нефтегазовой и энергетической отраслях», – указывается в периодическом обзоре МИДа РФ. Следует отметить, что в торгово-экономическом обмене между странами ССАГПЗ и Российской Федерацией преобладает торговля традиционными для российского экспорта товарами, такими, как металлы, древесина, продовольствие, поставка во-

³ Джабер Ю. Россия и арабский мир: перспективы экономического сотрудничества.

енной техники и туризм. При этом доля машин и оборудования в поставках – в пределах 5% от всего товарооборота.

Крупнейшим торговым партнером в арабском регионе являются Объединенные Арабские Эмираты. Товарооборот с этой страной достиг 1 млрд 700 млн долл. США. Вместе с тем между Россией и ОАЭ подписано Соглашение «О налогообложении дохода от инвестиций договаривающихся государств и их финансовых и инвестиционных учреждений», которым предусматривает освобождение от налогов на доходы от инвестиций. При этом стоит напомнить, что Российский фонд прямых инвестиций (РФПИ) отметила, что Россия рассчитывает на инвестиции со стороны ОАЭ в свою экономику на несколько миллиардов долларов. Речь идет об экономически значимых инвестиционных проектах как в логистической сфере, так и в сфере добычи полезных ископаемых, и даже в медицине и фармацевтике. Следует отметить, что в 2010 г. Арабские Эмираты впервые вошли в первую десятку крупнейших инвесторов в российскую экономику, инвестиции составили около 18 млрд долл. США. Как пишут специалисты (Ольга Самофалова, газета «Взгляд»), основным мотивом вливания арабских инвестиций в российскую экономику стали исключительные налоговые льготы, предоставленные Россией инвестирующим государственным компаниям ОАЭ. Эмираты получили от России льготы по налогу на прибыль, нулевую ставку по дивидендам, а также защиту от налогообложения процентов и доходов от продажи имущества (кроме недвижимости).

Вместе с тем для углубления инвестиционного взаимодействия был ранее принят несколько активных мер: в 2013 г. вступило в силу соглашение о поощрении и защите капиталовложений, в июне Российский фонд прямых инвестиций и эмиратский суверенный фонд «Mubadala» создали совместный инвестиционный фонд объемом 2 млрд долл. (вклады внесены сторонами пополам).

С Йеменом у России налажен экспорт зерна, машин и оборудования, а также вооружения. Однако объемы товарооборота составляют несколько сот миллионов долларов США. По мнению специалистов, российско-арабские торгово-экономические отношения развиваются на должном уровне, арабский бизнес заинтересован в «освоении» российской территории.

К сожалению, на сегодняшний день ни Россия не является стратегическим партнером арабского мира, ни арабский мир не входит в число важнейших торговых партнеров России. Большинство экспертов сходятся во мнении, что нынешний показатель объема инвестиционного сотрудничества следует рассматривать скорее как некий «стартовый капитал», т.е. потенциал развития есть и достаточно большой.

В Конференции ближневосточной секции Международного дискуссионного клуба «Валдай» на тему «Трансформация в арабском мире и интересы России» наглядно была та же самая картина: разногласия есть, но принципиальная позиция направлена все же на продолжение сотрудничества как в политической, так и в торгово-экономической сфере.

Таким образом, инвестиционный потенциал арабских стран является привлекательным для многих государств земного шара. По разным оценкам, он колеблется в районе триллиона долларов США. Однако Россия пока в стороне от распределения крупных арабских вложений. Вместе с тем представляется, что в условиях глобального финансового кризиса и поиска путей выхода из него, а также постепенной трансформации модели вывоза капитала арабскими государствами, существует объективная возможность к расширению инвестиционного сотрудничества России с арабскими государствами.

Список использованных источников

1. Международные экономические отношения: учебник; 2-е изд. / Под ред. Н.Н. Ливенцева. Москва, 2008. С. 272.
2. Арабские страны в мировой экономике / Под ред. С.В. Жданова. М.: Изд-й дом «Панорама», 2006. С. 51.
3. Джабер Ю. Россия и арабский мир: перспективы экономического сотрудничества.
4. Самр ас-Сейид. За 44 года Москва инвестировала в Египет US\$107,23 млн.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КОРОЛЕВСТВА САУДОВСКАЯ АРАВИЯ

N.S. Nasyrova

ECONOMIC AND SOCIAL SITUATION IN THE KINGDOM OF SAUDI ARABIA

Аннотация: Статья посвящена анализу социально-экономического положения в Королевстве Саудовская Аравия на современном этапе.

Abstract: The article is devoted to the analysis of economic and social situation in the Kingdom of Saudi Arabia at the present stage.

Ключевые слова: Саудовская Аравия, социально-экономическое положение, нефтяная промышленность, нехватка воды, социальные права и гарантии, шииты.

Key words: Saudi Arabia, economic and social situation, oil industry, water shortage, social rights and guarantees, shiahs.

Королевство Саудовская Аравия представляет собой крупнейшее государство на Аравийском полуострове, и именно поэтому вопрос о социальном уровне жизни, экономическом положении, а также их аспектах в этой стране на современном этапе являются весьма актуальными, затрагивая не только внутригосударственное развитие, но и влияя на благополучие Арабского Востока и мира в целом.

Экономика Саудовской Аравии привлекает внимание тем, что современное экономическое развитие королевства основано на высоком удельном весе нефтяной промышленности. Саудовская Аравия обладает около 22% разведанных нефтяных мировых запасов, что соответствует показателю 13% от мировой нефтедобычи. Считается главным экспортером нефти и играет ведущую роль в международной межправительственной организации ОПЕК. Нефтяная отрасль является одной из самых главных секторов экономики, т.к. она приносит основной доход в государственный бюджет и соответственно возможность развития других отраслей экономики. На нефтяной сектор приходится более 80 % доходов бюджета, около 45% ВВП и до 90 % доходов от экспорта.

Размер реального ВВП в 2012 г. составлял 657 млрд долл. В структуре ВВП преобладает промышленное производство (66,9%), сфера услуг (31,1%) и сельское хозяйство (2%).

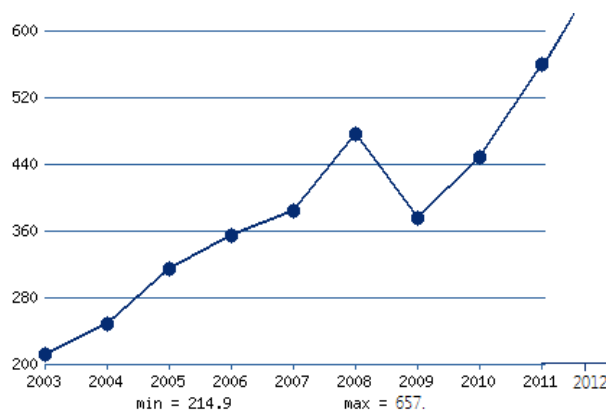


Рис. 1. Размер реального ВВП Саудовской Аравии, млрд долл. США¹

Внешнеэкономическая деятельность страны – это один из главных показателей развития и интернационализации экономики страны. Саудовской внешнеэкономической деятельности присущи достаточно высокие объемы товарооборота и товарной насыщенности. Что касается экспорта и импорта продукции страны, то следует отметить, что по большей части Саудовская Аравия экспортирует нефть и нефтепродукты (90%). Главными партнерами являются Япония (13,9%), Китай (13,6%), США (13,4%), Южная Корея (10,2%), Индия (7,8%), Сингапур (4,8%). К импорту королевства относятся машины и оборудование, продовольствие, химикаты, транспортные средства, текстиль. Главные партнеры по импорту: Китай (12,8%), США (11,9%), Германия (7,1%), Южная Корея (6%), Япония (5,6%), Индия (4,9%), Италия (4,1%).

¹ Всемирная книга фактов (ЦРУ США) <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/sa.html>

Экспорт и импорт Саудовской Аравии (млрд долл. США) на 2011г.²

	2008	2009	2010	2011
Экспорт	309,8	192,3	237,9	350,7
Импорт	108,3	87,1	88,4	106,5
Сальдо	201,5	105,2	149,5	244,2

Саудовская Аравия на протяжении долгих лет пыталась найти решения для налаживания выращивания различных культур, но ввиду более актуальной и серьезной проблемы нехватки воды, все попытки оказались напрасными. Со слов председателя компании The Far East Agricultural Investment Co, Мухаммеда Абдулла аль-Раджи, они уже организовали аренду земли в Камбодже, Вьетнаме, Пакистане и на Филиппинах для выращивания различных культур, предназначенного для экспорта в Саудовскую Аравию по рыночным ценам. Однако, как сообщает ИА «Казах-зерно» Королевству не остается ничего, кроме окончательного перехода на полный импорт с 2016 г. В целях сохранения воды, правительство Саудовской Аравии сокращает объемы закупок пшеницы у местных фермеров ежегодно на 12, 5%, что приведет к полной зависимости от импорта через 3 года.

В настоящее время Россия рассматривает Саудовскую Аравию как одно из ключевых государств в арабо-мусульманском мире. Заинтересованность в расширении связей проявляется с обеих сторон, но в тоже время существуют определенная взаимная настороженность и недопонимание основ внешнеполитической деятельности каждой из сторон. Среди наиболее перспективных областей для российско-саудовского сотрудничества можно выделить сферы энергетики, недвижимости, образования, медицины, финансов и нефтехимии и др. Особенно теплые отношения у Саудовской Аравии сложились с Республикой Башкортостан. В мае 2011 г. шейх Салех Абдалла Камель посетил столицу Башкортостана, город Уфа, с официальным визитом и весьма интересными предложениями в области совместного сотрудничества.

Как известно, любая социальная политика любого государства основывается на двух базовых источниках:

- 1) на законодательно зафиксированных обязательствах государства перед гражданами;
- 2) на экономических возможностях реализации этих обязательств.

Социальные права и гарантии граждан страны закреплены в законодательном акте «Основной низам о власти Королевства Саудовская Аравия», который определяется европейским государственным правом как монархическая конституция. Теоретически закон в КСА один – шариат, т.к. согласно исламу законодатель в мире – только Аллах. Но с 1950 г. был выпущен целый ряд законодательных актов («О торговле», «О национальности», «О труде и рабочих», «О социальном обеспечении» и т.д.), регулирующих некоторые области социальной жизни. На основе этих законодательных положений строится социальная политика КСА, включающая в себя значимые и разнообразные меры по социальному развитию страны.

Королевство Саудовская Аравия наряду с другими аравийскими монархиями, за исключением Бахрейна, пока остается вне зоны арабской «оттепели». В то же время за завесой спокойствия в государстве скрываются обострившиеся в последнее время внутривнутриполитические и социальные противоречия. Сферу внутренних волнений составляет и конфессиональный вопрос.

Одной из составных частей оппозиции Королевства является шиитская община. На деятельность исламской оппозиции оказывают влияние религиозные разногласия, такие как: суннитские и шиитские движения в восточных провинциях, трения между традиционалистами и консервативными ваххабитами, между шафиитами и шиитами и др. Итак, можно сделать вывод, что, несмотря на отрицание властей, в стране существует острая конфессиональная ситуация. Суть современной государственной политики Королевства по отношению к шиитскому меньшинству состоит в сочетании формального предоставления новых прав шиитам, направляя дополнительные финансовые ресурсы на решение социальных проблем.

² Портал «Мировая экономика. Экономические статьи и обзоры» <http://www.ereport.ru/>

1. Азарова А.И. Влияние факторов развития нефтяной отрасли на ценообразование нефти // Проблема учетов и финансов. №1(5). 2012.
2. Ат-Турки Маджид бен Абдель Азиз. Новые тенденции в саудовско-российских отношениях // Обозреватель – Observer. М., «РАУ-Университет». № 4. 2007.
3. Ахмедина Г.Б. Развивающиеся страны в эпоху перемен. Экономика арабских стран: монография. Уфимский государственный университет экономики и сервиса. 2012.
4. <http://www.ereport.ru/>
5. <http://www.arabianbusiness.com/>

С.Ш. Саидов

ВОДНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ПОЛИТИЧЕСКИЙ

S.Sh. Saidov

WATER AND ENERGY CONFLICT TO TURN INTO POLITICAL ONE

Аннотация: В данной статье анализируются геополитические факторы, тормозящие интеграционные процессы в регионе Центральной Азии.

Abstract: This article is devoted to geopolitical factors hindering integration processes in Central Asia.

Ключевые слова: Центральная Азия, Рогунский ГЭС, интеграция, информационная война, Узбекистан, Таджикистан.

Keywords: Central Asia, Rogun, Integration, Information Warfare, Uzbekistan, Tajikistan.

Одним из значительных факторов, тормозящих процесс интеграции стран Центральной Азии, является вопрос применения водно-энергетических ресурсов данного региона. Исторические предпосылки нынешней ситуации по данному вопросу уходят на времена бывшего Советского Союза, когда регион полагался на объединенный водно-энергетический и социально-экономический комплекс всесоюзного масштаба, разделение всех значимых ресурсов, в т.ч. и водно-энергетических ресурсов, со стороны так называемого Центра, иными словами – Москвы, распад данной централизованной системы с приобретением странами Центральной Азии национальной независимости – все это изменило не только социально-экономическое положение, но и геополитическую обстановку в регионе.

Ярким примером геополитизации водно-энергетических вопросов в Центральной Азии стал саммит глав государств-учредителей Международного фонда спасения Аральского моря в г. Алматы, (Казахстан, 28 апреля 2009 г.). Президент Республики Узбекистан, участвовавший на данном саммите, в своем выступлении подчеркнул: “Мы, главы государства, ответственные перед народами и историей своих стран, должны прежде всего стараться не ангажировать и не политизировать споры и обсуждения, а должны найти общие точки соприкосновения. В противном случае, интересы народов наших стран останутся в стороне, а будут преобладать задачи управления регионом в соответствии с стратегическими и геополитическими интересами, целями третьих сил”. Данное заявление может служить индикатором того, что водно-энергетический вопрос уже давно перерос из спорного вопроса между отдельными государствами в Центральной Азии в региональную дилемму.

Письмо Премьер-министра Узбекистана Ш. Мирзиёева по поводу строительства Рогунской гидроэлектростанции в Таджикистане, адресованное его таджикскому коллеге Окилу Окилову 3 февраля 2010 г., обострило и без того недружественные отношения двух стран. Принципиальная позиция Узбекистана, изложенная в письме Ш. Мирзиёева, заключается в том, что проект строительства Рогунской ГЭС должен подвергаться компетентной международной независимой экспертизе. В письме узбекской стороны подчеркиваются три момента:

- 1) продолжение и усиление высыхания Аральского моря в результате строительства Рогунской ГЭС;
- 2) уменьшение питьевой и ирригационной воды в реке Амударья для стран низовья;
- 3) возможность повышения риска техногенных катастроф в результате изменения экологической обстановки.

Узбекская сторона предупредила, что в случае игнорирования своих требований таджикской стороной, Узбекистан обратится в международные организации и недвусмысленно дает понять о том, что в случае надобности готова рассмотреть возможность применения радикальных мер.

Отвечая на письмо узбекской стороны, Премьер-министр Таджикистана Окил Окилов подчеркнул, что решение о сооружении ГЭС относится к суверенному праву Республики Таджикистан, что при планировании и проектировании ГЭС все вопросы, касающиеся возможных изменений окружающей среды, уровня воды в реке Амударья, и возможные техногенные последствия были учтены, и что таджикская сторона открыта к сотрудничеству с другими странами региона по данному вопросу.

В этом ракурсе Таджикистан и Киргизстан – с одной стороны, Узбекистан – с другой продолжают вести информационную войну друг против друга. Почти все центральные СМИ Узбекистана (газеты “Халк сўзи”, “Народное слово”, “Правда Востока”, телеканалы “Узбекистон”, “Ёшлар” и др.), СМИ Таджикистана (НИАТ “Ховор” и др.) и СМИ Киргизстана (СА-ПЛЮС и др.) бесперестанно публикуют односторонние тенденциозные точки зрения по поводу водно-энергетических проблем региона. Их контент, анализ, к сожалению, показывает, что очень часто такие полемики включают необоснованные оскорбительные выпады в адрес друг друга и вместо того, чтобы предлагать решение обсуждаемым вопросам, наоборот, усугубляют отношения между государствами региона.

В данном случае позиция международных игроков, воспринимающих Центральную Азию в качестве исконной зоны своих интересов, тоже неясна (Россия, США, КНР, Европейский Союз; такие важные игроки регионального масштаба, как Индия, Иран и Пакистан). Их позиция изменчива и нечетка. Иногда с их стороны утверждается, что трансграничные водно-энергетические вопросы между странами Центральной Азии должны решаться с учетом интересов всех сторон и без нарушений водного баланса в регионе. А иногда подчеркивается, что построение водно-энергетических объектов на трансграничных реках в Центральной Азии продиктовано суверенными правами таких отдельных стран, как Таджикистан и Киргизстан.

На наш взгляд, эффективное и мирное решение водно-энергетических диспутов региона Центральной Азии должно включать в себя следующие компоненты:

1. Нельзя допускать перерастания межгосударственных споров на вооруженное столкновение. Участвовавшие в последнее время вооруженные инциденты на государственных границах Узбекистана, Таджикистана и Киргизстана, заметное ускорение темпа милитаризации стран Центральной Азии указывают на то, что шансы на мирное урегулирование данного вопроса будут уменьшаться;

2. Все спорящие стороны должны объединиться в составе общей примирительной комиссии, созданной под эгидой одной из существующих авторитетных международных организаций. Данная комиссия должна быть наделена полномочием по разработке общеприемлемого варианта решения водно-энергетических диспутов региона. Мы считаем, что требование узбекской стороны о необходимости в проведении независимой международной экспертизы планируемых гидропроектов на трансграничных реках региона уместно. Тем не менее нельзя отрицать и объективную нужду народов Таджикистана и Киргизстана в энергоресурсах;

3. Руководящими принципами при разрешении накопившихся вопросов должны стать взаимовыгодные интересы между странами Центральной Азии, дипломатия и уважение международного права, прав друг друга.

Если не придерживаться вышеобозначенных условий, возникший конфликт интересов способен разрушить хрупкую социально-экономическую и политическую ситуацию в Центральной Азии и привести к дезинтеграции региона.

Список использованных источников

1. «Независимая газета», 09.02.2010 г.
2. Военно-промышленный курьер, N4, 03.02.2010. с. 3.
3. Газета «Народное слово», 05.02.2010 г.

**ИЗМЕНЕНИЕ ОБЪЕМА ВНЕШНЕТОРГОВОГО ОБОРОТА
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1913–1914 ГГ.
(ПО ЕВРОПЕЙСКОМУ И АЗИАТСКОМУ ТАМОЖЕННЫМ УЧАСТКАМ)**

S.V. Upryamtsev

**THE CHANGES OF THE VOLUME OF THE FOREIGN TRADE TURNOVER IN
1913–1914 IN RUSSIAN EMPIRE (EUROPEAN AND ASIAN PARTS OF CUSTOMS)**

Аннотация: Статья рассматривает структуру и особенности российской внешней торговли в 1913–1914 гг. Основным критерием анализа является изучение изменения объема товарооборота на двух основных участках российской границы (европейском и азиатском).

Abstract: The article deals with the structure and features of the Russian foreign trade in 1913–1914. The main criterion of the analysis is the study of the changes in the volume of trade on two main segments of the Russian border (European and Asian).

Ключевые слова: Россия, внешняя торговля, экспорт, импорт, азиатская граница.

Key words: Russian, foreign trade, exports, imports, Asian border.

В своем развитии Российская империя к 1913 г. прошла через серию кризисов (война с Японией 1904–1905 гг.; Первая русская революция 1905–1907 гг. и т.д.), связанных не только с политическими, но и с экономическими пертурбациями. Изменения внутри государства влияли и на международные отношения, прежде всего торговые [9, с. 19–25].

Отношения России с главными европейскими экономиками (Германии, Великобритании, Франции и др.) к 1913 г. характеризовались динамичностью и системностью. В области торговли проявлялась взаимозависимость между странами. Российская империя в этот период занимала важное место в системе общеевропейского товарооборота. С развитием технологий, в первую очередь транспорта, исчезли логистические барьеры между целыми континентами. Имеющие же общие границы государства, при отсутствии острых политических противоречий, расширяли уровень экономического взаимодействия до максимально возможных на тот момент пределов.

Российский экспорт и импорт состоял из четырех основных товарных групп: I – жизненные припасы (все виды хлебов, мука, крупы, мясомолочные продукты, рыба, яйца, соль и др.); II – сырые и полуобработанные материалы (лесопродукты, руда, каменный уголь и кокс, нефть, металл, цемент и др.); III – домашние животные (рогатый скот, лошади, свиньи, птица); IV – изделия фабрично-заводские (стекло, фарфор, фаянс, изделия из дерева, металла, льна, шерсти) [5, с. 340–341].

В 1913 г. внешнеторговое сотрудничество с другими государствами являлось важным источником доходов для Российской империи. Таможенные поступления в этот год исчислялись 359 900 тыс. руб., что составляло 10.3 % бюджета за 1913 г.

Главными партнерами Российской империи, из совокупной суммы внешнеторгового оборота (2 894 800 тыс. руб.), были следующие страны: Германия – 1 105 800 (38.3%); Великобритания – 440.800 (15.2%); Голландия – 198.800 (6.9%); Франция 157.900 (5.5%); Китай – 115.600 (4.0%); Персия – 101.300 (3.5%); Австро-Венгрия – 101.000 (3.4 %); США – 93.300 (3.2 %) [11, с. 32].

Суммарный вывоз в 1913 г. оценивался в 1 520 135 тыс. руб. Через европейскую границу было экспортировано за рубеж товаров на 1 232 751 тыс. руб. (жизненные припасы – 713 600; сырые и полуобработанные материалы – 466 700; домашние животные – 33 000; изделия фабрично-заводские – 19 400). Морским путем было вывезено – на 921 133 тыс. руб., сухопутным – на 311 618 тыс. руб.: из них по беломорской границе – 36 436; балтийской – 460 158; русско-прусской – 242 735; русско-австрийской – 64 156; русско-румынской – 4 727; черноморской – 249 227; азовской – 175 312.

По финляндской границе было отправлено товаров на 55 284 тыс. руб. (жизненные припасы – 34 300; сырые и полуобработанные материалы – 11 000; изделия фабрично-заводские – 10 000). Морским путем – 18 785 тыс. руб.; сухопутным – 36 499 тыс. руб. По Ладожскому озеру и сухопутной границе – 36 499 тыс. руб.; балтийской – 18 785 тыс. руб. [5, с. 347].

По азиатской границе – 232 100 тыс. руб. (жизненные припасы – 91 900; сырые и полуобработанные материалы – 83 300; домашние животные – 1 400; изделия фабрично-заводские – 55 500). Морским путем – 168 367 тыс. руб.; сухопутным – 63 733 тыс. руб. По таможенным участкам распреде-

ление было следующим (в тыс. руб.): по черноморской границе Кавказского края – 132 915; кавказско-турецкой границе – 1 347; кавказско-персидской – 20 228; кавказско-каспийской – 25 440; Астраханской таможи – 949; русско-персидской границе – 10 785; русско-афганской – 5 946; зап.-китайской сухопутной границе и Усинскому округу – 10 892; вост.-китайской сухопутной границе – 18 817; портам Тихого океана – 4 629; через устье Енисея – 152 [11, с. 15, 34].

Сумма привоза в Россию в 1913 г. составила 1 374 034 тыс. руб. По европейской границе было импортировано из-за рубежа товаров на 1 146 255 тыс. руб. (жизненные припасы – 154 700; сырые и полуобработанные материалы – 607 700; домашние животные – 1 200; изделия фабрично-заводские – 387 700). Морским путем было ввезено в Россию – на 566 699 тыс. руб.; сухопутным – на 579 557 тыс. руб. Из них по участкам (в тыс. руб.): беломорской границе – 5 723; балтийской – 486 102; русско-прусской – 509 617; русско-австрийской – 47 575; русско-румынской – 1 022; черноморской – 67 630; азовской – 7 241.

Через границу с Финляндией ввезено в Россию на 56 023 тыс. руб. (жизненные припасы – 5 900; сырые и полуобработанные материалы – 11 000; домашние животные – 1 900; изделия фабрично-заводские – 31 800). Морским путем – 6 993 тыс. руб.; сухопутным – 49 030 тыс. руб. По Ладожскому озеру и сухопутной границе – 49 030 тыс. руб.; балтийской – 6 993 тыс. руб.

По азиатской границе ввезено на 171 755 тыс. руб. (жизненные припасы – 77 300; сырые и полуобработанные материалы – 49 000; домашние животные – 14 500; изделия фабрично-заводские – 31 000). Морским путем – 107 570 тыс. руб.; сухопутным – 64 185 тыс. руб. По участкам (в тыс. руб.): черноморской границе Кавказского края – 25 201; кавказско-турецкой границе – 1 066; кавказско-персидской – 9 620; кавказско-каспийской – 20 442; Астраханской таможи – 4 222; русско-персидской границе – 9 687; русско-афганской – 6 299; зап.-китайской сухопутной границе и Усинскому округу – 13 244; вост.-китайской сухопутной границе – 27 721; портам Тихого океана – 47 959; через устье Енисея – 59. [11, с. 16, 33].

По итоговым исчислениям, основными «торговыми воротами» Российской империи в 1913 г. являлись таможи, расположенные на европейской границе. Доля этого участка (вместе с границей с Финляндией) в экспортной торговле составляла 84.7 % от общей суммы 1 520 135 тыс. руб. Доля азиатского участка российской границы в экспортной торговле составляла всего 15.3 % [10, с. 15].

В российском импорте доля европейской границы (вместе с границей с Финляндией) составляла 87.5 % из общей суммы в 1 374 034 тыс. руб. Через азиатскую границу ввозилось всего 12.5 % всех импортируемых товаров [10, с. 16].

Из статистических данных следует, что торговля Российской империи в 1913 г. была в абсолютном большинстве ориентирована на европейские государства. Данный вывод основан на структуре основных внешнеторговых партнеров России (Германия, Великобритания, Голландия и др.). Имея наиболее важные рынки на западной границе, Российская империя не стремилась расширять торговлю со своими восточными партнерами (Китай, Персия, Япония). Главными причинами, замедляющими развитие восточной торговли, были: отсутствие достаточной покупательной способности восточных государств; структурная ориентированность российского вывоза на сырье (прежде всего зерно), а привоза – на промышленные изделия; значительная политическая и экономическая зависимость восточных государств от западноевропейских империй (Великобритании, Франции, Германии) [4, с. 34–36].

Развитие внешней торговли в 1914 г. можно разделить на два основных периода. Первая половина 1914 г. для России во внешнеторговом аспекте, прошла без существенных изменений как объемов, так структуры товарооборота [8, с. 49]. Значительные потери российской внешней торговли обозначились во второй половине 1914 г., а именно в августе. Причиной этому стала Первая мировая война (14, 33). Главные партнеры России были разделены между собой военными блоками: Великобритания и Франция являлись союзниками по Антанте; Германия и Австро-Венгрия представляли враждебный России блок Центральных держав. Фактическое блокирование войной западных торговых маршрутов в целом сократило внешнеторговый оборот России. [3, с. 9; 9, с. 47–50]

В связи с тем, что резкое падение торговли произошло только во второй половине 1914 года, список государств, имеющих торговые связи с Россией, изменился не значительно. Из совокупного товарооборота в 2 054 100 тыс. руб. за 1914 год, главными партнерами Российской империи были следующие страны: Германия – 678 900 (33.1%); Великобритания – 360 700 (17.6%); Китай – 118 400

(5.8 %); Голландия – 114 100 (5.7 %); Франция – 99 500 (4.9 %); Персия – 94 200 (4.6 %); США – 89 000 (4.3 %); Австро-Венгрия – 62 700 (3.0 %) [12, с. 32].

Суммарный экспорт за 1914 г. оценивался в 956 090 тыс. руб. По европейской границе было вывезено на 706 085 тыс. руб. (жизненные припасы – 400 700; сырые и полуобработанные материалы – 281 500; домашние животные – 12 900; изделия фабрично-заводские – 11 000). Морским путем – 543 026 тыс. руб.; сухопутным – 163 059 тыс. руб. Из них по беломорской границе – 70 520 тыс. руб.; балтийской – 250 019 тыс. руб.; русско-прусской – 119 105 тыс. руб.; русско-австрийской – 37 967 тыс. руб.; русско-румынской – 3 994; черноморской – 113 958 тыс. руб.; азовской – 108 528.

По финляндскому участку вывезено на 55 729 тыс. руб. (жизненные припасы – 33 000; сырые и полуобработанные материалы – 12 300; домашние животные – 100; изделия фабрично-заводские – 10 300). Морским путем – 16 574 тыс. руб.; сухопутным – 39 155 тыс. руб. По Ладожскому озеру и сухопутной границе – 39 155 тыс. руб.; по балтийской границе – 16 574 тыс. руб. [12, с. 5–24].

Через азиатскую границу было вывезено на 194 276 тыс. руб. (жизненные припасы – 89 700; сырые и полуобработанные материалы – 55 200; домашние животные – 1 600; изделия фабрично-заводские – 47 800). Морским путем – 134 813 тыс. руб.; сухопутным – 59 463 тыс. руб. По участкам границы (тыс. руб.): черноморской границе Кавказского края – 104 290; кавказско-турецкой границе – 859; кавказско-персидской – 17 985; кавказско-каспийской – 22 945; Астраханской таможни – 959; русско-персидской границе – 10 895; русско-афганской – 4 874; зап.-китайской сухопутной границе и Усинскому округу – 11 055; восточно-китайской сухопутной границе – 16 146; портам Тихого океана – 4 189; через устье Енисея – 79 [12, с. 15, 33–35].

Из суммы российского привоза за 1914 г. (1 097 992 тыс. руб.) по европейской границе ввезено импорта на 854 341 тыс. руб. (жизненные припасы – 111 200; сырые и полуобработанные материалы – 451 200; домашние животные – 800; изделия фабрично-заводские – 291 200). Морским путем – 449 630 тыс. руб.; сухопутным – 404 711 тыс. руб. Из них по участкам границ распределение было следующим (тыс. руб.): по беломорской границе – 46 892; балтийской – 319 701; русско-прусской – 366 760; русско-австрийской – 31 257; русско-румынской – 1 389; черноморской – 55 717; азовской – 4 884 [2, с. 74–79].

По финляндской границе – 62 354 тыс. руб. (жизненные припасы – 8 000; сырые и полуобработанные материалы – 16 300; домашние животные – 1 600; изделия фабрично-заводские – 36 500). Морским путем – 4137 тыс. руб.; сухопутным – 58217 тыс. руб. По Ладожскому озеру и сухопутной границе – 58 217 тыс. руб.; балтийской – 4 137 тыс. руб.).

Через азиатскую границу России в 1914 г. было импортировано товаров на 181 297 тыс. руб. (жизненные припасы – 79 000; сырые и полуобработанные материалы – 53 400; домашние животные – 11 100; изделия фабрично-заводские – 37 800). Морским путем – 114 776 тыс. руб.; сухопутным – 66 521 тыс. руб. По участкам границ (тыс. руб.): по черноморской границе Кавказского края – 27 385; кавказско-турецкой границе – 572; кавказско-персидской – 8 089; кавказско-каспийской – 20 540; Астраханской таможни – 455; русско-персидской границе – 8 245; русско-афганской – 5 343; зап.-китайской сухопутной границе и Усинскому округу – 14 202; вост.-китайской сухопутной границе – 30 279; портам Тихого океана – 56 173; через устье Енисея – 55 [12, с. 16, 36–39].

Основываясь на вышеперечисленных статистических данных за 1914 г., можно выделить несколько особенностей: во-первых, общий торговый оборот сократился по сравнению с 1913 г. на 840 700 тыс. руб. (29 %); во-вторых, торговый баланс стал отрицательным, т.е. Россия больше закупала за рубежом товаров, чем продала (дефицит составил в 1914 г. 141 902 тыс. руб.); в-третьих, проявилась тенденция к перераспределению торговых потоков России с другими странами по отдельным участкам границы.

Долгие годы основными торговыми партнерами России были европейские государства. В 1914 г. общая структура стран, торговавших с Российской империей, в целом не изменилась. Однако начало в августе 1914 г. Первой мировой войны практически полностью заморозило ряд торговых маршрутов на западе России: «... по данным департамента таможенных оборотов, внешняя торговля России за август по европейским границам сильно сократилась. Общий оборот уменьшился на 79,5%, причем ввоз упал на 75 400 тыс. руб. (71%), а вывоз на 135 200 тыс. руб. (85%)» [1; 7, с. 94].

Наиболее безопасными оказались наименее развитые в инфраструктурном отношении азиатские таможенные границы. В 1913 г. через азиатскую границу Россией было вывезено 15.3 % (232 100 тыс. руб.) всего экспорта и ввезено 12.5 % импорта (171 755 тыс. руб.), в 1914 г. – 20.3 % (194 276 тыс. руб.) всего экспорта и ввезено 16.5 % импорта (181 297 тыс. руб.).

В 1914 г. сумма российского экспорта через азиатские таможи сократилась в ценовом отношении на 37 824 тыс. руб. В процентном соотношении ко всей сумме товарооборота доля данного участка выросла на 5 %. Доля же импорта в 1914 г. выросла в ценовом отношении на 9 542 тыс. руб. В процентном соотношении рост составил 4.5 %.

Торговля России с другими странами через европейские таможи в 1913 г. в ценовом выражении составляла следующие цифры: экспорт равнялся 84.7 % (1 202 278 тыс. руб.) от всей суммы, импорт – 87.5 % (1 202 280 тыс. руб.). Для сравнения: в 1914 г. через европейские таможи (вместе с Финляндией) было экспортировано 79.5 % товаров на сумму 762 814 тыс. руб., импортировано 83.5% на сумму 916 695 тыс. руб.

Доля российского экспорта через европейские границы (в т.ч. с Финляндией) за 1914 г. сократилась на 5.2 %. В ценовом отношении уменьшение составило 439 464 тыс. руб. Импорт Россией товаров в 1914 г. через европейские границы сократился на 4 %, что составило 285 585 тыс. руб.

Как уже было сказано выше, уменьшение в 1914 г. российского товарооборота с другими странами произошло всего по одной причине: в августе 1914 г. Российская империя вступила в войну с блоком Центральных держав (Германия, Австро-Венгрия). Сокращение товарооборота началось лишь в середине лета 1914 г. [6, с. 60–62]. Сумма внешнеторгового оборота в основном снизилась из-за потери перевозок через европейские границы России (по отдельным участкам торговля полностью прекратилась). Географическая протяженность границ Российской империи позволила компенсировать ущерб товарообороту, нанесенный войной на европейской границе, ростом доли азиатских таможен в структуре внешней торговли [14, с. 34].

Сравнение доли европейской и азиатской торговли в последний «мирный» 1913 год и первый «военный» 1914 год является важным источником при изучении внутриэкономического положения Российской империи начального периода Первой мировой войны. Путем сравнительного анализа было подробно выявлено значение двух основных участков границ. Доля торговли России через европейские таможи снизилась, значение же азиатских таможенных участков увеличилось. Важнейшая роль азиатской части России в очередной раз подтвердилась в кризисный момент истории государства.

Список использованных источников

1. Газета «Новое время» от 21 октября (03 ноября) 1914 г. URL: <http://rusplt.ru/www1/press/novoe-vremya-chetvertyiy-mesyats-voyna-zastaet-solntse-v-sozvezdii-skorpiona-11929.html> (Дата обращения: 25.08.2014).
2. Данилов Н.А. Влияние великой мировой войны на экономическое положение России. Петроград: Гос. изд-во, 1922. 93 с.
3. Дементьев Г. Государственные доходы и расходы за время войны. – Петроград: Изд. Мин-ва фин-в 1917. 54 с.
4. Внешняя торговля и народное хозяйство России / Под ред. В.Г. Громана и М.Я. Кауфмана. М.: Изд-во «Вся Россия», 1923. 217 с.
5. История Министерства финансов России в 4 т. Т.1. / Отв. ред. Н.П. Обухов. М.: ИНФРА-М, 2002. 464 с.
6. Мировая война в цифрах. – Москва-Ленинград: Гос. военное изд-во, 1934. 127 с.
7. Россия в мировой войне 1914–1918 г. (в цифрах). М.: Изд-во ЦСУ, 1925. 104 с.
8. Россия и мир: экономическая конъюнктура 1911–1914 гг. (Из докладов правления Азовско-Донского банка собранию акционеров) // Экономическая история. Обзорение / Под ред. Л.И. Бородкина. Вып. 11. М.: Изд-во МГУ, 2005. 192 с.
9. Сидоров А.Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны (1914–1917). М.: Изд-во АН СССР, 1960. 579 с.
10. Статистический ежегодник России 1914 г. (Год одиннадцатый) / X отдел. Петроград: Изд-во Центрального Статистического Комитета МВД, 1915. 48 с.
11. Статистический ежегодник России 1915 г. (Год двенадцатый) / X отдел. СПб.: Изд-во Центрального Статистического Комитета МВД, 1916. 47 с.
12. Статистический сборник за 1913–1917 гг. (Выпуск второй). М.: Изд-во ЦСУ, 1921. 307 с.
13. Томпстон С.Р. Российская внешняя торговля XIX – начала XX в.: организация и финансирование / Стюарт Росс Томпстон [пер. с англ. Ю.А. Петрова]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 471 с.
14. Шаров П. Влияние экономики на исход мировой войны 1914–1918. М.-Л.: Гос. изд-во, 1928. 174 с.

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКИХ ГОСУДАРСТВ СНГ В РОССИЙСКУЮ ФЕДЕРАЦИЮ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ

I.V. Frolova, A.A. Davydov

POLITICAL AND ECONOMIC ASPECTS OF LABOR MIGRATION FROM THE EASTERN REPUBLICS OF THE CIS TO THE RUSSIAN FEDERATION: ISSUES AND TRENDS

Аннотация: Статья посвящена проблемам трудовой миграции из Центральной Азии в Российскую Федерацию. Авторы анализируют содержание этого процесса, его политические и экономические аспекты. Трудовая миграция рассматривается как фактор евразийской стабильности.

Abstract: The article is dedicated to the problems of labor migration from Central Asia to the Russian Federation. The authors analyze the contents of this process, its political and economic aspects. Labour migration is seen as a factor in the Eurasian stability.

Ключевые слова: политика России в области трудовой миграции, трудовая миграция в Россию, миграция из центрально-азиатских государств СНГ в Россию, экономические аспекты трудовой миграции, евразийская стабильность.

Keywords: Russia's policy in the field of labor migration, labor migration in Russia, migration from the Central Asian states of the CIS in Russia, the economic aspects of labor migration, the Eurasian stability.

В настоящее время политико-экономические аспекты взаимодействия Российской Федерации с центрально-азиатскими государствами СНГ определяются, прежде всего, экспортом из Центральной Азии дешевой рабочей силы. Политика в отношении трудовой миграции между нашими государствами основывается на целом ряде региональных и двусторонних соглашений трудовой деятельности и социальной защите граждан, работающих за пределами своих стран. Поскольку международная трудовая миграция является средством взаимодействия между странами, ее детерминанты и последствия должны рассматриваться с точки зрения лишь всех включенных в международный обмен государств. Данное обстоятельство обуславливает актуальную необходимость исследования этого процесса, выявления и оценки связанных с ним проблем.

Напомним, что коллапс политической системы Советского Союза, его распад и последовавшее за ним институциональное оформление Содружества Независимых Государств обусловили то, что внутренний рынок труда советских граждан принял форму международной трудовой миграции со странами ближнего зарубежья. Эти перемены нашли отражение в научной литературе¹. Рассматривая динамику перемещений человеческих потоков из центрально-азиатских государств СНГ в Россию, начиная с 90-х годов прошлого века и до сегодняшнего дня, исследователи выделяют два этапа, обусловивших специфику трудовой миграции в этот период².

Первый из них, хронологически совпавший с первой половиной 90-х годов XX в., характеризуется мощным потоком вынужденной миграции преимущественно русскоязычного населения. Как отмечают исследователи, в период с 1985 по 1991 г. из Казахстана в Россию переместилось 1, 2 млн человек (7,7 % населения), из Узбекистана – 626 тыс. (3,1 %), из Кыргызстана и Таджикистана – по 360 тыс. человек (т.е. 8,4 и 7 % соответственно)³.

Второй этап, стартовавший в конце 90-х годов XX в., был связан с тем, что основной потенциал вынужденной миграции был исчерпан. Напротив, стали расти масштабы легальной и нелегальной трудовой миграции коренного населения стран Центральной Азии, превратившихся в своего рода «государства-доноры» рабочей силы для соседних стран с более высоким уровнем жизни, более ста-

¹ Топилин А.В. СНГ: демографический потенциал, миграция, рынок труда. М.: Экон-информ, 2002; Трудовая миграция в СНГ: социальные и экономические эффекты/Отв. ред. Ж.А.Зайончковская. М.: 2003; Трудовая миграция в странах Центральной Азии, Российской Федерации, Афганистане и Пакистане: аналитический обзор. Алматы.: ЕК МОМ, 2005.

² Эрешбаев У.Ж. Современная трудовая миграция стран Центральной Азии в Россию// Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. № 10-1-1. Т. 7. С. 74–81.

³ Резникова О. Перспективы миграций на постсоветском пространстве // Кавказ и глобализация, 2008. Т. 2. Вып. 4. С. 84.

бильной экономикой и благополучной социальной сферой. Этот факт был отмечен и в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации до 2025 года, которая гласит: «В настоящее время миграционная привлекательность Российской Федерации по сравнению с другими странами, принимающими мигрантов, невысока и распространяется преимущественно на граждан государств-участников Содружества Независимых Государств»⁴.

Невзирая на наличие Концепции, реальная миграционная политика Российской Федерации еще далека от совершенства. Это обстоятельство обуславливает фактор политизации трудовой миграции в общественном сознании россиян. Миграционные процессы стали своего рода «фоном» политической реальности современной России. Неудивительно, что, с одной стороны, многие политические акторы нередко используют фактор нелегальной трудовой миграции для обретения политического капитала, с другой – общество испытывает дефицит инициатив, направленных на снятие обостряющейся в этой ситуации межэтнической и межконфессиональной напряженности, что чревато угрозой национальной безопасности.

При этом вполне очевиден и тот факт, что проблема политизации трудовых мигрантов из центрально-азиатских государств СНГ в Российскую Федерацию имеет и внешнеполитический аспект. Наличие на территории Российской Федерации более чем 10 миллионной армии граждан этих государств дает возможность рассматривать их в качестве ресурса воздействия на правящие режимы этого региона⁵.

Необходимо отметить, что экономика бывших азиатских республик СССР после распада союзного государства оказалась в еще более плачевном состоянии, чем в России. Если численность населения продолжала расти в силу сохранения традиций многодетной многопоколенной семьи, то валовый внутренний продукт этих государств, по данным Всемирного Банка, в 1990–1999 гг. существенно сократился: у Кыргызстана – в 4,2 раза, Таджикистана, Казахстана и Туркменистана – в 2,3–2,7 раза, а Узбекистана – в 1,4 раза⁶.

Русскоязычное население, составившее первый поток вынужденной миграции, проживало в основном в городах, где концентрировалось и промышленное производство, вследствие чего в постсоветский период во всех странах постсоветской Центральной Азии усилилась деурбанизация. Наиболее сильно эта тенденция проявилась в Таджикистане, Узбекистане и Кыргызстане, в первом из которых в сельской местности в настоящий период проживает около 3/4, а в двух других – около 2/3 всего населения.

Крах сложившейся в советское время экономической и социальной сферы имел своим следствием и деградацию системы высшего, профессионального и среднего образования. Это привело к тому, что большинство коренного населения имеет низкий образовательный уровень. В то же время население центрально-азиатских стран СНГ имеет гораздо более благоприятную возрастную структуру трудовых ресурсов, чем соседняя Россия. В частности, около 60% – это люди в трудоспособном возрасте, при этом имеется достаточный ресурс для кооптации молодой рабочей силы: более 1/3 составляют дети в возрасте до 14 лет.

При этом Кыргызстан и Таджикистан продолжают оставаться самыми бедными странами в Центрально-Азиатском регионе. Сегодня трудовую миграцию инициирует крайне тяжелое экономическое положение республик Центральной Азии, т.е. социально-экономические факторы играют главную роль в формировании и направленности массовой трудовой миграции. Неудивительно, что в силу перечисленных обстоятельств трудовая миграция населения государств Центральной Азии в Российскую Федерацию приняла масштабный характер. Столица и крупные города притягивают к себе все более значительные потоки «гастарбайтеров» из бывших советских республик. Эмпирические данные свидетельствуют о том, что основными источниками трудовой миграции из центрально-азиатских государств СНГ на сегодняшний день являются Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан. Согласно статистическим данным, в России на конец 2005 – начало 2006 г. находилось от 1,8 до 3,5 млн трудовых мигрантов из этого региона, причем 90% – из упомянутых государств⁷.

⁴ Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации до 2025 года. Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/> Дата обращения: 31.11.2014.

⁵ Мурзагалеев Р.И. Трудовые мигранты в контексте интеграционных инициатив России в Центральной Азии // Вестник Башкирского университета, 2014. Т. 19. № 2. С. 644–650.

⁶ Эргешбаев У.Ж. Указ. соч. С. 74.

⁷ Боришполец К., Бабаджанов А. Миграционные риски стран Центральной Азии // Аналитические записки МГИМО (У) МИД России. М., 2007. Вып. 2 (22). С. 4.

Несмотря на попытки государства придать трудовой миграции оформленный характер, разработать систему мер по ее регулированию, государственные органы управления как в России, так и в центрально-азиатских странах не могут упорядочить стихию регулируемых рынком процессы размещения рабочей силы. Приходится констатировать, что трудовая миграция осуществляется в большей степени стихийно, неформально, нелегально и регулируется своего рода сетевыми структурами взаимодействия по экспорту и импорту рабочей силы. Это обстоятельство затрудняет определение реального количества трудовых мигрантов. Для иллюстрации этого тезиса У.Ж. Эргешбаев приводит информацию о том, что согласно данным Управления по внешней миграции Министерства труда и занятости населения Таджикистана, в странах СНГ находится более 250 тыс. трудовых мигрантов из этой страны; по данным Государственной миграционной службы РТ, эти объемы превышают 0,5 млн человек; по мнению же экспертов Совета Безопасности при Президенте РТ, численность трудовых мигрантов из этого государства составляет около 800 тыс. человек и, наконец, по данным Комитета по охране государственной границы РТ, в 2001 г. за пределы страны в целях заработка выезжало более 1,2 млн человек. Возможно, это связано с ростом количества транзитных мигрантов, неоднократно пересекающих границу в течение года.

Главным «акцептором» трудовых мигрантов из центрально-азиатского региона СНГ является Россия. Исследователи отмечают, что в Россию направляются до 85% внешних трудовых мигрантов из Таджикистана, до 60% – из Кыргызстана, около 70% – из Узбекистана. Это связано с уже упоминавшимся нами обстоятельством, а именно с тем, что традиционное хозяйствование привело в этих странах к аграрному перенаселению, а в России, наоборот, население уменьшается быстрыми темпами: начиная с 2006 г., происходит ежегодное сокращение трудоспособного населения примерно на 1 млн человек.

Социально-экономический эффект от привлечения «гастарбайтеров» амбивалентен: с одной стороны, это ликвидация дефицита рабочей силы, рост экономических показателей во многих отраслях экономики, увеличение налоговых поступлений в бюджет; с другой стороны, мигранты из ближнего зарубежья в силу низкого образовательного уровня зачастую не имеют высокой квалификации, что уже стало поводом для появления анекдотов и сатирических программ. Это обстоятельство подчеркивается и в Концепции государственной миграционной политики: «Мигранты новых поколений, прибывающие в Российскую Федерацию из государств-участников Содружества Независимых Государств, по сравнению с их предшественниками обладают более низким уровнем образования, знания русского языка и профессионально-квалификационной подготовки».⁸

Парадоксально и то, что миграционный приток рабочей силы происходит в условиях безработицы в России. При этом значительная часть трудовых мигрантов занята в теневом секторе экономики, иначе говоря, не является налогоплательщиком. Более того, миграция не содействует разрешению главных проблем российской экономики – преодолению упадка сельского хозяйства, сокращению населения в восточной части страны. Для экономического развития России необходим приток населения в районы Дальнего Востока и Сибири, он сегодня направлен в европейскую часть страны, в большие города. Угрозу представляет и тенденция концентрации мигрантов в таких сферах, как розничная торговля, строительство и ремонт, общественное питание и т.п., приводящая к их монополизации выходцами из Центральной Азии, ограничению доступа в эти сферы местных мелких производителей, завышению цен. Печально известный случай в Бирюлево в очередной раз свидетельствует об ухудшении криминогенной обстановки.

Действительно, интенсификация миграционных процессов обострила целый комплекс социально-психологических и социокультурных проблем, усилив интерес ученых к вопросам адаптации мигрантов к новым условиям жизнедеятельности. Без сомнения, стабильность любого, в т.ч. и российского, общества будет зависеть от того, каким будет включение мигрантов в систему социальных связей и отношений.

Ослабить миграционную нагрузку в Россию могут инициативы таких структур, как «Россотрудничество» и «Российская корпорация сотрудничества» со странами Центральной Азии, которые ориентированы на создание рабочих мест в самом регионе, что будет способствовать его экономической стабилизации и модернизации.

⁸ Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации до 2025 года. Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/> Дата обращения: 31.11.2014.

Обращаясь к политическим аспектам вышеуказанных процессов, Р.И. Мурзагалеев полагает, что на сегодняшний день внешняя трудовая миграция из Центральной Азии превратилась из неорганизованной и стихийной в отлаженный сетевой механизм неформальной евразийской интеграции (т.н. интеграции снизу). Развитие интеграционных инициатив России на евразийском пространстве (Таможенный союз, Евразийский союз) предполагает, что потоки людей из Центральной Азии в Россию и встречный поток инвестиций должны рассматриваться как взаимозависимые. Экономико-политическое развитие таких государств, как Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан, сильно зависимы от массовой миграции в Россию⁹.

С другой стороны, отмечает исследователь, для центрально-азиатских республик трудовая миграция – это важный фактор канализации протестных элементов внутривнутриполитической жизни. Трудовые мигранты в экономическом плане крайне важны для таких государств, как Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан, однако эта категория граждан в силу определенных факторов не имеет возможности оказывать значительного влияния на политические процессы в этих государствах. В то же время элиты республик Центральной Азии все чаще актуализируют дискурс «трудоу мигрантов», «жестокости обращения с ними в российском обществе» и т.п., формируя тем самым недоверие к интеграционным инициативам России на постсоветском пространстве.

Таким образом, предстоит долгая и кропотливая работа по гармонизации иммиграционно-политического режима между Российской Федерацией и странами Центральной Азии. Реализовать эту задачу возможно только совместными усилиями. Тем не менее в этом аспекте между нашими странами до сих пор нет единой политики, а положения программы сотрудничества в области миграции населения выполняются далеко не всегда, что усугубляет положение мигрантов и инициирует ксенофобию. Думается, исследователи справедливо считают фактор трудовых мигрантов из Центральной Азии одним из «нервов» евразийской интеграции. Но она может состояться только в том случае, если правящие элиты России и центрально-азиатских стран СНГ смогут решить эту проблему.

⁹ Мурзагалеев Р.И. Указ. соч. С. 646.

Ш.З. Шарипов

ПРОЦЕСС ПРИВАТИЗАЦИИ В УЗБЕКИСТАНЕ: НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

Sh.Z. Sharipov

PRIVATIZATION PROCESS IN UZBEKISTAN: PRESENT AND FUTURE DEVELOPMENT

Аннотация: Статья посвящена историческому анализу осуществляемых в Республике Узбекистан социально-экономических реформ. Всестороннее внимание уделено процессу приватизации государственной собственности и его будущему развитию.

Abstract: The article is devoted to historical analysis of social and economic reforms in the Republic of Uzbekistan. Extensive attention is given to the process of privatization of state property and its future development.

Ключевые слова: Республика Узбекистан, государственное имущество, частная собственность, экономика, социальная жизнь, «узбекская модель» развития.

Key words: Uzbekistan Republic, state property, privacy property, economy, social life, Uzbek model of the development.

Накопленный на протяжении 22 лет независимости частный капитал начал давать свои положительные результаты в условиях мирового экономического кризиса, поразившего экономики многих развитых стран мира. В этих сложных условиях «узбекская модель» развития доказала свою силу, и мировой экономической кризис обошел стороной Республику Узбекистан.

Кроме того, разрабатываются государственные программы, направленные на повышение уровня социально-экономической жизни в Республике Узбекистан. В своей работе «Мировой экономической кризис, пути и меры его преодоления в условиях Узбекистана» Президент Узбекистана И.А.Каримов подчеркивает: «В целях устранения негативных результатов мирового экономического кризиса в на-

шей стране намечена на 2009–2012 годы и принята программа мер. Предотвращение кризиса остается самым главным направлением социально-экономического развития Узбекистана в 2009 году»¹.

Действительно, темп роста внутреннего валового продукта в 2008 году составил 9%, в 2009 году – 8,1%, в 2010 году – 8,5%². В 2011 году этот показатель намечается вывести на уровень 8,3%, что привлекает большое внимание и заинтересовывает многие международные организации, экспертов и специалистов³.

В нашей стране по инициативе Президента И.Каримова, основываясь на ранее провозглашенных идеях, широко осуществляются меры по углублению рыночной экономики и приданию экономике больше свобод, развитию частного сектора, увеличению его доли в экономике государства, ускорению развития малого бизнеса и фермерства.

В результате приватизации государственной собственности в Узбекистане ускоренными темпами, в частности, развиваются малый бизнес и частное предпринимательство. Роль малого бизнеса и частного предпринимательства в обеспечении занятости населения признается важной. Действительно, предприниматель, внося свой капитал в производственную сферу, наряду с увеличением доходов, обеспечивает других членов общества работой и соответствующими доходами, создавая материальный фундамент. В нашем государстве широко осуществляется деятельность в данном направлении. По состоянию на 1 января 2011 года число занятых в сфере малого бизнеса и частного предпринимательства составила 8639,3 тысячи человек, в том числе частных предпринимателей 6666,5 тысяч человек, число занятых в малых предприятиях и микрофирмах составила 1972,8 тысяч человек⁴.

Процесс приватизации государственного имущества в Узбекистане осуществляется на основе денежных платежей. Стали очевидными социально-экономические преимущества осуществленной приватизации государственного имущества на основе денежных платежей.

Во-первых, находящиеся в ведении государства предприятия и объекты при приватизации устраняют различного вида нежелательные ситуации, посредством денежных платежей, способные возникнуть при бесплатном распределении. Во-вторых, прежде всего, появляется возможность оказания финансовой поддержки со стороны государства малому бизнесу и частному предпринимательству, а также приватизированным предприятиям. В-третьих, появляются ресурсы для создания рыночной инфраструктуры. В-четвертых, накапливаются финансовые средства для осуществления программы социальной защиты населения.

Процесс приватизации в Узбекистане широко охватывает один из основных видов – приватизация жилого фонда. В этом процессе особое внимание уделяется направлению создания системы социальной защиты.

В частности, в процессе приватизации государственного имущества поддержке и социальной защите населения с самых первых дней независимости уделяется огромное внимание. В своем докладе президент И. Каримов на тему приоритетных направлений экономической политики подчеркивает: «Учитывая опыт приватизации государственного жилищного фонда в г. Ташкент, этот процесс распространен на территорию всей республики. Приватизировано порядка 900 тысяч квартир. Это составляет 82% от суммы запланированной приватизации жилищного фонда.

Бесплатно предоставлено более 300 тысяч квартир ветеранам, учителям, медицинским работникам, представителям творческой и научной интеллигенции⁵.

За период с 1997 по 2007 год приватизировано 54812 квартир, из них 16636 предоставлены бесплатно⁶.

В Узбекистане наряду с другими видами собственности представители малого бизнеса и частного предпринимательства образовали новый класс средних собственников. В настоящее время они укрепили свои позиции в сфере экономики. Для этого им созданы необходимые экономические и правовые условия. Первоначально процесс приватизации предполагал «малую приватизацию», то есть приватизацию, находящуюся в ведении государства объектов торговли, бытового обслуживания и

¹ Каримов И.А. Мировой экономический кризис, пути и меры его преодоления в условиях Узбекистана. Ташкент: Узбекистан, 2009. С.30.

² Каримов И.А. Все наши планы и программы направлены на прогрессивное развитие нашей родины, повышения благосостояния нашего народа. Ташкент: Маърифат, 2011.

³ Каримов И.А. Дальнейшее углубление демократических реформ и концепция развития гражданского общества нашего государства. Ташкент: Узбекистан, 2010. С. 5.

⁴ Турдиев У., Карабаев Ф. Малый бизнес и частное предпринимательство – основы социально-экономического развития // Экономика и финансы. 2011. №9. С. 39.

⁵ Каримов И.А. Приоритетные направления экономической политики Узбекистана. Ташкент: Узбекистан, 1993. С. 23–24.

⁶ Годовой статистический сборник Узбекистана. 2009. С. 89.

малых производственных предприятий. В дальнейшем этот процесс охватил крупные предприятия с высокой долей государственной собственности.

В течение ряда лет в Узбекистане на основании ежегодно намечаемых планов и программ осуществлялся процесс приватизации. После того, как частный сектор стал показывать свои преимущества, этому процессу стало уделяться особое внимание. Например, если в 2003 году планировалось изменить форму собственности 1407 предприятий, то фактически было приватизировано 1519 государственных предприятий⁷.

В республике большой вклад в осуществление приватизационного процесса внесли области Зарафшанского оазиса, Бухарская, Навоийская, Самаркандская области. Например, при приватизации 631 объекта в 2007 году полученная прибыль составила 111129,9 млн сумов. В том числе в Бухарской области приватизировано 26 предприятий. Полученная прибыль от приватизации составила 1386,3 млн сумов. В Навоийской области приватизация 18 предприятий принесла 783,6 млн сум прибыли. Приватизация 35 предприятий в Самаркандской области дала доход в 4868,6 млн сумов⁸.

В процессе перехода к рыночным отношениям и реформирования многоступенчатой экономики различные слои общества, в частности, нуждающиеся в социальной защите, должны получать всестороннюю государственную поддержку. Необходимо отметить, что во времена бывшего СССР существовавшая в экономике бюрократическая система утвердила в умах общества идею, что частное предпринимательство служит препятствием в формировании экономических идей. В процессе коренного реформирования экономики возникла необходимость в формировании экономического мировоззрения и социальной защиты некоторых слоев общества.

В этой непростой ситуации предусмотрительность и дальновидность Президента Республики Узбекистан Ислама Каримова в настоящее время – прогрессивность узбекской модели, известной во всем мире как «узбекская модель», как четвертое направление продвинуло вперед идеи проведения сильной социальной политики в период перехода к рыночной экономике.

Можно сделать вывод, что в результате проведенной в Узбекистане приватизации государственного имущества, в первую очередь, между обладающими высокими интеллектуальными способностями членами общества, возникла здоровая конкуренция во внутренних экономических отношениях. Во-вторых, в экономическом прогрессе государства решающую роль играет возможность формирования класса средних собственников. В-третьих, активная деятельность отраслей экономики обеспечивается получением доходов от приватизации. Осуществленные в Узбекистане экономические реформы показывают миру экономическую силу государства вкупе с быстроразвивающейся социально-политической и культурной жизнью.

Список использованных источников

1. Каримов И.А. Мировой экономический кризис, пути и меры его преодоления в условиях Узбекистана. Ташкент: Узбекистан, 2009.
2. Каримов И.А. Все наши планы и программы направлены на прогрессивное развитие нашей родины, повышения благосостояния нашего народа. Ташкент: Маърифат, 2011.
3. Каримов И.А. Дальнейшее углубление демократических реформ и концепция развития гражданского общества нашего государства. Ташкент: Узбекистан, 2010.
4. Каримов И.А. Приоритетные направления экономической политики Узбекистана. Ташкент: Узбекистан, 1993.
5. Годовой статистический сборник Узбекистана. 2009.
6. Процесс приватизации: проблемы и решения. М.: Изд-во «Академия», «Национальное общество философов Узбекистана», 2005.
7. Махмудов Э.А. Прямые иностранные инвестиции в экономику Узбекистана: достижения, проблемы и перспективы. Ташкент: Фан, 2007. 159 с.
8. Расулов Э. О новых тенденциях и перспективах в развитии экономического и инвестиционного сотрудничества между Узбекистаном и Южной Кореей. Korea Institute for International Economic Policy, National Research Foundation of Korea, 2010. С. 105–109.
9. Рахматуллаев Ш.М. Основные тренды становления и развития экспорт ориентированной экономики Узбекистана // Ўзбекистон: юксалиш сари 23 одим (23 ступени в развитии). Ташкент, 2014. С. 98–110.

⁷ Процесс приватизации: проблемы и решения. М.: Изд-во «Академия», «Национальное общество философов Узбекистана», 2005. С. 4.

⁸ Годовой статистический сборник Узбекистана. 2009. С. 206.

Круглый стол 4. РОЛЬ ИСЛАМСКОГО ФАКТОРА В ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ И В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

A.P. Azizov

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СССР-РОССИИ И СТРАН МУСУЛЬМАНСКОГО МИРА

A.R. Azizov

USSR –RUSSIA AND MUSLIM WORLD INTERRELATIONSHIP

Аннотация: Статья посвящена истории дипломатических взаимоотношений СССР и России с мусульманскими странами.

Abstract: Article is devoted to the history of diplomatic relations between the USSR and Russia with Muslim countries.

Ключевые слова: СССР, Россия, ислам, Карим Хакимов.

Keywords: USSR, Russia, Islam, Karim Khakimov.

From the first days of the appearance of the USSR, soviet leaders proved that they have very clear policy towards the Muslim countries it appeared when V.I. Lenin declared the goals of Sykes-Picot agreement which aimed to divide the Muslim countries. USSR was one of the first countries which recognized the independence of the Muslim countries.

Geographically, political map shows the important fact, that is one of the longest common border directly with the Soviet Union have the Muslim countries, starting at least from Afghanistan through Iran, even Turkey which means they were neighbors.

In the early 1920s the young Soviet state and Britain were engaged in diplomatic competition for dominance in Southwest Asia. Thanks to the skill of a Russian diplomat of Muslim background, Karim Khakimov, the USSR was among the first states to recognize Abdul-Aziz Ibn Saud as a king of Saudi Arabia in 1926. Relations between the USSR and Hejaz had been established earlier in 1924. The Soviets believed that approaching the house of Saud would bring them closer to the Muslim world, while at the same time frustrating British ambitions in the Khaleej (Gulf) region.(1) In 1932, Ibn Saud's visit to the USSR was organized. However, after Khakimov had become a victim of Stalin's repression, Ibn Saud refused to accept another representative, and the relations were severed, only to be resumed in the 1990s'.

We surely can call the period of cold war in the Middle East, "making alliances period."(2)

The western countries could promote the idea of united heavenly religions against atheism in Muslim countries, that the Muslim world should combine strength with the Christian world "free" in the one front against the communist world. In this period we can see some intellectual movements and propaganda conferences and meetings, which as though rapprochement between Islam and Christianity, and the unity of the heavenly religions.

When Dr. Mustafa Sobai visited Soviet Union for the first time in 1957 he wrote "the socialism of Islam", and he warned from the American and Western conferences under the banner "The war on atheism" in his article "Be careful of these conferences"(3). But unfortunately for Muslim countries which helped the West and USA in collapsing of the Soviet Union they became the next as promised Margarita Thatcher that "the next will be you"(4).

The very strange fact that the Muslim countries became alliances with former occupiers against the risk of illusion of potential enemy.

There is another point we have refer to it that is that Western colonialism countries has colonized the Muslim countries for the long time and during the cold war they used the Muslim countries for their new struggle against Soviet Union. For example, it was the principle of "jihad" always criticized in the West and they called it a bloody aggressive and fanatic principle, but during Afghan war it was not just allowed for Muslims but the Western countries helped Mujahedeen to arrive to Afghanistan, even the American and Western politician went to the Afghanistan and Pakistan boarder for meeting with mujahedeen.

The secular regime of the Soviet Union did not prevent any religion from development rather inside the Soviet Union or outside, there was madrasa Mir Arab in Bukhara and Islamic Institute in Tashkent.

The increasing the Suez crisis of 1956 improved Egyptian-Soviet relations, especially after warning Bolganinthat was sent to Britain, France and Israel to use the arm force to destroy the aggressors(5). The Soviet Union was the first who recognize the United Arab Republic(6).

Nevertheless, for decades the Soviets maintained close strategic relations with the Muslim world, especially with the Arab world such as Algeria, Nasser's Egypt, Syria, Iraq and the former Southern Yemen and some of the Muslim countries were the strategic allies for the USSR and today some of them are still allies for the Russia.

But after the collapse of the Soviet Union Russian leaders and politicians repeatedly stress the significance of Islam as integral to the political fabric of statehood, historically and in the contemporary era. For instance, President Putin declared repeatedly his support and respect for Islam. He states the following:

'...Islam is rightly claimed an inalienable part of today's religious, social and cultural life of Russia. Its traditions are based on eternal values of goodness, mercy and justice...' (7).

Today Russia is seeking to present itself in the image of a friendly country to Islam and Muslims. Russia does not have a similar policy, and does not follow in the footsteps of the former Soviet Union in terms of seeking to spread communism.

Russia is a part of Muslim world. At the same time its policy towards Islam as religion, a way of life and civilization is still improving. The Syrian war partly spoiled the improved image of Moscow but this is just on countries which are under influence of the West and these are predominantly gulf countries.

We have to refer that the European countries create some groups for short-term interest but these groups for long-term are disaster for themselves. As it was in Afghanistan, Libya and what we observe today in Syria and Iraq.

Today Kremlin displays evident ambition to develop partnership with the Muslim world on the basis of equality and mutuality. The crucial steps in shaping such relations were boosted by Russia's gaining of observer status in the Organization of Islamic Cooperation (OIC) in 2003. Putin's design to draw Russia closer to the OIC impressed not only his close allies, but also the Russian Muslims themselves.

We can see this evident ambition on Vladimir Putin's speech:

"For centuries Russia as a Eurasian country has been intertwined with the Islamic world by traditional and natural ties. Millions of Muslims have historically lived in our country, and they consider Russia their homeland.

I am convinced - the participation of Russia will not only extend the Organisation's horizon; it will also add to its work new capabilities, and will bring the weight and voice of Russia's large Muslim community. A community that no longer separates itself from the world community of Muslims; and is ready to participate fruitfully in its spiritual, cultural and political life." (8)

There are several other initiatives that explicitly show that Russia has all the potential to design a foreign policy partly informed by the Islamic identity too. They include the forums and conferences concerned with topical troubles of Muslims around the world: radicalization, extremism, and misunderstanding of the Islamic values in mass consciousness. In 2012, Moscow hosted the International Theological Conference 'Islamic doctrine against radicalism'. In September 2013 and 2014 Moscow hosted the International Quran recitation competition. It gathered the global community of (Quran memorizers) from the from the different continent of the World.

Also one of the indicators that Russia is designing new foreign policy towards the Muslims World is opening the new section for teaching -Islamic Law- in the faculty of Law of National Research University "Higher School of Economics", this is secular University.

A new Russian foreign policy is tending towards the East as president Yeltsin declared: "Russia must go to the East." (9) Majority of the Muslim countries situated in the East. As Russia is part of the Muslim world, and this country could be a potential strategic partner for the Muslim world.

The Russian Federation today has more opportunity to influence over the Muslim world. For having good relations with Muslim world any state should have the very high influence on making decision group in Israel and through it can solve the Arab-Israeli conflict, because today one of the disasters for the Muslim world is the suffering of Palestine people. And the USA and Europe could control and have more influence over Muslim world and especially in the Middle East is untruth promises for the Muslims and Arabs the solving Arab-Israeli conflict.

1) RIA Novosti (2012) Putin considers Islam indelible part of Russia's religious life, 30 August, <http://ria.ru/religion/20120830/733504906.html#ixzz2ftKGsxZN>;

2) <http://www.al-madina.com/node/550289>

- 3) <http://www.asharqalarabi.org.uk/ruiah/b-ruiah-642.htm>.
- 4) <http://www.islamnews.ru/news-139126.html>.
- 5) <https://www.press.umich.edu/pdf/0472108670-06.pdf>.
- 6) <http://digital.ahram.org.eg/articles.aspx?Serial=96174&eid=1905>.
- 7) J. Jacobson (1994) *When the Soviet Union entered world politics* (Place?; University of California Press), pp. 80-82.
- 8) V. Putin (2003) 'Speech by Russian President at the Tenth Summit of Heads of State and Government of the Organization of the Islamic Conference, October 16.
- 9) <http://www.gromyko.ru/English/CPE/islam.htm>.

Р.М. Бадртдинов

АРАБО-МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

R.M. Badrtdinov

THE MUSLIM ARAB WORLD IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATIONAL CHANGES

Аннотация: Статья посвящена анализу отношений различных групп интеллектуалов арабского мира к процессу глобализации, положительным и отрицательным аспектам данного процесса и возможности альтернативы.

Abstract: The article is devoted to the analysis of the attitude of different groups of the Arab-Muslim world intellectuals concerning the globalization process, its positive and negative aspects and the possibility of an alternative.

Ключевые слова: Глобализация, арабо-мусульманский мир, отношение к глобализации, аспекты глобализации, альтернатива, альтерглобализм

Key words: Globalization, Arab-Muslim world, attitude concerning globalization, aspects of globalization, alternative, alter-globalization

Глобализационные процессы характеризуются тенденцией к охвату всего мира, его унификации, максимальному сглаживанию культурных и экономических различий. Если говорить о перспективах их геополитического распространения, то неизбежно возникает вопрос о роли глобализации в арабо-мусульманском мире.

На протяжении своего «существования» процесс глобализации в ее классическом виде приобретал яркую окрашенность западных ценностей, за что многие аналитики добавляют в этот процесс еще один – вестернизацию, что ведет к внедрению и насаждению американско-западных ценностей и разрушению специфической идентичности представителей других культур. Особое внимание исследователей этой проблемы сосредоточено на странах Африки, Азии и Латинской Америки, но не стоит забывать о существовании еще одной мощной составляющей нашего мира – арабо-мусульманского мира. Интеллектуалы задаются вопросами: что несет за собой процесс глобализации-вестернизации, какие положительные и отрицательные импульсы возникают, какой вызов бросает западная цивилизация и есть ли возможность ответить на него.

Арабо-мусульманский мир представляет собой уникальную общность людей и государств, исповедующих одну из мировых религий – ислам. Именно на этой религии базируется в большинстве своем политико-правовая система этих государств, их моральные ориентиры. В сравнении с западной цивилизацией, Арабский Восток в большей степени опирается на религию в повседневной жизни, здесь фактически отсутствует принцип разграничения религии и государства, религии и экономики, религии и науки – все так или иначе подчинено религии.

Однако стоит отметить, что в исламском мире не существует единого воззрения на глобализацию. С одной стороны, это сугубо негативное явление, призванное Западом бороться с исламом. С другой – это явление, которое несет и положительные результаты (например, в сферах торговли, образования и информации). В частности, профессор Мичиганского университета Наджар Ф. утверждает, что арабская интеллигенция разделена на три разные группы, по принципу отношения к процессу глобализации:

первая группа состоит из тех, кто отвергает глобализацию как «высшую стадию империализма» и «культурного вторжения», угрожающих культурному наследию и национальной идентичности;

вторая группа – арабские мыслители, приветствующие глобализацию как эпоху современной науки, продвинутых технологий и средств всемирного общения; они призывают к взаимодействию с целью получения выгоды от «положительных аспектов» глобализации без обязательной потери арабо-исламской культурной индивидуальности;

третья группа «наивно» призывает найти срединную позицию, подходящую форму глобализации, которая будет совместима с национальными и культурными интересами людей [1, с.91].

Позицию Наджара Ф. дополняет Ясин С., который пишет: «Формулировка конкретного обозначения глобализации считается очень сложной проблематикой, поэтому она имеет разные обозначения и очень часто находится под влиянием, которое происходит из-за пристрастия к той или иной идеологической позиции исследователя по отношению к глобализации (отказ или принятие)» [цит. по 2, с. 73]

Тем не менее среди этих групп выделяются ученые, полагающие, что те, кто отвергают идею глобализации, не понимают отчетливо ее значения и намерений. Среди них – исследователь из Египта Закария Ф., который напоминает своим оппонентам, что некоторые проблемы могут быть решены только на глобальном уровне [1, с. 99]. Здесь, безусловно, речь идет о так называемых глобальных проблемах современности, для решения которых представителям разных стран и конфессий необходимо объединиться с целью достижения общего результата, но по той или иной причине некоторые представители мирового пространства не хотят выходить на диалог с теми или иными странами в виду определенных противоречий (идеологических, религиозных и т.п.).

Об отрицательных аспектах глобализации говорит другой египетский исследователь – Абд Эр-Рашид. Он выделяет три главных фактора политической составляющей данного явления: ослабление власти национальных государств; попытка навязывания одного политического строя для всего мира; попытки изменения политического строя в определенных странах [см. 3].

Наряду с диаметрально противоположными точками зрения существует еще одна. Эта концепция включает в себя элементы и позитивных, и негативных подходов к рассмотрению глобализации, она заключается в поиске альтернативы. Однако некоторые исследователи полагают, что ответом на глобализацию в странах арабо-мусульманского мира является всемирно распространенное антиглобалистское движение. Так, например, Морозов И. пишет: «...мировая система откликнулась множеством локальных и универсальных радикальных протестных идеологий и основанных на них политических движений, в том числе экстремистских, обобщенно обозначаемых как антиглобализм (альтерглобализм)» [4, с. 149].

Здесь сразу необходимо уточнить, что не следует понимать под антиглобализмом и тем более альтерглобализмом сугубо протестное движение. Эта путаница с понятиями появилась благодаря действию СМИ, которые и ввели данный термин в общественный оборот. На самом деле, данное движение также известно под другим термином, непосредственно связанным со словом «мир» - альтермондиализм (от франц. alter – другой, mond – земля, мир). Так, например, большинство идейных лидеров и последователей данного движения предпочитают называть себя «движением за глобальную справедливость», «антикапиталистическим движением» и т.п. М. Хардт считает, что «не следует называть это движение антиглобалистским. Это про-глобализм, или скорее альтернативный глобализм, который стремится уничтожить неравенство между богатыми и бедными, могущественными и бессильными, а также расширить возможности самоопределения» [5]. Исходя из трактовки М. Хардта, можно предположить, что именно в расширенной «возможности самоопределения» и видят привлекательность арабские представители альтернативного варианта глобализации, в сохранении собственной идентичности, культуры. Но экстремизм, в котором упрекают данное движение, – деятельность деструктивных элементов реакционных радикальных группировок, имеющих место быть в любом политико-социально ориентированном движении, использующие тот или иной «лэйбл» как «прикрытие» и действующие за счет крупных НГО, о чем активно пишет канадский исследователь глобализации М. Чоссудовски [6].

Таким образом, интеллектуалы арабо-мусульманского мира рассматривают глобализацию как средство разрушения его национальной идентичности, культуры, как способ «привития» чуждых ему американских ценностей. В этом часть арабской интеллигенции сближается с представителями альтерглобализма, и совместно они предлагают искать альтернативы развития современного мира, наряду с решением насущных глобальных проблем. Но, естественно, существуют и другие части интеллигенции, считающие, что глобализация ведет к светлому будущему и несет больше позитивного в мир, некоторые считают глобализацию новым «крестовым походом» против исламских государств.

Список использованных источников

1. Najjar, Fauzi, The Arabs, Islam and Globalization // Middle East Policy. Vol. 12. №3 (Fall 2005). P. 91–106
2. Утави А.А. Восприятие явлений глобализации в арабском мире как центральный аспект исследования: вместо предисловия / А. А. Утави // Наукові праці МАУП. Серія : Політичні науки. Юридичні науки. 2013. Вип. 2. С. 72–77.
3. Миргород Д.А. Политические проявления глобализации на Ближнем Востоке/ Д.А. Миргород // Вестник Института стратегических исследований, выпуск 3: Эверсионный вектор мировой политики: теория, стратегия, тактика 2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pglu.ru/science/researches/nii-panin/vestnik/v3/D_A_Mirgorod.pdf (дата обращения: 25.10.2014).
4. Морозов И. Экстремистские политические идеологии в условиях глобализации – от концептуальной рациональности к религиозному экстремизму // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. Ист. 2009. №1(15). С. 148–155.
5. Хардт М. Чего хотят демонстранты в Генуе? Интервью газете «Le Monde» 20 июля 2001 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.archipelag.ru/geoeconomics/global/antiglobal/july-20/> (дата обращения: 25.10.2014).
6. Chossudovsky M. «Manufacturing Dissent»: The Anti-globalization Movement is Funded by the Corporate Elites. [Web Resource]. URL: <http://www.globalresearch.ca/manufacturing-dissent-the-anti-globalization-movement-is-funded-by-the-corporate-elites/21110> (accessed: 25.10.2014).

А.Г. Баимов

К ПРОБЛЕМЕ МЕЖРЕЛИГИОЗНЫХ КОНТАКТОВ МЕЖДУ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ ВС РФ

A.G. Baimov

INSTITUTION OF MILITARY RELIGIOUS LEADERS: EXPERIENCE, PROBLEMS, SOLUTIONS

Аннотация: Статья посвящена некоторым проблемам, возникающим при совместной службе между мусульманами и представителями других вероучений в ВС РФ.

Abstract: The article is devoted to the problems arising in time service between Muslims and people of other faiths in the army forces of the Russian Federation.

Ключевые слова: Армия, Вооруженные силы РФ, ислам, религиозные конфликты.

Keywords: Army, the Forces of the Russian Federation, Islam, religious conflicts.

В Российской армии, как и в вооруженных силах многих зарубежных государств, проходят службу представители различных религий. Наиболее часто в числе верующих военнослужащих оказываются лица, практикующие такие религии, как православное христианство и ислам, что подтверждается также и социологическими исследованиями, согласно которым в армии в 2010 году 86 % верующих военнослужащих отнесли себя к православным христианам, 10 % – мусульманам, 4 % – другим верам [6]. В данной статье рассмотрим некоторые противоречия, которые возникают среди солдат в связи с отправлением религиозных обрядов военнослужащими-мусульманами. Эту проблему, на наш взгляд, мог бы решить воссозданный в 2010 году институт военного духовенства.

Несмотря на пятилетний срок воссоздания института военного духовенства, на настоящий момент ощущается острая нехватка штатных военных священнослужителей. В некоторых военных частях, осуществляя права военнослужащих на свободу совести и вероисповедания, практикуется приглашение священнослужителей из числа местного духовенства. Но необходимо отметить, что неподготовленные должным образом священнослужители могут нарушать права на свободу вероисповедания иноверцев, чему может способствовать также слабое знание командирским составом в некоторых воинских частях основных принципов законодательства РФ, касающихся свободы совести и вероисповедания. Военное духовенство может быть привлечено для оказания психологической помощи солдатам в горячих точках и в госпиталях, для этого также необходимо быть уверенным, что психика самих священнослужителей в состоянии выдержать напряженность обстановки в подобных условиях. Поэтому было бы правильно, если в армии будут работать прошедшие полную проверку и

профотбор духовенство. И к тому же следует учитывать, что не исключается возможность ведения миссионерской деятельности священнослужителями, не прошедшими необходимую подготовку для работы с воинским коллективом. Последствия этого могут быть весьма непредсказуемыми. Уже неоднократно было отмечено, что несмотря на равноправие всех религиозных учений в нашей стране, в войсках наблюдается значительный перевес православного духовенства (в июне 2014 года было отмечено, что на тот момент в ВС РФ на штатной основе службу несли 132 священнослужителя, из них 129 православных, 2 имама и 1 буддист) [2]. Наряду с основными причинами этого обстоятельства (а именно численное преобладание военнослужащих, связывающих себя с православной верой), следует отметить еще один немаловажный фактор не распространенности или полного отсутствия духовенства иных вероучений в армии. Этой причиной является, на наш взгляд крайняя незаинтересованность представителей других религиозных объединений в отношении присутствия их представителей в вооруженных силах РФ, кроме Русской Православной Церкви (РПЦ). Следует признать, что РПЦ по праву является истинным лидером среди других религиозных объединений, которое сделало немалый вклад в развитии института капелланства в России. Порой возникает ощущение, что первоначальные лозунги о полном воссоздании института военного духовенства в тех масштабах, как это было в Российской империи, перестали что-либо значить для официальных религиозных организаций других вероучений сразу же после их коллективного обращения к президенту РФ в июне 2009 года. Для примера приведем тот факт, что в структуре Русской Православной Церкви еще в 1995 году был создан Синодальный отдел по взаимодействию с Вооруженными Силами и правоохранительными органами. В настоящее время вышеназванным Синодальным отделом проделана немалая работа, которая ведет к совершенствованию института военных священнослужителей в нашей стране. В 2013 году было разработано и утверждено Положение о военном духовенстве Русской Православной Церкви в Российской Федерации, которая имеет юридическую силу. Также в недавнем прошлом (октябрь 2014 г.) Синодальным отделом были установлены правила ношения полевой формы одежды военным духовенством. Кроме того РПЦ проявляет большую активность в сотрудничестве с вооруженными силами. Православные священники посещают воинские части, проводят беседы с военнослужащими, повышают уровень собственной военной подготовки. Все это позволяет говорить о том, что институт православных полковых священников активно развивается. В рамках других религиозных объединений нет подобных структур, которые специализировались бы работой с воинскими коллективами. Нередко от духовных лиц не православной веры приходится слышать отрицательные отзывы на счет воссоздания института военного духовенства в РФ. В основном они ссылаются на рассказы своих прихожан, которые в период службы в армии были привлечены к совершению ритуалов религиозного характера несоответствующих их вере. Мы думаем, что было бы правильно, если вместо того, чтобы выступать против воссоздания военного духовенства, и тем самым лишить военнослужащих православной веры возможности исполнения их конституционных прав, духовным лицам не православного вероучения стоит предложить свои варианты развития и совершенствования данного института с присутствием в нем священнослужителей их веры.

Существуют мнения, что необходимую помощь в этом мог бы оказать исторический опыт самой России, в которой до октябрьской революции действовал институт военного духовенства, где наряду с православными священниками на штатной основе находились и священнослужители других вероучений, и учитывались права на вероисповедание религиозных меньшинств. Например, в досоветский период военнослужащие-мусульмане давали клятву верности родине (присягу) на Коране [11, с. 121–127], по пятницам освобождались от строевых занятий и по возможности нарядов. Также мусульманам в честь праздника Курбан-байрам разрешалось брать кратковременный отпуск сроком до одной недели [1, с. 98]. Конечно, нельзя отождествлять дореволюционную эпоху с современной. Если сегодня, так же как в дореволюционное время, будут выделять военнослужащих мусульман от остальных – это может привести к неустойчивости сплоченности воинского коллектива. Если представим, что по пятницам всех солдат-мусульман будут освобождать от занятий, это в той или другой мере может вызывать зависть со стороны сослуживцев иной веры. Армия является самым унифицированным институтом в любом государстве, поэтому приводить мусульман к присяге на священном Коране, а православных на Библии было бы также неправильно. И к тому же это не совсем правильно с точки зрения юридической, т.к. религия отделена от государства. Относительно отпусков по случаю религиозного праздника вопрос также может вызвать дискуссии. Военнослужащие имеют право ходить на увольнение в качестве поощрения за образцово-показательную службу. То есть на увольнение отправляются в основном ответственные военнослужащие и риск совершения ими каких-либо пре-

ступлений и деяний в период нахождения в отпуске – наименьший. Если ввести поправку в уставе внутренней службы относительно увольнений и начать отпускать в религиозный праздник всех, кто представится, к примеру, мусульманином, последствия могут быть непредсказуемыми, т.к. среди них могут оказаться и лица, желавшие на время отдохнуть от тягот военной службы. Но, тем не менее, на наш взгляд, можно было бы организовать для военнослужащих-мусульман поход в мечеть в день праздника. Таким образом, учитывались бы их права на вероисповедание без риска, что они проведут этот день не так, как полагается правоверному мусульманину. И то же самое ввести в дни основных религиозных праздников других вероучений.

Но не всегда военнослужащие-мусульмане испытывают трудности в отправлении религиозных обрядов. Некоторые информаторы поделились весьма ценной информацией, где они стали очевидцами дискриминации военнослужащих, не исповедующих ислам. Для примера приведем слова, высказанные Спиридоновым Леонидом (1994 г.р., проходил службу в войсках военно-воздушных сил в 2013 – 2014 гг. в звании рядового): «Считаю, понятное дело, что армия должна быть православной. Ибо с мусульманами тяжело служить. От всяких уборок отлынивают, прикрываясь вероисповеданием, якобы это запрещено религией, и это постоянно прокатывает» [7]. Во-первых, исламское вероучение, напротив, призывает к чистоте и порядку. В последующей беседе Леонид сказал: «Священнослужителей нет (в их военной части. – А.Б.). Церкви также нет. Чтобы как-либо усердно что-то солдаты проповедовали – не слышал» [7]. Исходя из этих его слов ясно то, что те, кто «отлынивают от работы» вовсе не являются практикующими мусульманами. Во-вторых, приведем один из пунктов статьи 8 Федерального Закона «О статусе военнослужащих»: «Военнослужащие не вправе отказываться от исполнения обязанностей военной службы по мотивам отношения к религии...» [9, Гл. II, ст. 8]. Это подтверждает факт о некомпетентности офицерского состава в военной части относительно данного вопроса, где проходил службу наш информатор.

Также были единичные случаи, когда уважающие права на свободу вероисповедания офицеры шли на уступки, и отводили время для солдат, практикующих ислам, для совершения намаза. Но иногда это время никак не вписывается в распорядок дня. Поэтому все подразделение было вынуждено ждать, пока те завершат молитвы. Но в армии все задачи должны выполняться в точности и в срок, как это расписано на распорядке. Потраченное время на ожидание всему подразделению после приходилось компенсировать передвижениями быстрым темпом. Излишние физические нагрузки и стресс ожидания, как правило, вызывают возмущения в коллективе и психологический дискомфорт у некоторых солдат, что также является одним из неприятных моментов.

Здесь следует указать, что офицеры оказались в очень затруднительном положении. С одной стороны, «Командир (начальник) на основе задач, решаемых в государстве и Вооруженных Силах, обязан постоянно воспитывать подчиненных военнослужащих ... повышать культуру межнационального общения; заботиться о сплочении воинского коллектива и укреплении дружбы между военнослужащими различных национальностей; учитывать их национальные чувства, вероисповедание, традиции и обычаи» [5, с. 35]. С другой – есть распорядок дня и приказы командования, которые необходимо выполнять в срок.

Конечно, приведенные единичные случаи не позволяют говорить о каких-либо масштабных проблемах в российской армии между военнослужащими, исповедующими различные религии. Чаще информаторы говорят, что никаких проблем из-за религиозных убеждений между их сослуживцами за весь период службы им не приходилось наблюдать. По мнению некоторых офицеров, «проявления межэтнического конфликта в армейском коллективе, как правило, вторичны и в их основе лежат обыкновенные человеческие страсти и межличностные противоречия, обостренные спецификой замкнутых коллективов» [8, с. 143–147]. Но, тем не менее, любой конфликт может иметь очень тяжкие и неприятные последствия. Поэтому в ближайшем будущем хотелось бы увидеть какие-либо сдвиги в положительную сторону по урегулированию конфликтов, вызванных на религиозной почве.

Итак, при осуществлении прав военнослужащих на свободу совести и вероисповедания во время прохождения службы в ВС РФ возникают множество трудностей и противоречий. Устранение этих противоречий является долгом и обязанностью штатного военного духовенства, которые замещают должность помощника командира (начальника) по работе с верующими военнослужащими. В связи с этим государству и духовным управлениям различных вероисповеданий следует уделять больше внимания развитию института военного духовенства. Необходимо разработать четкую методику подготовки военных священнослужителей, и их должностные инструкции. Также научить курсантов высших военных учебных заведений учитывать религиозные потребности их будущих подчиненных. Бу-

дущих призывников со школьных лет необходимо призывать к толерантности и к уважению всех существующих религий, чему, на наш взгляд, будет способствовать недавно введенный в школах предмет ОРКСЭ [4, с. 22; 10, с. 3–11]. Другими словами, нельзя не согласиться с мнением специалистов о том, что «необходимо принять концепцию государственной политики в сфере свободы совести, с учетом мирового опыта, российских традиций, нынешних реальных возможностей» [3, с. 220–225].

Список использованных источников

1. Абдуллин Х.М. Мусульманское духовенство и военное ведомство Российской империи: конец XVIII–начало XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2007.
2. Лукичев Б.М. Военному духовенству Вооруженных Сил России – пять лет // [электронный ресурс] <http://kapellan.ru/voennomu-duhovenstvu-vooruzhennykh-sil-rossii-pyat-let.html> (дата обращения: 14.11.2014).
3. Мухаметзянова-Дуггал Р.М. Модель государственной политики в сфере свободы совести в современной России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2011. № 2.
4. Надыршин Т.М.. Проблемы интеграции светского и религиозного образования в контексте преподавания ОРКСЭ (на примере Республики Башкортостан) // Задачи подготовки специалистов со знаниями основ религиозной культуры и специализации мусульманских медресе. Уфа, 2013.
5. Общевоинские уставы Вооруженных сил Российской Федерации // Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации. Часть первая. Глава 3. Статья 78. Ростов н/Д: Феникс, 2012. 635, [1] с.: ил. (Закон и общество).
6. Официальный сайт Министерства обороны РФ // Характеристика религиозной ситуации в Вооруженных Силах Российской Федерации в 2010 году // [электронный ресурс] http://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=10372748@cmsArticle (дата обращения: 29.09.2014).
7. ПМА. Июнь 2014 г.
8. Савинов Л.В. Межэтнические отношения в армии // Социологические исследования: научный и общественно-политический журнал РАН. 2012. № 7.
9. Федеральный закон от 27.05.1998 N 76 – ФЗ (в ред. от 03.02.2014 N 7-ФЗ) «О статусе военнослужащих».
10. Юнусова А.Б. Интеграция религиозного и светского образования: модели, практика, перспективы // Материалы круглого стола (Уфа, 31 октября 2012 г.). Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2012.
11. Юнусова А.Б., Абсалямов Ю.М. Российское государство и ислам: история и перспективы сотрудничества // Ислам и государство в России: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 225-летию Центрального духовного управления мусульман России – Оренбургского магометанского духовного собрания. Уфа, 22 октября 2013 г. / сост. А.Б.Юнусова, Р.М.Мухаметзянова-Дуггал, А.Т.Ахатов, И.В.Фролова, В.С.Хазиев; под ред. А.Б.Юнусовой. Уфа: ГУП Уфимский полиграфкомбинат, 2013.

О.В. Вольтер

ПРАВОСЛАВИЕ И ИСЛАМ КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ И ДУХОВНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОСНОВА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

O.V. Volter

THE ORTHODOXY AND ISLAM AS IDEA AND SPIRITUAL-POLITICAL BASE RUSSIAN STATE

Аннотация: Статья посвящена анализу роли православия и ислама как духовно-политической основы в процессе формирования, становления и развития Российского государства.

The Abstract: Article is dedicated to analysis dug the Orthodoxy and Islam as spiritual-political base in process shaping, formations and developments Russian state.

Ключевые слова: Православие, ислам, идеология, духовно-политическая основа Российского государства.

Keywords: Orthodoxy, islam, ideology, spiritual-political base Russian state.

Становление русской национальной идеологии в духовно-политической мысли принято связывать с возникновением и развитием Древнерусского государства. Принятие Русью христианства обусловило возможность выбора цивилизационной альтернативы, стоявшей перед государством. Вера как духовная основа единства общества определила общее направление развития культуры, особенности политического и экономического строя, условия развития науки, идеологии, философской и духовно-политической мысли. Народ начинает отличать себя по своей религии от других народов. Таким образом произошел переход от племенной разрозненности к возникновению народа (национальности) как духовной общности. Поэтому появление понятия «русский народ» неотделимо от принятия православия. Христианство стало основой развития культуры русского народа и помогло сохраниться культурным и духовным традициям даже в самых суровых испытаниях.

В отличие от язычества христианство дало прочную основу государственной власти. Великий князь нес на себе Божье благословение и являлся наместником Бога, воплощавшим его волю на земле, содействующего соединению повседневности и духовного начала. Права верховной власти гарантировались религией и религиозной общиной. Религия заставляла народ примирительно относиться к неизбежному в государстве социальному угнетению, считая это следствием не совершенности и греховности человека. Покушение на власть или права общественной верхушки считались покушением на основы, данные Богом, и должно подвергаться всеобщему осуждению.

Характерным для развития религиозных взглядов является и то, что чем сильнее социальное и государственное угнетение и хуже живется человеку, тем сильнее его тяга к Богу и более стойкими являются его религиозные взгляды. Религия укрепляет и объединяет общество и государство в критические периоды развития [8, с.153]. Поскольку значительная часть истории России имела «критический», кризисный характер, постольку влияние религиозного самоопределения на ее цивилизационное развитие было достаточно велико.

Древняя Русь находилась на стыке Европы и Азии, в зоне контакта цивилизаций. Наиболее велика была вероятность принятия ею религии самых близких к ней крупных государств: Волжской Булгарии (мусульманства) и Византии (христианства). Наиболее близким к Руси духовным центром ислама была Волжская Булгария, являвшаяся с X века вассалом Багдадского халифата. К IX–X векам у Булгарии были тесные связи со всем миром Востока – Ираком, Ираном, Средней Азией и Индией. Благодаря влиянию арабов в Булгарии уже в IX веке начал распространяться ислам, все действия власти были обусловлены его нормами. Ислам смог стать прочной основой для развития государства в Среднем Поволжье [4, с.76]. После установления монголо-татарского ига его заимствовали в XIV веке и монголы. Он стал основой культурного единства многих поволжских и северокавказских народов России. Этому способствовала большая объединяющая сила ислама, огромная роль в котором отводилась идеалу государственности. По учению ислама, спасение верующих осуществляется не индивидуально, а в религиозной общине (умме). Отсюда – необходимость сплочения сил верующих для достижения спасения, их обязательная взаимная поддержка, отчисление богатыми части своих средств на помощь бедным и общественные нужды. Глава светской власти – халиф – является вместе с тем и проводником воли Аллаха. Повиновение ему – религиозный долг. Ислам создал прочные основы цивилизации [2, с. 212]. Однако Древняя Русь находилась в отдалении от Багдадского халифата – центра ислама, переживавшего политический упадок, зато была близка к Византии, одному из центров христианства. Политические соображения и культурная традиция, возникшая со времени крещения княгини Ольги, бабушки великого князя Владимира, подталкивали Древнюю Русь на духовный союз с Византией, одним из сильнейших государств на мировой арене того периода.

Принятие византийского православия означало для Древней Руси вхождение в круг христианских стран, открывало путь для политических контактов с Европой. Большие возможности давали особенности христианства как духовной основы цивилизации, общие для Западной Европы, Византии и Руси. Христианство помогло создать стабильные формы общества и государства. Ощущение своей греховности, свойственное каждому христианину, стремление преодолеть свое духовное несовершенство вело к объединению христиан в церковной общине, представляющей собой инструмент спасения. Церковь объединила сословия в общество, группы населения – в народ, создало духовную основу для этого единства. Одновременно она явилась прочной основой государственной власти. Церковь стремилась к стабильности общества, осуждая одновременно как социальный протест, бунты и восстания, так и чрезмерное накопление богатств, и угнетение народа [11, с.117].

Выбор восточного христианства, византийского православия Древней Русью в качестве государственной религии определил особенности развития государственности и идеологии. Постепенно в

государстве складывались политические, экономические и культурные институты, подобные византийским: авторитарная государственная власть, господствующая над церковью и обществом; использование религии для поучения человека, а не для объяснения мира; стремление воплотить в мирской жизни божественный идеал [5, с.53].

Носители других культур, втянутых в сферу влияния российского государства, в том числе исламской, иудейской, буддийской, католической, приспособивались к доминированию православия. Процесс приспособления облегчался тем, что на территории России жили народы, во взглядах и верованиях которых было много общего: пережитки язычества, идеалы авторитарной власти и общинного коллективизма. В частности, это характерно для исламского населения, численность которого быстро увеличивалась в XV–XVI и XVIII–XIX веках. Существование диалога людей разных верований и убеждений, поклоняющихся разным святыням и ориентированных на различные центры восточной и западной культур (Мекку, Иерусалим, Лхасу, Рим), позволяет говорить о российской цивилизации не как о православной, а как о евразийской.

Для Руси, расположенной между Европой и Азией, во все времена было крайне важно, на кого она будет в большей степени ориентирована – на Восток или на Запад. Киевская Русь сумела сохранить нейтральное положение, однако, отдавая предпочтение Западу. Но новая политическая обстановка в XIII веке, нашествие татаро-монголов и Крестовые походы на Русь европейских рыцарей, поддерживаемых Римско-католической церковью, которая надеялась подчинить русские княжества своему духовно-политическому влиянию, поставили под вопрос дальнейшее существование русского народа и его культуры и заставляли сделать определенный выбор. От этого выбора зависела судьба Русского государства на многие века. В отличие от монголо-татар, не вмешивавшихся во внутреннюю жизнь страны и в дела церкви, европейские феодалы строили на завоеванных территориях свои замки, костелы, обращали население в католичество, они угрожали общинному строю, власти русских князей и авторитету церкви. Римско-католической церкви было необходимо обращения Руси в католическую веру или, по крайней мере, признание верховной власти папы римского, унии православной и католической церкви. Поэтому выбор был сделан не в пользу католической Европы, а в пользу монголо-татар, которые были самой мощной военной силой в мире. Более того, католики сами стали предлагать монголам союз против Византии и Руси. [6, с.47].

Выбор Востока в качестве объекта взаимодействия для Руси оказался довольно устойчивым. Он проявился не только в приспособлении к восточным формам государства, общества и культуры в XIII–XV веках, но и в направлении экспансии централизованного русского государства в XVI–XVII веках. Даже в XVIII веках, когда главным стало взаимодействие России и Европы, российская национальная идеология и государственность отличались восточными традициями, что сказывалось в усилении самодержавия и крепостничества как основ европеизации страны.

В этот период закладывались условия для развития диалога русской и восточных, мусульманских культур. Развивался синтез элементов двух культурных миров, ставших затем основой России как многонационального государства.

Заслуга православия в том, что оно обусловило духовное единство русского народа – основы российской государственности. Христианская вера являлась основой государственности, а защита Руси как христианского государства – подвиг во имя веры. Церковь духовно освещала власть князя. Многие князья после смерти провозглашались святыми, удостаиваясь этого за заслуги перед Русью. Христианское самосознание было важным элементом династического самосознания киевских князей. Христианская вера укрепляла уверенность русских князей в их высоком, апостольском предназначении, в вечности правления княжеской династии, начало которой они положили. Она как бы уравнивала их власть с властью византийских императоров. Кроме того, христианство явилось той духовной силой, которая сделала возможным существование и развитие европейской цивилизации, стало исходным пунктом становления современной мировой цивилизации. В этом заключается его всемирно-историческое значение. Ни одна другая религия не смогла сыграть подобной роли [1, с.52].

В древний период зародились духовно-политические концепции, которые, эволюционируя, сохранили свою значимость вплоть до XX столетия. Именно тогда сформировалась и функционировала самобытная версия древнерусского христианского государства, генезис которой был связан с происхождением династии Рюриковичей от римского императора Августа. В русской культуре уже в XI веке появляется осознание богоизбранности русских, уравнивавшее их с византийцами, претендовавшими на политическое господство в Восточной Европе. Древняя Русь приобрела то единство языка,

власти и веры, которое позволило ей восстановить свою целостность после распада государства, а также сохранить его в ходе расселения, колонизации земель. В этот период, несмотря на феодальную раздробленность и предпочтение местных политических интересов общим, было сформировано национальное самосознание.

Поскольку Русь находилась сначала под формальным суверенитетом Византийской империи (будучи фактически независимой), а затем под тюрско-монгольским владычеством (чуть ли не на положении улуса Золотой Орды), в политической мысли Древней Руси особое место заняли темы церковно-государственной независимости, суверенности Российского государства, концепция государя-самодержца, т.е. Государя, властвующего самостоятельно, единодержавно над всей подвластной ему землей. Фундаментальной политической идеей в отечественной мысли явилась идея великодержавности, которая прошла через всю последующую российскую политическую мысль и отголоски которой слышны до сих пор.

В XI–XII веках в отечественной политической мысли была разработана идеология единодержавия и объединения русских земель (Иларион, Мономах).

Традиции русской национальной идеологии домонгольского периода нашли свое выражение в призыве к объединению русских земель, разорванных междоусобицей, ввиду грозившей внешней опасности, укрепление сильной великокняжеской политической власти, способной преодолевать внутренние раздоры и подготовить страну к обороне от завоевателей, а также тревога за судьбу Родины перед лицом надвигающейся внешней опасности.

XIII век стал одним из самых трагических в истории России: феодальная раздробленность, княжеские усобицы, монголо-татарское нашествие, агрессия со стороны западноевропейских государств. В этих сложнейших условиях перед русским народом встали новые исторические и политические задачи. В политической мысли в качестве основной выдвигается задача освобождения Руси от иноземных захватчиков, которая определяет национальное самосознание, идеологию и общественную жизнь на протяжении XIV века и значительной части XV века [12, с. 40].

Начиная с XIII–XIV веков православие становится главной составляющей всей общенациональной идеологии, играет определяющую роль при формировании всех общезначимых общественных идеалов. Ведь сохранение истинной веры, по убеждению мыслителей этого периода, означало и сохранение независимости духовной жизни народ, а независимость духовная должна была привести и к восстановлению независимости политической. Поэтому идея защиты православия крепко и непосредственно стала связываться в сознании людей с идеей национально-государственной независимости [9, с. 43].

К XIV веку идея централизованного государства была утрачена русскими князьями вместе с представлением о принадлежности Русской земли княжескому роду в целом. Однако монголо-татары вновь принесли на Русь идею верховной власти. При этом власть хана, «вольного царя», в представлении русских не имела условного характера, не была ограничена вечем. Она носила по отношению к Руси абсолютный деспотический характер. Не случайно монголо-татары уничтожили городские вече практически на всей завоеванной части Руси. Тем самым принцип единовластия стал входить в политическую культуру и сознание русского народа. Политика монголо-татар была ориентирована на поддержание государственной раздробленности Руси.

Единственной силой, сохранявшей культурную и национальную целостность Руси, была православная церковь. Идея конфессиональной (религиозной) принадлежности в это время во многом заменила идею племенной и государственной принадлежности.

Роль церкви в процессе собирания русских земель, укрепления и централизации Русского государства была определяющей. Московский князь Дмитрий в 1379 году впервые попытался защитить другие русские земли от вторжения монголо-татар. С именем московского князя связывалось теперь представление о наведении порядка в стране, о безопасности от монголо-татарских нашествий, о покровительстве церкви. Москва становится центром сопротивления монголо-татарскому нашествию и центром консолидации русских земель. А на Куликовом поле в 1380 году стояло уже не войско московского князя, а русское войско, объединенное общим духовным и политическим идеалом – православием и идеей единого Русского государства. Это свидетельствовало о формировании духовной основы единства великорусского народа.

В конце XV – начале XVI века произошло преодоление феодальной раздробленности и объединение земель вокруг Московского княжества. Это была эпоха образования Руси как единого суверен-

ного государства и формирования в нем сословно- представительной монархии как формы правления. Основными темами политической мысли были проблемы, касающиеся происхождения русского государства, родословия его князей, формы организации верховной власти и способов ее реализации, взаимоотношение церкви и государства, национальное самосознание и национальная идеология.

Таким образом, русская национальная идеология, выраженная в отечественной духовно-политической мысли, явилась программой становления Русского государства X–XV века.

Русская национальная идеология, разрабатываемая в отечественных политических концепциях XVI–XVII веков, явилась следствием и в свою очередь обоснованием укрепления России как суверенного централизованного государства.

Новую политическую ситуацию для развития централизованного Московского государства создало взятие Турками Константинополя в 1453 году. Этот факт был истолкован как свидетельство Божьего суда над Византией, принявшей унию и отошедшей от православного христианства. Теперь Московская Русь оставалась единственным независимым православным государством в мире. В 1472 году великий князь Иван III, женившись на Зое (Софье) Палеолог, племяннице и единственной наследнице последнего константинопольского императора, становится преемником светской и духовной власти византийского императора. Иван III впервые заявил о себе как государе всея Руси, приняв в качестве ее государственного герба двуглавого византийского орла, а в международных отношениях стал именовать себя царем, как раньше звали только византийского императора и татарского хана. Тем самым Иван III противопоставил себя всем остальным князьям как носитель верховной божественной власти и наследник византийских императоров. Это послужило делу государственного объединения русских земель, росту влияния и авторитета Московского государства. Политическим и юридическим обоснованием прав на царское звание и самодержавное правление явилась версия, изложенная в «Сказаниях о князьях Владимирских»: династия Рюриковичей происходит от римского императора Августа, а царские регалии еще в XII веке из Константинополя получил Владимир Мономах. Эта версия стала официальной генеалогией не только Рюриковичей, но и последующих царей дома Романовых. Утверждению той же идеи способствовала политическая теория, провозглашавшая Москву вечным царством, «третьим Римом». В основе идеологии «Москва – третий Рим» старца Филофея лежала философская и богословская идея предопределенности всего происходящего в мире. История человечества престаёт нам как история происходящей по воле свыше смены царств, преемственности народов, каждый из которых выступает как носитель, выразитель божественных предначертаний. Два Рима пали, единственным носителем православия осталась Россия, с гибелью третьего царства наступает Страшный суд, конец мира, т.к. «четвертому Риму не быть».

Таким образом, задача создания централизованного Московского государства осознавалась в контексте священной истории, ставилась в связь с задачей спасения всего человечества, искупительной миссией христианства. Русский царь трактовался как сила, удерживающая мир от всевластия греха накануне Страшного суда. Земная власть царя уподоблялась божественной, распространялась на весь христианский мир. Русский народ рассматривался как избранный, а Москва как центр мира, новый Царь-город, то есть священный город, светоч нравственности и истинного знания о путях спасения души. В российском сознании возникла и надолго утвердилась идея, глубоко укорененная в православии: «Мы в ответе за весь мир» [13, с. 254].

В этих условиях объединительная политика московских великих князей приобрела совершенно новый смысл. Это было уже не усиление одного княжества за счет других, а выполнение намеченного самим Богом высокого предназначения Москвы как последней хранительницы подлинного христианства. Сопrotивление соседних княжеств при этом трактовалось как сопротивление Божественному промыслу, то есть как тяжкий грех. Это закрепило идею о верховном, освещенном Богом характере его власти.

Концепция псковского старца Филофея «Москва – третий Рим» имела для Русского государства огромное значение. Она помогла Ивану III идеологически обеспечить присоединение к Московскому царству в веке XV ряда русских земель, а также противостоять на реке Угре монголо-татарам. Русское государство укрепило свое положение и на международной арене.

Таким образом, идеология Москвы, как Третьего Рима, способствовала укреплению и могуществу Московского государства, царского самодержавия, повышала авторитет и престиж России как на международной арене, так и, что более важно, внутри страны – в качестве мощного фактора развития русско-российского сознания и самосознания.

Объединенному суверенному Русскому государству более не соответствовала такая форма власти, как раннефеодальная монархия. Возникла необходимость в изменениях организации власти, государственного устройства, новых формах их обоснования, политической и национальной идеологии. В духовно-политических произведениях того времени разрабатывалась не только апология абсолютизма, одной из основных тем становится идея религиозного и исторического возрождения России, православных народов.

Важным фактом в истории Русского государства явилось принятие Иваном IV в 1547 г. царского титула. Став первым русским царем, Иван Васильевич оказался приравненным к величайшим государям прошлого и настоящего, и таким образом Российское царство теперь стало полновластным наследником и Рима «ветхого» и Рима «нового» [6, с. 47]. В XVI веке Иваном IV были сформулированы и обоснованы основные принципы самодержавной власти русских монархов, явившиеся духовно-политической основой укрепления государственности и национально-государственной идеологии России как централизованного государства XVI–XVII веков.

В этот период особенно четко прослеживаются связи православной и мусульманской культур. Мусульмане, которые в XV веке все в большем количестве становятся подданными Московского государства. В России до XVII века сохранялся осколок империи Чингисхана – Касимовское царство, глава которого – мусульманин – был уравнен в правах с православными грузинскими царевичами, высшими иерархами православной церкви, а временами считался равным князьям – рюриковичам. Во многих городах Руси правили татарские князья-воеводы, имелись мечети. До XVIII века официальным знаком русских царей наряду с печатью с двуглавым орлом оставалась тугра с поименованием Аллаха. Попытка патриарха Никона во второй половине XVII века насильно крестить татар, нанесла ущерб государству и была отвергнута.

Сами мусульмане воспринимали власть московского царя с точки зрения ислама как законную, унаследованную от монгольских ханов. В определенной степени это было правдой, потому что Иван Грозный по матери принадлежал к династии Чингисидов. Отсюда произошло татарское наименование царя – Акпадишах, т.е. Белый царь, или как называли русские Золотой Орды. Поэтому татары, башкиры и другие народы, исповедовавшие ислам, активно шли на службу к царю. Они составляли опору легкой конницы, служили военачальниками и чиновниками. Только в Ливонии во второй половине XVI века служило более 50 тысяч мусульман. Взаимопонимание русских (православных) и мусульман помогло в присоединении Сибири, а затем и Северного Кавказа [3, с. 100].

Основой этого взаимопонимания была определенная близость православных и мусульманских верований. Обе религии относятся к ветви «авраамистических», признающих единобожие и Авраама (Ибрахима) как основателя традиции почитания Бога. Православные и мусульмане утверждают рациональную непознаваемость Бога, придают большое значение обрядам, посвященным спасению души. Для обеих культур характерен фатализм и долготерпение, традиция соединения духовной и светской власти, воинское мужество, значительная роль культа святых, их могил и языческих верований в народном восприятии религии [7, с. 287].

Развитие православного богослужения было многим обязано веротерпимости ранних мусульман, сохранивших наследие античности. Один из почитаемых на Руси отцов церкви, Иоанн Дамаскин, являлся сыном чиновника Багдадского халифа, его родовое имя было Мансур. Некоторые течения ислама, в частности мусульманский мистицизм – суфизм, возникли под прямым влиянием христианского аскетизма и римско-византийской философии. Стремление путем умерщвления плоти и созерцания добиться непосредственного общения с Аллахом роднит суфизм и исихазм – наиболее распространенную в России форму православного мистицизма. При этом следует отметить, что для многих суфиев разница между исламом и христианством практически стиралась. Для них имела значение только сосредоточенная устремленность верующего к Богу. [10, с. 57].

Близость православных и мусульман усиливалась по мере восприятия русскими идеи самодержавия и сопутствующего ей идеала абсолютного повиновения власти, восточных форм прославления владык, государственности и национально-государственной идеологии. В результате центром культурного притяжения для мусульман очень рано стала не только Казань, но и Москва. Идеология самодержавия в России в XVI веке подчас прямо опиралась на восточные образцы.

В период Смутного времени окончательно сложилась идеология самодержавия, освещенного авторитетом православной церкви. Авторитет патриарха Филарета, долгое время находившегося в польском плену, во многом способствовал избранию царем его сына – Михаила Романова, связанного

с прошлой династией Рюриковичей родственными узами. Родство с патриархом символически утверждало священный характер власти царя Михаила и сделало его выразителем не только частных, сословных интересов, а общих интересов всего православного народа. Власть царя все больше приобретала надправовой характер, становилась непосредственным выразителем Божьей воли, возвышалась над обществом, закрепляли деспотический характер политического строя.

Во второй половине XVII века в России произошло становление национальной модели абсолютизма – российского самодержавия как особого этапа в развитии российской государственности. Произошло окончательное закрепление царского статуса российских государей. По мере укрепления организующего центра происходит укрепление национальной идеологии, которая выражалась в религиозных реформах и по поводу которых велась ожесточенная борьба. Была осознана важность самой миссии России, выдвигавшейся в качестве национальной стратегии. Шло формирование русской нации. Понимание происхождения и сущности самодержавной царской власти, представление об идеальном православном государе, о божественном происхождении монаршей власти, учение о преемственности власти русских царей от византийских императоров и римских цезарей, роль Русской Православной Церкви в укреплении российской государственности становятся основными темами в отечественной политической мысли XVII века.

Таким образом, русская национальная идеология, разрабатываемая в отечественных политических концепциях XVI–XVII веков, во многом способствовала укреплению России как суверенного централизованного государства.

К началу XVIII века тенденция к превращению сословно-представительной монархии в абсолютную стала определяющей в практике реализации верховной власти. Русская национальная идеология формируется как основа идеологии самодержавной власти Российской империи. Организация государственной власти и система управления подверглись существенным изменениям. В 1721 году Петр I принял титул Отца Отечества, Императора Всероссийского Петра Великого. Московское государство превратилось в Российскую империю.

В эпоху Петра Великого была осуществлена одна из самых великих трансформаций истории России, а именно планомерное и радикальное включение страны в систему мировой – в тот период западноевропейской – материальной и духовной культуры. Европеизация социально-экономической, политической и культурной жизни не означала разрыва с национально-самобытными началами русской жизни, она существенно обогащала эти начала, придавала им современный уровень и формы. Эти преобразования затронули не только экономику, политику, военное дело, но и духовный мир человека, его национальное самосознание. Петровские реформы способствовали формированию социально-экономических, политических, идеологических и духовных основ абсолютной монархии в России. В этот период было дано рационалистическое обоснование идеи божественного происхождения верховной власти, сформулирована официальная доктрина самодержавия. Преобразования в России в XVIII веке привели к освобождению быта, культуры и духовной жизни от влияния церковной идеологии.

Сложные процессы в политических и национальных отношениях, в которые была втянута Россия в XVIII веке, стимулировали развитие национального самосознания русского народа, осознание им величия своего государства, объединившего множество народов и добившегося громадных успехов. Русское национальное самосознание из формы национальной психологии выросло до уровня идеологии и культуры, открыло дорогу процессу национального самопознания.

Особенности развития Российского государства определили то, что русское национальное самосознание во многом носило имперский характер. Лица нерусских народностей, населявшие территорию Российской империи, именовались «иностранцами». Царское правительство не желало замечать накопившихся противоречий в культуре русского, украинского и белорусского народов, зачисляя их всех в разряд «русских» и не считалась с наличием украинского и белорусского языков. Национальная политика царизма вызывала противоречия между русскими и украинцами, грузинами, казаками. Однако благодаря активной внешней политике во второй половине XVIII века Россия была признана великой европейской державой. События XVIII века резко изменили положение России в системе европейских стран и самосознание русского народа. Вместе с тем они заложили глубокие противоречия в государственных и национальных отношениях, народном самосознании, во многом не разрешенные до сих пор, о чем свидетельствуют противоречия на Северном Кавказе.

Труды мыслителей этого периода вдохновлялись национальным самосознанием, искавшим для себя обоснование вне прежней церковной идеологии. Здесь мы находим секуляризованный национа-

лизм, соединенный с гуманизмом. Уже не святая Русь, а Великая Русь вдохновляет их. Идея величия России проходит через все политические работы той эпохи.

Таким образом, к началу XVIII века тенденция к превращению сословно-представительной монархии в абсолютную стала определяющей в практике реализации верховной власти. Русская национальная идеология в отечественной политической мысли XVIII века выступила в качестве обоснования идеологии самодержавной власти Российской империи. Во второй половине XVIII века произошло завершение развития модели российской абсолютистской монархии. В отечественной политической мысли сложилась концепция самодержавной власти.

К началу XIX века в результате внешней и внутренней политики происходит рост авторитета России на международной арене. Россия превращается в великую европейскую державу. В результате внешней политики к России были присоединены огромные территории. Россия стремилась к укреплению связей с вновь присоединенными территориями, в значительной степени заселенными мусульманами. Этой цели служил закон 1773 года «О терпимости вероисповеданий», запрещавший православному духовенству вмешиваться в дела других конфессий. В 1788 году в Уфе был создан муфтият, управляющий делами мусульман России, появились мусульманские школы. В 1702 году в Казани начала издаваться исламская литература.

Благодаря этому, несмотря на ряд восстаний (имама Мансура на Кавказе в 1785 году и С. Датова в Казахстане в 1783–1797 годах), интеграция мусульман шла довольно быстро. Этот факт был вынужден признать даже турецкий султан, назвавший мусульман России «ассимилированными русскими», то есть включенными в российское культурное пространство. Крепли связи русских и буддистов (бурят, калмыков), признавших Екатерину II Бодхисатвой (просветленной, спасительницей). Этот акт приравнивал ее к буддийским правителям, таким как китайский император, короли Шри-Ланки и Бирмы, и обосновывал духовный характер ее власти.

Переплетение сложных политических и национальных отношений, в которые была втянута Россия в XVIII – начале XIX века, стимулировал развитие национального самосознания русских, осознания ими величия своего государства, объединившего множество народов и добившегося огромных успехов. Таким образом, русское национальное самосознание из формы национальной психологии выросло до уровня идеологии и культуры, открыло дорогу процессу национального самопознания.

Политика Российской империи в отношении мусульманских народов Кавказа, некоторые из которых (адыги, кабардинцы, черкесы) в VI–VII веках стали христианами, но в XV–XVII веках были обращены в мусульманство крымскими ханами, привела к Кавказской войне (1834–1859), самой длительной, которую Россия вела в XIX веке. После ее окончания горцы и казаки, воевавшие долгие годы и имевшие в культуре много общих архаических черт, оказались связанными сетью побратимско-кунацких отношений. Именно межчеловеческие отношения стали главными в поддержании мира между ними. Северный Кавказ и Дагестан были присоединены к России.

Необходимость определения места России среди цивилизаций мира встала остро и в связи с ее завоеваниями в Средней Азии. Во второй половине XIX века Ташкент, Самарканд, Кокандское ханство, Бухарский эмират, а также Хивинское ханство признали политическую зависимость от России. В этот период идет развитие конфессионального и национального, а также цивилизационного самосознания мусульман России, которых к концу XIX века было столько же, сколько и в Османской империи – 18 миллионов человек. Это был достаточно сложный и противоречивый процесс. Большинство мечетей контролировали последователи традиционного ислама – кадимисты. Они лояльно относились к Российскому государству, которое предоставляло мусульманам возможность соблюдать свои обычаи и законы, но не воспринимали влияния западной и русской культуры, считая, что ислам дает ответы на все вопросы. На Северном Кавказе той же позиции придерживался мюридизм как традиционалистская реакция на русское влияние. Традиционалисты проповедовали «братство и единство всех национальностей под флагом ислама» [10, с. 60]. В противовес панславизму русских они распространяли идеи панисламизма, заимствованные в Турции. Этот факт препятствовал культурному диалогу в России.

В то же время среди мусульманской интеллигенции возрастал интерес к русской и западной культурам. Казахский ученый и просветитель Ч. Валиханов еще в первой половине XIX века говорил: «Без России мы пропадем. Без русских мы только Азия, и ни чем другим без нее не можем быть». На основе подобных идей в 80–90-е годы XIX века в Поволжье, а затем в Средней Азии зародилось обновленческое движение в исламе – джадидизм, – выступавшее за европеизацию исламской науки

и просвещения, очищение ислама, стремлением сочетать его с западной наукой и преподаванием его на русском языке. В начале XX века оно распространилось в Дагестане и Азербайджане. Формулируя отношение мусульман к роли Российского государства в их исторической судьбе, Исмаил Гаспринский считал, что мусульманские территории вошли в состав России «в моменты исторической необходимости», то есть по воле Аллаха [3, с. 121]. Тем самым утверждалась мысль о провиденциальном, то есть по воле Бога, единстве судеб православных и мусульманских народов на территории России.

Таким образом, российские мусульмане не только стремились доказать свою полную способность воспринять идеал российской цивилизации, понять свое место в ней, но и пытались содержательно развить этот идеал, соотнести его с идеалом мусульманской и мировой цивилизации. Это явилось широкой основой для развития культурного диалога православных и мусульманских народов в процессе развития государственности и национально-государственной идеологии России. Православие и ислам явились идеологической и духовно-политической основой российской государственности.

Список использованных источников

1. Аванесова Г.А. Роль православия в развитии отечественной культуры // Социально-гуманитарные знания. 2007. №2.
2. Васильев Л. С. История религии Востока. М., 1988.
3. Гайнутдин Р. Ислам: вера, милосердие, терпимость. М., 1999.
4. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1992.
5. Игумен И. Экономцев. Православие. Византия. Россия. М., 1992.
6. Каргашев А.В. Церковь, история, Россия. М., 1996.
7. Крывелев И.А. История религии: очерк. В 2 т. М., 1988. Т. 1.
8. Кубланов М.М. Происхождение христианства. М., 1974.
9. Миронов А.В., Бабинов Ю.А. Основы религиоведения. Государственно-церковные отношения // Социально-политический журнал. 1999. №3.
10. Основные направления и течения в исламе // Отечественные записки. 2003. №5.
11. Основы православной культуры. М., 2001.
12. Перевезенцева С.В. «Слово о погибели Русской земли» как политическая программа возрождения Руси // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2006. №2.
13. Синицына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. М., 1998.

P.P. Gazizov

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В БАШКОРТОСТАНЕ В НАЧАЛЕ 90-х гг. XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ДВИЖЕНИЯ ЗА ПРАВОВОЙ СТАТУС РЕСПУБЛИКИ)

R.R. Gazizov

ETHNO-POLITICAL PROCESSES IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN THE EARLY 90S OF THE TWENTIETH CENTURY (MOVEMENT FOR THE LEGAL STATUS OF THE REPUBLIC)

Аннотация: Статья посвящена этнополитическим процессам в Башкортостане в начале 90-х гг. на примере движения за принятие декларации о суверенитете республики. Анализируются причины возникновения движения за суверенитет в форме борьбы за статус союзной республики.

Abstract: The article is devoted ethno-political processes take place in Bashkortostan in the 90s on the example of the motion for the adoption of the Declaration of Sovereignty of the Republic. Analyzes the reasons for the emergence of the movement for sovereignty in the form of the struggle for the status of a union republic.

Ключевые слова: Башкортостан, союзная республика, этнополитические процессы, Декларация о государственном суверенитете.

Key words: Bashkortostan, Federal Republic, ethno-political processes, the Declaration of State Sovereignty.

В конце 80-х – начале 90-х гг. в Башкортостане активно велась дискуссия о правовом статусе республики, существовали различные варианты проектов идей по этому вопросу. В ходе жаркого обсуждения будущего статуса Башкортостана ширилось движение за преобразование Башкирской АССР в союзную республику. Первоначально это было идеологическое течение за расширение статуса республики. Д.Ж. Валеев, З.И. Еникеев, М.М. Кульшарипов, Р.Н. Кутушев и другие в своих публикациях в различных изданиях, приводя достаточно серьезные доводы, убеждали население в том, что преобразование Башкирской АССР в союзную республику – острая необходимость, для реализации этого не должно быть никаких препятствий. Республиканская газета «Совет Башкортостаны» (редактор М.А. Аюпов) регулярно публиковала материалы по вопросам национальных и меж-национальных отношений, а также по статусу республики.

Параллельно велась практическая работа, направленная на придание статуса союзной республики Башкортостану. Среди населения было собрано более 300 тысяч подписей за поддержку этой инициативы. В данной обстановке первый секретарь Башкирского обкома партии Р. Хабибуллин был вынужден официально озвучить предложение о необходимости повышения статуса республики на союзном уровне в сентябре 1989 г.

Возникновение движения за суверенитет в форме борьбы за статус союзной республики в определенной мере объяснялось тем, что в сознании населения жизнь в союзных республиках представлялась более экономически благополучной по сравнению с автономной республикой¹.

В этот период в Башкирской АССР среди общественности граждан активно велась дискуссия о правовом статусе республики. Существовал целый ряд вариантов мнений по вопросу правового статуса республики:

- 1) Башкирской автономии – статус союзной республики;
- 2) Ничего не менять, сохранить статус-кво;
- 3) Уральский или Приволжский край (или Урало-Волжский край);
- 4) Создание единой Татаро-Башкирской республики;
- 5) Восстановление Уфимской губернии (области);
- 6) Назад к «Малой Башкирии»;
- 7) Расширить права уже существующей Башкирской АССР и т.д.

Некоторые деятели, примыкающие к уже указанной «Уфимской группе», утверждали, что на статус союзной республики Башкирскую АССР не нужно переводить, а необходимо добиваться регионального хозяйственного расчета и экономической самостоятельности. По мнению ряда авторов, статус союзной республики может разрушить дружбу народов, породив сепаратизм².

Другие авторы, пытаясь обосновать беспочвенность перевода БАССР на статус союзной республики, ссылались на интересы других национальных групп, проживающих в Башкортостане. Активным противником провозглашения государственного суверенитета выступил ТОЦ Башкортостана в лице таких его активных деятелей, как А. Халим, К. Яушев, С. Еникеев³.

Однако идею повышения статуса республики разделяло абсолютное большинство как избранных депутатов Верховного Совета XII созыва, так и населения республики. Принятие Декларации о государственном суверенитете РСФСР 12 июня 1990 г. еще более усилило стремление республик в ее составе к суверенизации.

Заключительной стадией движения за суверенитет Башкортостана явилось обсуждение проектов Декларации о государственном суверенитете республики. 9 августа 1990 г. было предложено 2 официальных и 10 инициативных проектов Декларации.

Опубликованные тексты проектов Декларации о суверенитете вызвали неоднозначную реакцию общественности республики: от горячей поддержки до полного неприятия идеи придания Башкортостану статуса союзной республики.

Представители русских и татарских движений не были склонны поддерживать идеи БНЦ «Урал». Русские общественные организации из Уфы напрямую обратились к Б.Н. Ельцину с просьбой отнестись к башкирскому суверенитету с осторожностью. ТОЦ выступил против предоставления суве-

¹ Еникеев З.И. Правовой статус Башкортостана в составе России: историко-правовое исследование. Уфа, 2002. С. 278.

² Валеев Д.Ж. Национальный суверенитет и национальное возрождение. Из истории борьбы башкирского народа за самоопределение. Уфа, 1994. С. 87.

³ Там же. С. 94.

ренитета Башкортостану, якобы в интересах только одной нации. Русские и татарские организации призвали к проведению референдума⁴.

Башкирские национальные организации посчитали официальные проекты компромиссными и не отражающими интересов собственно башкирского народа. Поэтому 16 августа 1990 г. был напечатан проект, написанный активистом БНЦ «Урал» проф. Д.Ж. Валеевым, вызвавший негативную реакцию у противников суверенитета⁵. Так, в проекте, подготовленном Д.Ж. Валеевым, было сказано, что БССР «образуется на основе реализации башкирской нацией естественного и неотъемлемого права на самоопределение и национальный суверенитет», кроме права свободного выхода из СССР (о БССР как о субъекте РСФСР также не было упомянуто), республика сохраняла за собой право требовать возвращения «незаконно отданных сталинским режимом соседним областям территорий»⁶. Также предполагалось введение башкирского языка в качестве государственного, создание собственных вооруженных сил, как это было в 1919 году, комитета госбезопасности, таможенной и денежной систем⁷.

Данный проект вызвал большой общественный резонанс. Создание вооруженных сил при праве требовать соседние территории многие расценили как желание экстремистского характера⁸.

Хотя такой проект Декларации о государственном суверенитете Башкортостана появился на страницах периодической печати республики, он не был всесторонне обсужден в правлении БНЦ «Урал» и по этой причине эту Декларацию следовало воспринимать как личную инициативу Д.Ж. Валеева. БНЦ «Урал» не ставил своей целью выход из состава России, хотя и добивался максимума самостоятельности для Башкортостана.

В этих условиях татарские национальные организации вновь сделали попытку повлиять на работу комиссии ВС БАССР по проекту Декларации.

Ссылаясь на то, что их заявления о политических правах татар республики остались не услышанными, 8 сентября на расширенном пленуме ТОЦ БАССР была принята специальная резолюция «О государственном суверенитете Башкирии»⁹. Кроме известных уже требований о придании башкирскому, русскому, татарскому языкам статуса государственного, были добавлены требования о пропорциональном представительстве в органах власти и создании национальных сельсоветов. В случае невыполнения данных условий ставился вопрос о создании Уфимской области в составе РСФСР¹⁰.

Подобные действия со стороны противников изменения государственного статуса БАССР вынудили БНЦ «Урал» 25 сентября выступить с призывом к населению поддержать принятие Декларации о суверенитете¹¹. Кроме того противники Декларации вновь усиленно стали муссировать в прессе идею проведения всенародного референдума по этому вопросу. Лидер БНЦ «Урал» М.М. Кульшарипов попытался объяснить в статье, что определенные политические силы открыто делают ставку на референдум в виду малочисленности башкир. По его мнению, возникает вопрос: почему проблему самоопределения башкир должны решать русские и татары? «Ведь если бы вопрос о самоопределении башкир в 1919 г. решался бы посредством референдума, то они бы были лишены автономии», – заявил он¹².

Между тем рабочая группа, созданная при Президиуме Верховного Совета БАССР, предложила для окончательного принятия новый проект Декларации о государственном суверенитете Башкирской АССР – Башкортостана.

Состоявшийся 5 октября 1990 г. V пленум Башкирского обкома КПСС, рассмотрев этот проект, в основном одобрил его и решил внести на рассмотрение сессии Верховного Совета Башкирской АССР с учетом тех замечаний, которые были высказаны участниками пленума¹³.

⁴ Ленинец. 1990. 16 августа.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Вечерняя Уфа. 1990. 23 августа.

⁹ Этнополитическая мозаика Башкортостана. Очерки. Документы. Хроника Т. 2. Уфа, 1992. С. 65.

¹⁰ Там же. С. 67.

¹¹ Вечерняя Уфа. 1990. 25 сентября.

¹² Вечерняя Уфа. 1990. 4 октября.

¹³ Вечерняя Уфа. 1990. 8 октября.

Список использованных источников

1. Валеев Д.Ж. Национальный суверенитет и национальное возрождение. Из истории борьбы башкирского народа за самоопределение. Уфа, 1994.
2. Вечерняя Уфа. 1990. 23 августа.
3. Вечерняя Уфа. 1990. 25 сентября.
4. Вечерняя Уфа. 1990. 4 октября.
5. Вечерняя Уфа. 1990. 8 октября.
6. Еникеев З.И. Правовой статус Башкортостана в составе России: историко-правовое исследование. Уфа, 2002.
7. Ленинец. 1990. 16 августа.
8. Этнополитическая мозаика Башкортостана. Очерки. Документы. Хроника. Т.2. Уфа, 1992.

Е.Ш. Гибадуллина

ВЕКТОРЫ РЕЛИГИОЗНОГО ОБНОВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: ИСЛАМ И ХРИСТИАНСТВО

E.Sh. Gibadullina

VECTORS OF RELIGIOUS RENEWAL OF CONTEMPORARY SOCIETY: ISLAM AND CHRISTIANITY

Аннотация: В статье раскрываются актуальные вопросы, связанные с особенностями религиозного обновления в современном обществе. Осуществляется краткий анализ ключевых понятий, опираясь на которые традиционные религиозные системы стремятся ответить на вызовы современности. На примере ислама и христианства раскрываются основные, по мнению автора, трудности религиозного обновления.

Ключевые слова: Религиозное обновление, ислам, христианство, соборность, фикх, консенсус.

Abstract: This article covers actual issues related with specularities of religious renovation in modern society. It contains brief analysis of key concepts, which are the base for traditional religious systems in their attempts to accept challenges of the present. By the example of Islam and Christianity the main difficulties of religious renovation, as it is seen in the view of the author.

Key words: Religious renovation, islam, christianity, sobornost, fiqh, consensus

История развития общества демонстрирует непрерывный процесс религиозного обновления, происходящего как в пределах вероучения, так и в области культовой и внекультовой практиках. Обновление выражается в различных формах и является проекцией социокультурных, экономических и политических процессов. При этом можно сказать, что качественные изменения, произошедшие с религией, только усиливают ее позиции в обществе. Даже в прошлом столетии, где, казалось бы, роль религии стремительно начинает ослабевать, по крайней мере, в Западной Европе и странах социалистического лагеря, тем не менее, ее эволюционный характер и тесная связь с социальными сферами не утрачивается. Более того, в конце двадцатого столетия стали говорить о «религиозном ренессансе». Данные явления подтверждают то, что современность не оправдала прогнозов ухода религии на периферию общественной значимости, а «разволшебственный», по словам М.Вебера, мир все больше тяготеет к религиозности.

Необходимо отметить, что в свете новой геополитической ситуации религия обрела дополнительные «рычаги» влияния. Во-первых, тенденции политизации религии, или даже «религизации» политики, говорят о ее тесном вплетении в «ткань» общественной жизни, во-вторых, «сжатие» мира, постепенно приводящее к изменению, стиранию границ традиционного распространения религий, дает ей возможность приблизиться к глобальной культуре. Поэтому времена, когда, например, Запад сталкивался с восточными религиями локально, в местах их исторического существования, давно прошли. Сегодня в исследовательский оборот прочно входят понятия религиозного синкретизма, то есть смешения религий в рамках одной веры и детерриториализации религии, или, как ее иначе называют, религиозный передел мира. Поэтому можно сказать, что обе плоскости – как внешняя, так и внутрен-

няя, религиозной жизни современного общества претерпели существенные изменения. Так, И.Валлерстайн отмечает, что основой будущей цивилизации должен стать глобальный универсализм, который позволит всем народам и давать и получать¹. Однако вопрос о том, будет ли общество двигаться к такому универсализму остается открытым. Можно лишь утверждать, что религиозная карта мира стремительно меняется, и дальнейший сценарий существования религии в обществе будет зависеть от степени ее готовности ответить на вызовы современности.

Многие исследователи считают, что особенностью XXI века стало распространение двух мировых религий – ислама и христианства. Действительно, с 1910 г. и по прошествии 100 лет христианство лидирует по числу последователей, причем их количество постоянно увеличивается и составляет около трети земного шара. На втором месте – ислам с полутора миллиардом последователей (22,4 %). Причем темпы роста христиан и мусульман примерно на одном уровне 1,35 и 1,8 соответственно². В России доля исповедующих христианство также велика – более 41 %, мусульман – 6,5%³. Однако помимо принадлежности к определенной религиозной организации (активная вера), следует учитывать и пассивную религиозность, которая в России является широкой социальной базой религии. Так, поскольку православные ритуалы сопровождают основные этапы жизни человека (рождение, брак, смерть), к ним часто обращаются не только пассивные верующие, но и неверующие. Согласно опросам процентное число людей, прибегающих к таким ритуалам, а также соблюдающих по обычаю праздники, – 85%⁴. Ислам выполняет ту же роль в кругу «этнических» мусульман (до 15%). К тому же в исламе довольно гибкая система перехода от пассивной религиозности к активной за счет влияния крепнущих исламских партий. Протестанты, недостаточно укоренившиеся в народе, пока не имеют пассивного социального пространства. Поэтому относительно новые религиозные системы, чтобы заинтересовать к себе, вынуждены быть в этом смысле «новаторами».

Эти цифры свидетельствуют о том, что традиционные духовно-религиозные ценности, сложившиеся в России и ставшие неотъемлемым компонентом национальной самоидентификации, для многих продолжают оставаться фундаментом бытия. Причина такой «популярности» христианства и ислама сложилась исторически – авраамистические религии, с их Священной историей, априоризмом, эсхатологией представляют собой ядро культуры народов. К тому же, несмотря на фундаментальность, априоризм, в религиозных концепциях ислама и христианства отражаются идеи, с одной стороны, направленные на сохранение обретенных позиций, с другой – отвечающие духу времени, учитывая меняющийся баланс сил, а также требования переоценки наиболее глубоких оснований.

Интересно, что религиозное обновление как предмет научного и богословского дискурса распространилось вследствие активного разворачивания проекта модерна, вызвавшего, в свою очередь, волну религиозного модернизма и фундаментализма. Считающееся антиподом фундаментализма – модернизм подразумевает обновление и разрыв с ортодоксальной верой. Причем речь идет не только о противопоставлении новых форм веры религиозному фундаментализму. В работах теологов поднимается широкий круг философских проблем, преимущественно онтологического характера. Особое значение приобретает поиск «универсально-религиозного» сознания, включающей в себя идею духовного диалога. Однако религиозный модернизм как явление имеет и другую сторону – социально-политическую. По мнению Д.А. Головушкина, религиозный модернизм может развиваться в нескольких направлениях: 1) модернизация идейного содержания религиозной системы в новых общественных условиях; 2) трансформация внешней и внутренней структуры религиозной организации; 3) изменение социально-политической деятельности религиозной организации, переоценка ее отношения к важнейшим социально-политическим вопросам современности, другим религиозным и нерелигиозным организациям⁵. На наш взгляд, говоря о религиозном обновлении общества, необходимо анализировать ключевые понятия, являющиеся опорой для традиционных религиозных систем, и от которых во многом зависит их устойчивость и степень «доверия» современного общества.

¹ Валлерстайн И.Н. Европейский универсализм: риторика власти // Прогнозис. 2008. № 2 (14). Электронный ресурс [http://www.intelros.ru/pdf/Prognosis/Prognosis_2_2008/1.pdf] (дата обращения: 10.11.2014).

² Atlas of Global Christianity: 1910–2010 (400 color illustrations), by Johnson, Todd M., Kenneth R. Ross, and Sandra S.K. Lee, eds. Edinburgh, UK: Center for the Study of global Christianity. Edinburgh University Press. www.eupublishing.com/page/atlasofglobalchristianity, 2009. URL: http://www.atlasofglobalchristianity.org/images/samplepages_3.pdf (дата обращения: 11.11.2014).

³ Арена: Атлас религий и национальностей Российской Федерации. URL: http://sreda.org/arena (дата обращения: 11.11.2014).

⁴ Девина И.В. Религия в политической культуре современной России // Россия и современный мир. 2002. № 1. С.249.

⁵ Головушкин Д.А. Феномен религиозного обновления: теоретико-методологические аспекты исследования // Философия и современность. 2014. № 3. С.111.

В западной культуре классическим примером религиозного обновления стало движение Реформации. Учения М.Лютера, Т. Мюнцера, Ж.Кальвина превратили протестантизм в гибкую разновидность христианства, которая воссоздает мироощущение современного человека и транслирует его практические установки. На сегодняшний день обновленный, светско-ориентированный протестантизм, на наш взгляд, несколько упрощает религиозное учение, но, с другой стороны, в этом и проявляется стремительно меняющийся мир и сознание человека⁶. В католицизме к религиозному обновлению можно отнести понятие «аджорнаменто» (итал. *aggiornamento* – обновление), связанный с именем папы Иоанна XXIII, созвавшего новый церковный собор, во многом изменивший жизнь церкви. Среди ведущих католических теологов, пытающихся осовременить религиозное учение, прибегая к концептуальному осмыслению понятий религии философскими средствами, следует, прежде всего, отметить Карла Ранера и Ханса Кюнга. Они приложили немало усилий, чтобы «сблизить» трансцендентное и имманентное, адаптируя религиозное учение к современным реалиям, ярким свидетельством которых явился антропологический поворот в католической теологии. Однако, учитывая этноконфессиональную специфику России, стоит подчеркнуть, что в ближайшее время наиболее актуальными являются проблемы, связанные с реализацией позитивных ценностных значений православного христианства и ислама.

Так, в рамках православной мысли под религиозным обновлением традиционно понимается «церковное» обновление и развивается идея лучшей организации церкви, средоточием которой является понятие соборности. Природа религиозного обновления в ее связи с соборностью широко освещена в трудах религиозных философов и богословов и в большинстве понимается как эволюция религии, зависящая от более динамичных основ православия. Убедительна в данном понимании позиция русского религиозного мыслителя Г.В. Флоровского. В работе «Пути русского богословия» он отмечал: «Восстановление патристического стиля, вот первый и основной постулат русского богословского возрождения. Речь идет не о какой-нибудь “реставрации”, и не о простом повторении, и не о возвращении назад. “К отцам”, во всяком случае, всегда вперед, не назад. Речь идет о верности отеческому духу, а не только букве, о том, чтобы загораться вдохновением от отеческого пламени, а не о том, чтобы гербаризировать древние тексты»⁷. Помимо «восстанавливающих» функций, понятие соборности включает в себя теоретическую основу для спора с западными нововведениями, а также служит ориентиром для выстраивания социальной позиции Церкви.

В богословском смысле соборность – интеграция земного и небесного, единение христиан ради достижения согласия в земных делах, а также целый комплекс взаимосвязей и отношений: человек – природа, человек – нация, человек – индивидуальное «Я». Согласно Н.О. Лосскому, понятие соборности «означает сочетание свободы и единства многих людей на основе их общей любви к одним и тем же абсолютным ценностям. Эта идея может быть использована для разрешения многих трудных проблем социальной жизни»⁸. Она «являет собой высший тип отношений между людьми, проникнутыми сознанием своей глубокой духовной общности»⁹. По мнению идеологов православия, соборность давно укрепилась в образе жизни русского народа, стала одним из главных составляющих национальной цивилизации. При этом православная соборность традиционно противопоставляется «односторонним» подходам европоцентристского и востокоцентристского характера, которые утверждают примат плюрализма, индивидуализма или деспотизма и подавления личностного.

В современных интерпретациях соборность предстает и как социально-политическая сила, с помощью которой возможна консолидация общества. Сторонники данной идеи выступают за реализацию ее принципов в социальной сфере, объясняя это возможностью установить межэтническое согласие и диалог культур различных народов. Провозглашая такие ценности, как единство страны, а также ряд устоев, способных обеспечить целостность русского народа и других этносов, соборность включает в себя также идею множественности, многовариантности культурных, семейно-бытовых и прочих традиций народов, составляющих это единство. Поэтому считается, что соборность, с одной

⁶ См. подробнее: Гибадуллина Е.Ш. Роль религии в современных общественных процессах: от теологических концептов – к практике российского региона // Современный российский регион: общественно-политические и социально-экономические процессы: коллективная монография / под ред. И.В. Фроловой. Уфа: БАГСУ, 2014. С. 72–83.

⁷ Флоровский Г.В. Пути русского богословия. Минск: Изд-во Белорусского Экзархата, 2006. С. 496–497

⁸ Лосский Н.О. История русской философии / пер. с англ. М., 1991. С. 42

⁹ Кочеров С.Н. Соборность как православный и социальный идеал русской религиозной философии // Приволжский научный журнал. 2010. №2. С. 236

стороны, может противостоять тоталитаризму, нивелирующему национальные обычаи, с другой – национализму, стремящемуся изолировать этносы, противопоставляя их друг другу. Осмысление соборности, таким образом, глубоко сплетено с поиском гармонии в обществе, в том числе и в государственно-конфессиональных отношениях.

Помимо принципов соборности, в православии сложилась традиция (Бердяев, Соловьев, Флоренский) трактовать православную культуру как более эмоциональную, однородную, что позволяет говорить о ней как сравнительно гомогенной, социально-закрытой системе, радикально отличающейся от западно-христианской, которая во многом идет на поводу у времени, демонстрируя перманентно возрастающую тенденцию к функционализации и прагматизации религии.

Отметим, что многие идеи, изложенные в русской религиозной философии конца XIX – начала XX века, используются нынешними представителями Русской Православной Церкви, которая прилагает немало усилий по укреплению позиций христианства в обществе. Особенно остро стоит вопрос о статусе РПЦ по отношению к государству. В частности, в речах представителей РПЦ много слов сказано о том, что именно с РПЦ у государства могут быть «симфонические» отношения. В поддержку данной идеи выступают и некоторые государственные деятели, что подтверждает возможность «консенсуса» между церковью и государством (консенсус, как известно, органична понятию соборности). Кроме того, православие выступает и за консенсус с представителями иных «традиционных» конфессий. Так, РПЦ ведет активный диалог с мусульманами. Тренд к согласованию идеалов и ценностей представителей различных конфессий хорошо согласуется с представлениями Н.С. Трубецкого о том, что православие должно стать терпимее, исправить созданное Петром I «искажение» и вновь вернуть себе роль духовно-идеологического стержня Евразии – России.

Некоторые исследователи утверждают, что ценности, провозглашаемые сторонниками православной соборности, имеют сходство со многими положениями ислама – второй по количеству последователей религии в России. Необходимо отметить, что для современного ислама, так же как для христианства, вопрос о религиозном обновлении стоит наиболее остро. Еще в эпоху зарождения ислам стал некой формой модернизации существующей монотеистической традиции и был своеобразным ответом на радикальный монотеизм иудаизма и универсалистский монотеизм христианства. Ислам лежит у истоков современной концепции веротерпимости, ставшей атрибутом стратегии современных «демократий» западного типа. И сейчас ислам нельзя рассматривать как нечто косное и неизменное.

В свою очередь заметим, что для исламского мира также в некотором смысле характерен религиозный коллективизм, или принадлежность к умме – сообществу правоверных. Кроме того, в православии, так же как и в исламе, утверждается примат духовных ценностей над материальными и не приемлется индивидуализм, а высшей ценностью видится синергизм – совпадение энергии Бога и человека. Точки схождения двух религий, а также тот факт, что Россия исторически развивалась как симбиоз православных и тюркоязычных мусульман, позволяют говорить о соборности как факторе межнационального диалога. Близость двух религий проявляется и в понимании религиозного обновления. В арабском языке аналогом слова «обновление» является «таджид», что означает «делать вещь новой», то есть изменять старое, постигать его по-другому. Суть религиозного обновления в этом смысле, по мнению Абу Бакра, «заключается в выявлении того, что стерлось, в возвращении того, что убавилось, и устранении того, что добавили и приписали к ней. Такое обновление означает полное и чистое возвращение к истокам и основам, а также призыв к стойкому соблюдению истины и оставлению испорченного подражания, основанного на слепом и безрассудном следовании. Отсюда следует, что обновление – это процесс обнаружения истоков основ»¹⁰.

В исламе нет иерархически и территориально структурированного духовенства, вбирающего в себя мистическое присутствие Бога в мире и выступающего своеобразным «посредником» между трансцендентным и «земным». Помимо этого, в отличие от христианства для ислама главенствующей проблемой всегда являлась выработка не ортодоксии, «правильной веры», а ортопраксии, то есть «правильного действия». Вследствие этого ислам пытается концептуализировать, институционализировать фикх (практическое богословие), а не калам (теоретическое богословие). Сосредотачиваясь на земных функциях ислама, его сторонники (к примеру, салафиты реформаторского толка¹¹) ставят во главу угла решение проблемы адаптации ислама к современным условиям. По мнению З.И. Левина, они хотят «показать, что ислам является современной религией, не отвергающей научного знания, с

¹⁰ Абу Бакр. Обновление религии: между возвращением к истокам и искажением // АльВаъй. 2010. №281. С.11.

¹¹ Салафизм (от араб. ас-салаф ас-салиф) — благочестивые раннеисламские авторитеты, сподвижники Пророка. – *Прим. авт.*

одной стороны, и защитить вероисповедные основы от угроз, исходящих от научного рационализма, – с другой»¹². Преимущественно в рамках фикха и сложился институт консенсуса – иджма, которому ислам обязан своим единством. Сторонники суннитского ислама отмечают, что в трансформированной форме иджма может стать одним из демократических институтов современной политической системы.

На сегодняшний день наблюдается возрастающее влияние исламского фактора на различные сферы жизнедеятельности общества. При этом процесс исламского возрождения сталкивается со многими препятствиями, который в большинстве выражается в виде ксенофобского неприятия. Однако бесспорным является то, что в результате многовекового сосуществования, взаимодействия и взаимопроникновения православной и мусульманской культур ислам глубоко укоренился в российское общество и стал неотъемлемой частью его социального развития. Кроме того, практические реалии свидетельствуют о том, что государство не в полной мере владеет рычагами управления мусульманской уммой, в связи с чем появляется проблема выработки общей концепции управления российскими мусульманами в контексте ее динамики.

Таким образом, на «рынке» духовного обновления традиционные религиозные ценности являются все же одними из конкурентоспособных «продавцов». Их богатство – идеи соборности, симфонии, гармонии, консенсуса. Однако религии имеют и сильные трудности с реализацией своего наследия с практической точки зрения. Так, к примеру, понятие «соборности» является в некотором смысле «ценностью в себе», в силу своей противоречивости и целого ряда проблем ее «земного» воплощения. Справедливо отмечает С.Н. Кочеров, что высокие требования к соборной личности, обязательное наличие общих ценностей, проблемы реализации человеческой свободы, необходимость братской любви (возможной только в границах малой группы) и «идеальной» церкви сужают ареал действия принципов соборности¹³. В свою очередь отметим, что говорить о гармоничности общественного устройства на основе идеи соборности пока рано, поскольку ни одна из религий на сегодняшний момент не может обеспечить преобладания в массовом сознании и поведении мотивов, выходящих за пределы, заданные наличным бытием, то есть социально-экономическими условиями. Что касается ислама, то в России еще не сложилось единой мусульманской общины, что также затрудняет трансляцию религиозных ценностей. Огромная историческая традиция, доверительные отношения с властями, огромный потенциал Духовного управления мусульман не могут в полной мере восполнить все пробелы, связанные с религиозным обновлением современного общества. Ярким примером данной ситуации являются трудности, с которыми постоянно сталкиваются официальные духовные структуры в своей просветительской работе, развитии конкурентоспособного информационного пространства, полноценного взаимодействия между религиозными организациями, развития социальной инфраструктуры религиозного сообщества и т.д.

Помимо вышеуказанного, в нынешнем обществе скорее востребована четко фиксируемая, легкодоступная и конкретная духовность, представленная в новых религиозных течениях и движениях, активно набирающих силу. Хотя религиозные организации пытаются фиксировать религиозные ценности и модели социальной коммуникации, она уже не способна сделать их общеобязательными. Роль церкви постепенно сводится к временному предоставлению «услуг» при социальных потрясениях, депрессиях и экзистенциальных кризисов.

Таким образом, традиционные религиозные системы, стремясь преодолеть отчужденность от общества, видоизменяют вероучение или приспособляют его к современности, но в большинстве случаев, все же впадают в крайности. Поэтому на сегодняшний день одна из важнейших задач вероучения состоит в том, чтобы вернуться к ощущению целостности, единства между ними. Кроме того, в современном обществе появляется и другая проблема – тесный контакт с другими религиями в общемировом масштабе, что наглядно предстает в социологических исследованиях. Так, традиции и религиозные системы, которые теологи и богословы рассматривали лишь в качестве теоретических альтернатив, для современного человека являются предметом реального выбора. Учитывая данные тенденции, традиционные религиозные учения, возможно, стоят на смене парадигм. А если это действительно так, то задача вероучения состоит не столько в конструктивном подходе, сколько в выявлении существенного «ядра» в вере, что позволит адекватно и понятно донести ее истины человеку.

¹² Левин З. И. Хранители Слова и блюстители Духа Откровения // *Фундаментализм*. М. : Институт востоковедения РАН; Изд-во «Крафт+», 2003. С. 27.

¹³ Кочеров С.Н. Соборность как православный и социальный идеал русской религиозной философии // *Приволжский научный журнал*. 2010. №2. С.239–240.

Список использованных источников

1. Головушкин Д.А. Феномен религиозного обновления: теоретико-методологические аспекты исследования // *Философия и современность*. 2014. №3. С. 107–115.
2. Станкевич Г.В. Религиозный фактор современного политического процесса [Текст] : монография / Г. В. Станкевич; М-во образования и науки РФ, Ставроп. гос. ун-т, Рос. ассоц. полит. науки, Ставроп. отд-ние РАПН. Ставрополь : Ставролит, 2012. 313 с.
3. Стенли Г., Роджер О. Богословие и богословы XX века / Г. Стенли, О. Роджер; пер. с англ. Черкассы: Коллоквиум, 2011. 520 с.
4. Степанова Е.А. Религия в современной России: исторические корни // *Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН*. Екатеринбург, 2001. Вып. 2. С. 73–83.
5. Хаутепен А. Бог: открытый вопрос. Богословские перспективы современной культуры / пер. с гол. М.Пинкэ, М.Кузнецовой. М.: Библиейско-богословский институт св.апостола Андрея, 2008. 517 с.

Ю.Н. Гусева

М.БИГИЕВ И «ИСЛАМСКАЯ» ДИПЛОМАТИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ 1920-х ГОДОВ

Yu.N. Guseva

M. BIGIYEV AND «ISLAMIC» DIPLOMACY OF THE SOVIET UNION IN THE 1920s

Аннотация: Статья посвящена малоизвестным страницам внешнеполитической деятельности представителей российской мусульманской религиозной элиты в 1920-е годы. В частности, освещаются позиция и конкретные усилия такого известного и авторитетного, в том числе и за пределами России, мусульманского деятеля, как Муса Бигиев. Приводится оценка его деятельности через призму внешнеполитических целей, стоявших перед Советской Россией, содержащаяся в материалах Восточного отдела ОГПУ, а также авторское мнение о возможности использования потенциала исламских лидеров на международной арене для реализации задач советской внешней политики.

Abstract: The article is devoted little-known issues of the Russian foreign policy of the Muslim religious elite in the 1920s. In particular, it reports the position and specific efforts the Russian Muslim leader Musa Bigiev. The evaluation of its activities, contained in the materials of the Eastern Department of the OGPU (VostochnyiOtdel OGPU), through the prism of foreign policy goals and tasks facing Soviet Russia, as well as the author's opinion on the scope and meaning of its activities in the international arena for domestic and foreign policy positioning of Russian Muslims .

Ключевые слова: Российские мусульмане, исламская элита, Муса Бигиев, Восточный отдел ОГПУ, внешняя политика Советской России.

Keywords: Russian Muslims, islamic elite, Musa Bigiev, East department of the OGPU, Foreign policy of Soviet Russia.

Тематика изучения исторического опыта в вопросе объединения усилий мусульманских религиозных лидеров и российского государства в сфере публичной дипломатии в настоящий момент является исключительно важной с точки зрения научной и практической значимости. Установление взаимовыгодных контактов с представителями исламских государств, создание позитивного имиджа государства и выгодное позиционирование российских мусульманских организаций способны оказать и оказывали существенное влияние на векторы внутренней и внешней политики. С этой точки зрения закономерный интерес представляет анализ исторического опыта «включения» исламских интеллектуалов в сферу российской внешнеполитической деятельности. Подобные материалы также могут свидетельствовать о позиции первых и о сущности второй.

Первая половина 1920-х годов в сравнении с более поздними периодами советской истории была временем, когда российская религиозная и национальная тюрко-мусульманская элита пробовала «границы дозволенного», отмеренного ей новым государством и обществом. Известная относительная «мягкость» советского режима в отношении ислама давала возможность национально-религиозной элите тюрков-мусульман сравнительно открыто заявлять о своей гражданской позиции и воззрениях, а в некоторых случаях и пытаться реализовать собственные планы по религиозно-национальному вопросу.

Геополитическая ситуация, сложившаяся в странах Востока в данный период, также стимулировала выход представителей «угнетенных восточных масс» на сцену мировой истории. Очевидным для наблюдателя был процесс политической активизации мусульманских государств и обществ Ближнего и Среднего Востока. Одной из форм реализации национально-политических интересов различных стран и народов становится борьба за сохранение халифата, обсуждение вопроса о «святых местах» в Мекке и пр.

Советская Россия и ее европейские *vis-a-vis* включились в борьбу за усиление своих позиций в Центральной Азии, на Ближнем Востоке и других регионах Азии. Широко известно, что Великобритания активно поддерживала идею халифата с последующей передачей титула халифа одной из стран, с которой у нее были доверительные отношения (Индия, королевство Хиджаз и пр.). В свою очередь, в 1920 году Коминтерн также высказывался за созыв «Всемирного мусульманского конгресса» с задачей «пробуждения Востока» и борьбы с мировым империализмом [1.С.15], что, по сути, отражало сходную с английской заданность на геополитическое доминирование на Ближнем и Среднем Востоке.

Пересечение геополитических интересов Великобритании и СССР в Афганистане, Индии, на территории будущей Саудовской Аравии, а также попытки обеих сторон взять под контроль движение по восстановлению халифата – все это давало потенциальную возможность представителям тюркомусульманской элиты Советской России включиться в мировое движение правоверных, сыграть на противоречиях, поддерживая одну из сторон, достигнув в конечном итоге желаемого для себя результата. Был ли реализуем подобный сценарий и чьими усилиями он мог увенчаться успехом? Имеющиеся в нашем распоряжении ранее засекреченные архивные материалы, вышедшие из недр Восточного отдела ОГПУ, партийных органов, дают нам возможность сформулировать ответы на поставленные вопросы.

По мнению аналитиков разведки, халифатистское движение *a-priory* подразумевало наличие антисоветской составляющей. По замечаниям советских аналитиков и дипломатов, усилия Великобритании в этом вопросе, кроме прочего, были «направлены к натравливанию мусульманских окраин СССР против Советской власти и отвлечению внимания мусульман от деятельности Англии в мусульманских странах» [2].

Российские мусульмане в общемусульманском движении могли стать выразителем идей, направленных на сопротивление британскому доминированию, или же, наоборот, «работающих» на усиление сепаратизма различных регионов Советской России. Учитывая явную слабость советского режима в Средней Азии, на Кавказе, включение представителей «русских мусульман» в работу этого и прочих подобных съездов становились весьма актуальной внешне- и внутривосточной задачей.

Потому отнюдь не случайно именно в 1923 году в недрах Наркомата иностранных дел (НКВД) и Восточного отдела ОГПУ (ВО ОГПУ) вызревает идея о систематическом использовании мусульманского духовенства при решении различных вопросов внешней политики. Этим годом датируется обращение к Ем.Ярославскому от главы НКВД Г.Чичерина о возможности и перспективах использования мусульманского духовенства «как политического орудия» в целях «укрепления политической линии» Советского государства в Персии» [3.Л.2].

В письме от 18 октября 1923 года полномочного представителя в Персии Б.Шумяцкого в ЦК ВКП (б) отмечалось, что «Необходимо тщательно регулярно информировать мусульманство и его духовные объединения о важнейших событиях на Востоке, главным образом, по вопросам использования шариата в целях угнетения трудовых масс, англонасилия и прочего с таким расчетом, чтобы мусульманство систематически и громко реагировало бы на события на Востоке» [3.Л.4]. 22 октября того же года начальник Восточного отдела Я.Петерс писал Ем.Ярославскому: «В своей активной работе по мусульманству мы всегда учитывали то, что положительные результаты этой работы /воззвания, сочувственные резолюции и т.д./ смогут быть использованы и за рубежом. Но всесторонне и глубоко вопрос об использовании мусульманства для зарубежного влияния встал перед нами сравнительно недавно в результате переписки с НКВД. Эти специальные задания НКВД ставят перед нами задачу особо быстрого и значительного расширения работы» [3.Л.5–6].

Одним из наиболее ярких представителей мусульманского мира России того периода, за которым власти внимательно следили и могли привлечь для решения конкретных задач, являлся Муса Джаруллах Бигиев, авторитетный богослов и политик, известный далеко за пределами России.

Внимание властей было приковано к активности этого религиозного деятеля в отношении различных «мусульманских» районов Советской России и бывшей империи. Наблюдатели отмечали, что в

1923 году Бигиев «ежемесячно выезжает в разные области и республики – в Ташкент, Казань, Бухару, Оренбург» [4. Л.7], что противоречит замечаниям исследователей, что Бигиева не выпускали из Петрограда [5. С.32]. Именно кандидатура Мусы Джаруллаха была предложена ЦДУ в качестве уполномоченного Мусульманского комитета помощи голодающим Поволжья для организации материальной помощи из Туркестана, Бухары и Афганистана голодающим поволжским единоверцам [6]. Это также свидетельствовало о его возможностях и потенциале¹.

Особо тесные связи, по разным свидетельствам, Бигиев поддерживал с махалля выходцев из России, проживавшими в Гельсингфорсе (Хельсинки), Тампере. Систематическим было общение с Берлином, в котором были сосредоточены наиболее деятельные и авторитетные представители мусульманской эмиграции-выходцы из Российской империи [8]. В качестве важного доказательства приводился «факт издания в Берлине книги М.Бигеева, излагающего последовательно основы Ислама, который рассматривается как социально-политическое учение, в связи с методами работы его организаций, причем политика партии подвергается резкой критике. / Существует предположение, что эта книга была издана при материальной поддержке Ангорского (Анкарского. – Ю.Г.) правительства, как ставящая кемалистов примером./ Берлинские группы ведут регулярную переписку со своими родственниками в СССР, прося о посылке татарской литературы, в свою очередь, высылая таковую из Берлина» [9. Л.4об].

Особо тесные отношения у Бигиева складывались с турецкими единоверцами. В бигиевском письме от 8 октября 1923 года к имаму г. Казани Амирханову содержалась инициатива, исходившая от Великого Национального Собрания Турции, относительно проведения сбора средств в пользу «семейств турецких возвращающихся из Грузии и Балканского острова для заселения турецких областей, взамен выселяемых римлян и армян из территории Турции. Турция сама, как истощенная едва ли может обеспечить прибывающие семейства, которых насчитывается в одной лишь Греции около 700 тысяч семейств и которые должны быть переселены в пустые степи Турции. Письмо это является обращением за них о материальной помощи им и также с призывом к муллам о безотлагательной помощи наподобие христиан, которые сразу отзывались на зов выселяемых христиан из пределов Турции» [9. Л.7].

Даже поверхностное ознакомление с некоторыми аспектами зарубежной деятельности М.Бигиева дает основания считать его одним из наиболее явных претендентов на участие в публичной дипломатии Советской России. Широта связей, определенный авторитет в международных исламских кругах, личная одаренность могли быть поставлены на службу государству и национально-религиозной элите и мусульманам страны.

Однако мы наблюдаем неоднозначную картину. В конце 1923 года сложилась весьма неприятная лично для Бигиева и мусульманского сообщества страны ситуация, когда богослову не только запретили выезд на Всемирный мусульманский съезд в Калькутту (должен был состояться в декабре 1923 года), но и арестовали. При этом уже вскоре он был отпущен, а в 1926 году он присоединился к российской делегации на Мекканском конгрессе.

Действительно, неудачей закончилась попытка М.Бигиева выехать в конце 1923 года на Всемирный мусульманский съезд в Калькутте, который созывался по инициативе Великобритании. Основная идея конгресса заключалась в объединении исламских государств под лозунгом халифата: «Основным вопросом съезда и лозунгом, под которым он будет проходить, является объединение мусульман всего мира. Этот лозунг сейчас имеет большой отклик и этим следует объяснить то сближение, которое существует между находящимися здесь (в Калькутте. – Ю.Г.) послами, которые регулярно встречаются и обмениваются информацией» [10.Л.4]. «...Калькуттский съезд рассматривают как подготовительный к съезду в Турции...Калькуттский съезд будет носить главным образом декларативный характер. Главной целью его является примирение шиитов и суннитов, подготовительные меры к созданию мирового мусульманского халифата. Весной же 1924 года в Константинополе предполагается второй съезд, на котором будут рассматриваться более практические вопросы» [10.Л.7].

В конечном итоге съезд не состоялся, однако подготовка к нему шла полным ходом. В списке из 19 делегатов (октябрь 1923 года) на всемирный мусульманский конгресс в Калькутте, от «русских мусульман» Волго-Уральского региона значились семеро: «от башкир – Абдурашитов, Валидов, Ишмурзин²; от уфимских татар – мулла Исхаков; от мусульманской культурной интеллигенции в Рос-

¹ Иное дело, что Комитет помощи голодающим при ВЦИК не согласовал его кандидатуру в качестве сборщика средств [7. Л.31], что свидетельствовало о тогдашней недоверии властей к его фигуре.

² В комментариях значилось: «племянник Абухади Ишмурзина, проживает за границей третий год».

сии Гаяз Исхаков³, Апанаев⁴ и Акчурун⁵» [10.Л.1]. В ноябре 1923 года должен был получить делегатский мандат член Центрального Духовного Управления⁶ [10.Л.5]. По одному представителю планировалось направить от туркмен, астраханцев, киргиз, бухарцев, азербайджанцев, дагестанцев, лезгин и других кавказских народностей.

Муса Бигиев собирался выехать на Калькуттский съезд как частное лицо и для этого в конце сентября – начале октября ходатайствовал в Наркомат иностранных дел о выдаче ему визы [11.Л.25]. Однако, как известно, в ноябре 1923 года он был арестован и одним из центральных предъявленных общественному деятелю обвинений стала его приверженность идеям т.н. панисламизма, под которым подразумевалось объединение всех мусульман под политическими и религиозными лозунгами [12.С.11–17].

Отметим, что, судя по бигиевским заявлениям и трудам⁷, вопрос об усилении позиций национально-религиозной элиты российских тюрок-мусульман должен был быть решен за счет привлечения к ним внимания широкой зарубежной общественности, мусульманской эмиграции, активизации их внешнеполитических контактов и включения в мировые процессы. «Мусульмане всей земли, объединяйтесь!» – идея объединения всех мусульман под началом новой Турции, государства – главы исламского халифата, «обеспечивающее интересы и процветание мусульман и их независимость», которую старательно пропагандировал Бигиев [12. С.92].

Но, как уже подчеркивалось, концепция халифатизма, равно как и особый статус и права, на которые могло претендовать мусульманское сообщество России, закрепить и отстаивать которые можно и должно было, опираясь на ЦДУ и поддержку зарубежных единоверцев, – не только не совпадали с интересами государства, но и шли вразрез с его внутри- и внешнеполитическими интересами.

Кроме того, отстаивание идеи неделимости Турции как «государства-хранителя ислама», поддержка идеи халифатизма и турецких национальных движений, активное влияние высших религиозных органов мусульман России на происходящие в стране и мире процессы – все это при реальном воплощении идей М.Бигиева расширяло рамки активности «мусульманских наций» до масштабов вмешательства в складывавшуюся систему государственно-правовых отношений, внешнеполитических приоритетов Советской России, в порядок взаимодействия «власть – общество», «власть – религиозные институты». Это, естественно, не могло найти поддержки у властей: поэтому был невозможен его выезд в 1923 году в Калькутту. Не исключено, что одной из причин ареста было стремление богослова выехать на данное мероприятие.

Поэтому на первый взгляд кажется совершенно нелогичным приезд М. Бигиева в качестве члена официальной делегации на Мекканский конгресс 1926 года. Как значилось в протоколах Конгресса: в работе десятого заседания, в воскресенье, 27 июня 1926 года впервые присутствовал, кроме прочих лиц, «Муса Бигиев, новый русский делегат, присоединившийся к русской делегации» [14].

Попытаемся ответить на вопрос: почему это стало возможным? По нашему мнению, сыграли свою роль изменение общественных взглядов самого Бигиева и жесткая позиция государственных органов. Действительно, после ареста 1923 года М.Бигиев старательно избегал открытых заявлений и публикаций в духе халифатизма, поддержки Турции. В отношении российского муфтията, его взаимодействия с обществом и государством М.Бигиев занимал позицию «модернистов», призывавших к сотрудничеству с Советами и невмешательству в политическую сферу, что вполне соответствовало интересам Советской России [1].

Анализируя возможности для активизации внешнеполитических усилий лидерами мусульманского мира России в этот период, отметим, что они были весьма ограничены, в особенности во второй половине 1920-х годов. Эти ограничения проистекали из закономерного (с точки зрения логики становления советского государства) усиления влияния государственной партии, в том числе и на на-

³ Исхаков (Исхаки) Гаяз (Мухамметгаяз) (1878–1954) – писатель, журналист, деятель татарского национального движения. С 1918 года находился в эмиграции, в рассматриваемый период, вероятно, проживал в Германии.

⁴ Это был один из представителей крупного клана казанских купцов, предпринимателей, религиозных и общественных деятелей Апанаевых: Мухаммадбадретдин Абдулкаримович (1867 – после 1937) или Абдулла Мухамметосупович (1873–1937).

⁵ Возможно, речь идет о крупном симбирском татарском промышленнике Ибрагиме Курамшевиче Акчуруне (1859–1933).

⁶ К сожалению, мы можем только предполагать о ком идет речь: в источнике нет указания на конкретное лицо.

⁷ Имеются в виду «Обращение к Великому Национальному Собранию Турции» и «Воззвание к мусульманским нациям» [Опубликованы: 12, 13].

правления, формы и методы публичной дипломатии. Очевидно, что участие в серьезных международных мероприятиях было возможно только при демонстрации явной лояльности, нахождении компромисса между крайними высказываниями, гибкости, что мы и видим на примере перипетий жизненного пути Мусы Джаруллаха Бигиева.

Свою негативную роль также сыграло смешение понятий и не всегда корректная оценка усилий части российской мусульманской национально-религиозной элиты чиновниками и аналитиками ВО ОГПУ. Заблуждением (вольным или невольным) является однозначная оценка усилий ряда мусульманских лидеров, к примеру, того же М.Бигиева по сохранению национально-культурного наследия, модернизации «российского» ислама, привлечения внимания мировой общественности к положению мусульман в Советской России как «панисламизма», угрожавшего внутри- и внешнеполитическим интересам страны.

Список использованных источников

1. Ислам и советское государство. Вып. 1: (по материалам Восточного отд. ОГПУ. 1926 г.) / вступ.ст., сост. и коммент. Д.Ю.Арапова и Г.Г.Косача. М.: Изд.дом Марджани, 2010.
2. «Совершенно Секретно»: Лубянка Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т.1. Ч.2. М., 2001 [электронный ресурс – <http://istmat.info/node/24550>, дата обращения: 12 октября 2014].
3. РГАСПИ. Ф.89. Оп.4. Д.117.
4. ЦА ФСБ РФ. Ф.2. Оп.1. Д.662.
5. Гёрмез М. Муса Джаруллах Бигиев / пер с тур. А.Г. Хайрутдинова. Анкара, 1994.
6. Гусева Ю.Н. «Исламская политика» советского государства и голод начала 1920-х гг. в Поволжье: неизвестные страницы деятельности Комиссии Центрального Духовного Управления мусульман по борьбе с голодом // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. Т.15. №1. С. 79–83.
7. ГА РФ. Ф.Р1064. Оп.5. Д.193.
8. Гайнетдинов Р.Б. Тюрко-татарская эмиграция: начало XX века – 30-е годы: Исторический очерк. Наб.Челны: Камский изд.дом, 1997.
9. ЦА ФСБ РФ. Ф.2. Оп.1. Д.662.
10. ЦА ФСБ РФ. Ф.2. Оп.1. Д.731.
11. ЦА ФСБ РФ. Ф.2. Оп.1. Д.656.
12. Муса Джаруллах Бигиев. Избранные труды. В 2-х т. Т.2 / сост. и пер. с осман. А.Хайрутдинова. Казань: Тат.книж.изд-во, 2006.
13. Муса Джаруллах Бигиев. Избранные труды. В 2-х т. Т.1 / сост. и пер. с осман. А.Хайрутдинова. Казань: Тат.книж.изд-во, 2005. 336 с.
14. Романенко В.С. Сотрудничество советской дипломатии и мусульманского духовенства СССР в 20-е годы XX века: Научно-исторический очерк. Н. Новгород: Изд-во: НИМ «Махинур», 2005.

Л.М. Исaeв

ИСТОКИ НОВОЙ ИРАКСКОЙ ВОЙНЫ

L. M. Isaev

THE ORIGIN OF THE NEW IRAQ WAR

Аннотация: В своих лекциях по философии истории Гегель писал: «...ислам уже давно сошел со всемирной исторической арены и вновь возвратился к восточному покою и неподвижности»¹. Спустя сто лет, в начале XX века, ему вторил лидер алжирских улемов реформаторов Абд аль-Хамид Бен Бадис: «Мечтам о возрождении халифата не суждено сбыться уже никогда, и мусульмане, даст бог, поймут это»². Вероятно, для того времени эта мысль была вполне справедлива, однако сегодня на фоне происходящих на Ближнем Востоке событий вряд ли правомерно говорить об исламской религии в терминах «покоя» и «неподвижности».

¹ Гегель Г.В.Ф. Философия истории. Сочинения. Т. 8. М., 1935. С. 339.

² Цит. по: Левин З.И. Ислам и национализм в странах зарубежного Востока: идейный аспект. М., 1988. С. 67.

Abstract: In his lectures on the philosophy of history, Hegel wrote: "... Islam has long disappeared from the world stage of history and once again returned to the eastern peace and stillness." One hundred years later, at the beginning of the XX century, he was revoked by the leader of the Algerian Ulem reformers' Abd al-Hamid Ben Badis, "the dream of reviving the Caliphate will never come true, and Muslims, it's Allah will, will understand this." Probably, at that time the idea was quite fair, but today, against the background of the events in the Middle East is unlikely to be correct referring to Islam in terms of "peace" and "stillness".

Ключевые слова: Ближний Восток, Исламское государство, исламское возрождение, процессы регионального развития, аль-Каида, Ирак, Сирия

Key words: Middle East, Islamic state, Islamic revival, regional development, al-Qaeda, Iraq, Syria.

Поистине, Аллах не меняет того, что с людьми,
пока они сами не переменят того, что с ними (Коран, 13:11)³

Не вызывает никакого сомнения, что ситуация, сложившаяся в регионе Ближнего Востока, беспрецедентна: террористическая группировка создает свое собственное государство со всеми присущими ему атрибутами, которое со временем лишь расширяет свои границы. Причем произошло это в тот момент, когда тупиковость проекта политического реформирования на основе политического исламизма отчетливо проявила себя в целом ряде арабских стран – прежде всего в Египте, Тунисе, Сирии, Йемене, а еще ранее – в Судане. Здесь будет важно отметить трансформацию самого названия той структуры, которая на сегодняшний день именуется «Исламским государством» (ИГ). У ее истоков стоит бывшая ячейка «аль-Каиды» – «аль-Каида в Междуречье», на смену ей приходит «аль-Каида в Ираке», затем «Исламское государство в Ираке и Леванте» (ИГИЛ)⁴, а уже в начале лета 2014 года группировка получает свое нынешнее название – «Исламское государство», отказываясь, тем самым, от какой бы то ни было политико-географической привязанности. Идеи эти далеко не новы и во многом, пусть и в модифицированном плане, опираются на опыт приверженцев панисламизма начала и середины XX века. В 1980 г. в печатном рупоре египетских «Братьев-мусульман» – журнале «ад-Даваа» (*призыв*) – настойчиво проводилась мысль о необходимости «превращения XV века хиджры [XX века. – И.Л.] в век «победы ислама», объединения мусульманских народов, представляющих «единую нацию», в границах одного государства»⁵. Другое дело, что границы этого государства никогда не отличались своей четкостью. Вообще, панисламистам всегда было свойственно противопоставлять «региональной узости» националистической концепции универсальность, интернациональный дух мусульманского братства. На практике это всегда скрывало «гегемонистические устремления»⁶, как писала российская исследовательница в области исламской философии Мариэтта Степанянц, правящих кругов отдельных стран, что прослеживалось и в Османской Турции, и в Саудовской Аравии, и среди идей отцов-основателей Исламской Республики Пакистан, и, наконец, ясно демонстрируется лидерами «Исламского государства».

У ИСТОКОВ

Несмотря на немалый объем всего, что писалось и говорилось об «Исламском государстве», причины его возникновения на иракской территории раскрыты недостаточно. А выявить их необходимо не только для восстановления исторических реалий, но и потому, что сегодняшнее положение Ирака является в значительной мере результатом не только самого вторжения, но и его мотивов, оказавших серьезнейшее воздействие, в том числе и на внутреннее соотношение политических сил. Широко известно о существовавшей годами непримиримой вражде между баасистским режимом и «аль-Каидой», как и крайне враждебном отношении Саддама Хусейна и его соратников к исламистам вообще, будь то шиитского или суннитского толка, а также взаимной личной вражды между Саддамом Хусейном и Усамой бен Ладеном. А потому до начала оккупации Ирака в 2003 году никаких подразделений «аль-Каиды» в Ираке не было, но с приходом американских войск они там появились,

³ При цитировании Корана здесь и далее указываются номера сур и аятов по русскому переводу И.Ю. Крачковского (Коран. М., 1963).

⁴ На арабском языке слову «Левант» в названии ИГИЛ соответствует термин «аш-шам», означающий в смысловом плане то, что принято называть «Великой Сирией» – территорию современной Сирии, Ливана, Иордании и Палестины.

⁵ Степанянц М.Т. Мусульманские концепции в философии и политике: XIX–XX вв. М., 1982. С. 124.

⁶ Там же. С. 125.

причем в начальной фазе операции против баасистского режима они активно боролись как против войск коалиции, так и против структур иракского режима.

Здесь необходимо вспомнить мотивы американского вторжения в Ирак в 2003 году. Как пишет российский арабист Константин Труевцев, их нужно искать «вовсе не в стремлении США захватить иракскую нефть и не в стремлении перековать и демократизировать Ближний Восток... но в обещании, данном президентом Дж. Бушем (младшим) американскому народу после известных событий 11 сентября 2001 года. В этом обещании он заявил, что Соединенные Штаты дадут бой «аль-Каиде», причем этот бой будет дан не на территории США, а далеко от ее границ»⁷. Ведь официальная формулировка вторжения сил коалиции в Ирак содержала не только утверждение о наличии у баасистского режима химического оружия, но и упоминание о контактах между режимом Хуссейна и «аль-Каидой». Так, в Совместном постановлении обеих палат Конгресса США от 2 октября 2002 года прямо говорилось о том, что Ирак представляет угрозу Соединенным Штатам и региону Персидского залива не только потому, что обладает химическим и биологическим оружием, но и ввиду того, что «поддерживает и укрывает на своей территории террористические организации... в том числе и представителей «аль-Каиды»⁸. Этот же документ поручал принять меры «в отношении международных террористов и террористических организаций, включая те нации, организации или лица, которые планировали... террористические атаки 11 сентября 2001 года или укрывал их»⁹.

В соответствии с этим обещанием войска руководимой США коалиции вошли в Афганистан в конце 2001 года, и уже в январе 2002 года с режимом талибов, связанным с «аль-Каидой», было покончено. Однако талибы и ударные силы «аль-Каиды» во главе с Усамой бен Ладеном продолжали успешную партизанскую войну, базирясь в труднодоступных районах Вазиристана и Белуджистана, и «выбить» их из этой горной местности оказалось американцам не под силу.

Весь ход экспедиции в Ирак позволяет сделать вывод о том, что Соединенные Штаты намеренно разрушили иракский режим для того, чтобы превратить страну в полигон основного противоборства с «аль-Каидой», что вовсе не исключает и того, что они, тем самым, убивали двух зайцев: уничтожали неприемлемый для арабских и иранских соседей и, как показали события, для значительного числа самих иракцев, диктаторский режим, одновременно провоцировали «аль-Каиду» к приходу на территорию, где она стала бы сражаться в крайне невыгодных для себя условиях.

Действительно, если говорить об условиях, то в отличие от Афганистана, где «аль-Каида» действовала в сложных горных условиях, с хорошо знакомыми сочувствовавшими ей местными жителями (да и сами бойцы «аль-Каиды» за долгие годы постоянных военных действий достаточно хорошо знали гористую местность Вазиристана), в Ираке эта международная террористическая организация столкнулась с совершенно иной ситуацией.

Иначе говоря, американский спецназ действительно серьезным образом обрушил в Ираке структуры исламских радикалов в целом ряде арабских стран и нанес тем самым серьезный урон «аль-Каиде». Однако превращение Ирака в арену борьбы оккупационных войск с баасистскими структурами и «аль-Каидой» серьезно отражалось на положении местного населения, у которого естественный дискомфорт от иностранной оккупации соответствующим образом усугублялся многочисленными жертвами среди местных жителей. Дело осложнялось еще и тем, что противоречия, которые были порождены рухнувшим режимом, но жестко подавлялись им, вышли наружу, как только эти жесткие правила перестали действовать.

ДЕЛА «ДОМАШНИЕ»

Этноконфессиональная вражда в Ираке между курдами, шиитами и суннитами, пребывавшая во времена Саддама Хуссейна в латентном состоянии, вылилась наружу после 2003 г. с той, однако, разницей, что слабой стороной в этом противостоянии теперь стали не курды и не шииты, а иракские арабы-сунниты, среди которых всегда выделялась прослойка наиболее образованного, интеллектуально развитого и секуляризированного населения. Во многом это объясняет стремительное распространение «Исламского государства» именно по северо-западной части Ирака с преимущественно

⁷ Труевцев К.М. Ирак после диктатуры: девять трудных лет // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабский мир после Арабской весны / отв. ред. А.В. Коротаев, Л.М. Исаев, А.Р. Шишкина. М., 2013. С. 115.

⁸ Joint Resolution to Authorize the Use of United States Armed Forces Against Iraq // WhiteHouse, 02.10.2002.URL: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2002/10/20021002-2.html>.

⁹ Ibid.

суннитским населением, принимавшим экстремистов из ИГ как освободителей от неугодного шиитского режима, проводившего люстрационную политику в отношении суннитов. Всего за несколько месяцев боевикам из «Исламского государства» удалось взять под контроль территорию «суннитского треугольника» в Ираке и три провинции в Сирии – Ракка, аль-Хасака и Дейр аз-Зуур – с суммарной численностью населения около 10 млн человек.

Однако справедливости ради следует все же отметить, что нынешнее развитие этноконфессиональных противоречий в Ираке не является целиком результатом крушения баасистского режима и иностранной оккупации, а имеет более глубокие исторические корни, заложенные с момента существования современной иракской государственности. Ирак в его нынешних границах был создан в 1920 г. путем объединения трех бывших вилайетов Османской империи – Багдада, Басры и Мосула, причем «население последнего было в своем подавляющем большинстве шиитским, население Багдада – поликонфессиональным, с небольшим преобладанием суннитов, но, так же как и на юге, в вилайете Басра, преимущественно арабским, а в Мосульском вилайете население было чрезвычайно полиэтническим, с преобладанием в северной его части, по линии Эрбиль – Киркук – Сулеймания, курдского населения»¹⁰.

Хашимитское королевство, установленное в условиях британского мандата, где на троне оказался сын шерифа Мекки и родной брат иорданского короля, можно было в его истоках считать не менее «искусственным образованием», чем, как полагали некоторые арабские историки, таковым являлась Иордания¹¹.

Народные восстания, которые сотрясали королевство в период между двумя мировыми войнами, носили, как правило, не только классовый, но и конфессиональный оттенок, поскольку основными их участниками являлись шиитские массы.

Курдское национальное движение дало о себе знать в полной мере уже перед Второй мировой войной, когда под руководством его лидера Мустафы Барзани в 1931–1932 гг. произошло первое крупное восстание курдов. Второе крупное выступление курдов имело место в 1943 г. После этого курдское национальное движение давало о себе знать и после свержения королевского режима в 1959 г.

Все это говорит о том, что этноконфессиональные противоречия в Ираке были перманентными факторами внутривнутриполитической ситуации на протяжении всей его независимой истории, и, несмотря на все попытки их разрешения, в лучшем случае конфликт удавалось лишь на время приглушить. То же самое касалось и Саддама Хуссейна, которому, пусть и далеко не самыми гуманными методами, удалось лишь перевести межконфессиональный и межэтнический конфликт в тлеющее состояние, но никак не разрешить его. После свержения саддамовского режима зревшие на протяжении десятилетий противоречия вспыхнули вновь, как это уже происходило в стране и ранее с той лишь разницей, что в современном Ираке уже не оказалось личности, способной обуздать эту угрозу, ставящую под сомнение сам факт существования государства в его настоящих границах.

Политика, проводимая Временным коалиционным правительством (ВКП), а после шиитским правительством Ирака только усугубила и без того непростую ситуацию в стране. Уже в мае 2003 г. ВКП под руководством Пола Бремера приняло два закона, положивших начало политике «дебаасизации» страны: «О “дебаасизации” иракского общества» и «О ликвидации государственных структур». Первый из них фактически провозгласил курс на проведение чисток в среде политической элиты страны и гражданского общества. Вторым стал отправной точкой процесса ликвидации спецслужб, а также полицейских и военных структур Ирака, существовавших при Саддаме Хуссейне.

В августе 2003 г. политика «дебаасизации» приобрела свое институциональное оформление в виде Высшей национальной комиссии по «дебаасизации», деятельность которой приобрело особый размах во время правления кабинета Ибрагима аль-Джафари. «Дебаасизация» в это время достигла своей кульминации, что на практике вылилось в три ключевых для суннитского населения события: тотальное отстранение от участия во всеобщих выборах в декабре 2005 г. кандидатов от суннитских политических партий, деятельности Иракского верховного трибунала и принятии в 2005 г. новой конституции Ирака. Ее статья 7 объявляла партию «Баас» запрещенной. А в статье 134 (п. 3), устанавливающей требования для членов Президентского совета страны, пресекается возможность занятия ука-

¹⁰ Труевцев К.М. Ирак после диктатуры: девять трудных лет // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабский мир после Арабской весны / отв. ред. А.В. Коротаев, Л.М. Исаев, А.Р. Шишкина. М., 2013. С. 107.

¹¹ Там же. С. 108.

занной должности лицам, входившим в состав партии «Баас» в течение последних десяти лет ее существования.

Наконец, позиция, которой с первых дней своего премьерства придерживался Нури аль-Малики, занимавший до этого должность заместителя председателя Высшей национальной комиссии по «дебаасизации», направленная на продолжение преследования суннитского меньшинства и недопущения увеличения суннитского представительства в правительстве, заложила основы политического процесса в постсаддамовском Ираке в таком виде, что сунниты предпочли ей жизнь в «Исламском государстве». Таким образом, за последние десять лет проводимая иракским правительством политика «дебаасизации», стала устойчиво ассоциироваться у суннитского населения с «десуннификацией» жителей Ирака. Именно этим можно объяснить стремительное продвижение ИГИЛ по суннитским районам Ирака, где местное население не то что противостояло ему, но, напротив, встречало их как освободителей. Не случайно основу армии «Исламского государства» составляют сунниты, скрывающиеся от преследования со стороны новых иракских властей по подозрению в связях с баасистским режимом. А две ключевые фигуры во властной номенклатуре ИГ – Абу Али аль-Анбари, наместник аль-Багдади в Сирии, и Абу Муслим ат-Туркмани, наместник халифа в Ираке, – являются представителями офицерского состава бывшей иракской армии времен Саддама Хуссейна.

«НАША СИЛА – В ИХ СЛАБОСТИ»

В середине XX века египетский общественно-политический деятель и один из идеологов движения «Братья-мусульмане» Сайид Кутб в своей книге «Ислам: непонятая религия» обращал внимание на возможность игры на противоречиях как серьезного оружия в руках мусульман. «Прекрасное географическое положение мусульманских государств – посередине между старым и новым миром – позволит им регулировать баланс сил... Тогда они будут поддерживать ту или иную сторону, руководствуясь собственными коллективными интересами, а не стремлением услужить восточному или западному империализму»¹².

Ведь, несмотря на наличие весьма квалифицированных (по арабским меркам) офицеров в рядах ИГ, вряд ли стоит преувеличивать военную мощь и потенциал «Исламского государства»: насчитывающая по разным оценкам около 10 тыс. человек армия ИГ вряд ли может считаться серьезной военизированной группировкой, особенно учитывая факт отсутствия у нее тяжелого вооружения. Успех исламистского проекта, скорее, стоит искать не столько в военной силе ИГ, сколько в слабости его противников, вызванном глубоким кризисом международных отношений на Ближнем Востоке, после событий «арабской весны». Иными словами, «Исламское государство» оказалось в нужном месте в нужное время.

«Арабская весна», будучи явлением всеобъемлющем в региональном масштабе, несомненно, стала переломным моментом не только в социально-политическом развитии арабских стран, но и в части налаживания межгосударственных отношений на Ближнем Востоке¹³. В какой-то степени предшествующий «арабской весне» 2010 г. можно считать кульминационной точкой в деле сотрудничества между странами региона. Несмотря на огромное количество взаимных претензий, предъявляемых региональными игроками в отношении друг друга, все же зрело осознание необходимости более тесного взаимодействия для решения вопросов коллективной безопасности на Ближнем Востоке. В связи с этим примечательным выглядит идея создания «Арабской добрососедской зоны», высказанной тогдашним генеральным секретарем Лиги арабских государств (ЛАГ) Амр Муссой на Сиртском саммите организации в марте 2010 г.¹⁴. По его мнению, подобный подход мог бы упростить механизмы регионального взаимодействия между арабским миром и окружающими его государствами. Активное участие в работе саммита принял и премьер-министр Турции Тайип Реджеп Эрдоган, чье присутствие на арабских встречах в верхах стало носить постоянный характер. Активно поднимался и вопрос о включении в «Арабскую добрососедскую зону» и Ирана, что уже можно было считать большим шагом на пути иранской «интеграции» в арабский мир.

Однако данной концепции так и не суждено было сбыться: уже следующая встреча на высшем уровне, запланированная на март 2011 г. в Багдаде была перенесена на год, а ЛАГ пошла по пути

¹² Qutb M. Islam: The Misunderstood Religion. Delhi, 1968. P. 45.

¹³ См., например: Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабский мир после Арабской весны / отв. ред. А.В. Коротаев, Л.М. Исаев, А.Р. Шишкина. М., 2014.

¹⁴ Подробнее см.: Исаев Л.М. Саммиты ЛАГ: (не) время для споров // Азия и Африка сегодня. 2010. №9. С. 46–50.

дезинтеграции, взяв на вооружение политику приостановления участия в ее саммитах государств-членов, которая затронула сперва Ливию, а потом и Сирию. Арабские правительства оказались занятыми своими внутренними проблемами, а отношения между странами региона могли в течение пары лет измениться до неузнаваемости. В этом отношении весьма красноречивым выглядит пример Турции, чья политическая система стала чуть ли не идеалом для египтян после «революции 25 января», а визит Эрдогана летом 2011 г. вызвал ажиотаж в среде каирской молодежи. Однако, начиная с «революции 30 июня», образ Турции в стране фараонов начал стремительно демонизироваться, достигнув своего апогея в конце 2013 г., когда турецкий посол в Каире был выдворен из страны по обвинению во вмешательстве во внутренние дела государства.

Тем не менее за последние четыре года произошли два события, заложившие основы глубокого кризиса межгосударственных отношений на Ближнем Востоке: конфликт в Сирии и коллективная обструкция стран Персидского залива в отношении Катара. Первое не только разделило государства региона на сторонников и противников президента Башара аль-Асада, но, по сути, исключило саму возможность диалога с действующим сирийским режимом не только по вопросу урегулирования конфликта в Сирии, но и по выработке совместных способов противостояния «Исламскому государству». Сейчас уже невозможно представить себе ситуацию, при которой Сирия могла бы оказаться за одним столом переговоров с такими ключевыми игроками, отвечающими за безопасность в регионе, как Турция или Саудовская Аравия. А ведь исключение Сирии, где почти треть территории контролируется ИГ, из международной коалиции ставит крест на успешности этой операции.

Так и не сдвинулась с мертвой точки иранская «интеграция» в арабский мир, а отношения между шиитским правительством Нури аль-Малики в Ираке и странами Персидского залива продолжали оставаться крайне натянутыми вплоть до отставки первого летом 2014 г. При этом невозможно переоценить влияние, оказываемое Тегераном на ход политического процесса и в Ираке, и в Сирии, и в Ливане и его заинтересованность в нем.

Наконец, конфликт внутри самой «аравийской шестерки», казавшейся неким единым и нерушимым целым, лишь подлил масла в огонь, усугубив и без того непростую ситуацию в регионе¹⁵. Конечно, Эр-Рияду не составит труда усмирить амбиции Доху. Однако сам факт финансирования Катаром «Братьев-мусульман» по всему миру от Марокко до Ирака уже дал свои плоды. И если в странах Магриба и Йемене проект политического реформирования на основе политического исламизма зашел в тупик, то в Ираке и Сирии он лишь набирает свои обороты, в чем далеко не последнюю роль сыграло то содействие, которое государства Персидского залива на протяжении последних четырех лет оказывали т.н. повстанческим группировкам. И далеко не факт, что правящая династия ас-Саудов сумеет оказаться в ближайшее время вне процессов политической турбулентности, связанных с герантократией правящей верхушки, а также нестабильной ситуацией как внутри страны, так и на ее границах¹⁶.

Все это создало крайне благоприятную основу для появления и дальнейшего распространения ИГ на территории Ирака и Сирии. Противники «Исламского государства» действуют крайне не согласованно и подчас вынуждены противостоять друг другу. Самый яркий тому пример – нежелание ни одной страны из коалиции начинать наземную операцию против «Исламского государства», но в то же время стремящихся подтолкнуть на это кого-то из своих союзников. Запад, равно как и его союзники в регионе, продолжает оказывать финансовое и военное содействие силам, ведущим борьбу с Башаром аль-Асадом, даже не подозревая о том, что большая их часть отправится прямо в руки аль-Багдади и его сподвижников.

* * *

Во второй половине XX века преобладающей точкой зрения являлось представление о том, что религиозные концепции уже выполнили свою функцию, пробудив мусульманские народы в начале и середине прошлого века, сплотив их в борьбе против «иноземного гнета». Их последующее преобладание в общественно-политической жизни исламских стран рассматривалось с позиции «отвлечения внимания масс от решения коренных и политических задач... В свою очередь, социально-экономи-

¹⁵ Подробнее см.: Коротаев А.В., Исаев Л.М. Анатомия египетской контрреволюции // Мировая экономика и международные отношения. 2014. №8. С. 91–100.

¹⁶ Подробнее см.: Труевцев К.М. Сирийский урок // Неприкосновенный запас. 2014. №1. С. 132–143.

ческий и культурный прогресс неизбежно влечет рост секуляристских тенденций»¹⁷. А «утрату религиозности», по мнению одного из наиболее ярких ливанских философов и политиков XX века, председателя Генеральной Ассамблеи ООН Шарля Малика, мусульмане неизбежно будут компенсировать, обращаясь к «интеллектуальному наследию Запада»¹⁸. Однако потенциал возрожденческих тенденций в мусульманском мире оказался далеко не исчерпанным, подтверждением чему является «Исламское государство».

При этом ошибочно было бы ассоциировать ИГ с шайкой боевиков, без разбора режущих головы иностранных журналистов, транслируя это на весь мир. На сегодняшний день «Исламское государство» – единственный «удачный проект» в регионе, мощнейшая структура, которая, в отличие от своих «коллег по цеху», воюющих против того же аль-Асада, смогла создать самое что ни на есть полноценное государство со своими границами, армией, структурой политической власти, бюджетом и, самое главное, населением его поддерживающим. Это уже далеко не полумифическая «аль-Каида», скрывающаяся где-то в горах Вазиристана и Белуджистана и осуществляющая свои вылазки на разных континентах, а объективная реальность XXI века на политической карте Ближнего Востока, создавшая свою *дар аль-ислам* (пер. с араб. – землю ислама) и ведущая войну с неверными. «Исламское государство» стало на сегодняшний день крайне заманчивой альтернативой для тысяч мусульман по всему миру, грезящих идеями исламского возрождения, и связи с этим ключевое значение имеет «консолидирующая» роль ислама в успехе ИГ, ведь именно в нем, как об этом высокопарно говорилось еще в Национальной хартии Алжира, мусульмане «черпали моральную и духовную силу, которые предохраняли его от отчаяния»¹⁹.

Феномен «Исламского государства» в очередной раз напомнил нам о преждевременности вычеркивания ислама со страниц всемирной истории. А идеи возрождения исламского халифата оказались весьма живучими, на деле продемонстрировав свой немалый потенциал. Как справедливо отметил известный индийский политический деятель и один из председателей Индийского национального конгресса Абул Калам Азад, «религия – это сила, которую нельзя подогнать под какие-либо рамки... Религия подобна мощному паровому двигателю, требующему квалифицированного и осторожного управления. В руках недостойных он может привести к ужасному бедствию. К нашему крупнейшему несчастью, религия попала в недостойные руки. Последние превратили ее в противоположность, и я не знаю, куда мы теперь идем»²⁰.

¹⁷ Степанянц М.Т. Мусульманские концепции в философии и политике: XIX–XX вв. М., 1982. С. 221.

¹⁸ Цит. по: История философии. М, 1959. С. 245.

¹⁹ Национальная хартия Алжирской Народной Демократической Республики 1976 года. М., 1979. С. 31.

²⁰ Desai M. Maulana Abul Kalam Azad. A Biographical Memoir. Agra, 1946. P. 83.

Н.Х. Кашаев

О ПЕРСПЕКТИВАХ ИСЛАМСКОГО БАНКИНГА В РОССИИ

N.Kh. Kashaev

ABOUT THE PROSPECTS OF ISLAMIC BANKING IN RUSSIA

Аннотация: Статья посвящена принципам функционирования исламской экономической модели, основным финансовым инструментам исламского банкинга, а также перспективам ее развития на территории России и стран СНГ. Изучение данных принципов и механизмов их деятельности, позволит реализовать эффективное и взаимовыгодное сотрудничество в рамках Евразийского экономического союза.

Abstract: The article is devoted to the principles of the Islamic economic model, the main financial instruments of Islamic banking, as well as the prospects for its development in Russia and CIS countries. The study of these principles and mechanisms of their activity, will implement effective and mutually beneficial cooperation in the framework of the Eurasian economic Union.

Ключевые слова: Коран; Шариат; Исламская экономическая модель; Исламский банкинг; Евразийский экономический союз; СНГ.

Key words: The Quran; Sharia law; Islamic economic model; Islamic banking; the Eurasian economic Union; CIS.

Мировой финансовый кризис и последовавшие за событиями на Украине экономические санкции, включая возможности ухода MasterCard и Visa из России, блокирование традиционной банковской платежной системы SWIFT, наглядно продемонстрировали необходимость поиска альтернативных вариантов для создания единой платежной системы стран Евразийского экономического союза, государства-участники которого перестанут зависеть от иностранных платежных систем и смогут обезопасить финансовые институты ЕАЭС. Одним из таких вариантов является исламский банкинг.

Эксперты говорят о том, что ислам не устанавливает никакой экономической системы, однако воздействует на экономику путем внедрения в нее религиозной морали, призванной регулировать отношения между людьми¹.

Учение гласит, что человек – не собственник имущества, будь то денежные средства, товары, недвижимость, идеи, ценный опыт, а лишь временный поверенный Аллаха по распоряжению этим ресурсом. Этот ресурс должен работать, не обращаться в сокровище и не направляться на спекулятивные операции. Богатство, доверенное человеку, должно разумно тратиться на благо всего общества, в том числе на обеспечение материального вознаграждения поверенному, а также для создания реальной добавленной стоимости, увеличения количества и качества товаров и услуг, а не приращения денежной массы.

Теоретическая основа исламской экономики охватывает все сферы хозяйственной деятельности, начиная с частных интересов индивида и заканчивая проблемами международного уровня. Практически исламская экономика применима и реализуема в первую очередь в обществе, где имеется законодательная, политическая, социальная базы, претворяющие в жизнь нормы Шариата. При этом не следует умалять роль отдельных исламских структур, функционирующих во немусульманской среде. Ярким примером служат исламские банки, финансовые институты, торговые предприятия, занимающих прочное место в современных рыночных отношениях западных стран. Рассмотрение идеи применения исламских инструментов для управления и организации банковско-финансовой сферы как противовеса западным финансовым учреждениям связано с общим подъемом ислама, его возрождением в новых исторических условиях.

Исламские банки завоевали устойчивые позиции как в Пакистане, Иране, Малайзии, так и в немусульманских странах – Великобритании, Дании, Филиппинах, где мусульмане в меньшинстве. Примерный объем активов, управляемых по исламским принципам, составляет от 50 до 100 млрд долларов США. Мировая исламская финансовая система включает в себя 4 исламские банковские холдинговые компании, около 100 исламских коммерческих банков, 16 исламских инвестиционных банков, 34 исламские финансовые и инвестиционные компании, около 30 исламских страховых компаний и перестраховочных обществ, 10 компаний по доверительному управлению, 8 крупных исламских международных торговых компаний, 8 брокерских компаний, 6 исламских специализированных лизинговых компаний и 4 дисконтных дома. Кроме того, исламские финансовые инструменты используются более чем в 200 финансовых учреждениях во всем мире. Также в структуру исламской экономики входят многочисленные исламские страховые ассоциации и союзы, консалтинговые и рекрутинговые фирмы, бухгалтерские организации, аудиторские и юридические компании. В настоящее время множество крупных западных банков (ABN Amro, Citibank, Société Générale, Goldman Sachs, Nomura Securities и другие) имеют отделы, специальные подразделения, предоставляющие клиентам исламскую финансовую продукцию².

Анализируя труды об исламской экономике, можно отметить, как минимум, три существующих среди мусульманских исследователей подхода к проблеме создания соответствующей исламу хозяйственной системы.

Так называемые «консерваторы» считают, что в Коране и сунне исчерпывающим образом сформулированы основные экономические законы, и нет необходимости разрабатывать специальную систему исламской экономики, создавать специализированные институты и учреждения в качестве альтернативы современным финансовым структурам.

Ко второй группе относят преимущественно теологов и правоведов-традиционалистов. Исламская экономика для них, как, к примеру, фикх (мусульманское право), – одна из исламских наук. Утверждается, что исламская экономика – для мусульман, а учение о ней не выходит за рамки мусульманских богословско-правовых теорий.

¹ Национальная хартия Алжирской Народной Демократической Республики 1976 года. М., 1979. С. 31.

² Desai M. Maulana Abul Kalam Azad. A Biographical Memoir. Agra, 1946. P. 83.

Для ученых третьей группы исламская экономика – это одно из течений мировой экономической мысли. В рамках данной группы можно выделить тех, кто изучает исламскую экономику в качестве альтернативы капиталистической экономики, так и тех, кто разделяет более умеренные взгляды и изучает исламскую экономическую модель через призму традиционной экономической науки.

Сторонники альтернативности исламской экономической модели отмечают, что в ней преодолеваются минусы капиталистической и социалистической систем хозяйствования³. Однако нельзя отрицать наличия у исламской экономической модели общих черт как с капиталистической, так и с социалистической экономикой. Но в отличие от капитализма и социализма исламская экономика – изначально международное явление, не привязанное ни к одному государству.

Главной задачей исламской экономики является реализация моральных ценностей, которые имеют универсальный, общечеловеческий характер. Большое внимание уделяется как сугубо экономическим, так и проблемам этики.

Анализируя достоинства и недостатки исламской экономики, некоторые ученые считают, что определение «исламский» сужает сферу распространения исламской экономической модели в немусульманских странах. Исламская экономика должна быть обращена не только к мусульманам, а ко всему человечеству.

Для более полного раскрытия специфики отметим основные черты, характерные для исламской экономики:

1. Отсутствие ссудного процента – основное отличие исламских финансов от традиционных. Таким образом, исламскими экономистами отдается предпочтение разумной категории «эффективности капитала», вместо такого явления, как «цена денег», характерного для традиционной экономики и подверженного огромному числу субъективных, зачастую сугубо спекулятивных воздействий.

2. Стабильность. Исламская финансовая структура занимается не виртуальными денежными потоками, а инвестициями в реальное производство, что позволяет избежать дефолтов и финансовых кризисов.

3. Акцент на товары первой необходимости и базовые услуги при кредитовании отраслей экономики.

4. Предпочтение отдается долгосрочному финансированию при разработке инвестиционных проектов, особенно при участии в уставном капитале других предприятий.

5. Поддержка малого бизнеса как важнейшего элемента экономики исламских стран, позволяющего стабильно развиваться всей экономике.

6. Обязательные условия деятельности исламских финансовых структур – благотворительность и социальная ответственность.

7. Исламское финансирование опирается на взвешенную инвестиционную политику, активное финансирование производства, привлекательность банковских услуг.

Исламский банк базирует свою деятельность на специфическом наборе сформулированных шаблатом финансовых инструментов, которые на деле весьма близки традиционным.

Мудароба – доверительное финансирование, где банк выступает либо трастовым управляющим в работе со средствами вкладчиков, либо клиентом, инвестируя в проект, доля дохода которого должна составить прибыль банка, а затем и его вкладчиков.

Мушарака – товарищество или совместная реализация проекта силами банка и предпринимателя. Банк и клиент делят прибыль и ответственность по заранее согласованному плану.

Операция иджара известна как лизинг. Банк покупает необходимый товар (оборудование, недвижимость) и сдает в аренду клиенту с возможностью последующего выкупа. При этом именно банк несет издержки по ремонту, налогам и страхованию. Салам – авансовое финансирование, характерное для аграрного сектора. Мурабаха – финансирование операции, чаще всего торговой, по схеме «издержки банка и наценка», в основном с рассрочкой возмещения. Такафул – страхование, где клиент совместно с банком создает фонд, который задействуется при наступлении страхового случая.

Кард Хасан (беспроцентная ссуда) – предоставление лицу или организации беспроцентной ссуды, возвращаемой в оговоренный срок. Если очевидно, что лицо не сможет вернуть сумму, то деньги могут быть предоставлены в качестве обязательной или добровольной благотворительности. Смысл

³ Салимгареева Ч.Н., Кашаев Н.Х. Проблемы становления исламской банковской системы // Актуальные вопросы науки и образования: тезисы Всероссийской молодежной научно-практической конференции (25–27 апреля 2013 г., г. Уфа) / отв. ред. В.Ю. Гуськов. Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. 858 с.

беспроцентной ссуды состоит в обеспечении равных условий для кредитора и заемщика. Депозитный счет служит для предоставления средств крайне нуждающимся на краткосрочной или долгосрочной основе. Каждый исламский банк должен иметь депозитные счета, на которые состоятельные мусульмане могут вкладывать краткосрочные или долгосрочные депозиты. Таким образом, вкладчик оказывает исключительно общественную услугу на базе кард Хасана.

Байт ал-мал (государственная казна) обеспечивает фонды для удовлетворения общественных потребностей. Источником поступлений здесь являются налоги, взимаемые согласно законодательству уполномоченным органом исламского правительства. Средства могут направляться и на удовлетворение индивидуальных нужд. Преимущество такой гарантии в том, что кредитор не утрачивает стимулы к кредитованию других лиц в будущем.

Государственное казначейство также обладает правом предоставлять ссуды в качестве кредитора последней инстанции при отсутствии других источников. Оно обеспечивает права вдов, сирот, бедных, нуждающихся, больных и инвалидов, удовлетворяя какую-то часть их потребностей.

В Татарстане еще в 1999 г. был принят закон о ваффе, который впоследствии был опротестован как несоответствующий федеральному законодательству РФ. Затем развитие исламских финансов продолжилось поступательно, осторожно, а в 2011г. исламские финансы вновь оказались в центре внимания, более того, издание Islamic Finance News даже признало первую исламскую сделку «Ак-Барс Банк» лучшей в Европе в 2011г. «Ак барс» банк привлёк \$60 млн с внешних рынков в рамках сделки мурабаха⁴. Затем в Казани появились и первые в России исламские страховые полисы.

На российском внутреннем рынке функционируют несколько учреждений, предоставляющих исламские банковские услуги. К таковым относятся: Инвестиционно-финансовая компания «Аш-Шамс Капитал», ОАО АКБ «Экспресс» и ТНВ «Ля-Риба», КПК «Аманат», ООО «ИФК «Линова», ТНВ «Юмарт-Финанс и Ко», ЗАО «Булгар банк», УК «БрокерКредитСервис» – Паевой фонд «БКС – Халляль», ТНВ «Хазина-Финанс и Ко», Филиал «Восток-Капитал» ОАО КБ «Эллипс банк», финансовый дом «Амаль». Для привлечения внешних инвестиций в Казани была создана «Татарстанская международная инвестиционная компания». Ее акционерами стали Исламский банк развития и международные инвесторы из Саудовской Аравии, Кувейта, Бахрейна и Йемена.

В последнее время на российском финансовом рынке проявляется определённый интерес к развитию исламских финансовых услуг, выражающийся, в частности, в появлении институтов, предлагающих соответствующие услуги, рабочих групп, осуществляющих взаимодействие с государственными структурами и подготовку предложений к законопроектам по данной проблеме. Но особенностью ситуации является то, что ни регулирующие органы, ни потенциальные потребители, ни даже потенциальные поставщики обозначенных услуг не имеют достаточного представления относительно специфики и сценария интеграции исламского финансирования в российскую практику, а также рисков, связанных с этим процессом.

Развивать исламский банкинг выгодно также для углубленного сотрудничества со странами в рамках БРИКС, на которые сейчас ориентируется Россия во внешнеэкономической политике, поскольку данные страны уже рассматривают возможность регулирования исламских организаций, а Бразилия уже выпускает исламские продукты. Потенциал рынка исламских финансов для стран СНГ составляет 20 млрд долл., при этом для России порядка 10 млрд долл. Глобальный рынок исламских банковских активов на начало 2014 г. составлял 1,7 трлн долл. Активы исламских финансовых учреждений в мире растут в среднем на 15 % в год, и по доходности они не уступают традиционным активам. В странах, где исламские финансовые институты активно поддерживаются государством, ежегодный рост исламских финансовых активов достигает 30 %.

Интеграция механизмов исламского финансирования в российскую финансовую систему должна осуществляться постепенно, используя различные подходы к решению данной проблемы.

Во-первых, полноценное функционирование исламских финансовых институтов в рамках действующего российского законодательства невозможно. Исходя из этого, включение исламских финансов в стратегические планы развития российской финансовой системы и разработка предложений в части внесения изменений в соответствующие законы, такие как «Стратегия развития банковского сектора», «Концепция создания международного финансового центра», а также изменения или дополне-

⁴ Беккин Р.И. Исламские финансовые институты и инструменты в мусульманских и немусульманских странах: особенности и перспективы развития: автореф дис. ... д-ра экон. наук. М., 2009. С. 7.

ния должны затронуть Гражданский кодекс РФ, Налоговый кодекс РФ, Федеральные законы «О банках и банковской деятельности», «О рынке ценных бумаг» и т.д.⁵

Также можно направить усилия на поиск возможных моделей использования механизмов исламского финансирования в рамках действующих законов. Главный принцип – использование наименее зарегулированных организационно-правовых форм собственности.

Эксперты отмечают, что для работы исламских финансовых организаций в России пока не хватает инфраструктуры: необходимы Шариатский комитет, способный выдавать соответствующее заключение, Шариатский третейский суд (для урегулирования споров), банк или расчётная небанковская кредитная организация и т. д.⁶ Следовательно, создание подобных институтов так же необходимо.

К примеру, Башкортостан наряду с Татарстаном является наиболее перспективным регионом для привлечения исламского финансирования и развития исламского банкинга. Диверсифицированная и развитая экономика региона, наличие существенных углеводородных и определенных золотых запасов, а также современных нефтехимических, высокотехнологичных промышленных производств делают регион привлекательным для внешних инвесторов.

В Татарстане при поддержке Исламского банка развития на базе Российского исламского института был учреждён Российский центр исламской экономики и финансов. По данным исследования, проведенного этим центром, объём исламской экономики в России может составить 60 млрд рублей⁷. Исламский банк развития является международным финансовым институтом, в который входят также шесть стран СНГ: Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения и Узбекистан.

Таким образом, налаживание сотрудничества с Исламским банком развития и другими международными исламскими финансовыми институтами позволило бы открыть реальные перспективы для привлечения в РФ инвестиций и использования в интересах российской экономики других финансовых возможностей банка, а также для продвижения – путём участия в его проектах – российской экспортной продукции в мусульманских странах. Отсюда вытекает необходимость и для России создать регулирующий орган для исламских банков, чтобы легче работать со странами-союзницами в едином экономическом пространстве

Список использованных источников

1. Беккин Р.И. Исламские финансовые институты и инструменты в мусульманских и немусульманских странах: особенности и перспективы развития: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2009. 368с.
2. Жданов Н.В. Исламская концепция миропорядка. М., 2003. 568 с.
3. Кашаев Н.Х. О перспективах исламской экономической модели в России// Ислам и государство в России. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 225-летию Центрального духовного управления мусульман России - Оренбургского магометанского духовного собрания. Уфа, 2013. 288с.
4. Салимгареева Ч.Н., Кашаев Н.Х. Проблемы становления исламской банковской системы // Актуальные вопросы науки и образования: тезисы Всероссийской молодежной научно-практической конференции (25–27 апреля 2013 г., г. Уфа) / отв. ред. В.Ю. Гуськов. Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. 858 с.
5. Шелгунов Р.В. Проблемы и перспективы развития исламских финансов в РФ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.islamnews.ru/news-128551.html> (дата обращения: 17.04.2013).
6. Якупов Л., Шляхтин Д. Обзор российского рынка исламских финансов. [Электронный ресурс]. URL: <http://islamic-finance.ru/board/2-1-0-23> (дата обращения: 16.04.2013).

⁵ Жданов Н.В. Исламская концепция миропорядка. М., 2003. С.72.

⁶ Шелгунов Р.В. Проблемы и перспективы развития исламских финансов в РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.islamnews.ru/news-128551.html> (дата обращения: 17.04.2013).

⁷ Кашаев Н.Х. О перспективах исламской экономической модели в России// Ислам и государство в России: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 225-летию Центрального духовного управления мусульман России - Оренбургского магометанского духовного собрания. Уфа, 2013. С.233.

⁸ Якупов Л., Шляхтин Д. Обзор российского рынка исламских финансов // Islamic finance & business [Электронный ресурс]. URL: <http://islamic-finance.ru/board/2-1-0-23> (дата обращения: 16.04.2013).

⁹ Цит. по: Якупов Л., Шляхтин Д. Обзор российского рынка исламских финансов. [Электронный ресурс]. URL: <http://islamic-finance.ru/board/2-1-0-23> (дата обращения: 16.04.2013).

ЭТНИЧЕСКИЕ МУСУЛЬМАНЕ И ПРОТЕСТАНТСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН

ETHNIC MUSLIMS AND PROTESTANT ORGANIZATIONS IN REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые социально-демографические характеристики тюркоязычных пятидесятников Республики Башкортостан, а также рассматривается ряд причин прихода потенциальных носителей ислама в протестантизм.

Abstract: Some of the socio-demographic characteristics of the Turkic-speaking Pentecostal of Republic of Bashkortostan are discussed in this article, and some reasons of coming for potential carriers of Islam to Protestantism are considered in one.

Ключевые слова: Протестантизм, пятидесятничество, этнические мусульмане, тюркоязычные протестанты, полиэтничный регион.

Key words: Protestantism, Pentecostalism, ethnic Muslims, Protestants Turkic-speaking Protestants, multiethnic region.

Башкортостан является одним из полиэтничных субъектов Российской Федерации, на территории которого имеют место оптимальные условия для функционирования широкого спектра религиозных формирований различной конфессиональной принадлежности. По данным Совета по государственно-межконфессиональным отношениям при президенте Республики Башкортостан, на 01.01.2014 г. православие и ислам являются ведущими конфессиями на территории РБ, их объединения составляют 82% от общего количества религиозных организаций (около 61% – ислам, около 21% – православие). Протестантские формирования занимают третье место – их приблизительно 12%. По данным отдела религиоведения ИЭИ УНЦ РАН, с 2009 по 2012 год количество членов протестантских религиозных объединений увеличилось на 1850 человек – с 4000 до 5850. Основной прирост произошел за счет увеличения численности членов Российского Объединенного Союза Христиан Веры Евангельской-пятидесятников (РОСХВЕ – церкви «Великое Поручение» и «Свет Правды» – если в 2009 г. их было около 1000 человек, то в 2012 г. – 2500 (150%); на втором месте – также пятидесятники Регионального Объединения Христиан Веры Евангельской пятидесятников Республики Башкортостан (РО ХВЕП РБ) – с 735 до 1000 человек (36%), на третьем – лютеране – ингерманландцы (шведско-финской традиции) – с 240 до 325 членов (26%). Общий прирост количества членов протестантских церквей на территории Республики Башкортостан с 2009 по 2012 год составил 46,25%. С 2009 по 2012 год количество выявленных протестантских религиозных объединений увеличилось на 20,79% и составило 120 общин, 50% которых (60 общин) приходится на поздних евангельских христиан. В РБ существует также определенное количество незарегистрированных протестантских религиозных групп.

Религиозное поле республики в настоящее время является ареной бесконфликтной трансформации конфессиональных идентичностей. Подтверждением этому являются материалы исследований ИЭИ УНЦ РАН. Так, в конце 2013 – первой половине 2014 г. отделом религиоведения ИЭИ УНЦ РАН были проведены анкетирование и интервьюирование в 17 общинах, входящих в состав четырех пятидесятнических и поздних евангельских (включающих в себя разнообразные пятидесятнические и харизматические направления) религиозных объединений Республики Башкортостан.

Общие результаты по пятидесятническим и поздним евангельским религиозным объединениям на территории РБ (2013–2014 гг.) следующие: генеральная совокупность 1398 человек; объем выборки (опрошено) 405 респондентов (28,9% от генеральной совокупности).

Общие результаты по церквям РОСХВЕ на территории РБ (2013–2014 гг.): 7 церквей, 6 населенных пунктов на территории РБ, генеральная совокупность 702 чел, выборка (опрошено) 184 чел. (26,2%).

Общие результаты по церквям РО ХВЕП РБ (2013–2014 гг.): 8 церквей, 9 населенных пунктов на территории РБ, генеральная совокупность 646 чел; выборка (опрошено) 184 чел. (28,4%).

Общие результаты по церкви АХЦ «Союз Христиан» г. Уфы (2013–2014 гг.): генеральная совокупность 40 чел, выборка (опрошено) 30 чел. (75,0 %).

Общие результаты по церкви «Виноградник» г. Уфы (2013–2014 гг.): генеральная совокупность 30 чел, выборка (опрошено) 7 чел. (20,0 %).

Результаты исследования продемонстрировали, что на начало 2014 г. 57,8% пятидесятников и поздних евангельских христиан на территории РБ являются этническими русскими, 22,5% – этническими татарами, 8,5% – этническими башкирами. Таким образом, 31% носителей пятидесятничества (включая доктринально близких к ним поздних евангельских христиан) на территории РБ являются представителями тюркоязычных этносов, традиционно связанных с исламом. Данные, полученные отделом религиоведения ИЭИ УНЦ РАН, позволяют утверждать, что принятие протестантизма представителями крупнейших тюркоязычных этносов Башкортостана не являлось результатом прозелитической деятельности миссионеров: так, среди этнических татар только 33,3% респондентов до прихода в пятидесятничество исповедовали ислам, 34,8% не исповедовали никакой религии, 24,7% «просто верили в Бога» (можно сказать, что они были «внеконфессиональными верующими»), 5,6% исповедовали православное направление христианства. Таким образом, 66,7% этнических татар не являлись мусульманами до принятия христианства протестантского направления, 34,8% среди них были атеистами. У пятидесятников-башкир картина следующая: 30,3% респондентов до прихода в пятидесятничество исповедовали ислам, 42,4% «просто верили в Бога», 27,3% не исповедовали никакой религии. Только одна треть этнических татар и башкир исповедовала ислам до принятия протестантизма. Одной из причин конфессиональной трансформации на территории РБ является утрата частью этносов своих этноконфессиональных традиций. Интервьюируемые отмечали, что считали себя приверженцами ислама в силу своей этнической принадлежности, ислам глубоко не изучали и не выполняли большей части религиозных обрядов (в основном изредка читались короткие молитвы перед приёмом пищи) [1, с. 168].

По нашему мнению, причинами утери этноконфессиональных традиций части тюркоязычных этносов РБ может быть процесс урбанизации, замещение традиционных ориентаций ценностями индустриального общества, высокий уровень образования, способствующий открытости различным мировоззренческим системам; межэтническая интеграция, которая началась еще во времена Советского Союза, в котором предпринимались попытки формирования единого наднационального суперэтноса. По результатам исследования, 86,7% татар-пятидесятников являются городскими жителями, среди этнических башкир горожан 88,2%. 79,4% респондентов-башкир и 96,7% татар обучались в школе на русском языке. Среди татар – членов пятидесятнических и поздних евангельских религиозных формирований – 34,1% лиц с высшим образованием, 14,3% имеют незаконченное высшее образование, у 33,0% – среднее специальное, у 1,1% – ученая степень, 9,9% имеют среднее образование. У респондентов-башкир высшее образование имеют 41,2% ответивших, незаконченное высшее – у 14,7%, 29,4% имеют среднее специальное образование, у 2,9% – ученая степень, 8,8% имеют среднее образование. У 49,5% татар и 58,8% башкир высшее, незаконченное высшее образование и ученая степень, у 88,2% башкир и у 82,5% татар образовательный уровень выше среднего [2].

Для тюркоязычных пятидесятников Башкортостана не характерен этноцентризм: 79,4% респондентов-башкир и 85,4% респондентов-татар идентифицировали себя в первую очередь как христиан, семейную идентичность (я являюсь мужем, отцом (женой, матерью, членом своей семьи)) как вторую по степени значимости после конфессиональной (христианской) определили 47,1% башкир и 68,7% татар. Гражданская идентичность (я являюсь гражданином (гражданкой) Российской Федерации) большинством респондентов (47,1% башкир и 58,2% татар) определена как третья по значимости после конфессиональной и семейной. Профессиональная идентичность (я являюсь специалистом) занимает четвертое место (43,8% у башкир и 39,5% у татар), а идентичность этническая (я являюсь представителем (представительницей) своего этноса) занимает последнее, пятое место (50,0% башкиры, татары 51,4%) [2].

Роль миссионеров, как зарубежных, так и отечественных, в принятии протестантизма этническими тюрками Башкортостана оказалась низка. У 36,3% этнических татар приходу в пятидесятнические церкви способствовали друзья, у 19,8% – родители, 14,3% – родственники, 11,0% – незнакомые христиане протестантского вероисповедания, 5,5% – супруги, 4,4% – дети, 7,7% пришли сами, отечественные миссионеры – 1,1% (1 респондент), иностранные миссионеры отсутствуют. У башкир показатели следующие: 47,1% – друзья, 11,8% – родители, 11,8% – родственники, 11,8% – незнакомые христиане протестантского вероисповедания, 2,9% – супруги, 5,9% – дети, 2,9% пришли сами, отечественные миссионеры – 5,9%, иностранные миссионеры отсутствуют.

У татар на долю родственников и друзей (людей, которым доверяют больше всего) приходится 80,3%, у башкир – 79,5%. У 19,8% этнических татар и 11,8% башкир приходу в пятидесятнические церкви способствовали родители – можно сказать, что у крупнейших тюркских этносов РБ начала появляться протестантская преемственность поколений [2].

На основании приведенных выше данных можно сделать вывод, что тюркоязычные пятидесятники и поздние евангельские христиане Республики Башкортостан – это люди с высоким уровнем образования, преимущественно горожане, в значительной степени утратившие этноконфессиональные традиции, открытые различным мировоззренческим системам, проходившие обучение в школе преимущественно на языке межэтнического общения – русском, религиозная, семейная и общегражданская идентичности которых преобладают над этнической. Пятидесятническое направление протестантизма на территории Башкортостана является привлекательным для представителей татарской и башкирской интеллигенции.

Список использованных источников

1. Кляшев А.Н. Протестантизм Республики Башкортостан: социальная реакция на вызовы современности. Уфа: Изд-во «Здравоохранение Башкортостана», 2013. С. 168.
2. Материалы этносоциологического опроса членов протестантских религиозных объединений Республики Башкортостан / ИЭИ УНЦ РАН; А.Н. Кляшев. Уфа, 2013–2014.

А.З. Кулбахтина

ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ (НА ПРИМЕРЕ БАШКОРТОСТАНА)

A.Z. Kulbakhtina

RELATIONS BETWEEN THE STATE AND CONFESSIONS: EVOLUTION STAGES (BASHKORTOSTAN AS AN EXAMPLE)

Аннотация: Данная статья – попытка «крупными мазками» нарисовать картину положения ислама в православном государстве, показать эволюционный характер их взаимодействия и извлечь уроки из этого опыта.

Abstract: This article is an attempt to paint a picture of the position of Islam in the Orthodox country, to show the evolutionary nature of their interaction and to draw lessons from this experience.

Ключевые слова: Русь, православие, Золотая Орда, ислам, Башкортостан.

Keywords: Russia, Orthodoxy, the Golden Horde, Islam, Bashkortostan.

Геополитическое пространство, очерченное границами современной России, имеет развитые традиции полиэтничности и поликонфессиональности. Исторически в Российской Федерации сосуществовали многочисленные государственные образования с различными религиозными установками. Официальное принятие православия в качестве государственной религии в 988 г. определило цивилизационный выбор Русского государства. Однако центральная часть и юг России оставались зоной преимущественного проживания представителей мусульманской культуры. Таким образом, на полотне мировоззренческого плюрализма особенно выделялись две мировые религии – христианство и ислам, прочно инкорпорированный в «православную» государственность.

В истории взаимодействия государства с исламом на территории России ученые выделяют 4 крупных периода:

- 1) X–XVI вв. Ислам в «собственном государстве».
- 2) XVI – начало XX в. Ислам в царской России.
- 3) 20–80-е гг. XX в. Ислам в атеистическом государстве.
- 4) 80-е гг. XX в. – 10-е гг. XXI в. Государственно-исламская конвергенция¹.

¹ Фаизов Г.Б. Ислам и государство: единство, противоборство, конвергенция. Уфа, 2010. 128 с.

X–XVI вв. На территории Урало-Поволжья в течение X–XVI вв. последовательно существовали три государственных образования, в которых ислам был объявлен официальной религией: Волжская Булгария, Золотая Орда, Казанское и Ногайское ханства.

Тесные торгово-экономические связи мусульманского Востока с народами Поволжья, личные предпочтения болгарского царя Алмуша и социально-политические потребности раннефеодальной Булгарии в монотеизме предопределили признание ислама официальной религией Волжской Булгарии в 922 г. Последствием принятия ислама стало проникновение арабской письменности, а вместе с ней и мусульманской культуры Средневекового Востока, оказавшей значительное влияние на становление особого мировоззрения народов Поволжья и Приуралья.

В каждом социуме в процессе его развития наблюдается взаимосвязь таких социальных институтов как государство и религия. В традиционных обществах роль религии особенно велика: она способствует укреплению государственности, цементирует фундамент политической системы, определяет внутреннюю и внешнюю политику страны. Ислам не стал исключением из закономерности. Исламская традиция играла решающую роль не только в «архитектуре» социокультурного пространства болгарского общества, но и в легитимации власти болгарских царей.

В первой половине XIII в. территория Поволжья и Приуралья была присоединена к Золотой Орде. Интерес вызывает отношение язычников-монгол к религиозной вере и духовным лицам. Правитель Золотой Орды отличала веротерпимость к монотеистическим религиям, в частности к христианству. Так, в 1261 г. в столице Золотой Орды г. Сарае была образована православная, а в 1315 г. – католическая епископии. Служители культа в соответствии с ханскими ярлыками освобождались от повинностей, а за уничтожение храмового имущества полагалась смертная казнь. Первым монгольским ханом, принявшим ислам, стал хан Берке, создававший равные условия для всех конфессий. Религиозная анархия внутри Золотой Орды завершилась официальным принятием ислама Золотой Ордой в правление хана Узбека в 1320 г. При Узбеке началась миссионерская деятельность мусульманских проповедников в Поволжье, Сибири и на Урале. На территории Башкирии большую известность получил один из миссионеров – Хусейн-бек (ум. в 1339 г.)². Первую половину XIV в. считают началом распространения ислама на Урале.

На месте распавшейся Золотой Орды появились устойчивые очаги мусульманского мира в пределах Ногайского, Казанского, Крымского, Астраханского ханств. Ислам густо пронизывал социальную ткань указанных политических образований, являясь государствоформирующей религией. Мусульманская религия способствовала этноконфессиональной интеграции народов Урало-Поволжья, когда при самоидентификации перестают иметь значение национальные особенности тюркоязычных народов, и причастность к «большому общему» (единому) определяет религиозная принадлежность.

XVI – начало XX в. К изучению ислама в царской России необходимо подходить дифференцированно. Основанием для дифференциации служит государственная политика в области конфессиональных отношений. Внутри данного периода следует выделить два этапа:

- 1) 1552 – 1789 гг;
- 2) 1789 – 1917 гг.

Исходной точкой мы выбрали 1552 г. – год падения г. Казани. Завоевание Казани определило дальнейшие отношения татар-мусульман с царской администрацией: крещение татар началось уже в первое десятилетие. Действуя ненасильственными методами, царская администрация пошла по пути формирования особого слоя «служилых новокрещен», освобожденных от уплаты ясака. Малая эффективность мирных способов христианизации заставила прибегнуть к жестокому насилию: начался снос имеющихся мечетей, запрещалось строительство новых, за отказ от крещения следовало изгнание «за городские стены». Запрещающие и карающие рычаги власти не смогли ограничить влияние ислама на образ жизни татар. Последствием массовой христианизации татар в Поволжье стало увеличение численности татар-мусульман, укрепление позиций ислама и мусульманского духовенства в западной и центральной части Башкирии.

² В пос. Чишмы Чишминского района РБ расположено культовое сооружение – кэшэнэ Хусейн-бека, в котором находится надгробная плита с эпитафией, содержащей имя и дату смерти просветителя. В ноябре текущего года здесь состоялось открытие одноименной мечети.

Добровольный характер вхождения Башкирии в состав Русского государства в 1557 г., договорной порядок определения политико-правового статуса башкирских земель проложили иной курс государственно-исламских отношений в этом регионе. В «Жалованных грамотах» оговаривались условия «поглощения», одним из которых являлось сохранение свободы вероисповедания: «башкир, исповедующих ислам никогда не насиловать в другую религию».

Первые указы с прямым принуждением к христианству стали появляться лишь в конце XVII в. В указах 1680 и 1681 гг. за отказ креститься башкирские феодалы теряли земли, а рядовые превращались в крепостных. Указ 1704 г. содержал следующие требования: строить мечети по образцу христианских церквей, религиозные обряды приблизить к христианским, платить налог за посещение мечети, обложить податью мусульманских мулл. В 1731 г. была учреждена Новокрещенская комиссия (контора), благодаря чему в православие была обращена основная часть чувашей, удмуртов и марийцев, правда, при этом применялись меры явно принудительного характера и приобщение к православной вере часто имело формальный характер. Деятельность этого миссионерского органа связывается с именем Луки Конашевича. Указы 1736 и 1744 гг. налагают запрет на строительство мечетей. Нарушение условий договора в области вероисповедания, налоговых обязательств, земельных отношений и пр. повлекло многочисленные восстания на территории Башкирии, которые, в свою очередь, завершались жестоким подавлением и принудительным крещением плененных. Беспредел местных властей был обрисован в письме-показании муллы Абдуллы Галиева (Батыршы) к Елизавете Петровне. На основе этого письма правительство сделало вывод, что ислам выгоднее поддерживать.

В 1756 г. было разрешено строительство мечетей и школ при них, в 1764 г. была ликвидирована «Новокрещенская контора». 17 июня 1773 г. Екатерина II изданием Синодского указа «TOLERANCE ACT» взяла курс на веротерпимое отношение к другим религиям, которое выразилось для мусульманства в строительстве мечетей и медресе, издании за счет правительства текстов Корана. 22 сентября 1788 г. был издан Указ «Об учреждении Духовного собрания магометанского закона» в г. Уфе во главе с Мухаммеджаном Хусаиновым. С этого периода начинается этап официального (послушного) ислама с созданием сословия мусульманского духовенства со строгой организационной структурой.

Задачи интеграции также была призвана решать начальная школа. Стратегическая цель новой образовательной системы (Ильминского Н.И.) была проиллюстрирована в докладе Министра народного просвещения гр. Д.А. Толстого: «Конечной целью образования всех инородцев, живущих в пределах нашего Отечества, бесспорно, должно быть обрусение и их слияние с русским народом». Тактическую линию данной правительственной политики можно вывести из основных положений инструкции для учителей башкирских школ, выработанной в 1865 г.: «путем обучения грамоте ознакомление со спасительными истинами христианской веры и подготовка к свободному, сознательному принятию христианства»³. Государственная политика, на данном этапе освободившаяся от насильственной прямой атаки на ислам, заключалась в мирном сосуществовании с официальным исламом, с одной стороны, и следовании триаде Уварова – с другой.

Наряду с официальным исламом развитие получает ислам народный – суфийское братство «Накшбандия» Зайнуллы Расулева. Кроме того, в неофициальной сфере государственно-исламских отношений развивалось реформаторское движение джадидизм, начавшееся как замена буквослагательного метода обучения грамоте звуковым, а в дальнейшем охватившее все сферы жизни мусульманского социума. В крупных городах Урало-Поволжья создавались новометодные школы, ставшие центрами формирования национальной элиты тюркского мира. В одном из сильнейших медресе региона – медресе «Галия» (г. Уфа) – получал образование Карим Хакимов.

20–80-е гг. XX в. Символом III периода стал Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», который был ошибочно истолкован мусульманами как «свобода от притеснений правительства и высших сословий». В реальности он ознаменовал начало атеизма. В 1922 г. была создана центральная антирелигиозная комиссия при ВКП (б). С 1933 г. мечети и церкви были объявлены «агентами фашизма» и начались массовые репрессии против духовенства. С духовенства

³ Подробнее: Кулбахтина А.З. Реформирование традиционной школы мусульман Башкирии на рубеже XIX–XX вв. Уфа, 2011. 135 с.

взимался налог, за неуплату которого полагались штрафы и аресты; началось изъятие книг на арабском языке, закрытие мечетей. В сложнейшей политической ситуации вплоть до своей смерти муфтий Риза Фахретдинов сохранял и подчеркивал лояльность по отношению к советской власти. Его авторитета хватало на противодействие закрытию мечетей, арестам духовенства и сохранению библиотек.

Советская власть, в свою очередь, эффективно использовала исламский фактор во внешней политике на Востоке. ДУМЕС сыграло значительную роль в укреплении международных связей, миротворчестве и разоблачении антисоветской пропаганды на Востоке. В этот период новый импульс получила «народная дипломатия». Выпускники и шакирды мусульманских медресе, владеющие турецкими языками, арабской письменностью, основами мусульманского права, знающие Коран, помогали устанавливать международные контакты с мусульманскими странами. Единые мировоззренческие основы позволили нашему послу К. Хакимову перевести дипломатические отношения в сферу неофициальных, которой придается особое значение в мусульманском мире.

В годы ВОВ государство пошло на сближение с церковью. Духовное управление обратилось к мусульманам с призывом «Защищать Отечество». На пожертвования, собранные мусульманами, была сформирована танковая колонна. Личный взнос муфтия Габдрахмана Расулева составил 50 000 руб. Таким образом, государство и религия показали пример объединения для физической борьбы и идеологической поддержки в сложнейший период истории страны. Послевоенная либерализация отношений между церковью и государством была сведена к незаметной роли религии и ее агитационной функции.

На *современном этапе*, учитывая непростую многовековую историю взаимодействия государственных и религиозных структур, происходит гармоничное сосуществование светской власти и религии. Указанная тенденция детерминирована не только постмодернистским постсекуляризмом, когда в публичной сфере возрастает роль религиозного фактора. Сегодня партнерство «светского» и «духовного» – назревшая необходимость. Сферой взаимных интересов государства и конфессий становится религиозное образование. В январе 1989 г. в г. Уфе было возрождено первое на постсоветском пространстве медресе «Галия». Экономическое положение страны в этот период выдвинуло на передний план материальные вопросы, позволив духовной сфере развиваться стихийно. Итогом такой политики стало распространение религиозного экстремизма вследствие отсутствия в России собственной традиции духовного просвещения и восприятия в течение долгого времени «чужеродной» образовательной среды. С 2000-х годов вопросы религиозного (мусульманского) образования приобрели государственный статус: правительством решаются проблемы правового, финансового, кадрового обеспечения и многое другое. В стране открываются мечети и медресе, официальное признание получили религиозные праздники. Религиозные институты, в свою очередь, берут на себя функцию духовного оздоровления и формирования нравственных начал общественного развития. В течение последнего десятилетия идет эффективная работа по формированию внутри российского образовательного пространства нового слоя «мусульманской интеллигенции» (взамен исключительно богословского мусульманства), нацеленных на гуманизм, патриотизм и толерантность.

Из всего вышесказанного вытекают следующие выводы.

1. Россия имеет глубокие традиции сосуществования на одной территории различных этносов, конфессий и культур. История полна непростых сюжетов, отражающих эволюционное становление стабильных государственно-конфессиональных отношений. На современном этапе (первые за века) происходит диалог (не монолог) политического руководства страны и мусульманского мира России.

2. Сегодня Восток в целом, и мусульманский Восток, в частности, становится серьезным актором мировой политики. Перспектива интеграции восточных стран в социально-экономические, культурные, образовательные и политические структуры России требует знания историко-философских оснований концептуального поля потенциальных партнеров. Для успешной коммуникации в «локализованном» пространстве современного Востока можно воспользоваться опытом успехов «народной дипломатии» в СССР.

3. И последнее, пример России может (и должен) стать доводом оппонентов хантингтоновской теории «столкновения цивилизаций».

ЗНАНИЕ И ПОЗНАНИЕ В ИСЛАМСКОМ ПЕРИПАТЕТИЗМЕ

KNOWLEDGE AND COGNITION IN THE ISLAMIC PERIPATETISM

Аннотация: В статье рассматриваются идеи исламского перипатетизма относительно знания, истины и познания. Материал базируется на трудах последователей Аристотеля в исламском мире. Наиболее ценными в этом отношении являются мысли выдающихся философов: Авиценны и Аверроэса.

Abstract: The article deals with the ideas of Islamic peripatetism regarding knowledge, truth and knowledge. The material is based on the works of Aristotle's followers in the Islamic world. The most valuable in this regard are ideas of outstanding philosophers Avicenna and Averroes.

Ключевые слова: Знание, познание, исламский перипатетизм, рациональность, Бог, истина.

Key words: Knowledge, cognition, islamic peripatetism, rationality, God, the truth.

Идейной точкой отсчета в исламе, безусловно, является Коран, содержание которого было представлено людям пророком Мухаммедом. Священные тексты мусульманской религии дают основание утверждать, что знание в исламе рассматривается в качестве одной из наиболее важных духовных ценностей. Согласно преданию, Мухаммед наставлял: «Стремиться к знаниям – обязанность каждого мусульманина»; «нет большего богатства, чем мудрость; нет большей нищеты, чем невежество».

В VIII в. размышления над Кораном привели к развитию спекулятивной теологии, известной как калам ('илм ал-калам). Одна из первых крупных школ калама – мутазилизм (ал-му'тазила – «обособившиеся», «отделившиеся»). Мутазилиты формулировали и обсуждали ряд проблем, относящихся, например, к человеческой свободе и способности человека знать нравственные принципы или предписания независимо от откровения. Они первые в мусульманском обществе осмелились рассуждать о путях Господних, о природе добра и зла в категориях рациональности. Их основной посылкой было утверждение, что Богу противно все, что противоречит разуму или игнорирует благо людей. Описывая воззрения мутазилитов, аш-Шахрастани (1075–1153) отмечал: «Они сходились в том, что человек способен /на самостоятельные действия/, творец своих поступков – хороших и плохих – заслужит в загробной жизни воздаяние и наказание в соответствии с тем, что он делает... Благо и мерзость следует познавать разумом»¹.

Мутазилизм подвергся критике, осуждался, однако выраженное им стремление к рационализации теологического поиска дало свои плоды. Абу Юсуфа ал-Кинди (к. VIII в. – между 860 и 879 гг.) можно считать первым значительным арабским философом. Видимо, его исходной позицией была точка зрения мутазилитов, которую он развивал на основе неоплатонического аристотелизма. Ал-Кинди настаивал на гармонии откровения и разума и утверждал, что человеческий разум способен построить хорошо обоснованную философскую теологию. Например, разум может доказать истинность теологического положения о божественном творении из ничего. Ал-Кинди не противопоставлял философию теологии и не отстаивал ее превосходство. Напротив, он утверждал, что знание, приобретенное благодаря Священным писаниям и вдохновенному пророчеству, выше знания, полученного просто посредством философского размышления.

Однако наибольшее влияние на развитие не только исламской, но и в целом европейской философии оказали величайшие мыслители Востока: Абу Абум Алим Хусейн ибн Абдуллах ибн аль-Хамсан ибн Алим ибн Симна, известный на Западе как Авиценна (980–1037), и Абумль Валимд Мухаммад ибн Амхмад ибн Рушд (1126–1198), латинизированное имя которого – Аверроэс.

Абу Али Ибн Сина стал в некотором роде «символом греческой философии» в мусульманском мире. В знаменитом трактате «Дониш-намэ» («Книга знаний») он называет логику наукой-мерилом (на фарси «таразу», букв. «весы»), доказывая, что «всякое знание, которое не взвешено на весах /разума/, не является достоверным и, следовательно, не является истинным знанием»².

¹ Аш-Шахрастани Мухаммад ибн Абд, ал-Карим. Книга о религиях и сектах / пер. с араб., введ. и коммент. С.М. Прозорова. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1984. Ч. 1. Ислам. С.55–56.

² Ибн Сина /Авиценна/. Избранные философские произведения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/790533/>

Ибн Сина различает три вида доказательств: силлогизм, индукцию и аналогию, из которых наиболее достоверным считает силлогизм. Он детально описывает все виды доказательства, прежде чем перейти к рассмотрению философских наук, разделяемых им на два основных вида: науку теоретическую и науку практическую. Каждая из них, в свою очередь, распадается на три. Практическая наука включает науку об управлении народом (она бывает двух видов: 1 – о том, какими должны быть религиозные законы; 2 – политика); науку об управлении домом и, наконец, науку о самом себе, т.е. каким должен быть человек по отношению к самому себе.

Теоретическая наука также распадается на три вида. Первый называется высшей, или первичной, наукой – о том, что лежит вне природы. Это – метафизика. Вторая – средняя наука – математика. Третья – низшая – наука о природе, наиболее близкая к людям, но в то же время содержащая в себе «особенно много неясностей», поскольку ее предметом является чувственный мир, постоянно находящийся в движении и изменении³.

Метафизика Авиценны сосредоточена на описании и определении необходимо-сущего. «Необходимо-сущее, – пишет Ибн Сина, – таково, что бытие всех вещей исходит от него, и все вещи получают от него необходимость бытия»⁴. Философ, ссылаясь на изречения Корана, признает тождественность необходимо-сущего Творцу, Аллаху. Абсолютно необходимо-сущее является не только предельной причиной всяких других сущих, но также личностным сущим, которое знает все, что из него исходит. Таким образом, это не только понятие онтологическое. Необходимо-сущее для Авиценны есть «абсолютно мудрое», «разумно-сущее», то, из чего проистекает иерархия разумов.

Признавая могущество рационального познания, утверждая, что «сила разума бесконечна и мыслимое им является бесконечным»⁵, Ибн Сина тем не менее признавал существование области, не доступной рациональному осмыслению, сферы мистического озарения⁶. Обыкновенно интуитивное видение является кульминацией процесса мышления, однако пророк получает просветление без предварительных логических рассуждений и облакает его в общедоступную форму, способную воздействовать на обычных людей.

Не менее известным арабским философом и последним из плеяды великих мусульманских перипатетиков является Абу-ль-Валид Ибн Рушд, критиковавший Ибн Сину за недостаточную последовательность в проведении рационалистической линии.

По определению Ибн Рушда, разум – «не что иное, как постижение сущего по его причинам». Он считает, что именно это отличает разум от всех других воспринимающих сил. Разум позволяет обрести «истинное знание», которое и «есть знание вещи такой, как она есть»⁷.

Принимая во внимание критику в адрес философии со стороны теологов, Ибн Рушд уделял большое внимание обоснованию ее религиозной «законности», и даже более того – «похвальности» занятия ею. Он ссылается на авторитет Корана, целый ряд аятов которого, по его мнению, призывают мусульманина к рассмотрению и познанию сущего посредством разума, и на основании которых он приходит к заключению, что «религия побуждает к познанию всевышнего Аллаха и его творений посредством доказательства»⁸. Доказательство же есть «орудие» мышления, которым верующий обязан владеть.

Ибн Рушд признавал, что «исследование, опирающееся на доказательства», может находиться в противоречии с тем или иным постулатом священного писания. В таком случае следует пренебречь не доказательным выводом, а следованием букве Корана. «Мы утверждаем со всей решительностью, – заявлял он, – всякий раз, когда выводы доказательства приходят в противоречие с буквальным смыслом вероучения, этот буквальный смысл допускает аллегорическое толкование»⁹.

Он решительно протестовал против нападок на мусульманских философов по тем причинам, что те заняты делом, чуждым исламскому вероучению, привнесенным извне, а именно – греческой фи-

³ Ибн Сина /Авиценна/. Избранные философские произведения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/790533/>

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Ибн Рушд. Опровержение опровержения (фрагменты) [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://www.nsu.ru/classics/Wolf/ibnrushd.htm>.

⁸ Ибн Рушд. Рассуждение, выносящее решение относительно связи между религией и философией (пер. А.Сагадеева) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/304897/>

⁹ Там же.

лософией. Он настаивал на необходимости соблюдения преемственности в познании истины. «Всякий раз, – писал Ибн Рушд, – когда мы обнаруживаем у живших до нас народов какие-либо взгляды и суждения относительно сущего, согласующиеся с тем, что требуют условия доказательства, нам следует изучать то, что они говорили по этому поводу и излагали в своих книгах. Если что-то в этих книгах соответствует истине – перейдем это у них, порадуемся этому и поблагодарим их за это; если же что-то окажется не соответствующим истине – укажем на это, предостережем от этого и простим их»¹⁰.

Ибн Рушд различал людей в соответствии с их познавательными способностями. К первой группе относятся простые смертные, «толпа», те, «кто вовсе не способен к толкованию [священных текстов; это риторики, составляющие широкую публику... К другому разряду относятся те, кто способен к диалектическому толкованию; это диалектики только по природе или по природе и по навыку. К третьему разряду относятся те, кто способен к аподейктическому толкованию; это аподейктики по природе и по науке, т.е. по философской науке»¹¹. Сообразно этому делению различаются способы понимания людьми Корана. Тех, кто не способен представить себе реальность, выходящую за пределы осязаемого или воспринимаемого, можно пронять лишь риторическими или убеждающими аргументами, и постичь истину они способны только в образной или живописной форме. Коран отвечает потребностям таких умов, например, благодаря содержащимся в нем картинам жизни после смерти.

Те, кто способен понять диалектические аргументы, ведущие к вероятностным заключениям, также будут удовлетворены Кораном вкупе с теологией. Наконец, некоторые умы стремятся к строгим логическим доказательствам и способны постигать истину в ее рациональной сущности. Коран отвечает и их ожиданиям, поскольку дает материал для философского размышления.

Однако знание, доступное философам, «не подлежит разглашению», так как человека, не способного к уразумению аподейктических толкований, это «ввергает в неверие». «Правильные толкования... нельзя излагать в книгах, предназначенных для публики»¹². Они – удел избранных. Вредность деятельности «диалектиков»-теологов в том и заключается, что они не «с публикой, поскольку их способы слишком темны для большинства; не с избранными, поскольку если приглядеться к этим способам, то окажется, что они слишком несовершенны, чтобы отвечать условиям доказательства»¹³. Рассуждения теологов ведут к разнобою в трактовке священных текстов, разброду, ересь и неверию.

Философия провозглашается Ибн Рушдом не противницей религии, но, напротив, ее «спутницей и молочной сестрой», указующей «избранным на необходимость совершенного исследования основоположений религии»¹⁴.

Предпринятые Ибн Рушдом усилия опровергнуть доводы критиков философии и защитить ее были столь решительны и убедительны, что влияние его воззрений вышло далеко за пределы исламского мира, войдя в историю мировой философии как особое направление мысли – аверроизм.

Важнейшие труды кордовского мыслителя были прежде всего переведены и прокомментированы еврейскими философами. Одни оценивали его как непревзойденного комментатора, другие считали великим «истолкователем» Аристотеля. Несколько позже взгляды Ибн Рушда стали известны европейцам. Комментарии Аверроэса к работам Аристотеля получили распространение прежде всего в университетских кругах Парижа (примерно в 1230 г.), где в это время развернулась борьба между теми, кто стремился к переработке аристотелизма в духе католицизма, и теми, кто находился в оппозиции к ортодоксальной теологии. По поручению Папы профессор богословского факультета Парижского университета Альберт Великий выступил в 1256 г. с трактатом «О единстве разума против Аверроэса», а Фома Аквинский, профессор того же факультета, спустя почти пятнадцать лет – с трактатом «О единстве разума против аверроистов». Однако в основу разработанной им (Фомой Аквинским) теории двойственной истины была положена как раз интерпретация идей Ибн Рушда. Теория двойственной истины «примирила» аристотелизм с христианской догматикой, согласно ей, истинное в философии может быть ложным в теологии и наоборот. Учение о двойственности истины являло

¹⁰ Ибн Рушд. Рассуждение, выносящее решение относительно связи между религией и философией (пер. А.Сагадеева) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/304897/>

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

собой некий компромисс, допуская сосуществование рационализма (в некоторой степени) и средневековой мистики.

Несмотря на критику со стороны католических теологов, влияние аверроистских идей не прекратилось. В течение трех столетий, до начала XVII в., аверроизм пользовался популярностью в Италии, особенно в университетах Болоньи и Падуи. Ибн Рушд был последним в ряду исламских мыслителей, оказавших реальное влияние на христианских философов средневековой Европы.

В сравнении с Европой поразительна судьба аверроизма в пределах исламского мира. Идеи Ибн Рушда, стимулировавшие развитие рационализма и научного знания, оказались здесь обреченными. Мусульманская теология, включившая в себя теологическое обсуждение философских проблем, одержала победу над греко-исламским рационализмом. Продолжали свое существование лишь разновидности суфийской философии, сосредоточенной на теме мистического восхождения души к Богу.

Значимость Ибн Рушда для европейской философии подтверждается неослабевающим интересом к его идеям не только философов, но и широких слоев населения¹⁵.

Список использованных источников

1. Аш-Шахрагани Мухаммад ибн Абд, ал-Карим. Книга о религиях и сектах / пер. с араб., введ. и коммент. С.М. Прозорова. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1984. Ч. 1. Ислам. 270 с.

2. Ибн Сина /Авиценна/. Избранные философские произведения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/790533/>

3. Ибн Рушд. Опровержение опровержения (фрагменты) [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://www.nsu.ru/classics/Wolf/ibnrushd.htm>.

Ибн Рушд. Рассуждение, выносящее решение относительно связи между религией и философией (пер. А.Сагадеева) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/304897/>

¹⁵ Например, в августе 2011 года на радио ABC прозвучало интервью с профессором Лондонского Королевского колледжа Петером Адамсоном, посвященное Аверроэсу и его влиянию на латинский Запад, вызвавшее широкое обсуждение. Перевод на русский язык - Даниил Кавелин [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://philosophytoday.ru/2011/09/25/averroes-zashhitnik-filosofii.html>; с оригиналом можно ознакомиться на сайте радио. Режим доступа: <http://www.abc.net.au/radionational/programs/philosopherszone/the-medieval-islamic-philosopher-averroes/2930166>

Р.М. Мухаметзянова-Дуггал

ОПЫТ ИНДИИ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ МУСУЛЬМАНСКОГО МЕНЬШИНСТВА

R.M. Mukhametzyanova-Duggal

EXPERIENCE OF INDIA IN SOLVING THE PROBLEM OF MUSLIM MINORITY

Аннотация: В статье рассматриваются положение и социально-экономические проблемы мусульманского меньшинства в Индии, опыт индийского правительства в решении указанных проблем.

Abstract: The article examines the status and social and economic problems of the Muslim minority in India, as well as the experience of the Indian government in solving these problems.

Ключевые слова: государственно-исламские отношения, проблемы мусульман, мусульманское меньшинство, Индия.

Keywords: state-Islamic attitudes, problems of Muslims, Muslim minority, India.

По многим параметрам между современной Россией и Индией имеется значительное сходство и соответственно основа для использования опыта – как положительного, так и отрицательного в решении проблем религиозных общин. В то же время между двумя странами существуют очевидные различия. Контекст отношений между государством и конфессиями в России и Индии, безусловно, различный. Так как религиозный фактор является в России в первую очередь культурным символом, то обращение к нему, к традиционным религиям, которые имеют в прошлом позитивный духовный опыт, является своеобразной формой духовного национального возрождения и заполнения идеологического вакуума, который возник после распада СССР. В Индии религиозный фактор является основным

элементом социального устройства, и государственная политика в отношении религиозных меньшинств формируется в контексте борьбы с бедностью и повышения уровня благосостояния религиозных общин. Политическая же элита Индии превратила религиозную идентичность в доминирующую политическую категорию, которая используется различными политическими партиями в своих стратегических интересах. При этом также следует учесть, что процесс решения проблем мусульманского меньшинства в Индии в условиях преобладающего индуского большинства, по справедливому замечанию известного индолога Е. Юрловой, «происходит очень медленно, с большими издержками для мусульман» [1]. Тем не менее опыт Индии в решении проблем мусульманского меньшинства заслуживает тщательного изучения, тем более, что в России, как и в Индии, мусульмане являются второй по численности религиозной общиной. К тому же в России можно наблюдать проблемы схожие с индийскими: распространение таких явлений, как этнофобия, резкое снижение толерантности и веротерпимости, противостояние этнических и конфессиональных групп [2, с. 25].

Специфика и сложность положения мусульманского меньшинства в Индии заключается в социально-экономической отсталости основной массы мусульман, а также в слабой интегрированности в индийское общество. Согласно переписи населения Индии 2001 г., мусульмане составляют 138 млн человек, или 13,4% населения. Последователи ислама являются самым значительным религиозным меньшинством Индии. Их доля в общем числе официально признанных религиозных меньшинств, к которым, помимо мусульман, относятся христиане, сикхи, буддисты и зороастрийцы (парсы), составляет 73,7% [3]. Согласно результатам переписи, мусульмане имеют более низкий уровень грамотности по сравнению со средним национальным уровнем. Доля работающего населения в целом по стране составляет 39,1%. Самый низкий уровень занятости на общенациональном уровне просматривается у мусульманского населения – 31,3% (у индусов – 40%, у христиан – 40%) [4].

В решении проблем мусульманского меньшинства индийскими властями есть как достижения, так и издержки. При этом можно видеть процесс – выработка, обсуждение и принятие решения; практические мероприятия властей и их эффективность. В качестве примеров таких процессов можно обратить внимание на два явления.

Первое. Изучение индийского опыта показывает, что решающую роль в решении проблем мусульманского меньшинства и интеграцию мусульман в индийское общество играет государство.

Главная роль в проведении политики в отношении религиозных меньшинств, в защите их прав, а также в планировании и координации программ, направленных на улучшение благосостояния и развития общин меньшинств, принадлежит Министерству по делам меньшинств Индии (Ministry of Minority Affairs). К компетенции Министерства также относятся вопросы формулирования мер и политических инициатив, связанных с защитой меньшинств и их безопасностью; дела, связанные с защитой и сохранением немусульманских святынь в Пакистане и мусульманских святынь в Индии, а также вопросы, связанные с общинами меньшинств в соседних странах в совместном ведении с Министерством иностранных дел. Министерство является центральным учреждением по реализации новой программы премьер-министра из 15-ти пунктов по подъему благосостояния меньшинств.

С созданием Министерства по делам меньшинств завершилась институционализация защиты прав меньшинств в Индии. Отметим, что государственная политика в отношении меньшинств в Индии изменялась в зависимости от политических сил, находившихся у власти. Поддержка меньшинств всегда была основополагающей в политике ИНК. При Дж. Неру предпочтение отдавалось неинституционализированным способам решения проблем меньшинств. При И. Ганди Конгресс встал на путь определения направлений своей политики в отношении меньшинств, что было реализовано в программе из 15-ти пунктов И. Ганди с добавлениями, сделанными впоследствии Р. Ганди. В 1990–2000 гг. ИНК пришел к пониманию необходимости институционализации защиты прав религиозных меньшинств, свидетельством чего является его поддержка работы Национальной комиссии по меньшинствам и создание в январе 2006 г. Министерства по делам меньшинств. Принятая в 2006 г. новая программа из 15-ти пунктов по повышению уровня благосостояния меньшинств обозначила основные направления государственной политики в отношении меньшинств. Ее главные цели – увеличение возможностей для образования; обеспечение равной доли меньшинств в экономической деятельности и занятости; улучшение условий проживания; предотвращение и контроль религиозно-общинных распри и насилия.

Индийское правительство осуществляет специальные программы помощи отсталым слоям, в том числе мусульманским общинам. Согласно ежегодным отчетам министерства по делам меньшинств

в области образования осуществляется присуждение трех специальных стипендиальных программ для студентов, принадлежащих к общинам меньшинств: в сфере технического и профессионального образования (Merit-cum means based Scholarship Scheme), в области довузовского (Pre-Matric Scholarship Scheme) и высшего образования (Post-Matric Scholarship Scheme). Они нацелены на малоимущие слои учащихся и студентов, доход родителей которых не превышает 100–250 тыс. руп. в год. Расходы по финансированию программ практически полностью несет центральное правительство. Выполняются они через правительства штатов и администрации союзных территорий.

Согласно официальным данным, представленным в индийский парламент, результатом новой программы премьер-министра М.Сингха в сфере занятости является увеличение доли меньшинств в получении новых рабочих мест в центральном правительстве. В целом доля занятости в центральном секторе занятости возросла с 6,9% в 2006–2007 гг. до 8,7% в 2007–2008 гг. Лидирующими отраслями, в которых доля меньшинств возросла, являются железная дорога, банковский государственный сектор и финансовые институты, за ними следуют армия и полувоенизированные силы. В процентных долях железная дорога насчитывает самый большой подъем. Около 6,3% нанятых самым большим работодателем страны в 2007–2008 гг. – представители общин меньшинств, здесь доля увеличилась вдвое по сравнению с 2006–2007 гг. Несмотря на сокращение рабочих мест, абсолютное число нанятых из меньшинств было больше [5].

Увеличению представительства меньшинств в центральном секторе занятости в определенной степени способствует программа подготовки к экзаменам, реализуемая министерством по делам меньшинств с 2007 г. Ее задача – «помочь экономически слабым слоям студентов и кандидатов, принадлежащим общинам меньшинств, путем предоставления им возможности повышения уровня знаний для дальнейшего трудоустройства в государственном и частном секторах, для прохождения конкурсных экзаменов при поступлении в престижные технические и профессиональные учебные заведения. На конец 2010 г. около 5 тыс. студентов из общин меньшинств была предоставлена финансовая помощь для подготовки к экзаменам.

Правительство ОПА многое делает для организации и регулирования паломничества мусульман (хаджа). Оно увеличило количество паломников из Индии, совершающих хадж, и восстановило субсидии, которые отменило предыдущее правительство. Так, в 2009 г. квота для индийских мусульман, желающих совершить хадж, составила 160 тыс. человек. Подавляющее большинство паломников отправляются в хадж через Индийский комитет по хаджу. По сравнению с 2000 г. их количество увеличилось почти в 2 раза.

Важным инструментом консолидации и интеграции поликонфессионального общества Индии и привлечения всех граждан к процессам управления страны является политика позитивной дискриминации. Суть ее заключается в резервировании мест в государственном секторе экономики и в высших учебных заведениях для «отсталых классов» и в проведении мер, направленных на преодоление социально-экономической и культурной отсталости этих слоев населения. Резервирование рассматривается как временная мера, которая не может решить принципиальные проблемы отсталости.

Что касается самих мусульман, то, по мнению Е. Юрловой, «мусульманская элита, а тем более ортодоксальная, фундаменталистская ее часть, не прилагает усилий к интеграции, а больше заботится о своих интересах. Деструктивную роль в этом деле играют шовинистические лидеры индусской общины, которые стремятся нажать политический капитал на антимусульманских настроениях» [1].

Второе. Полезным, на наш взгляд, может оказаться индийский опыт механизма принятия решений по ключевым вопросам мусульманского меньшинства. Важнейшие решения по вопросам социально-экономического развития, повышения материального благополучия религиозных меньшинств, правительство Индии принимает с учетом рекомендаций ученых, экспертов и специалистов в соответствующей отрасли – после изучения развернутых докладов состоящих из них комиссий, комитетов, исследовательских групп и т.п. Это существенно повышает обоснованность принимаемых решений.

Так, в марте 2005 г. премьер-министром страны была создана Комиссия высшего уровня под председательством судьи Раджиндар Сачара (в народе больше известная как Комиссия Сачара) по социальному, экономическому и образовательному статусу мусульманской общины Индии. Создание комитета по мусульманской общине было продиктовано насущной необходимостью уточнения реальной ситуации в положении мусульман.

Комитет Сачара проанализировал многие стороны жизни мусульман: их численность и расселение по регионам страны, вопросы занятости, уровень доходов и потребления, состояние образования и здоровья. Данные, характеризующие уровень социально-экономического развития мусульман, аналогичны данным Переписи населения 2001 г. о том, что мусульмане находятся на нижних ступенях индийского общества.

В ноябре 2006 г. комитет Сачара представил в парламент отчет на 400 страницах. Это было первое систематическое исследование проблем мусульманской общины на правительственном уровне. С принятием отчета Сачара официально была признана отсталость мусульман в области образования, экономической деятельности и занятости.

Для улучшения социально-экономического положения мусульманских низов в докладе Сачара содержалось 76 рекомендаций. Для проведения их в жизнь были разработаны и одобрены «Мероприятия, необходимые для исполнения рекомендаций Комиссии Сачара» (2007 г.). На конец декабря 2008 г. во исполнение рекомендаций Комиссии предприняты следующие инициативы. В 2007–2008 гг. определены 90 районов со значительным населением меньшинств, которые отстают по социально-экономическим параметрам и элементарным условиям проживания. В 2008–2009 гг. начата реализация «Многосторонней развивающей программы». Обновлена программа модернизации медресе, чтобы сделать ее более привлекательной предусмотрено увеличение заработной платы учителям, возможности доступа к книгам, вспомогательным учебным пособиям, компьютерам и др. В настоящее время данный проект известен под названием «Качественное улучшение образования в медресе» [6].

Список использованных источников

1. Юрлова Е. Индия: мусульмане и мусульманки // Азия и Африка сегодня. 2007. № 10.
2. Юнусова А.Б. Национальная политика и этноконфессиональные процессы в Башкортостане в контексте «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Россия и ее регионы: в поиске гражданского единства и межнационального согласия» (Уфа, 10 ноября 2011 г.). Уфа, 2011.
3. Census of India 2001 // http://www.censusindia.gov.in/Census_Data_2001/Census_data_finder/H_Series/Households_By_Religion.htm.
4. Мухаметзянова-Дуггал Р.М. Общественно-правовое и социально-экономическое положение мусульманского меньшинства в Индии // 1-й Казанский международный научный форум «Ислам в мультикультурном мире» 1–3 ноября 2011 г. (г. Казань, Республика Татарстан). М.; Казань: Изд-во Казанского университета, 2012. С. 83–95.
5. Haq Z. Jump in jobs for minorities // The Hindustan Times, 24.12. 2008. P. 15.
6. Annual report 2010–2011. Ministry of Minority Affairs. Government of India. New Delhi. P. 16.

Т.М. Надыршин

ПРЕПОДАВАНИЕ ЗНАНИЙ ОБ ИСЛАМЕ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

T.M. Nadyrshin

TEACHING ISLAM IN PUBLIC EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN RUSSIA AND ABROAD

Аннотация: В статье рассмотрены особенности преподавания модуля «Основы исламской культуры» курса «Основы религиозных культур и светской этики». Также дается краткий обзор опыта преподавания знаний об исламе в зарубежных странах.

Abstract: The article describes «Basics of the Islamic culture» module features of «The basics of the religious cultures and secular ethics» course. The synopsis of Islamic religious education taught abroad is given in the article.

Ключевые слова: Основы исламской культуры, школа, преподавание религии.

Key words: The Basics of the Islamic culture, school, teaching, Religious education.

Религия в общеобразовательных учреждениях в современном секуляризованном мире может рассматриваться с разных точек зрения. Многие видят в этом угрозу всем достижениям «светского». «Государство отделено от церкви» – становится лозунгом противников религии и элементов религиозного образования в школах, хотя и слово «церковь» сложно соотносится с Исламом. В большинстве немусульманских странах вторая по численности религиозная диаспора мусульман не может оставаться незамеченной. Играя огромную роль в общественной жизни, Ислам справедливо занимает свою укрупняющуюся нишу в образовании, побуждая изучать себя в светской школе.

Россия тоже не остается позади этого процесса. С 2012 г. введен предмет «Основы религиозных культур и светской этики», одним из выборных модулей которого является «Основы исламской культуры». Знание об Исламе и мусульманском вероучении дается в модуле «Основы мировых религиозных культур» и какие-то элементы преподносятся на модуле «Основы светской этики».

В России около 4 % родителей выбрали для преподавания модуль «Основы исламской культуры». В Республике Башкортостан ситуация аналогичная. Несмотря на то, что большинство населения хоть и признает себя верующим и соотносит себя с той или иной религиозной традицией, тем не менее, не рискует давать детям обширные религиозные знания и останавливает свой выбор на «Основах светской этики» или «Основах мировых религиозных культур».

Процесс выбора модуля родителями «Основы исламской культуры» может быть связан с традициями населенного пункта. Такие модули обычно выбирают в крупных мононациональных селах. Иногда модуль могут выбрать в школе райцентра. Как правило, это один из классов в национальных гимназиях.

Обычно при выборе данного модуля присутствие духовенства в школе является нормой. Это ни в коем случае не означает, что духовенство преподает уроки. Мусульманское духовенство приглашают в школы на отдельные занятия. Существует и обратная практика: учителя организуют экскурсии в местную мечеть. Такое происходит не только в тех школах, где выбрали модуль «Основ исламской культуры», но и в учебных заведениях, где родители взяли для изучения «Основы светской этики» или «Основы мировых религиозных культур».

Преподавание модуля «Основы исламской культуры» формирует определенное религиозное поведение учащихся: повышение интереса к обрядности и молитвенной практике. Учащиеся начинают чаще самостоятельно посещать мечеть, в том числе и пятничные проповеди. Некоторые обучаются чтению Корана.

В качестве методических материалов на уроках «Основ исламской культуры» используются документальные фильмы духовного содержания или мультфильмы с сюжетами, провозглашающими общечеловеческие добродетели.

Большинство школьников, родители которых выбрали указанный модуль, работают по учебникам издательства «Просвещение». Учебник модуля носит следующую структуру:

Первый урок является ознакомительным и носит немодульный характер, со второго урока предусматривается раздельное преподавание комплексного курса ОРКСЭ в соответствии с выбранными семьями учащихся модулями. Таким образом, второй урок является вводным для второй части модуля «Основы исламской культуры». Его тема «Колыбель ислама». На втором уроке раскрываются нравственные составляющие понятий «ислам», «мусульмане», «исламская религия». Уроки 3–5 посвящены пророку Мухаммаду. Эта тема логически завершается на пятом уроке, посвященном путешествию Мухаммада с ангелом Джibriлом (Мирадж). Одновременно с повествованием о Мухаммаде объясняются сложные вопросы о принятии новой религии и ее распространении. Шестой урок рассказывает о важнейшем событии в истории ислама – хиджре. Уроки 7–15 раскрывают основные аспекты веры мусульман в Аллаха и связанные с этим религиозные традиции исламской культуры. Учащиеся узнают о священных писаниях и обязанностях мусульман, о столпах веры мусульман и др. На этих уроках вводится много новых понятий, которые важны для понимания своеобразия исламской культуры.

Вторая часть завершается подведением итогов по пройденному материалу и несложными творческими работами (уроки 16–17).

Темы третьей части посвящены истории возникновения и распространения исламской религии в России (13 часов) [5, С. 10–12].

Что касается преподавания знаний об Исламе в зарубежных странах, то, безусловно, необходимо говорить о том, что происходят два очевидных процесса: во-первых постепенная секуляризация религиозного образования в мусульманских странах и получение возможностей изучать Ислам в стенах общеобразовательных школ западных государств.

События 11 сентября, война в Ираке, распространение Ислама на Западе, устойчивый конфликт на Ближнем Востоке стали причиной непрекращающихся дебат о сущности Ислама и его роли в системе образования в США. Так как существует два основных лагеря ученых, один из которых утверждает, что Ислам и Запад вовлечены в непримиримую борьбу за мировое господство, порожденное культурными различиями, противоположными мировоззрениями, различными политическими программами, то другая группа в противовес им считает, что только Исламский фундаментализм, который является искаженным – угроза Западу [3, Р. 279]. Большинство американцев не могут понять политические события в регионах, где религия является центральной в жизни общества. И поэтому студенту будет трудно понять конфликт между Индией и Пакистаном в Кашмире [3, Р. 280].

На настоящий момент идут дискуссии, касающиеся введения знаний об Исламе в США. За это ратуют множество ученых: в таком предмете должны быть отражены значение Ислама, трансцендентность и единство Аллаха, значение Мухаммеда, его деяний и высказываний (Хадис), важность Корана для Ислама, Шариат (право), пять столпов ислама и шесть столпов веры, достижения мусульманской цивилизации, причины широкого распространения Ислама, и причины и сущность разделений внутри Ислама [3, Р. 282].

Если взять для рассмотрения Европейские государства, то для школьников-мусульман на настоящий момент предоставляется изучать собственную религию в стенах школы. Такая возможность предоставляется для мусульманских диаспор Испании, Бельгии. Чехии.

Что касается мусульманских стран, то ситуация здесь несколько иная.

Турция являлась в XX веке единственным государством с преобладающим мусульманским населением, в котором произошел резкий разрыв с религиозным образованием. Этот разрыв был преодолен спустя несколько десятилетий после внедрения предмета. На настоящий момент, согласно ряду исследований до 80 % населения Турции считает правильным существование религиозных школы и постоянных уроков религии в школе.

В 1920 г. открылась Первая Ассамблея Турецкой Республики, на которой решался вопрос о национальном или религиозном характере школ, в результате делегаты остановились на первом варианте. С 1924 по 1930 гг. религия была полностью изъята из школьной программы. Позже был наложен запрет на исследования, сочинения, публикации о религии. Было запрещено частное религиозное образование.

Последующие 19 лет молодое поколение было воспитано без какого-либо знания религии, за исключением дома, или тех случаев, когда гражданин обучался где-либо самостоятельно, что пресекалось государством. С 1946 г. предмет религии возвращается в связи с введением в Турции многопартийности, и Республиканская партия, находящаяся у власти возвращает предмет. Это был один из популистских актов политической программы. В 1949 г. Религиозное образование по выбору было введено в 4–5 классах. Предмет шел один раз в неделю, и школьники начинали заниматься по заявлению родителей. С 1950 г. предмет становится обязательным с возможностью отказаться от изучения. С 1956 г. урок был перенесен в 6–7 классы. В 1967 г. еще один урок был добавлен в 9–10 классы. В 1974 г. обязательный урок этики был внедрен с 4 по 10 классы. В 1976 г. еще по одному часу было добавлено в 8 и 11 классы.

В 1982 г. предмет стал обязательным для всех без возможности ухода от предмета. Он получил название «Религиозная культура и знание этики».

Система школ Имам-хатипов, которая пришла на смену медресе тоже претерпела изменение. В 1950 г. были внедрены 4-х летние школы Имамов-хатипов. В 1955 г. образование продлилось в них до 7 лет. В 1971 г. средняя секция Имам-хатипов была закрыта. В 1970-х гг. они были реорганизованы в профессиональные училища. В 1997 г. средняя секция снова была закрыта [2].

В Алжире предмет Религиозного образования носит конфессиональную направленность, начиная с получения независимости. Урок начинается с первого класса и достигает 90 минут в неделю в начальной школе, а в средней снижается до 60 [4, Р. 1220].

Преподавание религии в Египте носит особый характер, в связи со значительной долей христианско-коптов. Христианские школьники в Египте получают знания о своей религии от священников, но не вовлечены в изучение Ислама. Мусульманские школьники изучают христианство через призму Исламского вероучения.

Особое внимание уделяется изучению арабского языка. Богослужение в Исламе на арабском и поэтому представители всех конфессий могут быть приобщены к Исламу через этот язык, который является к тому же и государственным [1, Р. 4–5]. В учебниках по религиозному образованию особое внимание уделяется жизни Пророка Мухаммеда и первых четырех халифов [1, Р. 6].

Что касается Туниса, то воспитанию ценностей свободы, сотрудничества, толерантности в учебниках этого государства уделяется больше места. На настоящий момент в стране, где 98 % населения составляют мусульмане, единственная религия, которая преподается в школе – это Ислам, а история Христианства и Иудаизма рассказывается на уроке общественных наук [1, Р. 8]. Уважение к другим верованиям – преподносится как религиозная добродетель. Религия преподается как личное дело каждого и не говорится об идее интеграции ее в общественные или государственные институты [1, Р. 9].

Египетские школьники имели по три урока религии в начальной школе и два в средней школе. Тунисские школьники имели по два урока в начальной школе и 1,5 урока – в среднем и старшем звеньях школы. В арабских странах число уроков варьируется от 1–2 уроков в неделю (Марокко), 3 урока (Иордания), до 6 уроков (Оман). В Саудовской Аравии в начальной школе 9 уроков религии в неделю. В Иордане и Палестине вовлечение в религию идет через преподавание языка [1, Р. 10].

Происламские режимы в Египте и Тунисе (Братья-мусульмане и Партия возрождения) рассматривали религию, как центральное ядро образования, но они не говорили о том, чтобы поменять систему образования на исламскую, а скорее о том, что школьный этос и поведение учеников должно соответствовать исламской модели [1, Р. 11].

Интеграция религиозного и светского образования в полной мере реализуется именно на конфессиональных модулях предмета ОРКСЭ. Стратегической целью интеграции в конце концов является формирование оптимальной модели образования, интегрирующей и адаптирующей друг к другу практику обучения в светских и религиозных учебных заведениях с соблюдением правовых норм и с учетом духовных и практических потребностей граждан РФ [6, С. 7].

Модуль «Основы исламской культуры» сравнительно мало выбирают в России, однако процент этот стабилен и тем более ценен. Исходя из того, что предмет религиозен по содержанию, хотя и декларируется нейтральность учителя, перед предметом ОРКСЭ стоят перспективы формализации некоторых аспектов, что приведет к серьезным изменениям внутри, в первую очередь конфессиональных модулей курса, но и в этом случае нельзя будет говорить об окончании институционализации предмета.

Список использованных источников

1. Faour M. Religious education and pluralism in Egypt and Tunisia. The Carnegie papers. Washington DC. 2012. 34 p.
2. Hendek A. Religious education in Turkey. 30 August 2013 Friday // <http://www.worldbulletin.net/haber/116510/religious-education-in-turkey>.
3. Moore J.R. Teaching about Islam in Secondary Schools: Curricular and Pedagogical Considerations // *Equity & Excellence in Education*. 2006. № 39. P. 279–286.
4. Tiliouine H. Islamic Education and Youth Well-Being in Muslim Countries, with a Specific Reference to Algeria // *Handbook of Child Well-Being. Theories, Methods and Policies in Global Perspective*. Springer, Dordrecht, Heidelberg, New-York, London, 2014. P. 1209–1226.
5. Марченко О.Н. Методическое пособие для учителя (поурочные разработки к учебнику Д.И. Латышиной, М.Ф. Муртазина «Основы исламской культуры») / Под редакцией М.Ф. Муртазина. М.: Просвещение, 2012. 293 с.
6. Юнусова А.Б. Интеграция религиозного и светского образования: модели, практики, перспективы // *Интеграция религиозного и светского образования: опыт Республики Башкортостан. Сборник материалов Круглого стола, Уфа, 31 октября 2012 г.*, С. 3–11.

ИСЛАМИЗМ (ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИСЛАМ) В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕРМИНА

ISLAMISM (POLITICAL ISLAM) IN THE CONTEXT OF SOCIAL AND POLITICAL PROCESSES: TRANSFORMATION OF THE TERM

Аннотация: В статье проведен анализ трансформации политического термина «исламизм» в контексте социально-политических процессов XVIII–XXI вв. Оказалось, что этот термин ранее имел совсем другое значение; только во второй половине XX в., благодаря многочисленным исследованиям французских ученых, он получил политическую окраску и распространился по всему миру.

Abstract: The article deals with the analysis of transformation of the political term “islamism” in the context of social and political processes in the XVIII–XXIth centuries. The study revealed that this term had previously had a very different meaning; only in the second half of the XXth century it became a political term due to numerous studies of French scholars and spread all over the world.

Ключевые слова: Исламизм, Ислам, политический Ислам, интегризм, фундаментализм, реисламизация, возрождение Ислама.

Key words: Islamism, Islam, political Islam, integrism, fundamentalism, re-Islamization, Islamic revival.

Приблизительно в 90-е годы прошлого века в отечественных СМИ и научных трудах российских ученых стал широко употребляться политический термин «исламизм», под которым подразумевался «политический ислам», чтобы не смешивать его с традиционным исламом как религиозной системой. В последнее время появилось множество научных работ, в которых ставился вопрос о том, что же такое «политический ислам» или «исламизм»? Говорилось также, что «одной из актуальных задач отечественного обществоведения является определение понятий и терминов, используемых при описании сложных процессов, связанных с возрождением и усилением роли исламской религии в самих исламских странах и на международном уровне. Для решения этой задачи требуется концептуализация этого понятия – политический ислам: что это – идеология, или практика, или то и другое вместе?» [11]. При этом излагались самые разные, порой даже противоречивые определения этому термину [10; 11; 16; 17]. Однако почти все авторы, ссылаясь на некоторые авторитетные источники, почему-то не обращались к трудам известных российских ученых-арабистов В.В. Наумкина [12], Б.В. Долгова [2; 3] и Р.Г. Ланды [8; 9], который одним из первых в отечественной науке разграничил понятия «фундаментализм», «интегризм» и «политический ислам» [8, 30]. Именно эти авторы обстоятельно и аргументировано проследили причины политизации ислама и попытались дать наиболее полное на сегодняшний день определение феномену «политический ислам».

Еще большее удивление вызывает отсутствие во многих подобных работах отечественных авторов анализа трудов западных и арабских исследователей. Попробуем в рамках настоящей небольшой статьи в общих чертах проследить трансформацию термина «исламизм (политический ислам)» в контексте социально-политических процессов с учетом обзора наиболее важных трудов отечественных и зарубежных ученых. Мы попытаемся ответить на такие вопросы: Когда и почему появились термины «политический ислам» и «исламизм»? Всегда ли термин «исламизм» имел политическое содержание? Разумеется, для того, чтобы дать исчерпывающее определение этим понятиям и установить их соотношение с другими требуется отдельное исследование.

В России термин «исламизм» широко употреблялся уже в начале XX в., и, по-видимому, был хорошо известен еще раньше. Среди работ выдающегося отечественного исламоведа В.В. Бартольда (1869–1930) есть рецензия на книгу П. Цветкова под названием «Исламизм» в четырех томах, изданную в 1912–1913 гг. в Ашхабаде [1, 403–412]. Примечательно, что во всех остальных своих работах В.В. Бартольд не употребляет этот термин; ученый использует его только в указанной рецензии и только в цитатах из рецензируемой работы П. Цветкова. Из рецензии следует, что термин «исламизм» был уже хорошо известен и распространен в начале XX в. в России, однако имел совершенно другое значение, без политического наполнения. В то время он означал идеологию и совокупность практических действий верующего мусульманина и использовался как синоним слова «ислам»

с той лишь разницей, что термин «исламизм» был распространен только среди обывателей, поскольку в академической среде того времени не употреблялся. Например, этот термин отсутствует также в работах известных отечественных арабистов чл-кор. А.Э. Шмидта (1871–1939), академиков В.Р. Розена (1849–1908) и И.Ю. Крачковского (1883–1951), чл-кор. А.Ю. Якубовского (1886–1953). К стати, книга П. Цветкова носила популярный характер и предназначалась как раз для широкой аудитории.

Если обратиться к толковым словарям русского языка, то можно обнаружить, что суффикс *-изм* в русском языке, как правило, образует существительное мужского рода со значением учения, идейного течения, направления мысли, стиля, характера действия и т. п. Как раз в этом значении и употреблялся «исламизм» в начале XX в. Что касается термина «политический ислам», то В.В. Бартольд его также не употребляет, по-видимому, ученому этот термин был неизвестен, хотя во многих своих работах он отмечает ярко выраженную политическую составляющую ислама. Как известно, с самого начала своей истории ислам развивался не только как религия, но и как один из двух (наряду с арабским языком) системообразующих государство факторов. Очевидно, вскоре термин «исламизм» был забыт и полностью вытеснен словом «ислам»; к нему вернулись лишь во второй половине XX в. после нефтяного бума и известной иранской революции 1979 г., завершившейся установлением Исламской республики под руководством аятоллы Хомейни.

Вот что пишут о возрастающей роли ислама на мировой арене известные современные востоковеды-политологи, профессора Удо Штайнбах [24; 25] и Петер Хайне [21], работы которых высоко ценятся не только западными учеными, но и арабскими. Очень высокую оценку им дал, например, иорданский исследователь-политолог Ибрахим Абу Хашхаш, отметив, что «к великому сожалению, книги этих замечательных ученых известны лишь в узких университетских кругах преподавателей и студентов; эти книги не могут попасть в руки рядовых немецких граждан, которые вынуждены черпать сведения об исламе из телевизионных программ, других СМИ и популярной литературы, написанной “специалистами” по исламу» [26, 113].

Оба исследователя отмечают, что, начиная с последней четверти XX века, ислам оказался в центре интересов западных политиков и ученых, так как вступил в «стадию расцвета» и стал играть важную роль на мировой политической арене [25, 9]. Два обстоятельства – нефтяные богатства, вынудившие Запад считаться со странами Ближнего Востока на мировой арене, и успех исламской революции в Иране – кардинально изменили современную историю мусульманских стран и послужили «импульсами реисламизации», по выражению Удо Штайнбаха [25, 13]. Иран же, по мнению Петера Хайне, «продемонстрировал новую парадигму развития исламского государства» [21]. «Прежде ученые рассматривали ислам только как религиозную систему, а экстремистские организации – как незначительные явления, от которых, казалось, не исходит опасности для политического и экономического развития государств с исламским большинством населения», – отмечает немецкий востоковед [21]. Как тут не вспомнить Е.М. Примакова, еще в 1982 г. отметившего несостоятельность прогнозов западных ученых в отношении развития мусульманского региона. Он писал: «“Исламский бум” конца 70-х – начала 80-х годов застал врасплох буржуазных политологов, прежде всего в США, хотя после Второй мировой войны там уделялось значительно больше внимания современным проблемам ислама, чем в других странах Запада» [13, 70]. До середины 60-х годов XX века ислам изучался исключительно в теоретическом аспекте, тогда как мусульманская религиозная практика не привлекала внимание исследователей, и это было непростительной ошибкой, замечает Петер Хайне. (Здесь необходимо заметить, что эта точка зрения совпадает с мнением отечественных востоковедов Р.Г. Ланды и А.А. Игнатенко, который еще в 1988 г. обратил внимание на эту серьезную проблему). И только с середины 60-х годов XX века, продолжает Петер Хайне, ученые стали отмечать, что отдельные течения в исламе начали оказывать сильное воздействие на общество, что повлекло за собой существенные изменения в духовной жизни. В странах, традиционно считавшихся мусульманскими, формируется новое общественное сознание, положившее начало «возрождению ислама» или реисламизации. Примечательно, что немецкие авторы не употребляют термины «политический ислам» и «исламизм». Не использует эти термины и А.А. Игнатенко [4] в своем известном исследовании, опубликованном еще в 1988 г. и посвященном истории, идеологии и деятельности как раз исламистских организаций. Правда, на странице 77 есть цитата, в которой термин «исламизм» употреблен в современном значении, со ссылкой на источник 1986 г.

Чтобы точнее установить дату распространения терминов «исламизм (политический ислам)» и их значение необходимо обратиться к официальным словарям и справочникам русского языка, отражающим языковые изменения по материалам прессы и литературы. Оказалось, что искомые термины отсутствуют в таких известных изданиях, как «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов/Под ред. Е.А. Левашова. – СПб.: РАН, Институт лингвистических исследований, 1997», «Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Складневской. – СПб., 1998»; нет этих терминов даже в «Самом новейшем толковом словаре XXI в.» Е.Н. Шагаловой, М., 2011. Большой толковый словарь русского языка онлайн, если верить portalу Грамота.ру, дает следующее определение исламизму: «Политическое течение, направленное на создание социально-экономических условий, при которых нормы мусульманского права, морали, религиозных предписаний и ритуалов станут нормой жизни всего мира. // Идеология, возрождающая священную войну (джихад) в ее самых агрессивных формах, практиковавшихся мусульманской общиной времен пророка Мухаммеда». Из этого определения следует, что исламизм, являясь политическим течением, тесно связан с исламизацией как процессом и его результатом [Подробно об исламизации 14; 15]. Однако этот справочник не указывает приблизительное время появления этого термина в российской прессе. В тематических справочниках посвященных исламу этих терминов тоже нет [5; 6].

Оказалось, что в наиболее популярных западных изданиях Энциклопедии ислама издательств Макмиллан (Нью Йорк, 2004) и Брилля (Лейден, 2010) эти термины также отсутствуют. Зато «исламизм» удалось обнаружить в онлайн Словаре английского языка (Оксфорд, 2012) с краткой исторической справкой, из которой следует, что это слово употреблялось как синоним ислама с 1712 г., однако к началу XX в. было полностью вытеснено словом «ислам». К 1938 г., когда совместными усилиями востоковедов всего мира было подготовлено первое издание «Энциклопедии ислама» (издательство Брилля, Лейден), этот термин совсем исчез из употребления. «Исламизм» в его современном значении стал употребляться в академических кругах Франции в конце 1970-х – начале 1980-х гг. Затем из французского языка этот термин попал в английский в середине 1980-х и постепенно заменил термин «исламский фундаментализм», который был в ходу среди англоязычных ученых.

Интересный материал по истории термина «исламизм» содержится в статье современного американского исследователя Мартина Крамера (р. 1954) [22]. Автор указывает, что этот термин впервые появился во французском языке в середине XVIII в. и употреблялся как синоним слова «ислам», обозначая попросту религию мусульман. В то время это слово еще не имело современной политической окраски. Именно в таком смысле употребляли этот термин Вольтер, Ренан, А. де Токвилль и другие французские ученые и мыслители. В Оксфордском словаре английского языка 1900 г. исламизм определен как «религиозная система мусульман». Далее автор статьи отмечает, что современное политическое наполнение этот термин получил там, где он появился, т. е. во Франции, в конце 1970-х гг., когда различные исламские политические течения стали заявлять о себе на политической арене. Именно французские ученые решили наполнить старый термин новым содержанием, и «исламизм» с новым значением тут же попал в заголовки многочисленных статей и книг.

Известный французский ученый-исламовед Максим Родинсон (1915–2004) предостерегал коллег, чтобы те не вводили в заблуждение читателей: ведь во всех словарях того времени исламизм трактовался как синоним ислама. Чтобы не путать читателей, М. Родинсон ввел свой термин для обозначения политического ислама – «интегризм», который не получил широкого распространения. Тем не менее, к середине 1980-х гг. термин «исламизм» стал обозначать современный ислам как политическую идеологию и политическую программу. Англоязычные же ученые предпочитали использовать в этом же смысле совсем другой термин – «фундаментализм», вкладывая в него то же значение, что и французские ученые вкладывали в «исламизм». И только после 1985 г. с переводами многочисленных книг и статей французских ученых, в частности трудов Жюль Кепеля [7], термины «исламизм» и «исламист» прочно закрепились и в английском языке [22, 69].

Другой современный американский ученый Дэниель Пайпс (р. 1949) отмечает, что ряд ученых и сегодня рассматривает исламизм как одну из форм традиционного ислама, имеющую принципиальное отличие в том, что «традиционный ислам пытается научить людей жить в согласии с волей Бога, тогда как исламизм стремится создать новый порядок» [23, 90].

Теперь обратимся к работам арабских ученых, как они интерпретируют данные термины, не упуская из поля зрения также интернет-ресурсы на арабском языке. «Политический ислам» (ал-ислам ас-

сийаси) или «исламизм» (ал-исламиийа)¹, по мнению арабских авторов, можно определить как «совокупность политических идей и целей, которые ставят перед собой фундаменталисты, убежденные в том, что ислам не только вера, но и политический, социальный, правовой и экономический порядок, который реализуется через государственные организации» [29]. Далее отмечается, что политический ислам начался с противостояния процессу вестернизации мусульманских государств в начале XX в. Многие западные ученые еще в середине XX в. отмечали, что вестернизация на Ближнем Востоке привела к оживлению ислама и его политизации [18; 19; 20]. Например, Густав фон Грюнебаум (1909–1972) в 1962 г. обратил серьезное внимание на проблему вестернизации ислама. В своей фундаментальной монографии, не утратившей значения до настоящего времени, он указывает на то, что вестернизация ислама началась уже в IX в., когда арабские ученые знакомились и активно воспринимали достижения древнегреческой философии. Исследователь отмечает также, что роль вестернизации в исламе до конца не изучена, и очень может быть, что после глубокого изучения этой проблемы «мусульманскую историю придется переписать», отмечая при этом растущую роль вестернизации ислама в будущем [20, 24–26].

Современный иорданский ученый Муса Бархума в статье «"Политический ислам": смысловой анализ» утверждает, что этот феномен возник с появлением на политической арене «Братьев-мусульман» в 1928 г. [28]. Он тоже, как и Д. Пайпс, считает, что политический ислам стремится к реформам, к созданию нового миропорядка. Выдающийся египетский философ-исламовед Мустафа Махмуд (1921–2009) выступал категорически против политизации ислама, утверждая, что существует единый ислам и единственной ошибкой представителей различных современных исламских течений было то, что они шли в тюрьмы или стремились совершить перевороты, вместо того, чтобы вести избирательную борьбу и добиваться мест в парламентах и правительствах [27].

Как видно, среди арабских ученых нет единства по поводу того, что же такое политический ислам, и когда он получил современное значение. Дальнейший анализ с привлечением других исследований позволяет сделать вывод о том, что большинство арабских ученых все же негативно относятся к термину «исламизм (политический ислам)», полагая, что существует единый ислам, который регулирует все стороны жизни мусульманской уммы: политическую, экономическую и культурную.

Подводя итоги всему сказанному можно заключить, что в Россию термин «исламизм» попал, скорее всего, в XIX в. из Франции и не имел современного политического значения, употребляясь как синоним слова «ислам». Как указывают российские и западные востоковеды «Исламизм» приобрел политическую окраску в связи с оживлением ислама на мировой арене в 1970-е гг. Современные термины «исламизм», «интегризм» и «фундаментализм» попали в отечественную науку из Франции, США и Великобритании во второй половине 1980-х гг., поскольку первое упоминание термина «исламизм» встречается в коллективной работе «Низшие городские слои и социальная эволюция стран Востока» 1986 г.

В российской науке, к сожалению, пока отсутствует единое и четкое определение термина «исламизм (политический ислам)», отсутствует также ясность в том, как соотносятся понятия «исламизм», «интегризм» и «фундаментализм». Хочется верить, что настоящая статья поможет в какой-то степени прояснить этот чрезвычайно сложный вопрос.

Список использованных источников

1. Бартольд В.В. Работы по истории Ислама и Арабского халифата. М.: ГРВЛ, Изд-во «Наука», 1966. 784 с.
2. Долгов Б.В. Исламизм в контексте межцивилизационного взаимодействия // Восток (Oriens). 2007. № 4. С. 85–99.
3. Долгов Б.В. Арабский мир в начале XXI в.: между демократией и исламизмом // Восток (Oriens). 2009. № 5. С. 89–100.
4. Игнатенко А.А. Халифы без халифата. Исламские неправительственные религиозно-политические организации на Ближнем Востоке: история, идеология, деятельность. М.: ГРВЛ, 1988. 208 с.
5. Ислам. Краткий справочник. М.: ГРВЛ, 1983.
6. Ислам. Энциклопедический словарь. М.: ГРВЛ, 1991.
7. Кепель Ж. Джихад: экспансия и закат исламизма / пер. с фр. М.: Ладомир, 2004. 468 с.
8. Ланда Р.Г. Политический ислам: предварительные итоги. М., 2005. 286 с.

¹ Для передачи арабских слов используется научная транскрипция, предложенная акад. И.Ю. Крачковским, однако диакритические знаки опущены по техническим причинам.

9. Ланда Р.Г. Социология современного Востока. М.: Восточный университет, 2008. 414 с.
10. Морина Т.С. Идеология исламизма как фактор политики современных мусульманских стран [Электронный ресурс]. URL: http://www.intelros.ru/pdf/politic-filosof/2011_4/5.pdf (дата обращения 7.09.2014).
11. Насыров И.П. Политический ислам. Тезисы доклада на заседании сектора социальной философии ИФ РАН 6 ноября 2012. [Электронный ресурс]. URL: http://iph.ras.ru/uplfile/socph/docs/NASYROV_Thesis_06Nov2012.pdf (дата обращения 23.09.2014).
12. Наумкин В.В. Исламский радикализм в зеркале новых концепций и подходов // Восток (Oriens). 2006. № 1. С. 5–25.
13. Примаков Е.М. Восток после краха колониальной системы. М.: ГРВЛ, 1982. 208 с.
14. Садыхова А.А. Основные концепции и подходы к пониманию исламизации и реисламизации в зарубежной науке (обзор Интернет-ресурсов) // Личность. Культура. Общество. Т. XI. Вып. 3. 2009. № 50. С. 362–369.
15. Садыхова А.А. Проблемы этноконфессиональных отношений в западноевропейской арабской публицистике. СПб., 2009. 204 с.
16. Степанова А.И. Политический ислам в странах Северной Африки // Сборник материалов IX Международной научной конференции студентов и молодых ученых «Наука и образование – 2014». Астана, 2014. С. 1785–1789.
17. Якупов М.Т. К проблеме политического ислама как источника псевдоисламского экстремизма // Актуальные инновационные исследования: наука и практика. Электронное научное издание. 2009. № 3–4 [Электронный ресурс]. URL: http://www.actualresearch.ru/nn/2009_3/Article/political/yakupov.htm (дата обращения 8.09.2014).
18. Caskel W. Western impact and Islamic civilization // Unity and variety in muslim civilization. Ed. by Gustave E. von Grunebaum. Chicago – London. 1963. P. 335–360.
19. Grunebaum G.E. von. The problem: unity in diversity // Unity and variety in muslim civilization. Ed. by Gustave E. von Grunebaum. Chicago – London. 1963. P. 17–37.
20. Grunebaum G.E. von. Modern Islam. The Search for Cultural Identity. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1962. p. 288.
21. Heine P. Der Islam im 21. Jahrhundert. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.thuringen.de/de/publikationen/pic/pubdownload98.doc> (дата обращения 23.09.2014).
22. Kramer, Martin. Coming to Terms: Fundamentalists or Islamists? Middle East Quarterly. Spring 2003. P. 65–77.
23. Pipes, Daniel. Islam and Islamism: Faith and Ideology // The National Interests. Spring, 2000. P. 87–93.
24. Steinbach U. Euro-Islam: Ein Wort, zwei Konzepte, viele Probleme: [Электронный ресурс]. URL: <http://de.qantara.de/inhalt/udo-steinbach-euro-islam-ein-wort-zwei-konzepte-viele-probleme> (дата обращения 23.09.2014).
25. Steinbach U. Vorbemerkung. Der Islam – Religion und Politik // Informationen zur politischen Bildung. Der Islam im Nahen Osten. 1. Quartal 1993.
26. Абу Хашхаш И. Мадхал ила-л-хитаб ал-джадид хаула-л-ислам фи алманийа // ат-Тасамух. 2003. № 2. С. 105–126 (на арабском языке).
27. Махмуд, Мустафа. Ал-ислам ас-сийаси ва л-марака-л-кадима. Ал-Кахира. 1992. 118 С. (на арабском языке).
28. Бархума, Муса. «Ал-ислам ас-сийаси» ва тафкикуху марифияйан // ал-Хайат. 07.04.2014 (на арабском языке).
29. Материалы сайта «Ал-ислам ас-сийаси» [Электронный ресурс]. URL: http://ar.wikipedia.org/wiki/يسايس_مالس (на арабском языке).

З.Ф. Салманова

ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВ МУСУЛЬМАНСКОЙ ЭСТЕТИКИ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Z.F. Salmanova

SETTING THE FUNDAMENTALS OF ISLAMIC AESTHETICS IN THE EARLY MIDDLE AGES

Аннотация: Приступая к изучению процесса сложения изобразительного искусства Азербайджана в раннем средневековье, автор статьи не может не коснуться вопроса его формирования в первые века ислама, т.е. в арабских странах и на Ближнем Востоке. Несмотря на арабские корни в момент возникновения, эта громадная империя обязана стремительным подъёмом также другим народам и конфессиям. Особое внимание уделяется системе изобразительности в мусульманский период, складывающейся во многом сходно как в Азербайджане, так и в других регионах. В итоге автор приходит к выводу, что удивительный синтез, возникший от взаимовлияния доисламских периодов развития и элементов культур соседних цивилизаций, в результате приводит к возникновению нового стиля.

Abstract: Getting to the study of the rise of Azerbaijan fine arts in the early Middle Ages, the author tackles the question of the fine arts formation in the early centuries of Islam, in the Arab world and the Middle East. Despite the Arabic roots the vast empire owes its rapid rise to other peoples and confessions. Particular attention is given to the system of imaging in the Muslim period being similar both in Azerbaijan and in other regions. In the end, the author concludes that the amazing synergy of the pre-Islamic development period and cultural elements of neighboring civilizations resulted in the emergence of a new style.

Ключевые слова: Изобразительное искусство Азербайджана; средневековье; доисламский период; синтез; Мусульманская эстетика.

Key words: Fine art of Azerbaijan; the Middle Ages; pre-Islamic period; synthesis; Muslim aesthetics.

Приступая к изучению изобразительного искусства Азербайджана, а точнее к рассмотрению процесса сложения его в раннем средневековье, мы не можем не коснуться вопроса формирования изобразительного искусства в первые века ислама, в арабских странах и на Ближнем Востоке. Несмотря на арабские корни в момент возникновения, эта громадная империя обязана стремительным подъёмом также и другим народам и другим конфессиям, которые обогатили интеллектуальную и художественную жизнь государства. Это и египтяне, и сирийцы, и иранцы, и тюрки и другие народы принявшие ислам. Несмотря на некоторые очевидные заблуждения относительно этого феномена, решающим фактором здесь явилась не сама народность как таковая, но абсолютная убеждённость всех народов исповедующих ислам, какой бы национальности они не были, что принадлежность к т.н. «арабской цивилизации» является отражением воли Создателя. Величайший учёный аль-Бируни выразил это чувство, это убеждение в чрезвычайно впечатляющей форме: уроженец одного из самых отдалённых уголков арабской цивилизации, Хорезма (б. Кара-Калпакская AP), он пишет: «Наша религия и наше государство являются арабскими, и они слиты воедино. Первую из них защищает могущество Божье, а вторую же – Длань Господня. Как много раз подвластные народы пытались изменить характер страны и культуры и придать ему неарабский облик. Но никогда им это не удавалось». Аль-Бируни видел в арабском языке язык веры и науки, главный фактор, цементирующий мусульманский мир, и он выразил следующей фразой своё преклонение перед ним: «Я предпочитаю, чтобы меня оскорбляли бы на арабском, нежели восхваляли на персидском». Система изобразительности в мусульманский период складывается во многом сходно как в Азербайджане, так и в других регионах мусульманского мира. Это удивительный синтез, возникший в процессе взаимовлияния и взаимопроникновения доисламских периодов развития, а также элементов культур соседних цивилизаций, в результате которого и возникает новый стиль. Лишь в самом начале, в первые десятилетия ислама искусство мусульманских народов продолжало сохранять этнический характер, но вскоре само понятие «арабский» распространилось на многонациональную и многоязычную культуру. Безусловно, мусульмане составляли подавляющее большинство на культурных территориях ислама, и создатели этой культуры очень динамично и смело, творчески осмыслили многочисленные культурные традиции, с которыми им приходилось сталкиваться. Очень скоро сложились принципы искусства, которое безошибочно, с первого взгляда можно назвать мусульманским. Законы мусульманской эстетики, фундаментальные понятия искусства ислама являлись на протяжении многих веков нерушимыми и, невзирая на внешние обстоятельства, как политического, так и экономического характера, жили и развивались согласно собственной логике развития, по своим собственным законам. Так, падение аббасидского халифата в 1258 г. не поколебало развития искусства. Наглядным тому примером является тот факт, что величайший из каллиграфов Востока Йагут аль-Мустасими, не отрываясь от своих занятий каллиграфией и невозмутимо писал, в то время как вокруг него в Багдаде, захваченном войсками Хулагу, основателя династии Ильханов, истреблялось население и разрушались великолепные сооружения, принесшие городу мировую славу.

В Египте, несмотря на то, что с середины XIII века по XVIII страной правили тюрки, также сохранялась и развивалась арабская мусульманская культура. Даже в Иране, в XIII–XIV веках влияние арабской культуры было безоговорочным, хотя и традиции Сасанидской эпохи были сильны, также как и антиарабские настроения. Однако уже к XIV веку обозначились различия между странами арабского мира с Ираком, Сирией, Египтом и востоком Иранского плато, а также югом Испании и Марокко.

В самом начале исламской эры понятие «живописи» следовало бы истолковывать в более широком смысле: это были не только фрески и живопись на традиционных материалах, но и мозаика из смальты и камня, изображения на стекле и керамике. И хотя для характеристики искусства других цивилизаций этого бы хватило, но для искусства ислама подобного лаконичного определения недо-

статочно. Это объясняется тем, что в среде западных специалистов существует устойчивое заблуждение, что в исламе запрещено изображение святых и привычное для Запада религиозное искусство.

В Коране ничего подобного нет по поводу запрета вообще, а лишь даётся несколько конкретных указаний. Осуждаются лишь некоторые привычки и обычаи языческого периода, как использование изображений (здесь имеются в виду идолы и поклонение им). Тем не менее в хадисах, которые сложились во II половине IX века, позиция относительно изображений явно враждебная. Худшими из людей считаются художники рисующие живых существ. А иметь эти изображения в доме считалось столь же зазорным, как и держать пса, животное нечистое, так как порог подобного дома не переступит ангел Прощения. Это считалось столь же греховным, как наносить на тело татуировку или отдавать деньги в рост. Запрет немного смягчается, если изображение находится на предметах и в местах не слишком почётных и важных, как, например, на коврах и подушках. Ходьба и сидение на них принижают значение этих изображений. В других случаях этот запрет почти не существует: это изображение растений и вещей, в «которых нет души», т.е. предметов. Юридические документы, опирающиеся на хадисы, истолковывают это выражение подобным образом: «Обезглавить, повредить изображенные живые существа, с тем, чтобы они стали неживыми, и в таком случае они имеют право на существование. Согласно этим текстам, хранение изображений является всё же меньшим грехом, нежели их создание.

В отличие от христианства, буддизма и манихейства, ислам никогда не нуждался в иконографии, сосредоточенной на земной жизни основателя религии. Напротив, именно Божественное Послание в его письменной форме, наделялось наибольшими почестями. Именно эти надписи и украшали здания в их декоративном звучании.

Одним из наиболее важных социальных факторов для развития искусства являлся фактор абсолютной власти монарха, будь то халифа, а в поздние времена и султана, т.е. наместников Пророка. В мусульманских странах, где клерикалы не были столь же всемогущи и вездесущи, как на христианском Западе, действия правителя не подвергались жёсткому контролю. Сам институт власти монарха был силён – на Востоке предпочитали сомнительную власть её отсутствию.

После героической эпохи раннего ислама запреты на жизненные наслаждения были смягчены, и во дворцах появилась роскошь, тяга к гедонистическим радостям жизни и ко всему прекрасному. Так во дворцы вошла живопись и изображения живых существ. Интеллектуальный климат ислама позволял понемногу введение фигуративности в изобразительное искусство. Начало положили живой интерес к наследию древности и широкая переводческая кампания. Уже со времён Омейядов, первой мусульманской династии, на арабский язык стали переводить греческие и коптские тексты, проводилась политика внедрения в мусульманскую философскую мысль учения древних греков и римлян. Часто переводимые произведения были иллюстрированы; то же происходило и с их переводами. А поскольку первоначально эти тексты были научного характера, то иллюстрации в целях наглядности были очень необходимы. Однако эти послабления в пользу изобразительности никогда не демонстрировались, скорее их обходили молчанием. Так, в труде выдающегося арабского историка ибн Халдуна «Мукаддима», завершённом в 1377 году, в главах об архитектуре и рукописной книге никогда не упоминается живопись. По существу, это умалчивание и отрицательное отношение к изображению в широких массах существовало вплоть до конца XIX века в мусульманском мире.

Период развития арабской живописи раннего ислама завершается к середине XIV века. С этого времени искусство живописи, и в частности миниатюры (иллюстрации к рукописной книге) переходит на Ближний Восток и даёт великолепные традиции Тебриза, Герата, Шираза и других центров миниатюры.

Одной из важнейших проблем эстетики мусульманского искусства является проблема сохранения фигуративной живописи в рамках её если не осуждения, то запрета. Некоторые исследователи задаются риторическим вопросом: «Существует ли мусульманское изобразительное искусство?». На первый взгляд для всех исследователей этой области искусства вопрос является простым: то есть является неоспоримой исторической очевидностью. С первых же лет мусульманского летоисчисления мечети украшались мозаиками, дворцы – настенными росписями, а огромное количество

художественно оформленных рукописей, созданных во всех концах мусульманского мира, украшены прекрасными миниатюрами. Более того, не следует не принимать во внимание художественную керамику, металл, дерево, художественную ткань и ковры, которые также внесли свою лепту в сферу фигуративного искусства. Перед лицом такого огромного количества произведений искусства вопрос существует ли мусульманское изобразительное искусство или нет является неуместным. Поэтому исследователи начинают свои труды по мусульманскому искусству с самых ранних времён распространения ислама на Аравийском полуострове.

Некоторые учёные пытались показать, что эти запреты на изображение живых существ не были повсеместными, и в ряде случаев теологи запрещали лишь создание «идолов». Но такие случаи были чрезвычайно редкими и касались лишь учения мутазилитов. Но столь повсеместное широкое распространение живописи опровергает выдвинутую нами гипотезу. Стремление объяснить подобное склонностью шиитов к живописи, в отличие от суннитов, также не имеет реальной почвы: большей частью фигуративная живопись существовала при дворах именно суннитских правителей, как арабские и мамлюкские миниатюры, миниатюры Ильханов и Джелаиридов, Тимуридов, Османской Турции и т.д. По существу лишь Фатимиды в Египте и Сефевиды в Иране были шиитскими династиями.

И всё же остаётся непоколебимым твёрдое убеждение мусульман, что изображение живых существ является тягчайшим грехом. Более точным является выражение «сотворение живых существ». Таким образом, как мусульманский художник, так и мусульманский меценат, подчиняясь запрету в хадисах, могли бы ограничиться изображением пейзажа, архитектуры, натюрмортов, цветов и т.д. Тем более удивительным является то, что во всех миниатюрах есть изображения живых существ, причём, преимущественно человека. И в этом – глубокий, высочайший гуманизм мусульманской цивилизации, для которой Человек – венец и основная цель акта Творения, без которого Вселенная была бы абсурдом, потеряла бы смысл. Мусульманский художник пошёл дальше: он не колеблясь изобразил всех пророков, святых и героев ислама, не говоря уже об ангелах. Он даже изобразил Вознесение пророка Мухаммеда (салла-л-ламу алейхи ва салам), его Мирадж, и многие другие эпизоды его жизни и другие мистические темы.

Отсюда можно заключить, что как художники, так и меценаты не пошли наилегчайшим путём ограничения изобразительности в исламе неодушевлёнными предметами.

Напротив, живопись практиковалась в открытую, монархи возвышали и одаривали художников, которые являлись людьми их свиты на равных правах с поэтами-мистиками, философами, врачами. Такие художники как Бехзад назначались главой шахской китаб-хане. В более поздние времена сами монархи обучались каллиграфии и живописи.

Ещё одним примечательным фактом является то, что мусульманская живопись, которая в первые десятилетия своего существования была в зависимости от византийской школы, и от её провинциальных ветвей – сирийской и коптской, в частности, от их мозаики и фрески, понемногу меняется, а затем и вовсе преобразуется, что сразу же бросается в глаза.

Нет более перспективы, сокращения предметов и людей по мере удаления вглубь, исчезают свет и тень, не моделируется более форма, персонажи теряют свой индивидуализированный облик и становятся типажам, нежели конкретными героями. Появляются различные трафаретные образы: человека, животного: верблюда, лошади и т.д., или тип седовласого старца, или юноши, или воина, слуги и т.д. Изображение, отбрасывающее тень – это один из тягчайших грехов по исламу. Это, прежде всего, относится к статуям, и подобное толкование первое, но не единственное. Разумеется, художники соблюдали этот запрет, и в их миниатюрах предметы не отбрасывали тени, а также не были моделированы светотенью. Они также одновременно соблюдали и принцип неправдоподобия, отчего их образы и выглядели совершенно плоскими. И, наконец, ещё одним весьма примечательным историческим фактом является то, что вся мусульманская живопись во всех её проявлениях с того периода, когда начался процесс сложения мусульманской эстетики в живописи, т.е. с начала XIII века по конец XVII в своих основных постулатах остаётся всегда неизменной. Конечно, неоспоримо, что существуют различия национального облика каждой школы, а также изменения её в процессе эволюции, но эти различия никогда не затрагивали основных законов мусульманской эстетики.

Список использованных источников

1. Шукуров Ш. Искусство средневекового Ирана (Формирование принципов изобразительности). М.: Наука, 1989.
2. Abas, Syed, *Symmetries of Islamic Geometric Patterns*, Singapore. World Scientific, 1995.
3. *Safavid Architecture, 1501–76*, in Jon Thompson and Sheila.
4. R. Canby (eds), *Hunts for Paradise: Court Arts of Safavid Iran 1501–1576*. Milan/New York: Skira, 2003, pp. 27–47.
5. Dominic Parviz Brookshaw, 'Palaces, Pavilions and Pleasure-Gardens: The Context and Setting of the Medieval Majlis', *Middle Eastern Literatures*, 6/2 (2003), pp. 199–223.
6. Blackwell, William, *Geometry in Architecture*, Key Curriculum Press, Berkeley, CA, 1984.
7. Bourgoin, J., *Arabic Geometrical Pattern and Design*, New York, Dover, 1973.
8. Critchlow, K., *Islamic Patterns: An Analytical Approach*, London, Thames Hudson, 1984.
9. Critchlow, K., *Order in Space: A Design Sourcebook*, London, Thames Hudson, 1987.
10. Godwin, Joscelyn, *Harmonics of Heaven and Earth*, London, Thames and Hudson, 1987.
11. Nasr, S. H., *Islamic Science: An Illustrated Study*, London, World of Islam Festival Publishing Company, 1976.
12. Schimmel, Annemarie, *The Mystery of Numbers*, New York, Oxford University Press, 1992.
13. Young, Arthur, *The Geometry of Meaning*, New York, Delacorte Press, 1976.

Г.Г. Сунаева, И.М. Шарипова, Д.С. Шарипова

ИСЛАМСКИЕ ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ В РОССИИ

G.G. Sunaeva, I.M. Sharipova, D.S. Sharipova

ISLAMIC INVESTMENT PROJECTS IN RUSSIA

Аннотация: Исламский инвестор предъявляет специфические требования к формам и объектам инвестиций. Исламская экономика в России зависит от развития мусульманского сообщества страны.

Abstract: The Islamic investor has specific requirements for the form and objects of investment. Islamic economics in Russia depends on the development of the Muslim community of the country.

Ключевые слова: халяль-индустрия, мусульманская община, экспортный халяль-альянс.

Keywords: halal industry, muslim community, export halal alliance.

Глубокое знание основ ислама и тех идей, которые заложены в фундамент современных теорий и концепций развития в мусульманском мире, необходимо тому, кто хочет стать специалистом по внешнеэкономической деятельности со значительным числом стран Азии и Африки. Получение компетенции по подготовке исламского инвестиционного проекта станет одним из факторов привлечения в Россию инвестиций из исламских стран, а также развития других форм международного экономического сотрудничества с ними.

Исламский инвестор предъявляет специфические требования к формам и объектам инвестиций, поскольку он следует в экономическом поведении требованиям исламского права. Специфика исламской экономической модели заключается в том, что она опирается на собственные основополагающие принципы религиозно-этического характера: запрет на ростовщический и банковский процент; запрет на нетрудовые, незаработанные доходы, полученные в ходе жульничества или азартных игр; выплата религиозных налогов и их распределение в пользу бедных и обездоленных через различные государственные и негосударственные религиозные организации; равноправие всех видов собственности, но ограничение частной собственности на жизненно важные сферы существования государства; обеспечение равного доступа к ресурсам и потребительским товарам при сохранении за государством роли главного собственника земельных, водных ресурсов и недр, признанных общенародным достоянием [1].

Исламская экономика расширяет сферу деятельности в России. Начав с халяль-индустрии, сегодня активно развиваются исламские финансы и банкинг. Потребителями халяльных товаров и услуг наряду с мусульманами являются немусульмане, уверенные в их качестве. Поскольку рынок только зарождается, то возникает множество проблем: во-первых, неразвитая инфраструктура; во-вторых, низкий платёжеспособный спрос населения; в-третьих, высоки затраты на подготовку правовой базы и договоров, в-четвёртых, недостаточная квалификация кадров.

Наше исследование [2] показало, что в России шаг за шагом складывается инфраструктура для работы с инструментами исламского финансирования, появляются проекты, ориентированные на исламских инвесторов. Существующая более 5 лет система добровольной сертификации халяль, реализуемая Советом муфтиев России и проводимая с 2010 года выставка Moscow Halal Expo, привлекли внимание к исламскому предпринимательству. С 2010 года заметно активизировались российские деловые круги в вопросах создания и развития исламских финансовых компаний. Действуют российские шариатские советники, которые получили зарубежные сертификаты. В апреле 2011 года Советом муфтиев России утверждён стандарт продукции «халяль», а также специальный знак, который ставится на упаковку продукции. В апреле 2012 года создан Евразийский союз стандартизации и сертификации «халяль». Казахстан в феврале 2009 года принял закон, предусматривающий условия для осуществления операций финансирования исламскими банками. С 2012 года на форумах выставки Moscow Halal Expo рассматривались вопросы развития халяль-индустрии, стандартизации исламских финансов, популяризация исламского финансирования в обществе и бизнес-среде, в том числе микрофинансирования. Исламские инвестиционные проекты отбирались по направлениям: энергетика, сельское хозяйство, строительство, производство, инфраструктура, медиапроекты, а также проекты по организации исламских финансовых компаний. В ходе работы выставки проводится молодёжный форум, на котором проходят презентации исламских проектов молодых исламских предпринимателей. В рамках Четвёртой Московской международной выставки халяль 2013 года проводились конкурсы исламских предпринимателей. Критериями для определения лучшей халяль-компании являются вполне светские показатели: 1) наличие сертификации «халяль» на всю продукцию/услуги; 2) этика поведения руководства и сотрудников; 3) соблюдение договорённостей; 4) отсутствие жалоб потребителей на качество продукции/услуг; 5) честность конкурентной борьбы; 6) маркетинговая стратегия; 7) актуальность; 8) уникальность/оригинальность; 9) социальная значимость; 10) вложения в научно-исследовательские разработки.

Интернет-проект «Исламская экономика, финансы, бизнес» является информационной поддержкой деятельности Департамента экономики Совета муфтиев России, а также интерактивной площадкой для просвещения, обмена бизнес идеями и проектами, не противоречащими исламской нравственности.

Исламское предпринимательское сообщество объединилось в Ассоциацию предпринимателей-мусульман России и проводит общероссийские съезды. Мусульмане-предприниматели играют огромную роль в возрождении традиционных духовных ценностей хозяйствования. Агентство инвестиционного развития Республики Татарстан проводит в Казани с 2009 года Международный саммит исламского бизнеса и финансов. В Казани открылось российское представительство Центра по исследованиям и информации Исламской палаты при Организации исламского сотрудничества, что открывает возможности для экспорта продукции на рынки стран Персидского (Арабского) залива. В Республике Башкортостан 45 предприятий изготавливают халяльную продукцию под контролем специалистов комитета по стандарту «халяль» ДУМ РБ.

На русском языке издано 7 стандартов исламских финансовых договоров, определены аналоги основных продуктов исламских банков в институтах российского законодательства. Организация бухгалтерского учета и аудита исламских финансовых учреждений (Accounting and auditing organization for Islamic financial institutions), международная организация, занимающаяся разработкой и изданием стандартов по бухгалтерскому учету, аудиту, этике, управлению и нормам шариата для международной исламской финансовой индустрии, издала в общей сложности 81 стандарт. Каждый стандарт дает подробное разъяснение особенности договора, допустимые и недопустимые условия, шариатское обоснование.

Российская ассоциация экспертов по исламскому финансированию (РАЭИФ) создана с целью развития профессионального сообщества в России в области исламских финансов. Своими задачами Ассоциация ставит исследование теоретических и прикладных аспектов использования исламских финансовых инструментов в России, поиск возможных моделей их использования. Ассоциация создана по инициативе членов Рабочей группы по альтернативным (исламским) финансовым институтам и продуктам, работающей с мая 2009 года. Вступление в Ассоциацию возможно при наличии документа, подтверждающего наличие базовых знаний в области исламских финансов и двух рекомендательных писем от уже действующих членов организации.

Отдел экономических программ Совета муфтиев России совместно с Арабским центром развития менеджмента Московской международной высшей школы бизнеса «МИРБИС» (Институт) разработал программу краткосрочного учебного курса «Исламские финансы». В МИРБИС исходили из того, что для развития российско-арабского сотрудничества необходимо глубокое понимание особенностей культуры, истории и экономики арабского региона. Краткосрочный учебный курс длительностью в 72 академических часа включает 4 блока: основы исламского права и бизнес-этики как источник исламских финансов; принципы исламского финансирования; опыт стран в области исламского финансирования; возможности реализации исламского финансирования в российском правовом поле. Слушатели по окончании курса проходят тестирование и выступают перед инвесторами с проектами, связанными с исламским финансированием в России. С октября 2009 года в МИРБИС прошли года несколько полугодовых циклов по исламским финансам и несколько ознакомительных лекций.

Дисциплина «Исламские финансы» преподается студентам бакалавриата и магистратуры Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. В 2011 году Финансовый университет подписал соглашение о сотрудничестве с Организацией бухгалтерского учета и аудита исламских финансовых учреждений. Курсы по выбору по исламским финансам доступны и студентам экономических факультетов МГУ и МГИМО. Большую работу по созданию базы для предоставления образования в области исламских финансов проделал Российский исламский университет (г. Казань). С октября 2008 года на базе РИУ работает Российский центр исламской экономики и финансов. В 2011 году был осуществлен первый набор РИУ по направлению «исламская экономика», специалистами РИУ совместно с экспертами их разных регионов России были подготовлены учебные материалы по исламским финансам.

На наш взгляд, значимым событием в развитии образования в сфере исламской экономики в России и Таможенном союзе может стать магистерская программа «Исламское право» НИУ ВШЭ, академическим руководителем которой является Л.Р. Сюкияйнен. Авторы программы исходят из того, что «все основные проблемы, с которыми сталкиваются в настоящее время исламские предпринимательские структуры, а также государственные институты, стремящиеся проводить исламскую экономическую политику, носят правовой характер. Необходимо научить студентов понимать особенности действия исламского права в наше время, разбираться в особенностях его отдельных отраслей и на этой основе уметь использовать его потенциал для решения актуальных проблем России» [3]. Эта программа также как и другие знакомит студентов с феноменом исламской экономики как одним из проявлений современной исламской цивилизации. Ориентация на общую природу исламского права характеризует и преподавание в рамках указанной программы отдельных его отраслей, включая исламское предпринимательское право. Отличие данной программы в том, что она направлена на подготовку кадров, имеющих более широкое юридическое образование в интересах преодоления недостатков узкоприкладного подхода. Авторы программы считают, что попытки решения любого частного конкретного вопроса, касающегося исламского права, не принесут желаемого результата без изучения его основ, понимания закономерностей его действия и овладения исламской правовой методологией поиска ответов на вопросы, которые ставит современная российская жизнь. Российская практика показала, что невозможно автоматически использовать подходы и конкретные нормы, доказавшие свою эффективность в условиях других стран, и пытаться прямо перенести их в Россию.

Наиболее комфортными для развития исламского финансового рынка считаются регионы компактного проживания мусульман и мегаполисы (например, в Москве проживает 1 миллион мусульман). Однако очистительный налог с доходов платят 2% мусульман. По мнению Р.И. Беккина [4],

основным критерием, по которому можно судить о спросе и востребованности исламских финансовых продуктов и услуг, является уплата закята (своеобразный очистительный налог с бизнеса в пользу мусульманской религии). Очень мало людей в России и СНГ знают, что это такое и ещё меньше людей платят его. «Если люди не платят закят, выполняя обязанности мусульманина, то сложно представить, что они будут преданными клиентами исламского банка. Закят путают с благотворительностью, отсутствуют структуры, которым можно доверять и которые будут собирать и эффективно распределять закят», – пишет Р.И. Беккин. Обязательство по выплате закята малазийские специалисты называют уникальной особенностью исламских банков [5]. Организация бухгалтерского учета и аудита исламских финансовых учреждений рекомендовала, что выплата закята должна быть указана, если банк отвечает за выплату закята от имени своих владельцев. Кроме того, если банк предоставляет услуги по мобилизации и распределению закята, то отчёт должен быть представлен в отдельной отчётности. Большинство исламских банков сообщают о своей политике по выплате закята.

Большинство из 20 миллионов российских мусульман является таковыми номинально, поскольку не состоят в какой-либо мусульманской общине. Религиозные организации в России создаются на основе Федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях». Местная религиозная организация состоит из не менее 10 дееспособных членов, способных формировать бюджет организации, предусматривающий содержание одного председателя (в размере 3-6 минимальных размеров оплаты труда) и отчисления не менее 1/20 части годового бюджета в вышестоящую организацию [6]. Местная мусульманская организация должна содержать мечеть (так называемую квартальную) и сопутствующую мусульманскую инфраструктуру: социальную, образовательную, религиозную и благотворительную. Возрождение мусульманской общины позволит верующим удовлетворять свои потребности. Источники финансирования могут быть внутренними и внешними, но община должна стремиться, чтобы 100% расходов финансировать за счёт собственных средств. Наряду с членами общины, которые проживают по месту деятельности организации, несут финансовую ответственность за развитие организации, управляют ею и удовлетворяют духовные, социальные и религиозные потребности, в местном сообществе могут быть прихожане, удовлетворяющие только религиозные потребности. Пожертвование мусульманской общине кроме денежного выражения может быть выражено в виде движимого или недвижимого имущества (вакуф), которое верующие передаёт в собственность общине на безвозмездной основе. Для члена мусульманской общины факт уплаты членского взноса в религиозную организацию равносильно уплате коранической милостыни.

Построив финансирование мусульманской общины на основе российского права, российские мусульмане подготавливаются к пользованию исламскими финансами, в том числе международными. Внешнеэкономические контакты России с исламским миром зависят от того, способно ли исламское сообщество России построить хозяйственную деятельность на религиозно-этических принципах. Продуктивное экономическое сотрудничество с «внешним» исламским миром невозможно без развития мусульманского сообщества в самой России. Самоорганизация компактно проживающего мусульманского населения осуществляется оформлением в финансово самостоятельную религиозную общину (махаллю). Возрождение махалли являет собой развитие мусульманского сообщества России.

В настоящее время эксперты активно ищут способы адаптации исламской экономики в России. М.Д. Кашапов [7] призывает партнёров и клиентов исламского банка интегрироваться в форме некоммерческой организации содействия развитию исламской экономики. Среди первоочередных задач он называет моделирование типовых форм бизнеса, соответствующих шариату и российскому законодательству, а также объединить халяльные производства «под зонтиком» исламского банка. С учётом реалий российского хозяйственного права М. Калимуллина предложила дополнить схему стандарта «комодитимурабаха» взаимодействием российского и исламского банков [8]. Вместе с тем, использование этого продукта имеет тонкости [9].

Мы предлагаем в дальнейшем создать экспортный альянс производителей халяльной продукции региона. С учётом территориальной концентрации участники альянса могут использовать преимущества кластера, получают дополнительные формы поддержки производства халяльных товаров и услуг. Важным признаком самоорганизации исламского предпринимательства должен быть совместный

канал товародвижения с единой торговой маркой. Лидером халяльного кластера может быть среднее предприятие, руководство которого ведёт экспортную деятельность и готово интегрировать предпринимательское сообщество экспортёров. Кроме того, экспортный альянс увеличивает инвестиционную привлекательность участников различных видов экономической деятельности. Экспортный халяль-альянс может стать заметным субъектом самоорганизации экспортёров, участвовать в разработке национальной экспортной стратегии и региональной экспортной программы, чтобы успешно работать как на международные, так и на межрегиональные экономические отношения. Например, актуален экспортный альянс поставщиков продовольствия и воды. Продовольствие и пресная вода являются взаимодополняющими товарами, что особенно важно при экспорте в страны с дефицитом воды (в первую очередь арабские страны, особый интерес представляют страны Залива).

Работая над проектами «Исламский сад» [2] и «Водное сотрудничество» [10], мы пришли к выводу, что для привлечения финансирования в них необходимо учитывать принципы исламской экономики и бизнес-план видоизменить в форму исламского инвестиционного проекта. Мы столкнулись с тем, что до сих пор финансовые инструменты не используются широко из-за расхождения во мнениях среди улемов и шариатских экспертов о законности и применимости определённых операций и принципов. Присутствие в исламе четырех правовых школ (мазхабов) и иногда возникающее различие позиций внутри мазхабов, а также относительная новизна рассматриваемых финансовых инструментов приводит к тому, что сфера исламских финансов характеризуется относительно высокой правовой неопределенностью. Дополнительную отрицательную роль играют значительные отличия международных стандартов исламской экономики и российской практики. Поэтому мы направили наш интерес на исламское право. Для расширения применимости исламских инвестиционных проектов в России необходимо анализировать непростые проблемы взаимодействия исламского права с российским законодательством и практикой его реализации.

Таким образом, мы наблюдаем, как в мире и в России складывается собственная институциональная среда исламской экономики. Концепция исламской экономики получила распространение благодаря успеху исламских финансовых институтов. Синергия исламских финансов и халяльной индустрии даёт дополнительный импульс развитию исламской экономики в настоящее время. Диалог мусульманских мазхабов способствовал созданию шариатских стандартов исламских финансов. Мусульманским сообществом поставлена задача построения единой, универсальной для всего мусульманского мира или, по крайней мере, для большинства мусульман, системы народного хозяйства, в которой в качестве идеологической основы выступают нормы и принципы шариата.

Список использованных источников

1. Исламская цивилизация в глобализирующемся мире / По материалам конференции. / Отв. ред. В.Г. Хорос. М.: ИМЭМО РАН, 2011. 336 с. http://www.imemo.ru/index.php?page_id=645&id=557.
2. Сунаева Г., Гиниятуллина Г. Исламская экономическая модель в сотрудничестве России и арабских стран // Саарбрюкен, LAPLAMBERTAcademicPublishing, 2014. 80 с.
3. Концепция магистерской программы «Исламское право» // <http://www.hse.ru/ma/islamic/concept/> (дата обращения 01.10.2014 г.).
4. Беккин Р.И. Исламская экономика – правда и вымыслы // http://slon.ru/world/v_mire_sushhestvuet_tolko_odna_s.. (дата обращения 25.02.2013).
5. Исламские финансы и банковская система: философия, принципы и практика. Казань: Линова-Медиа, 2012. 527 с.
6. Садриев А.Ф. Развитие института мусульманских общин // <http://umma-news.ru/blogi/sadriev-arslan/778-razvitie-instituta-musulmanskikh-obshchin-rossii-vzglyad-eksperta> (дата обращения 20.04.2013).
7. Кашапов М.Д. Проблемы развития исламского банкинга в российских условиях и пути их решения. Доклад на круглом столе «Исламский бандинг как альтернативная форма ведения финансов», 26 октября 2012 г., Уфа.
8. Калимуллина М. Специфика и обычаи делового оборота при поиске исламского инвестора http://www.muslimeco.ru/images/docs/1_1873_investment.pdf (дата обращения 24.10.2014 г.).
9. Алиев А. Современный взгляд на продукт исламского банкинга «коммодитимурабаха» // <http://islamrf.net/analytics/68743/> (дата обращения 29.10.2014 г.).
10. Сунаева Г.Г. Водное сотрудничество России со странами Арабского Востока // Хакимовские чтения «Россия и арабский мир: история и современность»: Материалы Всероссийской науч.-практ. конф. Уфа: Информреклама, 2012. 216 с.

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЙ – ПУТЬ К ВЗАИМОПОНИМАНИЮ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗЛИЧНЫХ КУЛЬТУР

V.N. Finoghentov

RATIONALIZATION OF VIEWS: THE WAY TO MUTUAL UNDERSTANDING OF VARIOUS CULTURES

Аннотация: В статье обосновывается необходимость рационализации мировоззрений для достижения взаимопонимания субъектов различных мировоззрений и культур; обсуждаются основные моменты процедуры рационализации мировоззрений.

Abstract: The article proves the need for the rationalization of views to achieve understanding of the subjects of different views and cultures; it discusses the main points of procedure of the views rationalization.

Ключевые слова: мировоззрение, рационализация мировоззрения, мировоззренческая дискуссия, мировоззренческая толерантность, «жесткое ядро» мировоззрения.

Keywords: world, rationalization of views, philosophical debate and philosophical tolerance, “hard core” worldview.

Редьярд Киплинг в знаменитой «Балладе о Востоке и Западе» писал:

Oh, East is East, and West is West, and never the twain shall meet,

Till Earth and Sky stand presently at God’s great Judgment Seat.

(О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут,

Пока не предстанет Небо с Землей на Страшный господень суд.)

Действительно, возможно ли достижение взаимопонимания представителей столь различных культур? Именно ответ на этот вопрос определяет сегодня, есть ли у человечества надежда на более или менее благополучное будущее, или неизбежно грядет «столкновение цивилизаций». В наше время – в эпоху глобализации этот вопрос стал поистине судьбоносным.

Несколько упрощая и конкретизируя вопрос о возможности достижения взаимопонимания представителей различных культур можно сформулировать следующим образом: возможно ли достижение взаимопонимания между субъектами различных мировоззрений? Речь при этом идет о мировоззрениях, существенно отличающихся друг от друга. Например, о взаимоотношениях субъектов буддийского мировоззрения, с одной стороны, и субъектов христианского мировоззрения, с другой стороны. Или: о взаимоотношениях субъектов мусульманского мировоззрения, с одной стороны, и субъектов светского гуманистического мировоззрения, с другой стороны и т.д. Надо сразу сказать, что, к сожалению, есть серьезные основания для отрицательного ответа на этот вопрос. В связи с этим многие современные авторы категорически отрицают возможность осуществления плодотворного диалога между субъектами различных мировоззрений.

Так, например, создатель эпистемологического анархизма Пол Фейерабенд утверждал: «Аргументы в защиту определенного мировоззрения зависят от допущений, которые принимаются в одних культурах, но отвергаются в других» [1, с. 396]. Соответственно, полагал он, разные мировоззренческие системы отстаивают разные «множества ценностей», и никакой объективной меры для их сравнения не существует. По его мнению, в данном случае все решают наши субъективные предпочтения и склонности. «Если одна склонность сталкивается с другой, – писал Фейерабенд, – то в конечном итоге побеждает более сильная склонность...» [1, с. 410]. Очевидно, что в соответствии с таким выводом, попытки обсуждать мировоззренческие проблемы с представителями иных мировоззрений в лучшем случае приводят к мировоззренческой полемике со всеми вытекающими отсюда последствиями: обострение противоречий, конфликты, войны. Я оцениваю такой вывод как излишне категоричный, излишне пессимистичный и весьма опасный в современных условиях. Можно привести весьма серьезные аргументы в пользу того, что мировоззренческие дискуссии в наше время и необходимы [3] и возможны [4]. Следовательно, возможно также достижение взаимопонимания между субъектами различных мировоззрений и культур. Впрочем, как уже сказано, сомнения в возможности плодотворных, цивилизованных мировоззренческих дискуссий зиждутся на достаточно серьезных основаниях.

Действительно, размышляя о возможности осуществления корректного и плодотворного диалога между субъектами различных мировоззрений, во-первых, следует принять во внимание, что миро-

воззрение субъекта, в частности его убеждения, верования, ценности и идеалы – это фундаментальный уровень его духовного бытия, это сердцевина его персональной и социокультурной идентичности. См. об этом подробнее [2, с. 24–32]. Мировоззрение – это сущностный каркас данного духовного субъекта, это констатирующее его начало. Следовательно, всякая критика мировоззрения некоторого субъекта, всякое сомнение в справедливости этого мировоззрения является своего рода «покушением» на фундаментальный уровень его бытия, на ядро его социокультурной и персональной идентичности. Иначе говоря, всякая критика мировоззрения некоторого субъекта неизбежно угрожает его бытию в качестве особого духовного субъекта. А ведь очевидно, что призывая данного субъекта (личность, социальную группу, этнокультурную общность) к мировоззренческой дискуссии, мы неявно призываем его к критическому отношению к своему собственному мировоззрению и, тем самым, ставим его мировоззрение «под вопрос». Очевидно также, что сомнение субъекта в своем мировоззрении или его отказ от собственных базисных идеалов, верований и убеждений, замена их другими неизбежно приводят этого субъекта в состояние глубочайшего духовного, ценностно-смыслового кризиса. Поэтому даже если субъект некоторого мировоззрения в целом настроен рационально, ему нелегко согласиться на мировоззренческую дискуссию. Еще более сложной задачей для него является корректное осуществление такой дискуссии.

Ситуация еще более усложняется тем очевидным и существенным обстоятельством, что мировоззрение субъекта не является сугубо рациональным образованием. Дело в том, что всякое мировоззрение пронизано глубочайшими переживаниями и чувствами субъекта, оно окрашено его разнообразными эмоциями. Так, например, насыщены чувствами и эмоциями важнейшие его составляющие (верования и убеждения, ценности, смыслы и идеалы). Кроме того, мировоззрение субъекта представляет собой своеобразный концентрат его становления и эволюции в качестве данного духовного субъекта, в качестве представителя определенной культуры. Субъект сжился, породнился со своим мировоззрением. Мировоззрение субъекта – это самое близкое, самое внутреннее в этом субъекте, «самое свое» для него. По сути, мировоззрение – это сам духовный субъект. Поэтому, немного перефразировав известное утверждение К. Маркса, можно сказать, что мировоззрение человека образует такие его узы, из которых он может вырваться, только разорвав свое собственное сердце. Понятно, что решиться на это может далеко не каждый. В связи с этим возможность развертывания корректных и плодотворных мировоззренческих дискуссий и, соответственно, возможность достижения взаимопонимания между представителями различных мировоззрений и культур становится еще более проблематичной.

Но если признать, что достижение взаимопонимания между субъектами различных мировоззрений культур невозможно, то мы должны придти к печальному выводу, относящемуся к будущему человечества. Поскольку это непонимание в наш век, век колоссальной военно-технической мощи и стремительного роста количества контактов между представителями различных культур, неизбежно ведет к нарастанию напряженности во взаимоотношениях различных народов и государств и, в конечном итоге, к вооруженным конфликтам между ними и к их взаимному уничтожению.

Отсюда следует, что если мы желаем продолжения человеческой истории, то мы должны и обязаны искать пути к достижению взаимопонимания между представителями различных мировоззрений и культур. При этом мы должны отчетливо понимать, что этот путь, так сказать, «по определению» не может быть легким. Мы должны понимать, что этот путь потребует колоссальных усилий от представителей всех распространенных ныне мировоззрений. В частности, он потребует от субъектов мировоззрений, доминирующих в наши дни, критичного отношения к их собственным мировоззрениям, отказа от веры в непогрешимость их мировоззрений. Он потребует внесения существенных изменений в эти мировоззрения.

Разумеется, это очень трудный путь. Но каковы его альтернативы?

На мой взгляд, таких альтернатив всего две. 1. Субъекты некоторого мировоззрения могут стремиться к изолированному, автономному существованию. На первый взгляд, – это приемлемый вариант. Он широко осуществлялся на предшествующих стадиях развития человечества. К сожалению, этот вариант «мирного сосуществования» субъектов различных мировоззрений, по сути, исчерпал себя. В современных условиях многомерной глобализации, в условиях информационного общества и смешения культур эта альтернатива не может быть признана перспективной. 2. Субъекты, уверенные в абсолютном превосходстве своего мировоззрения, вступают в полемику¹ с носителями других ми-

¹ Здесь необходимо иметь в виду принципиальные различия между полемикой и дискуссией. Главная цель полемики – это победа над оппонентом. Поэтому полемика допускает использование, по сути, любых средств.

ровоззрений, а эта полемика с высокой степенью вероятности перерастет в противостояние и в войну с субъектами иных мировоззрений. Очевидно, что спровоцированная мировоззренческой полемикой война в современных условиях грозит перерасти в глобальный и губительный для человечества конфликт. Как видим, эта альтернатива, можно сказать, гарантированно ведет к самоуничтожению человечества.

Таким образом, субъекты доминирующих в наши дни мировоззрений должны сделать трудный выбор. Или они, «наступив на горло собственной песне», вступают в мировоззренческую дискуссию с представителями других мировоззрений и стремятся к достижению взаимопонимания. При этом они, разумеется, должны понимать, что такая дискуссия может привести их к необходимости «поступить по принципам», к необходимости изменений в их идеалах, верованиях и убеждениях. Или они, сохраняя верность своим принципам, вступают в конфликты и войны с субъектами других мировоззрений и раздувают мировой пожар. Еще более упрощая и обостряя данную дилемму, ее можно сформулировать следующим образом. Каждый наш современник должен сделать выбор: или фанатичная верность своему мировоззрению и вызванная этим фанатизмом скорая гибель человечества или разрывание мировоззренческих дискуссий, достижения взаимопонимания представителей разных мировоззрений и культур и перспектива дальнейшего развития человечества.

Как видим, решая вступать или не вступать в мировоззренческие дискуссии, субъекты различных (в том числе религиозных) мировоззрений должны решить, что для них весомее, что для них ценнее. При этом на одной чаше весов в данном случае располагается ценность веры в абсолютное превосходство своего мировоззрения, ценность веры в непогрешимость своих идеалов и убеждений, ценность веры в божественное происхождение соответствующих ценностей и смыслов. На другой чаше весов – ценность жизни ныне живущих поколений людей и ценность продолжения истории человечества.

Я выдвигаю и обосновываю здесь тезис, что искомым нами путь к взаимопониманию между субъектами различных мировоззрений лежит в направлении рационализации этих мировоззрений. Другими словами, субъекты различных мировоззрений, стремящиеся достигнуть взаимопонимания должны, прежде всего, озаботиться рационализацией своих собственных мировоззрений.

В свою очередь проблема рационализации мировоззрения, несомненно, требует тщательного анализа и детальной проработки. На данной предварительной стадии обсуждения этой фундаментальной проблемы отмечу, что процедура рационализации предполагает, во-первых, структурирование мировоззрения, то есть выделение разного рода ее составляющих (подсистем, уровней и т.п.), а также прояснения особенностей связей между этими составляющими. Во-вторых, процедура рационализации мировоззрения предполагает выявление и отчетливую формулировку ключевых проблем, входящих в те или иные составляющие анализируемого мировоззрения, а также выявление и отчетливую формулировку попыток решения этих проблем, содержащихся в интересующем нас мировоззрении. В-третьих, данная процедура предполагает проверку соответствующего мировоззрения на когерентность, то есть выявление возможных несоответствий и противоречий между самыми различными элементами рассматриваемого мировоззрения. Как видим, процедура рационализации является весьма непростой и требует для своего осуществления деликатного подхода. Но, думается, без осуществления этой процедуры ни сравнить друг с другом разные мировоззрения, ни более или менее объективно оценить некоторое мировоззрение на предмет его обоснованности невозможно.

С другой стороны, ясно, что осуществление рационализации некоторого мировоззрения может быть оценено его субъектами как своего рода насилием над этим мировоззрением, как искажение и деформация этого мировоззрения. Действительно, не вызывает сомнений тот факт, что мировоззрение до рационализации и «то же самое» мировоззрение после его рационализации не тождественны друг другу. Причем, по всей видимости, различия между рационализированным мировоззрением и мировоззрением исходным (первичным), то есть мировоззрением, еще не подвергнутым процедуре рационализации, могут быть значительными.

Здесь следует поразмышлять над вопросом: кого может страшить процедура рационализации мировоззрения? Не входя в детали, на этот вопрос можно ответить следующим образом.

Данная процедура может страшить, во-первых, «наивных», нерефлексирующих носителей соответствующего мировоззрения. Такие носители тем или иным образом получают (заимствуют) свое мировоззрение в готовом виде у некоторой социокультурной общности. Они не желают и не умеют мыслить на мировоззренческом уровне. Их мировоззрение им привычно, они с ним сжились. В таком

мировоззрении доминируют уровни «мироощущения» и «мировосприятия». Иначе говоря, в нем доминируют эмоциональные, чувственно-образные составляющие. Такие носители смутно догадываются, что процедура рациональной реконструкции может нарушить их «мировоззренческую дрему», поэтому, так или иначе, препятствуют ее осуществлению.

Во-вторых, данная процедура может пугать, так сказать «корыстных» субъектов соответствующего мировоззрения. Эти субъекты и сами догадываются или даже отчетливо осознают, что защищаемое ими мировоззрение внутренне противоречиво, неполно, архаично и т.п., но по тем или иным причинам (личным или социальным, экономическим или политическим) продолжают его отстаивать. Они понимают, что процедура рациональной реконструкции выявит и отчетливо продемонстрирует различного рода несообразности их мировоззрения, покажет его необоснованность, поэтому противодействуют осуществлению данной процедуры.

Следует сказать также, что в реконструированном мировоззрении будет существенно присутствовать мировоззрение и методология того исследователя, который осуществлял эту реконструкцию. Другими словами, возможны различные рациональные реконструкции исходного мировоззрения. На мой взгляд, сама постановка проблемы рациональной реконструкции мировоззрения указывает на то, что наиболее успешно такую реконструкцию можно осуществлять на основе определенного философского мировоззрения, поскольку философия в большинстве своих проявлений гораздо более рациональна сравнительно с иными типами мировоззрения.

Любопытно, что при этом возможны своего рода итерации: неоднократные повторения процедуры рационализации мировоззрения. Неоднократное осуществление такого процесса будет делать исходное мировоззрение все более рациональным, будет все более приближать его структуру и характер к структуре и характеру философского мировоззрения. В связи со сказанным интересным и естественным представляется предположение о том, что становление философии (и как социокультурного феномена и как формы персонального мировоззрения) может рассматриваться как результат осуществления множества последовательных рационализаций различных «исходных» мировоззрений. Несомненно, что особенности результата рационализации мировоззрения, с одной стороны, зависят от характеристик исходного («первичного») мировоззрения. С другой стороны, особенности этого результата в значительной мере зависят от специфики осуществляемых неоднократно процедур рационализации этого исходного мировоззрения. Поэтому для понимания этих особенностей, конечно, требуется конкретное и детальное осмысление и описание обсуждаемой процедуры.

Здесь необходимо обратить внимание читателей еще на одно существенное обстоятельство, затрудняющее осуществление мировоззренческих дискуссий и способствующее перерастанию мировоззренческой дискуссии в мировоззренческую полемику. Я имею в виду то, что готовность к началу мировоззренческих дискуссий и их осуществление предполагает наличие у субъектов таких дискуссий известной степени мировоззренческой толерантности. Однако нетрудно заметить, что осуществление мировоззренческих дискуссий, как правило, быстро обнаруживает пределы мировоззренческой толерантности субъектов таких дискуссий. И, соответственно, когда эти пределы будут превзойдены, мировоззренческая дискуссия почти неизбежно преобразуется в мировоззренческую полемику со всеми вытекающими отсюда печальными и даже трагическими последствиями.

Для того чтобы более предметно говорить на эту тему, в частности для того, чтобы выявить пределы мировоззренческой толерантности необходима некоторая модель мировоззрения. Дело в том, что состав и структура мировоззрения чрезвычайно сложны. И при решении разных задач мировоззрение можно структурировать различным образом. Для обсуждения нашей проблемы и в духе отстаиваемой здесь идеи рационализации мировоззрений логично признать, что в мировоззрении есть некое «жесткое ядро». Именно оно и придает данному мировоззрению определенность, а сохранение «жесткого ядра» обеспечивает мировоззренческую идентичность данного субъекта. Это «жесткое ядро» следует связывать, прежде всего, с принципами, а также с основополагающими ценностями и идеалами данного мировоззрения. Соответственно, в структуре мировоззрения правомерно выделять его «внешние, защитные оболочки». Главной характеристикой таких «оболочек» является их относительная несущественность и изменчивость. Самое существенное при этом заключается в том, что эта изменчивость не ведет к заметным трансформациям «жесткого ядра» мировоззрения субъекта и, соответственно, не ведет к разрушению его мировоззренческой идентичности. «Оболочки» такого рода включают в себя в частности различного рода знания, представления, верования субъекта, которые лишь опосредованно и несущественно влияют на решение тех или иных мировоззренческих проблем.

Если исходить из намеченной модели мировоззрения, то проблема пределов мировоззренческой толерантности может быть решена следующим образом. Пока мировоззренческий спор субъектов различных мировоззрений касается «защитных оболочек» и не затрагивает непосредственно «жесткого ядра» их мировоззрений, эти субъекты могут вести достаточно корректную, и, может быть, плодотворную мировоззренческую дискуссию. При этом они последовательно демонстрируют мировоззренческую толерантность, то есть уважительно и мирно относятся к своим оппонентам. Но как только мировоззренческий спор всерьез покусается на «жесткое ядро» мировоззрений субъектов спора и, соответственно, на их мировоззренческую идентичность, этот спор почти неизбежно перерастает в полемику. Разумеется, отношения субъектов мировоззренческого спора становятся при этом враждебными. Таким образом, можно сказать, что пределы мировоззренческой толерантности данного субъекта совпадают с границами «жесткого ядра» мировоззрения этого субъекта.

На первый взгляд, мы приходим к весьма неутешительному итогу. Мировоззренческая дискуссия, на которую мы возлагали столь большие надежды в плане минимизации и преодоления враждебности между субъектами мировоззренческого спора, как представляется, не оправдала наших надежд. Действительно, в соответствии со сказанным мировоззренческая дискуссия является всего лишь предварительной, первоначальной стадией мировоззренческого спора, на смену которой, вроде бы, обязательно приходит стадия мировоззренческой полемики. И отношения субъектов различных мировоззрений возвращаются на «круги свои»: в них вновь доминируют взаимное непонимание, предвзятость, враждебность и т.п.

Думается, что в данном случае не следует спешить с окончательными выводами. Действительно, только что сформулированный «итог» весьма серьезен. Поэтому, конечно, его ни в коем случае нельзя игнорировать. Его все время необходимо помнить, планируя, начиная и продолжая мировоззренческие дискуссии. Так, приступая к мировоззренческой дискуссии обеим сторонам дискуссии необходимо заранее принять во внимание, что дискутировать следует только по ограниченному кругу мировоззренческих проблем и положений. А именно: дискутировать следует только по тем проблемам и положениям, которые напрямую и существенно не «задевают» «жестких ядер» мировоззрений субъектов, участвующих в дискуссии. Казалось бы, эта установка мало что изменяет. Действительно, она вновь подчеркивает, что мировоззренческая дискуссия является чем-то несерьезным, затрагивающим лишь периферию мировоззрения, ведь она исключает из поля мировоззренческой дискуссии самые важные мировоззренческие проблемы и положения, которые и образуют «жесткое ядро» соответствующего мировоззрения.

Здесь, однако, непременно следует принимать во внимание то, что границы между «жестким ядром» и «защитными оболочками» мировоззрения исторически изменчивы, подвижны, зависят от самых различных факторов. Причем перемещение этих границ может происходить также в ходе осуществления соответствующей мировоззренческой дискуссии. Учет этого момента приводит нас к важному выводу, согласно которому границы поля мировоззренческой дискуссии могут расширяться по мере осуществления такой дискуссии. Соответственно, пространство мировоззренческой полемики, в принципе, может минимизироваться. Очевидно также, что развертывание мировоззренческих дискуссий расширяет границы мировоззренческой толерантности. Можно сказать, таким образом, что мировоззренческие дискуссии по мере их продолжения имеют свойство становиться все более серьезными. В ходе их продолжения их предметом становятся такие проблемы, которые до той поры могли быть только предметом мировоззренческой полемики. Можно предположить также, что рано или поздно субъекты данной мировоззренческой дискуссии смогут конструктивно и плодотворно говорить «обо всем», что для них не останется «мировоззренчески запретных тем».

Это дает нам некоторую надежду на возможность достижения взаимопонимания между субъектами различных мировоззрений и культур.

Список использованных источников

1. Фейерабенд П. Прощай, разум. М., 2010.
2. Финогентов В.Н. Религиозный ренессанс или философия гуманизма? Мировоззренческий выбор современной культуры. М., 2009.
3. Финогентов В.Н., Кононова Е.С. О необходимости мировоззренческих дискуссий: современный контекст / Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». № 1 (51). 2013, с. 166–174.
4. Финогентов В.Н., Кононова Е.С. Особенности взаимоотношений субъектов различных мировоззрений в эпоху глобализации / Философия в эпоху глобализации. Орел, 2013. с. 55–64.

СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И САУДОВСКОЙ АРАВИИ ПО ВОПРОСАМ ПАЛОМНИЧЕСТВА МУСУЛЬМАН

THE COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND SAUDI ARABIA ON MUSLIMS PILGRIMAGE PROBLEM

Аннотация: В статье рассматривается взаимодействие двух стран – России и Саудовской Аравии – в вопросах организации паломничества российских мусульман в современный период. Выделяются основные принципы государств по отношению к хаджу.

Abstract: The article is devoted the interaction between two countries – Russia and Saudi Arabia – in the organization pilgrimage of Russian Muslims in the modern period. Outlines key principles of states towards of Hajj.

Ключевые слова: Россия, Саудовская Аравия, ислам, мусульмане, хадж.

Key words: Russia, Saudi Arabia, Islam, Muslims, Hajj.

Международные связи России со странами исламского мира в настоящее время находятся на стадии активного развития, они охватывают экономические, политические, правовые, гуманитарные и другие направления. Неизбежность и естественность этого процесса в первую очередь связана с действием следующих трех основных факторов. Во-первых, это исторические и цивилизационные связи с исламским миром. Во-вторых, это растущая роль российских мусульман, являющихся частью большой исламской уммы, в общественно-политической жизни нашей страны. В-третьих, это целый комплекс геополитических обстоятельств, предопределяющих взаимную заинтересованность России и исламского мира друг в друге¹.

В данной статье объектом рассмотрения станут отношения с одним из ключевых государств арабо-мусульманского мира – Саудовской Аравией, касающиеся паломничества мусульман. С 1924 г. Саудовская Аравия является хранительницей главных мусульманских святынь – священных территорий Мекки и Медины. Ритуальное паломничество в Мекку является одним из столпов ислама, которое обязан совершить каждый мусульманин хотя бы раз в жизни, если ему позволяют здоровье и средства. Ежегодно 2 миллиона и более единоверцев со всех уголков мира встречаются здесь, чтобы выразить свое почтение Аллаху и вернуться на свою родину с божественной благодатью. Несмотря на то, что в стране господствует суннизм строго толка, огромное количество мусульман самых разных толков непрерывным потоком посещают ее. Нахождение на ее территории главных святынь придает ей международную значимость и значимость в мировой умме мусульман. Согласно веручению, тот, кто владеет Меккой и Мединой, считается носителем верховной власти в мировой исламской общине. Саудиты умело используют фактор паломничества к святыням для поднятия религиозного авторитета королевства – в частности, во время хаджа перед паломниками всегда выступает саудовский монарх с речами скорее политического, чем религиозного характера. В этой связи проблемы организации массового выезда-въезда российских паломников на умру и хадж в Королевство Саудовская Аравия в города Мекку и Медину, соблюдение ими национального законодательства России и зарубежных стран, а также норм, принципов международного права и обязательств России перед страной принимающей паломников остаются одними из актуальных в развивающихся международных религиозных связях.

В течение длительного времени (с конца 1930-х до начала 1990-х гг.) отсутствовали прямые дипломатические связи между Россией и Саудовской Аравией. Идеологические причины, в том числе и религиозные, стали одной из причин замораживания отношений. Мусульмане из СССР, лишь за редким исключением, не посещали Мекку в сезон хаджа, что являлось еще одним фактором, способствующим взаимному отчуждению. Изменения во внутренней политике СССР, начавшиеся во второй половине 1985-х гг. и связанные с пересмотром принципов отношения государства к религиозным конфессиям, способствовали восстановлению российско-саудовских контактов.

¹ Наумкин В.В. Ислам и мусульмане культура и политика. Статьи, очерки, доклады разных лет. М. Новгород, 2008. С. 551.

В 1989 г. после десятилетий запрета хадж был впервые официально разрешен для российских мусульман. В 1990 г. отправилась первая многочисленная группа паломников из СССР (около 1,5 тысяч человек). Все они были объявлены гостями саудовского короля и оплачены принимающей стороной. Саудовская Аравия ежегодно выделяет бесплатные путевки для части государств, где проживают мусульмане. Например, в 2014 г. по распоряжению короля Саудовской Аравии Абдаллы ибн Адель Азиза, 1400 человек из 70 стран мира получили бесплатные путевки для совершения хаджа². Несколько лет их получали и российские мусульмане. В 1992 г. Королевство выделило 35–36 миллионов долларов, чтобы смогли совершить хадж 17 тысяч паломников из стран СНГ. В настоящее время российским паломникам также оказывается материальная помощь в совершении хаджа как зарубежными, так и отечественными спонсорами.

Проблема организации паломничества, создания необходимых условий для верующих со стороны государства актуальна для всех стран, где мусульмане составляют весомую цифру. У каждой страны выделяются свои наиболее важные стороны этой проблемы. В Российской Федерации ислам занимает вторую ступень по численности своих приверженцев после православия. Количество мусульман в стране по разным оценкам составляет от 10 до 14 % населения. Большинство их них – коренные жители и власти вынуждены учитывать этот факт в своей политике. 22 апреля 2005 г. в интервью израильскому телевидению Президент России В.В. Путин отнес ислам наряду с иудаизмом и православием к числу традиционных религий, которые пользуются поддержкой государства³.

К началу XX века хадж из России фактически стал фактором доверия между властью и общиной мусульман, был признан неотъемлемым столпом ислама и важным элементом международных религиозных связей. Ежегодно мусульманские святыни в Мекке и Медине массово посещает более 20 тыс. паломников из России. Государство активно участвует в организации хаджа и обеспечении безопасности российских паломников. С 2002 г. функционирует российская хадж-миссия (представляет Совет по хаджу при Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве России), оказывающая содействие российским паломникам в период хаджа на территории Саудовской Аравии. Координацию такой работы осуществляет уполномоченный совета по хаджу, заместитель Председателя Совета Федерации И.М.-С. Умаханов. Создание российской Хадж-миссии положило начало упорядочению процесса организации хаджа и развитию культуры совершения паломничества среди российских мусульман.

Как указано на официальном сайте Совета по Хаджу РФ, Хадж-миссия отвечает за осуществление взаимодействия между Духовными управлениями мусульман, туристическими фирмами, организующими хадж, органами власти и саудовской стороной, контролирует выполнение решений Совета по хаджу и всех условий, указанных в российско-саудовском Протоколе о приеме российских паломников. Хадж-миссия России взаимодействует с Генеральным консульством России в Джидде. На сезон хаджа в Королевстве Саудовская Аравия в круглосуточном режиме функционирует офис оперативного штаба Хадж-миссии России и медицинской группы. Ее представители дежурят в период прибытия российских паломников в аэропортах Королевства, а также в офисах саудовских организаций, которые занимаются приемом российских паломников, проверяют наличие вакцинации у паломников, контролируют, имеют ли паломники единую форму одежды и индивидуальные бейджики-удостоверения, в которых помимо данных паломника указаны дежурные телефоны Хадж-миссии. Особое внимание уделяется транспортировке и размещению паломников в местах совершения ритуалов хаджа – долина Мина, гора Арафат, Муздалифа и организованному походу в Джамарат⁴.

Организация паломничества мусульман со стороны государства сосредоточена на следующих аспектах: 1. Обеспечение международного сопровождения в контактах с Саудовской Аравией и другими странами-транзитерами; 2. Обеспечение безопасности паломников; 3. Контроль медико-санитарных норм, способствующих возвращению паломников в благополучном состоянии; 4. Координация процесса организации путем участия в консультативном органе – Совете по хаджу. Современная организация паломничества мусульман отражает опыт взаимодействия и сотрудничества российско-

² Саудовский король пригласил 1400 гостей совершить хадж // Информационно-аналитический портал Islam News [Электронный ресурс]. URL: <http://www.islamnews.ru/news-432364.html> (дата обращения: 25.10.2014).

³ Ярлыкапов А.А. Основные проблемы взаимоотношений ислама и власти на Центральном и Северо-Западном Кавказе // Ислам и государство: Сборник научных статей. – М.; Уфа: Информреклама. 2007. С. 158.

⁴ Хадж-миссия // Хадж-миссия России [Электронный ресурс]. URL: <https://hajjmission.ru/mission/aboutmission> (дата обращения: 25.10.2014).

го государства с мусульманской общиной через диалог культур и цивилизаций, гуманитарные принципы национальных и религиозных традиций. Россия берет на себя ответственность обеспечения внутренних и международных условий для развития их общественной, культурной, национальной и религиозной самобытности. За двадцать лет практики выезда мусульман в хадж в современной России сложилась единая централизованная система его организации, налажено взаимодействие с иностранными дипломатическими миссиями, решены визовые вопросы. За исключением внутренних проблем, как распределение квот, стандартизация организации хаджа, единый уровень качества предоставляемых услуг туроператорами, международные аспекты выезда паломников в целом урегулированы.

Следует отметить, что развитию российско-арабских отношений в значительной степени способствует исламский фактор. В настоящее время для России важно сохранить и упрочить ее традиционные связи с арабскими странами. Хадж или паломничество в Мекку является одной из форм межцивилизационного взаимодействия России и арабского мира.

Список использованных источников

1. Информационно-аналитический портал Islam News [Электронный ресурс]. URL: <http://www.islamnews.ru>.
2. Ислам и государство: Сборник научных статей / Ответ ред. А. Малашенко; Сост. А. Юнусова. М.; Уфа: Информреклама, 2007. 178 с.
3. Наумкин В.В. Ислам и мусульмане культура и политика. Статьи, очерки, доклады разных лет. М.; Новгород: ИД «Медина», 2008. 768 с.

Хадж-миссия России [Электронный ресурс]. URL: <https://hajjmission.ru>.

А.О. Целищев

ОТ СЕВРСКОГО К ЛОЗАННСКОМУ МИРНОМУ ДОГОВОРУ

А.О. Tselishchev

FROM THE TREATY OF SIVRES TO THE TREATY OF LAUSANNE

Аннотация: Статья посвящена трансформации международных отношений на Ближнем Востоке после Первой мировой войны. Особое внимание уделено Турции, изменению ее статуса на мировой арене между Севрским и Лозаннским мирными договорами.

Abstract: This article is devoted to the transformation of the international relations in the Middle East after World War I. Particular attention is paid to Turkey and the evolution of its status in the international arena in the period from the Peace Treaty of Sivres to the Peace Treaty of Lausanne.

Ключевые слова: Турция, Севрский мирный договор, Лозаннский мирный договор, полуколония, суверенитет, Советская Россия.

Key words: Turkey, Treaty of Sivres, Treaty of Lausanne, semi-colony, sovereignty, Soviet Russia.

Первая мировая война привела к существенным изменениям международных отношений на Ближнем Востоке. Поражение Четвертного Союза и победа Антанты привели к новой конфигурации сил в регионе. Особенно чувствительным было изменение статуса Османской империи. Военное поражение Османской империи означало крах планов младотурок по модернизации государства и общества, провал планов по превращению Турции в современное государство, имеющий свой собственный голос на мировой арене. Утопии, претворить которые пытались с помощью чудовищных методов в годы войны, так и не претворились в жизнь. Судьба страны оказалась в руках великих держав, приступивших к разделу «турецкого наследства». Споры между Великобританией, Францией и США привели к тому, что мирный договор с Османской империей был заключен только 10 августа 1920 г. в местечке Севр под Парижем.

Севрский договор, как и все мирные договора, подписанные победителями со странами Четвертного союза, включал в себя составной части Устав Лиги Наций. Строго говоря, мирные договоры 1919–1920 гг. следовали довольно жесткой модели: Устав Лиги Наций, территориальное переустрой-

ство в соответствии с этнографическим принципом, ограничение военно-экономического потенциала, финансовые вопросы, наказание военных преступников. Этой логике следовала и структура Севрского мирного договора.

На Парижской мирной конференции утвердилась концепция «ограниченного права наций на самоопределения», авторство которой можно приписать США в лице бывшего тогда президентом Вудро Вильсона. Согласно ей, одного желания самой нации для получения независимости и обретения государственного суверенитета недостаточно. Право нации на обретение государственности должно найти одобрение у великих держав, которые должны выдать согласие на создание нового национального государства. Именно в этом ракурсе и следует, на наш взгляд, рассматривать введение мандатной системы, учрежденной ст. 22 Устава Лиги Наций: «Следующие принципы применяются к колониям и территориям, которые в итоге войны перестали быть под суверенитетом государств, управлявших ими перед тем, и которые населены народами, еще неспособными самостоятельно руководить самой в особо трудных условиях современного мира. Благосостояние и развитие этих народов составляет священную миссию цивилизации... Лучший метод практически провести этот принцип – это доверить опеку над этими народами передовым нациям, которые в силу своих ресурсов, своего опыта или географического положения, лучше всего в состоянии взять на себя эту ответственность и которые согласны ее принять»¹. Фактически именно великие державы получали право решать вопрос о зрелости нации и с помощью международной организации (Лиги Наций и мандатной системы) юридически закрепить колониализм в новых одеждах. Так, отдел VII был посвящен Сирии, Месопотамии и Палестине (как известно, мандат на управление Сирией, включая Ливан, достался Франции, а Палестиной и Месопотамией – Великобритании). В соответствии с частью 4 ст. 22 Устава Лиги Наций «области, принадлежавшие ранее Оттоманской империи, достигли такой степени развития, что их существование в качестве независимых наций, может быть временно признано, под условием, что советы и помощь Мандатария будут направлять их управление впредь до того момента, когда они окажутся способными сами руководить собой»². Границы новых «временно независимых государств» должны были быть определены великими державами. Кроме того, специально оговаривалось, что в Палестине в соответствии с Декларацией британского правительства от 2 декабря 1917 г. будет устроен «национальный очаг еврейского народа» при сохранении гражданских и религиозных прав нееврейских общин. Ответственность за исполнение этих решений возлагалась на страны-мандатарии (в отношении Палестины – Великобритании).

Ст. 27-35 Договора определяли границы Турции в Европе и Азии. Греции удалось получить под свой контроль практически всю Восточную Фракию, множество островов в Средиземном море, а также Смирну (Измир). Формально Смирна оставалась в соответствии со ст. 69 Договора под оттоманским суверенитетом. Однако осуществление этих суверенных прав передавалось Греции, в течение 5 лет предполагалось провести плебисцит о принадлежности Смирны Греции по решению Совета Лиги Наций. В случае его положительного исхода, Турция должна была отказаться от прав и на Смирну. Италия получала Додеканезские острова и зону влияния в Юго-Западной Анатолии, Франция – Киликию и зону влияния в Юго-Восточной Анатолии, Великобритания – остров Кипр и зону влияния в Юго-Восточной Анатолии. Турция признала независимость Хеджаса, который, в свою очередь, принимал на себя обязательство «обеспечить свободный и легкий доступ [к святым местам Мекки и Медины] всем мусульманам всех стран, желающим направиться туда в паломничество, или со всякой иной религиозной целью, и уважать и заставлять уважать богоугодные заведения, которые там основаны или были бы основаны мусульманами каких-либо стран, сообразно заповедям закона Корана»³.

В отличие от Турции, в которой создавались сферы влияния, в Королевстве Хиджас провозглашалась свобода торговли и принцип «открытых дверей и равных возможностей», что можно считать успехом американской дипломатии. Турция была вынуждена отказаться с 5 ноября 1914 г. от своих прав в Египте и признать британский протекторат над Египтом, объявленный 18 декабря 1914 г. (впрочем, Турции пришлось согласиться на аналогичный шаг и в отношении Судана). Все оттоманские граждане, проживавшие в Египте к 18 декабря 1914 г., автоматически приобретали египетское граждан-

¹ Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне / Первая мировая война. Факты документы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://redstory.ru/war/first_world_war/251.html (дата обращения: 12.11.2014 г.).

² Там же.

³ Там же.

ство. В пользу Великобритании отошли все права Турции, определенные конвенцией относительно свободы судоходства по Суэцкому каналу от 29 октября 1888 г. В отношении Курдистана специальная комиссия, созданная Великобританией, Францией и Италией, должна была разработать в течение 6 мес. положение о местной автономии. За курдским населением провозглашалось право в течение 1 года обратиться к Совету Лиги Наций с просьбой о независимости от Турции. Если Совет Лиги Наций признает курдов способными к независимости, то Турция обязана будет отказаться от своих прав на эти территории, включая Мосальский вилайет. Турция была вынуждена признать Армению в качестве независимого государства, и согласится на арбитраж президента США в вопросе армяно-турецкой границы.

Фактически, территория турецкого государства ограничивалась Центральной Анатолией и Стамбулом (Константинополем). Ст. 36 Договора особо оговаривала, что если Турция будет уклоняться от лояльного соблюдения постановлений договора или дополнительных договоров или конвенций, в особенности уважения прав меньшинств этнических, религиозных и по языку, то положение о Константинополе как столице Османского государства может быть пересмотрено.

Одной из сокровищниц Османской империи были причерноморские проливы. Их статус и положение также подверглись урегулированию в Севрском договоре. Устанавливалась неограниченная свобода судоходства в проливах для всех военных и торговых судов всех стран в мирное и военное время. Запрещалась любая блокада проливов, предусматривалось, что «никакое право войны не может осуществляться в них и никакие враждебные акты не могут совершаться в них, кроме как в случаях исполнения решений Совета Лиги Наций». Сама зона проливов передавалась под контроль международной комиссии, ее власть распространялась «на все воды между входом в Дарданеллы со стороны Средиземного моря и входом в Босфор со стороны Черного моря и на расстоянии трех миль в море от каждого из этих выходов. Эта власть может осуществляться и на побережье»⁴. В комиссию могли направить своих представителей США, Греция, Румыния, Болгария и Турция (когда два последних государства станут членами Лиги Наций) по одному, Великобритания, Франция, Италия, Япония и Россия (когда она станет членом Лиги Наций) по два. Комиссия имела собственный флаг, отдельный бюджет и свою собственную организацию. Комиссия проливов получила право выпускать займы, гарантированные сборами, взимаемые с судов за проход через проливы. Комиссия получила право создания корпуса особой полиции под командованием иностранных полицейских офицеров. Споры относительно режимов проливов подлежали юрисдикции комиссии проливов, в случае несогласия с решением комиссии проливов несогласные державы могли обратиться в Лигу Наций.

Зона проливов подлежала демилитаризации, которая касалась, правда, только турецких вооруженных сил (Франция, Великобритания, Италия получили право размещать военные и воздушные силы, «какие они признают необходимыми, чтобы воспрепятствовать совершению всякого действия, способного нанести ущерб свободе проливов»): подлежали разоружению и разрушению все крепости в зоне Проливов (остальные турецкие крепости только разоружению), турецкие войска не могли находиться в зоне проливов (кроме личной гвардии султана в Стамбуле).

Как и во всех договорах Версальской системы предусматривалось ограничение военного потенциала Османской империи: отменялась всеобщая воинская повинность, комплектация армии предусматривалась на основе вольного найма «на равных основаниях для всех подданных оттоманского государства без различия национальности и религии». Вооруженные силы Турции включали в себя: личную гвардию султана, войска жандармерии, предназначенные поддерживать внутренний порядок и безопасность и обеспечивать защиту меньшинств, специальные части, предназначенные для усиления деятельности войск жандармерии в случае серьезных волнений и охраны государственной границы. Количественный состав армии ограничивался 50 тыс. чел., 15 тыс. чел. из которых должны были составлять специальные части (регулярная армия) и 35 тыс. чел. – жандармерию. Вооружение турецкой армии на 1 тыс. чел.: ружей и карабинов – 1150, пулеметов тяжелых или легких – 15 (в личной гвардии султана и специальных частях) или 10 (в жандармерии), горных пушек – 5 (только в специальных частях), никаких полевых или тяжелых пушек не разрешается. Турции могла открыться 1 офицерскую школу и по 1 школе на территориальный округ для унтер-офицеров. Количество учащихся-

⁴ Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне / Первая мировая война. Факты документы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://redstory.ru/war/first_world_war/251.html (дата обращения: 12.11.2014 г.).

ся в этих школах должно было соответствовать количеству вакансий в армии. Уровень максимальной численности таможенных чиновников, полиции, лесной стражи и т.п. был ограничен данными 1913 г. Всем им, как и железнодорожникам, запрещено участвовать в любых военных мобилизационных мероприятиях. В оттоманскую полицию, которая была отделена от армии, допускались иностранные офицеры и чиновники из стран-победительниц или нейтральных держав, которые «будут сотрудничать в организации полиции, в командовании ею и в ее обучении». Квота иностранцев в турецкой полиции была определена в 15 % ее численного состава. Излишнее военное имущество Турция была обязана сдать союзникам. Военное производство разрешалось только на тех предприятиях, которые будут одобрены межсоюзной военной контрольной комиссией, остальные военные предприятия подлежали закрытию. Такое же регулирование было установлено и в отношении военных складов и арсеналов. Импорт Турцией военного снаряжения и оружия категорически запрещался. Турецкий военный флот ограничивался 7 шлюпами и 6 миноносцами «для полицейских целей и надзора за рыболовством»⁵. Замена судов разрешалась не ранее 20 лет, покупать и строить другие суда Турция не имела права, вспомогательные вооруженные суда подлежали разоружению и превращению в торговые. Организация турецкой армии возлагалась на правительство Османской империи и межсоюзную военную комиссию.

В результате войны Османская империя потерпела финансовое банкротство. Опасаясь господства Франции в Администрации Оттоманского долга (на долю требований французских держателей акции приходилось 60 %), Великобритания смогла добиться создания специальной финансовой комиссии из представителей Франции, Великобритании, Италии и представителя Турции с совещательным голосом. В распоряжении комиссии представлялись все «все ресурсы Турции, за исключением доходов, уступаемых или даваемых в качестве гарантий платежей по Оттоманскому публичному долгу». Фактически, комиссия получала полный контроль над турецкой экономикой, без ее одобрения не мог приниматься государственный бюджет. Кроме того, Турция признавала отмененными все договора, конвенции или соглашения, заключенные с Германией, Австрией, Венгрией, Болгарией, а также с Россией или «со всяким государством или правительством, территория которого составляла часть России». Турция теряла суверенитет над собственной территорией: иностранные граждане исключались из-под юрисдикции турецкого суда и передавались под суд собственного консула (т.н. «режим капитуляций»).

Договор предусматривал согласие Турции на предании военному суду лиц, «обвиняемых в совершении действий, противных законом и обычаям войны», и на выдачу ответственных «за те зверства, которые во время состояния войны совершались на всякой территории, составлявшей к 1 августу 1914 г. часть Оттоманской империи». Специальные положения договора должны были гарантировать положение национальных и религиозных меньшинств. Турция обязывалась «предоставить всем жителям Турции полную и совершенную защиту их жизни и их свободы без различия происхождения, языка, расы и религии и всякого верования». Турция отменяла действие закона об оставленной собственности 1915 г. и объявляла его ничтожным, а также гарантировала оттоманским гражданам нетурецкого происхождения, насильственно изгнанных после 1 января 1914 г., возвращение к родному очагу, а также содействовать возвращению имущества. Лига Наций получала право назначать в любое место третейские комиссии по рассмотрению претензий от указанных лиц.

В исторической науке утвердилось представление о Севрском договоре как кабальном, оформлявшем раздел Османской империи⁶. На наш взгляд, это не совсем так. Наряду с юридическим оформлением полуколониального статуса Турции, договор открыл возможности для национально-государственного строительства на Ближнем Востоке, ликвидировал угрозу физического уничтожения целых народов, впервые поставил вопрос и правах национальных и религиозных меньшинства в Османской империи.

Великое национальное собрание Турции отказалось ратифицировать договор. Национально-освободительная борьба турков под руководством Мустафы Кемаля при содействии Советской России

⁵ Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне / Первая мировая война. Факты документы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://redstory.ru/war/first_world_war/251.html (дата обращения: 12.11.2014 г.).

⁶ Системная история международных отношений в четырех томах. 1918–2000. / Под ред. А.Д. Богатурова. М.: Московский рабочий, 2000. Т.1. С. 72.

привела к замене Севрского договора Лозаннским урегулированием. Большевики надеялись вести, говоря словами Чичерина, «совместную борьбу против иностранного империализма»⁷.

По итогам работы Лозаннской конференции были подписаны 17 документов, важнейшими из которых стали Лозаннский мирный договор с Турцией и конвенция касательно режимов проливов с приложением правил прохода для кораблей от 24 июля 1923 г., конвенция об обмене греческого и турецкого населения от 30 января 1923 г. (т.н. «обмен» юридически замаскировал этнические чистки – 1 млн греков покинули Турцию, 500 тыс. турок – Грецию). Остальные документы (соглашения, декларации, протоколы, письма) касались частных вопросов: о возвращении пленных, об амнистии, об имуществе переселяемых лиц, о сроке эвакуации оккупированных Антантой оккупированных турецких территорий и др.

Лозаннский договор провозглашал восстановление мира между его участниками и закреплял современные границы Турции: ей были возвращены Смирна (Измир), Восточная Фракция с Эдирне, европейский берег Дарданелл, Галлиполийский полуостров, турецкая часть Армении и Курдистан. В обмен Турция отказывалась от всяких прав и правооснований на территории, расположенных вне определенных договором границ (кстати, армянские историки на этом основании полагают, что Турция незаконно оккупирует Карскую область и Сурмалинский уезд, поскольку она не входила в турецкую часть Армении). В отношении Мосула Турция согласилась на передачу вопроса в Лигу Наций. Все зоны влияния великих держав в Анатолии были отменены. Устав Лиги Наций не был включен в текст Лозаннского мирного договора, его обязательства на Турцию не распространялись.

В отношении защиты прав меньшинств Лозаннский договор по сравнению с Севрским был существенным шагом назад. В новом договоре были исключены всякие упоминания о террористическом режиме и геноциде против немусульманского населения, как и гарантии возвращения изгнанного населения. В отличие от Севрского договора, распространявшегося на все национальные и религиозные меньшинства, Лозаннский договор упоминал особо только немусульманские меньшинства, т.е. мусульманских меньшинств по Лозаннскому договору не существует. Только представителям немусульманских меньшинств представлялась возможность получения образования в начальной школе на родном языке. Право основывать свои собственные школы получили лишь армяне, греки и евреи. Ничего в Лозаннском договоре не говорилось и о выдаче военному суду лиц, виновных в нарушении правил ведения войны, а также лиц, ответственных за геноцид в отношении национальных меньшинств годы Первой мировой войны.

Вопрос о режиме причерноморских проливов затрагивался как в тексте мирного договора, так и в Конвенции касательно режима проливов. Ст. 23 Договора провозглашала принцип свободы прохода и судоходства «по морю и в воздухе, как в мирное, так и в военное время в Дарданелльском проливе, Мраморном море и Босфоре» в пределах установленных ограничений по количеству и общему водоизмещению. Нечерноморские державы имели право направлять в черное море свои флоты и держать их там с тем условием, чтобы численность кораблей неприбрежных стран не превышала флота сильнейшей из прибрежных держав. Единственное исключение из этого порядка, предусматривалось только в том случае, если Турция окажется воюющей стороной. В этом случае правом прохода через проливы сохраняли только военные суда нейтральных государств. После окончания войны должно быть восстановлено право свободного судоходства для всех торговых и военных судов. Зона проливов сохраняла свой демилитаризованный статус. В случае нарушения свободы судоходства, неожиданного нападения или угрозы войны Франция, Великобритания, Италия и Япония получали право сообща помешать таковым всеми средствами в соответствии с решением Совета Лиги Наций.

Управление зоной проливов сохранялось за Международной комиссией проливов. Комиссия располагалась в Константинополе (Стамбуле). Она должна была состоять из представителей Турции (председатель комиссии), Франции, Великобритании, Италии, Японии, Болгарии, Греции, Румынии и Сербо-Хорватско-Словенского королевства (при условии подписания и ратификации

⁷ Письмо народного комиссара иностранных дел РСФСР Председателю великого Национального собрания Турции Мустафе Кемаль-паше / Genocide.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: / <http://www.genocide.ru/lib/treaties/15.htm> (дата обращения: 15.11.2014 г.)

Конвенции касательно режима проливов). Кроме того, к комиссии в любое время могли присоединиться США, а также «независимые прибрежные к Черному морю государства, не упомянутые в настоящей статье»⁸.

Острые споры вели участники переговоров по финансовым вопросам. Великие державы отказались от претензий на контроль за внутренней и финансово-экономической политикой Турции. Основные положения Лозаннского договора по финансовым проблемам сводились к следующим положениям: разделение долга между Турцией и странами, отделившимися от Османской империи (в связи с несогласием с отнесением на нее части османского долга Сербско-Хорватско-Словенское королевство отказалось ратифицировать Лозаннский мирный договор); создание специальной международной комиссии с целью контроля над распределением долга; отмена капитуляций; исключение их состава Администрации Оттоманского долга представителей германских, австрийских и венгерских представителей держателей займов. Окончательное погашение оттоманского долга последовало только в 1954 г.

Севрский мирный договор являлся диктатом, навязанным победителями побежденной стороне и в этом смысле являлся органичным элементом Версальской системы мирных договоров. Используя ситуацию раскола государственной власти в Турции между султанатом и Великим Национальным собранием, поражение Османской империи в Первой мировой войне, финансовое банкротство турецкого государства, страны-победительницы навязали правительству султана неравноправный договор, который превращал Турцию в полуколонию, лишенную многих атрибутов независимого государства. В этом ракурсе показательным является введение режим капитуляций, немыслимого для суверенного государства, а также создание сфер влияния великих держав в Анатолии. Вместе с тем, нельзя упускать из виду, что Севрский договор был результатом большой проигранной войны, в которой Османская империя активно участвовала, творила неслыханные ранее военные преступления и преступления против человечности. К Севрскому договору Турцию привели не великие державы, а преступные действия и недальновидная внешняя и военная политика младотурков. Сама структура Османской империи была неустойчивой и многонациональной, авантюристическая политика младотурков не способствовала ее укреплению. Поэтому дезинтеграция Османской империи была естественным процессом, выгодами от которого воспользовались великие державы. В тоже время севрский мирный договор содержал важные положения гарантии прав национальных и религиозных меньшинств в Турции, возвращения на родину изгнанных лиц, а также наказания виновных за политику геноцида, проводимую во время Первой мировой войны. Лишь военные успехи кемалистского движения смогли ликвидировать полуколониальный статус Турции, отстоять ее независимость. Лозаннская мирная конференция 1922–1923 гг. стала, безусловно, большим внешнеполитическим успехом Турции. Однако заплатили за него и национальные меньшинства Турции, права которых были существенно урезаны по сравнению с положениями Севрского мирного договора (например, курдский народ так и не смог получить собственной государственности), в то время как территориальные захваты великих держав остались неприкосновенны, как и их финансовые претензии на выплату османского долга, которые были признаны турецким правительством.

Список использованных источников

1. Аноп А.Ф. Подготовка и заключение Севрского договора // Вестник Томского университета. История. 2009. № 1. С. 95–102.
2. История дипломатии. М.: Политиздат, 1965. Т. 3
3. Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997.
4. Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне / Первая мировая война. Факты документы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://redstory.ru/war/first_world_war/251.html (дата обращения: 12.11.2014 г.).
5. Сидоров А.Ю., Клейменов Н.Е. История международных отношений. 1918–1939. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006.
6. Системная история международных отношений в четырех томах. 1918–2000. / Под ред. А.Д. Богатурова. – М.: Московский рабочий, 2000. Т.1,2.

⁸ Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне / Первая мировая война. Факты документы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://redstory.ru/war/first_world_war/251.html (дата обращения: 12.11.2014 г.).

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РАЗВИТИЯ ИСЛАМА НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН В ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА

V.V. Shishkin

THE USE OF CULTURAL AND HISTORICAL POTENTIAL OF ISLAM DEVELOPMENT ON THE TERRITORY OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN IN ORDER TO PREVENT RELIGIOUS EXTREMISM

Аннотация: Статья посвящена вопросам противодействия религиозному экстремизму посредством использования культурно-исторического потенциала развития ислама на территории Республики Башкирия.

Abstract: The article is devoted to the issue of combating religious extremism through the use of cultural and historical development potential of Islam on the territory of the Republic of Bashkortostan.

Ключевые слова: Ислам, Республика Башкортостан, предупреждение, религиозный экстремизм.

Keywords: Islam, the Republic of Bashkortostan, warning, religious extremism.

Угроза распространения религиозного экстремизма нависла не только над Россией, но и над другими странами. Экстремизм в начале третьего тысячелетия превратился в универсальный и мощный фактор деструктивного воздействия в мировой политике. По сути, угроза экстремизма играет сейчас одновременно дестабилизирующую и интегрирующую роль, совершенно на иных условиях реконструируя классическую политическую и правовую реальность, тем самым открывая новую эпоху, все чаще именуемую веком глобального экстремизма.

В этих условиях прежняя правовая политика, базирующаяся на локальных оценках проявления религиозного экстремизма, не отвечает реальной действительности, запросам практики. Локализовать и нейтрализовать экстремистскую деятельность – задача обеспечения жизнеспособности любой страны, и Россия в данной ситуации не является исключением.

Эффективность правовой политики зависит, прежде всего, от доктринальной разработанности дефиниции «экстремизм», целостности и непротиворечивости законодательного обеспечения борьбы с ним, точного определения стратегических и тактических направлений и оптимальных механизмов деятельности силовых структур по превенции экстремизма и терроризма.

Формирование основ правовой политики на современном этапе происходит в условиях возрастания общественной опасности экстремистской деятельности, высокого уровня ее организации, коммуникации и согласованности действий экстремистов, определенной неэффективности принимаемых решений, запоздалой управленческой реакции органов исполнительной власти отдельных субъектов Российской Федерации в разрешении политических и экономических проблем, локализации последствий вооруженных конфликтов. Преодоление данных проблем является долгосрочным приоритетом для России, так как в современном мире «получат развитие националистические настроения, ксенофобия, сепаратизм и насильственный экстремизм, в том числе под лозунгами религиозного радикализма [8].

Государство активно борется с развитием религиозного экстремизма в России, о чем свидетельствует принятие целого ряда законодательных актов. Среди которых особо стоит отметить, принятые федеральные законы от 25 июля 2002 г. № 14-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Также принимается целый ряд региональных нормативных актов направленных на противодействие данному явлению.

Однако стоит отметить, что в настоящее время в России окончательно не сформировался механизм профилактики религиозного экстремизма. Его элементами являются правовые нормы разрозненных нормативных правовых актов Российской Федерации и ее субъектов, разрозненные мероприятия федеральных и региональных программ, которые не учитывают специфики и общественной опасности именно религиозного экстремизма.

Основой предупреждения развития религиозного экстремизма в стране являются административно-правовые меры. Базисом административного предупреждения является профилактика, как административно-правовая мера. Исследуя данную проблему мы сталкиваемся с рядом трудностей,

обусловленных соотношением учеными данных понятий. Наиболее полно проблема сопоставления предупреждения и профилактики решается в рамках криминологии. Так часть исследователей за родовое, более общее понятие принимают предупреждение преступности [1; с.115] иные считают профилактику и предупреждение синонимичными категориями и не разделяют их по сути [4; с. 156]. В рамках исследования мы будем придерживаться позиции, согласно которой предупреждение является более общим понятием, включающим в себя профилактику.

Профилактика включает воздействие на причины и условия, действующие в первую очередь на стадии формирования мотивов и целей религиозного экстремизма. К общим мерам мы относим профилактику религиозного экстремизма, которая в буквальном смысле означает предохранение людей, общества, государства от негативных его проявлений. По В.И. Далю, предохранить означает «отвратить вред или опасность загодя, когда она грозит, но еще не постигла делом; предотвратить» [7; с. 387]. В юридической литературе профилактика трактуется как меры по выявлению, устранению (нейтрализации, блокированию, ограничению сферы действия) причин, условий и других детерминант правонарушений [1; с.124]. Полагаем, что профилактика религиозного экстремизма должна представлять собой многоуровневую систему государственных и общественных мер, направленных на устранение, ослабление или нейтрализацию его причин.

К мерам направленным на предупреждение развития религиозного экстремизма, по нашему мнению, можно отнести все меры реагирования на проявления экстремизма со стороны религиозных объединений. По нашему мнению, для решения вопроса религиозной нетерпимости выраженной в религиозном экстремизме необходимо более активно привлекать религиозные организации. Эта деятельность может реализовываться как в активной работе среди верующих по разъяснению пагубности деятельности религиозных экстремистов, так и необходимость диалога представителей всей палитры религиозных учений находящихся на территории России для выработки единого механизма противодействия религиозному экстремизму. Так Л.Р. Сюкияйнен считает, что одной из самых важных сторон борьбы с исламистским экстремизмом является идейно-теоретический аспект. Его актуальность объясняется тем, что из всех составляющих религиозного экстремизма под исламскими лозунгами непосредственное отношение к исламу имеет указанный момент. Ведь прочность позиций исламского экстремизма заключается не только в нерешенности политических, социально-экономических, национальных проблем, но и в его идейной базе, ориентирующейся на исламские концепции [6; с.22–25].

Мы считаем, что каждая религиозная организация независимо от проповедуемого вероисповедания на территории России должна противодействовать религиозному экстремизму. В этом вопросе, мы придерживаемся позиции А.К. Захаровой которая отмечает, что среди социальных мер профилактики особое внимание должно быть уделено подготовке высокообразованных имамов, богословов, преподавателей, обладающих широким спектром как религиозных, так и светских знаний, что может стать одним из основных средств, препятствующих распространению экстремистских и радикальных идей среди российских мусульман [3; с. 6].

Особо стоит отметить культурно-исторический потенциал мирного сосуществования народов на территории Республики Башкортостан. Руководство республики и религиозные деятели понимают всю важность толерантного сосуществования религий и активно борются с проявлениями религиозного экстремизма на ее территории. Одним из ключевых направлений реализуемых ими является продвижение на территории республики традиционного ислама, имеющего многовековую историю развития на территории России.

Практическими примерами использования культурно-исторического потенциала развития ислама на территории Республики Башкортостан является проведение в 2012 г. в Уфе V чемпионат по мини-футболу среди мусульманской молодежи. Розыгрыш главного трофея соревнований – Кубка муфтия Башкортостана состоялся в рамках акции «Ислам против экстремизма» [13]. В сентябре 2013 г. в Уфе на площади им. Салавата Юлаева состоялся гала-концерт «С наилучшими пожеланиями!», который стал завершающим этапом духовной акции «Ислам – против экстремизма». На площади собрались сотни людей, в основном молодежь. В начале концерта с проповедью выступили Председатель ЦДУМ РФ, Верховный Муфтий Талгат Таджуддин, председатель ДУМ РБ Нурмухамет Нигматуллин, протоиерей Свято-Пантелеимоновского храма Виктор Иванов и другие религиозные деятели. Они призвали молодежь держаться традиционных религиозных течений, рассказывали о традиционном исламе, говорили об опасности экстремистского радикализма. А потом начался концерт. Перед зрителями выступили Хасан Усманов, МС Баш, Айнур Мансуров, группа «Ассалям» и другие популярные в Башкирии музыканты. Организаторами мероприятия выступили Молодежный отдел Духов-

ного управления мусульман РБ и Совет по государственно-конфессиональным отношениям при Президенте РБ [2].

По нашему мнению, наиболее важными и ответственными компонентами предупреждения религиозного экстремизма являются вскрытие причин и условий, порождающих эти феномены, разработка политики государственного противодействия религиозному экстремизму как социально-политическому явлению, координация и согласованность усилий силовых структур и религиозных объединений. Примерами реализации этих компонентов является политика по противодействию религиозному экстремизму проводимая мусульманскими общинами в Республике Башкортостан.

Список использованных источников

1. Алексеев С.С. Теория права. М., 1995. 320 с.
2. В Уфе состоялся концерт «Ислам – против экстремизма» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.temaufa.ru/news/religion/item/14110/>.
3. Захарова А.К. Криминологические и уголовно-правовые меры предупреждения терроризма. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007.
4. Криминология / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. М., 1998. 465 с.
5. Определен обладатель Кубка муфтия Башкортостана [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ansar.ru/rfsng/2012/06/29/31336> (дата обращения. 14.10.2014).
6. Сюкйяйнен Л.Р. Религиозный экстремизм: правовые, политические и идеологические аспекты // Религиозный экстремизм в Центральной Азии. Материалы международной конференции, Душанбе, 25 апр. 2002. Душанбе, 2002. С.22–25.
7. Толковый словарь. М., 1955. Т. 3.
8. Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 “О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года” // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 20. Ст. 2444.

А.Б. Юнусова

УРАЛЬСКИЙ ВЕКТОР ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОГО АНТРОПОТОКА: МИГРАНТЫ В СОВРЕМЕННОМ БАШКОРТОСТАНЕ

А.В. Yunusova

THE URAL VECTOR OF CENTRAL ASIAN ANTHROPOLOGICAL MOVEMENT: MIGRANTS IN CONTEMPORARY BASHKORTOSTAN

Аннотация: В статье рассматриваются миграционные процессы в Республике Башкортостан, развивающиеся на фоне обновления федерального миграционного законодательства. Материалы статьи отражают динамику и распределение миграционных потоков, работу Управления федеральной миграционной службы по Республике Башкортостан по учету иностранных граждан, отношение местного населения к трудовым мигрантам.

Abstract: The article deals with the migration processes in the Republic of Bashkortostan, developing in updating the federal immigration laws. Article submissions reflect the dynamics and distribution of migratory flows, job of the Federal Migration Service of the Republic of Bashkortostan to integrate foreigners, the attitude of the local population to the migrant workers.

Ключевые слова: трудовая миграция, миграционное законодательство, квоты, адаптация, отношение к мигрантам.

Key words: labor migration, migration legislation, quotas, adaptation, attitudes towards migrants.

В 2014 г. миграционная политика осуществлялась с учетом обновленного федерального миграционного законодательства. С 1 января 2014 г. вступил в силу закон Российской Федерации от 28 декабря 2013 г. N 389–ФЗ «О внесении изменений в статью 27 Федерального закона “О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию”»¹, по которому иностранцам из безвизо-

¹ <http://www.rg.ru/2013/12/30/migr-dok.html>. РГ – Федеральный выпуск №6271. 30 декабря 2013 г.: Ст. 2 Срок временно-го пребывания в Российской Федерации иностранного гражданина, прибывшего в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы, не может превышать девяносто суток суммарно в течение каждого периода в сто восемьдесят суток, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Федеральным законом, а также в случае, если такой срок продлен в соответствии с настоящим Федеральным законом.

вых стран будет разрешено находиться на территории России не более 90 дней в течение полугодия. Данное ограничение затрагивает и тех, у кого нет оснований для нахождения на территории страны – патентов, разрешений на работу или разрешений на временное пребывание.

В соответствии с Федеральным законом от 21 декабря 2013 г. № 376–ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»² за нарушение правил регистрационного учета для россиян и правил миграционного учета для иностранцев предусматривается усиление ответственности, в том числе уголовной.

Основным поставщиком мигрантов в Россию является Центральная Азия в лице государств – бывших республик Союза ССР. В России трудились почти 100% трудовых мигрантов из Таджикистана или 37% экономически активного населения самой республики. Власти относительно малонаселенного Кыргызстана заявляют, что в России работает полмиллиона его граждан, что примерно соответствует данным Пограничной службы ФСБ России (в 2008 году число граждан Кыргызстана, пересекших границу России составило 552 тыс. человек, в 2009 году – 406) и руководителя Центра этнополитических и региональных исследований д.с.н. В.И.Мукомеля (400 чел. на 2008 г.). В России, таким образом, трудится 17% занятого населения республики. Более половины трудовой миграции из Узбекистана также едет в Россию, это около 15% трудоспособного населения. В.И.Мукомель приводит данные опросов трудовых мигрантов, среди которых 36,6% – граждане Узбекистана, 25% – Таджикистана, 8,9% – Киргизии. 10,3% респондентов – из Украины, 6,9% – из Азербайджана, 5,2% – из Армении и 4,9% – из Молдовы, граждане других государств – 2,8% опрошенных³.

Традиционно миграционный поток направляется в экономически сильные и развивающиеся регионы России, и прежде всего в Москву. Вместе с тем, значительная часть мигрантов оседает на приграничных с азиатскими государствами территориях Российской Федерации, которые встречают основную массу мигрантов. Своеобразными транзитными регионами из Центральной Азии в Россию стали Оренбургская, Челябинская и Самарская области, Республика Башкортостан. Отсюда потоки мигрантов распределяются в Приволжский, Уральский и Центральный округа, а также частично в северо-западном направлении.

По данным Управления Федеральной миграционной службы по Республике Башкортостан (УФМС по РБ), за период с начала 90-х годов XX в. в республике осело более полумиллиона выходцев из центральноазиатских регионов, ставших гражданами России, – таковых сегодня в составе постоянного населения РБ свыше 11%. Среди них татары, башкиры, русские, большую часть которых составляют так называемые «возвращенцы» – потомки тех, кто в советские годы выехал в среднеазиатские республики на военную службу, различные стройки, по распределению, по семейным обстоятельствам и т.д. В составе данной группы населения: рабочие (59,6%), безработные (49,8%), коммерсанты (32,1%), служащие, врачи, учителя, бывшие военные, другие специалисты (22,0%), криминальные лица, бомжи (12,8%), крестьяне (10,1%), студенты (10,6%). В составе многонационального Башкортостана сформировались диаспоры выходцев их стран Центральной Азии, Молдовы, Украины⁴.

Таблица 1

Иностранцы граждане, прибывшие в РБ из стран СНГ в 1 кв. 2014 г.

№	Страна СНГ	Количество прибывших
1.	Республика Узбекистан	6900
2.	Республика Таджикистан	1275
3.	Республика Азербайджан	824
4.	Республика Казахстан	781
5.	Республика Армения	723
6.	Республика Кыргызстан	365
7.	Республика Украина	324

² <http://www.rg.ru/2013/12/25/izmeneniya1-dok.html>. РФ. Федеральный выпуск № 6267. 25 декабря 2013 г.

³ Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика / Отв. ред. В.И. Мукомель. М.: НП «Центральный Дом адвоката», Московское бюро по правам человека, «Academia», 2014. С. 84–88.

⁴ Из Информационно-справочных материалов (ИСМ) УФМС РБ о результатах работы по реализации государственной миграционной политики за 2009–2014 гг.

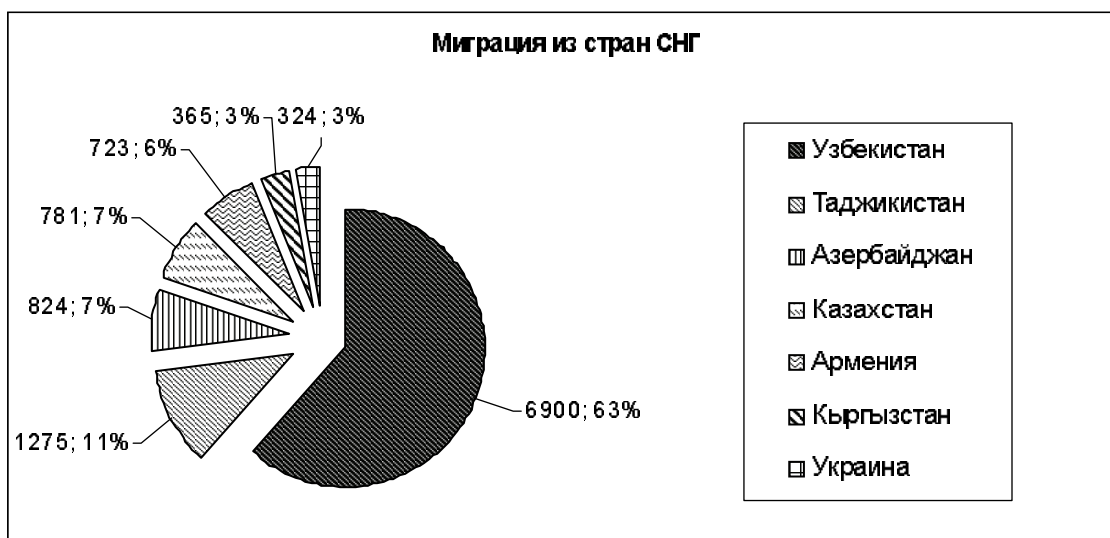


Рис. 1. Доля иностранных граждан, прибывших в РБ из стран СНГ в 1 кв. 2014 г.

Из стран дальнего зарубежья в РБ прибыло 920 человек, это граждане Турции (312 или 2,4 %), Германии (152 или 1,2 %), Вьетнама (105 или 0,8 %), Китая (99 или 0,8 %), Чехия (68 или 0,5 %), Италии (51 или 0,4 %), Словакия (57 или 0,4 %), КНДР (38 или 0,3 %), США (38 или 0,3 %).

По состоянию на 1 декабря 2014 г. в Башкортостане поставлено на учет 190045 лиц иностранных граждан (ИГ) и лиц без гражданства (ЛБГ), что на 2,4 % меньше, чем за аналогичный период прошлого года (АППГ). Приобрели гражданство 2068 человек, оформлено наличие гражданства 4434 детям. Поставлено на миграционный учет 138722 ИГ и ЛБГ. Количество действительных разрешений на привлечение иностранных работников, имеющих у работодателей – 165, разрешений на работу у иностранных работников – 15389, патентов – 26049. Зарегистрировано 295 вынужденных переселенцев, временное убежище предоставлено 3821 лицам⁵.

Большинство иностранных граждан прибывает на заработки. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 ноября 2013 года № 2231-р квота на выдачу иностранным гражданам разрешений на временное проживание в Российской Федерации в 2014 году по Республике Башкортостан определена в количестве 3500. Больше всего трудовых мигрантов оседает в Уфе.



Рис. 2. Распределение мигрантов по районам г. Уфы в первой половине 2014 г.

⁵ <http://www.fmsrb.ru/material.aspx?m=259>.

В 2014 г. прибывшие иностранные граждане заявили следующие цели пребывания:

- для осуществления трудовой деятельности – 69,3 %;
- по частному приглашению – 19,1 %;
- на учебу – 4,2 %;
- деловые – 3,0 %;
- в качестве туристов – 1,7 %;
- гуманитарные – 0,5 %;
- служебные цели – 0,3 %;
- другие – 1,9 %.

Количество иностранных студентов, обучающихся в учебных заведениях Республики Башкортостан, составило 552 человека. Больше всего студентов приходится на Республику Казахстан – 267 человек, Узбекистан – 64, Китай – 43, Таджикистан – 27, Афганистан – 20, США – 13, Вьетнам – 11. К числу наиболее крупных учебных заведений, принимающих иностранных студентов, относятся: Уфимский государственный нефтяной технический университет, Башкирский государственный медицинский университет, Башкирский государственный университет.

В соответствии с приказом Министерства труда и социальной защиты РФ «Об утверждении Правил определения органами государственной власти субъекта РФ потребности в привлечении иностранных работников»⁶ Минтруда РБ начал прием заявок на привлечение иностранных работников на 2015 год и корректировку квот 2014 г. В связи с утверждением перечня профессий для привлечения иностранных работников на 2014 год, в числе профессий, заявленных работодателями Башкортостана, больше всего представителей сельского хозяйства, особенно овощеводов, а также тех, кто занят в строительной, транспортной сфере и общепите, среди них – тракторист, арматурщик, каменщик, бетонщик, кровельщик, маляр, сварщик, дорожный рабочий, машинист бульдозера и водитель. Работодатели республики также заинтересованы в привлечении на работу животноводов, птицеводов, трактористов-машинистов, водителей, плотников, подсобных рабочих, официантов и поваров. Уровень заработной платы, предлагаемый иностранным работникам – от семи тысяч рублей. Вместе с тем есть и такие предложения, когда работодатели готовы платить трудовым мигрантам 25, 35, 40, 55, 65, 70 и даже 96 тысяч рублей. Среди них – инженер, монтажник технологических трубопроводов, инженер-механик, технический директор, менеджер в общепите и гостиничном бизнесе, менеджер, директор филиала, спортсмен-инструктор, тренер волейбольного клуба⁷.

Заявки работодателей свидетельствуют об отсутствии координации между предпринимателями, службами занятости, миграционной службой, с одной стороны, с другой – о предпочтениях работодателей использовать в основном иностранных работников. Об этом говорит и президент республики Рустэм Хамитов. «Отсутствует системная профилактическая работа, нацеленная на упреждение таких рисков в сфере занятости, работа трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений ведется во многом формально, – отметил глава региона на расширенном заседании коллегии Министерства труда и социальной защиты населения РБ 12 марта 2014 г. Уровень общей безработицы в республике составляет 5,8 %. По этому показателю Башкирия занимает 12 место в ПФО. Между тем заявленная потребность в рабочих с 2000 года выросла с 9 до 31 тысячи человек (в 3,5 раза). Президент Республики Рустэм Хамитов отметил, что в Башкирии “не координируется в должной мере работа в сфере миграции». Отдельными вопросами занимается Башкортостанстат, Управление федеральной миграционной службы по РБ, Минтруда, Минэкономразвития РБ. Работает межведомственная комиссия по миграционной политике при правительстве республики, которая определяет квоту рабочих мест для иностранцев. «Вопросами миграции занимаются многие, а единого координирующего центра нет, в результате нет и четко продуманной стратегии в этой сфере, слаженных действий, – подчеркнул Хамитов. – Вместе с тем миграционные процессы нарастают с каждым годом, увеличивается как внешняя, так и внутренняя миграция. Мы должны, наконец, определить центр координации работы с мигрантами»⁸.

⁶ Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 23 января 2014 г. N 27н г. Москва “Об утверждении Правил определения органами государственной власти субъекта Российской Федерации потребности в привлечении иностранных работников” // <http://www.rg.ru/2014/03/11/inrab-dok.html>. РГ – Федеральный выпуск №6327. 11 марта 2014 г.

⁷ <http://www.bashinform.ru/news/601783>; Новости@Mail.ru, Москва, 22 января 2014; Информационный портал RB7.ru (rb7.ru), Уфа, 22 января 2014; Gorodskoyportal.ru/ufa, Уфа, 22 января 2014 г.

⁸ <http://www.regnum.ru/news/1777289.html>; <http://www.bashinform.ru/news/614183>. ИА Башинформ, Уфа, 12 марта 2014; <http://bashkortostan.ru/news/59503>. Официальный сайт Республики Башкортостан (bashkortostan.ru), Уфа, 12 марта 2014; Информационный портал RB7.ru (rb7.ru), Уфа, 13 марта 2014 г.

Известно, что дефицит рабочих мест особенно остро ощущается в сельской местности. Однако, работодатели из числа фермеров, владельцев или арендаторов теплиц не торопятся привлекать местных жителей и откровенно говорят о том, что не хотят иметь с ними дела. Из рассказа владельца крупного тепличного хозяйства в г. Туймазы: «Когда решил заняться тепличным бизнесом, начал искать людей, которые бы стали арендаторами. ...В первый год чуть не обанкротился. Взял крестьян из соседней деревни. Проработали до первого аванса, потом запили. А рассаде не объяснишь, что арендатор в запое. Больше с местными не связываюсь. Никогда и не за что. Едут узбеки, с детьми, с женами, работают сезон, не пьют, вкалывают по 12 часов. Уезжают на родину обеспеченными людьми. На следующий год обратно. Все документы оформляю, как положено, иначе придет миграционная служба и в разгар сезона останусь без работников. Плачу как договорились. Если обману, на следующий год ни один узбек ко мне не придет и я разорюсь»⁹.

Из числа высококвалифицированных работников, чья зарплата должна составлять не менее 2 млн руб. в год, сейчас в республике трудятся около 20 человек, это в основном топ-менеджеры крупных компаний ТЭК (Газпром, Башнефть и т.п.) и игроки хоккейной команды «Салават Юлаев»¹⁰.

В Республике Башкортостан функционируют 5 центров государственного тестирования по русскому языку, в трех из них организованы курсы русского языка.

Таблица 2

Центры государственного тестирования по русскому языку на территории Республики Башкортостан

№	Наименование	Адрес	Курсы русского языка
1.	Башкирский государственный университет	г. Уфа, ул. З.-Валиди, 33а, 2 этаж	есть
2.	Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы	г. Уфа, ул. Октябрьской революции, 3а, учебный корпус №3, ауд. 307, 309	есть
3.	Уфимский государственный нефтяной технический университет	г. Уфа, ул. Космонавтов, д. 8, аудитория 2в – 302	нет
4.	Башкирский институт социальных технологий (филиал Центра тестирования Российского университета дружбы народов)	г. Уфа, пр. Октября, 74/2, кабинет 217	нет
5.	Негосударственное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования «Динамо»	г. Уфа, ул. К.Маркса, д. 2	есть

В Уфе продолжает работать Центр социальной поддержки переселенцам с Украины. Центр работает уже около полугода. Каждый день сюда приносят одежду, посуду и детские игрушки. А с приходом морозов в Центр начали приходить за теплыми вещами¹¹.

В Уфе с 5 августа 2014 года действует Единый консультационный центр для беженцев с Украины прибывших к нам самостоятельно, напоминают в службе спасения столицы. В ЕКЦ украинские граждане могут оформить необходимые документы на предоставление временного убежища, подать заявку на трудоустройство, заполнить социальный паспорт и получить консультацию специалистов УФМС, Минтруда, и других ведомств. При необходимости им предоставят услуги переводчика и фотографа¹².

Процессу вживания инокультурных мигрантов в новую среду и их адаптации, несомненно, должны способствовать и национально-культурные центры. В Государственной Программе «Народы Башкортостана» говорится, что «успешная реализация экономических, социальных, культурных, языковых прав народов, населяющих республику, возможна только при условии совершенствования и раз-

⁹ <http://i-gazeta.com/news/region102/31349.html>. Уфа, 13 января 2014.

¹⁰ <http://hcsalavat.ru/salavat-yulaev/structure/>.

¹¹ <http://www.gtrk.tv/novosti/v-stolice-prodolzhaet-rabotat-centr-pomoshchi-pereselencam-s-ukrainy>.

¹² <http://resbash.ru/news/13734>.

вития деятельности национально-культурных общественных объединений самих граждан»¹³. Поэтому в основных приоритетах и направлениях данной Программы один из пунктов направлен на «решение проблемы беженцев и вынужденных переселенцев, прибывающих в республику из других субъектов Российской Федерации, государств ближнего и дальнего зарубежья»¹⁴.

По состоянию на 01 января 2014 г. в Республике Башкортостан зарегистрировано 63 республиканских национально-культурных организаций (НКО). Целью объединений является рост национального самосознания народов Башкортостана, возрождение и развитие их национальных культур.

Основными методами работы национально-культурных центров республики является развитие общественной активности населения, его сознательности, укрепление взаимоотношений между народами, между властью и обществом. Значительная часть этих НКО формируют представители этнических групп, выходцы из стран СНГ и Балтии. Это, прежде всего, армяне, азербайджанцы, грузины, латыши и др. Люди разных профессий и возрастов, по разным причинам и в разное время оставившие историческую родину, оказались на башкирской земле. В целях сохранения и возрождения родного языка, традиций и обычаев своего народа, защиты интересов соотечественников в другой стране, они выступали с инициативой объединить своих соотечественников, создать культурные центры и общественные объединения. Так, в республике постепенно образовались Ассоциация таджиков и персоязычных народов РБ «Пайванд», Республиканский центр грузинской национальной культуры им. Ш.Руставели, Региональная общественная организация Центр кыргызской культуры «Ала-Тоо» и др.. По итогам Всероссийской переписи населения России 2010 г., в Башкортостане проживает 4373 казахов¹⁵, объединяемых Казахским национально-культурным центром «Ак-Бота». КНКЦ «Ак-Бота» возглавляет М.З. Шумова, приехавшая в Башкортостан в 1979 г. В 1999 г. создан Центр таджикской национальной культуры им. И. Сомони (по данным Всероссийской переписи населения России 2010 г. в Республике Башкортостан проживает 4127 таджиков. Две трети из них проживает в городах Белорецке, Октябрьске, Салавате, Стерлитамаке, Уфе¹⁶). Самую многочисленную центральноазиатскую диаспору численностью свыше 8 тыс. чел. объединяет Узбекский национально-культурный центр «Дустлик». К 2015 году в г. Уфа планируется создание комплексного Миграционного Центра¹⁷.

Башкортостан в 2015 году сможет принять три тысячи беженцев. Согласно распоряжению Правительства РФ именно такую квоту получит регион. В Приволжском федеральном округе по количеству разрешений на временное проживание в России Башкирия заняла третье место. Больше всего квот дали Самарской области – пять тысяч, на втором месте Нижегородская область – 4100 квот. На все регионы Приволжья выделены 23 750 квот. На сегодняшний день республика приняла около шести тысяч беженцев с Украины¹⁸.

Вместе с тем, как показывает практика, для украинских мигрантов ищущих работу Уфа и Башкортостан малоинтересны. В списке самых привлекательных городов в плане трудоустройства для граждан с Украины Уфа занимает 23 место из 37, а в рейтинге составленном с учетом привлекательности недвижимости Уфа находится на 30 месте из 37. Рейтинг составил Департамент социологии Финансового университета при правительстве РФ. Городами, куда стремятся в первую очередь украинские мигранты, являются Москва, а также близкие к Украине Краснодар, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург и Воронеж. Самыми непривлекательными для украинцев стали Новокузнецк, Набережные Челны и Махачкала¹⁹.

Прибывшие в республику иностранные граждане представляют 116 государств мира. Наибольшее количество граждан прибыло из таких стран СНГ как Узбекистан (35500 или 54,6 %), Казахстан (8519 или 13,1 %), Таджикистан (8742 или 13,4), Азербайджан (5526 или 8,5 %), Кыргызстан (3421 или 5,3%), Армения (2883 или 4,4 %), Украина (945 или 1,5 %). Из стран дальнего зарубежья наибольшее число – это граждане Германии (1435 или 14,3 %), Турции (1413 или 14,1 %), Вьетнама (818 или 8,1 %), Китая (389 или 3,9 %), США (354 или 3,5 %), Италии (294 или 2,9 %) и Чехии (230 или 2,3 %).

¹³ Государственная Программа «Народы Башкортостана», утв. Постановлением Кабинета Министров РБ от 31 декабря 2002 г. № 388 // Ведомости Государственного Собрания, Президента и Кабинета министров РБ. 2003. № 4 (160). С. 201

¹⁴ Там же. С. 202.

¹⁵ <http://www.bashstat.ru/perepis2010/>.

¹⁶ <http://www.bashstat.ru/perepis2010/>.

¹⁷ http://www.morb.ru/news/index.php?ELEMENT_ID=1771.

¹⁸ <http://ufa1.ru/text/newsline/867829.html>.

¹⁹ <http://ufa1.ru/text/newsline/863231.html>.

Увеличение числа представителей центральноазиатских народов за счет мигрантов не могло не повлиять на этнокультурный ландшафт территории Башкортостана и на межнациональные отношения. Высокая доля выходцев из стран Центральной Азии в составе населения Башкортостана существенно повлияла этноконфессиональные процессы в республике: кроме роста религиозности среди «этнических мусульман» – татар и башкир, заметными стали негативные тенденции – появление в среде мусульман носителей радикальных идеологий. Обывательское мнение о том, что среди наиболее заметных последствий миграционных процессов – заметное снижение уровня толерантности местного населения по отношению к мигрантам, к сожалению, подтверждается данными этносоциологических опросов. По данным проведенного совместно с республиканской общественной организацией «Общество беженцев и вынужденных переселенцев» (БРО ОБВП) исследования «Мигранты в вашем городе» 27,8 % опрошенных относятся к мигрантам отрицательно, каждый четвертый (25,8 %) – безразлично, и только 15,1% респондентов к мигрантам относится с сочувствием (обследование проводилось среди населения в возрасте от 16 до 70 лет в городах Уфе, Нефтекамске, Сибая, Туймазы, Агидели, а также Бирском, Благоварском и Хайбулинском района Башкортостана²⁰). Катализатором негативных тенденций повсеместно, в том числе на Южном Урале, стал рост численности временных трудовых мигрантов.

Летом 2014 г. нами был проведен опрос населения Уфы с целью выявления отношения к мигрантам. Опрос показал, что в повседневной жизни более 40 % население Уфы очень редко контактирует с мигрантами, о чем свидетельствуют ответы материалы опроса.



Вопреки расхожим представлениям о конкуренции за рабочие места между мигрантами и местным населением, более 40 % жителей Уфы так не считают.



73,8 % жителей Уфы положительно или нейтрально (46,9) относятся к трудоустройству мигрантов в сфере ЖКХ, 43 % отрицательно относятся к перспективе трудоустройства мигрантов в медицинской сфере, столько же не хотели бы видеть мигрантов в качестве охранников учебных и дошкольных заведений.

Несмотря на отдельные проявления неприязни к мигрантам, более 60 % жителей Уфы не собираются участвовать в акциях ксенофобского характера по отношению к мигрантам.

²⁰ Материалы опроса были переданы БРО ОБВП в ИЭИ УНЦ РАН для их обработки и составления аналитической справки. В компьютерной обработке анкет приняли участие сотрудники ИЭИ УНЦ РАН Альберт Валеев и Айнур Тузбеков.



Почти 40 % жителей Уфы поддерживают идею обучения мигрантов русскому языку в специальных центрах, 57 % – за обучение детей мигрантов; 19 % (26,5) – с условием, что мигранты сами будут оплачивать обучение (свое и своих детей).

Управление Федеральной миграционной службы по Республике Башкортостан проводит в режиме онлайн опрос мигрантов и граждан РФ с целью улучшения качества оказания услуг²¹. По состоянию на 12 декабря 2014 г. по результатам опроса граждан Российской Федерации, 30,3 % (3638) считают, что качество оказания государственных услуг УФМС России по Республике Башкортостан улучшилось, 26,92 % (3225) считают, что оно осталось прежним, и 42,71 % (5116) признают ухудшение.

Иностранные граждане и лица без гражданства более критично оценивают качество оказания государственных услуг УФМС России по Республике Башкортостан²².

Таблица 3

Ответы на вопрос «Вы – иностранный гражданин Как вы считаете, качество оказания государственных услуг УФМС России по Республике Башкортостан улучшилось?»

№	Вариант ответа	% опрошенных	Количество ответов
	Улучшилось	27,6	491
	Осталось прежним	16,92	301
	Ухудшилось	55,48	987

Таблица 4

Ответы на вопрос «Вы – лицо без гражданства Как вы считаете, качество оказания государственных услуг УФМС России по Республике Башкортостан улучшилось?»

№	Вариант ответа	% опрошенных	Количество ответов
	Улучшилось	23,27	332
	Осталось прежним	21,51	307
	Ухудшилось	55,22	788

Правовое решение вопросов миграции отразилось и на отношении старожильского населения к мигрантам. Установлено, что более 60 % опрошенных никогда не были свидетелями и сами не принимали участия в конфликтах с мигрантами. Следовательно, отношение местного населения к мигрантам определяется далеко не собственным или коллективным опытом, который вовсе не омрачен причиненными неудобствами или конфликтами, а обусловлено стереотипными и навязываемыми СМИ представлениями о «чужих». Проявляемая на бытовом уровне мигрантофобия и сопутствующая ей этнофобия не имеют в Башкортостане необратимого характера. В массовом сознании образ мигранта связан с работягой строителем или рыночным торговцем, выходцем из Центральной Азии, не ассоциированного с криминалом. Мигранты вызывают сочувствие у местного населения, признающего права на жительство, работу, осознающего выгоды от мигрантов как эффективного трудового ресурса.

²¹ <http://fmsrb.ru/>. Доступно 12.12.2014.

²² <http://fmsrb.ru/>. Доступно 12.12.2014.

ВЛИЯНИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ РАДИКАЛЬНОГО ИСЛАМА НА ПОЛИТИКУ РОССИИ И КИТАЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

R.R. Yangareev

THE IMPACT OF SPREADING RADICAL ISLAM ON RUSSIAN AND CHINESE POLICY IN CENTRAL ASIA

Аннотация: Статья посвящена проблеме распространения экстремистских религиозных организаций в странах Центральной Азии. Для этого будут проанализированы внутренняя политика Китая и России и их взаимодействие со странами региона, а также проведено сравнение их эффективности.

Abstract: The article is devoted to the problem of the spread of religious extremist organizations through Central Asian states. For this purpose Chinese and Russian domestic policies, their cooperation with the countries of the region and their effectiveness will be compared.

Ключевые слова: Исламский радикализм, Центральная Азия, борьба с экстремизмом, Китай, Россия.

Key words: Islamic radicalism, Central Asia, fight against extremism, China, Russia.

После распада Советского Союза новым государствам, появившимся на его месте, пришлось начать длительный процесс национального строительства, в период которого следовало должным образом оценить как влияние Российской империи, так и воздействие советского прошлого на социально-политическую структуру общества, его культуру и экономическую модель. При этом изначально Россия мало интересовалась происходящими на постсоветском пространстве процессами, не выстраивала должный политический курс, нацеленный на сохранение её влияния в регионе, так как руководство государства в первую очередь интересовало сохранение статуса России как государства-правопреемника СССР, осуществляющего континуитет, соответствующие вопросы правопреемства, долгов, собственности и включения страны в новый международный порядок.

Вследствие такого непродуманного подхода страна начала терять свои позиции во многих регионах, уступая их другим акторам международных отношений. Одним же из очевидных примеров такого рода является регион Центральной Азии, в который вошли бывшие союзные республики Средней Азии и Казахстан. На сегодняшний день страны этого региона широко используют многовекторную политику, которая стала возможной благодаря появлению интереса к ним Китая, США, европейских и других стран и ослаблению влияния России. При этом в процессе становления национальной идентичности серьёзно проявляется религиозная составляющая, которая особенно усилилась в последние годы. Фактор религии, исламский фактор, стал играть ещё более важную роль вследствие распространения в регионе различных исламистских, экстремистских организаций, группировок, которые угрожают стабильности не только этих новых государств, но и их соседей в лице России и Китая.

В связи с последними событиями, происходящими на Ближнем Востоке, когда громко заявляют о себе такие внесистемные акторы, как Исламское государство обстановка с радикализацией ислама всё более возрастает. Поэтому достаточно актуальным будет рассмотреть особенности влияния исламизма на формирование отношений России со своими соседями, странами данного региона.

Таким образом, целью работы является исследование внутренней и внешней политики России и Китая в контексте распространения радикального ислама в Центральной Азии. Объект исследования – политика двух государств в условиях развития исламистских тенденций. Для достижения цели будет проанализирована ситуация в Центральной Азии, деятельность России и Китая в отношении стран региона, а также последствия распространения религиозного экстремизма на их территории. Для определения же особенностей политики России необходимо проанализировать основную деятельность Китая как государства сходного с Россией по сложившейся ситуации в рассматриваемом регионе, а также политику самих государств региона при решении проблемы распространения исламизма.

Отношения государств и религии в Центральной Азии.

Становление национальной идеи в государствах Центральной Азии тесно связано с исламом – исторической религией многих народов этого региона. Поэтому по провозглашении независимости все страны региона, за исключением Туркменистана, где стала складываться жёсткая авторитарная модель, начали активно проводить реисламизацию. Однако помимо исламского возрождения в страны

начали проникать и радикальные идеи, которые стали соперничать с традиционным, либеральным и лояльным к власти ханафитским мазхабом. Распространение подобной тенденции привело к борьбе светской власти с исламскими течениями, что наиболее ярко проявляется в Узбекистане. При этом причинами распространения радикального понимания ислама является не только близость к такому нестабильному государству как Афганистан, который в 1990-е годы находился под контролем «Талибана», но и вследствие ряда внутренних причин. Так, именно радикальный ислам предлагает альтернативное объяснение незащищённого положения бедных слоёв населения, критикует произвол властей, следовательно, именно в нём многие находят альтернативный путь, который мог бы привести к более правильной и справедливой форме организации общества. В противоположность этому традиционное духовенство уже достигло консенсуса с властью, а потому не может проводить её критику. Такой односторонний подход и отворачивает народ от него.

Одним из примеров подобных тенденций является Кыргызстан, где с 2005 года происходит увеличение числа сторонников исламизма, что проявляется в росте популярности нетрадиционных течений салафизма, ваххабизма, а также таких экстремистских организаций, как «Хизб-ут-Тахрир аль-Исламий», Исламское движение Узбекистана. Более того, неустойчивая политическая обстановка, социальные потрясения, выраженные в виде двух революций, ещё более увеличивают число приверженцев экстремистских движений. По сообщению министра внутренних дел Кыргызстана З. Рысалиева «в настоящее время в Кыргызстане зарегистрировано 1279 террористов, 86,1% из которых являются жителями южных регионов. Среди них насчитывается 1192 сторонника движения «Хизб-ут-Тахрир», 49 ваххабитов, 36 акромистов и два представителя ИДУ»¹.

Не менее серьёзной является ситуация в Узбекистане, хотя жёсткий авторитаризм И.А. Каримова сдерживает распространение экстремистских течений. Страна первой стала использовать репрессии против исламистов, а на данный момент ведёт политику, направленную на подавление нетрадиционного ислама, проведение строгой цензуры в отношении религиозной печатной и иной продукции². Подобное направление начало особенно проявляться после покушения на президента Каримова в 1999 году. Однако сложно принять однозначное мнение в отношении подобной позиции власти: с одной стороны, жёсткая борьба с исламизмом действительно на некоторое время ослабляет его позиции, но с другой стороны, популярность экстремизма опять-таки связана с неэффективной социальной, политической, экономической политикой. Более того, не следует упускать из виду тот факт, что Узбекистан во многом является религиозным центром Центральной Азии, в котором сосредоточено исламское наследие народов региона.

И Таджикистан, и Казахстан также сталкиваются с проблемами распространения исламского радикализма. При этом первый является единственной страной Центральной Азии, где деятельность исламской партии, «Партии исламского возрождения Таджикистана», признаётся законной, что явилось результатом многолетней гражданской войны. Для Казахстана же проблема экстремизма стала актуальной не так давно. Мусульмане, соблюдающие все требования религии, проживают в основном на юге и в сельской местности страны, поэтому и радикальные течения в основном характерны для этой части. Однако в 2011 году было произведено задержание группы исламистов в Алматы, прошла волна террористических атак в Актобе, Атырау, Таразе, что продемонстрировало наличие серьёзной исламистской угрозы и в Казахстане, хотя его население является более светским по сравнению с соседними странами³.

В общем плане в регионе можно выделить более десяти крупных экстремистских групп, среди которых ИДУ, имеющее ячейки практически во всех странах региона, «Хизб-ут-Тахрир», региональные ячейки «Братьев-мусульман», «Комитет мусульман Азии», «Центр исламского развития», функционирующий в Кыргызстане, «Акромиды», «Ислом лашкарлари», «Адолат уюшмаси», «Товба», «Узун Сокол», «Такфирширлар», действующие в Узбекистане, «Джунуд Алла», работающая в Казахстане, «Байат», действующая в Таджикистане. Как видно из списка множество организаций действуют в Узбекистане, а высокие демографические показатели в нём, в сравнении с Казахстаном и Киргизией, создают серьёзную угрозу распространения экстремизма в этих странах. При этом террористические организации действуют и на территории Китая, что связано в основном с вопросом уйгурского

¹ Лаумулин М.Т. Религиозная ситуация и угроза религиозного экстремизма в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2012. Т. 15. №1. С. 60–79.

² Там же с.71

³ Малашенко А.В. Центральная Азия: на что рассчитывает Россия? М.: РОССПЭН, 2012. С. 83.

сепаратизма, к которому также добавляется и проблема распространения исламизма в регионе. К таким организациям относятся «Движение Восточного Туркестана», «Национальный революционный фронт Восточного Туркестана», «Восточно-Туркестанская исламская партия»⁴. Наличие таких группировок создаёт угрозу стабильности, в меньшей степени целостности КНР, что подталкивает её к сотрудничеству с государствами региона и с Россией по вопросу противодействия экстремизму.

Особая ситуация при этом сложилась в Туркменистане. Благодаря жёсткому авторитарному режиму власти удаётся контролировать деятельность исламских организаций. При этом следует отметить и достаточную индифферентность населения по отношению к религии, так что оно крайне вяло воспринимает пропаганду исламистских групп: именно эта индифферентность приводит к их низкой активности. Кроме того, Туркменистан участвует в проведении антитеррористических операций, а его правительство нацелено на дальнейшее повышение готовности правоохранительных структур к борьбе с религиозным экстремизмом⁵.

Серьёзным фактором, который может негативно отразиться на ситуации в Центральной Азии, является нестабильная обстановка в Афганистане, которая может усилиться в условиях вывода подавляющего большинства войск коалиции из страны к концу 2014 году. Выборы уже несколько дестабилизировали обстановку, а дальнейшее развитие отношений между центром и главами регионов сложно определить: они могут привести к кризису в государстве; поэтому усиление безопасности соседних стран является одной из приоритетных задач.

Кроме того, на сегодняшний день остро стоит проблема исламского радикализма, так как на Ближнем Востоке появился и активно действует такой внесистемный актор как Исламское Государство. Хотя жестокость ИГ по отношению к представителям других направлений ислама или иных конфессий может встретить вполне понятное отторжение в более либеральной среде мусульман, некоторые группировки, например, пакистанское крыло «Талибана», уже признали его главенствующую роль. Что касается Центральной Азии, то в некоторых странах ряд организаций также последовал этому шагу. Одной из них, по сообщениям источника в правоохранительных органах Узбекистана, стало Исламское движение Узбекистана, глава которого Усмон Гоzi «заявил о присоединении этой террористической организации к боевикам «Исламского государства»⁶. Кроме него примкнули к ИГ и различные мелкие группы, при этом, можно предположить, что таким образом они пытаются ещё больше привлечь мусульман к своей деятельности, как-либо оправдать её.

Исходя из вышеизложенного, можно прийти к выводу, что проблема исламизма станет всё более нарастать, а власти некоторых жёстко авторитарных режимов таких как Узбекистан могут начать более масштабные кампании по подавлению политического ислама или тех религиозных движений, которые не пользуются поддержкой власти. Необходимо, однако, отметить, что подобный активный секуляризм лишь усиливает политизацию религии, способствует распространению радикальных элементов в обществе, которые не могут более либерально и свободно высказать свои мысли и замечания в адрес власти⁷. Поэтому таким режимам следует постепенно проводить либерализацию общества, а в дальнейшем и более социально направленную политику.

Итак, разобрав проблемы, связанные с развитием исламизма в государствах Центральной Азии, следует перейти к определению угроз создаваемых подобной ситуацией, как для России, так и для Китая.

Деятельность Китая в Центральной Азии.

После распада Советского Союза Китай начал активно проникать в Центральную Азию, рассматривая её как важный стратегический регион, который мог бы способствовать решению ряда проблем внутри Китая. В данном случае речь идёт о неравенстве в развитии западных регионов республики по сравнению с её востоком. Причём одним из проблемных регионов является Синьцзян-Уйгурский автономный район отличающийся бедностью, национальным и религиозным многообразием. По переписи 2000 года уйгуры в нём представляли национальное большинство (45,21% населения), причём они в большинстве своём исповедуют ислам⁸. В результате для региона характерны

⁴ URL: <http://www.ekstremizm.ru/baza-znaniy/item/53-terrorizm-v-centralnoy-azii>.

⁵ Лаумулин М.Т. Религиозная ситуация и угроза религиозного экстремизма в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2012. Т. 15. №1. С. 60–79.

⁶ URL: <http://ria.ru/world/20141006/1027067431.html>.

⁷ Жусипбек Г. В поисках приемлемой модели отношений между государством и религией для постсоветской Центральной Азии: уроки Турции // Центральная Азия и Кавказ. 2013. Т. 16. №4. С. 32–45.

⁸ Буяров Д.В. Национальная политика КНР / Современный Китай: Социально-экономическое развитие, национальная политика, этнопсихология. М.: КРАСАНД, 2013. С.139–177.

тенденции сепаратизма, которые особенно обострились после обретения независимости центрально-азиатских республик бывшего СССР. Этому способствовало и наличие общей границы между СУАР и Таджикистаном, Кыргызстаном, Афганистаном, Казахстаном, достаточно нестабильными регионами в политическом плане. Именно через эти регионы происходило и происходит распространение исламского экстремизма. Политика же властей, направленная на повышение уровня жизни населения и развития региона не встретила должного понимания со стороны уйгурского меньшинства. Безусловно, такие действия как направление инвестиций, финансовое и промышленное стимулирование региона имеют позитивный эффект, однако, при этом усиливается социальное неравенство, а приток ханьского населения в соответствии с политикой ассимиляции⁹ лишь ещё более усложняет обстановку. Подобное положение ведёт к волнениям, террористическим актам и распространению радикальных идей.

Развитие же отношений со странами Центральной Азии позволяет интегрировать этот проблемный регион и другие слабо развитые западные провинции в торговую деятельность. Более того, сотрудничество с тюркскими народами также может способствовать разрешению противоречий между уйгурами и ханьцами. В результате, серьёзное развитие получила экономическая деятельность в странах Центральной Азии, особенно связанная с энергетикой. В этом плане для КНР важна реализация крупных трубопроводных проектов, которые могли бы соединить страну с экспортёрами углеводородного сырья.

Китай вкладывает крупные средства в страны региона, и сейчас никто не может перевесить его вклад в данной деятельности. Пекин заключает различные двусторонние контракты, а также действует через государственную Китайскую национальную нефтяную корпорацию. Так, в Казахстане КННК контролирует компанию «Актобемунайгаз», владеет частью акций «Мангистаумунайгаз», составляя долю в 19 % в нефтедобыче в стране, а в 2009 году при её участии был введён в эксплуатацию трубопровод, соединяющий каспийское побережье Казахстана и СУАР. В 2007 году были подписаны соглашения с Туркменистаном «о разделе продукции группы газовых месторождений Багтыярлык, расположенных на правом берегу Амударьи», в дополнение к этому, реализован проект строительства газопровода «Центральная Азия – Китай», который прошёл также по территории Узбекистана и Казахстана¹⁰. Таким образом, КНР является одним из субъектов, позволяющих странам Центральной Азии проводить многовекторную политику в отношении партнёров, что дает возможность им отстаивать свою независимость.

Что касается решения проблем религиозного экстремизма, сепаратизма, то КНР является одной из стран-основателей ШОС, в программе которой упомянутые выше явления входят в число «трёх зол» с которыми организация должна бороться. Кроме развития политических и экономических отношений Китай активно содействует реализации инфраструктурных проектов стран региона (в Таджикистане – ЛЭП-220 кв. «Худжанд – Айни», в Узбекистане – индустриальный парк «Пэншэн», Кыргызстан – ГЭС «Камбараты-2»)¹¹, а также продвигает изучение китайского языка, расширяя деятельность Институтов Конфуция.

Подобные действия, которые затрагивают не только постсоветское пространство, но и Афганистан, способствуют росту авторитета КНР, а также частичной стабилизации региона, однако для более успешного противодействия исламу требуются усилия всех сторон, и в первую очередь России.

Влияние исламизма на взаимодействие России со странами Центральной Азии

Россия, безусловно, является важным политическим актором в центральноазиатском регионе, так как ранее большая его часть входила в состав СССР, что также позволяет ей сохранять свои позиции в странах региона. Однако Российская Федерация, несмотря на взаимодействие в рамках СНГ, ОДКБ, будущего ЕЭС, всё же не действует достаточно эффективно, заметно уступая в развитии отношений Китаю.

Для России, как и для КНР, особую роль играет то обстоятельство, что вблизи границ Казахстана находятся субъекты федерации с преобладающим тюркским населением исповедующим ислам.

⁹ Буяров Д.В. Национальная политика КНР... с. 159.

¹⁰ Петерсен А. Россия, Китай и энергетическая геополитика в Центральной Азии. М., 2012. С. 56–57.

¹¹ Буяров Д.В. Китай и Центральная Азия: Аспекты взаимодействия / Современный Китай и его окружение. М.: КРА-САНД, 2014. С. 141–196.

Регионами России где растёт влияние исламизма являются не только республики Северного Кавказа, но и Башкортостан, Татарстан, Самарская, Оренбургская, Ульяновская области, регионы Южной Сибири, Дальнего Востока¹². Распространению же исламизма во многом способствует приток мигрантов.

В этом случае следует отметить, что священнослужителями в мечетях довольно часто становятся не представители коренных российских национальных меньшинств, но выходцы из Центральной Азии, что демонстрирует большое доверие по отношению к ним со стороны российских мусульман. Кроме того, остро стоит вопрос малого количества мечетей во многих городах страны. Так, в Москве работают лишь пять мечетей, в остальных же случаях богослужения проходят в молельных домах, слабо контролируются Духовным управлением мусульман. Увеличение же числа мечетей и создание при них медресе может способствовать централизации, а значит, осуществлению лучшего контроля и, таким образом, позволит вовремя реагировать на появление радикальных тенденций.

Россию, как страны центральноазиатского региона, беспокоят террористические акты, совершаемые экстремистскими группировками, поэтому она, как и Китай, нацелена на сотрудничество в борьбе с терроризмом, что отражается в участии России в деятельности ШОС, а также в её главенствующей роли в ОДКБ. В рамках организации происходит активное сотрудничество по борьбе с наркоторговлей и нелегальной миграцией, которое приносит позитивные результаты в борьбе с исламизмом, так как среди нелегальных мигрантов существуют радикально настроенные группы.

Безусловно, сказывается на политике России в центральноазиатском регионе вывод войск альянса из Афганистана. Хотя и имеется вероятность сохранения существующего режима в Кабуле, некоторая дестабилизация обстановки неизбежна, что ударит в первую очередь по южным границам постсоветского пространства: нестабильной Киргизии, Таджикистана, Узбекистана. Опасна сегодняшняя ситуация и тем, что в рядах террористической организации «Исламское государство» состоят как выходцы из стран Центральной Азии, так и граждане России. Возвращение подобных радикальных элементов тяжело скажется на социальной, и этно-конфессиональной обстановке в стране, так как, вероятно, неизбежным будет жёсткая реакция и неприятие со стороны подавляющей части населения страны.

Однако следует заметить, что реакция государств региона на деятельность России в Центральной Азии неоднозначна. Очевидно, что Москва пытается сохранить устойчивые позиции, используя экономическую и энергетическую сферы. В отношении же военно-политического сотрудничества имеется недовольство тем, что Россия часто преувеличивает масштаб той же угрозы терроризма со стороны Афганистана. Следует отметить, что талибский режим 1990-х годов не воспринимался всеми как однозначно негативный, что видно на примере Туркмении. Президент Ниязов поддерживал контакты с руководством талибов, а среди населения стран региона можно было встретить сочувствующих, считавших, что талибы живут согласно нормам ислама и способствуют улучшению обстановки в политической сфере¹³. Кроме того, неэффективность ОДКБ проявилась при решении киргизского вопроса, когда несмотря на запрос Р. Отунбаевой оказать помощь в решении конфликтов на юге республике.

В итоге, можно сделать вывод, что Россия теряет свою привлекательность среди стран. Более того, в отличие от КНР она не стремится способствовать продвижению своей культуры, что также ведёт к потерям позиций. Поэтому, если Россия желает сохранить своё присутствие в регионе, иметь возможность влиять на политические и экономические процессы в нём, ей следует усилить и культурную составляющую политики.

Заключение

Итак, различные религиозные экстремистские группировки являются уже давними акторами мировой политики, однако в условиях вывода военного контингента из Афганистана, а также при дальнейшей деятельности ИГ, которая будет положительно восприниматься различными исламистскими группировками, ситуация в Центральной Азии как неотъемлемой части мусульманского мира может дестабилизироваться.

В то же время согласованные действия Китая, России, стран региона, а также развитие инфраструктурных проектов и экономического сотрудничества может позволить избежать серьёзных проблем. Совместные действия в рамках военно-политических организаций также способствуют сохранению безопасности и стабильности в Центральной Азии.

¹² Малашенко А.В. Центральная Азия: на что рассчитывает Россия? М.: РОССПЭН, 2012. С. 91.

¹³ Там же. С. 88.

Список использованных источников

1. Жусипбек Г. В поисках приемлемой модели отношений между государством и религией для постсоветской Центральной Азии: уроки Турции // *Центральная Азия и Кавказ*. 2013. Т. 16. №4. С. 32–45.
2. Лаумулин М.Т. Религиозная ситуация и угроза религиозного экстремизма в Центральной Азии // *Центральная Азия и Кавказ*. 2012. Т. 15. №1. С. 60–79.
3. Малашенко А.В. *Центральная Азия: на что рассчитывает Россия?* / А.В. Малашенко ; Моск. Центр Карнеги. М.: РОССПЭН, 2012. 118 с.
4. Петерсен А. *Россия, Китай и энергетическая геополитика в Центральной Азии* / А. Петерсен при участии К. Барыш; Центр европейских реформ; Моск. Центр Карнеги. М., 2012. 90 с.
5. *Современный Китай и его окружение* / Отв. ред. Д.В. Кузнецов, Д.В. Буяров. М.: КРАСАНД, 2014. 440 с.
6. *Современный Китай: Социально-экономическое развитие, национальная политика, этнопсихология* / Отв. ред. Д.В. Буяров. Изд. 2-е., М.: КРАСАНД, 2013. 296 с.
7. *Терроризм в Центральной Азии* [Электронный ресурс] / Экстремизм.ру. – Режим доступа: <http://www.ekstremizm.ru/baza-znaniy/item/53-terrorizm-v-centralnoy-azii>.
8. «Исламское движение Узбекистана» заявило о присоединении к ИГ [Электронный ресурс] / РИА Новости. 06.10.2014. Режим доступа: <http://ria.ru/world/20141006/1027067431.html>.

«БАШКИРСКИЙ СЛЕД» В СОВЕТСКОЙ ДИПЛОМАТИИ*

Бывают такие люди, которым жизнь предоставляет слишком мало лет, но за эти годы они делают столько, сколько не сможет сделать те, кому жизнь дает времени прожить больше. Карим Хакимов – именно такой человек, его молодость пришла на сложную, переходную эпоху. Годы революции могут возвысить человека на невероятную высоту или, напротив, сбросить его в глубокое ущелье.

Карим Хакимов родился он 28 ноября 1892 года в деревне Дюсяново Уфимской губернии и был сыном зажиточного крестьянина, владевшего большими земельными наделами. Его родители старались дать своим детям хорошее образование, поэтому, обучившись основам чтения и письма, юный Карим поступил в престижное в то время медресе «Галия», но, к сожалению, ему не удалось закончить учебу. Он отправился в Среднюю Азию, где работал на шахтах. Именно там он познакомился с культурой Востока, можно сказать, сам стал её частью.

В 1914 году грянул один из крупнейших конфликтов мировой истории. Тысячи людей были брошены в мясорубку бойни, позже названной Первой мировой войной. Это был переломный момент империализма и колониализма. Война, встреченная воодушевлением и патриотическим настроением, быстро обнажила социальные противоречия между всеми слоями населения, во многих странах начали происходить протесты, пикеты и забастовки.

Не обошла стороной революция и нашу страну. В 1917 году за Февральской революцией последовала Октябрьская, вскоре началась гражданская война. Карим Хакимов, движимый своими взглядами, вступил в ряды большевиков, участвовал во многих сражениях, занимал командную должность и в новом качестве прибыл в Туркестан. Но долго он там не задержался и попал в Народный комиссариат по иностранным делам РСФСР. Несколько лет он работал в различных странах исламского мира. В частности, в Бухаре ему удалось отстоять интересы молодой страны Советов и организовать торговлю местных купцов с РСФСР. Но в 1924 году он отправился исполнять главное дело всей своей жизни. Хакимов он был назначен Генеральным консулом и дипломатическим агентом СССР в Королевство Недж и Хиджас, которое сегодня известно под названием Саудовская Аравия.

Это было молодое государство, только что сбросившее иго Османской империи благодаря помощи Великобритании, но в то же время, все больше попадавшее под зависимость от этой страны. Советское руководство, видя, как население Королевства не довольны ситуацией, решило оказать ему посильную поддержку.

Здесь Карим Хакимов работал в организации помощи населению. Уже 1927 году из СССР прибыла первая партия груза: мука, сахар. Местное население до сих пор с уважением вспоминает об этом и называет муку высшего сорта «москоби» – «московской». Стараниями Карима Хакимова СССР первым из мирового сообщества признало новое государство. Ему удалось сблизиться с основателем династии Саудитов – Абдель Азизом ибн Саудом – и добиться его благорасположения. Арабская элита и простой народ в знак уважения прозвали его «Красный паша».

Но тяжелый удар был нанесен судьбой семье Карима Хакимова. Его сын Хасан погиб от дизентерии. В знак уважения к Хакимову король Саудовской Аравии выделил специального человека для того, чтобы присматривать за могилой Хасана даже после того, как не стало самого Карима Абдрауфовича.

Но долгие годы вдали от дома стали сказываться на душевном и физическом состоянии Хакимова, и после долгих и настойчивых требований «Красному паше» разрешили вернуться на родину. Впервые за долгие годы он побывал на родине – в Башкирии. Не долгим был отдых – он вновь вернулся к делам.

Осенью 1937 года Карим Хакимов был вызван в Москву. Это была эпоха сталинских репрессий. Тучи над Каримом Хакимовым стали сгущаться. Летом 1937 года был расстрелян близкий друг и соратник Хакимова Назир Тюрякулов. Абдель Азиз предлагал политическое убежище догадываясь о том, что ждет Карима Абдрауфовича, но он отказался. По возвращению в Москву Хакимов был подвергнут расследованию и холодным утром 10 января 1938 года на полигоне «Коммунарка». Семья его также была подвергнута репрессиям. Только 28 января 1956 года его имя было реабилитировано, а в 1990-е было обнаружено место его захоронения.

* Победитель конкурса студенческих эссе, посвященных вкладу Карима Хакимова в развитие советской дипломатии

Это казнь не прошла бесследно для СССР: Ибн Сауд отказался принимать других консулов и 13 апреля 1938 двери советского посольства в Саудовской Аравии закрылись, а советские дипломаты покинули эту страну до 1990 года. В 1943 году, когда СССР вновь «открыл двери», король Абдель Азиз направил своего советника Абдуллу выяснить судьбу Красного паша.

Стоит отметить, что еще в марте 1938 года были обнаружены нефтеносные залежи – основа богатства современной Аравии, и СССР лишился возможности получить доступ к месторождениям. Этим воспользовалась Великобритания, а после Второй мировой войны, после ослабления Британской колониальной экспансии на политику Саудовской Аравии стала влиять США.

Карим Абдрауфович Хакимов стал одним из знаковых дипломатов в Российской истории, потеря его обернулась тяжелым ударом для Советской дипломатии. На родине Красного пашу чтут и помнят: в родном селе был открыт музей и мемориал в его честь. Запомнилась пьеса Нажиба Асанбаева «Красный паша», фильм Радика Кудоярова «Аравийский визирь Кремля». В 2015 году, в год 125-летия со дня рождения Карима Хакимова, будут проведены торжества в его честь.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдалов Амир (г. Манама, Королевство Бахрейн), управляющий директор компании «SADAD»
Абдимунинов О.Б. (г. Ташкент, Узбекистан), младший научный сотрудник отдела современной истории и международных отношений Института истории Академии наук Республики Узбекистан, магистр истории.

Абдуллажанова Н.Т. (г. Наманган, Узбекистан), ассистент кафедры истории Наманганского инженерно-педагогического института.

Абреу Бастос О. (Федеративная Республика Бразилия), приглашенный профессор университета Малтепе, Стамбул, PhD, профессор.

Азизов А.Р. (г. Москва, Россия), младший научный сотрудник лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», магистр политологии.

Аламяр Х.М. (г. Кабул, Афганистан), старший эксперт-аналитик бедности и экономической политики главного управления по результатам оценки и мониторинга экономической политики Министерства экономики Исламской республики Афганистан, магистр экономических наук.

Алексеев А.К. (г. Санкт-Петербург, Россия), ведущий научный сотрудник Центра азиатских и африканских исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат исторических наук.

Амиров Н.К. (г. Алматы, Казахстан), доцент кафедры юриспруденции и международного права Университета «Туран», кандидат юридических наук, доцент.

Асмондьяров В.Н. (г. Уфа, Россия), аспирант кафедры башкирской филологии и этнокультурного образования Башкирского государственного университета.

Асфандиярова А.А. (г. Краснодар, Россия), заведующая кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Кубанского института информзащиты, кандидат исторических наук, доцент.

Бадретдинова С.А. (г. Стерлитамак, Россия), старший преподаватель кафедры всеобщей истории Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, кандидат исторических наук.

Бадртдинов Р.М. (г. Уфа, Россия), аспирант кафедры политологии, социологии и философии Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте РБ.

Базиленко И.В. (г. Санкт-Петербург, Россия), ведущий научный сотрудник отдела рукописей и документов Института восточных рукописей РАН, профессор кафедры истории стран Ближнего Востока Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук.

Баимов А.Г. (г. Уфа, Россия), аспирант, младший научный сотрудник Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева УНЦ РАН.

Барышева А.В. (г. Екатеринбург, Россия), студентка департамента международных отношений Уральского федерального университета.

Бородина М.Ю. (г. Нижний Новгород, Россия), аспирантка кафедры истории и политики России Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

Валиахметова Г.Н. (г. Екатеринбург, Россия), профессор кафедры востоковедения Уральского федерального университета, доктор исторических наук.

Веденеев И.Н. (г. Челябинск, Россия), студент факультета Евразии и Востока Челябинского государственного университета.

Воднева О.А. (г. Санкт-Петербург, Россия), ученый секретарь Института восточных рукописей РАН, кандидат исторических наук.

Вольтер О.В. (г. Армавир, Россия), доктор политических наук.

Газизов Р.Р. (г. Уфа, Россия), доцент кафедры истории РБ, археологии и этнологии Башкирского государственного университета, кандидат исторических наук.

Гайкин В.А. (г. Владивосток, Россия), старший научный сотрудник отдела международных отношений и проблем безопасности Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВОРАН, кандидат исторических наук.

Галиакбарова Н.М. (г. Екатеринбург, Россия), доцент кафедры востоковедения Уральского федерального университета, кандидат исторических наук.

Галлямова Э.М. (г. Уфа, Россия), студентка Института права Башкирского государственного университета.

Гарипов Р.Ф. (г. Уфа, Россия), доцент кафедры теории и истории государства и права Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте РБ, кандидат исторических наук.

Герман М.А. (г. Екатеринбург, Россия), студентка департамента международных отношений Уральского федерального университета.

Гибадуллина Е.Ш. (г. Уфа, Россия), старший научный сотрудник научно-информационного сектора НИЦ ПУ и ГС Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте РБ, кандидат философских наук.

Гиндуллина З.Х. (г. Уфа, Россия), врач-невролог поликлиники № 1 Кировского района г. Уфы.

Горбачев С.Б. (г. Уфа, Россия), доцент кафедры философии и истории науки Башкирского государственного университета, кандидат политических наук.

Грибкова Д.Е. (г. Иркутск, Россия), студентка исторического факультета Иркутского государственного университета.

Григорова Д. (г. София, Болгария), доцент исторического факультета Софийского университета, руководитель Евразийского центра «VIA EVRASIA», кандидат исторических наук.

Гусева Ю.Н. (г. Самара, Россия), заместитель директора по научной работе Самарского филиала Московского городского педагогического университета, доктор исторических наук, доцент.

Давлетшин Р.А. (г. Уфа, Россия), научный сотрудник отдела литературоведения Института истории, языка и литературы УНЦ РАН, лицензиат.

Давыдов А.А. (г. Уфа, Россия), аспирант кафедры политологии, социологии и философии Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте РБ.

Евстифеев А.С. (г. Уфа, Россия), студент юридического факультета Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте РБ.

Евсютина О.В. (г. Уфа, Россия), доцент кафедры иностранных языков Уфимского государственного нефтяного технического университета.

Еникеева Д.Д. (г. Уфа, Россия), старший преподаватель кафедры общей экономической теории Башкирского государственного университета.

Енченкова Н.В. (г. Челябинск, Россия), студентка факультета Евразии и Востока Челябинского государственного университета.

Зайцева Г.В. (г. Челябинск, Россия), исполняющая обязанности заведующего кафедрой бухгалтерского учета и финансов, руководитель лаборатории развития малого бизнеса Челябинского института экономики и права им. М. В. Ладосина.

Зеленев Е.И. (г. Санкт-Петербург, Россия), директор центра азиатских и африканских исследований, руководитель департамента востоковедения и африканистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор исторических наук, профессор.

Зинатуллин Р.М. (г. Уфа, Россия), студент механического факультета Уфимского государственного нефтяного технического университета.

Зинькина Ю.В. (г. Москва, Россия), научный сотрудник лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат исторических наук.

Ибрагимов Г.Д. (г. Уфа, Россия), заведующий кафедрой востоковедения Башкирского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент.

Исаев Л.М. (г. Москва, Россия), старший преподаватель департамента политической науки, научный сотрудник лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Искужин Р.Г. (г. Уфа, Россия), советник Президента Республики Башкортостан, руководитель Евразийского центра «Самрау».

Ишбулдина К.Р. (г. Санкт-Петербург, Россия), студентка восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Ишмухаметов Н.С. (г. Уфа, Россия), доцент кафедры общей экономической теории Башкирского государственного университета, кандидат экономических наук.

Кантимирова Р.И. (г. Стерлитамак, Россия), доцент кафедры всеобщей истории Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, кандидат исторических наук.

Карпов В.П. (г. Тюмень, Россия), профессор кафедры истории и культурологии Тюменского государственного нефтегазового университета, доктор исторических наук.

Кашаев Н.Х. (г. Уфа, Россия), старший преподаватель кафедры международного права и международных отношений Башкирского государственного университета.

Кляшев А.Н. (г. Уфа, Россия), старший научный сотрудник отдела религиоведения Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева УНЦ РАН, кандидат исторических наук.

Косых Е.С. (г. Стерлитамак, Россия), доцент кафедры теории и истории государства и права Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент.

Красовицкая Т.Ю. (г. Москва, Россия), доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

Круглов Е.А. (г. Уфа, Россия), доцент кафедры зарубежной истории Башкирского государственного университета, кандидат исторических наук.

Кузьмин В.А. (г. Екатеринбург, Россия), заведующий кафедрой востоковедения Уральского федерального университета, доктор исторических наук, профессор.

Кулбахтина А.З. (г. Уфа, Россия), заведующая кафедрой гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Башкирского института физической культуры (филиала Уральского государственного университета физической культуры), кандидат исторических наук.

Лаврентьев С.Н. (г. Уфа, Россия), ректор Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте РБ, кандидат исторических наук, доцент, сопредседатель Оргкомитета.

Ли С.А. (г. Уфа, Россия), старший преподаватель кафедры философии Уфимского авиационного технического университета.

Литвинов В.П. (г. Елец, Россия), доцент кафедры всеобщей истории и религиоведения Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, кандидат исторических наук.

Литвинов П.П. (г. Елец, Россия), профессор кафедры теории и истории государства и права Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, доктор исторических наук, профессор.

Логинов Ф.М. (г. Екатеринбург, Россия), аспирант кафедры востоковедения Уральского федерального университета.

Лукманова Р.Х. (г. Уфа, Россия), профессор кафедры философии и истории науки Башкирского государственного университета, доктор философских наук.

Макулов Р.И. (г. Уфа, Россия), студент 3 курса юридического факультета Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан.

Мармونتова Т.В. (г. Астана, Казахстан), доцент кафедры регионоведения Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилёва, кандидат исторических наук.

Махнёв С.Д. (г. Нижний Новгород, Россия), аспирант кафедры истории и политики России Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

Миннигулова Д.Б. (г. Уфа, Россия) заведующая кафедрой предпринимательского и финансового права Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан, доктор юридических наук.

Миянов Р.А. (г. Уфа, Россия), доцент кафедры экономической теории и социально-экономической политики Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте РБ, кандидат экономических наук.

Момынкулов Ж.Б. (г. Астана, Казахстан), менеджер-эксперт центра международных связей Международной тюркской академии (ИТА), кандидат философских наук.

Морозкин Н.Д. (г. Уфа, Россия), ректор Башкирского государственного университета, доктор физико-математических наук, профессор, сопредседатель Оргкомитета.

Муллагалиева Л.К. (г. Уфа, Россия), доцент кафедры философии, социологии и политологии Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, кандидат педагогических наук.

Муратшина К.Г. (г. Екатеринбург, Россия), ассистент кафедры востоковедения Уральского федерального университета.

Мурзагильдин Н.Т. (г. Уфа, Россия), соискатель Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, преподаватель филиала Российского государственного социального университета в г. Уфа, магистр юриспруденции.

Мухаметзянова-Дуггал Р.М. (г. Уфа, Россия), заведующая отделом религиоведения Института этнологических исследований им Р. Г. Кузеева УНЦ РАН, доктор политических наук.

Мухаметов Р.С. (г. Екатеринбург, Россия), доцент кафедры теории и истории политической науки Уральского федерального университета, кандидат политических наук.

Надыршин Т.М. (г. Уфа, Россия), младший научный сотрудник отдела религиоведения Института этнологических исследований им Р. Г. Кузеева УНЦ РАН.

Насырова Н.С. (г. Уфа, Россия), студентка факультета туризма и коммуникаций Уфимского государственного университета экономики и сервиса.

Нестерова Е.И. (г. Москва, Россия), доцент кафедры истории и теории культуры Российского государственного гуманитарного университета, кандидат исторических наук.

Озеров О.Б. (г. Джидда, Саудовская Аравия), Чрезвычайный и полномочный посол Российской Федерации в королевстве Саудовская Аравия и полномочный представитель России при Организации исламского сотрудничества.

Онкал Г. (г. Стамбул, Турция), профессор факультета социологии Университета Малтепе, PhD.

Павлова О.С. (г. Стерлитамак, Россия), доцент кафедры истории Отечества и методики преподавания истории Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент.

Раванди-Фадаи Л.М. (г. Москва, Россия), научный сотрудник сектора Ирана Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук.

Рахматуллин Э.И. (г. Уфа, Россия), студент Уфимского государственного университета экономики и сервиса.

Романов С.Ю. (г. Уфа, Россия), ведущий научный сотрудник отдела политических исследований НИЦ ПУ и ГС Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте РБ, кандидат философских наук, доцент.

Рыжов И.В. (г. Нижний Новгород, Россия), заведующий кафедрой истории и политики России Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор исторических наук, профессор.

Садыхова А.А. (г. Познань, Польша), профессор кафедры азиатских исследований Университета им. А. Мицкевича, доктор филологических наук, профессор.

Садыхова Н.И. (г. Познань, Польша), студентка факультета нефилологии Университета им. А. Мицкевича.

Саидов С.Ш. (г. Ургенч, Узбекистан), преподаватель кафедры теории строительства демократического общества и философии Ургенчского государственного университета, магистр политических наук.

Салманова З.Ф. (г. Баку, Азербайджан), докторант Института искусства и архитектуры НАН Азербайджана.

Сомро М.Х. (г. Исламабад, Исламская Республика Пакистан), президент «ECO Science Foundation», PhD, профессор.

Столь А.Б. (г. Уфа, Россия), доцент кафедры философии Уфимского государственного авиационного технического университета, кандидат философских наук.

Сунаева Г.Г. (г. Уфа, Россия), доцент кафедры экономики и менеджмента Уфимского государственного университета экономики и сервиса, кандидат экономических наук.

Сухов Н.В. (г. Москва, Россия), научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук.

Тохметов А.Т. (г. Алматы, Казахстан), профессор кафедры восточных языков Казахского Национального педагогического университета им. Абая, кандидат исторических наук.

Тухватуллин Р.Р. (г. Уфа, Россия), доцент кафедры зарубежной истории Башкирского государственного университета, кандидат исторических наук.

Ульянова И.В. (г. Екатеринбург, Россия), студентка департамента международных отношений Уральского федерального университета.

Упрямец С.В. (г. Елец, Россия), студент исторического факультета Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина.

Фаткулин Б.Г. (г. Челябинск, Россия), доцент кафедры общей лингвистики Южно-уральского государственного университета, кандидат филологических наук.

Финогентов В.Н. (г. Орел, Россия), заведующий кафедрой философии Орловского государственного аграрного университета, доктор философских наук, профессор.

Фролова И.В. (г. Уфа, Россия), руководитель Научно-исследовательского центра проблем управления и государственной службы Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте РБ, доктор философских наук, профессор.

Хабибуллина З.Р. (г. Уфа, Россия), младший научный сотрудник отдела религиоведения Института этнологических исследований им Р. Г. Кузеева УНЦ РАН, кандидат исторических наук.

Хамид Г.Р. (г. Уфа, Россия), генеральный директор РОО РУДН «Дом дружбы и культуры Королевства Марокко и Республики Башкортостан – Дар Аль Магриб» в Республике Башкортостан.

Хатамова Д.Д. (г. Уфа, Россия), менеджер по связям с общественностью РОО РУДН «Дом дружбы и культуры Королевства Марокко и Республики Башкортостан – Дар Аль Магриб» в Республике Башкортостан.

Хисамитдинова Ф.Г. (г. Уфа, Россия), директор Института истории, языка и литературы УНЦ РАН, доктор филологических наук, профессор.

Целищев А.О. (г. Уфа, Россия), доцент кафедры зарубежной истории Башкирского государственного университета, кандидат исторических наук.

Черникова Л.П. (г. Москва, Россия), и.о. старшего научного сотрудника, докторант отдела Китая Института Востоковедения РАН, кандидат исторических наук, доцент.

Чифчи М. (г. Ушак, Турецкая Республика), декан педагогического факультета Ушакского университета, PhD, профессор.

Шайхисламов Р.Б. (г. Уфа, Россия), профессор кафедры истории России Башкирского государственного университета, доктор исторических наук, профессор.

Шайхисламов Т.Р. (г. Санкт-Петербург, Россия), студент Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Шайхисламова З.Ф. (г. Уфа, Россия), доцент кафедры башкирского и общего языкознания Башкирского государственного университета, кандидат филологических наук.

Шайхулов А.Г. (г. Уфа, Россия), заведующий кафедрой татарской филологии и культуры Башкирского государственного университета, доктор филологических наук, профессор.

Шакирова А.Р. (г. Уфа, Россия), студентка факультета туризма и коммуникаций Уфимского государственного университета экономики и сервиса.

Шарипов Ш.З. (г. Навои, Узбекистан), младший научный сотрудник кафедры истории Узбекистана Навоийского государственного педагогического института, магистр истории.

Шарипова Д.С. (г. Уфа, Россия), студентка факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Шарипова И.М. (г. Уфа, Россия), доцент кафедры экономики и менеджмента Уфимского государственного университета экономики и сервиса, кандидат экономических наук.

Шаяхметов А.М. (г. Уфа, Россия), старший научный сотрудник отдела государственной и муниципальной службы НИЦ ПУ и ГС Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте РБ.

Шаяхметов Ф.Ф. (г. Уфа, Россия), доцент кафедры зарубежной истории Башкирского государственного университета, кандидат исторических наук.

Шишкин В.В. (г. Омск, Россия), преподаватель кафедры гражданского права Омской юридической академии.

Шишкина А.Р. (г. Москва, Россия), младший научный сотрудник лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», магистр политологии.

Юнусова А.Б. (г. Уфа, Россия), директор Института этнологических исследований им Р. Г. Кузеева УНЦ РАН, доктор исторических наук, профессор.

Янгареев Р.Р. (г. Москва, Россия), студент факультета политологии Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России.

Янгиров А.В. (г. Уфа, Россия), профессор кафедры макроэкономического развития и государственного управления Башкирского государственного университета, доктор экономических наук.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН РУСТЭМА ЗАКИЕВИЧА ХАМИТОВА	5
ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО И ПОЛНОМОЧНОГО ПОСЛА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОРОЛЕВСТВЕ САУДОВСКАЯ АРАВИЯ, ПОЛНОМОЧНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ РОССИИ ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ ИСЛАМСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ОЛЕГА БОРИСОВИЧА ОЗЕРОВА	6
ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ПРЕЗИДЕНТА МЕЖДУНАРОДНОЙ ТЮРКСКОЙ АКАДЕМИИ ДАРХАНА КУАНДЫКОВИЧА КЫДЫРАЛИ	7

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Искужин Р.Г. ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И САУДОВСКОЙ АРАВИИ	9
Лаврентьев С.Н. РОССИЙСКАЯ «НАРОДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ» И СТРАНЫ АРАБСКОГО ВОСТОКА	12
Морозкин Н.Д. ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БАШКИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В ОБЛАСТИ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ И СОТРУДНИЧЕСТВА С ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ СТРАН ВОСТОКА	17
Григорова Д. ВОСТОК И РОССИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ЕВРАЗИИ	20
Чифчи М. ДИАЛОГ КУЛЬТУР, МИРОВОЗЗРЕНИЙ, СИСТЕМ ОБРАЗОВАНИЙ РОССИИ И ТУРЦИИ	25
Абдалов А. ПРИВЛЕЧЕНИЕ АРАБСКОГО КАПИТАЛА В РЕГИОНЫ РОССИИ ЧЕРЕЗ ИНСТРУМЕНТЫ ИСЛАМСКОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ	26
Сомро М.Х. РОЛЬ СПРОСОРИЕНТИРОВАННОГО НАУЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ИННОВАЦИОННОМ РАЗВИТИИ ЭКОНОМИКИ И РЕГИОНАЛЬНОЙ КООПЕРАЦИИ	32
Зеленев Е.И. ФЕНОМЕН ИСЛАМСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ ЮСЕФА ВАХИДА	35
Хисамитдинова Ф.Г. ВОСТОКОВЕДЕНИЕ В УФИМСКОМ НАУЧНОМ ЦЕНТРЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК	40

КРУГЛЫЙ СТОЛ 1. ВОСТОК В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ И КУЛЬТУРЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Абдимуминов О.Б. ПАРТНЕРСТВО СТРАН СРЕДНЕЙ АЗИИ И ООН	47
---	----

Абдуллажанова Н.Т. ИЗ ИСТОРИИ УЗБЕКСКО-РУССКИХ НАУЧНЫХ СВЯЗЕЙ В ОБЛАСТИ БЕРУНИЕВЕДЕНИЯ	52
Бадретдинова С.А. РЕСПУБЛИКА БАШКОРТОСТАН И ТУРЕЦКАЯ РЕСПУБЛИКА: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ	57
Гайкин В.А. ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ: ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ	62
Гарипов Р.Ф. ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В АРАБСКОМ МИРЕ В XX ВЕКЕ	65
Давлетшин Р.А. ВОСТОК В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ И КУЛЬТУРЕ: МАРКИРОВКА СОЧИНЕНИЯ РАХАТ-И ДИЛ (УСЛАДА СЕРДЦА)	69
Ибрагимов Г.Д. ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ КАК ОСНОВАНИЕ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ ЭТНОСОВ	73
Ишбулдина К.Р. ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ ИЗ ТАДЖИКИСТАНА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ	75
Круглов Е.А. АРАБЫ В ТРУДАХ ПРОКОПИЯ КЕСАРИЙСКОГО	79
Ли С.А. ОСОБЕННОСТИ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПРИЯТИЯ В КУЛЬТУРЕ ВОСТОЧНОГО ТРАДИЦИОННОГО ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ ИСЛАМА И ДЗЕН-БУДДИЗМА)	84
Мармонтова Т.В. «ВОСТОК – ЗАПАД»: К ВОПРОСУ ПОИСКА ПУТЕЙ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	89
Муратшина К.Г. РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ КНИГОИЗДАНИЯ (КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI В.)	93
Нестерова Е.И. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Я.Я. ЛЮТША В ТУРКЕСТАНЕ И КАШГАРЕ (1878–1894)	96
Онгал Г. «АУТСАЙДЕРЫ»: ТУРЦИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЕС (НОВЫЕ СТРАТЕГИ ДАВНИХ КУЛЬТУРНЫХ СОГЛАШЕНИЙ)	101
Раванди-Фадаи Л.М. КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ РОССИИ И ИРАНА (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА МАРКОВА)	104
Столь А.Б. ИДЕИ БУДДИЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ	107
Сухов Н.В. ГУМАНИТАРНЫЕ СВЯЗИ РОССИИ И АРАБСКИХ СТРАН: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	109
Тохметов А.Т. ИСТОРИОГРАФИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 1990-е ГОДЫ	114
Шайхисламов Т.Р. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ И ОТНОШЕНИЯ МАМЛЮКОВ ЕГИПТА С ЗОЛОТОЙ ОРДОЙ	119
Шайхисламов Р.Б., Шайхисламов Т.Р. ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА МАМЛЮКСКОГО ЕГИПТА: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР	124
Шайхулов А.Г., Шайхисламова З.Ф., Асмондьяров В.Н. КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА КАК БАЗА ДЛЯ РАСКРЫТИЯ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ДИАЛЕКТНЫХ ЕДИНИЦ)	127
Шишкина А.Р., Зинькина Ю.В., Исаев Л.М. РОССИЯ И АРАБСКИЙ МИР В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ЕГИПТА, ЙЕМЕНА И СИРИИ)	130

КРУГЛЫЙ СТОЛ 2. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ДИПЛОМАТИЯ НА СЛУЖБЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И СОТРУДНИЧЕСТВА СО СТРАНАМИ ВОСТОКА

Аламяр Х.М. АФГАНИСТАН КАК БУДУЩИЙ СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ИГРОК ДЛЯ СТРАН ЮЖНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: УГРОЗЫ И ВОЗМОЖНОСТИ	136
Алексеев А.К. ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В КАР И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ВОПРОСЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	139
Амиров Н.К. СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН	143
Базиленко И.В. ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И ИРАНА ...	147
Барышева А.В. ПРОБЛЕМА КИПРА В ТУРЕЦКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ (1964–2005 ГГ.). ОТНОШЕНИЯ РОССИИ С РЕСПУБЛИКОЙ КИПР В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ	152
Валиахметова Г.Н. ПРОБЛЕМА НЕФТЕГАЗОВОГО ТРАНЗИТА КАК ФАКТОР КОНФЛИКТНОСТИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ	157
Воднева О.А. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-АФГАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ (СОГЛАСНО ПЛАНУ Е.П. КОВАЛЕВА ОТ 1908 Г.)	162
Галиакбарова Н.М. ВОПРОС О ТУРЦИИ НА ТЕГЕРАНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ (28 НОЯБРЯ – 1 ДЕКАБРЯ 1943 Г.)	167
Герман М.А. КИТАЙСКО-ИРАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ	173
Гиндуллина З.Х. ПЕРВЫЙ АВТОР КНИГ О КАРИМЕ ХАКИМОВЕ. ГРАЖДАНСКИЙ ПОДВИГ ЖУРНАЛИСТА ЛУТФИ ГАДИЛОВА	175
Горбачев С.Б. ДЕЙСТВИЯ ЗАПАДА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ «ДВОЙНЫХ СТАНДАРТОВ»	178
Грибкова Д.Е. ЗАРОЖДЕНИЕ РОССИЙСКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЙ	181
Евстифеев А.С. БАШКИРСКИЙ ВКЛАД В ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ СССР И СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА	185
Енченко Н.В. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И КИТАЯ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЫ.....	188
Кантимирова Р.И. ИНОСТРАННЫЕ КОНЦЕССИИ В ИРАНЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.....	191
Красовицкая Т.Ю. ВОСТОЧНЫЕ ЭЛИТЫ РОССИИ: ВЕКТОРЫ МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННОГО И МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (РУБЕЖ XIX–XX ВВ.)	195
Кузьмин В.А. ПРЕДСТАВИТЕЛЬ СССР В САУДОВСКОЙ АРАВИИ НАЗИР ТЮРЯКУЛОВ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БРИТАНСКОГО АГЕНТА ДЖОНА ФИЛБИ	200
Литвинов В.П. РОССИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ НА ВОСТОКЕ И ЕЕ РОЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ НУЖД ПАЛОМНИКОВ-МУСУЛЬМАН (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)	202
Литвинов П.П. КИТАЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И «ПАМИРСКИЙ ВОПРОС» В КОНЦЕ XIX ВЕКА	207

Логинов Ф.М. РОЛЬ ТУРЦИИ В УСИЛИЯХ СОВЕТСКОЙ ДИПЛОМАТИИ ПО УКРЕПЛЕНИЮ ПОЗИЦИИ СССР НА БАЛКАНАХ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	212
Махнев С.Д. ОСОБЕННОСТИ СИРИЙСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ 2011–2014 ГГ.	214
Момынкулов Ж.Б. СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ СТРАН В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСТВА	218
Мухаметов Р.С. ШОС КАК ИНСТРУМЕНТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ	222
Озеров О.Б. ГИБЕЛЬ «КРАСНОГО ПАШИ»	225
Павлова О.С. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В КИТАЕ: ОПЫТ ПОЛИТИЧЕСКИХ И МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.	238
Рахматуллин Э.И. НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И ИРАНА	242
Романов С.Ю., Муллагалиева Л.К. ГЕНЕЗИС СОВЕТСКОЙ ДИПЛОМАТИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ	245
Рыжов И.В., Бородина М.Ю. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКО-АРАБСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	247
Тухватуллин Р.Р. ЦЕНТРАЛЬНАЯ (СРЕДНЯЯ) АЗИЯ В СТРАТЕГИЯХ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И США	250
Ульянова И.В. УЧАСТИЕ РОССИИ В БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ	255
Фаткулин Б.Г. ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ЭКСПЕРТНЫМИ СООБЩЕСТВАМИ СТРАН СРЕДНЕГО ВОСТОКА (НА ПРИМЕРЕ РОССИЕВЕДЧЕСКОГО ЭКСПЕРТНОГО СООБЩЕСТВА ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН)	258
Хамид Г.Р., Хагамова Д.Д. РОО РУДН «ДОМ ДРУЖБЫ И КУЛЬТУРЫ КОРОЛЕВСТВА МАРОККО И РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН – ДАР АЛЬ МАГРИБ» В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН, КАК УЧАСТНИК ГРАЖДАНСКОЙ (НАРОДНОЙ) ДИПЛОМАТИИ В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ БАШКИРСКО-МАРОККАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ	262
Черникова Л.П. ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И КИТАЯ (СОВЕТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ)	265
Шакирова А.Р. РОССИЯ И КОРОЛЕВСТВО МАРОККО: АСПЕКТЫ СОТРУДНИЧЕСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	268
Шаяхметов А.М. РАЗВИТИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ МЕЖДУ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИЕЙ И СТРАНАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В 1990-е ГОДЫ В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ СПЕЦИФИЧЕСКИХ СИСТЕМ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА	270
Шаяхметов Ф.Ф. ВОСТОЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОЙ РОССИИ / СССР	275

КРУГЛЫЙ СТОЛ 3. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И СТРАН ВОСТОКА

Абреу Бастос О. ВКЛАД ЖЕНЩИН-ИММИГРАНТОК ИЗ СТРАН БЫВШЕГО СОВЕТСКОГО СОЮЗА В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ВОСТОЧНЫХ СТРАН (НА ПРИМЕРЕ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ)	281
--	-----

Асфандиярова А.А. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ СО СТРАНАМИ СРЕДНЕЙ АЗИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.	283
Веденеев И.Н. ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И ТУРЦИИ В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ	287
Кашаев Н.Х., Галлямова Э.М. ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И КИТАЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	290
Еникеева Д.Д. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ КОНКУРЕНЦИИ МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И РЕСПУБЛИКОЙ КАЗАХСТАН	293
Зайцева Г.В. РОЛЬ МАЛОГО БИЗНЕСА В РАЗВИТИИ ЭКОНОМИКИ КИТАЯ И РОССИИ	297
Зиннатуллин Р.М., Евсютина О.В. РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ НЕФТЕГАЗОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: ПРИЗНАКИ НОВОГО УРОВНЯ	302
Ишмухаметов Н.С., Янгиров А.В. РОЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В РАЗВИТИИ ИСЛАМСКИХ ФИНАНСОВЫХ УСЛУГ	305
Карпов В.П. РОССИЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: НЕФТЕГАЗОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	308
Косых Е.С. «БРИКСОНОМИКА»: СТАРТ В БУДУЩЕЕ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ?	312
Миянов Р.А. ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЙ ВЕКТОР РОССИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ	316
Мурзагильдин Н.Т. ИНВЕСТИЦИОННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ С АРАБСКИМИ СТРАНАМИ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ	320
Насырова Н.С. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КОРОЛЕВСТВА САУДОВСКАЯ АРАВИЯ	324
Саидов С.Ш. ВОДНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ПОЛИТИЧЕСКИЙ	326
Упрямец С.В. ИЗМЕНЕНИЕ ОБЪЕМА ВНЕШНЕТОРГОВОГО ОБОРОТА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1913–1914 ГГ. (ПО ЕВРОПЕЙСКОМУ И АЗИАТСКОМУ ТАМОЖЕННЫМ УЧАСТКАМ)	328
Фролова И.В., Давыдов А.А. ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКИХ ГОСУДАРСТВ СНГ В РОССИЙСКУЮ ФЕДЕРАЦИЮ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ	332
Шарипов Ш.З. ПРОЦЕСС ПРИВАТИЗАЦИИ В УЗБЕКИСТАНЕ: НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ	335

КРУГЛЫЙ СТОЛ 4. РОЛЬ ИСЛАМСКОГО ФАКТОРА В ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ И В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Азизов А.Р. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СССР-РОССИИ И СТРАН МУСУЛЬМАНСКОГО МИРА	338
Бадртдинов Р.М. АРАБО-МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ	340
Баимов А.Г. К ПРОБЛЕМЕ МЕЖРЕЛИГИОЗНЫХ КОНТАКТОВ МЕЖДУ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ ВС РФ	342

Вольтер О.В. ПРАВОСЛАВИЕ И ИСЛАМ КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ И ДУХОВНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОСНОВА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА	345
Газизов Р.Р. ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В БАШКОРТОСТАНЕ НАЧАЛЕ 90-х гг. XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ДВИЖЕНИЯ ЗА ПРАВОВОЙ СТАТУС РЕСПУБЛИКИ)	353
Гибадуллина Е.Ш. ВЕКТОРЫ РЕЛИГИОЗНОГО ОБНОВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: ИСЛАМ И ХРИСТИАНСТВО	356
Гусева Ю.Н. М.БИГИЕВ И «ИСЛАМСКАЯ» ДИПЛОМАТИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ 1920-х ГОДОВ	361
Исаев Л.М. ИСТОКИ НОВОЙ ИРАКСКОЙ ВОЙНЫ	365
Кашаев Н.Х. О ПЕРСПЕКТИВАХ ИСЛАМСКОГО БАНКИНГА В РОССИИ	371
Кляшев А.Н. ЭТНИЧЕСКИЕ МУСУЛЬМАНЕ И ПРОТЕСТАНТСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН	376
Кулбахтина А.З. ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ (НА ПРИМЕРЕ БАШКОРТОСТАНА)	378
Лукманова Р.Х. ЗНАНИЕ И ПОЗНАНИЕ В ИСЛАМСКОМ ПЕРИПАТЕТИЗМЕ	382
Мухаметзянова-Дуггал Р.М. ОПЫТ ИНДИИ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ МУСУЛЬМАНСКОГО МЕНЬШИНСТВА	385
Надыршин Т.М. ПРЕПОДАВАНИЕ ЗНАНИЙ ОБ ИСЛАМЕ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ	388
Садыхова А.А., Садыхова Н.И. ИСЛАМИЗМ (ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИСЛАМ) В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕРМИНА	392
Салманова З.Ф. ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВ МУСУЛЬМАНСКОЙ ЭСТЕТИКИ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	396
Сунаева Г.Г., Шарипова И.М., Шарипова Д.С. ИСЛАМСКИЕ ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ В РОССИИ	400
Финогентов В.Н. РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЙ – ПУТЬ К ВЗАИМОПОНИМАНИЮ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗЛИЧНЫХ КУЛЬТУР	405
Хабибуллина З.Р. СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И САУДОВСКОЙ АРАВИИ ПО ВОПРОСАМ ПАЛОМНИЧЕСТВА МУСУЛЬМАН	410
Целищев А.О. ОТ СЕВРСКОГО К ЛОЗАННСКОМУ МИРНОМУ ДОГОВОРУ	412
Шишкин В.В. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РАЗВИТИЯ ИСЛАМА НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН В ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА	418
Юнусова А.Б. УРАЛЬСКИЙ ВЕКТОР ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОГО АНТРОПОТОКА: МИГРАНТЫ В СОВРЕМЕННОМ БАШКОРТОСТАНА	420
Янгарева Р.Р. ВЛИЯНИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ РАДИКАЛЬНОГО ИСЛАМА НА ПОЛИТИКУ РОССИИ И КИТАЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	428

Макулов Р.И., Миннигулова Д.Б. «БАШКИРСКИЙ СЛЕД» В СОВЕТСКОЙ ДИПЛОМАТИИ.....	434
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	436

Научное издание

РОССИЯ И СТРАНЫ ВОСТОКА: ВЕКТОРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И СОТРУДНИЧЕСТВА

Материалы Международной научно-практической конференции,
посвященной 125-летию со дня рождения советского дипломата
и общественно-политического деятеля, уроженца Республики Башкортостан
КАРИМА АБДРАУФОВИЧА ХАКИМОВА

Корректоры: *Х.З. Алтынбаева, Р.М. Зарипова, Л.Д. Петрова*
Технический редактор: *М.М. Мустафин*
Компьютерная верстка: *А.Е. Вересов*

Подписано в печать 26.12.2015 г. Формат 60x84¹/₈. Бумага офисная «Снегурочка».

Гарнитура «Таймс». Печать на ризографе. Усл. печ.л. 52,08. Уч.-изд.л. 54,01.

Тираж 500 экз. Заказ №12

Издательство «Гилем» НИК «Башкирская энциклопедия»
450006, г. Уфа, ул. Революционная, 55. Тел.: (347) 250-06-72, 250-06-80, 273-05-93
gilem_anrb@mail.ru, pr@bashenc.ru

Отпечатано в типографии издательства «Гилем» НИК «Башкирская энциклопедия»